

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Федор Достоевский

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

✱

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

2-Е ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОМА 1—17

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2020

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ВЕЧНЫЙ МУЖ

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИДИОТ
ВЕЧНЫЙ МУЖ
НАБРОСКИ И ПЛАНЫ
(1868—1870)

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Д70

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ:

В. Г. Базанов (главный редактор), *В. В. Виноградов*, *Ф. Я. Прийма*,
Г. М. Фридлендер (заместитель главного редактора), *М. Б. Храпченко*

Текст подготовили и примечания составили:

И. А. Битюгова, *Т. П. Голованова*, *В. В. Дудкин*, *Т. А. Лапицкая*,
И. Э. Серман, *Н. Н. Соломина*, *Г. М. Фридлендер*

Редакторы 9-го тома *Т. П. Голованова*, *Г. М. Фридлендер*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ:

В. Е. Багно (главный редактор), *И. А. Битюгова*, *Н. Ф. Буданова*,
В. Д. Рак (заместитель главного редактора), *И. Д. Якубович*

Тексты подготовила *Н. А. Тарасова*

Примечания обновили, дополнили и исправили:

А. М. Березкин, *О. Е. Волчек*, *В. М. Димитриев*, *С. А. Кибальник*,
К. Н. Отева, *В. Д. Рак*, *Н. А. Тарасова*, *Т. Б. Трофимова-Шифф*,
С. Алоэ, *Б. Баррос Гарсиа*, *А. А. Гонсалес*, *Л. Перес Диатто*,
Чжан Бяньгэ, *А. Дуккон*, *Э. Димитров*, *Ю. Корриган*,
Д. Риникер, *У. Шмид*, *Н. Саису*, *Т. Сухарски*

Редактор 9-го тома *Н. А. Тарасова*

Контрольные рецензенты *В. Е. Багно*, *В. Д. Рак*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 20-112-00111, не подлежит продаже*

© Березкин А. М., Волчек О. Е., Димитриев В. М.,
Кибальник С. А., Отева К. Н., Рак В. Д., Тара-
сова Н. А., Трофимова-Шифф Т. Б., Алоэ С.,
Баррос Гарсиа Б., Гонсалес А. А., Перес Диат-
то Л., Чжан Бяньгэ, Дуккон А., Димитров Э.,
Корриган Ю., Риникер Д., Шмид У., Саису Н.,
Сухарски Т., составление, подготовка текстов,
примечания, 2020

© Российская Академия наук, 2020

ISBN 978-5-02-040327-7 (т. 9)
ISBN 978-5-02-038288-6

© Редакционно-издательское оформление. Изда-
тельство «Наука», 2020

ВЕЧНЫЙ МУЖ

РАССКАЗ

I

ВЕЛЬЧАНИНОВ

Пришло лето — и Вельчанинов, сверх ожидания, остался в Петербурге. Поездка его на юг России расстроилась, а делу и конца не предвиделось. Это дело — тяжба по имению — принимало предурной оборот. Еще три месяца тому назад оно имело вид весьма несложный, чуть не бесспорный; но как-то вдруг всё изменилось. «Да и вообще всё стало изменяться к худшему!» — эту фразу Вельчанинов с злорадством 10 и часто стал повторять про себя. Он употреблял адвоката ловкого, дорогого, известного, и денег не жалел; но в нетерпении и от мнительности повадился заниматься делом и сам: читал и писал бумаги, которые сплошь браковал адвокат, бегал по присутственным местам, наводил справки и, вероятно, очень мешал всему; по крайней мере адвокат жаловался и гнал его на дачу. Но он даже и на дачу выехать не решился. Пыль, духота, белые петербургские ночи, раздражающие нервы, — вот чем наслаждался он в Петербурге. Квартира его была где-то у Большого театра, недавно нанятая им, и тоже не удалась; «всё не удавалось!» Ипохондрия его росла с каждым днем; но к ипохондрии он уже был 20 склонен давно.

Это был человек много и широко поживший, уже далеко не молодой, лет тридцати восьми или даже тридцати девяти, и вся эта «старость» — как он сам выражался — пришла к нему «совсем почти неожиданно»; но он сам понимал, что состарелся скорее не количеством, а, так сказать, качеством лет и что если уж и начались его немощи, то скорее изнутри, чем снаружи. На взгляд он и до сих пор смотрел молодцом. Это был парень высокий и плотный, светло-рус, густоволос и без единой сединки в голове и в длинной, чуть не до половины груди, русой бороде; — с первого взгляда как бы несколько неуклюжий и опу- 30

стившийся; но, взглядевшись пристальнее, вы тотчас же отличили бы в нем господина, выдержанного отлично и когда-то получившего воспитание самое великосветское. Приемы Вельчанинова и теперь были свободны, смелы и даже грациозны, несмотря на всю благоприобретенную им брюзгливость и мешковатость. И даже до сих пор он был полон самой непоколебимой, самой великосветски нахальной самоуверенности, которой размера, может быть, и сам не подозревал в себе, несмотря на то что был человек не только умный, но даже иногда толковый, почти образованный и с несомненными дарованиями. Цвет лица его, открытого и румяного, отличался в старину женственным нежностью и обращал на него внимание женщин; да и теперь иной, взглянув на него, говорил: «Экой здоровенный, кровь с молоком!» И, однако ж, этот «здоровенный» был жестоко поражен ипохондрией. Глаза его, большие и голубые, лет десять назад имели тоже много в себе победительного; это были такие светлые, такие веселые и беззаботные глаза, что невольно влекли к себе каждого, с кем только он ни сходил. Теперь, к сороковым годам, ясность и доброта почти погасли в этих глазах, уже окружившихся легкими морщинками; в них появились, напротив, цинизм не совсем нравственного и уставшего человека, хитрость, всего чаще насмешка и еще новый оттенок, которого не было прежде: оттенок грусти и боли — какой-то рассеянной грусти, как бы беспредметной, но сильной. Особенно проявлялась эта грусть, когда он оставался один. И странно, этот шумливый, веселый и рассеянный всего еще года два тому назад человек, так славно рассказывавший такие смешные рассказы, — ничего так не любил теперь, как оставаться совершенно один. Он намеренно оставил множество знакомств, которых даже и теперь мог бы не оставлять, несмотря на окончательное расстройство своих денежных обстоятельств. Правда, тут помогло тщеславие: с его мнительностью и тщеславием нельзя было вынести прежних знакомств. Но и тщеславие его, мало-помалу, стало изменяться в уединении. Оно не уменьшилось, даже — напротив; но оно стало вырождаться в какое-то особое рода тщеславие, которого прежде не было: стало иногда страдать уже совсем от других причин, чем обыкновенно прежде, — от причин неожиданных и совершенно прежде немыслимых, от причин «более высших», чем до сих пор, — «если только можно так выразиться, если действительно есть причины высшие и низшие...» Это уже прибавлял он сам.

Да, он дошел и до этого; он бился теперь с какими-то причинами *высшими*, о которых прежде и не задумался бы. В сознании своем и по совести он называл *высшими* все «причины», над которыми (к удивлению своему) никак не мог про себя засмеяться, — чего до сих пор еще не бывало, — про себя, разумеется; о, в обществе дело другое! Он превосходно знал, что сойдись только обстоятельства — и назавтра же он, вслух, несмотря на все таинственные и благоговейные решения своей совести, преспокойно отречется от всех этих «высших причин» и сам, первый, подымет их на смех, разумеется не признаваясь ни в чем. И это было действительно так, несмотря на некоторую, весьма даже

значительную долю независимости мысли, отвоеванную им в последнее время у обладавших им до сих пор «низших причин». Да и сколько раз сам он, вставая наутро с постели, начинал стыдиться своих мыслей и чувств, пережитых в ночную бессонницу! (А он сплошь, всё последнее время страдал бессонницей.) Давно уже он заметил, что становится чрезвычайно мнителен во всем, и в важном и в мелочах, а потому и положил было доверять себе как можно меньше. Но выдавались, однако же, факты, которых уж никак нельзя было не признать действительно существующими. В последнее время, иногда по ночам, его мысли и ощущения почти совсем переменялись, в сравнении с всегдашними, и 10
большую часть отнюдь не походили на те, которые выпадали ему на первую половину дня. Это его поразило — и он даже посоветовался с известным доктором, правда человеком ему знакомым; разумеется, заговорил с ним шутя. Он получил в ответ, что факт изменения и даже раздвоения мыслей и ощущений по ночам во время бессонницы, и вообще по ночам, — есть факт всеобщий между людьми «сильно мыслящими и сильно чувствующими», — что убеждения всей жизни иногда внезапно менялись под меланхолическим влиянием ночи и бессонницы; вдруг ни с того ни с сего самые роковые решения предпринимались; но что, конечно, всё до известной меры — и если наконец субъект уже 20
слишком ощущает на себе эту раздвоенность, так что дело доходит до страдания, то бесспорно это признак, что уже образовалась болезнь; а стало быть, надо немедленно что-нибудь предпринять. Лучше же всего изменить радикально образ жизни, изменить диету, или даже предпринять путешествие. Полезно, конечно, слабительное.

Вельчанинов дальше слушать не стал; но болезнь была ему совершенно доказана.

«Итак, всё это только болезнь, всё это „высшее“ одна болезнь и больше ничего!» — язвительно восклицал он иногда про себя. Очень уж ему не хотелось с этим согласиться. 30

Скоро, впрочем, и по утрам стало повторяться то же, что происходило в исключительные ночные часы, но только с большею желчью, чем по ночам, со злостью вместо раскаяния, с насмешкой вместо умиления. В сущности это были всё чаще и чаще приходившие ему на память, «внезапно и Бог знает почему», иные происшествия из его прошедшей и давнопрошедшей жизни, но приходившие каким-то особенным образом. Вельчанинов давно уже, например, жаловался на потерю памяти: он забывал лица знакомых людей, которые, при встречах, за это на него обижались; книга, прочитанная им полгода назад, забывалась в этот срок иногда совершенно. И что же? — несмотря на эту очевидную, 40
ежедневную утрату памяти (о чем он очень беспокоился) — всё, что касалось давнопрошедшего, всё, что по десяти, по пятнадцати лет бывало даже совсем забыто, — всё это вдруг иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною точностью впечатлений и подробностей, что как будто бы он вновь их переживал. Некоторые из припоминавшихся фактов были до того забыты, что ему уже одно то казалось чудом, что они могли припомниться. Но это еще было не всё; да и у

кого из широко поживших людей нет своего рода воспоминаний? Но дело в том, что всё это припоминавшееся возвращалось теперь как бы с заготовленной кем-то, совершенно новой, неожиданной и прежде совсем немыслимой точкой зрения на факт. Почему иные воспоминания казались ему теперь совсем преступлениями? И не в одних приговорах его ума было дело: своему мрачному, одиночному и больному уму он бы и не поверил; но доходило до проклятий и чуть ли не до слез, если и не наружных, так внутренних. Да он еще два года тому назад и не поверил бы, если б ему сказали, что он когда-нибудь заплачет! Сначала, 10
впрочем, припоминалось больше не из чувствительного, а из язвительного: припоминались иные светские неудачи, унижения; вспоминалось о том, например, как его «оклеветал один интриган», вследствие чего его перестали принимать в одном доме, — как, например, и даже не так давно, он был положительно и публично обижен, а на дуэль не вызвал, — как осадили его раз одной преостроумной эпиграммой в кругу самых хорошеньких женщин, а он не нашелся, что отвечать. Припомнились даже два-три неуплаченные долга, правда, пустяшные, но долги чести и таким людям, с которыми он перестал водиться и об которых уже говорил дурно. Мучило его тоже (но только в самые злые минуты) 20
воспоминание о двух, глупейшим образом промотанных, состояниях, из которых каждое было значительное. Но скоро стало припоминаться и из «высшего».

Вдруг, например, «ни с того ни с сего», припомнилась ему забытая — и в высочайшей степени забытая им фигура добренького одного старичка чиновника, седенького и смешного, оскорбленного им когда-то, давным-давно, публично и безнаказанно и единственно из одного фанфаронства: из-за того только, чтоб не пропал даром один смешной и удачный каламбур, доставивший ему славу и который потом повторяли. Факт был до того им забыт, что даже фамилии этого старичка он не 30
мог припомнить, хотя сразу представилась вся обстановка приключения в непостижимой ясности. Он ярко припомнил, что старик тогда заступался за дочь, жившую с ним вместе и засидевшуюся в девках и про которую в городе стали ходить какие-то слухи. Старичок стал было отвечать и сердиться, но вдруг заплакал навзрыд при всем обществе, что произвело даже некоторое впечатление. Кончили тем, что для смеха его напоили тогда шампанским и вдоволь насмеялись. И когда теперь припомнил, «ни с того ни с сего», Вельчанинов о том, как старикашка рыдал и закрывался руками как ребенок, то ему вдруг показалось, что как будто он никогда и не забывал этого. И странно: ему всё это казалось 40
тогда очень смешным; теперь же — напротив, и именно подробности, именно закрывание лица руками. Потом он припомнил, как, единственно для шутки, оклеветал одну прехорошенькую жену одного школьного учителя и клевета дошла до мужа. Вельчанинов скоро уехал из этого городка и не знал, чем тогда кончились следствия его клеветы, но теперь он стал вдруг воображать, чем кончились эти следствия, — и Бог знает до чего бы дошло его воображение, если б вдруг не представилось ему одно гораздо ближайшее воспоминание об одной девушке, из простых

мещанок, которая даже и не нравилась ему и которой, признаться, он и стыдился, но с которой, сам не зная для чего, прижил ребенка, да так и бросил ее вместе с ребенком, даже не простившись (правда, некогда было), когда уехал из Петербурга. Эту девушку он разыскивал потом целый год, но уже никак не мог отыскать. Впрочем, таких воспоминаний оказывались чуть не сотни — и так даже, что как будто каждое воспоминание тащило за собою десятки других. Мало-помалу стало страдать и его тщеславие.

Мы сказали уже, что тщеславие его выродилось в какое-то особенное. Это было справедливо. Минутами (редкими, впрочем) он доходил иногда до такого самозабвения, что не стыдился даже того, что не имеет 10 своего экипажа, что слоняется пешком по присутственным местам, что стал несколько небрежен в костюме, — и случись, что кто-нибудь из старых знакомых обмерял бы его насмешливым взглядом на улице, или просто вздумал бы не узнать, то, право, у него достало бы настолько высокомерия, чтоб даже и не поморщиться. Серьезно не поморщиться, вправду, а не то что для одного виду. Разумеется, это бывало редко, это были только минуты самозабвения и раздражения, но все-таки тщеславие его стало мало-помалу удаляться от прежних поводов и сосредоточиваться около одного вопроса, непрерывно приходившего ему на ум. 20

«Вот ведь, — начинал он думать иногда сатирически (а он всегда почти, думая о себе, начинал с сатирического), — вот ведь кто-то там заботится же об исправлении моей нравственности и посылает мне эти проклятые воспоминания и „слезы раскаяния“. Пусть, да ведь попусту! ведь всё стрельба холостыми зарядами! Ну не знаю ли я наверно, вернее чем наверно, что, несмотря на все эти слезные раскаяния и самоосуждения, во мне нет ни капельки самостоятельности, несмотря на все мои глупейшие сорок лет! Ведь случись завтра же такое же искушение, ну сойдишь, например, опять учительства так, что мне выгодно будет слух распустить, будто бы учительша от меня подарки принимала, — и 30 я ведь наверное распушу, не дрогну — и еще хуже, пакостнее, чем в первый раз, дело выйдет, потому что этот раз будет уже второй раз, а не первый. Ну, оскорби меня опять, сейчас, этот князек, единственный сын у матери и которому я одиннадцать лет тому назад ногу отстрелил, — и я тотчас же его вызову и посажу опять на деревяшку. Ну, не холостые ли, стало быть, заряды и что в них толку! и для чего напоминать, когда я хоть сколько-нибудь развязаться с собой прилично не умею!»

И хоть не повторялось опять факта с учительшей, хоть не сажал он никого на деревяшку, но одна мысль о том, что это непременно должно было бы повториться, если б сошлись обстоятельства, почти убивала его... иногда. Не всегда же в самом деле страдать воспоминаниями; можно отдохнуть и погулять — в антрактах. 40

Так Вельчанинов и делал: он готов был погулять в антрактах; но все-таки чем дальше, тем неприятнее становилось его житье в Петербурге. Подходит уж и июль. Мелькала в нем иногда решимость бросить всё и самую тяжбу и уехать куда-нибудь не оглядываясь, как-нибудь вдруг, нечаянно, хоть туда же в Крым, например. Но через час, обык-

новенно, он уже презирал свою мысль и смеялся над ней: «Эти скверные мысли ни на каком юге не прекратятся, если уж раз начались и если я хоть сколько-нибудь порядочный человек, а стало быть, нечего и бежать от них, да и незачем».

«Да и к чему бежать, — продолжал он философствовать с горя, — здесь так пыльно, так душно, в этом доме так всё запахнано; в этих присутствиях, по которым я слоняюсь, между всеми этими деловыми людьми — столько самой мышиной суеты, столько самой толкучей заботы; во всем этом народе, оставшемся в городе, на всех этих лицах, мелькающих с утра до вечера, — так наивно и откровенно рассказано всё их себялюбие, всё их простодушное нахальство, вся трусливость их душонок, вся куриность их сердчишек, — что, право, тут рай ипохондрику, самым серьезным образом говоря! Всё откровенно, всё ясно, всё не считает даже нужным и прикрываться, как где-нибудь у наших барынь на дачах, или на водах за границей; — а стало быть, всё гораздо достойнее полнейшего уважения за одну только откровенность и простоту... Никуда не уеду! Лопну здесь, а никуда не уеду!...»

II

ГОСПОДИН С КРЕПОМ НА ШЛЯПЕ

20 Было третье июля. Духота и жар стояли нестерпимые. День для Вельчанинова выдался самый хлопотливый: всё утро пришлось ходить и разезжать, а в перспективе предстояла непременно надобность сегодня же вечером посетить одного нужного господина, одного дельца и статского советника на его даче, где-то на Черной речке, и захватить его неожиданно дома. Часу в шестом Вельчанинов вошел наконец в один ресторан (весьма сомнительный, но французский) на Невском проспекте, у Полицейского моста, сел в своем обычном углу за свой столик и спросил свой ежедневный обед.

Он съедал ежедневно обед в рубль и за вино платил особенно, что и считал жертвой, благоразумно им приносимой расстроенным своим 30 обстоятельствам. Удивляясь, как можно есть такую дрянь, он уничтожал, однако же, всё до последней крошки — и каждый раз с таким аппетитом, как будто перед тем не ел трое суток. «Это что-то болезненное», — бормотал он про себя, замечая иногда свой аппетит. Но в этот раз он уселся за свой столик в самом сквернейшем расположении духа, с сердцем отбросил куда-то шляпу, облокотился и задумался. Завозись теперь как-нибудь обедавший с ним рядом сосед или не пойми его с первого слова прислуживавший ему мальчишка — и он, так умевший быть вежливым и, когда надо, так свысока невозмутимым, наверно бы 40 расшумелся, как юнкер, и, пожалуй, сделал бы историю.

Подали ему суп, он взял ложку, но вдруг, не успев зачерпнуть, бросил ложку на стол и чуть не вскочил со стула. Одна неожиданная мысль внезапно осенила его: в это мгновение он — и Бог знает каким

процессом — вдруг вполне осмыслил причину своей тоски, своей особенной отдельной тоски, которая мучила его уже несколько дней сряду, всё последнее время, Бог знает как привязалась и Бог знает почему не хотела никак отвязаться; теперь же он сразу всё разглядел и понял как свои пять пальцев.

— Это всё эта шляпа! — пробормотал он как бы вдохновенный: — единственно одна только эта проклятая круглая шляпа, с этим мерзким траурным крепом, *всему* причиною!

Он стал думать — и чем далее вдумывался, тем становился угрюмее, и тем удивительнее становилось в его глазах «всё происшествие». 10

«Но... но какое же тут, однако, происшествие? — протестовал было он, не доверяя себе, — есть ли тут хоть что-нибудь похожее на происшествие?»

Всё дело состояло вот в чем: почти уже тому две недели (по-настоящему он не помнил, но, кажется, было две недели), как встретил он в первый раз, на улице, где-то на углу Подъяческой и Мещанской, одного господина с крепом на шляпе. Господин был как и все, ничего в нем не было такого особенного, прошел он скоро, но посмотрел на Вельчанинова как-то слишком уж пристально и почему-то сразу обратил на себя его внимание до чрезвычайности. По крайней мере физиономия 20 его показалась знакомою Вельчанинову. Он очевидно когда-то и где-то встречал ее. «А впрочем, мало ли тысяч физиономий встречал я в жизни — всех не упомнишь!» Пройдя шагов двадцать, он уже, казалось, и забыл про встречу, несмотря на всё первое впечатление. А впечатление, однако, осталось на целый день — и довольно оригинальное: в виде какой-то беспредметной, особенной злобы. Он теперь, через две недели, всё это припоминал ясно; припоминал тоже, что совершенно не понимал тогда, откуда в нем эта злоба, — и не понимал до того, что ни разу даже не сблизил и не сопоставил свое скверное расположение духа во весь тот вечер с утренней встречей. Но господин сам поспешил о себе 30 напомнить и на другой день опять столкнулся с Вельчаниновым на Невском проспекте и опять как-то странно посмотрел на него. Вельчанинов плюнул, но, плюнув, тотчас же удивился своему плевок. — Правда, есть физиономии, возбуждающие сразу беспредметное и бесцельное отвращение. — «Да, я действительно его где-то встречал», — пробормотал он задумчиво, уже полчаса спустя после встречи. Затем опять весь вечер пробыл в сквернейшем расположении духа; даже дурной сон какой-то приснился ночью, и все-таки не пришло ему в голову, что вся причина этой новой и особенной хандры его — один только давешний траурный господин, хотя в этот вечер он не раз вспоминал его. Даже 40 разозлился мимоходом, что «такая дрянь» смеет так долго ему вспоминаться; приписать же ему всё свое волнение наверно почел бы даже унижительным, если б только мысль об том пришла ему в голову. Два дня спустя опять встретились, в толпе, при выходе с одного неевского парохода. В этот, третий, раз Вельчанинов готов был поклясться, что господин в траурной шляпе узнал его и рванулся к нему, отвлекаемый и теснимый толпой; кажется, даже «осмелился» протянуть к нему ру-

ку; может быть, даже вскрикнул и окликнул его по имени. Последнего, впрочем, Вельчанинов не расслышал ясно, но... «кто же, однако, эта каналья и почему он не подходит ко мне, если в самом деле узнаёт и если так ему хочется подойти?» — злобно подумал он, садясь на извозчика и отправляясь к Смольному монастырю. Через полчаса он уже спорил и шумел с своим адвокатом, но вечером и ночью был опять в мерзейшей и самой фантастической тоске. «Уж не разливается ли желчь?» — мнительно спрашивал он себя, глядясь в зеркало.

10 Это была третья встреча. Потом дней пять сряду решительно «никто» не встречался, а об «каналье» и слух замер. А между тем нет-нет да и вспомнится господин с крепом на шляпе. С некоторым удивлением ловил себя на этом Вельчанинов: «Что мне тошно по нем, что ли? — Гм!.. А тоже, должно быть, у него много дела в Петербурге, — и по ком это у него креп? Он, очевидно, узнавал меня, а я его не узнаю. И зачем эти люди надевают креп? К ним как-то нейдет... Мне кажется, если я поближе всмотрюсь в него, я его узнаю...»

И что-то как будто начинало шевелиться в его воспоминаниях, как какое-нибудь известное, но вдруг почему-то забытое слово, которое из всех сил стараешься припомнить: знаешь его очень хорошо — и знаешь 20 про то, что именно оно означает, около того ходишь; но вот никак не хочет слово припомниться, как ни бейся над ним!

«Это было... Это было давно... и это было где-то... Тут было... тут было... — ну да черт с ним совсем, что тут было и не было!.. — злобно вскричал он вдруг; — и стоит ли об эту каналью так пакоститься и унижаться!..»

Он рассердился ужасно; но вечером, когда ему вдруг припомнилось, что он давеча рассердился и «ужасно», — ему стало чрезвычайно неприятно: кто-то как будто поймал его в чем-нибудь. Он смутился и удивился:

30 «Есть же, стало быть, причины, по которым я так злоюсь... ни с того ни с сего... при одном воспоминании...» Он не dokonчил своей мысли.

А на другой день рассердился еще пуще, но в этот раз ему показалось, что есть за что и что он совершенно прав; «дерзость была неслыханная»: дело в том, что произошла четвертая встреча. Господин с крепом явился опять, как будто из-под земли. Вельчанинов только что поймал на улице того самого статского советника и нужного господина, которого он и теперь ловил, чтобы захватить хоть на даче нечаянно, потому что этот чиновник, едва знакомый Вельчанинову, но нужный по делу, и тогда, как и теперь, не давался в руки и очевидно прятался, 40 всеми силами не желая с своей стороны встретиться с Вельчаниновым; обрадовавшись, что наконец-таки с ним столкнулся, Вельчанинов пошел с ним рядом, спеша, заглядывая ему в глаза и напрягая все силы, чтобы навести седого хитреца на одну тему, на один разговор, в котором тот, может быть, и проговорился бы и выронил бы как-нибудь одно искомое и давно ожидаемое словечко; но седой хитрец был тоже себе на уме, отсмеивался и отмалчивался, — и вот именно в эту, чрезвычайно хлопотливую, минуту взгляд Вельчанинова вдруг отличил на противу-

положном тротуаре улицы господина с крепом на шляпе. Он стоял и пристально смотрел оттуда на них обоих; он следил за ними — это было очевидно — и, кажется, даже подсмеивался.

«Черт возьми! — взбесился Вельчанинов, уже проводив чиновника и приписывая всю свою с ним неудачу внезапному появлению этого „нахала“, — черт возьми, шпионит он, что ли, за мной! Он, очевидно, следит за мной! Нанят, что ли, кем-нибудь и... и... и, ей-Богу же, он подсмеивался! Я, ей-Богу, исколочу его... Жаль только, что я хожу без палки! Я куплю палку! Я этого так не оставляю! Кто он такой? Я непременно хочу знать, кто он такой?»

10

Наконец — ровно три дня спустя после этой (четвертой) встречи — мы застаем Вельчанинова в его ресторане, как мы и описывали, уже совершенно и серьезно взволнованного и даже несколько потерявшегося. Не сознаться в этом не мог даже и сам он, несмотря на всю гордость свою. Принужден же был он, наконец, догадаться, сопоставив все обстоятельства, что всей хандры его, всей этой *особенной* тоски его и всех его двухнедельных волнений — причиною был не кто иной, как этот самый траурный господин, «несмотря на всю его ничтожность».

«Пусть я ипохондрик, — думал Вельчанинов, — и, стало быть, из мухи готов слона сделать, но, однако же, легче ль мне от того, что всё это *может быть* только одна фантазия? Ведь если каждая подобная шельма в состоянии будет совершенно перевернуть человека, то ведь это... ведь это...»

20

Действительно, в этой сегодняшней (пятой) встрече, которая так взволновала Вельчанинова, слон явился совсем почти мухой: господин этот, как и прежде, юркнул мимо, но в этот раз уже не разглядывая Вельчанинова и не показывая, как прежде, вида, что его узнаёт, — а, напротив, опустив глаза и, кажется, очень желая, чтоб его самого не заметили. Вельчанинов оборотился и закричал ему во всё горло:

— Эй, вы! креп на шляпе! Теперь прятаться! Стойте: кто вы такой? 30

Вопрос (и весь крик) был очень бесполом. Но Вельчанинов догадался об этом, уже прокричав. На крик этот — господин оборотился, на минуту приостановился, потерялся, улыбнулся, хотел было что-то проговорить, что-то сделать, — с минуту, очевидно, был в ужаснейшей нерешимости, и вдруг — повернулся и побежал прочь без оглядки. Вельчанинов с удивлением смотрел ему вслед.

«А что? — подумал он, — что, если и в самом деле не он ко мне, а я, напротив, к нему пристаю, и вся штука в этом?»

Пообедав, он поскорее отправился на дачу к чиновнику. Чиновника не застал; ответили, что «с утра не возвращались, да вряд ли и возвратятся сегодня раньше третьего или четвертого часу ночи, потому что остались в городе у именинника». Уж это было до того «обидно», что, в первой ярости, Вельчанинов положил было отправиться к имениннику и даже в самом деле поехал; но, сообразив на пути, что заходит далеко, отпустил среди дороги извозчика и потащился к себе пешком, к Большому театру. Он чувствовал потребность моциона. Чтoб успокоить взволнованные нервы, надо было ночью выспаться, во что бы то ни ста-

40

ло, несмотря на бессонницу; а чтоб заснуть, надо было, по крайней мере, хоть устать. Таким образом, он добрался к себе уже в половине одиннадцатого, ибо путь был очень не малый, — и действительно очень устал.

Нанятая им в марте месяце квартира его, которую он так злорадно браковал и ругал, извиняясь сам перед собою, что «всё это на походе» и что он «застрял» в Петербурге нечаянно, через эту «проклятую тяжбу», — эта квартира его была вовсе не так дурна и не неприлична, как он сам отзывался об ней. Вход был действительно несколько темноват и «запачкан», из-под ворот; но самая квартира, во втором этаже, состояла из двух больших, светлых и высоких комнат, отделенных одна от другой темною переднею и выходивших, таким образом, одна на улицу, другая во двор. К той, которая выходила окнами во двор, прилегал сбоку небольшой кабинет, назначавшийся служить спальней; но у Вельчанинова валялись в нем в беспорядке книги и бумаги; спал же он в одной из больших комнат, той самой, которая окнами выходила на улицу. Стали ему на диване. Мебель у него стояла порядочная, хотя и подержанная, и находились кроме того некоторые даже дорогие вещи — осколки прежнего благосостояния: фарфоровые и бронзовые игрушки, большие и настоящие бухарские ковры; уцелели даже две недурные картины; но всё было в явном беспорядке, не на своем месте и даже запылено, с тех пор как прислуживавшая ему девушка, Пелагея, уехала на побывку к своим родным в Новгород и оставила его одного. Этот странный факт одиночной и девичьей прислуги у холостого и светского человека, всё еще желавшего соблюдать джентльменство, заставлял почти краснеть Вельчанинова, хотя этой Пелагеей он был очень доволен. Эта девушка определилась к нему в ту минуту, как он занял эту квартиру весной, из знакомого семейного дома, отбывшего за границу, и завела у него порядок. Но с отъездом ее он уже другой женской прислуги нанять не решился; нанимать же лакея, на короткий срок, не стоило, да он и не любил лакеев. Таким образом и устроилось, что комнаты его приходила убирать каждое утро дворничихина сестра Мавра, которой он и ключ оставлял, выходя со двора, и которая ровно ничего не делала, деньги брала и, кажется, воровала. Но он уже на всё махнул рукой и даже был тем доволен, что дома остается теперь совершенно один. Но всё до известной меры — и нервы его решительно не соглашались иногда, в иные желчные минуты, выносить всю эту «пакость», и, возвращаясь к себе домой, он почти каждый раз с отвращением входил в свои комнаты.

Но в этот раз он едва дал себе время раздеться, бросился на кровать и раздражительно решил ни о чем не думать и во что бы то ни стало «сию же минуту» заснуть. И странно, он вдруг заснул, только что голова успела дотронуться до подушки; этого не бывало с ним почти уже с месяц.

Он проспал около трех часов, но сном тревожным; ему снились какие-то странные сны, какие снятся в лихорадке. Дело шло об каком-то преступлении, которое он будто бы совершил и утаил и в котором обвиняли его в один голос беспрерывно входившие к нему откудова-то люди.

Толпа собралась ужасная, но люди всё еще не переставали входить, так что и дверь уже не затворялась, а стояла настежь. Но весь интерес сосредоточился наконец на одном странном человеке, каком-то очень ему когда-то близком и знакомом, который уже умер, а теперь, почему-то, вдруг тоже вошел к нему. Всего мучительнее было то, что Вельчанинов не знал, что это за человек, позабыл его имя и никак не мог вспомнить; он знал только, что когда-то его очень любил. От этого человека как будто и все прочие вошедшие люди ждали самого главного слова: или обвинения, или оправдания Вельчанинова, и все были в нетерпении. Но он сидел неподвижно за столом, молчал и не хотел говорить. Шум не умолкал, раздражение усиливалось, и вдруг Вельчанинов, в бешенстве, ударил этого человека, за то, что он не хотел говорить, и почувствовал от этого странное наслаждение. Сердце его замерло от ужаса и от страдания за свой поступок, но в этом-то замиранье и заключалось наслаждение. Совсем остервенясь, он ударил в другой и в третий раз, и в каком-то опьянении от ярости и от страху, дошедшем до помешательства, но заключавшем тоже в себе бесконечное наслаждение, он уже не считал своих ударов, но бил не останавливаясь. Он хотел всё, всё это разрушить. Вдруг что-то случилось; все страшно закричали и обратились выжидая к дверям, и в это мгновение раздались звонкие три удара в колокольчик, но с такой силой, как будто его хотели сорвать с дверей. Вельчанинов проснулся, очнулся в один миг, стремглав вскочил с постели и бросился к дверям; он был совершенно убежден, что удар в колокольчик — не сон и что действительно кто-то позвонил к нему сию минуту. «Было бы слишком неестественно, если бы такой ясный, такой действительный, осязательный звон приснился мне только во сне!»

Но, к удивлению его, и звон колокольчика оказался тоже сном. Он отворил дверь и вышел в сени, заглянул даже на лестницу — никого решительно не было. Колокольчик висел неподвижно. Подивившись, но и обрадовавшись, он воротился в комнату. Зажигая свечу, он вспомнил, что дверь стояла только припертая, а не запертая на замок и на крюк. Он и прежде, возвращаясь домой, часто забывал запираť дверь на ночь, не придавая делу особенной важности. Пелагея несколько раз за это ему выговаривала. Он воротился в переднюю запереть двери, еще раз отворил их и посмотрел в сених, и наложил только изнутри крючок, а ключ в дверях повернуть все-таки поленился. Часы ударили половину третьего; стало быть, он спал три часа.

Сон до того взволновал его, что он уже не захотел лечь сию минуту опять и решил с полчаса походить по комнате — «время выкурить сигару». Наскоро одевшись, он подошел к окну, приподнял толстую штофную гардину, а за ней белую стору. На улице уже совсем рассвело. Светлые, летние петербургские ночи всегда производили в нем нервное раздражение и в последнее время только помогали его бессоннице, так что он, недели две назад, нарочно завел у себя на окнах эти толстые штофные гардины, не пропускавшие свету, когда их совсем опускали. Впустив свет и забыв на столе зажженную свечку, он стал расхаживать взад и вперед всё еще с каким-то тяжелым и больным чувством. Впе-

чатление сна еще действовало. Серьезное страдание о том, что он мог поднять руку на этого человека и бить его, продолжалось.

— А ведь этого и человека-то нет, и никогда не бывало, всё сон, чего же я ною?

С ожесточением, и как будто в этом совокуплялись все заботы его, он стал думать о том, что решительно становится болен, «больным человеком».

Ему всегда было тяжело сознаваться, что он стареет или хилеет, и со злости он в дурные минуты преувеличивал и то и другое, нарочно
10 чтоб подразнить себя.

— Старчество! совсем стареюсь, — бормотал он, прохаживаясь; — память теряю, привидения вижу, сны, звенят колокольчики... Черт возьми! я по опыту знаю, что такие сны всегда лихорадку во мне означали... Я убежден, что и вся эта «история» с этим крепом — тоже, может быть, сон. Решительно я вчера правду подумал: я, я к нему пристаю, а не он ко мне! Я поэму из него сочинил, а сам под стол от страху залез. И почему я его канальей зову? Человек, может быть, очень порядочный. Лицо, правда, неприятное, хотя ничего особенно некрасивого нет; одет, как и все. Взгляд только какой-то... Опять я за свое! я
20 опять об нем!! и какого черта мне в его взгляде? Жить, что ли, я не могу без этого... висельника?

Между прочими вскакивавшими в его голову мыслями одна тоже больно уязвила его: он вдруг как бы убедился, что этот господин с крепом был когда-то с ним знаком по-приятельски и теперь, встречая его, над ним смеется, потому что знает какой-нибудь его прежний большой секрет, и видит его теперь в таком унижительном положении. Машинально подошел он к окну, чтоб отворить его и дохнуть ночным воздухом, и — и вдруг весь вздрогнул: ему показалось, что перед ним внезапно совершилось что-то неслыханное и необычайное.

30 Окна он еще не успел отворить, но поскорей скользнул за угол оконного откоса и притаился: на пустынном противоположном тротуаре он вдруг увидел, прямо перед домом, господина с крепом на шляпе. Господин стоял на тротуаре лицом к его окнам, но очевидно не замечая его, и любопытно, как бы что-то соображая, выглядывал дом. Казалось, он что-то обдумывал и как бы на что-то решался; приподнял руку и, как будто, приставил палец ко лбу. Наконец решил: бегло огляделся кругом и на цыпочках, крадучись, стал поспешно переходить через улицу. Так и есть: он прошел в их ворота, в калитку (которая летом иной раз до трех часов не запиралась засовом). «Он ко мне идет», — быстро
40 промелькнуло у Вельчанинова, и вдруг, стремглав и точно так же на цыпочках, пробежал он в переднюю к дверям и — затих перед ними, замер в ожидании, чуть-чуть наложив вздрагивавшую правую руку на заложенный им давеча дверной крюк и прислушиваясь изо всей силы к шороху ожидаемых шагов на лестнице.

Сердце его до того билось, что он боялся прослушать, когда взойдет на цыпочках незнакомец. Факта он не понимал, но ощущал всё в какой-то удесyтеренной полноте. Как будто давешний сон слился с дей-

ствительностию. Вельчанинов от природы был смел. Он любил иногда доводить до какого-то щегольства свое бесстрашие в ожидании опасности — даже если на него и никто не глядел, а только любясь сам собою. Но теперь было еще и что-то другое. Давешний ипохондрик и мнительный нытик преобразился совершенно; это был уже вовсе не тот человек. Нервный, неслышный смех порывался из его груди. Из-за затворенной двери он угадывал каждое движение незнакомца.

«А! вот он всходит, взошел, осматривается; прислушивается вниз на лестницу; чуть дышит, крадется... а! взялся за ручку, тянет, пробует! рассчитывал, что у меня не заперто! Значит, знал, что я иногда запереть забываю! Опять за ручку тянет; что ж он думает, что крючок соскочит? Расстаться жаль! Уйти жаль попусту?»

И действительно, всё так наверно и должно было происходить, как ему представлялось: кто-то действительно стоял за дверьми и тихо, неслышно пробовал замок и потягивал за ручку, и — «уж разумеется, имел свою цель». Но у Вельчанинова уже было готово решение задачи и он, с каким-то восторгом, выжидал мгновения, изловчался и примеривался: ему неотразимо захотелось вдруг снять крюк, вдруг отворить настежь дверь и очутиться глаз на глаз с «страшилищем»: «А что, дескать, вы здесь делаете, милостивый государь?»

Так и случилось; улучив мгновение, он вдруг снял крюк, толкнул дверь и — почти наткнулся на господина с крепом на шляпе.

III

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ТРУСОЦКИЙ

Тот как бы онемел на месте. Оба стояли друг против друга, на пороге, и оба неподвижно смотрели друг другу в глаза. Так прошло несколько мгновений, и вдруг — Вельчанинов узнал своего гостя!

В то же время и гость, видимо, догадался, что Вельчанинов совершенно узнал его: это блеснуло в его взгляде. В один миг всё лицо его как бы растаяло в сладчайшей улыбке.

— Я, наверное, имею удовольствие говорить с Алексеем Ивановичем? — почти пропел он нежнейшим и до комизма не подходящим к обстоятельствам голосом.

— Да неужели же вы Павел Павлович Трусозцкий? — выговорил наконец и Вельчанинов с озадаченным видом.

— Мы были с вами знакомы лет девять назад в Т., и — если только позволите мне припомнить — были знакомы дружески.

— Да-с... положим-с... но — теперь три часа, и вы целых десять минут пробовали, заперто у меня или нет...

— Три часа! — вскрикнул гость, вынимая часы и даже горестно удивившись, — так точно: три! Извините, Алексей Иванович, я бы должен был входя сообразить; даже стыжусь. Зайду и объяснюсь на днях, а теперь...

— Э, нет! уж если объясняться, так не угодно ли сию же минуту! — спохватился Вельчанинов, — милости просим сюда, через порог; в комнаты-с. — Вы ведь, конечно, сами в комнаты намеревались войти, а не для того только явились ночью, чтоб замки пробовать...

Он был и взволнован и вместе с тем как бы опешен и чувствовал, что не может сообразиться. Даже стыдно стало: ни тайны, ни опасности — ничего не оказалось из всей фантазмагории; явилась только глупая фигура какого-то Павла Павловича. Но, впрочем, ему совсем не верилось, что это так просто; он что-то смутно и со страхом пред-
10 чувствовал. Усадив гостя в кресла, он нетерпеливо уселся на своей постели, на шаг от кресел, принагнул, уперся ладонями в свои колени и раздражительно ждал, когда тот заговорит. Он жадно его разглядывал и припоминал. Но странно: тот молчал, совсем, кажется, и не понимая, что немедленно «обязан» заговорить; напротив того, сам как бы выжидавшим чего-то взглядом смотрел на хозяина. Могло быть, что он просто робел, ощущая спервоначалу некоторую неловкость, как мышь в мышеловке; но Вельчанинов разозлился:

— Что ж вы! — вскричал он, — ведь вы, я думаю, не фантазия и не сон! В мертвецы, что ли, вы играть пожаловали? Объяснитесь, ба-
20 тышка!

Гость зашевелился, улыбнулся и начал осторожно: — Сколько я вижу, вас, прежде всего, даже поражает, что я пришел в такой час, и — при особенных таких обстоятельствах-с... Так что, помня всё прежнее и то, как мы расстались-с, — мне даже теперь странно-с... А впрочем, я даже и не намерен был заходить-с, и если уж так вышло, то — нечаянно-с...

— Как нечаянно! да я вас из окна видел, как вы на цыпочках через улицу перебегали!

— Ах, вы видели! — ну так вы, пожалуй, теперь больше моего про
30 всё это знаете-с! Но я вас только раздражаю... Вот тут что-с: я приехал сюда уже недели с три, по своему делу... Я ведь Павел Павлович Трусозкий, вы ведь меня сами признали-с. Дело мое в том, что я хлопочу о моем перемещении в другую губернию и в другую службу-с, и на место с значительным повышением... Но, впрочем, всё это тоже не то-с!.. Главное, если хотите, в том, что я здесь слоняюсь, вот уже третью неделю, и, кажется, сам затягиваю мое дело нарочно, то есть о перемещении-то-с, и, право, если даже оно и выйдет, то я, чего доброго, и сам забуду, что оно вышло-с, и не выведу из вашего Петербурга в моем настроении. Слоняюсь, как бы потеряв свою цель и как бы даже
40 радуясь, что ее потерял — в моем настроении-с...

— В каком это настроении? — хмурился Вельчанинов.

Гость поднял на него глаза, поднял шляпу и уже с твердым достоинством указал на креп.

— Да — вот-с в каком настроении!

Вельчанинов тупо смотрел то на креп, то в лицо гостю. Вдруг румянец залил мгновенно его щеки и он заволновался ужасно:

— Неужели Наталья Васильевна!

— Она-с! Наталья Васильевна! В нынешнем марте... Чухотка и почти вдруг-с, в какие-нибудь два-три месяца! И я остался — как вы видите!

Проговорив это, гость в сильном чувстве развел руки в обе стороны, держа в левой на отлете свою шляпу с крепом, и глубоко наклонил свою лысую голову, секунд по крайней мере на десять.

Этот вид и этот жест вдруг как бы освежили Вельчанинова; насмешливая и даже задирающая улыбка скользнула по его губам, — но покамест на одно только мгновение: известие о смерти этой дамы (с которой он был так давно знаком и так давно уже успел позабыть ее) — произвело на него теперь до неожиданности потрясающее впечатление. 10

— Возможно ли это! — бормотал он первые попавшиеся на язык слова; — и почему же вы прямо не зашли и не объявили?

— Благодарю вас за участие, вижу и ценю его, несмотря...

— Несмотря?

— Несмотря на столько лет разлуки, вы отнеслись сейчас к моему горю, и даже ко мне, с таким совершенным участием, что я, разумеется, ощущаю благодарность. Вот это только я и хотел заявить-с. И не то чтобы я сомневался в друзьях моих, я и здесь, даже сейчас могу отыскать самых искренних друзей-с (взять только одного Степана Михайловича Багаутова), но ведь нашему с вами, Алексей Иванович, знакомству (пожалуй, дружбе — ибо с признательностью вспоминаю) прошло девять лет-с, к нам вы не возвращались; писем обоюднo не было... 20

Гость пел как по нотам, но всё время, пока изъяснялся, глядел в землю, хотя, конечно, всё видел и вверх. Но и хозяин уже успел немного сообразиться.

С некоторым весьма странным впечатлением, всё более и более усиливавшимся, прислушивался и приглядывался он к Павлу Павловичу, 30 и вдруг, когда тот приостановился, — самые пестрые и неожиданные мысли неожиданно хлынули в его голову.

— Да отчего же я вас всё не узнавал до сих пор? — вскричал он оживляясь, — ведь мы раз пять на улице сталкивались!

— Да; и я это помню; вы мне всё попадались-с, — раза два, даже, пожалуй, и три...

— То есть — это вы мне всё попадались, а не я вам!

Вельчанинов встал и вдруг громко и совсем неожиданно засмеялся. Павел Павлович приостановился, посмотрел внимательно, но тотчас же опять стал продолжать: 40

— А что вы меня не признали, то, во-первых, могли позабыть-с, и, наконец, у меня даже оспа была, в этот срок, и оставила некоторые следы на лице.

— Оспа? Да ведь и в самом же деле у него оспа была! да как это вас...

— Угораздило? Мало ли чего не бывает, Алексей Иванович; нет-нет да и угораздит!

— Только все-таки это ужасно смешно. Ну, продолжайте, продолжайте, — друг дорогой!

— Я же хоть и встречал тоже вас-с...

— Стойте! Почему вы сказали сейчас: «угораздило»? Я хотел гораздо вежливей выразиться. Ну, продолжайте, продолжайте!

Почему-то ему всё веселее и веселее становилось. Потрясающее впечатление совсем заменилось другим.

Он быстрыми шагами ходил по комнате, взад и вперед.

10 — Я же хоть и встречал тоже вас-с и даже, отправляясь сюда, в Петербург, намерен был непременно вас здесь поискать, но повторяю, я теперь в таком настроении духа... и так умственно разбит с самого с марта месяца...

— Ах да! разбит с марта месяца... Постойте, вы не курите?

— Я, ведь вы знаете, при Наталье Васильевне...

— Ну да, ну да; а с марта-то месяца?

— Папиросочку разве.

— Вот папироска; закуривайте и — продолжайте! продолжайте, вы ужасно меня...

И закулив сигару, Вельчанинов быстро уселся опять на постель.
20 Павел Павлович приостановился.

— Но в каком вы сами-то, однако же, волнении, здоровы ли вы-с?

— Э, к черту об моем здоровье! — обозлился вдруг Вельчанинов. — Продолжайте!

С своей стороны гость, смотря на волнение хозяина, становился довольнее и самоувереннее.

— Да что продолжать-то-с? — начал он опять. — Представьте вы себе, Алексей Иванович, во-первых, человека убитого, то есть не просто убитого, а, так сказать, радикально; человека, после двадцати-
30 летнего супружества переменяющего жизнь и слоняющегося по пыльным улицам без соответственной цели, как бы в степи, чуть не в самозабвении, и в этом самозабвении находящего даже некоторое упоение.

Естественно после того, что я и встречу иной раз знакомого или даже истинного друга, да и обойду нарочно, чтоб не подходить к нему в такую минуту, самозабвения-то то есть. А в другую минуту — так всё припомнишь и так возжаждешь видеть хоть какого-нибудь свидетеля и соучастника того недавнего, но невозвратимого прошлого, и так забьется при этом сердце, что не только днем, но и ночью рискнешь броситься в объятия друга, хотя бы даже и нарочно пришлось его для этого раз-
40 будить в четвертом часу-с. Я вот только в часе ошибся, но не в дружбе; ибо в сию минуту слишком вознагражден-с. А насчет часу, право, думал, что лишь только двенадцатый, будучи в настроении. Пьешь собственную грусть и как бы упиваешься ею. И даже не грусть, а именно новосостояние-то это и бьет по мне...

— Как вы, однако же, выражаетесь! — как-то мрачно заметил Вельчанинов, ставший вдруг опять ужасно серьезным.

— Да-с, странно и выражаюсь-с...

— А вы... не шутите!

— Шучу! — воскликнул Павел Павлович в скорбном недоумении, — и в ту минуту, когда возвещаю...

— Ах, замолчите об этом, прошу вас!

Вельчанинов встал и опять зашагал по комнате.

Так и прошло минут пять. Гость тоже хотел было привстать, но Вельчанинов крикнул: «Сидите, сидите!» — и тот тотчас же послушно опустился в кресла.

— А как, однако же, вы переменялись! — заговорил опять Вельчанинов, вдруг останавливаясь перед ним — точно как бы внезапно пораженный этою мыслию. — Ужасно переменялись! Чрезвычайно! Совсем другой человек!

— Не мудрено-с: девять лет-с.

— Нет-нет-нет, не в годах дело! вы наружностью еще не Бог знает как изменились; вы другим изменились!

— Тоже, может быть, девять лет-с.

— Или с марта месяца!

— Хе-хе, — лукаво усмехнулся Павел Павлович, — у вас игровая мысль какая-то... Но, если осмелюсь, — в чем же собственно изменение-то?

20

— Да чего тут! Прежде был такой солидный и приличный Павел Павлович, такой умник Павел Павлович, а теперь — совсем *vaugien*¹ Павел Павлович!

Он был в той степени раздражения, в которой самые выдержанные люди начинают иногда говорить лишнее.

— *Vaugien*! вы находите? И уж больше не «умник»? Не «умник»? — с наслаждением хихикал Павел Павлович.

— Какой черт «умник»! Теперь, пожалуй, и совсем *умный*.

«Я нагл, а эта каналья еще наглее! И... и какая у него цель?» — всё думал Вельчанинов.

30

— Ах дражайший, ах бесценнейший Алексей Иванович! — заволовался вдруг чрезвычайно гость и заворочался в креслах. — Да ведь нам что? Ведь не в свете мы теперь, не в великосветском блистательном обществе! Мы — два бывшие искреннейшие и стариннейшие приятеля, и, так сказать, в полнейшей искренности сошлись и вспоминаем обоюдноту драгоценную связь, в которой покойница составляла такое драгоценнейшее звено нашей дружбы!

И он как бы до того увлекся восторгом своих чувств, что склонил опять, по-давешнему, голову, лицо же закрыл теперь шляпой. Вельчанинов с отвращением и с беспокойством приглядывался.

40

«А что, если это просто шут?» — мелькнуло в его голове, — но н-нет, н-нет! кажется, он не пьян, — впрочем, может быть, и пьян; красное лицо. Да хотя бы и пьян, — всё на одно выйдет. С чем он подъезжает? Чего хочется этой каналье?»

¹ Здесь: негодник (фр.).

— Помните, помните, — выкрикивал Павел Павлович, поменьше отнимая шляпу и как бы всё сильнее и сильнее увлекаясь воспоминаниями, — помните ли вы наши загородные поездки, наши вечера и вечеринки с танцами и невинными играми у его превосходительства гостеприимнейшего Семена Семеновича? А наши вечерние чтения вторым? А наше первое с вами знакомство, когда вы вошли ко мне утром, для справок по вашему делу, и стали даже кричать-с, и вдруг вышла Наталья Васильевна, и через десять минут вы уже стали нашим искреннейшим другом дома ровно на целый год-с — точь-в-точь как в «Провинциалке», пьесе господина Тургенева...

Вельчанинов медленно прохаживался, смотрел в землю, слушал с нетерпением и отвращением, но — сильно слушал.

— Мне и в голову не приходила «Провинциалка», — перебил он, несколько теряясь, — и никогда вы прежде не говорили таким пискливым голосом и таким... не своим слогом. К чему это?

— Я действительно прежде больше молчал-с, то есть был молчаливее-с, — поспешно подхватил Павел Павлович, — вы знаете, я прежде больше любил слушать, когда заговаривала покойница. Вы помните, как она разговаривала, с каким остроумием-с... А насчет «Провинциалки» и собственно насчет «Ступендьева», — то вы и тут правы, потому что мы это сами, потом, с бесценной покойницей, в иные тихие минуты вспоминая о вас-с, когда вы уже уехали, — приравнивали к этой театральной пьесе нашу первую встречу... потому что ведь и в самом деле было похоже-с. А собственно уж насчет «Ступендьева»...

— Какого это «Ступендьева», черт возьми! — закричал Вельчанинов и даже топнул ногой, совершенно уже смутившись при слове «Ступендьева», по поводу некоторого беспокойного воспоминания, замелькавшего в нем при этом слове.

30 — А «Ступендьева» — это роль-с, театральная роль, роль «мужа» в пьесе «Провинциалка», — пропищал сладчайшим голосом Павел Павлович, — но это уже относится к другому разряду дорогих и прекрасных наших воспоминаний, уже после вашего отъезда, когда Степан Михайлович Багаутов подарил нас своею дружбою, совершенно как вы-с, и уже на целых пять лет.

— Багаутов? Что такое? Какой Багаутов? — как вкопанный остановился вдруг Вельчанинов.

— Багаутов, Степан Михайлович, подаривший нас своею дружбой, ровно через год после вас и... подобно вам-с.

40 — Ах Боже мой, ведь я же это знаю! — вскричал Вельчанинов, сообразив наконец. — Багаутов! да ведь он же служил у вас...

— Служил, служил! при губернаторе! Из Петербурга, самого высшего общества изящнейший молодой человек! — в решительном восторге выкрикивал Павел Павлович.

— Да-да-да! Что ж я! ведь и он тоже...

— И он тоже, и он тоже! — в том же восторге вторил Павел Павлович, подхватив неосторожное словцо хозяина, — и он тоже! И вот

тут-то мы и играли «Провинциалку», на домашнем театре, у его превосходительства гостеприимнейшего Семена Семеновича, — Степан Михайлович «графа», я «мужа», а покойница — «провинциалку», — но только у меня отняли роль «мужа», по настоянию покойницы, так что я и не играл «мужа» — будто бы по неспособности-с...

— Да какой черт вы Ступендьев! Вы прежде всего Павел Павлович Трусозцкий, а не Ступендьев! — грубо, не церемонясь и чуть не дрожа от раздражения, проговорил Вельчанинов, — только позвольте: этот Багаутов здесь, в Петербурге; я сам его видел, весной видел! Что ж вы к нему-то тоже не идете?

10

— Каждый Божий день захожу, вот уже три недели-с. Не принимают! Болен, не может принять! И представьте, из первейших источников узнал, что ведь и вправду чрезвычайно опасно болен! Этакой-то шестилетний друг! Ах, Алексей Иванович, говорю же вам и повторяю, что в таком настроении иногда провалиться сквозь землю желаешь, даже взаправду-с; а в другую минуту так бы, кажется, взял да и обнял, и именно кого-нибудь вот из прежних-то этих, так сказать, очевидцев и соучастников, и единственно для того только, чтоб заплакать, то есть совершенно больше ни для чего, как чтоб только заплакать!..

— Ну, однако же, довольно с вас на сегодня, ведь так? — резко 20 проговорил Вельчанинов.

— Слишком, слишком довольно! — тотчас же поднялся с места Павел Павлович, — четыре часа, и, главное, я вас так эгоистически потревожил...

— Слушайте же: я к вам сам зайду, непременно, и тогда уж надеюсь... Скажите мне прямо, откровенно скажите: вы не пьяны сегодня?

— Пьян? Ни в одном глазу...

— Не пили перед приходом, или раньше?

— Знаете, Алексей Иванович, у вас совершенная лихорадка-с.

30

— Завтра же зайду, утром, до часу...

— И давно уже замечаю, что вы почти как в бреду-с, — с наслаждением перебивал и налегал на эту тему Павел Павлович. — Мне так, право, совестно, что я моею неловкостью... но иду, иду! А вы лягте-ка и засните-ка!

— А что ж вы не сказали, где живете? — спохватился и закричал ему вдогонку Вельчанинов.

— А разве не сказал-с? в Покровской гостинице...

— В какой еще Покровской гостинице?

— Да у самого Покрова, тут в переулке-с — вот забыл, в каком 40 переулке, да и номер забыл, только близь самого Покрова...

— Отыщу!

— Милости просим дорогого гостя.

Он уже выходил на лестницу.

— Стойте! — крикнул опять Вельчанинов, — вы не удерете?

— То есть как: «удерете»? — вытаращил глаза Павел Павлович, поворачиваясь и улыбаясь с третьей ступеньки.

Вместо ответа Вельчанинов шумно захлопнул дверь, тщательно запер ее и насадил в петлю крюк. Воротясь в комнату, он плюнул, как бы чем-нибудь опоганившись.

Простояв минут пять неподвижно среди комнаты, он бросился на постель, совсем уже не раздеваясь, и в один миг заснул. Забытая свечка так и догорела до конца на столе.

IV

ЖЕНА, МУЖ И ЛЮБОВНИК

Он спал очень крепко и проснулся ровно в половине десятого; мигом приподнялся, сел на постель и тотчас же начал думать — о смерти «этой женщины».

Потрясающее вчерашнее впечатление при внезапном известии об этой смерти оставило в нем какое-то смятение и даже боль. Это смятение и боль были только заглушены в нем на время одной странной идеей вчера, при Павле Павловиче. Но теперь, при пробуждении, всё, что было девять лет назад, предстало вдруг перед ним с чрезвычайною яркостью.

Эту женщину, покойную Наталью Васильевну, жену «этого Трусоцкого», он любил и был ее любовником, когда, по своему делу (и тоже по поводу процесса об одном наследстве), он оставался в Т. целый год, — хотя собственно дело и не требовало такого долгого срока его присутствия; настоящей же причиной была эта связь. Связь и любовь эта до того сильно владели им, что он был как бы в рабстве у Натальи Васильевны и наверно решился бы тотчас на что-нибудь даже из самого чудовищного и бессмысленного, если б этого потребовал один только малейший каприз этой женщины. Ни прежде, ни потом никогда не было с ним ничего подобного. В конце года, когда разлука была уже неминуема, Вельчанинов был в таком отчаянии при приближении рокового срока, — в отчаянии, несмотря на то что разлука предполагалась на самое короткое время, — что предложил Наталье Васильевне похитить ее, увезти от мужа, бросить всё и уехать с ним за границу навсегда. Только насмешки и твердая настойчивость этой дамы (вполне одобрявшей этот проект вначале, но, вероятно, только от скуки или чтобы посмеяться) могли остановить его и понудить уехать одного. И что же? Не прошло еще двух месяцев после разлуки, как он в Петербурге уже задавал себе тот вопрос, который так и остался для него навсегда неразрешенным: любил ли в самом деле он эту женщину, или всё это было только одним «наваждением»? И вовсе не от легкомыслия, или под влиянием начавшейся в нем новой страсти, зародился в нем этот вопрос: в эти первые два месяца в Петербурге он был в каком-то исступлении и вряд ли заметил хоть одну женщину, хотя тотчас же пристал к прежнему обществу и успел увидеть сотню женщин. Впрочем, он отлично хорошо знал, что очутись он тотчас опять в Т., то немедленно под-

падает снова под всё гнетущее обаяние этой женщины, несмотря на все зародившиеся вопросы. Даже пять лет спустя он был в том же самом убеждении. Но пять лет спустя он уже признавался в этом себе с негодованием и даже об самой «женщине этой» вспоминал с ненавистью. Он стыдился своего т—ского года; он не мог понять даже возможности такой «глупой» страсти для него, Вельчанинова! Все воспоминания об этой страсти обратились для него в позор; он краснел до слез и мучился угрызениями. Правда, еще через несколько лет он уже несколько успел себя успокоить; он постарался всё это забыть — и почти успел. И вот вдруг, девять лет спустя, всё это так внезапно и странно воскресает перед ним опять после вчерашнего известия о смерти Натальи Васильевны. 10

Теперь, сидя на своей постели, с смутными мыслями, беспорядочно толпившимися в его голове, он чувствовал и сознавал ясно только одно, — что, несмотря на всё вчерашнее «потрясающее впечатление» при этом известии, он все-таки очень спокоен насчет того, что она умерла. «Неужели я о ней даже и не пожалею?» — спрашивал он себя. Правда, он уже не ощущал к ней теперь ненависти и мог беспристрастнее, справедливее судить о ней. По его мнению, уже давно, впрочем, сформировавшемуся в этот девятилетний срок разлуки, Наталья Васильевна принадлежала к числу самых обыкновенных провинциальных дам из «хорошего» провинциального общества, и — «кто знает, может, так оно и было, и только я один составил из нее такую фантазию?» Он, впрочем, всегда подозревал, что в этом мнении могла быть и ошибка; почувствовал это и теперь. Да и факты противоречили; этот Багаутов был несколько лет тоже с нею в связи и, кажется, тоже «под всем обаянием». Багаутов действительно был молодой человек из лучшего петербургского общества и, так как он «человек пустейший» (говорил об нем Вельчанинов), то, стало быть, мог сделать свою карьеру только в одном Петербурге. Но вот, однако же, он пренебрег Петербургом, то есть главнейшею своею выгодою, и потерял же пять лет в Т. единственно для этой женщины! Да и воротился наконец в Петербург, может, потому только, что и его тоже выбросили, как «старый изношенный башмак». Значит, было же в этой женщине что-то такое необыкновенное — дар привлечения, порабощения и владычества! 20

А между тем, казалось бы, она и средств не имела, чтобы привлекать и порабощать: «собой была даже и не так чтобы хороша; а может быть, и просто нехороша». Вельчанинов застал ее уже двадцати восьми лет. Не совсем красивое ее лицо могло иногда приятно оживляться, но глаза были нехороши: какая-то излишняя твердость была в ее взгляде. Она была очень худа. Умственное образование ее было слабое; ум был бесспорный и проницательный, но почти всегда односторонний. Мanners светской провинциальной дамы и при этом, правда, много такту; изящный вкус, но преимущественно в одном только умении одеться. Характер решительный и владычествующий; примирения наполовину с нею быть не могло ни в чем: «или всё, или ничего». В делах затруднительных твердость и стойкость удивительные. Дар великодушия и поч- 40

ти всегда с ним же рядом — безмерная несправедливость. Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили. Никогда ни в чем не считала она себя несправедливою или виноватою. Постоянные и бесчисленные измены ее мужу нисколько не тяготили ее совести. По сравнению самого Вельчанинова, она была как «хлыстовская богородица», которая в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица; — в высшей степени веровала и Наталья Васильевна в каждый из своих поступков. Любовнику она была верна — впрочем, только до тех пор, пока он не наскучил. Она любила мучить любовника, но любила и награждать. Тип был страстный, жестокий и чувственный. Она ненавидела разврат, осуждала его с неимоверным ожесточением и — сама была развратна. Никакие факты не могли бы никогда привести ее к сознанию в своем собственном разврате. «Она наверно искренно не знает об этом», — думал Вельчанинов об ней еще в Т. (Заметим мимоходом, сам участвуя в ее разврате.) «Это одна из тех женщин, — думал он, — которые как будто для того и рождаются, чтобы быть неверными женами. Эти женщины никогда не падают в девицах; закон природы их — непременно быть для этого замужем. Муж — первый любовник, но не иначе, как после венца. Никто ловче и легче их не выходит замуж. В первом любовнике всегда муж виноват. И всё происходит в высшей степени искренно; они до конца чувствуют себя в высшей степени справедливыми и, конечно, совершенно невинными».

Вельчанинов был убежден, что действительно существует такой тип таких женщин; но зато был убежден, что существует и соответственный этим женщинам тип мужей, которых единое назначение заключается только в том, чтобы соответствовать этому женскому типу. По его мнению, сущность таких мужей состоит в том, чтоб быть, так сказать, «вечными мужьями», или, лучше сказать, быть в жизни только мужьями и более уж ничем. «Такой человек рождается и развивается единственно для того, чтобы жениться, а женившись, немедленно обратиться в придаточное своей жены, даже и в том случае, если бы у него случился и свой собственный, неоспоримый характер. Главный признак такого мужа — известное украшение. Не быть рогагоном он не может, точно так же как не может солнце не светить; но он об этом не только никогда не знает, но даже и никогда не может узнать по самым законам природы». Вельчанинов глубоко верил, что существуют эти два типа и что Павел Павлович Трусоцкий в Т. был совершенным представителем одного из них. Вчерашний Павел Павлович, разумеется, был не тот Павел Павлович, который был ему известен в Т. Он нашел, что он до невероятности изменился, но Вельчанинов знал, что он и не мог не измениться и что всё это было совершенно естественно; господин Трусоцкий мог быть всем тем, чем был прежде, только при жизни жены, а теперь это была только часть целого, выпущенная вдруг на волю, то есть что-то удивительное и ни на что не похожее.

Что же касается до т—ского Павла Павловича, то вот что упомянул о нем и припомнил теперь Вельчанинов:

Конечно, Павел Павлович в Т. был только муж и ничего более. Если, например, он был, сверх того, и чиновник, то единственно потому, что для него и служба обращалась, так сказать, в одну из обязанностей его супружества; он служил для жены и для ее светского положения в Т., хотя и сам по себе был весьма усердным чиновником. Ему было тогда тридцать пять лет и обладал он некоторым состоянием, даже и не совсем маленьким. На службе особенных способностей не выказывал, но не выказывал и неспособности. Водился со всем, что было высшего в губернии, и слыл на прекрасной ноге. Наталью Васильевну в Т. совершенно уважали; она, впрочем, и не очень это ценила, принимая как должное, но у себя умела всегда принять превосходно, причем Павел Павлович был так ею вышколен, что мог иметь облагороженные манеры даже и при приеме самых высших губернских властей. Может быть (казалось Вельчанинову), у него был и ум; но так как Наталья Васильевна не очень любила, когда супруг ее много говорил, то ума и нельзя было очень заметить. Может быть, он имел много прирожденных хороших качеств, равно как и дурных. Но хорошие качества были как бы под чехлом, а дурные поползновения были заглушены почти окончательно. Вельчанинов помнил, например, что у господина Трусоцкого рождалось иногда поползновение пошутить над своим ближним; но это было ему строго запрещено. Любил он тоже иногда что-нибудь рассказать; но и над этим наблюдалось: рассказать позволялось только что-нибудь понезначительнее и покороче. Он склонен был к приятельскому кружку вне дома и даже — выпить с приятелем; но последнее даже в корень было истреблено. И при этом черта: взглянув снаружи, никто не мог бы сказать, что это муж под башмаком; Наталья Васильевна казалась совершенно послушною женой, и даже, может быть, сама была в этом уверена. Могло быть, что Павел Павлович любил Наталью Васильевну без памяти; но заметить этого не мог никто, и даже было невозможно, вероятно тоже по домашнему распоряжению самой Натальи Васильевны. Несколько раз в продолжение своей т—ской жизни спрашивал себя Вельчанинов: подозревает ли его этот муж, хоть сколько-нибудь, в связи с своей женой? Несколько раз он спрашивал об этом серьезно Наталью Васильевну и всегда получал в ответ, высказанный с некоторой досадой, что муж ничего не знает, и никогда ничего не может узнать, и что «всё, что есть, — совсем не его дело». Еще черта с ее стороны: над Павлом Павловичем она никогда не смеялась и ни в чем не находила его ни смешным, ни очень дурным, и даже очень бы заступилась за него, если бы кто осмелился оказать ему какую-нибудь неучтивость. Не имея детей, она естественно должна была обратиться преимущественно в светскую женщину; но и свой дом был ей необходим. Светские удовольствия никогда не царили над нею вполне, и дома она очень любила заниматься хозяйством и рукодельями. Павел Павлович вспомнил вчера об их семейных чтениях в Т. по вечерам; это бывало: читал Вельчанинов, читал и Павел Павлович; к удивлению Вельчанинова, он очень хорошо умел читать вслух. Наталья Васильевна при этом что-нибудь вышивала и выслушивала чтение

всегда спокойно и ровно. Читались романы Диккенса, что-нибудь из русских журналов, а иногда что-нибудь и из «серьезного». Наталья Васильевна высоко ценила образованность Вельчанинова, но молчаливо, как дело поконченное и решенное, о котором уже нечего больше и говорить; вообще же ко всему книжному и ученому относилась равнодушно, как совершенно к чему-то постороннему, хотя может бы и полезно; Павел же Павлович иногда с некоторым жаром.

Т—ская связь порвалась вдруг, достигнув со стороны Вельчанинова самого полного верха и даже почти безумия. Его просто и вдруг
10 прогнали, хотя всё устроилось так, что он уехал совершенно не ведая, что уже выброшен, «как старый негодный башмак». Тут в Т., месяца за полтора до его отбытия, появился один молоденький артиллерийский офицерик, только что выпущенный из корпуса, и повадился ездить к Трусозким; вместо троих очутилось четверо. Наталья Васильевна принимала мальчика благосклонно, но обращалась с ним как с мальчиком. Вельчанинову было решительно ничего невдомек, да и не до того ему было тогда, так как ему вдруг объявили о необходимости разлуки. Одною из сотни причин для непременного и скорейшего его отъезда, вы-
20 ставленной Натальей Васильевной, была и та, что ей показалось, будто она беременна; а потому и естественно, что ему надо непременно и сейчас же скрыться, хоть месяца на три или на четыре, чтобы через девять месяцев мужу труднее было в чем-нибудь усомниться, если б и вышла потом какая-нибудь клевета. Аргумент был довольно натянутый. После бурного предложения Вельчанинова бежать в Париж или в Америку, он уехал один в Петербург, «без сомнения, на одну только минутку», то есть не более как на три месяца, иначе он не уехал бы ни за что, несмотря ни на какие причины и аргументы. Ровно через два месяца он получил в Петербурге от Натальи Васильевны письмо с просьбою не
30 приезжать никогда, потому что она уже любила другого; про беременность же свою уведомила, что она ошиблась. Уведомление об ошибке было лишнее, ему всё уже было ясно: он вспомнил про офицерику. Тем дело и кончилось навсегда. Слышал как-то он потом, уже несколько лет спустя, что там очутился Багаутов и пробыл целые пять лет. Такую безмерную продолжительность связи он объяснил себе, между прочим, и тем, что Наталья Васильевна, верно, уже сильно постарела, а потому и сама стала привязчивее.

Он просидел на своей кровати почти час; наконец опомнился, позвонил Мавру с кофеем: выпил наскоро, оделся и ровно в одиннадцать часов отправился к Покрову отыскивать Покровскую гостиницу. На-
40 счет собственно Покровской гостиницы в нем сформировалось теперь особое, уже утрешнее впечатление. Между прочим, ему было даже не-сколько совестно за вчерашнее свое обращение с Павлом Павловичем, и это надо было теперь разрешить.

Всю вчерашнюю фантазмагорию с замком у дверей он объяснял случайностию, пьяным видом Павла Павловича и, пожалуй, еще кое-чем, но в сущности не совсем точно знал, зачем он идет теперь завязывать какие-то новые отношения с прежним мужем, тогда как всё так

естественно и само собою между ними покончилось. Его что-то влекло; было тут какое-то особое впечатление, и вследствие этого впечатления его влекло...

V

ЛИЗА

Павел Павлович «удирать» и не думал, да и Бог знает для чего Вельчанинов ему сделал вчера этот вопрос; подлинно сам был в затмении. По первому спросу в мелочной лавочке у Покрова, ему указали Покровскую гостиницу, в двух шагах в переулке. В гостинице объяснили, что господин Трусозцкий «стали» теперь тут же на дворе, во флигеле, в меблированных комнатах у Марьи Сысоевны. Поднимаясь по узкой, залитой и очень нечистой каменной лестнице флигеля во второй этаж, где были эти комнаты, он вдруг услышал плач. Плакал как будто ребенок, лет семи-восьми; плач был тяжелый, слышались заглушаемые, но прорывающиеся рыдания, а вместе с ними топанье ногами и тоже как бы заглушаемые, но яростные окрики, какой-то силой фистулой, но уже взрослого человека. Этот взрослый человек, казалось, унимал ребенка и очень не желал, чтобы плач слышали, но шумел больше его. Окрики были безжалостные, а ребенок точно как бы умолял о прощении. Вступив в небольшой коридор, по обеим сторонам которого было по две двери, Вельчанинов встретил одну очень толстую и рослую баб- 10
бу, растрепанную по-домашнему, и спросил ее о Павле Павловиче. Она ткнула пальцем на дверь, из-за которой слышен был плач. Толстое и багровое лицо этой сорокалетней бабы было в некотором негодовании.

— Вишь ведь потеха ему! — пробасила она вполголоса и прошла на лестницу. Вельчанинов хотел было постучаться, но раздумал и прямо отворил дверь к Павлу Павловичу. В небольшой комнате, грубо, но обильно меблированной простой крашеной мебелью, посредине, стоял Павел Павлович, одетый лишь до половины, без скюртука и без жилета, и с раздраженным красным лицом унимал криком, жестами, а может 20
быть (показалось Вельчанинову), и пинками маленькую девочку, лет восьми, одетую бедно, хотя и барышней, в черном шерстяном коротеньком платьице. Она, казалось, была в настоящей истерике, истерически всхлипывала и тянулась руками к Павлу Павловичу, как бы желая охватить его, обнять его, умолить и упросить о чем-то. В одно мгновение всё изменилось: увидев гостя, девочка вскрикнула и стрельнула в соседнюю крошечную комнатку, а Павел Павлович, на мгновение озадаченный, тотчас же весь растаял в улыбке, точь-в-точь как вчера, когда Вельчанинов вдруг отворил дверь к нему на лестницу.

— Алексей Иванович! — вскричал он в решительном удив- 40
лении, — никоим образом не мог ожидать... но вот сюда, сюда! Вот здесь, на диван, или сюда в кресла, а я... — И он бросился одевать скюртук, забыв надеть жилет.

— Не церемоньтесь, оставайтесь в чем вы есть. — Вельчанинов уселся на стул.

— Нет, уж позвольте-с поцеремониться; вот я теперь и поприличнее. Да куда ж вы уселись в углу? Вот сюда, в кресла, к столу бы... Ну не ожидал, не ожидал!

Он тоже уселся на краешке плетеного стула, но не рядом с «неожиданным» гостем, а поворотив стул углом, чтобы сесть более лицом к Вельчанинову.

10 — Почему ж не ожидали? Ведь я именно назначил вчера, что придете к вам в это время?

— Думал, что не придете-с; и как сообразил всё вчерашнее, проснувшись, так решительно уж отчаялся вас увидеть, даже навсегда-с.

Вельчанинов меж тем осмотрелся кругом. Комната была в беспорядке, кровать не убрана, платье раскидано, на столе стаканы с выпитым кофеем, крошки хлеба и бутылка шампанского, до половины не допитая, без пробки и со стаканом подле. Он накопился взглядом в соседнюю комнатку, но там всё было тихо; девочка притаилась и замерла.

— Неужто вы пьете это теперь? — указал Вельчанинов на шампанское.

20 — Остатки-с... — сконфузился Павел Павлович.

— Ну, переменялись же вы!

— Дурные привычки и вдруг-с. Право, с того срока; не лгу-с! Удержаться не могу. Теперь не беспокойтесь, Алексей Иванович, я теперь не пьян и не стану нести околесины, как вчера у вас-с, но верно вам говорю: всё с того срока-с! И скажи мне кто-нибудь еще полгода назад, что я вдруг так расшатаюсь, как вот теперь-с, покажи мне тогда меня самого в зеркале — не поверил бы!

— Стало быть, вы были же вчера пьяны?

30 — Был-с, — вполголоса признался Павел Павлович, конфузившись. — и видите ли-с: не то что пьян, а уж несколько позже-с. Я это для того объяснить желаю, что позже у меня хуже-с: хмелю уж немного, а жестокость какая-то и безрассудство остаются, да и горе сильнее ощущаю. Для горя-то, может, и пью-с. Тут-то я и накуралесить могу совсем даже глупо-с и обидеть лезу. Должно быть, себя очень странно вам представил вчера?

— Вы разве не помните?

— Как не помнить, всё помню-с...

40 — Видите, Павел Павлович, я совершенно так же подумал и объяснил себе, — примирительно сказал Вельчанинов; — сверх того, я сам вчера был с вами несколько раздражителен и... излишне нетерпелив, в чем сознаюсь охотно. Я не совсем иногда хорошо себя чувствую, и нечаянный приход ваш ночью...

— Да, ночью, ночью! — закачал головой Павел Павлович, как бы удивляясь и осуждая, — и как это меня натолкнуло! Ни за что бы я к вам не зашел, если б вы только сами не отворили-с; от дверей бы ушел-с. Я к вам, Алексей Иванович, с неделю тому назад заходил и вас не застал, но потом, может быть, и никогда не зашел бы в другой

раз-с. Все-таки и я немножко горд тоже, Алексей Иванович, хоть и сознаю себя... в таком состоянии. Мы и на улице встречались, да всё думаю: а ну как не узнает, а ну как отвернется, девять лет не шутка, — и не решался подойти. А вчера с Петербургской стороны брел, да и час забыл-с. Всё от этого (он указал на бутылку), да от чувства-с. Глупо! очень-с! и будь человек не таков, как вы, — потому что ведь пришли же вы ко мне даже после вчерашнего, вспомню старое, — так я бы даже надежду потерял знакомство возобновить.

Вельчанинов слушал со вниманием. Человек этот говорил, кажется, искренно и с некоторым даже достоинством; а между тем он ничему не верил с самой той минуты, как вошел к нему. 10

— Скажите, Павел Павлович, вы здесь, стало быть, не один? Чья это девочка, которую я застал при вас давеча?

Павел Павлович даже удивился и поднял брови, но ясно и приятно посмотрел на Вельчанинова.

— Как чья девочка? да ведь это Лиза! — проговорил он, приветливо улыбаясь.

— Какая Лиза? — пробормотал Вельчанинов, и что-то вдруг как бы дрогнуло в нем. Впечатление было слишком внезапное. Давеча, войдя и увидев Лизу, он хоть и подивился, но не ощутил в себе решительно 20 никакого предчувствия, никакой особенной мысли.

— Да наша Лиза, дочь наша Лиза! — улыбался Павел Павлович.

— Как дочь? Да разве у вас с Натальей... с покойной Натальей Васильевной были дети? — недоверчиво и робко спросил Вельчанинов, каким-то уж очень тихим голосом.

— Да как же-с? Ах Боже мой, да ведь и в самом деле от кого же вы могли знать? Что ж это я! это уже после вас нам Бог даровал!

Павел Павлович привскочил даже со стула от некоторого волнения, впрочем тоже как бы приятного.

— Я ничего не слышал, — сказал Вельчанинов и — побледнел. 30

— Действительно, действительно, от кого же вам было и узнать-с! — повторил Павел Павлович расслабленно-умиленным голосом, — мы ведь и надежду с покойницей потеряли, сами ведь вы помните, и вдруг благословляет Господь, и что со мной тогда было, — это Ему только одному известно! ровно, кажется, через год после вас! или нет, не через год, далеко нет, постойте-с: вы ведь от нас тогда, если не ошибаюсь памятью, в октябре или даже в ноябре выехали?

— Я уехал из Т. в начале сентября, двенадцатого сентября; я хорошо помню...

— Неужели в сентябре? гм... что ж это я? — очень удивился Павел Павлович, — ну так если так, то позвольте же: вы выехали сентября двенадцатого-с, а Лиза родилась мая восьмого, это, стало быть, сентябрь — октябрь — ноябрь — декабрь — январь — февраль — март — апрель, — через восемь месяцев с чем-то-с, вот-с! и если б вы только знали, как покойница... 40

— Покажите же мне... позовите же ее... — каким-то срывающимся голосом пролепетал Вельчанинов.

— Непременно-с! — захопотал Павел Павлович, тотчас же прерывая то, что хотел сказать, как вовсе не нужное, — сейчас, сейчас вам представлю-с! — и торопливо отправился в комнатку к Лизе.

Прошло, может быть, целых три или четыре минуты; в комнатке скоро и быстро шептались и чуть-чуть слышались звуки голоса Лизы; — «она просит, чтобы ее не выводили», — думал Вельчанинов. Наконец вышли.

— Вот-с, всё конфузится, — сказал Павел Павлович, — стыдливая такая, гордая-с... и вся-то в покойницу!

- 10 Лиза вышла уже без слез, с опущенными глазами; отец вел ее за руку. Это была высокенькая, тоненькая и очень хорошенькая девочка. Она быстро подняла свои большие голубые глаза на гостя, с любопытством, но угрюмо посмотрела на него и тотчас же опять опустила глаза. Во взгляде ее была та детская важность, когда дети, оставшись одни с незнакомым, уйдут в угол и оттуда важно и недоверчиво поглядывают на нового, никогда еще и не бывшего гостя; но была, может быть, и другая, как бы уж и не детская мысль, — так показалось Вельчанинову. Отец подвел ее к нему вплоть.

- 20 — Вот, этот дядинька мамашу знал прежде, друг наш был, ты не дичись, протяни руку-то.

Девочка слегка наклонилась и робко протянула руку.

— У нас Наталья Васильевна-с не хотела учить ее приседать, в знак приветствия, а так на английский манер слегка наклониться и протянуть гостю руку, — прибавил он в объяснение Вельчанинову, пристально в него всматриваясь.

- 30 Вельчанинов знал, что он всматривается, но совсем уже не заботился скрывать свое волнение; он сидел на стуле не шевелясь, держал руку Лизы в своей руке и пристально вглядывался в ребенка. Но Лиза была чем-то очень озабочена и, забыв свою руку в руке гостя, не сводила глаз с отца. Она боязливо прислушивалась ко всему, что он говорил. Вельчанинов тотчас же признал эти большие голубые глаза, но всего более поразили его удивительная, необычайно нежная белизна ее лица и цвет волос; эти признаки были слишком для него значительны. Оклад лица и склад губ, напротив того, резко напоминал Наталью Васильевну. Павел Павлович меж тем давно уже начал что-то рассказывать, казалось с чрезвычайным жаром и чувством, но Вельчанинов совсем не слышал его. Он захватил только одну последнюю фразу:

- 40 — ...так что вы, Алексей Иванович, даже и вообразить не можете нашей радости при этом даре Господнем-с! Для меня она всё составила своим появлением, так что если б и исчезло по воле Божьей мое тихое счастье, — так вот, думаю, останется мне Лиза; вот что, по крайней мере, я твердо знал-с!

— А Наталья Васильевна? — спросил Вельчанинов.

— Наталья Васильевна? — покривился Павел Павлович, — ведь вы ее знаете, помните-с, она много высказывать не любила, но зато как прощалась с нею на смертном одре... тут-то вот всё и высказалось-с!

И вот я вам сказал сейчас «на смертном одре-с»; а меж тем вдруг, за день уже до смерти, волнуется, сердится, — говорит, что ее лекарствами залечить хотят, что у ней одна только простая лихорадка, и оба наши доктора ничего не смыслят, и как только вернется Кох (помните, штаб-лекарь-то наш, старичок), так она через две недели встанет с постели! Да куда, уже за пять только часов до отхода вспоминала, что через три недели непременно надо тетку, именинницу, посетить, в имении ее, Лизину крестную мать-с...

Вельчанинов вдруг поднялся со стула, всё еще не выпуская ручку Лизы. Ему между прочим показалось, что в горячем взгляде девочки, 10 устремленном на отца, было что-то укорительное.

— Она не больна? — как-то странно, торопливо спросил он.

— Кажется бы нет-с, но... обстоятельства-то вот наши так здесь сошлись, — проговорил Павел Павлович с горестною заботливостью, — ребенок странный и без того-с, нервный, после смерти матери больна была две недели, истерическая-с. Давеча ведь какой у нас плач был, как вы вошли-с, — слышишь, Лиза, слышишь? — А ведь из-за чего-с? Всё в том, что я ухожу и ее оставляю, значит, дескать, что уж и не люблю больше так, как ее при мамаше любил, — вот в чем обвиняет меня. И забредет же в голову такая фантазия такому еще ребенку-с, 20 которому бы только в игрушки играть. А здесь и поиграть-то ей не с кем.

— Так как же вы... вы здесь разве совсем только вдвоем?

— Совсем одинокие-с; служанка только разве прислужить придет, раз на дню.

— А уходите, ее одну так и оставляете?

— А то как же-с? А вчера уходил, так даже запер ее, вот в той комнатке, из-за того у нас и слезы вышли сегодня. Да ведь что же было делать, посудите сами: третьего дня сошла она вниз без меня, а мальчик ей в голову камнем пустил. А то заплачет, да и бросится у всех на дворе 30 расспрашивать: куда я ушел? а ведь это нехорошо-с. Да и я-то хорош: уйду на час, а приду на другой день поутру, так и вчера сошлось. Хорошо еще, что хозяйка без меня отперла ей, слесаря призывала замок отворить, — даже срам-с, — подлинно сам себя извергом чувствую-с. Всё от затмения-с...

— Папаша! — робко и беспокойно проговорила девочка.

— Ну вот и опять! опять ты за то же! что я давеча говорил?

— Я не буду, я не буду, — в страхе, торопливо складывая перед ним руки, повторила Лиза.

— Так не может продолжаться у вас, при такой обстановке, — не- 40 терпеливо заговорил вдруг Вельчанинов, голосом власть имеющего. — Ведь вы... ведь вы человек с состоянием же; как же вы так — во-первых, в этом флигеле и при такой обстановке?

— Во флигеле-то-с? да ведь через неделю, может, уже и уедем-с, а денег и без того много потратили, хотя бы и с состоянием-с...

— Ну довольно, довольно, — прервал его Вельчанинов всё с более и более возрастающим нетерпением, как бы явно говоря: «Нечего

говорить, всё знаю, что ты скажешь, и знаю, с каким намерением ты говоришь!» — Слушайте, я вам делаю предложение: вы сейчас сказали, что останетесь неделю, пожалуй, может, и две. У меня здесь есть один дом, то есть такое семейство, где я как в родном своем углу, — вот уже двадцать лет. Это семейство одних Погорельцевых. Погорельцев Александр Павлович, тайный советник; даже вам, пожалуй, пригодится по вашему делу. Они теперь на даче. У них богатейшая своя дача. Клавдия Петровна Погорельцева мне как сестра, как мать. У них во-
10 семь человек детей. Дайте я сейчас же свезу к ним Лизу... я для того чтоб времени не терять. Они с радостью примут, на всё это время, об-
ласкают, как родную дочь, как родную дочь!

Он был в ужасном нетерпении и не скрывал этого.

— Это как-то уж невозможно-с, — проговорил Павел Павлович с ужимкою и хитро, как показалось Вельчанинову, засматривая ему в глаза.

— Почему? Почему невозможно?

— Да как же-с, отпустить так ребенка, и вдруг-с — положим, с таким искренним благоприятелем, как вы, я не про то-с, но все-таки в дом незнакомый, и такого уж высшего общества-с, где я еще и не знаю,
20 как примут.

— Да я же сказал вам, что я у них как родной, — почти в гневе закричал Вельчанинов, — Клавдия Петровна за счастье почтет по одному моему слову. Как бы мою дочь... да черт возьми, ведь вы сами же знаете, что вы только так, чтобы болтать... чего же уж тут говорить!

Он даже топнул ногой.

— Я к тому, что не странно ли очень уж будет-с? Все-таки надо бы и мне хоть раз-другой к ней навеститься, а то как же совсем без отца-то-с? хе-хе... и в такой важный дом-с!

— Да это простейший дом, а вовсе не «важный»! — кричал Вельчанинов, — говорю вам, там детей много. Она там воскреснет, всё для этого... А вас я сам завтра же отрекомендую, коли хотите. Да и непременно даже нужно будет вам съездить поблагодарить; каждый день будем ездить, если хотите...

— Всё как-то-с...

— Вздор! Главное в том, что вы сами это знаете! Слушайте, заходите ко мне сегодня с вечера, и ночуйте пожалуй, а поутру пораньше и поедем, чтобы в двенадцать там быть.

— Благодетель вы мой! Даже и ночевать у вас... — с умилением согласился вдруг Павел Павлович, — подлинно благодеяние оказывае-
40 те... а где ихняя дача-с?

— Дача их в Лесном.

— Только вот как же ее костюм-с? Потому-с в такой знатный дом, да еще на даче-с, сами знаете... Сердце отца-с!

— А какой ее костюм? Она в трауре. Разве может быть у ней другой костюм? Самый приличный, какой только можно вообразить! Только вот белье бы почище, косыночку... (косыночка и выглядывавшее белье были действительно очень грязны).

— Сейчас же, непременно переодеться, — захопотал Павел Павлович, — а прочее необходимое белье мы ей тоже сейчас соберем; оно у Марьи Сысоевны в стирке-с.

— Так велеть бы послать за коляской, — перебил Вельчанинов, — и скорей, если б возможно.

Но оказалось препятствие: Лиза решительно воспротивилась, всё время она со страхом прислушивалась, и если бы Вельчанинов, уговаривая Павла Павловича, имел время пристально к ней приглядеться, то увидел бы совершенное отчаяние на ее личике.

— Я не поеду, — сказала она твердо и тихо.

10

— Вот, вот видите-с, вся в мамашу!

— Я не в мамашу, я не в мамашу! — выкрикивала Лиза, в отчаянии ломая свои маленькие руки и как бы оправдываясь перед отцом в страшном упреке, что она в мамашу, — папаша, папаша, если вы меня кинете...

Она вдруг накинулась на испугавшегося Вельчанинова.

— Если вы возьмете меня, так я...

Но она не успела ничего выговорить далее; Павел Павлович схватил ее за руку, чуть не за шиворот, и уже с нескрываемым озлоблением потащил ее в маленькую комнатку. Там опять несколько минут происходило шептанье, слышался заглушённый плач. Вельчанинов хотел было уже идти туда сам, но Павел Павлович вышел к нему и с искривленной улыбкой объявил, что сейчас она выйдет-с. Вельчанинов старался не глядеть на него и смотрел в сторону.

20

Явилась и Марья Сысоевна, та самая баба, которую встретил он, входя давеча в коридор, и стала укладывать в хорошенький маленький сак, принадлежавший Лизе, принесенное для нее белье.

— Вы, что ли, батюшка, девочку-то отвезете? — обратилась она к Вельчанинову, — семейство, что ли, у вас? Хорошо, батюшка, сделаете: ребенок смирный, от содома избавите.

30

— Уж вы, Марья Сысоевна, — пробормотал было Павел Павлович...

— Что Марья Сысоевна! Меня и все так величают. Аль у тебя не содом? Прилично ли робеночку с понятием на такой срам смотреть? Коляску-то привели вам, батюшка, — до Лесного, что ли?

— Да, да.

— Ну и в добрый час!

Лиза вышла бледненькая, с потупленными глазками, и взяла сак. Ни одного взгляда в сторону Вельчанинова; она сдержала себя и не бросилась, как давеча, обнимать отца, даже при прощанье; видимо, да же не хотела поглядеть на него. Отец прилично поцеловал ее в головку и погладил; у ней закривилась при этом губка и задрожал подбородок, но глаз она на отца все-таки не подняла. Павел Павлович был как будто бледен, и руки у него дрожали — это ясно заметил Вельчанинов, хотя всеми силами старался не смотреть на него. Одного ему хотелось: поскорей уж уехать. «А там что ж, чем же я виноват? — думал он, — так должно было быть». Сошли вниз, тут расцеловалась с Лизой

40

Марья Сысоевна, и, только уже усевшись в коляску, Лиза подняла глаза на отца — и вдруг всплеснула руками и вскрикнула; еще миг, и она бы бросилась к нему из коляски, но лошади уже тронулись.

VI

НОВАЯ ФАНТАЗИЯ ПРАЗДНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Уж не дурно ли вам? — испугался Вельчанинов; — я велю остановить, я велю вынести воды...

Она вскинула на него глазами и горячо, укорительно поглядела.

— Куда вы меня везете? — проговорила она резко и отрывисто.

10 — Это прекрасный дом, Лиза. Они теперь на прекрасной даче; там много детей, они вас там будут любить, они добрые... Не сердитесь на меня, Лиза, я вам добра хочу...

Странен бы показался он в эту минуту кому-нибудь из знавших его, если бы кто из них мог его видеть.

— Как вы, — как вы, — как вы... у, какие вы злые! — сказала Лиза, задыхаясь от подавляемых слез и засверкав на него озлобленными прекрасными глазами.

— Лиза, я...

20 — Вы злые, злые, злые, злые! — Она ломала свои руки. Вельчанинов совсем потерялся.

— Лиза, милая, если б вы знали, в какое отчаяние вы меня приводите!

— Это правда, что он завтра приедет? Правда? — спросила она повелительно.

— Правда, правда! Я его сам привезу; я его возьму и привезу.

— Он обманет, — прошептала Лиза, опуская глаза в землю.

— Разве он вас не любит, Лиза?

— Не любит.

— Он вас обижал? Обижал?

30 Лиза мрачно посмотрела на него и промолчала. Она опять отвернулась от него и сидела, упорно потупившись. Он начал ее уговаривать, он говорил ей с жаром, он был сам в лихорадке. Лиза слушала недоверчиво, враждебно, но слушала. Внимание ее обрадовало его чрезвычайно: он даже стал объяснять ей, что такое пьющий человек. Он говорил, что сам ее любит и будет наблюдать за отцом. Лиза подняла наконец глаза и пристально на него поглядела. Он стал рассказывать, как он знал еще ее мамашу, и видел, что завлекает ее рассказами. Мало-помалу она начала понемногу отвечать на его вопросы, — но осторожно и односложно, с упорством. На главные вопросы она все-таки ничего
40 не ответила: она упорно молчала обо всем, что касалось прежних ее отношений к отцу. Говоря с нею, Вельчанинов взял ее ручку в свою, как давеча, и не выпускал ее; она не отнимала. Девочка, впрочем, не всё молчала; она все-таки проговорила в неясных ответах, что отца она

больше любила, чем мамашу, потому, что он всегда прежде ее больше любил, а мамаша прежде ее меньше любила; но что когда мамаша умира-
рала, то очень ее целовала и плакала, когда все вышли из комнаты и они
остались вдвоем... и что она теперь ее больше всех любит, больше всех,
всех на свете, и каждую ночь больше всех любит ее. Но девочка была
действительно гордая: спохватившись о том, что она проговорила, она
вдруг опять замкнулась и примолкла; даже с ненавистью взглянула на
Вельчанинова, заставившего ее проговориться. Под конец пути исте-
рическое состояние ее почти прошло, но она стала ужасно задумчива и
смотрела как дикарка, угрюмо, с мрачным, предрешенным упорством. 10
Что же касается до того, что ее везут теперь в незнакомый дом, в кото-
ром она никогда не бывала, то это, кажется, мало ее покамест смущало.
Мучило ее другое, это видел Вельчанинов; он угадывал, что ей стыдно
его, что ей именно стыдно того, что отец так легко ее с ним отпустил,
как будто бросил ее ему на руки.

«Она больна, — думал он, — может быть очень; ее измучили... О
пьяная, подлая тварь! Я теперь понимаю его!» Он торопил кучера; он
надеялся на дачу, на воздух, на сад, на детей, на новую, незнакомую ей
жизнь, а там, потом... Но в том, что будет после, он уже не сомневал-
ся нисколько; там были полные, ясные надежды. Об одном только он 20
знал совершенно: что никогда еще он не испытывал того, что ощущает
теперь, и что это останется при нем на всю его жизнь! «Вот цель, вот
жизнь!» — думал он восторженно.

Много мелькало в нем теперь мыслей, но он не останавливался на
них и упорно избегал подробностей: без подробностей всё станови-
лось ясно, всё было нерушимо. Главный план его сложился сам собою:
«Можно будет подействовать на этого мерзавца, — мечтал он, — сое-
диненными силами, и он оставит в Петербурге у Погорельцевых Лизу,
хотя сначала только на время, на срок, и уедет один; а Лиза останется
мне; вот и всё, чего же тут более? И... и конечно, он сам этого желает;
иначе зачем бы ему ее мучить». Наконец приехали. Дача Погорель- 30
цевых была действительно прелестное местечко; встретила их прежде
всех шумная ватага детей, высыпавшая на крыльцо дачи. Вельчанинов
уже слишком давно тут не был, и радость детей была неистовая: его
любили. Постарше тотчас же закричали ему, прежде чем он вышел из
коляски:

— А что процесс, что ваш процесс? — Это подхватили и самые
маленькие и со смехом визжали вслед за старшими. Его здесь дразнили
процессом. Но увидев Лизу, тотчас же окружили ее и стали ее рассмат-
ривать с молчаливым и пристальным детским любопытством. Вышла 40
Клавдия Петровна, а за нею ее муж. И она и муж ее тоже начали с
первого слова и смеясь вопросом о процессе.

Клавдия Петровна была дама лет тридцати семи, полная и еще
красивая брюнетка, с свежим и румяным лицом. Муж ее был лет пя-
тидесяти пяти, человек умный и хитрый, но добряк прежде всего. Их
дом был в полном смысле «родной угол» для Вельчанинова, как сам
он выражался. Но тут скрывалось еще особое обстоятельство: лет

двадцать назад эта Клавдия Петровна чуть было не вышла замуж за Вельчанинова, тогда еще почти мальчика, еще студента. Любовь была первая, пылкая, смешная и прекрасная. Кончилось, однако же, тем, что она вышла за Погорельцева. Лет через пять опять встретились, и всё кончилось ясной и тихой дружбой. Осталась навсегда какая-то теплота в их отношениях, какой-то особенный свет, озарявший эти отношения. Тут всё было чисто и безупречно в воспоминаниях Вельчанинова и тем дорожке для него, что, может быть, единственно только тут это и было. Здесь, в этой семье, он был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем. Он клялся не раз Погорельцевым, что поживет еще немного в свете, а там пере-едет к ним совсем и станет жить с ними, уже не разлучаясь. Про себя он думал об этом намерении вовсе не шутя.

Он довольно подробно изложил им о Лизе всё, что было надо; но достаточно было одной его просьбы, безо всяких особенных изложений. Клавдия Петровна расцеловала «сиротку» и обещала сделать всё с своей стороны. Дети подхватили Лизу и увели играть в сад. Через полчаса живого разговора Вельчанинов встал и стал прощаться. Он был в таком нетерпении, что всем это стало заметно. Все удивились: не был три не-дели и теперь уезжает через полчаса. Он смеялся и клялся, что приедет завтра. Ему заметили, что он в слишком сильном волнении; он вдруг взял за руки Клавдию Петровну и под предлогом, что забыл сказать что-то очень важное, отвел ее в другую комнату.

— Помните вы, что я вам говорил, — вам одной, и чего даже муж ваш не знает, — о т—ском годе моей жизни?

— Слишком помню; вы часто об этом говорили.

— Я не говорил, а я исповедовался, и вам одной, вам одной! Я никогда не называл вам фамилии этой женщины; она — Трусоцкая, жена этого Трусоцкого. Это она умерла, а Лиза ее дочь — моя дочь!

30 — Это наверно? Вы не ошибаетесь? — спросила Клавдия Петровна с некоторым волнением.

— Совершенно, совершенно не ошибаюсь! — восторженно проговорил Вельчанинов.

И он рассказал сколько мог вкратце, спеша и волнуясь ужасно, — всё. Клавдия Петровна и прежде знала это всё, но фамилии этой дамы не знала. Вельчанинову до того становилось всегда страшно при одной мысли, что кто-нибудь из знающих его встретит когда-нибудь т-те Трусоцкую и подумает, что он мог так любить эту женщину, что даже Клавдии Петровне, единственному своему другу, он не посмел открыть до сих пор имени «этой женщины».

— И отец ничего не знает? — спросила та, выслушав рассказ.

— Н-нет, он знает... Это-то меня и мучит, что я еще не разглядел тут всего! — горячо продолжал Вельчанинов. — Он знает, знает; я это заметил сегодня и вчера. Но мне надо знать, сколько именно он тут знает? Я потому и спешу теперь. Сегодня вечером он придет. Не доумеваю, впрочем, откуда бы ему знать, — то есть всё-то знать? Про Багаутова он знает всё, в этом нет сомнения. Но про меня? Вы знаете,

как в этом случае жены умеют заверить своих мужей! Сойди сам ангел с небеси — муж и тому не поверит, а поверит ей! Не качайте головой, не осуждайте меня, я сам себя осуждаю и осудил, во всем давно, давно!.. Видите, давеча у него я до того был уверен, что он знает всё, что компрометировал перед ним себя сам. Верите ли: мне так стыдно и тяжело, что я его вчера так грубо встретил. (Я вам потом всё еще подробнее расскажу!) Он и зашел вчера ко мне из непобедимого злобного желания дать мне знать, что он знает свою обиду и что ему известен обидчик! Вот вся причина его глупого прихода в пьяном виде. Но это так естественно с его стороны! Он именно зашел укорить! Вообще я 10 слишком горячо вел это давеча и вчера! Неосторожно глупо! Сам себя ему выдал! Зачем он в такую расстроенную минуту подъехал? Говорю же вам, что он даже Лизу мучил, мучил ребенка, и наверно тоже, чтоб укорить, чтоб зло сорвать, хоть на ребенке! Да, он озлоблен, — как он ни ничтожен, но он озлоблен; очень даже. Само собою, это не более как шут, хотя прежде, ей-Богу, он имел вид порядочного человека, насколько мог, но ведь — это так естественно, что он пошел беспутничать! Тут, друг мой, по-христиански надо взглянуть! И знаете, милая, добрая моя, — я хочу к нему совсем перемениться: я хочу обласкать его. Это будет даже «доброе дело» с моей стороны. Потому что ведь все-таки я 20 же перед ним виноват! Послушайте, знаете, я вам еще скажу: мне раз в Т. вдруг четыре тысячи рублей понадобились, и он мне выдал их в одну минуту, безо всякого документа, с искреннею радостью, что мог угодить, и ведь я же взял тогда, я ведь из рук его взял, я деньги брал от него, слышите, брал как у друга!

— Только будьте осторожнее, — с беспокойством заметила на всё это Клавдия Петровна, — и как вы восторженны, я, право, боюсь за вас! Конечно, Лиза теперь и моя дочь, но тут так много, так много еще неразрешенного! А главное, будьте теперь осмотрительнее; вам непременно надо быть осмотрительнее, когда вы в счастье или в таком вос- 30 торге; вы слишком великодушны, когда вы в счастье, — прибавила она с улыбкою.

Все вышли провожать Вельчанинова; дети привели Лизу, с которой играли в саду. Они смотрели на нее теперь, казалось, еще с большим недоумением, чем давеча. Лиза задичилась совсем, когда Вельчанинов поцеловал ее при всех, прощаясь, и с жаром повторил обещание приехать завтра с отцом. До последней минуты она молчала и на него не смотрела, но тут вдруг схватила его за рукав и потянула куда-то в сторону, устремив на него умоляющий взгляд; ей хотелось что-то сказать ему. Он тотчас отвел ее в другую комнату. 40

— Что такое, Лиза? — нежно и ободрительно спросил он, но она, всё еще боязливо оглядываясь, потащила его дальше в угол; ей хотелось совсем от всех спрятаться.

— Что такое, Лиза, что такое?

Она молчала и не решалась; неподвижно глядела в его глаза своими голубыми глазами, и во всех чертах ее личика выражался один только безумный страх.

— Он... повесится! — прошептала она как в бреду.

— Кто повесится? — спросил Вельчанинов в испуге.

— Он, он! Он ночью хотел на петле повеситься! — торопясь и задышавшись говорила девочка, — я сама видела! Он давеча хотел на петле повеситься, он мне говорил, говорил! Он и прежде хотел, всегда хотел... Я видела ночью...

— Не может быть! — прошептал Вельчанинов в недоумении. Она вдруг бросилась целовать ему руки; она плакала, едва переводя дыхание от рыданий, просила и умоляла его, но он ничего не мог понять из ее истерического лепета. И навсегда потом остался ему памятен, мерещился наяву и снился во сне этот измученный взгляд замученного ребенка, в безумном страхе и с последней надеждой смотревший на него.

«И неужели, неужели она так его любит? — ревниво и завистливо думал он, с лихорадочным нетерпением возвращаясь в город, — она давеча сама сказала, что мать больше любит... может быть, она его ненавидит, а вовсе не любит!..»

«И что такое: повесится? Что такое она говорила? Ему, дураку, повеситься?.. Надо узнать; надо непременно узнать! Надо всё как можно скорее решить, — решить окончательно!»

VII

МУЖ И ЛЮБОВНИК ЦЕЛУЮТСЯ

Он ужасно спешил «узнать». «Давеча меня ошеломило; давеча некогда было соображать, — думал он, вспоминая первую встречу свою с Лизой, — ну, а теперь — надо узнать». Чтобы поскорее узнать, он в нетерпении велел было прямо везти себя к Трусоцкому, но тотчас одумавшись: «Нет, пусть лучше он сам ко мне придет, а я тем временем поскорее с этими проклятыми делами покончу».

За дела он принялся лихорадочно; но в этот раз сам почувствовал, что очень рассеян и что ему нельзя сегодня заниматься делами. В пять часов, когда уже он отправился обедать, вдруг, в первый раз, пришла ему в голову смешная мысль: что ведь и в самом деле он, может быть, только мешает дело делать, вмешиваясь сам в эту тяжбу, сам суетясь и толкаясь по присутственным местам и лоя своего адвоката, который стал от него прятаться. Он весело рассмеялся над своим предположением. «А ведь приди вчера мне в голову эта мысль, я бы ужасно огорчился», — прибавил он еще веселее. Несмотря на веселость, он становился всё рассеяннее и нетерпеливее; стал наконец задумчив; и хоть за многое цеплялась его беспокойная мысль, в целом ничего не выходило из того, что ему было нужно.

«Мне его нужно, этого человека! — решил он наконец, — его надо разгадать, а уж потом и решать. Тут — дуэль!»

Воротясь домой в семь часов, он Павла Павловича у себя не застал и пришел от того в крайнее удивление, потом в гнев, потом даже в

уныние; наконец стал и бояться: «Бог знает, Бог знает чем это кончится!» — повторял он, то расхаживая по комнате, то протягиваясь на диване, и всё смотря на часы. Наконец уже около девяти часов появился и Павел Павлович. «Если бы этот человек хитрил, то никогда бы лучше не подселел меня, как теперь, — до того я в эту минуту расстроен», — подумал он, вдруг совершенно ободрившись и ужасно повеселев.

На бойкий и веселый вопрос: зачем долго не приходил, — Павел Павлович криво улыбнулся, развязно, не по-вчерашнему, уселся и как-то небрежно отбросил на другой стул свою шляпу с крепом. Вельчанинов тотчас заметил эту развязность и принял к сведению.

10

Спокойно и без лишних слов, без давешнего волнения, рассказал он, в виде отчета, как он отвез Лизу, как ее мило там приняли, как это ей будет полезно, и, мало-помалу, как бы совсем и забыв о Лизе, незаметно свел речь исключительно только на Погорельцевых, — то есть какие это милые люди, как он с ними давно знаком, какой хороший и даже влиятельный человек Погорельцев и тому подобное. Павел Павлович слушал рассеяннo и изредка, исподлобья, с брюзгливой и плутоватой усмешкой поглядывал на рассказчика.

— Пылкий вы человек, — пробормотал он, как-то особенно скверно улыбаясь.

20

— Однако вы сегодня какой-то злой, — с досадой заметил Вельчанинов.

— А отчего же бы мне злым не быть-с, подобно всем другим? — вскинулся вдруг Павел Павлович, точно выскочил из-за угла; даже точно того только и ждал, чтобы выскочить.

— Полная ваша воля, — усмехнулся Вельчанинов, — я подумал, не случилось ли с вами чего?

— И случилось-с! — воскликнул тот, точно хвастаясь, что случилось.

— Что ж это такое?

30

Павел Павлович несколько подождал отвечать:

— Да вот-с всё наш Степан Михайлович чудасит... Багаутов, изящнейший петербургский молодой человек-с, высшего общества-с.

— Не приняли вас опять, что ли?

— Н-нет, именно в этот-то раз и приняли, в первый раз допустили-с, и черты созерцал... только уж у покойника!..

— Что-о-о! Багаутов умер? — ужасно удивился Вельчанинов, хотя казалось, и нечему было ему-то так удивиться.

— Он-с! Неизменный и шестилетний друг! Еще вчера чуть не в полдень помер, а я и не знал! Я, может, в самую-то эту минуту и заходил тогда о здоровье наведаться. Завтра вынос и погребение, уж в гробике лежит-с. Гроб обит бархатом цветом масака, позумент золотой... от нервной горячки помер-с. Допустили, допустили, созерцал черты! Объявил при входе, что истинным другом считался, потому и допустили. Что ж он со мной изволил теперь сотворить, истинный-то и шестилетний друг, — я вас спрашиваю? Я, может, единственно для него одного и в Петербург ехал!

40

— Да за что же вы на него-то сердитесь, — засмеялся Вельчанинов, — ведь он не нарочно же умер!

— Да ведь я и сожалел говорю; друг-то драгоценный; ведь он вот что для меня значил-с.

И Павел Павлович вдруг, совсем неожиданно, сделал двумя пальцами рога над своим лысым лбом и тихо, продолжительно захихикал. Он присидел так, с рогами и хихикая, целые полминуты, с каким-то упоением самой ехидной наглости смотря в глаза Вельчанинову. Тот остолбенел как бы при виде какого-то призрака. Но столбняк его продолжался лишь одно только самое маленькое мгновение; насмешливая и до наглости спокойная улыбка неторопливо появилась на его губах.

— Это что ж такое означало? — спросил он небрежно, растягивая слова.

— Это означало рога-с, — отрезал Павел Павлович, отнимая наконец свои пальцы от лба.

— То есть... ваши рога?

— Мои собственные, благоприобретенные! — ужасно скверно скривился опять Павел Павлович.

Оба помолчали.

20 — Храбрый вы, однако же, человек! — проговорил Вельчанинов.

— Это оттого, что я рога-то вам показал? Знаете ли что, Алексей Иванович, вы бы меня лучше чем-нибудь угостили! Ведь угощал же я вас в Т., целый год-с, каждый божий день-с... Пошлите-ка за бутылочкой, в горле пересохло.

— С удовольствием; вы бы давно сказали. — Вам чего?

— Да что: *вам*, говорите: *нам*; вместе ведь выпьем, неужто нет? — с вызовом, но в то же время и с странным каким-то беспокойством за-сматривал ему в глаза Павел Павлович.

30 — Шампанского?

— А то чего же? До водки еще черед не дошел-с...

Вельчанинов неторопливо встал, позвонил вниз Мавру и распорядился.

— На радость веселой встречи-с, после девятилетней разлуки, — ненужно и неудачно подхихикивал Павел Павлович, — теперь вы, и один уж только вы, у меня и остались истинным другом-с! Нет Степана Михайловича Багаутова! Это как у поэта:

Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Ферсит!

40 И при слове «Ферсит» он пальцем ткнул себе в грудь.

«Да ты, свинья, объяснился бы скорее, а намеков я не люблю», — думал про себя Вельчанинов. Злоба кипела в нем, и он давно уже едва себя сдерживал.

— Вы мне вот что скажите, — начал он досадливо: — если вы так прямо обвиняете Степана Михайловича (он уже теперь не назвал его

просто Багаутовым), — то ведь вам же, кажется, радость, что обидчик ваш умер; чего ж вы злитесь?

— Какая же радость-с? Почему же радость?

— Я по вашим чувствам сужу.

— Хе-хе, на этот счет вы в моих чувствах ошибаетесь-с, по изречению одного мудреца: «Хорош враг мертвый, но еще лучше живой», хи-хи!

— Да вы живого-то лет пять, я думаю, каждый день видели, было время наглядеться, — злобно и нагло заметил Вельчанинов.

— А разве тогда... разве я тогда знал-с? — вскинулся вдруг Павел Павлович, опять точно из-за угла выскочил, даже как бы с какою-то радостью, что ему наконец сделали вопрос, которого он так давно ожидал, — за кого же вы меня, Алексей Иванович, стало быть, почитаете?

И во взгляде его блеснуло вдруг какое-то совершенно новое и неожиданное выражение, как бы преобразившее совсем в другой вид злобное и доселе только подло кривлявшееся его лицо.

— Так неужели же вы ничего не знали! — проговорил озадаченный Вельчанинов с самым внезапным удивлением.

— Так неужто же знал-с? Неужто знал! О, порода — Юпитеров наших! У вас человек всё равно что собака, и вы всех по своей собственной натуре судите! Вот вам-с! Проглотите-ка! — и он с бешенством стукнул по столу кулаком, но тотчас же сам испугался своего стука и уже поглядел боязливо.

Вельчанинов приосанился.

— Послушайте, Павел Павлович, мне решительно ведь всё равно, согласитесь сами, знали вы там или не знали? Если вы не знали, то это делает вам во всяком случае честь, хотя... Впрочем, я даже не понимаю, почему вы меня выбрали своим конфидендом?..

— Я не об вас... не сердитесь, не об вас... — бормотал Павел Павлович, смотря в землю.

Мавра вошла с шампанским.

— Вот и оно! — закричал Павел Павлович, видимо обрадовавшись исходу, — стаканчиков, матушка, стаканчиков; чудесно! Больше ничего от вас, милая, не потребуется. И уж откупорено? Честь вам и слава, милое существо! Ну отправляйтесь!

И вновь ободрившись, он опять с дерзостью посмотрел на Вельчанинова.

— А признайтесь, — хихикнул он вдруг, — что вам ужасно всё это любопытно-с, а вовсе не «решительно всё равно», как вы изволили выговорить, так что вы даже и огорчились бы, если бы я сию минуту встал и ушел-с, ничего вам не объяснив.

— Право, не огорчился бы.

«Ой лжешь!» — говорила улыбка Павла Павловича.

— Ну-с, приступим! — и он разлил вино в стаканы.

— Выпьем тост! — провозгласил он, поднимая стакан: — за здоровье в бозе почившего друга Степана Михайловича!

Он поднял стакан и выпил.

— Я такого тоста не стану пить, — поставил свой стакан Вельчанинов.

— Почему же? Тостик приятный.

— Вот что: вы, войдя теперь, пьяны не были?

— Пил немного. А что-с?

— Ничего особенного, но мне показалось, что вчера и особенно сегодня утром вы искренно сожалели о покойной Наталье Васильевне.

— А кто вам сказал, что я не искренно сожалею о ней и теперь? — тотчас же выскочил опять Павел Павлович, точно опять дернули его за
10 пружинку.

— Я и не к тому; но согласитесь сами, вы могли ошибиться насчет Степана Михайловича, а это — дело важное.

Павел Павлович хитро улыбнулся и подмигнул.

— А уж как бы вам хотелось узнать про то, как сам-то я узнал про Степана Михайловича!

Вельчанинов покраснел:

— Повторяю вам опять, что мне всё равно. «А не вышвырнуть ли его сейчас вон, вместе с бутылкой?» — яростно подумал он и покраснел еще больше.

20 — Ничего-с! — как бы ободряя его, проговорил Павел Павлович и налил себе еще стакан.

— Я вам сейчас объясню, как я «всё» узнал-с, и тем удовлетворю ваши пламенные желания... потому что пламенный вы человек, Алексей Иванович, страшно пламенный человек-с! хе-хе! дайте только мне папиросочку, потому что я с марта месяца...

— Вот вам папироска.

— Развратился я с марта месяца, Алексей Иванович, и вот как всё это произошло-с, — прислушайте-ка-с: — чахотка, как вы сами знаете, милейший друг, — фамильярничал он всё больше и больше, — есть
30 болезнь любопытная-с. Сплошь да рядом чахоточный человек умирает, почти и не подозревая, что он завтра умрет-с. Говорю вам, что за пять еще часов Наталья Васильевна располагалась недели через две к своей тетиньке верст за сорок отправиться. Кроме того, вероятно, известна вам привычка, или, лучше сказать, повадка, общая многим дамам, а может, и кавалерам-с: сохранять у себя старый хлам по части переписки любовной-с. Всего вернее бы в печь, не так ли-с? Нет, всякий-то лоскуточек бумажки у них в ящичках и в несессерах бережно сохраняется; даже поднумеровано по годам, по числам и по разрядам. Утешает это, что ли, уж очень — не знаю-с; а должно быть, для приятных воспоми-
40 наний. — Располагаясь за пять часов до кончины ехать на праздник к тетиньке, Наталья Васильевна естественно и мысли о смерти не имела, даже до самого последнего часу-с, и всё Коха ждала. Так и случилось-с, что померла Наталья Васильевна, а ящичек черного дерева, с перламутровой инкрустацией и с серебром-с, остался у ней в бюро. И красивенький такой ящичек, с ключом-с, фамильный, от бабушки ей достался. Ну-с — в этом вот ящичке всё и открылось-с, то есть всё-с, безо всякого исключения, по дням и по годам, за всё двадцатилетие.

А так как Степан Михайлович решительную склонность к литературе имел, даже страстную повесть одну в журнал отослал, то его произведений в шкатулочке чуть не до сотни нумеров оказалось, — правда, что за пять лет-с. Иные нумера так с собственноручными пометками Натальи Васильевны. Приятно супругу, как вы думаете-с?

Вельчанинов быстро сообразил и припомнил, что он никогда ни одного письма, ни одной записки не написал к Наталье Васильевне. А из Петербурга хотя и написал два письма, но на имя обоих супругов, как и было условлено. На последнее же письмо Натальи Васильевны, в котором ему предписывалась отставка, он и не отвечал.

10

Кончив рассказ, Павел Павлович молчал целую минуту, назойливо улыбаясь и напрашиваясь.

— Что же вы ничего мне не ответили на вопросик-то-с? — проговорил он наконец с явным мучением.

— На какой это вопросик?

— Да вот о приятных-то чувствах супруга-с, открывающего шкатулочку.

— Э, какое мне дело! — желчно махнул рукой Вельчанинов, встал и начал ходить по комнате.

— И бьюсь об заклад, вы теперь думаете: «Свинья же ты, что сам 20 на рога свои указал», хе-хе! Брезгливейший человек... вы-с.

— Ничего я про это не думаю. Напротив, вы слишком раздражены смертью вашего оскорбителя и к тому же вина много выпили. Ничего я не вижу во всем этом необыкновенного; слишком понимаю, для чего вам нужен был живой Багаутов, и готов уважать вашу досаду; но...

— А для чего нужен был мне Багаутов, по вашему мнению-с?

— Это ваше дело.

— Бьюсь об заклад, что вы дуэль подразумевали-с?

— Черт возьми! — всё более и более не сдерживался Вельчанинов, — я думал, что как всякий порядочный человек... в подобных случаях — не унижается до комической болтовни, до глупых кривляний, до смешных жалоб и гадких намеков, которыми сам себя еще больше мает, — а действует явно, прямо, открыто — как порядочный человек!

— Хе-хе, да может, я и не порядочный человек-с?

— Это опять-таки ваше дело... а впрочем, на какой же черт после этого надо было вам живого Багаутова?

— Да хоть бы только поглядеть на дружка-с. Вот бы взяли с ним бутылочку да и выпили вместе.

— Он бы с вами и пить не стал.

— Почему? *Noblesse oblige*?¹ — Ведь вот пьете же вы со мной-с; 40 чем он вас лучше?

— Я с вами не пил.

— Почему же такая вдруг гордость-с?

Вельчанинов вдруг нервно и раздражительно расхохотался:

¹ Положение обязывает? (фр.)

— Фу, черт! да вы решительно «хищный тип» какой-то! Я думал, что вы только «вечный муж» и больше ничего!

— Это как же так «вечный муж», что такое? — насторожил вдруг уши Павел Павлович.

— Так, один тип мужей... долго рассказывать. Убирайтесь-ка лучше, да и пора вам; надоели вы мне!

— А хищно-то что ж? Вы сказали хищно?

— Я сказал, что вы «хищный тип», — в насмешку вам сказал.

— Какой такой «хищный тип»-с? Расскажите, пожалуйста, Алексей Иванович, ради Бога-с, или ради Христа-с.

— Ну да довольно же, довольно! — ужасно вдруг опять рассердился и закричал Вельчанинов; — пора вам, убирайтесь!

— Нет, не довольно-с! — вскочил и Павел Павлович, — даже хоть и надоел я вам, так и тут не довольно, потому что мы еще прежде должны с вами выпить и чокнуться! Выпьем, тогда я уйду-с, а теперь не довольно!

— Павел Павлович, можете вы сегодня убраться к черту или нет?

— Я могу убраться к черту-с, но сперва мы выпьем! Вы сказали, что не хотите пить именно со мной; ну, а я хочу, чтобы вы именно со мной-то и выпили!

Он уже не кривлялся более, он уже не подхихикивал. Всё в нем опять вдруг как бы преобразилось и до того стало противоположно всей фигуре и всему тону еще сейчашнего Павла Павловича, что Вельчанинов был решительно озадачен.

— Эй, выпьем, Алексей Иванович, эй, не отказывайте! — продолжал Павел Павлович, схватив крепко его за руку и странно смотря ему в лицо. Очевидно дело шло не об одной только выпивке.

— Да пожалуй, — пробормотал тот, — где же... тут бурда...

— Ровно на два стакана осталось, бурда чистая-с, но мы выпьем и чокнемся-с! Вот-с, извольте принять ваш стакан.

Они чокнулись и выпили.

— Ну, а коли так, коли так... — ах! — Павел Павлович вдруг схватился за лоб рукой и несколько мгновений оставался в таком положении. Вельчанинову померещилось, что он вот-вот да и выговорит сейчас самое последнее слово. Но Павел Павлович ничего ему не выговорил; он только посмотрел на него и тихо, во весь рот, улыбнулся опять давешней хитрой и подмигивающей улыбкой.

— Чего вы от меня хотите, пьяный вы человек! Дурачите вы меня! — неистово закричал Вельчанинов, затопав ногами.

— Не кричите, не кричите, зачем кричать? — торопливо замахал рукой Павел Павлович, — не дурачу, не дурачу! Вы знаете ли, что вы теперь — вот чем для меня стали.

И вдруг он схватил его руку и поцеловал. Вельчанинов не успел опомниться.

— Вот вы мне теперь кто-с! А теперь — я ко всем чертям!

— Подождите, постойте! — закричал опомнившийся Вельчанинов, — я забыл вам сказать...

Павел Павлович повернулся от дверей.

— Видите, — забормотал Вельчанинов чрезвычайно скоро, краснея и смотря совсем в сторону: — вам бы следовало завтра непременно быть у Погорельцевых... познакомиться и поблагодарить, — непременно...

— Непременно, непременно, уж как и не понять-с! — с чрезвычайно готовностью подхватил Павел Павлович, быстро махая рукой, в знак того, что и напоминать бы не надо.

— И к тому же вас и Лиза очень ждет. Я обещал...

— Лиза, — вернулся вдруг опять Павел Павлович, — Лиза? 10
Знаете ли вы, что такое была для меня Лиза-с, была и есть-с? Была и есть! — закричал он вдруг почти в исступлении, — но... Хе! Это после-с; всё будет после-с... а теперь — мне мало уж того, что мы с вами выпили, Алексей Иванович, мне другое удовлетворение необходимо-с!..

Он положил на стул шляпу и, как давеча, задыхаясь немного, смотрел на него.

— Поцелуйте меня, Алексей Иванович, — предложил он вдруг.

— Вы пьяны? — закричал тот и отшатнулся.

— Пьян-с, а вы всё-таки поцелуйте меня, Алексей Иванович, эй 20 поцелуйте! Ведь поцеловал же я вам сейчас ручку!

Алексей Иванович несколько мгновений молчал, как будто от удара дубиной по лбу. Но вдруг он наклонился к бывшему ему по плечо Павлу Павловичу и поцеловал его в губы, от которых очень пахло вином. Он не совсем, впрочем, был уверен, что поцеловал его.

— Ну уж теперь, теперь... — опять в пьяном исступлении крикнул Павел Павлович, засверкав своими пьяными глазами, — теперь вот что-с: я тогда подумал — «неужто и этот? уж если этот, думаю, если уж и он тоже, так кому же после этого верить!»

Павел Павлович вдруг залился слезами.

— Так понимаете ли, какой вы теперь друг для меня остались?!.. 30

И он выбежал с своей шляпой из комнаты. Вельчанинов опять простоял несколько минут на одном месте, как и после первого посещения Павла Павловича.

«Э, пьяный шут и больше ничего!» — махнул он рукой.

«Решительно больше ничего!» — энергически подтвердил он, когда уже разделся и лег в постель.

VIII

ЛИЗА БОЛЬНА

На другой день поутру, в ожидании Павла Павловича, обещавше- 40
го не запоздать, чтобы ехать к Погорельцевым, Вельчанинов ходил по комнате, прихлебывал свой кофе, курил и каждую минуту сознавался себе, что он похож на человека, проснувшегося утром и каждый миг

вспоминающего о том, как он получил накануне пощечину. «Гм... он слишком понимает, в чем дело, и отмстит мне Лизой!» — думал он в страхе.

Милый образ бедного ребенка грустно мелькнул перед ним. Сердце его забилось сильнее от мысли, что он сегодня же, скоро, через два часа, опять увидит свою Лизу. «Э, что тут говорить! — решил он с жаром, — теперь в этом вся жизнь и вся моя цель! Что там все эти пощечины и воспоминания!.. И для чего я только жил до сих пор? Беспорядок и грусть... а теперь — всё другое, всё по-другому!»

10 Но, несмотря на свой восторг, он задумывался всё более и более.

«Он замучает меня Лизой, — это ясно! И Лизу замучает. Вот на этом-то он меня и доедет, за всё. Гм... без сомнения, я не могу же позволить вчерашних выходок с его стороны, — покраснел он вдруг, — и... и вот, однако же, он не идет, а уж двенадцатый час!»

Он ждал долго, до половины первого, и тоска его возрастала всё более и более. Павел Павлович не являлся. Наконец давно уж шевелившаяся мысль о том, что тот не придет нарочно, единственно для того, чтобы выкинуть еще выходку по-вчерашнему, раздражила его вконец: «Он знает, что я от него завишу, и что будет теперь с Лизой! И как я явлюсь к ней без него!»

20 Наконец он не выдержал и ровно в час пополудни поскакал сам к Покрову. В номерах ему объявили, что Павел Павлович дома и не ночевал, а пришел лишь поутру в девятом часу, побыл всего четверть часика, да и опять отправился. Вельчанинов стоял у двери Павла Павловичева номера, слушал говорившую ему служанку и машинально вертел ручку запертой двери и потягивал ее взад и вперед. Опомившись, он плюнул, оставил замок и попросил сводить его к Марье Сысоевне. Но та, услышав о нем, и сама охотно вышла.

30 Это была добрая баба, «баба с благородными чувствами», — как выразился о ней Вельчанинов, когда передавал потом свой разговор с нею Клавдии Петровне. Расспросив коротко о том, как он отвез вчера «девочку», Марья Сысоевна тотчас же пустилась в рассказы о Павле Павловиче. По ее словам, не будь только робеночка, давно бы она его выжила. Его и из гостиницы сюда выжили, потому что очень уж безобразничал. Ну не грех ли, с собой девку ночью привел, когда тут же робенок с понятием! Кричит: «Это вот тебе будет мать, коли я того захочу!» Так верите ли, чего уж девка, а и та ему плюнула в харю. Кричит: «Ты, говорит, мне не дочь, а в....док».

— Что вы? — испугался Вельчанинов.

40 — Сама слышала. Оно хоть и пьяный человек, ровно как в бесчувствии, да всё же при робенке не годится; хоть и малолеток, а всё умом про себя дойдет! Плачет девочка, совсем, вижу, замучилась. А намерен тут на дворе у нас грех вышел: комиссар, что ли, люди сказывали, номер в гостинице с вечера занял, а к утру и повесился. Сказывали, деньги прогулял. Народ сбежался, Павла-то Павловича самого дома нет, а ребенок без призору ходит, гляжу, и она там в коридоре меж народом, да из-за других и выглядывает, чудно так на висельника-то глядит. Я ее

поскорей сюда отвела. Что ж ты думаешь, — вся дрожью дрожит, почернела вся, и только что привела — она и грохнулась. Билась-билась, насили очнулась. Родимчик, что ли, а с того часу и хворать начала. Узнал он, пришел — исщипал ее всю — потому он не то чтобы драться, а всё больше щипится, а потом нахлестался винища-то, пришел да и пугает ее: «Я, говорит, тоже повешусь, от тебя повешусь; вот на этом самом, говорит, шнурке, на сторе повешусь»; и петлю при ней делает. А та-то себя не помнит — кричит, ручонками его обхватила: «Не буду, кричит, никогда не буду». Жалость!

Вельчанинов хотя и ожидал кой-чего очень странного, но эти рассказы его так поразили, что он даже и не поверил. Марья Сысоевна много еще рассказывала; был, например, один случай, что если бы не Марья Сысоевна, то Лиза из окна бы, может, выбросилась. Он вышел из номера сам точно пьяный. «Я убью его палкой, как собаку, по голове!» — мерещилось ему. И он долго повторял это про себя.

Он нанял коляску и отправился к Погорельцевым. Еще не выезжая из города, коляска принуждена была остановиться на перекрестке, у мостика через канаву, через который пробиралась большая похоронная процессия. И с той и с другой стороны моста стеснилось несколько поджидавших экипажей; останавливался и народ. Похороны были богатые, и поезд провожавших карет был очень длинен, и вот в окошке одной из этих провожавших карет мелькнуло вдруг перед Вельчаниновым лицо Павла Павловича. Он не поверил бы, если бы Павел Павлович не выставился сам из окна и не закивал ему улыбаясь. По-видимому, он ужасно был рад, что узнал Вельчанинова; даже начал делать из кареты ручкой. Вельчанинов выскочил из коляски и, несмотря на тесноту, на городских и на то, что карета Павла Павловича въезжала уже на мост, подбежал к самому окошку. Павел Павлович сидел один.

— Что с вами, — закричал Вельчанинов, — зачем вы не пришли? 30 как вы здесь?

— Долг отдаю-с, — не кричите, не кричите, — долг отдаю, — захихикал Павел Павлович, весело прищуриваясь, — бранные останки истинного друга провожаю, Степана Михайловича.

— Нелепость это всё, пьяный вы, безумный человек! — еще сильнее прокричал озадаченный было на миг Вельчанинов; — выходите сейчас и садитесь со мной; сейчас!

— Не могу-с, долг-с...

— Я вас вытащу! — вопил Вельчанинов.

— А я закричу-с! А я закричу-с! — всё так же весело подхихи- 40 кивал Павел Павлович — точно с ним играют, — прячась, впрочем, в задний угол кареты.

— Берегись, берегись, задавят! — закричал городской. Действительно, при спуске с моста чья-то посторонняя карета, прорвавшая поезд, наделала тревоги. Вельчанинов принужден был отскочить; другие экипажи и народ тотчас же оттеснили его далее. Он плюнул и пробрался к своей коляске.

«Всё равно, такого и без того нельзя с собой везти!» — подумал он с продолжавшимся тревожным изумлением.

Когда он передал Клавдии Петровне рассказ Марьи Сысоевны и странную встречу на похоронах, та сильно задумалась: — Я за вас боюсь, — сказала она ему, — вы должны прервать с ним всякие отношения, и чем скорее, тем лучше.

— Шут он пьяный, и больше ничего! — запальчиво вскричал Вельчанинов, — стану я его бояться! И как я прерву отношения, когда тут Лиза. Вспомните про Лизу!

10 Между тем Лиза лежала больная; вчера вечером с нею началась лихорадка, и из города ждали одного известного доктора, за которым чем свет послали нарочного. Всё это окончательно расстроило Вельчанинова. Клавдия Петровна повела его к больной.

— Я вчера к ней очень присматривалась, — заметила она, остановившись перед комнатой Лизы, — это гордый и угрюмый ребенок; ей стыдно, что она у нас и что отец ее так бросил; вот в чем вся болезнь, по-моему.

— Как бросил? Почему вы думаете, что бросил?

20 — Уж одно то, как он отпустил ее сюда, совсем в незнакомый дом и с человеком... тоже почти незнакомым, или в таких отношениях...

— Да я ее сам взял, силой взял; я не нахожу...

— Ах Боже мой, это уж Лиза, ребенок, находит! По-моему, он просто никогда не придет.

Увидев Вельчанинова одного, Лиза не изумилась; она только скорбно улыбнулась и отвернула свою горевшую в жару головку к стене. Она ничего не отвечала на робкие утешения и на горячие обещания Вельчанинова завтра же наверно привезти ей отца. Выйдя от нее, он вдруг заплакал.

30 Доктор приехал только к вечеру. Осмотрев больную, он с первого слова всех напугал, заметив, что напрасно его не призвали раньше. Когда ему объявили, что больная заболела всего только вчера вечером, он сначала не поверил. «Всё зависит от того, как пройдет эта ночь», — решил он наконец и, сделав свои распоряжения, уехал, обещав прибыть завтра как можно раньше. Вельчанинов хотел было непременно остаться ночевать; но Клавдия Петровна сама упросила его еще раз «попробовать привезти сюда этого изверга».

— Еще раз? — в исступлении переговорил Вельчанинов; — да я его теперь свяжу и в своих руках привезу!

40 Мысль связать и привезти Павла Павловича в руках овладела им вдруг до крайнего нетерпения. — «Ничем, ничем не чувствую я теперь себя пред ним виноватым! — говорил он Клавдии Петровне, прощаясь с нею, — отрекаюсь от всех моих вчерашних низких, плаксивых слов, которые здесь говорил!» — прибавил он в негодовании.

Лиза лежала с закрытыми глазами и, по-видимому, спала; казалось, ей стало лучше. Когда Вельчанинов нагнулся осторожно к ее головке, чтобы, прощаясь, поцеловать хоть краешек ее платья, — она вдруг открыла глаза, точно поджидала его, и прошептала ему: «Увезите меня».

Это была тихая, скорбная просьба, безо всякого оттенка вчерашней раздражительности, но вместе с тем послышалось и что-то такое, как будто она и сама была вполне уверена, что просьбу ее ни за что не исполнят. Чуть только Вельчанинов, совсем в отчаянии, стал уверять ее, что это невозможно, она молча закрыла глаза и ни слова более не проговорила, как будто и не слушала и не видела его.

Въехав в город, он прямо велел везти себя к Покрову. Было уже десять часов; Павла Павловича в номерах не было. Вельчанинов прождал его целые полчаса, расхаживая по коридору в болезненном нетерпении. Марья Сысоевна уверила его наконец, что Павел Павлович вернется 10 разве только к утру чем свет. «Ну, так и я приеду чем свет», — решил Вельчанинов и вне себя отправился домой.

Но каково же было его изумление, когда он, еще не входя к себе, услышал от Мавры, что вчерашний гость уже с десятого часу его ожидает.

«И чай изволили у нас кушать, — и за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали».

IX

ПРИВИДЕНИЕ

Павел Павлович расположился чрезвычайно комфортно. Он сидел 20 на вчерашнем стуле, курил папироски и только что налил себе четвертый, последний стакан из бутылки. Чайник и стакан с недопитым чаем стояли тут же подле него на столе. Раскрасневшееся лицо его сияло благодушием. Он даже снял с себя фрак, по-летнему, и сидел в жилете.

— Извините, вернейший друг! — вскричал он, заведя Вельчанинова и схватываясь с места, чтоб надеть фрак, — снял для пушного наслаждения минутой...

Вельчанинов грозно к нему приблизился.

— Вы не совершенно еще пьяны? Можно еще с вами поговорить?

Павел Павлович несколько оторопел.

— Нет, не совершенно... Помянул усопшего, но — не совершенно-с... 30

— Поймете вы меня?

— С тем и явился, чтобы вас понимать-с.

— Ну, так я же вам прямо начинаю с того, что вы — негодяй! — закричал Вельчанинов сорвавшимся голосом.

— Если с этого начинаете-с, то чем кончите-с? — чуть-чуть протестовал было Павел Павлович, видимо сильно струсивший, но Вельчанинов кричал не слушая:

— Ваша дочь умирает, она больна; бросили вы ее или нет? 40

— Неужто уж умирает-с?

— Она больна, больна, чрезвычайно опасно больна!

— Может, припадки-с...

— Не говорите вздору! Она чрез-вы-чайно опасно больна! Вам следовало ехать уж из того одного...

— Чтоб возблагодарить-с, за гостеприимство возблагодарить! Слишком понимаю-с! Алексей Иванович, дорогой, совершенный, — ухватил он его вдруг за руку обеими своими руками и с пьяным чувством, чуть не со слезами, как бы испрашивая прощения, выкрикивал: — Алексей Иванович, не кричите, не кричите! Умри я, провалился я сейчас пьяный в Неву, — что ж из того-с, при настоящем значении дел-с? А к господину Погорельцеву и всегда поспеем-с...

10 Вельчанинов спохватился и капельку сдержал себя.

— Вы пьяны, а потому я не понимаю, в каком смысле вы говорите, — заметил он строго, — я объясниться всегда с вами готов; даже рад поскорей... Я и ехал... Но прежде всего знайте, что я принимаю меры: вы сегодня должны у меня ночевать! Завтра утром я вас беру и мы едем. Я вас не выпущу! — завопил он опять, — я вас скручу и в руках привезу!.. Удобен вам этот диван? — указал он ему, задыхаясь, на широкий и мягкий диван, стоявший напротив того дивана, на котором спал он сам, у другой стены.

— Помилуйте, да я и везде-с...

20 — Не везде, а на этом диване! Берите, вот вам простыня, одеяло, подушка (всё это Вельчанинов вытащил из шкафа и торопясь выбрасывал Павлу Павловичу, покорно подставившему руку) — стелите сейчас, стели-те же!

Навьюченный Павел Павлович стоял среди комнаты как бы в нерешимости, с длинной, пьяной улыбкой на пьяном лице; но при вторичном грозном окрике Вельчанинова вдруг, со всех ног, бросился хлопотать, отставил стол и пыхтя стал расправлять и настилать простыню. Вельчанинов подошел ему помочь; он был отчасти доволен покорностью и испугом своего гостя.

30 — Допивайте ваш стакан и ложитесь, — скомандовал он опять; он чувствовал, что не мог не командовать: — это вы сами за вином распорядились послать?

— Сам-с, за вином... Я, Алексей Иванович, знал, что вы уже более не пошлете-с.

— Это хорошо, что вы знали, но нужно, чтоб вы еще больше узнали. Объявляю вам еще раз, что я теперь принял меры: кривляний ваших больше не потерплю, пьяных вчерашних поцелуев не потерплю!

— Я ведь и сам, Алексей Иванович, понимаю, что это всего один только раз было возможно-с, — ухмыльнулся Павел Павлович.

40 Услышав ответ, Вельчанинов, шагавший по комнате, почти торжественно остановился вдруг перед Павлом Павловичем:

— Павел Павлович, говорите прямо! Вы умны, я опять сознаюсь в этом, но уверяю вас, что вы на ложной дороге! Говорите прямо, действуйте прямо, и честное слово даю вам — я отвечу на всё, что угодно!

Павел Павлович ухмыльнулся снова своей длинной улыбкой, которая одна уже так бесила Вельчанинова.

— Стойте! — закричал тот опять, — не прикидывайтесь, я насквозь вас вижу! Повторяю: даю вам честное слово, что я готов вам ответить на всё, и вы получите всякое возможное удовлетворение, то есть всякое, даже и невозможное! О, как бы я желал, чтоб вы меня поняли!..

— Если уж вы так добры-с, — осторожно придвинулся к нему Павел Павлович, — то вот-с очень меня заинтересовало то, что вы вчера упоминали про хищный тип-с...

Вельчанинов плюнул и пустился опять, еще скорее, шагать по комнате.

10

— Нет-с, Алексей Иванович, вы не плюйтесь, потому что я очень заинтересован и именно пришел проверить-с... У меня язык плохо вяжется, но вы простите-с. Я ведь об «хищном» этом типе, и об «смирном-с», сам в журнале читал, в отделении критики-с, — припомнил сегодня поутру... только забыл-с, а по правде, тогда и не понял-с. Я вот именно желал разяснить: Степан Михайлович Багаутов, покойник-с, — что, он «хищный» был или «смирный-с»? Как причислить-с?

Вельчанинов всё еще молчал, не переставая шагать.

— Хищный тип это тот, — остановился он вдруг в ярости, — это тот человек, который скорей бы отравил в стакане Багаутова, когда стал бы с ним «шампанское пить» во имя приятной с ним встречи, как вы со мной вчера пили, — а не поехал бы его гроб на кладбище провожать, как вы давеча поехали, черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений и марающих вас самих кривляний! Вас самих!

— Это точно, что не поехал бы-с, — подтвердил Павел Павлович, — только как уж вы, однако, на меня-то-с...

— Это не тот человек, — горячился и кричал Вельчанинов не слушая, — не тот, который напредставит сам себе Бог знает чего, итоги справедливости и юстиции подведет, обиду свою как урок заучит, ноет, кривляется, ломается, на шее у людей виснет — и глядь — на то всё и время свое употребил! Правда, что вы хотели повеситься? Правда?

30

— В хмелю, может, сбредил что, — не помню-с. Нам, Алексей Иванович, как-то и неприлично уж яд-то подсыпать. Кроме того, что чиновник на хорошем счету, — у меня и капитал ведь найдется-с, а может, к тому жениться опять захочу-с.

— Да и в каторгу сошлют.

— Ну да-с, и эта вот неприятность тоже-с, хотя нынче, в судах, много облегчающих обстоятельств подводят. А я вам, Алексей Иванович, один анекдотик преуморительный, давеча в карете вспомнил-с, хотел сообщить-с. Вот вы сказали сейчас: «У людей на шее виснет». Семена Петровича Ливцова, может, припомните-с, к нам в Т. при вас заезжал; ну так брат его младший, тоже петербургский молодой человек считается, в В—ом при губернаторе служил и тоже блистал-с разными качествами-с. Пospорил он раз с Голубенко, полковником, в собрании, в присутствии дам и дамы его сердца, и счел себя оскорбленным, но обиду скушал и затаил; а Голубенко тем временем даму сердца его отбил

40

и руку ей предложил. Что ж вы думаете? Этот Ливцов — даже искренно ведь в дружбу с Голубенкой вошел, совсем помирился, да мало того-с — в шафера к нему сам напросился, венец держал, а как приехали из-под венца, он подошел поздравлять и целовать Голубенку, да при всем-то благородном обществе и при губернаторе, сам во фраке и завитой-с, — как пырнет его в живот ножом — так Голубенку и пока- тился! Это собственный-то шафер, стыд-то какой-с! Да это еще что-с! Главное, что ножом-то пырнул, да и бросился кругом: «Ах что я сделал! Ах что такое я сделал!» — слезы льются, трясется, всем на шею кидается, даже к дамам-с: «Ах что я сделал! Ах что, дескать, такое я теперь сделал!» — хе-хе-хе! уморил-с. Вот только разве жаль Голубенку; да и то выздоровел-с.

— Я не вижу, для чего вы мне рассказали, — строго нахмурился Вельчанинов.

— Да всё к тому же-с, что пырнул же ведь ножом-с, — захихикал Павел Павлович, — ведь уж видно, что не тип-с, а сопля-человек, когда уж самое приличие от страха забыл и к дамам на шею кидается, в присутствии губернатора-с, — а ведь пырнул же-с, достиг своего! Вот я только про это-с.

20 — Убир-райтесь вы к черту, — завопил вдруг не своим голосом Вельчанинов, точно как бы что сорвалось в нем, — убир-райтесь с вашей подпольною дрянью, сам вы подпольная дрянь, — пугать меня вздумал — мучитель ребенка, — низкий человек, — подлец, подлец, подлец! — выкрикивал он, себя не помня и задыхаясь на каждом слове.

Павла Павловича всего передернуло, даже хмель соскочил; губы его задрожали:

— Это меня-то вы, Алексей Иванович, подлецом называете, вы-с и меня-с?

Но Вельчанинов уже очнулся.

30 — Я готов извиниться, — ответил он, помолчав и в мрачном раздумье, — но в таком только случае, если вы сами и сейчас же захотите действовать прямо.

— А я бы и во всяком случае извинился на вашем месте, Алексей Иванович.

— Хорошо, пусть так, — помолчал еще немного Вельчанинов, — извиняюсь перед вами; но согласитесь сами, Павел Павлович, что после всего этого я уже ничем более не считаю себя перед вами обязанным, то есть я в отношении *всего* дела говорю, а не про один теперешний случай.

40 — Ничего-с, что считаться? — ухмыльнулся Павел Павлович, смотря, впрочем, в землю.

— А если так, то тем лучше, тем лучше! Допивайте ваше вино и ложитесь, потому что я все-таки вас не пущу...

— Да что ж вино-с... — немного как бы смутился Павел Павлович, однако подошел к столу и стал допивать свой давно уже налитый последний стакан. Может, он уже и много пил перед этим, так что теперь рука его дрожала и он расплескал часть вина на пол, на рубаш-

ку и на жилет, но все-таки допил до дна, — точно как будто и не мог оставить невыпитым, и, почтительно поставив опорожненный стакан на стол, покорно пошел к своей постели раздеваться.

— А не лучше ли... не ночевать? — проговорил он вдруг с чего-то, уже сняв один сапог и держа его в руках.

— Нет, не лучше! — гнежливо ответил Вельчанинов, неустанно шагавший по комнате, не взглядывая на него.

Тот разделся и лег. Чрез четверть часа улегся и Вельчанинов и потушил свечу.

Он засыпал беспокойно. Что-то новое, еще более спутавшее дело, 10 вдруг откуда-то появившееся, тревожило его теперь, и он чувствовал в то же время, что ему, почему-то, стыдно было этой тревоги. Он уже стал было забываться, но какой-то шорох вдруг его разбудил. Он тотчас же оглянулся на постель Павла Павловича. В комнате было темно (гардины были совсем спущены), но ему показалось, что Павел Павлович не лежит, а привстал и сидит на постели.

— Чего вы? — окликнул Вельчанинов.

— Тень-с, — подождав немного, чуть слышно выговорил Павел Павлович.

— Что такое, какая тень?

20

— Там, в той комнате, в дверь, как бы тень видел-с.

— Чью тень? — спросил, помолчав немного, Вельчанинов.

— Натальи Васильевны-с.

Вельчанинов привстал на ковер и сам заглянул через переднюю в ту комнату, двери в которую всегда стояли открыты. Там на окнах гардин не было, а были только шторы, и потому было гораздо светлее.

— В той комнате нет ничего, а вы пьяны, ложитесь! — сказал Вельчанинов, лег и завернулся в одеяло. Павел Павлович не сказал ни слова и улегся тоже.

— А прежде вы никогда не видали тени? — спросил вдруг Вельчанинов, минут уж десять спустя.

— Однажды как бы и видел-с, — слабо и тоже помедлив, откликнулся Павел Павлович. Затем опять наступило молчание.

Вельчанинов не мог бы сказать наверно, спал ли он или нет, но прошло уже с час — и вдруг он опять обернулся: шорох ли какой его опять разбудил — он тоже не знал, но ему показалось, что, среди совершенной темноты, что-то стояло над ним, белое, еще не доходя до него, но уже посередине комнаты. Он присел на постели и целую минуту всматривался.

— Это вы, Павел Павлович? — проговорил он ослабевшим голосом. Этот собственный голос его, раздавшийся вдруг в тишине и в темноте, показался ему как-то странным.

Ответа не последовало, но в том, что стоял кто-то, уже не было никакого сомнения.

— Это вы... Павел Павлович? — повторил он громче и даже так громко, что если б Павел Павлович спокойно спал на своей постели, то непременно бы проснулся и дал ответ.

Но ответа опять не последовало, зато показалось ему, что эта белая и чуть различаемая фигура еще ближе к нему придвинулась. Затем произошло нечто странное: что-то вдруг в нем как бы сорвалось, точно в-точно как давеча, и он закричал из всех сил самым нелепым, бешеным голосом, задыхаясь чуть не на каждом слове:

— Если вы — пьяный шут — осмелитесь только подумать — что вы можете — меня испугать, — то я обернусь к стене, завернусь с головой и ни разу не обернусь во всю ночь, — чтобы тебе доказать, во что я ценю — хоть бы вы простояли до утра... шутом... и на вас плюю!..

10 И он, яростно плюнув в сторону предполагаемого Павла Павловича, вдруг обернулся к стене, завернулся, как сказал, в одеяло и как бы замер в этом положении не шевелясь. Настала мертвая тишина. Придвигалась ли тень или стояла на месте — он не мог узнать, но сердце его билось — билось — билось... Прошло по крайней мере полных минут пять; и вдруг, в двух шагах от него, раздался слабый, совсем жалобный голос Павла Павловича:

— Я, Алексей Иванович, встал поискать... — (и он назвал один необходимейший домашний предмет) — я там не нашел у себя-с... хотел потихоньку подле вас посмотреть-с, у постели-с.

20 — Что же вы молчали... когда я кричал? — прерывающимся голосом спросил Вельчанинов, — переждав с полминуты.

— Испугался-с. Вы так закричали... я и испугался-с.

— Там в углу налево, к дверям, в шкапике, зажгите свечу...

— Да я и без свечки-с... — смиренно промолвил Павел Павлович, направляясь в угол, — вы уж простите, Алексей Иванович, что вас так потревожил-с... совсем вдруг так охмелел-с...

Но тот уже ничего не ответил. Он всё продолжал лежать лицом к стене и пролежал так всю ночь, ни разу не обернувшись. Уж хотелось ли ему так исполнить слово и показать презрение? — Он сам не знал, что с ним делается; нервное расстройство его перешло наконец почти в бред, и он долго не засыпал. Проснувшись на другое утро, в десятом часу, он вдруг вскочил и присел на постели, точно его подтолкнули, — но Павла Павловича уже не было в комнате! Оставалась одна только пустая, неубранная постель, а сам он улизнул чем свет.

— Я так и знал! — хлопнул себя Вельчанинов ладонью по лбу.

Х

НА КЛАДБИЩЕ

Опасения доктора оправдались, и Лизе вдруг сделалось хуже, — так худо, как и не воображали накануне Вельчанинов и Клавдия Петровна. Вельчанинов поутру застал больную еще в памяти, хотя вся она горела в жару; он уверял потом, что она ему улыбнулась и даже протянула ему свою горячую ручку. Правда ли это было, или только он сам выдумал себе это невольно, в утешение, — проверить ему было неког-

да; к ночи больная была уже без памяти, и так продолжалось во всё время болезни. На десятый день своего переезда на дачу она умерла.

Это было скорбное время для Вельчанинова; Погорельцевы даже боялись за него. Большую часть этих тяжелых дней он прожил у них. В самые последние дни болезни Лизы он по целым часам просиживал один, где-нибудь в углу, и, по-видимому, ни об чем не думал; Клавдия Петровна подходила его развлекать, но он отвечал мало, иногда видимо тяготясь с нею разговаривать. Клавдия Петровна даже не ожидала, что на него «всё это произведет такое впечатление». Всего больше развлекали его дети; он с ними даже иногда смеялся; но каждый почти час вставал со стула и на цыпочках шел взглянуть на больную. Иногда ему казалось, что она его узнает. Надежды на выздоровление он не имел никакой, как и все, но от комнаты, в которой умирала Лиза, не отходил и обыкновенно сидел в комнате рядом.

Раза два, впрочем, и в эти дни он вдруг обнаруживал чрезвычайную деятельность: вдруг подымался, бросался в Петербург к докторам, приглашал самых известнейших и составлял консилиумы. Второй, последний консилиум был накануне смерти больной. Дня за три до этого Клавдия Петровна заговорила с Вельчаниновым настойчиво о необходимости отыскать где-нибудь наконец господина Труссоцкого: «в случае несчастья Лизу и похоронить без него нельзя было». Вельчанинов промямлил, что он ему напишет. Тогда старик Погорельцев объявил, что он сам разыщет его через полицию. Вельчанинов написал наконец уведомление в двух строчках и отвез его в Покровскую гостиницу. Павла Павловича по обыкновению не было дома, и он вручил письмо для передачи Марье Сысоевне.

Наконец, умерла Лиза, в прекрасный летний вечер, вместе с закатом солнца, и тут только как бы очнулся Вельчанинов. Когда мертвую убрали, нарядив ее в праздничное белое платье одной из дочерей Клавдии Петровны, и положили в зале на столе, с цветами в сложенных ручках, — он подошел к Клавдии Петровне и, сверкая глазами, объявил ей, что он сейчас же привезет и «убийцу». Не слушая советов поременить до завтра, он немедленно отправился в город.

Он знал, где застать Павла Павловича; не за одними докторами отправлялся он в Петербург. Иногда в эти дни ему казалось, что привези он к умиравшей Лизе отца, и она, услышав его голос, очнется; тогда он как отчаянный пускался его разыскивать. Павел Павлович квартировал по-прежнему в номерах, но в номерах и спрашивать было нечего: «По три дня не ночует и не приходит, — рапортовала Марья Сысоевна, — а придет невзначай пьяный, часу не пробудет и опять потащится; совсем растрепался». Половой из Покровской гостиницы сообщил Вельчанинову, между прочим, что Павел Павлович, еще прежде, посещал каких-то девиц на Вознесенском проспекте. Вельчанинов немедленно разыскал девиц. Задаренные и угощенные особы припомнили тотчас своего гостя, главное по его шляпе с крепом, причем тут же его обрутали, конечно за то, что он к ним больше не ходил. Одна из них, Катя, взялась «во всякое время Павла Павловича разыскать, потому что он

от Машки Простаковой теперь не выходит, а денег у него и дна нет, а Машка эта — не Простакова, а Прохвостова, и в больнице лежала, и захоти только, она, Катя, так сейчас же ее в Сибирь упрячет, всего одно слово скажет». Катя, однако же, не разыскала в тот раз, но зато крепко обещалась в другой. Вот на ее-то содействие и надеялся теперь Вельчанинов.

Прибыв в город уже в десять часов, он немедленно ее вытребовав, заплатив кому следовало за ее отсутствие, и отправился с нею на поиски. Он еще и сам не знал, что собственно он теперь сделает с Павлом Павловичем: убьет ли его за что-то или просто ищет его, чтобы сообщить о смерти дочери и о необходимости его содействия при погребении? На первый раз вышла неудача: оказалось, что Машка Прохвостова разодралась с Павлом Павловичем еще третьего дня и что какой-то казначей «Павлу Павловичу голову скамейкой прошиб». Одним словом, долго он не отыскивался, и наконец, уже только в два часа пополудни, Вельчанинов, при выходе из одного указанного ему заведения, вдруг и неожиданно сам на него натолкнулся.

Павла Павловича подводили к этому заведению две дамы совершенно пьяного; одна из дам придерживала его под руку, а сзади сопровождал им один рослый и размашистый претендент, кричавший во всё горло и страшно грозивший Павлу Павловичу какими-то ужасами. Он кричал между прочим, что тот его «эксплуатировал и отравил ему жизнь». Дело, кажется, шло о каких-то деньгах; дамы очень трусили и спешили. Завидев Вельчанинова, Павел Павлович кинулся к нему с распростертыми руками и закричал, точно его резали:

— Братец родной, защити!

При виде атлетической фигуры Вельчанинова, претендент мигом стушевался; торжествующий Павел Павлович простер ему вслед свой кулак и завопил в знак победы; тут Вельчанинов яростно схватил его за плечи и, сам не зная для чего, стал трясти обеими руками, так что у того зубы застучали. Павел Павлович тотчас же перестал кричать и с тупоумным пьяным испугом смотрел на своего истязателя. Вероятно не зная, что с ним делать далее, Вельчанинов крепко нагнул его и посадил на тротуарную тумбу.

— Лиза умерла! — проговорил он ему.

Павел Павлович, всё еще не спуская с него глаз, сидел на тумбе, поддерживаемый одною из дам. Он понял наконец, и лицо его как-то вдруг осунулось.

— Умерла... — как-то странно прошептал он. Усмехнулся ли он спяна своею скверною длинною улыбкой, или у него скривилось что-то в лице, — Вельчанинов не мог разобрать, но мгновение спустя Павел Павлович поднял с усилием свою дрожавшую правую руку, чтоб перекреститься; крест, однако ж, не сложился, и дрожавшая рука опустилась. Немного погодя он медленно привстал с тумбы, схватился за свою даму и, опираясь на нее, пошел своей дорогой далее, как бы в забытьи, — точно и не было тут Вельчанинова. Но тот ухватил его опять за плечо.

— Понимаешь ли ты, пьяный изверг, что без тебя ее и похоронить нельзя будет! — прокричал он задыхаясь.

Тот повернул к нему голову.

— Артиллерии... прапорщика... помните? — промямлил он тупо воровавшимся языком.

— Что-о-о? — завопил Вельчанинов, болезненно вздрогнув.

— Вот тебе и отец! Ищи его... хоронить...

— Лжешь! — закричал Вельчанинов как потерянный, — ты со злости... я так и знал, что ты это мне приготовишь!

Не помня себя, он занес свой страшный кулак над головою Павла Павловича. Еще мгновение — и он, может быть, убил бы его одним ударом; дамы взвизгнули и отлетели прочь, но Павел Павлович не смигнул даже глазом. Какое-то исступление самой зверской злобы исказило ему всё лицо.

— А знаешь ты, — произнес он гораздо тверже, почти как не пьяный, — нашу русскую? (И он проговорил самое невозможное в печати ругательство.) — Ну так и убирайся к ней! — Затем с силою рванулся из рук Вельчанинова, оступился и чуть не упал. Дамы подхватили его и в этот раз уже побежали, визжа и почти волоча Павла Павловича за собою. Вельчанинов не преследовал.

20

Назавтра, в час пополудни, на дачу Погорельцевых явился один весьма приличный чиновник, средних лет, в вицмундире, и вежливо вручил Клавдии Петровне адресованный на ее имя пакет, от имени Павла Павловича Труссоцкого. В пакете заключалось письмо со вложением трехсот рублей и с необходимыми свидетельствами о Лизе. Павел Павлович писал коротко, чрезвычайно почтительно и весьма прилично. Он весьма благодарил ее превосходительство Клавдию Петровну за ее добродетельное участие к сироте, за которое может ей воздать только один Бог. Неясно упоминал, что крайнее нездоровье не позволит ему явиться лично похоронить нежно им любимую и несчастную дочь, и возлагал в этом все надежды на ангельскую доброту души ее превосходительства. Триста же рублей назначались, как разъяснил он далее в письме, — на похороны и вообще на расходы, причиненные болезнью. Если же бы и осталось что из этой суммы, то покорнейше и почтительнейше просит употребить их на вечное поминовение за упокой души усопшей Лизы. Чиновник, доставивший письмо, не мог ничего более объяснить; даже оказалось из некоторых его слов, что он только по усиленной просьбе Павла Павловича взялся доставить лично пакет ее превосходительству. Погорельцев почти обиделся выражением «о расходах, причиненных болезни», и определил, оставив пятьдесят рублей на погребение, — так как нельзя же было воспретить отцу хоронить свое дитя, — остальные двести пятьдесят рублей возвратить немедленно господину Труссоцкому. Клавдия Петровна решила окончательно возвратить не двести пятьдесят рублей, а расписку из кладбищенской церкви в получении этих денег на вечное поминовение души усопшей отроковицы Елизаветы. Расписка была выдана потом Вельчанинову для вручения немедленно; он отослал ее по почте в номер.

30

40

После похорон он исчез с дачи. Целые две недели слонялся он по городу, безо всякой цели, один, и натякался на людей в задумчивости. Иногда же по целым дням лежал, протянувшись у себя на диване, забывая о самых обыкновенных вещах. Погорельцевы много раз присылали звать его к себе; он обещал и тотчас же забывал. Клавдия Петровна даже приезжала к нему сама, но не заставляла его дома. То же случилось и с его адвокатом; а между тем адвокату было что сообщить: тяжёлое дело было им весьма ловко улажено, и противники соглашались на мировую с вознаграждением весьма незначительной долей оспариваемого ими наследства. Оставалось получить только согласие самого Вельчанинова. Застав его наконец у себя, адвокат был удивлен чрезвычайною вялостью и равнодушием, с которыми он, еще недавно такой беспокойный клиент, его выслушал.

Настали самые жаркие июльские дни, но Вельчанинов забывал самое время. Его горе наболело в его душе, как созревший нарыв, и выяснялось ему поминутно в мучительно-сознательной мысли. Главное страдание его состояло в том, что Лиза не успела узнать его и умерла, не зная, как он мучительно любил ее! Вся цель его жизни, мелькнувшая перед ним в таком радостном свете, вдруг померкла в вечной тьме. Эта цель состояла бы именно в том, — поминутно думал он об этом теперь, — чтобы Лиза каждый день, каждый час и всю жизнь беспрерывно ощущала его любовь на себе. «Выше нет никакой цели ни у кого из людей и не может быть! — задумывался он иногда в мрачном восторге; — если и есть другие цели, то ни одна из них не может быть святее этой!» «Любовью Лизы, — мечтал он, — очистилась и искупилась бы вся моя прежняя смрадная и бесполезная жизнь; взамен меня, праздного, порочного и отжившего, — я взлелеял бы для жизни чистое и прекрасное существо, и за это существо всё было бы мне прощено, и всё бы я сам простил себе».

Все эти сознательные мысли представлялись ему всегда нераздельно с ярким, всегда близким и всегда поражающим его душу воспоминанием об умершем ребенке. Он воссоздавал себе ее бледное личико, припоминал каждое выражение его; он вспоминал ее и в гробу, в цветах, и прежде бесчувственную в жару, с открытыми и неподвижными глазами. Он вспомнил вдруг, что, когда она лежала уже на столе, он заметил у ней один, Бог знает от чего, почерневший в болезни пальчик; это так его поразило тогда, и так жалко ему стало этот бедный пальчик, что тут и вошло ему тогда в голову, в первый раз, отыскать сейчас же и убить Павла Павловича, — до того же времени он «был как бесчувственный». — Гордость ли оскорбленная замучила это детское сердечко, три ли месяца страданий от отца, пережившего вдруг любовь на ненависть и оскорбившего ее позорным словом, смеявшегося над ее испугом и выбросившего ее наконец к чужим людям? — Всё это он представлял себе беспрерывно и варьировал на тысячу ладов. «Знаете ли, что такое была для меня Лиза?» — припомнил он вдруг восклицание пьяного Трусоцкого и чувствовал, что это восклицание было уже не кривлянье, а правда, и что тут была любовь. «Как же мог быть так

жесток этот изверг к ребенку, которого так любил, и вероятно ли это?» Но каждый раз он поскорее бросал этот вопрос и как бы отмахивался от него; что-то ужасное было в этом вопросе, что-то невыносимое для него, и — нерешенное.

В один день, и почти сам не помня как, он забрел на кладбище, на котором похоронили Лизу, и отыскал ее могилку. Ни разу с самых похорон он не был на кладбище; ему всё казалось, что будет уже слишком много муки, и он не смел пойти. Но странно, когда он приник на ее могилку и поцеловал ее, ему вдруг стало легче. Был ясный вечер, солнце закатывалось; кругом, около могил, росла сочная, зеленая трава; недалеко в шиповнике жужжала пчела; цветы и венки, оставленные на могилке Лизы после погребения детьми и Клавдией Петровной, лежали тут же, с облетевшими наполовину листочками. Какая-то даже надежда в первый раз после долгого времени освежила ему сердце. — «Как легко!» — подумал он, чувствуя эту тишину кладбища и глядя на ясное спокойное небо. Прилив какой-то чистой и безмятежной веры во что-то наполнил ему душу. — «Это Лиза послала мне, это она говорит со мной», — подумалось ему.

Совсем уже смеркалось, когда он пошел с кладбища обратно домой. Не так далеко от кладбищенских ворот, по дороге, в низеньком деревянном домике помещалось что-то вроде харчевни или распивочной; в отворенных окнах виднелись посетители, сидевшие за столами. Ему вдруг показалось, что один из них, помещавшийся у самого окна, — Павел Павлович и что он тоже видит его и любопытно его высматривает из окошка. Он пошел далее и вскоре услышал, что его догоняют; за ним бежал и в самом деле Павел Павлович; должно быть, примирительное выражение в лице Вельчанинова привлекло и ободрило его, когда он наблюдал из окошка. Поравнявшись, он, робея, улыбнулся, но уже не прежней пьяной улыбкой; он даже и совсем не был пьян.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — отвечал Вельчанинов.

ХІ

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ЖЕНИТСЯ

Ответив это «здравствуйте», он сам себе удивился. Ужасно странно показалось ему, что встречает теперь этого человека вовсе без злобы и что в его чувствах к нему, в эту минуту, что-то совсем другое и даже какой-то позыв к чему-то новому.

— Вечер какой приятный, — проговорил, засматривая ему в глаза, Павел Павлович.

— Вы еще не уехали, — промолвил Вельчанинов, как бы не спрашивая, а только обдумывая и продолжая идти.

— Затянулось у меня, но — место я получил-с, с повышением-с. Отъезжаю послезавтра наверно.

— Получили место? — на этот раз уже спросил он.

— Почему же бы и нет-с? — покривился вдруг Павел Павлович.

— Я только так сказал... — отговорился Вельчанинов и, нахмурившись, покосился на Павла Павловича. К его удивлению, одежда, шляпа с крепом и весь вид господина Трусовского были несравненно приличнее, чем две недели назад. «Зачем он сидел в этой распивочной?» — всё думалось ему.

— Я вам, Алексей Иванович, намеревался и про другую мою радость сообщить, — начал опять Павел Павлович.

— Радость?

— Я женюсь-с.

— Как?

— После скорби и радость-с, так всегда в жизни-с; я, Алексей Иванович, очень бы желал-с... но — не знаю, может, вы теперь спешите, потому что у вас такой вид-с...

— Да, я спешу и... да, я нездоров.

Ему ужасно вдруг захотелось отделаться; готовность к какому-то новому чувству вмиг исчезла.

20 — А я бы желал-с...

Павел Павлович не договорил, чего он желал; Вельчанинов промолчал.

— В таком случае уже после-с, если только повстречаемся...

— Да, да, после, после, — скороговоркой бормотал Вельчанинов, не глядя на него и не останавливаясь. Еще помолчали с минуту; Павел Павлович всё еще продолжал идти подле.

— В таком случае до свиданья-с, — вымолвил он наконец.

— До свиданья; желаю...

30 Вельчанинов воротился домой опять совсем расстроенный. Столкновение с «этим человеком» было ему не под силу. Ложась спать, он опять подумал: «Зачем он был у кладбища?»

На другой день поутру он решился наконец съездить к Погорельцевым, решился неохотно; ему слишком тяжело было теперь чье-нибудь участие, даже и от Погорельцевых. Но они так о нем беспокоились, что непременно надо было поехать. Ему вдруг представилось, что ему станет почему-то очень стыдно при первой с ними встрече. «Ехать или не ехать?» — думал он, спеша окончить завтрак, как вдруг, к чрезвычайному его изумлению, к нему вошел Павел Павлович.

40 Несмотря на вчерашнюю встречу, Вельчанинов и представить не мог, что этот человек когда-нибудь опять зайдет к нему, и был так озадачен, что глядел на него и не знал, что сказать. Но Павел Павлович распорядился сам, поздоровался и уселся на том же самом стуле, на котором сидел три недели назад в последнее свое посещение. Вельчанинов вдруг особенно ярко припомнилось то посещение. Беспокойно и с отвращением смотрел он на гостя.

— Удивляетесь-с? — начал Павел Павлович, угадавший взгляд Вельчанинова.

Вообще он казался гораздо развязнее, чем вчера, и в то же время проглядывало, что он и робел еще больше вчерашнего. Наружный вид его был особенно любопытен. Господин Трусоцкий был не только прилично, но и франтовски одет — в легком летнем пиджаке, в светлых брюках в обтяжку, в светлом жилете; перчатки, золотой лорнет, для чего-то вдруг появившийся, белье — были безукоризненны; от него даже пахло духами. Во всей фигуре его было что-то и смешное и в то же время наводившее на какую-то странную и неприятную мысль.

— Конечно, Алексей Иванович, — продолжал он коротясь, — 10
я вас удивил приходом-с, и — чувствую-с. Но между людьми, я так думаю-с, всегда сохраняется, — а по-моему, так и должно храниться-с, — нечто высшее, так ли-с? То есть высшее относительно всех условий и даже самых неприятностей, могущих выйти... так ли-с?

— Павел Павлович, скажите всё поскорее и без церемоний, — нахмурился Вельчанинов.

— В двух словах-с, — заспешил Павел Павлович: — я женюсь и отправляюсь теперь к невесте, сейчас-с. Они тоже на даче-с. Я желал бы получить глубокую честь, чтобы осмелиться познакомиться вас с этим домом-с, и пришел-с с необычайною просьбою (Павел Павлович по- 20
корно нагнул голову) просить вас, чтобы мне сопутствовать-с...

— Куда сопутствовать? — Вельчанинов вытаращил глаза.

— К ним-с, то есть на дачу-с. Простите, я как в лихорадке говорю и, может, спутал; но я так уж вашего отказа боюсь-с...

И он плачевно посмотрел на Вельчанинова.

— Вы хотите, чтобы я с вами ехал теперь к вашей невесте? — переговорил Вельчанинов, быстро его оглядывая и не веря ни ушам, ни глазам своим.

— Да-с, — ужасно оробел вдруг Павел Павлович. — Вы не рас-
сердитесь, Алексей Иванович, тут не дерзость-с; я только покорнейше 30
и необычайно прошу. Я помечтал, что, может быть, вы и не захотели бы при этом отказать...

— Во-первых, это вовсе невозможно, — беспокойно заворочался Вельчанинов.

— Это только мое чрезмерное желание и не более-с, — продолжал тот умолять, — я не скрою тоже, что есть тут и причина-с. Но о причине этой хотел бы открыть лишь после-с, а теперь лишь необычайно прошу-с...

И он даже встал со стула от почтения.

— Но во всяком случае это невозможно же, согласитесь сами... — 40
Вельчанинов тоже встал с места.

— Это очень возможно-с, Алексей Иванович, — я при этом вас располагал познакомиться-с, так, как приятеля-с; а во-вторых, вы ведь и без того там знакомы-с; ведь это к Захлебнину, на дачу. Статский советник Захлебнин-с.

— Как так? — вскричал Вельчанинов. Это был тот самый статский советник, которого он с месяц назад всё искал и не заставлял до-

ма, действовавший, как оказалось, в пользу противной стороны в его тяжбе.

— Ну да, ну да, — улыбался Павел Павлович, как бы ободренный чрезвычайным удивлением Вельчанинова, — тот самый, вот еще помните, когда вы тогда шли с ним и разговаривали, а я глядел на вас и стоял напротив; я тогда выжидал, чтобы к нему подойти после вас. Назад лет двадцать вместе даже служили-с, а тогда, когда я подойти хотел после вас-с, у меня еще не было мысли. Теперь только внезапно пришла, с неделю назад-с.

10 — Но послушайте, ведь это, кажется, весьма порядочное семейство? — наивно удивился Вельчанинов.

— Так почему же-с, если порядочное? — покривился Павел Павлович.

— Нет, разумеется я не про то... но сколько я заметил, там бывши...

— Они помнят, они помнят-с, как вы были, — радостно подхватил Павел Павлович, — только вы семейства не могли тогда увидеть-с; а сам он помнит-с, и вас уважает. Я им почтительно об вас говорил.

— Но как же, если вы только три месяца вдовееете?

20 — Да ведь не сейчас свадьба-то-с; свадьба через девять или через десять месяцев будет, так что ровно год траура и пройдет-с. Поверьте, что всё хорошо-с. Во-первых, Федосей Петрович меня даже с малолетства знает, знал покойную супругу мою, знает, как я жил, на каком счету-с, и наконец у меня есть состояние, а теперь вот и место с повышением получаю, — так это всё и на весу-с.

— Что ж, это дочь его?

30 — Я вам всё это расскажу в подробности-с, — приятно съезжился Павел Павлович, — позвольте папиросочку закурю. К тому же вы сами сегодня увидите. Во-первых, такие дельцы, как Федосей Петрович, здесь в Петербурге иногда очень на службе ценятся, если успеют обратить внимание-с. Но ведь кроме жалованья и пуще того — прибавочных, наградных, дополнительных, столовых или там единовременных пособий-с — ничего ведь и нет-с, то есть основного-то-с, составляющего капитал. Живут хорошо, а скопить никак невозможно, если при семействе-с. Сообразите сами: восемь девиц у Федосея Петровича и один только сын малолеток. Умри он сейчас — останется ведь только пенсия жиденькая-с. А тут восемь девиц, — нет, вы только сообразите-с, сообразите-с: ведь это если каждой по башмакам, так и тут что составит! Из восьми девиц пять уж невест-с, старшей-то двадцать че-
40 тыре года (прелестнейшая девица, сами увидите-с!), а шестой — пятнадцать лет, еще в гимназии учится. Ведь для пяти-то старших девиц надо женихов приискать, что по возможности заблаговременнее делать следует, отцу-с, надо, стало быть, вывозить-с, — чего же это стоит, я вас спрошу-с? И вдруг я появляюсь, еще первый жених у них в доме-с, и им известен заведомо, то есть в том смысле, что при действительном состоянии-с. Ну вот и всё-с.

Павел Павлович объяснял с упоением.

— Вы к старшей посватались?

— Н-нет-с, я... не к старшей; я вот к этой шестой посватался, вот которая еще продолжает учение в гимназии.

— Как? — невольно усмехнулся Вельчанинов, — да ведь вы же говорите, ей пятнадцать лет!

— Пятнадцать-с теперь; но через девять месяцев ей будет шестнадцать, шестнадцать лет и три месяца, так почему же-с? А так как теперь всё это неприлично-с, то гласного покамест и нет ничего, а только с родителями... Поверьте, что всё хорошо-с!

— Стало быть, еще не решено?

10

— Нет, решено, всё решено-с. Поверьте, что всё хорошо-с.

— А она знает?

— То есть это только вид такой, для приличия, что будто и не говорят; а ведь как же не знать-с? — приятно прищурился Павел Павлович; — что же, осчастливите, Алексей Иванович? — ужасно робко закончил он.

— Да зачем мне-то туда? Впрочем, — прибавил он торопливо, — так как я во всяком случае не поеду, то и не выставляйте мне никаких причин.

— Алексей Иванович...

20

— Да неужели же я с вами рядом сяду и поеду, подумайте!

Отвратительное и неприязненное ощущение возвратилось опять к нему после минутного развлечения болтовней Павла Павловича о невесте. Еще бы, кажется, минута, и он прогнал бы его вовсе. Он злился даже на себя за что-то.

— Сядьте, Алексей Иванович, сядьте рядом и не раскаетесь! — проникнутым голосом умолял Павел Павлович, — нет-нет-нет! — замахал он руками, поймав нетерпеливый и решительный жест Вельчанинова, — Алексей Иванович, Алексей Иванович, подождите предreshать-с! Я вижу, что вы, может быть, превратно меня поняли: ведь я слишком хорошо понимаю, что ни вы мне, ни я вам — мы не товарищи-с; я ведь не до того уж нелеп-с, чтоб уж этого не понять-с. И что теперешняя услуга, о которой прошу, ни к чему в дальнейшем вам не вменяется. Да и сам я послезавтра уеду совсем-с, совершенно-с; значит, как бы и не было ничего. Пусть этот день будет один только случай-с. Я к вам шел и надежду основал на благородстве особенных чувств вашего сердца, Алексей Иванович, — именно на тех самых чувствах, которые в последнее время могли быть в вашем сердце возбуждены-с... Ясно ведь, кажется, я говорю или еще нет-с?

30

Волнение Павла Павловича возросло до чрезвычайности. Вельчанинов странно глядел на него.

40

— Вы просите о какой-то услуге с моей стороны, — спросил он задумываясь, — и ужасно настаиваете, — это мне подозрительно; я хочу больше знать.

— Вся услуга лишь в том, что вы со мной поедете. А потом, когда приедем обратно, я всё разверну перед вами как на исповеди. Алексей Иванович, доверьтесь!

Но Вельчанинов всё ещё отказывался, и тем упорнее, что ощущал в себе одну какую-то тяжелую, злобную мысль. Эта злая мысль уже давно зашевелилась в нем, с самого начала, как только Павел Павлович возвестил о невесте; простое ли это было любопытство, или какое-то совершенно ещё неясное влечение, но его тянуло — согласиться. И чем больше тянуло, тем более он оборонялся. Он сидел, облокотясь на руку, и раздумывал. Павел Павлович юлил около него и упрашивал.

— Хорошо, поеду, — согласился он вдруг беспокойно и почти тревожно, вставая с места. Павел Павлович обрадовался чрезмерно.

10 — Нет уж вы, Алексей Иванович, теперь приоденьтесь, — юлил он радостно вокруг одевавшегося Вельчанинова, — получше, по-вашему оденьтесь.

«И чего он сам туда лезет, странный человек?» — думал про себя Вельчанинов.

— А ведь я не одной этой услуги от вас, Алексей Иванович, ожидаю-с. Уж коли дали согласие, так уж будьте и руководителем-с.

— Например?

— Например, большой вопрос-с: креп-с? Что приличнее: снять или с крепом остаться?

20 — Как хотите.

— Нет, я вашего решения желаю-с, как бы вы поступили сами, то есть если бы имели креп-с? Моя собственная мысль была, что если сохранить, так это на постоянство чувств-с укажет-с, а стало быть, лестно отрекомендует.

— Разумеется, снимите.

— Неужто уж и разумеется? — Павел Павлович задумался. — Нет, уж я бы лучше сохранил-с...

— Как хотите. — «Однако он мне не доверяет, это хорошо», — подумал Вельчанинов.

30 Они вышли; Павел Павлович с довольством приглядывался к принарядившемуся Вельчанинову; даже как будто больше почтения и важности проявилось в его лице. Вельчанинов дивился на него, и ещё больше на себя самого. У ворот стояла поджидавшая их превосходная коляска.

— А у вас уже и коляска была готова? Стало быть, вы были уверены, что я поеду?

— Коляску я взял для себя-с, но почти уверен был, что вы согласитесь поехать, — ответил Павел Павлович с видом совершенно счастливого человека.

40 — Эй, Павел Павлович, — как-то раздражительно засмеялся Вельчанинов, когда уже уселись и тронулись, — не слишком ли вы во мне уверены?

— Но ведь не вам же, Алексей Иванович, не вам же сказать мне за это, что я дурак? — твердо и проникнутым голосом ответил Павел Павлович.

«А Лиза?» — подумал Вельчанинов и тотчас же бросил об этом думать, как бы испугавшись какого-то кощунства. И вдруг ему пока-

залось, что он сам так мелок, так ничтожен в эту минуту; показалось, что мысль, его соблазнявшая, — такая маленькая, такая скверенькая мысль... и во что бы то ни стало захотелось ему опять всё бросить и хоть сейчас выйти из коляски, даже если б надо было для этого прибить Павла Павловича. Но тот заговорил, и соблазн опять охватил его сердце.

— Алексей Иванович, знаете вы толк в драгоценных вещах-с?

— В каких драгоценных вещах?

— В бриллиантовых-с.

— Знаю.

— Я бы хотел подарочек свезти. Руководите: надо или нет?

— По-моему, не надо.

— А я так бы очень хотел-с, — заворочался Павел Павлович, — только вот что же бы купить-с? Весь ли прибор, то есть брошь, серьги, браслет, или одну только вещицу?

— Вы сколько хотите заплатить?

— Да уж рублей четырехста или пятисот-с.

— Ух!

— Много, что ли? — встрепенулся Павел Павлович.

— Купите один браслет, во сто рублей.

10

20

Павел Павлович даже огорчился. Ему ужасно как хотелось заплатить дороже и купить «весь» прибор. Он настаивал. Заехали в магазин. Кончилось тем, однако же, что купили только один браслет и не тот, который хотелось Павлу Павловичу, а тот, на который указал Вельчанинов. Павлу Павловичу хотелось взять оба. Когда купец, запросивший сто семьдесят пять рублей за браслет, спустил за сто пятьдесят, — то ему стало даже досадно; он с приятностью заплатил бы и двести, если бы с него запросили, так уж хотелось ему заплатить по дороже.

— Это ничего, что я так подарками спешу, — изливался он в упоении, когда опять поехали, — там ведь не высший свет, там просто-с. Невинность любит подарочки, — хитро и весело улынулся он. — Вы вот усмехнулись давеча, Алексей Иванович, на то, что пятнадцать лет; а ведь мне это-то и в голову стукнуло, — именно что вот в гимназию еще ходит, с мешочком на руке, в котором тетрадки и перушки, хе-хе! Мешочек-то и пленил мои мысли! Я собственно для невинности, Алексей Иванович. Дело для меня не столько в красоте лица, сколько в этом-с. Хихикают там с подружкой в уголку, и как смеются, и Боже мой! А чему-с: весь-то смех из того, что кошечка с комода на постельку соскочила и клубочком свернулась... Так тут ведь свежим яблочком пахнет-с! Аль снять уж креп?

— Как хотите.

— Сниму! — Он снял шляпу, сорвал креп и выбросил на дорогу. Вельчанинов видел, что лицо его засияло самой ясной надеждой, когда он надел опять шляпу на свою лысую голову.

«Да неужто он и в самом деле такой? — подумал он в настоящей уже злобе, — неужто тут нет никакой штуки в том, что он меня при-

гласил? Неужто и в самом деле на благородство мое рассчитывает? — продолжал он, почти обидевшись последним предположением. — Что это, шут, дурак или „вечный муж”? Да невозможно же, наконец!..»

ХII

У ЗАХЛЕБИНИНЫХ

Захлебнины были действительно «очень порядочное семейство», как выразился давеча Вельчанинов, а сам Захлебнин был весьма солидный чиновник, и на виду. Правда была и всё то, что говорил Павел Павлович насчет их доходов: «Живут, кажется, хорошо, а умри человек, и ничего не останется».

Старик Захлебнин прекрасно и дружески встретил Вельчанинова и из прежнего «врага» совершенно обратился в приятеля.

— Поздравляю, так-то лучше, — заговорил он с первого слова, с приятным и осанистым видом, — я сам на мировой настаивал, а Петр Карлович (адвокат Вельчанинова) золотой на этот счет человек. Что ж? Тысяч шестьдесят получите и без хлопот, без проволочек, без ссор! А на три года могло затянуться дело!

Вельчанинов тотчас был представлен и m-me Захлебининой, весьма расплывшейся пожилой даме, с простоватым и усталым лицом. Ста-
20 ли выплывать и девицы, одна за другой или парами. Но что-то очень уж много явилось девиц; мало-помалу собралось их до десяти или до двенадцати, — Вельчанинов и сосчитать не мог; одни входили, другие выходили. Но в числе их было много дачных соседок-подружек. Дача Захлебининых — большой деревянный дом, в неизвестном, но причудливом вкусе, с разновременными пристройками, — пользовалась большим садом; но в этот сад выходили еще три или четыре другие дачи с разных сторон, так что большой сад был общий, что естественно и способствовало сближению девиц с дачными соседками. Вельчанинов с первых же слов разговора заметил, что его уже здесь ожидали и что
30 приезд его, в качестве Павла Павловичева друга, желающего познакомиться, был чуть ли не торжественно возвещен. Зоркий и опытный в этих делах его взгляд скоро отличил тут даже нечто особенное: по слишком любезному приему родителей, по некоторому особенному виду девиц и их наряду (хотя, впрочем, день был праздничный) у него замелькало подозрение, что Павел Павлович схитрил и, очень могло быть, что внушил здесь, не говоря, разумеется, прямых слов, нечто вроде предположения об нем как о скучающем холостяке, «хорошего общества», с состоянием и который, очень и очень может быть, наконец вдруг решился «положить предел» и устроиться, — «тем более что и наследство
40 получил». Кажется, старшая m-lle Захлебининая, Катерина Федосеевна, именно та, которой было двадцать четыре года и о которой Павел Павлович выразился как о прелестной особе, была несколько настроена на этот тон. Она особенно выдавалась перед сестрами своим костюмом и

какою-то оригинальною уборкою своих пышных волос. Сестры же и все другие девицы глядели так, как будто и им уже было твердо известно, что Вельчанинов знакомится «для Кати» и приехал ее «посмотреть». Их взгляды и некоторые даже словечки, промелькнувшие невзначай в продолжение дня, подтвердили ему потом эту догадку. Катерина Федосеевна была высокая, полная до роскоши блондинка, с чрезвычайно милым лицом, характера очевидно тихого и не предприимчивого, даже сонливого. «Странно, что такая засиделась, — невольно подумал Вельчанинов, с удовольствием к ней приглядываясь, — пусть без приданого и скоро совсем расплывется, но покамест на это столько любителей...» 10
Все остальные сестры были тоже не совсем дурны собой, а между подружками мелькало несколько забавных и даже хорошеньких личик. Это стало его забавлять; а впрочем, он и вошел с особенными мыслями.

Надежда Федосеевна, шестая, гимназистка и предполагаемая невеста Павла Павловича, заставила себя подождать. Вельчанинов ждал ее с нетерпением, чему сам дивился и усмехался про себя. Наконец она показалась, и не без эффекта, в сопровождении одной бойкой и вострой подружки, Марьи Никитишны, брюнетки с смешным лицом и которой, как оказалось сейчас же, чрезвычайно боялся Павел Павлович. Эта Марья Никитишна, девушка лет уже двадцати трех, зубоскалка и даже 20
умница, была гувернанткой маленьких детей в одном соседнем и знакомом семействе и давно уже считалась как родная у Захлебниных, а девицами ценилась ужасно. Видно было, что она особенно необходима теперь и Наде. С первого взгляда разглядел Вельчанинов, что девицы были все против Павла Павловича, даже и подружки, а во вторую минуту после выхода Нади он решил, что и она его *ненавидит*. Заметил тоже, что Павел Павлович совершенно этого не примечает или не хочет примечать. Бесспорно, Надя была лучше всех сестер, — маленькая брюнетка, с видом дикарки и с смелостью нигилистки; вороватый бесенок с огненными глазками, с прелестной улыбкой, хотя часто и 30
злой, с удивительными губками и зубками, тоненькая, стройненькая, с зачинавшеюся мыслью в горячем выражении лица, в то же время почти совсем еще детского. Пятнадцать лет сказывались в каждом ее шаге, в каждом слове. Оказалось потом, что и действительно Павел Павлович увидал ее в первый раз с клеенчатым мешочком в руках; но теперь уже она его не носила.

Подарок браслета совершенно не удался и произвел впечатление даже неприятное. Павел Павлович, только лишь завидел вошедшую невесту, тотчас же подошел к ней ухмыляясь. Дарил он под предлогом «приятного удовольствия, ощущенного им в предыдущий раз по пово- 40
ду спетого Надеждой Федосеевной приятного романса за фортопьянами...» Он сбился, не докончил и стоял как потерянный, протягивая и втыкая в руку Надежды Федосеевны футляр с браслетом, который та не хотела брать и, покраснев от стыда и гнева, отводила свои руки назад. Дерзко оборотилась она к мамаше, на лице которой выражалось замешательство, и громко сказала:

— Я не хочу брать, маман!

— Возьми и поблагодари, — промолвил отец с покойною строгостью, но и он был тоже недоволен: — Лишнее, лишнее! — пробормотал он назидательно Павлу Павловичу. Надя, нечего делать, футляр взяла и, опустив глазки, присела, как приседают маленькие девочки, то есть вдруг бултыхнулась вниз и вдруг тотчас же привскочила, как на пружинке. Одна из сестер подошла посмотреть, и Надя передала ей футляр еще и не раскрытый, тем показывая, что сама и глядеть не хочет. Браслет вынули, и он стал обходить всех из рук в руки; но все смотрели молча, а иные так и насмешливо. Одна только мамаша промямлила, что браслет очень мил. Павел Павлович готов был провалиться сквозь землю.

Выручил Вельчанинов.

Он вдруг громко и охотно заговорил, схватив первую попавшуюся мысль, и не прошло еще пяти минут, как он уже овладел вниманием всех бывших в гостиной. Он великолепно изучил искусство болтать в светском обществе, то есть искусство казаться совершенно простодушным и показывать в то же время вид, что и слушателей своих считает за таких же простодушных, как сам, людей. Чрезвычайно натурально мог прикинуться он, когда надо, веселейшим и счастливейшим человеком.

20 Очень ловко умел тоже вставить между словами острое и задирающее слово, веселый намек, смешной каламбур, но совершенно как бы невзначай, как бы и не замечая, — тогда как и острота, и каламбур, и самый-то разговор, может быть, давным-давно уже были заготовлены и заучены и уже не раз употреблялись. Но в настоящую минуту к его искусству присоединилась и сама природа: он чувствовал, что настроен, что его что-то влечет; чувствовал в себе полнейшую и победительную уверенность, что через несколько минут все эти глаза будут обращены на него, все эти люди будут слушать только его одного, говорить только с ним, смеяться только тому, что он скажет. И действительно, вскоре послышался смех, мало-помалу в разговор ввязались и другие, — а он в совершенстве овладел умением затягивать в разговор и других, — раздавались уже по три и по четыре говорившие голоса разом. Скучное и усталое лицо госпожи Захлебиной озарилось почти радостью; то же было и с Катериной Федосеевной, которая слушала и смотрела как очарованная. Надя зорко вглядывалась в него исподлобья; заметно было, что она против него уже предубеждена. Это еще более подожгло Вельчанинова. «Злая» Марья Никитишна сумела-таки вернуть в разговор одну довольно чувствительную колкость на его счет; она выдумала и утверждала, что будто бы Павел Павлович отрекомендовал его здесь вчера своим другом детства, и таким образом прибавляла к его годам, ясно намекнув на это, целых семь лет лишних. Но и злой Марье Никитишне он понравился. Павел Павлович решительно был озадачен. Он, конечно, имел понятие о средствах, которыми обладает его друг, и вначале даже был рад его успеху, сам подхихикивал и вмешивался в разговор; но почему-то он мало-помалу стал впадать как бы в раздумье, даже наконец в уныние, что ясно выражалось в его встревоженной физиономии.

— Ну, вы такой гость, которого и занимать не надо, — весело порешил наконец старик Захлебенин, вставая со стула, чтобы отправиться к себе наверх, где у него, несмотря на праздничный день, уже приготовлено было несколько деловых бумаг для просмотра, — а ведь представьте, я вас считал самым мрачным ипохондриком из всех молодых людей. — Вот как ошибаешься!

В зале стоял рояль; Вельчанинов спросил, кто занимается музыкой, и вдруг обратился к Наде.

— А вы, кажется, поете?

— Кто вам сказал? — отрезала Надя.

— Павел Павлович говорил давеча.

— Неправда; я только на смех пою; у меня и голоса нет.

— Да и у меня голоса нет, а пою же.

— Так вы споете нам? Ну так и я вам спою, — сверкнула глазками Надя, — только не теперь, а после обеда. Я терпеть не могу музыки, — прибавила она, — надоели эти фортопьяны; у нас ведь с утра до ночи все играют и поют — одна Катя чего стоит.

Вельчанинов тотчас привязался к слову, и оказалось, что Катерина Федосеевна одна из всех серьезно занимается на фортепьяно. Он тотчас к ней обратился с просьбой сыграть. Всем, видимо, стало приятно, что он обратился к Кате, а тапап так даже покраснела от удовольствия. Катерина Федосеевна встала улыбаясь и пошла к роялю, и вдруг, себе неожиданно, тоже вся покраснелась, и ужасно ей вдруг стало стыдно, что вот она такая большая и уже двадцати четырех лет, и такая полная, а краснеет как девочка, — и всё это было написано на ее лице, когда она садилась играть. Сыграла она что-то из Гайдна и сыграла отчетливо, хотя и без выражения; но она оробела. Когда она кончила, Вельчанинов стал ужасно хвалить ей не ее, а Гайдна и особенно ту маленькую вещицу, которую она сыграла, — и ей, видимо, стало так приятно, и она так благодарно и счастливо слушала похвалы не себе, а Гайдну, что Вельчанинов невольно посмотрел на нее и ласковее и внимательнее: «Э, да ты славная?» — засветилось в его взгляде — и все как бы разом поняли этот взгляд, а особенно сама Катерина Федосеевна.

— У вас славный сад, — обратился он вдруг ко всем, смотря на стеклянные двери балкона, — знаете, — пойдемте-ка все в сад!

— Пойдемте, пойдемте! — раздались радостные взвизги, — точно он угадал самое главное всеобщее желание.

В саду прогуляли до обеда. Госпожа Захлебенина, которой давно уже хотелось пойти заснуть, тоже не удержалась и вышла погулять со всеми, но благоразумно осталась посидеть и отдохнуть на балконе, где тотчас и задремала. В саду взаимные отношения Вельчанинова и всех девиц стали еще дружественнее. Он заметил, что с соседних дач присоединилось два-три очень молодых человека; один был студент, а другой и просто гимназист. Эти тотчас же подскочили каждый к своей девице, и видно было, что и пришли для них; третий же «молодой человек», очень мрачный и взъерошенный двадцатилетний мальчик, в огромных синих очках, стал торопливо и нахмуренно шептаться о чем-то с

Марьей Никитишной и Надей. Он строго осматривал Вельчанинова и, казалось, считал себя обязанным относиться к нему с необыкновенным презрением. Некоторые девицы предлагали поскорее начать играть. На вопрос Вельчанинова, во что они играют, отвечали, что во все игры и в горелки, но что вечером будут играть в пословицы, то есть все садятся и один на время отходит; все же сидящие выбирают пословицу, например: «Тише едешь, дальше будешь», и когда того призвуют, то каждый или каждая по порядку должны приготовить и сказать ему по одной фразе. Первый непременно говорит такую фразу, в которой есть слово «тише», второй такую, в которой есть слово «едешь», и т. д. А тот должен непременно подхватить все эти словечки и по ним угадать пословицу.

— Это должно быть очень забавно, — заметил Вельчанинов.

— Ах нет, прескучно, — ответили два-три голоса разом.

— А то мы в театр тоже играем, — заметила Надя, обращаясь к нему. — Вот видите это толстое дерево, около которого скамьей обведено: там за деревом будто бы кулисы и там актеры сидят, ну там король, королева, принцесса, молодой человек — как кто захочет; каждый выходит, когда ему вздумается, и говорит, что на ум придет, ну что-нибудь и выходит.

20 — Да это славно! — похвалил еще раз Вельчанинов.

— Ах нет, прескучно! Сначала каждый раз весело выходит, а под конец каждый раз бестолково, потому что никто не умеет кончить; разве вот с вами будет занимательнее. А то мы думали про вас, что вы друг Павла Павловича, а выходит, что он просто нахвастал. Я очень рада, что вы приехали... по одному случаю, — весьма серьезно и внушительно посмотрела она на Вельчанинова и тотчас же отошла к Марье Никитишне.

30 — В пословицы вечером будут играть, — вдруг конфиденциально шепнула Вельчанинову одна подружка, которую он до сих пор едва даже заметил и ни слова еще с нею не выговорил, — вечером над Павлом Павловичем все станут смеяться, так и вы тоже.

— Ах как хорошо, что вы приехали, а то у нас всё так скучно, — дружески проговорила ему другая подружка, которую он уже и совсем до сих пор не заметил, Бог знает вдруг откуда явившаяся, рыженькая, с веснушками и с ужасно смешно разгоревшимся от ходьбы и от жару лицом.

Беспокойство Павла Павловича возрастало всё более и более. В саду под конец Вельчанинов совершенно уже успел сойтись с Надей; она уже не выглядывала, как давеча, исподлобья и отложила, кажется, мысль его осматривать подробнее, а хохотала, прыгала, взвизгивала и раза два даже схватила его за руку; она была счастлива ужасно, на Павла же Павловича продолжала не обращать ни малейшего внимания, как бы не замечая его. Вельчанинов убедился, что существует положительный заговор против Павла Павловича; Надя с толпой девушек отвлекала Вельчанинова в одну сторону, а другие подружки под разными предложениями заманивали Павла Павловича в другую; но тот вырывался и тотчас же опрометью прибегал прямо к ним, то есть к Вельчанинову

и Наде, и вдруг вставлял свою лысую и беспокойно подслушивающую голову между ними. Под конец он уже даже и не стеснялся; наивность его жестов и движений была иногда удивительная. Не мог не обратить еще раз особенного внимания Вельчанинов и на Катерину Федосеевну; ей, конечно, уже стало ясно теперь, что он вовсе не для нее приехал, а слишком уже заинтересовался Надей; но лицо ее было так же мило и благодушно, как давеча. Она, казалось, уже тем одним была счастлива, что находится тоже подле них и слушает то, что говорит новый гость; сама же, беденькая, никак не умела ловко вмешаться в разговор.

10

— А какая славная у вас сестрица Катерина Федосеевна! — сказал Вельчанинов вдруг потихоньку Наде.

— Катя-то! Да добрее разве может быть душа, как у ней? Наш общий ангел, я в нее влюблена, — отвечала та восторженно.

Настал наконец и обед, в пять часов, и тоже очень заметно было, что обед устроен не по-обыкновенному, а нарочно для гостя. Явилось два-три кушанья, очевидно прибавочные к обычному столу, довольно мудреные, а одно из них так и совсем какое-то странное, так что его и назвать никто бы не мог. Кроме обыкновенных столовых вин, появилась тоже, очевидно, придуманная для гостя бутылка токайского; под конец обеда для чего-то подали и шампанское. Старик Захлебнин, выпив лишнюю рюмку, был в самом благодушном настроении и готов был смеяться всему, что говорил Вельчанинов. Кончилось тем, что Павел Павлович наконец не выдержал: увлекшись соревнованием, он вдруг задумал тоже сказать какой-нибудь каламбур и сказал; на конце стола, где он сидел подле m-me Захлебининой, послышался вдруг громкий смех обрадовавшихся девиц.

20

— Папаша, папаша! Павел Павлович тоже каламбур сказал, — кричали две средние Захлебинины в один голос; — он говорит, что мы «девицы, на которых нужно дивиться»...

30

— А, и он каламбурит! Ну какой же он сказал каламбур? — степенным голосом отозвался старик, покровительственно обращаясь к Павлу Павловичу и заранее улыбаясь ожидаемому каламбуру.

— Да вот же он и говорит, что мы «девицы, на которых нужно дивиться».

— Д-да! Ну так что ж? — старик всё еще не понимал и еще добродушнее улыбался в ожидании.

— Ах, папаша, какой вы, не понимаете! Ну девицы и потом дивиться; девицы похоже на дивиться, девицы, на которых нужно дивиться...

40

— А-а-а! — озадаченно протянул старик. — Гм! Ну, — он в другой раз получше скажет! — и старик весело рассмеялся.

— Павел Павлович, нельзя же иметь все совершенства разом! — громко поддразнила Марья Никитишна. — Ах Боже мой, он костью подавился! — воскликнула она и вскочила со стула.

Поднялась даже суматоха, но Марье Никитишне только того и хотелось. Павел Павлович только захлебнулся вином, за которое он

схватился, чтобы скрыть свой конфуз, но Марья Никитишна уверяла и клялась на все стороны, что это «рыбья кость, что она сама видела и что от этого умирают».

— Постучать по затылку! — крикнул кто-то.

— В самом деле и самое лучшее! — громко одобрил Захлебинин, но уже явились и охотницы: Марья Никитишна, рыженькая подружка (тоже приглашенная к обеду) и наконец сама мать семейства, ужасно перепугавшаяся; все хотели стукать Павла Павловича по затылку. Выскочивший из-за стола Павел Павлович отвертывался и целую минуту
10 должен был уверять, что он только поперхнулся вином и что кашель сейчас пройдет, — пока наконец-то догадались, что всё это — проказы Марьи Никитишны.

— Ну, однако, уж ты, забияка!.. — строго заметила m-me Захлебинина Марье Никитишне, — но тотчас не выдержала и расхохоталась так, как с нею редко случалось, что тоже произвело своего рода эффект. После обеда все вышли на балкон пить кофе.

— И какие славные стоят дни! — благосклонно похвалил природу старик, с удовольствием смотря в сад, — только бы вот дождя... Ну а я пойду отдохнуть. С Богом, с Богом, веселитесь! И ты веселись! —
20 стукнул он, выходя, по плечу Павла Павловича.

Когда все опять сошли в сад, Павел Павлович вдруг подбежал к Вельчанинову и дернул его за рукав.

— На одну минутку-с, — прошептал он в нетерпении.

Они вышли в боковую, уединенную дорожку сада.

— Нет, уж здесь извините-с, нет, уж здесь я не дам-с... — яростно захлебываясь, прошептал он, ухватив Вельчанинова за рукав.

— Что? Чего? — спрашивал Вельчанинов, сделав большие глаза. Павел Павлович молча смотрел на него, шевелил губами и яростно улыбулся.

30 — Куда же вы? Где же вы тут? Всё уж готово! — слышались зовущие и нетерпеливые голоса девиц. Вельчанинов пожал плечами и воротился к обществу. Павел Павлович тоже бежал за ним.

— Бьюсь об заклад, что он у вас платка носового просил, — сказала Марья Никитишна; — прошлый раз он тоже забыл.

— Вечно забудет! — подхватила средняя Захлебинина.

— Платок забыл! Павел Павлович платок забыл! Матап, Павел Павлович опять платок носовой забыл, — матап, у Павла Павловича опять насморк! — раздавались голоса.

— Так чего же он не скажет! Какой вы, Павел Павлович, щепетиль-
40 ный! — нараспев протянула m-me Захлебинина; — с насморком опасно шутить; я вам сейчас пришлю платок. И с чего у него всё насморк! — прибавила она уходя, обрадовавшись случаю воротиться домой.

— У меня два платка-с, и нет насморка-с! — прокричал ей вслед Павел Павлович, но та, видно, не разобрала, и через минуту, когда Павел Павлович трусил вслед за всеми и всё поближе к Наде и Вельчанинову, запыхавшаяся горничная догнала его и принесла-таки ему платок.

— Играть, играть, в пословицы играть! — кричали со всех сторон, точно и Бог знает чего ждали от «пословиц».

Выбрали место и уселись на скамейках; досталось отгадывать Марье Никитишне; потребовали, чтоб она ушла как можно дальше и не подслушивала; в отсутствие ее выбрали пословицу и роздали слово. Марья Никитишна воротилась и мигом отгадала. Пословица была: «Страшен сон, да милостив Бог».

За Марьей Никитишной последовал взъерошенный молодой человек в синих очках. От него потребовали еще больше предосторожности, — чтобы он стал у беседки и оборотился лицом совсем к забору. 10
Мрачный молодой человек исполнял свою должность с презрением и даже как будто ощущал некоторое нравственное унижение. Когда его кликнули, он ничего не мог угадать, обошел всех и выслушал, что ему говорили по два раза, долго и мрачно соображал, но ничего не выходило. Его пристыдили. Пословица была:

«За Богом молитва, а за царем служба не пропадают!»

— И пословица-то мерзость! — с негодованием проворчал уязвленный юноша, ретируясь на свое место.

— Ах как скучно! — слышались голоса.

Пошел Вельчанинов; его спрятали еще дальше всех; он тоже не 20 угадал.

— Ах как скучно! — слышалось еще больше голосов.

— Ну теперь я пойду, — сказала Надя.

— Нет, нет, теперь Павел Павлович пойдет, очередь Павлу Павловичу, — закричали все и оживились немножко.

Павла Павловича отвели к самому забору, в угол, и поставили туда лицом, а чтобы он не оглянулся, приставили за ним смотреть рыженькую. Павел Павлович, уже ободрившийся и почти снова развеселившийся, намерен был свято исполнить свой долг и стоял как пень, смотря на забор и не смея обернуться. Рыженькая сторожила его в двадцати 30 шагах позади, ближе к обществу, у беседки, и о чем-то перемигивалась в волнении с девицами; видно было, что и все чего-то ожидали с некоторым даже беспокойством; что-то приготавливалось. Вдруг рыженькая замахала из-за беседки руками. Мигом все вскочили и бросились бежать куда-то сломя голову.

— Бегите, бегите и вы! — шептали Вельчанинову десять голосов чуть не в ужасе от того, что он не бежит.

— Что такое? Что случилось? — спрашивал он, поспевая за всеми.

— Тише, не кричите! Пусть он там стоит и смотрит на забор, а мы 40 все убежим. Вот и Настя бежит.

Рыженькая (Настя) бежала сломя голову, точно Бог знает что случилось, и махала руками. Прибежали наконец все за пруд, совсем на другой конец сада. Когда дошел сюда и Вельчанинов, то увидел, что Катерина Федосеевна сильно спорила со всеми девицами и особенно с Надей и с Марьей Никитишной.

— Катя, голубчик, не сердись! — целовала ее Надя.

— Ну хорошо, я мамаше не скажу, но сама уйду, потому что это очень нехорошо. Что он, бедный, должен там у забора почувствовать.

Она ушла — из жалости, но все остальные пребыли неумолимы и безжалостны по-прежнему. От Вельчанинова строго потребовали, чтобы и он, когда воротится Павел Павлович, не обращал на него внимания, как будто ничего и не случилось. «А мы все давайте играть в горелки!» — прокричала в упоении рыженькая.

Павел Павлович присоединился к обществу по крайней мере только через четверть часа. Две трети этого времени он наверно простоял у забора. Горелки были в полном ходу и удались отлично, — все кричали и веселились. Обезумев от ярости, Павел Павлович прямо подскочил к Вельчанинову и опять схватил его за рукав.

— На одну минуточку-с!

— О, Господи, что он всё с своими минуточками!

— Опять платок просит, — прокричали им вслед.

— Ну уж этот раз это вы-с; тут уж теперь вы-с, вы причинной-с!.. — Павел Павлович даже стучал зубами, выговаривая это.

Вельчанинов прервал его и мирно посоветовал ему быть веселее, а то его совсем задразнят: «Оттого вас и дразнят, что вы злитесь, когда всем весело». К его удивлению, слова и совет ужасно поразили Павла Павловича; он тотчас притих, до того даже, что воротился к обществу как виноватый и покорно принял участие в общих играх; затем его несколько времени не беспокоили и играли с ним, как со всеми, — и не прошло получаса, как он опять почти что развеселился. Во всех играх он ангажировал себе в пару, когда надо было, преимущественно изменницу рыженькую или одну из сестер Захлебининых. Но, к еще пушему своему удивлению, Вельчанинов заметил, что Павел Павлович ни разу почти не осмелился сам заговорить с Надей, хотя беспрерывно юлил подле или невдалеке от нее; по крайней мере свое положение не примечаемого и презираемого ею он принимал как бы так и должное, натуральное. Но под конец с ним все-таки опять сыграли штучку.

Игра была «прятаться». Спрятавшийся мог, впрочем, перебегать по всему тому месту, где позволено было ему спрятаться. Павлу Павловичу, которому удалось схоронить себя, влезши в густой куст, вдруг вздумалось, перебегая, вскочить в дом. Раздались крики, его увидели; он по лестнице поспешно улизнул в антресоли, зная там одно местечко за комодом, где хотел притаиться. Но рыженькая взлетела вслед за ним, подкралась на цыпочках к двери и защелкнула ее на замок. Все тотчас, как давеча, перестали играть и опять убежали за пруд, на другой конец сада. Минут через десять Павел Павлович, почувствовав, что его никто не ищет, выглянул из окошка. Никого не было. Кричать он не смел, чтобы не разбудить родителей; горничной и служанке дано было строгое приказание не являться и не отзываться на зов Павла Павловича. Могла бы отпереть ему Катерина Федосеевна, но она, возвратясь в свою комнатку и сев помечтать, неожиданно тоже заснула. Он проси-

дел таким образом около часу. Наконец стали появляться, как бы невзначай, проходя по две и по три, девицы.

— Павел Павлович, что вы к нам нейдете? Ах, как там весело! Мы в театр играем. Алексей Иванович «молодого человека» представлял.

— Павел Павлович, что же вы нейдете, на вас нужно дивиться! — замечали проходившие другие девицы.

— Чему опять дивиться? — раздался вдруг голос m-me Захлебиной, только что проснувшейся и решившейся наконец пройтись по саду и взглянуть на «детские» игры в ожидании чаю.

10

— Да вот Павел Павлович, — указали ей на окно, в которое выглядывало, искаженно улыбаясь, лицо, побледневшее от злости, — лицо Павла Павловича.

— И охота человеку сидеть одному, когда всем так весело! — покачала головою мать семейства.

Тем временем Вельчанинов удостоился наконец получить от Нади объяснение ее давешних слов о том, что она «рада его приезду по одному случаю». Объяснение произошло в уединенной аллее. Марья Никитишна нарочно вызвала Вельчанинова, участвовавшего в каких-то играх и уже начинавшего сильно тосковать, и привела его в эту аллею, где и оставила его одного с Надей.

20

— Я совершенно убедилась, — затрещала она смелой и быстрой скороговоркой, — что вы вовсе не такой друг Павла Павловича, как он об вас нахвастал. Я рассчитала, что только вы один можете оказать мне одну чрезвычайно важную услугу; вот его давешний скверный браслет, — вынула она футляр из кармашка, — я вас покорнейше буду просить возвратить ему немедленно, потому что сама я ни за что и никогда не заговорю с ним теперь во всю жизнь. Впрочем, можете сказать ему это от моего имени, и прибавьте, чтоб он не смел вперед соваться с подарками. Об остальном я уже дам ему знать через других. Угодно вам сделать мне удовольствие, исполнить мое желание?

30

— Ах, ради Бога, избавьте! — почти вскричал Вельчанинов, замахав руками.

— Как! Как избавьте? — неимоверно удивилась Надя его отказу и вытаращила на него глаза. Весь подготовленный тон ее порвался в один миг, и она чуть уж не плакала. Вельчанинов рассмеялся.

— Я не то чтобы... я очень бы рад... но у меня с ним свои сче-
ты...

— Я знала, что вы ему не друг и что он налгал! — пылко и скоро перебила его Надя; — я никогда не выйду за него замуж, знайте это! Никогда! Я не понимаю даже, как он осмелился... Только вы все-таки должны передать ему его гадкий браслет, а то как же мне быть? Я непременно, непременно хочу, чтоб он сегодня же, в тот же день, получил обратно и гриб съел. А если он нафискалит папаше, то увидит, как ему достанется.

40

Из-за куста вдруг и совсем неожиданно выскочил взъерошенный молодой человек в синих очках.

— Вы должны передать браслет, — неистово накинулся он на Вельчанинова, — уже во имя одних только прав женщины, если вы сами стоите на высоте вопроса...

Но он не успел закончить; Надя рванула его изо всей силы за рукав и оттащила от Вельчанинова.

— Господи, как вы глупы, Предпосылов! — закричала она, — ступайте вон! Ступайте вон, ступайте вон и не смейте подслушивать, я вам приказала далеко стоять!.. — затопала она на него ножками, и когда уже тот улизнул опять в свои кусты, она все-таки продолжала ходить поперек дорожки, как бы вне себя, взад и вперед, сверкая глазками и сложив перед собою обе руки ладошками.

— Вы не поверите, как они глупы! — остановилась она вдруг перед Вельчаниновым, — вам вот смешно, а мне-то каково!

— Это ведь не он, не он? — смеялся Вельчанинов.

— Разумеется, не он, и как только вы могли это подумать! — улыбнулась и покраснелась Надя. — Это только его друг. Но каких он выбирает друзей, я не понимаю, они все там говорят, что это «будущий двигатель», а я ничего не понимаю... Алексей Иванович, мне не к кому обратиться, последнее слово, отдадите вы или нет?

20 — Ну хорошо, отдам, давайте.

— Ах вы милый, ах вы добрый! — обрадовалась вдруг она, передавая ему футляр, — я вам за это целый вечер петь буду, потому что я прекрасно пою, знайте это, а я давеча нагала, что музыки не люблю. Ах кабы вы еще хоть разочек приехали, как бы я была рада, я бы вам всё, всё, всё рассказала, и много бы кроме того, потому что вы такой добрый, такой добрый, как — как Катя!

И действительно, когда воротились домой, к чаю, она ему спела два романса голосом совсем еще необработанным и только что начинавшимся, но довольно приятным и с силой. Павел Павлович, когда все воротились из сада, солидно сидел с родителями за чайным столом, на котором уже кипел большой семейный самовар и расставлены были фамильные чайные чашки северского фарфора. Вероятно, он рассуждал с стариками о весьма серьезных вещах, — так как послезавтра он уезжал на целые девять месяцев. На вошедших из сада, и преимущественно на Вельчанинова, он даже и не поглядел; очевидно было тоже, что он не «нафискалил» и что всё покамест было спокойно.

Но когда Надя стала петь, явился тотчас и он. Надя нарочно не ответила на один его прямой вопрос, но Павла Павловича это не смутило и не поколебало; он стал за спинкой ее стула, и весь вид его показывал, что это его место и что он его никому не уступит.

40 — Алексею Ивановичу петь, тапан, Алексей Иванович хочет спеть! — закричали почти все девицы, теснясь к роялю, за который самоуверенно усаживался Вельчанинов, располагаясь сам себе аккомпанировать. Вышли и старики и Катерина Федосеевна, сидевшая с ними и разливавшая чай.

Вельчанинов выбрал один, почти никому теперь не известный романс Глинки:

Когда в час веселый откроешь ты губки
И мне заворкуешь нежнее голубки...

Он спел его, обращаясь к одной только Наде, стоявшей у самого его локтя и всех к нему ближе. Голосу у него давно уже не было, но видно было по остаткам, что прежде был недурной. Этот романс Вельчанинову удалось слышать в первый раз лет двадцать перед этим, когда он был еще студентом, от самого Глинки, в доме одного приятеля покойного композитора, на литературно-артистической холостой вечеринке. Расходившийся Глинка сыграл и спел все свои любимые вещи из своих сочинений, в том числе этот романс. У него тоже не оставалось тогда голосу, но Вельчанинов помнил чрезвычайное впечатление, произведенное тогда именно этим романсом. Какой-нибудь искусник, салонный певец, никогда бы не достиг такого эффекта. В этом романсе напряжение страсти идет, возвышаясь и увеличиваясь с каждым стихом, с каждым словом; именно от силы этого необычайного напряжения, малейшая фальшь, малейшая утрировка и неправда, — которые так легко сходят с рук в опере, — тут погубили и исказили бы весь смысл. Чтобы пропеть эту маленькую, но необыкновенную вещицу, — нужна была непременно — правда, непременно настоящее полное вдохновение, настоящая страсть или полное поэтическое ее усвоение. 10
Иначе романс не только совсем бы не удался, но мог даже показаться безобразным и чуть ли не каким-то бесстыдным: невозможно было бы выказать такую силу напряжения страстного чувства, не возбудив отвращения, а правда и *простодушие* спасали всё. Вельчанинов помнил, что этот романс ему и самому когда-то удавался. Он почти усвоил манеру пения Глинки; но теперь с первого же звука, с первого стиха и настоящее вдохновение зажглось в его душе и дрогнуло в голосе. С каждым словом романса всё сильнее и смелее прорывалось и обнажалось чувство, в последних стихах послышались крики страсти, и когда он допел, сверкающим взглядом обращаясь к Наде, последние слова 20
романса:

Теперь я смелее гляжу тебе в очи,
Уста приближаю и слушать нет мочи,
Хочу целовать, целовать, целовать!
Хочу целовать, целовать, целовать!

— то Надя вздрогнула почти от испуга, даже капельку отшатнулась назад; румянец залил ее щеки, и в то же мгновение как бы что-то отзывчивое промелькнуло Вельчанинову в застыдившемся и почти оробевшем ее личике. Очарование, а в то же время и недоумение проглядывали и на лицах всех слушательниц; всем как бы казалось, что невозможно и 40
стыдно так петь, а в то же время все эти личики и глазки горели и сверкали и как будто ждали и еще чего-то. Особенно между этими лицами промелькнуло перед Вельчаниновым лицо Катерины Федосеевны, сделавшееся чуть не прекрасным.

— Ну романс! — пробормотал несколько опешенный старик Захлебнин, — но... не слишком ли сильно? Приятно, но сильно...

— Сильно... — отозвалась было и m-me Захлебинина, но Павел Павлович ей не дал докончить: он вдруг выскочил вперед и, как помешанный, забывшись до того, что сам своей рукой схватил за руку Надю и отвел ее от Вельчанинова, подскочил к нему и потерянно смотрел на него, шевеля трясушимися губами.

— На одну минутку-с, — едва выговорил он наконец.

10 Вельчанинов ясно видел, что еще минута, и этот господин может решиться на что-нибудь в десять раз еще нелепее; он взял его поскорее за руку и, не обращая внимания на всеобщее недоумение, вывел на балкон и даже сошел с ним несколько шагов в сад, в котором уже почти совсем стемнело.

— Понимаете ли, что вы должны сейчас же, сию же минуту со мною уехать! — проговорил Павел Павлович.

— Нет, не понимаю...

— Помните ли, — продолжал Павел Павлович своим иступленным шепотом, — помните, как вы потребовали от меня тогда, чтобы я сказал вам всё, всё-с, откровенно-с, «самое последнее слово»... пом-
20 ните ли-с? Ну так пришло время сказать это слово-с... поедemте-с!

Вельчанинов подумал, взглянул еще раз на Павла Павловича и согласился уехать.

Внезапно возвещенный их отъезд взволновал родителей и возмутил всех девиц ужасно.

— Хотя бы по другой чашке чаю... — жалобно простонала m-me Захлебинина.

— Ну уж ты, чего взволновался? — с строгим и недовольным тоном обратился старик к ухмылявшемуся и отмалчивавшемуся Павлу Павловичу.

30 — Павел Павлович, зачем вы увозите Алексея Ивановича? — жалобно заворковали девицы, в то же время ожесточенно на него посматривая. Надя же так злобно на него поглядела, что он весь покривился, но — не сдался.

— А ведь и в самом деле Павел Павлович, — спасибо ему, — напомнил мне о чрезвычайно важном деле, которое я мог упустить, — смеялся Вельчанинов, пожимая руку хозяину, откланиваясь хозяйке и девицам и как бы особенно перед всеми ими Катерине Федосеевне, что было опять всеми замечено.

40 — Мы вам благодарны за посещение и вам всегда рады, все, — веско заключил Захлебнин.

— Ах, мы так рады... — с чувством подхватила мать семейства.

— Приезжайте, Алексей Иванович! приезжайте! — слышались многочисленные голоса с балкона, когда он уже уселся с Павлом Павловичем в коляску; чуть ли не было одного голоска, проговорившего потише других: «Приезжайте, милый, милый Алексей Иванович!»

«Это роженькая!» — подумал Вельчанинов.

ХІІІ

НА ЧЬЕМ КРАЮ БОЛЬШЕ

Он мог подумать о рыженькой, а между тем досада и раскаяние давно уже томили его душу. Да и во весь этот день, казалось бы так забавно проведенный, — тоска почти не оставляла его. Перед тем как петть романс, он уже не знал, куда от нее деваться; может, оттого и пропел с таким увлечением.

«И я мог так унизиться... оторваться от всего!» — начал было он упрекать себя, но поспешно прервал свои мысли. Да и унижительно показалось ему плакаться; гораздо приятнее было на кого-нибудь поско- 10 рей рассердиться.

— Дур-рак! — злобно прошептал он, наклонившись на сидевшего с ним рядом в коляске и примолкшего Павла Павловича.

Павел Павлович упорно молчал, может быть сосредоточиваясь и приготавливаясь. С нетерпеливым жестом снимал он иногда с себя шляпу и вытирал себе лоб платком.

— Потеет! — злобился Вельчанинов.

Однажды только Павел Павлович отнесся с вопросом к кучеру: «Будет гроза или нет?»

— И-и какая! Непременно будет; весь день парило. — Действи- 20 тельно, небо темнело и вспыхивали отдаленные молнии. В город въехали уже в половине одиннадцатого.

— Я ведь к вам-с, — предупредительно обратился Павел Павлович к Вельчанинову, уже неподалеку от дома.

— Понимаю; но я вас уведомляю, что чувствую себя серьезно нездоровым...

— Не засижусь, не засижусь!

Когда стали входить в ворота, Павел Павлович забежал на минутку в дворницкую к Мавре.

— Чего вы туда забегали? — строго спросил Вельчанинов, когда тот догнал его и вошли в комнаты.

— Ничего-с, так-с... извозчик-с...

— Я вам пить не дам!

Ответа не последовало. Вельчанинов зажег свечи, а Павел Павлович тотчас же уселся в кресло. Вельчанинов нахмуренно остановился перед ним.

— Я вам тоже обещал сказать и мое «последнее» слово, — начал он с внутренним, еще подавляемым раздражением, — вот оно, это слово: считаю по совести, что все дела между нами обоюднo покончены, так что нам не об чем даже и говорить; слышите — не об чем; а потому 40 не лучше ли вам сейчас уйти, а я за вами дверь запру.

— Поквитаемтесь, Алексей Иванович! — проговорил Павел Павлович, но как-то особенно кротко смотря ему в глаза.

— По-кви-таемтесь? — удивился ужасно Вельчанинов, — странное слово вы выговорили! В чем же «поквитаемтесь»? Ба! Да это уж

не то ли ваше «последнее слово», которое вы мне давеча обещали... открыть?

— Оно самое-с.

— Не в чем нам более сквитываться, мы — давно сквитались! — гордо произнес Вельчанинов.

— Неужели вы так думаете-с? — проникнутым голосом проговорил Павел Павлович, как-то странно сложив перед собою руки, пальцы в пальцы, и держа их перед грудью. Вельчанинов не ответил ему и пошел шагать по комнате. «Лиза? Лиза?» — стонало в его сердце.

10 — А впрочем, чем же вы хотели сквитаться? — нахмуренно обратился он к нему после довольно продолжительного молчания. Тот всё это время провожал его по комнате глазами, держа перед собою по-прежнему сложенные руки.

— Не ездите туда более-с, — почти прошептал он умоляющим голосом и вдруг встал со стула.

— Как? Так вы только про это? — Вельчанинов злобно рассмеялся; — однако ж дивили вы меня целый день сегодня! — начал было он ядовито, — но вдруг всё лицо его изменилось: — Слушайте меня, — грустно и с глубоким откровенным чувством проговорил он, —
20 я считаю, что никогда и ничем я не унижал себя так, как сегодня, — во-первых, согласившись ехать с вами, и потом — тем, что было там... Это было так мелко, так жалко... я опоганил и оподлил себя, связавшись... и позабыв... Ну да что! — спохватился он вдруг, — слушайте: вы напали на меня сегодня невзначай, на раздраженного и больного... ну да нечего оправдываться! — Туда я более не поеду и уверяю вас, что не имею никаких там интересов, — заключил он решительно.

— Неужели, неужели? — не скрывая своего радостного волнения, вскричал Павел Павлович. Вельчанинов с презрением посмотрел на него и опять пошел расхаживать по комнате.

— Вы, кажется, во что бы то ни стало решились быть счастливым? — не утерпел он наконец не заметить.

— Да-с, — тихо и наивно подтвердил Павел Павлович.

«Что мне в том, — думал Вельчанинов, — что он шут и зол только по глупости? Я его все-таки не могу не ненавидеть, — хотя бы он и не стоил того!»

— Я — «вечный муж-с»! — проговорил Павел Павлович с приниженно-покорною усмешкой над самим собой; — я это словечко давно уже знал от вас, Алексей Иванович, еще когда вы жили с нами там-с.
40 Я много ваших слов тогда запомнил, в тот год. В прошлый раз, когда вы сказали здесь: «вечный муж», я и сообщил-с.

Мавра вошла с бутылкой шампанского и с двумя стаканами.

— Простите, Алексей Иванович, вы знаете, что без этого я не могу-с. Не считите за дерзость, посмотрите как на постороннего и вас не стоящего-с.

— Да... — с отвращением позволил Вельчанинов, — но уверяю вас, что я чувствую себя нездоровым...

— Скоро, скоро, сейчас, в одну минуту! — захлопотал Павел Павлович, — всего один только стаканчик, потому что горло...

Он с жадностью и залпом выпил стакан и сел, — чуть не с нежностью посматривая на Вельчанинова. Мавра ушла.

— Экая мерзость! — шептал Вельчанинов.

— Это только подружки-с, — бодро проговорил вдруг Павел Павлович, совершенно оживившись.

— Как! Что? Ах да, вы всё про то...

— Только подружки-с! И притом так еще молодо; из грациозности куражимся, вот-с! Даже прелестно. А там — там вы знаете: рабом ее стану; увидит почет, общество... совершенно перевоспита- 10
ется-с.

«Однако ж ему надо браслет отдать!» — нахмурился Вельчанинов, ощупывая футляр в кармане своего пальто.

— Вы вот говорите-с, что вот я решил быть счастливым? Мне надо жениться, Алексей Иванович, — конфиденциально и почти трогательно продолжал Павел Павлович, — иначе что же из меня выйдет? Сами видите-с! — указал он на бутылку, — а это лишь одна сотая — качеств-с. Я совсем не могу без женитьбы-с и — без новой веры-с; уверую и воскресну-с. 20

— Да мне-то для чего вы это сообщаете? — чуть не фыркнул со смеха Вельчанинов. Дико, впрочем, всё это казалось ему.

— Да скажите же мне наконец, — вскричал он, — для чего вы меня туда таскали? Я-то на что вам там надобился?

— Чтобы испытать-с... — как-то вдруг смутился Павел Павлович.

— Что испытать?

— Эффект-с... Я вот, видите ли, Алексей Иванович, всего только неделю как... там ищу-с (он конфузился всё более и более). Вчера встретил вас и подумал: «Я ведь никогда еще ее не видал в посторон- 30
нем, так сказать, обществе-с, то есть мужском-с, кроме моего-с...» Глупая мысль-с, сам теперь чувствую; излишняя-с. Слишком уж захотелось-с, от скверного моего характера-с... — Он вдруг поднял голову и покраснел.

«Неужели он всю правду говорит?» — дивился Вельчанинов до столбняка.

— Ну и что ж? — спросил он.

Павел Павлович сладко и как-то хитро улыбнулся:

— Одно лишь прелестное детство-с! Всё подружки-с! — Простите меня только за мое глупое поведение сегодня перед вами, Алексей Иванович; никогда не буду-с; да и более никогда этого не будет. 40

— Да и меня там не будет, — усмехнулся Вельчанинов.

— Я отчасти на этот счет и говорю-с.

Вельчанинов немножко покоробился.

— Однако ж ведь не один я на свете, — раздражительно заметил он.

Павел Павлович опять покраснел:

— Мне это грустно слышать, Алексей Иванович, и я так, поверьте, уважаю Надежду Федосеевну...

— Извините, извините, я ничего не хотел, — мне вот только странно немного, что вы так преувеличенно оценили мои средства... — и... так искренно на меня понадеялись...

— Именно потому и понадеялся-с, что это было после всего-с... что уже было-с.

— Стало быть, вы и теперь считаете меня, коли так, за благороднейшего человека? — остановился вдруг Вельчанинов. Он бы сам, в
10 другую минуту, ужаснулся наивности своего внезапного вопроса.

— Всегда и считал-с, — опустил глаза Павел Павлович.

— Ну да, разумеется... я не про то, то есть не в том смысле, — я хотел только сказать, что несмотря ни на какие... предубеждения...

— Да-с, несмотря и на предубеждения-с.

— А когда в Петербург ехали? — не мог уже сдержаться Вельчанинов, сам чувствуя всю чудовищность своего любопытства.

— И когда в Петербург ехал, за благороднейшего человека считал вас-с. Я всегда уважал вас, Алексей Иванович. — Павел Павлович поднял глаза и ясно, уже несколько не конфузясь, глядел на своего
20 противника. Вельчанинов вдруг струсил: ему решительно не хотелось, чтобы что-нибудь случилось или чтобы что-нибудь перешло за черту, тем более что сам вызвал.

— Я вас любил, Алексей Иванович, — произнес Павел Павлович, как бы вдруг решившись, — и весь тот год в Т. любил-с. Вы не заметили-с, — продолжал он немного вздрагивавшим голосом, к решительному ужасу Вельчанинова, — я стоял слишком мелко в сравнении с вами-с, чтобы дать вам заметить. Да и не нужно, может быть, было-с. И во все эти девять лет я об вас запомнил-с, потому что я такого года
30 не знал в моей жизни, как тот. (Глаза Павла Павловича как-то особенно заблистали.) Я многие ваши слова и изречения запомнил-с, ваши мысли-с. Я об вас как об пылом к доброму чувству и образованном человеке всегда вспоминал-с, высокообразованном-с и с мыслями-с. «Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства-с», — вы сами это сказали, может забыли, а я запомнил-с. Я на вас всегда как на человека с великим чувством, стало быть, и рассчитывал-с... а стало быть, и верил-с — несмотря ни на что-с... — Подбородок его вдруг затрясся. Вельчанинов был в совершенном испуге; этот неожиданный тон надо было прекратить во что бы
40 ни стало.

— Довольно, пожалуйста, Павел Павлович, — пробормотал он, краснея и в раздраженном нетерпении, — и зачем, зачем, — вскричал он вдруг, — зачем привязываетесь вы к больному, раздраженному человеку, чуть не в бреду человеку, и тащите его в эту тьму... тогда как... тогда как — всё призрак и мираж, и ложь, и стыд, и неестественность, и — не в меру, — а это главное, это всего стыднее, что не в меру! И всё вздор: оба мы порочные, подпольные, гадкие люди... И хотите, хотите,

я сейчас докажу вам, что вы меня не только не любите, а ненавидите, изо всех сил, и что вы лжете, сами не зная того: вы взяли меня и повезли туда вовсе не для смешной этой цели, чтобы невесту испытать (придет же в голову!), — а просто увидели меня вчера и озлились и повезли меня, чтобы мне показать и сказать: «Видишь какая! Моя будет; ну-ка попробуй тут теперь!» — Вы вызов мне сделали! Вы, может быть, сами не знали, а это было так, потому что вы всё это чувствовали... А без ненависти такого вызова сделать нельзя; стало быть, вы меня ненавидели! — Он бегал по комнате, выкрикивая это, и всего более мучило и обижало его унижительное сознание, что он сам до такой степени снис- 10 ходит до Павла Павловича.

— Я помириться с вами желал, Алексей Иванович! — вдруг решительно произнес тот скорым шепотом, и подбородок его снова запрыгал. Неистовая ярость овладела Вельчаниновым, как будто никогда и никто еще не наносил ему подобной обиды!

— Говорю же вам еще раз, — завопил он, — что вы на больного и раздраженного человека... повисли, чтобы вырвать у него какое-нибудь несбыточное слово, в бреду! Мы... да мы люди разных миров, поймите же это, и... и... между нами одна могила легла! — неистово прошептал он — и вдруг опомнился... 20

— А почему вы знаете, — исказилось вдруг и побледнело лицо Павла Павловича, — почему вы знаете, что значит эта могила здесь... у меня-с! — вскричал он, подступая к Вельчанинову и с смешным, но ужасным жестом ударяя себя кулаком в сердце, — я знаю эту здешнюю могилку-с, и мы оба по краям этой могилы стоим, только на моем краю больше, чем на вашем, больше-с... — шептал он как в бреду, всё продолжая себя бить в сердце, — больше-с, больше-с — больше-с... — Вдруг необыкновенный удар в дверной колокольчик заставил очнуться обоих. Позвонили так сильно, что, казалось, кто-то дал себе слово сорвать с первого удара звонок. 30

— Ко мне так не звонят, — в замешательстве проговорил Вельчанинов.

— Да ведь и не ко мне же-с, — робко прошептал Павел Павлович, тоже очнувшийся и мигом обратившийся в прежнего Павла Павловича. Вельчанинов нахмурился и пошел отворить дверь.

— Господин Вельчанинов, если не ошибаюсь? — послышался молодой, звонкий и необыкновенно самоуверенный голос из передней.

— Чего вам?

— Я имею точное сведение, — продолжал звонкий голос, — что некто Трусоцкий находится в настоящую минуту у вас. Я должен непременно его сейчас видеть. — Вельчанинову, конечно, было бы приятно — сейчас же выпихнуть хорошим пинком этого самоуверенного господина на лестницу. Но он подумал, посторонился и пропустил его: 40

— Вот господин Трусоцкий, войдите...

САШЕНЬКА И НАДЕНЬКА

В комнату вошел очень молодой человек, лет девятнадцати, даже, может быть, и несколько менее, — так уж молодо было его красивое, самоуверенно вздернутое лицо. Он был недурно одет, по крайней мере всё на нем хорошо сидело; ростом повыше среднего; черные, густые, разбитые космами волосы и большие, смелые, темные глаза — особенно выдавались в его физиономии. Только нос был немного широк и вздернут кверху; не будь этого, был бы совсем красавчик. Вошел он
10 важно.

— Я, кажется, имею — случай — говорить с господином Трусоцким, — произнес он размеренно и с особенным удовольствием отмечая слово «случай», — то есть тем давая знать, что никакой чести и никакого удовольствия в разговоре с господином Трусоцким для него быть не может.

Вельчанинов начинал понимать; кажется, и Павлу Павловичу что-то уже мерещилось. — В лице его выразилось беспокойство; он, впрочем, себя поддержал.

— Не имея чести вас знать, — осанисто отвечал он, — полагаю,
20 что не могу иметь с вами и никакого дела-с.

— Вы сперва выслушаете, а потом уже скажете ваше мнение, — самоуверенно и назидательно произнес молодой человек и, вынув черепаховый лорнет, висевший у него на шнурке, стал разглядывать в него бутылку шампанского, стоявшую на столе. Спокойно кончив осмотр бутылки, он сложил лорнет и, обращаясь снова к Павлу Павловичу, произнес:

— Александр Лобов.

— А что такое это Александр Лобов-с?

— Это я. Не слышали?

— Нет-с.

— Впрочем, где же вам знать. Я с важным делом, собственно до
30 вас касающимся; позвольте, однако ж, сесть, я устал...

— Садитесь, — пригласил Вельчанинов, — но молодой человек успел усесться еще и до приглашения. Несмотря на возрастающую боль в груди, Вельчанинов интересовался этим маленьким нахалом. В хорошеньком, детском и румяном его личике померещилось ему какое-то отдаленное сходство с Надей.

— Садитесь и вы, — предложил юноша Павлу Павловичу, указывая ему небрежным кивком головы место напротив.

— Ничего-с, постойю.

— Устанете. Вы, господин Вельчанинов, можете, пожалуй, и не
40 уходить.

— Мне и некуда уходить, я у себя.

— Как хотите. Я, признаюсь, даже желаю, чтобы вы присутствовали при моем объяснении с этим господином. Надежда Федосеевна довольно лестно вас мне отрекомендовала.

— Ба! Когда это она успела?

— Да сейчас после вас же, я ведь тоже оттуда. Вот что, господин Трусоцкий, — повернулся он к стоявшему Павлу Павловичу, — мы, то есть я и Надежда Федосеевна, — цедил он сквозь зубы, небрежно разваливаясь в креслах, — давно уже любим друг друга и дали друг другу слово. Вы теперь между нами помеха; я пришел вам предложить, чтобы вы очистили место. Угодно вам будет согласиться на мое предложение?

Павел Павлович даже покачнулся; он побледнел, но ехидная улыбка тотчас же выдалась на его губах.

10

— Нет-с, нимало не угодно-с, — отрезал он лаконически.

— Вот как! — повернулся в креслах юноша, заломив ногу за ногу.

— Даже не знаю, с кем и говорю-с, — прибавил Павел Павлович, — думаю даже, что не об чем нам и продолжать.

Высказав это, он тоже нашел нужным присесть.

— Я сказал, что устанете, — небрежно заметил юноша; — я имел сейчас случай известить вас, что мое имя Лобов и что я и Надежда Федосеевна, мы дали друг другу слово, — следовательно, вы не можете говорить, как сейчас сказали, что не знаете, с кем имеете дело; не можете тоже думать, что нам не об чем с вами продолжать разговор: не говоря уже обо мне, — дело касается Надежды Федосеевны, к которой вы так нагло пристааете. А уж одно это составляет достаточную причину для объяснений.

20

Всё это он процедил сквозь зубы, как фат, чуть-чуть даже удостоивая выговаривать слова; даже опять вынул лорнет и на минутку на что-то направил его, пока говорил.

— Позвольте, молодой человек... — раздражительно воскликнул было Павел Павлович; но «молодой человек» тотчас же осадил его.

— Во всякое другое время я конечно бы запретил вам называть меня «молодым человеком», но теперь, сами согласитесь, что моя молодость есть мое главное перед вами преимущество и что вам и очень бы хотелось, например сегодня, когда вы дарили ваш браслет, быть при этом хоть капелю помоложе.

30

— Ах ты пискарь! — прошептал Вельчанинов.

— Во всяком случае, милостивый государь, — с достоинством поправился Павел Павлович, — я все-таки не нахожу выставленных вами причин, — причин неприличных и весьма сомнительных, — достаточными, чтобы продолжать об них прение-с. Вижу, что всё это дело детское и пустое; завтра же справлюсь у почтеннейшего Федосея Петровича, а теперь прошу вас уволить-с.

40

— Видите ли вы склад этого человека! — вскричал тотчас же, не выдержав тона, юноша, горячо обращаясь к Вельчанинову, — мало того, что его оттуда гонят, выставя ему язык, — он еще хочет завтра на нас доносить старику! Не доказываете ли вы этим, упрямый человек, что вы хотите взять девушку насильно, покупаете ее у выживших из ума людей, которые вследствие общественного варварства сохраняют над нею власть? Ведь уж достаточно, кажется, она показала вам, что

вас презирает; ведь вам возвратили же ваш сегодняшний неприличный подарок, ваш браслет? Чего же вам больше?

— Никакого браслета никто мне не возвращал, да и не может этого быть, — вздрогнул Павел Павлович.

— Как не может? Разве господин Вельчанинов вам не передал?

«Ах, черт бы тебя взял!» — подумал Вельчанинов.

— Мне действительно, — проговорил он хмурясь, — Надежда Федосеевна поручила давеча передать вам, Павел Павлович, этот футляр. Я не брал, но она — просила... вот он... мне досадно...

10 Он вынул футляр и положил его в смущении перед оцепеневшим Павлом Павловичем.

— Почему же вы до сих пор не передали? — строго обратился молодой человек к Вельчанинову.

— Не успел, стало быть, — нахмурился тот.

— Это странно.

— Что-о-о?

— Уж по крайней мере странно, согласитесь сами. Впрочем, я согласен признать, что тут — недоразумение.

20 Вельчанинову ужасно захотелось сейчас же встать и выдрать мальчишку за уши, но он не мог удержаться и вдруг фыркнул на него от смеха; мальчик тотчас же и сам засмеялся. Не то было с Павлом Павловичем; если бы Вельчанинов мог заметить его ужасный взгляд на себе, когда он расхохотался над Лобовым, — то он понял бы, что этот человек в это мгновение переходит за одну роковую черту... Но Вельчанинов хотя взгляда и не видал, но понял, что надо поддержать Павла Павловича.

— Послушайте, господин Лобов, — начал он дружественным тоном, — не входя в рассуждение о прочих причинах, которых я не хочу касаться, я бы заметил вам только то, что Павел Павлович все-таки приносит с собою, сватаясь к Надежде Федосеевне, — во-первых, 30 полную о себе известность в этом почтенном семействе; во-вторых, отличное и почтенное свое положение, наконец состояние, а следовательно, он естественно должен удивляться, смотря на такого соперника, как вы, — человека, может быть, и с большими достоинствами, но до того уже молодого, что вас он никак не может принять за соперника серьезного... а потому и прав, прося вас окончить.

— Что это такое значит: «до того молодого»? Мне уж месяц, как минуло девятнадцать лет. По закону я давно могу жениться. Вот вам и всё.

— Но какой же отец решится отдать за вас свою дочь теперь — 40 будь вы хоть размиллионер в будущем или там какой-нибудь будущий благодетель человечества? — Человек девятнадцати лет даже и за себя самого — отвечать не может, а вы решаетесь еще брать на совесть чужую будущность, то есть будущность такого же ребенка, как вы! Ведь это не совсем тоже благородно, как вы думаете? — Я позволил себе высказать потому, что вы сами давеча обратились ко мне, как к посреднику между вами и Павлом Павловичем.

— Ах да, кстати, ведь его зовут Павлом Павловичем! — заметил юноша, — как же это мне всё мерещилось, что Васильем Петровичем?

Вот что-с, — оборотился он к Вельчанинову, — вы меня не удивили нисколько; я знал, что вы все такие! Странно однако ж, что об вас мне говорили как об человеке даже несколько новом. Впрочем, это всё пустяки, а дело в том, что тут не только нет ничего неблагородного с моей стороны, как вы позволили себе выразиться, но даже совершенно напротив, что и надеюсь вам растолковать: мы, во-первых, дали друг другу слово, и, кроме того, я прямо ей обещался, при двух свидетелях, в том, что если она когда полюбит другого или просто раскается, что за меня вышла, и захочет со мной развестись, то я тотчас же выдаю ей акт в моем прелюбодеянии, — и тем поддержу, стало быть, где следует, ее 10 просьбу о разводе. Мало того: в случае если бы я впоследствии захотел на попятный двор и отказался бы выдать этот акт, то для ее обеспечения, в самый день нашей свадьбы, я выдам ей вексель в сто тысяч рублей на себя, так что в случае моего упорства насчет выдачи акта она сейчас же может передать мой вексель, и меня под сюркуп! Таким образом всё обеспечено и ничьей будущностью я не рискую. Ну-с, это во-первых.

— Бьюсь об заклад, что это тот — как его — Предпосылов вам выдумал? — вскричал Вельчанинов.

— Хи-хи-хи! — ядовито захихикал Павел Павлович.

— Чего этот господин хихикает? Вы угадали, — это мысль Пред- 20 посылова; и согласитесь, что хитро. Нелепый закон совершенно парализован. Разумеется, я намерен любить ее всегда, а она ужасно хочет, — но ведь все-таки ловко, и согласитесь, что уж благородно, что этак не всякий решится сделать?

— По-моему, не только не благородно, но даже гадко.

Молодой человек вскинул плечами.

— Опять-таки вы меня не удивляете, — заметил он после некоторого молчания, — всё это слишком давно перестало меня удивлять. Предпосылов, так тот прямо бы вам отрезал, что подобное ваше непонимание вещей, самых естественных, происходит от извращения самых 30 обыкновенных чувств и понятий ваших — во-первых, долгою нелепою жизнью, а во-вторых, долгою праздностью. Впрочем, мы, может быть, еще не понимаем друг друга; мне все-таки об вас говорили хорошо... Лет пятьдесят вам, однако, уже есть?

— Перейдите, пожалуйста, к делу.

— Извините за нескромность и не досадуйте; я без намерения. Продолжаю: я вовсе не будущий размиллионер, как вы изволили выразиться (и что у вас за идея была!). Я весь тут, как видите, но зато в 40 будущности моей я совершенно уверен. Героем и благодетелем ничьим не буду, а себя и жену обеспечу. Конечно, у меня теперь ничего нет, я даже воспитывался в их доме, с самого детства...

— Как так?

— А так, что я сын одного отдаленного родственника жены этого Захлебнина, и когда все мои померли и оставили меня восьми лет, то старик меня взял к себе и потом отдал в гимназию. — Этот человек даже добрый, если хотите знать...

— Я это знаю-с.

— Да; но слишком уж древняя голова. Впрочем, добрый. Теперь, конечно, я давно уже вышел из-под его опеки, желая сам зарабатывать жизнь и быть одному себе обязанным.

— А когда вы вышли? — полюбопытствовал Вельчанинов.

— Да уж месяца с четыре будет.

— А, ну так это всё теперь и понятно: друзья с детства! Что же, вы место имеете?

— Да, частное, в конторе одного нотариуса, на двадцати пяти в месяц. Конечно, только покамест, но когда я делал там предложение, то и того не имел. Я тогда служил на железной дороге, на десяти рублях, но всё это только покамест.

— А разве вы делали и предложение?

— Формальное предложение, и давно уже, недели с три.

— Ну и что ж?

— Старик очень рассмеялся, а потом очень рассердился, а ее так заперли наверху в антресолях. Но Надя героически выдержала. Впрочем, вся неудача была оттого, что он еще прежде на меня зуб точил, за то, что я в департаменте место бросил, куда он меня определил четыре месяца назад, еще до железной дороги. Он старик славный, я опять повторю, дома простой и веселый, но чуть в департаменте, вы и представить не можете! Это Юпитер какой-то сидит! Я, естественно, дал ему знать, что его манеры мне перестают нравиться, но тут главное всё вышло из-за помощника столоначальника: этот господин вздумал пожаловаться, что я будто бы ему «нагрубил», а я ему всего только и сказал, что он неразвит. Я бросил их всех и теперь у нотариуса.

— А в департаменте много получали?

— Э, сверхштатным! Старик же и давал на содержание, — я говорю вам, он добрый; но мы все-таки не уступим. Конечно, двадцать пять рублей не обеспечение, но я вскорости надеюсь принять участие в управлении расстроеными имениями графа Завилейского, тогда прямо на три тысячи; не то в присяжные поверенные. Нынче людей ищут... Ба! какой гром, гроза будет, хорошо, что я до грозы успел; я ведь пешком оттуда, почти всё бежал.

— Но позвольте, когда же вы успели, коли так, переговорить с Надеждой Федосеевной, — если к тому же вас и не принимают?

— Ах, да ведь через забор можно! рыженькую-то заметили давеча? — засмеялся он, — ну вот и она тут хлопочет, и Марья Никитишна; только змея эта Марья Никитишна!.. чего морщитесь? Не боитесь ли грому?

— Нет, я нездоров, очень нездоров... — Вельчанинов, действительно мучаясь от своей внезапной боли в груди, привстал с кресла и попробовал походить по комнате.

— Ах, так я вам, разумеется, мешаю, — не беспокойтесь, сейчас! — и юноша вскочил с места.

— Не мешааете, ничего, — поделикатничал Вельчанинов.

— Какое ничего, когда «у Кобыльниковы живот болит», — помните у Щедрина? Вы любите Щедрина?

— Да...

— И я тоже. Ну-с, Василий... ах да бишь Павел Павлович, кончимте-с! — почти смеясь, обратился он к Павлу Павловичу. — Формулирую для вашего понимания еще раз вопрос: согласны ли вы завтра же отказаться официально, перед стариками, и в моем присутствии, от всяких претензий ваших насчет Надежды Федосеевны?

— Не согласен нимало-с, — с нетерпеливым и ожесточенным видом поднялся и Павел Павлович, — и к тому же еще раз прошу меня избавить-с... потому что всё это детство, и глупости-с.

— Смотрите! — погрозил ему пальцем юноша с высокомерной улыбкой, — не ошибитесь в расчете! Знаете ли, к чему ведет подобная ошибка в расчете? А я так предупреждаю вас, что через девять месяцев, когда вы уже там израсходуетесь, измучаетесь и сюда воротитесь, — вы здесь сами от Надежды Федосеевны принуждены будете отказаться, а не откажетесь, — так вам же хуже будет; вот до чего вы дело доведете! Я вас должен предупредить, что вы теперь как собака на сене, — извините, это только сравнение — ни себе, ни другим. По гуманности повторяю: размыслите, принудьте себя хоть раз в жизни основательно размыслить.

— Прошу вас избавить меня от морали, — яростно вскричал Павел Павлович, — а насчет ваших скверных намеков я завтра же приму свои меры-с, строгие меры-с!

— Скверных намеков? Да вы про что ж это? Сами вы скверный, если это у вас в голове. Впрочем, я согласен подождать до завтра, но если... Ах, опять этот гром! До свиданья, очень рад знакомству, — кивнул он Вельчанинову и побежал, видимо спеша предупредить грозу и не попасть под дождь.

XV

СКВИТАЛИСЬ

— Видели-с? видели-с? — подскочил Павел Павлович к Вельчанинову, едва только вышел юноша.

— Да, не везет вам! — невзначай проговорился Вельчанинов. Он бы не сказал этих слов, если б не мучила и не злила его так эта возрас-
тавшая боль в груди. Павел Павлович вздрогнул как от обжога:

— Ну-с, а вы-с — знать, меня жалеючи браслета не возвращали — хе?

— Я не успел...

— От сердца жалеючи, как истинный друг истинного друга?

— Ну да, жалел, — озлобился Вельчанинов.

Он, однако же, рассказал ему вкратце о том, как получил давеча браслет обратно и как Надежда Федосеевна почти насильно заставила его принять участие...

— Понимаете, что я ни за что бы не взял; столько и без того неприятностей!

— Увлеклись и взялись! — прохихикал Павел Павлович.

— Глупо это с вашей стороны; впрочем, вас извинить надо. Сами ведь видели сейчас, что не я в деле главный, а другие!

— Все-таки увлеклись-с.

Павел Павлович сел и налил свой стакан.

— Вы полагаете, что я мальчишке-то уступлю-с? В бараний рог согну, вот что-с! Завтра же поеду и всё согну. Мы душок этот выкурим, из детской-то-с...

Он выпил почти залпом стакан и налил еще; вообще стал действовать с необычной до сих пор развязностью.

— Ишь, Наденька с Сашенькой, милые деточки, — хи-хи-хи!

Он не помнил себя от злости. Раздался опять сильнейший удар грома; ослепительно сверкнула молния, и дождь пролился как из ведра. Павел Павлович встал и запер отворенное окно.

— Давеча он вас спрашивает: «Не боитесь ли грому» — хи-хи! Вельчанинов грому боится! У Кобыльников — как это — у Кобыльников... А про пятьдесят-то лет — а? Помните-с? — ехидничал Павел Павлович.

— Вы, однако же, здесь расположились, — заметил Вельчанинов, едва выговаривая от боли слова, — я лягу... вы как хотите.

— Да и собаку в такую погоду не выгонят! — обидчиво подхватил Павел Павлович, впрочем почти радуясь, что имеет право обидеться.

— Ну да, сидите, пейте... хоть ночуйте! — проямлял Вельчанинов, протянулся на диване и слегка застонал.

— Ночевать-с? А вы — не побойтесь-с?

— Чего? — приподнял вдруг голову Вельчанинов.

— Ничего-с, так-с. В прошлый раз вы как бы испугались-с, али мне только померещилось...

— Вы глупы! — не выдержал Вельчанинов и злобно повернулся к стене.

— Ничего-с, — отозвался Павел Павлович.

Больной как-то вдруг заснул, через минуту как лег. Всё неестественное напряжение его в этот день и без того уже при сильном расстройстве здоровья за последнее время как-то вдруг порвалось, и он обессилел, как ребенок. Но боль взяла-таки свое и победила усталость и сон; через час он проснулся и с страданием приподнялся с дивана. Гроза утихла; в комнате было накурено, бутылка стояла пустая, а Павел Павлович спал на другом диване. Он лежал навзничь, головой на диванной подушке, совсем не раздетый и в сапогах. Его давешний лорнет, выскользнув из кармана, тянулся на шнурке чуть не до полу. Шляпа валялась подле, на полу же. Вельчанинов угрюмо поглядел на него и не стал будить. Скрючившись и шагая по комнате, потому что лежать сил уже не было, он стонал и раздумывал о своей боли.

Он боялся этой боли в груди, и не без причины. Припадки эти зародились в нем уже давно, но посещали его очень редко, — через год, через два. Он знал, что это от печени. Сначала как бы скоплялось в какой-нибудь точке груди, под ложечкой или выше, еще тупое, не силь-

ное, но раздражающее вдавление. Непрестанно увеличиваясь в продолжение иногда десяти часов сряду, боль доходила наконец до такой силы, давление становилось до того невыносимым, что больному начинала мерещиться смерть. В последний, бывший с ним назад тому с год припадок, после десятичасовой и наконец унявшейся боли, он до того вдруг обессилел, что, лежа в постели, едва мог двигать рукой, и доктор позволил ему в целый день всего только несколько чайных ложек слабого чаю и щепоточку размоченного в бульоне хлеба, как грудному ребенку. Появлялась эта боль от разных случайностей, но всегда при расстроенных уже прежде нервах. Странно тоже и проходила; иногда случалось захватывать ее в самом начале, в первые полчаса простыми припарками, и всё проходило разом; иногда же, как в последний припадок, ничто не помогало, и боль унялась от многочисленных и постепенных приемов рвотного. Доктор признался потом, что был уверен в отраве. Теперь до утра еще было далеко, за доктором ему не хотелось посылать ночью; да и не любил он докторов. Наконец он не выдержал и стал громко стонать. Стоны разбудили Павла Павловича; он приподнялся на диване и некоторое время сидел, прислушиваясь со страхом и в недоумении следя глазами за Вельчаниновым, чуть не бегавшим по обеим комнатам. Выпитая бутылка, видно тоже не по-всегдашнему, сильно на него подействовала, и долго он не мог сообразиться; наконец понял и бросился к Вельчанинову; тот что-то промямлил ему в ответ.

— Это у вас от печени-с, я это знаю! — оживился вдруг ужасно Павел Павлович; — это у Петра Кузьмича у Полосухина-с точно так же бывало, от печени-с. Это припарками бы-с. Петр Кузьмич всегда припарками... Умереть ведь можно-с! Сбегаю-ка я к Мавре — а?

— Не надо, не надо, — раздражительно отмахивался Вельчанинов, — ничего не надо.

Но Павел Павлович, Бог знает почему, был почти вне себя, как будто дело шло о спасении родного сына. Он не слушался и изо всех сил настаивал на необходимости припарок и, сверх того, двух-трех чашек слабого чаю, выпитых вдруг, — «но не просто горячих-с, а кипятку-с!» — Он побежал-таки к Мавре, не дождавшись позволения, вместе с нею разложил в кухне, всегда стоявшей пустою, огонь, вздул самовар; тем временем успел и уложить больного, снял с него верхнее платье, укутал в одеяло и всего в каких-нибудь двадцать минут состряпал и чай и первую припарку.

— Это гретые тарелки-с, раскаленные-с! — говорил он чуть не в восторге, накладывая разгоряченную и обернутую в салфетку тарелку на больную грудь Вельчанинова, — других припарок нет-с, и доставать долго-с, а тарелки, честью клянусь вам-с, даже и всего лучше будут-с; испытано на Петре Кузьмиче-с, собственными глазами и руками-с. Умереть ведь можно-с. Пейте чай, глотайте, — нужды нет, что обожжетесь; жизнь дороже... щегольства-с...

Он затормошил совсем полусонную Мавру; тарелки переменялись каждые три-четыре минуты. После третьей тарелки и второй чашки

чаю-кипятка, выпитого залпом, Вельчанинов вдруг почувствовал облегчение.

— А уж если раз пошатнули боль, то и слава Богу-с, и добрый знак-с! — вскричал Павел Павлович и радостно побежал за новой тарелкой и за новым чаем.

— Только бы боль-то сломить! Боль-то бы нам только назад повернуть! — повторял он поминутно.

Через полчаса боль совсем ослабела, но больной был уже до того измучен, что, как ни умолял Павел Павлович, — не согласился выдерживать «еще тарелочку-с». Глаза его смыкались от слабости.

— Спать, спать, — повторил он слабым голосом.

— И то! — согласился Павел Павлович.

— Вы ночуйте... который час?

— Скоро два, без четверти-с.

— Ночуйте.

— Ночую, ночую.

Через минуту больной опять кликнул Павла Павловича.

— Вы, вы, — пробормотал он, когда тот подбежал и наклонился над ним, — вы — лучше меня! Я понимаю всё, всё... благодарю.

— Спите, спите, — прошептал Павел Павлович и поскорей, на цыпочках, отправился к своему дивану.

Больной, засыпая, слышал еще, как Павел Павлович потихоньку стлал себе наскоро постель, снимал с себя платье и наконец, загасив свечи и чуть дыша, чтоб не зашуметь, протянулся на своем диване.

Без сомнения, Вельчанинов спал и заснул очень скоро после того, как потушили свечи; он ясно припомнил это потом. Но во всё время своего сна, до самой той минуты, когда он проснулся, он видел во сне, что он не спал и что будто бы никак не может заснуть, несмотря на всю свою слабость. Наконец приснилось ему, что с ним будто бы начинается бред наяву и что он никак не может разогнать толпящихся около него видений, несмотря на полное сознание, что это один только бред, а не действительность. Видения всё были знакомые; комната его была будто бы вся наполнена людьми, а дверь в сени стояла отпертою; люди входили толпами и теснились на лестнице. За столом, выставленным на средину комнаты, сидел один человек — точь-в-точь как тогда, в приснившемся ему с месяц назад таком же сне. Как и тогда, этот человек сидел, облокотясь на стол, и не хотел говорить; но теперь он был в круглой шляпе с крепом. «Как? неужели это был и тогда Павел Павлович?» — подумал Вельчанинов, — но, заглянув в лицо молчащего человека, он убедился, что этот кто-то совсем другой. «Зачем же у него креп?» — недоумевал Вельчанинов. Шум, говор и крик людей, теснившихся у стола, были ужасны. Казалось, эти люди еще сильнее были озлоблены на Вельчанинова, чем тогда в том сне; они грозили ему руками и об чем-то изо всех сил кричали ему, но об чем именно — он никак не мог разобрать. «Да ведь это бред, ведь я знаю! — думалось ему, — я знаю, что я не мог заснуть и встал теперь, потому что не мог лежать от тоски!..» Но, однако же, крики и люди, и жесты их и всё —

было так явственно, так действительно, что иногда его брало сомнение: «Неужели же это и в самом деле бред? Чего хотят от меня эти люди, Боже мой! Но если б это был не бред, то возможно ли, чтоб такой крик не разбудил до сих пор Павла Павловича? ведь вот он спит же, вот тут на диване?» Наконец вдруг что-то случилось, опять как и тогда в том сне; все устремились на лестницу и ужасно стеснились в дверях, потому что с лестницы валила в комнату новая толпа. Эти люди что-то с собой несли, что-то большое и тяжелое; слышно было, как тяжело отдавались шаги носильщиков по ступенькам лестницы и торопливо перекликались их запыхавшиеся голоса. В комнате все закричали: «Несут, несут!», все глаза засверкали и устремились на Вельчанинова; все, грозя и торжествуя, указывали ему на лестницу. Уже нисколько не сомневаясь более в том, что всё это не бред, а правда, он стал на цыпочки, чтоб разглядеть поскорее, через головы людей, — что они такое несут? Сердце его билось — билось — билось, и вдруг — точь-в-точь как тогда, в том сне — раздались три сильнейшие удара в колокольчик. И опять-таки это был до того ясный, до того действительный до осязания звон, что уж конечно такой звон не мог присниться только во сне!.. Он закричал и проснулся.

Но он не бросился, как тогда, бежать к дверям. Какая мысль направила его первое движение и была ли у него в то мгновение хоть какая-нибудь мысль, — но как будто кто-то подсказал ему, что надо делать: он схватился с постели, бросился с простертыми вперед руками, как бы обороняясь и останавливая нападение, прямо в ту сторону, где спал Павел Павлович. Руки его разом столкнулись с другими, уже распростертыми над ним руками, и он крепко схватил их, кто-то, стало быть, уже стоял над ним, нагнувшись. Гардины были спущены, но было не совершенно темно, потому что из другой комнаты, в которой не было таких гардин, уже проходил слабый свет. Вдруг что-то ужасно больно обрезало ему ладонь и пальцы левой руки, и он мгновенно понял, что схватился за лезвие ножа или бритвы и крепко сжал его рукой... В тот же миг что-то веско и однозвучно шлепнулось на пол.

Вельчанинов был, может быть, второе сильнее Павла Павловича, но борьба между ними продолжалась долго, минуты три полных. Он скоро пригнул его к полу и вывернул ему назад руки, но для чего-то ему непременно захотелось связать эти вывернутые назад руки. Он стал искать ошупью, правой рукой, — придерживая раненой левой убийцу, — шнура с оконной занавески, и долго не мог найти, но наконец захватил и сорвал с окна. Сам он удивлялся потом неестественной силе, которая для того потребовалась. Во все эти три минуты ни тот ни другой не говорили ни слова; только слышно было их тяжелое дыхание и глухие звуки борьбы. Наконец, скрутив и связав Павлу Павловичу руки назад, Вельчанинов бросил его на полу, встал, отдернул с окна занавеску и приподнял стору. На уединенной улице было уже светло. Отворив окно, он простоял несколько мгновений, глубоко вдыхая воздух. Был уже пятый час в начале. Затворив окно, он неторопливо пошел к шкафу, достал чистое полотенце и туго-натуго обвил им свою левую руку,

чтоб унять текущую из нее кровь. Под ноги ему попала развернутая бритва, лежавшая на ковре; он поднял ее, свернул, уложил в бритвенный ящик, забытый с утра на маленьком столике, подле самого дивана, на котором спал Павел Павлович, и запер ящик в бюро на ключ. И уже исполнив всё это, он подошел к Павлу Павловичу и стал его рассматривать.

10 Тем временем тот успел уж привстать с усилием с ковра и усесться в кресло. Он был не одет, в одном белье, даже без сапог. Рубашка его на спине и на рукавах была смочена кровью; но кровь была не его, а из порезанной руки Вельчанинова. — Конечно, это был Павел Павлович, но почти можно было не узнать его, в первую минуту, если б встретить такого нечаянно, — до того изменилась его физиономия. Он сидел, неловко выпрямляясь в креслах от связанных назад рук, с искаженным и измученным, позеленевшим лицом, и изредка вздрагивал. Пристально, но каким-то темным, как бы еще не различающим всего взглядом посмотрел он на Вельчанинова. Вдруг он тупо улыбнулся и, кивнув на графин с водой, стоявший на столе, проговорил коротким полупшепотом: — Водичи бы-с.

20 Вельчанинов налил ему и стал его поить из своих рук. Павел Павлович накнулся с жадностью на воду; глотнув раза три, он приподнял голову, очень пристально посмотрел в лицо стоявшему перед ним со стаканом в руке Вельчанинову, но не сказал ничего и принялся допивать. Напившись, он глубоко вздохнул. Вельчанинов взял свою подушку, захватил свое верхнее платье и отправился в другую комнату, заперев Павла Павловича в первой комнате на замок.

30 Давешняя его боль прошла совсем, но слабость он вновь ощутил чрезвычайную после теперешнего, мгновенного напряжения Бог знает откуда пришедшей к нему силы. Он попытался было сообразить происшествие, но мысли его еще плохо вязались; толчок был слишком силен. Глаза его то смыкались, иногда даже минут на десять, то вдруг он вздрагивал, просыпался, вспоминал всё, приподнимал свою болевшую и обернутую в мокрое от крови полотенце руку и принимался жадно и лихорадочно думать. Он решил ясно только одно: что Павел Павлович действительно хотел его зарезать, но что, может быть, еще за четверть часа сам не знал, что зарежет. Бритвенный ящик, может, только с вечера скользнул мимо его глаз, не возбуждив никакой при этом мысли, и остался лишь у него в памяти. (Бритвы же и всегда лежали в бюро, на замке, и только в вчерашнее утро Вельчанинов их вынул, чтоб подбрить лишние волосы около усов и бакенбард, что иногда делывал.)

40 «Если б он давно уже намеревался меня убить, то наверно бы приготовил заранее нож или пистолет, а не рассчитывал бы на мои бритвы, которых никогда и не видал, до вчерашнего вечера», — придумалось ему между прочим.

Пробило наконец шесть часов утра, Вельчанинов очнулся, оделся и пошел к Павлу Павловичу. Отпирая двери, он не мог понять: для чего он запирает Павла Павловича и зачем не выпустил его тогда же из дому? К удивлению его, арестант был уже совсем одет; вероятно, на-

шел как-нибудь случай распутаться. Он сидел в креслах, но тотчас же встал, как вошел Вельчанинов. Шляпа была уже у него в руках. Тревожный взгляд его, как бы спеша, проговорил:

«Не начинай говорить; нечего начинать; незачем говорить...»

— Ступайте! — сказал Вельчанинов. — Возьмите ваш футляр, — прибавил он ему вслед.

Павел Павлович воротился уже от дверей, захватил со стола футляр с браслетом, сунул его в карман и вышел на лестницу. Вельчанинов стоял в дверях, чтоб запереть за ним. Взгляды их в последний раз встретились; Павел Павлович вдруг приостановился, оба секунд с пятью поглядели друг другу в глаза — точно колебались; наконец Вельчанинов слабо махнул на него рукой.

— Ну, ступайте! — сказал он вполголоса и запер дверь на замок.

XVI

АНАЛИЗ

Чувство необычайной, огромной радости овладело им; что-то кончилось, развязалось; какая-то ужасная тоска отошла и рассеялась совсем. Так ему казалось. Пять недель продолжалась она. Он поднимал руку, смотрел на смоченное кровью полотенце и бормотал про себя: «Нет, уж теперь совершенно всё кончилось!» И во всё это утро, в первый раз в эти три недели, он почти и не подумал о Лизе, — как будто эта кровь, из порезанных пальцев, могла «поквитать» его даже и с этой тоской.

Он сознал ясно, что миновал страшную опасность. «Эти люди, — думалось ему, — вот эти-то самые люди, которые еще за минуту не знают, зарежут они или нет, — уж как возьмут раз нож в свои дрожащие руки и как почувствуют первый брызг горячей крови на своих пальцах, то мало того что зарежут, — голову совсем отрежут, „напрочь“, — как выражаются каторжные. Это так».

Он не мог оставаться дома и вышел на улицу в убеждении, что необходимо сейчас что-то сделать или что непременно, сейчас, что-то с ним само собой сделается; он ходил по улицам и ждал. Ужасно захотелось ему с кем-нибудь встретиться, с кем-нибудь заговорить, хоть с незнакомым, и только это навело его, наконец, на мысль о докторе и о том, что руку надо бы перевязать как следует. Доктор, прежний его знакомый, осмотрев рану, с любопытством спросил: «Как это могло случиться?» Вельчанинов отшучивался, хохотал и чуть-чуть не рассказал всего, но удержался. Доктор принужден был пощупать ему пульс и, узнав о вчерашнем припадке ночью, уговорил его принять теперь же какого-то, бывшего под рукой, успокоительного лекарства. Насчет пореза он тоже его успокоил: «Особенно дурных последствий быть не может». Вельчанинов захохотал и стал уверять его, что уже оказались превосходные последствия. Неудержимое желание рассказать всё по-

вторилось с ним в этот день еще раза два, — однажды даже с совсем незнакомым человеком, с которым сам он первый завел разговор в кондитерской. Он терпеть не мог, до сих пор, заводить разговоры с людьми незнакомыми в публичных местах.

Он заходил в магазины, купил газету, зашел к своему портному и заказал себе платье. Мысль посетить Погорельцевых продолжала быть ему неприятною, и он не думал о них, да и не мог он ехать на дачу: он как бы всё чего-то ожидал здесь в городе. Обедал с наслаждением, заговаривал с слугой и с обедавшим соседом, и выпил полбутылки вина. 10 возможности возвращения вчерашнего припадка он и не думал; он был убежден, что болезнь прошла совершенно в ту самую минуту, когда он, заснув вчера в таком бессилии, через полтора часа вскочил с постели и с такою силою бросил своего убийцу об пол. К вечеру, однако же, голова его стала кружиться, и как будто что-то похожее на вчерашний бред во сне стало овладевать им мгновениями. Он воротился домой уже в сумерки и почти испугался своей комнаты, войдя в нее. Страшно и жутко показалось ему в его квартире. Несколько раз прошелся он по ней и даже зашел в свою кухню, куда никогда почти не заходил. «Здесь они вчера грели тарелки», — подумалось ему. Двери он накрепко запер 20 и раньше обыкновенного зажег свечи. Запирая двери, он вспомнил, что полчаса тому, проходя мимо дворницкой, он вызвал Мавру и спросил ее: «Не заходил ли без него Павел Павлович?» — точно и в самом деле тот мог зайти.

Запершись тщательно, он отпер бюро, вынул ящик с бритвами и развернул «вчерашнюю» бритву, чтоб посмотреть на нее. На белом костяном черенке остались чутошные следы крови. Он положил бритву опять в ящик и опять запер его в бюро. Ему хотелось спать; он чувствовал, что необходимо сейчас же лечь, — иначе «он на завтра никуда не будет годиться». Завтрашний день представлялся ему почему-то как 30 роковой и «окончательный» день. Но всё те же мысли, которые его и на улице, весь день, ни на мгновение не покидали, — толпились и стучали в его больной голове и теперь, неустанно и неотразимо, и он всё думал — думал — думал, и долго еще ему не пришлось заснуть...

«Если уж решено, что он встал меня резать *нечаянно*, — всё думал и думал он, — то впадала ли ему эта мысль на ум хоть раз прежде, хотя бы только в виде мечты в злобную минуту?»

Он решил вопрос странно, — тем, что «Павел Павлович хотел его убить, но что мысль об убийстве ни разу не впадала будущему убийце на ум». Короче: «Павел Павлович хотел убить, но не знал, что хочет 40 убить. Это бессмысленно, но это так, — думал Вельчанинов: — Не места искать и не для Багаутова он приехал сюда — хотя и искал здесь места и забегал к Багаутову, и взбесился, когда тот помер; — Багаутова он презирал как щепку. Он для меня сюда поехал и приехал с Лизой...»

«А ожидал ли я сам, что он... зарежет меня?» Он решил, что да, ожидал именно с той самой минуты, как увидел его в карете, за гробом Багаутова, «я чего-то как бы стал ожидать... но, разумеется, не этого, разумеется, не того, что зарежет!...»

«И неужели, неужели правда была всё то, — восклицал он опять, вдруг подымая голову с подушки и раскрывая глаза, — всё то, что этот... сумасшедший натолковал мне вчера о своей ко мне любви, когда задрожал у него подбородок и он стучал в грудь кулаком?»

«Совершенная правда! — решал он, неустанно углубляясь и анализируя, — этот Квазимодо из Т. слишком достаточно был глуп и благороден для того, чтоб влюбиться в любовника своей жены, в которой он в двадцать лет *ничего* не приметил! Он уважал меня девять лет, чтит память мою и мои „изречения“ запомнил, — Господи, а я-то не ведал ни о чем! Не мог он лгать вчера! Но любил ли он меня вчера, когда изъяснялся в любви и сказал: „поквитаемтесь“? Да, со злобы любил, эта любовь самая сильная...»

«А ведь могло быть, а ведь было наверно так, что я произвел на него колоссальное впечатление в Т., — именно колоссальное и „отрадное“, и именно с таким Шиллером, в образе Квазимодо, и могло это произойти! Он преувеличил меня во сто раз, потому что я слишком уж поразил его в его философском уединении... Любопытно бы знать, чем именно поразил? Право, может быть, свежими перчатками и умением их надевать. Квазимоды любят эстетику, ух любят! Перчаток слишком достаточно для иной благороднейшей души, да еще из „вечных мужей“. Остальное они сами дополняют раз в тысячу, и подерутся даже за вас, если вы того захотите. Средства-то обольщения мои как высоко он ставит! Может быть, именно средства обольщения и поразили его всего более. А крик-то его тогда: „Если уж и этот, так в кого же после этого верить!“ После этакого крика зверем сделаешься!..»

«Гм! Он приехал сюда, чтоб „обняться со мной и заплакать“, — как он сам подлеишим образом выразился, то есть он ехал, чтоб резать меня, а думал, что едет „обняться и заплакать“... Он и Лизу привез. А что: если б я с ним заплакал, он, может, и в самом бы деле простил меня, потому что ужасно ему хотелось простить!.. Всё это обратилось, при первом столкновении, в пьяное ломание и в карикатуру, и в гадкое бабье вытье об обиде. (Рога-то, рога-то над лбом себе сделал!) Для того и пьяный приходил, чтоб хоть ломаясь, да высказать; непьяный он бы не смог... А любил-таки поломаться, ух любил! Ух как был рад, когда заставил поцеловаться с собой! Только не знал тогда, чем он кончит: обнимется или зарежет? Вышло, конечно, что всего лучше и то и другое, вместе. Самое естественное решение! — Да-с, природа не любит уродов и добывает их „естественными решениями“. Самый уродливый урод — это урод с благородными чувствами: я это по собственному опыту знаю, Павел Павлович! Природа для урода не нежная мать, а мачиха. Природа родит урода, да вместо того чтоб пожалеть его, его ж и казнит, — да и дельно. Объятия и слезы всепрощения даже и порядочным людям, в наш век, даром с рук не сходят, а не то что уж таким, как мы с вами, Павел Павлович!»

«Да, он был достаточно глуп, чтоб повезти меня и к невесте, — Господи! Невеста! Только у такого Квазимодо и могла зародиться мысль о „воскресении в новую жизнь“ — посредством невинности мадемуазель

Захлебниной! Но вы не виноваты, Павел Павлович, не виноваты: вы урод, а потому и всё у вас должно быть уродливо — и мечты и надежды ваши. Но хоть и урод, а усумнился же в мечте, почему и потребовалась высокая санкция Вельчанинова, с благоговением уважаемого. Надо было одобрение Вельчанинова, подтверждение от него, что мечта не мечта, а настоящая вещь. Он меня из благоговейного уважения ко мне повез и в благородство чувств моих веруя, — веруя, может быть, что мы там, под кустом, обнимемся и заплачем, неподалеку от невинности. Да! должен же был, обязан же был наконец этот „вечный муж” хоть
10 когда-нибудь да наказать себя за всё, окончательно, и чтоб наказать себя, он и схватился за бритву, — правда, нечаянно, но все-таки схватился! „Все-таки пырнул же ножом, все-таки ведь кончил же тем, что пырнул, в присутствии губернатора!” А кстати, была ли у него хоть какая-нибудь мысль, в этом роде, когда он мне рассказывал свой анекдот про шафера? А было ли в самом деле что-нибудь тогда ночью, когда он вставал с постели и стоял среди комнаты? Гм... Нет, он *в шутку* тогда стоял. Он встал за своим делом, а как увидел, что я его струсил, он и не отвечал мне десять минут, потому что очень уж приятно было ему, что я струсил его... Тут-то, может быть, ему и в самом деле что-нибудь в
20 первый раз померещилось, когда он стоял тогда в темноте...

А все-таки, не забудь я вчера на столе эти бритвы, — ничего бы, пожалуй, и не было. Так ли? Так ли? Ведь избегал же он меня прежде, ведь не ходил же ко мне по две недели; ведь прятался же он от меня, меня *жалеючи*! Ведь выбрал же вначале Багаутова, а не меня! Ведь вскочил же ночью тарелки греть, думая сделать диверсию — от ножа к умилению!.. И себя и меня спасти хотел — гретыми тарелками!..»

И долго еще работала в этом роде больная голова этого бывшего «светского человека», пересыпая из пустого в порожнее, пока он успокоился. Он проснулся на другой день с тою же больною головою, но с
30 совершенно новым и уже совершенно неожиданным ужасом.

Этот новый ужас происходил от неперенного убеждения, в нем неожиданно укрепившегося, в том, что он, Вельчанинов (и светский человек), сегодня же, сам, своей волей, кончит всё тем, что пойдет к Павлу Павловичу, — зачем? для чего? — ничего он этого не знал и с отвращением знать не хотел, а знал только то, что зачем-то потащится.

Сумасшествие это — иначе он и назвать не мог — развилось, однако же, до того, что получило, насколько можно, разумный вид и довольно законный предлог: ему еще вчера как бы грезилось, что Павел Павлович воротится в свой номер, запретя накрепко и — повесится,
40 как тот казначей, про которого рассказывала Марья Сысоевна. Эта вчерашняя мечта перешла в нем, мало-помалу, в бессмысленное, но неотразимое убеждение. — «Зачем этому дураку вешаться?» — перебивал он себя поминутно. Ему вспоминались давнишние слова Лизы... «А впрочем, я на его месте, может, и повесился бы...» — придумалось ему один раз.

Кончилось тем, что он, вместо того чтоб идти обедать, направился-таки к Павлу Павловичу. — «Я только у Марьи Сысоевны спро-

шу», — решил он. Но, еще не успев выйти на улицу, он вдруг остановился под воротами.

— Неужели ж, неужели ж, — вскрикнул он, побагровев от стыда: — неужели ж я плетусь туда, чтоб «обняться и заплакать»? Неужели только этой бессмысленной мерзости недоставало ко всему сраму!

Но от «бессмысленной мерзости» спасло его провидение всех порядочных и приличных людей. Только что он вышел на улицу, с ним вдруг столкнулся Александр Лобов. Юноша был впопыхах и в волнении.

— А я к вам! Приятель-то наш, Павел Павлович, каково?

10

— Повесился? — дико пробормотал Вельчанинов.

— Кто повесился? Зачем? — вытаращил глаза Лобов.

— Ничего... я так; — продолжайте!

— Фу, черт, какой, однако же, у вас смешной оборот мыслей! Со всем-таки не повесился (почему повесился?). Напротив — уехал. Я только что сейчас его в вагон посадил и отправил. Фу, как он пьет, я вам скажу! Мы три бутылки выпили, Предпосылов тоже, — но как он пьет, как он пьет! Песни пел в вагоне, об вас вспоминал, ручкой делал, кланяться вам велел. А подлец он, как вы думаете, — а?

Молодой человек был действительно хмелен; раскрасневшееся лицо, блиставшие глаза и плохо слушавшийся язык сильно об этом свидетельствовали. Вельчанинов захохотал во всё горло:

20

— Так они кончили-таки наконец брудершафтом! — ха-ха! Обнялись и заплакали! Ах вы Шиллеры-поэты!

— Не ругайтесь, пожалуйста. Знаете, он там совсем отказался. Вчера там был и сегодня был. Нафискалил ужасно. Надю заперли, — сидит в антресолях. Крик, слезы, но мы не уступим! Но как он пьет, я вам скажу, как он пьет! И знаете, какой он моветон, то есть не моветон, а как это?... И всё про вас вспоминал, но какое сравнение с вами! Вы все-таки порядочный человек и в самом деле принадлежали когда-то к высшему обществу и только теперь принуждены уклониться, — по бедности, что ли... Черт знает, я его плохо разобрал.

30

— А, так это он вам, в таких выражениях, про меня рассказывал?

— Он-он, не сердитесь. Быть гражданином — лучше высшего общества. Я к тому, что в наш век в России не знаешь, кого уважать. Согласитесь, что это сильная болезнь века, когда не знаешь, кого уважать, — не правда ли?

— Правда-правда, что ж он?

— Он? Кто? — ах да! Почему он всё говорил: пятидесятилетний, но промотавшийся Вельчанинов? почему: но промотавшийся, а не и промотавшийся! Смеется, тысячу раз повторил. В вагон сел, песню запел и заплакал — просто отвратительно; так даже жалко, — спьяну. Ах, не люблю дураков! Нищим пустил деньги раскидывать, за упокой души Лизаветы — жена, что ль, его?

— Дочь.

— Что это у вас рука?

— Порезал.

— Ничего, пройдет. Знаете, черт с ним, хорошо, что уехал, но бьюсь об заклад, что он там, куда приедет, тотчас же опять женится, — не правда ли?

— Да ведь и вы хотите жениться?

— Я? Я другое дело, — какой вы, право! Если вы пятидесятилетний, так уж он наверно шестидесятилетний; тут нужна логика, батюшка! И знаете, прежде, давно уже, я был чистый славянофил по убеждениям, но теперь мы ждем зари с запада... Ну до свидания; хорошо, что столкнулся с вами не заходя; не зайду, не просите, некогда!..

10 И он бросился было бежать.

— Ах, да что ж я, — воротился он вдруг, — ведь он меня с письмом к вам прислал! Вот письмо. Зачем вы не пришли провожать?

Вельчанинов воротился домой и распечатал адресованный на его имя конверт.

В конверте ни одной строчки не было от Павла Павловича, но находилось какое-то другое письмо. Вельчанинов узнал эту руку. Письмо было старое, на пожелтевшей от времени бумаге, с выцветшими чернилами, писанное лет десять назад к нему в Петербург, два месяца спустя после того, как он выехал тогда из Т. Но письмо это не пошло к нему; вместо него он получил тогда другое; это ясно было по смыслу пожелтевшего письма. В этом письме Наталья Васильевна, прощаясь с ним навеки — точно так же как и в полученном тогда письме — и признаваясь ему, что любит другого, не скрывала, однако же, о своей беременности. Напротив, в утешение ему, сулила, что она найдет случай передать ему будущего ребенка, уверяла, что отныне у них другие обязанности, что дружба их теперь навеки закреплена, — одним словом, логики было мало, но цель была всё та же: чтоб он избавил ее от любви своей. Она даже позволяла ему заехать в Т. через год — взглянуть на дитя. Бог знает почему она раздумала и выслала другое письмо вместо

30 этого.

Вельчанинов, читая, был бледен, но представил себе и Павла Павловича, нашедшего это письмо и читавшего его в первый раз перед раскрытым фамильным ящичком черного дерева с перламутровой инкрустацией.

«Должно быть, тоже побледнел как мертвец, — подумал он, заметив свое лицо нечаянно в зеркале, — должно быть, читал и закрывал глаза, и вдруг опять открывал, в надежде, что письмо обратится в простую белую бумагу... Наверно, раза три повторил опыт!..»

XVII

40

ВЕЧНЫЙ МУЖ

Прошло почти ровно два года после описанного нами приключения. Мы встречаем господина Вельчанинова, в один прекрасный летний день, в вагоне одной из вновь открывшихся наших железных дорог. Он

ехал в Одессу, чтоб повидаться, для развлечения, с одним приятелем, а вместе с тем и по другому, тоже довольно приятному обстоятельству; через этого приятеля он надеялся уладить себе встречу с одною из чрезвычайно интересных женщин, с которою ему давно уже желалось познакомиться. Не вдаваясь в подробности, ограничимся лишь замечанием, что он сильно переродился или, лучше сказать, исправился в эти последние два года. От прежней ипохондрии почти и следов не осталось. От разных «вспоминаний» и тревог, — последствий болезни, — начавших было осаждать его два года назад в Петербурге, во время неудавшегося процесса, — уцелел в нем лишь некоторый потаенный стыд, от сознания бывшего малодушия. Его вознаграждала отчасти уверенность, что этого уже больше не будет и что об этом никто и никогда не узнает. Правда, он тогда бросил общество, стал даже плохо одеваться, куда-то от всех спрятался, — и это, конечно, было *всеми* замечено. Но он так скоро явился с повинною, а вместе с тем и с таким вновь возрожденным и самоуверенным видом, что «все» тотчас же ему простили его минутное отпадение; даже те из них, с которыми он перестал было кланяться, первые же и узнали его и протянули ему руку, и притом без всяких докучных вопросов, — как будто он всё время был где-то далеко в отлучке по своим домашним делам, до которых никому из них нет дела, и только что сейчас воротился. Причиною всех этих выгодных и здравых перемен к лучшему был, разумеется, выигранный процесс. Вельчанинову досталось всего шестьдесят тысяч рублей, — дело, бесспорно, невеликое, но для него очень важное: во-первых, он тотчас же почувствовал себя опять на твердой почве, — стало быть, утонул нравственно, он знал теперь уже наверно, что этих последних денег своих не промотает «как дурак», как промотал свои первые два состояния, и что ему хватит на всю жизнь. «Как бы там ни трещало у них общественное здание и что бы они там ни трубили, — думал он иногда, приглядываясь и прислушиваясь ко всему чудесному и невероятному, совершающемуся кругом него и по всей России, — во что бы там ни перерождались люди и мысли, у меня все-таки всегда будет вот хоть этот тонкий и вкусный обед, за который я теперь сажусь, а стало быть, я ко всему приготовлен». Эта нежная до сладострастия мысль, мало-помалу, овладевала им совершенно и произвела в нем переворот даже физический, не говоря уже о нравственном: он смотрел теперь совсем другим человеком, в сравнении с тем «хомяком», которого мы описывали за два года назад и с которым уже начинали случаться такие неприличные истории, — смотрел весело, ясно, важно. Даже злокачественные морщинки, начинавшие скопляться около его глаз и на лбу, почти разгладились; даже цвет его лица изменился, — он стал белее, румянее. В настоящую минуту он сидел на комфортном месте в вагоне первого класса, и в уме его наклеивалась одна милая мысль: на следующей станции предстояло разветвление пути и шла новая дорога вправо. «Если б бросить, на минутку, прямую дорогу и увлечься вправо, то не более как через две станции можно бы было посетить еще одну знакомую даму, только что возвратившуюся из-за границы и находящуюся

теперь в приятном для него, но в весьма скучном для нее уездном уединении; а стало быть, являлась возможность употребить время не менее интересно, чем и в Одессе, тем более что и там не уйдет...» Но он всё ещё колебался и не решался окончательно; он «ждал толчка». Между тем станция приближалась; толчок тоже не замедлил.

На этой станции поезд останавливался на сорок минут и предлагался обед пассажирам. У самого входа в залу для пассажиров первого и второго классов столпилось, как водится, множество нетерпеливой и торопившейся публики и, — может быть, тоже как водится, — произошёл скандал. Одна дама, вышедшая из вагона второго класса и замечательно хорошенькая, но что-то уж слишком пышно разодетая для путешественницы, почти тащила обеими руками за собою улана, очень молоденького и красивого офицера, который вырывался у нее из рук. Молоденький офицер был сильно хмелен, а дама, по всей вероятности его старшая родственница, не отпускала его от себя, должно быть, из опасения, что он прямо так и бросится к буфету с напитками. Между тем с уланом, в тесноте, столкнулся купчик, тоже закутивший, и даже до безобразия. Этот купчик застрял на станции второй уже день, пил и сыпал деньгами, окруженный разным товариществом, и всё не успевал
20 попасть в поезд, чтоб отправиться далее. Вышла ссора, офицер кричал, купчик бранился, дама была в отчаянии и, увлекая улана от ссоры, восклицала ему умоляющим голосом: «Митинька! Митинька!» Купчику показалось это слишком уже скандальным; правда, и все смеялись, но купчик обиделся ещё более за оскорбленную, как показалось ему почему-то, нравственность.

— Вишь: «Митинька!» — произнес он укорительно, передразнив тоненький голосок барыни. — И в публике уже не стыдятся!

И подойдя, качаясь, к бросившейся на первый стул даме, успевшей усадить рядом с собой и улана, он презрительно осмотрел обоих и протянул нараспев:
30

— Шлюха ты шлюха, хвост отшлепала!

Дама взвизгнула и жалостно осматривалась, ожидая избавления. Ей и стыдно-то было, и боялась-то она, а к довершению всего офицер сорвался со стула и, завопив, ринулся было на купчика, но поскользнулся и шлепнулся назад на стул. Хохот кругом усиливался, а помочь никто и не думал; но помог Вельчанинов: он вдруг схватил купчика за шиворот и, повернув, оттолкнул его шагов на пять от испуганной женщины. Тем скандал и кончился; купчик был сильно опешен и толчком, и внушительной фигурой Вельчанинова; его тотчас же увели товарищи.
40 Осанистая физиономия изящно одетого барина возымела внушительное влияние и на насмешников: смех прекратился. Дама, краснея и чуть не со слезами, начала изливаться в уверениях о своей благодарности. Улан бормотал: «Балдарю, балдарю!» — и хотел было протянуть Вельчанинову руку, но вместо того вдруг вздумал улечься на стульях и протянулся на них с ногами.

— Митинька! — укоризненно простонала дама, всплеснув руками.

Вельчанинов был доволен и приключением и его обстановкой. Дама интересовала его; это была, как видно, богатенькая провинциалочка, хотя и пышно, но безвкусно одетая, и с манерами несколько смешными, — именно соединяла в себе всё, гарантирующее успех столичному фату, при известных целях на женщину. Завязался разговор; дама горячо рассказывала и жаловалась на своего мужа, который «вдруг из вагона куда-то скрылся, и от этого всё и произошло, потому что он вечно, когда надо тут быть, куда-то и скроется...»

— По надобности... — пробормотал улан.

— Ах, Митинька! — всплеснула опять она руками.

10

«Ну, достанется же мужу!» — подумал Вельчанинов.

— Как его зовут? я пойду и отыщу его, — предложил он.

— Пал Пальч, — отозвался улан.

— Вашего супруга зовут Павлом Павловичем? — с любопытством спросил Вельчанинов, и вдруг знакомая ему лысая голова просунулась между ним и дамой. В одно мгновение представился ему сад у Захлебниных, невинные игры и докучливая лысая голова, беспрерывно просовывавшаяся между ним и Надеждой Федосеевной.

— Вот вы наконец! — истерически вскричала супруга.

Это был сам Павел Павлович; в удивлении и страхе глядел он на 20 Вельчанинова, оторопев перед ним, как перед привидением. Столбняк его был таков, что некоторое время он, по-видимому, не понимал ничего из того, что толковала ему раздражительной и быстрой скороговоркой оскорбленная супруга. Наконец он вздрогнул и сообразил разом весь свой ужас: и свою вину, и о Митиньке, и об том, что этот «мсьё» — дама почему-то так назвала Вельчанинова — «был для нас ангелом-хранителем и спасителем, а вы — вы вечно уйдете, когда вам надо тут быть...»

Вельчанинов вдруг захохотал.

— Да ведь мы с ним друзья, друзья с детства! — восклицал он 30 удивленной даме, фамильярно и покровительственно обхватив правой рукой плечи улыбавшегося бледной улыбкой Павла Павловича, — не говорил он вам об Вельчанинове?

— Нет, никогда не говорил, — оторопела несколько супруга.

— Так представьте же меня, вероломный друг, вашей супруге!

— Это, Липочка, действительно господин Вельчанинов-с, вот-с... — начал было и постыдно оборвался Павел Павлович. Супруга вспыхнула и злобно сверкнула на него глазами, очевидно за «Липочку».

— И представьте, и не уведомил, что женился, и на свадьбу не позвал, но вы, Олимпиада...

40

— Семеновна, — подсказал Павел Павлович.

— Семеновна! — отозвался вдруг заснувший было улан.

— Вы уж простите его, Олимпиада Семеновна, для меня, ради встречи друзей... Он — добрый муж!

И Вельчанинов дружески хлопнул Павла Павловича по плечу.

— Я, душенька, я только на минутку... отстал... — начал было оправдываться Павел Павлович.

— И бросили жену на позор! — тотчас же подхватила Липочка, — когда надо, вас нет, где не надо — вы тут...

— Где не надо — тут, где не надо... где не надо... — поддакивал улан.

Липочка почти задыхалась от волнения; она и сама знала, что это нехорошо при Вельчанинове, и краснела, но не могла совладать.

— Где не надо вы слишком уж осторожны, слишком осторожны! — вырвалось у ней.

— Под кроватью... любовников ищет... под кроватью — где не надо... где не надо... — ужасно разгорячился вдруг и Митинька.

Но с Митинькой уже нечего было делать. Всё кончилось, впрочем, приятно; последовало полное знакомство. Павла Павловича услали за кофеем и за бульоном. Олимпиада Семеновна объяснила Вельчанинову, что они едут теперь из О., где служит ее муж, на два месяца в их деревню, что это недалеко, от этой станции всего сорок верст, что у них там прекрасный дом и сад, что к ним приедут гости, что у них есть и соседи, и если б Алексей Иванович был так добр и захотел их посетить «в их уединении», то она бы встретила его как ангела-хранителя, потому что она не может вспомнить без ужаса, что бы было, если б... и так далее, и так далее, — одним словом, «как ангела-хранителя»...

— И спасителя, и спасителя, — с жаром настаивал улан.

Вельчанинов вежливо поблагодарил и ответил, что он всегда готов, что он совершенно праздный и незанятый человек и что приглашение Олимпиады Семеновны ему слишком лестно. Затем тотчас же завел веселенький разговор, в который удачно вставил два или три комплимента. Липочка покраснела от удовольствия и, только что воротился Павел Павлович, восторженно объявила ему, что Алексей Иванович так добр, что принял ее приглашение прогостить у них в деревне весь месяц и обещался приехать через неделю. Павел Павлович улыбнулся потерянно и промолчал. Олимпиада Семеновна вскинула на него плечиками и возвела глаза к небу. Наконец расстались: еще раз благодарность, опять «ангел-хранитель», опять «Митинька», и Павел Павлович увел наконец усаживать супругу и улана в вагон. Вельчанинов закурил сигару и стал прохаживаться по галерее перед воксалом; он знал, что Павел Павлович сейчас опять прибежит к нему поговорить до звонка. Так и случилось. Павел Павлович немедленно явился перед ним с тревожным вопросом в глазах и во всей физиономии. Вельчанинов засмеялся, «дружески» взял его за локоть и, притянув к ближайшей скамейке, сел и усадил его с собою рядом. Сам он молчал; ему хотелось, чтоб заговорил Павел Павлович первый.

— Так вы к нам-с? — пролепетал тот, совершенно откровенно приступая к делу.

— Так я и знал! Не переменялсянисколько! — расхохотался Вельчанинов, — ну неужели же вы, — хлопнул он его опять по плечу, — неужели же вы хоть минуту могли подумать серьезно, что я в самом деле могу к вам приехать в гости, да еще на месяц — ха-ха!

Павел Павлович весь так и встрепенулся.

— Так вы — не приедете-с! — вскричал он, нисколько не скрывая своей радости.

— Не приеду, не приеду! — самодовольно смеялся Вельчанинов. Впрочем, он и сам не понимал, почему ему так уж особенно смешно, но чем дальше, тем ему становилось смешнее.

— Неужели... неужели вы в самом деле говорите-с? — И, сказав это, Павел Павлович даже привскочил с места, в трепетном ожидании.

— Да уж сказал, что не приеду, — ну чудак же вы человек!

— Как же мне... если так-с, как же сказать-то Олимпиаде Семёновне, когда вы через неделю не пожелаете, а она будет ждать-с? 10

— Экая трудность! Скажите, что я ногу сломал, или в этом роде.

— Не поверят-с, — жалостным голосом протянул Павел Павлович.

— И вам достанется? — всё смеялся Вельчанинов, — но я замечая, мой бедный друг, что вы-таки трепещете перед вашей прекрасной супругой, — а?

Павел Павлович попробовал улыбнуться, но не вышло. Что Вельчанинов отказывался приехать — это, конечно, было хорошо, но что он фамильярничаёт насчет супруги — это было уже дурно. Павел Павлович покоровился; Вельчанинов это заметил. Между тем прозвонил уже второй звонок; в отдалении послышался тонкий голосок из вагона, тревожно вызывавший Павла Павловича. Тот засуетился на месте, но не побежал на призыв, видимо ожидая ещё чего-то от Вельчанинова, — конечно, ещё раз заверения, что он к ним не приедет.

— Как бывшая фамилия вашей супруги? — осведомился Вельчанинов, как бы не замечая совсем тревоги Павла Павловича.

— У нашего благочинного взял-с, — ответил тот, в смятении поглядывая на вагоны и прислушиваясь.

— А, понимаю, за красоту.

30

Павел Павлович опять покоровился.

— А кто же у вас этот Митинька?

— А это так-с; дальний наш родственник один, то есть мой-с, сын двоюродной моей сестры, покойницы-с, Голубчиков-с, за непорядки разжаловали, а теперь опять произведен; мы его и экипировали... Несчастный молодой человек-с...

«Ну так-так, всё в порядке; полная обстановка!» — подумал Вельчанинов.

— Павел Павлович! — раздался опять отдаленный призыв из вагона, и уже с слишком раздражительной ноткой в голосе.

40

— Пал Палыч! — послышался другой, сиплый голос.

Павел Павлович опять засуетился и затеялся, но Вельчанинов крепко прихватил его за локоть и остановил.

— А хотите, я сейчас пойду и расскажу вашей супруге, как вы меня резать хотели, — а?

— Что вы, что вы-с! — испугался ужасно Павел Павлович, — да Боже вас сохрани-с.

— Павел Павлович! Павел Павлович! — слышались опять голоса.

— Ну уж ступайте! — выпустил его наконец Вельчанинов, продолжая благодушно смеяться.

— Так не приедете-с? — чуть не в отчаянии в последний раз шептал Павел Павлович, и даже руки сложил перед ним, как в старину, ладошками.

— Да клянусь же вам, не приеду! Бегите, беда ведь будет!

И он размашисто протянул ему руку, — протянул и вздрогнул: Павел Павлович не взял руки, даже отдернул свою.

Раздался третий звонок.

В одно мгновение произошло что-то странное с обоими; оба точно преобразились. Что-то как бы дрогнуло и вдруг порвалось в Вельчанинове, еще только за минуту так смеявшемся. Он крепко и яростно схватил Павла Павловича за плечо.

— Уж если я, я протягиваю вам вот эту руку, — показал он ему ладонь своей левой руки, на которой явственно остался крупный шрам от пореза, — так уж вы-то могли бы взять ее! — прошептал он дрожащими и побледневшими губами.

20 Павел Павлович тоже побледнел, и у него тоже губы дрогнули. Какие-то конвульсии вдруг пробежали по лицу его.

— А Лиза-то-с? — пролепетал он быстрым шепотом, — и вдруг запрыгали его губы, щеки и подбородок, и слезы хлынули из глаз. Вельчанинов стоял перед ним как столб.

— Павел Павлович! Павел Павлович! — вопили из вагона, точно там кого резали, — и вдруг раздался свисток.

Павел Павлович очнулся, всплеснул руками и бросился бежать сломя голову; поезд уже тронулся, но он как-то успел уцепиться и вскочил-таки в свой вагон, на лету. Вельчанинов остался на станции и только к вечеру отправился в дорогу, дождавшись нового поезда и по прежнему пути. Вправо, к уездной знакомке, он не поехал, — слишком уж был не в духе. И как жалел потом!

ИДИОТ

(Т. 8. С. 5)

Подготовительные материалы (ПМ₁)

14 сентября 67. Женева

14 сентября

22 октября¹

Разорившееся помещичье семейство (порядочной фамилии) очутилось в Петербурге. Несмотря на бедность — форс. Главный форс у матери, — особа достойная уважения и благородная, но взбалмошная. Семейство состоит из сына (молодой человек, балованный матерью, обожаемый, красавец, но умевший понять свое положение).² Ищет места, благороден, из самых буржуазных натур, но имеющий претензию на самобытность и даже поэзию. Есть манера. Свысока — насмешливость. Нежного сложения. *Влюблен* в одну молодую особу, дальнюю родственницу, и жених ее. Та в семейство ходит.³ Резка и насмешлива. Сестра (М<аша>) сыскала сама себе жениха, дает уроки на фортепиано, что жених сносит. Глупа, жестока и буржуазна. Мать взяла в руки. Жених офицер, дающий <с. 26>⁴ под залог деньги. Пишет письма, уединил себя от семейства (груши и виноград). («Сварите мне кофе».)⁵ Наконец, Отец Семейства, бросил его, путешествует за границей, где, однако ж, его притиснули за долги. Возвращается в семейство с по-

¹ Даты: 14 сентября 67. ~ 22 октября — записаны каллиграфическим почерком; две последние даты вписаны чернилами более темного оттенка.

² В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

³ На полях справа от текста: *Влюблен ~ ходит.* — заметка: NB. Совсем не влюблен. Перед свадьбой говорит, что не знает, как отвязаться.

⁴ Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

следними, отчаянными и ужасно глупыми расчетами достать денег,¹ сначала форс, потом быстро падает.² У этих людей, покамест деньги, то если не умны, то по крайней мере они представительны, в числе человеков. Без денег же быстро падают.³ В семейство ходит двоюродная⁴ сестра жениха (Героиня), хороша чрезвычайно, высокомерна. (Семейство Жениха, Мать — в дружбе с матерью другого семейства, 2 Старухи, одна тип помещицы, другая петербургской чиновницы.⁵ Старик отец — потаскун, в дружбе с тем старичком, товарищи по школе. 2 Старичка, вместе таскаются.⁶ Сестра жениха — старая девушка, двоюродная сестра и проч.). В главном семействе еще приемыш — падчерица сестры матери семейства — озлобленная Миньона⁷ и Клеопатра. И наконец Идиот. Прослыл Идиотом⁸ от матери, ненавидящей его. Кормит семейство, а считается, что ничего не делает. У него падучая и нервные припадки. Курса не закончил. Живет в семействе. Влюблен в двоюродную сестру жениха — тайно. <с. 27> Та ненавидит и презирает его хуже, чем идиота и лакея. (*Целует ее на улице, провожая.*) (Она, видя, что он влюблен в нее, — шалит с ним от нечего делать, доводит его до бешенства.⁹ 24 года ей.¹⁰ В один из этих разов¹¹ он насилует Миньону. Зажигает дом.¹² Сжег палец по ее приказу.¹³) Страсти у идиота сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение. Кто не знает его — смеется над ним, кто знает — начинает бояться.

Мать ненавидит его и всё на него жалуется. Жених и сестра обидели мать. Любимый сын, его невеста и проч. сговариваются на семейном

¹ с последними ~ достать денег — вписано.

² На полях слева от текста: Возвращается ~ падает. — портретный рисунок.

³ У этих людей ~ падают. — вписано на полях под знаком: NB. В тексте такой же знак после слова «падает». Здесь и далее в подобных случаях знаки указывают на место, к которому относится запись на полях.

⁴ двоюродная — вписано.

⁵ 2 Старухи ~ чиновницы. — вписано на полях под знаком: × В тексте такой же знак над словом «мать».

⁶ в дружбе ~ таскаются. — вписано внизу страницы под знаком: ×.) В тексте такой же знак после слова «потаскун».

⁷ От слов: озлобленная Миньона — проведена линия, и на полях написано: Ольга Умеккая.

⁸ Было: идиотом

⁹ Далее вычеркнута закрывающая скобка.

¹⁰ 24 года ей. — заметка на полях. Слово: ей — подчеркнуто дважды.

¹¹ В один из этих разов — подчеркнуто дважды.

¹² Зажигает дом — подчеркнуто трижды.

¹³ Сжег ~ приказу. — вписано.

совете, чтоб положить в отношениях какое-нибудь приличие. NB. Этим начинается роман.¹ Двоюродн<ая> сестра и мать жениха держат их же сторону (Миньону страшно притесняют, держат хуже служанки — это подлая черта в матери. Миньона влюблена в красавца <с. 28> брата и ненавидит его невесту).² (NB.³ Когда тот ее изнасиловал — она не сказала ни слова, ни упрека, а когда отец Семейства начал было — то приколотила.) На семейном совете (где много и *еще прежде* говорилось о дяде) только было что-то решили, как идиот приколот ерлычки. Гро-мальная история. Жених пишет письма, требует, чтоб идиота выгнали, иначе не станет давать содержания; дает 15 руб. в месяц.⁴ (А идиоту только что перед тем Жених нашел место в канцелярии; тот походил три дня<,> поругался и вышел. (Описание, как поругался, как долго сидел, переписывал — *почерк хорош* —⁵ соблазнился, что все трепещут директора, и вот бы плюнуть-то ему в харю.) В Семействе говорят: с ним это случается, — то смирен и послушен, то вдруг взбунтуется.) NB. Всё идиотство его есть, в сущности, выдумка мамы (характер мамы), так что когда, по вопросам дяди, стали давать себе отчет: — да идиот ли он?⁶ — то, к удивлению своему, понять не могли, откуда это взялось и как так установилось. Старший брат, н<а>прим<ер> (красавец), совершенно того же мнения, что идиот. «Да он такой странный».⁶ NB NB. (Миньона ужасно забита, ужасно робка и страшно как ехидна про себя<,> дерзка и мстительна: ненавидит невесту Красавца.) История Миньоны всё равно, что история Ольги Умецкой.⁷ <с. 29>

⁸Отца Семейства еще совсем не ожидают из-за границы. Но в Петербурге наконец-то добились сведений (от прежних поверенных, соседей и деловых людей), что имение их всё потеряно и промотано и что Отец Семейства не только всё промотал за границей, но еще многие чрезвычайные долги его поданы наконец за границей из России ко взысканию (на вопрос Красавца: «Неужели и за границей можно <?>» — дядя отвечает: «Еще бы»⁹).¹⁰

¹ NB. Этим ~ роман. — вписано на полях. Над текстом: какое-нибудь приличие — знак: NB.

² Над строкой помета: ВСЁ ИЗ ЗАВИСТИ.

³ NB — вписано над строкой.

⁴ иначе ~ в месяц. — вписано.

⁵ Слова: *почерк хорош* — отделены от остального текста не при помощи тире, а двумя вертикальными волнистыми линиями.

⁶ NB. Всё идиотство ~ странный». — вписано на полях.

⁷ История ~ Ольги Умецкой. — вписано чернилами более светлого оттенка.

⁸ Знак абзаца.

⁹ Далее ошибочно: ? В рукописи в обоих случаях кавычки отсутствуют, а реплики героев записаны со строчной буквы.

¹⁰ Далее было: — Ре<ш>аются>

¹Решаются наконец обратиться к дяде.² Приглашают его³ приказчика (прежний крепостный человек семейства; теперь зажиточный Конторщик; встреча Матери семейства с прежним Крепостным человеком; Мать сначала не сажала, и он пил чай стоя; но пришел Красавец и ужаснулся<, > посадил).⁴ Разговор и сведения об идиоте и об Миньоне. Наконец дядя дает знать, что будет, и назначает вечер. Общее смятение. Чай. С Миньонкой даже припадок. Жениху с гордостью надо знать, <с. 30> что будет дядя и что вот, дескать, у них у самих поддержка и покровительство, и что с Идиотом решат окончательно.⁵ Жених холодно отвечает, что у него с этим дядей даже дела и что они приятели (что, впрочем, вздор).

⁶Дядя — лицо капитальное всего романа. Ипохондрик, самопогребенное тщеславие, гордость. Всех подозревает. Образован. С великодушными даже началами, но всё извращено и испорчено. Много наболевших ран. Уединившийся ростовщик, но ростовщик с поэзией. В детстве гадко воспитан и развит. Нелюбимое⁷ дитя. Пожертвован брату первенцу. Мать семейства была сначала его невестой; но выдана была за старшего.⁸ Очутился на петербургских улицах, наживал поденной работой и по копейке. Милльона 1½ наверно. Никому не дает. (Граф и он.) Рассеян и невнимателен; чудак; посягал на самоубийство. Иногда сплин. Некого любить. Бойтся быть с людьми, чтоб не переродиться и не привязаться <с. 31> к кому любовью.

Сущность свидания прошла в том, что Дядя согласился давать крошечную помесечную помощь (25 р.⁹). Жених, н<a>прим<ер>, фанфаронивший знакомством с ним, наскоро раскланялся и потом сконфузился и не вышел. Оба, с Машей, стояли у двери и подслушивали. (Рябцев душить.) (Очень комично, но они совершенно сошлись.) Дядя, собираясь на этот час (ровно час) свидания, был в большом волнении, хотя с виду лед и камень и высокомерно рассеян: Он боялся, что увидит прежнюю любовь свою. Но впечатление очутилось комическое, и он вышел угрюмый, досадный и свысока презирая себя. Мать Семейства разливалась-ораторствовала. Об Отце Семейства (брате) он, оказалось, очень мало знал. Многие подробности семейства первый раз в жизни узнал: до того уединился от семейства. Обратил внимание

¹ Знак абзаца.

² На полях записи: Первые сведения об сыне дяди. Жена дяди давным-давно померла. Жили «в раздоре».

³ Далее было: в роде

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ и что с Идиотом решат окончательно. — вписано.

⁶ Знак абзаца.

⁷ Далее было: дяд<ей>

⁸ Далее было: Р<ассеян>

⁹ Здесь и далее в подобных случаях обозначение рубля, используемое Достоевским в рукописи: ∞

на Миньону: ему рассказали ее биографию, *при ней*, дочь помещика, <с. 32> не кормили, хотела повеситься, с веревки сняли. Пришла Красавица (Героиня). Он обратил внимание на идиота. Впрочем, ему и без того об нем рассказать поспешили. Рассеянно слушал. (Почерк. Конторщик говорил.) «А вот я его; у меня плётка; почему ж он идиот?»¹ И никто не знает. Невеста Красавца. Все издеваются над идиотом. Уходит.²

³Миньона влюблена в Красавца и ненавидит его невесту. Она ненавидит и Героиню, потому что Героиня льнет к Красавцу, но так как та ужасно хороша, то Миньона, оставшись наедине, целует ей руки и ноги (и тем сильнее ненависть). (Она даже нарочно ноги целует, чтоб⁴ за это ненавидеть еще сильнее. «За это я еще сильнее ненавидеть буду».)⁵ Завистница и гордячка. Зарежьте ее, а прощения не попросит, а трепещет, как трусиха (нервна). Удавится, а есть не попросит, коли не дают. Наивна в желаниях своих: всем отомстит, захлебнется в золоте. С <с. 35>⁶ идиотом они сошлись. Дружба страшная до рабства, но равне. Миньона перед ним благоговееет. (Когда Красавец, уже жених, хотел под хмельком ее раз *попробовать*, то Миньона чуть не убила его. Приняла за насмешку. Бешенство гордости, несмотря на то, что влюблена в Красавца; а когда идиот ее изнасиловал, то она сама дала (без любви) и даже не помянула потом. Так между ними и прошло, ни тот ни другой⁷ не вспомнили.) Иногда идиот и она сходятся и говорят, наивные мечты ее, он угрюм и несообщителен; Миньона ему все свои мечты пересказывает. Она непрерывно мечтает. Она ненавидит семейство. Она ужасно умна и всё примечает. Обыкновенно сходятся и об дне говорят. Потом она начинает воображать, как она отомстит. Идиот говорит, смотрит и чувствует как властелин. Он уходит и шатается по Петербургу. У него много знакомых мест. Перекупщик, капитал. Миньона прячет и сторожит капитал.⁸ <с. 36>

⁹Он поступает к дяде в писаря. Дядя его почти забыл. Почерк, проходит неделя, встречаясь говорит про плетку. Тот глядит на него насмешливо. Письма по конторе. Это он сочинял. Дядя поражен. Призывает

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Далее знак абзаца.

³ Знак абзаца.

⁴ б — вписано.

⁵ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁶ На полях сверху и слева каллиграфические прописи: М, С.-Петербург <2 раза>, Молодая <2 раза>, Генеральша, Костенька <2 раза: каллиграфически и с элементами каллиграфии>, [С], Константинополь <3 раза>, Молодое Поколение>.

⁷ От слов: она сама — к словам: ни тот ни другой — проведена вертикальная линия.

⁸ Миньона прячет ~ капитал. — вписано.

⁹ Знак абзаца.

его к обеду. Тот говорит свысока, скупое; опровергает дядю; выказывает начитанность.¹ «Да я никогда и не выдавал себя за идиота. Я курса не кончил; был вольным слушателем».²

³Меж тем неожиданно прибыл Отец семейства,⁴ рябой, брыластый, бабистый. Сначала с форсом. Не похвалил кухарку. От нее дурно пахнет. Кухарка ему нагубила. Он к ней же впоследствии подъехал.⁵ (Приехал в надежде склонить⁶ брата и выманить что-нибудь у жены, у которой он предполагает деньги.)⁷ Сначала даже *galant homme*.⁸ С Миньонной сначала как с барышней, потом строго. Разуть башмаки. Жених свысока. Объяснения; о деньгах; «Желаю быть в стороне, чтобы к жениху и Маше не входили».⁹ Маша, по наущению жениха, утром нагубила матери: кофей. <с. 37>

Отец было с расправой, но жених сказал резкое *velo*,¹⁰ Красавец отделался невнимательностью. Мать принялась плакать и распекать его. Он отправился к брату. (Брат отказал в деньгах и насмеялся над аферой; обнаружил даже мошенничество. Тот просто начал просить на коленях, 4000 р.; Дядя не дал. Дома (¹¹Остались одни с Миньонной: «Я знал вашего родителя».) — «Ну так что ж что знали».¹² Прелестная особа, глаза выцарапала).¹³ Он потом просил английского пластыря.

¹ На полях справа от текста: Тот говорит свысока ~ начитанность. — запись: (Представляется идиотом, с насмешкой.)

² В рукописи закрывающая кавычка поставлена после слов «за идиота».

³ Знак абзаца.

⁴ Над строкой знак: NB. На полях записи:

NB. Отцу Семейства говорят про Жениха: «Милая моя, я конечно с ветру, но надо бы посмотреть». <В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.>

— Ну, уж вы...

Рассказывает про ссоры (тут же и кофе), [всё]

— Всё это надо ловко, с манерой, [с бл<агородством>] так сказать, поразить его благородством.

Принимает перед деньгами окончательно. Занимает. Жених ставит это в преступление. По разным комнатам.

⁵ Не похвалил ~ подъехал. — вписано на полях под знаком: NB. В тексте такой же знак после слова «форсом».

⁶ Далее было: к

⁷ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁸ благородный, порядочный человек (фр.).

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Здесь: нет (лат.).

¹¹ Далее незачеркнутый первоначальный вариант: невзначай было к Миньоне, та рожу выцарапала).

¹² В рукописи кавычки, кроме первой открывающей, отсутствуют.

¹³ Остались одни ~ глаза выцарапала.) — вписано.

Кухарка видела и рассказала¹ вслух, всем, при Миньоне. Мать Семейства Миньоне:

— Правда это?

Та наглубила. Бить ее, отец кидается разнимать. Мать Семейства:

<—> Неужто вы думаете, что из-за вас <?>

Когда старик приехал, у Матери признаки туалета. Перед другими даже гордится им; втихомолку только распекает.²

Между тем с приездом Отца Семейства³ (совпадает) раз униженный идиот, провожая Героиню, бросился целовать ее. Та, однако,⁴ не пожаловалась. Но начала иногда кокетничать: «Вы меня очень любите?»⁵ Палец сжег, и в тот же вечер изнасиловал Миньону. Когда Дядя обещал плетку и тот, провожая, целовал Героиню, то после зажег, в ту же ночь.)

⁶Жених, обиженный преимуществами дяди, принес показать деньги. Потерянный портфель. Обвинили Идиота в краже денег. <с. 38> Дядя выгоняет его; «где у тебя взялись деньги <?>»⁷ Красавец видел в мезонине его; он уже и деньги нашел; а⁸ меж тем Отец Семейства положил, служанка и Миньона видели.

Жених потребовал, чтоб были найдены деньги. Красавец нашел и отдал. Ускорили сватание. Красавец вступился за сестру по-своему. Грубые и чиновничьи-характерные объяснения. «На свадьбе чтоб только не было идиота».⁹ NB. Идиота выгоняют, и дядя *выгоняет*.¹⁰

¹¹На улицах Петербурга день и ночь он и Миньона. Три дня скитания. Миньона тоже взбунтовалась и сбежала: «Я совершеннолетняя».¹² В дождь, в холод, ночью, толкуют о золоте, о богатстве — Миньона хочет скорей быть скверной женщиной. Тот ее кормил, ей свои золотые планы показал. Наконец Красавец улаживает дело: дяде говорит, что не идиот, Идиоту говорит, чтоб замолчал, Мать знает, трагедия, ужасно плакала, Идиот говорит, что его <с. 39> надо пожалеть, и *останавливает Красавца*, который всем хотел рассказать, что Отец украл. Мать

¹ Далее было: вслух

² Он потом ~ распекает. — вписано на полях под авторским знаком. В тексте такой же знак после слов «глаза выщарапала».

³ Было: Дяди

⁴ однако — вписано.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Знак абзаца.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи союз «а» записан с большой буквы (незавершенная правка); было: нашел. А

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ NB. Идиота ~ выгоняет. — вписано.

¹¹ Знак абзаца.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

удивляет<ся>. Он¹ гордо не примечает ее удивления. Героиня задумывается. Миньона воротиться не хочет. Идиот ей квартиру нанимает.² Первый серьезный и гордый разговор с дядей. Дядя видит, что идиот, которого он плеткой хотел бить, неизмеримо глубже и выше³ его. Дядя⁴ спрашивает про Миньону, которую он видел с ним на улице. Идет поглядеть на Миньону один. NB) Фантастическая встреча. Говорит с Миньоной. Та ему говорит, что, как только всем отомстит, тотчас себя убьет.⁵ Дядя ее скоро оставляет. Идиот смело спрашивает жалование.⁶ Дядя дает на Миньону. Дядя в крайнем припадке ипохондрии. Повеситься или жениться?⁷ Жениться, на Героине. (Слышал и знает, что идиот влюблен в нее.) <с. 40>⁷

NB) *Главный характер идиота.* Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего. Но саморазрешение еще мечта, а покамест еще только судорожные попытки. Таким образом он бы мог дойти до чудовищности, но любовь спасает его. Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки. (Это уже было, когда он простил отца. *Смерть отца.*) Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг.⁸

NB. NB. NB

(ГЛАВНОЕ)

1) Безумная любовь дяди к идиоту, начинающаяся с отвращения. (Когда он его поймал на улице после по кражи, уж он любил его. Завещание на его имя и на имя невесты Миньоны. Им двоим. Сыну 25 000.)⁹

¹ Было: Д<ядя>

² Над словом: нанимает — знак: NB

³ Далее было: их

⁴ Было: Он

⁵ На полях справа от начала и слева от конца текста: Фантастическая встреча ~ убьет. — знак: NB)

⁶ Было: желание

⁷ В верхней части <с. 41> вычеркнуто продолжение текста со <с. 40>: Героиня ненавидит жену Красавца (подделывать характеры) и связывается, будучи невестой, с Красавцем. Переманивает его. Дядя узнает. Ревность и скандал. Отказывается. Жених за сестру заступает. «Вот за Идиота не угодно ли?» А та, с досады: «Почему ж нет?» В рукописи кавычки отсутствуют. Над вычеркнутым текстом поставлен знак: NB). Такой же знак повторен в основном тексте далее.

⁸ Таким образом ~ подвиг. — вписано внизу страницы под знаком: ×). В тексте такой же знак после слов «судорожные попытки».

⁹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

2) В это время приезд сына. Характер. Нелюбим и не признан отцом.

3) Одна из выходов характера Героини: Еще в невестах влюбила назло¹ в себя идиота (так что тот бесился и ревновал, а когда приехал сын, вдруг *назло* им, бежала с сыном накануне свадьбы и осрамила² дядю).³ <с. 41>⁴

NOTA BENE

НОТАБЕНЕ⁵

NB. / 1) Когда Идиот с Миньонкой ходят по городу ночью, к ним привязывается Отставной⁶ солдат-бродяга-полячишка и не хочет отвя-заться.

2) Героиня его пожалела и не поверила, что он украл.

3) Сцена, как отец пришел занять у него 5 руб.

4) Отец понимает, что знают, что он украл. Жена (мать семейства) дала знать, что знает и знают. Сцена с ней. Заняв эти 5 руб.,⁷ он соблазняет было кухарку. Та, с простонародною и простодушною бесцеремонностью, насмеялась над ним, вяжа шерстяной чулок. Тот пожевал губами, отошел, хотел было напиться, но воротился и слег в постель. Смерть его. *Почти* признается. Умирает хорошо. NB.⁸ От него, дома, всегда прятали и запирали: Это⁹ <с. 15>¹⁰

1)¹¹ Обобрал, и «надобно воротиться». «Какой странный случай, sacré nom d'un caniche».¹² Возвращается. Ложится. Умирает хорошо. Признается в покраже.

¹ назло — вписано ниже под знаком: × В тексте такой же знак после слова «влюбила».

² Было начато: 1) остр<амила> 2) остр<амила>

³ Далее знак: //

⁴ NB. NB. NB ~ осрамила дядю). — заключено в рамку. От слов предыдущего абзаца «судорожные попытки» к правому верхнему углу рамки проведена линия. На полях заметка: (свадьба Миньоны).

⁵ Каллиграфические прописи.

⁶ Отставной — вписано.

⁷ Далее было начато: и про-

⁸ NB — подчеркнуто дважды. Такой же знак на полях напротив этой строки.

⁹ Окончание записи утрачено (в тетради отсутствуют страницы с продолжением этого текста).

¹⁰ Текст записан почерком с элементами каллиграфии.

¹¹ Далее знак: ////

¹² черт побери (фр.). В рукописи открывающая кавычка отсутствует, закрывающая кавычка поставлена после слова «случай».

Идиот-бене

Нотавене

- к/ 1) Когда Идиот с Марионетой улетел по
городу ночью, к нимъ прибавляется Стелла
сидитъ вродяго-комалишка и не знаетъ отъ-
даваться.
- 2) Стелла его пофантазирует и не поверила, что
она украла.
- 3) Стелла какъ отецъ Пришелъ зачать у него Бред.
- 4) Отецъ понимаетъ, что знаетъ что она украла.
Знаетъ (мать-сидитъ) она знает, что знает
и знаетъ. Стелла с ней. Замечая эти Бреды, что
она соблазняетъ-было Кудряку. Она, с простодушием
и простодушного безразличия насильно
надъ нимъ, вела шерстяной пиджак. Потом по-
сидела пиджак, отослав, потом-было написана,
но вернулась и села въ постель. Сидитъ его.
Потом признается. Умираетъ жаром. И от
него, дома, всегда пряталъ и загибал; Это
- к/

Черновые наброски к роману «Идиот».

Вариант почерка с элементами каллиграфии.

Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

(А 5 р. заем и с чулком прежде было. У камелий это последнее.)
<с. 16>¹

Или:² (NB. NB. NB)

NB. Героиня наконец отбивает невесту у старшего брата, Красавца³ (характеры, роман) и становится его невестой.

— В это время прельщается дядя и подкупает Красавца, покупает у него (по одобрению идиота), отступным, невесту (Героиню). Героиня, понуждаемая деспотизмом брата, жениха, попреками в хлебе и проч. и страшной досадой, доходящей до отчаяния, за то, что Красавец продал ее, соглашается, но мало-помалу замышляет отомстить и, узнав, что идиот одобрял дядю и с насмешкой советовал подкупить Красавца, уверяя в успехе, решается отомстить идиоту, доводит его до иступления — (и так как носят слухи⁴ в Семействе, что идиот ползает перед дядей и завладел⁵ им, ожидая от него больших благ)⁶ — то <с. 42> намерена их окончательно рассорить, а потому бежит с ума сшедшим Идиотом накануне свадьбы и тем срамит дядю.

Потом она смеется в глаза и Идиоту и Дяде.

Сделано без большой обдуманности с ее стороны, а так, по характеру.

Жених и Семейство встречают ее ужасно. Дядя требует, чтоб она вышла замуж за идиота. Она: «Ну что ж, лучше, чем за вас».⁷ Три дня в иступлении: То ругает, отталкивает и смеется над Идиотом, то плачет, умоляет его, чтоб он любил ее, будущую жену его, льстит ему, ласкает его.⁸ Наконец заболевает серьезно. Между тем бешенство дяди, женитьба его на Миньоне, которая окончательно <с. 43> сходит с ума.

Идиот слушает и читает дяде то, что надо. А между тем дядя в разлитии желчи⁹ умирает.

¹ На странице находятся также перечеркнутые записи к роману «Преступление и наказание» (см.: 7, 201—202).

² Каллиграфическая пропись. Далее текст записан почерком с элементами каллиграфии (до <с. 57>).

³ Красавца — вписано.

⁴ На полях помета: NB. О слухах.

⁵ Далее было: им.

⁶ Так в рукописи: часть текста в скобках.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ На полях напротив выделенных слов знак, подчеркнутый дважды: NB.

⁹ Было: сумасшествии

*NB. Можно и так:*¹

Хоть она и насмеялась над идиотом сейчас после побега, но до того дошла в исступлении, что хоть сейчас в церковь с идиотом. Их и венчают. Тот начинает было деспотизмом, но наконец подчиняется. Между тем дядя женится или хочет жениться.² Героиня в исступлении (то насмеяется, то ласкает). Дядя приходит, тот его провожает. У дяди разливается желчь. (Она бежит куда-то и с кем-то.) И проч. <с. 44>³

NB. NB. NB. NB. NB

*Или так (ОКОНЧАТЕЛЬНО):*⁴

Есть⁵ сын, приехавший из Москвы. Ее продают (жених), а сын только что хотел признаться Отцу (Дяде), как Отец сам делает предложение. (Сын благороднейшая фигура.) Не желая поразить отца, сын медлит и потом отказывается. Между тем домашний деспот Жених⁶ принуждает ее, а она, со злобы⁷ и по ветреному отмищению, говорит: «Да!»⁸ — Дяде. Зла на Сына — зачем он отказывается.⁹ Ее чисто продали. Но бывши невестой еще сходитя с сыном и требует, чтоб он увез ее. Сын не решается убить отца и бросает ее. Идиот между тем <с. 45>¹⁰ тут ей подвертывается: Она в два дня кружит ему голову, и он увозит ее накануне брака. Затем она смеется над ними двумя.

Тут-то дядя требует мщения и затевает свадьбу Идиота. (За сына ей выйти уж никак нельзя.) Она, в исступлении и в вызове, говорит:

¹ *Каллиграфическая пропись.*

² *Далее было начато: Он*

³ *На полях вверху каллиграфическая пропись: Ваше Высокоблагородие*

⁴ *Каллиграфические прописи.*

⁵ *Слово начато с росчерка.*

⁶ *Далее знак: ×) Внизу страницы под таким же знаком запись, отделенная от основного текста чертой: Провести в романе картину домашнего деспотизма; жена его Маша; [д]комичнее.*

⁷ *со злобы — подчеркнуто дважды.*

⁸ *В рукописи кавычки отсутствуют.*

⁹ *Зла ~ отказывается. — вписано на полях под знаком: NB×) В тексте такой же знак после слов «„Да!” — Дяде».*

¹⁰ *В верхней части страницы каллиграфические прописи: И <2 раза>, В <2 раза>, Б <заштриховано>, Р, (Оконч<ательно>, Есть. На полях в нижней части страницы заштриховано: И*

«Ну да».¹ На Сына вдвойне уже зла.² (NB: Но еще их не³ венчают.)⁴ Тут-то она заболевает, ругательства и привлечения. Между тем⁵ сватья дяди, чтоб не были приготовления даром. Миньона. Всё это фантастично и поражает воображение. Она впадает в болезнь. У дяди разливается желчь. Идиот и дядя сходятся у смерти. Дядя умирает. Именье Идиоту и Миньоне. Миньона вместо того, чтоб мстить (как тогда, когда она кипела злобой), всем *раздает* и становится *ниже* <с. 46>⁶ всех. Одно изящное ей нравится. Дядя умирает. Всё состояние ему и Миньоне. Вместе они отдают всё состояние Сыну и Героине. А он с Миньонкой удаляются, и это гордее и выше.

Продолжение. В то время, когда дядя сводит Идиота с сыном, Идиот узнает, что сын влюблен в Геро. Следит за ним. Между ними объяснение. Сын сокрушается об легкомыслии Геро.⁷ Идиот говорит, что ему не надо никаких гарантий, что, как бы она ни была легкомысленна, неверна, ему всё равно.

Геро полюбила Миньону. Между ними странная дружба. Сын готовится в адвокаты. NB. Геро любезна с дядей (чтоб облегчить просьбу Сыну). А дядя воспламеняется сам, приняв любезность на свой счет. Он не знает, что сын его соперник.⁸ Предчувствуется, что Идиот умрет, а не отдаст.

Выдумать для Идиота у дяди Ужасные Эпизоды.⁹ <с. 47>

Продолжение. Выдумать для Идиота у Дяди ужасные Эпизоды. (Промежуток после оправдания Идиота в краже и перед женитьбой Дяди.¹⁰)

Дядя просто привязывается к Идиоту страстно, ипохондрически до бешенства. Предлагает ему даже свое состояние. Тот *деспотирует* его и грубо отталкивает. *Психологические отношения.* Сладострастное чувство наслаждения оттолкнуть богатство. «Я выше, гордее». Дядей движет не любовь, а чувство деспотического тщеславия, подчинить се-

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Текст: На Сына ~ зла. — вписан на полях и связан соединительной линией со словами «Ну да».

³ не — подчеркнуто трижды.

⁴ На полях напротив этой строки знак: NB.

⁵ Было: Након<ец>

⁶ На полях сверху каллиграфические прописи: Ваше а не, Ваше а не наше

⁷ Сын сокрушается ~ Геро. — вписано.

⁸ NB. Геро ~ соперник. — вписано внизу страницы и отнесено соединительной линией к данному месту в тексте.

⁹ Выдумать ~ Эпизоды. — вписано на полях вдоль основного текста, с росчерком пера. На полях сверху пробы пера: Н, В

¹⁰ Было: и женитьбы Дяди

бе, настоять на своем. «Вы сами не знаете, чего требуете, — говорит ему Идиот, — подчинись я вам, хоть чуть-чуть, вы¹ тотчас меня бросите»... — Идиот ужасно при этом его осмеивает, анализирует, критикует² всю его жизнь. — Дядя в один из припадков хочет повеситься и вдруг женится.³ <с. 48>⁴

NB) Между тем во весь роман постоянная борьба с сыном.

NB) Женитьба как мания, как выход; во что бы то ни стало.

Продолжение.

С воровства и изгнания, по самое время женитьбы дяди, Идиот влюблен в Геро. Эта любовь — и любовь и высочайшее удовлетворение гордости, тщеславия. Это последняя степень я, это царство его. Между тем Геро хотя и унижена и деспотирована в семействе, но вдруг особенно и удивительно себя выставила: Ее красотой увлекся богач, Сенатор, граф, еще не старый человек, влюбился и предложил руку. Сватьба почти была решена, жених и семейство трубили победу и торжество, и вдруг она отказала под странным предлогом. <с. 49>⁵

В семействе ее чуть не растерзали, жених хотел выгнать; она на своем настояла. В это время сцены ее с Идиотом, разговоры ее с Идиотом, высокомерный и презрительный хохот ее над его любовью, пренебрежение к нему, доходящее в ней до гадливости, удивительное невнимание и считание *ни во что* его мучений. Между тем случалось, она требовала от него услуг капитальных, он⁶ решался на ужасы, на злодеяния и на подлости (раз зашел к Миньоне: «Отмщу же я ей»), и вдруг узнает, что у ней тайная любовь с сыном. Хотел убить их.⁷ Тут всё романично и эпизодно.⁸

⁹ Любовь его странная: Она одно только непосредственное чувство, безо всяких рассуждений. Он не мечтает и не <с. 50> рассчитывает, например: Будет ли она женой его, возможно ль это и проч.? Ему только бы любить. Если б она за другого вышла, его, пожалуй, иначе поразило бы это, чем следовало бы: «Пусть она выходит, а я все-таки буду лю-

¹ В рукописи «Вам» и «Вы» (с прописной буквы).

² Вариант: критикует — вписан.

³ Было: жениться

⁴ На полях вверху каллиграфические прописи: Его Превосходите-
те<льству>, Его Высокоблагородию.

⁵ На полях вверху портретный рисунок и каллиграфические прописи: Его Превосходитель<ство>, Высокоблагородие.

⁶ Над словом: он — знак: NB NB. На полях напротив этой строки: NB. NB

⁷ Далее было начато: С

⁸ Тут ~ эпизодно. — вписано на полях под знаком: ×) В тексте такой же знак после слова «их».

⁹ Знак абзаца.

бить». Если б она была блядь, ему бы всё равно отчасти: «А я всё буду любить».¹ Наконец он начал не замечать действительности: Он даже зашел к Сыну и говорил об ней, не скрывая своей любви и как бы помогая сыну, так что удивил его и заставил думать, что он не в рассудке. Гордость его доходит даже до того, что он не замечает, что она его ни во что не считает: «Мне всё равно, я ведь люблю для себя».² Последняя степень проявления гордости и эгоизма.³ В это время, дядя, слышавший об Сенаторе и принявший к <с. 51>⁴ себе ее любезности, сделал предложение, — перед самым тем временем, как сын хотел объявить ему.

(NB. Сын не хотел, говорил, что он независим от отца и с отцом поссорился, но она пожелала помирить их.

Назначен вечер; Дядя⁵ с предложением, а она адвокатом за сына. И вдруг дядя предупредил, сделал предложение.

⁶Ей вредить сыну нельзя. В Семействе настаивают на Дяде.

Главное, что сын назад.

Они не нашлись, и слово осталось за дядей. Но она вдруг потребовала от сына решимости: но теперь нельзя убивать отца, срамить родного отца.

— Тогда она к Идиоту с увозом. <с. 52>

Идиот не то, чтоб раб ее; напротив. (Отношения в высшей степени романичнее.)

Продолжение. Она инстинктивно не верит его любви, а потому и считает ее ни во что. В сущности она если не понимает, то как будто чувствует, что это самость бесконечная и что ему она нужна, чтоб усилить свое собственное самоопределение.⁷ Когда она предлагает ему увезти⁸ себя, тогда она без ума. Но потом она боится его.

NB. /

Главное *Nota bene*

Он ее пугал и сначала и до такого ужаса, что у ней вдруг потребность бежать от него, прятаться; то вдруг потребность поиграть с огнем или слететь с башни; в замирании наслаждение. Она раздражает его до исступления и тогда как бы отскакивает,⁹ становится в отдалении, жадно присматриваясь <с. 53>¹⁰ и боясь подойти. *Рисуется характер.* Она, удивительно гордая, вся на приличиях и тонная, даже, поэтому

¹ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее знак: — · —

⁴ На полях сверху каллиграфические прописи: П, Петр Великий.

⁵ Далее было начато: хоче<т>

⁶ Знак абзаца.

⁷ Далее знак: — · —

⁸ В рукописи: увести

⁹ отскакивает — вписано.

¹⁰ На полях сверху каллиграфические прописи: Идиот, Jo<г>

не скандализуется и не удивляется иным ужаснейшим его выходкам. (Раз он чуть ее не убил; в другой раз обломал руки.) Но кончались эти минуты, и она убегала с отвращением. Эти минуты вызывались отчасти и ужасно ненормальным и несоответственным ее положением в семействе. Вообще, при бесспорной оригинальности и пуантливости капризно-вызывательного и поэтического характера, она выше своей среды. Она понимает, н<a>прим<ер>, что можно зажечь дом. Но СЫН производит на нее чрезвычайное впечатление.

NB NB.¹ (О СЫНЕ, его характер.) <с. 54>

Продолжение. NOTA BENE

NB.² ПРОЭКТ ХАРАКТЕРА СЫНА.

1) Сын, может быть, ее мало любит.

2) Дядя, в разговорах с Идиотом, рекомендует сына социалистом.

3) Но он не социалист; *напротив*; он находит в социализме, кроме неосуществимости,³ мало идеала. Экономическое распределение, хлебный вопрос.

4) Он говорит, что жалеет дядю, и что надо жалеть дядю, и что ему многое надо простить. Идиот ему замечает, что за это-то дядя его и ненавидит.

5) Дядя ненавидит его еще и за то, что он отказался от денег. Сын проповедует, что в жизни много счастья, каждая минута — счастье; самозаявление и самоощущение. (У других людей долгая растяжимость и вдруг Концентрирование.) <с. 55>

6) Миньона-невеста поражает Сына. Когда дядя умирает, сын остается у Миньоны. (Сострадание. Сын быстро сходится с Миньонной. Сцену великолепнее.)

7) Христос. Сын отчасти поражает Идиота еще прежде. Тот с ним вдруг становится откровенен. Но тот (идиот) тогда в бешенстве страсти.

8) Сын признается, что он еще не человек, что он готовится быть человеком. (Сострадание к Миньоне увлекает его.)

Он даже удивляется прежде любви Геро. Геро же пленилась, и его равнодушие ее⁴ тем сильнее распалило. Раз она бежит к нему, а идиот ждет на лестнице. У ней в душе трагедия, а она на лестнице с Идиотом острит и шутит. <с. 56>⁵

¹ Далее знак абзаца. Вероятно, поставлен ранее пометы на полях «NB NB».

² Далее знак абзаца.

³ кроме неосуществимости — вписано.

⁴ В рукописи ошибочно: его

⁵ На полях вверху каллиграфические прописи: С.-Пет<ербург>, St. Petersburg <2 раза>.

9) Вот отчего в крайний момент у Сына мало решимости отбить Геро у отца. Она и бросается к Идиоту, не поняв, в чем дело. Выйти замуж за Идиота.

10) Потом в ней всё кризисом и болезнью прошло. Идиот побеждает ее. А мачиха (Миньона) Сына.

ГЛАВНОЕ *NOTA BENE*¹

Она, *может быть*, уже и обвенчана с Идиотом.

Сначала тот ее деспотирует, а потом она полюбила его.

Миньона всё раздает и сходит с ума. Фантазии одна другой чуднее. Дядя подчиняется всем ее фантазиям. Сын благоговеет и *сошелся с отцом*² у Миньоны. Отец умирает и завещает ему Миньону.

Или: Геро³ оставляет Сына и прилепляется к Идиоту, хотя Идиот и уступил было ее Сыну.⁴ <с. 57>⁵

ВТОРОЙ ПЛАН РОМАНА «ИДИОТ»⁶

ПОСТРОЙКА ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ⁷

Всё начало как и в прежнем изложении:

1) Семейный совет. *НВ*. Разница только в том, что, под секретом, сообщается старухой-чиновницей матери семейства, что Геро *сделала какую-то победу над сенатором*. Конторщик об Сыне;⁸ вопросы Геро и проч.

¹ Заголовок сделан каллиграфическим почерком.

² В рукописи: с отцем

³ После двоеточия было начато: О

⁴ Знак абзаца. На полях вдоль основного текста записи каллиграфическим почерком:

На свете одно: Сострадание непосредственное.

А Справедливость — дело второе.

Возможно, записи относятся к пунктам 6 и 8 на предшествующей странице.

⁵ На полях вверху каллиграфические прописи: [Const], Constantinople. <С. 58—71> заняты записями к роману «Преступление и наказание». На <с. 72> описание эпилептического припадка (см. ниже, с. 127, сноска 6).

⁶ «Идиот» — вписано карандашом (рукой А. Г. Достоевской?).

⁷ Заголовки сделаны каллиграфическим почерком (исключая приписанное слово «Идиот»). Основной текст (<с. 73> — начало <с. 76>) записан почерком с элементами каллиграфии.

⁸ об Сыне — вписано.

¹ Является на вечер Геро, после победы. Эта победа — какая-то комическая история (*придумать*),² рисующая Геро. Переезжали с дачи.³ Идиота эта история поразила.⁴ Ей смех. Красавец хотел было провожать ее: «У вас ваша невеста, а у меня мой обожатель».⁵ Идет с Идиотом. (На вечере <с. 73>⁶ история с Миньоной, удивившая Геро. Геро, дорогой с Идиотом об этом заговорила. Съехали на любовь; она всю дорогу дразнила идиота. Сжег палец. «Постойте, у меня спички есть».⁷ Он действительно сжег. Геро в страхе убежала.)⁸

2) Подробности об Идиоте. Письмо⁹ Отца Семейства. Приглашение дяди формальное, ходит Красавчик.¹⁰ С Миньоной поступили дурно, заступился идиот. История с директором. Письма жениха. Ерлычки. Жених тем более в форсе, что Сенатор действительно с предложением.

3) Вечер с дядей. Всё как прежде; видел Геро (уже невесту Сенатора). Поражен. Жених и Маша не вышли. Письмо отца Семейства. Плетка. Миньона наделала историю. Идиот <с. 74> опять провожает Геро. «Посоветуйте, выходить мне или нет?»¹¹

4) Геро вдруг отказывает Сенатору. Приезд отца Семейства. Гвалт. Жених. Вся история с отцом. Идиот ходит к дяде; дядя поражен. Дядя с Сыном. Дядя один, Дядя хочет делать предложение (вследствие разговора с нею). Делает предложение.

5) История покражи. Скитание по городу, насилдование, дело о покраже¹² улажено. Дядя принимает Идиота. Тот удивляет и поражает его. Свадьба Жениха и Маши.

6) Между тем Геро невеста. Чудасит позвать Сына. Сын поражает ее. После неприятной сцены ревности дяди к Сыну, она, чуть не накануне свадьбы, Идиоту: «Увезите меня». Сумасшедший <с. 75> побег. Она всё время в истерическом припадке, плачет и хохочет.¹³

¹ Знак абзаца.

² На полях под знаком: ×) — повторено: *придумать*. В тексте такой же знак после слова «история».

³ Приписано справа от текста.

⁴ Далее повторено: Идиота

⁵ Закрывающая кавычка поставлена после слова «невеста».

⁶ На полях сверху каллиграфические прописи: Constantinople, Крит.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют. «Постойте, у меня — вписано на полях.

⁸ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁹ Над словом: Письмо — знак: NB?

¹⁰ В рукописи: Красавщик

¹¹ Вместо кавычек в начале и в конце предложения — короткие горизонтальные штрихи.

¹² о покраже — вписано.

¹³ Далее (<с. 76—77>) текст записан почерком без элементов каллиграфии. Возможно, записи сделаны спустя время.

7) Страшное потрясение всюду. В семействе от этой выходки ужас. (Стали говорить, что она отца с сыном поссорила.) Даже мать отступилась. Жених и Маша положительно выгоняют. Дядя поражен и обижен. Наделав¹ беды, она струсила, но храбрится и истерически хохочет. «Что ж, я за Идиота выйду. Выйду! Выйду! Подал мысль дядя!»² Сватьба.

8) Идиот. Выйдя замуж, она почувствовала и страх и отвращение к нему (10 000 р.). Оба характера рисуются. Идиот в исступлении. Он и дядя. Она зовет Сына. Объявляет мужу, что любит Сына.³ Наконец бежит к Сыну и объявляет, что не выйдет. Сын и Идиот. (Она было и с Красавцем.)

NB) В это время роман всех остальных лиц романа. <с. 76>⁴

9) Между тем Миньона у них живет. Сошлась с Миньонкой. Встреча Миньоны с дядей. Советы ее. Дядя к ней привязывается.

10) Вдруг объявляется Сватьба дяди и Миньоны. Миньона всё раздает.

11) Геро возвращается к нему. Дядя умирает. Сын и Миньона сходятся. <с. 77>⁵

ЖЕНЕВА 4/16 ОКТЯБ<РЯ>

ПРИМЕЧАНИЯ

КО ВТОРОМУ ПЛАНУ РОМАНА⁶ <с. 72>

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ПЛАНУ

РОМАНА

1) *Отношения к Матери.* Прежде он плакал. Мать помнила, как когда-то он бросился обнимать ее.

— А теперь *еще до попражки* Мать вдруг было сама к нему. Он с насмешкой остановил ее.

¹ Было: Сделав

² Вместо кавычек — короткие горизонтальные штрихи; в рукописи — в начале и в конце предложений: - Что ж, я за Идиота выйду. - Выйду! Выйду! -

³ В рукописи: сына

⁴ На полях вверху каллиграфические прописи: Нота bene <2 раза>, Н <2 раза, один раз буква заштрихована>.

⁵ На полях вверху каллиграфические прописи: Nota bene <2 раза>, Нота bene.

⁶ Каллиграфические прописи. Текст «Примечаний» находится на <с. 85>. На <с. 72> вместо «Примечаний» следуют каллиграфический заголовок «Отметки припадков. Октябрь 1867 года. Женева» и под цифрой «1» более темными чернилами (вероятно, запись появилась в другое время) описание припадков, случившегося в ночь с 17 на 18 октября. На полях слева заштрихована каллиграфическая пропись: Пр<ипадки>

2) Отношения с братом. (Более ласковые.)

3) Невесты у брата нет. Он подлезает к Геро. Есть не невеста положительно, а одна девица, с капиталом. Красавец ее хоть и ругает, но все-таки бережет на всякий случай. Мать ее очень чествует.

4) Идиот, провожая, спрашивает Геро (которая на вечере отделила Красавца и заставила его провожать невесту (с матерью)) — что она <, > любит брата?

5) Красавчик впоследствии женится на невесте и получает капитал. <с. 85>

НОВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ПЛАН¹

NBENE.² Генеральское семейство в Петербурге (Генерал в Отставке). Старуха мать, обожающая генерала, напыщенная и вздорная жена (еще кокетничает и рядится), не без характера и не без достоинств; два сына, — Красавчик и Идиот, дочь Маша и О<льга> У<мецкая>³ гувернантка и проч. Форс. По поводу процесса. В процессе уверены. У дочери жених — инженер, хоть и с невольным припадением, но и с непрерывною обидчивостию. Потом еще Генерал-Лейтенант⁴ и его семейство — лица, считающие себя важными.⁵ У них⁶ 2 Сына, старший подает надежды, Младший — убийца, и дочь 25 лет. (Отец же Инженера — помещик, Отстав<ной> корнет, за границей, старичок, друг Отставного Генерала.) Есть еще Характерная Мать и дочь, 50 000 чистых и надежды, влюблена в Красавчика. Но Отставн<ой> Генерал надеется на процесс, и потому, по страстной любви к красавчику, ему позволено искать руки Геро... (Если не деньги, то <с. 78>⁷ связи.)⁸ Вообще форсят ужасно.

NB bene.⁹ — Дядя. Брат Генерала. (Известная история.) Принимается с принижением, но приличен и образован и выжидает. Его третируют свысока, однако ж 10 000 заняли. Дядя, впрочем, себе на уме. Идиот поразил его и О<льгу> У<мецкую>.¹⁰

NB bene. (О ДЯДЕ ПОДРОБНЕЕ, ПРЯМО ВЫСТАВИТЬ КАК ГЛАВНЫЙ ХАРАКТЕР.)

¹ Каллиграфическая пропись.

² Так в рукописи; каллиграфическая пропись.

³ Было: М

⁴ Лейтенант — вписано.

⁵ Далее было начато: Сы<н>_г

⁶ У них — вписано.

⁷ На полях сверху каллиграфические прописи: Констант<инополь>, Новы<й> <заштриховано>, Новый.

⁸ В рукописи вместо закрывающей скобки кавычка.

⁹ Так в рукописи.

¹⁰ На полях слева от текста: — Дядя. Брат Генерала. ~ выжидает. — помета: (Молитвы Дяди).

NB bene.¹ А теперь Приключения с Идиотом. Гордость. Унижения. Из гордости не оправдывается. *Ножички на толкучем. Какой-то*² подлый и скандальный поступок (воровство). Сначала обвиняют идиота, но выходит виноват красавчик. Для избежания скандала жертвуют Идиотом. Идиот втайне и страстно влюблен в Геро.

NB. МЕЖДУ НИМИ СТРАННЫЕ РАЗГОВОРЫ. Палец. (Отношение к О<льге> У<мецкой>. Целует ноги.) Дядя интересуется идиотом. *Отношения и сношения.* При подлом поступке (когда Идиот выгоняется и на улице с О<льгой> У<мецкой>) Дядя отталкивает, но <с. 79>³ потом привлекает его. Семейство, впрочем, радо, что дядя берет его хоть в приказчики.

NB bene. Сенатор и граф сватается к Геро. Rumeur.⁴ В Семействе даже обижены, потому что прочили Красавчику, особенно Бабушка и Мамаша.⁵ Семейное объяснение с дядей, чтоб он помог. Полунасмешливый ответ. Ссора. Почти выгоняют из дома.

NB bene. — Ссора, но ненадолго. Вдруг удар: проиграли процесс. Все к дяде. (Характерная Мать с дочерью начинает объяснение: «Я предчувствовала, что вы проиграете, и этого ждала».)⁶ Геро тотчас же отказывает Сенатору (зная, что теперь Красавчику полный отказ) и ждет и требует, чтоб Красавчик *взял ее*. Все к дяде: 100 р. Негодование,⁷ но принимают⁸ (NB.⁹ Затем постепенное и быстрое падение.) Красавчик к дяде: смеется и отказывает. Красавчик поступает благоразумно и женится на дочери характерной мамы в 50 000.¹⁰

NB. ИДИОТ СНАЧАЛА НЕ ПРИНЯЛ ОТ ДЯДИ ДЕНЕГ ПОД УСЛОВИЕМ. РОМАНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.¹¹

NB bene. Дядя, измученный Идиотом, хотел застрелиться. Вдруг жениться. К Геро. «А посмотрим-ка, как они <с. 80> не отдадут».¹²

¹ Помета «NB bene» записана поверх знака абзаца.

² Слово: *Какой-то* — отчеркнуто слева вертикальной линией; над и под ним знаки: NB.

³ На полях вверху каллиграфические прописи: Петербург <3 раза>, Москва.

⁴ Слух, молва (фр.).

⁵ Далее было начато: Генера<л>

⁶ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁷ Перед: Негодование — было начато: Край<нее>

⁸ Далее была точка с запятой; последующие скобки вписаны.

⁹ NB — вписано.

¹⁰ Красавчик поступает ~ 50 000. — вписано.

¹¹ Текст: ИДИОТ СНАЧАЛА ~ РОМАНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. — выделен с обеих сторон круглыми скобками.

¹² В рукописи открывающая кавычка отсутствует.

Дядя не знает про страсть Идиота. Геро в полной тираннии дома, за то что отказала Сенатору. Полтора миллиона. Дяде обещают. Геро, выведенная из себя, в нервном припадке соглашается.

NB bene. Кутеж в невестах.¹ Истощает терпение Дяди. Накануне сватёбы, со зла и в нервах, бежит с Идиотом. Бежала и пропала; исступление² и бред.

NB bene. В Семействе говорят: «Выходи за Идиота». «300 000 — приму».³ Идиот в своем семействе, Идиот с Геро. Дядя и О<льга> У<мецкая>. Невеста. (О<льга> У<мецкая> и ее превращение.)

У дяди — желчь, смерть.

Идиот отказывается от Геро.

*NB bene.*⁴

Можно и так, что Геро, испуганная Идиотом, бежит к дяде (ею обиженному и уже жениху О<льги> У<мецкой>). «Простите меня, защитите меня, возьмите к себе».⁵ Дядя прощает (Идиот отказывается от Геро и идет с О<льгой> У<мецкой>).

(НЕ ДОКОНЧЕНО.) <с. 81>

NB bene. Сначала он говорит дяде, оскалая зубы: «Что ж, возьму 300 000».⁶ (но не берет при условиях).

— Но когда Геро бежала — не берет 300 000. Колеблется: Насмехаться ли над дядей: взять или нет?

— Геро дома не берут, и она помещена в семействе (уже сильно разлагающемся и смотрящем с изумлением и страхом на Идиота).

— Она бежит к дяде: «Спасите».⁷ (Может быть, убьет, но, пожалуй, и борьба и не⁸ убьет.)

Но в семействе, еще до побега к дяде, он молчалив, услужлив, но так, что его все трепещут. Геро пробует с ним то смеяться, то в исступлении и бешенстве кричать. Что она никогда не будет его женой в сущности. Он согласен. Он готов на бешенство и зверство. Она пугается и бежит к дяде.

¹ В рукописи: в Невестах

² Было: пропала. Исступление

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Справа от пометы: *NB bene.* — проведена вертикальная волнистая линия до следующего абзаца.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Было: нет

NBENE и ГЛАВНОЕ:

Надо, чтоб читатель и все лица романа понимали, что он может убить Геро. И чтоб все ждали, что убьет.¹

NB bene. Он, может быть, говорит дяде, когда Геро бежала: «Что ж, покажите, что любите бесконечно, я показываю — отказываюсь и не убиваю. Женитесь и вы, простите ее».² NBene.³ Тут дядя отдает ему Геро. Геро побеждена и влюбляется. Миньона умирает. Дядя уже слишком влюблен в Миньону. Все сходятся.

NBene. Капитальнее характер Геро. <с. 82>

НОВЫЙ ПЛАН

Забитый.

1) Всех и всего стыдится, своих затаенных чувствований, дик, забит. Делает подлости со зла и думает, что так и надо. (В гордости⁴ ищет выхода и спасения.) Кончает божественным поступком. (NB. Провести нить характера, то будет занимательно.)

2) NB. Просто забитый — ничего не будет, кроме забитого. Старая тема, изношенная, и пропадет вся главная и новая мысль романа.

NB. Но сделать так: (NB. 1-е) Забитый, а 2-е) показать, какой человек был забит.)⁵ Во-1-х) Забитый. 2) Непосредственная жажда жизни и самоопределения в самонаслаждении, и всё непосредственно, без взгляда. Для спокойствия, т. е. чтоб не рассуждать и не колебаться, он ищет выхода в гордости и тщеславии, а за неимением действительных наслаждений, которых он так жаждет, и возможности наслаждаться, он самую гордость обратил в поэзию и наслаждение, довел до апофеозы. — Любовь первый раз выгнал его на новую дорогу; но любовь долго борется с⁶ гордостью и наконец сама обращается в гордость. Эта дикая гордость увлекает Геро (хотя она и видит, что, при случае, и в дальнейшем развитии, он готов и на преступление. Геро увлекается и в то же время пугается). И наконец, третье (3):⁷

¹ NBENE и ГЛАВНОЕ ~ убьет. — вписано на полях вдоль основного текста.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ NBene. — вписано. На полях слева повторено: NB bene

⁴ Над словами: В гордости — знак: NB NB NB

⁵ (NB. 1-е) ~ забит.) — вписано.

⁶ Далее было начато: без

⁷ В рукописи двоеточие отсутствует.

непосредственная сила развития выводит его наконец *на взгляд* и на дорогу.¹ <с. 84>

2²

НОВЫЙ ПЛАН

НВ. Из господства и барчества падение. Проиграли процесс добывать и мучить должников. Потом быстрое падение. *Должники*. (У Полковника мания рассказывать, кого он одолжил и всю подноготную, так что секрет обнаруженный выходит дороже денег.)

НВ к *НОВОМУ ПЛАНУ*. Одна колоссальная ссора Идиота и борьба, уже при Геро, где он оказывает *беспредельную* твердость характера.

НВ. В детстве он плакал при брани, но потом укрепился и *насмешничает*. Случай с директором был. <с. 83>

17 окт <ября>. — ОТМЕТКИ К ГЛАВНОМУ ПЛАНУ³

НВ bene

1) НВ. С Идиотом вначале обходятся как с помешанным, физически, чуть не плеткой. Его ни во что не считают. При нем обо всем говорят. При нем хоть нужду сделать.

Он сам себя держит в этом роде; молчит;⁴ смотрит исподлобья. Много напекло. (Он много читал; это видели, но по глупости не взяли в толк.)

2) НВ. *ПОТОМ*, когда дядя спрашивал его: Как он позволял так обращаться с собой, — он *ответил неясно*, но *дал знать*, что в этом усиленном унижении и в чувстве мести про себя он даже ощущал наслаждение. «Себя побеждал» — вот в чем наслаждение.⁵ Ждал же случая с расчетом; в Петербурге ему показалось возможно. Случай с директором...

3) — Идиота наказали. Он сломал палку и отвел руку. Не хотел сесть под арест. Мышьяк, Сабур. <с. 19>

¹ выталкивает ~ на дорогу. — *вписано на полях вдоль основного текста.*

² Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

³ Каллиграфическая пропись; под ней виньетка. Ниже первые два абзаца записаны почерком с элементами каллиграфии.

⁴ Было: молчалив

⁵ «Себя побеждал» ~ наслаждение. — *вписано.*

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РОМАНА²

— Геро любит (или воображает, что любит) Красавчика.³ У ней был прежде Инженер. При дяде сватался Сенатор.⁴ Отказала. Дядя и не совался.⁵ На дядю она злилась, потому что дядя отбивал Красавчика; Красавчик боялся раздражить его.⁶

— NB) На Геро злятся, что ее нельзя держать, как всех других гувернанток.

— Лопнул процесс, Геро надеялась, что Красавчик посватается. Но тут Характерная мать и все вдруг начали пилить Геро: зачем отказала Сенатору. «Чего бы им-то<,> кажется?» Стало быть, сердятся, что хлеб у них ест. Тут-то и сватается дядя. Несмотря на защиту Генерала, Геро принуждена была принять предложение.

— Идиот, с самого начала отбивает невесту у отца. В Семействе Генерала он вдруг является не идиотом. (День его рождения.) С Умещкой он сходится нечаянно.

— С Геро палец. СТАРИЧКИ. Сенатор. Дядя рад, что он осмелел Сенатора. Отец Инженера.⁷

— Дядя, как воротился с вечера,⁸ затеял с ним историю: как мог он скрываться?⁹

— Романические отношения с дядей.

— Идиот и Петербург.¹⁰ Убеждения Идиота. Дядя сулит деньги; берет с пренебрежением. Дядя и Умещкая. (Молитвы, похороны и проч.)

— Лопнул процесс. (У дяди меж тем катастрофа с Идиотом.) Дядя с предложением.

— Геро в негодовании на Красавчика. Генерал. Обвинение Генерала в любви. Нечего делать, надо взять дядю.

¹ Запись с элементами каллиграфии.

² Каллиграфическая пропись.

³ Далее было начато: При

⁴ На полях слева от текста: — Геро любит ~ сватался Сенатор. — знак: NB)?

⁵ Далее было начато: [Но] [Кра<савчик>]

⁶ Далее было начато: Лопну<л>

⁷ На полях слева от этого абзаца знак — вензель в виде буквы «N».

⁸ с вечера — вписано.

⁹ как мог он скрываться? — выделено с двух сторон короткими горизонтальными штрихами (в отдельных местах рукописи этот знак является аналогом кавычек).

¹⁰ Над словом: Петербург — помета: Умещкая.

— Кутеж Геро. Побег Геро с Идиотом (с пасынком).

— Гнев дяди, пусть выходит за Идиота.

NB. — Геро смеялась первоначально над Идиотом.

Он не надеется, что она полюбит его. Он бесил дядю и Красавчика, вначале, что она с Генералом. Потом подбил дядю свататься. Потом сам стал властелином: «Она смеялась надо мной».¹

? — Геро больна, бежит перед свадьбой: «Спасите меня».²

Генерал и дядя заступаются и принимают. <с. 20>

18 ОКТЯБРЯ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РОМАНА³

— А меж тем дядя и Умцкая.

? — Хочет убить Геро. Но отступается. Дядя умирает в желчи. Теория счастья на земле.

Дядя. 2 сына. Идиот побочный, а другого не признает за законного и живет врозь; к нему ходит. Ипохондрик⁴ и перед приездом брата хотел застрелиться.⁵

— У Генерала жена молодая. Дети — петербургский дипломат, потом еще сын и дочь. (Похаживает Инженер, который похаживает и к другой.)⁶

— У них воспитанница. Ждет 200 000. Генералу трудно вязать⁷ сына-дипломата, подумают, что деньги. Она покамест гувернанткой. Кутеж. Инженер у них был в провинции.⁸ К ней. Отказано. Но он опять втерся. Сенатор (готовятся отказать) и дядя (еще только пробует).⁹

— До появления Идиота ей хорошо.

— Идиот ненавидит Сына и готовится на него наговорить дяде, но очень ловко.

— Все вместе у Генерала встречаются.

— Идиот говорит Генералу и всем, что Генеральша к Сыну (они прежде знали Сына).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Каллиграфические прописи.

⁴ Было начато: П

⁵ Далее знак: — · — · —

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Было: вязаться:

⁸ Автором исправлена описка: провинций

⁹ Далее вычеркнута открывающаяся скобка.

— Генералу тоже, что он влюблен в Геро.
 — Генеральше, что Генерал влюблен в Геро.
 — Ее вооружает противу всех.
 — Всех в доме против нее.
 — Ссорит их с Генеральшей.¹
 — Когда процесс лопнул, Генерал заставляет дипломата. Тут-то ему и объявляют, что он сам влюблен в Геро.
 — Идиот объявляет Геро, что предмет ее (дипломат) взял отступного и к характерной дочери.
 — Отступного дал сам дядя (собственная инициатива, но спросясь Идиота).
 — Идиот увозит у дяди.
 — Потом Геро умирает.
 — У Идиота тетка замужем за старичком-прыгунчиком. ? (? NB. Покража.) У ней дочь. Инженер. Запираются. Еще Сын. Картав.² Под секретом сообщает, что он побочный сын дяди. Это очень трудно доказать. Картавенькому <с. 21>³ хочется добиться до дяди. У Инженера мать, сестра и бедный отец, майор, без ног.
 — Ольга Умецкая.
 — С мужем тётки, прыгунчиком, к камелиям.
 — Свои деньги у Идиота.
 — Прыгунчик у Генерала.
 — Ольга У<мецкая> сестра Инженера.
 — Идиот перевел О<льгу> У<мецкую> к Генералу.
 — Как семейство Генерала приехало, так О<льгу> У<мецкую> и взяли гостить к себе. Ее в провинции знали.⁴
 NB. — О<льга> У<мецкая>. Вошла в Генеральск<ое> Семейство с мщением против своих. Но потом возненавидела и приготовилась мстить и Генеральскому⁵ семейству. Над ней будто бы смеялись и замуж прочили ее Идиоту. «Жених! Жених!»⁶ Она влюблена в дипломата.⁷

¹ Слева от текста: — Генеральше, что ~ Ссорит их с Генеральшей. — авторский знак или проба пера.

² Картав. — вписано.

³ На полях сверху каллиграфические прописи: [Октября], N <2 раза>, [Окончатель<ный>], Окончательный <2 раза>, Окончательн<ый>, План. На полях слева вдоль текста каллиграфические прописи: Окончатель<ный> <зашифровано>, K <2 раза>, И

⁴ На полях справа от абзаца знак — вензель в виде буквы «N».

⁵ Строчная буква исправлена на прописную; было: генеральскому

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Она влюблена в дипломата. — вписано выше под знаком: × В тексте такой же знак после слов «Жених! Жених!». Запись: хочется добиться ~ влюблена в дипломата. — сделана в нижней части страницы и отделена от остального текста чертой.

О<льга> У<мецкая> как поступила к Генералу, так и наговорила об Идиоте. Тотчас: «К нам его, к нам его!»¹ Они переписываются.²

Пасынок или родной,
но не побочный.³

18 ОКТЯБРЯ *NOTA BENE*⁴ (к Окон<чательному> плану)

*NB BENE*⁵ к окончательному плану.

NB bene. 1) *Идиот* (дяде). «Я предчувствовал, что вам нужен, для того чтоб вам было кому рассказывать о том, как вы несчастны».⁶

2) Дядя чем-то жестоко обижает⁷ его; винится; мучается.

— Вам я нужен, чтоб на мне вашу гордость удовлетворить.

— Дядя спрашивает: «Что такое Умецкая?»⁸

Он начал с того, что трогательно рассказал историю О<льги> У<мецкой>.⁹

— В молодости, лет 20 назад, уморил жену.

— Одно происшествие дядю с идиотом трагически расстраивает. В это время Геро проигрывает процесс и отказывает. С семейством в отношениях очень холодных.

— Генерал ничего не смеет сказать против варварского содержания О<льги> У<мецкой> в доме, потому что его уже раз приревновали.

NB. — Генерал приходит к дяде жаловаться, что его и мать и сын обвиняют в любви к Геро. Дядя и делает предложение. И когда Генерал пугается,¹⁰ Дядя и говорит: «А ведь, может быть, и сам ты влюблен».¹¹

NB BENE (ГЛАВНОЕ) Дядя раньше увоза Геро и раньше своего сватовства дал Идиоту 300 тысяч. Тот взял и только насмеялся над ним. <с. 22>¹²

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² О<льга> У<мецкая> как поступила ~ переписываются. — вписано на полях вдоль основного текста чернилами того же цвета, что и предшествующие записи.

³ Пасынок ~ не побочный. — вписано.

⁴ Строкой ниже виньетка.

⁵ 18 ОКТЯБРЯ ~ *NB BENE* — каллиграфические прописи.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Над словами: жестоко обижает — помета: Происшествие.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Он начал ~ О<льги> У<мецкой>. — заметка на полях вдоль основного текста.

¹⁰ В рукописи двоеточие.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

¹² На полях сверху геометрический рисунок и каллиграфические прописи: *Nota bene*, Паль<цы> На полях слева вдоль текста каллигра-

18 ОКТЯБРЯ *NOTA VENE* (к Окон<чательному> плану)²

2-е и ГЛАВНОЕ

Идиот сын Дяди.

— Дядя отпускает ту, с которой жил.

— Идиот спознается с Умелкой нечаянно.

— Если я не *ваш* сын, то нам обоим лучше.

— Идиот еще недавно жил в доме Дяди.

NB *всё* главное. НАЧИНАЕТСЯ РОМАН: «Тебе уже 22 года»,³ — и ведет его в дом к брату.

— Как увез Геро: «Я смеялся, вот ваши деньги!»⁴ — и отдает назад 300 тысяч.

ПЛАН НА ЯГО⁵

ПРИ ХАРАКТЕРЕ ИДИОТА — ЯГО.⁶ Но кончает божеств<енно>. Отступается и проч.

NB) Всех оклеветал, перед всеми интриговал, добился, деньги взял и невесту и отступился.

ОПЯТЬ НОВЫЙ ПЛАН.⁷

NB. Он дядю учит: «Неужели вы не видите, какой у них план».⁸ <с. 23>⁹

фическая пропись: Когда На полях справа каллиграфические прописи: *Nota* <2 раза>, N, И

¹ Р. S. ~ пасынок. — вписано.

² Каллиграфические прописи.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Каллиграфическая пропись.

⁶ Каллиграфическая пропись.

⁷ Каллиграфическая пропись.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ На странице каллиграфические прописи светлыми и темными чернилами (т. е. разновременные): *Nota*, Moscou <3 раза>, Петербург, П, План <2 раза>, При характере, Птицын <3 раза, 1) рядом с записью «Опять новый план», 2) на полях, заключено в рамку, 3) в тексте,

Разработать: Отношения двух братьев.
Он и Ольга Умецкая¹ отрезанные головы.²

22 октября

СПЕЦИАЛЬНЫЕ *Nota bene*. Под осень

22 окт<ября>. NB. — Вагон. Генерал, семья (невеста или молодая жена). Красавица. — Сын. Встретились 1-й раз в жизни. Признали. Понравился Генералу. Познакомились. Просили быть знакомым впредь. Обещались быть в Петербурге к осени. Генерал рассказал историю о брате. (На станции. Сигары.) С своей точки зрения. И передал характер и выказал характер. 1½ миллиона.³

— Побочный. Ехал с Сыном.⁴ Сошлись. Побочный знает, что это Сын. Сын только слышал, что есть побочный. Застенчив и мрачен при встрече с Генеральск<им> Семейством. Случай. Стукнулся головой.⁵ Спрятался. Исчез. Все: «Какой он странный».⁶ — Сын: «Да, но он мне не показался глупым. Странен правда. Совсем юродивый».⁷ Опять сходятся в вагонах⁸ Сын с Побочным. Побочный не признался, но от

зачеркнуто>, [О нет]. Трехкратное упоминание Птицына записано чернилами более темного оттенка, как и находящиеся в нижней части страницы более поздние заметки от 22 октября (см. с. 141).

¹ Далее фигурная скобка.

² Текст: Разработать ~ головы. — вписан на полях сверху, с росчерком пера. Ср. с записью на <с. 23>: Разговоры об отрезанных головах — нет Бога.

³ На полях запись: Красавица.

⁴ В рукописи: сыном

⁵ К сцене встречи Идиота в вагоне с генеральским семейством примыкает набросок, сделанный среди записей к «Преступлению и наказанию» (см.: 7, 197) на полях <с. 2> (в авторской нумерации — 3):

Про Генерала. Самодовольство Генерала. «Это мне решительно всё равно». <«Это ~ всё равно». — вписано.>

Отдавил ногу, стукнулся головой. «Я не рассердился».

Любовь. Мало видел, но глубок примечать. [Эти люди] Ненавистное чувство, зачем он так смотрит, и вид Генерала <—> всё возбуждает в нем ненависть. Потом пришло в голову, что вот этикие-то люди всегда на равной ноге, зависть.

Смолчал. Генерала уже он ненавидел.

Красавица. Разбил посуду, заплатить нечем.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи после двоеточия нет открывающей кавычки и запись со строчной буквы. В кавычки помещены слова «Совсем юродивый».

⁸ В рукописи: Вагонах Далее было: с

Сына выведal.¹ У дяди встречаются: «— Скрытны же вы».² Однако Побочному надо было очаровать Сына, и он очаровал.

— *Затем Дядя.* Отвращение. Петербург. Софья Федоровна. Инженер.

— Тетка Сына. Умелкая.

— Слегка обрисовка побочного.

— Отношения дяди с Сыном. (Происшествие.) Наблюдения Сына.

— Генерал и Семейство. Дядя. Сын. (Происшествие с Идиотом.)³ Дядя ведет Идиота к брату.

— Успех у Генерала. Сцена дома с Дядей.⁴

— ИДИОТ задолго до своего появления у Генерала помещает в Генеральском доме Умелкую. (Процесс. По поводу процесса Сыну.)

— Через Сына Идиот сам входит к Генералу не торопясь. Сын говорит: «Помните вы того молодого человека на Станции?» Те и пристали к дяде: «Приведите, приведите!»⁵

— Умелкая еще и прежде всё ему передает. — (Наивна и слаба умом. Великое сердце.)

Идиот во всех подозрениях и ошибках вполне искренен. Он вполне уверен, что и дядя и все его ненавидят. Софья Федоровна.

? NB ? — Хоть Идиот и оклеветал Сына, но, странно, Сын простоват (Федя) и этой простоватостью всё более и более очаровывает Идиота. Наконец тем, что так кротко прощает ему. Идиот влюбляется в Сына, хоть и смеется над собой. В Сына влюблена Геро, не замечает. (Идиот оклеветал.) Интрига. Идиот уступает ему Геро.

(Борьба великодушия, Страсть дружбы чуть не сильнее любви.) <с. 25>⁶

¹ Было: выгадал

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ На полях слева от текста: — *Затем Дядя.* ~ (Происшествие с Идиотом.) — запись: Достает Умелкую у Соф<ьи> Фед<оровны>. [Сп] За жгли дом.

Записи: (Происшествие.) и (Происшествие с Идиотом.) — связаны соединительной линией.

⁴ На полях слева от текста: — Успех ~ дома с Дядей. — заметка: Он загадочен ОЧЕНЬ.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ На полях сверху и слева каллиграфические прописи: Сорока <за-штриховано; под словом виньетка>, Коро<бочка> <2 раза>, Особеня, Коробочка, Короб<очка> <2 раза>.

22 октября. Он принимает всякое слово Геро за постоянную насмешку над ним. В доме Генерала над ней и над ним шутят, *самым невинным образом*, что он в нее влюблен и что она его невеста. Он сам делает вид, что принимает шутку. (Он действительно поставил себя человеком необыкновенным, и когда это раз высказывают вслух при нем, то это ему льстит.) Но он действительно в самом деле влюблен, но затаил про себя и, однако же, сжег палец и ужасно испугал. А между тем он поклялся в непримиримой ненависти. Дядя женится (делает предложение), в сущности считая ни во что общие шутки насчет влюбленности Идиота в Геро. Он первый принимает это за шутку.

— Идиота он обожает.

НВ. — Можно и так, что Идиот еще в невестах возбудил Геро против дяди (и Генерала), а дяде наговорил на Геро. Накануне свадьбы Геро бежит с Идиотом. Идиот выставляет свой капитал. Софья Федоровна. Дядя дает 300 000. Пусть Идиот женится. Идиот гордо отсылает ему. Геро ласкается. Полупобеждает.

— Идиот признается ей, что он ненавидел ее и мстил ей, поставив ее в такое положение. Но что теперь, так как он видит, что она, может быть, полюбит его, то он готов ей жизнь отдать, но и ее жизнь возьмет, если она обманет его. Она трусит, она бросает всё и бежит к Генералу. (Дядя женился на Умещкой (из дома Инженера)).¹ Генерал предлагает руку и женится.

— Финал Идиота.

— У Идиота Мать или тётка Софья Федоровна. Свидания. Похороны Софьи Федоровны.² Он наследник.

НВ. — Сын Генерала (брат) еще за границей сошлись (не говоря) с Геро. Он не увез от отца. Геро бежала с Идиотом.

Генерал в исступлении предлагает Идиоту дуэль. Тот осмеивает его и отказывается. (Или дал в себя стрелять, а в него не хочет.) Уступает брату Геро, потому что *презирает* неполную любовь. Остается один. Умещкая с ним.³

— *Вызывает Сына (брата): «Женись теперь, если хочешь».*⁴ Дядя, узнав о поступке Сына, признает его и завещает (просит) ему⁵ жениться на Геро. Тот берется. Идиот удивляется, что тот не побрез-

<С. 25> помещаем ранее <с. 24>, а <с. 24> — ранее нижней части <с. 23> на следующих основаниях: 1) на <с. 25> находятся заголовки и изложение плана с начальных сцен, 2) на <с. 24> — следующее развертывание отдельных мотивов, 3) на <с. 23> — цифра «II», указывающая на продолжение записей.

¹ В рукописи вторая закрывающая скобка отсутствует.

² Далее было начато: Нас<ледник>

³ Далее было начато: В<ызывает>

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Было: его

гал. Совет семейный у дяди. Исповедь его. Дядя умирает. Идиот берет Умекую: «Одна только любит меня».¹ <с. 24>²

22 октября

II

— Холодный всегда Идиот вдруг пугает Геро силою своей страсти. Страсть стальная, холодная бритва, безумная из безумных.

— Эта страсть не любовь, а страсть удовлетворенного тщеславия. NB.³ Когда же действительно он почувствовал и увидел любовь, то отказывается и отсылает Геро тотчас к брату. Дуэль с Генералом, себя компрометировавшим очень своим негодованием и заступлением за Геро.⁴

NB.⁵ Дядя, делая предложение Геро, не только не подозревал истинных чувств Идиота, но даже советовался с ним. <с. 23>⁶

Основные точки 1-й части

NB. NB. — Вагон. Знакомство. (Происшествие.) Разговор. Сошлись было. Встреча с Генеральским семейством. Романические предположения 2-х молодых людей 22 лет. Столкновение с Генералами. (Шалость.) При встрече с Генералом узнает, кто его товарищ. От Сына же узнает и про Софью Федоровну. Затаился и молчит. Сын довольно откровенен. (Про молодежь и про общество новое и проч.)

— Кроме того: Идиот уязвился Красавицей и Генералами. Что-то прошло по нем. Сын говорит про него Генералу: «Он такой странный».⁷

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Продолжение на <с. 23> под цифрой «II». На полях сверху каллиграфические прописи чернилами: Петропавловск, Г, Гарибальди, Гарибал<ьди>, Ричч<отти>, [М], Менотти — и карандашом: П, Петропавловск. На полях слева вдоль текста каллиграфические прописи чернилами: При характере, С.-Петербур<рг>

³ NB — вписано над словами: Когда же

⁴ На полях слева от текста: — Холодный ~ за Геро. — заметка: Разговоры об отрезанных головах — нет Бога.

⁵ После «NB» знак в форме виньетки.

⁶ Текст: 22 октября ~ советовался с ним. — записан темными чернилами, как и записи на <с. 24—25>.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

— Петербург. (Дядя. Их вторичная взаимная встреча.)¹ Костеньки-ныч, его жена. О Софье Федоровне. Совсем озлоблен. «Он совсем идиот».²

— Дядя. Дядя и Сын. Идиот уже обедает на другом столе. Дядя и Идиот. Опять Дядя и Сын. Странные сцены.³

— Идиот и Софья Федоровна. Идиот к Сыну. «Хитрый⁴ же вы».⁵ Но Сын с ним такой же. «Или он гордится очень, так что презирует, или очень глуп, т. е. искрен».⁶ Сын ведет его к тётке. Знакомит с Инженером. Прыгунчик. Умещкая. С Умещкой пожар. Про Софью: «Не уважаю себя».⁷ Картины. Ножички.⁸

— Сын грустен. Идиот выпытывает у него, что он рассорился с дядей. «Мне не надо его денег, если он мою мать...»⁹ Серьезен sans que cela paraisse.¹⁰ Начинает любить Сына. (Дядя узнает об этом; расспрашивает, как всё началось.)¹¹

Генерал в Петербурге. Сын о Генерале и о Красавице. (Уязвился.) Сын с Дядей у Генерала: «Совсем не идиот».¹² Дядя удивлен. «Приведите к нам его».¹³ К Генералу. Готовится. Хочет показаться идиотом.¹⁴ Прием у Генерала. Дядя удивлен. Сцены после и так д<алее>.

Идиоту кажется, что все смеются. Зависть, богатство и мщение и проч.

.....
Final. (Уступает ее Сыну, когда уже Дядя женился на Умещкой.)¹⁵

Тема 1-й части: Разоблачающееся сердце Идиота. — Накапливающаяся ненависть.

Вся интрига: Дядя рад, что после 4-х¹⁶ сын его родной сын; на него накидывается. Но Идиот видимо прикидывается идиотом. Отчаяние

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² В рукописи: Идиот

³ Текст: NB. NB. — Вагон. Знакомство. ~ Странные сцены. — записан в верхней части страницы.

⁴ Было начато: Но

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ С Умещкой ~ Ножички. — вписано на полях.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ не нарочито (фр.).

¹¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹² В рукописи: Идиот. Кавычки отсутствуют.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ В рукописи: Идиотом

¹⁵ Текст: — Идиот и Софья Федоровна. ~ женился на Умещкой.) — записан в нижней части страницы, с росчерком пера. В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹⁶ Так в рукописи; по-видимому, пропущено слово: лет

дяди. У Генерала же Идиот с торжеством оказывается не идиотом,¹ как будто ждал того, и этим беспредметным торжеством над Дядей даже *тщеславится*.²

Кроме того: Отношения Идиота к Сыну. Видимая борьба сердца и горячность чувств. Тускнут чувства.

— Иронические отношения ко всем, кроме Умелкой.

— Отношения к Софье Федоровне и к собственному позору. Принял деньги и под заклад отдал. **НЕНАВИСТЬ**.

— Мечты о Генерале и Красавице, беспредметные, но ставшие капитальной точкой в его жизни, как сравнение отношений социальных его с остальным обществом. Гордость. Ходит смотреть Генеральскую семью исподтишка.

— *Мертвые*.

— Красавица, накануне свадьбы с дядей, предлагает Сыну (по совету Идиота) увезти себя. Тот с ужасом отказывается.³

Вначале⁴ старался подживить себя ненавистью, подживить интригой усиленной. Но опадает. *ТОСКА*. В любовь Геро он не верит. Воспламеняется только под концом.

Про дядю говорит: «Какой смешной человек».⁵

Но уступает брату. Кончает отчаянием и *тоской*.⁶ <с. 34>⁷

Листик 1

ПУНКТЫ

27 октября⁸

Единичный характер

— Генеральский сын от 1-го брака. Ненавидим всем семейством. Рос вне. Является в семейство. Всех ненавидит и главное Геро.

¹ В рукописи: идиот с торжеством оказывается не Идиотом

² Текст: Тема 1-й части ~ *тщеславится*. — вписан на полях вверху. Далее запись «Кроме того:». Эти слова повторены в следующем абзаце, который связан с указанным текстом соединительной линией.

³ Текст: Кроме того: Отношения ~ отказывается. — записан вдоль страницы в левой ее части.

⁴ Вначале — вписано.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Текст: Вначале ~ отчаянием и *тоской*. — вписан вдоль страницы в правой ее части.

⁷ В центре страницы портретный рисунок и штриховка карандашом.

⁸ Было: ноября

— Эпизод с Генеральшей<, > выслан несправедливо (повесть).

— Дядя отмечает его. Никакого уважения к Дяде. Дядя зовет к себе. Знакомство. Генерал предлагает Идиоту знатное место — тот не соглашается и идет в писаря. Негодование.¹

— Идиот дружится с сыном Дяди. Сын дяди влюблен в Геро. Идиот конфиденгент. Карикатура на Генеральшу. Выходит² из дома. Ганечка.

— Идиот всё более и более поражает дядю. Не берет денег. Посылает к сыну мириться и вместе с тем возбуждает одного против другого.

— Отца поражает. Отец ходит к нему.

— Геро и Дипломат. Дипломат и к той и другой. Идиот открывает глаза Геро. Процесс проигран.

— Ей готовят сенатора. Сенатор лопает<ся>.³ Она влюблена в Сына Дяди. Дипломату отказывает. Дипломат продает ее Дяде.⁴

— Сватается Дядя. Сын не мог посвататься, потому что Идиот наговорил ему, что Дядя влюблен в нее.

— (Вся штука между сыном и Дядей, что Сын требует, что<бы> он признал его⁵ мать справедливой; пикировка в гордостях, но главное, мешает им, под видом дружбы, сойтись Идиот.)

— Когда Генерал потребовал от Дипломата исполнения обещания, Идиот научил говорить, что Генерал сам влюблен. Семейная сцена.

— Сын, узнав, что Дядя посватался, прячется.

— Геро в бешенстве и в руках идиота. (Давно уже сожжен палец.) Обещает Дяде.⁶

— Грусть, тоска, бешенство. Накануне свадьбы бежит с Идиотом.

— Генерал Идиоту: «Женись!»⁷ Дядя дает денег. Прочь деньги. Один. Мучает Геро своею бешеною, страстною любовью.

Глав<ное> NB.⁸ Дядя давно еще сходит с Умечкой. С Идиотом сожгли дом. Идиот ее опозорил. Дядя хочет⁹ жениться на Умечкой. Разливается желчь, умирает.

— Он отпускает Геро, узнав, что она не любит его. Берет Умечкую, отдает Дядины деньги.

¹ Генерал предлагает ~ Негодование. — *вписано.*

² Было начато: Н

³ Далее было начато: Сыну

⁴ Далее между строками каллиграфическая пропись: Ганечка

⁵ Было: ее

⁶ Было: Дядя

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Глав<ное> NB. — *вписано. Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.*

⁹ хочет — *вписано.*

NB₂. — Всё время он не любил ее, всё время ненавидел и только отмстить желал. Как похитил — так и полюбил.

— Отпустил из великодушия (гордости и презрения). Отпустил к Сыну. Умелая отдаёт Сыну состояние.

Главный пункт романа: он, видя, что для него невозможна Геро, всех на нее распаляет: Дядю, Сына, отца. Мщение, но в виде водевиля, и *вдруг* Страсть.

18-летний брат предается ему.¹ <с. 135>²

Листик 2-й

— Идиот, отдавая Сыну, не требует благодарности. Гордо отступает от всех.

NB₃. — Сына он ужасно любит. Странная страсть.

NB₄. — Но, что всего страннее, и дядю тоже.

NB₅. — Весь роман: борьба любви с ненавистью.

Молодой экземпляр; формирующийся человек.

Глав<ное> NB₆. В финале он говорит: «Я перед всеми злодей, но мне не у кого просить прощения».³

NB. — БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ НЕНАВИСТЬ.

«Ну вот теперь новая дорога: Что же теперь?»⁴

ЭТО в разговоры с дядей и с Сыном.⁵

NB. NB. Главная мысль романа: Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом.⁶

Заметки. 1) Он хитрит и интригует и в продолжение всего романа считает это всё мелочью и низостью с своей стороны. Минутами отвлеченно рассуждает, что простить было бы выше, но не дорого бы стоило⁷ и нечем гордит<ь>ся, а след<ственно>, всё равно, и, стало быть, можно и продолжать водевиль (он сам всё это называет водевилем, тоскует и устает).⁸

¹ Главный ~ ему. — вписано на полях вдоль основного текста.

² На полях сверху каллиграфические прописи: Единичный план <2 раза>, Единичный <2 раза>, Лис<т>, С.-Петербург, Ганечка <рядом с заголовком «Единичный характер»>. На <с. 136> среди набросков к роману «Преступление и наказание» (см.: 7, 252) имеются каллиграфические прописи чернилами более светлого оттенка: Ганечка, Соня <2 раза>, В, Маша, Володя, Юленька, Единичный, Norma, N

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Это ~ Сыном. — обведено чертой.

⁶ NB. NB. Главная мысль ~ сенсуализмом. — вписано.

⁷ Далее было начато: а сле<дственно>

⁸ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

— Задаёт себе сам вопросы: «Что он, неужели из мщения? Как это глупо, если так! И чего ему мстить? Особенно с ним вовсе не так уж трагически поступали, да и люди слишком обыкновенны. Дядя вот разве; смешной человек, забавен по крайней мере. Пойти к нему».¹

*Ergo.*² — С дядей о многом рассуждает: застрелиться вместе, о Христе. От тоски зажигает дом и бесчестит Умещкую. Дядя и Умещкая.

Вся задача в том, что на такую огромную и тоскующую (склонную к любви и мщению) натуру — нужна жизнь, страсть, задача и цель соответственная:

и вот почему, в финале, кончив водевиль, т. е. увезя Геро с ненавистью, вдруг видит, что Геро бросается к нему, ласкается и обещает любовь. Он вдруг воспаляется,³ прогоняет всех<,> и деньги. Но Геро пугается его страсти, развязка. В тоске передает ее,⁴ но разочарование.

Палец-то сжег, а потом говорит: «Заплатишь ты мне за это: *Le jeu ne valait pas la chandelle*».⁵

НВ. Основание страсти, стало быть, было, но он ещё не любил.⁶

Надо было с детства более красоты, более прекрасных ощущений, более окружающей любви, *более воспитания*.⁷ А теперь: жажда красоты и идеала и в то же время неверие в него.⁸

Или вера, но нет любви к нему.

«И беси веруют и трепещут».⁹

*Memento.*¹⁰

Главный пункт романа:

Дядя и Идиот два характера.

¹ В рукописи закрывающая кавычка поставлена после слова «обыкновенны».

² Итак, следовательно (лат.).

³ Далее было: обещает д<еньги>

⁴ В рукописи ошибочно: его

⁵ Игра не стоила свеч (фр.). В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Палец-то сжег ~ не любил. — вписано на полях.

⁷ В рукописи двоеточие.

⁸ Текст записан поверх авторской нумерации страницы: 40 /. Нумерация проставлена автором на <с. 95> (1) — <134> (40), <146> (41) — <149> (44), заполненных преимущественно записями к роману «Преступление и наказание».

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Здесь: Для памяти (лат.).

Memento.

Идиота принимают у тётки, потому что он фаворит дяди.¹ <с. 134>²

Генерал всех погубил, всех виноватее, разорил, все сознают, его деспотизм, один Идиот проник³ любовь.⁴

Об искушении Христа дьяволом в пустыне (рассуждения).⁵ <с. 9>

29 октября

1867-го года⁶

*ЗАМЕТКИ*⁷ <с. 1>⁸

29 октя<бря> 67

Психологические пункты и разделы

РОМАНА

Первоначально. Идиот представляется в ожидании и в тревоге; как будто есть какое-то дело. Он движется усиленно и тем как бы себя обманивает и разгоняет тоску. (NB. Как будто есть цель, а цели-то и нет.)

¹ Надо было ~ фаворит дяди. — *вписано на полях.*

² В верхней части страницы каллиграфические прописи: Последняя борьба, Последнее Memento; *вычеркнута* заметка к роману «Преступление и наказание» (см.: 7, 248).

³ один Идиот проник — *вписано.*

⁴ Генерал ~ любовь. — *заметка в верхней части страницы, занятой карандашным портретным рисунком; по своему содержанию она предваряет характеристику Генерала в новом плане от 30 октября (см. с. 150—151; РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 7).*

⁵ Об искушении ~ (рассуждения). — *заметка другими чернилами; возможно, она относится к наброскам на <с. 134> («С дядей о многом рассуждает: застрелиться вместе, о Христе»).* См., кроме того, <с. 29> следующей тетради (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6), где также звучит мотив искушения Христа дьяволом.

⁶ Каллиграфическая пропись.

⁷ Каллиграфическая пропись (2 раза). В центре страницы рукой А. Г. Достоевской записано: Эта записная книга Ф. М. Достоевского подарена мною внукам моим Федору и Андрею Достоевским 28 января 1909 года. А. Достоевская. В нижнем правом углу страницы заметка:

Запущение Семейства —

Генерал преследует свою.

⁸ Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6.

— Он уязвляется Генералами и Геро — не¹ карьерными целями и² не любовью к Геро, а чувством *Combattività*.³ Принимает в усиленное внимание и испытывает Сына (хотя Сын производит на него впечатление) и, приехав домой, тотчас надувает Дядю — безотчетно, становится ему врагом — еще не имея определенной цели. Софья Федоров<на> и проч.

— У Генералов происходит его торжество (от⁴ которого ему тотчас становится *стыдно*).⁵ Потом торжественные разговоры с дядей, потом *выходка* и *поступок*, потом сженный⁶ палец Геро, потом волнение, потом сожженный дом и растление Умечкой.

— Потом вдруг полная апатия: для чего, зачем? Про Геро он и не *мечтает* и даже не *желает* ее. *Le jeu ne vaut pas la chandelle*.⁷

Он затворяется от всех и шатается даром. Дядя ищет его. Самоубийство.⁸

— И вот он затевает всю бурду от нечего делать. *Мучает* Дядю, покоряет Генеральшу и *опутывает* Геро из⁹ игры. Но игра¹⁰ не дается даром. Вдруг ревность.¹¹ Чтоб не доставалась Сыну, к Дяде.¹² Любовь.¹³

¹ Далее было: бор<ьбой>

² Было: целями, н<е>

³ Воинственности (фр.).

⁴ от — *вписано*.

⁵ (которого ~ *стыдно*). — *вписано*.

⁶ Так в рукописи.

⁷ Игра не стоит свеч (фр.).

⁸ Он затворяется ~ Самоубийство. — *вписано*.

⁹ Далее было: из

¹⁰ Далее было начато: пре<вращается>

¹¹ Далее было: Чтоб не достав<алась>

[Он и< >]

¹² Чтоб не доставалась Сыну, к Дяде. — *вписано*.

¹³ Любовь. — *вписано*. Далее знак: V. На полях слева от текста: — Он уязвляется ~ Любовь. — *заметки*:

НВ. Покоряет дядю до рабства и до безумного фанатизма.

— Мучает Левиньку.

— Овладевает Генералом и измучивает его тем, что [—] влюблен.

— Управляет всей Генеральшей. Инженер, Дипломат — все в руках его.

НВ. Сына — тверже очертить. [Сын к нему холоднее. А он к нему жарче.]

НВ. У Дяди главное с Сыном.

Он всё жалуется и советуется с Идиотом.

Сын тоже не берет денег.

И затем вдруг Геро — любит его: Безумие и иступление.

Финал великой души.¹

Любовь 3 фазиса: Мщение и самолюбие, страсть, высшая любовь — очищается человек. <с. 3>²

Или: Все очень добродетельные, высокие и великодушные, но к нему несправедливые. Он побочный. Его усиленно ласкают. Это возбуждает в нем ненависть. <с. 4>³

Точки

Генерал — известный характер. Надежда на Дядю.

Жена его — хорошей родни. Старшего сына к брату Сенатору и проч. Строят карьеру. Идиот, всегда считавшийся идиотом.⁴ Зависть и гордость.

Дядя.

— Воспитанница.

Дочь Маша.

Инженер.

Долги Генерала.

Откуда взялся Идиот? (Все ему, что он падает на плечи.)

— «Здесь у нас даром хлеба не едят».⁵ (Идиота присылают откудова-то с письмом наследники крестной матери, взявшей его к себе в деревню, старухи, за то что его не любят, умершей без завещания, <—> жившего в праздности, читавшего. Родственники после смерти держали его некоторое время и прислали (требуя денег), описав его достоинства, дрался.)⁶

— Генерала ждали откудова-то; бунт, в доме приготавливавшийся.

— Характер старшего сына: благоразумен, эгоист, с поэтическими наклонностями, маменькин сынок, тщеславен.

— У Воспитанницы 200 000.

Характерная мать и маменькина дочка.

NB.⁷ Начало романа уже с полгода по приезде Идиота. Уже всё положение обозначилось, уже все ненависти... (в драматической форме). Идиот всё молчит. Как он служил <—> в рассказе.

— Обидел мать. Обидел братнину невесту.

— Он мучил Сына воспитанием.

Запись: NB. У Дяди ~ воспитанием. — обведена чертой.

¹ Далее знак абзаца.

² На странице геометрические рисунки.

³ На странице находятся также записи бытового содержания (расчеты, связанные с расходами).

⁴ В рукописи: Идиотом

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Далее знак абзаца.

— Ждут Дядю — последняя надежда. Дядя решает навестить.

— Штуки Инженера.

— «А вот у меня плетка».¹ — У дяди. Пишет бумаги Костенькиныч.

NB? (Инженера обокрал Левинька. — У Идиота свои деньги, торгует.)²

Когда его выгнали за воспитанницу — он ей признается в любви и сжег палец.

Начало. Поминутно готовящийся бунт, все в волнении, все один другим недовольны. По поводу истории Инженера.

Идиот готовит обвинение, что Генерал влюблен в нее. Ей говорит, что ее берегут для наследства. Проигран процесс. <с. 5>

30 октября

*Первоначальная тема*³

— Семейство.

— *Генерал.* Характер строгий, деспотический, мрачный, страстный. Из-под суда. Всё потерял по своей вине и самодурству, которое, чем хуже обстоятельство — тем более усиливается, а не уменьшается.⁴ Справляется с кредиторами. Хочет держать семью в прежнем деспотизме и порабощении. *Фигура старого времени.* Сам видит, что нельзя по-старому. Зависит материально от семьи, и это ему мука: потому что усиленно суров, чтоб не показаться благодарным, тогда как *действительно* любит и благодарен. Покровительствует воспитанницу и только под конец, когда лопнул процесс, подозреваем с ужасом и матерью и сыном. Сам, наконец, в ужасе, что влюблен в воспитанницу. С братом в известных отношениях.

Генеральша. Характер такой же деспотический, но подчинившийся под немymi условиями. Не без великодушия. Всё для Ганечки. Сбивает его другим браком и соблазняет. (Ганечка не таков.) Ждет процесса. — Бывшая гонительница Идиота. Ненавидит его. (Особенно за участие дяди.) Ухаживает за дядей — по-своему.

Ганечка. Чистый, прекрасный, достойный, строгий. Очень нервный и глубоко христиански, сострадательно любящий. От этого мука, потому что при таком *страстном сострадании* разумен, предан долгу и непоколебим в убеждениях.

— Глубины и заносчивости в идеях нет, хотя умен, образован и мыслит. Но *чувство* преобладает в натуре. Живет чувством. Живет сильно и страстно. Одним словом, натура христианская.

— Идиота любит и прощает, но не соглашается с ним.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Справа от текста: NB? ~ торгует.) — помета: НЕ НАДО.

³ Ниже было: — Семейство

⁴ и самодурству ~ не уменьшается. — вписано на полях под знаком:
× В тексте такой же знак после слова «вине».

Идиот, порывами, страстно любит его, но вообще, злобно насмешлив, не сдается и отвергает его.¹

Идея, что Генерал влюблен, — главное остановила его.² *Еще неофициальный жених.* В припадке бешенства³ Геро сама ему отказывает. Бежит с Идиотом от дяди и проч. Очаровательно-весело-великодушно-легкомысленный и увлекающийся характер.

Идиот. От первого брака. Из деревни. Образован — всё скрывает. Нарушает деспотизм неповиновением. Укалывает сердце Генерала; оскорбляет Генеральшу. Любит Геро, но считает себя недостойным и за это ненавидит Геро. NB.⁴ Ненависть его⁵ даже и не объяснять. Он интригует и клеветает. Он раскрыл глаза Ганечке о Генерале⁶ и любви его, Генеральше тоже. Он, войдя в семью ничтожеством, стал над всеми. Геро поражена его любовью. Великодушие его, в деле с Левинькой поражает ее. Потом она его пугается. — ?⁷ NB. Сначала Идиот производит в семье бунт. Когда он приезжает, он только видит начало и желание бунта, но затевает бунт сам, на свой счет. Потом входит во всеобщую доверенность. Овладевает Ганечкой. NB) Он хочет только погубить <с. 7> Геро; узнает же, что влюблен в нее, совершенно нечаянно, после побега.

Дядя. Известное лицо. Женится на Умещкой.

Идиот отдает Геро брату. Сходится с Умещкой. NB. *Знал ее прежде в деревне.*⁸

Генерал умирает. (NB. Если же сделать его счастливым, то сделать его великим лицом, с великодушнейшими и симпатичнейшими наклонностями.)

(Ганечка тоже должен быть самое симпатичнейшее, кроткое и сильное лицо из всего романа.)

Инженер, Маша, Левинька, Старуха мать, родня Идиота,⁹ Начальство Ганечки, Сенатор, Дипломат. *И ПРОИСШЕСТВИЕ???*

Главная тема романа.¹⁰

¹ Очень нервный ~ отвергает его. — *вписано на полях; отнесено к тексту на основании знака: ×, — поставленного после слова «строгий».*

² Если исключить вставку «Очень нервный ~ отвергает его», то под «остановила его» подразумевается Ганечка, а не Идиот, поскольку изначально предложения следовали так: Ганечка. Чистый, прекрасный, достойный, строгий. Идея, что Генерал влюблен, — главное остановила его.

³ Было: страсти

⁴ NB — *вписано.*

⁵ Было: ее

⁶ Было: и Генералу.

⁷ На полях слева от этой фразы помета: ? выдумать

⁸ NB ~ *деревне.* — *вписано.*

⁹ Над словами: родня Идиота — помета: Умещкие

¹⁰ Текст: (Ганечка ~ тема романа — объединен фигурной скобкой и отмечен знаком: ?

Все эти характеры, но над всеми Идиот, тоскующий, себя презиращий и до бесконечности гордый характер, всеми овладевающий, чтоб насладиться своей высотой, а их ничтожеством, ненавидит и не уважает¹ до отвращения свой успех и свои наслаждения,² тоскующий наконец от своей роли, вдруг увидевший исход в любви.³

Сначала:⁴

1) Мщение и Самолюбие. (Мщение ни за что, сам признает это, и это черта.)

Потом:⁵

2) Бешеная безжалостная страсть.

3) Высшая любовь и обновление.

NB. (Помещает Геро после побега у своей родни. Родня Идиота? NB.⁶) <с. 8>⁷

— Заметки к теме 30 октября.

1) Когда Дядя приходит к Идиоту и говорит, что он напоминает ему многое и что верно мщение... Идиот отвечает, что ему не за что и некому мстить (черта).

Сам, впрочем, был воспитан безобразно и у тиранов. Узнал Умелую. Его родня. (Воспитан у своей родни?)⁸

2) Генерал есть пораженное в сердце Самолюбие. Уязвлен во всем своем лучшем внутри. Деспот, парадоксален, несправедлив, стоек, рыцарски честен, мрачен и порывист. Ни с чем в себе не умеет справиться, чувствует это и во всем через край. От этого страдает всю жизнь.⁹ Идея, что он влюблен в Геро, посеянная и развитая Идиотом, убивает его.¹⁰

3) Сначала, прежде, Генерал и все¹¹ жили в блеске и славе. Тогда-то мучили (?) и отвергали Идиота. Теперь же, в начале Романа, он сходится с ними, когда они унижены.¹²

¹ Далее было начато: свое

² ненавидит ~ наслаждения — вписано внизу страницы под знаком:
× В тексте такой же знак после слова «ничтожеством».

³ В рукописи двосточие.

⁴ Далее было: [безжалостно [страстный]] Мщение<е>

⁵ Потом — вписано.

⁶ Родня Идиота? NB — подчеркнуто дважды.

⁷ На полях сверху геометрический рисунок.

⁸ На полях слева от абзаца знак: ?

⁹ Ни с чем ~ всю жизнь. — вписано на полях; отнесено к тексту на основании знака: ×, — поставленного после слова «порывист».

¹⁰ Далее знак: //.

¹¹ Далее была запятая.

¹² Далее знак абзаца.

4) Роман начинается затруднениями семейными и прибытием Идиота.¹

5) Генерал и семейство *тянутся из последнего*, чтоб жить и *принимать*. Маша *хочет* давать уроки, против желания всего семейства.

6) Идиот сходится с Дипломатом (сводничает Геро). Является на вечера в Grand-Monde,² где и³ Генерал и Генеральша. Замечательный вечер, блеск Идиота, удивление всех и особенно Геро. А Генерал обижается и выгоняет Идиота.⁴ Он из мщения, *главное — из ревности*,⁵ сует ей дипломата. (Или из разведки: потому что Геро приласкана у Сенатора и кокетничает с дипломатом. Ревность за это Генерала.⁶ Всю эту интригу ведет Идиот.)

7) Генерал и Сенатор старинные враги по службе и пикируются.

8) К дипломату сует Геро из *сокрытой ревности*. Он бы желал (пароксизмами) опозорить Геро, сделать ее распутной.⁷

9) Высокое уважение к нему дяди, у которого он вначале состоял писарем⁸. Дядю он покоряет и подчиняет и царит над ним из *наслаждения царить над ним*. Но дядя и сам прониимает его любовью. Встреча и борьба характеров. Дружба безумная, ревнивая и сумасшедшая. (Объяснить и поставить *точнее и яснее*.)⁹

10) Эпизод пожара, пальца и растления — всё вдруг и как бы нечаянно. И в романе чтоб показать, на что способен Идиот.

NB. Без объяснения. <с. 9>

— Ганечка на очень хорошей службе, надо дорожить.

— Генерал ездил в губернию. Возвратился недавно. Без него признаки бунта.

— Долги (4000 р.), найти где хочешь. К брату.

— Дядя не дает 4000 р. Но 100 р. в месяц дает. Обида Генерала. Не принимает. Из-за этого история в семействе. Подвернулся Идиот. Пропажа 4000 Левинькой. Идиота выгоняют. История (непочтительность к Генеральше). Генерал, по настоянию семейства, соглашается принять 100 р.

— Особые отношения Генеральши к Дяде. Вечная пикировка.

— Отношения с Инженером у Генерала. Бешенство Генерала.

— Генерал *возвращает<ся>* и *сам* привозит Идиота. Тем начинается роман. Прежде было письмо, что вернется с Идиотом.

¹ Далее знак абзаца.

² высшем свете (фр.).

³ Далее было начато: отец [гв]

⁴ А Генерал ~ Идиота. — *вписано на полях под знаком: × В тексте такой же знак после слов «особенно Геро».*

⁵ *главное — из ревности — вписано.*

⁶ Далее знак: — · —

⁷ Далее вписана и вычеркнута закрывающая скобка.

⁸ Далее было начато: и ко<торый>_ц

⁹ (Объяснить ~ яснее.) — *вписано.*

— Генеральша без него затеяла сношения с дядей. (Процесс Геро.)
— При приезде Генерала решили скрыть, что получают от дяди 100 р. Дядя бывает. Генерал решился утром навестить его и просит 15 000, потом 4000 р. <с. 10>

*Impromptu.*¹ 1 ноября.

Ход дела. С горы

— Вечер у Генеральши. Ганечка и мать. «Не женись, не объявляй».² Экзаменует: не было ли объяснений? Благородные ответы Ганечки. Мать плачет. Он ее утешает. Об отце и о бунте. О Маше и Инженере вскользь.³ Идиот в углу слушает. Письмо Инженера об ерлычке и требование удалить Идиота. (Левинька.) И Костенька⁴, пришедший и приведший Геро, волочит за ней и говорит, что Сенатор влюблен в нее. Уходит; его ждет у ворот Левинька. Молодой разговор. Сговариваются. (Идиоту грозят дядей. Ганечка ему два слова (почтительных) с упреком, что он прикидывается идиотом.⁵) (Мать хоть и говорит, что прикидывается для обвиния, но в то же время и дразнит его Идиотом, — *embaras des richesses*⁶ в упреках и поддразниваниях.)⁷ Грубость Маши, прошедшей мимо в комнате. Маша и Инженер у себя. Фрукты.

— Все в особенном волнении, что Генерал скоро будет. Об этом возвещают Геро.

— Является Дядя. Откровенность матери для обмана. Излияния и слезы. 100 руб. в месяц тихонько от Генерала. О скором приезде Генерала; о его неудачах и деспотизме. Мать так и льется перед дядей. Особенный шик генеральского достоинства. (Вскользь *Recapitulation*⁸ истории отношений семейных с дядей.) Об Инженере и Идиоте. Полный рассказ. Инженер<,> просит явиться заявить почтение. (Как он<,> не письмом?) Инженер является и жалуется. Рассказы об Идиоте. «А вот у меня плетка».⁹ Геро уходит. Инженер уходит с усиленной учтивостью и негодованием и в глубоком уважении к дяде. Дядя

¹ Экспромт, импровизация (фр.).

² «Не женись, не объявляй». — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Экзаменует ~ вскользь. — вписано на полях под знаком: × В тексте такой же знак после слова «объявляй».

⁴ В рукописи: (Левинька) и Костенька

⁵ В рукописи: Идиотом

⁶ *embaras de richesse* — затруднение от переизбытка, чрезмерное богатство выбора (фр.).

⁷ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁸ *Récapitulation* — резюме, краткий итог (фр.). Далее было начато: отнош<ений>

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

поражен о Геро<,> разговор о Геро. История Геро и семейных отношений. Дядя собирается домой <—> вдруг Генерал.

NB. *Interim*.¹ (Идиот провожает Геро. Разговор. Встреча с Умещкой и с Левиной. Возвращается домой.)

— Является Генерал. Внезапная встреча с братом. О 100 р. скрыто. Солидно и важно, но польщен. Дядя спешит уходить. Инженер прощается. Маша, Сын и Идиот. Всё семейство в сборе: Генерал: «Да я всё потерял». Кормить. «Но не хочу потерять авторитет».² В коротких словах свои дела. Достать денег.³ Наконец, расспросы семейные: о Дяде наскоро (скрыто о 100 р.), об Инженере и Маше. Бешенство Генерала. Отказать. Бунт Маши. Мать молчит. Ганечка заступается. Фортепьянные уроки. Машенька говорит: «Я и сама выйду».⁴ Генерал кричит, что он поддержит свой авторитет, что он нищий, но владыка. Саркастические выходки о власти детей. «Я повивальную бабушку позову».⁵ Об Идиоте. (Р. S. У Генерала идея, что он неправ перед Идиотом.) <с. 17>⁶ Для Идиота и дядю требовали. (Выходка Идиота при бунте Идиота.) Полный отчет об Идиоте и об Инженере. О том, что Идиот непочтителен. Идиот есть Идиот. О Маше и об Инженере.⁷

— Наконец о Геро, и это главное. Зачем она поступила в гувернантки. Сама не захотела. Ложится спать. О плачевном положении своем. «Нельзя ли достать денег<?>»⁸

— Наутро мирятся с Машей. От Инженера письмо.

— Об Генерале (подробности).⁹

— Ганечка и Геро. Идиот и Ганечка. (Яд начинается.)¹⁰

— Идиот и его родня. Умещкая. Деньги у Умещкой Идиотовы. Наивность Умещкой. Мечты.¹¹ Костенька и Левиная.

— Идиот у Дяди. Дядя. (Странная фигура.) Отношения с Идиотом. О том, что дядя видел Идиота на улице с картиной.¹² Костенькиныч, о том, что он не Идиот.

— Толкотня о 4000 тыс. Покража. У Идиота деньги.

¹ Между тем (лат.).

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Над словом: денег — помета: долги

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Соседняя <с. 16> не заполнена.

⁷ Далее было начато: На<конец>

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее знак: ×

⁹ Было: Идиот и Ганеч<ка>

¹⁰ Далее было: Идиот

¹¹ Деньги у Умещкой ~ Мечты. — вписано на полях под знаком: × В тексте такой же знак после слова «Умещкая». Возможно, эти записи соотносятся с наброском выше: «Нельзя ли достать денег<?>», — после которого поставлен такой же знак.

¹² О том ~ с картиной. — вписано.

— Генерал¹ изгоняет Идиота. Дядя тоже.

— Сцены Идиота и Дяди.²

Идиот и Генерал.

Идиот и Ганечка.

— *Процесс проигран. Гром в доме. Сам влюблен. Смута.*

1 ноября

Нехорошо.

Главной мысли не выходит об Идиоте.

Надо: Идиот сын Дяди.³ <с. 18>⁴

*Идиот сын Дяди. (Смотри № 1).*⁵ Заметки на всякий случай.⁶

Главнейшая сцена: Идиот у Генералов. Идиот пленяет всех, детскою наивностью.

НВ ————— (Происшествие, родня⁷ и проч.)⁸

НОЯБРЯ 2⁹

Идиот приезжает довольно апатичный, бесцельный, с грустию, вошедшею внутрь. Первое время бродит. Правда, внутри что-то вроде тревоги, но сокрыто и неясно даже для самого себя.¹⁰ *Недоверчивые предосторожности* в вагоне с Сыном и коверканье с Дядей показывают, впрочем, что он, в уединении, долго и много думал о своем положении и вообще, *отвлеченно*, взял меры — на будущее. Но после первых шагов, тоска, язвительное чувство самости, жажда проявления и гордости показываются. Ему хочется *шагов, карьеры*. Он завидует Сыну. Об Генерале с ненавистью с Сыном, и *едва мечтает*, что может протереться туда. *Сын его уведомляет об этом.*¹¹

¹ Было начато: Дяд<я>

² Текст: — Идиот у Дяди. ~ Сцены Идиота и Дяди. — объединен фигурной скобкой.

³ 1 ноября ~ Дяди. — заметка на полях.

⁴ На соседней <с. 19> архитектурные детали.

⁵ Вероятно, имеется в виду <с. 23> (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5) с записями от 18 октября 1867 г. «NOTA VENE (к Окон<чательному> ПЛАНУ)», где намечен тот же мотив.

⁶ В рукописи: Случай

⁷ родня — вписано.

⁸ Записи: Идиот сын Дяди. ~ и проч.) — на полях сверху чернилами более светлого оттенка, чем основной текст на этой странице (то есть появились не одновременно с ним).

⁹ Так в рукописи.

¹⁰ Далее знак: — · —

¹¹ Сын его уведомляет об этом. — подчеркнуто дважды.

Прежних родственников (от Костенькиныча узнал, что они в Петербурге, и встретился) посещает. (Умецкая старый друг.) — Побочные дети. Сын с Отцом о побочности.

NB?

Фигура Дяди над всем. Это главное.¹ <с. 11>

— Софья Федоровна. Её мать повесилась.

— Несколько раз Вл<адимир> Умец<кий> — покушается на Умецкую. Сын тоже. <с. 12>

Так себе:

Разговоры отца с Сыном:

NB. Откровенности о роли ростовщика, о графе и проч. Сыну всегда были неприятны подобные откровенности, ибо за ними всегда спешило в Дяде проглянуть чувство гордости уязвленной и требование благодарности за откровенность.

Разговоры Сына с Идиотом: Про отца Сын: <—> Это была мрачная и сильная фигура. Теперь он и² более мрачен и более экспансивен.

— Бабуля чувствительность одолела, — говорит Идиот.

Сын защищает Дядю — с достоинством.

Сын³ спрашивает Идиота о карьере. Разговор о ростовщичестве.

Разговоры Идиота с Дядей: Дядя хоть и считает его идиотом,⁴ но несколько раз, еще до Генерала, сомневается и с насмешливым, ядовитым упреком экзаменует Идиота.

Идиот на вопросы Сына о карьере: «Вы, верно, интересуетесь, на какую часть наследства я претендую. Вы знаете, что ни на какую. А впрочем, мне приятно думать, что Дядя думает, будто я в нем нуждаюсь, живу у него, и так от него завишу. Пусть, пусть думает».⁵

Идиот с Сыном о карьере. Сын: «Как же вы можете оставить Дядю? С чем? Как?»⁶

Идиот: «Меня это не пугает. Не знаю. Ведь Дядя очутился же один на тротуаре».⁷ (Это Сын еще прежде передал ему историю Дяди.)

О Дяде и ростовщичестве.

??? — Попытки Идиота⁸ на толкучем.

¹ NB? Фигура Дяди ~ главное. — вписано на полях вдоль основного текста.

² и — вписано.

³ Было начато: —

⁴ В рукописи: Идиотом

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Было: сына

Загадочное свидание Идиота с Умецкой.¹

Умецкая: «У меня свои деньги».² (Обокрали Инженера. Нашли у Умецкой. Умецкую взял Идиот. Идиот свою квартиру нанимает еще перед Генералом.)³

Торжество Идиота у Генералов было для него самого нечаянно. Он пошел по беспокойству.⁴ А⁵ там — вдохновение. После того сейчас сцена с Генералом. С Умецкой. Опозорил. Зажгли.⁶ <с. 13>

На другой день после Генералов Дядя у него. О Царе Иудейском. Дядя предлагает ему всё и плачет. Тот смеется. (Об⁷ Умецкой.)⁸ После этого, недолго спустя разговор о самоубийстве и женитьбе. — (Инженер обокраденный.) Лопнувший процесс.

НВ.⁹ Тут во второй части непременно как-нибудь столкновение Генерала с Идиотом, встреча у Сына? (и История кражи Левиньки) — сходится с Генеральшей.

Он втерся к Генералу.

А между тем *Interim*:¹⁰

Идиот заперся к себе. Тоска. Мука. Бред. Встречи с жильцами и проч. (Истории.) Смерть Софьи Федоровны (у Идиота капитал).

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАМЕТКА

Прыгунчик родня Сына.

А семейство Инженера (Старик Вл<адимир>) дальнейшая родня Идиота. Умецкая сестра его (но от другого отца¹¹). <с. 14>¹²

Вопросы и Загадки

— Не сделать ли так, что мать Идиота жива (характер).

НВ. — Дядя же всегда пренебрегал Идиотом. Он думает, что мать (потаскушка где-то в губернии). От <нрзб.> Идиот узнает, что мать в Петербурге.

¹ Росчерк пера.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁴ Было: вдохновению

⁵ Было: И <и>

⁶ Торжество ~ Зажгли. — вписано на полях со знаком: ×

⁷ Было: После этого об

⁸ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁹ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

¹⁰ Здесь: тем временем (лат.).

¹¹ Было: другой матери

¹² На полях сверху декоративные рисунки.

Идиот отыскивает мать, грязь, ужас и характер.

Или: мать его замужем. Странная семья. Бедные.

— Мать действительно бежала от дяди с купцом, оставив ему Идиота. (А потом за чиновника-старичка. За старичком и ходит.) А от дяди прячется. У ней дочка. С дочкой разговор про науки. *Причина, почему они в Петербурге?*

— А вот этот купеческой.

— А чуть было чуть я за Князя не вышла замуж.

НВ ГЛАВНОЕ¹

Муж старичок пьяненькой. А к матери ходит прыгунчик² и ее содержит: это где инженер. Родня Сына. (Умещкая же тоже у них.)

(А если Прыгунчик, то он протезирует Идиота. Обкрадывает³ Инженера и свое семейство. Но к матери, главное, ходит купец (и купец и прыгунчик). Да еще, узнает он, что Дядя, через Костенькиныча, делает вспоможение.)

НВ) Без Прыгунчика просто купец, а дядя вспоможение.

Но Прыгунчик является по старой памяти.

Тут и Софья Федоровна.

— Но Умещкая? Это⁴ где он воспитывался.

Инженер сын Вл<адимира> Ум<ещкого>. У них Умещкая и Побочны<й> сын. Они знакомые дяди.

А родня Сына — Прыгунчик. (Инженер жених⁵ у Прыгунчика.) Левинька⁶ тоже у них и чахоточный старший чиновник.

Идиот⁷ законный Дяди и⁸ родной брат
Сыну, но отверженный
с детства и никогда
не видал Сына.

(Интересный молодой человек.)

Воспитывал<ся> у Умещких.

А у Сына своя родня. (Сын старший. Идиот младший.) <с. 15>⁹

¹ НВ ГЛАВНОЕ — вписано.

² Было начато: Кн<язь>

³ Далее было: семейство

⁴ Далее было начато: род<ственница>

⁵ Здесь, вероятно, имеется в виду один и тот же персонаж, ранее названный женихом. Т. е. следует читать: Инженер-жених

⁶ Было: Побочный

⁷ Под словом: ИДИОТ — каллиграфическая пропись с виньеткой под ней: МАША.

⁸ и — вписано.

⁹ На полях слева архитектурные детали.

2 ноября
Наскоро

Он законный, но непризнанный Сын Дяди. Идиот. У Умецких его обвенчали. Потом Дядя послал его в Швейцарию. Дядя всю жизнь боролся с сомнением: *Его ли*¹ это сын или нет? Умецкие это знали. Он женился в особом расположении духа.

— У Умецких он жил особенным образом: Вечно в битве с ними и любя, как они подличали иногда перед ним.

— Швейцария — темно и грустно. Читал. Зависть и злость.

— Вагон и проч. по-прежнему; два брата.

НВ (впоследствии): «Пожалуй, будем говорить „ты” друг другу».²

— Старший Сын, измученный Дядей, с ним в раздоре за Мать.

— Уезжая в Швейцарию и из Швейцарии, Идиот велел Умецким, под страхом потерять всё (НВ:³ «содержания ей даже не дам и награждения вам никакого»⁴), — не сметь извеждать дядю, чтоб шито-крыто. К его возвращению переехали и они (и по своим делам) (Инженер) (под судом). Жена и Умецкая ушли к старухе-родственнице.

— Юродивая Умецкая, мстительница и ангел. Жена училась...

— Он приехал и распорядился молчать. Жене дал 15 р. (Сказал брату:⁵) С женой не живет.

— Всё колебание первой части, тоска, мщенье. Сцены с женой по-прежнему.⁵ Объяснительные для всего романа разговоры и сцены с братом и с дядей — по-прежнему.

— Упоение при удаче у Генералов.

— Потом мрачное заключение в себя. Мучение жены. То с ней близок, то отталкивает. Ненавидит и ревнует — (черта).

Затем поддразнивает дядю, что женат.

(Дядя к жене и Умецкой.) Он уходит от них. И вдруг как с цепи срывается, бросается к Генералам, к Геро, Геро он не любит. Но так... Овладеть всеми, восторжествовать <над>⁶ всеми и отмстить всем — (а за что — неизвестно). (Он Побочный Сын.)

— Он доводит дело до того, что Геро бежала.⁷ Жена у Геро и у Умецкой. Он открыто любит Геро. И потом уступает. (Странно как-то.)

¹ Было начато: Закон<ый>

² В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

³ НВ — вписано. В рукописи двоеточие отсутствует.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ по-прежнему — вписано.

⁶ Пропуск предлога возник при переходе текста на левое поле страницы, где расположена оставшаяся часть записей.

⁷ Было: побежала

NB? Или: *Никому* о его жене неизвестно, и Геро, и Дядя, и брат не знают. Уже под конец *Умецкая* объявляет Дяде.

ГЛАВНОЕ. Всех покорить под себя — сначала брата и Дядю (жену деспотирует и *Умецкую*), потом Генералов, потом Геро. <с. 21>¹

Идиот рассказывает Сыну, почему он прослыл Идиотом:

«Смолоду была болезнь. *Умецкие* всё писали, что я идиот, тянули деньги за докторов. *Никогда, должно быть, никто не надоедал Дяде, как я тогда. Он обещал даже послать узнать, но он не справлялся лично и не посылал. Перед поездкой в Швейцарию женили пьяного*».² (Потом оказалось, что он женился из сострадания, он их кормил.)

— Никто не знает, что он женатый, до последнего времени. Он законный Сын.

— Его отправлял из Петербурга в Швейцарию Костенькиныч с оказией. Дядя был в отсуствии.

— Он считает, что жена испортила его карьеру. Но ему приятно и помучить.

— Он боит<ся> всех от самолюбия. Он хочет 1-го места. У дяди не хочет брать.

NB! — Геро язвит его насмешками всё время и кокетством.³ Любит Сына сама не зная, проблематически. И вдруг, в последнее только время объявляет ему, что любит его.

— Он гнал Геро и мстил ей за насмешки ее и за то, что она не могла ему достаться. Он не верит, чтоб она могла полюбить его.

— Он воображает, что лицо и фигура его ужасны. И не верит, когда ему говорят, что он даже⁴ приятен собой.

— В Швейцарии только 2 года.

— Обнимает, целует жену, поверяет ей тоску свою⁵ и потом отталкивает. Укоряет ее, зачем он любит Геро. Та до страсти его любит. Он ей с насмешкой: «Я урод».⁶

— Прыгунчик кандидат в отцы его.

_____ ?NB (обдумать) NB? <с. 22>⁷

¹ На странице архитектурные детали и геометрические рисунки. На соседней <с. 20>, кроме архитектурных деталей, каллиграфические прописи: Osm, O <2 раза>, Osmа, Osmans

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ и кокетством — вписано.

⁴ Было: он хорош

⁵ Далее было начато: го<ворит>

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ На полях слева архитектурные детали и каллиграфические прописи: Telegr, Victor-Emmanuel <2 раза>, Tiers, Victor-E<mmanuel>

— Умецкие, по частному письму, знали, как Дядя ценит Идиота, может быть, признает его и сделает наследником.

— Уговорились и они с ним, что как он войдет в милость Дяди, то и признается ему, что женат.

— Когда же похитил Геро к себе, он сказал Геро и Умецкой: «Не говорите ей»,¹ — и сидел на <д> ней, когда она терзалась и была в бреду.

— «Я слышал ее признание».²

Геро — княжна. У ней знатная родня. А он просто Птицын.

— Идиот в канцелярии у Генерала место.

NB) На Станции с Геро у него вышла смешная сцена. Она вспомнила и просила Дядю привести его.³

Он Дяде: «Вы отвергли меня и мать; отвергаю и я вас».⁴

— У него потом оказался в руках документ, что он законный. Но он не хотел его показать Дяде и поддразнивал его, что он незаконный.⁵

— Его мать повесилась.

? — Ему только казалось, что Геро любит Сына; она любила его. Сын уведомил Дядю, когда уже тот сделал предложение.⁶

УМЕЦКАЯ НЕ СЕСТРА.

Его женили на девушке, прижившей ребенка.⁷ Ее привезли тогда из Саратова.⁸ Очень били и выдали за него. Думали, что он не знает. Но он знал, что ребенок есть, спрятан тихонько. Умецкая ходила. Он ходил и ласкал ребенка.

Он Дяде сказал, что Сын любит Умецкую.⁹

Оказалось, что Геро его любит, но он всегда отвергал Геро, а отвязаться не мог, был влюблен, тщеславие беспредельное.

Дядя, чтоб Сын женился, женится на Умецкой.¹⁰ <с. 23>¹¹

Ребенок втайне. Мать не знает. Умецкая знает.

Он его содержал втайне.¹²

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ На полях запись: Птицын ли?

⁴ В рукописи: Вас. Кавычки отсутствуют.

⁵ На полях запись: Законный

⁶ Далее начато: Впосле<дствии>

⁷ Далее было начато: Думали, что он

⁸ Ее привезли ~ Саратова. — вписано.

⁹ Текст: ? — Ему только казалось ~ любит Умецкую. — объединен фигурной скобкой.

¹⁰ Дядя ~ женится на Умецкой. — вписано на полях.

¹¹ На полях слева архитектурные детали и проба пера: V

¹² Текст: Ребенок ~ содержал втайне. — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: ?

— Геро давно сказала Сыну, на признание его, что любит Идиота. Когда Дядя хотел свата<ться>,¹ Сын сказал Дяде, что Геро любит Идиота. «Пусть женится».² Дядя на Умешкой (которую знает).

— Идиот говорит, что нельзя — женат. Он любил Геро, но отвергал. Боролся сам с собою.

Борьба мщения с любовью.

— Сводит Геро с Сыном.³

— Дядя умирает.

— Сначала волочил и привлекал Геро (равно как и карикатурил с Дядей) — потом отказал Геро, потому что полюбил жену высоким состраданием. Но мучает ее. Борьба с самим собою. Мучает Геро за то, что она не может быть его.

— Разговор Идиота с Сыном о *полезной деятельности*:

Безмолвное, внимательное, но равнодушное выслушивание Идиота, как будто не об том и речь.

ГЛАВНАЯ И ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ РОМАНА, ДЛЯ КОТОРОЙ ВСЁ:

Та, что он до такой степени болезненно⁴ горд,⁵ что не может не считать себя богом, и до того, *вместе с тем*, себя не уважает (до того ясно себя анализирует), что не может бесконечно и до неправды усиленно⁶ не презирать себя.

(Он чувствует, что тупое мщение всем за себя — низость, и в то же время делает, злодействует и мстит.)⁷

Он чувствует, что ему нѣ за что мстить, что он *как и все* и должен быть доволен. Но так как, из без<с. 24>мерного тщеславия и самолюбия, и в то же время жажды правды,⁸ он требует больше всех, то ему всего этого мало.

— В развитии и в окружающей среде, он почерпнул все эти яды и начала, которые в кровь вошли. Великодушные и требование любви у кругом оскорбленного сердца безмерные. *Их он не имел*, и потому он, тем, которых бы он хотел бесконечно любить и за них кровь отдать, всем дорогим ему, он мстит и злодействует.

Вместо полезной деятельности — зло.

На будущее — расчет: «Буду банкиром, Царем Иудейским и буду всех держать под ногами в цепях. Или властвовать тирански, или умереть

¹ *Вместо*: хотел свата<ться> — *было*: посватался

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ *Текст*: Борьба ~ Геро с Сыном. — *отчеркнут с обеих сторон*.

⁴ болезненно — *вписано*.

⁵ *Далее было*: и зрело видит всё ничтожество окружающего,

⁶ В рукописи запись через дефис: до неправды-усиленно

⁷ На полях заметка: Всё это анализы с дядей, с Сыном, с женой и с собою.

⁸ и в то же ~ правды — *вписано*.

за всех на кресте — вот что только и можно по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу».¹ (*Отрывочное замечание*² его Сыну.)

— Или он раз сел и написал свое завещание. Хотел убить себя, но не убил, а начал интригу.

— Сожгли дом.

— НВ. — «Для чего я обязан любить женщину, которую не люблю?»³ И за обиду ее вступился до бесконечности.

— Зависть к Геро.

— НВ. «Если б вы знали, во что ценю я эту людскую славу! Но если б вы знали, как я дрожал,⁴ являясь к Генералам или много раз от мысли: ну как узнают, что я женат!

— Что мне в карьере? А я мучил жену за карьеру».⁵

— Получил торжество и признание от Геро и, *первый раз*, обладал женой — и потом оттолкнул.

(Страдальческая и наивная (характерная — *действительная*) фигура жены.)⁷ <с. 25>⁸

— Драгоценный вопрос и ответ:

— Вы кончите или великим преступлением, или великим подвигом, — говорит ему Сын.

— Дай Бог! — отвечает он совершенно серьезно и неприметно. — Но наверно ничем.

(Жажда подвига и что-нибудь сделать, чтоб выдаться и стать выше всех: Зажгли дом<, > и палец.)

«Не могу взять деньги ростовщика».⁹

(Ребенка любит страстно, ребенок умер.) У ног жены, сидящей у гробика ребенка.

— Он ей поверяет всё о Геро. (Исступление.)

Но поверяет¹⁰ одни ругательства на Геро, поверяет одну бешеную злость, одно то, что он ее ненавидит.¹¹ Как она его оскорбляет (жена с мучением понимает, что он влюблен).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

² Было начато: З<амечание>

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ дрожал — подчеркнуто трижды.

⁵ Было: на карьере

⁶ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁷ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁸ На полях слева каллиграфические прописи: Victor-Emmanuel, Victo<r>, V, [Vict], [Victor], Victor-Emmanuel, Garibaldi

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Начало абзаца связано двойной линией со словом «всё» в предыдущем предложении.

¹¹ Далее было: (Жена и тут вд<руг>

— А тут вдруг Геро становится богачкой и аристократкой (и отвергла Дипломата, за *продажу* Дяде, устроенную Идиотом).

— Геро кокетничала со всеми<,> и с Дядей и с Сыном<,> и всем отказала. Идиот подозревает, что она Генерала любит, и распространил. Она к дяде пошла, потом вдруг к нему...

— Он всегда *ненавидел* ее,¹ но иногда бросал и запирался один. Растил Умедуку. Оказалось, что Умедукая любила его всегда и жертвовала *ему и жене* вся собой.

Это грубое растение было для нее громовым счастьем и смертью.²

Она помешалась на всеобщем братстве. Увлекла Дядю.³

Для того, чтобы Геро<и>не⁴ отдаться Идиоту и объявить, что за него идет, — нужно так много ей удивить всех и каждого, что она просто, в исступлении и истерике<,> бежала к нему<,> и вдруг⁵ он женат. <с. 26>

Идиот отдает ее убитую Сыну. Дядя умирает.

НВ. — Драгоценные вопросы и ответы — Идиота с Сыном:

Сын: «Но почему вы⁶ себя⁷ так низко ставите и цените, так презираете<?> Я всегда это замечал с удивлением. Почему Геро не может полюбить вас⁸ и выйти за вас<?>»⁹

Идиот с удивлением: «Меня? Урода, неловкого, не их общества, не их понятий, сына ростовщика, отверженного, всеми ненавидимого?»¹⁰

Сын:¹¹ «Кто вас¹² ненавидит? Вы сын¹³ миллионера. Вы можете быть всем».¹⁴

Идиот: «Меня ненавидят все, которые не понимают. Я это знаю. Я верую не так, как они. Я не миллионер, а¹⁵ нищий. Я не могу быть не ненавидим, потому что я хочу быть выше их, а так как это нельзя, то я их ненавижу, а стало быть,¹⁶ и они должны за это меня нена-

¹ Текст: — Геро кокетничала ~ ее — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: + и каллиграфические прописи: Devonchire, [Titiano Veccellio], V <3 раза>. На полях сверху: Devonchire

² Далее было начато: Он<а>

³ Далее было начато: Дядя ж

⁴ В рукописи сокращение: Геро—не

⁵ Далее было: он

⁶ В рукописи: Вы

⁷ Далее было начато: как я всегда с

⁸ В рукописи: Вас

⁹ В рукописи двосточие и кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Было начато: —

¹² В рукописи: Вас

¹³ В рукописи: Сын

¹⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁵ Далее было: нищий

¹⁶ Было: а за это из

видеть. Наконец...¹ смотря вглубь сам,² я не могу не сознаться, что я низкое и гадкое существо, а потому и знаю, что достоин ненависти».³

Сын (про себя или потом,⁴ говоря с Геро): «Он слишком много любит и слишком много требует от любви. Не видя и окруженный *другим*, ненавидит. Вместо подвигов *любви* (ежедневных, стало быть, по его мнению слишком мелких) лучше решается делать злодейства, мучить и мстить. За это сам себя презирает. Ему надо Геройства».⁵

Идиот (выходя, подумал):⁶ «Странно: при этих вопросах и ответах Сына и дебатах: почему Геро не может быть моя, я ни разу не подумал о том, что я женат».⁷

НВ. Дядя вначале говорит ему:⁸ «Ты должен служить у Генерала. Ты *Птицын* и должен заслужить чин».⁹

Он. Идет. Генерал удивляется: «Как это вы<?>»¹⁰

Дядя: «Он идиот».¹¹

Разговор Дяди с Генеральшей: Вследствие этого разговора: «Приведите к нам».¹²

«Как же<,> Дядя говорит<,> Идиот?»¹³

— Сын говорит, что он таинствен.

— «Приведите».¹⁴

Уводя его к Генералам, дядя говорит: «Я предупредил, что ты идиот».¹⁵

¹ Далее было начато: [смуты <¿> нена<висть¿>][Сын][<нрзб.>]
Эта гордость и в то же

² В рукописи: сами

³ В рукописи деепричастие и кавычки отсутствуют. На полях слева от текста: Я не миллионер ~ достоин ненависти». — запись: Или Птицын, или Законный? (Последнее решение.) Но к развязке подвиг непременно.

⁴ Было: (про себя) Слишком м<ного>

⁵ В рукописи деепричастие и кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи деепричастие отсутствует.

⁷ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁸ Далее знак: × Вероятно, отсылает к вариантам на полях: «Как же ~ мыслитель.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют. Заметка: Разговор Дяди ~ «Приведите к нам». — вписана слева от текста: Он. Идет. ~ «Он идиот».

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. «Как же ~ «Приведите». — вписано на полях под знаком: ×

¹⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

После вечера Генерал тотчас же принимает его на службу.

Сын тоже способствует, рассказывая, что это чрезвычайно странный человек и мыслитель.¹ <с. 27>²

Или МЫСЛЬ:

Когда он похитил Геро, жене велел молчать (уж гробик ребенка только что был). Жена хворала очень и вдруг умирает. Признаки яда. Геро и дядя на него. Он прямо объявляет: «Да, я убил».³ Умецкая молчит, но наконец показывает письмо ее. «А все-таки я убил»,⁴ — говорит Идиот.

Он от Дяди уходит. С ним Умецкая. Геро у Сына. У Дяди разлилась желчь. Наследство всё Идиоту⁵ и часть Сыну.⁶ Идиот от всего отказывается.

Идиот с Умецкой.⁷

— Было счастье — не узнал его.

Ночью в ветр на могиле с Умецкой.⁸

— Прежде этого бродил по городу. Умецкая за ним, на всех перекрестках.⁹

<—> Надо¹⁰ быть лучше, — сказал он, не понимая, что говорит, и странно улыбнулся.

<—> Да, — сказала Умецкая, благочестиво.

— Пойдем! — сказал он Умецкой.

И оба пошли неизвестно куда (другое счастье).

НВ. (Вл<адимир> Умецкий настроил Дядю, что он отравил.)

— Умецкая некоторое время (придержала было¹¹ письмо).

— Письмо (слог Гольбейновой Мадоны).¹²

¹ Уводя его ~ мыслитель. — вписано на полях и обведено чертой.

² На полях сверху и слева каллиграфические прописи: Dev<onchire>, Идиот, J, H, Птицын

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее было начато: он о<тказывается>

⁶ и часть — вписано над строкой; Сыну — дописано в строку.

⁷ Было: с Геро

⁸ Ночью ~ с Умецкой. — вписано.

⁹ — Прежде этого ~ перекрестках. — вписано справа от текста: Идиот с Умецкой. ~ на могиле с Умецкой.

¹⁰ Было начато: Пой<дем>

¹¹ Было: (придержала было)

¹² Вместо: (слог Гольбейновой Мадоны) — было: (Гольбейнова Мадона)

Прежде¹ — Страшная тирада Дяде о Царе Иудейском.

— Восторженные разговоры с женой, жена в вдохновении благоговения перед ним.

— Раз у него вырвалось: «Говорю тебе, потому что, кажется, ты одна меня понимаешь».²

НВ.³ Он попадает к Современны<м> Юношам на проповедь о полезной деятельности. Весь вечер. Он промолчал и даже не подумал об этом.

Умецкая. Зачиталась Евангелия. В сумасшествии проповедует. Дядю сбивает с толку. (*Наивность Умецкой бесконечная — это главная черта в ее характере.*) Об отрубленных головках, об оторванных ногтях, вначале зажгла.

Слишком забита, настоящая юродивая. <с. 28>

— «В Швейцарии — мы там часто Евангелии<е> читали, и я после Книги Ренана доктора спросил про КРЕСТ. (Странно сошлись мы, об оторванных ногтях и иглоках.) Я сам именно этот вопрос в Швейцарии доктору сделал».⁴

Мечтания Умецкой о том, что думает оторванная голова. Картина.

«У ней всё такие картины,⁵ — говорит жена; — что она по городу видит, так это чудо! другим и в голову не придет».⁶

О том, как кладбище ходит по городу.⁷

<—> Но что казнь на кресте рассудок расстраивает. А он и рассудок победил.

— Что ж<,> это чудо?

— Конечно<,> чудо, а впрочем...

<—> Что?

— Был, впрочем, ужасный крик.

— Какой<?>⁸

¹ Прежде — вписано.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. (Странно ~ сделал. — вписано.

⁵ В рукописи первоначально это помета в скобках: (У ней всё такие картины)

⁶ говорит жена ~ не придет». — вписано.

⁷ Далее знак абзаца. С новой строки начато:

<—> Был, впрочем, ужасный крик:

<—> Какой<?>

⁸ — Какой<?> — вписано.

— Элой! Элой<!>
— Так это затмение.
— Не знаю — но это ужасный крик.
Рассказ о Базельском Христе.¹

Как мученики землянки рыли.
О революции.

Об искушении Христа диаволом.²
Язык в зеркале.³

NB —
Он любит Умецкую. Странная и полнейшая детская дружба к юродивой. Он всегда с ней толкует обо всем этаким.

— Об обязанностях к жене, она никогда его не учит: она только делает.

Она в деревне *два раза* сарай зажгла. Чтoб было похоже и напоминало Ольгу Умецкую. Зажгла и в Петербурге.

МОЖЕТ БЫТЬ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ ЗАКОННЫЙ СЫН.

Еще с детства мысль: «Я буду человек *выше* всех».⁴
Умецкая говорит ему потом:
«Ты будешь человек выше всех — ты должен ни перед каким подвигом не останавливаться».⁵
Или в разговоре с Сыном:
«То же самое⁶ я бы мыслил, если б я был и законный. Я бы всё отверг, и 100 000 руб.⁷».⁸

¹ Над строкой запись: Holbein

² Далее было: В нем начало глубокого христианства.

³ Текст: <—> Но что казнь ~ в зеркале. — вписан в правой части страницы.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Далее было: если б

⁷ Было начато: бога<тство>

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

Он себя беспрерывно ценит: и говорит, что он совсем не несчастен и совсем не обижен. <с. 29>

Он совсем не несчастен, совсем не обижен, но ему всё не по мерке, всё теснит.¹

Тоже может быть:

Сын знает тайну его: Но не говорит Дяде, не предупреждает² и Геро — не зная и не подозревая, насколько³ та его любит.

— Идиот, тоже не подозревая и ревнуя к Сыну⁴ («Пусть же не достается»),⁵ сватает Дяде.

Та, изъявив Дяде согласие,⁶ вдруг объявляет Идиоту, что любит его, и бежит к нему. Тот в исступлении принимает ее,⁷ сначала бешенство страсти, потом раздумья («Вот весь подвиг моего дела!»⁸), потом любви.

Идет к Сыну, идет к Дяде, говорит ему о Сыне и любви его.⁹

(Генерал, Дядя и Вл<адимир> Умецкий свидетельствуют об отраве. А он действительно у Побочного (знакомого с одним аптекарем) яду взял когда-то. У него и нашли.)

Христианин и в то же время не верит.
Двойственность глубокой натуры.

Язык в зеркале.

Разговоры и вечера у Жены, Идиота, Умецкой и Сына.

«Как можно после таких разговоров не верить!»¹⁰

Он приревновал Сына к жене.

— Была кроме своей и еще квартира.

¹ Он совсем ~ теснит. — вписано на полях сверху.

² Незачеркнутый вариант: не говорит

³ Было: что

⁴ В рукописи далее двоеточие.

⁵ Скобки вписаны.

⁶ изъявив Дяде согласие — вписано.

⁷ и бежит ~ принимает ее — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Текст: Идет к Сыну ~ любви его. — отчеркнут слева вертикальной волнистой линией.

¹⁰ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

НВ. (Подумать о комическом¹ происшествии на чугунке.) Весь в дрожи сел в вагон² и удивил Сына. <с. 30>

Из последнего 3 ноября

ГЛАВНОЕ: Он, с самого начала и не воображает, что *может полюбить* Геро; да и незачем; этого и в возможности не считает. НВ.

НВ.³ Сын же прямо влюбляется в Геро и сообщает об этом Идиоту, которого, самонеприметно и ненавистно, кусает зависть. И во⁴ весь роман он воображает, что ему тут и мечтать нечего. Не к рылу.

— И даже в разговоре⁵ Сыну (с которым, по своей привычке, сначала кокетничала Геро, но которому, при одном таинственном свидании потом, с внезапным градом слез, объявила, что любит, кажется, другого, но *не объявила кого* (может быть, сама стыдилась; Сыну же и в ум не пришло, что Идиота, а пришли в ум другие))⁶, — и в ум не пришло, когда он спрашивал Идиота на тему: «Почему вы себя так низко ставите?» — приравнять его Геро, и когда Идиот вдруг спросил: «Ну что если б я влюбился в Геро, пошла бы она за меня?»⁷ — тот отвечал⁸ замаявшись:

— Да ведь ты женат?

— Не в том дело: Если б я был свободен?

— Не знаю.⁹ — (Еще больше замаявшись; а Идиот искал тайной усмешки, но ее не было.) — Не знаю — тут... тут дело... во всяком случае... будь принц-королевич, так и то нравится только милый... Впрочем, — поспешно прибавил он, поправляясь: почему ж? почему ж и нет?

— Ну уж это ты поправляешься, а сначала и сам сконфузился, — сказал¹⁰ вдруг Идиот, и оба вдруг замолчали.

¹¹— Идиот, выходя, хотя и *вполне ждал* сам¹² вышеприведенного ответа, на то и вызывал,¹³ но как-то¹⁴ оскорбительно и злобно принял ответ,

¹ комическом — вписано.

² В рукописи: Вагон

³ Знаки «НВ» из первого и второго абзацев связаны соединительной линией.

⁴ во — вписано.

⁵ Далее было: [к] с

⁶ В рукописи вторая закрывающая скобка отсутствует.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Далее было: не знаю

⁹ Было: ?

¹⁰ Было: подум<ал>

¹¹ Знак абзаца.

¹² сам — вписано.

¹³ на то и вызывал — вписано.

¹⁴ Было начато: как б<удто>

как будто и не ожидал его: «Стало быть, и вправду,¹ что во мне что-то есть, — подумал он... — А может, он и ревнует!.. Он и не знает, что если б во власти моей была Геро и в возможности, так я бы и сам не женился».²

(NB. *Может быть.* А что если так: Геро вдруг узнала, что он женат; слегла: потом отчаянная любовь, выходит за Дядю,³ осмеяла Сына и вдруг к Идиоту, «возьми меня, бежим, я люблю тебя...»⁴

Из этого следует, что надо эту страсть и разжигающую любовь объяснить, в *продолжение романа* эпизодами.⁵ Мучает жену. (Ее усиленные насмешки вначале. Сжег палец и мстил за это.)

NB. *После пальца* зажгли и растлил Умекую.⁶ <с. 31>⁷

— А в случае матери: «Ганечку для связей женить, Княжна бедная, да нам денег не надо, а у ней родня знатная...».⁸

⁹Идиота ненавидит. Узнает про то, что Идиот женат: едет к жене Идиота¹⁰ и оскорбляет ее. Идиот заступается.

— Потом окончательная ссора с дядей.

— Потом после ссоры матери с Идиотом за жену — Прыгунчик. Ласкает прыгунчика (чтоб Дяде в голову вошла опять мысль, что Идиот сын Прыгунчика).

— Быть Сыном Прыгунчика кажется Идиоту оскорбительным и комическим. Дядю он сам поддразнивает тем, что он сын прыгунчика.

— Все эти оскорбления накаплиются ему на сердце. «Может быть, я еще слишком зелен и так обидчив», — думает он иногда...¹¹

— Мать мирится с Дядей без условий, чтоб не поминать. Оправдываться считает для себя низким и немыслимым. Возвращается к Дяде, как делая милость... Дядя неизвестно для чего вздумал чрез 25 лет помириться.

— Мать ревнует Дядю к Геро (насмешки).

— Идиот (по-прежнему) восстановил Генеральшу против Генерала, что Генерал влюблен, и Дипломата, отказавшегося от Геро (и сказавшего Генералу, что он влюблен, — вся интрига по-прежнему), а Геро сказал, что ее продали. Сыну же Геро сама только что призналась, что

¹ Было начато: В<правду>

² В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

³ В тексте описка: за Дядя

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Предложение выделено слева круглой скобкой.

⁶ Было: Геро

⁷ В нижней части страницы архитектурная деталь.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Знак абзаца.

¹⁰ Идиота — вписано.

¹¹ В рукописи кавычки поставлены после слова «иногда».

любит другого; а тут Идиот женат — отчаяние Геро без матери¹ — «иду за дядю».²

— Если же она Мать Идиота,³ то при переходе Идиота от Дяди на квартиру, во весь роман, из-за него борьба и горе в доме Матери с Дядею.

ВОПРОС КАПИТАЛЬНЫЙ: В чем фигура идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль?⁴ При законности или незаконности?

NB

*Главнейшее*⁵

В случае законности вечером речь ему, при дяде⁶ и Сыне, матери: «Я не понимаю, что значит любить или не любить, — если мы⁷ сойдемся...⁸ Я слишком много перенесла из-за вас. Вам может быть известна история.⁹ (Дядя потом: «Не из-за этого».) — Согласна: может быть, я худо сделала, что оставила вас: понимаете вы, что я вам говорю?»¹⁰ Может, он и не понимает. Он молчит: ОНА ВЫСШАЯ ДАМА.¹¹ Идиот отделивается двумя словами.¹² <с. 32>¹³

Если незаконный

Приезжает и вдруг некстати:

Примирение с Матерью Дяди. Дядя сконфужен. Мать говорит: «Я хочу его видеть».¹⁴ Идиот.¹⁵

Объяснение Дяди с Сыном.

¹ Перед: без матери — знак: (NB

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Было: его

⁴ В рукописи сочетание двух знаков препинания: мысль?:

⁵ NB Главнейшее — вписано на полях слева от текста: При законности или незаконности? ~ В случае законности

⁶ Было начато: ма<тери>. В рукописи: при дяди

⁷ Было: вы

⁸ Далее было: мы

⁹ Вам ~ история. — вписано.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ На полях заметка: Дядя не баба прежде всего.

¹² Идиот ~ словами. — вписано.

¹³ На полях вверху и слева каллиграфические прописи: Папа Пий, Pius, Pius Papa Nonus, Витербо, Viterbo <2 раза>.

¹⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁵ На полях слева от текста: Приезжает ~ Идиот. — заметка: NB. Дядя Идиота, без ведома жены, помещает к Генералу на службу.

Объяснения Идиота с Сыном: Он недоверчив, осторожен, странен. Но Сын его несколько поднимает и интересуется. Сношения с Сыном частые. Мать думает всё¹ далее и далее, что это Идиот, но разговаривает с ним.²

— У Генералов неосторожно помянули про Идиота. Мать тотчас подхватила, приняла, что это ей в пику, и просила ввести в дом. Дядя хмурится.

Но Идиот отличается. (Дядя сначала в восторге³ от его успеха, а потом в отчаянии и раздавленный — расстается⁴ с ним. Мать тоже в бешенстве.)⁵

— В таком случае если незаконный — мечты о Геро, о высшем обществе и о карьере и в голову не входят Идиоту сначала. Потом всё оживляется.

НВ. Ссоры за ссорами. Но мать не расстается еще с Дядей, для того, чтоб сначала устроить брак⁶ Геро с Сыном. <с. 33>⁷

Законный

— Гордости больше.

Гордость доказать, что он один и без помощи богатства или кого-нибудь одолеет всем.

НВ. От Дяди он не к жене пошел, а имеет особую квартиру, где ждала его Умечкая. Лихорадочный разговор с Умечкой.

— Сын незнаком был до станции с Генералами. Генерал ему: «Почему вы в ссоре<?> Странный человек ваш дядя»;⁸ и о примирении и проч.

ВПОСЛЕДСТВИИ. У Матери с Идиотом капитальное объяснение, где она доказывает, что она ни в чем перед ним не обязана.

И спрашивает: «Вы, может быть, отказываетесь из досады какой-нибудь? Возьмите просто тысяч 100. Не то не вступайте со мной в борьбу...»⁹

— Возьмите 300 000.

— Он мне 500 давал.

— Как?

¹ Было: твердит всё

² В рукописи двоеточие.

³ Над словами: Дядя сначала в восторге — помета: Черта.

⁴ Было начато: п

⁵ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁶ Далее было: с С <ыном>

⁷ Текст отчеркнут слева и снизу. На странице архитектурные детали.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

Идиот ей: «Я ни в чем вас не считаю виновною. Я хочу один».¹

Она: «Гм. Еще гордость. La comedia!»²

ГЛАВНЕЙШЕЕ ИЗ ГЛАВНЫХ.³ И когда уж она, после отказа Сыну, вдруг опять идет за Сына и вдруг опять к Идиоту: «Возьми меня!»⁴

НВ. (У Идиота в доме бедность. Работу достать. А Вл<адимир> Умелый думает: «Подождет! Это он хитрит, ловкая каналья! Он хочет всю половину наследства еще при жизни себе».)⁵

ГЛАВНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Она всегда была с ним насмешлива и презрительна, и никогда у него и в мысли не было, что она может полюбить его.

Он ее ненавидел.

Она делает ему эксцентрическ<ое> предложение: «Брось всё, жену, я СЫНА. И беги».⁶

Он отвечает: «Разве это может быть?»⁷ Пожимает плечами и уходит с торжеством и гордостью. Яд в груди. И вдруг Страсть. Он в иступлении и болезни. Вдруг она является перед венцом в венчальном платье. <с. 34>

Вопрос и сомнение: Оправдать, что вся его деятельность ушла на любовь к Геро.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Комедия! (итал.; правильно: commedia). В рукописи кавычки отсутствуют. Записи: — Возьмите ~ Как? и Идиот ей ~ La comedia! — расположены друг напротив друга: первая справа, вторая слева.

³ ГЛАВНЕЙШЕЕ ИЗ ГЛАВНЫХ. — вписано на полях слева от текста.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее было: НВ. Сперва он отынтриговал Геро от Дипломата, потом от Сына (проклиная себя за низость). Геро укоряет его в низости: Он говорит ей: «Ну да, это правда; это для того, что я вас люблю». <Далее открывающая скобка.>

Он (про себя) хотел отравить ее: А она вдруг: «Да я вас люблю!»

Она в<сегда> <Не закончено.>

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы. Текст: Он ее ненавидел. ~ беги». — объединен с обеих сторон фигурными скобками.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

ЛУЧШЕ ОН ЗАКОННЫЙ (БЕЗ МАТЕРИ).

Отбив Геро от Сына — и уговорив¹ не выходить, он идет и говорит² Сыну, что это он сделал, нарочно чтоб она не была за ним счастлива (а за дядей).

<—> Вы ее³ любите?

<—> Я ненавижу ее.

НЕОБХОДИМЕЙШЕЕ.

SINE QUA NON.⁴

Она не знает, что он женат. Сын не говорил никому.

Он взял жену за плечи и говорит:

— Ты только разве одна, — и говорит ей о Геро. Она тихо слушала. ОНА ТИХА, как ГОЛЬБЕЙНОВА МАДОНА, — и говорит:

— Не сердись только на меня, что ты мне это сказал.

И после брака она:

<—> Кабы не было ненависти!

— Ведь ей было только 18 лет!

— Ревновал зверски к прежнему насильщику своей жены (отцу ребенка).

ПОСЛЕДНЕЕ

ПРИМЕЧАНИЕ:

При матери.

Бежала от Сына.⁵

⁶Геро была у его жены:

<—> Я его люблю.

После того жена умерла.

Там свадьбы еще нет. Геро еще не дала слова, только прервала, взяла слово назад и сказала, что любит другого.

Потом виделась с ним. Он ушел, отвергнув ее.⁷

¹ Было: отговорив

² Далее было: что

³ Было: его

⁴ Обязательное условие (лат.). Помета: НЕОБХОДИМЕЙШЕЕ. ~ NON. — вписана слева от текста: Она не знает ~ никому.

⁵ Текст: При матери. Бежала от Сына. — объединен фигурной скобкой, поставленной после двоеточия при словах «Последнее примечание».

⁶ Знак абзаца.

⁷ Перед текстом: Он ушел, отвергнув ее. — знак: × После этого текста знак: ××

Но потом страсть и проклятие,
вдруг жена умерла.¹

Вдруг жена умерла. Вл<адимир> Умецк<ий> — отравил.
Геро — отравила. <с. 35>²

³При Матери и при законности:
— Всё от зависти к Сыну.

Незаконный лучше: всё объясняется.
— Все протезирования ему ненавистны. И любовь к нему⁴ Сына,
которого он любит. И угрозы матери потом.
— И отвергает Дядю.
— И зависть к Сыну за Геро.
И удивление его о любви Геро (и посещение Геро и бедность). Величавость фигуры и бедность поразили Геро.⁵
— И замучил жену.
— И Геро у него последний раз с признанием.
— Смерть жены.

Р. S. «Мне не на что жаловаться: Вы посылали меня в Швейцарию. Вы даёте мне 100 000 и потом 500».⁶
NB. (Законность того Сына была причиною.)

Незаконный: Страшно гордое и трагическое лицо.

NB.⁷ *А не так ли:* Законный, но отверженный, он сам себя отверг. Величавая роль.

Но среди искреннего великодушия — месть и зависть.
— Из зависти к Сыну⁸ — (бедность). — Но чувствует, что не выдерживает, обращается к жене.⁹
Ему кажется, что он смешон за брак и за Прыгунчика.¹⁰

¹ Но потом ~ умерла. — вписано под знаком: ××

² На полях сверху и слева архитектурные детали и каллиграфические прописи: Victor Hugo <3 раза>, Виктор Гюго, Жорж Занд, Sine, Sand, Lamartine <2 раза>.

³ Знак абзаца.

⁴ к нему — вписано.

⁵ Величавость ~ Геро. — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ NB — вписано над строкой.

⁸ Незачеркнутый вариант: Геро

⁹ На полях слева от текста: Но среди искреннего ~ к жене. — помета: Борьба.

¹⁰ Было: Птицына

Любовь Геро — замучил жену.

«Вы меня отвергли — так я вас всех к ногам хочу».¹ <с. 36>

Это прекрасно!²

Совсем другое: Величавая, но раздраженная фигура, и не вынес.

— Никакой карьерой не укоряет жену.³

— Всех сам отвергает, так как его отвергли.⁴

Бойся брака: при объявлении⁵ брака Геро⁶ (после сожжения пальца)⁷ написала ему:

«Вы искали меня, и Вы⁸ женаты, Вы были смешны, Вы носили свою величавую фигуру, Вы⁹ боялись объявления вашего смешного брака, Вы¹⁰ не вынесли».¹¹

— Он¹² ей: «Да<,> вы правы, я вас ненавидел,¹³ но я ненавижу и брак мой, всё справедливо, и полная искренность».¹⁴

— А она в отчаянии. Геро еще более любит его: «Простите меня».¹⁵

— Потом была у его жены.

— Потом «люблю».¹⁶

— Мщение всем.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Это прекрасно! — вписано в верхнем левом углу страницы.

³ На полях запись: Сначала скрывал брак, потом все узнали.

⁴ Ниже было начато: Пр<и>

⁵ Далее было: Геро

⁶ В рукописи далее двоеточие.

⁷ В рукописи далее двоеточие.

⁸ В рукописи: вы

⁹ В рукописи: вы

¹⁰ В рукописи: вы

¹¹ В рукописи вместо кавычек короткие горизонтальные штрихи.

¹² Было: Д<а>

¹³ Знак: ×

¹⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

Затем Геро, уже сговоренная за Сына, объявляет, что любит *Идиота*. Бежит к нему. — (Он:¹ «Не хочу» или «Хочу».²)

Смерть жены.

— Это я умертвил! Это он убил!

Байроновское отчаяние.

Любовь к жене и наивная даже встреча: Сначала всё разузнал, потом Умелая, потом сурово, потом мало-помалу — но любовь, перемежающаяся безотчетной ненавистью.

От Геро письмо. «Не была б равнодушна, не написала бы письма».

Он ей пишет в ответ:

«Я³ вас возненавидел с 1-го взгляда больше всех, вас первую из всех их.⁴ Почему вас? потому что вы там были как какое-то солнце; все вас тогда искали, все обожали, а я их всех ненавидел... И вы, солнце, вы⁵ засмеялись надо мной с 1-й встречи. Я сравнил наше положение: Могу ли я, я претендовать стать с вами рядом, возбудить любовь вашу, обратить внимание ваше?... И вот я возненавидел вас и пожелал вас,⁶ и тем сильнее,⁷ чем явственнее была невозможность обладать вами и чем ниже вас я казался себе.

Но все эти ваши упрёки и насмешки — ничто сравнительно с насмешками и упрёками, которыми я сам себя осыпаю. Всё, что вы написали, — это какая-нибудь 10-я доля того, что я про себя знаю. Довольно, оставьте меня. Я залез теперь в свою берлогу и не покажусь долго, а что с вами долго не встречусь, то тем лучше... О,⁸ я понимаю, сколько низости во всем этом великодуш<ии>. А я не хотел одного парада... Я был сначала искренен.⁹ Но я не вынес.¹⁰ Слишком наболело. Вас я никогда не любил... разве любовью ненависти. Понимаете вы это? Нет. Тем лучше. До свидания. За письмо благодарю. Вы мне показали не-

¹ Он — вписано над строкой.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи открывающая кавычка отсутствует.

⁴ больше всех, вас первую из всех их. — вписано.

⁵ Вместо: И вы, солнце, вы — было: Вы

⁶ Далее было начато: в

⁷ Далее было вписано: ч<ем>

⁸ Было: Я

⁹ В тексте описка: искренем. Возможно, подразумевалось: искренним

¹⁰ Было: !

равнодушие ваше. Мне пришло в ум:¹ не была б <не>равнодушна, не было бы² письма»...

Она приняла за сарказм — под видом наивности.

————— <с. 37>³

— Сначала ему самому чудно, что он с ними со всеми так враждебно?

— Потом он сам себе выясняет свою роль.

— Ему тяжелы вопросы: почему он чуждается и отвергает?

? NB. ЗАМЕЧАНИЕ: Чтоб не подумали, что это он всё тоскует из-за жены (т. е. читатели, чтоб яснее было, в чем его отчаяние).

Черт. Он болезненно-трусливо боится сначала (при всех, впрочем, выходах и разрывах) объявления того, что он женат. Но уж как узнали, вдруг подымает голову и гордится, что он так женат и тем, что он иначе и выше сознает назначение... И в эту же минуту гонит и мучает жену наиболее.

4 ноября

Он всех отвергает, и ему это льстило еще когда он ехал, но
при всей, впрочем, искренности.

Он сделал глупое (?) дело, женившись, и хочет выставить это как великое дело.

(Осуждает себя в несправедливости, а то, что женился из сострадания, из высокого чувства, это, даже и про себя, ни во что не ставит; почему? А потому, что в обществе этого не поймут, не оценят, станут смеяться над этим, а потому и он ни во что не считает, и даже стыдится, — до того он, внутри себя, раб перед всеми.)

— Он отказывается от предложений дяди, от денег. Это доставляет ему ужасную честь и почёт в обществе Генералов, хотя он не <с. 38>⁴ для них это сделал.

— Наступает интрига, узнают его историю всю. Величавость его фигуры.

— Сын страдал от дяди тоже. Он было холоднее к нему; но потом ближе.

Тут объяснение с дядею; и потом с Матерью.

¹ Незачеркнутый вариант: Мне пришло на мысль. Текст: «Я вас возненавидел ~ пришло в ум — вписан на полях под знаком: × Запись, возможно, сначала относилась к словам: «Да<, > вы правы, я вас ненавидел», но затем была связана соединительной линией и знаком «=» с сообщением о письме Геро.

² Далее было: и вдр<ут>

³ На странице архитектурная деталь (чернилами) и геометрические рисунки (карандашом, под заметками на полях слева).

⁴ На странице архитектурные детали.

— Тут узнают,¹ что женат, двусмысленные взгляды, насмешки. Мать ласкает Прыгунчика,² Геро больна, и письмо. Ответ его отчаяние. Он было обратился к жене, к Сыну, но вдруг опять к Генералам и стал их *àme damnée*,³ Геро потеряла процесс; отынтриговал Дипломата, Сенатора⁴ — — — и⁵

Хотел было отынтриговать и Сына, но поступил ловче, стал хвалить Сына Геро и интриговать в его пользу (зная противудейственный характер Геро). Геро бросила Сына в решительную минуту, а он замутил и Геро и жену, и дядю и мать и Сына.

ЗАМЕЧАНИЕ:

Внутри его страшная борьба: мстить или не мстить? Его⁶ порывы истинны, благородны, и вот он делает злое. Величая роль, *приобретенная в обществе*, стыдит его самого.⁷ Но когда начинается смешная история о браке и о том, что он действительно Сын Прыгунчика, и о том, стало быть, что *не он* отверг Дядю, а *Дядя* отверг его, — ему становится злобно и досадно.

— Не оправдывается, Великодушные поступки его (они были, *ПРИДЕЛАТЬ*) делаются им без огласки, — но он все-таки недоволен собой, судит себя и мучает, за то что не чиста, а *тщеславна* <с. 39>⁸ его гордость.

«Простить их всех было бы лучше, — думает он. — А моя Мадона Гольбейнова⁹ — как она чиста, как прекрасна»¹⁰ (как сознает ее он!), и вот кризис, и он ее мучает, интригует из последних сил у Генералов и, *после искреннего обвинения себя в письме к Геро, мстит за это Геро*.

— Геро же с ним уже не весело, а язвительно насмешлива, а иногда до того презрительно свысока горда, что даже не примечает его.¹¹ Он в мрачном, молчаливом бешенстве. (Жене не мстит, молчит, но ревнует и молчанием мстит.)¹²

¹ Было: Узнают

² Было: прыгунчика

³ *àme damnée* — верным рабом (фр.).

⁴ Было начато: о

⁵ Так в рукописи.

⁶ Было: Но <и>

⁷ На полях было начато: Стыд<но>

⁸ На странице архитектурные детали, частично со штриховкой.

⁹ Было: Гольбейна

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Далее с нового абзаца было: В это время отдае<т> [да]

¹² Он в мрачном ~ молчанием мстит.) — вписано. В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹В это время Геро дает слово Сыну, но вдруг посещает жену.

²Это дает ему мысль. Он покачнулся: «Или насмешки, или...»³ Он бродит как в бреду.

— Внезапные слезы и объяснение Геро с Сыном.

— Геро⁴ требует свидания. Признание в любви. Он отвергает.

— Страсть. Гробик<, > и жена отравляется.

— Геро не знает, что отравляется, и бежит к нему. Гроб и страсть.

Объяснения у гроба, «Я не пушу тебя...»⁵

Вл<адимир> Умецкий является с обвинением, а Генерал за Геро.

— Геро в⁶ беспамьятстве бросается к Генералу: «Это я ее отравила».⁷

— Признаки отравы, у аптекаря.

— «Я отравил».⁸ Идет <и>. <с. 40>

Свидетельство Умецкой. Письмо. Сначала по письму выпустили, но уж потом чтение письма.

Дядя, Сын, объяснение, его письмо к Геро, полная исповедь. («У меня затаились страсти, вошли внутрь. Первый шаг в жизни сделан».)⁹

¹⁰Идет на кладбище.

«Пойдем!»¹¹

Умецкая говорит ему дорогой: «Землю копать»,¹² — и рассказывает всю жизнь Жены, разные случаи, которые при воспоминании режут по сердцу.¹³

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПОПРИЩЕ. *Первый шаг*

Замечание

Он действительно благороден, может быть даже велик и настоящим образом горд, НО

¹ Знак абзаца.

² Знак абзаца.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Было начато: Он

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Было начато: б<росается>

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ («У меня ~ сделан».) — вписано. В рукописи кавычки и закрывающая скобка отсутствуют.

¹⁰ Знак абзаца.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

¹³ Текст: Умецкая говорит ~ по сердцу. — отчеркнуто справа волнистой линией.

не может¹ удержать себя, быть настоящим образом великим и гордым,² хотя и вполне сознает настоящую гордость и величие. (Исповедью всё окупает потом.) Мстит и любит Геро, не любя. Жену стыдился любить, хотя и высоко ценил ее и знал, что она всё в себе заключала, но

и зная, при жизни, когда владел,

не ценил.

Внутри вошло, выходу требовало.

Nota bene. Он сам, своей волей, без требования дяди и не написав ему, выехал из Фрибурга. (Было письмо к нему от жены; адрес узнали от Костенькиныча.) Удивил дядю, — сконфузил и раздосадовал.

Мать ему: «За вами³ конечно посылали<?>» — «Нет».⁴

Брата он никогда не видал, а когда 2 года назад Костенькиныч отправлял его в Швейцарию, то брат был в отлучке, для свидания с матерью.

Мать жила где-то в Калужской губернии.⁵

————— <с. 41>⁶

— Объяснение с Дядей при встрече.

И вдруг Дядя с иронией:⁷ <—> Ты знаешь по крайней мере, кто царствует над нами, кто наш Император<?>

— А кто?

— Александр II.

— Вы не слыхали ли каких-нибудь подробностей, самых капитальных, об этом царствовании<?> Что соверш<ил> Александр<?>

— Крестьян освободил.

— Гм. Вот умеет же отвечать...

(Вопрос был уже сложный: Много совершилось в царствование и, чтоб отличить, надо было ума.)⁸

Но в то же время он увидал, до какой степени низко считает его дядя.

— 2½ миль<онов>. Он говорил 1½. «Я никогда вас не спрашивал. Вы сами объявили».

¹ Далее было: быть

² Далее было: и

³ Было: Вам

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Мать ~ губернии. — заметка на полях.

⁶ На странице архитектурные детали.

⁷ В рукописи: Иронией

⁸ В рукописи вместо точки и закрывающей скобки запятая.

«Характерная черта, — до вас относится».¹

4 дня как дома.

Сын успел прежде явиться к Матери, как доложили об Идиоте, удивление Сына.

Мать: «Что, что такое<?> Позвольте, позвольте — что такое?»
Как было дело, я хочу знать».²

Приехал в 9 часов утра.

Мать была с Генералами; через Мать и с Дядею сошлись.

ПОСЛЕ РАСТАЕНИЯ У УМЕЦКОЙ НИ ОДНОГО СЛОВА ЕМУ.

СТРАННИК³ (всякий цветик радуется).⁴

СЕСТРА — эксцентричная девушка и жених ее, КАМЕРГЕР
А—В. — Несколько расстроены<е> дела дают 300 тыс. Он хочет
(и надеется) 400. — Мать настоять хочет. Дочь воспитывалась при
Матери.⁵

Мать Дяде:⁶ <—> Когда я вышла за вас — у меня своих было
50 000, в 4 года нашего сожительства я надеюсь (вы были не так бога-
ты), я надеюсь, что в 4 года сожительства они вам помогли и доставили
ну хоть 100 000.⁷

— О, гораздо больше...⁸ 200.

— О, да вы щедры... Впрочем, вы говорите как человек деловой,
ну эти 100 000 я и беру себе. А Наталье дайте 40 000⁹ теперь же, при
жизни вашей. Это непременно так нужно.¹⁰ <с. 42>¹¹

4 ноябр<я>¹²

Поэтичнее создать жену.¹³

Генерал в вагоне: <—> О, эт<о> гордый человек.

Жених: <—> По крайней мере, сколько известно, это деловой че-
ловек, он в думе <¿> много пользы принес.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее было начато: (Жену убил, дочь

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Знак абзаца.

⁶ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁷ Далее было начато: Эти 10 000 я

⁸ Далее было: по крайней мере

⁹ Было: 400 000

¹⁰ вашей ~ нужно. — вписано на полях.

¹¹ На странице архитектурные детали и пробы пера.

¹² Дата вписана в левом верхнем углу страницы.

¹³ В верхней части <с. 53>, заполненной набросками к «Вечному
мужу», зачеркнут заголовок, вероятно, относящийся к «Идиоту»:
Программа жены.

— Практический человек, — сказал Генерал с полуиронией. — Ну и при этом-то, при практическом-то так <ой> идеализм.

<—> Ну вот мы теперь сходимся будем.

У <¿> дочери: <—> Аннушка уж конечно не посетует на меня.¹ Она многое знает, хотя уважает его... потому что он... Ну вот видите, что я ни сказал о нем — а конечно достоин уважения.

Встреча горячая вагонная.

И потому так наскоро об *таких вещах* говорили и то, главное, и исключительно один Генерал — за что над ним и подшпилила Генеральша.²

Генерал — Ваш брат: Какой-то несчастный <,>
говорят — Идиот.

NB. Новые лица и окончательно 1-я часть.³

— После успеха у Генералов в нем вдруг революция. Он стыдится своего успеха и разрывает совершенно с дядей и с Генерал <ом> искренно — потом. (Уговор с Дядей, с Матерью, но только офиц <иаль-ный>,⁴ а отчаянные экспансивност <и> <не> помогли, а только подожгли. <...>

— Побочный Сын. Имел связь с женою У <...>

— Мать даже корит потом <...>

прежней любовнице дал Идио <та>⁵ <...>

Приехала Дочь, приехала Генера <льша> <...>

Костенькиныч Идиоту — «вы⁶ посиди <те> <...>

Когда Генералы уехали <...>

и доложил.

— Генеральша всех больше над <...>

неуспеху Идиота у Генерал <ов> <...>

уже там возвестил: «Я⁷ про <...>

Он воспитывался <...> <с. 43>⁸

¹ Далее было начато: Мы то

² Встреча ~ Генеральша. — вписано.

³ NB. Новые ~ 1-я часть. — вписано на полях.

⁴ Нижний угол страницы оторван; воспроизводим сохранившийся текст, внося лишь самые очевидные дополнения.

⁵ Было: Сын <а>

⁶ В рукописи кавычка отсутствует.

⁷ В рукописи кавычка отсутствует.

⁸ На полях слева архитектурные детали и каллиграфические прописи: Impromptu <2 раза>, Impro <mptu> На <с. 44—45, 47> расчеты (записи бытового содержания). <С. 46, 48> не заполнены.

«Старайся исполнять свой долг. Во всем бери пример с меня; знаешь мою жизнь: так и ты живи. Я старалась тебя во всем устроить по моему примеру. Я замуж вышла двадцати пяти лет; и тебя держала в девках до 25 лет. А главное, — долг. Кроме этого ничего не слушай. В свете не противуречь² и никого не суди. Ты видела, судила ли я кого-нибудь. Из-за пустяков со светом щипаться нечего; коли слышишь, что вздор говорят, молчи — а свое про себя исполни. Пожалуй, и возрази, да без драки.³ В Бога верь.⁴ Конечно, десять заповед⁵ ей⁶ хорошо. Тут не только спорить, да и рассуждать нечего: „Не лги, не воруй, ложного не свидетельствуй” и т. д. А пуще всего⁶ с меня пример бери: Обидела ли я кого-нибудь⁷ и хоть прожила несчастна, зато ни перед кем не согрешила. — ...Противуречила ли я кому когда-нибудь⁸»

— Про жениха... говорят, что-то он сочинял... Человек, впрочем, пустейший,⁹ но⁸ он может иметь другие достоинства. Я никого не хочу осуждать. Ты будешь⁹ счастлива за ним, Дарья. Он человек, кажется, добрый, хотя, впрочем, пустые редко добрыми бывают, — только до¹⁰ первого случая, когда ума понадобится. Тут с одним добрым сердцем ничего не сделаешь. Даже хуже. Впрочем, всё это вздор, постороннее, и так твоя свадьба через 2 месяца».¹¹

(Тут об деньгах с Дядей.) <с. 49>¹²

¹ Программа Матери. — вписано на полях.

² После: противуречь — вычеркнута запятая.

³ Далее было: Ко<нечно>

⁴ На полях слева каллиграфическая пропись: [Бого]

⁵ В рукописи: заповедь

⁶ Далее было: всегда

⁷ Автором исправлена описка: пустейшая

⁸ В рукописи далее многоточие, поверх которого вписана запятая.

⁹ Было начато: может, и бу<дешь>

¹⁰ Далее было начато: слу<чая>

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² На странице пробы пера и запись: [можете] На <с. 50> архитектурные детали и каллиграфические прописи: Констан<тинополь> <2 раза>, Ко, Конст, Констант<инополь> <2 раза>, К На <с. 51—57, 59—64, 72—81> записи к рассказу «Вечный муж». Середина тетради занята записями к незавершенным замыслам Достоевского (<с. 58, 65—70, 85—86, 91—105, 107>), публицистическими и другими заметками (<с. 87, 88—90>). <С. 71, 83—84> не заполнены, на <с. 82, 106> проба пера и каллиграфические записи. В верхней части <с. 57>, заполненной набросками к «Вечному мужу», зачеркнута запись, примыкающая, по всей вероятности, к <с. 49>: Программа дочери. Неразвитое, но глубокое существо. Молчалива и тверда характером. Мать давно видит,

Семейство. Сын от первого брака. Зажигатель вначале. Горе в доме. «Я зол».² Увез из-под венца. Вступился дядя, услали за границу.³

Воротился из-за границы — все обнищали. Потеряли процесс. Он содержит Семейство, и все его ненавидят. Его *прежняя* полюбила Ганечку. Старик хотел уйти из дому. Он сух и вежлив. Вдруг 300 000 наследства. Все от него отступаются.⁴

(Во всё это время он служил у Дяди на конторе. Дядя в ссоре с семейством. Дядя и он. Дядя его не прониал.)

На *прежнюю*⁵ вдруг в семействе стали смотреть иначе, когда получили 300 000.⁶ Лучше Геро. (Кто такая Геро?) Обидели девушку. Отец за нее. Она сама отвергла Сына.

Загадка. Кто он? Страшный злодей или таинственный Идеал.

Ганечка идеально-прекрасное лицо. (*Ганечка и она*, от матери и отца обращаются к Сыну за помощью.)

Дядя не брат Генерала, а брат 1-й жены Генерала, повесившейся. А это его племянник.

Или: NB. Дядя сердится на него за то, что он непочтителен (воротятся из Швейцарии) <, > и кроме жалования ничего не дает. Между тем, он воспитывался в его доме (мучился), ибо Генерал, по настояниям *второй* жены, отверг его, за то что бежала мать. Перед ним сделали несправедливость. Он имеет документы, что он законный. Покориться перед новой матерью он не хочет. (Идиот? и история этого идиотизма.) Генерал не беден, а, напротив, важное, с треском, лицо. (*Завязка романа.*⁷) Генерал до сего служил в Провинции.⁸

NB. До 11 лет *Идиота* Генералы жили в Петербурге. Уезжая в Провинцию, *Идиота* взял дядя (пожелала Генеральша, Генерал изредка справлялся). Идиот мучился у дяди до 17⁹ лет. Затем к Умецким. От

но с ней не спорит. Ждет. Идиот повернул ее. Великодушный характер. Жену отказала вдруг. NB. *Идиота* под конец отвергла, но потом поняла.

Разработка замысла романа «Идиот» продолжается с конца тетради.

¹ Авторская нумерация страниц; указывает на последовательность записей.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее было: Во<ротился>

⁴ В тексте описка: отступается

⁵ Было: Прежняя

⁶ Было: 100 000

⁷ Под текстом: *Завязка романа.* — знак: NB. —

⁸ Ниже каллиграфические прописи: Frasinone, Tivoli, Aquapendente
На полях внизу: Aquapendenta

⁹ Было: 16

Умецких за границу. Приехал из Швейцарии. (Идиот.) На конторе. Генералы меж тем переселяются в Петербург. Генерал потребовал сына. (У них Геро, Ганечка.)¹

Может быть: Дядя женится и что Идиот женат у Умецких.²
(ИДЕЮ!)

НВ. Когда³ Генералы воротились жить и служить в Петербург, *его* пожелала видеть и Генеральша.

Дядя вовсе не брат. <с. 141>⁴

2)⁵

— Генералы *имели* (как и в прежнем плане)⁶ в виду женить на Геро Ганечку для связей. Но процесс Геро очень неблагонадежен. Генеральша хочет за другую невесту побогаче,⁷ а Идиота женить на Геро, надеясь, что при заключении брака дядя наградит Идиота.⁸

6-го ноября ?⁹ — Это тем более вероятно было, что, во-1-х, еще ни слова о браке Ганечки и Геро не было вслух высказано, 2-е) что Генерал слишком настаивал, чтоб Геро была в семействе, и, в-3-х, этим¹⁰ разрешались семейные споры с Генеральшей, которая уже приискала для Ганечки невесту.

— Ганечка сопротивляется. (Честный и прекрасный характер.)

— Геро встречает Идиота градом насмешек, узнав, что *ей* суют *его*.

— А Дядя знакомится с Генералами *семейно* (т. е. возобновляет знакомство) и *ревнует к Идиоту*.

ПЛАН

Продолжение. Идиот воротился *идиотом*¹¹ из Швейцарии. Между тем бумаги пишет. Дядя понимает и сердится. Несколько объясне-

¹ Далее было: Дя<дя>

² Под строкой начато: [Иде<ю>]

³ Над словом: Когда — знак: ?

⁴ На <с. 142, 144> публицистические заметки, <с. 143> не заполнена.

⁵ Авторская нумерация страниц; указывает на последовательность записей.

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Далее было: (может быть, за дядину

⁸ Было: его

⁹ Дата вписана на полях слева от основного текста. Знак вопроса вписан после даты и поверх тире, которое начинает абзац.

¹⁰ В тексте описка: этих

¹¹ В рукописи: Идиотом

ний. У Генералов. Дядя заранее *ревнует*. У Генералов Идиот не идиот,¹ а, напротив, с треском. Мил и скромн. (Генеральша — тип, особенно благосклонна.) Генерал в восторге. (Нельзя сердиться² и некому мстить, а душа его полна ядом.)³ Геро встречает его ядовитыми насмешками, но к концу вечера он ей нравится (жених дочери — камергер).

— Возвратясь, дядя делает сцену. Он предлагает дружбу, но прочь наследство. «По конторе же хочу работать и считаю себя полезным».⁴ Это язвит дядю; он принимает, но мучается. Геро поразила Дядю, и он и сам бы рад этому. — «Женитесь сами». — NB. (Разные истории о дяде. Подставить и подкрасить дядю.)

— Таинственные сношения с Умецкими, с Умецкой и женой. Ребенек.

— На другой день вечера⁵ у Генералов. Посещение Ганечки. Несмотря на то, что Ганечка слышал, что он предназначен⁶ Геро, — он с ним очарователен и хочет дружбы. (Он с блеском служит, где ничего не делают.) Идиот сух, но его так пронимает прелесть Ганечки. (NB. Оригинальность разговора.) Он посещает жену.⁷ Жена свое на него впечатление. Но он⁸ и стыдится и боится еще признать.

— Геро продолжает насмешками. Генералы и Дядя еще с полными надеждами. Геро вызывает его на объяснение. Он разом говорит ей, что никогда не может быть ее мужем, и не *старается* об этом нисколько, и от дядиных денег он отказался совсем. Удивление Генералов. У него своя квартира.⁹

— Сожженный палец. Зажигают. Растлил Умецкую.

— Геро, как только услышала, что он отказался от нее и от денег, вдруг заинтересовалась им. Между тем Ганечка к нему, и он становится таинственным покровителем и учителем Ганечки и Геро. (Сестра его тоже к нему и отказывается<ся> от Камергера.) Бурда и гроза в доме.

(Его роман¹⁰ с женою течет параллельно и особо. Он с женой *откровенен*? С Умецкой *по-своему*, но без Умецкой он жить не может. «Я не таким приехал из Швейцарии».) <с. 140>¹¹

¹ В рукописи: Идиот

² Далее вычеркнута закрывающая скобка.

³ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Возможно, описка, и следует читать: вечер

⁶ Было: жених

⁷ Далее было: и думает

⁸ Было начато: Он

⁹ Далее было начато: (Сож<женный>

¹⁰ Далее было начато: течет п<араллельно>

¹¹ На полях слева каллиграфические прописи: Parisiis, La, S, [Senat], Senatus Po<pulusque Romanus>, Petersbourg, Moscou

ДЛЯ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Я написал фантастический роман, но никогда более действительнее характеры (жажда любви и правды, гордость и неуважение к себе). (Беспрерывные обиды будто бы получаемые.)²

— Между тем, продолжая быть Провидением Ганечки и Геро, он ревнует³ глубоко и даже *про себя* втайне Ганечку к Геро. Вдруг Геро обливается слезами и объявляет Идиоту,⁴ что она любит *его*.⁵ Тогда он с злобным торжеством говорит, что он *женат*.

— Что он женат — тотчас же распространяется. Негодование всех. Смотреть жену его. И проч.

— Геро и жена.

— Он до того мучает жену, которой гордится перед людьми будто бы,⁶ что та повесилась.⁷ (Дядя, который влюбился в его жену, вместе с ним (сцена) ищут, не повесилась ли она.)

— Или с Геро ищут. Здесь он окончательно изъясняет Геро, как мучил ее. Она повесилась. (Ребенок умер прежде того.)

Для романа с женой. (NB. С возвращения сурово оскорбителен. Но она привыкает. Он с ней конфиденциален. Сначала с упреками, но, видя, как она это принимает (как Мадона), — становится экспансивен, исповедь, и без нее жить не может. В одну из этих минут бросается к ногам ее и говорит, что любит. Чуть-чуть не счастье. Но всё рушится. Гордость одолела. И когда привлек к себе Геро — (растлил).

— Сцены с Генералом, Дядей, Ганечкой.

— Ищут труп жены с Геро. (Геро бежит к жене его.)

¹ Авторская нумерация страниц; указывает на последовательность записей. Цифра вписана в верхнем левом углу страницы, но до этого такая же цифра была вписана и вычеркнута у текста: — Между тем ~ Ганечку к Геро.

² Заметка: ДЛЯ ПОСЛЕСЛОВИЯ ~ получаемые.) — обведена чертой и отделена от последующего текста. Под ней и в середине страницы каллиграфические прописи: Aquarpendente, А, ДлЯ, Ганечка <2 раза>, Аq, А, Aquarpenden<te>, Aqua, Р

³ Далее было начато: вт<айне>

⁴ Было: Ганечке

⁵ Далее было: [Тогда] К нему.

⁶ Вместо: которой гордится ~ будто бы — было: которая гордится и [уми<рает; >] топится

⁷ Было: топится

Жена завещала им: «Любите друг друга».¹
Но во время поисков Исповедь и — «Я не люблю тебя».²

————— <с. 139>

Он Ганечке и Геро пособляет, но с глубокой завистью. Геро проникает его и преследует сарказмами (*а он сам глубоко презирает себя*).

NB? (В одну из этих минут Геро *отдается* ему, торжество его,³ и он ей говорит сейчас же после этого, что он женат.)

— Геро больна. Он с женой и с ребенком и мучит жену. (Дядя и показы⁴ жены. Генерал.) Он всех прогоняет. В это время к нему Геро. Ребенок умирает. Она повесилась. (Умецкая.) Ищут. *Полные объяснения: «Я из зависти. Я никогда не любил тебя. Я ее потерял».*⁵

— (NB. Или яд. Обвинения. Аптекарь. Вл<адимир> Умецкий и проч. — «Да<, > я отравил».⁶ Письмо.

А сцена о том, как они ищут: не повесилась ли она? Это прежде с дядей. И тут-то он падает к ногам ее и говорит, что любит. Он нашел ее с ребенком и Умецкой на пустынном берегу Невы⁷ у пролуби.⁸ Ребенка отдавала Умецкой. Привели домой. Падает к ногам: «Люблю тебя одну».⁹ Всё прощает.

— Но растления Геро не простила и отравилась.

=====
Характеристика.¹⁰ Великодушные начала, детство. *Зависть*. Негодование. Наросло у Генералов. Наросло у Дяди. Зажигал и карикатурил у Умецких. В Швейцари<и> накопилось. Хотел приехать гордым и великодушным; но обманул себя;¹¹ завистливая гордость только его мучила. Презрение к себе. Жена¹² его всё в нем оправдывала и утешала его прощением. Письмо к нему — *в случае если заметна будет отравка*.

? NB. (Или натуральная смерть, в сумасшествии. Геро тут же. Письмо к нему, еще за неделю написанное у Умецкой. Она была образованная.) <с. 138>

¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ торжество его — вписано.

⁴ Было начато: свид<анья>

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи далее точка.

⁸ Так в рукописи.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Слово выделено слева круглой скобкой.

¹¹ Далее было начато: гордо<сть>

¹² Было начато: В

1) Приезд. В вагоне.¹ Свидание с Дядей. Недосказанные слова. Вагон. Следил за Генералами. На станции. Наступил на ногу Геро. Хотел сказать комплимент. Геро и Камергер особенно. Несколько грубостей в разговоре. Разбил вино. Хохот. Воротился<,> бросил деньги и убежал.²

2) У Умелых. Резкая постановка. Взаимные требования. Характеры. Объяснения.

3) Умелая и он. У жены.³ Ребенок его.⁴
— «Знаете ли вы мою историю<?>»⁵ (Вкратце, но ясно. Прошедшее, настоящие цели и причины.)⁶

4) Генерал и Дядя.⁷ Занять деньги. Видит его, приглашает вечером.⁸ (Объяснение.⁹ Дядя высказывается о происхождении идиотизма и кроме того отчасти ревнует. Высказывается о Геро).

<—> Какие твои намерения?

<—> Я пойду утром. Я заеду часов в 12.¹⁰

5) На другой день. Борьба и тревога Идиота.¹¹ Объяснение с Отцом. Семейное утро. Всех очаровал. Остается обедать. Дядя уезжает опрокинутый.

6) У жены. С Умелой. Фантастические разговоры. С женой горячо, нетерпеливо и пламенно. О своих планах, об идиотизме.¹² Экцентричность.¹³

7) Объяснение с дядей, отказывает<ся> от денег. Посещение Ганежки.¹⁴

8) Вечер у Генералов. Геро. Дядя. Насмешки.¹⁵ Бешенство и проч. Сжег палец.

¹ В рукописи: Вагоне Текст: В вагоне. — вписан.

² Вагон. ~ и убежал. — вписано по верхнему правому краю страницы.

³ Было начато: Зн<аете>

⁴ его — вписано. Далее было: Знаете

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ — «Знаете ~ причины.» — вписано.

⁷ Незачеркнутый вариант: Он и Дядя.

⁸ Генерал и Дядя. ~ вечером. — вписано.

⁹ Было: Дядя

¹⁰ <—> Какие ~ в 12. — вписано.

¹¹ Борьба и тревога Идиота. — вписано.

¹² С женой ~ об идиотизме. — вписано.

¹³ Далее было: (Растлил?) (NB. Сильно вопросно???)

¹⁴ Далее было: С [Умелой] Геро. Насмешки. Бешенство и зависть.

¹⁵ В рукописи запятая.

9) (Растлил Умец <кую> и зажег дом.) Разочарование. «Лучше бросить всех и всё? Я не таким приехал из Швейцарии»¹ и т. д.

2-я часть. (NB. Не забыть объяснения с Генеральшей и сестру и проч. Геро своя роль насмешек и вызовов. Дядя своя роль. (Дяде открывает, что он женат. Дядя сам не хочет говорить об этом Генералу.) Особенно высказывается Ганечка в тревоге. Камергер льнет к нему.

Р. S. ? NB.²

Он³ Князь.⁴ Идиот. Всё на мщенин. Униженное Существо. Невесту⁵ брата.

Отказался от дядиных денег. На конторе, дуется.

Князь⁶ Юродивый. (Он с детьми.) ?!⁷ <с. 137>

Вызвал их для эффекта, чтоб произвести громовый эффект. Отказаться от Дяди и от Генерала и от наследства. Он слышал, что Генерал об нем интересуется.

— Как? ты всех привезла с собой <?>

— Я слышал о пытках.

Отказался от Геро. Торжество.

«Женюсь».⁸ (Семейны <е> вечера.) Сцены и страдания. Геро в насмешках.

Илье:⁹ — Женитесь вы.

<—> Хорошо.

Он к Геро. (Геро ласковее и кокетничает. Не замечает Дядю.)

Предлагает Геро: «Я бросаю всё».¹⁰ Она ему: «Я выхожу за дядю»¹¹.¹²
Ядовитое письмо.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Далее было: (Может быть, он тут-то и показывает свою жену). Слева от текста каллиграфические прописи: Ногасе, Н, Князь

³ Он — вписано над строкой.

⁴ Далее знак: #

⁵ Незачеркнутый вариант: Жену

⁶ Князь — вписано.

⁷ Он Князь. и Князь Юродивый. (Он с детьми)?! — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют и иначе поставлены знаки препинания: Предлагает Геро. «Я бросаю всё»:

¹¹ В тексте описка: дядя

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

Он к той. Брака еще не было.¹ Та бежит повеситься не зная куда. Оба ищут. Нашли. (Простудили ребенка.)

— Сумасшедшая, Илья над нею.

Он ей (сейчас² после письма Геро) ответ.

Мадона его отвергает совсем.³ «Не кажись на глаза».⁴ Сцены с Ильей. А между тем работает над Геро. У Ильи и Мадоны готовится брак.

(«Ты мой богатырь».⁵ (Илье.)

Любит. Полусумасшедшая.⁶ А потом перед сватьбой, когда Идиот к ней, потому что Геро отказала, — топиться.)⁷

Перед браком в три ручья; «твоя, бежим». Он той: «Бежим».⁸ Та повеситься.⁹

Растлевают ее.¹⁰ Ищут! повесилась.

Он Геро: «Я не любил вас, я не люблю вас, я ненавижу вас».¹¹

NB. (В Антракте со счастьем расстроил свадьбу Сестры и сбил с толку Генерала и дипломата, дав дипломату совет, как отказаться от Геро.)

Главное Зависть и гордость.

Раздражительное самолюбие. Рассказывает Дяде (у¹² себя в кружке Илья и Мадонна), как он, у Дяди бывши, золота хотел.¹³

¹ Было: Перед браком.

² Было: еще

³ совсем — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Далее было: а перед

⁷ («Ты мой богатырь». ~ топиться.) — заметка в правой части страницы.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Вариант: Он той: «Бежим». Та повеситься. — вписан между строками и заключен в рамку.

¹⁰ Далее было: Та умерла. На полях заметка: Геро. Не выдержал, страсть. Растлевают ее. Ниже: (Отравляет?)

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² Было: в

¹³ Заметки: NB. (В Антракте ~ Геро.) и Главное Зависть ~ золота хотел. — находятся в левой и правой частях страницы и отделены друг от друга чертой.

Он с Геро искренен, тем и прельстил.¹

————— <с. 136>²

1 стра<ница>

— Или: в доме воспитанница.

— На ней Генерал и женится, ревновал.

— Но она, испуганная, из-под венца бежала.

— Отыскивают.

БЕГЛЫЙ ПЛАН. Точки

— 1) Смерть матери внезапная от расширения сердца. Семейство. Серединное обозначение. Генерал. Тост. Аксантированная сцена.

— Генерал и Семья. Не без описания (постороннее мнение друга Яши, что отравил). Ссоры, грозы, ужасы. Проклятия и на могиле. Юродивый.³ Генерал сам (история). («Отчего они со мною не хотят?») Разговоры и сговоры. Старший. Примирение с ним. Заговор окончательный бегства. 15-летний Яша («не хочу покориться»)⁴ Коля. Дети Умецких (дикари). Ольга Умецкая. Примирение с старшим. Три дня радости. Грозный разрыв. Выгоняет Старшего.⁵ Бунт Коли и бегство. Бегжит отыскивать. (Свидетельствовать Сестру.)⁶ Примирение. Женится.

— Общее недовольство. Негодование. Речи. Юродивый улаживает. (Женился.) (Может быть, на воспитаннице. Может быть, и накануне свадьбы.)⁷ (Характер. В⁸

2-я часть)

Свидетельствовать сестру во 2-й част<и>.⁹

Высечь Колю —

¹ Росчерк пера. На полях помета: Деревня.

² На странице декоративный и портретный рисунки, а также каллиграфические прописи: Monte-Rotond<o> <2 раза>, Monte-Rotondo <8 раз>, Мо, М, Mon, Monte-Roto<ndo>, Pr, Richmo, Князь <2 раза>, Rol, Richmond, Геро, Richard <3 раза>, [Monte], Ричмонд

³ Было начато: С<тарший>

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее было: Ко<ля>

⁶ Далее было: Жен<ится>

⁷ (Может быть ~ свадьбы.) — вписано и обведено чертой.

⁸ Не закончено.

⁹ Свидетельствовать сестру во 2-й част<и>. — вписано и обведено чертой.

«повешусь».¹
В горячке.²

Р. S. 2-й)³ Может быть это 17-летний наивный ребенок, и сначала она приняла уже тон⁴ супруги. (Журнал 2-й №. А 1-й № Генерал сам поощряет.) Ссорится с детьми, даже дерутся, и вдруг бежит с ними со всеми.⁵ Генерал заревновал к Старшему сыну. Ужасные сцены.⁶ Умецкие тоже.

3) — У Юродивого целое стадо собралось. (Старшему 21 год.)
(NB? Умецкие, их роль. Старший. Юродивый.)

Ольга Умецкая.
Зажжение дома.⁷

Юродивый знает, где скрылась дочь Умецкого.⁸ <с. 131>⁹

Лицо Идиота.¹⁰ Чудак. Есть странности. Тих. Иногда не говорит ничего.

Н <а> пр <имер>: Есть где-нибудь у него на Петербургской мальчик. Он к нему. (Весь в детях.)

¹¹Он вдруг иногда начнет читать всем о будущем блаженстве. Иное не знает, сомнения, совершенно на равной ноге.

Идиоту 19 лет, скоро 20.

— Обругались дураками.

— Пошел к 12-летнему мальчику прощения просить.

— Он Умецкому: «Отдайте мне детей».¹² Умецкий с него хочет денег взять.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи: в Горячке. Текст: Высежь ~ В горячке. — вписан в правой части страницы.

³ Р. S. 2-й) — вписано.

⁴ Автором исправлена описка: тот

⁵ Записи: Может быть это 17-летний ~ тон супруги. и Ссорится с детьми ~ со всеми. — связаны соединительной линией.

⁶ Ужасные сцены. — вписано.

⁷ Ольга ~ дома. — обведено чертой.

⁸ Юродивый ~ Умецкого. — вписано в правом нижнем углу страницы.

⁹ На странице каллиграфические прописи: Herculanum, HERC, HER, Moscou <3 раза>, Москва <2 раза>, St. Petersburg <2 раза>, St. <2 раза>, St. [Petersbo], Н <2 раза>, Horace <3 раза>, Pete<rsbourg>, St. [Petersb] Ближайшие <с. 132—135> не заполнены.

¹⁰ Запись с элементами каллиграфии.

¹¹ Знак абзаца.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

— Отверженный с детства сам, Идиот¹ страсть к детям получил. Везде у него дети. Идиот и родильница.

— Раз высказывает всё Генералу. Ему 26 лет. Как он приехал — все над ним смеются. Особенно поразил детей анекдот, что он у родильницы принимал.

? ГЛАВНОЕ² — Характер его отношений к детям. Очень слабое здоровье.

NB. Случай, где Идиот весь характер показывает.

Дело было вот как:

— Идиот в Саратовской, когда содержатель ее бросил, принял Настю, она родила у него на руках и проч. В муках и бешенстве (что ее бросили) ЕГО же бранила и насмеялась над ним, а потом в ногах у него ползала. Наконец влюбилась в него, тот и руку предложил, и убежала. («Я бешеная, я прощения не прошу, я поганая».³)

Сделать

: ОКОНЧАТЕЛЬНО:

⁴Он с ней соглашался и верил, что он точно такой, каким она его кривляет насмеяясь. Та удивляется его⁵ простоте и смирению.⁶

<—> Учите меня.⁷

<—> Да вы больная теперь.

<—> Ничего, ничего.

Учите: да, да! Это так, я хочу научиться, — и рассказывает, дрожа в лихорадке, как она отомстит!

<—> Я поганая, я злая, я правды не признаю, я взросло⁸ поганая — я пропащая.

Всё образование, что от Идиота получила.⁹

Пришла к Умеким, тут перехватили и били. Сын заступился, увез,¹⁰ в Петербурге (в этом вся вина) и влюбился. Она насмеялась и бросила. Прачка. Тут она действительно в Сына влюбляется и решается блядовать. Идиоту говорит: «Я тебя вместо Бога почитаю, а его люблю».¹¹

¹ Было: он

² ? ГЛАВНОЕ — вписано.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Знак абзаца.

⁵ Далее было: простоте

⁶ Сделать ~ смирению. — вписано слева от текста: NB. Случай ~ я поганая».)

⁷ В рукописи двоеточие.

⁸ В тексте описка: взросло

⁹ <—> Учите меня ~ получила. — вписано на полях вдоль основного текста.

¹⁰ Было: вывез

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

То к нему (Сыну) со всеми Стыдами (бури, слезы и увещания Идиота: «Да, да, это так!»¹ — и вдруг бежит топиться) и проч. «Сокол ясный».² Страстная.

NB. Сначала ее христианство Идиота проняло.

А потом Сын. NB. Сама же удивляется себе: «Как могу я помыслить, чтоб этот неопытный мог быть моим мужем<?>»³ Когда уже блядует — услышала о Геро и ревнует Сына,⁴ подсматривает за ним.⁵ <с. 130>⁶

4 стра<ница>

Главное. Генерал отдал последние 12<000> р. Умецкому в оборот.

— Долги и имение в 12 000.⁷

— Умецкий что-то мошенничает в Петербурге. Он рад, что сбыл дочь богатенькому Сыну.

ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНА. — Ганечке 20-й год. Он от второй жены. Состоянище у всех детей маленькое. Генерал давно уже прожил капитал.

— Идиот от первой жены, 26 лет. Он богат. И только что получил.

— Генералу Умецкий сватает Устинью Алексеевну, вдову-поручицу, <—> лихая, получила воспитание, развратная, <—> дальнюю родственницу жены <—> Умецкой. Живет с капитаном Павленко и на содержании у Троцкого. Павленко и Устиния лупят Троцкого.

Устинья хочет для чину и думая, что у Генерала есть деньги и пенсия. 27 лет, пора пристроиться.

— Она-то (Устинья) по просьбе матери и по желанию Насти, которую били, увезла Настю в Петербург. Но Настя, вместо того, чтоб блядовать, пошла белье мыть. Она только не хотела выходить за Сына. Ее характер: «Не хочу просить прощения».⁸ Насте⁹ 20-й год. Отец

¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁴ В рукописи: Саню Вероятно, подразумевалось: Сына Ср. на <с. 123> рукописи: «о Саше» исправлено на «о Сыне» (см. с. 205).

⁵ Ниже знак: |=|

⁶ На полях сверху проба пера; на странице каллиграфические прописи: St. Petersburg, Москва, [Mon], Monte-Rotondo <2 раза>, М, Roma, Romanum-Imperium, Бедные Люди, Pius Papa Nonus, Julius Cesar <5 раз>, J <2 раза>, [Ca] <2 раза>, Caligula, Marcus

⁷ — Долги ~ в 12 000. — вписано в два приема («— Долги», строчкой ниже «и имение в 12 000»).

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Было: Ей

ее преследовал. (NB. Устинья когда-то была воспитанница Умецкого и жила с ним. Поручика напоили, и ее выдали б<е>ременную. Саша сын ее 14 лет, воспитывается ею.¹ Друг с этими.)

Генерал влюблен страстно в Устинью.

²А сын отыскал Настю. Мучает ее. Следит за нею. Она, наконец, принимает предложение Устиньи и связывается с каким-то, чтоб Сына отгадить. Но тот только мучается и убить хочет. «Какой ты муж?»³ Ему 20-й год.

— Умецкий⁴ следит за Настей и хотел бы ей сделать зло. Но Устинья имеет на него векселя и держит его в руках.

— Отец Сыну не позволяет. Да Сын и не спрашивает. Устинья развратна и страстна. Ей Сын понравился. С Генералом сражение с Сыном.

(NB. Вошел вдруг Павленко, наделал шуму. Устинья⁵ сказала: «Мои гости».⁶ Генерал молчит. Оскорбление дочери. Яша. Общая сцена. Пощечина.)⁷ <с. 129>

— Устинья не⁸ дочь Умецкого от 1-й жены — (жила с отцом). Остальные дети от 2-й жены.⁹

NB. Генерал женится. Умецкая узнает, что у него ничего. Смеется над ним и уходит. Развратное поведение ее. Генерал за нею. Страстно

¹ Далее зачеркнута закрывающая скобка.

² Знак абзаца.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Было начато: Усти<нья>

⁵ Было начато: О

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁷ Далее знак: × Продолжение под таким же знаком на <с. 128>.

⁸ не — вписано позднее чернилами более темного оттенка.

⁹ Предложение: Остальные дети от 2-й жены. — имело силу, когда в предыдущем не было частицы «не». С ее появлением слово «остальные» теряет смысл. Правка не завершена. Текст отмечен знаком: × Далее было:

— Умецкий, старый друг Генерала — вместе женились, вместе и прогнали жен. У Умецкого 1-я жена повесилась.

— Когда Сын узнает, что отец женится на старшей сестре, — он в исступлении.

— Хотя [отец] Генерал и знал, что Сын сватался, и история была, но он знал, что Настя убежала и не хочет. Когда же он сошелся и уже жил с [Умецкой] Устиньей, Сын узнает, что женится на сестре. Из этого бои и грозы.

Слева от текста: — Хотя [отец] ~ грозы. — помета:

? NB

Нет родни.

влюблен. Соглашается переносить и разврат.¹ В это-то время ощущает потребность Семейства. Убивает жену.² <с. 128>³

Нет родни. В то время как Устинья обманывает его, мирится с Сыном старшим, который за него заступился. Вместе разыскивают Настю (которая, впрочем, жена, Насте 19-й год.⁴ «Какой ты муж?»⁵).

— Настя, вначале, хотя и вышла за Сына, но хотела убить соблазнителя (из хлеба, старичонка). — Все ставят в стыд (характер ее буйный, неподклонный, бешеный, сумасшедший).

NB.⁶ Или еще не вышла Настя за него, а просто бежала, чтоб не сделать его несчастным. А он пуще за ней.

Настя⁷ в Петербурге колеблется, мучается: выходить или нет?⁸ — Потому что сама влюблена, даже назначает,⁹ что выйдет. Но при 1-й ссоре⁹ решает, что нет: «И он мучить будет, и я его недостойна, да и никому я не подклонна»,¹⁰ — и решает<ся> следовать совету Устиньи. Та ее сводничает и проч.

— Сын в отчаянии, но хочет простить и это. Настя тронута. Генерал соглашается. Сватьба назначена. Но¹¹ Настя колеблетс<я> (гордость ее) еще более. Сын приревновал, чаша переполнилась, и Настя перед браком утопилась. (Это характер прежнего Идиота: великодушие, озлобление, гордость и зависть.)¹²

¹ Далее было: К С <ыну>

² Текст: — Устинья ~ Убивает жену. — расположен в нижней половине страницы и обведен чертой.

³ По-видимому, или <с. 128> должна была предшествовать <с. 129>, так как на <с. 131> стоит помета «1 стра<ница>», а на <с. 129> — «4 стра<ница>», или автор ошибся при нумерации страниц. Большая часть <с. 128> занята каллиграфическими прописями: St. Peterbou<rg>, Moscou, Genève <в рукописи: Geneve>, S <3 раза>, Londres <2 раза>, Julius Cesar <8 раз>, St. Peterbourg <3 раза>, Constantinople, Bonap<arte> <2 раза>, N <3 раза>, Napoleon <2 раза>, Pius Papa Nonus, Victoria, Bonaparte, Ju, Jul, Napoleon Bonaparte <2 раза>, Hamlet <2 раза>, [Pri], Nero, R

⁴ Было: [23]20-й год[а]

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

⁷ Настя — вписано.

⁸ В тексте описка: назназначает

⁹ даже ~ ссоре — вписано.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Далее было начато: Сын п<риревновал>

¹² (Это характер ~ зависть.) — вписано.

НВ.¹ Генерал не женился на Устинье,² хотя и³ подличал. Выгнал ее.

НВ. Но Устинья успела взять с Генерала вексель в 10 000 р. и за-
садила его.

— Идиот выкупил. Он болен. Дети. Принял ужасное участие
в Сыне и в Насте. Возвратил к семье. Позволил Сыну жениться на
Насте. Отыскивал ее, когда та убежала. (Сын Байроновский характер.
Мрачен.) И вдруг Генерал (когда уже давно всё разорвано с Устиньей),⁴
берет нож и идет резать Устинью. Не успел <, > прибили.

— Стало быть, вся эта нежность и возвращение к семье и Сыну
была психологическая черта: и вдруг убил.⁵

Насте⁶ 22 года. Отец преследовал ее еще 20-летнюю, когда еще
мог.⁷

— Она Сыну: «Ну за что я тебя загублю прекрасного, милого».⁸

Настя имела право бежать, но отец бил и мучил, как зверь. *Зажгла*
дом, попалась. А тут Сын: «Женюсь, и если вы смеете...»⁹

А жена Умецкого и Устинья усмирили Старика. Началась было
свадьба, и вдруг она бежала.¹⁰ <с. 127>¹¹

НВ. История начала любви Сына: Когда ее били и запирали и ког-
да она с Ольгой *зажгла дом*, — его жалость взяла. Он заступился и
не дал. Увез, запер. С Устиньей в сношения вошел? Устинья даже его
мимолетом соблазнила (это-то и ужасает Сына, когда Генерал женить-
ся на Устинье хотел) —¹² но это было мимолетно, и когда Сын вдруг

¹ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложе-
ние.

² Было: Умецк<ой>

³ Далее было начато: вы

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Текст: — Стало быть ~ убил. — отчеркнуто слева вертикальной
линией.

⁶ В рукописи: Настя

⁷ Незавершенная правка: Насте ~ преследовал — зачеркнуто;
Насте 22 года — восстановлено. Вторая часть записи осталась невы-
черкнутой.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ А жена ~ бежала. — вписано на полях.

¹¹ На странице геометрический рисунок, архитектурная деталь,
пробы пера и каллиграфические прописи: Женева <2 раза>, [He], Ж
<3 раза>, У <4 раза>, Умец<кая> <4 раза>, Умецкая <4 раза>,
Же<нева>, Ур, Урвано, Настя <4 раза>, Ул, Улучш, Жени<х>, Julius
<3 раза>, Саратов, Julius Cesar <4 раза>, Н, На <2 раза>, Умец-
ка<я> <2 раза>, Достоевск<ий>, Jul, Sinl, Je vous

¹² Далее было начато: и к<огда>

полюбил Настю (дикий, бешеный характер, «прощай не прощу»,¹ а Сына обнимает), то вдруг предложил руку: Она ему: «Как я тебя загублю<?>»² Однако, так как всё дело в ней, решилась. Мать согласна, Устинья смастерила, а она и бежала накануне брака.

Устинья ей не сестра.³

ЧЕРТА: Генерал перед браком в превосходном расположении духа, сходится<я> с семейством и даже мирится<я> с Сыном. (Журнал и проч.) Но всё через край: Если мирится, то и дружится. *Рассказывает всю свою жизнь* — (тут-то характеристика лица) и наконец когда объявляет о своем браке — ссора.

(Перед этим Сын пришел несчастный.⁴ Она послушалась сестры и убежала. Он в презрении хотел было забыть ее и пришел в семью. Идиот. Но после ссоры опять к ней бежит. А то было уж Генерал утешал его.)

— Ей 23 года, оставалась, потому что ей детей было жалко (а пошла из хлеба). Жила с тем открыто, рядом в усадьбе, совершеннолетняя. (У того рука по губернии.) Тот вдруг уехал и ее оставил. Она бежала от него. Отец перехватил, и бить, и запер... Сын заступился.

Всё остальное как было:

Т. е. Насте — 23 года.

Устинья⁵ — 31.

Воспитанница в Суздаль.

Влад<имир> Умец<кий> рад бы преследовать Настю.

Сын, 21 года, от 2-го брака.

Идиот от 1-го, 26 лет (с капиталом), был за границей. Из-за границы прямо в деревню к Умецким. Образован и чудак.

Сначала Генерал хотел жениться на ребенке <—> воспитаннице. Но приехала тетка взять сестру, «ну, хочешь иль нет<?>» Залилась слезами: «Нет, нет, не хочу!»⁶

— Нет, не хочу.

— Хочешь со мной ехать<?>

— Нет, не хочу.

— Так что же ты хочешь?

— Я к Ивану Николаевичу (Идиоту) хочу. И таким образом в любви объяснилась.⁷

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее знак абзаца.

⁴ В рукописи запятая.

⁵ Было: Умецкой

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Текст: — Нет, не хочу ~ в любви объяснилась. — записан в нижней части страницы.

¹А всё гордилась, и никто бы от нее не подумал, единственно чтоб с детьми спорить. Прощаясь же с детьми, обнималась и обливалась слезами, и те тоже. Уехала² в Суздаль.³ <с. 126>⁴

13

Первая часть в деревне. (Может быть.) ОЧЕНЬ СЖАТЬ НАДО:

⁶Начало, как Идиот с ней, и с детьми, принимает, сцены, 2 главы. Она бежала.

— Очутились в деревне. Картины Умецких, Генерала.

— Битье. Старший сын взял с бою. Генерал заступился.

— Между тем: Деспотизм⁷ Генерала, Сцены с Сыном, за Мать.⁸

Яша, считающий себя не любимым (походы, прятание, игры, дети Умецких и дети Генерала, ребенок Умецкой. Ольга Умецкая), воспитанница и ее роль в доме. Генерал подбирается к Устинье. Сын с Устиньей. Яша не хочет просить прощения.⁹

— Генерал не выдает Насти. Битва с Умецкими.

— Ревность Генеральши к Насте. Укоры. Настя в бешенстве: «Я не поклонная, я прощения не прошу».¹⁰

— Убегает с Сыном, устраивает Устинья. — «Ты, Устинья, хоть и стерва, но услужить умеешь!»¹¹ (Вообще она всё время в натянутом исступлении.)

— Генерал на Генеральшу. Внезапная смерть. Расширение сердца.

— Похороны: «Сегодн<я> только начинаю жить!»¹²

— Потом повел на могилу.

NB. (Дети знают Идиота и вспоминают о нем.)

¹ Знак абзаца.

² В рукописи: Уехали

³ Текст: Сначала ~ Уехала в Суздаль. — записан в правой нижней части страницы и обведен чертой.

⁴ На странице архитектурные детали и каллиграфические прописи: Видимо, Д, С благоговением, [Умецкие], Умецкая <2 раза>, Уме, Н, Милос, У <2 раза>, Аsin, Умецкие, Нико <заштриховано>, История, Черта <2 раза>, Москва, Женева <4 раза>, Нику, Же<нева>, Же<не>, Ж, Julius Cesar

⁵ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

⁶ Знак абзаца.

⁷ Было начато: Дес<потизм>

⁸ Над словами: за Мать — знак: NB

⁹ В рукописи далее закрывающая скобка.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

— NB. По отъезде Соблазнителя она жила в его доме в деревне. (Заезжала только Устинья.) Идиот ходил утешать. Она ждала, нет писем! Мученья, родила, *Идиот принял*. Приходит письмо-отказ и 10 000 р.¹ Болезнь.² «Ну, теперь!»³ Тут-то Идиот и предложил руку.

— Когда жена умерла, Генерал, увидев Яшу, говорит: «Ты, ты убил ее!»⁴ Яша хотел повеситься. Потом на могилу.

NB. И тут мельком любовь Генерала к детям. Смешные сцены.

— С Умецким сошлись. (Устинья — утешительница.) Умецкому продал имение. Детей взял, и в Петербург.

— Генерал думает в Петербурге о месте. (Кредиторы.) Всё лопнуло. Перед приездом Идиота 2-я часть (ложки закладывали). <с. 124>⁵

II⁶

— Когда же Генерал (2-я часть) порешил с воспитанницей, на стороне пошло с Умецкой. Воспитанница ревновать. Тот на нее и на дочь и проч. Так что с Умецкой уже было готово, когда воспитанница отказалась.

— 1-я часть. Яшу высек; оказывается, что Яша невинен.

— NB^{*}. Идиот думает, что он *урод собой*. Раз, когда он утешал ее и мечтали с ней, — у них было началось, что-то нежное. Идиот убежал. Потом, когда пришел на другой день, — она смеяться над ним.

— Ушла она <, > не убежала. А как сговорились жениться, — она на другой день руку ему поцеловала и ушла (объяснившись отчасти, оставив его в глубоком изумлении).

— Сын Умецкой в деревне: «Грязная вы какая! Душа у вас грязная».⁷ Из этого любовь (действительно) и ненависть. (Сыну 21 год.)

¹ В рукописи далее закрывающая скобка.

² Болезнь — вписано.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ На полях вверху, слева и справа каллиграфические прописи: J <2 раза>, Julius Cesar <4 раза>, Хронология <3 раза>, Пе<тербург> <2 раза>, Пете<рбург>, St. Petersburg, Berlin, Rossini <3 раза>, Lutetia, Paris, Marcus Aurelius, Marcus, П, Женева <3 раза>, B, Jules Cesar, Христос <2 раза>, Сара<тов>, Сар<атов>, Хр

<С. 124> помещаем ранее <с. 125> на основании нумерации Достоевского (<с. 124> — «I», <с. 125> — «II»).

⁶ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

NB. — Умецкая, напротив, преследует Настю, а не помогает. И тут же (еще в 1-й части) Старика на Сына¹ восстанавливает.

— Она с Идиотом² в начале, про него слышно было, что он с детьми возится.

— Идиот, когда приехал в Петербург, дети принимают его как фискала. <с. 125>³

10 ноября. ЕЩЕ ТОЧКИ

— Мать уже умерла, 5-й месяц. Сцена у Генерала. Начинается детьми. Жених дочери. Разговоры детей о *всем* и о Сыне,⁴ даже о том, что отравил. Заклады ложек. Тесное время. Идиот не едет. Тост Генерала. Мрачный Яша. Приходит Сын, он слышит о сестре. Все его уговаривают уйти, он не уходит. (Подозрение детей, что он женится на воспитаннице.) («Так ли вы бы были у Умецких?»)⁵

Что он женится на воспитаннице, было давно известно. Официальное известие (от жениха письмо).⁶ Дочь под арестом за колючее обращение с воспитанницей. Яша намерен протестовать. Сыну: «Если ты не хочешь, я должен».⁷ Слух об Идиоте.⁸

— Является Генерал, раздраженный, Сарказмы и ссоры. Дочь, жених, на Сына (уже после как говорил): «Как ты смел явиться?»⁹ Яше: «Ты был причиной смерти матери».¹⁰ Яша восстает и противуречит. «Вон из моего дома!»¹¹ Бегство Яши. Его ищут. Некоторое примирение с Сыном. Сын уходит недовольный. Появление Идиота.

— Генерал обрадовался. Идиоту рассказывает о Сыне (о том, что он хочет сделать предложение).¹² Дети встречают Идиота как фискала. Генеральское предложение воспитаннице, когда остались одни.

— На другой день утром¹³ рано Идиот идет к Насте, заходит к Умецким. Видит брата.

¹ Было: сына

² В тексте описка: Идиотов

³ На полях вверху и слева каллиграфические прописи: Со, Саратов <2 раза>, Умецкая, Berlin <2 раза>, Усманов

⁴ Было: Саше

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. (Подозрение ~ Умецких?) — вписано.

⁶ Что он ~ письмом). — вписано на верхнем поле справа от текста:
10 ноября. ЕЩЕ ТОЧКИ.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Дочь под арестом ~ об Идиоте. — вписано на полях.

⁹ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют, слово «ты» со строчной буквы.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² (о том ~ предложение) — вписано.

¹³ Далее было начато: Генерал в прекрасно <м>

— У Генерала совещание детей. Ольга Умещкая. Прием воспитанницы.¹ Идиот возвращает<ся>. Детский журнал. Генерал в превосходнейшем расположении духа, «ах ты сморчок»² (Яша болен). Генерал возвещает детям о женитьбе. Уходит.

— Дети. Ссора с воспитанницей. (Идиот с воспитанницей.)³ Опять Сын — приходит в отчаянии. Она бросилась в разврат! И это Умещкая сделала!⁴ Маленькое примирение с Генералом. Узнал о женитьбе: «Какая глупость». Вдруг является тетка. «Хочешь замуж<?>» — разбирает. «Нет, не хочу! — Я хочу к⁵ Дмитр<ию> Ивановичу».⁶

Генерал в бешенстве к дочери: «Я тебя освидетельствую». Яша, бить! Идиот получает пощечину. «Его бейте, а меня нельзя».⁷ Тетка уезжает рассерженная на дочь и на воспитанницу.⁸

— ИДИОТ с детьми, 1-й разговор («А мы думали, что вы такой скучный»⁹) про Федора Ивановича, про Монблан, про Швейцарию, про историю одного учителя и одного мальчика, про Ольгу Умещкую,¹⁰ о бытии Бога и наконец про воспитанницу-невесту,¹¹ о ее положении будущем, мирит ее с детьми. Говорит и про Генерала. Заключается союз. (Хочет жениться на развратной Сын. Дети говорят с ужасом.) Признание Яши.¹²

Тут появление Умещкой, тетки, Сына, бабу, бить Яшу и проч.

НАДО: Мастерски выставить лицо Идиота.

— Генерал, встретив его и говоря с ним<,> много рассказал ему из прошедшего.

Тоже это тема разговоров детских.

Остановить на любопытном продолжении романа.¹³

¹ Текст: — На другой день ~ Прием воспитанницы. — объединен фигурной скобкой, возле которой помета: Может быть это во 2-й части.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ с воспитанницей.) — вписано.

⁴ сделала — вписано.

⁵ Было начато: Захочу за

⁶ В рукописи в этом абзаце кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи в этом абзаце кавычки отсутствуют.

⁸ Было: Тетка увозит дочь и воспитанницу.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Далее было начато: и нако<нец>

¹¹ Текст: — ИДИОТ с детьми ~ воспитанницу-невесту — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: NB.

¹² Далее штриховка.

¹³ Справа от текста: — Генерал ~ прошедшего. — заметка, выделенная фигурными скобками с обеих сторон: Тоже ~ детских. Правее и ниже запись: Остановить ~ романа.

Побольше важности в романе.

Лицо Идиота.¹ <с. 123>²

Еще точки.

Nota bene.

О том, что она из прачек в разврат, — во второй части.

Сын имеет *odeur*³ отчаянного. Дети его немного уважают и боятся, Сцены Идиота с нею во 2-й главе и *предварительно глава о прежней любви в деревне.*

В 3-й части у Идиота — *Детская* и женская. (Женский труд.)⁴
Часть ночующих и часть приходящих.

Главные перемены: побольше бешености в Сыне.

— Генерал (покамест там школа) таки женится на Умелкой.

— Когда они преследовали Настю (на которой, *может быть*, и женился Сын), Сын крикнул отцу, что жена его б.... и что он это знает.

— Идиот: «Проси прощения».⁵

УМЕЦКИЕ.⁶

ДЕТИ.

ИДИОТ (1-е появление).

ГЕНЕРАЛ <—> безобразие и русская душа.⁷

Генерал дочери: «Беспорядка в доме не желаю».⁸ <с. 122>⁹

¹ Побольше ~ Лицо Идиота. — вписано в нижнем правом углу страницы.

² На странице геометрические рисунки, штриховка и каллиграфические прописи: Еще, [Еще], Ж, У

³ Здесь: репутацию (фр.).

⁴ (Женский труд.) — вписано.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁶ УМЕЦКИЕ — вписано.

⁷ безобразие ~ душа — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют. Генерал дочери ~ не желаю». — вписано в правой части страницы напротив текста: УМЕЦКИЕ. ДЕТИ.

⁹ На странице портретные рисунки (два чернилами, один карандашом), геометрические рисунки со штриховкой и каллиграфические прописи: Москва <3 раза>, Еще точки, St. Petersbour<g>,

— Дети.¹ Бунт. Яша.

— С детьми объяснение, что разорвал. Честь. Сына ждет, чтоб примириться.

— Сын. Проект женитьбы на воспитан<нице>. С дочерью («Ты сердисься, а я вот и разорвал»²).

— Идиот с Умецкой. Объяснения с обоими. Сын говорит. Идиот молчит.³ Объяснение с воспитанницей, перед сном.⁴

— На другой день с воспитанницей⁵ журнал (прежде того Идиот с ней, с мальчиком.⁶ Сцена: о сыне. Об Умецких и детях их).

(Идиот и дети). — Монблан, воспитанница. (NB. Главная Сцена.)⁷

— Приход Умецкой и Умецкого. Что она Сына любит, бешенство Генерала. «Этого быть не может».⁸ Допрос Сыну. С дочерью и с Яшей бешенства предварительные.⁹

— Внезапный приезд тетки: Суд. «Не хочу».¹⁰ Пощечина Идиоту. Прогоняет Сына¹¹ и т. д.¹² <с. 120>¹³

2-я часть: Бунт детей. 3 месяца спустя. И похождения отца.

Идиот в действии: Мальчик, потерянные женщины и проч.

Кончается разрывом за Умецкую. Идиот всех уводит. <с. 111>

1)¹⁴

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ 11 ноября / 30 X

— Идиот и Умецкая, дело начавшееся, рассказ сжатый.

У <2 раза>, Умец, St. Petersbourg <2 раза>, Ж <3 раза>, Урал, Уру<сов>, [Rossini], Урусов, Rossini <3 раза>.

¹ Было начато: С

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее начато:

— Н<а другой день>

⁴ Объяснение ~ сном. — вписано.

⁵ с воспитанницей — вписано.

⁶ с мальчиком — вписано.

⁷ (Идиот и дети) ~ (NB. Главная Сцена.) — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ предварительные — вписано.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Далее было: Бежит Яша.

¹² Далее знак: //

¹³ Соседняя <с. 121> не заполнена.

¹⁴ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей на <с. 116—119, 114>: 1)—4), 5).

— Идиот жил в деревне у Умецких, — (для чего?)¹ никто не может отгадать. Дело в том, что он и прежде жил у Умецких, на покое и на деревенском воздухе. Мачиха² и прежде его не могла терпеть (до 10, впрочем, лет он жил дома), потому что он пасынок и богатый и *Идиот*. Потом при переездах служебных его оставили у Умецких³ в деревне. Рос с старшим сыном и с дочерьми. Потом его отправили в Швейцарию 19 лет. 4 года в Швейцарии.⁴ Воротился прямо к Умецким (отец служил где-то в Симбирск<е>) и за плату нанял<ся>⁵ у них в деревне (для детей), но детей взяли.⁶ Дети жили на *корму* у⁷ дочери, пока она жила с Богдановым. Когда он уехал, их взяли. Идиот заинтересовался положением оставленной Умецкой. (А Ольгу, двоюродную сестру, он встретил одну в доме.)

— Сцены у Умецкой. Надо живее. Вся ее *fugia*.⁸ Насмешки над ним. Ползание в ногах. Получил 10 000.⁹ Она в Петербург. «Выходите за меня, ведь я богат». <—> «Это я ему в харю».¹⁰ Или не лучше ли за срам отцу отдать. <2 нрзб.> (Мишенькой <и>). Руку ему поцеловала и уехала с Умецкой Ольгой (об отсеченных головах). Она рассказывает Идиоту биографию Ольги.

— Идиот за болезнью остался. Ольга с ним.

— В Деревне.

Влад<имир> Умецкий (пьет, плачет, об своих обязанностях разговаривает),¹¹ голодные Дети и приехавший с старшим сыном развитый гимназист 15 лет, его сын.

— Элорадство над женой, над дочерью, над детьми и особенно над приехавшим гимназистом. Высек, слабенькой мальчик. Споры с старшим сыном. Устинья¹² Умецкая векселя. Вдруг является она.

Тут-то он напал. Тигр. Всех заскрежетал. И даже Устинью. Сечет ее под предлогом: «Наказую за разврат и деньги подай».¹³ (Совершеннолетия, но он никаких законов не слушает.)¹⁴

¹ Скобки вписаны.

² Было: Мать

³ Далее было начато: (род<ственников>

⁴ Далее скобка. На полях сверху запись: (Опекуны Идиота петербургские родственники. Они-то и отправили его в Швейцарию.)

⁵ В рукописи: нанял

⁶ Далее было начато: Идиот остался один, но

⁷ Дети ~ у — вписано.

⁸ неистовость, ярость (лат.).

⁹ Ползание ~ 10 000. — вписано.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹² Было начато: С

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

— С другой стороны семья Генерала. Мать, Ганя, Дочь, Коля, Яша, Нина, Воспитанница — немного ревнует. Сам Генерал.

Мать больная. Генерал — отставка и подлейшее положение, «мы нищие!»¹ но Умецкий спасет меня». С женой сцены, «я глава и хочу остаться главой».² Мать умоляет не слушать Умецкого. Ревность за воспитанницу, в доме выросла. Об Идиоте.³ Тетка приезжала, раздразила всех и уехала.

— Дети. Во-1-х, Дочь. НВ. (Дать характер.)

Во-2-х, Коля и Яша с гимназистом Умецким. Яша немного мрачен, ссорится с воспитанницей, мать за него, а Генерал против. <с. 116>

2)

Чтение Стихов. Тетка: «Высекла бы тебя».⁴ С мальчиком-гимназистом. Коля (Ульяну) и проч.

— Вдруг слух; Генерал уезжал на минутку, а Ганя, собрав детей и⁵ подбив за 15 руб. мужиков, ночью похитил из сарая⁶ избитую Умецкую.

— Генеральша, страшно больная и потрясенная, приняла ее.

НВ.⁷ (Устинью до того не принимали, но Ганечка с ней шалил. Капитан Павленко.⁸ Дуэль.)

— Приехал Генерал, вступился. Бой с Вл<адимиром> Умецким. Устинья, которую Генеральша не принимала. Отбили.

— Умецкая, насмешки и проч. Сын ей понравился. (Она красавица.) Генерал слишком сильно принимает, с Сыном сначала заодно.⁹ Дети, гимназисты.¹⁰

— Умецкая начала любовь с Сыном. Ревность Генерала, бешенство. Бешеная сцена с Сыном, при матери. Та догадывается. Умецкая зажигает с Ольгой дом. Сын выхватывает. Она обнимает и целует его. Сцена в огне.¹¹ Умецкая (видя, что уж Генерал так и дрожит над ней, на-

¹ «мы нищие! — вписано.

² С женой сцены ~ главой». — вписано. В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

³ На полях заметка: Спор об Идиоте: «Это всё через вас?». В рукописи: Вас? Кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют, после двосточия запись со строчной буквы.

⁵ Далее было начато: му<жиков>

⁶ В рукописи: Сарая

⁷ Далее было: Умецку<ю>

⁸ Далее вычеркнута закрывающая скобка.

⁹ В рукописи запятая.

¹⁰ В тексте описка: гимназиста. Вероятно, к этому абзацу примыкает заметка под строкой: про Идиота рассказывает

¹¹ Умецкая зажигает ~ в огне. — вписано.

говорила на Сына).¹ Тот прогнал Сына. Уехал в негодовании.² Вступился Яша и нагрубил Умецкой. «Проси прощения».³ Мать против. Умерла (расширение сердца).⁴

— В ночь удрала Умецкая.

— Похороны. Яше: «Ты убил мать». Тост. «Танцуй!»⁵ Яша повеситься, искать его.⁶ Повел на могилу.

Папаша: «Отложим лошадей!» <—> «Едем! Едем!»⁷

Забыл что-то. Его в лихорадке усадили в тарантас.

После как зажгли, она убежала, а Ольге говорит: «Бросайся в огонь, а у меня ясный сокол есть».⁸

Бежит и встретила Ганю. Обняла и дрожит. «Ты, ты один». Застает Генерал и поражен! Старый да беззубый идет (а накануне сорвал поцелуй у ней и целовался уже три дня: «Будешь Генеральшей».⁹ Яша видел и слышал).¹⁰

1

2-я часть. 2 мес<яца> спустя.

— Генерал влюблен до остервенения — разыскал ее. Предложение. Насмешки. С Сыном в ссоре. Но принимает.¹¹

— Но вскоре узнал невинность Сына.¹²

— Вдруг она Ганечку оклеветала. Преследует она его.

Генерал взбесился.

¹ Текст: — Приехал ~ наговорила на Сына). — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: NB.

² Уехал в негодовании. — вписано.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Далее было начато: В

⁵ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

⁶ «Танцуй!» ~ искать его. — вписано.

⁷ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

¹⁰ Папаша ~ слышал). — вписано в правой нижней части страницы.

¹¹ С Сыном в ссоре. Но принимает. — вписано справа от текста: Предложение. Насмешки. ~ невинность Сына.

¹² В рукописи запятая.

Два месяца спустя —¹ всё запущено и распушено. Долги и проч. У Генерала только одно в уме. Мрачная любовь<,> бродит по городу. Заходит к Сыну. Примирение. Клевета. Домой приводит. Радость в доме. «У меня другая мысль: хочу жениться».² Идиот.³

3) Идиот на другой день с Умечкой, мальчик. Об Умечких. Он с Вл<адимиром> Умечким. Журнал. Сватовство (официально). Разговоры Идиота. ГЛАВНОЕ NB.⁴ Генерал как будто поутих, но Умечка сидит на сердце — *будет взрыв*.⁵ Вечером Тетка. Суд. На дочь. Воспитанница прочь. Яша — бунтовщик за сестру. Идиот за Яшу. С Старши<м> стреляться. Генерал нездоров.⁶

3-я часть. Финал.

Сын оборвал с нее платье (она блядовала), дуэль.⁷ Она: «Выхожу за Генерала». Тот в сумасшествии — «Женюсь!»⁸

NB. — Она таки соблазнила Сына. Тот в отчаянии и сорвал. «Выхожу за Генерала». Она дала-таки пощечину Троцкому в публике. Сын опять за нее заступился и тут-то и соблазнился ею. Потом оплевал. А она: «Буду Генеральшей».⁹ Идиот. Заведение.¹⁰ <с. 117>¹¹

3)¹² *Надо иль не надо оставленную в деревне<?> (Сцены с Идиотом?)*

Дочь вышла. Племянник стал рассказывать.¹³

¹ Знак тире вписан.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Текст записан поверх пометы: 2-я часть. Заметки под цифрами «1» и «2» находятся внизу страницы.

⁴ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

⁵ ГЛАВНОЕ NB. ~ взрыв. — вписано.

⁶ 3) Идиот ~ нездоров. — вписано внизу страницы над заметками под цифрами «1» и «2».

⁷ Далее было начато: «Выхо<жу>

⁸ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

¹⁰ 3-я часть. Финал. ~ Заведение. — вписано в левой нижней части страницы.

¹¹ На полях слева геометрический рисунок со штриховкой.

¹² Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

¹³ Дочь ~ рассказывать. — заметка в верхней части страницы.

— Генерал (разговор с Племянником):¹ <—> Дикая вещь. К несчастью<,> встречающаяся. Редко, но встречающаяся. Очень редко, но встречающаяся.

— Племянник полуу<лы>бнулся.² — Что вы улыбаетесь?³ — резко спросил Генерал. — Да...³ ничего. Люблю я иногда эту вашу определенность: «Редко, но вст<речающаяся>, очень редко, но встречающаяся...»⁴ — А вам смешно. Удивляюсь я в этих случаях вашему спокойствию, вашим правилам.

(Ганя возвратился в восторге от красоты.)⁵

NB. Племянник,⁶ лицо прежнего Идиота. Тирада об Царе Иудейском. Варя с ним. У ней мечта была⁷ спасти его. У него некоторая теплота к ней.

— Этот племянник рассказал эту историю. «Из хлеба пошла».⁸ (На вопрос о гнусных намерениях: «По суду ничем нельзя уличить, ну а за помышления если не судить, так осудить уж нельзя».)⁹

Сначала детей привезли (негодование Генерала и замечание о детях).¹⁰

«А теперь, право, не знаю, что с ним случилось. День еще так прошел, а потом вдруг как тигр. „Ничего не боюсь, она моя дочь“. («Деньги подай».)»¹¹

NB.¹² Вл<адимир>¹³ Умелый начал было, что ребенка убила.

— Нет, это он врёт.

— А я чуть было его не убила. <—> И рассказала по этому поводу,¹⁴ как она с Идиот<ом> родила Кольку.

Напускной цинизм.

Генеральша увещевает ее.

Тетку удивил цинизм ее слов, «хороша птица!»

NB.¹⁵ Насчет воспитанницы: Генеральша очень ласкает ее.

¹ В рукописи двоеточие стоит после слова «Генерал».

² Было: у<лы>бнулся

³ — Да... — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁶ Было: Сын

⁷ была — вписано.

⁸ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Сначала ~ о детях). — вписано.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

¹³ Вл<адимир> — вписано.

¹⁴ по этому поводу — вписано.

¹⁵ NB — вписано.

Замечания для 1-й части. NB. Очертить лицо ее. Напускной цинизм, бешенство,¹ нежность.

NB. *Главное.* Прежде главу об Умецком. Жидовская скупость припадками. Тигровое бешенство припадками (обрисовать характеры).

— Об Идиоте только рассказы.

— Генерал говорит про Вл<адимира> Умецкого. «Я его знаю, в полку он любил пороть. Доносчик был. 30² лет обиду помнит.³ Дела ведет зато хорошо. Из ничего! из ничего! состояние составил».⁴

— Ссоры с Сыном. Видимо ревнует к Умецкой.

— Умецкая хохочет над ним.

Генерал: «Пляши!»⁵ (дочке).⁶

ГЛАВНОЕ. — В 1-й день приезда поехал к Умецкому. Видел дочь, красавицу собой. Генеральша надулась. (Ганя о красоте ее.) Дети.⁷ «Пляши». Натянутая <с. 118>⁸

4)⁹

веселость: Стихи. «Сморчок». Генеральша рассмеялась. «Наконец-то!»¹⁰ И вдруг вбегает Ганя, что случилось с Умецким.¹¹

? × Генеральша.

NB. (Уехала с Идиотом.)¹²

Как уехали, Генерал заревел и жена умерла.¹³

? × Если¹⁴ приехал Идиот, то непременно пощечина.

Генеральша передает ему детей.

¹ В рукописи: Бешенство

² Было: 15

³ 30 лет обиду помнит. — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ На полях слева от текста: — Ссоры с Сыном. ~ (дочке). — заметка: Sic. Еще раньше: Сцену детей.

⁷ Далее было: Болтовня.

⁸ На странице портретный рисунок со штриховкой и каллиграфические прописи: [Заме], Semiram<is>, Semiramis, Н, Ноября <2 раза>, N, Ноября, [Ноября], Ноябрь<ря>

⁹ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

¹⁰ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

¹¹ Текст: веселость ~ с Умецким. — объединен фигурной скобкой.

¹² Над строкой помета: после сцены

¹³ NB. (Уехала ~ умерла. — вписано в правой части страницы.

¹⁴ Если — подчеркнуто трижды.

(Извинение в упреках¹ об идиотизме.)²
Идиот больной. — С детьми Умекких беседа.³

Сначала <в> 1-й части на Яшу сердилась мать и он прятался (за воспитанницу).⁴

А потом — он заступает за мать.⁵

Может быть (после Ссор⁶ с Сыном (которые не объяснены, но всем видны)⁷ и отъезда Сына — из-за чего происходят опять сцены).

Генерал после бури, улучает наедине: «Подожди немного — Генеральшей будешь, — хочешь?»⁸

NB. (А еще прежде того: она сказала «вот старик безногий идет».)⁹

Сын, уезжая, Идиоту: «Разве не ревновал он меня к Ниночке?»¹⁰

NB. — Когда Идиот отправил в Петербург Умеккую, Генерал ему: «Это вы хорошо сделали, это хорошо! Меньше историй. Да! меньше истор<ий>». ¹¹

В другой раз, прежде еще идиоту: «Дела мои дурны». ¹²

«Я ГОСПОДИН В ДОМЕ!» После: «А его не бейте!»¹³ — Генеральшу он уговорил, уласкал.

А утром она вдруг умерла, за чаем.¹⁴

¹ Было: Извинение, упреки

² Было: Упреки об идиотизме. В рукописи: Идиотизме

³ Текст: ? × Если ~ беседа. — отчеркнут слева вертикальной линией, возле которой знак: NB?

⁴ (за воспитанницу) — вписано.

⁵ Сначала ~ за мать. — вписано в правой части страницы и отделено чертой от текста: ? × Если ~ беседа.

⁶ В тексте описка: Ссоры

⁷ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее шесть горизонтальных линеек; после них отчерк, проходящий по записанному ниже тексту.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ После ~ за чаем. — вписано в правой части страницы.

Когда мать лежала в гробу, дети собираются:

— Призывать ли сюда отца?

Идиот сказал:

<—> Пустяки! — и потом: — Коли любите, так призывайте.¹

NB*. (Пьет шампанское с Умецким и Устиньей. У Умецкого песенники.)

Мальчики *Вася* и *Коля*.

Их рассказ.

(Их в деревню за воровство прислали.)

(Умецкий: «Мне грустную!»)²

(«Я поданницей питалась,

Я со вшам<и> управ<ялась>.

Много развел<ось>».)³

Умецкий (под пьяно) рассказывает, как он видел, как партию ведут: «За рубль и красную рубашку — всё пропьет, детоубийца одна плясала, шум, гам, пьяно...⁴ Я это люблю. Мне грустную!»⁵

Варя говорит:

«Я ведь много нагладелась и наслушалась».⁶

А рядом с этим, после того как пьют, она с племянником — о Царе Иудейском. «И я поэт».⁷ Немного пьян.

Та бледная.⁸

Племянник объясняет, как он воспитывался у дяди.

Рассказывает, как портреты на толкучем продавал.⁹

Идиот тут же.

«Но вот ваш отец кричит что-то такое:

¹ Идиот сказал ~ призывайте. — *вписано*.

² В рукописи кавычки и закрывающая скобка отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Далее было: Я это люблю...

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. Я это люблю. Мне грустную!» — *вписано*. Текст: Умецкий (под пьяно) ~ люблю. Мне грустную!» — *обведен чертой*.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. *Варя* ~ наслушалась». — *заключено в рамку*.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Далее знак: ///

⁹ Текст: Племянник ~ продавал. — *вписан слева от заметок: «И я поэт». ~ Идиот тут же. — и связан соединительной линией со словами «Идиот тут же».*

„Лошадей!»»¹

Генерал после тоста молчал. Пил шампанское. Потом вдруг Идиоту: «Покайтесь мне, покайтесь мне честным словом, что она не за ним поехала. И что у них не было стачки».² (Яша еще не повесился.)³ И потом вдруг лошадей, — на детей напал после похорон. (На Варю напал было.)⁴ Только когда еще мать в гробу лежала: «Это (Яше)⁵ ты. Это твое дело!

Лошадей!»⁶

Укладывают, собираются. Он молчит. 2 тарантаса. На кучера. Сутки собирались. На заре тарантас подан. «Пойдемте. На могилу. Проститесь».⁷ И вдруг сам упал.

— Привели домой: «Не ездите, останемся!» <—> «Лошадей! все поехали».⁸

ИДИОТОВО ЛИЦО.⁹

Генерал.

Она.

Дети.

Лицо Идиота и прочее множество лиц.¹⁰

NB. Генерал с детьми в откровеннейшие разговоры.

СМОТРИ 5. <с. 119>¹¹

5)¹² Ее лицо величавее. (Сильно оскорблена.) (Объяснить влюбленность Генерала.)

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. А рядом ~ „Лошадей!»» — вписано на полях вдоль основного текста.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ (Яша еще не повесился.) — вписано слева от основного текста.

⁴ (На Варю напал было.) — вписано слева от основного текста.

⁵ (Яше) — вписано слева от основного текста.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Текст: «Пойдемте. ~ ИДИОТОВО ЛИЦО. — объединен фигурной скобкой, возле которой запись: NB. Генерал с детьми ~ СМОТРИ 5.

¹⁰ Генерал. ~ множество лиц. — вписано на полях.

¹¹ В верхней половине страницы геометрические рисунки и каллиграфическая пропись: Генеральша

¹² В левом верхнем углу страницы было начато: На Ниже начато: Завт<рај>

Как она рассказывает о сладострастии любовника.

— Идиот Племяннику: <—> А, впрочем, вы никогда богачом не будете.

— Почему?

— Потому что у вас сердце есть.

— Гм.¹ Я бы только желал теперешний ваш капитал покамест, 75 000, у меня далеко нет 75 000.

NB. — Или Большой преступник, или...

— Дай-то Бог.

<—> Пустой я человек за это замечание, молоко не обсохло.²

Варе³ вдруг (прежде ни слова не говорил): «Любите его, может, на путь наведете. Ему этого только и надо».⁴

(Потом, во 2-й части, Варя говорит, что она за ним и несчастна:

«А что же, за дело взялись...»⁵)

NB.⁶ Генерал еще раньше, *только что приехал*, до начала всей катастрофы, объявил Генеральше, что ему⁷ не нравится, что племянник подъезжает к дочке. Генеральше хоть и самой не нравилось, но она из духа противуречия говорит: «Нет, отчего же». А потом, когда началась катастрофа, Генеральша вдруг брякнула: «Это вы, рассчитывая жениться, заручались, чтоб племянник к Варе не посватался». <—> «Помилуй, Нина, да ведь они и не родня. Да, совсем почти не родня...» — «Нет-с, родня-с...»⁸

— Идиот, уезжая с Генералом из деревни, затрудняется, как оставить детей Умецкого.

Умецкий за пьянством сам подбивает Генерала в Петербург преследовать Наську.

¹ Далее было начато: Ну мои

² Текст: <—> А впрочем ~ молоко не обсохло. — обведен чертой и отмечен слева, справа и снизу знаками: NB.

³ Слово: Варе — связано соединительной линией с фразой «— Дай-то Бог».

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ NB — обведено чертой.

⁷ В тексте рукописи ошибочно: ей

⁸ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

— 10 000 и письмо Оболюстителя были прежде приезда Умецкой. Идиот приезжает сам по себе.

— Дети, за то что Вл<адимир> Умецкий высек гимназиста (за то что тот не пошел на работу), до того говорят, что он обесчещен навеки, что¹ тот решается зажечь дом. Потом, когда отец его выпорол, — Идиот взял. Но он потом умер. Дать лицо этому мальчику.

NB. До самой пощечины, над Идиотом все смеются и он в страшном пренебрежении. Он всё молчит.

Подробное расположение плана и вечером *начать*.² <с. 114>³

Подготовительные материалы (ПМ₂)

3-я часть

7 марта

Князь был три недели в Москве.

— Н<астасья> Ф<илипповна> ведет себя скверно и мучает Рогожина, чтоб отвести Князя.

— Аглая встречает Князя насмешками; Ганя.

— Генерал опять подбирается к Н<астасье> Ф<илипповне>.

— Князь понимает поведение Н<астасьи> Ф<илипповны> и хочет отказаться от Аглаи.

¹ Далее было начато: подбивают его зажечь<ь> на

² Подробное ~ *начать*. — вписано внизу страницы.

³ На странице архитектурные детали. Ближайшие страницы (<с. 110, 112—113, 115>) не заполнены. На развороте <с. 108—109> каллиграфические прописи: Julius Cesar <7 раз>, Tiberius <5 раз>, Claudius <3 раза>, Caius Caligula <2 раза>, Конста<нтинополь>, Constant<inopolis>, Nero <2 раза>, Constantinopolis, Констан<тинополь>, Roma, Ro, С.-Петерб<ург>, Константино<поль>, Константино<поль>, С.-П<етербург>, С.-Петербур<г>, Galba (<с. 108>); Julius Ces, Julius, Julius Cesar <10 раз>, J, С.-Петербур<г> <2 раза>, Москва, Константи<нополь>, С.-Петербур<г>, Constantino<polis>, Caius Caligula <3 раза>, N <2 раза>, Caius C<aligula>, Augustus, Tiberius <2 раза>, C, Claudius, С.-Петерб<ург> (<с. 109>). На развороте <с. 106—107> каллиграфические прописи (на <с. 107> находятся также записи к замыслу «Карпузов»): Julius Cesar <5 раз>, Caius Caligula <4 раза>, Claudius <2 раза>, Nero <2 раза>, Galba, Otto, Vittellius <последнее 2 раза>, Atilla Rex, Vespasianus Titus <2 раза>, Adrianus, Marcus Aurelius Antoninus, Marcus <3 раза>, A, Ca, M, Tiberius, Vespas <2 раза>, Adrian<us>, Constantino<polis> (<с. 106>); Ju, Julius Cesar <15 раз>, Jul <2 раза>, Julius <3 раза>, J <2 раза>, V (<с. 107>).

— Объяснение с Аглаей.¹ Аглая поддакивает ему и, чтоб отомстить, бежит с Ганей — накануне свадьбы.²

Князь жених Аглаи.³

Отыскивает наконец Н<астасьей> Ф<илипповну>.

История⁴ непрерывны<х> насмешек и ненависти Аглаи.

У него заведения и школы.

Накануне свадьбы Аглая отказывает или бежит с Графом.

Князь и Н<астасьей> Ф<илипповна>, женится на Н<астасьей> Ф<илипповне>.

НВ) Женат на ней или не женат втайне, вот вопрос?

— Связи и интриги потаенные Гани против всех (он служит Князю против Аглаи, Аглае против Князя, связи с Н<астасьей> Ф<илипповно>й и с Рогожиным).

Аглая попадает на Гане на крючок (наблюдавший Князь выручает).

Князь следил и знает всё про Ганю, и прощает его. Ганя не переносит этого презрения и меняет судьбу. <с. 4>⁵

Рогожи<н> влюбляет<ся> в Аглаю.

9 марта

— Князь на Н<астасьей> Ф<илипповне>⁶ женат.

— Н<астасьей> Ф<илипповна>⁷ не вынесла ночи у Рогожина. Три дня кутьбы. Бежала в прачки.

(Описание кутьбы, драки и проч. Как она пленила Рогожина, но не вынесла, омерзила и бежала.)

— Князь поймал ее душу; выдти за него. Она согласилась. Но, согласившись, бежала (или вышла и бежала).

— Рогожин ищет (НВ: влюбляется в Аглаю).

— Князь ездил в Москву. В Петербурге у него вроде Клуба.⁸

— Ганя.⁹

¹ Было: Аглая. Объяснение с Аглаей.

² — накануне свадьбы. — вписано.

³ Начиная с этого предложения и до конца страницы текст записан чернилами более темного оттенка.

⁴ История — вписано.

⁵ Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7.

⁶ Было: Аглае

⁷ Было: Аглая

⁸ Далее было начато: Г<аня>

⁹ Текст: — Князь на Н<астасьей> Ф<илипповне> ~ Ганя. — отчеркнут с обеих сторон.

— По приезде из Москвы¹ насмешки Аглаи. Отыскание Н<астасьи> Ф<илипповны>. Ганя уж служит у Аглаи и осаживает ее добродетелью.

— Объяснение Аглаи с Князем. Князь говорит о Н<астасье> Ф<илипповне>, рассказывает, как она не вынесла кутьбы и его предложения и бежала. Говорит, что отыскивает Н<астасью> Ф<илипповну>.

— Аглая посещает Н<астасью> Ф<илипповну>. Говорит, что это подло играть роль Магдалины.² Что похожее на японский кинжал<, > сгнуть в борделе. Но неведомо и неслышно. Смеется над низостью ее души. Предлагает ей мышьяку, говорит ей «ты».³

— Н<астасья> Ф<илипповна> объявляет, что она уже княгиня (взаимные насмешки).

Н<астасья> Ф<илипповна> поступает к Князю княгиней. Ведет себя развратно. (Выдержит ли Князь? Хочет отравить себя в конце концов.)

— Воскресает в достоинстве, но не переносит на деле.

Князь всё прощает.

И Гане, и Рогожину, и Аглае.

Интрига с его стороны.

Дети. Старик. Генерал. Варя, Ганя и проч.⁴ <с. 6>

10 марта

Н<астасья> Ф<илипповна>.

Она живет уединенно. Бежала от Рогожина.

Почувствовала очень, что любит Князя, но считает себя недостойною.

В прачках⁵ хочет, с своей любовью, убежать в борд<ель>.

NB. — В это время посещает ее Аглая и говорит, что «беги в бордель».⁶

— Она плюет на всё и выходит за Князя.

¹ Было начато: п

² В тексте описки: Магдалина

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Варя, Ганя и проч. — вписано.

⁵ В прачках — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

Аглая говорит ей, что она выходит за Князя как за Идиота богатого.¹

— Но по некоторым нотам в ее голосе и по некоторым выходкам ее, Н<астасья> Ф<илипповна> угадывает, что Аглая любит Князя.

Ревность Н<астасьи> Ф<илипповны> к Аглае. Ревность и побуждает ее выдти² за Князя.

Выйдя, она начинает развратничать. Генерал, опять Рогожин, которому окончательно вскружила голову, и еще... Ганю и Рогожина³ побуждает погубить Аглаю. Та попадает на крючок (спасает Князь).
Тогда =

= Ревность и бешенство Н<астасьи> Ф<илипповны>.

— Смерть ее в борделе (описание).

Детский Клуб у Князя потаенно.

NB) = Придумать роли в интригах Гане, Ипполиту и проч. Варе.
<с. 7>

10 марта

Главная черта в характере Князя:

— Забитость,

— Испуганность,

— Приниженность,

— Смирение.

— Полное убеждение про себя, что он ИДИОТ.⁴

NB) — Он задает себе поминутно (внутренно) вопрос: «Или я прав, или они правы<?>»

— Окончательно всегда готов винить себя.

NB. — Но когда сердце и совесть говорят ему: «Нет, это так», — то он это делает вопреки мнению всех.

Детей он любит непосредственно, жив—м,⁵ но советника ищет и не имеет.

NB₁) — Взгляд его на мир: он всё прощает, видит везде причины, не видит греха⁶ непростительного и всё извиняет.

¹ Предложение отчеркнуто слева вертикальной линией.

² Было: вый<ти>

³ и Рогожина — вписано.

⁴ В рукописи: ИДИОТ

⁵ Так в рукописи. По-видимому, следует читать: жив<ье>м

⁶ Далее было начато: и всё

NB₂) Внутреннее состояние души своей он таит от всех. И так как удаляется, то его зовут меланхоликом и ипохондриком.

Так как слушает без возражений, а делает все-таки по-своему,¹ то называют его страшно самонадеянным гордецом.

Он же считает себя ниже и хуже всех. Мысли окружающих видит насквозь. Вполне видит и убежден, что его считают за идиота.

— В детях находит людей и свою компанию. («Идиот ли я или нет?»²).

— Аглая уверяет его (еще прежде), что он идиот.

(Это нарочно; Аглая ждет возражений и насмешек и видит одно согласие. Он вдруг говорит ей об Н<астасьей> Ф<илипповне>.)³
<с. 8>

11 марта.

Он, оскорбляемый Н<астасьей> Ф<илипповно>й и Аглаей. Гордость и достоинство смирения. Совершенно согласен с ними в их обвинениях и считает себя гораздо их ниже.

NB. — Социалист нападает на него и смеется, что он частным лицом хочет сделать благо человечеству, опираясь на свое богатство. Он согласен; он не социалист.

— До страсти начинает любить русский народ.

Аглая наконец поражена его смирением. Любит его выше влюбленности и ревности. Сходится до страсти с Н<астасьей> Ф<илипповно>й и просит у нее прощения.

Свел и обратил их — он.

— Идиот не считает себя способным на высокое, но и тоскует по высокой деятельности. Спасением же Н<астасьи> Ф<илипповны> и хождением за ней он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви.⁴

NB

Прозект: Не начать ли с Гани? Интриги Гани, Варя, Птицын, Рогожин и комп<ания>. Лебедев и проч.

Как только очнулся, мысль,

Сцена в воксале.

Дальнейшее в рассказе.

¹ В рукописи двоеточие.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ На полях вдоль текста: NB₂) Внутреннее состояние ~ говорит ей об Н<астасьей> Ф<илипповне>.) — запись чернилами другого оттенка: Князь объясняет это всё Аглае, в V-й главе.

⁴ Далее знак: //

НВ. (Как Гане казался Князь. Сцены. Одним словом, всё внимание на Ганю. Психология.)

НВ. Так как брак с Н<астасьей> Ф<илипповной> есть *coup de théâtre*,¹ то Н<астасьё> Ф<илипповну> и не выводить раньше сцены с Аглаей. Разве только фантастическую сцену у Софьи Федоровны — ощупью.² <с. 10>³

??

Ганя обманывает его, — вот почему Князь ведет себя с Ганей конфиденциально-откровенно.

? И когда довел Ганю до признания, что тот его обманывал, — объявляет ему, что давно уже это знал.

Некто хочет захватить его дела (Генерал?). Но Князь слушает советы, а устраивает иначе.

(Роль Птицына?)

Ганя, Сожжение пальца, Сцена с Аглаей.

11 марта. Отношения Гани к Аглае:

Как только Ганя очнулся от обморока, то сейчас же подумал: «Что скажет Аглая?»⁴

— Он отдал 100 000, чтоб поразить Аглаю. (Довольно неудачно уверяет кого надо: что он сватался к Н<астасьё> Ф<илипповне> с отчаяния по отвергнутой любви Аглаи.)

— У Аглаи он становится необходим. Сестра — из мщения. У Н<астасьи> Ф<илиппов>ны он необходим, у Князя тоже.

— Сначала перед Аглаей роль преданного Князя.

— Он сам не знает: любит он Аглаю, иль ненавидит? Ему кажется, что ненавидит. Из тщеславия хочет жениться на ней.

— Видя любовь Аглаи к Князю, ненавидит Князя.

— Ведет Аглаю к Н<астасьё> Ф<илипповне>. Ловит на крючок тем, что не объявляет, что Н<астасьё> Ф<илипповна> — княгиня.

— В Н<астасьё> Ф<илипповне> возбуждает ревность к Аглае. Н<астасьё> Ф<илипповна> и в бордель, и ненавидит Аглаю.

— Свидание. После торжества Аглаи, Н<астасьё> Ф<илипповна> вдруг ее осаживает тем, что она княгиня.

— Затем Ганя и Аглая. Сожжение пальца. Странная сцена. Оба хотят мстить.

¹ неожиданная развязка (фр.).

² НВ. Так как ~ ощупью. — вписано внизу страницы.

³ <с. 10> помещаем ранее <с. 9>, так как на последовательность записей указывают заголовок-дата на <с. 10>, а также содержание текста и характеристики почерка.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. Слева от данного абзаца знак: ?

NB. NB. Finis¹ тот, что Аглая предается Н<астасье> Ф<илипповне>, а Ганя душит Аглаю. NB. Любовь из тщеславия.² <с. 9>

ПРОЭКТЫ

NB₁) Не кончить ли роман исповедью, напечатанной гласно?³

NB₂) *Отношения же с детьми так сделать:* Сначала, когда дело больше идет об Аглае, об Гане, об Н<астасье> Ф<илипповне>, об интригах и проч., — не упомянуть ли, вскользь и почти загадочно, об отношениях Князя с детьми, с Колей н<а>прим<ер>, и проч. Об Клубе же не упоминать; но Клуб, отрекомендованный дальними слухами, не представить ли вдруг и Князя среди него царем, этак в 5-й или 6-й части романа?

NB₃) Не вести ли лицо Князя *по всему роману* загадочно, изредка определяя подробностями (фантастичнее и вопросительнее, возбуждая любопытство), и вдруг разяснить лицо его в конце, и

напротив

NB₄) Со всеми другими лицами *спервоначалу* определеннее и разясняя их читателю? (Как, н<а>прим<ер>, Ганю?) <с. 11>⁴

12 марта

В РОМАНЕ ТРИ ЛЮБВИ:

- 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин.
- 2) Любовь из тщеславия — — Ганя.
- 3) Любовь христианская — — — Князь. <с. 12>⁵

12 марта

ПОДРОБНЫЙ ПЛАН 3-й ЧАСТИ

— Три месяца спустя.

— Утро. Ганя. Птицын, Сестра в другой квартире, где нет жильцов. Ожидают чего-то и кого-то. Загадочный разговор. (Глава объяснительная. Сцена в воксале.)

¹ Конец (лат.).

² NB. Любовь из тщеславия. — *вписано*.

³ напечатанной гласно — *вписано*.

⁴ *Далее горизонтальная линия, под которой находятся более поздние записи чернилами светло-коричневого оттенка: 2) выставить ~ ЗАКЛЮЧЕНИЕ (см. с. 320).*

⁵ *Далее горизонтальная линия, под которой находятся более поздние записи чернилами светло-коричневого оттенка: ПОСЛЕ ВЕНЦА ~ Аглая, думая (см. с. 319—320).*

Или:

1-я глава объяснительная, сцена в воксале. Но только главное лицо Ганя. Описание, как Ганя поехал домой, что у него было на сердце.

2-я глава. Три месяца спустя. Ожидание утром. Загадочный разговор. Входит Аглая и Аделаида. Разговор Аглаи с Ганей и с Варей. Объяснение с Ганей. Аглая слышала, что Ганя с Князем — друзья. Ганя может сообщить про Н<астасью> Ф<илипповну>. Он ее отыскал. Аглая подозревает Н<астасью> Ф<илипповну> в капитальном влиянии. Ганя соглашается. Ганя рассказывает много о Князе за эти три месяца. О себе издавека.¹ Совершенно необходимое четвертьсловное объяснение. Известие, что сегодня у Князя завтрак. Смотреть купленный кабинет редкостей. Стоил денег. Денег Князь получил больше, чем ожидали. Он вчера приехал. Н<астасья> Ф<илипповна> — сумасшедшая. (Аглая получила уведомление от Вари, что она может придти, и потому пришла.)²

3-я глава. Аглая и Аделаида возвратились.³ Семейное объяснение. Генерал и мать. В три часа к Князю. (Выследили, что она была у Вари?)⁴

4-я глава. У Князя завтрак: Граф. Аф<анасий> Иван<ович>. Рогожин, Старик Учитель, Птицын, Ганя, Варя, Генерал, Коля, Ипполит, Нина Александровна. Молодой литератор. Оживленное утро. Генерал Иван Федорович приезжает. И странное общество.

Рогожин. Он возбуждает любопытство.

Старуха Белокопская на завтраке. <с. 20>

5-я глава. Объяснение с 3-мя девицами, преимущественно с Аглаей, главное в том, чтоб он не делал предложений. Уезжая, Аглая дает Гане⁵ rendez-vous⁶ у всенощной.

(6-я глава. Фантастическая интрига у С<офьи> Ф<едоров>ны. Бежала. Коля и Князь согладаются.)

7-я глава. Аглая и Ганя у Н<астасьи> Ф<илипповны>. Сцена. «Иди в борд<ель>».⁷ МЫШЬЯК.⁸

8-я глава. «Я княгиня», входит Князь. Аглая бежала. Глава с Ганей в Estaminet.⁹ Сожжение пальца. «Везите домой».¹⁰

¹ Далее было: 3-я гл<ава>.

² (Аглая ~ пришла.) — вписано.

³ Далее было: завтрак.

⁴ (Выследили ~ Вари?) — вписано.

⁵ В рукописи: Гани

⁶ свидание (фр.).

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Росчерк пера.

⁹ маленьком кафе (фр.). Далее было начато: «Вези<те>

¹⁰ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

НВ. (О Рогожине.) — (Надобно, чтоб Князь непременно был свидетелем.)

В 4-й части

Жизнь Н<астасьи> Ф<илипповны>. Приниженный Князь, Аглая и Ганя. Объяснение Князя с Ганей. Бегство Н<астасьи> Ф<илипповны>.

5-я часть. Клуб. Эксцентричности. Спасение Аглаи, примирение с Н<астасьей> Ф<илипповной>. Исповедь и проч. ...

Разор<ение> Р—ча <ꞑ>¹ и проч.

<с. 21>²

3-я часть

Ганя Аглае

в 1-й главе:³ — Удивляюсь вашей проницательности. Действительно Н<астасья> Ф<илипповна>, может быть, играет главную роль; действительно могут быть сношения Князя с Н<астасьей> Ф<илипповной>. Хотя я и достоверно узнал, что после трехдневной оргии у Рогожина Н<астасья> Ф<илипповна> и воротилась (к Учителю) и Князь принимал тут недели две деятельное участие. Но потом Князь стал почти не посещать. Н<астасья> Ф<илипповна> *потребовала уединения*. Но и при этом условии Князь как дух над ней носится, охраняя. Это я знаю. Может быть, есть и свидания.⁴ Я знаю тоже, что Н<астасья> Ф<илипповна> странно настроена. Я вам признаюсь, что я некоторое время предполагал сумасшествие. Теперь нет, но — однако. Во всяком случае настроение болезненное. Эта оргия у Рогожина потрясла ее; она не в ее характере. Птицын говорил⁵ чрезвычайно верно о японцах.⁶ Теперь она, главное, кается, тоскует, плачет, входит в исступление при мысли, что она чем-то погубила Князя. Что она недостойна Князя, а он ее любит, так что всю жизнь ей готов пожертвовать. Настроение невозможное, если б не было и любви, а может, и ревности и с ее стороны. Она о вас расспрашивала. Она схватывает себя за голову и восклицает часто: «Что я сделала, что я сделала!» Порою себя винит во всем и язвительно смеется над сценой у камина (100 000); — «Я,

¹ Было: и т. д.

² Внизу страницы архитектурная деталь.

³ В рукописи двоеточие после слова «Аглае».

⁴ Далее знак: — · —

⁵ Было: говорит

⁶ В рукописи: Японцах

говорит, себя страдальцей и жертвой Тоцкого выставила, а я-то самая последняя и есть» и т. д.

—¹ Аглая выслушивает это с ненавистью (но не высказывается).² Ганя упорно не любопытствует: для чего Аглая расспрашивает?³ Но рассказывает с глубоким, хотя и не настойчивым уважением к Н<астасье> Ф<илипповне>.⁴

— Аглая не удостоивает ответить. Но упоминает о 100 000 и что она, может быть, была виноватее в обвинении Гани. Хладнокровие Гани. Аглая впивается взглядом в Ганю, чтоб узнать его мысли.⁵ <с. 22>

— Когда Аглая отсмеяла <и> Ганю и просила оставить ее.

— Резкий, хотя и высоковежливый и деликатный, ответ Князя выводит⁶ ее из себя.

— Так что поездка к Н<астасье> Ф<илипповне> — есть сцена нервная и отчаянная.

Одним словом: При всем трехмесячном сватовстве, Аглая всех⁷ яснее увидела и выяснила, что всё дело в Н<астасье> Ф<илипповне>.

— Лицо Рогожина в 3-й части таинственное.

(Лебедев? Кулачный господин?)

КАПИТАЛЬНОЕ:

1) — Аглая прямо объявляет родителям, что они ее скомпрометировали и она узнала наверно, что Князь занят Н<астасьей> Ф<илипповой>.

2) Покамест действительно о Князевых подвигах, добрых делах, детях, только слухи идут (так что потом всё в конце открывается).

Но однако:

3) Нечто мелькает урывками еще и раньше конца. <с. 23>

(NB) А если развить не так быстро? ?)

Князь винит во всем себя. (Зачем он женился.)

¹ Знак абзаца.

² (но не высказывается) — вписано.

³ В рукописи кавычки: «для чего Аглая расспрашивает?»

⁴ Но рассказывает ~ к Н<астасье> Ф<илипповне>. — вписано.

⁵ Аглая ~ его мысли. — заметка на полях вдоль основного текста.

⁶ выводит — отчеркнуто сверху.

⁷ Было: всего

Аглая влюблена весь роман в Князя.

С Н<астасьей> Ф<илипповой> дело идет весь роман так:

— Сначала ошеломленная, что стала княгиней, — в прачки.

— Потом — строгой и гордой княгиней.

— Аглая устраивает ей публичное оскорбление (Сцена). 4-я часть (кончает<ся>).

— Разврат неслыханный.

— Исповедь Князя Аглае.

— Темное исчезновение, ищут, в борд<еле>.

— Хочет умертвить себя.

— Восстановление. Аглая и Князь перед нею,¹ ищут спасти ее.

— Она умирает или умерщвляет себя.²

NB. Рогожин.

Аглая выходит за Князя — или Князь умирает.

Князь робок в изображении всех своих мыслей, убеждений и намерений. Целомудрие и смирение. *Но тверд в деле.*

Главное Социальное убеждение его, что экономическое учение о бесполезности единичного добра — есть нелепость.

И что всё-то, напротив, на личном и основано.³

Ход дела ? NB. NB. NB ? Ход дела

Ганя хочет мстить Аглае и, мстя, уведомляет⁴ Рогожина, что Аглая будет у Н<астасьи> Ф<илипповны>.

— Рогожин уведомляет Князя (чего не подозревает Ганя).

— Рогожин является с компанией, а Князь прячется у Учителя.

— Затем свидание.

— Является выручать Рогожин, выходит и Князь,⁵

— Аглая осрамлена. Н<астасья> Ф<илипповна> ревнует Князя,

Сцена в Estaminet, и Ганя почувствовал, что он любит Аглаю, а не ненавидит ее.⁶ <с. 24>

¹ Далее было начато: во

² Далее было начато: Ро<гожин>

³ В рукописи: И что все то напротив на личном и основано. Текст: Князь робок ~ основано. — вписан на полях вдоль основного текста.

⁴ Было: объ<являет>

⁵ Слева от текста: — Рогожин уведомляет ~ выходит и Князь — знак: NB

⁶ Сцена ~ ненавидит ее. — вписано.

13¹ марта

Н<астасья> Ф<илипповна>. Не княгиня, а только борется: быть или не быть?²

Как же повернуть капитальную сцену с Аглаей?³

— Сцена состоялась. Сарказмы. Предложение в борд<ель>. Мышьяк.

Эта сцена порешила колебания Н<астасьи> Ф<илипповны> (которая не прачка, а только у учителя), и она объявляет, что выйдет за Князя.²

Вся 4-я часть, что она выходит и невеста, но накануне брака бежит в бордель.

³Князь не женится на Аглае и не жених ее. Но видит ее любовь и поражен. По приезде из Москвы объяснение с Аглаей с его стороны. Он говорит об Н<астасье> Ф<илипповне>, Аглая поддакивает, но вследствие этого объяснения и мстительная сцена с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

В 4-й части Н<астасья> Ф<илипповна> невеста Князя. Заговоры Аглаи. Срамная сцена, приготовленная Н<астасье> Ф<илипповне>. (Роль Генеральши?) Бегство торжествующей Н<астасьи> Ф<илипповны>. Бордельн<ые> сцены.⁴

Сцены Аглаи с Ганей в 3-й и в 4-й части.

Ужасный характер Гани, мрачный и страстный.

Начать 3-ю часть сценой в воксале. «Своего терять нельзя».⁵
<с. 26>⁶

13 март<а>

NB₁. Генералу больше роли по части его страсти.

NB₂. Характер Гани вырастает сообразно страсти до Колоссальной серьезности.

¹ Цифра обведена полукругом.

² На полях слева возле этого абзаца знак: ?)

³ Знак абзаца.

⁴ Над словами: Бордельн<ые> сцены. — знак: NB.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. Ужасный характер ~ терять нельзя». — вписано на полях вдоль основного текста.

⁶ <с. 26> помещаем ранее <с. 25> на следующих основаниях: 1) на <с. 26> находится четкое (медленно) прописанная дата, тогда как на <с. 25> она повторяется белым почерком, что указывает не на начало, а на продолжение письма; 2) текст на <с. 26> заканчивается предложением «Сцены Аглаи с Ганей в 3-й и в 4-й части», написанным более крупным почерком и более темными чернилами. Такие же записи появляются на <с. 25>.

— На завтраке у Князя Генеральша сходится с Рогожиным.

НВ. На завтраке перед входом Рогожина, об Рогожине, что взаимное: «Бери!» в воксале осталось у обоих в сердцах и что Князь имел необыкновенное влияние на Рогожина своей высшей манерой. — Рогожин же уже кутит урывками, как бы запоем.

В 3-й и 4-й) састях — таинственно и скрытно о детском клубе и о тайных сценах. И слухи и сцены.¹ НВ. Придумать? <с. 25>

14 марта. Окончательное:

НВ. Не княгиня.

План сущности такой:

После оргии Рогожина — ошеломлена; у учителя; борьба; любовь к Князю; в ужасе от мысли отдаться Князю и стать его женой.

Трагическое положение Князя (в 3-й части), положительно решившегося жениться на ней, не сообщаящего никому (кроме, кажется, Рогожина). Он таит от Аглаи, но в 3-й части решается с ними объяснить. (Вызван Аглаей; потому что у себя не рискнул бы начать первый из деликатности.)

(НВ. Неизвестно, где 100 000.) (НВ. Лежали у Учителя.)

— У Н<астасьи> Ф<илипповны> в мечте пойти в работу.

— Аглая и Ганя. Аглая всё выпрашивает у Гани. Взаимно, о причинах, ими руководящих, Аглая и Ганя не объясняются.

— Вследствие сцены с Аглаей, предугадавшей всё, — Сцена Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповной> (борд<ель>, мышьяк и проч.).

— Н<астасья> Ф<илипповна> в бешенстве принимает предложение Князя.

(Утром Аглая вызвала Князя и потребовала от него, в присутствии сестер, чтоб он не смел ей сделать предложения. Сарказмы. Почтительный и высокоприличный² ответ Князя.)

(Но об Н<астасье> Ф<илипповне> — ни слова, ни со стороны Аглаи, ни со стороны Князя.)

Князь принимает предложение после сцены Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповной>, которой он был свидетелем (трагическая фигура Рогожина).³ <с. 28>⁴

¹ И слухи и сцены — подчеркнуто дважды.

² высоко — вписано.

³ Далее знак: $\times_{|2|}$ = <вертикальная волнистая линия>.

⁴ <С. 28> помещаем ранее <с. 27> на основании знаков Достоевского (<с. 28>: $\times_{|2|}$ = <вертикальная волнистая линия>, <с. 27>: $\times_2$ = <вертикальная волнистая линия>).

¹Вся 4-я часть <—> Н<астасья> Ф<илипповна> невеста Князю. Срамная сцена обращается² в срам Аглае.

— Неистовость разврата Н<астасьи> Ф<илипповны> еще в невестах.

— Бежит в бордель.

— Выходит за Рогожина.

— Терпит ужасы, побои, ревность, укоры и отчаянную любовь.

— Рогожин зарезывает ее. — Ждановск<ая> жидкость, открывшиеся 100 000. Кутеж прежний.

— Но Аглая была потаенно другом Н<астасьи> Ф<илипповны> перед самой смертью. Князь узнал их связь.

Князь женится на Аглае. Хотел было, умирает.

NB. (Ганя и его роль. Безумная любовь в Аглаю.³)

NB. NB. NB

Роль Генеральши в 3-й части, охраняющей Аглаю.

Или:

в 3-й части только *загадочно* роль Генеральши. Аглаю она охраняет и ужасно бы хотела ее брака с Князем, даже ссора из этого —

в 3-й части Генеральша ссорится с Аглаей, зачем та не хочет, но подозревает что-то.⁴

Но в 4-й части — Сцена ее с Князем, где она говорит ему об Н<астасье> Ф<илипповне>: «Женись».⁵ <с. 27>

15 марта

— Генеральша-то как l'enfant terrible⁶ и прорывается в 3-й части с Аглаей, укоров ее вдруг, что:⁷ «Ведь ты только фокусы делаешь, а Князя-то любишь, я знаю».

—⁸ Аглаю это доводит до бешенства.

⁹А Аделаида говорит тут же матери, когда одни остались:

¹ В верхнем левом углу страницы знак: $\times_2$ = <вертикальная волнистая линия>.

² Было начато: в

³ Так в рукописи.

⁴ в 3-й части Генеральша ~ подозревает что-то. — вписано на полях вдоль основного текста.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ своевольное дитя (фр.).

⁷ В рукописи двоеточие после слова «вдруг», далее текст со строчной буквы без кавычек.

⁸ Знак абзаца.

⁹ Знак абзаца.

«Вы всё испортили. Этого вовсе не надо было *вслух* ей (в лицо) говорить».¹

— ? Не сделать ли объяснительную сцену Князя с Н<астасьей> Ф<илипповной> тотчас по возвращении из Москвы, где Н<астасья> Ф<илипповна> в высшей степени *настроения* и расстройства, готова отказаться, а Князь умоляет ее помедлить решением (до вечера?).

? Н<астасья> Ф<илипповна> в этой предварительной сцене с Князем, настаивает на Аглае, чтоб ему жениться на ней, и в то же время² ревнует к ней. Одним словом: мучение и лихорадка.³

<с. 29>

15 МАРТА

КРАТКИЙ ПЛАН ГЛАВ 3-й ЧАСТИ

1-я глава. У Гани и у Вари. Птицын. Ожидание Аглаи. Варя в дружбе с братом и даже смущает его горячкой и нетерпеливостью. Аглае враг, больше чем Н<астасье> Ф<илипповне>. Но Ганя гораздо серьезнее, чем в первых 2-х частях. Не проговаривается. Молчит.⁴ Та-ит. Варя все-таки замечает, что с волнением ждет Аглаю. Почему могла придти Аглая? (Сведения об Аглае.)

На это ответ:

2-я глава. В воксале. Возвратился Ганя... Заключить главу известными и странно определившимися с тех пор отношениями Гани к Князю.

3-я глава. Аглая и Ганя. Результат Н<астасьи> Ф<илипповны>. Взаимное проникновение. (Сведения об Н<астасье> Ф<илипповне>.)

4-я глава. У Князя. Завтрак, картины. Рогожин и проч.

5-я глава. Князь и Аглая и две сестры. Объяснение. Слишком неожиданно Аглая вдруг видит, что Князь рад отказу. Всё подтвердилось о Н<астасье> Ф<илипповне>.

6-я. — Сцена у Генералов. Генеральша и Аглая. Припадок злости. Ко всенощной.

7-я. Князь и Н<астасья> Ф<илипповна>. Сарказмы, Страсть, отчаяние. Предложение Аглаи в жены и тут же ревность к ней.

8-я) Сцена с Аглаей. Князь свидетель. Рогожин нечаянный.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Далее было начато: женить

³ Росчерк пера.

⁴ Далее было: Тае

9-я) Заключительная.

НВ. Коля. Рогожин. Софья Федоровн<а> и проч.

ЗАДАЧА: КОРОЧЕ ПИСАТЬ. Чтоб было щегольски, симпатично (кратко и всё о деле) и занимательно.¹ <с. 30>

НВ) Таинственные сношения Н<астасьи> Ф<илипповны> с Рогожиным и в 3-й и в 4-й частях. <с. 31>²

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ. КОМПОНОВКА И ЭЛЕМЕНТЫ

— Сын Алексея и сам Алексей.

— Те, у которых тетка приживала<, > и по завещанию тётки.

— Скупец.

— Поп, у которого приживала.

— Мошенники, желающие его облапошить и которых он перехитряет.

(Грудной ребенок. Несколько смешных случаев, о которых говорит, смеясь, Аглая.)

— У ней свой управляющий делами. Тут и Птицын.

— Ипполит.

(Про него только слухи, и цитруется много слухов.

У него же, на завтраке, всё прилично, щегольски и по-обыкновенному.

Но оказывается вдруг и необыкновенное.)

(Говорят, что скупец. Вдруг оказывается, что всё состояние отдает. К нему являются получать, и он отыгрывает<ся>.)

(Одним словом, есть приключение, по которому он выказывает необыкновенный ум, хитрость, *Сердце* и *Странность*.)

НВ. Непременно уж его обступили и со всех сторон тормозят, как бы денег добыть.

Результат:

Только темные слухи обо всех ловкостях Князя. Но нельзя без сцены на завтраке. <с. 32>³

16 МАРТА

<N>В. Непременно как можно больше характеризовать лицо Князя (*личную выставкой* и особенностями) в 3-й части, — особенно по поводу изменения положения через наследство и через трехмесячное пребывание в России.⁴

¹ ЗАДАЧА ~ и занимательно. — заметка на полях вдоль основного текста.

² На странице проба пера и архитектурные детали.

³ В верхней правой части страницы архитектурная деталь.

⁴ Знак абзаца.

На завтраке ему всё известно; это видно; но он молчит; не тем охвачен.¹

НВ. Аглая много и часто смеется, 1)² что он скуп. Что он отказывается на полезные вещи и дает Бог знает кому.

НВ.³ Князь усталый. Он болен. (Внутри себя он весь полон вопросом о Н<астасье> Ф<илипповне>.) Он рассеян ужасно.⁴ Он как идиот. — Но с Аглаей симпатичный и вдохновенный взрыв нескольких слов.⁵

С ним был ночью припадок. Аглае вдруг почти жалко.

У него две задачи в начале 3-й части: Н<астасья> Ф<илипов>на и то, что надо кончить с Аглаей.

(Любит ли он Аглаю?)⁶ <с. 34>⁷

16 март<а>. ЭПИЗОД с Сыном Павлищева

— Ипполит приглашен на завтрак к Князю.⁸ Ипполит горячо взялся в отсутствие Князя в Москву за дело о сыне Павлищева.

— Сын Павлищева объявил себя Князю Сыном Павлищева и его крепостной бывшей девушки.

— Развратный Павлищев выдал ее⁹ за Бу<рдовско>го, тоже дворового человека, дав вольную и снабдив приданым.

— Но так как они продолжали жить у него, то и по рождении сына продолжал о нем заботиться, воспитал. Гимназия.

— Но с 6-го класса Гимназии сын повел себя дурно, вообразил себя Сыном Павлищева и начал приставать к нему за деньгами.

....

¹ На завтраке ~ охвачен. — вписано со знаком: =

² Так в рукописи.

³ Знак абзаца.

⁴ Далее знак: — · —

⁵ Но с Аглаей ~ слов. — вписано со знаком: =

⁶ Далее проведена горизонтальная линия, отделяющая основной текст со <с. 34> от записей, которые являются продолжением текста со <с. 33>.

⁷ <с. 34> помещаем ранее <с. 33> на следующих основаниях: 1) на <с. 34> находится четко (медленно) прописанная дата, тогда как на <с. 33> она повторяется беглым почерком, что указывает не на начало, а на продолжение письма; 2) текст со <с. 33> продолжен в нижней части <с. 34> — следовательно, верхняя часть <с. 34> была на тот момент заполнена.

⁸ Далее было начато: Но еще д<о>

⁹ Далее было: буд<то бы>

— Теперь пристал к Князю, что:¹ «Ведь Павлищев вас воспитал, а теперь вы при деньгах. У меня мать без ног. Отдайте всё, что Павлищев на вас истратил<,> мне<,> его сыну».

— Когда Князь из Москвы приехал, на завтраке начал Ипполит. Генеральша вытребовала продолжения в видах защиты Князя.

— Князь отвечал, что он дал сыну 250 р. На ответ, что надо всё, —

Управляющий Князя и Ганя торжественно² заявили, что он не сын Павлищева, документы, письма Павлищева, а Ганя заявляет, что Мать сына Павлищева здесь.

— Генеральша главное поддерживает, чтоб оправдать Князя.

— Сарказмы Аглаи.

— Генеральша возражает, что: «Ведь сама же ты рада за Князя».²

— Аглая сердится: «Вам нельзя говорить это».³

— Аглая в другой комнате говорит Князю при 2-х⁴ сестрах, что она компрометирована⁵; письмо⁶ к ней было от сына: Князя, ее предостерегают, стало быть, слух пошел, что Князь сватает⁷, что мать говорила⁸, что она рада, поддерживает этот слух. Что она требует от Князя —⁷ <с. 33> чтоб он заявил, что никогда не претендовал на руку ее, потому что и надеяться⁹ нелепо.

(А если она приехала на завтрак, то единственно чтоб своим отказом и отсутствием не подать повода к толкам.)

— Князь заявляет.

— Аглая выходит из себя. Генеральша тоже.

Аглая говорит,⁸ придравшись к неловкому выражению Князя: «И как могли вы думать, что я люблю вас, когда женитесь на публичной женщине<?>»⁹

— Князь говорит: «Да<,> женюсь<,> только не на публичной, а на Н<астасье> Ф<илипповне>».¹⁰

¹ В рукописи двоеточие после слов «к Князю», далее текст со строчной буквы без кавычек.

² После двоеточия запись со строчной буквы.

³ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁴ Было: 3-х

⁵ В рукописи: Письмо

⁶ В рукописи после слова «сына» знаки препинания отсутствуют.

⁷ Ниже знак: ×, Продолжение: чтоб он заявил ~ Идиот! — находится в нижней части <с. 34> под знаком: ×₂

⁸ Далее вычеркнуто: <нрзб.>

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

— Генеральша говорит: «Так как же ты, батюшка, меня с дочерьми позвал: Ведь скажут, что я, это зная, к тебе дочерей привела: Олух ты, батюшка, подлинный Идиот!»¹ <с. 34>

16 марта

NB. Всё положение Князя и Странности,
всё положение Аглаи,
всё изобразить в 1-й главе в разговоре с братом Вари
и в главе с² Аглаей.

Капитальное NB.

Молчаливость Гани с Варей и со всеми. Загадочность. Варя видит, что Ганя стоит за Князя<,> и беспокоится: неужто правда, но удостоверяется, что он хитрит и хочет отомстить<,> и одобряет. Верит и, чтоб не надоедать, не расспрашивает, а Ганя молчит. <с. 35>

NB

МОТИВЫ АГЛАИ

— Она говорит Гане: «— Я слышала, что вы его друг».

Мотивы ее. 1) Она не верит, что Ганя друг; напротив, убеждена, что Ганя хочет отомстить. Но кому? всем? Князю ли? Н<астасьей> Ф<илипповне> или ей?

— 2) Ей мерещится, что Ганя в нее влюблен всё еще, а стало быть, она знала, что Ганя, узнав о ее браке с Князем, будет ей мстить. Она хитрит, чтоб выпытать его мнения.

Ей надо союзника; она смотрит, не годится ли для этого Ганя.³

3) После сцены с Н<астасьей> Ф<илипповной> Аглая⁴ ему это всё высказывает и во всем признается и предлагает любовь свою.

? 4) Ее уведомляет Рогожин?⁵ или Коля?

5) Князю всё известно.

6) А Ганя по *правде-истине*⁶ колеблется только разными волнениями. Он и хотел бы отомстить Аглае, но, увидав ее, особенно после сцены с Н<астасьей> Ф<илипповной> (на которую привел Князя), влюбляет<ся> в Аглаю и сжигает палец. Потом опять передается<я> Князю. (Он застреливается под конец.)

¹ Слово: Идиот! — дописано на полях. Кавычки отсутствуют.

² Далее было: и

³ Ей надо ~ для этого Ганя. — вписано со знаком: =

⁴ Было: с Аглаей

⁵ Было: Рогожин, м<и>

⁶ Далее вычеркнута запятая.

7) Признает<ся> под конец Князю, что надувал его. Князь ему отвечает, что знал это.

————— <с. 36>

КАПИТАЛЬНАЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

ЗАМЕТКА

16 МАРТА

— После завтрака у Князя прямо *переход на Н<астасью> Ф<илипповну>*, об которой было только давеча в заметках.

(NB. Об Князе в 3-й части мало, он только трагически решился. Он вял, он скучен и задумчив. Легкое оживление изредка.)

Переход же на Н<астасью> Ф<илипповну>:

1) Сцена в воксале (воспоминание).

2) Без дальних слов выздоровевшая и обезумевшая Н<астасья> Ф<илипповна> идет в бордель, уговаривается с хозяйкой и обещает<ся> придти вечером. Сейчас¹ выходит дрожа, хочет броситься в воду.²

3) Но ее останавливает Рогожин (который следит³ за ней),⁴ часовыми (кулачными и проч.).⁵ NB.⁶ Здесь обозначается, что Рогожин постоянно с ней в сношениях, и обозначается разговором лихорадочным:

— Он здесь? Он приехал? А Аглая? <—> Она рвнует к Аглае. <—> Он должен жениться на ней.

Она возвращает<ся> домой. Бросает<ся> в отчаянии на постель.

Рогожин выходит и встречает Князя —

и с другой стороны подходят Ганя и Аглая.

(О свидании Гани с Аглаей еще раньше.)

Аглая входит⁷ одна, отослав Ганю.

После сцены. Н<астасья> Ф<илипповна> истерически хохочет и издевается над появившимся к развязке Князем, что он *боится жениться на ней*.

— Аглая же, главное, в бешенстве, что Князь всё слышал, дает обещание Гане в *Estaminet*'e.⁸ <с. 37>

¹ вечером. Сейчас — вписано.

² В рукописи двоеточие.

³ Было: следил

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Далее было начато: Рогожин

⁶ NB — вписано.

⁷ Далее было начато: Агл<ая>

⁸ — Аглая же ~ в *Estaminet*'e. — вписано на полях вдоль основного текста.

СУЩНОСТЬ

4-й ЧАСТИ

(Может быть, сцена Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповой> и Estaminet, — не уместившиеся в 3-й <части>.)

И —

Н<астасья> Ф<илипповна> — невеста; вся часть в этом. Сумасшедшее состояние Н<астасьи> Ф<илипповны>. То сарказмы над Князем, над Клубом, — Общество, появившееся вдруг около нее,¹ Сцена срама, устроенная Аглаей, и раздавленная Н<астасья> Ф<илипповна>.

— То нежность и проч. Наконец свадьба. Страстная и нежная сцена с Князем: Евангельское прощение в Церкви блудницы.² Убегает из-под³ венца. В Москву и проч.

NB. NB. NB

Так что 5-я часть уже начинается Клубом и слухами о выходе замуж Н<астасьи> Ф<илипповны> за Рогожина. Кутежом и проч.

Г А Н Я:

Говорит Аглае об Н<астасье> Ф<илипповне> в 1-й сцене.

Она любит Князя. Она ужасается, как это она не убежит. Она слушает убеждения Князя выдти за него. Просит его жениться на Аглае. Хочет убежать, и в ужасе, что не может убежать. «В то же время ревнует, расспрашивает о вас и о Князе меня, с ума сходит».⁴

— Аглая же выходит от Гани утром хоть и убитая, но всё еще убежденная, что Князь ее любит. Она верить не хочет, что Князь не любит ее. Сцена дома краткая, быстрая с матерью и с сестрами.⁵ <с. 38>

¹ Далее было: то

² Евангельское ~ блудницы. — вписано.

³ из — записано дважды.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Она верить не хочет ~ с сестрами. — вписано на полях под знаком: ×₂ Заключено в рамку. В тексте после слов «Князь ее любит» знак: ×

Короче
писать;
одни факты;
без рассуждений —
и без описания
ощущений?¹ <с. 39>²

17-е марта

3-я часть. Глава 1-я

Тон Гани с Аглаей, откровенный, но не договаривающий, до Аглаи он все-таки в волнении, что замечает Варя, но про себя и³ не хочет высказывать. (Так что Ганя все-таки загадочен.)

Писать одними фактами.

Сказать просто, что Ганя принес Князю 100 000, с тех пор дружба, как говорят. Бедное помещение Гани свидетельствовало, что⁴ не из-за денег...

Писать в смысле: *говорят*.

Птицын, Варя, Ганя — ждут.

3 комнаты.

Нина Александровна больна и не выходила. Генерал, как говорили, в долговом, Коли⁵ тоже нет, он у Князя.

НВ. — Рассказ о фактах, *легко*, без особых рассуждений.

Наружность Гани.

НВ. НВ.⁶ Аглая смеется над странностями, но мимоходом, Князь вял и скучен. — С ним ночью припадок. (Симпатическое замечание Гани о Павлищеве.)⁷

— Клуб и дети.

1-я глава

Искренность и симпатичность, когда Ганя заговорил о Князе. Варя переглянулась с Птицыным. Точно она не верила искренности и симпатичности.

¹ Текст записан в центральной части страницы.

² В нижней части страницы продолжение записей со <с. 40>:
— Ганя объясняет ~ в волнении.

³ про себя и — *вписано*.

⁴ что — *вписано*.

⁵ В тексте описка: Коля

⁶ НВ. НВ. — *вписано*. Было: О смехе.

⁷ В рукописи закрывающая скобка поставлена после слов «замечание Гани».

Объяснить симпатию Вари к брату.

Об Генеральше и Аглае.¹

Варя с Птицыным и братом:

О Генеральше и

Аглае.

Ганя: «По моему мнению, Аглая влюблена в Князя, а Генеральше и Генералу хочется»,² о доме.

(Варя опять украдкой глядит на Ганю.)

Варя и Нина Александровна приглашены к завтраку.

Сначала разговор об том: переезжать ли в дом Князя. Варя говорит: «Нет, чтоб это и виду не имело».³ Ганя хладнокровно: «Как угодно».⁴ И тут заметить, что не за деньги Ганя с Князем и что Ганя это усиленно хотел показать.⁵ <с. 40>

— Ганя объясняет тоже, каким способом хотела приехать Аглая.

— Варя устроила это свидание по своему хотению. Это видно.

— Ганя хоть и переносит весть хладнокровно, но видно, что он в волнении. <с. 39>⁶

И ПОТОМ В ESTAMINET ГАНЯ АГЛАЕ:

<—> МОЯ СЕСТРА НЕНАВИДИТ ВАС.⁷

Варя про Аглаю с братом: <—> Вероятно, до последней крайности довела⁸ и дальше нельзя было откладывать.

Птицын:⁹ — Что она, с какими же целями, любит она Князя или ненавидит — вот любопыт<но>.

¹ 1-я глава ~ Об Генеральше и Аглае. — заметки на полях.

² В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

³ чтоб это и виду не имело» — вписано.

⁴ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁵ И тут заметить ~ хотел показать. — вписано выше под знаком: — Обведено чертой. В тексте такой же знак после слов «Как угодно».

⁶ Продолжение записей со <с. 40>, текст расположен в нижней части <с. 39>.

⁷ Запись в середине страницы; основной текст расположен выше и ниже этой записи.

⁸ Может быть: довел

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

Варя с братом переглянулись, и все замолчали.

Ганя о Князе. Симпатичнее.

Тут же: 2 словечка об отношении Птицына к Варе. Отношения те же, но Варя всё отложила до устройства домашних обстоятельств. Птицын знал это и принимал в делах и намерен<иях>¹ брата и сестры огромное участие, хотя мало знал их. Может быть, он тоже думал, что всё угадывает и ни в чем не ошибается.²

Ганя форсит, вынимает часы и смотрит: <—> Кабы она не задерживала! У меня столько дела и в конторе; да и Князь просил. А кстати, Варя, приготовь<ся> встретить отца — он выйдет.

— Где ж его положить?

<—> Где прежде в зале.

— Почти невозможно. Эта квартира³ только и возможна без него.⁴

Но слушай, брат: извини, я спрошу: это не ты просил Князя об отце?

— Разумеет<ся> нет, — сказал с досадой Ганя. — Он сам захотел непременно и мне поручил. Вот⁵ деньги внести. Только ради Бога не болтай. Он хочет секрета, т. е. и отцу ни полслова.⁶ Сделай одолжение. Пусть уверен, что его кто-то другой выкупил. Я пошлю⁷ Дарью Алексеевну.

— Да ведь он вообразит, что в него влюбилась какая-нибудь и по любви выкупила.

— Непременно.

<—> Да ведь опять начнет векселя той давать.

<—> Наверно. Я Князя отговаривал, я сделал всё что мог; ему именно <ι> было место.

— Не говори громко,⁸ чтоб мамаша⁹ не услышала. — Она плачет об нем.

Ганя:¹⁰ — Да если хочешь, ведь и мне жалко, да ведь что ж, если это самое лучшее для него место было; однако ж половина одиннадцатого.¹¹
<с. 41>

¹ Далее было: сес<тры>

² Записи: Ганя о Князе. Симпатичнее. и Тут же: 2 словечка об отношении Птицына к Варе. — связаны соединительной линией, так как текст разделен более ранней записью: И ПОТОМ ~ НЕ НАВИДИТ ВАС.

³ Далее было начато: почти невоз<можна>

⁴ Далее было: Я полагаю, что он останется у Князя.

⁵ Далее было: эти <ι>

⁶ Было: ни слова

⁷ Далее было: одну

⁸ Вместо: Не говори громко — было: Только

⁹ мамаша — вписано.

¹⁰ Ганя — вписано. В рукописи двоеточие отсутствует.

¹¹ Далее знак: // Текст: <—> Да ведь опять ~ одиннадцатого. — вписан на полях. Рядом в нижней части страницы обведенная чертой запись: Об воле <ι>

1) Действие России на Князя. Насколько и чем он изменился. В описании.

2) Аглая в первом, утреннем свидании с Ганей упоминает как бы враждебно Князю:

— Ну не совсем-то я люблю этих простых и невинных людей, которые так расчетливы и осторожны в своих шагах и так себе на уме. Он тогда приехал и у отца 25 р. на бедность принял, местечка просил, у нас ни словечка не проговорился, тем же бедненьким сидел, местечко в канцелярии принял, а у него вон какое письмо о наследстве в кармане было!

— Ганя (защищая Князя):¹ <—> Ах, это не так надо принимать. Я сам был в кабинете Ива<на> Фе<дорови>ча во всё время их первого разговора: Князь раза четыре заговаривал об этом письме, именно о письме, даже вынимал его; но как-то всё так случилось, что ему нельзя было продолжать разговор. Никакого расчета тут, по-моему, не было, а просто то, что Князь, совершенно не зная ничего в делах... и в России, если хотите, не давал всего вероятия этому письму...² А если хотите, так эта осторожность, по-моему, даже похвально,³ что высказывать-то с таким оригинальным известием, не узнав на<с. 42> перед даже о степени его вероятия.

Аглая:⁴ — Да так и у нас объяснили, а все-таки довольно⁵ осторожный человек, — и Аглая про себя улыбнулась.

NB —

Генеральша говори<т> разгорячась фразу:

«А я так скажу тебе прямо: сама влюблена в него⁶ (NB:⁷ т. е. чего ж ты на него⁸ нападаешь)».⁹

Говорит ее так, что смысл ее должен быть и для читателя как бы совсем нечаянный, т. е. и читатель должен как бы не приготовлен быть к тому, что Аглая влюблена в Князя.

¹ (защищая Князя) — вписано над строкой.

² Далее было начато: Он

³ Так в рукописи.

⁴ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁵ довольно — вписано.

⁶ Было: в него, ч<его ж>

⁷ NB — вписано. В рукописи двоеточие отсутствует.

⁸ Было: на нас <г>

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

ГЕНЕРАЛЬША АГЛАЕ

— «Не беспокойся, я хорошо смотрела, он тебя любит».¹

—² Генеральше ужасно хочется, чтоб Князь женился на Аглае.

³И когда он почти отказался, и Аглая, дома, напала на мать, — той страшно горько, что она для любимой дочери не рассмотрела дела, и потому она говорит упорно:⁴ «Он тебя любит».

— (В 4-й части объяснение Генеральши с Князем.)

3 месяца назад, Генеральша была поражена тем, что Князь хотел жениться на Н<астасье> Ф<илипповне>, виднее выставить, как это уладилось. <с. 43>

20 марта

— Между Ганей и Аглаей о Павлицеве.

NB) — О сношениях Аглаи с Рогожиным.

NB) О Генераловой страсти.

20 марта

NB₁) Капитальная сцена объяснения между Ганей и Варей (и может быть разрыв по этому поводу).

NB₂) Объяснение Князя с Генеральшей.

NB₃) 3-я и 4-я часть заключат в себе одну теперешнюю третью, т. е. кончить только тем, что Н<астасья> Ф<илипповна> после сцены с Аглаей, хочет выходить за Князя, а Аглая объясняется с Ганей в *Eslaminet*.

NB₄) 5-я и 6-я часть будут заключать одну 5-ю, т. е. Н<астасья> Ф<илипповна> в невестах, объяснены <е> Н<астасьи> Ф<илипповны> с Генеральш<ей>, с Рогожиным, Детский Клуб,⁵ сцена с Князем, прощение во храме.⁶ Бегство Н<астасьи> Ф<илипповны>.

6-я и 7-я <части>. Ловит Рогожин. Брак Н<астасьи> Ф<илипповны>.⁷ С Князем — таинственные свидания. Рогожин зарезал. <с. 44>

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Знак абзаца.

³ Знак абзаца.

⁴ упорно — вписано.

⁵ На полях вдоль основного текста замечка: Не надо Клуба, а так разные Эпизоды.

⁶ сцена ~ храме. — вписано. Рядом знак: ✕

⁷ Н<астасьи> Ф<илипповны> — вписано.

В этой же 3-й и 4-й частях (во 2-й то есть).

Объяснение Гани с Князем, после объяснения с Аглаей, что он обманул его.

В 4-й части Н<астасья> Ф<илипповна>¹ убегает из-под венца с Рогожиным.² <с. 45>

Глава у Князя на завтраке³

— Он говорит об аристократии. <с. 46>⁴

1⁵

21 МАРТА

Синтез романа. Разрешение затруднения

? Чем сделать лицо героя
симпатичным Читателю?

Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны.

Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту:⁶ он !невинен!⁷

— Детский клуб⁸ зачинает образовываться еще в 3 и 4-й частях.

— Развивается в конце романа.

¹ Было: она

² Текст записан вдоль страницы. Далее было: в 5-й и 6-й части Князь, будучи женихом, занимается и другими делами, не мешает Н<астасье> Ф<илипповне>

(придумать эпизодов много).

Генеральша, Ганя, Аглая, дети даже <дети даже — вписано>. — Срамны<е> сцены. Прощение во храме, брак, пропадает.

На странице находятся также записи под каллиграфическим заголовком «Сцена и Брошюры» (см. с. 368).

³ В тексте описка: на завтрак

⁴ На странице каллиграфическая пропись: Julius Cesar — и заметка рукой А. Г. Достоевской: Эта записная книга Ф. М. Достоевского подарена мною внукам моим Федору и Андрею Достоевским 28 января 1909 года. А. Достоевская.

⁵ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

⁶ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁷ невинен — подчеркнуто дважды и заключено в рамку.

⁸ Далее было начато: об<разуется>

— Все вопросы, и *личные* Князя (в которых дети берут страстное участие), и *общие*, решаются в нем, и в этом много трогательного и наивного, ибо, в самые крайние *трагические* и *личные* минуты свои, Князь занимается разрешением и *общих* вопросов. NB. *Приготовить много случаев и повестей*.¹

— Когда, в *конце 4-й части*, Н<астасья> Ф<илипповна> опять оставляет его и бежит с Рогожиным из-под венца, Князь² совершенно уже обращается к Клубу.

— Недоверчивость к большим (к их проэктам, советам, просьбам и деловым предложениям) — *еще с 3-й и 4-й части*.

— Аглая и Н<астасья> Ф<илипповна> *еще в 3-й и 4-й частях* начинают смеяться об этом. NB.³ Генеральша становится членом Клуба. <с. 48>⁴

2

— Все личные дела Князя, начиная с 5-й части, текут рядом с клубными.

— Чрезвычайное участие детей в отношениях Князя, Н<астасьи> Ф<илипповны> и Аглаи.

NB. Через детей признается и Рогожин в совершении преступления.

— Генерал Иволгин,

— Генеральша,

— Ганя —

Аглая —

Смерть Князя.

— Сначала Аглая всё признает в Князе плута (нарочно) и старается его таким выставить. Но с самого начала она вся сердцем отдалась Князю, потому что он *невинен*.

— То же и Н<астасья> Ф<илипповна>. Ей жалко Князя, потому что он *невинен* <, > и бежит из-под венца с Рогожиным.

— Но потом и она понимает глубину невинности Князя.

¹ NB — подчеркнуто дважды; *Приготовить много* — подчеркнуто одинарной линией; *случаев и повестей* — подчеркнуто волнистой линией.

² Далее было начато: снова

³ NB — вписано.

⁴ <С. 48> помещаем ранее <с. 47> на основании нумерации Достоевского (<с. 48> — «1», <с. 47> — «2»), а также авторских знаков, которые поставлены внизу <с. 48> иверху <с. 47> и указывают на порядок записей.

— Князь не вступает в прения с большими, и впоследствии так даже избегает больших, но с детьми полная откровенность и искренность, — целая новая жизнь.

NB. У него на завтраке *трое* молодых людей. <с. 47>

30 марта¹

Князь =

— «Я сделал великое преступление» (в случае женитьбы).²

— Надеется на Аглаю, что та подействует на Н<астасью> Ф<илипповну> (на нравствен<ное> состояние ее).

— С этою целью ухаживает за Аглаей.

— Просьбу Аглае о Н<астасье> Ф<илипповне> формулирует наконец прямо (сцена).

— Аглае (смеявшаяся над Князем, в бешенстве, сначала дает ему согласие).

Капитальное.³ ! — Сцена Аглаи с Н⁴<астасьей> Ф<илипповой>. Князь тайный свидетель.

— Сцена Аглаи с Ганей.

— Н<астасья> Ф<илипповна> в исступлении и требует от Князя брака.

— Бежит с Рогожиным.

NB) Сцена⁵ у Князя с некоторыми из детей. Ипполит. Генерал. Генеральша Епанчина.

— <с. 130>

1-е апреля

— Аглая могла потому приехать к Ганечке, что слышала про него, что он изменился, предался Князю *весь, около Князя*: она подозревает Князя и в интересах Князя приехала посмотреть Ганю.⁶

¹ Было: *апреля*

² В рукописи кавычки и закрывающая скобка отсутствуют.

³ Капитальное. — вписано на полях.

⁴ Было: N

⁵ Было начато: Н. <Ф.>

⁶ Далее знак абзаца.

— Генерал разузнал о наследстве и проверил. 10 000 взаймы дал. Даст больше.¹

— «Я не знал себя. Я, стало быть, люблю ее»,² — сказал Князь про Н<астасью> Ф<илипповну>.

У него всё сильнее и сильнее нежное чувство к Аглае.

— «Смирение самая страшная сила, какая только может на свете быть!»³

ИДИОТ ВИДИТ ВСЕ БЕДСТВИЯ.

БЕССИЛИЕ ПОМОЧЬ.

ЦЕПЬ И НАДЕЖДА.

СДЕЛАТЬ НЕМНОГО.

ЯСНАЯ СМЕРТЬ.

АГЛАЯ НЕСЧАСТНА.

Нужда ее в Князе.⁴ <с. 129>

1⁵

— Горского⁶ видел.

— Они⁷ нас умнее.

— Видел одного священника.

— Толковал Апокалипсис. — Купил поле.

— Сын Павлищева.

— Князь выпустил убийцу. — (Он убил всё семейство Жем<ариных>.)

— Много нового; я ничего не мог разобрать.

— Голодный год.

— Что ж делать?⁸

— О состоянии.⁸

¹ Далее знак абзаца. Ниже записи чернилами более темного оттенка.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Под строкой авторский знак: три горизонтальные линейки, под которыми два вертикальных штриха.

⁵ Авторская нумерация текста, указывающая на последовательность записей.

⁶ Было начато: Гор<ского>

⁷ Было: Купцы

⁸ На полях слева от текста: — Много нового ~ О состоянии. — запись:

— Женаты?

— Нет.

— Бывает.

— Сравнение заграницы с Р<оссие>й. Человек, развитие.
— Телеги — (глупенький мальчик) убить хотел (потом расплакался).¹

— Ночью. — «Ведь я всё вижу».²

— «Я его выпустил, а он зажег всё село (крестьяне взяли с меня).
Ох нет, он не раскается».³

— Обращение священника.

Смерть Белехова.

— Рыцарь бедный.

— Поцеловал Аделаиду.

— «Мое мнение стоять за свое сословие».⁴ Ф<лигель>-Ад<ъю-
тант>.

⁵Генеральша читает его письмо. «Какой такой „бедный рыцарь“<?>
То-то она читает всё „Бедного рыцаря“». Аглая, не стыдясь, стала и
прочла «Бедного рыцаря».⁶

— Аглая. <—> Любопытно, что вы приехали делать? Когда Бог
знает какие люди колеблются, то вы...

<—> Да; «Что делать?» — сказал⁷ Иончек — Вельмончек.⁸

— Русское дворянство, в особняк по-западному, ошибка, я видел
Князя, с Алексеем сидел. Он был дворянин, а Алексей лакей.⁹

— Нет, мы с вами этого не сумеем!

Нарочно смеется и превышает Князя.¹⁰

ЦЕПЬ, говорит о ЦЕПИ.

В Павловске на даче глава Генерала и Лебедева в распивочной.

— Война турок и ребенок, Крит.

¹ (потом расплакался) — вписано под строкой.

² В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Знак: ъ=

⁶ В рукописи кавычки только в словосочетании «бедный рыцарь».
Название «Бедного рыцаря» во втором случае записано со строчной
буквы. Далее знак: ///

⁷ Было начато: за<метил>

⁸ Вельмончек — заключено в рамку.

⁹ Далее знак: ///

¹⁰ Нарочно ~ Князя. — вписано на полях вдоль основного текста,
с росчерком пера.

— «Ведь у него 12 спящих дев».¹ <с. 132>²

2

Во 2-й части

Князь про картину Гольбейна.

Про Лебедева и Дюбарри (Аглае).

О ВЕРЕ. Испытание Христа.

Сострадание — всё христианство.

Цепь.

Высочайшее Лакейство (St. Louis. Дюбарри).

Звучать звоном.

Сделать немного.³

— «Смирение есть самая страшная сила, какая только может на свете быть!»⁴ <с. 131>

8 апреля

— Н^астасья Ф^{илипповна} у Учителя (при ней часто Дарья Алексеевна).

— Рогожин умоляет ее выйти за него. Отказывает часто. При каждом отказе отчаяние и кутеж Рогожина.

— Наконец говорит ему: «Выйду за тебя, когда Князь женится на Аглае».⁵

— Рогожин раб ее (и под конец режет).⁶

— Аглая ревнует к Н^астасье Ф^{илипповне} (а явно смеется над Князем).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² <с. 132> помещаем ранее <с. 131> на основании нумерации Достоевского (<с. 132> — «1»; <с. 131> — «2»).

³ Справа от текста: Звучать звоном. Сделать немного. — фигурная скобка.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее горизонтальная линия, отделяющая от текста заметку от 31 июля <1869 г.>, которая предположительно относится к замыслу «Жития великого грешника» (см. с. 387).

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁶ (и под конец режет) — вписано.

— Узнает решение Н<астасьи> Ф<илипповны>. Заключает,¹ что Н<астасья> Ф<илипповна> влюблена.

— Сцена свидания Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповой>. Оскорбление. Н<астасья> Ф<илипповна> в исступлении. «Так выйду же за Князя!»

— Князь согласен. Жених. Смешон. Как он отклоняет смех.

— Бежит из-под венца и выходит за Рогожина.

— Князь и его деятельность. Аглая *convertie*.² Рогожин режет Н<астасью> Ф<илипповну>.

— NB. Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*,³ что бы он мог сделать и предпринять, *то* всё умерло с ним. *Россия действовала на него постепенно. Прозрения его*.⁴

— Но где только он ни прикоснулся, — везде он оставил неисследимую черту.

— И потому бесконечность историй в романе (*misérableй*⁵ всех сословий),⁶ рядом с течением главного сюжета.

(NB. NB. NB! Главный-то сюжет и надо обделать, создать.)

— В историях научает детей.

? А не выставить ли Князя непрерывным сфинксом?

⁷Несколько ошибок и комических черт Князя.

⁸Кавалергард оскорбил его; Князь с самым (*истинно*) невинным видом идет его спрашивать и обезоруживает.

NB! —⁹ Мужество Князя в большом деле, поражающее Аглаю. <с. 116>

9 апреля. Князь и все истории. Аглая влюблена, сначала куралесит, потом покоряется и *вдруг узнает о Н<астасье> Ф<илипповне>*.

NB. — «Я вас люблю... ну да, люблю»¹⁰ (и рассердилась).

¹ Было начато: С

² обращена (фр.).

³ *то* — вписано.

⁴ Далее знак: (×) !

⁵ Так в рукописи.

⁶ отверженных (фр.); (*misérableй* всех сословий) — вписано.

⁷ Знак абзаца.

⁸ Знак абзаца.

⁹ Знак абзаца.

¹⁰ В рукописи закрывающая кавычка поставлена после первого «люблю».

- Аглая боится Н<астасьи> Ф<илипповны>.
 - Слухи о Н<астасье> Ф<илипповне>.
 - Князь разыскал ее и держит втайне.
 - Рогожин ищет.
 - Аглая и Н<астасья> Ф<илипповна>.
 - Н<астасья> Ф<илипповна>¹ за Рогожина (конец 2-й части).
- <с. 115>²

NB.

— Князь говорит детям об Христофоре Колумбе и что нужно быть действительно великим человеком, чтоб умному человеку³ устоять даже против здравого смысла.

(Детям <—> тем хорошо говорить, что они еще не жили и себе цены⁴ не узнали и потому могут воображать каждый, что и в самом деле, может быть, сами Коломбами будут.) <с. 110>

Последняя Идея

NB, развить

— НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА НЕМОЩНАЯ
— и убитая, под его тайным присмотром. NB₁ (непрерывно сцена ее с ним не чувствительная, но сильная и грациозная. Коля и Петруша Лебедев. Невестка).

NB₂. Ганя и Лебедев. Измена Лебедева.

(Рогожин знает. Мрачный и покоровившийся.)

— Ни СЛОВА О ЗАМУЖЕСТВЕ между Княз<ем> и Н<астасьей> Ф<илипповной>.

— У ней свидание с Рогожиным.⁵

(«Может быть, и выйду»)⁶.

Князя считают женихом Аглаи.

— Оскорбление.

— «Захочу и выйду».⁷ Гордость до Иступления.

Бежит с Рогожиным.

¹ Было записано и вычеркнуто: Н<астасья> Ф<илипповна>

² Далее горизонтальная линия, под которой находятся записи к замыслу «Карпузов». <С. 111—114> также заполнены набросками к данному замыслу.

³ умному человеку — вписано.

⁴ Было: цену

⁵ Далее было начато (без кавычек): «Выйде<шь>»

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: — Ни СЛОВА ~ и выйду»). — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: NB.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

Развязка.¹

Рогож<ин> сообщает Князю, что в Москве нашли.² А она уж в Петерб<урге>.

И вдруг от Н<астасьи> Ф<илипповны> — ему приглашение на тайное свидание.³

НВ. БОЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА,
ВОЗНЯ. <с. 109>⁴

Порядок.

Сначала ни слова о Н<астасье> Ф<илипповне>. Только развить об Аглае, о Князе, историях.

Лебедев (туманно).

Потом он отказался от Аглаи (на завтраке).

Идет к Н<астасье> Ф<илипповне>, его сцена с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

Приезд Аглаи.⁵ <с. 110>⁶

Никто не прочит снаружи в Генеральском доме Аглаю Князю.

Напротив<,> жених Граф. Тайное желание.⁷ Тайное за Аделаиду желание.⁸

¹ Росчерк пера.

² В рукописи запятая.

³ Рогож<ин> сообщает ~ свидание. — запись на полях вдоль основного текста.

⁴ Текст записан почерком с элементами каллиграфии. На странице каллиграфические прописи: Мо<сква>, Москва, Русс<кий>, Вестн<ик>, Русский, С.-Пет<ербург>

⁵ Текст: Порядок. ~ Приезд Аглаи. — записан внизу страницы чернилами более темного оттенка — по всей видимости, в то же время, что и наброски на соседней <с. 109> тем же почерком и теми же чернилами.

⁶ На странице каллиграфические прописи: Москва, [Sarch], [Петербург], Русский <4 раза>, Русский вестник <2 раза>, Петербург<бург>, Петербург<рг>, Русский вест<ник>, С.-Петербург<ург>, Русск<ий>, Julius Cesar, Julius Ces<ar>, Ру<сский>, Ju, J, Русский ве<стник>

⁷ Тайное желание. — вписано правее текста: Напротив<,> жених Граф. — и выделено фигурной скобкой.

⁸ Тайное за Аделаиду желание. — вписано левее текста.

Только по насмешк<ам> Аглаи мать догадывается.¹

Тайная любовь с Н<астасьей> Ф<илипповой> (и ни слова о любви).² (Полное Уединение.) (Но секрет.) (Всё описание, вся грация, ее остроумие.)

Ее непрерывное требование (ему)³ жениться на Аглае.

Призывает уже Рогожина.

Вдруг Оскорбление.

Далее.

Ободренная<,> испугана.

Бунт (за Князя).

Струсил (за Рогожина)

и т. д.⁴

НВ НОВОЕ.

Первое отделение.

Новый Князь.

Аглая.

Истории, Таинственность, Лебедев.

Завтрак. Князь отказывается<ся>.

2-е отделение.

Тайная любовь.

Развязка.⁵ <с. 108>⁶

Ободренная.⁷ Золотые сны. Вдруг Лихорадочные Сцены. Свидание с Рогожиным.

¹ Росчерк пера. Ниже каллиграфические прописи: Аделаида, Ад<е-лаида>, Аде<лаида>, С.-Петербур<ург> <2 раза>; в направлении, обратном тексту: Князь Лев, Ж, Женева

² (и ни слова о любви) — вписано над строкой.

³ (ему) — вписано.

⁴ Далее. ~ и т. д. — вписано справа от основного текста и обведено чертой.

⁵ Росчерк пера. Текст: Тайная любовь с Н<астасьей> Ф<илипповой> ~ Развязка. — записан вдоль страницы.

⁶ На соседней <с. 107> каллиграфические прописи: С.-Петербург <2 раза>, Князь Мышки<н>, Князь Мышкин, Князь Лев Николаевич Мышкин <2 раза>, Князь Лев <2 раза>, J <2 раза>, Князь Лев Николае<вич>, Julius Cesar <2 раза>, Аглая, Князь <2 раза>, Моск<ва> <2 раза>, Мо<сква>, М, Мос<ква>, К <2 раза>, Князь Ле<в>, Мышкин

⁷ Было начато: Т

Каллиграфические прописи с именем главного героя романа «Идиот».

Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

Отказал Аглае. Страх. (Сцена с Аглаей и оскорбление.)¹
 NB. А в золотых снах: Психолог<ическая> Странность:
 : Непременное желание, чтоб Князь женился<я> на Аглае.
 И в то же время ревность.
 (Мучения до крайности Н<астасьи> Ф<илипповны>.)
 И тут-то оскорбление от Аглаи.²

В Москве — 5 дне<й>.³

Последнее Слово⁴

3-я и 4-я <ЧАСТИ>.

Из Москвы приезжает.⁵

Дело в том, что Князь очень затруднен, как бы отказаться, и желает объясниться с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

¹ Текст: Ободренная ~ оскорбление.) — объединен фигурной скобой, возле которой запись: Страшная целомудрен<ность>

² Росчерк пера.

³ Росчерк пера.

⁴ Во втором слове буква «С» записана с росчерком.

⁵ Из Москвы приезжает. — вписано.

Катастрофа.

А Ганя?

его роль?¹ <с. 106>²

Никакой Катастрофы.

3-я и 4-я <части>. Просто отказался от Аглаи<,> и Истории.

5 и 6-я <части>. Восстановление. Дошла до золотой надежды.³

Шум о поведении Князя.

(Сцена с Аглаей)?

Клуб детей.⁴

Бежала с Рогожиным.⁵

Объяснение с Рогожиным («Дашь мне покой?»⁶).

Вышла и стала раба Рогожина, зарезал по поводу ревности ее — насчет брака Аглаи с Князем.

НВ. Тянуть на все части историю *реабилитации*⁷ Н<астасьи> Ф<илипповны> и любви Аглаи и *ИСТОРИИ*.⁸

НВ. Чувство Князя к Аглае.

¹ А Ганя? его роль? — вписано слева от записи: Катастрофа.

² Текст записан вдоль страницы. Слева от него каллиграфические прописи: Настасья Филипповна, Князь, J, K, Кн<язь>, Настасья, Князь Мышкин, Констан<тинополь>, Москва. На соседней <с. 105> пробы пера и каллиграфические прописи: Julius Cesar <2 раза>, Romulus <3 раза>, Aug<ustus>, Romu<lus> <2 раза>, Augustus <2 раза>, Caius Caligula, Claudius, Galba, Otto, Vittellius, Vespasianus, Constant<inopolis>, Genève, Romulus Augustulus, Ju, C

³ Ниже было: и бежала

⁴ Записи: Восстановление. и Клуб детей. — связаны соединительной линией.

⁵ На полях заметка, обведенная чертой:

10 апреля.

И однако сцену Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповной> непременно, после которой бунт Н<астасьи> Ф<илипповны>. Князь объявляет себя женихом, и тут-то она и бежит с Рогожиным.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ реабилитации — подчеркнуто волнистой линией.

⁸ На полях слева от текста: Вышла и стала ~ *ИСТОРИИ*. — помета: ГЛАВНОЕ: *ИСТОРИИ*.

NB) Я люблю вас: Идиот!¹
NB) История с Кавалергардом.²

Серьезные разговоры о России, о жизни и НИКОГДА О ЛЮБВИ.³

Бежала из-под венца от Рогожина к Князю.⁴

Н<астасья> Ф<илипповна> узнает, что Аглая за Кавалергарда, и удостоверяется.⁵

NB. Н<астасья> Ф<илипповна>. Наивно и бессознательно рада и видит новый мир и перевоспитание в том, что Князь с ней так говорит.

Гордится — (ХОРОШО!)⁶

(Retour`ы).⁷

У Генеральши знают наконец, что он перевоспитывает Н<астасью> Ф<илипповну> и воскрешает душу (Аглая поняла), и вдруг Н<астасья> Ф<илипповна> бежит. <с. 104>⁸

Н<астасья> Ф<илипповна>.⁹

Сначала тайна, потом Рогожин узнает и все узнают.

— Отказ Кавалергарду, и Н<астасья> Ф<илипповна> колеблется и бежит с Рогожины<м>.¹⁰

Начало фактическое. Князь возвращается, получает записки и отправляется по запискам.

¹ Так в рукописи. В печатном тексте слова «я люблю вас» принадлежат князю Мышкину (см.: 8, 471).

² Справа приписано: Флигель-Адъютан<том>. Росчерки пера.

³ Росчерк пера.

⁴ Росчерк пера.

⁵ Росчерк пера.

⁶ Гордится — (ХОРОШО!) — вписано.

⁷ Возвращения к прежнему (фр.).

⁸ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице каллиграфические прописи: С, С.-Пе<тербург>, С.-П<етербург>, С.-Петерб<ург>, Идио<т>, Идиот, Julius Cesar <3 раза>.

⁹ От этой записи проведена черта по направлению к тексту: Начало фактическое. ~ колебания.)

¹⁰ Текст: Н<астасья> Ф<илипповна>. ~ бежит с Рогожины<м>. — записан в направлении, обратном пагинации тетради.

10 апреля³

ФАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА 3-й ЧАСТИ

1) Возвращение Князя из 5-дневного путешествия в Москву. (Слишком скоро в 5 дней.)⁴

Генерал говорит: «Как так успел<?>

НВ. — А я тут по твоим делам».⁵

2) Письма.

3) Лебедев.

4) Объяснение с Ганей (мнителен и раздражителен). Ганя об Аглае.

5) Визит к Генералу. Аглая. Эпизод с Кавалергардом. Зовёт на новоселье.

НВ. (Эпизод с Кавалергардом продолжается.)

6) Вечер у Н<астасьи> Ф<илипповны>. Лебедев. «Тимофей Степанович»⁶ по приниженности.

7) Коля, Петя Лебедев, История Павлищева.

Ипполит. Дети Лебедева.

8) Эпизод с Генералом и с Ганей.

9) Шпионство Гани. (Князь ему⁷ открывает<ся>. Ганя ему: «Я хотел изменить вам».⁸ («Я знаю».)⁹ НВ^х.¹⁰ «Аглая будет у ме-

¹ Текст: Начало фактическое. ~ колебания.) — записан вдоль страницы; возможно, появился ранее других записей на <с. 103—104> и относится к тексту набросков со <с. 106> (см., в частности: А Ганя? его роль?), также записанному вдоль страницы.

² Большая часть страницы занята каллиграфическими прописями: Идиот <2 раза>, Ид<иот>, Julius Cesar <7 раз>, Caius Caligula <5 раз>, Конста<нтинополь>, Caius C<aligula>, Claudius, Nero, Galba, Otto, Vittellius, Vespasianus, Jul, Constantinopolis, Marcus Aurelius Antoninus, Claudius, N, Ca, Caius, Co, Roma <2 раза>, Caius Calig<ula>, Constantino<polis>, Carthago, M, Mar Запись с элементами каллиграфии: возвал! из глубины В том же направлении: Julius Cesar

³ Заголовки и текст под пунктами 1—13 записаны почерком с элементами каллиграфии.

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. (Слишком ~ по твоим делам». — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Над словом: ему — знак: ?

⁸ В рукописи: Вам. Кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ НВ^х — вписано.

ня».¹⁾ Князю тяжело. Ганя сердится, что Князь не открыл ему об Н<астасье> Ф<илипповне>.²

10) *Посторонняя девочка.*

11) *Детский журнал.*

12) *Фердыщенко и заниматели денег. (Сделать в связи.)*³

13) *КАПИТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ с РОГОЖИНЫМ. (Убежала из-под венца.)*

(NB от меня:

Даже слишком много для третьей части.

Секреты, тайны и дальнейш<ие> завязки.

NB₁. Задача представить Н<астасью> Ф<илипповну>.

NB₂. Князя Сфинксом.⁴

Сфинксом. Сам открывается. Без объяснений от автора, кроме разве первой главы.⁵ <с. 101>⁶

NB. О Гане: Seriously раздражается: не подозревает ли его в чем Князь и в то же время обманывает его. Страсть к Аглае.

— Сестра поджигает на мщение, он неидет.

!NB. NB? — (жалеет о 100 000,⁷ украл у Князя деньги и бежал за границу. Final).

Разговор с Птицыным о Царе Иудейском.

Князь ХРИСТОС.⁸

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Ганя сердится ~ об Н<астасье> Ф<илипповне>. — *вписано.*

³ С этой темой связан отдельный эпизод, записанный на <с. 84>: — Про Судоходова устроила Аглая ~ требовал денег и искренно (см. с. 272).

⁴ NB₂. Князя Сфинксом. — *вписано.*

⁵ Сфинксом. ~ первой главы. — *заметка на полях вдоль основного текста.*

⁶ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. <С. 101> помещаем ранее <с. 102>, так как на ней содержится заголовоч-дата и один из сюжетных планов, что характерно для начала заметок. Продолжение тем же почерком на <с. 102>: NB. О Гане ~ Царе Иудейском. Записи на <с. 102>: — Н<астасью> Ф<илипповну> слишком ~ Припадки. — *близки по почерку наброскам на <с. 100>.*

⁷ (жалеет о 100 000 — *вписано с закрывающей скобкой, которая осталась невычеркнутой.*

⁸ Князь ХРИСТОС. — *заметка на полях вдоль основного текста.*

— Н<астасью> Ф<илипповну> слишком ободряет, что Князь ни слова не говорит о свадьбе. (Она бежала из-под венца к Лебедеву в Петербург к свояченице. Лебедев и представил ее Князю. Объяснить.)¹ ? (Это Ганя сообщает Аглае.)

Н<астасья> Ф<илипповна> настаивает, чтоб Князь женился на Аглае. Осведомляет<ся> когда. Лихорадочно разузнает у Лебедева. Припадки.² <с. 102>³

Н<астасья> Ф<илипповна>.⁴ Кутила в Москве, больна.

Согласилась с Рогожиным.

«Я свободна»⁵ (бежала из-под венца).

В Петербурге у Лебедева, еще не отказала Рогожину. Рогожин ходит к Лебедеву.

Познакомилась с Князем, потому что «я свободна».⁶ Рогожин на всё соглашается, трепещет и в рабстве.

Intimно⁷ Н<астасья> Ф<илипповна> услышала, что Князь не очень с Аглаей и что ищет постоянно ее по Москве,⁸ приехала женить его. <с. 69>⁹

Утром заплак<анный> <и> Рогожин пришел <к> Князю в отель его.

Рогожин сообщает ему, что он видел Н<астасью> Ф<илипповну> и что та говорит ему, что не выйдет за него, пока Князь не женится на Аглае. <с. 70>¹⁰

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует. На полях слева от текста: Она бежала ~ свояченице. — помета: 3 недели назад.

² Далее знак: +

³ Текст записан почерком с элементами каллиграфии; в направлении, обратном пагинации тетради. На странице каллиграфические прописи: Jules Cesar <3 раза>, Julius Cesar, Caius Caligula <2 раза>, Galba

⁴ Над строкой начато и вычеркнуто: X

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Так в рукописи; здесь: тайно, от intimus — тайный, доверительный (лат.).

⁸ и что ищет постоянно ее по Москве — вписано.

⁹ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. <С. 69 и 70> помещаем после <с. 102> на основании тематической близости записей. На <с. 69> находятся также более поздние записи, сделанные чернилами светло-коричневого оттенка: Аглая с Князем и дома. ~ Н<астасья> Ф<илипповна> не сумасшедшая (см. с. 311).

¹⁰ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице находятся также более поздние записи, сделанные чернилами

Если Ганя спервоначалу рассказал, что знал (Аглае) об Н<астасье> Ф<илипповне>

(Римская Императрица, купаться при невольнике),
и потом донесение Лебедева (*утрешнее*) Князю,¹

то читатель достаточно эклерирован, чтобы можно было сохранить роль Сфинкса.²

— — —
NB NB NB NB

(В посещении Аглаи много торопливости)?³

⁴Ганя не говорит Князю всего; он проговаривается ему, что Аглая *проговаривается*, что желает видеть Ганю, но не говорит ясно, что это завтра.

Намекает при этом, что Аглая будет расспрашивать об Н<астасье> Ф<илипповне>, и ждет, не скажет ли Князь? Но Князь не сказал. Раздражительн<ый> разговор об отце.⁵ Ганя вышел грустен. Прогулка его. Хочет видеть Колю. Обругал Колю, что тот не говорит. К Ипполиту. Хочется узнать об Н<астасье> Ф<илипповне>. (Об Н<астасье> Ф<илипповне> ему⁶ проговорился первый раз Коля.) Ипполит его адресует к Лебедеву. (Но Лебедев смеется над Ганей; в первый раз сводит с Генералом. Ганя думал напоить Лебедева. Тот напился, но не сказал.) <с. 100>⁷

Лебедев: Из принижения.

Апокалипсис.

Молитвы

и гнусный.

Сцена Лебедева с Генералом Иволгиным.

Лебедев разыскивает подноготную о Сыне Павлищева и узнает, что Аглая *будет* у Гани.

ми светло-коричневого оттенка: Князь женат. ~ *Поехала одна* (см. с. 311—312).

¹ Записи: Если Ганя ~ об Н<астасье> Ф<илипповне> и и потом донесение ~ Князю — *связаны соединительной линией*.

² Записи: и потом донесение ~ Князю и то читатель ~ роль Сфинкса. — *связаны соединительной линией*.

³ Текст: Если Ганя ~ торопливости)? — *записан почерком с элементами каллиграфии*.

⁴ Знак абзаца.

⁵ Раздражительн<ый> разговор об отце. — *вписано*.

⁶ В тексте описка: его

⁷ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

Доносит Князю (предупреждает Князя насчет Гани).¹ Князь удивлен.

(Лебедев узнал от Коли и вошел в сношения с самю Аглаей.²

Но он не всё говорил, был пьян, умалчивал.)³

А так как: Ганя часто предлагал услуги, то она, думая, что Ганя с Князем в чрезвычайной дружбе и в нее еще влюблен, и выбрала Ганю перед выходкой отказа Князю. (NB. И Ганю сфинксом.)⁴

Князь спрашивает, так для чего же она к Гане,⁵ а не к нему, Лебедеву, обратилась. Тот отвечает: «Думает, что больше знает, чем я, пьяница».⁶ (А между тем и Лебедев его обманывает, потому что в прямых отношениях с Аглаей и уже открыл.)⁷

————— <с. 99>⁸

Князь Лебедеву:

— Так вы обманули меня?

— Обманул-с; ибо низок.

(И это несколько раз.)

Князь ХРИСТОС.⁹ <с. 97>¹⁰

¹ (предупреждает Князя насчет Гани) — вписано.

² Далее было начато: Агла<я>

³ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁴ отказа ~ сфинксом.) — вписано вдоль полей под знаком: = В тексте такой же знак после слова «выходкой». Текст: Лебедев разыскивает ~ сфинксом.) — записан почерком с элементами каллиграфии.

⁵ Было: Князю

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁷ Князь спрашивает ~ открыл.) — вписано на полях. В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁸ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице каллиграфические прописи: Julius Cesar <3 раза>, Caius Caligula <2 раза>, Romulus Augustulus, Imperator

⁹ Записи: Князь Лебедеву ~ (И это несколько раз.) и Князь ХРИСТОС. — отстоят друг от друга и сделаны, по-видимому, не одновременно, на что указывает разница в почерке и чернилах. Князь ХРИСТОС. — записано чернилами светлого оттенка, с росчерком пера.

¹⁰ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице каллиграфические прописи: Julius Cesar, Russie, Moscou, Petrus, Восстание Острова Крита, Смиранный Игумен Зосима, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Евангелие Иоанна Божьего слова

1) При приезде Князя первоначально, в первой главе пред письмами, — некоторый рассказ о Князе. (Его турнюр и проч.)¹ (Письма Генерала> Иволгина, Лебедева, Генеральши, Аглаи, Павлищева Сына, Фердыщенко, Предложение Журнала, Лихорадочная Записка² Н<астасьи> Ф<илипповны> и непонятная и проч.) Подает Коля. (О Петре Лебедеве, о журнале и проч., об Ипполите, о Павлищеве.) Об Аглае, о долговом (Коля деликатен). Об Аглае. Н<астасьи> Ф<илипповна>. Журнал.³

2) Князь идет, разыскивает Лебедева. Потом заходит к Фердыщенкам (что-нибудь прибавить). — Семейство Лебедева (никогда еще не был у Лебедева).⁴

3) Домой.⁵ — Читает журнал Лебедева (в другом пакете). Ганя. Тут опять о Гане (и даже как он дома).⁶ О сестре, о Матери, раздражается о Генерале. (NB.^x Может быть, об Аглае. <с. 98>⁷

В РАССКАЗЕ. 4-я <глава>.⁸ Intérieur⁹ отношений Князя к дому Генерала.

5-я¹⁰ <глава>. В доме Генерала. Аглая. Сцена с Кавалергардом.

NB.¹¹ Опять о Князе и об отношениях к Генеральскому дому. Сфинксовое состояние. Зовет на новоселie. Аглая спрашивает его¹² о письме. Он говорит, что это так... Что он желал бы говорить с ней. Он в смущении. (Ему хотелось бы отказать Аглае¹³ и в то же время сказать ей об Н<астасьи> Ф<илипповне>, вот его намерение, прося свидания. Аглая же думает, что это объяснение.) Колкости. Аделаида. Сын Павлищева. Удивительная победа над Флигель-Адъютантом.¹⁴

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² Незачеркнутый вариант: Заметка

³ Об Аглае, о долговом ~ Журнал. — вписано.

⁴ (никогда еще не был у Лебедева) — вписано.

⁵ Далее было начато: Ганя. Об

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы.

⁸ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

⁹ Здесь: внутренняя сторона (фр.).

¹⁰ Было: 3-я

¹¹ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

¹² Было: ее

¹³ Было: Аглае.)

¹⁴ Далее знак: × На полях помета: выдумать — и запись: Грациознее, более жару, вроде Княжны Кати.

(Аглая стравивала, при этом громко и вслух смеялась над Князем и выдавала его и ужасно была рада победе Князя.)¹ Сцена в Intérieur² Генеральском по уходе Князя между Генеральшей и Аглаей и проч.

Коля у княжон и проч.

Княгиня Белокопская. Старая старуха.³ <с. 96>⁴

6-я <глава>. На улице. Розыски девочки и проч.

Rendez-vous с детьми Лебедева. (Утром было письмо от сына Лебедева, просящее свидания.)⁵ Заходит к Ипполиту <у>. Разговоры. — Совершенно как будущие в Клубе. (Алексеев Сын.)⁶ Князь нарочно поручил выпытать Коле и Ипполиту насчет Гимназии.⁷

7-я глава, 8-я.⁸

8 часов. У Настасьи Филипповны, вечер. Тут-то Князь и говорит с детьми, о Сыне Алексея, Лебедев<,> Учитель, Молитвы и проч. Об иностранном и русском⁹ народе и проч.¹⁰ (Эпизод какой-нибудь.)¹¹

У Рогожина¹²

Видно, что уже они сговорились. Рогожин нездоров. (Об Н<а>стасье> Ф<илипповне> довольно мало.) (Из-под венца.) Князь подтверждает и клянется ему, что не женится без ведома и слова об этом не скажет.

НВ. У Рогожина всё изменилось. Он даже учится. Предупреждает о Лебедеве, что изменяет и проч.

Кстати спрашивает об одном объяснении в учебнике.

Князь садится и объясняет ему.¹³ <с. 95>¹⁴

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² Здесь: в доме (фр.).

³ Старая старуха. — вписано.

⁴ Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы. На странице каллиграфическая пропись: Julius Cesar.

⁵ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Текст: Rendez-vous ~ насчет Гимназии. — объединен фигурной скобкой. Слева от нее, вдоль основного текста, записи: У РОГОЖИНА ~ Он даже учится.

⁸ 7-я глава, 8-я. — вписано.

⁹ В рукописи: Русском

¹⁰ Об иностранном ~ и проч. — вписано.

¹¹ Текст: 6-я <глава>. ~ (Эпизод какой-нибудь.) — записан вдоль страницы.

¹² Каллиграфическая пропись.

¹³ Предупреждает ~ ему. — вписано под знаком: × В тексте такой же знак после слова «учится». Оба знака связаны соединительной линией.

¹⁴ Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы. На странице каллиграфические прописи: Julius Cesar <2 раза>.

4-я ЧАСТЬ

— 9-я глава. У Ганечки. Ожидание Аглаи. Варя о 100 000, с Птицыным.¹

— 10) Аглая. Ганечка хоть и *надул Аглаю*, а та его, но по уходе Аглаи Ганечка воспаляет<ся>.

— 11) Аглая возвращается взволнованная Слухами об Н<астасье> Ф<илипповне>. Сцена с сестрами и с Генеральшей.

12) У Князя завтрак. Эпизоды. (Павлищев и проч.)²

13) И объяснение с Аглаей. («Не смейте меня просить»). Лебедев письмо к Аглае безыменное. «Сделайте знак».³ Та показывает письмо Князю и жалуется и требует объяснения.⁴

14)⁵ Князь соглашается слишком радостно.

(Об Н<астасье> Ф<илипповне>. Аглая начинает об Н<астасье> Ф<илипповне>. Князь удивляется и сознается.)

Скандал у Генералов за отказ. Отказ Флигель-Адъютанту и чуть не шельмование его, перед разговором с Князем.⁶

15) Вечером свидание Н<астасьи> Ф<илипповны> с Рогожиным.⁷ Князь присутствует. Ужас. Припадок. Вдруг является Аглая. Сцена (помог Лебедев). На Ганю плюнула.⁸

Н<астасья> Ф<илипповна> объявляет, что выходит сама за Князя, «а ты нет».⁹

Капитальное NB: Аделаида помогает Князю втайне, сообщает об Аглае (хочет женить их).¹⁰ Ссорится с Князем, когда тот объявляет, что не любит.¹¹ <с. 94>¹²

¹ Варя о 100 000, с Птицыным. — *вписано*.

² (Павлищев и проч.) — *вписано*.

³ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

⁴ Лебедев письмо к Аглае безыменное. «Сделайте знак». — *вписано между строками со знаком: ×× Та показывает ~ объяснения. — вписано возле заголовка: 4-я ЧАСТЬ — под знаком: ×× Знаки указывают на соединение этих записей.*

⁵ Цифры «12», «13», «14» записаны без скобок.

⁶ Скандал у Генералов за отказ. — *вписано между строками. Отказ Флигель-Адъютанту ~ перед разговором с Князем. — вписано слева от текста: Скандал у Генералов за отказ.*

⁷ Было: с Аглаей

⁸ Ужас. ~ На Ганю плюнула. — *вписано. Ниже было начато: им <i>*

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: 4-я ЧАСТЬ ~ «а ты нет». — *записан вдоль страницы.*

¹⁰ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹¹ Капитальное NB ~ что не любит. — *вписано вдоль основного текста.*

¹² Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы.

Общий говор:
— Что же, Князь на б.... женится?
Шут.¹

NB.² В 5-й части Ганя достигает, что входит в доверенность Аглаи.

6-я часть.³

Н<астасья> Ф<илипповна> невеста. (Сцены с Князем полной реабилитации и полного падения.)⁴ Подкопы Аглаи. Подготовленная история, чтоб омерзить Н<астасью> Ф<илипповну>. Лопается. Ганя безумно влюбляется. Н<астасья> Ф<илипповна> бежит из-под венца к Рогожину.⁵

6 месяц<ев> спустя

Князь совсем больной, и Юродивый. Женщины и дети около него. Н<астасья> Ф<илипповна> с Рогожиным.⁶ Теперь оба в Петербурге. Рогожин⁷ и раб, и ревнует, и купец, и всё за окно (вся 7-я часть им с Н<астасьей> Ф<илипповной> наполнена). Слухи о свадьбе Аглаи с Князем. (Рогожин ревнует. Зарезал.)⁸

NB. (Князь любит Аделаиду.)⁹ <с. 93>¹⁰

Окончание романа

Аглая главная причина того, что Рогожин зарезал Н<астасью> Ф<илипповну>.

Аглая жила это время у Гани и Вари. Аглая после убийства Н<астасьи> Ф<илипповны> бросилась к Князю и жила у Князя.¹¹

¹ Общий говор ~ Шут. — вписано и обведено чертой.

² Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

³ NB. В 5-й части ~ 6-я часть. — вписано.

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Далее было: [6-я] 7-я и 8-я часть. Текст: 6-я часть. ~ Рогожину. — объединен фигурной скобкой, возле которой запись: Вставить разные Эпизоды и развязки Историй для занимательности. Над словами: Эпизоды и развязки — написано: Кража Генерала.

⁶ Далее было: прокутили всё в Москве.

⁷ В рукописи: Рогожину

⁸ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁹ Далее знак: =

¹⁰ Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы. На странице каллиграфическая пропись: Julius Cesar.

¹¹ и жила у Князя. — вписано.

Последние дни и часы Князя. Чудак, дети, все его обманули и проч. <с. 119>¹

10-е апреля

НВ. Симпатичнее написать, и будет хорошо.

Главная задача: Характер Идиота. Его развить. Вот Мысль романа. Как отражает <ся> Россия. Всё, что выработалось бы в Князе, угасло в могиле. И потому, указав постепенно на Князя в действии, будет довольно.

Но:

Для этого нужна *Фабула романа*.

Чтоб очаровательнее выставить характер² Идиота (симпатичнее), надо³ ему и поле действия выдумать:

Он восстанавливает Н<астасью> Ф<илипповну> и действует влиянием на Рогожина. Доводит Аглаю до человечности. Генеральшу до безумия доводит в привязанности к Князю⁴ и в обожании его.

Сильнее действие на Рогожина и на перевоспитание его. (Ганя пробует сойтись с Рогожиным.)⁵ <с. 92>⁶

— Аделаида — немая любовь.

— На детей влияние.

— На Ганю до мучения («Я взял свое»⁷).

НВ. (Варя и Птицын *отделились*.⁸)

Даже Лебедев и Генерал.

Генерал в компании Фердыщенко.

Кража с Фердыщенкой.

9

¹ Текст записан почерком с элементами каллиграфии, вдоль страницы, заполненной записями к замыслу «Картузов»; помещается здесь на основании тематической близости и по сходству почерка и чернил.

² В тексте описка: характера

³ В рукописи слова «Симпатичнее» и «Надо» — с прописной буквы.

⁴ Так в рукописи. Следует читать: к нему

⁵ Сильнее действие ~ сойтись с Рогожиным.) — вписано на полях вдоль текста: Для этого нужна ~ обожании его.

⁶ Текст записан почерком с элементами каллиграфии; в направлении, обратном пагинации тетради.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ *отделились* — вписано. Справа от текста: НВ. (Варя и Птицын *отделились*.) — заметка: 16 апреля. Варя сильно действует на Аглаю.

⁹ Далее было начато: (Вообще

И ПОТОМУ:

1) Вообще Истории и Фабулы (т. е. Истории, продолжающиеся во весь роман),¹ должны быть задуманы и ведены стройно параллельно² всему роману, и потому:³

2-е) Обдумать их, и

Насущную Историю с Флигель-Адъютантом, а главное по возможности параллели⁴ Историй.

Параллели⁵ Историй следующих.

1) Лебедева, обманувшего Князя <, > и с Генералом.

2) Фердыщенко и Иволгин.

3) Дети, Смерть⁶ Ипполита и проч.

4) Гани, Вари и Птицына — и проч. <с. 91>⁷

Стр.⁸ ЛЕБЕДЕВ

Лебедев про Князя:

«Утаил от Премудрых и Разумных и открыл еси то Младенцам».⁹

Лебедев — гениальная фигура.

И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним.

Надувши <, > наивно и искренно¹⁰ стыдится Князя.

Сходится с Иволгиным. Пьют вместе. Генерал вольнодумствует. Лебедев о вере и Апокалипсисе. Глубокие замечания Лебедева. (Недозревший философ.¹¹ Пьянство.) Слезы. Взаимная исповедь пьяная. Лжи Генерала, взаимно лгут. Генерал не верит.¹² («А ведь ты лжешь».)¹³ О табаке, о молитвах, о Дюбарри, о Светопреставлении. Наводит Генерала на воровство. Фердыщенко. (Доносит на Генерала Князю.)

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² В рукописи: # -но

³ Далее было начато: NB. О <бдумать>

⁴ В рукописи: # -ли

⁵ В рукописи: #

⁶ В тексте описки: Смерти

⁷ Текст записан почерком с элементами каллиграфии; в направлении, обратном пагинации тетради.

⁸ Очевидно, страница, посвященная Лебедеву.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ наивно и искренно — вписано.

¹¹ В тексте описки: философов

¹² взаимно лгут. Генерал не верит. — вписано.

¹³ В рукописи открывающая скобка и кавычки отсутствуют.

Смерть Генерала от горя.¹ Коля. Генеральша Нина. Горе Коли. Генерал жмет на смертном одре и в глубоком отчаянии, агонии и тоске. Лебедев идет за гробом и плачет. <с. 90>²

*Насушное*³

История с Кавалергардом⁴
вопрос.⁴ <с. 89>⁵

Кн<язь> Христос⁶

*Фабула*⁷

1) Генерал умирает не уличенный и не в силах сознаться, только улыбается горько. Нина знает.

2) Лебедев в 3-м Отделении. Подозрение.

3) Ганя не крадет, а делает так, как будто берет от Князя 100 000 свои и уведомляет его. («Я глупо сделал».⁸)

4) Князь и Птицын — Случайный разговор.⁹

5) Лебедев говорит Князю замечание о Н<астасье> Ф<илипповне>: «Вот с ней никто так не говорил-с, как вы, всё о любвишках говорили, а вы о столпотворении,¹⁰ так это ее возвышает в ее глазах, она рада ученому разговору».¹¹

(И тут рассказывает подобную повесть об одной.)

Князь ему: <—> А вы мне нравитесь, Лебедев, вы таки глубоко сердечный человек-с.

¹ от горя — вписано.

² Текст записан почерком с элементами каллиграфии; в направлении, обратном пагинации тетради.

³ Насушное — вписано на полях.

⁴ Далее под отделяющей горизонтальной линией было: — Одна из главнейших забот Князя по возвращении из Москвы это как бы отбиться от Аглаи.

— (О предложении, впрочем, не говорилось ни слова, ни с той ни с другой стороны, но это видно.)

⁵ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

⁶ Кн<язь> Христос — вписано.

⁷ Фабула — вписано на полях.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Текст: 1) Генерал умирает ~ Случайный разговор. — записан почерком с элементами каллиграфии.

¹⁰ Слова: о столпотворении — отчеркнуты с обеих сторон, и над ними написано: Смешнее.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

Лебед<ев> патетически:¹ — Много, много переживший и пере-страдавший человек... вот тут, тут оно всё (на сердце показывает), но... низкий, низкий человек, тем и сгубил себя, что очень уж низкий человек. <с. 88>²

*Насущное*³

Лебедев Князю:⁴ <—> Да, но слаб, слаб, слишком слаб... всё по слабости, оттого и такая шельма значительная.

Кн<язь>:⁵ — Вы как будто хвастаетесь тем, что вы шельма, с до-вольством таким.

Леб<ев>:⁶ — А знаете<,> что ведь это и так⁷ (психологиче-ски). <с. 87>⁸

— Лебедев, в своем плаче о Генерале: «Великий был человек... А даже и на смертном одре солгал».⁹

(В Лебедеве беспорядок.)

— Лебедев своего мальчика любит.

? — *Петя Лебедев?* обделать грациознее.

(Характер Петя.)¹⁰

— У Лебедева дома книг много, так что Князь удивлен. (Свой до-мик и маленький капитал.)

РАЗВИТИЕ ПО ВСЕМУ РОМАНУ ЧУВСТВ КНЯЗЯ К АГЛАЕ.

При разговоре с Рогож<иным>, тот спросил Князя о наследстве, тот объявил, что денег у него еще нет.

¹ патетически — вписано.

² Текст записан в направлении, обратном пагинации тетра-ди.

³ *Насущное* — вписано на полях.

⁴ Лебедев Князю — вписано на полях. В рукописи двоеточие отсутствует.

⁵ Кн<язь> — вписано на полях. В рукописи двоеточие отсут-ствует.

⁶ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁷ В рукописи после «так» первоначально поставлена точка.

⁸ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетра-ди.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

¹⁰ (Характер Петя.) — вписано.

Рогожин рассказывал про «Настасью» и разные эпизоды любви. Исступление Рогожина. Полная доверчивость к Князю.¹

Ганя с полною исповедью.

<—> Я не женюсь, Ганя, я вам сказал.²

<—> Аглая придет.

(Он в лихорадке).³

— Не говорите, если не хотите.

— Я вас обижаю, а вы!

— Ганя, Ганя, полноте!⁴

<—> Я вас обманывал. — Я это знал, Ганя. — Вы знали?

(И потом, когда Аглая пришла, он решил опять обмануть.)

— Я бы мог узнать, где Н<астасья> Ф<илипповна>. Но я не узнал. Я и тут солгал.⁵ Я знаю, где Н<астасья> Ф<илипповна>.

НВ. — Вообще он в полной лихорадке: Аглае он открывает всё, всё⁶ (что он с Н<астасьей> Ф<илипповной> и не берет ее) —⁷ и сжигает палец. <с. 86>⁸

ИМЕТЬ, ГЛАВНОЕ, В ВИДУ —

— Что в отсутствие Князя в Москву

везде распространилось, что Н<астасья> Ф<илипповна> у него.

Генерал об ней. Ганя об ней. Генеральша<,> и во всем доме. Генеральша принимает Князя с некоторою недоверчивостию, но потом разубеждается и ободряется и говорит, что она всегда считала его человеком честным и проч. Коля об ней. (Письмо Лебедева было уже к Аглае, Аглая одна знает вполне и выбрала Ганю) — и проч.

(Ганя в высшей степени обижен, что Князь ничего не сказал ему.)

(Но Князь говорит.)⁹

¹ Текст: Рогожин рассказывал ~ доверчивость к Князю. — объединен фигурной скобкой.

² Ганя с полною ~ сказал. — вписано на полях вдоль текста и отчеркнуто справа вертикальной волнистой линией.

³ <—> Аглая придет. (Он в лихорадке). — вписано.

⁴ Справа от текста: — Не говорите ~ полноте! — запись, выделенная фигурной скобкой: Ганя в лихорадке.

⁵ Я и тут солгал: — вписано.

⁶ Далее было: и как

⁷ (что он ~ не берет ее) — вписано. В рукописи тире стоит перед закрывающей скобкой.

⁸ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице вычеркнуто начало заголовка: Имет<ь>; полностью записан на соседней <с. 85>.

⁹ (Но Князь говорит.) — вписано.

НВ. С ГАНЕЙ¹ (в утрешнем свидании дело непременно довести до сущности их отношений, чтобы психологически понятна была любовь Гани к Князю.) <с. 85>²

— Про Судогодова устроила Аглая, тут и Фердыщенко. Судогодов живет с Фердыщенко, с ними и Смировский;³

⁴Князь заходит к ним потом, после срезания Смировского.

Сначала его принимает *вызывательно*. Потом дело улаживает<ся>. Фердыщенко говорит, что у них общество доставания денег. Смеются. Князь сел и рассказал анекдот. Судогодов⁵ провожал его.

«Вы считаете меня подлецом?» — «Для чего вам это знать<?>...Да, я не считаю этого честным». Смировский смеется, но отходит с мыслию.⁶

Главное, Судогодов требовал денег *искренно*. <с. 84>⁷

14 АПРЕЛЯ

— Князь ровно полтора месяца в Москве. Ни слуху ни духу.

— Сцена у Епанчиных. Флигель-Адъютант. Аглая выходит из себя и его выводит из себя.

— Является Князь, грустный. Прием. *Описание Москвы*. Генерал. *Вещи*. Сильное на всех впечатление.

— За неделю была отправлена Н<астасья> Ф<илипповна>. Коля, Лебедев и сестры.

— К Коле письмо из Москвы.

— Свидание Князя с Лебедевым.

— С Рогожиным, который из Москвы приехал уже 5 дней.

(НВ. Н<астасья> Ф<илипповна> тогда на другой день бежала в Москву. Рогожин ее там разыскал. Опять оргия. Свадьба. Из-под венца бежала. Должно быть в Петербурге. (Не успели внести.) — Не знает, что у Лебедева).

Эпизоды. Ганя. Генерал и проч. НВ. *Устроить*.⁸

¹ Далее было: НВ

² Текст записан вдоль страницы. На странице каллиграфические прописи: Julius Cesar <4 раза>, Jules Cesar

³ Не закончено.

⁴ Знак абзаца.

⁵ Было: Смировский

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: Сначала его ~ мыслию. — в начале и в конце отмечен фигурными скобками.

⁷ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

⁸ НВ. *Устроить*. — вписано под строкой.

ИДЕЯ

1) Князь жених Аглаи — (3 мес<яца> спустя) и брак расстроивается.

1½ мес<яца> спустя.¹ 2) Об Н<астасье> Ф<илипповне> ни слуху ни духу.

Скрылась от Рогожи<на>.

Князь ищет.

— Ген<ераль>ша: «Об тебе хороший слух».² <с. 50>³

15 апреля

План романа

? (Все изменяют. Рогож<ин> по страсти. Ганя по ().⁴ Лебедев.)

— У Аглаи только зарождается любовь. (Рог<ожин> интригует и покупает Лебедева и Аглаю.⁵)

— Князь зовет Аглаю помочь несчастью.

Сцена двух соперниц, где неожиданно и неудержимо обнаруживается <ся> Аглая.

— Н<астасья> Ф<илипповна> говорит после обиды в иступлении Князю:

«Если ты меня реабилитировал, говорил, что я без греха и то и то (NB:⁶ так что можно всё реабилитирование и пропустить, ибо понятно), ТО И ЖЕНИСЬ!»⁷

Князь: «Да».⁸

(5-я и 6-я часть) 3-я⁹

1-я половина.¹⁰ Жених и невеста. (Князь в сумасшествии <—> общий слух то есть.¹¹) Все отступаются, кроме иных.

¹ 1½ мес<яца> спустя. — вписано.

² В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы. Слово «слух» записано с росчерком пера.

³ Соседняя <с. 49> не заполнена.

⁴ Так в рукописи.

⁵ и Аглаю — вписано.

⁶ В рукописи точка.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁹ Было: 2-я

¹⁰ 1-я половина. — вписано на полях слева от объединенного фигурной скобкой текста: Жених и невеста. ~ Позор Князю.

¹¹ общий слух то есть — вписано.

Н<астасья> Ф<илипповна> к Рог<ожи>ну: «Дашь мне по-кой?»¹

Бежала. Позор² Князю.

2-я половина, т. е. 6-я <часть>

или
6-я, 7-я и 8-я <части> — развязка. <с. 54>³

15-е апреля. МЫСЛИ И ФОНД (1)

— От Князя 6 месяцев ни слуху ни духу.

— Аглае письмо, через Колю, которое она не показала никому. При визите Князя на даче (и при женихе) Аглая вдруг ему *вслух* («то письмо, которое вы мне прислали») (лицо строгое; «ваш образ встал передо мной»)⁴. Генеральша рассердилась.

— Рассказ Князя о России. («Вы ужасно мне напоминаете ваше первое прибытие».)⁵

— (Ганя)?

— Визит Генеральши к⁶ Князю.

МЫСЛЬ ГЛАВНАЯ⁷ ПЕРВОГО ОТДЕЛА

ВТОРОЙ ЧАСТИ

=

— Князь возвращается смущенный громадностью новых впечатлений о России, забот, идей, состояния и что делать.⁸

¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

² Было: Стыд

³ На странице архитектурная деталь и штриховка. <С. 54> помещаем ранее <с. 51—53>, так как на <с. 54> находится четко (медленно) прописанная дата, тогда как на <с. 51 и 53> она повторяется беглым почерком, что указывает не на начало, а на продолжение письма.

⁴ (лицо ~ передо мной) — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ к — вписано.

⁷ ГЛАВНАЯ — подчеркнуто дважды.

⁸ что делать — подчеркнуто дважды.

— Он это изливает в *отчете* за 6 месяцев у Епанчиных на даче. (Собеседник, жених Аглаи, очень серьезный человек кн<язь> *Щербатов*).¹

— Но приехав в Петербург =

У Епанчиных в нем нуждаются. (*Аглая, Аделаида*².) (Генеральша.)

Ганя в нем нуждается.

Коля _____

Рогожин _____ нуждается. (Он уже сошелся с Князем и представляется как его ученик.)³

И главное Н<астасья> Ф<илипповна>.

Даже Лебедев, уходя от Н<астасьи> Ф<илипповны>, в нем нуждается, и у Князя на сердце *просияло*. (Вот, стало быть, и деятельность.)⁴

ОСМЫСЛИВ, КНЯЗЬ ОЧЕНЬ ТРОНУТ И, В СМИРЕНИИ, ИСПУГАЛСЯ.⁵

(1-я половин<а> 2-й части в 1 день,

2-я половин<а> — в несколько дней.)⁶

(Сцена Лебедева с Генералом Иволгиным⁷ за питьем в 4-й части.)⁸

План романа. См. на обороте.⁹ <с. 51>

Речь Князя у Аглаи на даче: Сравнение Запада с Востоком.¹⁰

Он сначала был у Гани, Ганя холоден и груб, а потом ночью Ганя к нему с «я вас ждал».¹¹ <с. 52>¹²

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² Аделаида — вписано.

³ нуждается. (Он ~ ученик.) — вписано.

⁴ Текст: — Но приехав ~ деятельность.) — отчеркнут слева вертикальной волнистой линией, возле которой помета: Картины.

⁵ ОСМЫСЛИВ ~ ИСПУГАЛСЯ. — вписано.

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁷ Иволгиным — вписано.

⁸ Справа от текста: (1-я половин<а> ~ за питьем в 4-й части.) — фигурная скобка.

⁹ Имеется в виду текст или на <с. 50> (оборот), или на <с. 54>, где после заметок под заголовком «План романа» находятся записи: (5-я и 6-я часть) 3-я ~ развязка.

¹⁰ В рукописи: востоком

¹¹ Внизу страницы начато и вычеркнуто: Жени<х>

¹² На странице архитектурные детали и каллиграфические прописи: Julius Cesar <3 раза>, Caius Caligula, Jules, Julius, J

15 апр<еля>.¹

МЫСЛИ И ФОНД (2)

²Нельзя ли?

К Епанчиным Коля, Лебедева не находит, к Епанчину на дачу — опять Лебедева нет.³ К Рогожину — к Лебедеву. (ЗАВТРА?) Ганя = ждет у него весь вечер. Исповедь Гани.

Наутро Генеральша, Коля, выкуп Генерала — и вечер у Н<астасьи> Ф<илипповны>. (Стало быть, и есть назначение.)

ГЛАВНОЕ ТО, ЧТО ВСЕМ НУЖЕН.

НВ. — Ганя поджидает (описание сцены с Ганей, обстоятельств Гани⁴).

НВ. — У Рогожина (описание сцены в воксале Екатерин<гофском>⁵).

(15 апреля вопрос: Порядок?)

— Князь приезжает полный чего-то нового, и несколько смутный. (Проще, н<а>прим<ер> с Рогожиным. Много высказаться приходится Князю.) — Но радость пользы вливается в него. Эту-то радость и высказывает он Аглае, подзывая ее помочь Н<астасьи> Ф<илипповне>, и еще прежде Коле (вкратце).

— Генеральша (на даче): «О вас я слышала и хорошее.

— Не женаты вы? бывает».⁶

— Жених Аглаи уже успел нафанфаронить и нашпиговать Князя, как вдруг является кн<язь> Ц<ербато>в — жених Аделаиды <—> и встречается с Князем как с знакомым. Рассказывает свою встречу с Князем, в которой подвиг Князя... <с. 53>

16 апреля.

Устроение материала

Как натуральнее? Натуральнее всего, что

1) Лебедев.

¹ 15 апр<еля>. — вписано.

² Знак абзаца.

³ опять Лебедева нет — вписано.

⁴ Вариант: обстоятельств Гани — вписан.

⁵ Екатерин<гофском> — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

Застает и Лебедева и Колю (похарактернее, но двусмысленнее насчет Н<астасьи> Ф<илипповны> («Завтра, завтра». <—> «Нет, сегодня!»¹⁾ или что-нибудь<дь> («Коля, я буду там»²⁾).

— К Генералу — в 11 («Приходи в час»³⁾). «Поедем вместе».⁴⁾

— (В Антракте к Гане, у Гани лихорадка,⁵⁾ и к Рогожину.⁶⁾

Опять к Генералу. (На даче.)

В 6 часов в Петербурге обратно. Случайно в воксале Павлов-
<ской> дороги⁷⁾ Рогожин. К Рогожину.

В 7 часов к Лебедеву, в 7½ у Н<астасьи> Ф<илипповны>. У Лебедева выпущенный Генерал, знакомство с Лебедевым. («А ведь ты, Генерал, врешь».⁸⁾)

У Н<астасьи> Ф<илипповны> до одиннадцати вечера. У Н<астасьи> Ф<илипповны> на даче. Ловит его Рогожин.⁹⁾

Утром в Петербурге — встреча со всеми, с Аглаей, с Генеральшей и проч.¹⁰⁾

— Наутро Генеральша.

— Аглая просто допросила Князя. — Князь ей всё открыл. «Она думает, что вы на мне женитесь».¹¹⁾ (Сцена Аглаи с Ганей.)

Устройство свидания с Н<астасьей> Ф<илипповной>?

Или Случайное свидание с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

Или Н<астасья> Ф<илипповна> написала (по безумию своему) Записку к Аглае, увидав ее с Князем, из ревности.

Та вдруг пришла к ней и принесла записку.

NB. После прихода Генеральши можно повести быстрее рассказом, иногда только выставляя сцены. Лебедев, Генерал и проч. Наконец — одну сцену Князя с Аглаей и сцену свидания.¹²⁾

¹⁾ «Нет, сегодня!» — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

²⁾ В рукописи кавычки отсутствуют.

³⁾ Было: два

⁴⁾ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют. «Поедем вместе». — вписано правее. Текст: 1) Лебедев. ~ вместе». — объединен фигурной скобкой, возле которой помета: Быстрее.

⁵⁾ у Гани лихорадка — вписано.

⁶⁾ и к Рогожину — зачеркнуто и восстановлено.

⁷⁾ в воксале Павлов<ской> дороги — вписано. Перед этим было начато: на

⁸⁾ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹⁾ У Н<астасьи> Ф<илипповны> на даче. ~ Рогожин. — вписано. Далее было: В 11 Ганя, тут и Коля. (Тронутый Князь).

¹⁰⁾ Утром ~ и проч. — вписано.

¹¹⁾ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹²⁾ NB. После прихода ~ сцену свидания. — обведено чертой.

Главный вопрос теперь — Ганю?
Располож<ение>. Некоторое любопытство у Лебедева.
Сцена на даче и проч.¹ <с. 55>²

16 апреля

Особенные ноты

Мысли и фонд

Н<астасья> Ф<илипповна> на даче, тоже в Павловске; Князь очень поморщился, что тоже в Павловске, но так хотелось Н<астасье> Ф<илипповне>, и Аглая знает (и Генеральша знает).³

NB. Визит ГЕНЕРАЛЬШИ!

⁴Лебедев говорит утром,⁵ что на Петербургской, и садик есть. На сожаление Князя, что на даче и для воздуха и для уединения было бы лучше, — Лебедев выставил, что невестка проприетерка собственной дачи в Павловске, но что «ведь Павловск, нельзя же-с...»⁶

— А ей очень хотелось в Павловск? — спросил Князь.⁷

— Очень-с (...т. е. для Епанчин<ой> Аглаи).

Князь говорит, что не надо (жильца нет на даче).

После того как был в Павловске, Князь едет домой с Флигель-Адъютантом.

— Тут к Рогожину.

— К Лебедеву — и узнает, что на даче, и⁸ уже со вчерашнего дня. Это фраппирует Князя. — Тот смущен. На дачу. Опять в Павловск. Князь хочет быть незамечен, но Флигель-Адъютант с Лебедевым. Лебедев много дорогой о разных вещах.⁹

— В одиннадцать Ганя ждет до 12 — (тихая радость Князя, что он полезен).

¹ Справа от текста: Располож<ение>. ~ Сцена на даче и проч. — фигурная скобка.

² В верхней части страницы штриховка.

³ (и Генеральша знает) — вписано.

⁴ Знак абзаца.

⁵ утром — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи иначе расставлены знаки препинания (описка): — А ей очень хотелось в Павловск, спросил Князь? Справа от текста записать: в Матросской <улице>

⁸ и — вписано.

⁹ с Лебедевым ~ о разных вещах. — вписано.

НАУТРО ГЕНЕРАЛЬША:

— Ты не обманул меня вчера, что в Петербург, а не к ней<?> (Дочери не знают.)

С Аглаей (через три дня). — Просит вспоможений Ганя.

Свидание и Сцена двух соперниц.

Обнаруживает<ся> Аглаина любовь.

В 5-й части СКАНДАЛ КНЯЗЯ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЛИШКОМ КРУПЕН. ПУБЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ (жена Ч<ернышевско>го). Объяснение Князя. Флигель-Адъютан<т>, почти дуэль. Сцена во храме.¹ Она свидание с Рогожиным: «Дашь мне покой?»² (Измена Лебедева.) Страсть Гани. Сватьба Князя, множество собралось смотреть. Невеста не приехала. Позор. <с. 56>

Сцена с Ганей. Ганя говорит: «Знаете ли, что я всё оставил до вашего прихода<?>»³

У Рогожина Князь непрерывно смотрит на часы, тот замечает.

В 3-й и 4-й <частях> Ганю только обозначить.

А в 5-й и 6-й (Ганя интригует с Аглаей, за что та ему под конец только шиш показала и прогнала своего жениха⁴).

В 5-й и 6-й⁵ <частях> во всех двоих — Сватьба Князя:

НВ. Здесь между прочим роли Лебедева, Генерала⁶ («Сын моего друга»⁷), Генеральши, Рогожина (все интриги) обозначаются и приготавливаются.⁸ Лебедев и Ганя изменяют.

В 7-й и 8-й <частях>. Картина больного и скитающегося Князя. Н<астасья> Ф<илипповна> бежала от Рогож<ина>. Тот ищет убить ее. (Сейчас после брака увез в Москву.) Князь мирит их.⁹ Роль Князя. Роль Аглаи. Аглая разрывает с женихом. «Люблю тебя»¹⁰ (Кня-

¹ Далее было начато: С Р<огожиным>

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют, прямая речь со строчной буквы.

⁴ и прогнала своего жениха — вписано.

⁵ 6-й — подчеркнуто дважды.

⁶ Далее было: и Гани

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ обозначаются и приготавливаются — вписано слева от текста и подчеркнуто.

⁹ Над фразой: Князь мирит их. — знак: НВ.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

зю). Смерть Генерала (в эпилоге). (Князь у этой смерти.) Н<астасья> Ф<илипповна> зарезана.

Бегство Гани. Лебедев выследил Рогожина и убийство. (Аглая следила тоже.)

Повезли Идиота за границу.

Аглая с ними, все —

«Наконец-то мы едем¹ за границу!»² <с. 57>

Ганя

Он всё время в лихорадке.

³Птицын на Варе женат (Ганя может быть один или у них⁴).

С первого явления Гани обозначить, что он хоть и в сильной родственной любви с Варей, но во всех убеждениях с нею розно. (У той мщенице из Самолюбия.) (Варя имеет сильное влияние на Аглаю.)⁵ Птицын мало говорит; его речь впереди. Это одна картина Гани (1-я или 2-я).

2-я картина. Лихорадочная исповедь Князю (в первый⁶ раз дурно принимает Князя, во 2-й сам приходит).

3-я картина<на>.⁷ После исповеди: Зависть к Князю и мщенице ему. (NB. Ничем не занят. Рассорился и бросил в обществе.) Через Варю — предается Аглае. Изменяет Князю,⁸ но увлекается Аглаей; до⁹ того увлекается, что уже задумав действовать (мстить) по-Вариному — объявляет Аглае про все козни Вари и как та ее¹⁰ надувала. За всё это Аглая кончает плевком.¹¹ Он говорит: «Вот награда за искренность!»¹² — и бросается в подлость.¹³

4-я картина. Ганя к Князю, и тут уже говорит Птицын о Царе Иудейском.

Смерть отца.

Ганя берет 100 000 и уезжает за границу. <с. 58>

¹ Далее было: в Швейц<арию>

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Знак абзаца.

⁴ или у них — вписано.

⁵ Ср. с замечкой на <с. 91>, датированной 16 апреля (см. с. 267, сноску 8).

⁶ После скобки было начато: 1-е

⁷ карти<на> — вписано.

⁸ В тексте описка: Князя

⁹ В рукописи: До

¹⁰ Было: его

¹¹ Далее было: (У них дача в Павловске.)

¹² В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

¹³ Он говорит ~ в подлость. — вписано.

Дарья Алекс<еевна>. Н<астасья> Ф<илипповна>. Ускользнула на дачу к Дарье Алексевне¹ в Матросской, на дачу приносит сейчас после Генеральши письмецо Коля.

(Рогожин Князю: «Я знаю, как ты поднял меня и дух мой — к тебе».²)

Ганя в Павловск<е>.

Ганя болен, «люблю Аглаю».³ — Встречает<ся> с Князем, знает об Н<астасье> Ф<илипповне>, но молчит. Приезд Князя интересует Ганю в отношении действия на Аглаю (вначале интересовал жених). — Бросает<ся> к Князю с излиянием уже в Павловске. — (Князь у Гани. Пт<ицын> и Король Иудейский.)

Ганя. Больной. Почти Идиот. Герострат; всего стыдится. Мечты его. — Следит за Аглаей. На даче. Князь — тираду о Царе Иудейском. Ганя не сдается и не высказывается. Его волнует и заботит приезд Князя относительно Аглаи. Он следит. Встреча утром Вари с Аглаей в парке, и Ганя: Аглая ему: «Я умею ценить, как вы отказались. Может быть, я очень ошиблась».⁴ (Ганя больной. Варя по преданности — и только —⁵ и замуж вышла, что он больной.)

И так Ганя больной. Роль его = Рабь<я> роль.

(NB. Можно сделать очень верною и красивою и кроткою ролью.)

17 апреля

ЕУРІКА⁶ С ГАНЕЙ

— Свидание и молчок.

Мечты. Князь Иудейский. Князь заходил. (Примеч<ание>. После Генеральши три дня спустя. Князь был в Павловске. Заходил к Гане. Ц<арь> Иуд<ейский>.)

— Потом молчаливая встреча Гани и Аглаи. Пламень. Потом перед встречей, когда Князь волнуется, заходит Ганя, обнимает и выска-

¹ Так в рукописи. В остальных случаях автором использована полногласная форма «Алексеевна».

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ и только — вписано.

⁶ Так в рукописи. Еύρηκα — букв. нашел (греч.).

зывается, что и Аглая и Варя <—> все обманывают. Аглая получила письмо от Н<астасьи> Ф<илипповны>.

Тут Сцена у Н<астасьи> Ф<илипповны> и встреча с Ганей.¹
<с. 59>

17-е² апреля

— Сведения о Князе — прибытие.

— Коля (в Садике). Лебедев (воротил, пришел). Известия о Н<астасье> Ф<илипповне>. Нервная, раздраженная, плачет, вскрикнет и заплачет.³ Под конец высказала, что тревожится, хотела в Павловск.⁴

— К Генералу, прямо на дачу.⁵

— В 5 часов в Петербурге. К Рогожину.

— В 7 часов к Лебедеву — (в городе).⁶ На даче⁷ у Н<астасьи> Ф<илипповны>.⁸ «Я имею право».⁹ Ум Н<астасьи> Ф<илипповны>. Апокалипсис — восторг. Разбирают Лебедева.¹⁰

«Утаил еси».¹¹

Рогожин ловит Лебедева.

Леб<едев> про Рогож<ина>:¹²

— Здесь он, здесь.

— Он не станет.¹³

¹ Далее знак: ///

² Было: 16/17-е

³ Известия ~ заплачет. — вписано в верхнем правом углу страницы рядом с текстом: — Сведения ~ пришел).

⁴ Под конец ~ в Павловск. — вписано. Под строкой геометрический рисунок или авторский знак.

⁵ Текст: — Коля (в Садике) ~ прямо на дачу. — объединен фигурной скобкой.

⁶ На полях заметки:

В 5 в городе, у Рогожина.

====
К Лебедеву на дачи!

⁷ На даче — вписано.

⁸ Далее было начато: «Я име<ю> В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ «Я имею право». — вписано слева от текста, объединенного фигурной скобкой: — В 5 часов ~ «да, да, — верю». В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Далее знак: //

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи двоеточие отсутствует.

¹³ Ум Н<астасьи> Ф<илипповны>. ~ не станет. — вписано.

— Выйдя от Н<астасьи> Ф<илипповны>, Рогожин — — «да, да, — верю».¹
— (Размышления. Коля.)

2-я полови<на>

Генеральша.
Intérieur² Гани. Сцены, сухость Гани. Птицын.
Н<астасья> Ф<илипповна> в Павловске — в Павловск.
Н<астасья> Ф<илипповна> в бунте. «Я имею право».³ Успокоил.
— Три дня. — Царь Иудейский и
Рогожин, узнавши о Лебедеве. Кутежи с Генералом.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОЧЕНЬ КРАТКО. (Страница.)

Наружность.

Рогожин: «Зайди к матушке-то (в лихорадке),⁴ пусть она тебя благословит».⁵

Старуха благословляет.

«Что ты?»⁶

«Да ты кто для меня<?>»⁷

«Невинен ты!»⁸

— «И неужель я тебя (разлюблю?)» =⁹
«Верю! верю!»¹⁰

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее было: — Дома Ганя.

² Здесь: квартира (фр.).

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ (в лихорадке) — вписано.

⁵ В рукописи двоеточие и открывающая кавычка отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют. Заключенные в рамку слова: «Невинен ты!» — вписаны слева от фразы: «Да ты кто для меня<?>»

⁹ Так в рукописи. Кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи текст со строчной буквы, без кавычек.

И потом: «Меня за границу везет — не хочу —
дай мне покой<?>»¹

Аглая и Н<астасья> Ф<илипповна>. Сначала Аглая, как во-
шла, трепетала сама, а потом вдруг на ты. <с. 60>²

17 апреля

В Павловск уже два раза ездила.

— Варя в Павловске. Варя слишком угадала, что Аглая занята
Князем.

— «РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ».

Аглая о нем с Князем.

<—> Может быть, какую-нибудь самоотверженную мучени-
цу, которую можно любить чистою любовью обожания чистой кра-
соты, обожанья³ идеала, может быть даже... Они ведь читали биб-
лию.

Да и кто ж после того может быть:

Lumen coeli, Sancta Rosa,⁴

к кому могут относиться эти слова?⁵..

Полон чистою любовью.⁵

— Ну уж ты завралась.

— Я люблю рыцаря бедного.

Н. Ф. Б. своею кровью.⁶

<—> Вот тебе рыцарь бедный. Он, во-первых, богатый, а во-вто-
рых...⁷ Разве Н<астасью> Ф<илипповну> любит не чистою лю-
бовью<?>

(Объяснение с Князем.)

<—> Нарисуй мне бедного рыцаря, Аделаида.

Что ж когда он «с лица стальной решетки...»⁸

Аделаида:⁹ <—> Зачем вы наследство получили, Князь<?>

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее знак: //

² На полях слева архитектурная деталь.

³ В тексте описка: обожанье

⁴ Свет небес, Святая Роза (лат.).

⁵ Полон чистою любовью. — вписано слева от текста: к кому могут
относиться эти слова?..

⁶ Н. Ф. Б. своею кровью. — вписано слева от текста: <—> Вот
тебе рыцарь бедный ~ во-вторых...

⁷ Далее было начато: Разве не

⁸ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

— Прочти мне «Рыцаря бедного»,¹ я не знаю.

— Это великая идея, доброго, честного, сгоревшего в идеале.

Генер<альша>:² — Ну, дурак какой-нибудь. Прочти впроч<ем>, прочти.

— Экая прелесть какая! Кто это написал<?>

<—> Это Пушкин, как вам не стыдно.

— А я читал<а> Пушкина,³ много, давно. Да с вами дурой сделаешься, ничего не знаешь,⁴ ослом каким-то сидишь.⁵ Есть у тебя Пушкин?

— Есть.⁶ Разрозненные томы.

И как<ие> истрепанные-то, — сказала Аделаида.⁷

<—> Вечно разрозненные! Послать сейчас купить Федора или Марка кучера.⁸

И потом: «Это как я»⁹ (рыцарь бедн<ый>)

и Князя называет:

«Ах ты мой рыцарь бедный».¹⁰ <с. 61>

И¹¹ потом, в конце, со слезами:

«Да<,> он был „полон чистою любовью”,

он был „верен сладостной мечте”,

восстановить и воскресить человека!»¹²

NB. Козни Вари

Варя и Ганя¹³

Она за брата; прочит ему Аглаю, рассчитывая на странный, увлекающийся характер Аглаи. Птицын качает головой; она говорит:

¹ В рукописи название записано без кавычек и со строчной буквы.

² В рукописи двоеточие отсутствует.

³ Далее было: а не знала.

⁴ Далее было: [осел, осел]. Есть у тебя Пуш<кин>

⁵ много, давно ~ ослом каким-то сидишь. — вписано.

⁶ Есть. — вписано.

⁷ И как<ие> ~ Аделаида. — вписано.

⁸ Далее знак: +₁ Является отсылкой к записи: И потом, в конце, со слезами ~ воскресить человека!», — расположенной в нижней части <с. 62>.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют. И потом ~ рыцарь бедный». — вписано на полях вдоль основного текста.

¹¹ Было начато: Д<а>

¹² В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: И потом, в конце, со слезами ~ воскресить человека!» — записан в нижней части <с. 62> со знаком: ×₂ — и является продолжением текста со <с. 61>. См. выше сноску 8.

¹³ Варя и Ганя — вписано.

«Что ты качаешь? Ты знаешь, за кого она хотела было выйти, за нищего, за NN, потому что он гонимый. Она о рыцаре бедном мечтает».¹

Про гусара доносит Аглае, чтоб поссорить.

Про Аглаю говорит Гане.

Ганю сводит с Аглаей.

«А ваш рыцарь-то бедный на женщин смотрит: У него Н<астасья> Ф<илипповна>».²

Встреча Н<астасьи> Ф<илипповны> Аглаей молча. Странная выходка Н<астасьи> Ф<илипповны> (собачка). «Что она, сумасшедшая?» — думает Аглая.

Варя, видя всё это, говорит: «Надо сравнить Н<астасью> Ф<илипповну> с Аглаей — чтоб Н<астасья> Ф<илипповна> со зла заставила жениться на себе Князя. Тогда Ганя в рабы и Аглая со зла наша».³

Всё это (подчеркнутое)⁴ Ганя в восторге объясняет Аглае, по свидании соперниц.

Да и прежде объясняет Князю в восторженной выходке, чтоб показать, как он живет и в каком безвыходном мире и смраде.

—————⁵ <с. 62>

(NB. А ПРЕЖДЕ ВСЁ КНЯЗЮ О ТОМ, ЧТО ОН ДОЛЖЕН ЖЕНИТЬСЯ НА АГЛАЕ.)⁶

Вследствие разговора о рыцаре бедном объяснение с Аглаей об Н<астасье> Ф<илипповне>.

Насмешка Аглаи⁷

— вместо А. Н. Б. Н. Ф. Б., «вас мамаша бедным рыцарем называет».⁸

Князь ей об Н<астасье> Ф<илипповне>. Та было тронута.⁹

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ (подчеркнутое) — вписано. Имеются в виду подчеркнутые автором в рукописи слова «Надо сравнить ~ наша».

⁵ Далее горизонтальная линия, отделяющая основной текст от записей: (И потом, в конце, со слезами ~ воскресить человека!), — относящихся к <с. 61>.

⁶ Запись в нижней части страницы; основной текст расположен выше и ниже этой записи.

⁷ Насмешка Аглаи — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В тексте описка: тронуты

Но слова: «Вы скоро выйдете замуж»¹ и проч. — выводят ее из себя.

Она молчит, но показывает ему письмо Н<астасьи> Ф<илипповны>.

После письма Н<астасьи> Ф<илипповны>. *Идет к Ней.*²

(Сама направляет Князя к дому и вдруг говорит: «Введите меня, я хочу ее видеть».)³

Князь подумал, смутился, но ввел; Аглая дрожит и та дрожит.

Сначала тихо,
потом «ты»⁴ и презрение. Мщение.

Н<астасья> Ф<илипповна> говорит ей: «Ты сама в него влюблена»⁵ — и как прогнала Аглаю.

Хочет и счастлива и — невеста.⁶

Аглая и Ганя и проч.

Черная женщина ходит.

Героиня из романа Греча.⁷ <с. 63>

«Рогожин — мрачное наказание мое».

И потом в 4-й части, в⁸ сцене соперниц: «За что, за что он меня будет наказывать?»

Или она Рогожину: «За что ты меня будешь наказывать, скажи мне, пожалуйста».⁹ <с. 64>

¹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

² В рукописи запятая.

³ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Записи: Н<астасья> Ф<илипповна> говорит ~ прогнала Аглаю. и Хочет и счастлива и — невеста. — связаны соединительной линией.

⁷ Текст: Черная женщина ~ романа Греча. — объединен фигурной скобкой.

⁸ Было начато: по

⁹ В рукописи в данных трех абзацах кавычки отсутствуют. Текст: «Рогожин ~ пожалуйста». — записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице находятся также записи (в «прямом» направлении): 24 АПРЕЛЯ. ПОСЛЕ НОЖА ~ Вспомни... (см. с. 291).

Всю 5-ю часть прочь.

— Сцена.¹ Н<астасья> Ф<илипповна> правда разгорячилась, но смирилась, завещала² Князя Аглае и ушла к Рогожину.

— Когда в 3-й части только что появился Князь, как она к Рогожину.

³Но еще оставались мечты. В сцене с Аглаей всё рушилось: «Пусть Князь счастлив».⁴

— Аглая (компрометирована). — Для Князя *новый роман* и *роман Рогожина* с Наст<асьей> Ф<илипповной>. Смерть из ревности.⁵

Князь — (перед самым приездом) Аглае 2-е письмо прислал — всё изложил ей. Об этом было у них наедине объяснение.⁶

NB. — В Сцене Аглая:⁷ «Как за этого идиота⁸ выйти?»

— Да за этого идиота,⁹ потому что этот идиот».¹⁰ <с. 83>¹¹

23 апре<ля> (Shakespeare)¹²

Н<астасья> Ф<илипповна> за Рогожиным.

Н<астасья> Ф<илипповна>. Вмешивает<ся> в то, чтоб Аглаю выдать за Князя.

Аглая обижает<ся>. Видит, что Князь ищет успокоить Н<астасью> Ф<илипповну>.

Аглая ревнует и Н<астасья> Ф<илипповна> ревнует.

Свидание.

Аглая подымает ревность Рогожина. Увещания Князя.¹³

¹ Вместо: Сцена. — было начато: Всю

² Было: навещала

³ Знак абзаца.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее знак: ///

⁶ Далее знак: //

⁷ Было начато: NB. — В Сцене к<ак>

⁸ В рукописи: Идиота

⁹ В рукописи: Идиота

¹⁰ В рукописи: Идиот. Кавычки отсутствуют.

¹¹ Текст записан вдоль страницы. На странице каллиграфическая пропись: Julius Cesar.

¹² Shakespeare — Шекспир (англ.).

¹³ Текст: Свидание. ~ Увещания Князя. — объединен фигурной скобкой, возле которой запись: Аглая замужем за Князем.

Рогожин режет Н<астасью> Ф<илипповну>.
Аглая¹ погибает. Князь при ней.²

Н<астасья> Ф<илипповна>. Замужем, но разошлась с тем, что
женит Князя и сойдется.

Или — обещала выйти, когда Князь женится.

Но так как это довольно трудно, то — она Вельмончека завле-
кает.

Пишет письмо к Аглае,³

к Генералу,

к Генеральше.

Сцена злобная между Аг<лаей> и Н<астасьей> Ф<илип-
повной>,

«ты»⁴ —

расходятся в злобе.⁵ <с. 82>⁶

Рогожин женихом, в доме Рогожина.

На даче с матушкой.

Рогожин про нее рассказывает:

«Почтительна, искательна.

Матушке угодила, меня ни во что.

Зарежу, матушка, благослови.

(Ты ее мне отдал. Ты нас свел, а не развел.) Ты ее хранил».⁷

НВ. (НВ. И все-таки его-то прибытия Рогожин и боялся.)⁸

¹ Далее было начато: разрывает

² Далее знак: ///

³ На полях слева от текста: Но так как ~ письмо к Аглае — за-
пись: Н<астасья> Ф<илипповна> сказала Князю: «Я вам докажу, что
она вас любит». В рукописи кавычки отсутствуют, прямая речь со
строчной буквы.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее знак: ///.

⁶ Текст записан вдоль страницы.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Записи: Рогожин женихом ~ матушкой. и Рогожин про нее ~ бо-
ялся.) — расположены друг напротив друга: первая справа, вторая
слева.

— Брак Н<астасья> Ф<илипповны> с Рогожиным готов, слово дано, свадьба назначена.

— НВ. Прежде она было бежала, сейчас после оргии. Рогожин в Москве разыскал, на брак уломал, через 2 месяца бежала из-под венца, Князь в губернии, Н<астасья> Ф<илипповна> испугалась, что влюбится в Князя, Рогожин опять уломал, в Петербург, слухи о прибытии Князя волнуют Рог<ожина>, и Н<астасья> Ф<илипповна> остановила свадьбу. Н<астасья> Ф<илипповна> объявляет, что, пока не выдаст Аглаю за Князя, сама не выйдет за Рог<ожи>на. (Живет не ровно: то с матерью, то бойко.) Дело в том, что, приехав в Петербург и узнав, что у Аглаи жених, вдруг взволновалась, и засела идея *устроить счастье Князя с Аглаей*.

¹Лебедев объявляет Князю, что он тайный враг Рогожину. Князь совершенно подозревает, что Лебедев в услугах у Рог<ожи>на, а поставлен, в виде врага Р<огожи>ну и преданного слуги Князю, шпионить за Князем.²

Аглая ему про Н<астасью> Ф<илипповну> рассказывает. Обиды разные.

Н<астасья> Ф<илипповна> ему про Аглаю. Признаки. «Вас любит».³

Скандалная сцена на музыке. Н<астасья> Ф<илипповна> переманила Вельмончека. К Аглае пошел Князь. Рогожин, над которым Вельмончек позволил шутку, вышел из себя и сделал сцену. Н<астасья> Ф<илипповна> прогоняет Р<огожи>на (потом после сцены-двух опять зовет). Аглая на В<ельмон>чека обиделась.

— В<ельмон>чек имеет влияние на Князя. Тот его слушает.

Аглая вначале хоть и показывала Князю, что любит В<ельмон>чека, но потом тот ей опротивел.

— Аглая перед Князем делает вид, что любит Вель<мончека>. Бесится тому, что Князь рад и ее поздравляет. — В сцене обозначается, что Аглая любит Князя.⁴ <с. 81>⁵

¹ Знак абзаца.

² Текст: — Брак Н<астасья> Ф<илипповны> ~ шпионить за Князем. — находится в левой половине страницы.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Текст: Аглая ему ~ любит Князя. — находится в правой половине страницы.

⁵ Текст записан вдоль страницы.

После ножа Рог<ожин> говорит Князю:
 — Знаешь, что жизнь моя теперь твоя; бери.
 Но Князь говорит: <—> Дай ты ей жизнь за это?² Вспомни...
 <с. 64>³

28 <апреля>

После попытки Рог<ожина> на убийство Князя и беспокоится, что Рог<ожин>⁴ женится.
 Советуется с Аглаей.
 <—> Я женюсь на ней.
 — Он вас убьет.
 — Нет, он приходил ко мне: «Бери!»⁵
 <—> Она не в своем уме. Скажите ей слово.
 <—> Да она и без того дерзка.
 <—> Это потому что считает себя ниже рабы перед вами,
 а вы ее возвысьте до себя.
 Теория практического христианства.

Н<астасья> Ф<илипповна> во 2-й части встречается Князя доказательствами, что Аглая в него влюблена. Рогож<ин> заводит в⁶ 1-й раз Князя к Н<астасье> Ф<илипповне> в Павловске. (NB. Она здесь у Дарьи Алексе<евны>.)

2

Сцена устроивается вдруг, нечаянно.⁷
 А до этой сцены Н<астасья> Ф<илипповна> была у Рог<ожина>. «Будешь меня покоить<?>»⁸ <с. 80>⁹

¹ Знак абзаца.

² Так в рукописи: вопросительный знак.

³ На странице находятся также записи, сделанные в направлении, обратном пагинации тетради: «Рогожин ~ пожалуйста» (см. с. 287).

⁴ Было: он

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ в — вписано.

⁷ Далее знак: /// — и три горизонтальные линейки. Текст под цифрой «2» и запись: Теория практического христианства. — связаны соединительной линией.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют, прямая речь со строчной буквы. Н<астасья> Ф<илипповна> во 2-й части ~ покоить<?> — заметки на полях.

⁹ Текст записан вдоль страницы.

И потом из-под венца от Князя бежала. <с. 79>¹

21 мая

NB. N. Ф.,² узнав про Князя, что он у Лебедева и болен, делает страшную таинственность, не является, назначает ему, Князю,³ свидание (через Ганю). Князь является нарочно открыто⁴ (рассказывает про Рогожина) (про всех) (прелестно и грациозно) (и что Аглая влюблена) устраивает его свадьбу (оригинальное сцену). <с. 79>⁵

24 МАЯ

NB₁) Полная история реабилитации Н<астасьи> Ф<илипповны>,⁶ которая невеста Князя.

(Князь объявляет, когда женится на Н<астасье> Ф<илипповне>, что лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского.)⁷

NB₂) Школа у Князя образуется сама собою из приходящих. Начать ею в Павловске.

NB₃) Коля передал много Князю о чувствах Аглаи и проч.

Вечер у Князя. Лебедев. Генерал. Н<астасья> Ф<илипповна>. Ганя, Коля, Ипполит и проч. <с. 78>⁸

24 мая

После бегства Н<астасьи> Ф<илипповны> начинаются разные истории (иные возбужденные Аглаей Соломоновы суды и проч.).

Смерть Н<астасьи> Ф<илипповны>. <с. 77>⁹

6-я глава. Генерал о старинных сходках с Князем. Генеральша связалась с ним и с Лебедевым. <с. 76>¹⁰

¹ Текст записан вдоль страницы.

² Так в рукописи, вместо обычного: Н. Ф.

³ Князю — написано как пояснение над: ему

⁴ Князь ~ открыто — вписано.

⁵ Текст записан вдоль страницы.

⁶ Было: Князя

⁷ (Князь объявляет ~ Македонского.) — вписано.

⁸ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

⁹ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

¹⁰ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

На странице (в «прямом» направлении) находится набросок замысла

10 июня

В<ельмон>чек. Вечная и постоянная тонкая насмешка свысока. Очаровательный характер.

Отношения Аглаи и В<ельмон>чека. Она ему не отказывает прямо, так что тот всё надеется.

— Даже немножко влюблена.

— На Князя насмешки.

— Отказывает, но ходить позволяет.

В<ельмон>чек видит, что Князь не понимает, что Аглая его любит (а Князь понимает). В<ельмон>чек объясняет это Князю.

— Входит в сношения с Ганей (презрение к нему). Видит, что Ганя трагический характер. Еще более объясняет ему их взаимное ничтожество, чем выводит Ганю из себя. Советует ему спросить 100 000 — Ганя топорщится, но кончает этим.¹

— ДОН-ЖУАН. (Жениться на дочери Лебедева из странности, получив отказ от Аглаи, для фанфаронства.)

? NB. Жениться на Н<астасье> Ф<илипповне>.

Рогожин приходит покупать его. Прогоняет и разуверяет Р<огожи>на.²

Вельмончек Аглаю хотел надуть, но рассердился на жидов и объяснился с Аглаей. (Смерть Дяди, и жида прижали. С дядей уговор не травиться до женитьбы.)

Объявляет Аглае, тайный расчет, знает, что она любит Князя, —³ холодность Аглаи (не разобрал, любовь).

Объясняется с Князем скептически-откровенно.

(— Дочь Лебедева.)

Скандалы с Наст<асьей> Филипповно<й>, Рогожин приходит покупать — «вы даете идею».⁴

Хочет жениться на Н<астасье> Ф<илипповне>. «Колпак».⁵ — Дочь Лебедева. — Вся история. Женитьба.

«Я, я на дочери Лебедева»,

400 000 дает — «не стреляйтесь».⁶

«Идея. Юродивый (присяжный поверенный)» (см. с. 368—369). Соседняя <с. 75> не заполнена.

¹ Видит ~ кончает этим. — вписано между строками и на полях сверху.

² Далее знак: ///

³ тайный ~ любит Князя — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: «Я, я на дочери Лебедева» ~ «не стреляйтесь». — объединен фигурной скобкой.

«Бесполезность моя,
а дочь Лебедева?»¹
Бесполезность, Связи аристократические лопнули.
Падает всё ниже и ниже, тщеславие, *bul<l>e de savon*² лопнул.
Но — искренность или самолюбие.³ <с. 125>

<—> Они — не пустые, они — не национальные, плохо к почве привязаны, оттого так легко и отлетают.⁴

Этот еще лучший.⁵

— Да ведь вы же русский?⁶

<—> Да, но мало люблю в России.⁷

⁸Аглая доводит В<ельмон>чека (1-я часть) до положения невыносимого. Он не знает: Его она или нет? И решается признаться ей. Гора с плеч!

Но до признания: Экзаменует Князя. Смеется над Князем, увеличивая его достоинства, пробует сделать скандал с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

После признания говорит Князю: «Не знаю, способен ли я упасть до крайней подлости».⁹

? NB. — (Вызывает Князя на дуэль.)

— Он принимает 400 000, и это-то его бесит наиболее; от этого и застреливается.

— Рогожина натравливает на Князя.

— Сбивает с толку Ганю.

11-е июня¹⁰

— Князь искренно удивляет<ся> В<ельмон>чеку и хвалит его Аглае. Не хочет до самого конца понять, что Аглая его (Кня-

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Справа от текста: «Бесполезность моя, а дочь Лебедева?» — запись, выделенная фигурной скобкой: — Застрелился.

² мыльный пузырь (фр.).

³ Падает ~ самолюбие. — вписано на полях.

⁴ В рукописи запятая.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ Была запятая вместо вопросительного знака.

⁷ Было: Мало люблю в России. Текст: <—> Они — не пустые ~ России. — отличается по почерку от остальных записей на <с. 125—126> и, возможно, записан ранее.

⁸ Авторский знак в виде креста с двумя полукругами сверху. Такой же знак возле записи на <с. 136>: ? Аглая постоянно смеется над Князем (см. с. 297).

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ 11-е июня — вписано.

зя)¹ любит<, > и понимает только в сцене с Н<астасьей> Ф<илипповой>.

??? Аглая² со злобы выходит за Ганю и прогоняет его.³

Ганя страстно влюблен в Аглаю, до последних риз, убить кого хотите вызывается — вот его роль.

Р NB. (МОЖЕТ БЫТЬ:) В<ельмон>чек из фанфаронства, когда он Аглае признался в своем положении, объявил, что никогда не любил ее. Между тем, признавшись, из досады влюбляется. Признается Князю. Аглая понимает⁴ это.

— Сожжение пальца. «Ну, сожгите».⁵ Ненавидит Аглаю⁶ после этого.⁷

— Аглая хочет женить Князя на Н<астасье> Ф<илипповне> (обратно-противоположно). <с. 126>

— Сумасшествие Н<астасьи> Ф<илипповны>.

— Не забыть, что Князь еще в 1-й день беспокоится об Н<астасье> Ф<илипповне>.

— Встреча всей компанией Н<астасьи> Ф<илипповны> во время провадин Князя.⁸ (Случай? Ганя? Коля?)

Смирение Князя. Князь положительно считает себя в результате хуже всех. Что удивляет Аглаю, которая прежде непрерывно обвиняла Князя (и из себя выходила), что он гордец и Бог знает что об себе думает. <с. 127>⁹

В<ельмон>чек

<—> Умножение чиновников составляют¹⁰ все реформы.

— Аристократ есть тот, который не имеет понятия об труде для своего существования.

¹ (Князя) — вписано.

² Было: Н<астасья> Ф<илипповна>

³ и прогоняет его — вписано. Далее знак: ///

⁴ Незачеркнутый вариант: чувствует

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Далее знак: ///

⁷ после этого — приписано под строкой. Далее знак: ///, — перечеркнутый тремя горизонтальными линейками.

⁸ Далее знак: ///

⁹ На странице каллиграфические прописи: Вы во всем <2 раза>, Вы во, Флорен<ция>, Во всяком, Флоренц<ия>, Florence, Флоренция, Ф <начало буквы>, Флоре<ния>

¹⁰ Было начато: сопро<вождает>

— *Un million des faits*.¹

— «Я глуп». ²

— Дураков.

Лебедев — *factotum*³ В<ельмон>чека.

— Родной дядя Вельмончек <a> *Политк<овский>*.

Лебедев ему изменяет. Дочь Лебедева.

— Он всё рассказывает Аглае.

— «Застрелюсь». ⁴

— Судит Князя Аглае.

— «Мои дела не могут быть поправлены». ⁵

(В<ельмон>чек Князю.) «Сегодня мой дядя застрелится». ⁶

(Князь В<ельмон>чеку.) «400 000 вас поправят, возьмите». ⁷

Застреливается — от тщеславия и умирая отмщает Князю — и Аглае — за то, что дала ему застрелиться. <с. 135>⁸

Сначала экзаменует Князя (Лебедев знает).

Потом манера преувеличивать достоинства Князя. — (Аглая это раскусила. «Застрелитесь». ⁹)

— Отравление дяди поколебало его положение в свете. Он давно уже в руках кредиторов. Он для этого¹⁰ выходит в отставку.

— Низость положения¹¹ и зависть. Он не может перенести мысли, что он для удовлетворения кредиторов должен жениться.

— «Застрелюсь». ¹²

— Рассчитывает, что Аглая не даст застрелиться или почувствует благородство. Но дала застрелиться и не почувствовала.

(Он всё это Князю рассказывает с хохотом.)

(Лебедева дочь мимоходом.)

— 400 000. ¹³

¹ — Миллион фактов. (фр.)

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ доверенное лицо (лат.).

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Далее вдоль страницы более поздние записи: Князю, что он сначала его комизировал ~ с Ганей. (см. с. 298).

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ для этого — вписано.

¹¹ положения — вписано.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

¹³ В рукописи: 400,000[0]

(NB. Когда объясняет Аглае, говорит: «Объявить вашим родителям значит к вам не ездить».¹⁾)

— После предложения 400 000 — застреливается.

(— Н<астасья> Ф<илипповна> старается обольстить его.)

ОСОБОЕ

Два вопроса:

? Что делать с Ганей.

? Аглая постоянно смеется над Князем.²

— — Уважает и *тянет* Евгения Пав<лови>ча.³

Н<астасья> Ф<илипповна> пишет к Аглае о том, что у В<ельмон>чека нет ничего, — Аглая сердится на Н<астасью> Ф<илипповну>, показывает Князю. «Странная любовь!»⁴ Аглая сердится на Князя. Свидание с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

А В<ельмон>чек с Рого<жи>ным.

После отравы дяди: шум в доме о состоянии Ев<гения> П<авлови>ча.

Аглая вдруг объявля<ет>, что Ев<гений> Павлович ей давно открыл свое состояние и что он ее любит.⁵

NB. У Лебедева ночью ловят Вельмончека. В эту же ночь *другой* шум: пропадает 1700 р.

— Вельмончека подозревают, а украл Генерал.

— В<ельмон>чек — не может застрелиться раньше разыскания вора.

NB. Разговор Ген<ерала> с Лебед<евым>, после которого у Генерала мысль украсть.⁶

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Текст: ? Аглая постоянно смеется над Князем. — отмечен авторским знаком. Такой же знак возле записей на <с. 126> (см. с. 294).

³ Текст: Два вопроса ~ Евгения Пав<лови>ча. — вписан слева от текста: Н<астасья> Ф<илипповна> пишет ~ А В<ельмон>чек с Рого<жи>ным. — и заключен в рамку.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее было: Аглая

⁵ Текст: Аглая вдруг ~ он ее любит. — вписан внизу страницы и обведен чертой; связан соединительной линией со словами «о состоянии Ев<гения> П<авлови>ча».

⁶ Текст: NB. Разговор ~ украсть. — отчеркнут слева вертикальной линией.

В<ельмон>чек берет на себя, что он украл, чтоб не обесчестить дочь Лебедева. — (С этим застреливается.)

СЦЕНЫ. У Князя все.

— В<ельмон>чек и Князь.

— В<ельмон>чек, Князь, Ганя, Птицын.

Генерал и Лебедев.

Князь и Н<астасья> Ф<илипповна>. (Князь идет объясняться по поводу требований Аглаи о В<ельмон>чеке.)

ИТОГ:

В<ельмон>чек = Блестящий характер, легкомысленный, Скептический, *настоящий аристократ*, без Идеала (нет того, что мы любим, и в этом разница с Князем). Странная смесь хитрости, тонкости, рефлекса, насмешки, тщеславия. Убивает себя из тщеславия. — Признался¹ <с. 136>² Князю, что он сначала его комизировал и захваливал, чтоб убить в мнении Аглаи, что любил не Аглаю, а «мнение о себе Аглаи люблю, денег ее не хотел — Лебедеву дочку³ жалко было». ⁴ — Аглая об нем пожалела. — Признался, что на Князя ужасно сердился,⁵ за то что он взял верх в мнении Аглаи. *Пробовал сходитьсь с Ганей.*⁶

«Остается быть вивером, но для этого я слишком развит и не могу сделаться гоголевским помещиком».⁷

— Фантазия жениться на дочери Лебедева.

Женится, вечер после брака — застреливается.

— *Застрелился после брака, женился*,⁸ чтоб потешить дочь Лебедева по увещанию Князя —

(из особого рода щегольства),

чтоб не идти в долговое отделение.

Князь дает 400 000,

так из гордости.

¹ ИТОГ ~ Признался — запись на полях вдоль страницы, переходящая на соседнюю <с. 135>.

² На странице архитектурные детали и штриховка.

³ Т. е. дочь Лебедева.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Было: сердится

⁶ Князю, что он сначала ~ сходитьсь с Ганей. — обведено чертой.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют. Рядом с текстом: «Остается ~ помещиком». — помета: (Часть Ласепаіровского тщеславия). В тексте описка: Ласепаіровского

⁸ женился — вписано.

— Генерал несет 1200 р. к Капитанше. Ипполит разглашает — все знают. Но решено не говорить Генералу.¹

Вельмончек, постоянно смеется над Князем и потешается им. Скептик и неверующий.

— Ему всё в Князе искренно смешно, до самого последнего мгновения.

— «Коли посадят, за 200 000 выкупить можно».²

(Сама Н<астасья> Ф<илипповна> не желает видеть Князя, боится Рог<ожи>на, об чем сообщает Князю Лебедев, уверяя,³ что он тайный враг Р<огожи>ну.)⁴

— Сын Павлищева.

Варя доносит о В<ельмон>чеке и сводит с Ганей. <с. 135>⁵

Н<астасья> Ф<илипповна> действительно хочет выйти за Князя. (Целая часть в этом после ее сцены с Аглаей.)

Аглая падает, по-видимому.

Страх Князя (уходит от света).

Анекдотнее (прелесть Князя).

Князь: «Она (т. е. Н<астасья> Ф<илипповна>) дала мне знать, что лучше нам не встречаться».⁶

Огромный скандал с В<ельмон>чеком через Н<астасью> Ф<илиппов>ну.

—⁷ Князь думает, что Аглая над ним смеется (рыцарь бедный) и проч., и переносит, даже не замечая.

Никто в доме серьезно не принимает страсти Аглаи к Князю. (Она вдрут прогоняет В<ельмон>чека.)

NB. Свидание и объяснения Князя с Аглаей о Н<астасье> Ф<илипповне> (вид шутки).⁸

Свидание Аглаи и Н<астасьи> Ф<илипповны>.

¹ — Генерал несет ~ не говорить Генералу. — заключено в рамку.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В тексте описка: уверяю

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Князь, что он сначала его комизировал ~ с Ганей. — записи вдоль страницы. На странице архитектурные детали и каллиграфическая пропись: Дураков.

⁶ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

⁷ Знак абзаца.

⁸ Текст: Свидание и объяснения ~ (вид шутки). — выделен с обеих сторон круглыми скобками.

После объяснения Н<астасьи> Ф<илипповны> и Аглаи Князь всё еще не догадывается о полной любви Аглаи, хотя мать и говорит.

Наступает время сношений других с Аглаей, разубеждение и rehabilitation¹ Н<астасьи> Ф<илипповны> (деятельность). Бегство Н<астасьи> Ф<илипповны> — с Рогожиным.

Эксцентричность Аглаи. <с. 134>²

НВ. Аглая бежала к Гане, наделала скандалу, объявила, что ее мучили и заставляли силой выходить за Князя. — Помолвили с Ганей. Ев<гений> П<авлови>ч пригодился (но не князь Ц<ербатов>) и спас. Тут его роль. Он объясняет Князю Аглаю — стыдливостью. «Вы во всем виноваты». <—> «Да<,> я во всем виноват!»³

НВ НВ.⁴ Ев<гений> П<авлови>ч спрашивает Князя: <—> Да как это с вами случилось с самого начала?⁵ — (т. е. с 1-й части).⁵

— Она поразила меня очень. Я никогда не видал женщины, я... я очень был⁶ поражен. Я себя не помнил, и помню, мне стало жалко ее.⁷

НВ) Он ей в храме: «Я был поражен. — Я не знал, что со мной было. Я тогда говорил, я помню, что я тогда что-то говорил».⁸

НВ. ГЛАВНОЕ:

⁹После сцены двух соперниц:

Мы признаемся, что будем описывать странные приключения.

Так как трудно их объяснить, то ограничимся фактом.

Мы соглашаемся, что с Идиотом ничего и не могло произойти другого.¹⁰

¹ Так в рукописи. От: réhabilitation — реабилитация, восстановление (фр.).

² В верхней части страницы крупным почерком, тонким пером публицистическая заметка. На странице рисунок (изображение кубка?) и каллиграфическая пропись: [Князь]. На соседней <с. 133> расчеты карандашом и чернилами, связанные с расходами Достоевского (записи бытового содержания), штриховка и проба пера: а

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ НВ — вписано.

⁵ В рукописи: т. е. (с 1-й части)

⁶ был — вписано.

⁷ Далее знак: //

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Знак абзаца.

¹⁰ В рукописи запятая.

Доскажем же конец истории лица, который, может быть, и не стоил бы такого внимания читателей, — соглашаемся с этим.

Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность, 1000 душ, пророчества — фантасти<ческая> действит<ельность>. Может быть, в Идеале человек еще более действит<елен>.

Впрочем, согласны, что нам могут сказать: «Всё это так, вы правы, но вы не умели выставить дела, оправдать факты, вы художник плохой».¹ Ну тут уж конечно нечего делать.² <с. 128>³

Князь пошел к Рогожину —
возвратясь, застает Ев<гения> П<авлови>ча у себя.

Затем с Аглаей, —⁴
Сын П<авлище>ва, Фердыщенко — разговоры Генерала и Лебедева.

Кража.

Свидание с Н<астасьей> Ф<илипповой>.

Жених и невеста с Аглаей — вдруг.

Н<астасья> Ф<илипповна> торжествует.

Ганя.

Сцена свидания у Гани. В<ельмон>чек сводит, а та бежит.⁵

28 июля

3-я часть прямо начинается с объяснения *необходимейшего* (!).
Что Князь все выходки Аглаи принимал за насмешку.

— О влюбленности Князя.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Правда ~ нечего делать. — вписано на полях вокруг основного текста частями, которые связаны между собою соединительными линиями. На странице каллиграфические прописи: Флоренция, Женева.

³ В верхней части страницы находятся также записи, сделанные более тонким пером и другими чернилами: Смерть Ипполита ~ воскресну» (см. с. 308).

⁴ Записи: Затем с Аглаей и Свидание с Н<астасьей> Ф<илипповой>. — связаны соединительной линией.

⁵ Далее три горизонтальные линейки. Текст: Князь пошел ~ та бежит. — записан чернилами темного цвета. Первые записи: Князь пошел ~ у себя. — сделаны более крупным почерком — по-видимому, не одновременно с последующим текстом.

— Загадочность положен<ия>.
— Интриги Ипполита.
— Скандал в воксале с Н<астасьей> Ф<илипповой> (выдающий ее ревность к Аглае). Рогожин.

Скандал в воксале потому, что Н<астасья> Ф<илипповна> узнала, что Аглая с Ганей.

В скандале замешана Аглая,
гром у Епанчиных.¹

— Аглая и Ганя.

— Письма Н<астасьи> Ф<илипповны> к Аглае.

— Сцены грозные Аглаи с семейством.

Свидание соперниц.

Бегство к Гане.²

НВ. — Вдруг разрушена любовь Князя к Аглае, и он муж Н<астасьи> Ф<илипповны>.³ <с. 3>⁴

НОТА-БЕНЫ И СЛОВЕЧКИ⁵

— Когда Ганя, в торжестве над Аглаей, пойманной на крючок, заикается о браке, т. е. выйти за него, Аглая отвечает ему: «За вас⁶ все-таки неприлично».

— «Я не смею быть честной»,⁷ — говорит Н<астасья> Ф<илипповна>.

— (ЛЕБЕДЕВ И КНЯЗЬ.) (Семейство Лебедева.) Лебедев философ. Бесперывно надувает Князя. Черта его. Дети Лебедева.

— КНЯЗЬ ГОВОРIT ПРО ЛЮДЕЙ ГРЕШНЫХ: «ВСЕ БОЛЬНЫЕ, ЗА НИМИ УХОД НУЖЕН».⁸

— Антропофаг.

¹ Скандал в воксале потому ~ гром у Епанчиных. — *вписано на полях слева от текста, объединенного фигурной скобкой*: — Скандал в воксале с Н<астасьей> Ф<илипповой> ~ Рогожин.

² Далее знак: //

³ НВ. ~ Н<астасья> Ф<илипповны>. — *вписано на полях вдоль основного текста*.

⁴ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

⁵ Записи на странице сделаны почерком разного наклона и чернилами светлых и темных оттенков, то есть не одновременно.

⁶ За вас — *вписано*.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ — КНЯЗЬ ~ НУЖЕН». — *запись с элементами каллиграфии. В рукописи закрывающая кавычка отсутствует, после двоеточия запись со строчной буквы*.

— У Н<астасьи> Ф<илипповны>. Апокалипсис, молитвы, о Христе.¹

— «Остерегаться народа нашего — есть грех».²

— Медведь и вагон.

— Князь говорит, что он мало видел настоящего дворянства.

— Кн<язь>:³ «Мне кажется, что всякому человеку что-нибудь да мерещится, но такого, чего уж другому и вообразиться не может».⁴

Слова и Словечки. Определение Аристократии.

О Христофоре Колумбе.

Азлая говорит. «Если исполнит слово, т. е. застрелится, тогда женись».⁵

<—> Если Д<урако>в сказал, то Урус<ов> — не скажет, председатель не остановил — не пристыдил.⁶

<—> Я с вами согласен —

как с вами хорошо спорить, в таком случае я с вами согласен, приду к вам. <с. 16>⁷

— Искривлявшийся человек.

— Звезда полынъ.

«Съел шестьдесят монахов, время сильнее нашего, ел-ел да и покался, и за это сожгли его».⁸

Келлер:⁹ «Если б вы знали, сударыня,¹⁰ как в настоящий век трудно денег достать. Везде один ответ: „Неси золото¹¹ и бриллианты¹² — ну и дадим”, т. е. именно то, чего у меня нет. — Я этак спросил из них одно-

¹ Далее записи к финальной части романа: — Где же она? ~ Сейчас, сейчас» (см. с. 324).

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи точка.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи запятая.

⁷ <С. 16> следовало бы рассматривать как особый раздел тетради, так как записи на ней делались в разное время, вплоть до разработки последних сцен романа (см. ниже, с. 832—834).

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹⁰ сударыня — вписано.

¹¹ Было: золота

¹² Было: серебро

го: „А под изумруды дадите<?>” „И под изумруды дам”, — говорит. Ну и отлично, надел шапку, да и вышел, черт с ним».¹

— «Ты мне вина давай, а это, брат, бурдалу».²

— «Благородный граф, сидящий напротив».³

— Келлеров.

— «В статье (на Князя) я видел один только слог (в первый раз явился в⁴ печати)».⁵

«Князь, скажит<е> что-нибудь о Христе».⁶

«Да<,> вы правы, гадко и паточно, если...

Но поймут».⁷

Мир красотой спасется —

два образчика красоты».⁸

«Так умрите хорошо, и умереть с последним плевком можно хорошо, тщеславие, ребенок, ваши⁹ страдания, горы».¹⁰

Когда стал нужен. — «Почему же не говорить?» —

Ведь вы хотели застрелиться? Застрелитесь».¹¹

«Мысли больные, — но ведь умнее-то ничего и нет на свете».¹² <с. 17>

«Смирение величайшая сила».¹³

— «Вы думаете, я не в силах застрелиться.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Далее написано и вычеркнуто: печати

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее записи чернилами светло-коричневого оттенка.

⁶ «Князь, скажит<е> ~ о Христе». — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ «Да<,> вы правы ~ Но поймут». — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Росчерк пера.

⁹ В рукописи: Ваши

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: «Так умрите ~ на свете». — отчеркнут справа вертикальной линией.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

Вот, однако же, день рождения.

Я вам мешаю».¹

Ипполит:² «Солнце, Которое приносит всем<, > и мне ничего».³

— В гошпитале, плевков, «как я глуп».⁴

Ипполит Князю потом за доверчивость его натуральную: «Вы благородный человек, Князь, с какой доверчивостию...»⁵

Князь подумал: «Неужели?»⁶ Я этого и не знал, я так».⁷

Сплетник: Об Коле и об ребенке.

«Если Коля не придет, то я его убью».⁸

— «Аристократ есть тот, кто⁹ не имеет понятия об труде для своего существования».¹⁰

— «Умножение чиновников в сущности составляет все наши реформы».¹¹

— «Вы из-за своей смерти слишком много шуму делаете. Можно умереть благороднее. Ну застрелитесь. Точно вы нас пугаете».¹²

— «Но у себя не позволю, нет-с, не позволю».¹³

— «Поболтайте-ка мне что-нибудь о Христе, Князь».¹⁴

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: Я вам мешаю» — вписан.

² В рукописи двоеточие отсутствует. Было начато: Солнце

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Князь подумал: «Неужели?» — вписано.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Было: котор<ый>

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: — «Вы из-за своей ~ о Христе, Князь». — отчеркнут слева вертикальной линией. Далее записи чернилами более темного оттенка.

«Для 2-х недель мне совершенно всё равно, что говорить правду, что лгать».¹

Ип<полит> про Р<огожи>на: «Странно, этот человек живет всею силою жизни, какую только можно жить, но, как показалось мне, способен понимать и мое дело».²

Почему в строении мира необходимы приговоренные к смерти.³
<с. 18>⁴

«Да разве можно любить для 2-х недель<?>

Доброе дело — в известн<ом> размере, потому что иное дело, требующее времени или посвятить ему всю жизнь мою, мне равномерно запрещено.⁵ Обманывать меня любовью. Утешать, Князь, деревьями и любовью. Надеждою на ту жизнь, да зачем же ту, когда мне только показали эту и отнимают.

Мне осталось умереть, потому что это единственное дело, которое я могу начать и кончить, — я бы мог убить других; мне⁶ это приходило на мысль, по комическу <и> состоянию палачей и общества.⁷ (Комическая претензия: почему я не подождал двух недель.)⁸

— Восход солнца,⁹ «выстрелю».¹⁰

Тот свет.

Представление того света, картинка.¹¹

«Кого я встречу. Желал бы пролежать <и>».¹²

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Текст: «Для 2-х недель ~ смерти. — отчеркнут слева вертикальной линией.

⁴ В верхнем правом углу страницы каллиграфические прописи: Julius Cesar, Caius Calligula. В средней части страницы справа чернилами более темного оттенка: J

⁵ На полях слева от текста: Доброе дело ~ равномерно запрещено. — запись: Комизм.

⁶ Текст: Мне осталось ~ других; мне — объединен фигурной скобой.

⁷ это приходило ~ общества. — вписано ниже со знаком: //

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Вместо: — Восход солнца — было: — Солнцу

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Представление ~ картинка. — вписано.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

Понять это значит¹ много спрашивать с человека.
«Есть Гордость² в бессилии.
Есть страшное наслаждение, будучи ничтожным, противустать громадной силе».³

Или <и>:

«Я хочу, будучи ничтожным, противустать громадной силе».⁴
«Есть наслаждение в подчинении громадн<ой> силе».⁵ <с. 15>

В речи Князя: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь.
Вы оклеветали себя — вы не могли не любить — (известие о мальчике).

Слишком надо быть эгоистом, чтоб перестать любить от мысли, что некогда, или от злости.

Вы ужасно несчастны. Я не согласен с вами, но я не имею права вам говорить».⁶

Ип<полит>: «Я бы желал быть осужденным. Какая власть, чтоб мучить меня, станет меня судить?»

Я бы лучше желал, чтоб меня осудили».⁷

(Христос. «Может быть, я ничего не понимаю в Христе и в общем».⁸)

— Злоба: так ведь не стоило бы и злиться.

«Ну представьте себе, я даже не злюсь.

Не стоит призрака бояться».⁹

«Любопытно, если б я начал теперь наживать деньги или влюбился.

¹ Понять это значит — вписано.

² Вместо: «Есть Гордость — было: «Есть в

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют. К данной записи проведена черта от текста выше: Представление ~ картинка.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. «Есть наслаждение ~ силе». — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: Вы ужасно ~ говорить». — вписан слева от текста: да здравствует жизнь ~ (известие о мальчике). — и отчеркнут справа вертикальной волнистой линией.

⁷ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

Но представить себе, что я бы любил кого-нибудь, — и знать каждое мгновение, что я ничего не мог бы для нее сделать».¹

«Так вы бы лучше там себя и убили. Ничего, поезжайте домой».²
Ему кажется <ся>, что правда, «не оставляйте себя».³

Желать убить в компан<ии> и говорить вдруг, что у него нет охоты жить.⁴

«Вы это слишком считаете важным.

Я знаю, вы скрежете зубам<и>, зачем вы нас не можете убить».⁵

Кн<язь>: «— Нет, он теперь себя не убьет, так как он манкировал в компании и эффекту не вышло, то он себя теперь не убьет».⁶

Лебедев вдруг спрашивает: <—> Князь, как вы думаете: а есть ли Бог?

— Так легко спрашиваете?

<—> Если б вы знали, как я этим мучаюсь, но всё откладываю решение, дела мешают, а на всякий случай молюсь.

<—> Ну а без случая не молились бы?⁷ <с. 19>

Смерть Ипполита.

Ип<полит> Князю:⁸ «Я хотел вас всех перерезать, я даже этого не смог сделать. Бессилие! бессилие целого племени!»⁹

— «Еще одна такая же минута, и я воскресну».¹⁰

<с. 128>¹¹

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Слева от этой фразы густо зачеркнуто: А знаете Текст: Желать убить ~ не можете убить». — отчеркнут слева вертикальной линией, возле которой знак: +

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: Вы оклеветали себя ~ не можете убить». — отчеркнут справа вертикальной линией.

⁶ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

⁷ Текст: Лебедев вдруг спрашивает ~ не молились бы? — записан чернилами светлого оттенка.

⁸ В рукописи точка.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ На странице находятся также записи другими чернилами и пером (см. с. 300—301).

Князь умирающему Ипполиту против атеизма: «Я не знаю»,¹ — и возражения за Христа² (мои). <с. 120>³

8 сентября

— Вечер все на ногах.⁴ «Я кончил недоумение», —⁵ говорит Ев-
<гений> Павлович (который здесь).

Странно,⁶ как ни пьян был Князь (нравственно), но двойная мысль вполне была в его голове: Ев<гений> Павлович, сделавший этот ночной визит, при своем положении, конечно имеет свои причины. (NB. Ев<гений> П<авлови>ч шепотом объяснил, что он едет чем свет.)

— Все нравственно пьяны.⁷

— «Умирать или не умирать?» (вопрос Ипполита).⁸

— Апокалипсис и звезда полярная.

Ипполит отвлечен: «Жить или не жить?» Италия (непрерывно Италия). Роза — любовь. «Пустословие-с». «Или жить ростовщичком». Птицын смеется. «Я бы на вашем месте, Ганечка».⁹

— Согласны вы, Князь?

— Нет, не согласен. Всякая травка, всякий шаг, Христос. — Вдохновенная речь Князя (Дон-Кихот и желудь). «За здоровье солнца».¹⁰

Все разбрелись. Князь и Ев<гений> Па<влови>ч.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Было начато: о Х<ристе>

³ Текст записан вдоль страницы, заполненной записями к замыслу «Картузов»; помещается здесь на основании тематической близости с заметками о смерти Ипполита со <с. 128>.

⁴ В рукописи запятая.

⁵ В рукописи кавычки, запятая и тире отсутствуют, прямая речь со строчной буквы.

⁶ Было начато: Евг<ений> Пав<лович>

⁷ В рукописи запятая.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: — Все нравственно пьяны (вопрос Ипполита). — объединен фигурной скобкой и отмечен цифрой «2». Начало текста: Странно ~ чем свет.) — объединено фигурной скобкой и отмечено цифрой «1». Записи публикуются согласно нумерации автора. В рукописи они следуют в обратном порядке.

⁹ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

Князь пошел на скамью, заснул.

Она будит его. — Письма.¹ Ипполит днем. Вечер у ней. <с. 66>²

15 сентября

ИППОЛИТ — главная ось всего романа.

— Он овладевает даже Князем, но, в сущности, замечает, что никогда не может овладеть им.

— Сношения Ипполита с Аглаей; он принят сначала с презрением (сцена). Но он ловко доказывает ей, что Князь любит Н<астасьё> Ф<илипповну> (но как бы и не подозревая, что Аглая любит Князя, а, напротив, точно веруя, что она любит Ганю).

Таким образом Аглае он стал *необходим*, нужен и овладел ею. Разжег в ней ревность до *пес plus ultra*.³

Овладел Рогожиным. (Овладел Н<астасьей> Ф<илипповной>.⁴) Овладел Ганей,⁵ разжигает его.

Князя разжигает, что надо исполнить слово, данное Н<астасьё> Ф<илипповне>. — Что она сумасшедшая. И овладевает Князем — сарказмами, тем, что обе его любят.⁶

И потом *после скандала* и бегства Н<астасьи> Ф<илипповны> из-под венца — хочет убить Князя мыслию:⁷ что он не имел права играть сердцами обеих.

Исповедь,⁸ осуждение его Князем. <с. 67>

Убийство, смерть.

Мелочи Ипполита:

— враг Коли (клеветает Князю), деспот маленького брата и матери. 100 руб.

Ганя,

Маленький брат (оскорбленное дитя).

Князь в связи с ребенком; дети.⁹ Между тем — продолжение с Аглаей, с Н<астасьей> Ф<илипповной>.¹⁰

ГЛАВНОЕ НВ.¹¹ Князь ни разу не поддался Ипполиту и проникновением в него (об чем про себя знает Ипполит и злится до отчаяния¹²) и

¹ Было: Вечером письма.

² Соседняя <с. 65> не заполнена.

³ предела (лат.).

⁴ Под строкой знак, относящийся к словам в скобках: НВ?

⁵ Было: Ипполитом

⁶ Что она ~ любят. — вписано.

⁷ мыслию: — вписано.

⁸ Было начато: Рас<сказ>

⁹ Было: Князь в связи с ребенком; дети; с Аглаей.

¹⁰ Далее было начато: Н

¹¹ ГЛАВНОЕ НВ — вписано.

¹² и злится до отчаяния — вписано.

кротостию с ним доводит его до отчаяния. Князь побеждает его доверчивостию.¹

— Сцена убийства. Суд. Ипполит в отчаянии умирает.

(Измучил Генерала,

Ганю,

Колю —

Аглаю,

Рогожина,

Мальчика.)² <с. 68>

Аглая³ с Князем и дома.⁴

Ипполит нацыкивает Лиз<авету> Прок<офьев>ну и сестер, что Аглая любит Князя.

Капитальная сцена в доме.

Объяснение с Князем Лиз<аветы> П<рокофьев>ны и всего семейства.

Аглая и Ганя. — Аглая объявляет со зла, что интересуется Ганей. Пишет письмо к Нине Александр<овне>, просит гостеприимства.

Сцена двух соперниц, подготовленная Ипполитом.

Публичное бегство в дом Нины Александровны.

Ипполит овладевает (Князем) тем, что доказывает тому, что Н<астасья> Ф<илипповна> не сумасшедшая.⁵ <с. 69>⁶

Князь женат.

Ипполит измучил Н<астасью> Ф<илипповну>.

Несколько дней брачного состояния Н<астасьи> Ф<илипповны>. Глупости.

Бе<г>ство из-под венца.

Вечер у Князя с детьми.

¹ Текст: Князь побеждает его доверчивостию. — вписан возле объединенного фигурной скобкой текста: (Измучил ~ Мальчика.) — и связан соединительной линией со словом «кротостию».

² В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

³ Далее было начато: дл<я>

⁴ Далее было: Сцена двух соперниц.

⁵ Ипполит ~ не сумасшедшая. — заметка на полях вдоль основного текста.

⁶ На странице находятся также записи, сделанные чернилами темного оттенка в направлении, обратном данному тексту: Н<астасья> Ф<илипповна>. Кутила в Москве ~ приехала женить его (см. с. 260).

Ипполит хочет зарезать.
Суд над Ипполитом.
4-я <часть>, конец.¹

5-я и 6-я <части> —

Князь и дети. Аглая у него. Любовь тайная.² Объяснение³ с Аглаей — Рогожин — подозрения, Убийство. Аглая всё у Гани.⁴ Князь судит Аглаю.⁵ Та гордо не хочет оправдываться.⁶ Идиотизм. Тут-то Аглая и кончает с Ганей. *Поехала одна.* <с. 70>⁷

Аглая и Князь

— В 1-м свидании Аглая убеждает Князя, что Н<астасья> Ф<илипповна> влюблена в него. Письма как доказательство.

Вечером Князь у Н<астасьи> Ф<илипповны> и убеждается в противном. Мирит Н<астасью> Ф<илипповну> с Рогожиным.

Аглая разубеждает его.

Он в волнении. К Ипполиту. Ипполит советник. (Мелочи и дразги Ипполита в доме. Сплетник.⁸) Случайно история с Мальчиком.

Ипполит под конец замечает, что он не советник и что Князь его раскусил. Тут его сношения с Аглаей и с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

Евг<ений> П<авлови>ч скептик.

Скандал у Епанчиных.

Отказ Князю Аглаи, которой он уже делает предложение. Смешно.⁹

Сцена двух соперниц.

¹ 4-я <часть>, конец. — *вписано.*

² Далее было: (Гордо и надменно кончила с Ганей.)

³ Объяснение — *вписано.*

⁴ всё у Гани — *вписано.*

⁵ Далее было: Аглая доказывает, что была друг Н<астасьи> Ф<илипповны>.

⁶ Та гордо не хочет оправдываться. — *вписано.*

⁷ На странице декоративный рисунок, а также записи, сделанные чернилами темного оттенка в направлении, обратном данному тексту: Утром заплаканный <и> Рогожин ~ не женится на Аглае (см. с. 260).

⁸ Сплетник. — *вписано.*

⁹ которой ~ Смешно. — *вписано.*

Аглая (со стыда, что обнаружила любовь к Князю) скрывается к Гане.

Свадьба с Н<астасьей> Ф<илипповой>,¹

вечер <и>.

Убийство Ипполитом.

Суд Князя.

Смерть Ипполита.

Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю Интригу.² <с. 71>

В 5-й и 6-й части

Аглая уже помирилась с семейством даже. Торжественно невеста Князя —

и вдруг смерть Н<астасьи> Ф<илипповны>.

Князь не прощает Аглае.

С детьми.

В Князе *Идиотизм!*

В Аглае — *Стыдливость*.

Ипполит:³ *Тщеславие слабого характера*.

Н<астасья> Ф<илипповна>:⁴ беспорядок и Красота (жертва судьбы).

Рогожин:⁵ ревность.

Ганя: Слабость, добрые наклон<ности>, ум, стыд, стал Эмигрантом.

Ев<гений> П<авлови>ч. Последний тип русского помещика-джентльмена.

Лизавет<а> Прокоф<ьевна> — дикая⁶ честность.

Коля — новое поколение.

Оказывает<ся>, что Капитанша преследовала Генерала по наущению Ипполита. Ходит по его дудке. *Все по его дудке*. Власть его над всеми.⁷ <с. 72>

¹ В рукописи запятая отсутствует.

² Об Ипполите ~ Интригу. — вписано на полях вдоль основного текста.

³ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁴ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁵ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁶ Было: дикое

⁷ Оказывает<ся> ~ над всеми. — вписано на полях вдоль основного текста.

Под конец Князь: *Торжественно-спокойное его состояние!* Простил людям.

Пророчества. Разъяснения каждому себя самого. Времени. Прощение Аглаи.

Аглая с Матерью — живет и путешествует. <с. 73>¹

Князь и Аглая. «Одни блудники и прелюбодеи никогда не войдут в Царствие Небесное».²

О Детях, о Колумбе.

Князь про Н<астасью> Ф<илипповну>: «Я не люблю ее».³

Аглая: «Послушайте, будем мы ссориться?»

— Так как вас любить нельзя, потому что вы очень нехороши собой, то я сделаю из вас моего друга».⁴

Молодое поколение.⁵

— «Это я нарочно чтоб вас испытать. Я ничего не знаю. Что мы будем делать?»

Займемся воспитанием».⁶

В 4-й части непрерывно. «Сходите к ней».⁷

Аглая обвиняет Князя и семью,⁸ что его как Идиота заманили из-за денег и что она не хочет выходить из милости.

Лиз<авета> Пр<окофьевна>: «Она вас любит. Приходите, лучше, чем тихонько. Она на землю кидалась, так стыдлива.

Я вас бить буду.

Говорите об чем-нибудь другом».⁹

О Ренане — о¹⁰ Христе.

Князь¹¹ сходил к Н<астасье> Ф<илипповне> и пришел сказать Аглае, что он никогда не пойдет к ней. И что он убежден, что

¹ Текст записан вдоль страницы. На <с. 67—73> записи сделаны чернилами светло-коричневого оттенка. Соседняя <с. 74> не заполнена.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Молодое поколение. — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ и семью — вписано.

⁹ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

¹⁰ о — вписано.

¹¹ Было: Он

сделал бы несчастье Н<астасье> Ф<илипповне>, если б женился.¹

(NB. В первой главе с Аглаей Князь не говорит, что Н<астасья> Ф<илипповна> будет несчастна за ним, но только то, что он не любит.)²

Сарказмы Аглаи.

Лиз<авета> П<рокофьевна> говорит, что она любит.

«Приходи, об чем-нибудь о другом».³

Об Ренане.

— «Вы редко лжете?»⁴

Знаете, для чего я про эту руку солгала?⁵ — вдруг обратилась она к нему с самой детской доверчивостью и еще со⁶ смехом, дрожащим на ее губах,⁷ — потому что когда лжешь, то если ловко вставить что-нибудь не совсем обычайное, что-нибудь эксцентрическое, что-нибудь слишком случайно бывающее или совсем даже⁸ не бывающее, то тогда ложь становится гораздо вероятнее. У меня только дурно вышло, потому что я не сумела...»⁹ Вдруг она нахмурилась, точно опять вспомнила.¹⁰ <с. 5>¹¹

— Рогожин, тайком в Петербурге. Бойтся показать<ся> Н<астасье> Ф<илипповне>, потому что та умрет при одном его напом<инании>,¹² разыскал ее.¹³ Зовет Князя.

— Н<астасья> Ф<илипповна> втайне лечится у Князя. У Н<астасьи> Ф<илипповны> одно желание, чтоб он женился на Аглае.

—хлопоты с Аглаей.

¹ И что он ~ если б женился. — *вписано*.

² Слева от текста: (NB. В первой главе с Аглаей ~ он не любит.) — *вычеркнуто*: Н<и>

³ В рукописи запятая и кавычки отсутствуют.

⁴ — «Вы редко лжете?» — *вписано на полях*.

⁵ Было: А знаете, для чего я вам тогда сказала, что сжег свою руку?

⁶ Было: с

⁷ про эту руку ~ на ее губах — *вписано между строками и на полях*.

⁸ совсем даже — *вписано*.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Текст: Вдруг ~ вспомнила. — *вписан на полях и связан соединительной линией со словами «я не сумела...»*.

¹¹ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради.

¹² потому что ~ напом<инании> — *вписано*.

¹³ Автором исправлена описка: его

3-я часть (продолжение). Ипполит. Свидание с Аглаей. Письма. Н<астасья> Ф<илипповна>. Рог<ожин> и Князь.

Н<астасья> Ф<илипповна> Рогожину: «Можешь ты это забыть<?>»³

(NB. Князь прельщается в Аглае (еще более)⁴ тем, что она настаивает на великодуш<но>й идее, чтоб он женился на Н<астасье> Ф<илипповне>. Это последний coup de grâce⁵ ему. Он так высказывает это Аглае, что та зовет его домой и говорит: «Я люблю Князя».⁶ Объяснились. Жених и невеста. Князь смущен.⁷

(NB. Аглая делает это отчасти из ревности, ибо Князь не скрывает ей, что Н<астасья> Ф<илипповна> оставила в нем впечатление чрезвычайной жалости. Князь приходит домой после сватания с Аглаей и вынимает портрет Н<астасьи> Ф<илипповны>. Потом выходит из дому.)

Затем 4-я часть,

в которой:

Аглая требует от него любви к Н<астасье> Ф<илипповне> и укоряет его. Смеется над ним. Ганя. Ипполит у нее в милости (рассказом).⁸

Свадьба Рогожина. Свадьба Князя назначена:

Аглая Ипполитом и Ганей и Князем доведена до исступления.

Сцена 2-х соперниц, и к Гане.⁹

Главное. Аглая, дав слово Князю,¹⁰ боится, что смеются над ней и над Князем, иногда искренно делает шутку и сама смеется над Князем,

¹ ИДЕЯ. — обведено чертой.

² (ноября) — приписано позднее чернилами более темного оттенка. Над заголовком каллиграфическая пропись: Идея

³ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁴ (еще более) — вписано.

⁵ coup de grâce — завершающий удар (фр.).

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Было: Князь. Слово «смущен» вписано после точки с прописной буквы.

⁸ На полях слева от текста: Аглая требует ~ (рассказом). — заметка: NB. И так в 3 недели.

⁹ Текст: Аглая требует ~ и к Гане. — отчеркнут слева и снизу.

¹⁰ Над строкой помета: невеста

gotre avec lui.¹ Стыд <ится>² Князя. Говорит ему: «А что если я в церковь не явлюсь<?>»³

Рассказом про эти 3 недели, варьируя сценами. Тут и Евг<ений> Павлович.⁴

NB. И это 1-я половина 4-й части.⁵ <с. 2>⁶

2-я половина 4-й части

Н<астасья> Ф<илипповна> невеста Князя.

Эксцентричность. Сцена в храме, одна.

К Р<огожи>ну в отчаянии (он зарезал). Позвал Князя.

Рог<ожин> и Князь у трупа. Final.⁷

Недурно.

Князь и Н<астасья> Ф<илипповна>⁸

(двое сумасшедших. В Павловске сбегаются смотреть).

Философия Князя. «Я идиот — я не знаю. — Я не прав, что не простил Аглае, я действовал сердцем».⁹

Ему¹⁰ говорят: «Вы причина всего».¹¹

Он: «Да, я причина всего».¹²

Куда делись Бурдовские? Лебедевы 1-й и 2-й (участвовали¹³ в Интриге?)¹⁴

¹ порвала бы с ним (фр.).

² Последние буквы стерлись.

³ В рукописи кавычки отсутствуют. Главное ~ не явлюсь<?>» — вписано на полях вдоль основного текста.

⁴ Текст: Рассказом ~ Евг<ений> Павлович. — вписан на полях вдоль основного текста и связан соединительной линией со словами «не явлюсь<?>».

⁵ NB. И это 1-я половина 4-й части. — вписано по нижнему краю страницы.

⁶ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. Вдоль страницы находятся также записи чернилами более темного оттенка: 15 октября. NB₃. ~ NB₄) НА ВСЁ ВРЕМЯ (см. с. 319).

⁷ Далее три горизонтальные линейки.

⁸ Было: она

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Было начато: «Вы

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы. Текст: Философия Князя. ~ я причина всего». — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: NB₁

¹³ В рукописи: участвовали

¹⁴ Текст: Куда делись ~ Интриге?) — объединен фигурной скобкой, возле которой знак: NB₂

Ганя банкиром.¹

NB ГЛАВНОЕ

Аглая сумела сделать, что брак ее с Князем вроде шутки. (*Грозит* ему Ганей, любит Ганю.)² В недоумение всё семейство этой шуткой. Лиз<авета> Пр<окофьев>на: «Серьезно ты или нет?»³ День свадьбы. Обе сестры вместе. Баталия с Н<астасьей> Ф<илипповой>, вдруг бежит к Гане.

Аглая⁴ с Князем. <с. 1>⁵

6 октября. Вопрос Лебедева: «Есть ли Бог?»⁶ и на всякий случай.

Рогожин идет к Ипполиту за Богом. <с. 13>⁷

15 октября⁸

15 окт<ября>.⁹ NB₁. — Аглая нарочно делает Сцену с Н<астасьей> Ф<илипповой>, чтоб выдать Князя из смеха и из мщения за Князя. Дома всех¹⁰ ставит в вину, что ей насильно навязывали Князя.¹¹ Требуется выйти за Ганю.

15 октября<ря>. NB₂. — Сцена во храме выставляет всего Князя. Ганя жених. Аглая дала¹² пощечину. Бежала к Князю. <с. 1>¹³

¹ Слева от текста: Ганя банкиром. — знак: NB₃)

² В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Было: Она

⁵ Текст записан в направлении, обратном пагинации тетради. На странице каллиграфические прописи: Идея, Les ustes<siles> <кухонные принадлежности, вещи (фр.)>. Кроме того, запись (в «прямом» направлении): <нрзб.> 1868. <нрзб.> 19; записи чернилами более темного оттенка, сделанные вдоль страницы: 15 октября ~ Бежала к Князю (см. ниже).

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ На странице находятся также записи чернилами темного и светло-коричневого оттенков, сделанные в разных направлениях (см. с. 322—324).

⁸ Было: ноябр<я> Дата: 15 октября — вписана.

⁹ Так в рукописи: повтор даты.

¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ В тексте описка: Князю. Было начато: Г<ане>

¹² Далее край страницы на сгибе не просматривается (возможно, записано одно слово).

¹³ Текст записан вдоль страницы.

15 октября. NB₃. Необходима сцена после бе<г>ства Н<астасьи> Ф<илипповны> из-под венца. Сцена с детьми. Где он им всё объясняет как большим.

Лебедев.

Вера.

Пир.

15 октяб<ря>. NB₄) НА ВСЁ ВРЕМЯ.¹ <с. 2>²

ПОСЛЕ ВЕНЦА:

Князь возвращается один домой, множество людей приходит даже и незнакомых (Келлер в негодовании). Князь берет за руки и приглашает; многие входили. «Учеными предметами занимаетесь?»³ Ипполит. Лекция об образовании, самопознании, петролее, машинном производстве, которое должно поглотить всё и освободить людей (Статья о выставке Шевалье, сентябрь, «Р<усский> В<естник>»⁴) от борьбы за существование, тогда разрешится и Социализм и вопрос о браке и придет к Христу.

⁵Многие ушли, не видя скандала, другие были тронуты и восхищены, а Князь с Ипполитом, который в эту ночь умирает.

Наутро Князь ринулся за Н<астасьей> Ф<илипповной>.

(В обществе, пришедшем смотреть Идиота, — шепот: «Говорит об машинах, говорит об машинах».⁶)

⁷Из ГЛАВНОГО.

1) Сцена (во храме) в день брака, до прихода Аглаи наедине между Князем и Н<астасьей> Ф<илипповной>. Князь, вынеся во всё это время скандала ужасные мучения от сошедшей с ума Н<астасьи> Ф<илипповны>,⁸ наконец в утро брака говорит с ней по сердцу: Н<астасья> Ф<илипповна> и в отчаянии и в надежде, обнимает его, говорит, что она недостойна, клянется и обещается. Князь прос-

¹ Текст: 15 октяб<ря>. NB₄) НА ВСЁ ВРЕМЯ. — записан в отрыве от предыдущих набросков, расположенных под такой же датой, и связан с ними соединительной линией.

² Текст записан вдоль страницы.

³ Далее было начато: Лекция

⁴ сентябрь, «Р<усский> В<естник>» — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Знак абзаца.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Знак: 1) Указывает на последовательность записей в нижней части <с. 12—11>.

⁸ Далее было начато: в

то и ясно (Отелло) говорит ей, за что он ее полюбил, что у него не одно сострадание (как передал ей Рогожин и мучил ее Ипполит), а и любовь и чтоб она успокоилась. Князь вдруг *пьедестально* выказывается.

2) Тут входит Аглая, спокойно, *величаво и просто* грустная, говорит, что во всем виновата, что не стоила любви Князя, что она избалованная девушка, ребенок; *что она вот за что полюбила Князя* (и тут Отелло):¹ наивная и высокая речь, где Н<астасья> Ф<илипповна> чувствует всю безмерность ее любви, а Аглая, думая² <с. 12> ³выставить недостаточность и ничтожность своей любви и тем успокоить Н<астасью> Ф<илипповну> и Князя, — напротив, *наивно и себе неведомо*, только выставляет великость, глубину и драгоценность своего чувства. Несколько ласковых слов с Н<астасьей> Ф<илипповной>, но через силу, несколько наивность<ей>, — расстаются. — Н<астасья> Ф<илипповна> пораженная, и Князь предчувствует, что с отчаянием в лице идет одеваться, а Аглая уходит к Гане, и там истерическая сцена сожжения пальца. Затем⁴ сцена Гани с Ипполитом, который *перетаскивается* к Князю, свадьба, вечер, будущий мир⁵ России и человечества и экономические разговоры.

А затем ЗАКЛЮЧЕНИЕ.⁶ <с. 11>

7-е ноября

— После венца — дети.

— Князь в беспокойстве за Н<астасью> Ф<илипповну>.

— Наутро бросился в Петербург.

— Искал⁷ целый день Н<астасью> Ф<илипповну>. Был у Р<ого>жина. Тот отказал. Сказал, что не было Н<астасьи> Ф<илипповны>.

— Ходил день по Петербургу, *видения*.

— Встретил Р<ого>жина в сумерки: «Пойдем»⁸ (шепотом). Привел, посадил (манит за занавеси). В темноте, в полусумерках тело.

¹ В рукописи двоеточие стоит после слов «полюбила Князя».

² На странице находятся также записи: 12 марта. В РОМАНЕ ТРИ ЛЮБВИ ~ Князь (см. с. 225).

³ Знак: 2) Указывает на последовательность записей в нижней части <с. 12—11>.

⁴ Далее было начато: свать<ба>

⁵ Здесь в рукописи: миръ

⁶ На странице находятся также записи: ПРОЭКТЫ ~ (Как, н<а>прим<ер>, Ганю?) (см. с. 225).

⁷ Было начато: По

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

— В сердце. Капля крови. Что она говорила.
 «Я наложницей буду твоей, не режь меня».¹
 «Я по зале ходил² — заснула; во сне не услышит».³
 (— *Как быть?* (Не уходи⁴))
 — Матрас стелют. Рогожин заснул. Сон: «Такое, как бы некое древо».
 — Никому не говорить *ни за что*.
 (Оба стелют постель.)
 (Оба сумасшедшие.)
 (О постороннем, но трагичном, фантастическом.⁵)
Рогожин:
 «Чтоб у тебя припадка не было?»⁶
 Ласкает его.⁷

Рог<ожин>: «Как я подошел колоть (к рассвету), она не спала. Черный глаз смотрит. Я и кольнул изо всей силы».⁸

Рогожин про тело: «Выбрал место, где сердце, глаз смотрит, я тут погрузил изо всей силы, секунда, на 2 вершка<,> голову приподняла, одна капля крови, внутреннее излияние».⁹

— Про тело: <—> Ведь унесут, парень!
 — Унесут, — вскричал Князь.
 — Так не признаваться.
 — Ни за что! — вскричал Князь.

¹ Далее было начато:

Заснула. Ду<маю>

Засн<ула>

² Далее было начато: Во сне и

³ В рукописи кавычки отсутствуют. «Я наложницей буду ~ не услышит». — вписано в два приема (первая и вторая фраза связаны соединительной линией) чернилами темного оттенка, тонким пером.

⁴ Так в рукописи.

⁵ фантастическом — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ *Рогожин* ~ Ласкает его. — вписано на полях слева от текста: (О постороннем ~ фантастическом.) — чернилами темного оттенка, тонким пером; заключено в рамку.

⁸ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

А в вопросе Рогожина: «Как быть?»¹ — ни капли опасения о наказании, а как бы об чем-то другом (NB:² т. е. чтоб сохранить во что бы ни стало ее тело).

«Дух,³ ноне жарко. Есть дух, но малой. Ждановской жидкости. Есть внизу горшки цветов у матери, перенести бы сюда? Догадаются. Догадаются! Купить разве, цветами обложить?»⁴ Да жалко будет, ее жалко будет в цветах-то! Точно невеста.⁵ Не печалься, парень!»⁶ Слово Рогожина к Князю. Рогожин его стал гладить по щекам, лаская.⁶ <с. 14>

NB. — Вдруг<,> уже они улеглись на матрасе, Рогожин привскочил, сел и вспомнил какое-то слово Н<астасьи> Ф<илипповны> прежнее, давнишнее, совершенно постороннее, — и вспомнил с большою заботою.

Об офицере, которого она охлестнула, припомнил и покатился от смеху.

«А помнишь — штиблеты?»⁷

(«Мы с ней в карты играли. Ей бы вечером грустно бывало. Я колodu карт принес, и каждый вечер играем».⁸)

Рогожин хочет отделать шелками комнату.

— «Я еще не знаю... Я еще ничего не знаю...»⁹ — говорил Рогожин — непрерывно, задумываясь, как бы припоминая с мучением и соображая, и как бы ничего не мог припомнить.¹⁰

— Рогожин вдруг говорит: <—> Стой, идет кто-то? — прислушиваются; — идет! ...отворил дверь. — Иль нет?.. Ходит.

— Ходит.

— Я притворю дверь.¹¹

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² В рукописи точка.

³ Далее было начато: жар<ко>

⁴ Точно невеста. — вписано.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Да жалко будет ~ лаская. — вписано на полях вдоль страницы под знаком: × — В тексте такой же знак после слов «цветами обложить?»⁷». Продолжение находится на <с. 13>, начиная со слов: NB. — Вдруг<,> уже они улеглись...

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют. «А помнишь — штиблеты?»⁸ — вписано чернилами более темного оттенка.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Текст: — «Я еще ~ припомнить. — объединен фигурной скобкой и отделен чертой от последующих записей.

¹¹ — Рогожин вдруг ~ дверь. — обведено чертой.

? NB. В зале привидение.¹

11² ноября.

Сцена двух соперниц.

Князь нечаянно попал, по намекам Ипполита и чтоб сказать Н<астасье> Ф<илипповне> (попал за минуту прежде Аглаи).

Гордая и высокая речь Н<астасьи> Ф<илипповны>, простая, с достоинством высоким.

«Поцелуйте меня».³

— Ты.⁴

Аглая: «Так я и знала, что он так сделает».⁵

Н<астасья> Ф<илипповна> Князю: «Ты привел ко мне свою любовницу».⁶

Чудак Рогожин.⁷

— Ты воровка.⁸

Н<астасья> Ф<илипповна>:⁹ <—> А ты зла, что не твой.

— Конечно¹⁰ мой.

<—> Зелен виноград.¹¹

— Я дарю тебе.

<—> Я и сама возьму, а тебя выгоню.

(Аглая чтоб была ребенок и бешеная женщина вместе.)

Аглаю страшно поразил поступок Кн<язя> с Н<астасьей> Ф<илипповной>.

«Тогда я начала о нем думать. Письмо его — меня удивило; потом всё занимало меня; не выходило у меня из мыслей, я его во сне видела, я 1000 раз перечитала его».¹² <с. 13>

¹ Текст: NB. — Вдруг<,> уже они улеглись ~ привидение. — записан вдоль страницы.

² Было: 8

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Вместо точки был восклицательный знак.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее было: Ты Текст: Аглая: «Так я и знала ~ любовницу». — вписан чернилами темного оттенка, тонким пером, справа от текста: «Поцелуйте меня». — Ты.

⁷ Чудак Рогожин. — вписано.

⁸ Ниже было начато: Чуд<ак>

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹⁰ Было начато: Н

¹¹ Между строками запись чернилами темного оттенка, тонким пером: — Я вам дала знать, через тех, кого вы назначали. Может, мои письма пропали.

¹² В рукописи кавычки отсутствуют. Аглаю страшно поразил ~ перечитала его». — вписано на полях вдоль основного текста чернилами

¹ — Где же она? — Что тут? <—> Пойдем, пойдем!
Когда Рогожин показывает ему труп Н<астасьи> Ф<илипповны>.
«Она кричала».²
Целует труп.³

«Только оттого и не доношу, что к ней прихожу.⁴ Как я приду к ней тогда?»

Известно, от трупа пахнет».⁵ Ногу целует.

— «Ну что тебе<,> воды? как крикнет бывало. — Сейчас, сейчас».⁶ <с. 16>

Рогожин поймал Князя под вечер, в том же трактире, где и убийство, в темноте.

— Пойдем, да не близко иди. Ты по этой стороне, а я по тому тротуару пойду. Всё за мной иди.⁷

<—> А ведь⁸ я так наверно и знал, что ты не испугаешься, что я тебя⁹ зарезать привел.¹⁰ <с. 13>

Рогож<ин> проговаривается Князю у трупа: «Без тебя не мог я здесь быть».

Убить себя: «Да, думаю, как же она-то останется<?>»¹¹ <с. 14>

темного оттенка, тонким пером. Записи от 11 ноября находятся в левой части страницы на месте, свободном от других, более ранних записей (NB. — Вдруг<,> уже они улеглись ~ привидение), сделанных вдоль страницы.

¹ Знак: |)

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ «Она кричала». Целует труп. — вписано.

⁴ что к ней прихожу — вписано.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Под записью слева две короткие линии: — \

⁷ Вписано чернилами темного оттенка по нижнему краю страницы и обведено чертой.

⁸ Было: В<едь>

⁹ Было: теперь

¹⁰ Вписано чернилами темного оттенка по верхнему краю страницы и обведено чертой.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Вписано чернилами темного оттенка по верхнему краю страницы и обведено чертой.

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(Т. 9. С. 5)

Подготовительные материалы (ПМ)

УБИЙСТВО

МИНУТА¹

Я не выехал на дачу; остался в Петербурге. Пыль, духота, зной, белые ночи. По делам слонялся по городу. На углу Подъяческой и Мещанской я опять столкнулся с человеком с крепом на круглой шляпе.

Только в этот раз я наконец узнал этого господина.

Я вообще забывчив на лица. Никогда не забуду и не прошу себе, как я забыл в лицо, столкнувшись на улице,² одного бывшего мне знакомого³ писателя, которого я года два с половиной не видал. Впрочем, тогда случилось нечто особенное. Пусть уж только я бы забыл его в⁴ лицо: он бы, может, и простил мне⁵ это. Но когда уже он назвался, когда уже он, видя, что я решительно неспособен признать⁶ его,⁷ высказал мне всю⁸ свою фамилию, всё свое великое имя,⁹ напоминающее о всех бессмертных его произведениях,¹⁰ и когда я и тут всё еще¹¹ продолжал

¹ Слова «УБИЙСТВО» и «МИНУТА» записаны каллиграфическим почерком.

² столкнувшись на улице — вписано.

³ бывшего мне знакомого — вписано.

⁴ в — вписано.

⁵ Было: мне и простил

⁶ Было: узнать

⁷ его — вписано.

⁸ В тексте описка: все

⁹ Далее было: напомнил мне о себе совершенно

¹⁰ напоминающее о всех бессмертных его произведениях — вписано на полях.

¹¹ всё еще — вписано.

стоять разиня рот, недоумевая, кто же бы это такой был, такой-то, которым он сейчас назвался, совершенно забыв, что такой-то есть великий современный русский писатель, то — Боже мой, какое ужасное положение. Нет<,> уж лучше не говорить, есть иногда¹ воспоминания, от которых обливаешься холодным потом и желаешь провалиться сквозь землю, когда нечаянно вспомнишь.

²Но мне, впрочем, при встрече тогда³ с круглой шляпой на углу Подьяческой было⁴ не до шуток⁵ и не до сочинителей. Дело в том, что я уже давно, почти с месяц⁶ встречался уже,⁷ раза три-четыре, с круглой шляпой мельком в толпе или, как теперь, на улице, и каждый раз эта встреча производила во мне какое-то удивительно неприятное впечатление. Эта физиономия, которую я очевидно где-то когда-то встречал, производила на меня и т. д. Но я⁸ не узнавал его. Только почему же мне всё казалось, что он меня знает, знает <с. 51>⁹ очень хорошо и узнает. Я его не узнаю, а он меня узнает каждый раз,¹⁰ был со мной где-то прежде знаком, и только не хочет теперь подойти ко мне почему-то. Конфузится что ли?¹¹ Два раза он проглядывал<,> один разлучили. Другой в толпе. 3-й с другой стороны тротуара.¹² Почему, когда мы расходились, мне всё казалось, что он вернулся, что он за мной идет, следит за мной издали, куда-нибудь прячась. Мало того; мне казалось, что он и¹³ явился с целью; что он шляется-то, может быть, единств<енно>¹⁴ для того, чтоб следить за мной, может быть и в Петербурге-то только для этого. Разумеется, оглядываясь и не находя никого сзади меня, я и сам смеялся.¹⁵

¹ Далее было: воспитание

² Знак абзаца.

³ тогда — вписано.

⁴ на углу Подьяческой было — вписано на полях.

⁵ Вместо: было не до шуток — было: стало не до шуток. Слово «было» записано дважды.

⁶ почти с месяц — вписано.

⁷ уже — вписано.

⁸ Далее было: прежде

⁹ Здесь и далее в ломанных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. На странице архитектурные детали и каллиграфическая пропись: Конс<антинополь>

¹⁰ и узнает. Я его не узнаю, а он меня узнает каждый раз — вписано.

¹¹ почему-то. Конфузится что ли? — вписано.

¹² Далее было начато: Наконец На полях незаконченный вариант: примеривался [д] в третий [6] уже и совсем было рванулся ко мне в толпе.

¹³ и — вписано.

¹⁴ единств<енно> — вписано.

¹⁵ Разумеется, оглядываясь ~ смеялся. — вписано.

Прибавлю, что всё это, т. е.¹ каждая встреча с этой гнусной шляпой, хоть и оставляла во мне² мерзостное впечатление,³ и чуть не на целый иногда⁴ день, но сознательно это почти не занимало меня,⁵ несмотря на то, что я жил тогда уединенно и был склонен к задумчивости. Бывало, придешь домой и думаешь, думаешь <—> да много щелчков я перенес, было о чем подумать.⁶ Занят ли я тогда был, был ли под напором и владичеством других более сильных мыслей, не знаю, но встречи с этим господином проходили до сих пор⁷ мгновенно. Правда, я задавал себе вопрос, раза два: кто бы это такой? Но в⁸ серьезно-сознательную заботу этот вопрос не складывался⁹ и почти не повторялся, несмотря на тоску, которую каждый раз я испытывал от этих встреч и даже чуть ли не во весь потом день.¹⁰ Вот на эту-то тоску я и сердился, именно на то, что такая ничтожная встреча могла хотя несколько занимать меня. Думать я об ней не удостоивал, но внутренн<ей>, беспредмет<ной>, неизвестной тоски я не в силах был не признать¹¹ в себе.

Только вот что случилось: Я обознал эту тоску, признал ее начало и предлог, узнал ее, одним словом, окончательно — всего накануне¹² этой теперешней последней встречи моей в Подьяческой. Тут, как я увидел вдруг опять эту мерзкую шляпу с крепом, я вдруг сказал себе: «Это вот от кого тоска. Это именно оттого, что я встречаю этого господина. Что ж это за господин?»¹³

¹ т. е. — *вписано*.

² во мне — *вписано*.

³ Было: Прибавлю, что всё это, хоть и оставляло мерзостное впечатление, но каждая встреча с этой гнусной шляпой

⁴ Далее было: на

⁵ Далее было двосточие и начато: Занят ли

⁶ Бывало, придешь ~ подумать. — *вписано между строками и на полях*.

⁷ до сих пор — *вписано*.

⁸ Было: всё

⁹ Вместо: этот вопрос не складывался — было: это никогда не укоренялось

¹⁰ Далее *незачеркнутый вариант*: Но странно, я догадался о причине этой повторявшей<ся> при каждой встрече тоски, всего накануне этой последней нашей встречи в Подьяческой. <всего ~ в Подьяческой. — *вписано*.

Прежде тосковал, но не знал о чем, и вдруг накануне ночью мне неожиданно припомнилась эта фигура, всегда спешаща<я> мимо, всегда загадочно смотряща<я> на меня, всегда знакомая. «Ба! да кто же он такой», — вскрикнул я. <В рукописи кавычки отсутствуют.> Это было среди ночи; я встал с постели.

¹¹ Было начато: отрица<ь>

¹² Далее знак, напоминающий фигурную скобку.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

Я тут всё ещё¹ не узнал его, но узнал его ночью. В этот раз я уже тосковал сознательно и всё думал об этой фигуре: кто это такой. Впечатление было как от слова, которого ищешь припомнить, которое знаешь отлично хорошо, но которое неизвестно почему выскочило из памяти и никак не может отыскаться.

— Я стоял у окна, был 2-й час, он проходил, я вздрогнул, точно нарочно. Смотрел на дом, вошел в дом. Это ко мне, я стал у дверей и стал слушать.² <с. 52>

— Он входил, вошел, стал трогать замок, я вдруг otvorил.

— Сконфузился.

— Вы меня не узнаете? <—> Нет, я теперь вас отлично хорошо узнаю. Вы Павел Павлович Трусозкий, с которым я имел удовольствие быть знаком лет 8 назад, в Твери.³

— Точно так, точно так.⁴

— Ваша супруга, но... по ком траур<?>

— Насчет⁵ траура вы угадали, 4 месяца. Скоро месяц в Петербурге.

Я собственно по делу, но... мне кажется, я отсюда не в силах и выехать. Тут толкотня,⁶ эгоизм и ужасная мелочь, а там всё напоминает. — Я ведь здесь с дочерью.

— Я — я не помню.

— Как же, вы, уезжая, оставили А<нну> Ив<ановну> беременной⁷.

В гостинице.

— Странен. Почему не узнавал.

Он ушел.

— Рассказ об Ан<не> Иван<ов>не.

— Я пошел в гостиницу. Увидал дочь. (Потом: Я скажу прямо, я для нее и ходил.)

— Позвал к себе. Рассказы дочери. — В первый вечер после переезда об мертвом любовнике и об том, что А<нна> И<вановна> письма оставила.

— Едкие, гадкие слова, и о дочери.

¹ всё еще — вписано.

² Вот на эту-то тоску ~ стал слушать. — вписано между строками, на полях и в нижней части страницы.

³ Записано в три приема. Было: Вы Павел Павлович. Далее приписано: Трусозкий ~ знаком. После этого приписано: лет 8 назад, в Твери.

⁴ Далее было: но

⁵ Было начато: — В

⁶ Далее было начато: р

⁷ Знак: // —

— Не хотите ли вы взять ее?¹ серьезно?

— Я отвез дочь к знакомым.

— Три-четыре дни² уже мы жили. Был на погребении. Пришел <—> и опять едкий разговор. Дочь заболела. «В вас нашел друга».³ Не хочет ли он меня убить? Инструменты.⁴

Были у дочери. Ночью двигался ко мне. Плевок, я решил завтра разбыхать <ся>.

— Но завтра на дачу. Послезавтра смерть дочери. Он шампанского.

Портрет. «Я хочу жениться».⁵

— Вечером всю теорию. «Завтра уеду».⁶

— Наутро М<олодой> Человек. — Видите! Видите!

— Да, вам несчастье.

<—> Завтра уеду, я уже давно хотел ехать.

Я воротился поздно, он уж спит. Я лег, заснул, сон, вскочил, бросился на него, связал.

Через час выпустил. «Я затем, чтоб повеситься в номере. — На ваше имя записку оставляю».⁷

Ушел, НЕ повесился. Половой взял чемоданы. Шлялся по Петербургу с крепом. Вдруг встречаю М<олодого> ч<еловек>а: уехал.

— Два года прошло; в вагоне. У него орден на шее и великолепная дама. Гусар. «Мы смиренный тип, а вот хищный».⁸ <—> Нет, это только до Р<анен>бурга. <—> Как? — вскинулась жена,⁹ — Алеша к нам и погостите у нас.

— Видите! Видите! Вы тоже званы?

— Нет, я до перекрестка. — Раскланялся, звали, обещался, не был.

<—> К нам нейдет; я повеситься хотел.

Predestiné.¹⁰

<—> Опустили б вы тогда? или только пугали?

<—> Непременно бы опустил — только к нам нейдет это.¹¹ Уверяю вас, что к нам нейдет это.¹² <с. 53>

¹ Знак вопроса вписан.

² Далее было начато: м<ы>

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Инструменты. — вписано ближе к правому краю страницы.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Далее было начато: к н<ам>

¹⁰ Prédestiné — предопределено (фр.).

¹¹ Далее было (со строчной буквы): или

¹² Текст: Р<анен>бурга ~ к нам нейдет это. — вписан на полях вдоль страницы. Последние слова («к нам нейдет это») отчеркнуты.

НВ. — Я хочу жениться. Есть *опыт*. Успокоивает ли это вас?
— Ну, коли серьезно хочет жениться, не захочет же в Сибирь идти.
— Обедать к тестю; пойдемте — ха-ха-ха! Это хищный тип.
— Воротились. М<олодой> ч<еловек>. Объяснение.¹

Пересмешливым тоном.²

НВ.) <—> А знаете ли что, я приехал сюда повеситься.³ Или отмстить, или повеситься.⁴ Может быть и так: отмстить и тут же повеситься. А может быть и так — просто повеситься, без отмщения.⁵

<—> Почему?

— Как-то неприличны нам все эти хищности.⁶ По службе неприлично. Как русскому⁷ неприлично. Именно вот смирный и хищный тип, как вы говорите. Еще повеситься туда-сюда. Может быть, даже и прилично. Но уж отмщать,⁸ кинжалом или топором, как я вам рассказывал, — ну, нет-с. Не к службе, совсем-таки нет.⁹ Так что, может быть, и вернее, что просто повеситься. Да вот вы меня пригласили, так как-то отвлечли. (А я всё думаю, отправиться бы мне в прежний номер.)

— А знаете что? Вернее всего, что у вас обойдется иначе.¹⁰ Гораздо проще. <—> Как?¹¹ <—> Не отмстить и не повеситься.¹²

— Вы думаете<?> А согласитесь, что вы трусили, как я надвигался к вам. И даже преоригинально трусили.¹³ Это про «струсили»¹⁴ он напомнил вдруг. С той ночи у них и не заговаривали об этом.

— Да что ж вы, шут вы, пугать, что ли, вы меня вздумали?

— Нет, я чувствую, что я иногда чуть не схожу с ума.¹⁵ Ведь чего вам-то, вам-то чего опасаться? Разве просто расстроенного моего со-

В верхней части страницы вычеркнута запись, относящаяся к роману «Идиот», см. с. 184, сноску 13.

¹ Объяснение. — *вписано. На полях слева от абзаца знак: V*

² Пересмешливым тоном. — *вписано.*

³ *В рукописи запятая.*

⁴ *В рукописи запятая.*

⁵ *На полях слева от абзаца помета: Это прежде между разговором, н<а>прим<ер> после похорон сановника.*

⁶ *нам все эти хищности — вписано.*

⁷ *В рукописи: Русскому*

⁸ *Было двоеточие.*

⁹ *совсем-таки нет. — вписано.*

¹⁰ *иначе: — приписано.*

¹¹ *гораздо проще. <—> Как? — вписано.*

¹² *Было: обойдется иначе: Не отмстить и не повеситься.*

¹³ *Далее знак: X*

¹⁴ *В рукописи кавычки отсутствуют.*

¹⁵ *Это про «струсили» ~ схожу с ума. — вписано на полях под знаком: X)*

стояния, так сказать сумасшествия. Ну, это правда.¹ Я ведь вам сказал, что со мной возня.

(Разговор о том, как сходят с ума.)

НВ) <—> Хищный и смирный типы, но взгляните, однако, в газеты, и вы увидите, что из этого самого² смиренного типа <—>³ нет-нет и вдруг выходит такой хищный тип. Это, должно быть, как-нибудь не так понято и не так сказано. Это, должно быть, как-нибудь в идеале.⁴

— Да к чему вы всё это говорите?

— Да к тому, что заручаться очень нельзя. Я бы не взял на себя такой заруки, ей-Богу, иной бы раз не взял, а взял бы да покрепче бы лучше дверь припер — ей-Богу, припер бы.

— (Я помолчал.) А⁵ я бы взял, да еще нарочно бы дверь настежь оставил. Наш, видите ли, хищник слишком много сознает, гораздо больше, чем сокол аль ворон, который на воробья ударить хочет (я только к сравнению говорю); наш наговорит, намечтает, напредставит сам себе, итоги справедливости и юстиции подведет себе, обиду свою как урок выучит — и глядь на то всё и время свое⁶ убил.⁷ В результате — пшик. Поверьте, <с. 54>⁸ что пшик. Так что я ничего ровно не боюсь. Никогда не боялся и ничего не боюсь. Вот вам! А от вас, от вас и бояться-то смешно.

<—> Ну довольно, не смейте больше говорить, я не хочу. Хотите еще пить? — Ну так ложитесь спать.⁹

— «Что же это я, однако ж, его поджигаю, — подумал я, — ведь я его поджигаю ведь, пожалуй, сдуру...»¹⁰

— Вы про одно забыли, — сказал он¹¹ мне вдруг, по-видимому весьма серьезно обдумав мои слова.

— Про что еще?

— Про то еще, что и неприлично. Нашему брату оно неприлично. Оно русскому человеку и вообще неприлично. Но нашему брату, адми-

¹ Было: Это правда.

² самого — вписано.

³ В рукописи точка с запятой.

⁴ Это, должно быть ~ как-нибудь в идеале. — вписано.

⁵ Было: Я

⁶ свое — вписано.

⁷ убил — вписано. Незачеркнутый вариант: употребил

⁸ На странице элементы архитектурных деталей и каллиграфические прописи: С, Сту<пендьев>, Ступе<ндьев>

⁹ <—> Ну довольно ~ ложитесь спать. — вписано. Записи: Хотите еще пить? и — Ну так ложитесь спать. — связаны соединительной линией.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ он — вписано.

нистратору <с> с чинами и с деньгами, и¹ с рассудительными надеждами, — особенно неприлично. Неловко, нехорошо!

— Ну вот видите, — отмахнулся я с натуги, — и к тому же вы сами знаете, что эта штука сверх всего и² дорого стоит. Кроме чинов и денег и крепка на шляпе за нее³ по крайней мере Нерчинск в придачу дают.

— Ну-у — это далеко! И в Омск довольно. Есть, знаете, облегчающие обстоятельства.

(Об облегчающих обстоятельств <ах>.)⁴

— Ну и в Омск довольно.⁵ А вы таки уже и об Омске рассуждали?

— Как же не рассуждать?

— Слишком, слишком много рассуждает наш хищный тип.⁶

<—> Хищный тип.

Положим, безнравственности бы и хватило у него, да самостоятельности-то не хватит, своих шагов не достанет.

— Ха-ха-ха! А⁷ вы всё о безнравственности — по-вашему значит.⁸

<—> А вот я вам расскажу. Чиновник.⁹

NB) В письме было: «Ты пишешь, что он злой. Ma foi,¹⁰ он настоящий Ступендьев» — и т. д.

NB^x) Муж припоминает эту фразу и говорит ее, чем дает ясно знать, что ему¹¹ известны его письма.

— NB) Муж развивает теорию: Есть люди, для которых всё — жена. Что для¹² других женщина, прелестница, любовница, и особен-

¹ и — вписано.

² сверх всего и — вписано.

³ Было: него

⁴ Есть, знаете ~ обстоятельств <ах>.) — вписано.

⁵ Текст: — Ну вот ~ в Омск довольно. — отмечен знаком: NB^x)
После слова «довольно» знак: ///

⁶ А вы таки ~ наш хищный тип. — вписано.

⁷ Далее было: по-вашему

⁸ Росчерк пера. Текст: <—> Хищный тип. ~ значит. — вписан на полях.

⁹ Текст: <—> А вот я вам расскажу. Чиновник. — вписан и связан соединительной линией с записью выше «— Ну и в Омск довольно» и следующим за ней знаком «///».

¹⁰ Право (фр.).

¹¹ Было начато: изв<естны>

¹² Было: Для

но¹ чужая жена, то² для других своя³ жена, законная жена. Есть такой тип — мужья, законные мужья. И сколько хлопот — дети. — Красота так быстро теряется. — И сплошайте вы чуть-чуть деньгами, только чуть-чуть, и — конец вашему семейному счастью и т. д. Но все-таки и т. д. и лезут в венец — и проч.

— Нет, он слишком много рассуждает — он не опасен.

NB. — Коли женится, убивать не будет.

— На другой день пускается в подробности. Она в гимназии и проч. <—> и вдруг вечером молодой человек.

— Видите, видите.

— Я стал смеяться; я знал, что мое положение нехорошо, но я смеялся. Я бы готов был заплатить за часы до завтра, но я смеялся.

NB) Насчет повешения — прежде борьба.⁴ Он рассказывает, что он хотел повеситься на другой день, когда подробно рассказывает о будущем браке. И вдруг молод<ой> человек. <—> Видите, видите!

NB) Молод<ой> человек уходит, и он хочет в номер. — А может, и вам же лучше будет. — Э, полноте. — Ну, смотрите. <с. 55>⁵

— Это вы меня предупреждаете, чтоб я проснулся в известную минуту.

— Вы думаете? Ну смотрите.

NB) Я засыпал. Я знал, что тщеславие и ложный стыд иногда делают.⁶

(Тут постоянно был ложный стыд, потому что я его прежде постоянно считал ниже себя.)

NB. Когда развязал ему руки: «Ступайте лучше к себе в —ю губернию и женитесь на красавице».⁷

(Это были дурные шутки, но я был очень раздражен.)

NB) В продолжение того, как он жил у меня, он выследил, за кем я волочусь. На пароходе. — Попросил познакомиться. «Где муж?»⁸ Это там, где дочь, он при умирающей дочери, заметил даму и спрашивает:

¹ и особенно — *вписано*.

² то — *вписано*.

³ своя — *вписано*.

⁴ Далее было: Это

⁵ На странице архитектурная деталь, пробы пера и каллиграфическая пропись: Увид

⁶ Текст: — Вы думаете? ~ иногда делают. — *отмечен знаком:*
NB*)

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

«Где муж<?>»¹ Пришли домой: «Дайте же шампанского-то!»² — Болтали. — Спал ничего.³

НВ) Я бы его выгнал давно, но ложный стыд бояться его, — ибо я считал его постоянно ниже себя, и сверх того вызов, презрительный вызов. Меня⁴ за девочку злость брала. Я не мог не видеть, что тут много серьезного.⁵ Человек, в котором открывалась такая бездна злобы и ехидства.⁶ И наконец человек, доверившийся так врагу и открывавший ему свою подноготную без просьбы, как будто был побуждаем к тому, — был опасен. Ему могло придти в голову заставить меня хорошо расплатиться за доверчивость. Он, может быть, нарочно это делал, чтоб поджечь себя унижением.

НВ) Бритва, руки обрезал, «кровь пролилась — ха-ха-ха!»⁷

<—> Я ведь знал, что вы сильнее меня вдвое.⁸

— Пустите меня, <—> с злобным видом.

Просидите тут, вы, пожалуй, повеситесь.⁹ А впрочем, ничего не будет.

— Ничего!¹⁰ ничего?

— Ни-ч-чего не будет! Слушайте, поезжайте в вашу губернию и женитесь на хорошенькой. — Слышите<?>

— И вас на свадьбу позвать?

— Нет, я потом сам приеду. По делам, и останавлиюсь у вас, или близко вас. Расскажу вашей жене, как вы меня зарезать хотели и спасовали. Ей смешно станет,¹¹ то-то¹² весело станем часы¹³ делить.¹⁴ Ну прощайте.

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: Это там ~ и спрашивает: «Где муж<?>» — вписан. Слова: и спрашивает: «Где муж<?>» — вписаны на полях под знаком: \\\ В тексте такой же знак после слова «даму».

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Далее знак: — · — · —

⁴ Было: Мне

⁵ Далее было: Челов<ек> Текст: я волочусь ~ много серьезного. — отчеркнут слева.

⁶ Человек ~ ехидства. — вписано на полях.

⁷ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁸ <—> Я ведь знал ~ вдвое. — вписано.

⁹ В рукописи запятая.

¹⁰ Знак вопроса вписан, была запятая.

¹¹ Далее было: а стало быть

¹² то-то — вписано.

¹³ Было: время

¹⁴ и останавлиюсь ~ делить. — вписано. Слова: вас ~ делить. — вписаны на полях под знаком: = В тексте такой же знак после слова «близко».

— Я раскаиваюсь в этих грубостях, но у меня болели руки и, кроме того, я ненавижу его. <с. 56>

Муж

НВ. Я несколько раз бросал и потом опять обращался к мысли, что ему и при жизни Анны Васильевны были известны ее похождения по крайней мере в главных чертах и что он боялся только Анны Васильевны, а теперь, по смерти ее, его, может быть, уж очень сильно рассердили к тому же письма из ее шкапулки... Но в конце концов я вынес одно мнение, на котором и установился окончательно. Это — что он ничего не знал, ровнешенько ничего, и даже и не подозревал, несмотря на свой недюжинный ум, догадливость и проч. Всё объясняется особенным влиянием Ан<ны> Ва<сильев>ны и ролью законного супруга; есть такие мужья; он потому верит, что он создал себе в ней идеал. Он бы ни минуты и прожить не мог с подозрением. Мне кажется, если б он даже сам воочию что-нибудь увидал, или как-нибудь нечаянно застал, то и тут бы не поверил. Я уверен, что найди он эти письма при жизни Анны Васильевны — он бы не поверил. Но ее — уже не было. Сильнейшее¹ живое² магнетическое влияние ее было уничтожено. Он остался один; ум его был освобожден как бы из тюрьмы. И когда факт предстал ему в виде писем, тут³ злорада охват<ила> и т. д. А все-таки, должно быть, ему дорого стоило убедиться. Все-таки, должно быть, он закрывал глаза над этими письмами и пробовал открыть их: «Не увижу ли вдруг белую бумагу<?>»⁴

Но, впрочем, видно было, что он давно уже, месяца 3 как убедился. Он наизу<с>с<т> изучил свою обиду. Он мне говорил о своей дочери как по книжке.⁵ <с. 57>

Муж

— НВ.) Весь день хотел зайти: не повесился ли?

Но не зашел и хорошо сделал.

На другой день вечером столкнулся с М<олодым> человеком:

—⁶ Гм, вот и вы! Ваш приятель-то?

— Что? — Что? Повесился?

¹ Далее было вписано: живо<е>

² живое — вписано на полях и обведено сверху полукругом.

³ Далее было начато: не одно уб<и>

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют, после двоеточия запись со строчной буквы.

⁵ В верхней части страницы вычеркнута запись, относящаяся к роману «Идиот», см. с. 186, сноску 12.

⁶ В рукописи вместо тире открывающая кавычка.

— Фу черт! почему повесился?¹

— Ну, ну, продолжайте!

— Фу черт. Какой у вас смешной¹ склад мыслей!² Напротив, он вам кланяется и именно об вас об последнем вспоминал. Велел вам кланяться. Мы с ним расстались на железной дороге, помирились и совсем по-приятельски шампанского выпили (куды повесился!). Я сейчас провожал. И во-первых, я вам скажу, какой он подлец, между нами³ — первым делом он на нас вчера нафискалил — всё рассказал, — вышла история, согласитесь, я всего 25 р. получаю. Но ведь однако ж получаю ж.⁴ Ну что же, коль она его не любит, с этим крепом на шляпе. Но хоть и нафискалил, а все-таки кончил тем, что отказался, на том основании, что через девять месяцев буду, дескать, того, — это носить. — Ну этот человек, должно быть, поносил, и⁵ опытен в этом роде.⁶ — «Вы, — говорит она, — вдовец?» — то-то, должно быть, была супруга-то!»⁷ Ну да что мне, я 25 р. получаю, а он говорил, что вице-губернатором назначается.

— Он вам говорил<?>

— Ей-Богу, говорил. — И поехал, так хохотал, не знаю, чему он хохотал. Станный человек. Нищим пустил деньги раздавать за упокой души Лизаветы, жена, что ль, его?

— Нет, дочь звали Лизой.

— И бьюсь⁸ об заклад, что накидная дочь. — А впрочем, черт с ними⁹ со всеми,¹⁰ хорошо, что еще он¹¹ уехал. — А знаете что: я бьюсь об заклад, что он при первом удобном случае опять¹² женится.

— Да¹³ ведь и вы хотите жениться.

— Я? Я другое дело — какие вы, право? Где тут сравнение<?> Вот точно¹⁴ также и старик —¹⁵ взбесился.¹⁶ Тут нужна логика, батюшка.¹⁷

¹ смешной — *вписано*.

² мыслей — *вписано*.

³ между нами — *вписано*.

⁴ ж — *вписано*.

⁵ и — *вписано*.

⁶ в этом роде — *вписано*.

⁷ «Вы ~ супруга-то!» — *вписано и присоединено чертой к словам «в этом роде». В рукописи кавычки отсутствуют.*

⁸ Бью: — *Бьюсь*

⁹ Бью: ним

¹⁰ со всеми — *вписано*.

¹¹ он — *вписано*.

¹² опять — *вписано*.

¹³ Далее было *вписано*: вот <и>

¹⁴ Далее было *начато*: как в<ы>

¹⁵ Далее *начато*: у

¹⁶ Вот точно ~ *взбесился*. — *вписано*.

¹⁷ В рукописи запятая и, далее, *незачеркнутые варианты*: А впрочем, <не дописано> А вот извините (и побежал)

М<олодой> Ч<еловек>: <—> Впрочем, вы, кажется, порядочный человек и в самом деле принадлежали когда-то к хорошему обществу, и только теперь принуждены были уклониться, по бедности, что ли...¹

<—> Это вам, верно, он в этих выражениях про меня рассказывал<?>

— Он, он.² Впрочем, мне это решительно всё равно, и я к тому, что вы, конечно, поймете, чего этот господин не поймет, не нафискалите и во всяком случае обойдетесь вежливее, так как вежливость во всех случаях жизни есть неуклонное правило всякого порядочного человека. Не правда ли?

«Ах ты пискарь!»³ — подумал Вельчанинов.⁴

NB) <—> Там теперь⁵ хмурятся, бесятся; старик говорит <—> главный аргумент у старика —⁶ мальчишка. Какой тут мальчишка, мне двадцать лет, а по-моему, если хотите, так⁷ самая лучшая пора жениться 18 лет. Меньше бы разврату было, это во-первых, а во-вторых, и⁸ с естественными науками точь-в-точь совпадает — потому что определяют же естественные науки в нашем климате для этого⁹ 18 лет, да чего тут естественные науки? А государство-то? А это уж поважнее естественных наук.¹⁰ Разве оно не определяет юридически гражданина в 18 лет?

— То есть вы хотите сказать 21-го года.¹¹

— Э-э-эх! Это другое дело. Ведь позволяет же оно 18 лет венчаться. Ну вот и всё, стало быть, этим всё сказано,¹² да кроме того и солдатом 18 лет не побрезгает. А разве солдат не гражданин? Хотя и слепое орудие силы.¹³ Что же вам больше, опомнитесь, батюшка!¹⁴ А тут 20 лет битых, да чего вам ещё, завидно, что молодо, благо сами ног не волочат от старости. Все-то вы пилы. А впрочем, я на вас ничего не имею и даже рад служить чем угодно. — Если то есть пона-

¹ Далее знак: ×

² <—> Это вам ~ Он, он. — вписано под знаком: ×

³ Было начато: шибз<дик> В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ М<олодой> Ч<еловек> ~ подумал Вельчанинов. — вписано на полях.

⁵ теперь — вписано.

⁶ главный аргумент у старика — вписано.

⁷ так — вписано.

⁸ Было начато: ест<ественные>

⁹ для этого — вписано.

¹⁰ А это уж ~ наук. — вписано.

¹¹ Было: году

¹² этим всё сказано — вписано.

¹³ Хотя ~ силы. — вписано.

¹⁴ батюшка — вписано.

добиться, — ну до свидания. А вот и кстати (и побежал через дорогу). <с. 59>¹

NB) Каждый день на другое утро я стыдился ночных мыслей и чувств. При утреннем пробуждении он казался мне до того мизерным, что мне становилось стыдно моих подозрений. Я приписывал их даже трусости.

NB) Он мне казался всё более и более мерзавцем.² Vaupien³ в высшей степени. И как мог он мне казаться прежде таким степенным и серьезным семьянином, таким солидным чиновником, такого даже порядочного общества человеком? Всё это замазывала покойница Анна Васильевна, она вела дом, она давала всему тон, она и его держала в руках.

NB) <—> Что, вы опустили бы тогда бритву? Ну признайтесь⁴ (так уж дело прошлое),⁵ что вы, еще стоя надо мной, были в нерешительности?

— Был. В этом признаюсь, но непременно бы кончил тем (и он⁶ мазнул себя по горлу пальцем), еще минутку только, сонную жилу.⁷ Знаете, наши психологи-писатели, да и Мольер тоже, очень ошибаются, утверждая,⁸ что человек⁹ бесхарактерный и нерешительный, тип, одним словом, смирный, в этаких случаях, т. е. уже с открытой бритвой в руках,¹⁰ может обратиться вспять. Это в высшей степени неверно. Неверно и невероятно.¹¹ Нет таких нерешительных людей. Это сочинение-с.¹² Чем, напротив, даже нерешительнее человек, тем сильнее и тянет его к делу, именно как бы в машину втягивает, и хоть он и не своей силой наконец кончает, но всё же кончает же, и даже так, что даже

¹ На соседней <с. 58> находятся записи к неосуществленному замыслу «Для „Русского вестника”» («NB. После библии зарезал»).

² Автором исправлена описка: мерзавцев

³ Здесь: негодник (фр.).

⁴ Было: Признайтесь

⁵ так уж дело прошлое — вписано без скобок.

⁶ Далее было начато: б

⁷ сонную жилу — вписано. На полях слева от абзаца помета:

NB. <Сверху обведено полукругом.>

Это он ГОВОРИТ ДО УБИЙСТВА.

⁸ Было: говоря

⁹ Далее было начато: сми<рный>

¹⁰ в руках — вписано.

¹¹ Неверно и невероятно. — вписано.

¹² Нет таких ~ сочинение-с. — вписано на полях под знаком: × В тексте такой же знак после слов «Неверно и невероятно».

вернее кончает¹ (вот именно эти-то дела с бритвами, если они² случатся), — вернее-с,³ чем иной даже самый решительный и не теряющий рассудка и хладнокровия человек.⁴ Это именно⁵ оттого, что решительный и не теряющий хладнокровия может еще одуматься (еще и с бритвой в руках)⁶ и тогда вполне откроет и ухо и сердце рассудку, т. е. не то что решимости недостает, а просто логично, здраво и серьезно одумается;⁷ ну а нерешительный человек до того в этом случае втягивает <ся> и, стало быть,⁸ от себя отрешается, что уж рассудок на него уж не может⁹ подействовать. И скажется, пожалуй, ему рассудок¹⁰, так что он всё поймет, но овладеть-то уж им рассудок¹¹ не может, до того уж он сильно втянулся — хе-хе-хе! Вот почему я бы наверно тогда... ну, одним словом, того — так что теперь был бы в Нерчинске, а вы — уж и не знаю где.¹² И заметьте еще, что у этих, которых втягивает-то, — бывает ужасно твердая рука, когда до дела дойдет. Не то что горло, а всю голову напрочь отрезают¹³ — вот ведь какой народ, уверяю вас. — Что и не нужно, так и то отрежет. Зверство какое-то является.¹⁴

NB) После смерти сановника Трусоцкий в разговоре замечает весьма серьезно: «Признаюсь вам, эта смерть много меня расстроила и много у меня отняла. NB) Я хотел повеситься, и только он еще удерживал меня; я ждал его приезда и надеялся <с. 60>, что, может быть, тогда что-нибудь и будет. И вдруг приезжает один его гроб, черт возьми!»¹⁵

— Так тем для вас лучше. Природа за вас распорядилась.

— Природа. Нет, вы мне скажите, что мне теперь делать? Я теперь будто опрокинут. Прежде я¹⁶ мог еще и не решиться. Но все-таки

¹ Далее было после запятой: че<м>

² они — вписано.

³ — вернее-с — вписано.

⁴ Далее было: даже хоть бы и с бритвой в руке. Первоначально: даже хоть бы и с бритвой рука.

⁵ именно — вписано.

⁶ (еще и с бритвой в руках) — вписано.

⁷ т. е. не то что ~ серьезно одумается — вписано на полях и отчеркнуто.

⁸ стало быть — вписано.

⁹ Далее было начато: б

¹⁰ рассудок — вписано.

¹¹ рассудок — вписано.

¹² Было: уж и не знает

¹³ Было: отрежет

¹⁴ Что и не нужно ~ является. — вписано.

¹⁵ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

¹⁶ Вместо: Прежде я — было: Я

цель стояла передо мной. Вопрос: на что ты хочешь решиться? Ответ: вот на что. А теперь противник спрятался под стол. — Почем вы знаете, Вельчанинов<?>¹ Может, я 15 000 бы дал, если б и теперь противник всё еще продолжал сидеть передо мной, вот как вы теперь передо мной сидите.

— Зачем это? Глядеть на него?

— Ну да, глядеть на него. И глядеть на врага² приятно. А главное цель. Эта цель меня от веревки отвлекла. А теперь не отвлекает. Вы думаете, это приятно так близко в соседстве с веревкой жить?

— Шутовство всё это. Шутите вы или нет? — с досадой проговорил Вельчанинов.

— Отнюдь не шучу. (NB.³ И тут изъясняет теорию повешения и мщения и проч.)

NB⁴

NB) Трусоский с бритвой до прихода М<олодого> человека. Именно после двух дней, в которые говорили о новом браке и пили шампанское. Ночью же и попытка.

Вельчанинов, связав ему руки, не выпускает его ночью, хотя тот и просится. — Он уходит через коридор в другую комнату и там ночует. Трусоский тоже заснул.

— Наутро в 7-мь часов Молодой человек.

Трусоский уходит со щелчком.

И потом уж уезжает, как выше писано.

NB) Называет просто Вельчанинов; но тот его осаживал.

NB) Вообще Вельчанинов никак не признает прежнего Трусоского. Он как бы возродился со смертью Катерины Васильевны. Наружная оболочка та, что он как будто всё смеется. Даже над самим собой, над своими целями и над всем, что, по-видимому, ему самому должно бы быть дорого. Покойницу Катерину Васильевну отнюдь не уважает. (В борьбе — это видно. Он иногда и скрывать не хочет.)

Драка в трактире у кладбища всего поразительнее. (То есть всего более поражает Вельчанинова.)⁵ Между тем Трусоский не пьет. Трусоский говорит, что послезавтра поедет, и вдруг говорит⁶ о браке. На

¹ В рукописи запятая.

² Незачеркнутый вариант: противника

³ NB — вписано.

⁴ NB — обведено полукругом. Правее проба пера и каллиграфическая пропись: Надя

⁵ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁶ Было начато: про<говорился>

другой день тащит его к тестю и дома пьют шампанское. Ночью бритва.¹ <с. 61>

— На дороге: <—> Вы ко мне презрение?

— За что?

— За то, что я перемолол...² Катерину Васильевну.

— Гораздо лучше перемолоть и быть счастливым.

— И быть счастливым. Тем более что несчастье нам неприлично.

Несчастье неприлично — это моя теория.

(У Гончарова: деньги потерял.)³ (С женой и жене эту теорию.

Та возражает и намекает.)

<—> Лучше если б вы за шкапами по ночам не искали (дерзкая).

— Кого же?

— Воров, конечно. Кого же больше?⁴

— Слышите! Слышите! У нас на «вы»!⁵ Лучше бы нам помириться; как два Генерала, которые с пожатием руки пришли к полнейшему примирению.

И Трусоцкий В<ельчанино>ву:

<—> Нет, это не Нат<алья> В<асильев>на! — говорит с сожалением (вспоминая манеры Нат<альи> В<асильев>ны).

В<ельчанино>в говорит ему, смеясь:

<—> А хотите, расскажу вашей жене, как вы меня зарезать хотели?

Тот вдруг трусит; сложа руки, упрасивает не говорить и делается тише воды, ниже травы.⁶

Когда перевязал полотенцем: <—> Я пойду ночевать в ту комнату,⁷ только смотрите, Трусоцкий, без шалостей! Иначе я сам наконец рассержусь, и тогда плохо будет.

— Точно уж⁸ вы теперь и⁹ не сердитесь! — проговорил злобно Трусоцкий.¹⁰

Трусоцкий открывает, что хотел того убить.

Вельчанинов ему: <—> Знаете, вам как-то это неприлично.

¹ пьют шампанское. Ночью бритва. — *вписано на полях.*

² *Было начато: перел<и>*

³ (У Гончарова: деньги потерял.) — *вписано.*

⁴ *Над строкой проба пера.*

⁵ *В рукописи кавычки отсутствуют.*

⁶ И Трусоцкий ~ ниже травы. — *вписано на полях и отчеркнуто.*

⁷ *Автором исправлена описка: комната*

⁸ *уж — вписано.*

⁹ *и — вписано.*

¹⁰ *Далее знак: ///*

— Вы думаете?

— Да.

— Почему?

— Да потому.

<—> Знаете ли, что вы меня обижаете?

<—> Может быть.

<—> Ну почему, почему?

<—> Не знаю, фигура ваша не та — креп на шляпе.

(Трусоцкий рассказывает тьму убийств при не той фигуре.)

— Нет, это к вам нейдет.¹

И потом когда связал руки: «Я ведь вам сказал, что вам² неприлично».³

2-я жена хороша, поповна — но в институте, впрочем, воспитывалась.

Тр<усоцкий> шепчет: «Поповна! Разумеется, это не то, что Е. П. Помните Е. П.—ну<?>»⁴

— Вельчанинов думает про Трусоцкого: «— А что если он тогда и не подозревал? Но это было бы уже слишком глупо! Честнее, это правда, и приятнее за род человеческий, ну и там всё это прочее и всё прочее —⁵ но только несравненно глупее! А злости-то?»⁶

— 20-летний артиллерист, только что выпущенный из школы.
<с. 62>

Вельчанинову приятно шутить с огнем: Когда Трусоцкий рассказывает о неверностях покойной — то тот спрашивает: «Да неужели же вы не подозревали?»⁷

Трусоцкий смотрит с ядом и с бешенством и спрашивает: «За кого же вы меня принимаете?»⁸

— Тот извиняется (не обращая внимания на то, сколько яду в подобном извинении) и говорит,⁹ что бывают¹⁰ такие мужья, которые,

¹ Трусоцкий открывает ~ к вам нейдет. — *отчеркнуто сверху и слева.*

² В рукописи: Вам

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи закрывающая кавычка после «Поповна!». Вместо: Е. П. и Е. П.—ну — было: М. Д. и М. Д.—ну

⁵ ну и там всё это прочее и всё прочее — *вписано над и под строкой.*

⁶ А злости-то? — *вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.*

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют, прямая речь со строчной буквы.

⁹ В рукописи двоеточие.

¹⁰ В тексте описка: бывает

несмотря на очевидные улики, не смеют подозревать своих жен. Не смеют<, > да и только<, > так поставлено. Или прение о том, что Трусоцкому нейдет убить, не пристало.

Яд Трусоцкого и глаза как будто говорят: берегись.

Трусоцкий ему:¹ «— Вы не поверите, сколько наслаждения в подобном унижении».² <с. 63>³

Главное NB<е>пе.

Трусоцкий: «Ты мою жену обольстил, ты был ее первым любовником».⁴

<—> Да, может быть, нет.⁵

Трусоцк<ий> (в бешенстве): «Первый! Ну пусть те, другие,⁶ остальные, но ты, ты, я за тебя руку бы сжег, так я⁷ в тебя верил. Неужели же ты? Ты отец моей⁸ дочери. И это всё узнать? Да ты знаешь ли, как я любил ее и чем⁹ она мне была<?>»¹⁰

Всё это Вельчанинов (уже выгнав Трусоцкого).

Все<х>¹¹ по пальцам теперь высмотрел.

Перебор всей повести (Трусоцкому стыдно было высказаться).¹²

Потом отъезд Трусоцкого и встреча на железной дороге.

Трусоцкий (пьяный): «Знайте, что я ее не обвиняю, даже злобы на нее не имею, а я тех, которые (дружбы, 15 000) „и если этот, если этот“...»¹³

Об этом Трусоцкий не прямо Вел<ьчанино>ву, но под углом и с огнем, под углом, однако ж, чуть не в 85 градусов — даже в 89 местами.

¹ Трусоцкий ему — вписано, двоеточие отсутствует.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ На странице пробы пера и каллиграфические пропуски: Julius, Julius Cesar Imperator <2 раза>, Caius Caligula <2 раза>, Senatus Populusque Romanus <3 раза>, С.-Петербур<р>

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи предложение без запятых.

⁶ В рукописи без запятых.

⁷ Было: в

⁸ Автором исправлена описка: мой

⁹ Было: что

¹⁰ В рукописи кавычки и двоеточие отсутствуют.

¹¹ Далее было: бы

¹² (Трусоцкому ~ высказаться) — вписано.

¹³ Трусоцкий (пьяный) ~ если этот"...» — вписано на полях сверху. В рукописи двоеточие и наружные кавычки отсутствуют.

<—> Я уверен был, что нет, что это друг,¹ и вот (даже трагически).

— Вы, одна<ко> же, пьяны, Павел Павлович.

— Пьян.

<—> Проспитесь-ка. Я сочувствую, но проспитесь.²

<—> Знайте, что, когда я пьян, вам же лучше, безвреден.³

НВ. — Трусоцкий не соглашается и *хмурится*, когда В<ельчанино> в первый раз зовет его из гостиницы к себе. Не решается.⁴ (Выгнал до встречи с мальчиком.)⁵

НВ. Вельчанинов думает про себя: «Этот человек, может, и не повесится. Он, конечно, ко мне переехал⁶ убить меня, да и в Петербург⁷ ехал только, может быть, единственно из отдаленной мысли убить меня и Б<агаутов>а, — с очень отдаленной мыслью, потому что близкой мысли⁸ у этого типа не может быть. Он⁹ три недели с удовольствием встречал меня и когда переехал — то хоть и наверно для того, чтоб убить, но вместе с тем и для того, чтоб думать об том, как он меня убьет. Сколько раз он с наслаждением со мной заигрывал, сколько раз проговаривал<ся>, пугал может быть. — Это именно¹⁰ было в те минуты, когда он „наверно решался” и вместе с тем был за тысячу верст от исполнения решения. Как мне ясно всё это предчувствовалось... Черт возьми! Хоть и предчувствовалось — я никогда не мог себе это ясно высказать, т. е. не то что не мог, а не хотел. Как это вдруг теперь ясно: он пил вино — он убегал¹¹ и ночевал черт знает где... И... Ну и решился наконец, на два конца разумеет<ся>: или забыть и облизать все пощечины и подло жениться и увезти жену — вымещая заранее на жене, —¹² мешочек-то классный как его должен был соблазнить. — Ну

¹ что это друг — *вписано*.

² Я сочувствую, но проспитесь. — *вписано*.

³ Об этом ~ безвреден. — *вписано темными чернилами на полях и обведено чертой*.

⁴ Текст: НВ. — Трусоцкий не соглашается ~ Не решается. — *записан светлыми чернилами*.

⁵ (Выгнал до встречи с мальчиком.) — *вписано темными чернилами*.

⁶ Далее было: [убить меня] [с отдаленной мыслью въех<ал>]

⁷ убить меня, да и в Петербург — *вписано*.

⁸ мысли — *вписано*.

⁹ Было: Но

¹⁰ именно — *вписано*.

¹¹ Было: [сбега] [уб<егал>]

¹² Далее было: его

а другой конец вышел нечаянно. То есть не нечаянно<, > он непременно должен был выйти. Чем более он откладывал и отрешался, тем вернее он должен был выйти. — Если б даже он меня в шафера позвал и дотянул до свадьбы, то накануне свадьбы зарезал бы. Но он раньше решил... и все-таки нечаянно — доказательство бритва. Всякий нож был бы лучше. Но за то и оттяпал бы он мне голову. Этакie прямо голову напрочь отрезают».¹

И уже после встречи обдумал подлость свою.²

Final. Веселейшая глава. Помучил. Расстался. Природа из вагона по-русски.³

«Э! Живи как живется».⁴ <с. 64>⁵

В 5-й главе, когда он объявляет Вельчанинову об изменах жены, — он почти «удостоверяет» вполне В<ельчанино>ва, что ничего не знает о связях его с женою.

Муж. Багаутов был трус; это ведь не то, что Павел Павлович. Вельчанинов.

Про невест⁶ с мешком: «Еще яблочком пахнет».⁷

Невинность: «Смех на целые⁸ полчаса с подружкой из-за того, что вот беленькая кошечка как-нибудь со стола в постельку прыгнула и вдруг⁹ крендельком свернулась, в школах цветочки рисуют, с шалью танцуют, по-француз<с>ки говорят».¹⁰

— В последний вечер: «Нет, шампанского пить не буду; я прошлый раз глупостей наделал — (о тени) — только ведь и вы струсили. Чего вы струсили? Мне и совестно было заходить к вам, да я и боюсь».¹¹

— Последнюю ночь дождь.

— Вельчанинов объясняет ему свою теорию (в 1-й день).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Далее знак: ///

³ по-русски — вписано.

⁴ И уже ~ живется». — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее на <с. 65—70> находятся записи к неосуществленному замыслу «План для рассказа (в «Зарю»», <с. 71> не заполнена.

⁶ Было начато: деву<шек>

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ целые — вписано.

⁹ Было: с

¹⁰ Невинность ~ говорят». — вписано светлыми чернилами. В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

Что неверные жены так и рождаются неверными женами. Тот благоговейно слушает.

— Если б знал, то спросил бы вашего совета. Вельчанин <ов> вскинул глаза: Ужасно простодушный вид.¹

— А ну, если я в дураках?²

В² 5-й главе. 1-й³ вечер о том, что такое муж, и об Артиллерии Поручике.⁴ <с. 72>⁵

Вельчанинов

— «Все-таки как мог я терпеть такой mauvais genre⁶ у себя. (Эти откровенности об убийстве в пьяном виде.) Безобразие какое-то».⁷ Сравнение с пауком.

— В предпоследний день.⁸ <—> Уезжаете?⁹

<—> Да.

<—> Серьезно?

<—> Слишком серьезно.¹⁰

<—> Знаете, Павел Павлович...¹¹ Это очень хорошо, потому что уж слишком мы надоели друг другу.

— Как вы сказали? Как вы сказали? — привскочил на постели Павел Павл<ович>. — Надоели и друг другу? Оба?

— Да.

Минута молчания.

— Это, однако же, ужасно умно, что вы сказали...

Опять полминуты.¹²

— Что ж тут умного? дело простое, — сказал Вельчанино<в>.

¹ В рукописи запятая.

² В рукописи: в

³ Было начато: О

⁴ Знак: //

⁵ На странице архитектурные детали и каллиграфические прописи: Не м, [Аршин]

⁶ дурной тон (фр.).

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Было: В предпоследние дни.

⁹ Далее было: да

¹⁰ Текст: <—> Уезжаете ~ Слишком серьезно. — отчеркнут слева.

¹¹ В рукописи многоточие отсутствует.

¹² Опять полминуты. — вписано.

— Нет, очень умно. Ужасно умно. Относительно говоря, разумеется, — и Павел Павлович завернулся в свое одеяло и уже не сказал более ни слова.

В последний день, после обеда у невесты. Пили. Чемодан укладывали. Вельчанинов помогал. — Молод<ой> Человек.

(Ночью бритва.)

Мальчик, входя: «Я, кажется,¹ имею... случай... (а не честь)² говорить с г<осподином> Трусоцким»³ и т. д.

Трусоцк<ий> на другое утро: <—> Вы ведь, конечно, не пойдете в часть <?>

В<ельчанино>в:⁴ <—> Я не знаю, почему не пойти.⁵

Тру<соцкий>:⁶ <—> А потому что суд гласный, а я буду уверять, что убийства не было и что мы просто⁷ напились и подрались, и вовсе не за Наталью В<асильев>ну, я скажу, что вздор, и докажу, а за девочку с мешочком.⁸ Представьте себе, что и ее в суд гласный уголовный⁹ как свидетельницу позовем, и представьте себе великосветского Вельчанинова, огромного Вельчанинова, бородача Вельчанинова, и, говоря слогом Кузьмы Пруткова, —¹⁰ пятидесятилетнего, но промотавшегося Вельчанинова рядом с 15-летней гимназисткою, уличенного в любви к ней, с повторением его любезностей и анекдотов, ей пересказанных из волокитства, и это всё гласно, и это всё в газетах, а в подкрепление всего М<олодого> человека вчерашнего представляю — ведь чудо какая выйдет картина — ха-ха-ха!

В<ельчанино>в:¹¹ — Ступайте. <с. 73>¹²

Мальчик. В<ельчанино>в.¹³

<—> Я собственно не к вам, но, зная положительно, что в эту минуту у вас находит<ся> г<осподи>н Трусоцкий, которого я уже два раза не заставал у него, — решил вас беспокоить.

¹ кажется — вписано.

² (а не честь) — вписано.

³ с г<осподином> Трусоцким — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁵ Текст: Мальчик ~ не пойти. — выделен слева круглой скобкой.

⁶ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁷ просто — вписано.

⁸ Далее было: [М<олодого> ч<елове>ка] [М]

⁹ гласный уголовный — вписано.

¹⁰ и, говоря слогом Кузьмы Пруткова — вписано.

¹¹ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹² На странице каллиграфические прописи: S, Вельча<нинов>

¹³ В тексте описка: В—В—в

— Я имею случай говорить с г<осподино>м Трус<оцким><?>
 — Я имею сообщить вам одно важное дело, говоря относительно, так как касается прямо вас.
 — Я, кажется, не могу иметь с вами никакого дела, потому что вас совершенно не знаю.
 — Вы выслушаете¹ и потом уже скажете ваше мнение.²
 В<ельчанино>в привстал, чтоб уйти.³
 <—> Позвольте мне обратиться к вам⁴ и просить вас⁵ быть свидетел<ем> нашего разговора, что считаю весьма нелишним.⁶

Глава «Убийство»:⁷

— Ночевать.
 — Ночуйте. (Что-то дрогнуло⁸ у Вельчанинова. «А не вызывал».⁹)
 <—> Вы не¹⁰ струсили?
 — А вы дурак.
 — (помолчал) Ничего-с.¹¹

— Отчего он хотел за самоваром сходить?
 Чтобы покончить с искушением, чтобы не убивать.

Убийство. Уже он остался было ночевать — и уж снял было фрак.

— А не уйти ли мне<?>
 — Промокнете, но как хотите.¹²

¹ Было: это выслушаете

² Далее было начато: Могу

³ В<ельчанино>в привстал, чтоб уйти. — *вычеркнуто и восстановлено (подчеркнуто пунктиром).*

⁴ В рукописи: Вам

⁵ В рукописи: Вас

⁶ Текст: <—> Я собственно ~ нелишним. — *выделен слева круглой скобкой, возле которой знак: В*

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Над словом: дрогнуло — знак вопроса.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ не — *вписано.*

¹¹ Текст: Глава ~ Ничего-с. — *выделен слева круглой скобкой с двумя поперечными линиями.*

¹² Было: — Как хотите.

(Гром и ливень.¹⁾

<—> Соглашаюсь, что во всем неудачи.² Да неужто во всем неудачи? Нет, останусь!³ По крайней мере хоть не промокну!

<—> А все-таки вам⁴ не удастся.⁵

— Вы думаете, что я оставляю этому мальчишке, вы думаете?

В<ельчанино>в) — Да ведь нечего же⁶ делать!

Тот злобно улыбнулся.

(И тут:) <—> А зачем я ночую... уйти бы мне!⁷

Resumé⁸ _____ Вагон

«Это подпольное существо и уродливое,⁹ но существо это есть человек, с своими радостями и¹⁰ горем, и своим¹¹ понятием об счастье и об жизни. — Зачем я врезался в его жизнь? Зачем покраснели мы друг перед другом, зачем смотрели друг на друга ядовитым взглядом, когда всё дано на счастье и когда жизнь так коротка <?> — О, как коротка! — как коротка, Господи, как коротка!¹²

Бедная Лиза, грустный образ.

Эти бедные селения.

Живи как живется». ¹³ <с. 74>¹⁴

Вагон. В<ельчанино>ву грустно, что он¹⁵ почти забыл уже Лизу, а этот «только из-за нее одной» не за<хо>тел протянуть ему руки. Почувствовал себя мельче и ничтожнее всей этой окружающей жизни, этой скудной природы.¹⁶

¹ В тексте описки: ливеть

² <—> Соглашаюсь, что во всем неудачи. — вписано на полях.

³ Было: Останусь!

⁴ В рукописи: Вам

⁵ <—> А все-таки вам не удастся. — вписано.

⁶ Незачеркнутый вариант: что же

⁷ Текст: Убийство. ~ уйти бы мне! — выделен слева круглой скобкой с двумя поперечными линиями.

⁸ Résumé — Краткое описание (фр.). Далее было: Э

⁹ и уродливое — вписано.

¹⁰ и — вписано.

¹¹ и своим — вписано.

¹² как коротка, Господи, как коротка! — вписано.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ На странице каллиграфические прописи: До, S, Je vous, Рим <2 раза>, А

¹⁵ Было: этот

¹⁶ Почувствовал ~ природы. — вписано правее.

В главе «Вечный муж» — при теории о смирном типе и о том, что он вечный муж, П<авел> П<авлови>ч естественно самоуничижен, хотя эта и естественность — выходит у него¹ карикатурна, ибо стыдится себя.²

NB? После неудавшегося убийства, *не надо* о пятидесятилетнем В<ельчанино>ве и бойких слов, напротив, он принижен. — (Не надо и письма *вчерне*.)

NB. NB. NB. = Всегдашнее невольное уважение и поклонение В<ельчанино>ву Павла Павловича.

Взгон. В<ельчанино>ву сначала потому было тяжело, что он отверг его руку, что сам В<ельчанино>в и без того всего более боялся на земле быть добрым, чтоб не быть смешным.

Встреча с Молодым Человеко<м>. — «Вам письмо отдать».³

Веселый,⁴ песню запел, как он пьет.

— Да уж ему очень стыдно.

— Не знаю. Только велел письмо.

Он был в том вдруг *взбодрившем* настроении человека, избежавшего большой беды, был у доктора, так, обратился.⁵

А оттяпал бы голову.⁶

Анализ после *убийства*. Каждый шаг.

«Хотел ли убить он меня, когда он урыльник искал⁷ и когда я так „струсил“! в первый раз в жизни».⁸ 2-й раз он оставил⁹ его у себя ночевать *из-за бравады*, что не струсит (и все-таки побоялся отдать¹⁰ браслет).¹¹

¹ выходит у него — *вписано*.

² *Росчерк пера*.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Слово записано дважды, в первом случае *вычеркнуто*.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ Он был в том ~ голову. — *вписано на полях*.

⁷ Слово записано дважды, в первом случае *вычеркнуто*.

⁸ В рукописи наружные кавычки отсутствуют.

⁹ Было: ставил

¹⁰ Далее было начато: пр

¹¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

Что побудило его рассказать тогда об пырке ножом.¹

После анализу.²

Главное, что тянуло В<ельчанино>ва, после убийства пойти к тому: «Не повесился ли». Это мысль, что все-таки он застал его на кладбище у Лизы.

(«Он кривлялся, — думал он, — говоря про Лизу, „чем она ему была“, но она действительно тем ему была».)³

Подпольный шут.

Старик, закрывающийся руками.⁴

И обратно: Анализ В<ельчанино>в<а>⁵ самого о себе: «Зачем я оставил ночевать, предчувствовал ли?»⁶ (и т. д.).⁷

Но он (В<ельчанино>в) не мог не принять вызова. Был ли вызов? Был, был, был с⁸ обеих сторон. Да как же был, если он и инструмента не приготовил, а бритвой<?>⁹ Да вот подите же.¹⁰ <с. 75>

Прошло 2 года.¹¹ Настроение и воспоминания В<ельчанино>ва исчезли, и всему причиною были эти 60 000, поставившие его на приличную ногу.

После убийства: Павел Павлович выходил и смотрел, как бы спрашивая¹² беспокойными глазами: «Что же? Скажешь или нет что-нибудь? Если ты не скажешь, так и я ничего не скажу».¹³

С М<олодым> Человеком:

П<авел> П<авлови>ч: <—> Позвольте вам заметить, молодой человек...

¹ Текст: Анализ после ~ пырке ножом. — вписан на полях. Записи: Что побудило ~ пырке ножом. и «Хотел ли убить он меня, когда он — связаны соединительной линией.

² После анализу. — вписано.

³ В рукописи наружные кавычки отсутствуют.

⁴ Текст: После анализу ~ закрывающийся руками. — выделен фигурными скобками с двух сторон, в начале и в конце.

⁵ В рукописи: В—в

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи открывающая скобка отсутствует.

⁸ Было: из

⁹ В рукописи запятая.

¹⁰ Но он ~ подите же. — вписано внизу страницы и на полях.

¹¹ В рукописи запятая.

¹² Было: говоря

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

М<олодой> Ч<елове>к:¹ — В другое время я бы, конечно, запрети́л вам² называть меня молодым человеком, но теперь, согласитесь сами, что это мое главное преимущество перед вами³ и что вам очень бы хотелось быть таким же молодым челове<ком>, как я.⁴

Молодой человек при 1-м свидании П<авлу> П<авлови>чу:⁵

— Вам, конечно, уже возвращен браслет<?>

<—> Как <¿>⁶ не может быть этого.

<—> Через г<осподи>на В<ельчанинов> а.

— Да<,> действительно.

— Почему же вы не отдали?

<—> Я забыл.

— Вам, верно, жаль меня⁷ было<?>

<—> Да<,> вам не удастся.⁸

Перед Молодым Человеком и после Статского Советника.

НВ (П<авел> П<авлови>ч гораздо в ином свете)... «Этот человек»,⁹ с своей прячущейся и мстительной душой, с своей полнотой жизни, с своим правом жить и занимать место,¹⁰ со своим стыдом¹¹ и со своею¹² радостью, с своей страшной трагедией¹³ в душе и злодейством (Лиза).

Перед убийством 1-е вино, «потому что хочу душу излить».

После М<олодого> Человека, выпросил второе вино.

Боль печени у В<ельчанино>ва:¹⁴ — Извините,¹⁵ П<авел> П<авлови>ч, я лягу, не могу пить.

¹ В рукописи двоеточие отсутствует.

² В рукописи: Вам

³ Далее было начато: все<ми>

⁴ таким ~ как я — вписано. Незачеркнутый вариант: хоть немного помоложе. Текст: С М<олодым> Человеком ~ как я. — выделен слева круглой скобкой.

⁵ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁶ Было: Неужели <¿>

⁷ меня — вписано.

⁸ <—> Да<,> вам не удастся. — обведено чертой. Текст: — Вам, конечно ~ не удастся. — выделен слева круглой скобкой.

⁹ Закрывающая кавычка отсутствует.

¹⁰ Далее было начато: рад<оваться¿>

¹¹ Над строкой вариант, обведенный сверху полукругом: <стыд>ами

¹² Было: своей

¹³ Над строкой было начато: пр

¹⁴ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹⁵ Было: Я

<—> Да как же я вино?
 <—> Допейте — ночуйте, пожалуй.
 — У вас-то<?> — удивил<ся> вдруг П<авел> П<авлови>ч.
 А ведь признайтесь, что вы тогда струсил?
 — Чего?
 П<авел> П<авлови>ч замолчал и хитро улыбая<сь>¹ смотрел в
 землю. Это взорвало В<ельчанино>ва. Гром.²
 <—> Ведь вот неудача в этакую собачью погоду.
 Аль остаться, да неужели и всё неудачи<?>
 Допил и лег наконец, потушил свечу.
 С В<ельчаниновы>м хуже, стон.
 <—> Пойду (босой) за Маврой.
 <—> Не надо.³
 ???
 <—> Протяните мне руку, Алексе<й> Иван<ович>, протяните,
 вспомните, что и я человек.⁴ <с. 76>
 — Болит, лягу.⁵
 — Дождь. — Собаку нельзя выгнать. (Злоба.)⁶
 — Ночуйте, если хотите.
 <—> А ведь вы струсил?
 — Нет, я только так, пережду-с.⁷

После Статского Советника, перед Мальчиком.

— О вечном муже «приниженно и раздражительно»⁸ (сам себя
 выставляет в унижительном и комическом виде).⁹ Потом о благород-
 стве В<ельчанино>ва, чтоб проверить невесту¹⁰ (тут на все¹¹ вопросы
 В<ельчанино>ва остается что-то загадочное: Неужели он такой меч-
 татель?). И наконец на спрос В<ельчанино>ва, чего же теперь-то

¹ Незачеркнутый вариант: смеясь

² Далее знак: ×

³ <—> Не надо. — вписано и отчеркнуто. <—> Ведь вот ~ Не
 надо. — вписано на полях под знаком: ×₂

⁴ Текст: ??? <—> Протяните ~ я человек. — вписан выше на по-
 лях, обведен чертой и отнесен соединительной линией к данному
 диалогу. Текст: NB (П<авел> П<авлови>ч гораздо ~ я человек. —
 выделен слева круглой скобкой.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ Вместо: (Злоба.) — было: (Ночуйте, если хотите.)

⁷ Текст: — Болит, лягу. ~ пережду-с. — выделен справа круглой
 скобкой с двумя поперечными линиями.

⁸ Было: «приниженно-раздражительно»

⁹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

¹⁰ Далее были точка с запятой и записи: [от] [ск] [сквитаться]

¹¹ (тут на все — вписано.

он хочет от него, — тот говорит: «Не ездите больше туда никогда!» (Смысл: чтоб сквитаться.) — В<ельчанино>в с удивлением: «Однако вы ужасно преувеличиваете мои средства». П<авел> П<авлови>ч с жаром, что сегодня еще *ничего*, т. е. нечего опасаться (на счет увлечения девочки В<ельчаниновы>м). — Мечтает об уголке — «выпьем!»¹ *Болит*. Отвращение. Уходить<, > берет² шляпу. Звонок.

НВ. «Кроме того, чтоб испытать невесту, — подумал В<ельчанино>в.³ — Может, он хотел просто похвалиться передо мной, вот, дескать, какая меня любит! — Но какую же наивность и какой восторг надо для этого. Неужели это такой чистый человек, но... Лиза, Лиза!»⁴ (В<ельчанино>в встал и начал ходить по комнате.)

После убийства, *Анализ*, «да это Честный и чистый человек,⁵ но — Лиза, Лиза! — А как я смею судить, что я знаю об нем и Лизе?»

промелькнувшей в его жизни Лизе.

Лиза для меня промелькнула и для него!...»⁶

Когда выгонял после убийства: Не помириться ли? Не обнять ли его?⁷ —⁸ единый⁹ от малых сих... и не заплакать ли вместе о Лизе.¹⁰

И затем раздражение и крик.

— *Анализ*.¹¹ «Зачем он ко мне тогда пришел показать мне рога, задор — даже ручку поцеловал из задора. И... и мог ли он тогда не пить!»¹²

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Было начато: без

³ Автором исправлена описка: В<ельчанино>ву

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Автором исправлена описка: чиловек

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют. Текст: промелькнувшей ~ для него!...» — записан внизу страницы. Запись: промелькнувшей ~ Лизе — заключена в рамку.

⁷ Далее были знак вопроса и продолжение: не заплака<ть>

⁸ Тире вписано.

⁹ Было: единого

¹⁰ и не заплакать ли вместе о Лизе. — вписано.

¹¹ Было начато: — Э<ачем>

¹² В рукописи кавычки отсутствуют.

Анализ. — «Что он тогда говорил: покрываемся. Мы и прежде покрывались: Я у него отнял дочь и он у меня отнял дочь».¹

С дачи приехали: <—> Может быть, может быть, Павел Пав-л<ович>, хотели² испытать и надеялись на особенное благородство моих чувств. Гм...

А теперь всё это мне объясняете, а я вам еще лучше вашего объясню.

— Как же-с?

В<ельчанино>в:³ — Просто-запросто вам хотелось мне ее показать: вот какая меня теперь будет любить, посмотри-ка,⁴ прежний друг, Ал<ексей> Ив<анови>ч.⁵

Вы в вдохновении были. Вы встретили меня, и вам в голову стукнула эта мысль.⁶

— Теперь всё от вас зависит, Ал<ексей> Ива<нович>.

— Чем?⁷

<—> Не ездите туда.

— Так ведь не я же один. Высоко цените средства. Вы обольстительнее меня и представить себе не можете.⁸

— Сквитаемся!⁹

Там глушь, там¹⁰ будет по-другому-с — только вы-то не ездите!¹¹
<с. 77>

NB. Сильное:

¹²Когда после дачи В<ельчанино>в объяснил, «какая, дескать, у тебя была еще мысль звать на дачу», П<авел> П<авлови>ч, сказав покрываемтесь, вдруг сказал и другую мысль:

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Было: и не хотели

³ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁴ Было: посмотри-ка. — Тепер<ь>

⁵ Слова: прежний друг, Ал<ексей> Ив<анови>ч — отмечены с двух сторон знаками: × и ×₁

⁶ Справа от текста: Вы в вдохновении ~ эта мысль. — фигурная скобка.

⁷ Было: — Как

⁸ Текст: Вы обольстительнее ~ не можете. — вписан правее и связан соединительной чертой со словом «средства».

⁹ Текст: — Теперь всё ~ Сквитаемся! — обведен чертой и отмечен знаком: ×₂

¹⁰ В тексте описка: так

¹¹ Текст: Там глушь ~ вы-то не ездите! — вписан правее. Записи: *Анализ.* — «Что он тогда говорил ~ вы-то не ездите! — вписаны на полях вдоль страницы.

¹² Знак абзаца.

<—> У меня и другая мысль была, Алексей Иванович: поквитаемтесь! (т. е. вы просили тогда объяснений). Кончимте все, выпьемте, помиритесь¹ и расстанемтесь навсегда-с.

— «А Лиза, Лиза, Лиза?»² — дум<ал> В<ельчанино>в.³

Слезы:⁴ <—> Я вас любил, Алексей Иванович, — любил истинно-с. Если уж этот! Я вас все 10 лет истинно уважал-с.

<—> И теперь любите и уважаете<?>

— Да-с<, > и теперь-с.

<—> Али ненавидите?

— Н-нет-с.⁵

<—> Знаете, П<авел> П<авлови>ч, именно потому, что говорите, что любили меня и любите, — потому и ненавидите. Сами не знаете — я вам, пожалуй, пример скажу: Два человека, тянет к камину, состукну<лись> локтями <—> так и ко мне вас тянуло. Порченные мы люди, П<авел> П<авлови>ч.

(«А Лиза? Лиза? Лиза?»⁶ — думал еще раз В<ельчанино>в.)

(Молчание.)

П<авел> П<авлович> сидел как бы выжидая и робея.

<—> Не поедете?⁷

В Петербург ехав, я решился вас... пощадить-с.⁸

— Что такое пощадить? — думал В<ельчанино>в.

(Взаимное молчание.)

<—> Так не поедете-с?

<—> О, ко-не-чно не поеду! — вскри<чал> В<ельчанино>в.

— (Это уже второй раз ответ, что⁹ не поедет.)¹⁰

— Верю слову-с, верю и — не говорите мне потом, что я дурак, что поверил.

— «Ну как я отдам ему браслет<?>»¹¹

(Колокольчик.)

¹ помиритесь — вписано.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ — «А Лиза ~ дум<ал> В<ельчанино>в. — вписано.

⁴ Было начато: З

⁵ Я вас все ~ Н-нет-с. — вписано на полях и отчеркнуто.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ <—> Знаете, П<авел> П<авлови>ч ~ Не поедете? — вписано на полях и обведено чертой, отсылающей к записи «Н-нет-с».

⁸ В Петербург ~ пощадить-с. — обведено чертой.

⁹ В тексте описка: не

¹⁰ (Это уже ~ не поедет.) — вписано.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

NB. (Сильное)

Когда в Грозе — остаться или нет.

Вдруг ни с того ни с сего:

— Я послезавтра уеду, Алексе<й> Иванович.¹

Засыпая перед убийством.

— «Нет, он сильно меня ненавидит, — думалось В<ельчанино>ву засыпая: — именно потому, что говорит, что любил.

Повез показать.² — Если б он не ненавидел, — он бы меня не повез.

Это похоже на то, когда человек нарочно, встретив³ в обществе приятеля своего, как бы лезет к нему, становится с ним рядом у камина, принимает разные виды — точно тянет его к нему. Так и его ко мне потянуло — сам не знал отчего».⁴

Это всё эти подружки теперь ее мутят. Но там у нас будут другие подружки.⁵ <с. 78>

ПОСЛЕ дачи.

— В коляске: «Поймите, что надо объясниться окончательно. Вы спрашивали объяснений. Ну теперь я всё хочу объяснить».⁶

— Приехали: «Вы знаете, не могу без шампанского».⁷

О вечном муже в кратких, но сильных чертах.

<—> Поняли меня теперь?⁸

<—> Тò, что вы сказали, понял.

<—> Знаете ли, для чего я вас позвал<?>

Еще вот для чего — (для благородства).⁹ — Однако много цените мои средства.

¹ Текст: Когда ~ Алексе<й> Иванович. — выделен слева круглой скобкой с двумя поперечными линиями.

² Слева помета, имеющая в виду размещение материала по главам: или Анализ, в Анализе лучше. Соединена чертой со словами «Повез показать».

³ Было начато: еще <ç>

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Это всё эти ~ подружки. — вписано на полях вдоль страницы. По содержанию запись связана с заметкой на <с. 77>: Там глушь ~ не ездите!

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи в этом предложении кавычки.

⁹ (для благородства) — вписано.

ПОСЛЕ ДАЧИ.

П<авел> П<авлови>ч:² «Нет, вы всего не знаете... Я думал, я вам всё расскажу, когда сюда ехал, но я ничего³ не в силах рассказать, не умею...»⁴

П<авел> П<авлови>ч: «Я всё понимаю.

Я вас любил»⁵ (заплакал).

— Знаете что, П<авел> П<авлови>ч, именно потому, что вы плачете, именно потому, что говорите «любил»,⁶ — вы меня ненавидите. Сами не знаете. Мы порченые люди, П<авел> П<авлови>ч, оба никуда не годимся, и лучше нам расстаться — да и скорей бы.

П<авел> П<авлови>ч встал.

— Вы что-то нездоровы.

— Решительно нездоров.

АНАЛИЗ.

«Лиза его тайна, об Лизе он ничего не говорил, когда сказал мне: *Сквитаемтесь*. Об Лизе мы не говорили ни слова оба и старались не говорить (это замечательно): Ведь потому-то я и угадал инстинктом,⁷ что он меня ненавидит, что об Лизе продолжала быть тайна».⁸

М<олодой> Ч<елове>к: «Но Надя геройски выдержала характер перед отцом. Ее⁹ теперь заперли, и она сидит».¹⁰

¹ НА ЧЕМ ОБЖЕГСЯ — обведено чертой.

² В рукописи точка.

³ Далее вычеркнута запятая.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ В рукописи двоеточие и кавычки отсутствуют, прямая речь со строчной буквы.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ инстинктом — вписано.

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Было: Его

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

— (Может быть)
(ГЛАВНЕЙШЕЕ)

После тарелки: «Благодарю вас», за руку.¹ «Я понимаю, я вам верю, вы гораздо лучше² — я понимаю — Лиза — вы³ тоже страдали, — я понимаю — вы —⁴ я понимаю».⁵

Слезы на глазах у П<авла> П<авлови>ча.⁶ «Я послезавтра уеду-с».⁷ <с. 79>⁸

ЛОБОВ

Мальчик.

«Мы давно уже любим друг друга и дали друг другу слово. Вы между нами помеха. Я пришел вам предложить очистить место.⁹ Угодно или нет?»¹⁰

В лорнет на бутылку.¹¹

В<ельчанино>в:¹² «Я позабыл»¹³ (отдать браслет).

— Это подозрительно, — ск<азал>М<олодой> Ч<еловек>, нагло огляды<вая> В<ельчанино>ва.

— Что?

— По крайн<ей> мере странно, согласитесь сами.

В<ельчанино>в фыркнул от смеха, мальчик рассмеялся¹⁴ и сам.

<—> Впрочем, конечно, от недоразумения. (Вы, может, и пожалели господина...¹⁵)

¹ В рукописи запятая.

² Далее было: наивнее... и чище

³ В рукописи: Вы

⁴ В рукописи: Вы Далее было: про то думали...

⁵ я понимаю — вписано.

⁶ Слезы ~ П<авла> П<авлови>ча. — вписано поверх раздвинутой линейки и отчеркнуто с двух сторон.

⁷ Текст: — (Может быть.) ~ уеду-с». — выделен слева круглой скобкой с двумя поперечными линиями. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ На странице каллиграфическая пропись: Со<о>бщения

⁹ Далее было начато: Вам

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ В лорнет на бутылку. — обведено чертой.

¹² В рукописи вместо двоеточия запятая.

¹³ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁴ Было: засмеялся

¹⁵ Вместо: и пожалели господина... — было: жалели его?

<—> Вы можете и не уходить, — обратился мальчик к В<ельчанино>ву.

<—> Да и мне и некуда уходить; я у себя, — заметил В<ельчанино>в.

— Я признаюсь, даже желаю, чтоб вы были свидетелем нашего разговора. Над<ежда> Федосеевна довольно лестно мне вас рекомендовала...¹ Я только что оттуда.

— Как же вы могли с ней сегодня говорить,² когда вас не принимают<?>

<—> Ах Боже мой, да ведь³ можно через забор⁴ говорить; из сада.

Управляющий в расстроенных имениях Графа Завалевского.⁵

<—> Как, однако же, гроза. Хорошо, что я до грозы поспел.⁶ Я ведь пешком.

<—> Захлебнин меня определил. — Знаете, ведь он порядочный⁷ человек.

— Знаю-с.⁸

Но... древняя голова, и Бог знает во что верит. Одним словом, я не мог снести и прямо сказал старику — что мне не нравятся его приемы, — хотя, впрочем, я⁹ и симпатизирую.¹⁰

Двигатель на железной дороге. — Что вы морщитесь<?>

<—> Так, нездоров.

¹ Было: об вас рекомендовала

² могли с ней сегодня говорить — *вписано*.

³ Было: <—> Да ведь

⁴ Далее было *вписано*: из сад<у>

⁵ Было: Свистунова-Завалевского

⁶ Было: Я до грозы поспел. В *рукописи* вместо точки запятая.

⁷ В *тексте* описка: порядочных

⁸ Далее была точка с запятой и начато: Добрый д
Ниже запись: — Да, но я не мог снести обращения этих чиновников.

⁹ я — *вписано*.

¹⁰ Незачеркнутый вариант: уважаю его. Текст: — Знаю-с ~ симпатизирую. — *вписан между строк и на полях*.

<—> Я не мешаю ли вам<?>
 <—> Да, если хотите.
 <—> Чего тут хотеть, когда у человека — живот болит. Помните:¹ у Ко<быльнико>ва живот болит, у Салтыкова²
 — Помню.
 — Премило. Главное — метко.³ Вам нравится С<алтыко>в<?>⁴
 — Уважаю.
 — И я тоже. — И так я вам повторяю: Не упорствуйте, размыслите хоть раз в жизни здраво,⁵ бросьте ваше старческое упрямство. Плохо ведь будет!⁶ До свидания; очень рад⁷ знакомству, — обрат<ился> он к В<ельчанино>ву, кивнул ему головой и вышел.

Милый мальчик.⁸ <с. 80>

Вагон. Перепутье двух дорог, ждал толчка.⁹
 Прожитая жизнь, всеобщая органическ<ая>¹⁰ связь и ответственность людей меж собою, всё просмотрел, оторвался.
 — Сладострастие от мысли, что есть 60 000 и что обеспечен.

Вагон. Сладко-купеческим голосом, с¹¹ презрительным распевом: «Вишь Ми-тинька! Шлюха! И в публике¹² не стыдятся». ¹³

И подойдя вплоть: «Шлюха ты шлюха, хвост отшлепала». ¹⁴ Гусар ругался и кричал насчет зарубить. ¹⁵

¹ Было: (вспомните

² Было: живот болит.)

³ Главное — метко. — *вписано*.

⁴ Было: Вы любите С<алтыко>ва<?>

⁵ размыслите хоть раз в жизни здраво — *вписано снизу вверх в три приема*.

⁶ Далее было: Окончательно плохо.

⁷ очень рад — *записано дважды, в первом случае вычеркнуто*.

⁸ Милый мальчик. — *записано чернилами более светлого оттенка*.

⁹ Перепутье ~ толчка. — *вписано*.

¹⁰ органическ<ая> — *вписано*.

¹¹ с — *вписано*.

¹² Было: Меж народом

¹³ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

¹⁴ Было: загрозила. В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

¹⁵ На полях слева вписано и отчеркнуто: Закутивший второй день на станции

Искала глазами В<ельчанино>ва.¹

Вагон. Он не заехал к своей даме. (После, впрочем, каялся.)

Вагон. Несмотря на перерождавшееся общество, ему все-таки хватает на обед.

«Как бы там ни перерождались люди и мысли, у меня всегда будет этот вкусный обед».²

Вагон. «Я — человек пустой, до³ глупости добрый»⁴ (Вельчанинов мало того что почему-то считал себя добрым, но и стыдился этого всю жизнь⁵ как «главного своего позора»⁶).

Вагон. Мелькнувшая фантазия⁷ об Лизе и об возрождении⁸ в отцовском долге.

Вагон. Насколько выше его этот Квазимодо, так высоко ставящий его средства обольщения и так смешно испугавшийся их еще давеча, и конечно, совершенно не замечающий Митиньку, после всего, что было.⁹

— И всю свою жизнь проживший между своих иностранцем.

И что он лишний русск<ий> человек. «Что мне осталось — за границу ехать, где притон всех лиших русских людей, всех ненужных¹⁰ русских людей — всех ничтожеств и нулей русск<ой> земли».¹¹

— Посватался, но испугался обязанностей.

— Вызвать на дуэль, но робевший перед каждым трудом, перед каждою обязанностью.

¹ Гусар ругался ~ Искала глазами В<ельчанино>ва. — *вписано. Справа от записи фигурная скобка.*

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи зачеркнута кавычка перед «до».

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Было: всю жизнь стыдился этого

⁶ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

⁷ Было: Фантазия

⁸ Было: святости

⁹ Далее незачеркнутый вариант: и наверно совсем не замечая <в тексте описка: не замечаю> Митиньку.

¹⁰ В тексте описка: ненужный

¹¹ И что он ~ земли». — *вписано на полях. В рукописи кавычки отсутствуют. Вместо: где притон ~ земли». — частично зачеркнутый вариант: [куда выплескивает Россия ежегодно все] где <где — вписано> подонки русских людей — лишнее [ненужное] пле<мя><и> России*

С женой¹ говорил.² «Э, живи как живется»,³ — и пробормот<ал> про себя:⁴

«А поеду-ка⁵ за границу!»⁶

— В самом деле поеду-ка за границу!»⁷ <с. 81>

Глава V-я

«Но неужели ж, неужели ж он и вправду не подозревает меня. (Я писем не писал, улики нет.⁸) В таком случае это полный тип, настоящий тип.

Отвечать⁹ мне по почте не велено,¹⁰ и я из осторожности не отвечал. А в первые два месяца из Петербурга<рга> писал кажды<е> 3 дня на¹¹ имя обоих (ужасно длинные письма)»,¹² покраснел.¹³

Тень.

Засыпая вдруг вспомнил, что была записочка о Ступендьеве. В сам<ом> деле, откуда знает он о Ступендьеве?

NB₁. НЕ НАДО ПЛЕВКА.

NB₂. ПОСЛЕ УБИЙСТВА СИДЕЛ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК.

Сорвать траур.

NB.¹⁴ «Вы, кажется, хороший человек; отдайте браслет». ¹⁵

¹ В тексте описка: женной

² С женой говорил. — вписано.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ В рукописи росчерк пера, двоеточие отсутствует.

⁵ Далее было: лучше

⁶ Было: За границу! Далее было: И ночлеги лучше <нрзб.> утр
<и> не его

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ улики нет — вписано.

⁹ Было начато: Письмо

¹⁰ Далее было: и я

¹¹ В тексте описка: На на

¹² (ужасно длинные письма) — вписано. В рукописи кавычки отсутствуют.

¹³ Отвечать ~ покраснел. — вписано на полях.

¹⁴ Далее вертикальная волнистая линия.

¹⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

Умоляет о шампанском (злится на Вельчанинова за утро¹).

Пьет один.

Молодой Человек.

— Я ее в бараний рог скручу, узлом завяжу.²

<—> Вы пьяны.³

— Нет, не очень (действитель <но> много не допил из бутылки).

<—> Надоели.

В три часа убийств <о>.

Другой человек.

Браслет на другое утро. <—> Хотел отдать вчера, да уж очень вас жаль было.⁴ Возьмите же.⁵ <—> Мне не надо.

Швырнуть хотел.

<—> Пригодится, ведь вы⁶ женитесь же. Позовете на свадьбу, в шафер <а> позовите.⁷ <с. 12>⁸

Его тон нежный и лстивый постоянно, — но прорывающий <ся> самыми наглыми, или бешеными, или неподходящими вспышками.⁹

Новые мысли

1-я мысль. Главная и трудная Сцена.¹⁰ Пристроив Лизу, воротился домой, застал Павла Павловича. Известие, что умер Багаутов. Просит вина; очень весел. Признается, что пил вчера, говорит, что он был с рогами, что он Муж, но «вы, вы, в вас я верую».¹¹

2-я мысль. Лиза больна.¹² В карете ехал за гробом. Вечером опять пить. «Вы бы его отравили. Почему не отравить?»¹³ Смирный и буйный тип. Убийство. Ночь, привидение. Плевок.

¹ Автором исправлено слитное написание: заутро

² Автором исправлена описка: завезу

³ Было: <—> Надоели

⁴ Текст: <—> Хотел отдать вчера, да уж очень вас жаль было. — в рукописи записан в скобках.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ ведь вы — вписано.

⁷ Росчерк пера. На странице пробы пера и каллиграфические прописи: Julius Cesar, Вельчани<нов>, Трусоцк<ий>, В <2 раза>.

⁸ Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

⁹ Его тон ~ вспышками. — вписано темными чернилами.

¹⁰ Главная и трудная Сцена. — запись слева от текста. Правее фигурная скобка.

¹¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹² Далее было: Вечером

¹³ Далее было начато: Пр

3-я мысль. Вельчанинов ездил справляться, по просьбе Лизы. — Хозяйка говорит, что бляди.¹ Несколько дней, его нет, встречает в б<орде>ле, в драке, везет к Лизе. — От Лизы едут: Что-нибудь злобное и серьезное. «Нет, я у вас ночевать не буду».² (Вель<чанино>в сам себя стыдится, что струсил. «Я испугался вас, как вы закричали, пить не буду».³)

4-я мысль. Смерть Лизы. Муж в харчевне у кладбища. Драка. Ведет домой. Говорит ему грубо и откровен<но>. «Действуйте как благородный человек! Я жениться хочу. Я смиренный тип и муж. Я жениться хочу».⁴ Визит к ней.⁵ «Послезавтра еду».⁶ <—> «Правда?»⁷ <—> «Надоели».⁸

5-я мысль.⁹ Визит — игры. Вельчанинов одерживает верх. Злоба. Возвращение. Укладывание чемодана. Презрение Вельчанинова открытое.¹⁰

6-я мысль. Молодой человек. Ночь, резн<я>.

7-я мысль. Наутро. Повесился. Встреча с Молод<ым> Человеком.

В ЧЕЛОВЕКЕ ЭТОМ ВИДНА БЫЛА РОЛЬ И МАСКА, НО ОН ДО ТОГО БЫЛ НАГА, ЧТО ИНОГДА¹¹ СОВСЕМ И НЕ ЗАБОТИЛСЯ О ТОМ, ЧТО РОЛЬ НА¹² НЕМ ВИДЯТ И ЧТО¹³ МАСКА СВАЛИВАЕТСЯ.¹⁴

¹ Хозяйка говорит, что бляди. — вписано чернилами темного оттенка.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ В рукописи в этом предложении запятые и кавычки отсутствуют. Текст: (Вель<чанино>в сам ~ пить не буду.) — вписан чернилами темного оттенка в два приема (записи соединены чертой); отнесен короткой чертой к данному месту. Слева от абзаца чернилами темного оттенка поставлен и отчеркнут знак вопроса.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Визит к ней — вписано.

⁶ Далее было: Надоели. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Далее было начато: Посл

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Далее вертикальная волнистая линия.

¹⁰ Далее было: Молодой челове<к>

¹¹ Далее было: НЕ

¹² Было: В

¹³ ЧТО — вписано.

¹⁴ Текст: В ЧЕЛОВЕКЕ ~ СВАЛИВАЕТСЯ. — записан чернилами темного оттенка. Правее каллиграфическая пропись: В Человеке

Шампанское на столе (потчует).¹

Фотографическая карточка.

Совершенное воплощение.²

НВ. 1-я мысль. Извиняется во вчерашнем подпитии, и Лиза (признается сам) от этого терпит. (Хозяйка жалуется, что запер девочку.)³

2-я мысль, «тень ее вижу», «э, вздор, оставьте».⁴

3-е. После смерти Багаутова.⁵ «При вас, помните, артиллерийск<ий> поручик»,⁶ убить Багаутова,⁷ и тут напился и нагло проговаривается (горлица). Хохот.

Вельчанинов холодеет.

Опять тень⁸ (досаднее ответ).

Ковер. Плевков.

«Да неприлично вам».⁹

Смирный и хищный тип, раздражает<ся>.

НВ к 4-й мысли:¹⁰ или жениться, или повеситься (теория повешения).

Перед зарезом.¹¹ Засыпая: вспомнил, как вспоминал про Трусозко-го с угрызениями и считал грехом. <с. 13>¹²

¹ Текст: Шампанское на столе (потчует). — записан чернилами темного оттенка. Ниже слева от основного текста было начато: Шам<панское>

² Шампанское на столе ~ воплощение. — вписано.

³ (Хозяйка ~ девочку.) — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ После смерти Багаутова. — вписано.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ Слова: убить Багаутова — сверху обведены полукругом; справа от них фигурная скобка.

⁸ Запись отчеркнута.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют, запись со строчной буквы.

¹⁰ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹¹ Перед зарезом. — вписано чернилами темного оттенка.

¹² На странице каллиграфические прописи и пробы пера: Вель<ча-нинов> <2 раза>, В

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ <1868—1870>

СЦЕНА И БРОШЮРЫ

Роман. Помещик. Отца убили.
Спорное поле. С помещиком. Куплено
с уступкой. Чтение Апокалипсиса.
Аягузский Священник. Образование
детей. Воля. Мировые посредники
поспорили. Умер помещик. Крестьяне
хоронили.¹

Роман.
Христианин.²

ДНЕВНИК.³
<с. 45>⁴

ИДЕЯ

ЮРОДИВЫЙ (присяжный поверенный)

Любитель старого платья. Добрый и благороднейший человек. Берет в дом сирот (девочка с собачкой). Благодетель многих. Облагодетельствованные его же обвиняют; он ходит к ним просить прощения и их мирит. Полная квартира детей, кормилиц и нянек. Мирит детей. (Женится. Жена изменяет и бросает. История за детей. Потом опять приходит к нему; заставляет его драться за себя на дуэли. Рыцарские поступки. Умирает жена.) Старое платье. Vielle vêtill<|>е.⁵

¹ Слева от текста: Роман. Помещик ~ хоронили. — фигурная скобка.

² Слева от текста: Роман. Христианин. — фигурная скобка.

³ Росчерк пера. Слева от слова: ДНЕВНИК — вертикальная волнистая линия. Неясно, относится ли заголовок «Сцена и Брошюры» к нижеследующим записям. Заголовок и слово «Дневник» записаны каллиграфическим почерком. На странице также содержатся наброски к роману «Идиот» (см. с. 245).

⁴ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7.

⁵ Ветошь, отрепье (фр.).

Портные, домашние смеются, что у него старое. Он уверяет, что у него совсем новое. Дуэль из-за платья. Не выстрелил и одумался на шаге расстояния. После дуэли примирение. Большой спор, зачем не выстрелил с шагу расстояния? После бутылок: «А неужели, неужели мое сукно не отликает в синий?»¹ (Уже после дуэли. Ему сказали наконец, что отликает.) (Связался с убийцей.² Защищал его в суде; речь.)³

————— <с. 76>⁴

ОДНА МЫСЛЬ (ПОЭМА)

Тема под названием *ИМПЕРАТОР*.

Подполье, мрак, юноша, не умеет говорить, Иван Антонович, почти двадцать лет. Описание *природы* этого человека. Его развитие. Развивается сам собой, фантастические картины и образы, Сны, дева (во сне) <—> выдумал, увидел в окно. Понятия о всех предметах. Ужасная фантазия, мыши, кот,⁵ собака.

Молодой офицер Адъютант Коменданта задумал переворот, чтоб провозгласить его Императором.

— Он знакомится с ним,⁶ подкупает старого инвалида, прислуживающего арестанту, проходит к нему. Встреча двух человеческих лиц. Изумление его. И радость и страх; дружба.

Он развивает узника, учит его, толкует ему, показывает ему деву.⁷ Дочь Коменданта, через которого всё делается.⁸ Дочь Коменданта соблазнена быть императрицей.⁹

Наконец объявляет ему, что он Император, что ему всё возможно. Картины могущества («оттого-то я так и почителен перед вами; я вам не равен»¹⁰).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Незачеркнутый вариант: преступником

³ Текст: (Связался с убийцей. Защищал его в суде; речь.) — в рукописи следует после слов «на шаге расстояния». Переставлен согласно помете — линии, соединяющей записи «Не выстрелил и одумался на шаге расстояния» и «После дуэли примирение...». На странице также содержатся наброски к роману «Идиот» (см. с. 292).

⁴ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7.

⁵ Далее было начато: живо <тнѣе>

⁶ Было: с ним. Встреча

⁷ Далее было: (свою невесту

⁸ Далее вычеркнута закрывающая скобка.

⁹ Дочь Коменданта соблазнена быть императрицей. — вписано.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

(Узник так его полюбил, что однажды говорит: «Если ты мне не равен, я не хочу быть Императором».¹ Т. е. чувство, чтоб не потерять его дружбу.)

Показывает ему мир, с чердака (Нева и проч.).

Наконец бунт, Комендант закалывает Императора шпагой. Тот умирает величаво и грустно.

Показывает Божий мир.² «Всё твое, только захоти. Пойдем!»³ Нельзя, при неудаче — смерть, что такое смерть.⁴ Он убивает кошку, чтоб показать ему; кровь.

На того страшное впечатление: «Я не хочу жить коли так, если за меня кто умрет, если ты умрешь, она умрет».⁵

Мирович в энтузиазме показывает⁶ ему оборотную сторону медали и толкует, сколько, став Императором, он <с. 85>⁷ может сделать добра. Тот воспламенен.

Мирович Энтузиаст. Передает ему понятие о Боге, о Христе.

НВ. (Он показывает ему свою невесту, дочь Коменданта, условившись с ней (отца не пробуют соблазнить: суровый старик, служака, и не пойдет на безумный подвиг).⁸ Невеста согласна. Выходит, чтоб показаться, великолепно, по-бальному одетая, с цветами. Энтузиазм Императора. Невеста поражена впечатлением, которое она произвела. У нее мечты: стать Императрицей. Мирович замечает это. Ревнует. Император замечает его ненависть и ревность, ненавистные взгляды, не понимает, но чувствует, в чем дело.)

— Мирович едет в Петербург, картина Петербурга.⁹

— При виде Коменданта Иван Антонович смущается<ся>, «я его видел в детстве!»

¹⁰ <с. 86>

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее вычеркнута закрывающая скобка.

² Далее было начато: Пой<дем>

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Текст: Показывает Божий мир ~ что такое смерть. — отчеркнут слева и отмечен знаком: НВ

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Было начато: под

⁷ Указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6.

⁸ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁹ Далее знак: //

¹⁰ Под линией цифра: 100.

ПЛАН ДЛЯ РАССКАЗА (В «Зарю»)¹

Рассказ вроде Пушкинского (краткий и без объяснений, психологически откровенный и простодушный).²

Умирает богатая барыня. У ней воспитанница (в Институте). Потом подле барыни. У воспитанницы³ темное семейство, мать пьет, так что при жизни барыни ей велено чуждаться. Ей обещаны в таком случае 20 000 или в приданое, или по завещанию. Но старуха умирает, не сделав завещания, и 20 000 лопнули. Оказывает <ся> законным наследником старший племянник, о котором и не слыхивала прежде она и о котором покойная барыня относилась как о бесчестившем род. Но ему досталось. В доме остались старые старухи <—> родственницы дамы (одна из них держит сторону племянника, ибо ближе к нему сродни и рада за него. Она приживалка⁴ и добродушно заважничала над другими приживалками. Он же ее потом первую и погнал и взял в тиски). — Старухи и тетки уговаривают воспитанницу не возвращаться покамест в семейство, а подождать приезда наследника (может-де он и спечалуется и *наградит* ее (20 000)). Все-го более уговаривает старуха — родственница племянника, расхваливая его. Другие же не расхваливают, а, напротив, качают головами и боятся его прибытия: Много уж слишком об нем дурных слухов идет.

НВ. Странно то, что в этих дурных слухах нет ничего определенного: *Чем именно дурен?*⁵ Скупец, мститель, ростовщик <—> и вдруг слухи совсем противные. В гусарах бывши, имение прокутил и проч.

Впрочем, воспитаннице оставаться в доме довольно прилично: она ходит за одной сильно прихворнувшей старой теткой приживалкой. (НВ. НВ^з. Отец у ней *изящный* человек, приживальщик за границей. Дуров.)⁶

Слух о трусовстве.⁷

⁸Но является и он: Станный, озирающийся, подозрительный, смотрящий на ночь за шкапами и за постелями (трус), недоверчивый, язвительный. Язвительно и недоверчиво принимает наследство, считает. Огорошил старуху-родственницу,⁹ сдававшую ему дом, и взял в ключницы¹⁰ другую, бойкую, задорную и ему с виду противуречившую (но

¹ Было: План для рассказа, в «Зарю». Скобки вписаны позднее. В рукописи кавычки отсутствуют.

² Рассказ ~ простодушный). — вписано.

³ Далее вычеркнута запятая.

⁴ Было начато: Он ж<е>

⁵ Слева от текста знак карандашом: —

⁶ В рукописи закрывающая скобка отсутствует. Дуров. — вписано.

⁷ Слух о трусовстве. — вписано.

⁸ Знак абзаца.

⁹ Было: старуху, родственницу

¹⁰ Слово: ключницы — отмечено знаком: ×

льстивую). Родственница¹ оттого стала больна. Задорная насплетничала ему на воспитанницу и что та ожидает награды. «— А вот мы посмотрим; теперь еще <с. 65>² некогда». Он, впрочем, ее видел мельком: она его поразила. Отнесся двусмысленно, подозрительно и с насмешкой. Но оставил объяснение и знакомство³ (что именно оставил:⁴ не определил, какое-то⁵ как будто решение судьбы воспитанницы, так что старухи удивляются). Дела — в бесконечности долгов, документов и заемных писем. Покойная барыня всё прощала (кстати: любила *выдавать замуж*), но сохраняла документы. Наследник решает преследовать, горячо, горько и язвительно обращается с умоляющими кредиторами, посещает их семейства (дома бука, неразговорчив, боится, когда кто к нему входит нечаянно, отдал сарказмами доктора, иногда вдруг очень остроумен. Встреча с калекой (?) девочкой 12 лет швейцара. Враждебность отношений к девочке). Несколько возмутительных сцен недоверия, жадности и жестокосердия к кредиторам. Воспитанница замечает, что⁶ в нем как бы оскорблено тщеславие.⁷ Однажды только в антрактах послал за ней и попросил спеть (и то по поводу оценки дорогого фортепиано, купленного для воспитанницы⁸). Несколько колких слов его по поводу покупки и легкий, короткий, остроумно-язвительный и загадочный разговор с воспитанницей.

— Между тем он вдруг идет в дом воспитанницы и знакомится (или Эстетик Дуров,⁹ или артиллерийск<ий> полковник <и>,¹⁰ или полная гадость с эстетиком). Призывает наконец воспитанницу вечером. Разговор с его стороны недоверчивый, даже обидный, и о 20 000-х. Но поражен явно неподклонностью с ее стороны, нелстивостью, хотя и робостью, мало-помалу вдруг доверяется.

(Вообще это тип. Главная черта мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной оскорбительной недоверчивости.¹¹ Эта потребность — судорожна и нетерпелива, так что он с

¹ В тексте начатое и неисправленное: Родственницу

² Указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6.

³ Под словом короткая горизонтальная черта карандашом.

⁴ Далее вычеркнута закрывающая скобка.

⁵ Под словом короткая горизонтальная черта карандашом.

⁶ Далее было: он

⁷ Под словом короткая горизонтальная черта карандашом.

⁸ купленного для воспитанницы — вписано.

⁹ В рукописи: Эстетик-дуров

¹⁰ Под словом короткая горизонтальная черта карандашом.

¹¹ Далее перечеркнут текст: (NB. Он наивен и угловат, резок от какого-то намеренного распушения, но, странно, когда надо — чрезвычайно развязен, и светский (гусар), так что даже весь переменяется. Но это только минуты.)

страшную наивностью <с. 66> (горькою, сожаления достойною, даже трогательною наивностью)¹ бросается вдруг на людей и, разумеется, получает щелчки, но получив щелчок раз — не прощает, *ничего не забывает*, страдает, обращает в трагедию.)

²Она его мало-помалу пленяет, доверяет (и вдруг опять отпор, мизантропическая злоба и насмешки), но наконец почти совсем прояснел. Обещает 20 000 (но осторожно, скуп) и говорит: «Будет, будет и на нашей улице праздник».³

Рассказывает ей жизнь свою, бия себя в грудь.⁴

Отучает ее от доверчивости.⁵

Рассказывает, как с ним поступили.

Но наконец прояснел: Эпизоды: прогулка в одиночку, испугался и заподозрел ребенка. (Эпизод, ее удививший.) Бойтся, чтоб его не отравили.⁶

⁷Она с ним робка, он ее поразил трагичностью своих приемов, но возбудил симпатию, прогулки (сон Обломова, полная доверчивость). Она доверяется, ободряется и говорит ему о должниках,⁸ чтоб их защитить.

К удивлению узнает, что он многим кредиторам простил, многим благодетельствовал, но «вот как они со мной поступили».⁹

— Сцена любви между ними и вдруг недоверчивость.

Он ее испытывает.

Он даже подслушивает.

Прежние, проченные ей женихи. Чиновник солидный (его испытывает), *Молодой человек*.¹⁰

Молодого человека ревнует. Между ними почти разрыв.

НВ (НВ *МИМОХОДОМ*. Тут множество Эпизодов с семействами кредиторов и с ее семейством, Эстетик, брат.¹¹ Являются разные лица из его прежней жизни, гости к нему, один Граф, он ревнует *ЕЕ*. И наивен в подозрениях и благородно горд — всё вместе.)

Прекрасен, правдив, чист до крайности — и не может высказаться, чтоб быть понятным и любимым, не понимает этого и страдает.

¹ В рукописи закрывающая скобка вычеркнута.

² Знак абзаца.

³ В рукописи кавычки отсутствуют, после двосточия запись со строчной буквы.

⁴ В рукописи запятая.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ (Эпизод ~ его не отравили. — вписано.

⁷ Знак абзаца.

⁸ Было: кредиторах

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Далее в рукописи закрывающая скобка.

¹¹ В рукописи закрывающая скобка. Далее было начато: Рев<нует>

Слишком грубо смотрит на мир, потому что требует от <с. 67> него чрезвычайной чистоты и не прощает ничего.

Христианин, но нетерпим христиански.

«Я всё прощаю, но оставьте меня в покое, я в подполье».

— Наконец он ее надорвал, ей тяжело, между ними слезы и проч.

NB Главное. Он совершенно влюблен, и как бы решено жениться, но ни разу он не был настолько доверчив, чтоб сделать предложение.

¹На нее наговаривают даже ее родные,² и он так подл, что слушает, идет исследовать разные фантастичные эпизоды, верит ужасным подлостям и глубоко страдает за свою подлость, когда видит, что вздор.

Но насколько подозрителен, настолько и доверчив.

(Кается во грехах. «Грешен, многогрешен». Ей рассказыва<ет>.)

Раз она заговорила о трусости (о пощечине). Он заподозрел и замолк <—> и затем страдание, мрак и холодность.

³Затем они как бы сходятся и мирятся.

Являет<ся> вдруг в Москву, знатный дом — барыня,⁴ друг (но не родня) покойной барыне (мать крестная воспитаннице).⁵

Дела у них с ним. Требуют воспитанницу; та с радостью пошла к ним (Варя с отцом).⁶

⁷Новый для нее мир, балы, светскость.

Он являет<ся> (прежде у него о высшем обществе часто юмор) в общество во фраке, его страдания.⁸

У него мысль, что она хочет его ревностью заставить высказаться.

Эпизод с пощечиной. Он переносит пощечину (или перенес еще прежде).

Она⁹ влюбляет<ся> в графа, или только так. С ней <с. 68> делают у барыни светской подлость ужасную.

Он за нее заступился, получил плюху, стрелялся, но не стрелял (сам был вызван).

Но девушка ушла в семейство. Его отвергла, не вынесла, хотя бесконечно любит (или он не может простить, а она знает, что он не может простить).¹⁰

¹ Знак абзаца.

² даже ее родные — вписано.

³ Знак абзаца.

⁴ Далее было начато: родс<твенница>

⁵ Слева от текста: Являет<ся> вдруг в Москву ~ воспитаннице). — знак карандашом: + Подчеркнуты волнистой линией карандашом слова «не родня) покойной».

⁶ Было: (Варя)

⁷ Знак абзаца.

⁸ Слева от текста: Он являет<ся> ~ страдания. — знак карандашом: x

⁹ Было начато: С ней

¹⁰ (или он ~ что он не может простить) — вписано.

Вообще как-нибудь¹ трагически.²

Но и непрерывный комизм, веселый, разнообразный и тонкий.³

NB. (Можно так: что когда она его оставила и перешла к светской барыне, он к хромой девчонке, чтоб любить,⁴ вышла история.⁵ Ему глухой щелчок.

Вообще ему со всех сторон щелчки.)

(Может быть, застрелился.)

(Можно так, что хромоногая не выдержала в ненависти ревности (тщеславной и эгоистической), что он всё ещё любит ее и хочет возвратить, и бежала от него из дому. Ночью преследование по улицам.⁶ Мертвая девочка, из злобы сама себя довела до смерти. Искалеченная от избитости.)

NB⁷

Или милый тип à la O—ff, или Убийца серьезный из подполья.⁸

NB⁹

— Когда у них¹⁰ были радостные и спознававшиеся¹¹ минуты, он ей рассказывает удивительно веселые и милые истории, где он Герой, комизма и двойственности (Марья Степановна). <с. 69>

NB) Есть одна княжна (великосветская кокетка), которая еще прежде имела на него права! Теперь, как он получил наследство, она к нему. (Этого-то он боится и ждет.)¹²

¹ Строкой выше было начато: Вообще как

² Под строкой горизонтальная линия, поверх которой вписан следующий текст.

³ Далее в рукописи зачеркнута закрывающая скобка. Текст: Но и непрерывный ~ тонкий. — вписан.

⁴ чтоб любить — вписано.

⁵ В рукописи запятая.

⁶ Было: Ночью преследование)

⁷ Выше было начато: Н<и>

⁸ Слева и справа от текста: Или милый тип ~ из подполья. — знак: NB

⁹ Помета обведена полукругом.

¹⁰ Автором исправлена описка: ниб

¹¹ Было начато: сходявш<иеся>

¹² Слева от абзаца знак: =

Княжна приехала с знатным домом. Она оскорбляет воспитанницу. Он за нее заступает; ему дают пощечину. Дуэль. И однако воспитанницу все-таки изблещают с любовником.¹

(NB.² Или так: Она им пленилась <—> и характером и даже сострадаанием. Молодому человеку отказывает. Того берет под покровительство княжна. Молодой человек на нее же клеветает.³ Между тем княжна заставляет-таки его на себе жениться. Он дошел до того, что предлагает воспитаннице даже деньги. Та не берет и бежит к себе. М<олодой> ч<еловек>, клеветавший на нее,⁴ топится. Тот в отчаянии; но один из домашних, брат, уговаривает⁵ его повенчаться увозом. Венчаются. Он в восторге, что теперь можно не бояться княжны.

— Как только умерла барыня, к воспитаннице, ждущей наследства с приживалками, мимоходом и совершенно нечаянно заезжает брат, пьяный гусар. Считает деньги, мало. Она выносит ему последние свои 150 р. Тот вытаращил глаза: «Правда? Правда? Даешь? Ну жди ж теперь, отплачу!»⁶

И отплачивает потом тем, что, во-1-х:⁷ У него в секундантах и заставляет его драться

и 2) На⁸ ее признание: «люблю его», — сначала говорит ей⁹ «есть во што»,¹⁰ а потом заставляет его жениться увозом. <с. 70>

Для «РУССКОГО ВЕСТНИКА»¹¹

NB. После библии зарезал. (Тип подпольный, не перенесший ревности.)¹² (NB. Вдовец, 1-я жена умерла. Нашел и выбрал сиротку,

¹ Слева от абзаца знак: =

² Круглой скобкой перед «NB» выделены первые три предложения абзаца.

³ Далее было: Но

⁴ клеветавший на нее — вписано.

⁵ В рукописи: уговаривают

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи двоеточие отсутствует.

⁸ Было начато: З

⁹ Далее в рукописи запятая.

¹⁰ В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

¹¹ Заголовок записан каллиграфическим почерком, название без кавычек. В Акад. ПСС последующий текст напечатан под редакторским заголовком «<NB. ПОСЛЕ БИБЛИИ ЗАРЕЗАЛ>».

¹² В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

нарочно чтоб было спокойнее. Сам настоящий¹ подпольный, в жизни щелчки. Озлился. Безмерное тщеславие. Зарезал виновную жену. Долго готовился и переживал, как настоящий подпольный.² Пасынок или девочка от 1-й жены сдружился с женой. Бе<г>ство ребенка, преследование по улицам ночью.³ Жена не может не заметить, что он образован, потом увидела, что не очень, всякая насмешка (а он всё принимает за насмешку)⁴ раздражает его, мнителен. Как увидит, что она и не думала смеяться, ужасно рад. В театр и в собрание по разу. Пригласил общество для разнообразия жены. Вынес муки. Поссорился с гостем, обращавшимся с ним свысока. Любовник в доме на дворе, из окна в окошко, выследил. Подслушивает свидание. Выносит при жене пощечину.

НВ важное: У жены вдруг и внезапно являются покровители. Ее отыскивают, крестная мать, важная барыня, берет даже гостить. Он должен уступить.

НВ. Одно время даже затеялась у него с женой настоящая любовь. Но он надорвал ее сердце. <с. 58>⁵

<Поиски, повесть>

1) *Поиски*, повесть. 21/9 ноября 1869 года. 11 часов вечера.

2) ⁶Глубоко распадающееся существование. Постепенность обеднения. Человек, дающий непрерывно клятву отомстить гонителям и, когда счастье улыбается ему, — отдающий свое последнее. «Что, дескать, отмирать!»⁷ <с. 58>⁸

¹ Было: Настоящий

² Текст: НВ. После библии ~ настоящий подпольный. — записан почерком с элементами каллиграфии.

³ по улицам ночью — вписано.

⁴ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁵ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6.

⁶ Знак абзаца.

⁷ Далее знак абзаца. Нумерация проставлена после того, как сделаны записи, на что указывает знак абзаца между цифрой «2» и текстом. Запись под номером «2» сделана чернилами более темного оттенка, похожими на те, которыми в нижней части страницы выполнены записи о припадках, датированные 7 августа, 2 и 9 сентября, с припиской иными чернилами: 1870 г.

⁸ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

Из Повести о Молодом человеке.

Нашли 3000, снесли. Тот обругал и дал 25 р. По бедности взял. Не мог *отказаться*. В страшной нужде решают с женой¹ отнести назад. Смял бумажку и бросил в харю. <с. 19>²

СМЕРТЬ ПОЭТА (ИДЕЯ)³

Очень кратко.

<1>

УГЛЫ.⁴ Поэт. 26 лет, бедность, заработался, воспаление в крови и нервы, чистый сердцем, не ропщет, умирает, брюхастая жена и двое детей. Бегаёт и кормит, любит. Отец — эстетит. (Найденный бумажник.) Попик, Атеист и доктор Нигилист. Попик чистый Авакум *en herbe*⁵, за Православие. Поэт⁶ заступился за него против Атеиста — Попик чувствует дружбу. Попик бедный, только что поставленный и без места, из остзейск<ой> земли, по сборам с другим, мать-попадья. — Раскольник раз вступился и связывается с атеистом о свободе и о свободном человеке (по Апостолу Павлу)⁷ — ввязывается, когда уже попик спасовал<,> и доказывает, что он понимает лучше свободы. Поэт про обоготворение природы, язычник. Исповедь поэта вслух — вместо предложенной попилом по просьбе жены — милая, изящная и восторженная, кончилось питьем шампанского за всё — выпил и раскольник. За всё, за Христа — за цветок, — за жену. Восторженные слова о жене⁸. Раскольник попику: «А ты не пей вина»⁹ или¹⁰ «Легкомыслен ты и не тверд, млад еще — да сердцем чист — Бог тебя и взыщет».¹¹ — Бред, последние мгновения. «Götter Griechenlands <_>».¹² — Смерть, Раскольник хвалит и обнадеживает жену, хвалит и попику.

¹ с женой — вписано.

² Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

³ В верхней части страницы запись: Очень заметить для «Р<усско-го> В<естни>ка». В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ Запись на полях слева.

⁵ в зародыше (фр.).

⁶ Далее было начато: ра

⁷ Под словами: (по Апостолу Павлу) — знак: NB

⁸ За всё, за Христа ~ слова о жене. — вписано.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ или — вписано.

¹¹ В рукописи закрывающая кавычка отсутствует.

¹² «Боги Греции» (нем.). В рукописи кавычки отсутствуют.

Подсочинить¹ повесть (будет как «Бедные люди»,² только больше энтузиазма) — в Углах совершилась кража, или преступление, или что-нибудь, а может, и нет.

Жена может раскольникову быть родня — и т. д.³ <с. 103>⁴

⁵Возвратившийся из-за границы господин. 6 лет. (Виноват, что не выдержал и воротился.)

— Племянник его завел⁶ в углы. С содержателем⁷ углов и дома у приезжего из-за границы дело.

— Нечаев. Кулишов⁸ донес на Нечаева. (А может, и сам хозяин.)

— Хозяин поддержал попика и потом — «ничему не верю».⁹

— С хозяином — жена поэта в ладах, но не в связи, хозяин добивается, но любит племянника приезжего и ждет. Он (т. е. племянник) ревнует к хозяину, наблюдает за ним и удивлен, когда дядя сообщил ему, что он, кажется, видел ее у хозяина.

— Последняя исповедь вслух надорвавшегося поэта (застрелился) <—> трогательный юмор и высокое художество.¹⁰

— Доктор Нигилист.

Пан Пшепярдовский

и Б—лов.¹¹

— Полиция входит и берет.

NB.¹² У поэта отчасти¹³ стыд, что жена знает о его потворстве¹⁴ к хозяину, из-за слабости, за деньги. Поэт должен хозяину.

¹ Автором исправлена описка: Подсочить

² В рукописи название без кавычек и со строчной буквы.

³ Ниже запись: Всего 12 листов — maximum. Далее знак: = На следующей странице под таким же знаком продолжение основного текста. В левом нижнем углу <с. 103> помета, отделенная от текста чертой: 9 сентября. Н<ового> с<тиля>. На полях слева пробы пера и архитектурные детали, а также набросок, относящийся к замыслу «Картузов», записи к которому содержатся на соседней <с. 102>.

⁴ Указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6 (записи под номером «<1>»).

⁵ Знак: = Указывает на то, что далее следует продолжение текста со <с. 103>.

⁶ Далее было начато: уг

⁷ Над словом знак: (NB?)

⁸ В тексте описка: Кумишов

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ В рукописи далее закрывающая скобка.

¹¹ Текст: — Доктор Нигилист ~ и Б—лов. — выделен с обеих сторон круглыми скобками и отмечен слева знаком: ?

¹² Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

¹³ Над словом: отчасти — помета, обведенная полукругом: Главное

¹⁴ Далее было: к

<2>

- Откуда взялась фамилья<?>
- Это уж вопросы нескромные.
- Генерал-фельдмаршал Дырочек<ин>.
- Нельзя не сознаться.

Лучше всего пойти в разбойники.

- Будьте добродетельны.

<—> Да что добродетельны.

- Добродетель не скрасит.

— Оно правда, что не скрасит.

Если б спасти Россию взяли бы Дырочки<на>.

Эк чего; конечно! Тогда бы всякий снимал шляпу — «Это, дескать, Дырочкин».²

Э, нет чтоб не знали.

Дырочкин.

Никчорыдов.³

Предки брали делами, а вы благозвучностью.

— Послушайте, да ведь⁴ это всё в старину говорилось.

Нынче люди умные.⁵ <с. 59>⁶

¹ Росчерк пера.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Росчерк пера.

⁴ В рукописи: веть

⁵ Росчерк пера.

⁶ Указана страница тетради Достоевского: РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. Текст вписан, очевидно, после заполнения страницы пробами пера, рисунком (архитектурная деталь) и каллиграфическими прописями: Russie <2 раза>, Moscou, Житие великого грешника, Pete<rsbourg>, Житие величай<шего грешника>, Петербу<рг> <2 раза>, Повесть, Житие <4 раза>, Петербург, Живо<едов>, С.-Пет<ербург>, П, С.-П<етербург>, Ж <6 раз, из них 3 раза начало буквы>, Жит <с росчерком пера>, Живоедов. На соседней <с. 60> пробы пера, архитектурные детали и каллиграфические прописи: Caius Caligula <2 раза>, Moscou <2 раза>, Russie <6 раз>, S, Calig<ula>, St. Petersbourg <3 раза>, Mosc<ou>, St. Pet<ersbourg>, Mo<scou>, St. Petersb<ourg> <за-штриховано>.

Мысль

Ат<еист> женат. Неизвестно зачем женился, но страшно ревнив и мучает жену. NB. Описывается жизнь предварительная, так что и вообразить никто не мог, что он женится, и вдруг он привез жену и запер. Увидать невозможно.¹

Семейство сначала жену возненавидели, но потом калека в нее влюбился (хотят переманить ее).

— Жена невинная и молоденькая как дитя; страшно² его боится;³ «убьет».⁴ Ей наговорили, что убьет.⁵ Наконец решилась и перебежала к ним сверху.

— Они действительно ее не хотят выдать (тем и показывается, что они вовсе у него не в рабстве).

— — Изнасилование влюбленной в него и живущей на дворе хромоножки.⁶ Образованная, дочь пьяного просящего поручика.⁷ Она его ревновала к жене и ненавидела жену его, когда он жил с ней и когда привез жену.⁸ Анонимные письма устроила Хромоножка. Вошла в сношения с Кулишовым. Утверждала, что видела, как он бил отца, при свидетелях. А между тем она действительно видела, только не его, а Кулишова и Князя.⁹ Кулишов же ее и изнасиловал и убил. Опять к воротам. (А с нею, до ее убийства, у него была ссора.) Кулишов тем вывертывается. (Свидетель убийства старика есть.) Жена тоже показывает, что он часто ходил и тосковал. Кулишов не¹⁰ по фальшивому паспорту, но знает острожников и старика-раскольника, доносит.¹¹

¹ NB. Описывается ~ невозможно. — *вписано*.

² В рукописи: Страшно

³ Над строкой было начато: ей

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Ей ~ что убьет. — *вписано на полях под знаком: ×) В тексте такой же знак после слов «боится; „убьет”».*

⁶ Было: горбушки

⁷ Образованная ~ поручика. — *вписано*.

⁸ и когда привез жену — *вписано на полях под знаком: — ×) В тексте такой же знак после слов «с ней».*

⁹ А между тем ~ Князя. — *вписано на полях под знаком: ××) В тексте такой же знак после слов «при свидетелях».*

¹⁰ не — *вписано*.

¹¹ Было: старика-раскольника.

НВ.¹ Кулишов знает виды всего семейства и что все ему должны (стало быть, будут поддакивать), и что жена тоже расположена донести.

— Кулишов с него денег взять хочет. Сцена торга?

— Он, видя, что не оправдаешься, — идет. (Сознается?)² Даже рад всё бросить. Жена. (Есть один Татарский Князек, был должен убитому Капитану; — по его-то наущению и убил.)³ Кулишов. (Но Князь исчез. У него векселя на Князе не все.⁴)

? НВ. (Смерть Кулишова, через Князя.) ?

Поручик, просящий благородной милостыни, отец Хромоножки, был друг покойному убитому Капитану, одной роты, вместе пьянствовали, поклялся, что найдет убийц. Фразер. Принимаем Семейством. Разносит просительные письма.⁵ <с. 7>⁶

2)⁷

Он думал спастись от отчаяния женитьбой.

Но у него была⁸ только ревность и не было страсти.

Рад бы делать преступления.

Так жить нельзя, но куда пойти?

Помешался на Самообладании, после мук ревности, и потому не берет жену, когда та уходит.⁹

— Князь ходил к нему и в преступлении давно уже признался, чего Кулишов не знает.

А когда Кулишов доказывает, Князь вдруг трусит и не является. Князь в это время получает наследство и хочет жениться.¹⁰

¹ Далее круглая скобка, которой выделено последующее предложение.

² Над записью: (Сознается?) — знак: ?

³ Было: убит. В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁴ Было: У него векселя на Князе.

⁵ Поручик ~ письма. — вписано на полях слева и отделено от текста чертой. На полях слева проба пера: S На полях слева и внизу архитектурные детали.

⁶ Указаны страницы тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

⁷ Авторская нумерация; указывает на последовательность записей.

⁸ В тексте описки: были

⁹ Было:

Помешался на Самообладании, после мук ревности.

Не берет жену, когда та уходит.

¹⁰ Князь в это время ~ жениться. — вписано.

Мысль¹ о постепенном самосовершенствовании в подвигах Святых,² поражает его (веры нет). Он хочет совершенствоваться. (Берется за подвиг и падает разом.) Самосовершенствование помаленьку. <с. 8>³

— Я признаю существование матерьи, но я совершенно не знаю, матерьяльна ли матерья?⁴ <с. 3>

<2>

Последняя попытка мысли. 2 февраля / 21 января⁵

— Рос<товщик> сын первой⁶ жены отца из бедного семейства, воспитан *aparte*.⁷ (Неродственно).

— Князь сошелся с ним за границей⁸ (очень молоденькая сестра, мать и воспитанница).

— В Москве у Рос<товщика> дом.

— Князь является (во-1-х, потому что сошелся за границей, как товарищ по Университету и по некоторым как бы родственным связям, во-2-х, поражен наклоном ума⁹ Рос'а, в-3-х, необъяснимою связью Рос'а, за границей, с Красавицей. «Между ними секрет»,¹⁰ — думает он, но,

¹ Слово вынесено на поля слева; остальной текст записан с отступом.

² Было: святых

³ В верхнем правом углу страницы проба пера. На соседней <с. 9> архитектурные детали, пробы пера и каллиграфические прописи: St. P<etersbourg>, Mac-

⁴ Запись сделана в верхней части страницы более темными чернилами, чем остальной текст, относящийся к замыслу «Жития великого грешника» (см. запись «Подпольная идея для „Русского Вестника“»). Такими же темными чернилами сделаны каллиграфические прописи: S, St. Petersbou<rg>, П, Л, Julius Cesar, Петерб<ург>, Петер<бург>, Мос<ква>, Sere, [Мельник], [Петербург], [П], Москва, Петер<бург>, При <правее виньетка>, Мельник<и>, Мельники, С.-Петербур<пр>, [Maromet], Julius, St. Peters<bourg>, С.-Петербург

⁵ На полях сверху помета чернилами другого оттенка: Badergasse 19.

⁶ Далее была запятая.

⁷ *aparté* — на стороне (фр.).

⁸ Далее в рукописи точка, следовательно, оставшаяся часть приписана — вероятно, в процессе письма, а не позднее, так как почерк и чернила те же.

⁹ Было: ума, в

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

думая, ни за что не может допустить,¹ чтоб между ними могла быть серьезная связь).

— Князь делает² брюхо воспитаннице, поручает Рос'у, который и помещает ее в углах.³

(Идея Рос'а и секрет:⁴ «Нужен упорный труд для самовоспитания. Тогда полюбишь природу и найдешь Бога». Но Рос. не может и покамест ростовщик (но прорывает <ся> благодеяниями). Пост — и вдруг у Максима Иванова.)

Нужен труд ужасный; ибо⁵ я⁶ страстный ростовщик и сребролюбец.
? ? ?

Красавица исследует и узнает, что он делает добрые дела втайне — «в 2½ часа застрелюсь».⁷

Подбрасывают младенца.⁸

Меж тем Князь и брюхатая Невеста за него.

Выскочил из вагона.

Выпихнул отца —

видел Князь (а может быть, Красавица).

Сам ростовщик.

С тех пор красави<ца>⁹ следит за ним, и он знает, что она следит.

Но она думает, что ей померещилось.¹⁰ <с. 5>

<3>

¹¹ — Переменить роман мальчик <а; > (побочный сын в семействе).

¹² — Ростовщик — товарищ Князя по Университету (переменить и думать об этом романе).

¹ Было: постичь

² В тексте описки: делают

³ Текст: — Рос <товщик> сын ~ помещает ее в углах. — отчеркнут слева вертикальной линией.

⁴ Была запятая вместо двоеточия.

⁵ ибо — вписано.

⁶ Далее было начато: рост<овщик>

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ На <с. 63> указанной тетради (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8) записано: Говорит «застрелюсь» — подбрасывают младенца. В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Было: невеста

¹⁰ В левой части страницы архитектурные детали и каллиграфические прописи: Je, Julius <2 раза каллиграфически, 1 раз — с элементами каллиграфии>, J <начало буквы>.

¹¹ Знак абзаца. Далее знак: ×

¹² Знак абзаца. Далее знак: ×

¹Пересочинить Картузова, графа выгнали — (скандальная дуэль).

²Ростовщик и Князь знают один за другим какое-то дело.³ (Какое именно?)

⁴И Князь и они <и> от него зависят. Он побочный сын.

Князь относится гордо.⁵ <с. 1>

Попытка Идеи

1) Лизав<ета> Кузьмини<чна> Щиров<ская>.⁶

2) Картузов.⁷

3) Три человека.

Убит не отец, а жена — (толстая, на которой женился из-за денег),⁸ в глазах муж — «я не верю».⁹

У закладчика — отказался от чужой жены.

Князю намекал о сестре его (из яду).

— После объяснений с невестой и после искренней и глубокой мысли идет на ночь к Максиму Иванову. Оргия и убийство.¹⁰

Хочет застрелиться.¹¹

¹ Знак абзаца. Далее знак: ×

² Знак: ×

³ Далее после запятой было начато: и оба

⁴ Знак абзаца.

⁵ Текст «<3>» записан в верхней части страницы. Под ним густо вычеркнутая запись: <нрзб.>. Ниже сделана дарственная надпись рукой А. Г. Достоевской: Эта записная книга Ф. М. Достоевского подарена мною моим внукам, Федору и Андрею Достоевским 28 января 1909 года. Анна Достоевская. Остальную часть страницы занимают расчеты с пометами: «Заря», «Вест<ник>», — а также итогом: 11 листов «Зари» и 6 стран<иц>. В рукописи кавычки отсутствуют. Кроме того, на странице имеются штриховка, пробы пера и каллиграфическая пропись: Заря, У, Д <2 раза>.

⁶ Запись: Лизав<ета> Кузьмини<чна> Щиров<ская>. — зачеркнута. Эта же запись и заголовок «Попытка Идеи» связаны соединительной линией.

⁷ Текст: 1) Лизав<ета> ~ Картузов. — вписан в верхнем правом углу страницы.

⁸ Над строкой было: Отец его был ростовщик, а не он.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ — После объяснений ~ Оргия и убийство. — вписано.

¹¹ Росчерк пера.

Прощание поэта с жизнью и «не верю»¹ (блестящая глава).

О Боге, природе и жизни Ростовщик.

Невеста — пришла навестить подругу² —³ жену умирающего поэта-труженика.⁴

Ростовщик говорит невесте: «Бросить имение и идти искушаться в страдании, ибо я не атеист, а верую».⁵

— Она ему: «Если пойдете — и я с вами».⁶

— Тогда он, не веря, в награду если пойдет (ибо атеист),⁷ решает расстаться⁸ с имением иначе, т. е. застрелиться. Суд за жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостью. (NB. Даже зная, что другой виноват, а не он.)

2-й человек. Князь — завистливый, желающий высокого человеческого достоинства даром, гордый без права на то, лицо страдальческое; влюблен в невесту, которую и отбивает у него Ростовщик. (NB. Он сделал брюхо и девушку с брюхом передал учителю.⁹

Невеста. Усталая, тоскующая и скучающая¹⁰ страдальца, жаждет живой жизни и верит в нее.

3-й человек. Учитель, подкидывание детей, простой, живой и великий подвиг. <с. 2>¹¹

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Росчерк пера.

³ Тире вписано над словом «жену».

⁴ Росчерк пера, по начертанию напоминающий фигурную скобку.

Под строкой вычеркнуто: Невеста

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ В рукописи запятая перед «ибо» (оставшаяся невычеркнутой в процессе правки), скобки вписаны.

⁸ Было начато: з<астрелиться;>

⁹ Текст: (NB. Он сделал ~ передал учителю. — вписан.

¹⁰ В тексте описка: скучающия

¹¹ В центре страницы и слева от текста архитектурная деталь со штриховкой (правее в тексте — элемент архитектурной детали) и каллиграфические прописи: Je vous, Достоевск<й> <с росчерком пера>, Je <2 раза>, Julius Cesar <запись с элементами каллиграфии, под ней виньетка>, Julius Cesar <2 раза>, Julius, Поэт <2 раза>, Julius Ces<ar>, J, Петербург, Петер<бург>

ИДЕЯ РОМАНА. 16/28 февраля <18>70

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЫСЛЬ. ИМЕТЬ В ВИДУ¹

РОМАНИСТ (писатель). В старости, а главное от припадков, впал в отупение способностей и затем в нищету. Созная свои недостатки, предпочитает перестать писать и принимает на бедность. Жена и дочь. Всю жизнь писал на заказ. Теперь уже он не считает себя равным своему прежнему обществу, а в обязанностях перед ними. Критики, которые он, однако, про себя говорит *подлецам* (ниже всех будто бы; в результате же выше всех). Эпизоды из своей бывшей жизни, как бы в назидание детям и проч. Публичные лекции. О том, как он много идей выдумал и литературных, и всяких. Тон — как будто насмешки над собой, но про себя: «А ведь это так». Как его и дети, и жены, и М<айко>вы <и> считают за ничто. Как подают ему Т<ургене>в, Гончар<ов>, Плещеев, Аксаков, поругался с С<алтыковы>м. Как про себя вдруг написал превосходное произведение. Слава и деньги. — И проч. и проч. NB. Тема богатая.² — Ну, положим, с Графом Л. Толстым или с Г<осподином> Тургеневым (NB. Никогда с просто Тургеневым без Г.) не равняю; даже с другим Графом Толстым не равняю, но реалист Писемский — это другое дело! Ибо это вовдевил французский, который выдают нам за русский реализм.

NB. О Скоротечности жизни и рассказы — поэтическое представление вроде Сна Обломова о Христе — (и про себя потом: Это стоит по 200 руб. с листа, а я им это даром, а они думают, что мне благодетельствуют).

— О направлениях и идеях, бывших в литературе. <с. 54>³

<ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА>

<1>

31-е июля.
Флоренция.

Детство.
Дети и отцы, интрига, заговоры детей, поступление в пансион и проч.

————— <с. 131>⁴

¹ Помета: ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЫСЛЬ. ИМЕТЬ В ВИДУ — вписана чернилами другого оттенка.

² Тема богатая. — заключено в рамку.

³ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

⁴ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. На странице также содержатся наброски к роману «Идиот» (см. с. 250).

Подпольная идея для «Русского Вестника» — 14/2 ноября¹

Я <и>, семейство, с детских лет, Москва, всё ему обязано. Рост. Чермак, первый, — последний, обвинение во всем. Молчит и угрюм, кормит семью. Все от него зависят. Молчит. Все тяготятся. Та, которую он полюбил (раз поговорила с ним по душе), вышла за его брата. Брат вдруг лишился здоровья. Все на него глядят с трепетом. Он молчит и благодетельствует. Ему, например, дали пощечину. Он не вызвал. В семействе не смеют смеяться. Кончить трагедией². <с. 3>³

20/8 декабря. Житие великого грешника.

- Накопление богатства.
- Зарождающиеся сильные страсти.
- Усиление воли и внутренней силы.⁴
- Гордость безмерная и борьба с тщеславием.
- Проза жизни и страстная вера, непрерывно ее побеждающая.
- «— Чтоб все поклонились, а я прощу».⁵
- Чтоб ничего не бояться. Жертвы жизнию.
- Действие разврата; ужас и холод от него. Желание всех мара-
рать.
- Поэзия детских лет.
- Обучение и первые идеалы.
- Тайно выучивается всему.
- Один, ко всему приготовиться. (Всё готовится непрерывно к чему-то; хотя и не знает к чему — и странно — об этом мало заботится⁶ к чему, как будто совершенно уверен, что само найдется.)⁷
- Или рабство, — или владычество.

¹ Было начато: ок<тября> В рукописи кавычки отсутствуют.

² Далее знак: /// —

³ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. На странице также содержатся наброски к замыслу «<Роман об атеисте (ростовщике)>», каллиграфические прописи, пробы пера и расчеты (см. с. 383).

⁴ Справа от текста знак: — ×

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

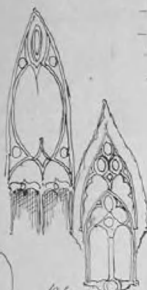
⁶ В тексте описка: заботиться

⁷ (Всё готовится ~ само найдется.) — вписано и отчеркнуто снизу.

20/ декабря Житие великого страдника,

- Наказание болящих.
- Заручающийся селенный отродом.
- Усиление боя и взыскания сил. — X
- Возврат болящих в ботву и тифозный.
- Проза жизни в тифозном боту, тифозном и тифозном.
- Тифоз в тифозном, и в тифоз.
- Тифоз в тифозном, тифозном и тифозном.
- Тифоз в тифозном, тифозном и тифозном.
- Тифоз в тифозном, тифозном и тифозном.

Maccary

Всего

[illegible][illegible]

Наброски к художественному замыслу «Житие великого грешника».

Российская государственная библиотека. Москва.

Верует. И только. Неверие в первый раз — странным эпизодом и только в монастыре организуется.¹

Хроменькая. Катя. Брат Миша. Украденные деньги. Претерпел наказание. Бесстрашие. Нива. «Не режь меня, дядинька».² Любовь к Куликову. Иоган. Брутилов. Француз Пуго. Ругает Брутилова. Учится. Водолаз. Albert. Шибо. Причащение. Albert в Бога не верит. Старички. Любит втайне многое и держит про себя. Его называют извергом и держит себя извергом. NB.³ Страстное желание удивлять всех неожиданными наглыми выходками?⁴ Но не из самолюбия. Наедине.⁵ Старички. Песни. «Therese-Philosophe».⁶ Иоган. Брин, Брутилов — Брат, Albert. Друзья, и мучает друга, отталкивает. Друг смиренный, добрый и чистый, перед которым он краснеет. Воспитание себя мучениями и накопление денег. — Humboldt.

Ему тотчас объявляют, что он им не брат. Сходится с Куликовым. Докторша. Представляется ему в каком-то сиянии. Страстное желание огадиться, опакоститься в ее глазах, а не понравиться. Случилось Воровство. Его винят, он не оправдывается, но дело становится ясным. Сведеный брат украл. <с. 8>⁷

Неуважение к окружающим людям, но еще не по рассудку, а *единственно по гадливости к ним*:⁸ Сильная и всегдашняя черта.⁹ Много гадливости. «Ем виноград».¹⁰ Его бьют и секут за гадливость.¹¹ Он только заключается в себя и ненавидит еще более. — Высокомерное презрение к гонителям и скорость приговоров. Необыкновенная скорость приговоров обозначает сильную страстную исключительность. Начинает чувствовать, что¹² не надо скорых приговоров и что для этого нужно усиление воли.¹³

¹ Верует ~ организуется. — *вписано*.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ NB — *вписано*.

⁴ Было: выходками.

⁵ Но не из самолюбия. Наедине. — *вписано*.

⁶ Должно быть: Thérèse-Philosophe. В рукописи кавычки в названии отсутствуют.

⁷ Указаны страницы тетради Достоевского: РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. <С. 8> помещаем ранее <с. 7>, так как на последовательность записей указывают заголовок с датой на <с. 8>, а также содержание текста и характеристики почерка. На странице архитектурные детали и каллиграфические прописи: X, Ж <начало буквы>, Массачу<сечс>

⁸ Было: к ним.

⁹ Сильная и всегдашняя черта. — *вписано на полях под знаком: ×) В тексте знак: × — после слов «к ним»*.

¹⁰ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹¹ Далее знак: L

¹² Далее было: надо

¹³ Начинает чувствовать ~ усиление воли. — *вписано*.

Начало широкости.¹

— Ложь, топ² мушвар.

Аркашка и французские разговоры.

Аркашка, Брутилов и он особняком.

Матушкины дети у Сушара и у Чермака (их гадливость от глупости).³

NB. У Сушара только Брутилов и его история; всего две главы. Конечно, что побил Сушара. Начало Albert'a.⁴

Пансион. В доме — несправедливое наказание. Экзамен.

В деревне. Самоотвержение. Катя.

В городе и в Пансионе удивляет своим зверством. Lambert.⁵

Подвиги —⁶ бежать с Катей. Куликов, с ним. Убийство.

— Не прощает ничего ложного и фальшивого и бессмысленно, тотчас же пускается бить.

— Долго не верил Кате, потом испытывал ее и наконец испугал срамом.

— Сила воли — главное себе поставил.

— После Куликова идет тотчас же спрашивать о Хроменькой. Тут-то его и поймали.

В деревне докторша в него влюбляется.

Поймал ее с любовником.

Докторша, Альфонский — характеры. <с. 7>⁷

— Ничего авторитетного.

— Зародыши сильнейших страстей телесных.

— Наклонность к безграничному⁸ владычеству и вера непоколебимая в свой авторитет. Горы сдвигать. И рад испытывать свою мощь.

— Борьба — вторая природа. — Но спокойная, не бурливая.

— Презирает ложь от своей семьи.⁹ <с. 6>

¹ Начало широкости. — *вписано на полях слева от текста*: — Ложь, топ мушвар. — *и заключено в рамку*.

² мой (фр.).

³ Матушкины дети ~ от глупости). — *вписано на полях*.

⁴ Начало Albert'a. — *вписано под текстом*: NB. У Сушара только Брутилов и его история. С новой строки записано и вычеркнуто: В деревне.

⁵ Было: Куликов и

⁶ Подвиги — *вписано на полях*.

⁷ На странице архитектурные детали и их элементы, пробы пера и каллиграфические прописи: С, И <3 раза>, П, Д, Иудей, Ипо

⁸ Было: бескра<йнему>

⁹ Записи с элементами каллиграфии. На странице также имеются наброски к роману «Бесы», перечеркнутые наброски письма к Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1870 г., расчеты и каллиграфические прописи: С.-Петербург, Русский <8 раз каллиграфически, 1 раз — с элементами каллиграфии и с росчерком пера>, Русский

НВ. Совершенно обратный тип, чем измельчившийся² до свинства³ отпрыск того благородного графского дома, которого изобразил Т<олстой> в «Детстве» и «Отрочестве».⁴ Это просто тип из коренника, бессознательно беспокоимый собственно типическою своею силою, совершенно непосредственною и не знающею, на чем основаться. Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи, или доходят до всей хлыстовщины и скопчества. Это необычайная,⁵ для них⁶ самих тяжелая непосредственная сила, требующая и ищущая, на чем устояться и что взять в руководство, требующая до страдания покою от бурь и не могущая пока⁷ не буревать до времени,⁸ до успокоения.⁹ Он устает наконец на Христе, но вся жизнь — буря и беспорядок. (Масса народа живет непосредственно и тихо¹⁰ коренником, но чуть покажется в ней движение,¹¹ т. е. простое жизненное отправление,¹² — всегда выставляет¹³ эти типы.) Необъятная сила непосредственная, ищущая покою, волнуемая до страдания и с радостью бросающаяся во время исканий и странствий — в чудовищные уклонения и эксперименты до тех пор, пока не установится на такой сильной идее, которая вполне пропорциональна¹⁴ их¹⁵ непосредственной животной силе, — идее,¹⁶ которая до того сильна, что может¹⁷ наконец организовать эту силу и успокоить ее до елейной тишины.¹⁸ <с. 22>¹⁹

Ве<стник>, Мо, М <начало буквы>, Москва <4 раза>, Русский Вестник <4 раза>, Ничего, Ничег<о>, Русс<кий>, Русский Вест<ник>, Петербург, Заря <3 раза>, Москв<a>, Пе, Петерб<ург>

¹ Дата вписана.

² Было: прогнивший

³ измельчившийся до свинства — вписано.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Было: Необычайная

⁶ них — вписано.

⁷ пока — вписано.

⁸ Было вписано: до срока

⁹ до времени, до успокоения — вписано.

¹⁰ Первоначальный незачеркнутый вариант: складно

¹¹ Было: покажется брожение и движение

¹² т. е. простое жизненное отправление — вписано.

¹³ Было: выставливающая

¹⁴ В тексте описки: пропорционала

¹⁵ Слово «их» вычеркнуто и написано снова.

¹⁶ Вместо: — идее — было: и

¹⁷ Далее было: успокоить

¹⁸ В тексте описки: тишины

¹⁹ Записи <с. 22> помещены здесь по смыслу — как продолжение характеристики художественного типа, см. <с. 6>. Текст дважды от-

У Старичков. С стариком чтение Карамзина. Арабские сказки. О Суворове и проч. О процентах. Оскорбил молодую старуху. «Проси прощения», «не хочу». Запирал их. Смерть.¹ Анна и Василиса бежали. Продали Василису. — Последнее причастие. Первая исповедь. Гадливость: «Есть ли Бог<?>». ² Библия и чтение.³

2 янв<аря>⁴

Расшиб нарочно зеркало.

Решается молчать и не говорить ни слова.

— Св<ятая> мать: «К чему вы из себя выказываете жертву<?>»⁵ (идеальное и странное создание).

— Отец Аль<фонски>й. (Речи его сыну и запросы).⁶

— Чувство разруш<ения>.⁷

— Сладострастие (хочет на этом ждать до денег).⁸

— И огромный замысел владычества — (непосредств<енные> чувств<а>) сказываются в нем так сильно, что он чувствует себя не в состоянии, сам, подладиться под этих людей.⁹

Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну.

НВ. — Бегство с девочкой и разбойник Куликов сейчас по переходе от Сушара к Чермаку. (Факт, производящий на него потрясаю-

черкнут слева карандашом серого и синего цвета. В верхней половине страницы находятся пробы пера, архитектурные детали и каллиграфические прописи: Ж, Житие, Живорезов. На соседней <с. 21> архитектурная деталь со штриховкой и элемент архитектурной детали.

¹ Далее было начато: Ан<на>

² В рукописи в данном абзаце кавычки отсутствуют.

³ Далее фигурная скобка. Текст: У Старичков. С стариком чтение Карамзина. ~ Библия и чтение. — помещается вместе с остальными записями на <с. 9> (в Акад. ПСС — отдельно от них, см.: Т. 9. С. 127—128), так как записан теми же почерком и чернилами.

⁴ На полях вдоль страницы запись карандашом рукой А. Г. Достоевской: Материалы для ром<ана> «Подросток».

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ (Речи его сыну и запросы.) — вписано.

⁷ В рукописи запятая.

⁸ (хочет на этом ждать до денег) — вписано.

⁹ В рукописи запятая и, с отступом, точка. Текст: сказываются ~ под этих людей — приписан к словам «(непосредств<енные> чувств<а>)». Скобки остались невычеркнутыми. На полях слева от текста: И огромный замысел ~ под этих людей. — запись: Сколько надо знать наук (разговаривает с Ванькой).

щее действие и несколько сбивший его самого с толку, так что он чувствует естественную необходимость сжаться внутри себя и пообдумать, чтоб на чем-нибудь установиться.)¹ (Устанавливается² все-таки на деньгах.)

О Боге пока не думает.³

— После Куликова он и в семействе и в пансионе как бы смирен (чтоб обдумать и найти себя,⁴ установиться).⁵

— Но нелюдим и необщителен. Молчание кончается через полтора года признанием о Куликове,⁶ да и не может быть иначе, помня и зная за собой такой ужас и смотря на всех остальных детей, например, как <на> нечто совершенно себе чуждое и от которого⁷ он далеко отлетел в сторону, в худую или в хорошую. — Кровь иногда его мучает. Но и
главное:

Не одно это уединяет его от всех, а именно мечты о власти и непомерной высоте⁸ над всем.⁹

NB. Сбивают его с этой высоты науки, поэзия и проч., т. е. в том <с. 9> смысле, что это выше и лучше и что надо, стало быть, чтоб и в этом он был выше и лучше. <с. 11>

ГЛАВНОЕ. Смысл первой части — колебание, ненасытимость замысла, только готовит себя, но странно уверен, что всё само придет: <де>нги разрешают все вопросы,¹⁰ инстинктивное сознание превосходства, власти и силы. Искание ?¹¹ точки твердой опоры. Но во всяком случае человек необыкновенный.¹² <с. 9>¹³

¹ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

² Под словом: Устанавливается — знак, обведенный полукругом: NB

³ О Боге пока не думает. — вписано на полях.

⁴ Слова: найти себя — заключены в рамку.

⁵ В рукописи текст не дописан: установиться;

⁶ Молчание кончается ~ о Куликове — вписано на полях под знаком:
×) В тексте знак: × — после слова «необщителен».

⁷ Было: над которым

⁸ В тексте описка: высоты

⁹ На полях слева от текста: Не одно это уединяет ~ над всем. — записи: (увлекается чем-нибудь ужасно, Гамлетом н<а>прим<ер>). Жители луны. На полях слева от абзаца: NB. Сбивают его... — начато: Есл<и>

¹⁰ только готовит себя ~ все вопросы — вписано на полях под знаком:
×) В тексте знак: × — после слов «ненасытимость замысла».

¹¹ Так в рукописи. Было: силы, искание

¹² ГЛАВНОЕ ~ человек необыкновенный. — приписано на нижнем поле <с. 9> и отделено от основного текста горизонтальной линией.

¹³ На <с. 10> (образующей со <с. 9> разворот) архитектурные детали и каллиграфические прописи: Хр, Антоний, Петерб<ург>, S <и>, П, Напро<тив>, X <2 раза>, Хромень<кая>

— Но сомнение разрешает всегда исход денег и накопление богатств. Или лучше: Ни одна мечта о том: чем быть и к чему он призван, не мешала накоплению богатств.¹

Картины (коровы, тигры, лошади и проч.).² Насчет взбесившейся лошади или пожара.³ (Продает лакеям.)

Отец высек его — разрыв — «Я вас не считаю своим отцом».⁴

— Продает лакеям, — за это в общем презрении, но

— Находит бумажник — уважение, которое⁵ и приобретает окончательно Экзаменом, — он было поддается.

Но после этого история со срамом Кати и потом адский разгул с Albertom, злодейство и кощунство и донос о себе в убийстве с Куликовым — *прямо в бездну*. Монастырь.

— Хотя деньги и страшно его устанавливают на известной *твердой* точке и решают *все* вопросы, но иногда *точка* колеблется⁶ (поэзия и много другого) и он не может найти выхода. Это-то состояние *колебания* и составляет роман.

— Усиление воли, раны и сожигания — гордость его питают. Ко всему быть готовым хочет.

— Деньги положил наживать честным путем. Колебание над бумажником.

— NB.⁷ — Так как многое его иногда *трогает* сердечно, то он, в страшном припадке злости и гордости, бросается в разгул. (ЭТО ГЛАВНОЕ.)

— Отчужденности помогало и то, что и все на него смотрели как на эксцентрика с насмешками или со страхом.⁸

— Пробитая голова (*pantalons en haut*),⁹ болен. Потом Чермак оставил его. (Манго.)

NB. — Достиг, например, процессом мысли, что потому не надо *не* честно, что, действуя и *честно*, он еще *даже* *лучше* наживет деньги, потому что богатым все льготы на всякое зло и без того даны.

— Albert и он срывают звезду с венца и бегут удачно¹⁰ (подбил он). Но когда Albert стал кощунствовать, он стал его бить. А потом сам провозгласил себя перед судом атеистом.

¹ Или лучше ~ богатств. — *вписано*.

² Картины ~ и проч.). — *вписано на полях вверху*.

³ Насчет ~ или пожара. — *вписано на полях*.

⁴ Отец ~ своим отцом». — *вписано. В рукописи кавычки отсутствуют*.

⁵ Было: который

⁶ Было: колеблется. *Далее дописано и вычеркнуто: и он*

⁷ *Далее дважды знак: ×*

⁸ Было: с насмешками.

⁹ засученные брюки (*фр.*).

¹⁰ *От слов: он еще даже лучше наживет — к данному месту проведена черта.*

— Мысль: Что можно еще выше достигнуть власти, лстя как фон Брин.

«Но нет, — думает он, — хочу достигнуть того же не лстя».¹
<с. 11>

— «Я сам Бог»² <—> и заставляет Катю себе поклоняться. Бог знает что с ней делает. «Тогда полюблю, когда всё сделаешь».³

— В отклонениях фантазии мечты бесконечные, до ниспровержения Бога и постановления себя на место его (Кулишов сильно влиял).

*Задача temento.*⁴ 1-й Акт. Первое де<т>ство.

Старик и старуха.

2-й) Семейство, Сушар,⁵ бегство и Куликов.

3) Чермак — Экзамен.

4) Деревня и Катя, разгул с Albertom.⁶

20 дет<ство> ,

20 монаст<ырь> ,

40 до ссылки,

20 Ссылка и сатана,

40 подвиги.⁷

— Гадливость к людям с самого первого детского сознания — из страстности гордой и владычествующей натуры. Из презрения же:

— «Возьму нахрапом, не стану унижаться до Бринской лести и ловкости».

И это тоже от гадливости к людям и от презрения к ним с самых детских лет.

— «О, если б я взял на себя роль такого лстеца, как Брин, — чего бы я не достиг!»

И начинает иногда рассуждать: «Не сделаться ли лстецом? (об этом с Хроменькой советуется). Это тоже сила духа — *выдержать себя лстецом*. Но нет, не хочу, гадко — к тому же у меня будет оружие <—> деньги,⁸ так что они волей-неволей и хочешь не хочешь подойдут все ко мне и преклонятся».

¹ В рукописи кавычки отсутствуют. Далее было начато: Я сам На полях слева архитектурная деталь.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Бог знает ~ всё сделаешь». — вписано и выделено слева круглой скобкой.

⁴ помни (лат.).

⁵ Сушар — вписано.

⁶ Слева вдоль текста: 2-й) Семейство ~ разгул с Albertom. — помета: Найти общий <Было: общую> пропорционал.

⁷ Текст: 20 дет<ство> ~ 40 подвиги. — объединен слева фигурной скобкой.

⁸ деньги — вписано.

— С Куликовым силу духа выказывает. — Тот его не режет, а отпускает, а беглого солдата,¹ разбойника, зарезали вместе.

— Если б кто подслушал его мечты, то он бы, кажется, умер; но Хромоножке во всем открывается.²

— Что ни прочтет, то передает своеобразно Хроменькой.

— «Пощечина есть величайшая обида». Кровью.

— Первая организовавшаяся мечта о значении денег.

— Хроменькая хранит тайну из всего, что он говорит ей, и странно — это делает она сама собою, без его приказанья, деликатно³ поняв, так что он в большей части случаев и не напоминает ей о необходимости хранить тайну.

Хроменькая не соглашается быть атеисткой. Он ее за это не бьет. <с. 12>⁴

— Один, но подробный психологический анализ, как действуют на ребенка произведения писателей, н<а>п<ример> «Герой нашего времени».⁵

— Негодование ребенка на приезжающих гостей, на те откровенности и дерзости, которые они себе позволяют (Увар). «Как они смеют?» — думает ребенок.⁶

— Падение стариков.⁷

— Театр. «Сядь ко мне на колени».⁸

Секут за гадливость.⁹

¹ Было: Орлова

² Текст объединен фигурной скобкой. На полях слева запись:

13

2

[27]

12

3

5

35 лет

назад —

родился в 1835 году.

³ Далее было начато: поняв, т<ак>

⁴ В центре страницы архитектурная деталь, на полях слева внизу элемент архитектурной детали, на полях слева вверху каллиграфическая пропись: Red

⁵ Слева от текста знак: — × В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Слева от текста знак: — ×

⁷ Слева от текста знак: — ×

⁸ Слева от текста знак: — × В рукописи кавычки отсутствуют.

⁹ Слева от текста знак: ×

— Когда переходит с Хроменькой к Ал<ьфонски>м, говорит ей, чтоб об Гоголе и из нашего, о путешествиях ничего.

— Он ужасно много читал (Вальтер-Скотта и проч.).

— У Альфонск<ого> — не братья. Ему дают знать.

— Представляется грубым, неразвитым и дураком.

— С Лакеями.

А<льфонска>я возбуждает мысль, чтоб не вместе с детьми.¹

— У Сушара. Альф<онски>й сечет его. Оказывается, напрасно.

А<льфонска>я выдумала. Бегство. С Куликовым. — Поймали.

— Гость: позвать его. Экзаменует его. Мысли откровенные. Гость удивляется.

— Дом горит, или что-нибудь — болезнь.²

— А<льфонски>й говорит речи.

— У Чермака. Развитие, Чтение, Экзамен.

После Экзамена Альфонская влюбляет. Альфонский допрашивает. За Хроменьку. С Катей. Нива — Семейные сцены. — Альфонский, его друг, пощечина³ <—> в Москве Lambert.

О Классическом образовании у Чермака. (Гер Тайдер.) <с. 13>⁴

НЕ ОТ СЕБЯ ЛИ РАССКАЗ? 24/12 января⁵ <с. 23>

27 января

Его поражает, что все эти люди (большие) совершенно верят в свою чепуху, и гораздо глупее и ничтожнее, чем кажутся снаружи

(один из ученых гостей, падает, запивается и с цыганками в Марьиной роще).

Полоса неверия в Бога. NB. Непременно о том, как действовало на него Евангелие. Согласен с Евангелием.

Главное покамест свое Я и свои интересы. Философические же вопросы занимают его, насколько его касаются. <с. 13>⁶

¹ А<льфонска>я ~ с детьми. — вписано.

² — Дом горит ~ болезнь. — вписано.

³ — Альфонский, его друг, пощечина — вписано.

⁴ Далее записи от 27 января 1870 г. чернилами другого оттенка (см. ниже).

⁵ На странице также содержатся наброски к роману «Бесы» и каллиграфические прописи: Славянофилы, Сочин, Дос, Славянофилы и Западники <2 раза>, Москва и Петербург, Москва и П<етербург>, Москва и Пе<тербург>

⁶ На полях слева внизу элемент архитектурной детали. На <с. 14> (образующей со <с. 13> разворот) архитектурные детали, декоративный рисунок, проба пера и каллиграфические прописи: Lambert <с

1)¹

Первые страницы. 1) Тон, 2) втиснуть мысли художественно и сжато. Чтоб в каждой строчке было слышно: я знаю<, > чт<о> я пишу<, > и не напрасно пишу.²

НВ. Тон (рассказ-житие — т. е. хоть и от автора, но сжато, не скупясь на изъяснения, но и представляя<я> сценами. Тут надо гармонию). Сухость рассказа иногда до «Жиль Блаза».³ На эффектных и сценических местах — как бы вовсе этим нечего дорожить.⁴

Но и владычествующая идея жития чтоб видна была, — т. е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею, и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива, что житие — вещь до того важная, что стоило начинать даже с ребяческих лет. — Тоже — подбором того,⁵ об чем пойдет рассказ, всех фактов,⁶ как бы непрерывно выставляется что-то⁷ и непрерывно постановляется на вид и на пьедестал будущий человек.

ГЛАВНОЕ НОТА-БЕНЕ: Деньги он стал собирать с идеей неясной, но идея эта всё утверждалась и доказывалась ему дальнейшим ходом дела. Главнейший же толчок был — переселенье к Альфонскому.⁸

1) Поймали мышь.

Хроменькая.

Старики.

Няня, мытье, орден на шее — и на покой.⁹

росчерком пера>, Достоев<ский> <2 раза, с элементами каллиграфии, с росчерком пера>. Кроме того, пометы: 10 февраля, 15 <февраля>, 22 февр<ая>, 22 ФЕВРАЛЯ НАЧАТЬ ВЫСЛАТЬ <заключено в рамку>, 27 января.

¹ Авторская нумерация; указывает на последовательность записей.

² Чтоб в каждой строчке ~ не напрасно пишу. — вписано на полях сверху.

³ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁴ На полях слева от текста запись: ПЕРВАЯ

⁵ Слово «того» вычеркнуто и написано снова.

⁶ Далее вычеркнуто тире.

⁷ Слово заключено в рамку.

⁸ Текст: ГЛАВНОЕ НОТА-БЕНЕ ~ переселенье к Альфонскому. — введен чертой. После слов «переселенье к Альфонскому» знаки «крест с тремя горизонтальными линиями» и: = Такие же знаки в обратной последовательности записаны в начале текста на <с. 15>. Указывают не на порядок записей на <с. 16—15> (так как текст «ГЛАВНОЕ НОТА-БЕНЕ ~ переселенье к Альфонскому» не является последним записанным на <с. 16>), а на их тематическую связь.

⁹ орден на шее — и на покой — вписано.

Анна и Василиса бежали.¹

Последнее причащение (итальянец из кармана деньги²) — первая мысль.

Учитель (пьяный).³

Первая исповедь, «что у него там в ящичках и в чаше<?> Есть ли Бог?»⁴

Черта обратить.⁵

Битье Хроменькой.⁶

Мертвый у забора. Кильян.⁷

Василису продали.

Проценты и разговоры с гостем.

Чтения. О Суворове. Арабские сказки. Мечты. Умнов и Гоголь — (Хроменькая смеется).

— Старик и старуха всё больше и больше слабеют, запирали их. Напился пьян. Украли вместе с мальчиком.⁸ Избил его.⁹ Драться с старшими мальчиками. — Полный разврат.¹⁰

Мечты о силе воли. Умнов¹¹ (подглядывает голых, посягает на Хроменьку).¹² Хроменькую бьет, чтоб дралась с мальчиками. Та и высокочила бы, но ее отколотили и она плакала.¹³

НВ) Когда старики умерли — ему 11 лет, а Хроменькой десять.

— Альфонский. — Старик и старуха. Смерть. Он к Хроменькой речь, как держать себя.

— Прежде того: Дразнили барыню — напали, их¹⁴ затащили в дом, высечь.

¹ Текст: 1) Поймали мышь. ~ Анна и Василиса бежали. — вписан слева от текста: ГЛАВНОЕ НОТА-БЕНЕ ~ переселенье к Альфонскому.

² Слова: (итальянец из кармана деньги) — связаны соединительной линией с текстом: ГЛАВНОЕ НОТА-БЕНЕ ~ переселенье к Альфонскому.

³ Было: Учитель. Помета: (пьяный) — приписана.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Текст: Няня ~ Черта обратить. — объединен слева фигурной скобкой, возле которой написано: Когда я буду большой.

⁶ Битье Хроменькой. — вписано на полях.

⁷ Кильян. — вписано чернилами более светлого оттенка.

⁸ вместе с мальчиком — вписано.

⁹ Далее фигурная скобка.

¹⁰ Драться ~ Полный разврат. — вписано и отчеркнуто. Далее было начато: Дразнили барыню, их

¹¹ Умнов — вписано.

¹² Далее знак: ×

¹³ Хроменькую бьет ~ и она плакала. — вписано в нижнем правом углу страницы и соединено линией со знаком «×», указанным в тексте.

¹⁴ В тексте описка: из

Жаловаться. Струсил. (Струсил сам, а мальчика избил.)¹

Первое столкновение, бросился бить господина с орденем.

«Я никогда не струшу».

— «Я выучусь не трусить».²

— Порезал себя для пробы.

— Преподавание от мальчика еб—и. («Therese-Philosophe» — избил его за это, а книжку удержал у себя.)³

Начал собирать деньги.

Копить (сообщает Хроменькой).⁴

Хроменькую взяли в дом А<льфонс>ких раньше. Тот, как пришел, сейчас ее допрашивает. (Наставление ей: «Об Гоголе не рассказывай и ничего из нашего».)⁵

1-я часть: Мальчик дикий, но ужасно много о себе думающий.
<с. 16>⁶

II)⁷

Об чем он говорит с Хроменькой?⁸ Обо всех своих мечтах. «Когда я буду большой. Я женюсь не на тебе».⁹ Так что не надо говорить:⁹ Он мечтал о том-то, но он шел к Хроменькой и говорил ей то-то.

Об том, чем он будет, и о деньгах. Бил ее за то, что не нарастили деньги.

О чтении Карамзина, сказок и прочее ей говорил.¹⁰ По-французски и по-немецки учили молодая, старушка и проч. Ходили учиться к другим детям. (Там над ним смеялись.)¹¹ Хроменькая: а я расскажу, как ты говорил, что будешь королем (или что-нибудь смешное) — режет ее за это.¹²

¹ Жаловаться. ~ избил.) — вписано в два приема. Записи: Жаловаться. Струсил. и (Струсил сам, а мальчика избил.) — соединены линией.

² В рукописи в обоих случаях кавычки отсутствуют. Справа от текста: «Я никогда ~ не трусить». — фигурная скобка. Правее упомнутая запись: (Струсил ~ избил.)

³ Было: («Therese-Philosophe» — избил его за это.)

⁴ Слева от слов: (сообщает Хроменькой) — фигурная скобка.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ На полях слева вдоль основного текста запись: Всё это втиснуть в 4 листа (maximum). <с. 16> помещаем ранее <с. 15> на основании нумерации Достоевского (<с. 16> — «I»), <с. 15> — «II»).

⁷ Авторская нумерация; указывает на последовательность записей. Железные знаки: = и «крест с тремя горизонтальными линиями».

⁸ В рукописи кавычки отсутствуют. «Когда я буду большой ~ не на тебе». — вписано. Текст: Я женюсь не на тебе — отчеркнут с обеих сторон вертикальными линиями.

⁹ В рукописи двоеточие отсутствует.

¹⁰ ей говорил — вписано.

¹¹ (Там над ним смеялись.) — вписано.

¹² Хроменькая ~ за это. — вписано на полях сверху.

— Что Хроменькая не воспламенялась Карамзиным —¹ он ее бил.

— Всю² Библию знал — ей говорил.

— Всемирная история — из Географии — плох.

(Мечты о путешествиях, Кук с Хроменькой.)

Читали романы.

(NB. Он сильно развит и много кой-чего знает. Гоголя знает и Пушкина.)

Встречается Умнов и доказывает ему, что больше³ его знает. Воротясь домой, он говорит Хроменькой, что Умнов дурак и ничего не знает<, > и прибил Хроменьку<ю>, а затем увивает<ся> за Умновым.⁴

— Никогда не нежничает с Хроменькой до самого того времени, как нес ее на руках.

«Сделайте это — обрежьте, я не желаю, чтоб вы учились с моими детьми».⁵

— Когда старички очень напивались и валялись, то Хроменькая над ними плакала. Он сначала ее бил, но потом перестал.

— Зарезали гуся.

Библия. Иаков поклонился три раза. Сливают<ся> с библией. Хроменькая смеется.

— Привычка ее бить; не хотел поцеловать ее.

(NB. Хроменькая не замерзла. Ее нашли. Но она исчезла из дома Альфонских.)⁶

Беспрерывная мысль его, как стал себя помнить: «Чем я буду и как это всё сделаю».⁷

Потом сомнение: «Одна ли власть⁸ всего стоит и нельзя ли быть рабом всех сильнее».⁹

Стал упражнять силу воли. Укусили¹⁰ страсти.¹¹

Lambert и он — полная картина разврата. Но Lambert упивается им и не находит ничего выше. Национальное легкомыслие.

¹ Знак тире вписан.

² Было начато: О

³ Было: большого

⁴ Встречается Умнов ~ за Умновым. — вписано и отчеркнуто снизу.

⁵ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁶ Скобки охватывают обе строки.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ Далее была запятая.

⁹ В рукописи кавычки отсутствуют.

¹⁰ Было: Кусили

¹¹ Укусили страсти. — вписано.

А он входит в разврат хотя и с неотразимым желанием, но и со страхом. Пустота, грязь и нелепость разврата поражают его. Он бросает всё и после ужасных преступлений с горечью предаёт себя сам.¹ <с. 15>

1²

— Лакей Осип — сначала взят в дом, тешит их рассказами, веселым характером. Засек А<льфонски>й брата Осипова, потом взял Осипа и свез в рекрутское присутствие. Тотчас же Осип бежал (он же и Кулишов). Убили Орлова. Расстаются. Кулишов (Осип) отпустил его.

— Через 1½ года мачиха плачет об измене А<льфонско>го. Открыто держит любовницу. Осипова сестра. (Тут-то и засек брата Осипова.) А<льфонско>го убивают крестьяне. (?)

КАНВА РОМАНА. У великосветской жены А<льфонско>го (мачихи героя), ещё когда она изнывала, засидевшись в девках, был жених (офицер или кто-то (учитель)). Но она вышла за Аль[фонс]кого.³ Не довольная и оскорбленная А<льфонски>м⁴ (била его⁵ любовницу по лицу), она завязала сношения с подвернувшимся прежним любовником. Мальчик видел, как она целовалась с ним. «Можете донести отцу» — и потом просила его не говорить. Мальчик смолчал; но А<льфонски>й знает, что сын знает, что у него рога и что у мачихи любовник. В деревне поднял шум за Хроменькую. Натешился над Катей. Мать за Катю вышла из себя. В городе с Lambert'ом — и т. д.

ТУТ NB. NB (А<льфонско>го,⁶ задушившего в деревне, могли убить крестьяне, чему мальчик мог быть свидетелем, — и —⁷

(Можно ещё подсочинить о⁸ мачихе с любовником и в какой мере и степени мальчик связан в этот⁹ роман.)

¹ Текст: Lambert и он ~ предаёт себя сам. — вписан на полях слева вдоль основного текста. Во второй половине страницы декоративный рисунок и архитектурная деталь.

² Авторская нумерация; указывает на последовательность записей. Цифра обведена полукругом.

³ Так в рукописи: фамилия написана полностью, после чего зачеркнута ее средняя часть.

⁴ Далее было: она

⁵ В тексте описка: свою

⁶ Далее было: могли

⁷ Так в рукописи, запись не закончена.

⁸ Было начато: р<ассказ>

⁹ В тексте описка: этом

— У А<ЛЬФОНСКО>ГО есть благодетель — и именно первый враг, потому что благодетель. Все благодеяния его унижают его гордость. Тот же не может жить без роли благодетеля, но за вершок благодеяния требует на три сажени благодарности. Оба унижают себя, унижают друг друга и ненавидят друг друга до болезни.¹ <с. 18>²

2³

— Необычайная гордость мальчика делает то, что он не может ни жалеть, ни презирать этих людей. Он на них и негодовать очень не может. Не может ни отцу, ни матери симпатизировать. На Экзамене он нечаянно отличился, — он хотел показаться идиотом. Он глубоко презирает себя за то, что не утерпел и отличился.

— Опасная и чрезвычайная мысль, что он⁴ будущий человек необыкновенный, охватила им еще с детства. Он непрерывно думает об этом. Ум, хитрость, образование — всё это он хочет приобрести как будущие средства к необыкновенности. Опять-таки деньги кажутся ему во всяком случае не лишними, везде пригодною силою, и он останавливается на них.⁵

: Науки кажутся ужасно трудны.⁶ То опять, кажется ему, что если он и не будет необыкновенным, а самый обыкновенный, то деньги дадут ему всё, — т. е. власть и право презрения.

И наконец он кается и мучается совестью в том, что ему так низко хочется быть необыкновенным. Впрочем, он сам не знает, чем он будет.⁷

Чистый идеал свободного человека мелькает перед ним иногда; всё это в пансионе.⁸

— Подружился с Осипом, о хлыстах, вместе чуть не спят.

— Умнов; знает наизусть Гоголя. <с. 17>⁹

¹ Далее знак абзаца.

² На странице штриховки, пробы пера и каллиграфические прописи: П <начало буквы>, [Пор] <с. 18> помещаем ранее <с. 17> на основании нумерации Достоевского (<с. 18> — «1», <с. 17> — «2»).

³ Авторская нумерация; указывает на последовательность записей. Цифра обведена полукругом.

⁴ Далее было начато: чело<век>

⁵ Было: них,

⁶ Науки ~ трудны. — вписано.

⁷ Впрочем ~ он будет. — вписано.

⁸ Далее знак: //

⁹ На полях слева архитектурные детали.

МОНАСТЫРЬ.¹ — «Дай Бог доброй ночи нам и всем диким зверям».²
(NB. Хорошенько прочесть описания зверей. Гумбольдта, Бюффона, русских.)

— Науки — богослужение.

— О медведе.

— О первой любви и как он в монахи пошел — (целомудрие).

— О том, что такое сатана.³

Аникита идет к Чаадаеву усовещевать. Зовет Тихона, тот идет, спорит и потом прощения просит.

— О букашках и о вселенской радости *Живой жизни*; вдохновенные рассказы Тихона.

— Дружба с мальчиком, который позволяет себе мучить Тихона выходками. (Бес в нем.)

— Узнал о «Therese-Philosophe» Тихон.

— Благословляет на падение и на восстание.

Ясные рассказы Тихона о жизни и земной радости.³ О семье, отце, матери, братьях. Чрезвычайно наивные, а потому трогательные, рассказы Тихона о своих прегрешениях против домашних, относительно гордости, тщеславия, насмешек. («Так бы всё переделал это теперь»,⁴ — говорит Тихон.) NB. Уж одно то трогательно, что он с мальчиком связался.

—⁵ Рассказ Тихона о своей первой любви, о детях.⁶ Монахом жить ниже, надо иметь детей, и выше, когда призвание имеешь.

— «Therèse-philosophe» смутила Тихона. «А я думал, что уже закалился».⁷ Пошел в послушание к мальчику; слушается⁸ его.

NB. (Высоко, сильно и трогательно.)

Тихон говорит одной барыне,⁹ что она и России изменница и детям злодейка.¹⁰ Как они детских образов еще с детства лишаются. Их изучения, хоть и точные (Лев Толстой, Тургенев), как бы чуждую жизнь открывают. Один Пушкин настоящий русский.

—¹¹ Про Тихона у мальчика иногда низкие мысли: «Он так смешон, он так ничего не знает, он так слаб и беспомощен, ко мне лезет за сове-

¹ Слово записано на полях слева.

² В рукописи кавычки отсутствуют.

³ Слева от текста знак: ×

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁵ Далее знак: ×

⁶ В рукописи запятая.

⁷ В рукописи кавычки отсутствуют.

⁸ В рукописи: Слушается

⁹ В рукописи: барыни

¹⁰ Слева от текста знак: ×)

¹¹ Далее знак: ×)

тами»,¹ но² под конец он догадывается, что Тихон коренником крепок, как ребенок чист, мысли дурной иметь не может, смущаться не может и потому все поступки его ясные и прекрасные. <с. 70>

ТИХОН. О СМИРЕНИИ (как могуче смирение). Всё о смирении и о свободной воле.³

— О прощении непростимого преступника (что это мучение всего мучительнее).⁴ <с. 71>

<5>

3/15 МАЯ, ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ

После Монастыря и Тихона велик<ий> грешник с тем и выходит вновь на свет, чтоб быть *величайшим из людей*. Он уверен, что он будет величайшим из людей. Он так и ведет себя: он гордейший из всех гордецов и с величайшею надменностью относится к людям. При этом неопределенность формы будущего величия, что совершенно совпадает с молодостью. Но он (и это главное) *через Тихона* овладел мыслью (убеждением): что, чтоб победить весь мир, надо победить только себя. Победи себя и победишь мир. Карьера не избрана, но и некогда: он глубоко начинает глядеть за собою. Но рядом с тем и противоречия: 1) Золото (накопление) (семейство на руках). Накопление внушил ростовщик, человек ужасный, антитез Тихону.⁵ 2) Образование (Конт. Атеизм. Товарищи). Образование — мучит его, и идеи, и философия. Но он овладевает тем, в чем главное дело. Вдруг юношество и разврат. Подвиг и страшные Злодейства. Самоотвержение. Безумная гордость.⁶ От гордости идет <с. 19> в схимники и в странники. Путешествие по России. (Роман, любовь. Жажда смирения) и проч., и т. д., и т. д.⁷

Падание и восставание. NB. (Канва богатая.)⁸

Человек необычайный — но что же он сделал и совершил.

Черты. От гордости и от безмерной надменности к людям, он становится до всех кроток и милостив — именно потому, что уже безмерно выше всех.

NB) Застрелиться хотел (подкинули младенца).

¹ В рукописи кавычки отсутствуют.

² Было: а

³ В рукописи: воли

⁴ Под строкой горизонтальная линия, отделяющая эти записи от набросков к роману «Бесы».

⁵ антитез Тихону — вписано.

⁶ Далее было начато: Ид<ет>

⁷ Было: и проч.

⁸ NB. (Канва богатая.) — вписано.

Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится. Всёяснеет.

Умирает, признаваясь в Преступлении. <с. 20>¹

МЫСЛЬ НА ЛЕТУ

<1>

В губернский город приезжает фельдмаршал с беременной любовницей.² (Прельстить опять мужа.)³ Муж с правилами, Самосовершенствование, подкидные дети. Не пленяется, но ровен и любит. Входя в желание обольстить мужа, она обольщается сама. Князь потерянный человек. Желает она⁴ бежать наконец от обольщения, ибо поддалась, Князя выводит из себя, тот ревнует к мужу, бьет⁵ его по лицу, убивает⁶ (но не убил). (NB. Она убить подзадорила, но не говорила словами, а разжигала ревность.) Когда же тот выстрелил в мужа, — бросила Князя — и окончательно отдалась мужу — Князь убил себя. ?⁷ (NB. Муж принял, но только что принял, так она и соскучилась. С гимназистом, с губернатором.

Князя заставляет оскорбить свою мать. (Эксперименты над Князем поминутно.) Пустынник — *Мария Египетская*.⁸

NB) Соблазняет мужа до того, что отдается ему.

NB.) Она из-за границы, ей хочется посмотреть на нигилиста. Приезжает один учитель-нигилист. (Убийство мужа; Князь входит в дружбу и подговаривает ? нигилистов убить.)

Была на казни Тропмана. Описание казни. О том, что он был прелестен.

— NB. Или учитель ее отвергает, т. е. не отвергает, но не прельщается (хотя, может быть, и имел). Тогда она мстит ему, и когда отмщает — (убивает) тогда плачет.⁹

— Князь трагическая фигура. (В нем зерно приключений и происшествий романа.)

¹ На <с. 19—20> записи крупным почерком, чернилами темного оттенка.

² Далее было начато: Же<лание; >

³ В рукописи закрывающая скобка отсутствует.

⁴ она — вписано.

⁵ В рукописи: Бьет

⁶ В рукописи: Убивает

⁷ Вопросительный знак вписан.

⁸ Росчерк пера. Пустынник — *Мария Египетская*. — вписано над строкой.

⁹ В рукописи далее закрывающая скобка.

Жена, бывшая на содержании у фельдмаршала,¹ отданная им с вознаграждением мужу-учителю, кружит ему голову, заставляет его оскорбить его² мать, убивает фельдмаршала, заставляет мужа драться на дуэли с оскорбителем (одним молодым князем, любовником ее на минутку).

Переворачивает всю губернию. Умирает наконец при рыдающем муже.³ <с. 56>⁴

¹ у фельдмаршала — вписано.

² Было: свою

³ Жена ~ рыдающем муже. — вписано на полях чернилами более темного оттенка. На странице архитектурные детали, пробы пера и каллиграфические записи: Или, Учитель, Илинойский

⁴ Указана страница тетради Достоевского: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8.

ВАРИАНТЫ

ИДИОТ

(Т. 8. С. 5)

Варианты прижизненных изданий¹

Титульный лист:

Идиот. Роман в четырех частях. Федора Достоевского / Идиот. Роман. (Посвящено Софье Александровне Ивановой)

С. 9.

⁴ не знал и не понимал / не знал и не помнил

С. 14.

⁸ Секи! / Секи! Тем самым приобретешь!

¹¹ что он уехал / что уехал

С. 43.

^{39—40} Афанасий Иванович морщился / но Афанасий Иванович стал подозрителен: он морщился

С. 47.

³⁴ Под конец она даже так разгорячилась / Она даже так разгорячилась

С. 49.

^{39—40} в другую сторону. / в другую сторону и под шумок избежать вопроса о жемчуге.

С. 54.

²⁸ их не видывал / я их не видывал

¹ После знака «/» — варианты *РВ*. Варианты только *РВ* приводятся без сиглов. В случае совпадения их с вариантами других источников указываются сиглы.

С. 59.

^{20—21} Жил ли каждую минуту / Жил ли каждую-то минуту

С. 70.

³³ все-таки виделись / все-таки видались

^{34—35} это всё уладилось / всё это уладилось

С. 72.

²¹ ждали, пока он простится / ждали, покамест он простится

С. 76.

⁴ — Одно ее слово, и я... и я, право, может быть, порву!.. /

— Одно ее слово, и я... и я, право, может быть, порву?..

¹⁷ лицо сильнее еще поразило его / лицо еще сильнее поразило его

С. 79.

⁴ вы мне еще в альбоме напишете / вы мне еще в альбоме напишите

С. 84.

¹⁴ и даже покраснел от стыда. / и даже покраснел от стыда, что его так неожиданно поймали.

С. 86.

^{21—22} умно и интересно / умно и приятно

С. 95.

^{25—26} другой от такой сестры убежал бы по крайней мере; — вон как она смотрит / другой от такой сестры убежал бы по крайней мере, — вон как она смотрит

С. 104.

⁸ сигару / сигарку

С. 105.

¹² выкинута в окно / выкинута за окно

С. 114.

^{4—5} желая продолжить визит / желая продолжать визит

С. 116.

²⁸ спросил он князя / спросил он вдруг князя

^{43—44} уязвленный в своем самолюбии / уязвленный в своем самолюби

С. 121.

² Генерал Иволгин и князь Мышкин! / Генерал Иволгин и князь Мышкин! Одним словом... эффект!

С. 123.

⁸ только на одну минуту / только на одну минутку

^{10—11} Взирались долго, в четвертый этаж и по черной лестнице. / Взирались долго, в четвертый этаж, и по черной лестнице.

С. 127.

^{24—25} думал соблазнить ее, главное комфортом и роскошью, зная / думал соблазнить ее, главное, комфортом и роскошью, зная

С. 134.

³ чтоб было искренно, не лгать / чтоб было искренно, но и не лгать

²⁴ Может, мы выдержим? / Может, мы выдержим!

³⁵ Идея никому не нравилась. Одни хмурились / Идея была чрезвычайно странная и никому почти не понравилась. Одни нахмурились

³⁸ как увлекает ее эта странная мысль. / как увлекает ее эта странная мысль, может быть, именно тем, что странная и почти невозможная.

С. 138.

³⁴ очень грязны / очень грязны, Настасья Филипповна

С. 140.

¹⁸ старуху же оставляем / старуху же оставляю

^{27—28} вывела меня из последних границ; кровь закипела / вывела меня из себя; прапорщичья кровь закипела

⁴⁰ Первым словом Никифора / Первым словом Никифор

С. 144.

⁴² так и сделаю / так я и сделаю

С. 145.

³⁵ и я отказала. / и я отказала; так разве не серьезно?

С. 152.

^{6—7} хошь и за сто бы тысяч! Правда, сто тысяч, вишь ведь! / хоть и за сто бы тысяч! Правда, сто тысяч — ишь ведь!

¹² — Не сердись, Дарья Алексеевна / — Да ты не сердись, Дарья Алексеевна

²⁵ на Васильевский остров / на Васильевский

⁴¹ Какой слог! / Какие слова!

⁴⁴ мой высокосный день / мой високосный день

С. 158.

⁷ потому что / потому, потому что

С. 159.

⁹ Ты думал, как сам жениться хотел / Ты думал, что как сам жениться хотел

С. 160.

¹² Что ты, Дарья Алексеевна? / Чего ты, Дарья Алексеевна?

С. 164.

^{14—15} не Настасью Филипповну надо... / не Настасью Филипповну надо... Так что даже и хорошо, что так обернулось.

С. 173.

³⁷ Его очень поразило / Его несколько поразило

С. 175.

⁷⁻⁸ пренебрежение; весьма коротко и довольно сухо / пренебрежение: весьма коротко и довольно сухо

С. 180.

⁶⁻⁷ к дяде Лукьяну пойду / к дяде Лукьяну подойду

С. 181.

²⁴ срамит / страмит

С. 190.

⁷ не шла к нему / очень не шла к нему

С. 194.

⁴¹ не пугать ли ты меня вздумал / не пугать ли меня ты вздумал

С. 197.

³⁶ как младенцем стала / как младенец стала

С. 202.

⁴³ брат-князь / брат, князь

С. 207.

³⁴ до поверки / до проверки

С. 215.

⁹ останавливаясь в воротах. / останавливаясь в воротах. Одно сегодняшнее обстоятельство особенно представилось ему в это мгновение, но представилось «холодно», с «полным рассудком», «уже без кошмара». Ему вдруг припомнился давешний нож на столе у Рогожина. «Но почему же, в самом деле, Рогожину не иметь сколько угодно ножей на своем столе!» — ужасно удивился он вдруг на себя и тут же, оцепенев от изумления, представил себе вдруг и свою давешнюю остановку у лавки ножевщика. «Да какая же, наконец, тут может быть связь!..» — вскричал было он и не закончил.

С. 220.

³⁻⁴ в табельные и царские дни / в табельные и в царские дни

С. 223.

¹⁴ это всего минута / это всё минута

С. 232.

³⁸ старались не показывать виду / старались не показать виду

С. 233.

² насмешливо улыбнулся / насмешливо улыбался

С. 234.

¹⁶ самое большее / самое большое

С. 235.

³³ — Ну мне только не растеряй, снеси / — Ну мне, только не растеряй, снеси

С. 240.

³² читай сейчас, вслух! Вслух! / читай сейчас, вслух! вслух!

С. 241.

³⁹ одна треть оброка / одна треть оброку

С. 252.

⁴² обратился к ним / обращался к ним

С. 262.

²⁸ Пойдешь или нет? / Пойдешь? Пойдешь или нет?

С. 265.

¹⁹ чуть дух переводить, задохся / чуть дух переводит, задохся

С. 270.

¹⁹ вы скучаете? / вы не скучаете?

С. 274.

^{28—29} Стало быть, не нужен, стало быть, дурак, стало быть, пора! /
Стало быть, дурак, стало быть, не нужен, стало быть, пора!

С. 275.

¹⁴ молчанием, пассивным любопытством / молчанием и пассивным любопытством

С. 293.

¹ — Мальчишка! Мальчишка! — с азартом перебила / — Мальчишка? Мальчишка? — с азартом перебила

^{15—16} укоризненно, чуть не шепотом / укоризненно, но чуть не шепотом

С. 295.

^{6—7} Тысячу лет / Тысячи лет

С. 297.

⁷ даже не умел / даже не мог

^{14—15} уж конечно самой досадно было / или... или, может быть... может быть, самой досадно стало

²⁰ на зубок подымет / на зубок подымет, рада

С. 298—299.

^{31—1} считались даже ~ добродетелями и рекомендацией / считался даже между самими служащими, еще недавно, чуть не величайшею добродетелью и рекомендацией

С. 299.

^{20—21} большая часть этих миллионов должна была / большая часть этих миллионов должны были

С. 302.

⁹ И как хорошо, и как прилично / И как хорошо, как прилично

С. 303.

²⁶ уважал за это / уважал

С. 306.

^{43—44} перестало существовать / перестало быть кастой

С. 308.

³⁴ больше ничем / больше нечем

С. 311.

¹⁷ хорошо поступили / хорошо сделали

С. 316.

^{10—11} кричала Аделаида / вскричала Аделаида

С. 320.

^{23—24} были комфортно одетые / были люди комфортно одетые

С. 321.

^{38—39} поглядел на нее, взглянул в ее черные ~ глаза / поглядел на нее, заглянул в ее черные ~ глаза

С. 325.

²⁶ совсем смерклось / совсем смеркалось

С. 326.

^{20—21} а так, как она попала, никто не целит / а так никто не целит

С. 328.

¹⁵ всё давешнее / всё давнишнее

С. 333.

^{16—17} к этой девушке. Возможность любви / к этой девушке. От этой мысли ему стало бы стыдно: возможность любви
^{20—21} был равнодушен собственно к шалости / был равнодушен к этой идее

С. 337.

⁵ вскричал / вскрикнул

С. 339.

¹⁴ по чрезвычайно важному обстоятельству / по чрезвычайному важному обстоятельству

С. 343.

^{20—21} Это ведь важно в этом случае / Это ведь важно знать

С. 346.

¹¹ никогда не дотрогивался / никогда не касался

¹⁴ о подобных мыслях / о подобных вещах

С. 348.

^{13—14} Я беру половину на половину. / Я беру половину, половину на половину.

С. 354.

¹¹ осведомился другой / осведомлялся другой

С. 356.

²⁵ не мог устроиться. / не мог устроиться.

— Помешался, али бредит! — пробормотал чуть слышно Рогожин.

С. 357.

³⁷ Поверить это / Проверить это

С. 364.

⁵ не сумел... «развиться» / не сумел... «объясниться»

С. 372.

¹⁵ Единичное добро / Единичное доброе дело

С. 373.

¹⁰ скрытых от нас / сокрытых от нас

³² В ту минуту / В эту минуту

С. 382.

⁸ жизнь множества существ / жизнь миллионов существ

С. 386.

^{41—42} наклонялся и шептал / наклонялся и шептал ему

С. 388.

⁹ к Фердыщенко / к Фердыщенку

¹⁹ в самом деле без чувств / без чувств

С. 394.

¹⁰ я всю ночь не спал, а потом ходил / я всю ночь не спал, я потом ходил

С. 396.

³ Я это всё сразу поняла / Я всё это сразу поняла

С. 397.

^{15—16} даже и *теперь* не понимающий *всех слов* ребенок / даже не понимающий *всех слов* ребенок

С. 399.

^{15—16} если ловко вставишь / если ловко вставить

С. 401.

³ не знал, что сказать / не знал иногда, что сказать

С. 403.

⁹ что я пожалуюсь отцу и что / что я пожалуюсь отцу, что

- ¹⁵ вскричала Аглая / вскрикивала Аглая
- С. 406.
- ²¹ Князь ласково посмотрел на Колю / Князь ласково смотрел на Колю
- ³⁰ это низко, неестественно / это низко и неестественно
- С. 410.
- ^{32—33} Для полнейших сведений мы его самого разбудили, насили дотолкались; едва понял, в чем дело; разинул рот, вид пьяный / Для полнейших сведений мы его самого разбудили, насили дотолкались; едва понял, в чем дело, разинул рот, вид пьяный
- С. 411.
- ³⁸ Этого мало / Это мало
- С. 416.
- ²⁷ Какой же после того опасный человек / Каков же после того опасный человек
- С. 418.
- ² всего этого вы не можете / вы не можете
- С. 419.
- ^{18—19} Конечно нет, и даже неестественно. / Конечно: нет, и даже неестественно.
- С. 420.
- ¹⁶ почти не существую / почти что не существую
- ^{40—41} будто слышалась ему / как будто слышалась ему
- С. 424.
- ^{2—3} а, кто знает, может быть, и на другой же день / и кто знает, может быть, и на другой же день
- С. 427.
- ¹⁵ «Коли подличать / «Коли уж подличать
- С. 440.
- ³⁵ хотя и... смешной / хотя и... довольно смешной
- С. 446.
- ²⁹ и в том была задача / и это была задача
- С. 447.
- ^{24—25} «за честь почитая» / «за честь почел»
- С. 455.
- ^{21—22} Генерал ~ чуть не с насмешкой. / Генерал тоже как бы чуть-чуть смутился, но в то же самое мгновение посмотрел на князя решительно свысока и чуть не с насмешкой.
- С. 459.
- ² дух партии / дух партий

- ^{7—8} написал к нему / писал к нему
- С. 466.
- ¹² фантастическая картина / фантастическая картина какая-то
- С. 472.
- ⁹ — Ну-ну-ну, Аглая. Что ты! Это не так, не так... / — Ну-ну-ну, Аглая! Что ты! Это не так, не так...
- С. 478.
- ⁴ с вашей-то стороны / с нашей-то стороны
- ^{36—37} это утешение / это мне утешение
- ³⁸ какое же в этом утешение / какое же мне в этом утешение
- С. 481.
- ^{35—36} Я не про Белоконскую одну говорю / Я не про Белоконскую говорю
- С. 482.
- ³⁰ На этот раз я уж серьезно говорю! / На этот раз я серьезно говорю!
- С. 486.
- ³⁰ — Да всё у меня же, вот-с. / — Да всё у меня же, вот-с!
- С. 487.
- ^{23—24} Что вы надеялись получить? / Что вы надеялись там получить?
- С. 491.
- ^{8—9} тоже считал своим благодетелем / считал своим благодетелем (РВ, 1874₁)
- С. 498.
- ⁸ убежал от них, ха-ха! / убежал от них, ха-ха! Право, от них убежал... (РВ, 1874₁)
- С. 499.
- ^{10—11} а там, в Европе, уже страшные массы / а там уже страшные массы (РВ, 1874₁).
- С. 501.
- ^{32—33} Вся эта горячешная тирада ~ мыслей / Вся эта дикая тирада, весь этот наплыв странных и беспокойных слов и беспорядочно восторженных мыслей (РВ, 1874₁)
- С. 502.
- ^{21—22} как бы ни избегал беды? / как бы ни избегал беды!
- С. 505.
- ³⁷ не утерпела и проговорила / не утерпела и проворчала
- С. 507.
- ^{26—27} такой мальчик? / такой мальчик? Конечно, нет! О, вы сумеете забыть и простить тем, которые вас обидели, и тем, которые вас

ничем не обидели; потому что всего ведь труднее простить тем, которые нас ничем не обидели, и именно потому что они не обидели, и что, стало быть, жалоба наша неосновательна: вот чего я ждал от высших людей, вот что торопился им, ехав сюда, сказать, и не знал как сказать... (РВ, 1874₁)

С. 510.

^{3—4} тот попробовал порасспросить / он попробовал порасспросить (РВ, 1874₁)

С. 513.

⁵ признаком большой глупости / признаком глупости (РВ, 1874₁)

С. 517.

² по всему телу его / по всему телу князя (РВ, 1874₁)

С. 523.

^{25—26} во внимание к вашему положению / во внимании к вашему положению

С. 524.

²⁷ Ведь она... такая несчастная! / ведь она... сумасшедшая! (РВ, 1874₁)

С. 527.

^{15—16} не насчет нигилистических оттенков события, а просто лишь насчет того / не насчет нигилистических оттенков события, о, нет! — а просто лишь насчет того (РВ, 1874₁)

С. 531.

¹² смотрела так / смотрела (РВ, 1874₁)

С. 537.

²⁸ принцессу де Роган; но теперь / принцессу де Роган, или по крайней мере де Шабо; но теперь (РВ, 1874₁)

С. 538.

¹³ уже в день свадьбы / уже за день <до> свадьбы (РВ, 1874₁)

С. 548.

⁴⁴ в этой квартире / на этой квартире

С. 558.

^{10—11} взял его за руку / взял его под руку (РВ, 1874₁)

²³ жалко будет, друг / жалко будет, парень (РВ, 1874₁)

^{30—31} перед моей свадьбой / перед свадьбой (РВ, 1874₁)

³⁹ И... и вот / И... и... и вот

С. 561.

³¹ человек хороший / человек деловой (РВ, 1874₁)

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(Т. 9. С. 5)

Варианты прижизненных изданий (Э)

С. 6.

¹³ был жестоко поражен ипохондрией / был жестоко заражен ипохондрией

²⁸ тут помогло тщеславие / тут помогло и тщеславие

С. 8.

^{8—9} два года тому назад и не поверил бы / два года тому назад не поверил бы

¹² интриган / интригант

¹⁷ два-три неуплаченные долга, правда, пустяшные / два-три неуплаченные долга, правда, пустяшные

С. 9.

^{17—18} это бывало редко, это были только минуты самозабвения и раздражения / это бывало редко; это были только минуты самозабвения и раздражения

^{20—21} приходившего ему на ум.

«Вот ведь / приходившего ему на ум:

«Вот ведь

С. 10.

^{26—27} на Невском проспекте, у Полицейского моста / на Невском проспекте у Полицейского моста

С. 12.

^{19—20} знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что именно оно означает / знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что знаешь его; знаешь, что именно оно означает

С. 13.

²⁹ закричал ему во всё горло / закричал ему вслед во всё горло

³³ на минуту приостановился / на минутку приостановился

^{36—37} с удивлением смотрел ему вслед.

«А что? / в удивлении смотрел ему вслед:

«А что?

С. 15.

²¹ с такой силой / с такою силой

²⁵ «Было бы слишком неестественно, если бы / «Было бы слишком неестественно, если б

С. 16.

^{10—11} подразнить себя.

— Старчество / подразнить себя:

— Старчество

С. 17.

³⁶ — Мы были с вами знакомы лет девять назад в Т. / — Мы были с вами знакомы лет девять назад, в Т.

С. 20.

^{10—11} но повторяю, я теперь в таком настроении духа... / но, повторяю, я теперь в таком настроении духа...

^{33—34} я и встречу иной раз знакомого или даже истинного друга / я и встречу иной раз знакомого, или даже истинного друга

С. 22.

²⁷ топнул ногой, совершенно уже смутившись / топнул ногой, — совершенно уже смутившись

С. 23.

^{11—12} Не принимают! Болен, не может принять! / Не принимают! — Болен, не может принять!

С. 24.

^{16—17} предстало вдруг перед ним с чрезвычайною яркостью / предстало вдруг перед ним — с чрезвычайною яркостью

С. 26.

^{19—20} но не иначе, как после венца / но не иначе как после венца

³¹ единственно для того, чтобы жениться / единственно для того чтобы жениться

С. 28.

³¹ ему всё уже было ясно: он вспомнил про офицера / ему всё уже было ясно; он вспомнил про офицера

^{37—38} позвонил Мавру с кофеем: выпил наскоро, оделся / позвонил Мавру с кофеем, выпил наскоро, оделся

С. 30.

²¹ — Ну, переменялись же вы! / — Ну переменялись же вы!

С. 32.

¹⁶ никогда еще и не бывшего гостя / никогда еще не бывавшего гостя

^{18—19} Отец подвел ее к нему вплоть.

— Вот, этот дядинька / Отец подвел ее к нему вплоть:

— Вот, этот дядинька

²⁰ протяни руку-то / протяни ручку-то

С. 33.

^{29—30} а мальчик ей в голову камнем пустил / а мальчик на дворе ей в голову камнем пустил

С. 34.

^{5—6} Погорельцев Александр Павлович, тайный советник / Погорельцев, Александр Павлович, тайный советник

С. 35.

⁴⁶ поскорей уж уехать / поскорей — уж уехать

С. 36.

¹⁷ прекрасными глазами / прекрасными глазками

С. 37.

¹⁹ а там, потом... / а там потом...

^{25—26} упорно избегал подробностей: без подробностей всё становилось ясно / упорно избегал подробностей; без подробностей всё становилось ясно

С. 38.

^{4—5} Лет через пять опять встретились, и всё кончилось / Лет через пять опять встретились, — и всё кончилось

¹¹ в свете / на свете

²⁹ Лиза ее дочь / Лиза, ее дочь

С. 39.

⁹ его глупого прихода в пьяном виде / его глупого прихода, в пьяном виде

С. 39—40.

^{46—1} во всех чертах ее личика выражался один только безумный страх.
— Он... повесится / во всех чертах ее личика выражался один только безумный страх:
— Он... повесится

С. 40.

^{10—11} остался ему памятен, мерещился наяву и снился во сне этот измученный взгляд / остался ему памятен, мерещился наяву и снился во сне, этот измученный взгляд

³⁴ стал от него прятаться / стал уже от него прятаться

³⁶ Несмотря на веселость / Но несмотря на веселость

С. 42.

⁷ Он просидел так, с рогами и хихикая, целые полминуты / Он просидел так с рогами и хихикая, — целые полминуты

^{22—23} Знаете ли что, Алексей Иванович, вы бы меня лучше чем-нибудь угостили! / Знаете ли что, Алексей Иванович, вы бы меня лучше чем-нибудь угостили?

С. 43.

^{36—38} с дерзостью посмотрел на Вельчанинова.

— А признайтесь / с дерзостью посмотрел на Вельчанинова:

— А признайтесь

⁴¹ не объяснивши / не объяснивши

С. 44.

⁴⁵ с ключом-с / с ключиком-с

С. 49.

^{6—7} вот на этом самом, говорит, шнурке, на сторе повешусь / вот на этом самом, говорит, шнурке на сторе повешусь

С. 51.

²⁴ сидел в жилете / сидел в одном жилете

С. 53.

^{18—19} не переставая шагать.

— Хищный тип это тот / не переставая шагать: — Хищный тип это тот

⁴⁵ с Голубенко, полковником / с Голубенко полковником

⁴⁶ дамы его сердца / дамы своего сердца

С. 54.

⁴ проздравлять / поздравлять

С. 57.

^{30—31} положили в зале на столе, с цветами в сложенных ручках / положили в зале на столе с цветами, в сложенных ручках

С. 58.

³ и захоти только, она, Катя, так сейчас же ее в Сибирь упрячет / и захоти она только, так сейчас же ее в Сибирь упрячет

^{37—39} лицо его как-то вдруг осунулось.

— Умерла... / лицо его как-то вдруг осунулось:

— Умерла...

С. 59.

^{3—4} Тот повернул к нему голову.

— Артиллерии... / Тот повернул к нему голову:

— Артиллерии...

С. 60.

⁶ даже приезжала к нему сама, но не заставляла его дома / даже приезжала к нему сама, но не застала его дома

^{12—13} с которыми он, еще недавно такой беспокойный клиент, его выслушал / с которыми он, еще недавно такой беспокойный клиент,

— его выслушал

С. 62.

¹⁶ потому что у вас такой вид-с... / потому что у вас так вид-с...

С. 66.

^{3—4} как только Павел Павлович возвестил о невесте; простое ли это было любопытство / как только Павел Павлович возвестил о невесте: простое ли это было любопытство

С. 70.

^{10—12} Павел Павлович готов был провалиться сквозь землю.

Выручил Вельчанинов. / Павел Павлович готов был провалиться сквозь землю. Выручил Вельчанинов.

28—29 говорить только с ним / говорить только с ним одним

С. 72.

14—15 заметила Надя, обращаясь к нему / заметила вдруг Надя, обра-
щаясь к нему

23—24 вы друг Павла Павловича / вы друг Павла Павловичев

С. 74.

13—14 строго заметила т-те Захлебнина / строго заметила было т-те
Захлебнина

С. 76.

6—7 не обращал на него внимания / не обращал на него никакого вни-
мания

С. 77.

4—5 Алексей Иванович «молодого человека» представлял / Алексей
Иванович молодого человека представлял

11—13 в которое выглядывало, искаженно улыбаясь, лицо, побледневшее
от злости, — лицо Павла Павловича / в которое выглядывало, иска-
женно улыбаясь, побледневшее от злости лицо Павла Павловича

14—15 покачала головою / покачала головой

28—29 можете сказать ему это от моего имени / можете сказать ему, что
от моего имени

С. 79.

28 всё сильнее и смелее / всё сильней и смелее

С. 81.

35—37 остановился перед ним.

— Я вам тоже обещал сказать / остановился перед ним:

— Я вам тоже обещал сказать

С. 83.

23—24 для чего вы меня туда таскали? / для чего вы меня — туда таскали?

С. 86.

17—19 он, впрочем, себя поддержал.

— Не имея чести вас знать / он, впрочем, себя поддержал:

— Не имея чести вас знать

С. 87.

9—11 ехидная улыбка тотчас же выдавилась на его губах.

— Нет-с, нимало не угодно-с / ехидная улыбка тотчас же выда-
вилась на его губах:

— Нет-с, нимало не угодно-с

С. 91.

8 поднялся и Павел Павлович / поднялся с места и Павел Павлович

17—18 По гуманности повторяю: размыслите, принудьте себя хоть раз
в жизни основательно размыслить / По гуманности повторяю; раз-
мыслите, принудьте себя хоть раз в жизни основательно размыслить

С. 94.

¹¹ повторил он слабым голосом / повторял он слабым голосом

С. 95.

³ Но если б это был не бред / Но... если б это был не бред

С. 97.

^{41—42} быть не может / быть не могло

С. 98.

^{18—19} почти не заходил. «Здесь они вчера / почти не заходил: «Здесь они вчера

С. 99.

^{33—34} непьяный он бы не смог... / непьяный и он бы не смог...

С. 100.

¹⁶ Гм... / Гм.

С. 101.

^{2—3} остановился под воротами.

— Неужели ж, неужели ж / остановился под воротами:

— Неужели ж, неужели ж

^{41—42} песню запел и заплакал — просто отвратительно; так даже жалко,
— спьяну / песню запел и заплакал — просто отвратительно; так
даже жалко; спьяну

С. 102.

^{33—35} с перламутровой инкрустацией.

«Должно быть, тоже побледнел / с перламутровой инкрустацией:

«Должно быть, тоже побледнел

С. 103.

^{4—5} желалось познакомиться / желалось поближе познакомиться

С. 105.

^{29—30} Вельчанинов вдруг захохотал.

— Да ведь мы с ним друзья / Вельчанинов вдруг захохотал:

— Да ведь мы с ним друзья

С. 106.

^{6—7} не могла совладать.

— Где не надо / не могла совладать:

— Где не надо

³⁶ Так и случилось. Павел Павлович немедленно явился / Так и случилось, Павел Павлович немедленно явился

С. 106—107.

^{47—1} Павел Павлович весь так и встрепенулся.

— Так вы — не приедете-с / Павел Павлович весь так и встрепенулся:

— Так вы — не приедете-с

С. 108.

^{15—16} схватил Павла Павловича за плечо.

— Уж если я / схватил Павла Павловича за плечо:

— Уж если я

^{21—22} конвульсии вдруг пробежали по лицу его.

— А Лиза-то-с / конвульсии вдруг пробежали по лицу его:

— А Лиза-то-с

ПРИМЕЧАНИЯ

В основном тексте девятого тома публикуются рассказ «Вечный муж» (1869—1870), а также планы и наброски неосуществленных произведений, задуманных в годы работы над «Идиотом» или после ее завершения, но до окончательного оформления замысла «Бесов» (с 1868 по 1870 г.). Самый важный по своему идейно-художественному значению из этих неосуществленных замыслов — план эпопеи «Житие великого грешника» (1869—1870), многими сюжетными мотивами которой автор впоследствии воспользовался для трех своих последних романов: «Бесы» (1870—1872), «Подросток» (1874—1875) и «Братья Карамазовы» (1878—1880). Из числа набросков, предвещающих работу над «Бесами», исключение сделано для записей к повести о капитане Картузове (1869—1870); ввиду тесной их связи с текстом «Бесов», куда сюжет повести о Картузове вошел в качестве одного из частных эпизодов (линия капитан Лебядкин—Лиза Тушина), редакция сочла целесообразным материалы к повести о Картузове перенести в одиннадцатый том настоящего издания, где ими открывается публикация подготовительных этюдов и черновых материалов к «Бесам».

В раздел «Рукописные материалы» вошли черновые наброски к роману «Идиот» и к «Вечному мужу», а также планы и наброски неосуществленных замыслов (<1868—1870>). Раздел «Варианты» включает варианты прижизненных изданий «Идиота» и «Вечного мужа». В разделе «Примечания» печатаются комментарии к «Идиоту» и рукописям романа, к «Вечному мужу» и помещенным в данном томе наброскам и планам.

В период работы над каждым крупным произведением у Достоевского возникал ряд параллельных творческих замыслов. Некоторые из них известны нам лишь по воспоминаниям современников, другие получили отражение в письмах и рабочих тетрадях писателя.

С. В. Ковалевская вспоминает, что весной 1865 г. в одно из посещений дома ее отца Достоевский рассказал ей и ее сестре «сцену из задуманного им еще в молодости романа: герой — помещик средних лет, очень хорошо и тонко образованный, бывал за границей, читает умные книжки, покупает книги и гравюры. В молодости он кутил, но потом остепенился, обзавелся женой и детьми и пользуется общим уважением.

Однажды просыпается он поутру, солнышко заглядывает в окна его спальни; всё вокруг него так опрятно, хорошо и уютно. И он сам

чувствует себя таким опрятным и почтенным. Во всем теле разлито ощущение довольства и покоя. Как истый сибарит, он не торопится проснуться, чтобы подольше продлить это приятное состояние общего растительного благополучия.

Остановившись на какой-то средней точке между сном и бдением, он переживает мысленно разные хорошие минуты своего последнего путешествия за границу. Видит он опять удивительную полосу света, падающую на голые плечи св. Цецилии в мюнхенской галерее. Приходит ему тоже в голову очень умные места из недавно прочитанной книжки „О мировой красоте и гармонии”.

Вдруг, в самом разгаре этих приятных грез и переживаний, начинает он ощущать неловкость — не то боль внутреннюю, не то беспокойство. Вот так бывает с людьми, у которых есть застарелые огнестрельные раны, из которых пуля не вынута; за минуту перед тем ничего не болело, и вдруг занает старая рана, и ноет, и ноет.

Начинает наш помещик думать и соображать: что бы это значило? Болеть у него ничего не болит; горя нет никакого. А на сердце точно кошки скребут, да всё хуже и хуже.

Начинает ему казаться, что должен он что-то припомнить, и вот он силится, напрягает память... И вдруг действительно вспомнил, да так жизненно, реально, и брезгливость при этом такую всем своим существом ощутил, как будто вчера это случилось, а не двадцать лет тому назад. А между тем за все эти двадцать лет и не беспокоило это его вовсе.

Вспомнил он, как однажды после разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами он изнасиловал десятилетнюю девочку» (Ковалевская, 1974. С. 76—77).

Сохраненный для нас С. В. Ковалевской замысел не был осуществлен. Но основное его зерно — история «образованного» помещика, которого мучит воспоминание о совершенном им гнусном насилии над ребенком, получило развитие в «Преступлении и наказании» (Свидригайлов) и в «Бесах» (исключенная из окончательного текста романа по требованию редакции «Русского вестника» глава «У Тихона» — см.: *Акад. ПСС*. Т. 11. С. 5—30; Т. 12. С. 108—133). Отдельные мотивы описанного С. В. Ковалевской замысла отмечены в рассказе «Вечный муж» (см. с. 884).

Планы и наброски (<1868—1870>) можно условно подразделить на две группы.

Первая группа («Идея. Юродивый...», наброски под каллиграфическим заголовком «Сцена и Брошюры») предположительно датируется временем создания «Идиота». Замысел «Одна мысль (поэма)» мог возникнуть у Достоевского в процессе работы над романом или уже после его завершения. По своему содержанию замыслы тесно связаны с различными моментами творческой истории этого произведения, см. комментарии.

Более обширна и разнохарактерна по образам героев и тематике другая группа набросков, которые также публикуются в данном томе.

Они относятся к первому году после окончания «Идиота», когда романист в творческом отношении находился на распутье. Задумав в последний период работы над «Идиотом», в конце 1868 г., роман «Атеизм», Достоевский, как видно из его писем, считал, что к осуществлению этого замысла он сможет вплотную приступить не раньше, чем через два года, — после того как закончит изучение необходимого материала, разделается с другими, более срочными, обязательствами и, расплатившись с долгами, вернется в Россию (см. об этом ниже, с. 956—959). В течение длительного времени писатель колебался между различными сменявшимися замыслами, предназначая их то для «Русского вестника», куда он, связанный долгом М. Н. Каткову, обещал дать в начале 1870 г. новый роман, то для начавшего выходить с 1869 г. в Петербурге славянофильского журнала «Заря», где главную роль играл Н. Н. Страхов (ранее — сотрудник журналов братьев Достоевских), который от имени издателя «Зари» В. В. Кашпирева просил писателя о сотрудничестве. Но из многочисленных замыслов этого года, которые часто по внутреннему, философско-психологическому содержанию связаны между собой (Достоевского вновь особенно привлекает в этот период тема глубоко скрытых, «подпольных» переживаний человека с изломанной, болезненной психологией, — человека, который боится признаться в них себе и другим), осуществлен в конце концов был лишь рассказ «Вечный муж», опубликованный в «Заре» в январе—феврале 1870 г. Остальным не суждено было получить дальнейшего развития. Тем не менее знакомство с ними существенно и для восстановления отчетливой картины движения творческой мысли Достоевского в 1869 г., и для изучения истоков позднейших произведений романиста — от «Бесов» до «Кроткой» и «Братьев Карамазовых». Даты по старому стилю приводятся без оговорок. Для нового стиля либо указываются двойные даты, либо это специально оговаривается.

Комментарии дополнены новыми разделами, в результате чего композиция текста изменилась — новый § 10 посвящен восприятию романа «Идиот» в русской литературе конца XIX—XX в.; обновленный § 11 содержит обзоры научной рецепции романа «Идиот» за рубежом; в § 12 вынесена часть материала прежнего § 10 *Акад. ПСС* о театральных и кинопостановках по мотивам романа «Идиот», с существенными уточнениями и дополнениями по указанной теме.

Электронные ресурсы, на которые имеются ссылки, посещены в мае—июне 2020 г. Библейские тексты цитируются: Ветхий Завет — по Синодальному переводу, Новый Завет — по изданию Нового Завета 1823 г. (*Евангелие Достоевского*), в ряде случаев с параллелями по Синодальному переводу. При цитировании т. 1 *Евангелия Достоевского* указываются номера страниц публикации 1823 г., как и в электронной версии факсимильного издания, см.: Новый Завет. Факсимиле издания 1823 года. Описание маргиналий и владельческих помет. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#1>

В первом издании тексты тома подготовили И. А. Битюгова (подготовительные материалы к «Идиоту»), планы и наброски, кроме ука-

занных ниже), Т. П. Голованова («Вечный муж» и подготовительные материалы к рассказу), Т. А. Лапицкая («Житие великого грешника»), Н. Н. Соломина (подготовительные материалы к «Идиоту») и Г. М. Фридендер («Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император“», «<Роман о Князе и Ростовщике>»).

Примечания составили И. А. Битюгова («Идиот», §§ 1—5, 9, раздел о принципах публикации подготовительных материалов к роману, планы и наброски, кроме указанных ниже), В. В. Дудкин («Идиот», § 9, восприятие романа за рубежом), Т. А. Лапицкая («Житие великого грешника», § 2), И. Э. Серман («Вечный муж», «<NB. После Библии зарезал>»), Н. Н. Соломина («Идиот», §§ 6—7; реальный комментарий к роману и подготовительным материалам к нему), Г. М. Фридендер (вводная заметка к комментариям, «Идиот», § 8, «Одна мысль (поэма)...», «Смерть поэта...», «Житие великого грешника», § 1, «<Роман о Князе и Ростовщике>»).

Редакционно-техническую работу по подготовке тома к печати осуществила Г. В. Степанова.

Во втором издании тексты подготовила Н. А. Тарасова («Вечный муж» и подготовительные материалы к рассказу, подготовительные материалы к «Идиоту», раздел «Наброски и планы. <1868—1870>»). Текстологическое рецензирование подготовленных материалов осуществил В. Д. Рак.

Примечания обновили, дополнили и исправили В. М. Дмитриев, С. А. Кибальник, Н. А. Тарасова, при участии А. М. Березкина («Идиот», §§ 1—9), В. М. Дмитриев, С. А. Кибальник («Идиот», § 10), Даниэль Риникер, Ульрих Шмид (Университет Санкт-Галлен, Швейцария) («Идиот» в Германии, § 11), О. Е. Волчек (СПбГУ) («Идиот» во Франции, § 11), Юрий Корриган (Университет Бостона, США), перевод с английского языка С. А. Кибальника («Идиот» в Англии и США, § 11), Бенами Баррос Гарсиа (Университет Гранады, Испания) («Идиот» в Испании, § 11), Алехандро Ариель Гонсалес (Университет им. Сан-Мартина, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина), Лаура Перес Диатто (Библиотека Конгресса Аргентинской республики, Буэнос-Айрес, Аргентина) («Идиот» в испаноязычном мире, § 11), Стефано Алоэ (Университет Вероны, Италия) («Идиот» в Италии, § 11), Эмил Димитров (Институт литературы Болгарской академии наук, София, Болгария) («Идиот» в Болгарии, § 11), Агнеш Дуккон (Институт славянской и балтийской филологии Университета им. Лоранда Этвеша (ELTE), Будапешт, Венгрия) («Идиот» в Венгрии, § 11), Тадеуш Сухарски (Поморская академия в Слупске, Польша) («Идиот» в Польше, § 11), Наохито Саису (Университет Киото, Япония) («Идиот» в Японии, § 11), Чжан Бяньгэ (Второй Пекинский институт иностранных языков, Китай) («Идиот» в Китае, § 11), К. Н. Отева («Идиот», § 12: театральные и кинопостановки по мотивам романа), при участии Стефано Алоэ, Бенами Барроса Гарсиа, Алехандро Ариэля Гонсалеса, Лауры Перес Диатто, Эмила Димитрова, Тадеуша Сухарски («Идиот» в театре и кинематографе Италии, Ис-

паний и испаноязычного мира, Болгарии, Польши), В. М. Дмитриев, при участии Т. Б. Трофимовой-Шифф («Вечный муж», историко-литературный и реальный комментарий к печатному тексту и подготовительным материалам к нему), В. М. Дмитриев, С. А. Кибальник, В. Д. Рак, Н. А. Тарасова, при участии Т. Б. Трофимовой-Шифф («Идиот», реальный комментарий к печатному тексту и подготовительным материалам к нему), Н. А. Тарасова (вводные заметки к разделу «Примечания», текстологические преамбулы к печатному тексту и рукописям романа «Идиот» и рассказа «Вечный муж», комментарии к разделу «Наброски и планы. <1868—1870>»).

Ссылки на вышедшие (1—8) и настоящий (9) тома второго издания приводятся в краткой форме, например: 8, 278 (что значит: *наст. изд., т. 8, с. 278*); 9, 253 (*наст. т., с. 253*).

Редакционно-техническую подготовку тома к печати осуществила, указатель имен к томам 8 и 9 составила Н. И. Коваленко. Редактор тома — Н. А. Тарасова. Контрольные рецензенты — В. Е. Багно, В. Д. Рак.

ИДИОТ

(Т. 8. С. 5; Т. 9. С. 109)

Источники текста

ПМ₁ — Подготовительные материалы к роману. Сентябрь—ноябрь 1867 г. Хранятся: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 5—6. С. 9, 15—16, 19, 23—57, 72—85, 134—135 и с. 3—5, 7—15, 17—18, 21—43, 49, 57, 111, 114, 116—120, 122—131, 136—141 (в двух рабочих тетрадах, содержащих также черновые записи к «Преступлению и наказанию», «Картузову», «Вечному мужу» и др.); см.: *Описание*. С. 93. Впервые опубликовано: *Сакулин, Бельчиков*. С. 11—95.

ПМ₂ — Подготовительные материалы ко второй, третьей и четвертой частям романа в период его публикации в журнале «Русский вестник». Март—ноябрь 1868 г. Хранятся: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 7. С. 1—48, 50—64, 66—73, 76—104, 106, 108—110, 115—116, 119, 125—132, 134—136 (в рабочей тетради, содержащей также записи к «Картузову» и др.); см.: *Описание*. С. 95. Впервые опубликовано: *Сакулин, Бельчиков*. С. 96—168.

РВ — Идиот. Роман. Ф. М. Достоевского // *Русский вестник*. 1868. № 1. С. 83—176; № 2. С. 561—656; № 4. С. 624—651; № 5. С. 124—159; № 6. С. 501—546; № 7. С. 175—225; № 8. С. 550—596; № 9. С. 223—272; № 10. С. 532—582; № 11. С. 240—289; № 12. С. 705—758 и приложение к № 12 — С. 759—824: главы VIII—XII четвертой части романа, которые рассылались подписчикам отдельно, «так как автор, находясь за границей, замедлил доставку рукописи» (редакционное примечание к содержанию декабрьской книжки *РВ* за 1868 г.).

1874₁ — Идиот. Роман в четырех частях. Федора Достоевского. СПб., 1874 (основная часть тиража, исправленная автором).

1874₂ — Идиот. Роман в четырех частях. Федора Достоевского. СПб., 1874 (часть тиража с разночтениями в главах V—XII четвертой части романа).

1874₃ — Идиот. Роман в четырех частях. Федора Достоевского. СПб., 1874 (часть тиража с разночтениями в главах V—XII четвертой части романа).

Впервые напечатано: *PВ*. 1868. № 1, 2, 4—12 и приложение к *PВ*. 1868. № 12, с посвящением Софье Александровне Ивановой, с подписями: Федор Достоевский, Ф. Достоевский — и датой: 17-го января. 1869.

Печатается по тексту 1874₃ с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями:

С. 36, строки 28—29: «а затем гармония» вместо «и затем гармония» (по *PВ*).

С. 39, строка 3: «всё еще ощупью» вместо «всё ощущую» (по *PВ*).

С. 46, строки 21—22: «малейшего проявления прежней насмешки» вместо «малейшего появления прежней насмешки» (по *PВ*).

С. 46, строка 33: «очень многое допустить» вместо «очень много допустить» (по *PВ*).

С. 57, строка 42: «случай такой очень редко бывает» вместо «случай очень редко бывает» (по *PВ*).

С. 67, строки 21—22: «за деревней, у изгороди» вместо «за деревней, у изгородки» (по *PВ*).

С. 69, строки 5—6: «для них была ужасным наслаждением моя любовь к Мари» вместо «для них было ужасным наслаждением моя любовь к Мари» (по *PВ*).

С. 75, строка 11: «— Далось же вам, Настасья Филипповна...» вместо «— Далась же вам, Настасья Филипповна...» (по *PВ*).

С. 76, строки 38—39: «наконец что-то насмешливое чуть-чуть обозначилось в лице ее» вместо «наконец что-то насмешливое чуть-чуть обозначалось в лице ее» (по *PВ*).

С. 95, строки 6—7: «Говорят, сегодня всё у вас кончится? Что же, кончится?» вместо «Говорят, сегодня всё у вас кончится? Что же кончится?» (по *PВ*).

С. 104, строка 43: «старая дева лет тридцати пяти» вместо «старшая дева лет тридцати пяти» (по *PВ*).

С. 119, строки 3—4: «— Я? Я не бывал? Вы это мне говорите? Несколько раз, милый мой, несколько раз!» вместо «— Я? Я не бывал? вы это мне говорите? Несколько раз, милый мой, несколько раз!» (по *PВ*).

С. 125, строки 36—37: «Родители первые на попятный» вместо «Родители первые на понятный» (по *PВ*).

С. 130, строка 18: «сам никогда никого не лягает» вместо «сам никогда не лягает» (по *PВ*).

С. 130, строка 32: «А я, ваше превосходительство, — Осел» вместо «А я, ваше превосходительство, — осел» (ред. испр.).

С. 135, строка 4: «Иные даже уверены были» вместо «Иные уверены были» (по *PВ*).

С. 149, строки 26—27: «с полным сознанием своих преимуществ» вместо «с полным сознанием своим преимуществ» (по *PВ*).

С. 162, строки 16—17: «глаз от огня» вместо «глаз от нее» (по РВ).

С. 162, строки 23—24: «между двумя дотлевавшими головнями» вместо «между двумя дотлевшими головнями» (по РВ).

С. 171, строка 21: «князь Ц.» вместо «князь Ч.» (ред. испр.).

С. 172, строки 8—9: «князь Ц.» вместо «князь Ч.» (ред. испр.).

С. 173, строка 17: «к мужу на свидания» вместо «к мужу на свидание» (по РВ).

С. 186, строка 21: «словно ребенок» вместо «словно ребенок» (по РВ).

С. 189, строки 22—23: «Что-то как бы пронзило князя и вместе с тем как бы что-то ему припомнилось» вместо «Что-то ему припомнилось» (по РВ).

С. 190, строки 39—40: «так сейчас и подумалось» вместо «так сейчас и подумал» (по РВ).

С. 191, строки 8—9: «одна из них, „История“ Соловьева» вместо «одна из них, история Соловьева» (ред. испр.).

С. 193, строка 2: «а и думать-то обо мне позабыла» вместо «а и думать-то обо мне и позабыла» (по РВ).

С. 194, строка 28: «Они, говорит, трусишки и подлецы» вместо «Они, говорят, трусишки и подлецы» (по РВ).

С. 197, строка 18: «такое слово слышал!» вместо «такое слово слышал!» (по РВ).

С. 197, строки 42—43: «Что это ты, „Русскую историю“ стал читать?» вместо «Что это ты, русскую историю стал читать?» (ред. испр.).

С. 214, строка 11: «в воксале он стоял» вместо «в Павловске он стоял» (ред. испр.).

С. 214, строки 24—25: «когда радость вдруг наполнила его душу» вместо «когда радость вдруг наполняла его душу» (по РВ).

С. 216, строки 28—29: «изъясняли так свое впечатление» вместо «изъяснили так свое впечатление» (по РВ).

С. 216, строки 34—35: «удара ножом, на него уже падавшего» вместо «удара ножом, на него уже нападавшего» (по РВ).

С. 228, строки 35—36: «на этом дело и стало» вместо «на этом деле и стало» (по РВ).

С. 229, строки 22—23: «которые он начертал на щите своем» вместо «которые он начертил на щите своем» (по РВ).

С. 229, строки 43—44: «трудно было понять, серьезно она говорит или смеется» вместо «трудно было поверить, серьезно она говорит или смеется» (по РВ).

С. 232, строка 11: «Возвратясь в свой замок дальний» вместо «Возвратясь в свой замок дальний» (по РВ).

С. 245, строка 7: «Лёва Шнейдера шинелью» вместо «Лева Шнейдера шинелью» (по РВ).

С. 247, строки 20—21: «право здравого смысла и голоса совести» вместо «право здравого смысла и голос совести» (по РВ).

С. 249, строки 32—33: «что в вашей статье» вместо «что в нашей статье» (по РВ).

С. 254, строка 16: «ведь в том-то и дело» вместо «ведь и в том-то и дело» (по РВ).

С. 256, строка 6: «Николая Андреевича Павлищева» вместо «Николая Алексеевича Павлищева» (ред. испр.).

С. 258, строка 5: «Николай Андреевич Павлищев» вместо «Николай Алексеевич Павлищев» (ред. испр.).

С. 258, строки 8—10: «этот семейный факт, совершенно точный и верный, весьма малоизвестен, даже совсем забыт» вместо «этот семейный факт, совершенно точный и верный, весьма малоцветен, даже совсем забыт» (ред. испр.).

С. 265, строка 7: «подставила ему стул» вместо «поставила ему стул» (по РВ).

С. 265, строки 41—42: «нам всем чаю даст» вместо «вам всем чаю даст» (по РВ).

С. 269, строки 1—2: «с большою радостью... чрезвычайно научился вас уважать» вместо «с большою радостью... чрезвычайно научился вас уважать» (по РВ).

С. 269, строки 21—22: «видно, как всё это для него неприятно» вместо «видно, как всё это для него не принято» (ред. испр.).

С. 273, строка 34: «княгиня Марья Алексевна» вместо «княгиня Марья Алексеевна» (по РВ).

С. 284, строки 23—24: «всю свою жизнь» вместо «всю жизнь» (по РВ).

С. 285, строка 19: «вы очень много выкупаете» вместо «вы очень выкупаете» (по РВ).

С. 286, строки 6—7: «не находите в этом ничего предосудительного» вместо «не находите в этом предосудительного» (по РВ).

С. 287, строки 26—27: «Правда и дело состоят» вместо «Правда и дело состоит» (по РВ).

С. 296, строка 42: «схватила его за руку» вместо «схватила его за руки» (по РВ).

С. 297, строка 19: «вот она зачем тебя просит» вместо «вот она затем тебя просит» (по РВ).

С. 301, строка 11: «до смешного были преувеличены» вместо «до смешного преувеличены» (по РВ).

С. 302, строка 29: «Спокойна до того, что и растолкать нельзя!» вместо «Спокойна до того, что и растолковать нельзя!» (по РВ).

С. 309, строка 20: «вы серьезно отвечали» вместо «вы не серьезно отвечали» (по РВ).

С. 319, строка 15: «Да неужели она такого» вместо «Да неужели он такого» (по РВ).

С. 325, строки 16—17: «прошли к Лизавете Прокофьевне» вместо «пришли к Лизавете Прокофьевне» (по РВ).

С. 327, строки 43—44: «Она в истерике и плачет, и говорит, что нас осрамили и опозорили. Кто? Как?» вместо «Она в истерике

и плачет, и говорит, что нас осрамили и опозорили: Кто? Как?» (ред. испр.).

С. 331, строка 28: «за руки его давеча схватили» вместо «за руки давеча схвати́ли» (по РВ).

С. 331, строки 33—34: «Я теперь умею пистолет заряжать! Знаете ли, что меня сейчас учили, как пистолет зарядить?» вместо «Я теперь умею пистолет заряди́ть» (по РВ).

С. 338, строки 34—35: «споры о самых отвлеченных и странных для нее вещах, не умолкавшие между подпившими гостями» вместо «споры о самых отвлеченных и странных для нее вещах, не умолкавших между подпившими гостями» (ред. испр.).

С. 346, строка 20: «почти всегда и невероятна, и неправдоподобна» вместо «почти всегда невероятна, и неправдоподобна» (по РВ).

С. 356, строка 27—28: «всё ещё задыхался и читал бессвязно и неровно» вместо «всё ещё задыхался и читали бессвязно и неровно» (по РВ).

С. 358, строки 20—22: «голую правду, не нежничая и без церемонии. Так он и сделал, и не только с готовностью и без церемонии, но даже с видимым удовольствием» вместо «голую правду, не нежничая и без церемонии, но даже с видимым удовольствием» (по РВ).

С. 360, строки 10—11: «Норма смотрела ужасно злобно, хоть и дрожала всеми членами» вместо «Норма смотрела ужасно злобно, хоть и дрожа всеми членами» (по РВ).

С. 367, строка 13: «кричал, в ожидании тощей маминой груди» вместо «кричал, в ожидании тощей груди» (по РВ).

С. 372, строки 43—44: «Какой-нибудь из „несчастных“, убивший» вместо «Какой-нибудь из „несчастных“, убивших» (по РВ).

С. 379, строки 29—31: «буду стоять под пистолетом. Месяц тому назад я его осмотрел и приготовил. В ящике, где он лежал, отыскались две пули» вместо «буду стоять под пистолетом. В ящике, где он лежал, отыскались две пули» (по РВ).

С. 382, строки 12—13: «я даже согласен» вместо «но я даже согласен» (по РВ).

С. 384, строка 37: «— Ай да генерал! — похвалил Фердыщенко» вместо «— Ай да генерал! — подхватил Фердыщенко» (по РВ).

С. 393, строка 10: «объяснял князь» вместо «объяснил князь» (по РВ).

С. 397, строка 21: «и из бутылки прямо и замуж пойду» вместо «и из бутылки прямо замуж пойду» (по РВ).

С. 398, строки 7—8: «стараясь всё ещё не глядеть на него прямо, и хотела» вместо «стараясь ещё не глядеть на него прямо, хотела» (по РВ).

С. 415, строки 42—43: «но уверяю вас» вместо «уверяю вас» (по РВ).

С. 416, строка 17: «Это важно-с, это... это очень важно-с и... так сказать...» вместо «Это важно-с и... так сказать...» (по РВ).

С. 417, строки 16—18: «разум не оставлял вас во всё продолжение вашего сновидения; вспоминаете даже, что вы действовали чрезвычай-

чайно хитро и логично во всё это долгое, долгое время» вместо «разум не оставлял вас во всё это долгое, долгое время» (по *PВ*).

С. 417, строка 23: «наизусть знают весь ваш обман» вместо «наизусть знают весь наш обман» (по *PВ*).

С. 423, строки 21—22: «Они и до Гоголя знали» вместо «Они до Гоголя знали» (по *PВ*).

С. 433, строки 9—10: «во-первых, совсем и не ловил, а во-вторых» вместо «во-первых, совсем и не ловил, и во-вторых» (по *PВ*).

С. 442, строки 15—16: «не дай опять промаха, да и не струсь, смотри» вместо «не дай опять промаха, но и не струсь, смотри» (по *PВ*).

С. 443, строки 34—36: «вдруг начинал о чем-то рассказывать, — о Епанчиных, о князе, о Лебедеве» вместо «вдруг начинал о чем-то рассказывать, — о Епанчиных, о князе и Лебедеве» (по *PВ*).

С. 445, строка 4: «ссора, тоже быстро и вскоре замолкшая» вместо «ссора, тоже быстро и скоро замолкшая» (по *PВ*).

С. 452, строки 32—33: «мешаю, так сказать, интереснейшим чувствам» вместо «мешаю, так сказал, интереснейшим чувствам» (по *PВ*).

С. 453, строки 13—14: «несправедливо обиженные» вместо «справедливо обиженные» (по *PВ*).

С. 461, строка 2: «может быть, пожалеет меня и другой ребенок» вместо «может быть, пожалеет и другой ребенок» (по *PВ*).

С. 465, строки 14—15: «ничего не случилось и как будто в то же время и очень много случилось» вместо «ничего не случилось» (по *PВ*).

С. 477, строки 42—43: «что с этой точки зрения лучше взглянуть» вместо «что с той точки зрения лучше взглянуть» (по *PВ*).

С. 487, строка 22: «Аглая Ивановна не имеет права писать» вместо «Аглая Ивановна не имеет право писать» (по *PВ*).

С. 491, строка 38: «заповеданному кругу» вместо «заповедному кругу» (по *PВ*).

С. 497, строка 5: «то есть к компании князя N.» вместо «то есть к компании князя Н.» (по *PВ*).

С. 500, строка 38: «русская страстность наша» вместо «русская странность наша» (по *PВ*).

С. 502, строка 40: «смутных и странных ощущений» вместо «смутных и страшных ощущений» (ред. испр.).

С. 503, строки 13—14: «на других таким сверкающим взглядом» вместо «на других таких сверкающим взглядом» (по *PВ*).

С. 508, строка 42: «— Я никогда никакого слова не давала» вместо «— Я никогда никогда слова не давала» (по *PВ*).

С. 515, строка 39: «пред вами не виноват ни в чем» вместо «пред вами не виноват ни чем» (*PВ*, 1874₁) и «пред вами не виноват ничем» (1874₂, 1874₃) (ред. испр.).

С. 525, строки 23—24: «затрудняемся объяснить происшедшее» вместо «затрудняемся объяснить происшествие» (по *PВ*).

С. 528, строка 5: «сколько бы мы их ни приводили» вместо «сколько бы их ни приводили» (по *PВ*).

С. 547, строки 9—10: «постучалась к нему» вместо «постучались к нему» (по *PВ*).

С. 553, строка 23: «и не переходит к нему» вместо «и переходит к нему» (ред. испр.).

С. 560, строка 19: «вошедших и окруживших его людей» вместо «вошедших и окружавших его людей» (по *PВ*).

С. 561, строка 2: «не отворявшиеся по звонку» вместо «не отворявшиеся закону» (по *PВ*).

Анализ источников текста указывает на то, что в большинстве своем ошибки набора возникали при последующей перепечатке *PВ*. Однако есть случаи, когда в книжном издании исправлены ошибки журнальной редакции романа. В № 1 *PВ* напечатаны главы I—VII романа, в № 2 — VIII—XIV, далее в этом же номере произошел сбой нумерации: VIII—IX. Следует читать:

С. 146, строка 30: «XV» вместо «VIII» (по 1874¹).

С. 155, строка 14: «XVI» вместо «IX» (по 1874).

Пример пунктуационной правки текста *PВ* в 1874:

С. 458, строки 4—5: «— Мои записки, — произнес он с удвоенною гордостью, — написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь!» вместо «— Мои записки, — произнес он с удвоенною гордостью, — написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь?».

В ответе генерала Иволгина князю Мышкину, без сомнения, восклицательная интонация, а не вопрос.

В 1874 исправлена явная опечатка *PВ* в следующем случае:

С. 239, строки 3—5: «Все наконец расселись в ряд на стульях напротив князя, все, отрекомендовавшись, тотчас же нахмурились» вместо «Все наконец расселись в ряд на стульях напротив князя, все отрекомендовались тотчас же, нахмурились».

Глагол «отрекомендовались» не соответствует ситуации, потому что о том, что герои сделали это (представились), сообщается в цитируемом и предыдущих абзацах.

В предложении: «„Он, правда, был пьян, — заметил при этом Птицын, — но сто тысяч, как это ни трудно, ему, кажется, достанут, только не знаю, сегодня ли и все ли; а работают многие, Киндер, Трепалов, Бискуп; проценты дает какие угодно, конечно всё спьяну и с первой радости...” — заключил Птицын» (8, 129) — написание *PВ* «заключал» исправлено в 1874 на «заклучил». Изменение обоснованное, так как выше используется ремарка «заметил» в той же грамматической форме (глагол несовершенного вида), что соответствует содержанию высказывания.

В сцене визита князя на вечер к Епанчиным имеется характеристика речей героя: «Почти он один и говорил во весь этот вечер, много рас-

¹ Под 1874 подразумевается последнее прижизненное издание романа, если речь не идет о разночтениях между тиражами.

сказывал; ясно, с радостью и подробно отвечал на вопросы. Но ничего, впрочем, похожего на любезный разговор не проглядывало в словах его. Всё это были такие серьезные, такие даже мудреные иногда мысли. Князь изложил даже несколько своих взглядов, своих собственных за- таенных наблюдений, так что всё это было бы даже смешно, если бы не было так „хорошо изложено“, как согласились потом все слушавшие. Генерал хоть и любил серьезные разговорные темы, но и он, и Лизавета Прокофьевна нашли про себя, что уж слишком много учености, так что стали под конец вечера даже грустны» (8, 475). В прижизненных изданиях разночтение: «любезный разговор» (1874) / «любовный разговор» (РВ). В этом смысловом контексте вариант «любовный разговор» не вполне уместен, в отличие от исправления, предложенного в 1874: речь о том, что князь Мышкин вместо ведения легкой светской беседы, которая и была бы проявлением любезности, начал обсуждать «серьезные темы», что удивило его слушателей.

Большая часть опечаток 1874, исправлена в 1874₂ и 1874₃.

Примеры ошибок 1874₁ с исправлением их по другим источникам:

С. 466, строки 5—6: «смотря с этой точки зрения» вместо «смотря в этой точки зрения» (по РВ, 1874₂, 1874₃).

С. 493, строки 33—34: «хотя и молодой человек» вместо «и хотя и молодой человек» (по РВ, 1874₂, 1874₃).

С. 537, строки 5—6: «была необыкновенно весела весь тот день» вместо «была необыкновенно весела тот день» (по РВ, 1874₂, 1874₃).

С. 540, строки 29—30: «она иногда рассказывала, когда увлекалась, а она увлекалась часто» вместо «она иногда рассказывала, когда увлекалась часто» (по РВ, 1874₂, 1874₃).

С. 544, строка 44: «объяснял он» вместо «объяснил он» (по РВ, 1874₂, 1874₃).

С. 549, строка 7: «Ободряя себя этими утешениями» вместо «Одобряя себя этими утешениями» (по 1874₂, 1874₃).

В последнем случае, в отличие от остальных, 1874₁ воспроизводит неточность РВ, которая замечена и исправлена в последних двух тиражах издания. Между вторым и третьим тиражами 1874 нет существенных различий. Отметим лексическое разночтение, которое является разграничительным признаком 1874₂ и 1874₃. В строках об Ипполите: «Он был в чрезвычайной претензии на Колю за то, что тот почти не ходил к нему, оставаясь сперва с умиравшим отцом, а потом с овдовевшей матерью» (8, 539) — в РВ, 1874₁, 1874₂ нет местоимения «тот», однако без него высказывание получает смысловую двойственность («чрезвычайную претензию» можно отнести и к Ипполиту, и к Коле, хотя подразумевается именно Коля Иволгин). Пропуск восполнен в 1874₃.

В 1874 имеются пунктуационные изменения, являющиеся следствием работы корректоров и наборщиков (в последнем случае это ошибки набора) и нередко ослабляющие логико-синтаксические связи в авторском тексте. Приведем основные группы разночтений. В указан-

ных ниже случаях, если не оговорено редакционное исправление текста обоих прижизненных изданий, восстанавливается пунктуация *РВ* как более точная и семантически обоснованная.

Двоеточие (*РВ*) вместо точки с запятой (1874):

С. 18, строки 27—28: «удивляться нечего: в настоящее время мои обстоятельства неказисты» вместо «удивляться нечего; в настоящее время мои обстоятельства неказисты».

С. 32, строки 9—10: «вот эта фраза: „Усердие всё преодолагает”» вместо «вот эта фраза; „Усердие всё преодолагает”».

С. 212, строка 20: «Нет, Рогожин на себя клеветает: у него огромное сердце» вместо «Нет, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце».

С. 261, строки 18—20: «Бурдовский не принял десяти тысяч: вы видели; не принес бы и ста рублей, если бы был бесчестен!» вместо «Бурдовский не принял десяти тысяч; вы видели; не принес бы и ста рублей, если бы был бесчестен!».

С. 291, строка 37: «— Позволь тебя спросить: изволил ты прислать» вместо «— Позволь тебя спросить; изволил ты прислать».

С. 294, строка 5: «Теперь отвечай просто да или нет: знаешь ты» вместо «Теперь отвечай просто да или нет; знаешь ты».

С. 412, строки 39—40: «сам бы поднес ее на блюде всем сомневающимся: „Вот, дескать, видите» вместо «сам бы поднес ее на блюде всем сомневающимся; „Вот, дескать, видите».

Основная часть приведенных примеров — это ошибки наборщиков 1874, перепутавших знаки, но в некоторых случаях (как «Бурдовский не принял десяти тысяч; вы видели; не принес бы и ста рублей, если бы был бесчестен!») возможна корректорская пунктуационная унификация текста. Двоеточие заменяется точкой с запятой, потому что в предложении есть этот знак и при двойном его использовании фраза не обесмысливается, а приобретает другой смысловой оттенок: в *РВ* за двоеточием следует расшифровка мысли, в 1874 вместо этого интонационная пауза. В 1874 нет последовательной правки такого рода.

В одном случае точка с запятой появляется в обоих прижизненных изданиях, хотя по смыслу необходимо двоеточие (проведено редакционное исправление текста):

С. 93, строки 12—14: «Об одном буду очень просить: если мой муж как-нибудь обратится к вам по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мне» вместо «Об одном буду очень просить; если мой муж как-нибудь обратится к вам по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мне».

Двоеточие (*РВ*) вместо пропуска знака или замены его запятой (1874):

С. 19, строки 3—4: «есть пословица: в чужой монастырь» вместо «есть пословица в чужой монастырь».

С. 234, строка 34: «три тысячи раз говорю вам: поздно» вместо «три тысячи раз говорю вам поздно».

С. 431, строки 16—18: «лекции про упорство и силу воли читать: малым не пренебрегать и так далее» вместо «лекции про упорство и силу воли читать, малым не пренебрегать и так далее».

Двоеточие (РВ) вместо точки (1874):

С. 31, строки 38—39: «написал средневековым русским шрифтом фразу:» вместо «написал средневековым русским шрифтом фразу.».

В одном случае решено сохранить правку, проведенную в 1874:

С. 356, строка 33: «Вот вся эта „статья“.» (в РВ — двоеточие).

«Необходимое объяснение» Ипполита Терентьева прерывается разговорами и далее получает продолжение, так что «статья» произносится по частям (и это довольно объемные отрезки текста), а не вся сразу. Вероятно, поэтому, в 1874 двоеточие заменено точкой.

Дважды точка появляется в обеих прижизненных публикациях романа в позиции, требующей двоеточия, — в этих случаях в текст внесены редакционные исправления:

С. 78, строки 43—44: «с искривленною улыбкой обратился к князю:» вместо «с искривленною улыбкой обратился к князю.».

С. 323, строки 33—34: «обратился к князю, уже вставшему со стула:» вместо «обратился к князю, уже вставшему со стула.».

Точка (РВ) вместо двоеточия (1874):

С. 358, строки 36—38: «Что он не ошибся в том, я совершенно уверен.

Удивило меня очень» вместо «Что он не ошибся в том, я совершенно но уверен:

Удивило меня очень».

Такой знак — двоеточие при продолжении текста с прописной буквы — в XIX в. был возможен, однако в других подобных случаях правка в 1874 отсутствует, т. е. изменение текста имеет случайный характер.

Точка с запятой (РВ) вместо двоеточия (1874):

С. 29, строка 13: «стонет и охает; „чего вы?“ — спрашиваю» вместо «стонет и охает: „чего вы?“ — спрашиваю».

С. 67, строки 20—21: «Я долго старался встретить Мари одну; наконец мы встретились» вместо «Я долго старался встретить Мари одну: наконец мы встретились».

С. 173, строки 42—43: «Варя скоро узнала об этом; Коля, впрочем, познакомился не чрез Варю» вместо «Варя скоро узнала об этом: Коля, впрочем, познакомился не чрез Варю».

С. 243, строки 19—20: «он — известный адвокат; ему поручено одно дело» вместо «он — известный адвокат: ему поручено одно дело».

С. 465, строки 24—26: «Так утверждали сестры; конечно, и Лизавета Прокофьевна раньше всех всё предвидела и узнала» вместо «Так утверждали сестры: конечно, и Лизавета Прокофьевна раньше всех всё предвидела и узнала».

В 1874 ошибки набора: в приведенных примерах нужна точка с запятой, потому что разделяемые этим знаком простые предложения са-

мостоятельны и не находятся в такой синтаксической зависимости, когда вторая часть сложного предложения является пояснением для первой и присоединяется к ней двоеточием.

В случаях, когда двоеточие используется в *РВ* и 1874, но по смыслу необходима точка с запятой, разделяющая несколько логически самостоятельных отрезков текста, — внесены редакционные исправления:

С. 145, строки 33—35: «Вы слышали, я сказала князю: „как скажете, так и будет“; сказал бы да, я бы тотчас же дала согласие, но он сказал нет, и я отказала» вместо «Вы слышали, я сказала князю: „как скажете, так и будет“: сказал бы да, я бы тотчас же дала согласие, но он сказал нет, и я отказала».

С. 321, строки 18—24: «В самом лице этой женщины всегда было для него что-то мучительное; князь, разговаривая с Рогожиным, перевел это ощущение ощущением бесконечной жалости, и это была правда: лицо это еще с портрета вызывало из его сердца целое страдание жалости; это впечатление сострадания и даже страдания за это существо не оставляло никогда его сердца» вместо «В самом лице этой женщины всегда было для него что-то мучительное: князь, разговаривая с Рогожиным, перевел это ощущение ощущением бесконечной жалости, и это была правда: лицо это еще с портрета вызывало из его сердца целое страдание жалости; это впечатление сострадания и даже страдания за это существо не оставляло никогда его сердца».

Точка с запятой (*РВ*) вместо запятой (1874):

С. 51, строки 21—22: «пусть он вам там напишет; какой он каллиграф, так на редкость!» вместо «пусть он вам там напишет, какой он каллиграф, так на редкость!».

С. 191, строки 35—36: «Потом и от меня убежала; ты опять ее разыскал и к венцу повел» вместо «Потом и от меня убежала, ты опять ее разыскал и к венцу повел».

Запятая необоснованно меняет смысл авторских высказываний. Обратный случай — ошибочное появление в *РВ* и 1874 точки с запятой вместо запятой. Внесены редакционные исправления:

С. 391, строки 5—9: «О, он, конечно, не мог говорить тогда этими словами и высказать свой вопрос; он мучился глухо и немо; но теперь ему казалось, что он всё это говорил и тогда, все эти самые слова, и что про эту „мушку“ Ипполит взял у него самого» вместо «О, он, конечно, не мог говорить тогда этими словами и высказать свой вопрос; он мучился глухо и немо; но теперь ему казалось, что он всё это говорил и тогда; все эти самые слова, и что про эту „мушку“ Ипполит взял у него самого».

С. 559, строки 26—29: «он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже, всё говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает всё не то, что бы надо делать, и что вот эти карты» вместо «он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже, всё говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает всё не то, что бы надо делать; и что вот эти карты».

В первом примере запятая необходима при выделении обособления «все эти самые слова». Во втором — придаточного предложения «и что вот эти карты...», однородного с придаточным «что в эту минуту...» и относящегося к общему слову «понял».

Опечатки в стихотворных строках (1874) исправлены по *PВ*:

С. 231, строки 27—28: «Он имел одно виденье, // Непостижное уму,» вместо «Он имел одно виденье; // Непостижное ему».

С. 232, строки 5—6: «Мчались в битву паладины, // Именуя громко дам» вместо «Мчались в битву паладины // Именуя громко дам».

Запятая (*PВ*, 1874₁) вместо двоеточия (1874_{2,3}):

С. 505, строки 25—28: «Я с любопытством шел сюда сегодня, со смятением: мне надо было видеть самому и лично убедиться, действительно ли весь этот верхний слой русских людей уж никуда не годится» вместо «Я с любопытством шел сюда сегодня, со смятением: мне надо было видеть самому и лично убедиться: действительно ли весь этот верхний слой русских людей уж никуда не годится».

На появление двоеточия мог повлиять тот факт, что этот знак уже есть в тексте (возник повтор).

По *PВ* исправлена ошибка набора 1874 (где запятая после «ваш» ошибочно перенесена к предыдущему слову):

С. 486, строка 36: «теперь опять ваш, весь ваш, с головы до сердца, слуга-с» вместо «теперь опять ваш, весь, ваш с головы до сердца, слуга-с».

Вопросительный знак (*PВ*) вместо точки (1874):

С. 219, строки 28—30: «И почему ~ точно желаете секрет на ухо сообщить?» вместо «И почему ~ точно желаете секрет на ухо сообщить.».

С. 293, строки 28—29: «Теперь для нее приехал? Для этой?» вместо «Теперь для нее приехал? Для этой.».

С. 431, строки 25—26: «теперь-то там как? Формальное дала согласие?» вместо «теперь-то там как? Формальное дала согласие.».

С. 507, строка 27: «Вы смеетесь, Иван Петрович?» вместо «Вы смеетесь, Иван Петрович.».

В этих случаях в 1874 произошла необоснованная замена вопросительного знака точкой. На необходимость восстановления знака указывают вопросительные слова или вопросительная интонация, подтвержденная соответствующим знаком в ближайшем контексте. В последнем примере о необходимости знака вопроса свидетельствует то, что в речи героя в том же абзаце используются сходные вопросительные конструкции: «Вы не верите? Вы улыбаетесь?».

Подобные ошибки встречаются не только в 1874, но и в *PВ* (при этом в 1874 они повторены). В следующих случаях внесены редакционные исправления текста:

С. 112, строки 35—36: «спросить, князь: вы до сих пор не знавали Настасью Филипповну?» вместо «спросить, князь: вы до сих пор не знавали Настасью Филипповну.».

С. 389, строки 34—36: «— Вы удивительны, князь; вы не верите, что он способен убить теперь десять душ?

— Я боюсь вам ответить» вместо «— Вы удивительны, князь; вы не верите, что он способен убить *теперь* десять душ.

— Я боюсь вам ответить».

С. 417, строки 34—37: «Почему ~ что вы оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное?» вместо «Почему ~ что вы оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное.».

Данная неточность в *РВ* могла быть следствием использования этого знака в наборной рукописи романа: Достоевский иногда ставил точку вместо вопроса в вопросительных предложениях. На стадии печатного текста, кроме того, знак вопроса мог теряться при наборе сложных синтаксических конструкций, в которых между вопросительным словом в начале предложения и конечным знаком есть развернутые придаточные предложения или обособленные обороты.

Знак точки (*РВ*, 1874) исправлен на вопросительный по смыслу высказывания:

С. 425, строки 42—43: «А сколько было Пироговых между нашими литераторами, учеными, пропагандистами?» вместо «А сколько было Пироговых между нашими литераторами, учеными, пропагандистами.».

Вопросительный знак (*РВ*) вместо запятой (1874):

С. 479, строка 15: «— Каким Остерманом? — удивился князь» вместо «— Каким Остерманом, — удивился князь».

В одном случае в *РВ* и 1874 запятая, когда по смыслу необходим вопросительный знак (сделано редакционное исправление):

С. 341, строки 31—32: «— А знаете, что я ужасно рад тому, что именно сегодня день вашего рождения? — прокричал Ипполит» вместо «— А знаете, что я ужасно рад тому, что именно сегодня день вашего рождения, — прокричал Ипполит».

Редакционные исправления текста проведены в тех случаях, когда в прижизненных изданиях знак вопроса использован в утвердительных предложениях, в состав которых входят придаточные с вопросительными словами «какой» и «что». Вместо знака вопроса в указанной синтаксической позиции ставятся запятая или точка (последняя — в случае завершения предложения):

С. 82, строки 26—27: «Да, еще: когда я спросил, уже взяв записку, какой же ответ, тогда она сказала» вместо «Да, еще: когда я спросил, уже взяв записку, какой же ответ? Тогда она сказала».

С. 98, строки 1—2: «что та поняла, по силе этого взгляда, что значила для ее брата эта минута.» вместо «что та поняла, по силе этого взгляда, что значила для ее брата эта минута?».

С. 174, строки 8—9: «В первый раз спор вышел из-за „женского вопроса“, а во второй раз из-за вопроса, в которое время года лучше ловить чижигов.» вместо «В первый раз спор вышел из-за „женского вопроса“, а во второй раз из-за вопроса, в которое время года лучше ловить чижигов?».

С. 174, строки 37—38: «И уж только чрез неделю случилось ей разглядеть, какая была это книга.» вместо «И уж только чрез неделю случилось ей разглядеть, какая была это книга?».

С. 363, строки 41—42: «Колумб помер, почти не видав его и, в сущности, не зная, что он открыл.» вместо «Колумб помер, почти не видав его и, в сущности, не зная, что он открыл?».

Аналогичное редакционное исправление сделано, когда вопросительный знак возникает не в вопросительной конструкции:

С. 551, строки 11—12: «Он наконец поднялся и попросил, чтоб ему показали комнаты Настасьи Филипповны.» вместо «Он наконец поднялся и попросил, чтоб ему показали комнаты Настасьи Филипповны?».

Вопросительный знак (РВ) вместо восклицательного (1874):

С. 125, строка 5: «— Вы говорите, у него чахотка?» вместо «— Вы говорите, у него чахотка!».

С. 479, строка 3: «— Какого Степана Глебова?» вместо «— Какого Степана Глебова!».

Восклицательный знак (РВ) вместо вопросительного (1874):

С. 91, строка 15: «Но покамест я дышу, она не войдет!» вместо «Но покамест я дышу, она не войдет?».

С. 105, строки 3—5: «Ну, конечно, ездил с раскаянием, просил извинения, письмо написал, не приняли, ни меня, ни письма, а с Епанчиным раздоры, исключение, изгнание!» вместо «Ну, конечно, ездил с раскаянием, просил извинения, письмо написал, не приняли, ни меня, ни письма, а с Епанчиным раздоры, исключение, изгнание?».

С. 136, строки 1—2: «— Но какой же вы утонченнейший человек, Афанасий Иванович, так даже меня дивите!» вместо «— Но какой же вы утонченнейший человек, Афанасий Иванович, так даже меня дивите?».

С. 244, строки 21—22: «Тут одна только совесть и справедливость!» вместо «Тут одна только совесть и справедливость?».

С. 305, строки 11—13: «И проклятый, проклятый этот болтун Евгений Павлыч, всем разговором один завладел!» вместо «И проклятый, проклятый этот болтун Евгений Павлыч, всем разговором один завладел?».

С. 316, строка 12: «Что за милый он человек, Аглая!» вместо «Что за милый он человек, Аглая?».

С. 322, строки 10—11: «Я ведь думала, что ты там... у дяди!» вместо «Я ведь думала, что ты там... у дяди?».

С. 332, строка 42: «Как это странно! Как это странно!» вместо «Как это странно! Как это странно?».

С. 412, строка 19: «— Что за дичь!» вместо «— Что за дичь?».

С. 509, строки 8—9: «Но если бы знала она, как была несправедлива в эту минуту к дочери!» вместо «Но если бы знала она, как была несправедлива в эту минуту к дочери?».

С. 533, строки 8—9: «Ведь это невероятное преувеличение!» вместо «Ведь это невероятное преувеличение?».

В нескольких указанных случаях появление вопросительного знака в 1874 могло быть интерпретационным решением, если читавшие текст (наборщики, корректоры) придавали словам «что» и «как» (или всему высказыванию в целом) вопросительный смысл.

Подобные примеры встречаются в *PВ* и 1874, что потребовало редакционного исправления:

С. 64, строки 36—38: «меня всегда поражала мысль, как плохо знают большие детей, отцы и матери даже своих детей!» вместо «меня всегда поражала мысль, как плохо знают большие детей, отцы и матери даже своих детей?».

С. 201, строки 20—21: «— Как ты странно спрашиваешь и... глядишь! — заметил князь невольно» вместо «— Как ты странно спрашиваешь и... глядишь? — заметил князь невольно».

С. 210, строки 29—31: «какое безобразие! И какой же, однако, гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева!» вместо «какое безобразие! И какой же, однако, гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева?».

С. 430, строки 14—15: «Что ты такая сидишь? На тебе лица нет!» вместо «Что ты такая сидишь? На тебе лица нет?».

Такая ошибка *PВ* (когда текст набирался с автографа) может объясняться также особенностями авторского почерка, в котором восклицательный и вопросительный знаки имеют иногда сходное начертание.

Восклицательный знак (*PВ*) вместо точки (1874):

С. 275, строки 34—35: «это такая душа! Я давно уже считаю его великим, ваше превосходительство!» вместо «это такая душа! Я давно уже считаю его великим, ваше превосходительство.».

С. 389, строки 19—20: «Главное, этой откровенности слабосилия не поверил бы!» вместо «Главное, этой откровенности слабосилия не поверил бы.».

С. 440, строки 11—12: «вы сплетник, — вскричал Ганя, — оттого и не решаетесь без сплетен уйти!» вместо «вы сплетник, — вскричал Ганя, — оттого и не решаетесь без сплетен уйти.».

С. 461, строка 33: «Такой совет и в такую минуту, согласитесь, князь!» вместо «Такой совет и в такую минуту, согласитесь, князь.».

Как и в примерах с вопросом, на необходимость восклицательного знака указывает соответствующая интонация контекста, обозначенная знаком «!» или восклицательными словами.

Точка (*PВ*) вместо восклицательного знака (1874):

С. 407, строка 15: «— В семь часов; зашел ко мне мимоходом: я дежурю.» вместо «— В семь часов; зашел ко мне мимоходом: я дежурю!».

Постановка восклицательного знака в данном предложении придает словам «я дежурю» значение прямой речи, отнесенной к Фердыщенко:

«— Фердыщенко ушел, вы говорите?

— В семь часов; зашел ко мне мимоходом: я дежурю! Сказал, что идет доночевывать к Вилкину».

Более широкий контекст повествования указывает на то, что речь идет о дежурстве Коли Иволгина у Ипполита Терентьева («Бурдовский разбудил меня в седьмом часу на дежурство, почти даже в шесть»). Слова «я дежурю» принадлежат Коле, отвечающему на вопрос князя Мышкина о Фердыщенко, и именно поэтому не поставлены в кавычки (это часть более широкой реплики): они произнесены без восклицательной интонации, как повторение ранее сказанного.

Восклицательный знак (РВ) вместо запятой (1874):

С. 95, строки 39—40: «Вы решаетесь наконец нас оставить, князь! — закричал он князю» вместо «Вы решаетесь наконец нас оставить, князь, — закричал он князю».

С. 416, строки 22—23: «— Ну вот-с, это, что называется, след-с! — потирая руки, неслышно смеялся Лебедев: — так я и думал-с!» вместо «— Ну вот-с, это, что называется, след-с, — потирая руки, неслышно смеялся Лебедев: — так я и думал-с!».

С. 481, строки 33—35: «Матап, конечно, благородная женщина; осмелюсь ей предложить что-нибудь низкое, и увидите! Ну, а пред этою» вместо «Матап, конечно, благородная женщина; осмелюсь ей предложить что-нибудь низкое, и увидите, Ну, а пред этою».

В первых двух случаях выбор знака определяет семантика контекста — авторская ремарка «закричал», предполагающая повышенную эмоциональность высказывания, и восклицание, отмеченное знаком «!». В третьем примере очевидная опечатка.

В обоих прижизненных изданиях романа есть случай использования точки с запятой при переходе от прямой речи к словам автора, после которых следует точка (т. е. прямая речь не продолжается). Точка с запятой здесь неуместна: в других примерах она (наряду с двоеточием) используется только при условии, что прямая речь продолжена после слов автора. И двоеточие, и точка с запятой сигнализируют о продолжении слов героя и отделяют их от авторских ремарок. Семантике высказывания в приведенном ниже примере соответствует многоточие (сделано редакционное исправление):

С. 247, строки 8—9: «— Довольно, Лебедев, довольно, довольно... — начал было князь» вместо «— Довольно, Лебедев, довольно, довольно; — начал было князь».

Дважды в 1874 знаки меняются местами вследствие ошибки наборщика, с нарушением смысла и интонации высказываний; текст исправлен по РВ:

С. 71, строки 4—6: «Я очень смеялся: он, конечно, не прав, потому что какой же я маленький? Но одно только правда: я и в самом деле не люблю быть со взрослыми» вместо «Я очень смеялся: он, конечно, не прав: потому что какой же я маленький? Но одно только правда, я и в самом деле не люблю быть со взрослыми».

С. 451, строки 25—27: «невероятно почти-с.

— А... генерал?» вместо: «невероятно почти-с?

— А... генерал.».

Отметим также пропуски знаков в 1874; текст исправлен по РВ.

Пропуск запятой:

С. 22, строки 6—7: «и машина для того выдумана, гильотина» вместо «и машина для того выдумана гильотина».

С. 119, строка 28: «отец ли, заслуженный» вместо «отец ли заслуженный».

С. 122, строка 13: «Да, я несколько ошибся, но это... ничего» вместо «Да я несколько ошибся, но это... ничего».

С. 268, строки 12—13: «принадлежит ему, за шесть целковых» вместо «принадлежит ему за шесть целковых».

С. 298, строка 22: «все служили, все служат, все намерены служить» вместо «все служили все служат, все намерены служить».

С. 321, строка 38: «Он повернул к ней голову, поглядел на нее» вместо «Он повернул к ней голову поглядел на нее».

С. 349, строки 37—38: «дамы в обморок падали, ну — а этот заключает закуской» вместо «дамы в обморок падали ну — а этот заключает закуской».

В большинстве приведенных примеров пропуск — это следствие очевидных ошибок набора. Однако в нескольких случаях в тексте в результате пропуска запятой появляется новый смысл: «Да я несколько ошибся, но это... ничего» (без запятой не утверждение, а оправдание, которого нет в речи героя); «принадлежит ему за шесть целковых» (без запятой утрачивается значение уточнения). Ср. с обратным примером, когда в 1874 ставится запятая, отсутствующая в *PВ* и не являющаяся необходимой (постановка знака здесь также меняет смысл предложения); текст исправлен по *PВ*:

С. 211, строка 22: «Да он уже и был на Петербургской» вместо «Да, он уже и был на Петербургской».

В словах генерала Иволгина «отец ли, заслуженный и... так сказать... и прочее» (см. выше) запятая нужна, потому что она появляется в сходном контексте, где расшифровывается смысл определения «заслуженный» (речь того же персонажа, обращенная к Птицыну): «отцом жены вашей, заслуженным у государя своего» (8, 436).

Пропуск вопросительного знака:

С. 419, строки 8—9: «Что это (пишет она еще)? вчера я прошла мимо вас, и вы как будто покраснели?» вместо «Что это (пишет она еще) вчера я прошла мимо вас, и вы как будто покраснели?».

Пропуск восклицательного знака и замена двойных знаков «?!» и «!...» многоточием:

С. 295, строка 1: «— Кого?! — воскликнул князь» вместо «— Кого? — воскликнул князь».

С. 392, строка 3: «— Здесь была другая женщина?!» вместо «— Здесь была другая женщина...».

С. 410, строка 43: «Там могила-с!.. — восторженно проговорил Лебедев» вместо «Там могила-с... — восторженно проговорил Лебедев».

На ошибки набора указывают содержание высказываний и слова «воскликнул», «восторженно проговорил», сопровождающие восклицание.

Пропуск многоточия:

С. 103, строки 13—14: «Позвольте... и на железной дороге!.. — как бы припоминала она» вместо «Позвольте и на железной дороге!.. — как бы припоминала она».

Пропуск тире:

С. 118, строки 5—6: «А знаете, ведь она женщина добродетельная, — можете вы этому верить?» вместо «А знаете, ведь она женщина добродетельная, можете вы этому верить?».

С. 141, строка 9: «и вдруг — полный пас» вместо «и вдруг полный пас».

В тексте есть примеры, в которых возможна различная постановка знаков, — в частности, при использовании деепричастных оборотов. Ниже приведены случаи, когда в *РВ* и 1874 запятые отсутствуют, но необходимо их восстановить, учитывая содержание контекста:

С. 59, строки 24—25: «— Ну, стало быть, вот вам и опыт, стало быть, и нельзя жить взаправду, „отсчитывая счетом”».

В *Акад. ПСС* запятую восстановили после слова «жить» (Т. 8. С. 53), хотя логичнее было бы поставить ее перед «отсчитывая счетом», сохранив смысловую целостность выражения «жить взаправду», которому в предыдущих строках, в рассказе князя, соответствуют слова приговоренного к смерти «ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил».

С. 262, строки 20—22: «Не вертитесь подле меня, Евгений Павлыч, надоели вы мне!.. Так ты, миленький, у них же и прощения просишь, — подхватила она, опять обращаясь к князю».

В *Акад. ПСС* запятая поставлена после слова «опять» (Т. 8. С. 237). Если придерживаться такой логики, то слова Лизаветы Прокофьевны «Так ты, миленький, у них же и прощения просишь» должны были прозвучать ранее, однако в тексте нет реплик подобного содержания. Следовательно, правильнее было бы поставить редакторскую запятую после «подхватила она», тем более что продолжение «опять обращаясь к князю» соответствует содержанию контекста: героиня «опять» обращается к Мышкину, так как до этого она обращалась к дочерям и Евгению Павловичу («Молчи, Аглая! Молчи, Александра! Не ваше дело!.. Не вертитесь подле меня, Евгений Павлыч, надоели вы мне!..»), а перед этим — именно к князю («Подождите, я еще князя хочу отблагодарить!.. Спасибо, князь, за угощение!..»).

С. 543, строка 6: «воскликала она, судорожно обнимая его ноги».

Здесь возможна вариантная постановка знака — до или после «судорожно», однако точнее вариант *Акад. ПСС* (Т. 8. С. 491) с отнесением наречия к действию, а не к речи персонажа: «судорожно обнимала», а не «судорожно восклицала». На это указывают остальные примеры подобной лексической сочетаемости в тексте романа: «Ганя судорожно шевельнулся», «она была как в истерике, суетилась, смеялась судорожно, припадочно», «смех всё еще судорожно и при-

падошно вздрагивал на его губах», «последнее судорожное объятие», «Он настойчиво захотел увидеть эти „давешние глаза“ ~ Это было судорожное желание его», «князь судорожно устремляется к тому дому».

Запятые, отсутствующие в прижизненных изданиях, восстанавливаются также, если деепричастия сохраняют значение глагольности:

С. 97, строки 10—11: «Общее молчание воцарилось; все смотрели на князя, как бы не понимая его и — не желая понять».

С. 521, строки 41—42: «который вас так любит и сделал вам честь, предложив свою руку».

С. 541, строки 2—3: «всё это время только любовалась и радовалась, на них глядя».

Если деепричастные обороты и одиночные деепричастия являются обстоятельствами образа действия, т. е. приближаются по смыслу «к наречию или к сочетанию существительного с предлогом, употребленному в обстоятельном значении» (Розенталь. С. 183), сохраняются написания без запятой (так же в прижизненных изданиях):

С. 157, строки 25—26: «торжествуя подхватила Дарья Алексеевна».

С. 282, строки 36—37: «Он не умолкая рассказывал все двадцать минут».

Не выделен запятыми деепричастный оборот с фразеологическим значением (Розенталь. С. 179):

С. 162, строка 37: «вскрикивал он не помня себя» (так же в прижизненных изданиях).

«Обособление или необособление одиночного деепричастия может быть связано с лексическим значением глагола-сказуемого»: запятая ставится, когда «деепричастие обозначает другие действия» в дополнение к действию, выраженному глаголом (Розенталь. С. 184). Кроме того, одиночное деепричастие в функции обстоятельства образа действия, находящееся в конце предложения, «обособляется, если имеет значение уточнения» (Там же. С. 185). При этом возможны варианты истолкования контекста, и ориентиром в подобных случаях является пунктуационный выбор автора, т. е. содержание источников текста. В примерах ниже деепричастия выделены запятой в прижизненных изданиях, в *Акад. ПСС* знак не сохранен (Т. 8. С. 334, 356), в томе 8 настоящего издания восстановлен:

С. 371, строки 31—32: «вскричал он, захохотав».

С. 395, строка 39: «сказала она, подумав».

В ряде случаев прижизненным публикациям романа свойствен пунктуационный разнобой, когда в одной и той же синтаксической позиции знаки ставятся по-разному. В некоторой степени это свойство рукописей Достоевского (хотя в большинстве случаев пунктуация автографа обоснована и определяется логикой авторской мысли и интонацией высказывания) и печатных текстов, на языковой облик которых оказывали влияние участники издательского процесса — наборщики и корректоры. Примеры пунктуационного разнобая:

«Я, наконец, приутих, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова в ответ. Я постоял в нерешимости; мухи жужжат, солнце закатывается, тишина; в совершенном смущении, я наконец ухожу» (РВ, 1874).

«И однако же он все-таки дошел, наконец, до чрезвычайно парадоксального вывода: „что же в том, что это болезнь?“ — решил он наконец <...>» (РВ, 1874).

Здесь «наконец» оказывается в роли «наречия-обстоятельства», не являясь вводным словом и соответствуя значению «под конец; напоследок; после всего; в результате всего» (Розенталь. С. 218). Однако в прижизненных изданиях оно в такой позиции иногда выделено запятыми. В подобных случаях проведена редакционная правка написаний согласно грамматическому значению слов и в соответствии с содержанием контекста.

Сказанное касается также других слов, контекстуально имеющих разное грамматическое значение: «очевидно», «кажется», «может», «может быть» (глаголы и вводные слова), «естественно», «действительно», «видимо» (наречия и вводные слова), «правда» (частица и вводное слово), «конечно» (утвердительная частица и вводное слово), «однако» (противительный союз и вводное слово). В случаях семантической вариантности, если пунктуация в источниках текста не противоречит грамматическому значению слова, она сохраняется. В случае пунктуационного разнобоя выделяются запятыми вводные слова «впрочем», «например», «по-моему», «во-первых», «во-вторых» и др. Если вводное слово стоит в начале или в конце обособленного оборота, то оно, в соответствии с действующим правилом (Розенталь. С. 209), не отделяется от обособления знаками препинания.

Слово «опять» в прижизненных изданиях романа не выделяется запятыми, так как используется в роли наречия. Но в одном случае оно имеет, скорее, смысл вводного слова:

С. 21, строки 12—15: «— Гм!.. Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, как там, справедливее в суде или нет?»

— Не знаю. Я про наши много хорошего слышал. Вот, опять, у нас смертной казни нет».

Здесь «опять» используется в значениях «к примеру», «к тому же», «кроме того», поэтому запятые необходимы. Без них слово становится синонимом наречия «снова», в результате чего меняется смысл сказанного: получается, что князь Мышкин говорит о недавней отмене смертной казни (это не соответствует действительности).

В соответствии с современными орфографическими требованиями изменены написания слов «пожалуста», «обидились», «танцовать», «разросталось», «ростут», «мущина», «извощик», «поядение», «в просак», «блестнули», «на ципочках», «проповедывать», «в раздумьи», «в рассяяньи», «на прощаньи» (в наречном значении), «корридор» и др. Сокращения «г-н» и «г.» развернуты в полную форму «господин» (так же, в полной форме, приводится название «M-me Bovary» — «Madame Bovary»).

Не всегда возможна и оправдана унификация написаний, так как необходимо сохранить оттенки смысла, интонации, другие особенности

языка автора и эпохи. Сохраняются без изменений написания местоимений при именовании Христа, когда в прижизненных изданиях романа варьируется употребление прописной и строчной букв: «Его» и «ним», «него»; «Его» и «его»; «Он» и «ним». Эта черта известна по рукописям Достоевского, где последовательно с заглавной буквы пишутся слова «Бог» (в значении «Всевышний») и «Христос», а местоимения сакрального значения, слова «библия» и «евангелие» могут писаться вариантно (см., кроме того: 4, 339). Сохранены варианты «полоумный» и «полуумный», как выражающие разные оттенки смысла (этимологически — от «полый» («пустой») или «половина», см.: *Даль*. Т. 3. С. 253; *Фасмер*. Т. 3. С. 317): «Вагон летит, гляжу как полоумный» (*РВ*, 1874), «вскричал он, глядя на нее как полоумный» (*РВ*, 1874), «спохватился генерал, смотря на всех как полоумный» (*РВ*, 1874), «убедится, какое жалкое существо эта поврежденная, полуумная» (*РВ*, 1874), «уже в половине восьмого, пробудясь, вскочил как полоумный, схватился первым делом за сюртук» (*РВ*, 1874), «Когда я в восьмом часу утра вскочил как полоумный и хватил себя по лбу рукой» (*РВ*, 1874). Кроме того, сохранены диалектные формы «евтот», «эфтот» (речь Рогожина).

Согласно тексту прижизненных изданий сохранены особенности оформления несобственно прямой речи — без кавычек, в третьем лице, через двоеточие и вопросительный знак:

С. 266, строки 14—18: «Даже генерал был так любезен, что проормотал что-то успокоительное и любезно спросил Лизавету Проккофьевну: не свежо ли ей, однако же, на террасе? Он даже чуть было не спросил Ипполита: давно ли он в университете? — но не спросил».

С. 339, строки 3—5: «На замечание князя: не повредило бы ему так поздно сидеть? — он отвечал, что сам себе удивляется».

Что касается лексических разночтений в прижизненных изданиях романа, то в ряде случаев это следствие ошибок набора, но есть и такие примеры, когда представляется необходимым сохранять вариант источников текста. В следующем случае предложено редакционное исправление, так как высока вероятность опечатки:

С. 515, строка 39: «пред вами не виноват ни в чем» вместо «пред вами не виноват ни чем» (*РВ*, 1874₁) и «пред вами не виноват ничем» (1874₂, 1874₃).

В более полном контексте сочетание «ни в чем» встречается дважды: «Но уж пред нею-то я не подличал, пред ней-то уж ни в чем не виноват; она же меня осрамила и подвела... А впрочем, и пред вами не виноват ни в чем». В *РВ* и в первом тираже 1874 при повторном наборе «ни в чем» утрачен предлог «в», на что указывают раздельное написание «ни чем» и то, что слово «чем» напечатано через «е», а не «ѣ». Корректоры последующих двух тиражей 1874 истолковали контекст по-своему, исправив «ошибку» — устранив раздельное написание и добавив «ѣ». В результате появился вариант «ничѣмъ», а следы порчи текста, допущенной в *РВ* и 1874₁, исчезли, так что опечатку стало трудно распознать (ср.: 1926. Т. 6. С. 556).

Другое редакционное исправление текста *РВ* и 1874:

С. 502, строки 38—40: «Но не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившемся из толпы всех других смутных и странных ощущений».

В прижизненных изданиях — «страшных», но это слово (вероятно, ошибка наборщика) противоречит сказанному в начале предложения, где упоминается об «одном странном ощущении».

При подготовке текста сохранены слова «штуку» и «штуки» (РВ, 1874) в предложениях:

С. 304, строки 27—28: «Это над ним эта *тварь* эту штуку выкинула, в память прежних связей, чтобы в дураки его выставить».

С. 380, строки 12—14: «Не понимаю, почему людям в таком же, как я, положении не приходит такая же мысль в голову, хоть бы только для шуток?».

С. 389, строки 29—31: «Увидите, если этот господин не способен укокошить десять душ, собственно для одной „штуки“, точь-в-точь как он сам нам прочел давеча в „Объяснении“».

В Акад. ПСС указанные написания исправлены как ошибка набора на «шутку» и «шутки» соответственно (Т. 8. С. 274, 342, 350). В такой правке нет необходимости: слово «штука» использовалось в разных сочетаниях в значениях «выходка», «проделка», «выдумка», «хитрый обман»,¹ что подтверждают рукописи Достоевского.²

В размышлении князя Мышкина: «Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и встревоженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?» (8, 208), — в тексте Акад. ПСС внесено редакционное исправление: «восторженного» вместо «встревоженного» (Т. 8. С. 188; Т. 9. С. 335). Эта конъектура, сделанная, по-видимому, из-за соотнесения со словами «чувство полноты, меры, примирения» и представлявшаяся более уместной в данном контексте, недостаточно обоснована: вариант, который содержится в источниках текста, имеет право на существование, тем более что речь идет не столько о достижении героем гармонии, сколько о минутном и болезненном его состоянии перед припадком эпилепсии (ср.: 2003. Т. 4. С. 6—7).

¹ Словарь церковно-слав. и рус. яз. Т. 4. Стлб. 976.

² Аналогичный пример правки обнаруживается при анализе источников текста ДП за 1877 г. В наборной рукописи: «В таком расположении духа он позволяет себе иногда даже и пошалить: для шуток пишет к иным самым смешным даже лицам <...>» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 19, список с поправками Достоевского; в черновом автографе: «для шуток» — РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 134). В Акад. ПСС вместо «для шуток» — «для шутки» (Т. 25. С. 134), первое написание ошибочно отнесено к печаткам.

При воспроизведении рукописей сохраняются авторское употребление заглавных и строчных букв, а также особенности речи персонажей. В словах «жолчь», «учоный», «шопот» и др. буква «о» после шипящих согласных заменена на «е». Написание «цаловать» приводится в варианте «целовать». Для разграничения местоимений «все» («всѣ») и «всё» при передаче текста используется буква «ѣ». Согласно современным правилам приводятся дефисное, раздельное или слитное написание частиц «же», «бы», «ли» (вместо «какъ-бы» — «как бы» и т. п.), раздельное написание частицы «не» с глаголами и деепричастиями (в скорописи автора встречаются примеры слитного написания), формы имен собственных с удвоенными согласными (вместо «Иполить» — «Ипполит», «Настасья Филиповна» — «Настасья Филипповна»), но сохранен вариант написания слова «Мадона». Для слова «тоже» в значении местоимения с частицей используется раздельное написание. Аналогичное правило действует в отношении слов «также»/«так же», «зато»/«за то», «вроде»/«в роде», «вдаль»/«в даль» и др.: они разграничиваются по смыслу и отражаются согласно грамматическому значению.

В случаях, когда возможно двоякое прочтение фразы или вариативен выбор знаков препинания (тире, запятая, двоеточие), не поставленных автором, они приводятся в угловых скобках. Кроме того, в угловых скобках восстанавливается знак вопроса или восклицания в предложениях с соответствующей интонацией, если он отсутствует у автора.

После пометы «NB» ставится точка, если помета представляет собой законченное смысловое целое, а не является частью последующего предложения. Сохранен вариант «(NB» без закрывающей скобки. Не воспроизводятся знаки тире или «/», которые, в сочетании с точкой или без нее, периодически завершают абзац. Тире в середине абзаца сохраняется; если при этом оно разделяет два предложения, в конце первого из них ставится точка (которая иногда есть у автора, иногда отсутствует). Ставится тире после завершившейся прямой речи или фразы, следующей за двоеточием, при продолжении предложения (у автора варианты — с тире, чаще без него).

Ставятся запятые перед союзами и союзными словами «что», «потому что», «как» и др. Выделяются запятыми вводные слова «во-первых», «конечно», «наконец» и др. (это правило не распространяется на наречия в синтаксической функции обстоятельства), обращения, причастные и деепричастные обороты. Сохранены «интонационные» авторские знаки препинания в обособлениях.

В рукописном тексте автор редко выделяет прямую речь кавычками, поэтому в необходимых случаях используются редакторские кавычки. Отсутствие авторских кавычек оговаривается в сносках. Кавычки используются в одиночных репликах героев. Диалоги приводятся с использованием тире.

Роман «Идиот» был задуман и написан в первые годы четырехлетнего пребывания Достоевского за границей (1867—1871). Выехав из России вместе с женой в апреле 1867 г., Достоевский в течение весны и лета побывал в Берлине, Дрездене, Гамбурге, Баден-Бадене и здесь обдумывал будущий роман, за который им уже был получен аванс в редакции «Русского вестника». 16 (28) августа 1867 г. писатель сообщал А. Н. Майкову из Швейцарии: «Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть и, если Бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная. Люблю я ее ужасно и писать буду с наслаждением и тревогой» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 212).¹ В том же письме очерчен круг идей, волновавших Достоевского в начальный период его работы над романом. Как и во время первой заграничной поездки 1862 г., итоги которой он подвел в «Зимних заметках о летних впечатлениях», у Достоевского, по собственному признанию, «материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое». Сравнивая русскую и западноевропейскую жизнь, Достоевский размышлял о будущих судьбах родины. Майкову он писал, что Россия «отсюда выпуклее кажется нашему брату». Западной цивилизации Достоевский противопоставлял идею самобытного пути России, а оторвавшемуся от «почвы» верхнему слою — ее народ, в натуре которого, как он полагал, были заложены начала подлинного общечеловеческого братства. Достоевский уехал из России с ощущением глубоких внутренних сдвигов, происходящих в ней во второй половине 1860-х годов. В письме он назвал это время «по перелому и реформам чуть ли не важнее Петровского». Подчеркивая противоречия русской пореформенной действительности, в которой пережитки старины («известие о высеченном купце 1-й гильдии в Оренбургской губернии исправником») причудливо сочетались с новыми формами развития, Достоевский идеализировал «необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ» и ожидал новых значительных поворотов в жизни России, ее «великого обновления» (Там же. С. 206). Потребностью дать свои ответы на тревожившие его вопросы, выдвинутые переходной эпохой, Достоевский руководствовался в своих художественных исканиях.

Отдельные мотивы, предвещающие замысел «Идиота», уже встречались в предшествующем творчестве Достоевского. Так, взаимоотношения красавицы Катерины, одержимого неистовой страстью к ней купца Мурина и влюбленного в нее мечтателя Ордынова в ранней повести «Хозяйка» (1847) не без основания можно рассматривать как зародыш сюжетной ситуации Настасья Филипповна—Рогожин—Мыш-

¹ При воспроизведении текста писем в настоящем томе внесены уточнения по автографам Достоевского в тех случаях, когда последние сохранились.

кин.¹ В видениях больного Ордынова Катерина предстает как светлая, чистая «голубица». Существенно для предыстории образа Мышкина отношение к своим избранницам Мечтателя из «Белых ночей» (1848), Васи Шумкова из «Слабого сердца» (1848)² и Ивана Петровича, героя «Униженных и оскорбленных» (1861). Их нравственная чистота и самоотверженность перейдут к Мышкину, человеку обостренной духовности. С другой стороны, в тех же «Униженных и оскорбленных» Алеша Валковский, как позднее Мышкин, покоряет обеих героинь своей безыскусственностью, простодушием и добротой, а центральная сюжетная коллизия «Униженных и оскорбленных», связанная с любовью сразу к двум героиням, напоминает две — разные по своей природе (любовь-страсть и любовь-жалость) — любви князя Мышкина: к Аглае Епанчиной и к Настасье Филипповне (ср. слова Алеши: «...мы будем все трое любить друг друга...» (3, 272)).

Характер решения этой темы в новом романе Достоевского знаменует разрыв писателя с сентиментальностью и прекраснотушием его прежних героев в пользу психологического реализма в изображении подобных конфликтных отношений. Если в «Униженных и оскорбленных» Наташа мирилась со своей ролью покинутой любовницы и добровольно уступала Алеше Кате, к которой испытывала самые нежные чувства, встречая аналогичное отношение с ее стороны, то в «Идиоте» расположение Настасьи Филипповны к Аглае и ее готовность уступить

¹ См.: Чирков, 1967. С. 5—15; Назиров, 2010. С. 232. О «Хозяйке» в связи с романом Достоевского вспоминал также Вяч. И. Иванов, отмечая, что в повести «проглядывает то вечно-женственное, что Достоевский впоследствии с такой силой изобразит в Настасье Филипповне (в «Идиоте») и Грушеньке (в «Братьях Карамазовых»)» (Альтман М. С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. Т. 11: Литературоведение. С. 306). См., кроме того: Ахундова И. Р. «Хозяйка» и «Идиот» Ф. М. Достоевского: поэтика фольклорных отражений // Начало. 1995. Вып. 3. С. 99—107.

² Кротость, сострадательность и чувствительность Васи Шумкова, а также его каллиграфический талант развиты впоследствии в герое «Идиота». Судьба Васи Шумкова заканчивается трагически — помешательством, как и судьба князя Мышкина — болезнью. По мнению М. Н. Эпштейна, образ Мышкина генетически восходит к Акакию Акакиевичу, и Вася Шумков является одним из связующих звеньев: Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин: К образу переписчика // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX—XX веков. М., 1988. С. 65—80. См. также: Лотман Л. М., 1974. С. 268—269; Манн Ю. В. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996. С. 462—466; Ермилова Г. Г. Мотив визуально-акустического зова: К вопросу о гоголевском «присутствии» в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 26. С. 47—49.

ей князя Мышкина привели во время личной встречи героинь к противоположным последствиям.

Образы Рогожина и Лебедева находят в «Униженных и оскорбленных» своих прямых предшественников в лице Сизобрюхова и Архипова. Отдельные черты внешности и характера князя Валковского промелькивают в образах генерала Епанчина, Тоцкого и Гани Иволгина.

Часть эпизодов и сюжетных линий романа — князь на «вечернем собрании» у Епанчиных, виды генерала Епанчина на Настасью Филипповну — находит некоторое соответствие в поведении Ивана Петровича в гостиной графини,¹ а также в планах князя Валковского и графа сделать Наташу их любовницей после отъезда Алеши. От Кати «Униженных и оскорбленных» Аглая, возможно, наследует черты детскости, а впечатление от Настасьи Филипповны как от яркой, неординарной личности, но женщины чрезвычайно экзальтированной и едва ли не сумасшедшей, отчасти навеяно аналогичным впечатлением, которое производит на некоторых героев раннего романа Достоевского Наталья Николаевна Ихменева.

Если главную героиню первого из двух романов Достоевский назвал по имени и отчеству жены Пушкина («Наталья Николаевна»), то во втором он сделал воспитателем князя человека с фамилией сестры поэта, с которой ему довелось общаться в Павловске («Павлищев»).

Еще Н. О. Лосский справедливо отметил, что «человека, похожего на князя Мышкина своею добротою, мягкостью и деликатностью, правда, почти в шаржированной форме», Достоевский изобразил ранее в образе Егора Ростанева из «Села Степанчикова и его обитателей» (1859) (Лосский. С. 188). Ростанев — человек «высочайшего благородства», для исполнения долга он «не побоялся бы никаких преград», был душою «чист, как ребенок», целомудрен сердцем до того, что стыдился «предположить в другом человеке дурное» (3, 14—15). В этой аттестации как бы разработана психологическая канва образа Мышкина. В «комическом романе» Достоевский поставил героя в самое пестрое и разнообразное окружение, которое позволяет измерить всю степень его «смирения» и «всепрощения». Соответственно в романе «Идиот»

¹ При этом общий характер решения эпизода зачастую совершенно противоположный. Так, в «Идиоте» князь произносит в великосветском собрании у Епанчиных «горячешную тираду» и падает затем в припадке эпилепсии, а в «Униженных и оскорбленных» с рассказчиком Иваном Петровичем ничего подобного не происходит: «Я был так глуп, что хотел было возражать; сердце кипело во мне. Но меня остановил ядовитый взгляд князя; он мельком скользнул в мою сторону, и мне показалось, что князь именно ожидает какой-нибудь странной и юношеской выходки с моей стороны; ему, может быть, даже хотелось этого, чтоб насладиться тем, как я себя скомпрометирую» (3, 385).

² Боград Г. А. Пушкинская тема и павловские знакомства Достоевского (по роману «Идиот») // ВЛ. 1995. № 5. С. 313—329.

Достоевский мог использовать некоторые мотивы и образы «Села Степанчикова...». Так, линия «Ганя Иволгин—Настасья Филипповна» во многом ориентирована на другую пару героев: «Мизинчиков—Татьяна Ивановна» (см. ниже, с. 745). Возможно, образ Варвары Ардалионовны Иволгиной в какой-то степени произрастает из образа Анны Ниловны Перепелицыной («девицы Перепелицыной»)¹. Можно обнаружить и отдельные, почти прямые совпадения между высказываниями Ростанева и Мышкина: например, суждение о необходимости быть деликатным с человеком, которого одожджаешь, повторяющее мысль из письма самого Достоевского к А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 г. (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 191), или речи обоих героев о деревьях, солнце, красе мира (ср.: 3, 161, и 8, 507—508). Уже в «Селе Степанчикове...» «позиция сентиментального альтруиста не принимается безусловно, она подвергается испытанию, она проблематична, как позднее позиция Сони или Мышкина». Ростанев добр и отзывчив, но его альтруизм зачастую служит интересам «окружающего его корыстного и пошлого мирка», что связано, как считает Г. К. Щенников, с «психологической укорененностью в старой патриархально-сентиментальной культуре».² В образе Мышкина Достоевский разрабатывает и усложняет односторонне доброго Ростанева, хотя некоторые черты последнего (цветущее здоровье положительного героя), по мнению Э. Эгеберга, становятся составной частью образа Алеши Карамазова.³

В «Записках из Мертвого дома» (1860—1862) повествователь как об одной из лучших встреч своей жизни вспоминал о совместном пребывании в остроге с юношей, дагестанским татаринном Алеем. Чистота и доброта Алея представлены здесь как фактор эстетического и этического воздействия на окружающих. Описывая «мягкость сердца», «строгую честность», «задушевность, симпатичность» Алея, которые он пронес через всю каторгу, вызывая всеобщую любовь, автор «Записок» отмечал: «Это, впрочем, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость» (4, 56).

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в полемике с эвдемонистической моралью просветителей, Достоевский выразил свой этический идеал. Как на проявление «высочайшего развития личности», «высочайшей свободы собственной воли» он указал на «совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование

¹ Отмечено: Кибальник С. А. Вопросы автоинтертекстуальности в романе Достоевского «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 36. С. 60.

² Щенников Г. К. Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского // *Д. Материалы и исследования*. Т. 5. С. 98.

³ Эгеберг Э. Ф. М. Достоевский в поисках положительно прекрасного человека. «Село Степанчиково» и «Идиот» // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 5. С. 385—390.

всего себя в пользу всех», так «чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» (5, 89—90). Эта формула нашла свое художественное воплощение в 1860-е годы в образах Сони Мармеладовой и князя Мышкина. «Задача создать образ „положительно прекрасного человека“ волновала Достоевского с самого начала 60-х годов. Разойдясь с революционными демократами в понимании путей и средств преобразования общественной жизни, он должен был испытывать страстное желание нарисовать образ современного русского человека таким, каким бы хотел его видеть <...> образ Сони Мармеладовой в „Преступлении и наказании“ явился в известной мере выражением положительных идеалов писателя. Но степень духовного развития и трагическое положение Сони делали ее фигуру слишком исключительной, чтобы образ этот мог вобрать в себя положительные идеалы Достоевского во всей их широте» (см.: Фридлендер Г. М. Роман «Идиот» // *Творчество Достоевского*, 1959. С. 174—175). Мысль создать образ положительного героя, который бы соотносился с самым высоким представлением Достоевского о человеке и в то же время был погружен в современную ему действительность, овладела писателем с особой силой в процессе работы над романом «Идиот». В ходе претворения его замысла был найден и образ главной героини романа, оскорбленной и поруганной, как и Соня Мармеладова, и одновременно вобравшей в себя черты других, более ранних женских характеров Достоевского — таких, как гордая, неспособная к примирению маленькая Нелли из «Униженных и оскорбленных» или наделенная не менее ярким индивидуальным началом Нечочка Незванова из одноименного романа.¹

Первая запись к «Идиоту» была сделана в Женеве 14 сентября 1867 г. нового стиля (см.: *Летопись*. Т. 2. С. 134, 136), которым датируются и все остальные заметки, предназначенные для данного романа (см. подробнее об этом ниже, с. 835, и ЛН. Т. 86. С. 197, 286, 287). Работа над романом продолжалась в Женеве (до конца мая н. ст. 1868 г.), Веве (до начала сентября н. ст.), Милане (до середины ноября н. ст.). Закончен роман был во Флоренции 29 января 1869 г. («17-го января» — авторская дата, проставленная под текстом романа при публикации его в «Русском вестнике», естественно, по старому стилю) (*Летопись*. Т. 1. С. 201). Сохранились три тетради с планами, конспектами, идеями, характеристиками действующих лиц, набросками отдельных сцен и эпизодов, в которых разрабатывался замысел «Идиота».² Все эти заметки носят черновой характер и предваряют стадию создания связного повествования. Она, как известно из «Дневника»

¹ О роли «Игрока» и черновых планов «Преступления и наказания» в творческой истории «Идиота» см. ниже, с. 470—472.

² Внешнее описание этих тетрадей, сведения об их первом издании, расположении в них записей, принципах их воспроизведения и датировке см. на с. 829—836.

А. Г. Достоевской, состояла обычно из диктовки-стенографирования, совместной расшифровки и затем окончательного — после авторского просмотра и правки — оформления записей (ср.: *ЛН*. Т. 86. С. 280). Рукописи «Идиота» (черновой связный текст, белой автограф, наборная рукопись) до нас не дошли. В большей своей части они были уничтожены при возвращении в Россию (см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*, 2015. С. 249—250). Судьба наборной рукописи неизвестна.¹

В творческой истории «Идиота» могут быть выделены два этапа: составление планов, значительно отличавшихся от печатной редакции романа, прежде всего в характеристиках главного действующего лица, и, при последующей детализации сюжета, фабулы, системы образов, появление набросков, в большей степени соотносящихся с окончательным текстом. О ходе работы над романом Достоевский так рассказал в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.: «...всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные прелезательные), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь или трудность или маловыжитость иной идеи. Наконец я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4-го декабря иностранного стиля бросил всё к черту. <...> Затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием *нового романа*. Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман...» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 239—240).

Первый этап работы Достоевского над «Идиотом» представлен в тетрадах № 3 и № 4 (в архивн. нумерации, *РГАЛИ*. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5, 6), которые содержат подготовительные материалы к роману (*ПМ*₁) и заполнялись в сентябре—ноябре 1867 г. Вторым периодом характеризует тетрадь № 5 (*РГАЛИ*. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 7), заключающая подготовительные материалы ко второй, третьей и четвертой частям романа (*ПМ*₂). Эти записи датируются мартом—ноябрём 1868 г. Из этой хронологии (и с учетом содержания вышеупомянутого письма к А. Н. Майкову) следует, что к декабрю 1867 г. романский замысел стал проявляться, а с декабря 1867 г. по март 1868 г. Достоевский работал над главами первой части произведения, которую с января 1868 г. начал публиковать журнал «Русский вестник» (см. также ниже, с. 491, 493). Таким образом, роман «Идиот» представлен в планах и набросках, в которых разрабатываются отдельные сцены и мотивы, в том числе во-

¹ Отправляя начало первой части романа в редакцию «Русского вестника», Достоевский писал 24 декабря 1867 (5 января 1868) г.: «Всё, что посылаю теперь, заключается в 64 полулистиках почтовой бумаги малого формата» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 238).

шедшие в окончательный текст. В *Акад. ПСС* эти черновые записи (вслед за П. Н. Сакулиным) отнесены к «первой» («первоначальной») ($ПМ_1$) и «второй» («окончательной») ($ПМ_2$) редакциям текста. При этом редакцией следовало бы называть связный черновой текст (который не сохранился). В данном томе сохранено деление этих материалов на $ПМ_1$ и $ПМ_2$, но не по причине выделения «редакций» (что на стадии набросков затруднительно), а с учетом того, что $ПМ_2$ создавались, когда роман уже выходил по частям в журнальной редакции, что определило специфику творческого процесса (по сравнению с $ПМ_1$ в $ПМ_2$ большинство героев получают романские имена, конкретизируются сюжет и фабула произведения), — и «здесь всё время необходимо считаться с печатным текстом» (*Сакулин П. Н. Работа Достоевского над «Идиотом» // Сакулин, Бельчиков. С. 253*). Такое разделение рукописных материалов в публикации текста не указывает на творческий разрыв между ними: наброски отражают постепенную трансформацию романного замысла в целом, $ПМ_1$ и $ПМ_2$ связаны на идейно-художественном уровне как между собой, так и с окончательным текстом произведения.

Набрасывая первые заметки к «Идиоту», Достоевский надеялся закончить роман в пять месяцев (см. письма его к С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) и к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1867 г. — *Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 223, 226*). Однако, как сообщала А. Г. Достоевская в примечаниях к одному из более поздних его писем той поры, «Ф<едору> М<ихайловичу> предстояла самая важная часть работы, особенно для него трудная, именно обдумывание, творение (создание) плана романа. Самое писание романа давалось ему сравнительно легко, но создание плана представляло для него большие трудности. Вся беда была в богатстве фантазии и в недовольстве автора тою формою, в которой он хотел выразить идею, положенную в основу романа. Планы романа появлялись (создавались) десятками, с очерками героев, с фабулой, а иногда с небольшими сценами» (см.: *Д. Письма. Т. 2. С. 420*). Постепенно замысел всё более усложнялся, разветвлялся, работа затягивалась, и наконец в ней наступил резкий перелом: была найдена мысль, определившая, как это бывало у Достоевского и раньше, новое направление творческого процесса.

Ранняя стадия работы над «Идиотом», отразившаяся в $ПМ_1$, богата, по выражению самого писателя, «зачатиями художественных мыслей», которые впоследствии перейдут не только в этот, но и в другие романы Достоевского. Вместе с тем в первоначальных творческих исканиях писателя проявляется устремленность к выделению центральной художественной идеи, тесно связанной с ведущим героем, видение «полного образа» которого подготовлено, но приходит, по словам самого писателя, как бы «нечаянно и вдруг» (см. упомянутое выше письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г. — *Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 239*) и только тогда воплощается в развернутом повествовании.

Анализируя в 1931 г. подготовительные материалы к «Идиоту», П. Н. Сакулин (см. указанную выше статью из кн.: *Сакулин, Бель-*

чиков. С. 169—290) выделил в первоначальных набросках к роману (согласно *Акад. ПСС — ПМ₁*) восемь основных планов и один промежуточный (Там же. С. 209), обозначив временную продолжительность разработки каждого из них. При классификации планов Сакулин учитывал главным образом изменение сюжета, состава персонажей и их соотношения. Это деление не совпадает с более дробным и импульсивным авторским членением материала, недостаточно оттеняет важные перемены идейного и художественного порядка, происходящие внутри одного плана (так, например, на <с. 84> в тетради № 3 составлен «Новый план» с пометой «Забитый», в котором появляются первые, пока еще отдаленные черты сходства с будущим героем романа; на <с. 23> той же тетради намечен «План на Яго» с установкой на шекспировское построение психологической коллизии). Поэтому указанные Сакулиным границы между отдельными частями черновых записей *ПМ₁* могут служить лишь условными ориентирами для рассмотрения наиболее крупных сюжетно-хронологических узлов, отражающих отдельные стадии разработки романного замысла.

В центре первого плана, разрабатывавшегося с 14 сентября до первых чисел октября 1867 г., как и второго, относящегося к началу октября и содержащего дату 4 (16) октября (см. с. 127), находится приехавшее в Петербург разорившееся помещичье семейство, глава которого возвращается из-за границы, промотав свое состояние. Отец и Мать¹ пытаются еще держаться с «форсом», рассчитывая то на помощь Жениха Дочери, то на поддержку Дяди, «уединившегося ростовщика». Дочь Маша «дает уроки на фортепиано», «глупа, жестока и буржуазна». Жених ее — «офицер, дающий под залог деньги». В семье два сына: старший, обожаемый матерью Красавец, и младший, нелюбимый, больной падучей, униженный и вместе с тем гордый, с сильными страстями, Идиот, прославившийся таковым «от матери»; он работает и кормит семейство. С ними живет также в страшном пренебрежении приемных падчерица сестры матери, условно названная Миньонной (см. ниже, с. 482—483).

Фигурируют в тех же планах благородный Сын Дяди, отказавшийся от денег отца, и двоюродная сестра жениха Маши, Красавица, или Геро,² которая связана сложными отношениями с Красавцем, Идиотом, Дядей, Сыном. «Главное семейство» накануне банкротства — должны

¹ В рукописях большинство наименований персонажей записано по-разному: иногда со строчной буквы, иногда с прописной. В самом начале повествования вариативность написаний более высока, но с развитием фабулы и образов автор, видимо, «закрепляет» наименования «Сын», «Дядя», «Идиот», «Красавец», «Генерал» и др. за героями как их имена, и прописная буква употребляется чаще.

² П. Н. Сакулин полагал, что это сокращение от слова «Героиня» (Сакулин, Бельчиков. С. 210, сноска). Другое гипотетическое объяснение этого имени см. ниже, на с. 485.

подать долги «ко взысканию». Таким образом, одна из задач Достоевского с самого начала заключалась в том, чтобы через помещичье семейство, прежний уклад которого разрушался изнутри, изобразить происходившие в те годы в России глубокие социальные процессы. Одним из источников, из которого Достоевский почерпнул ряд деталей для характеристики хаоса семейных отношений, проявляющегося в резких, обнаженных формах, послужило широко освещавшееся русской печатью как раз в начале осени 1867 г. «Дело о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее, Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительскою властью» (Москва. 1867. 23 и 24 сентября, № 136 и 137, и Г. 1867. 26—28 сентября, № 266—268, более позднюю корреспонденцию см.: Г. 1868. 10 марта, № 70). Ознакомившись с делом Умецких, Достоевский уже на второй странице сделанных ранее набросков к «Идиоту» (тетрадь № 3, <с. 27>), на полях, напротив имени Миньоны, приписал: «*Ольга Умецкая*». В конце <с. 29> это указание расшифровывается: «История Миньоны всё равно, что история Ольги Умецкой». Каширский процесс, на котором перед судом предстали супруги Умецкие и их пятнадцатилетняя дочь Ольга, доведенная варварским обращением с ней до того, что она четыре раза поджигала родительский дом и приусадебные постройки, сразу же привлек внимание Достоевского. 9 (21) октября он писал А. Н. Майкову: «Так и рвусь в Россию. Вот уж по делу Умецких не оставил бы без своего слова, напечатал бы его. Как приеду, так сам лично пойду, по судам и проч.» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 228). Из показаний свидетелей, речей товарища прокурора И. И. Дьякова и защитника Ольги Умецкой А. И. Урусова писатель узнал, что Владимир Умецкий, мелкий чиновник, сколотивший себе различными, не вполне добропорядочными путями состояние и приобретший два имения, и его жена Екатерина Умецкая, владевшая тремя имениями, были людьми среднего достатка. Они постоянно ссорились из-за денег и жестоко обходились со своими детьми. Из двадцати двух родившихся у них детей в живых осталось только пятеро: кроме живущей отдельно замужней старшей дочери, два мальчика и две девочки. Выросшие в степной деревне, мальчики-близнецы, по приезду оттуда, к семи годам «не умели говорить», как и Липочка, одна из дочерей, которая до шести-семи лет «была совершенно немая» (Г. 1867. 28 сентября. С. 2—3). Спали они зачастую на скотном дворе, питались плохо, и родители нещадно их били. Дочь Ольга собиралась покончить с собой. Согласно показаниям Ольги Умецкой, перед последним поджогом ею родительской усадьбы отец избил ее безменом за то, что она дала работникам меду. Оставляя надолго семью, мать Ольги жила у своей любимицы — старшей дочери Александры Ворониной. Вздволновавшие Достоевского материалы дела Умецких способствовали конкретизации создаваемых в ходе дальнейшей творческой работы картин семейного разлада. Позднее в преображенном виде они предстали перед читателем при обрисовке домашних конфликтов у Иволгиных. Особенно заметный след в планах ПМ₁ оставил образ взбунтовавшейся девоч-

ки-подростка, «несчастливого ребенка», в поступках которого, по словам А. И. Урусова, необходимо признать «большую волю» (Г. 1867. 28 сентября. С. 3).¹ В третьем плане, озаглавленном «Новый и последний план» (см. с. 128) и датируемом первой половиной октября н. ст., имя Ольги Умецкой употребляется чаще, чем первоначальное Миньона. Общественное положение семьи, в которой она живет, несколько изменено: отец теперь — генерал в отставке, материальные дела семьи, как и раньше, зависят от денежной тяжбы. При проигрыше денег Генерал и его жена рассчитывают поправить свои дела выгодной женитьбой сына, Красавца, в которого влюблена дочь «Характерной Матери», владеющая небольшим состоянием. Введено и второе, более знатное, генеральское семейство, состоящее из отца, Генерал-лейтенанта, его жены, дочери и двух сыновей. Младший из них — убийца. Возможно, что выбор в качестве одного из героев юноши дворянского происхождения — уголовного преступника — был определен интересом Достоевского к делу Алексея Данилова, о котором тогда много писали в газетах (см. подробнее ниже, с. 544—545). В последующих планах *ПМ*₁ второе генеральское семейство исчезает, чтобы вновь появиться в новом качестве в окончательном тексте романа (противопоставление: Иволгины — Епанчины). Заметка же об убийце из образованного круга будет пополнена в *ПМ*₂ другими сведениями из тогдашней уголовной хроники, которые станут основой одного из сквозных сюжетных мотивов романа — о влиянии идей позитивизма на современное писателю молодое поколение. После (третьего) «Нового и последнего плана» Достоевский набрасывает еще один (четвертый по счету) «Новый план» (с. 131—132) с пометой «Забитый», не содержащий фабульных разработок, как предыдущие записи, а напоминающий скорее одну из первых развернутых попыток описать характер Идиота (см. выше, с. 466). Далее следуют «Отметки к главному плану», датируемые 17 октября н. ст. и продолжающие, уже в контексте формирующейся фабулы, описание характера героя. В пятом плане, охарактеризованном в тетради как «Окончательный план романа» и включающем наброски, сделанные во второй половине октября (с датой 18 октября н. ст. — с. 133—137), персонаж, именуемый Идиот, перемещен из «главного семейства» в семью Дяди. Достоевский колеблется — сделать ли его пасынком, родным или побочным сыном Дяди. К этому плану примыкают упомянутый выше (см. с. 466) «План на Яго» (шестой по счету) и записанный теми же чернилами «Опять новый план» (седьмой), который, однако, прерывается на первом предложении (с. 137) и продолжен записями от 22 октября н. ст., сделанными чернилами более темного оттенка. Здесь появляется тетка Идиота, имеющая старого мужа — Прыгунчика,²

¹ См. об этом также: Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 222; Сакулин. С. 204—209.

² С чем связано такое именование героя, не вполне ясно. Нет оснований уверенно говорить в данном случае об авторском намеке на отношение

дочь и «картавенького» сына, а в прошлом бывшая возлюбленной Дяди. В плане от 22 октября она уже определяется как «мать или тетка» Идиота, Софья Федоровна (это имя повторяется и в гораздо более поздних записях, с. 224). Родственные отношения всё более осложняются, отчетливее выступает тема «случайного семейства», которая наиболее широко будет развернута в «Идиоте» и «Подростке». Восьмой план, к которому относятся записи с 27 октября по 1 ноября н. ст. (с. 143—154), вновь исходит из того, что Идиот — сын Генерала. В девятом, намечавшемся с 1 по 4 ноября н. ст. включительно (с. 154—185), он снова возвращен в семью Дяди. Мать Идиота, по одной версии, повесилась, а по другой — жила в унижении, имела любовников (Прыгунчика и Купца), но теперь примирилась с Дядей и выступает как самостоятельное лицо наряду с богатой теткой Софьей Федоровной. В очень измененном виде эскизные зарисовки этих персонажей отразятся позднее в эпизодических образах матери Бурдовского и тетки Мышкина, оставившей ему наследство. В том же плане, кроме Ольги Умецкой, появляются Владимир Умецкий, отец жениха Маши, и его дети. Идиот мальчиком отправлен к Умецким в деревню, где «его женили на девушке, прижившей ребенка». В десятом плане, который Достоевский начал составлять непосредственно вслед за девятым, 4 или 5 ноября н. ст., так как на второй его странице стоит дата «6-го ноября» (с. 188), сохраняются некоторые прежние мотивы, касающиеся характеристики семейства («...все обнищали», «Он содержит Семейство, и все его ненавидят»). Генерал уже «не беден, а, напротив, важное, с треском, лицо». Кроме того, в десятом плане сформулирована «загадка», т. е. вопрос о сущности характера героя — «Кто он?» — и даны варианты ответа: «Страшный злодей или таинственный Идеал» (с. 187). Развитие этой темы находит отражение в плане одиннадцатом, срединные наброски которого датированы 10 ноября (с. 205) и детализация которого продолжается 11 ноября н. ст.¹ (с. 208). При разработке мо-

персонажа к секте прыгунов (возникшей в 1830-е, получившей распространение в 1850-е гг. и названной так в связи с тем, что во время богослужений члены секты исполняли обряд, состоявший из прыгания («духовной пляски»)), что, по их мнению, способствовало пробуждению духа), — так как в рукописи нет ни прямых, ни косвенных указаний на это. Однако в целом для художественных замыслов Достоевского тема сектантства, как известно, имела значение — см. ниже, с. 598, 982—985.

¹ П. Н. Сакулин отнес записи от 11 ноября н. ст. к отдельному плану, назвав его «промежуточным» и указав, что он «самостоятельного значения имеет мало» и «занят больше Умецкой и Генералом, чем Идиотом» (Сакулин, Бельчиков. С. 244, 249). При этом исследователь ошибочно отнес записи к 30 ноября / 11 декабря (н. ст.). У Достоевского дата: «11 ноября / 30 X». По содержанию это наброски, которые действительно не имеют самостоятельного значения (и поэтому их не следовало бы называть планом), а являются продолжением и развитием предшествующих записей от 10 ноября.

тивов первой и второй частей назревает коренная перемена в общем замысле романа. На <с. 137> тетради № 4 рядом с наброском, озаглавленным «2-я часть», появляется помета более светлыми чернилами (вероятно, позднейшее добавление, которое фиксирует новую характеристику главного героя): «Князь Юродивый. (Он с детьми.) ?!». Место прежнего, гордого и самолюбивого, Идиота занимает генеральский сын от второго брака (в одной из заметок даже названный «Байроновским характером» — с. 201), образ же Идиота меняется, что уже очевидно из записей «Беглый план. Точки» (см. с. 195) и последующих заметок: он устойчиво именуется юродивым, «тих», противостоит вихрю страстей, кипящих вокруг новых героинь — Насти и Устиньи, — вихрю, который захватывает всю семью, приводит к смерти Генеральши, бунту детей, объединяет Генерала с развратником Умецким (что напоминает будущий «союз» в романе Епанчина и Тоцкого). Распадение сложившихся связей, бури, сотрясающие частную жизнь людей, так же как и в последнем плане ПМ, составят в романе основной фон, на котором контрастно выступит главный герой.

2

В работе Достоевского над планами к «Идиоту» наглядно подтверждается отмеченная многими исследователями черта — главенствующая роль «идеи» и ее модификаций в процессе изменения характеров и сюжета будущего произведения (см., например: *Розенблюм Л. М.* Творческая лаборатория Достоевского-романиста // *ЛН*. Т. 77. С. 45). Правда, в сохранившихся тетрадях с первыми записями к роману отсутствует фиксация начальных ступеней возникновения замысла, его исходной идеи. В первом плане сразу же довольно отчетливо определены сюжет и действующие лица. Объясняется это тем, что записи к роману генетически связаны с недавно завершенными «Игроком» и «Преступлением и наказанием». Когда весной и летом 1867 г. Достоевский обдумывал «Идиота», воссозданные им художественные миры этих романов продолжали жить в его воображении, стимулируя творческую работу.

Разорившийся, но пытающийся сохранить внешний престиж и склонный к любовным похождениям глава семейства в черновиках «Идиота» — это как бы вернувшийся после заграничного путешествия генерал из «Игрока», который тоже промотал свое состояние, оставил детей ни с чем, был прижат за долги и вместе с тем задавал в Рулетенбурге роскошные обеды, содержал пышный выезд, стараясь очаровать m-lle Blanche. Пребывание в Баден-Бадене, Женеве воскресило в Достоевском воспоминания об А. П. Сусловой, с которой он был в этих местах осенью 1863 г. и которая явилась прототипом Полины в «Игроке». Некоторые черты гордого, своевольного характера Геро также восходят к Сусловой. Напоминает отношение Алексея Ивановича к Полине в первоначальных планах и «странная» любовь Идиота, «одно

только непосредственное чувство, безо всяких рассуждений», при котором он ничего не замечает, даже унижений (с. 122). Герой «Игрока» с сарказмом восклицал: «...я ваш раб, а рабов не стыдятся, и раб оскорбить не может» (5, 255). В черновиках «Идиота» этот мотив получил новую, углубленно-психологическую трактовку. В одной из заметок «рабское» поведение героя объяснялось как «последняя степень проявления гордости и эгоизма», в другой добавлялось: «Идиот не то чтоб раб ее; напротив. (Отношения в высшей степени романичнее)» (с. 123). В позднейших записях мотив «рабства» звучит при разработке образов Рогожина и Гани (см. с. 250, 281 и др.).

Окончательный текст романа «Идиот» также обнаруживает тесные взаимосвязи с «Игроком». Как отмечал М. Джоунс, аналогия между парами «Мышкин—Рогожин» и «Алексей Иванович—мистер Астлей» отнюдь не исчерпывается тем обстоятельством, что герои знакомятся в поезде (ср.: 5, 234 и 8, 5—15): «Отношения мистера Астлея с повествователем и Де-Грие, с одной стороны, и с Полиной, с другой, напоминают отношения Мышкина с Рогожиным и Ганей, а также с Настасьей Филипповной. Это эхо усилено сходством между характерами Полины и Настасьи Филипповны, которое до некоторой степени происходит от их общего прототипа — Полины Сусловой. У мистера Астлея даже есть некоторые общие с Мышкиным черты характера: робость, честность, эмоциональная одаренность (главный ум), демократические убеждения и стремление воздерживаться от резких суждений. Разумеется, это не отменяет серьезных различий между этими двумя героями...».¹ Детальный анализ характера мистера Астлея показывает, что непосредственным предшественником образа «положительно прекрасного человека» в творчестве Достоевского парадоксальным образом был герой-иностранец. См.: *Кибальник*. С. 347—348.

Более того, отзвуки образа мистера Астлея в романе «Идиот» ощущаются также и в другом, согретом авторской симпатией образе — Лизаветы Прокофьевны Епанчиной (см. ниже, с. 734). Связан этот образ и с другой героиней «Игрока» — Антонидой Васильевной Тарасевичевой. Особенно это бросается в глаза в заключительных словах Лизаветы Прокофьевны, в которых звучит прочное убеждение Достоевского, воплощенное им и в образе «бабушки» из романа «Игрок»: о том, что по-настоящему найти свое счастье и применить свои способности² русский человек может только на родине.

¹ Jones M. V. The Enigma of Mr. Astley // *Dostoevsky Studies: New Series*. 2002. Vol. 6. P. 45.

² Ср. также упрек мистера Астлея Алексею Ивановичу в заключительной главе «Игрока»: «Да, вы погубили себя. Вы имели некоторые способности, живой характер и были человек недурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое так нуждается в людях, но — вы останетесь здесь, и ваша жизнь кончена» (5, 353).

Внутренние связи романа «Идиот» с «Игроком» сказываются также в сюжете: в основе обоих лежит сюжетная коллизия романа (1848) и драмы (1852) А. Дюма-сына (1824—1895) «Дама с камелиями», скрещенная с мотивами романа А. И. Герцена «Кто виноват?», который был опубликован в 1846 г.¹ Не случайно уже первая встреча Мышкина и Рогожина напоминает знакомство героев романа Достоевского «Игрок» Алексея Ивановича и мистера Астлея: «Этого странного англичанина я встретил сначала в Пруссии, в вагоне, где мы сидели друг против друга <...>» (5, 234). Это связано с тем, что, как, с одной стороны, Мышкин и Рогожин, так и, с другой, Алексей Иванович и мистер Астлей, представляют собой своего рода редупликацию героя романа «Дама с камелиями» Армана Дювала — типа влюбленного и готового на всё ради своей любви молодого человека.² Ярko проявляются эти связи и в некоторых характерах. Так, например, «генерал» «Игрока» порождает в «Идиоте» своего рода двойников: генерала Епанчина и Тоцкого, — которые напоминают свой прообраз основательной внешностью, солидным возрастом, претензией на значительность, видами на молодых женщин и одновременно неуверенностью в себе, выражающейся (особенно у Епанчина) в бессвязности и неоконченности речей, а также трусоватостью.

Тесные связи можно установить между замыслом «Идиота» и подготовительными материалами к «Преступлению и наказанию». Заметки к новому роману в тетради № 3 перемежались с ранее сделанными записями ко второй половине «Преступления и наказания». Отдельные существенные мотивы, не получившие полного развития или совсем не реализованные в «Преступлении и наказании», перешли из них в начальные планы «Идиота». Прежде всего бросаются в глаза черты типологического родства между Раскольниковым и Идиотом в *ПМ*₁. Это тот же гордый характер, стремящийся жить по законам, им самим установленным. Как «Главное NB» в заметках, относящихся к образу Раскольникова, было подчеркнуто: «Он говорит: Царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость» (ср.: 7, 190) — и неоднократно отмечалась его непомерная гордость (там же, 180, 182, 199, 212 и др.). То же качество стало одной из существенных сторон личности Идиота, о котором в *ПМ*₁ сказано: «NB) *Главный характер идиота*. Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего» (с. 116). И в Раскольникове, и в Идиоте *ПМ*₁ сильно бунтарское начало. В чер-

¹ См.: Кибальник С. А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С. А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб., 2015. С. 115—131.

² Кибальник С. А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности. С. 117, 123, 130. См. также: Альтман М. С. Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // Международные связи русской литературы: Сб. ст. / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963. С. 359—360.

новиках «Преступления и наказания» разрабатывался эпизод, получивший в окончательном тексте романа воплощение в сцене столкновения Раскольникова с заносчивым помощником квартального надзирателя «поручиком-порохом». Свое психологическое состояние герой пояснял в рукописях: «Я сам не пони<маю>, что со мн<ой> было. Я, впрочем, никак не мог стерпеть попытку <посягнуть> на мои привилегии и на мое достоин<ство> <...>» (7, 26). Близкое к этому чувство испытал и Идиот при виде раболепия, царящего в канцелярии, куда его определили служить. Достоевский теперь уже кратко, в скобках, для себя заметил: «Описание, как поругался, как долго сидел, переписывал — почерк хорош — соблазнился, что все трепещут директора, и вот бы плюнуть-то ему в харю» (с. 111).

Одним из значительных в идеологическом отношении мотивов, перешедших в наброски к «Идиоту» из прежнего романа, является стремление раскрыть судьбу героя, приложив к ней «теорию счастья на земле». В *ПМ*₁ к «Идиоту» «теория» эта лишь названа (см. с. 134), а содержание ее не раскрыто. Оно как бы ясно писателю заранее. И действительно, в рукописных материалах «Преступления и наказания» такая «теория» сформулирована: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно-чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом про и contra, которое нужно перетащить на себе страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредств<енное> сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания» (ср.: 7, 197, 199). И Раскольников, и Идиот в своих метаниях приходят к мысли о самоубийстве (7, 166, 167 и др. и 9, 132 и др.), которое планировалось как заключение того и другого романа, но такой финал в обоих случаях был отвергнут; кончает с собой Николай Ставрогин в «Бесах». Раскольников мечтал «умереть гордо, заплатив горой добра и пользы за мелочное и смешное преступление юности» (7, 118). В рукописях «Преступления и наказания» был намечен также диалог между Пульхерией Александровной и Разумихиным о пользе «единичного добра», где Разумихин, признавая людей, желающих «корень зла искоренить», умными и великодушными, иронизировал над теми, кто утверждал, «что единичное добро не помогает обществу, забывш<и>, между прочим, что оно все-таки помогает единично, и вас самих лучше делает и в обществе любовь поддержки<вает>» (7, 326). Идея «единичного добра» как непосредственного деяния, направленного от человека к человеку, перейдет в замысел «Идиота», а в *ПМ*₂ составит «главное Социальное убеждение» князя (с. 229). В печатном тексте романа мысль эта звучит в «Необходимом объяснении» Ипполита, который подтвердит ее историей о «старичке генерале» «с немецким именем», встречавшем в течение многих лет партии ссыльных на Воробьевых горах и оказывавшем им посильную помощь. Речь здесь идет о главном враче тюремных боль-

ниц в Москве Ф. П. Гаазе. Сказав, что о нем в Сибири помнит даже закоренелый преступник, Ипполит восклицает: «А почему вы знаете, какое семя заброшено в его душу навеки этим „старичком генералом“, которого он не забыл в двадцать лет?» (8, 373). Еще в 1862 г. Достоевский опубликовал во «Времени» «Воспоминания и размышления» Е. Тур, в которых о Ф. П. Гаазе говорилось: «Благодетельство, бесконечная кротость и доброта дышали в каждой черте прекрасного, правильного лица. Нам случалось слышать отзывы о нем. Раздавая всё состояние, он уж не ездил в карете, а, взяв самого бедного из всех московских ванек, совершал переезд свой в тюремный замок, где сосредоточивалась его истинно христианская деятельность. На него показывали пальцами из окон барских палат: „Посмотрите, — говаривали практические люди: — вот едет безумный Газ“» (Вр. 1862. № 6. С. 64). В набросках к «Преступлению и наказанию» образ Гааза неоднократно возникал в сознании Раскольниковов после совершения преступления: «Неужели ж я не могу быть как Гас?» или «Почему я не могу сделаться Гасом? Почему, всё потеряно. Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» (ср.: 7, 106). Таким образом, уже в черновиках «Преступления и наказания» у Достоевского мелькала мысль об идеальном «деятеле», способном влиять на «души», который, однако, «практическим людям» кажется «безумным», «сумасшедшим».

Завершив «Преступление и наказание» рассказом о приобщении Раскольниковов к новой, открывшейся ему правде, Достоевский закончил роман словами: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его <...>. Это могло бы составить тему нового рассказа <...>» (6, 474). С идеей преображения героя раскольниковского типа и приступил, вероятно, Достоевский к работе над новым романом. Идиот первоначальных планов мало похож на будущего Мышкина, но наряду с «гордостью непомерной», жаждой самоутверждения, которая могла бы довести его «до чудовищности», в нем заложена «потребность любви жгучая» (с. 110, 116). Репутация идиота, которую он приобрел благодаря «ненавидящей его» матери, подкрепляется его нервностью, болезненностью, необычностью его слов и поступков. Он учился и, хотя «курса не dokonчил», много читал и по развитию своему стоит не ниже, а выше окружающей среды. Идиот взял на себя вину Отца семейства, укравшего деньги. Дядя, который был задуман как «лицо капитальное всего романа», тщеславный «ипохондрик», не лишенный великодушия, «видит, что идиот, которого он плеткой хотел бить, неизмеримо глубже и выше его» (с. 112, 116). Между Идиотом и Дядей завязываются сложные отношения, в которые входит и внутреннее тяготение друг к другу, и соперничество. Идиот наделен тонкой проницательностью, но пока эта прозорливость злая, насмешливая. В складе ума Идиота проявляются черты иронической рефлексии, близкие герою «Записок из подполья» (ср. также с героем заметок «Страстные и бурные порывы» — 7, 5—6): он «в унижениях находит наслаждение», испытывает «сладострастное чувство», оттолкнув богатство (с. 110, 121). Многие

поступки Идиота объяснялись в *ПМ*₁ условиями его жизни и воспитания. Он то нелюбимый сын в помещичьем семействе, то сын Генерала от первого брака, то пасынок или побочный сын Дяди. В детстве он был отдан родственниками в деревню, воспитан «безобразно и у тиранов» (с. 152). В ряде заметок оттенялись бедность Идиота, неравное положение в семье, и его стремление покорить во что бы то ни стало Геро получало социальное обоснование: «— Мечты о Генерале и Красавице, беспредметные, но ставшие капитальной точкой в его жизни, как сравнение отношений социальных его с остальным обществом» (с. 143). Психологический рисунок образа всё более усложнялся и обогащался. Достоевский выдвигал «вопрос капитальный»: «В чем фигура идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль? При законности или незаконности?» Испробовав различные варианты, писатель остановился на решении изобразить его «законным», но отверженным в семье сыном (см. с. 174—177). Руководствуясь своей «теорией счастья на земле», Достоевский проводил героя через все возможные «про» и «contra». Наброски, в которых внимание было сосредоточено на «вступлении на поприще» Идиота, сначала непризнанного, а потом обнаружившего «документ», устанавливающий его права, ведут к «Подростку», предвосхищая данное там социально-психологическое изображение состояния «незаконного» ребенка; обрисовка взаимоотношений Идиота с Дядей также кое в чем напоминает любовь-вражду Аркадия и Версилова («Вы отвергли меня и мать; отвергаю и я вас» — с. 162). Предваряет мечты Аркадия и идея Идиота стать «банкиром, Царем Иудейским» и «всех держать под ногами в цепях» (с. 163).¹

От избытка внутренних сил Идиот способен к крайним проявлениям добра и зла. Ему приписаны участие в поджоге, насилие над Умешкой — и вместе с тем бескорыстная помощь ей; преследование Геро, доходящее до угрозы ее жизни, — и полное самопожертвование в ее пользу. Он говорит о себе: «Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте — вот что только и можно по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу» (с. 163—164). Идиот рассуждает с Дядей о Христе (ср. диалоги с Умешкой, женой — «Рассказ о Базельском Христе» — с. 169 и др.), «христианин и в то же время не верит» (с. 170). Размышляя над причинами скептицизма героя, Достоевский приходил к обобщениям, касающимся современного ему юношества: «NB. NB. Главная мысль романа: Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом». Сочетание самых высоких порывов с грубой чувственностью писатель объяснял тем, что с детства вокруг

¹ В период работы над романом (особенно в *ПМ*₁) Достоевским был намечен ряд идей, ситуаций и черт внутреннего облика героев, не получивших затем воплощения в окончательном тексте или реализованных в нем лишь отчасти. Они были вновь осмыслены в пору создания романа «Подросток» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 13—17).

героя было мало «красоты», «прекрасных ощущений», «окружающей любви», «воспитания». «А теперь, — писал Достоевский, — жажда красоты и идеала и в то же время неверие в него.

Или вера, но нет любви к нему.

„И беси веруют и трепещут”» (с. 146).

В черновиках к «Идиоту», таким образом, мелькали мотивы, развитые впоследствии в «Бесах», а в Идиоте *ПМ*₁ проглядывали черты Ставрогина. «Он совсем не несчастен, совсем не обижен, но ему всё не по мерке, всё теснит», — замечает Достоевский в девятом плане (с. 170). Психологическая мотивировка брака Идиота с женщиной прежде обманутой, «страдальческой и наивной», на которой он женился сначала тайно, а потом, когда это обнаружилось, «вдруг подымает голову и гордится», метания его между женой и Геро, с которой он «искренен, тем и прельстил», насильственная смерть жены (убийство или самоубийство), вызывающая в нем чувство вины (с. 164, 180, 195), предвзяты сюжетную линию: Николай Ставрогин—Хромоножка—Лиза. Ядро образа Ставрогина можно усмотреть и в следующем замечании о герое: «Он действительно благороден, может быть даже велик и настоящим образом горд, НО не может удержат себя, быть настоящим образом великим и гордым, *хотя и вполне сознает настоящую гордость и величие*. (Исповедью всё окупает потом.) Мстит и любит Геро, не любя. Желел любить, хотя и высоко ценил ее и знал, что она всё в себе заключала <...>» (с. 182—183).

Колебания героя между добром и злом, прохождение его через горнило религиозных сомнений, способность подняться из нравственной бездны к вершинам человеческого духа объединяли Идиота *ПМ*₁ с позднейшими замыслами Достоевского — «Атеизм» и «Житие великого грешника» (см.: Долинин А. С. Предисловие редактора // *Д. Письма*. Т. 1. С. 12—28). Некоторые черты Идиота перешли к «великому грешнику», жизнь которого представляет собой «падение и восстановление», а кончает он «воспитательным домом у себя и Гасом становится. Всё яснее. Умирает, признаваясь в Преступлении» (см. ниже, с. 407, 972—973).

Основа развития образа центрального героя в *ПМ*₁ — борьба стихий ненависти и любви. В начальных записях он всеми ненавидим и всех ненавидит. Любовь его к Геро — «самость бесконечная» (с. 123). Но доведенная до предела холодная страсть уже в первых планах сменялась противоположным качеством — забвением себя для других. В тот момент, когда судьба бежавшей с ним Геро была в его руках, Идиот отказывался от нее и от денег, предложенных Дядей, и «передавал» ее Сыну, сам же уходил с изгнанной Ольгой Умещкой. Из плана в план Достоевский варьировал и углублял мотивы его поступка: то это самоотвержение из гордости, то презрение к неполной любви, то желание овладеть всеми, восторжествовать. В восьмом плане показана палитра чувств героя: сначала он не любил Геро, скорее, ненавидел и желал отомстить за насмешки и унижения, но, «как похитил — так и полюбил», однако «отпустил из великодушия (гордости и презрения)» (с. 145).

Вместе с тем обозначаются три фазиса, через которые проходит его любовь: «Мщение и самолюбие, страсть, высшая любовь — очищается человек» — и повторно: «1) Мщение и Самолюбие. <...> 2) Бешеная безжалостная страсть. 3) Высшая любовь и обновление» (с. 149, 152). В девятом плане добавился характерный для Достоевского мотив сложности внутренней жизни героя, которая не поддается плоско-рационалистическому истолкованию: «Он открыто любит Геро. И потом уступает. (Странно как-то)» (с. 161). В девятом и десятом планах уже не только сосуществовала дружба Идиота с Ольгой Умецкой и любовь его к Геро, но «параллельно и особо» протекал его роман с женою (с. 189). Сначала Идиот почти забывал, что он женат, мучил жену, которая мешала его карьере и осуществлению планов, связанных с Геро. Но потом, увидев, что она любит его и принимает всё, «как Мадона», «бросается к ногам», «без нее жить не может», почти находит с ней счастье (с. 190). Подобные метания вели Идиота, по первому замыслу Достоевского, к очищению через страдание любовью. «Непосредственная сила развития» и «любовь» должны были вывести его «наконец на взгляд и на дорогу» (с. 131—132). В поисках путей возвышения своего героя писатель усиливал масштабность и трагизм его образа: то собирался изобразить Идиота как трагического злодея — как Яго, который, однако, кончает «божеств^{енно}. Отступается и проч.» (с. 137), то характеризовал его как «страшно гордое и трагическое лицо», называя его состояние после смерти жены «байроновским отчаянием» (с. 177, 179).

Достоевскому виделся «финал великой души» (с. 149), однако, в какие бы сюжетные ситуации он ни ставил своего героя, его не покидало чувство: «Главной мысли не выходит об Идиоте» (с. 156). Образ Идиота в *ПМ*₁ постепенно начал двоиться, расслаиваться. С одной стороны, в нем накапливались черты, ведущие к принципиально иной, качественно новой ступени развития образа, с другой — отдельные особенности его богатой натуры психологически детализировались, а тем самым и выделялись в самостоятельные устойчивые комплексы. Это способствовало их последующей персонификации в характерах других героев романа. В противоречиво меняющихся на протяжении *ПМ*₁ гранях характера Идиота можно обнаружить наметки будущих образов Гани Иволгина, Рогожина, Ипполита. Ганю напоминал Идиот первого плана, «тайно» влюбленный в Героиню, ненавидящую и презирающую его «хуже, чем идиота и лакея» (с. 110). Здесь же была раскрыта первопричина пренебрежительного отношения в романе к Гане Иволгину Настасьи Филипповны и Аглаи: Геро инстинктивно не верит любви Идиота, считает ее «ни во что», так как любовь его — лишь «высочайшее удовлетворение гордости, тщеславия» (с. 122). В эгоистической любви Идиота к Геро, которая переходит в сильную всепоглощающую страсть («Мучает Геро своею бешеною, страстною любовью» — с. 144), а позднее — в мрачную «любовь-ненависть» («Я не любил вас, я не люблю вас, я ненавижу вас» — с. 194), проступали и рогожинские черты. «Предчувствуется, — отметил Достоевский, — что Идиот умрет, а не отдаст» (с. 121). Угроза страшной развязки с самого начала со-

проводила мучительные отношения Идиота и Геро. В третьем плане уже прямо говорилось о том, что Идиот может ее убить. Но убийство не предreshалось окончательно. В душе Идиота происходила тяжелая внутренняя борьба, и временами, как впоследствии Рогожин к Мышкину, он испытывал любовь к своему благородному сопернику (Сыну). В Идиоте побеждала «высшая любовь», и он, когда Геро бежала от него к Дяде, призывал того: «Что ж, покажите, что любите бесконечно, я показываю — отказываюсь и не убиваю» (с. 131). Напомним, что в романе, в момент наивысшего душевного подъема, Рогожин «крепко обнял князя и, задыхаясь, проговорил: — Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!» (8, 205). Некоторые действия и настроения Идиота ПМ, впоследствии были переданы Ипполиту. Кроме отмеченных выше религиозных сомнений, Ипполита, обездоленного на «пиру» жизни, предвосхищала характеристика: «Великодушие и требование любви у кругом оскорбленного сердца безмерные. Их он не имел, и потому он, тем, которых бы он хотел бесконечно любить и за них кровь отдать, всем дорогим ему, он мстит и злодействует» (с. 163). Через многие планы проходил мотив интриганства Идиота. Считая любовь к нему Геро невозможной, он настраивал всех против нее, ставил друг с другом, ссорил Дядю, Генерала, Сына, Генеральшу, — и всё это для того, чтобы потешить свое тщеславие, восторжествовать. По поводу распространяемой им клеветы в восьмом плане говорилось: «NB. Ненависть его даже и не объяснять. <...> Он, войдя в семью ничтожеством, стал над всеми» (с. 151). В девятом плане предвиделось и «завещание», подобное «Необходимому объяснению» Ипполита: «— Или он раз сел и написал свое завещание. Хотел убить себя, но не убил, а начал интригу» (с. 164).

Выявляя скрытые в характере Идиота потенциальные возможности, обуславливающие предстоящий ему «божественный поступок», Достоевский находил своеобразные грани в психологическом складе центрального героя и приближался к его последующему «внезапному» изменению. Спасение Идиота на путях «любви» Достоевский уже в ранних записях проектировал в том же этическом аспекте, в котором потом будет построен и образ Мышкина. «Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки. <...> Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг» (с. 116) — так определялось в первом плане направление духовного совершенствования Идиота. Оттенялся странный, необычный строй чувств героя, который «не мечтает и не рассчитывает», будет ли Геро его женою, «возможно ль это», в случае же, если б она вышла за другого, сказал бы: «Пусть она выходит, а я все-таки буду любить», — а потом «начал не замечать действительности» и «даже зашел к Сыну и говорил об ней, не скрывая своей любви <...>». Объясняя такое непонятное для других проявление отношений Идиота к Геро эгоистическими побуждениями, его стремлением измерить свои силы в любви «для себя», Достоевский подчеркивал: «Ему только бы любить» (с. 122). Позднее в романе та же готовность Мышкина любить без всякого личного расчета, надежд

на будущее, и даже помогать сопернику раскрывалась как забота прежде всего о счастье того, кого любишь. Проследивая различные проявления и эволюцию чувств Идиота, Достоевский уже в *ПМ*₁ пришел к мысли, что именно в сфере любви герой осознает свое назначение: «Вопрос и сомнение: Оправдать, что вся его деятельность ушла на любовь к Геро» (с. 175). В девятом и десятом планах, как отмечалось выше, разрабатывались отношения Идиота с женою.

Первая формулировка идеи, предвещающая, пока еще очень отдаленно, возникновение образа Мышкина, содержалась в «Новом плане» с пометой «Забитый», в котором «гордость» рассматривалась как оборотная сторона стыдливости героя, стремления его скрыть свои «затаенные чувствования» и выдвигалась задача «провести нить характера», «показать, какой человек был забит» (с. 131). Мотив «забитости» героя постепенно всё более и более усложнялся сюжетно и психологически. Среди «Отметок к главному плану» отмечалось: «1) *NB*. С Идиотом вначале обходятся как с помешанным, физически, чуть не плеткой. Его ни во что не считают. При нем обо всем говорят. При нем хоть нужду сделать». Перечисляются различные унижения, которым подвергается человек глубокий, немало читавший и размышлявший, в душе у которого «много накипело». Наконец, долго сдерживаемая гордость героя прорвалась: «— Идиота наказали. Он сломал палку и отвел руку. Не хотел сесть под арест. Мышьяк, Сабур» (т. е. попытка самоубийства в знак протеста — с. 132). Об Идиоте в *ПМ*₁ окружающие говорят: «Он совсем идиот», — а более проникательный Сын: «Он такой странный» (с. 141). Позднее Сын скажет об Идиоте: «...странный человек и мыслитель» (с. 167). Однако на приеме у Генерала Идиот оказался совсем не идиотом. Ему предложили «знатное место», но он отказался и пошел «в писаря». У него, так же как у Мышкина, хороший почерк. Идиот рассказывает Сыну, как он прослыл идиотом: «Смолоду была болезнь. Умелкие всё писали, что я идиот, тянули деньги за докторов». Дядя отправил его лечиться в Швейцарию, где ему было «темно и грустно» (с. 160). Все эти ситуации в той или иной мере были использованы в окончательном тексте романа. В сцене «у Генералов» в характере героя вдруг проявляется своеобразная, мышкинская, черта: «Идиот пленяет всех, детскою наивностью» (с. 156). Испробовал Достоевский и разные определения социальной принадлежности Идиота. Согласно одному из них, «Геро — княжна. У ней знатная родня. А он просто Птицын» (с. 162); «*NB*. Дядя вначале говорит ему: „Ты должен служить у Генерала. Ты Птицын и должен заслужить чин“» (с. 166). Но вот наконец в тетради № 4 на <с. 136> появляется проба пера: «Князь», а на <с. 137> герой назван Юродивым (см. выше, с. 470). Эти записи отражают один из самых важных поворотных моментов в развитии замысла.¹ Одиннадцатый план является их ча-

¹ Мотив преображения гордого и жаждущего самоутверждения героя в кроткого и предельно чуткого к страданиям других встречается в замысле

стичной реализацией. «*Лицо Идиота*» определено теперь так: «Чудак. Есть странности. Тих. Иногда не говорит ничего.

Н<а>пр<имер>: Есть где-нибудь у него на Петербургской мальчик. Он к нему. (Весь в детях.)

Он вдруг иногда начнет читать всем о будущем блаженстве. Иное не знает, сомнения, совершенно на равной ноге.

Идиоту 19 лет, скоро 20».

Но затем возраст Идиота изменен: ему 26 лет; зовут его то Иваном Николаевичем, то Дмитрием Ивановичем; у него «*очень слабое здоровье*». Существенная сторона нового облика героя открывалась в его отношениях с детьми, подростками, которые его постоянно окружают (см. с. 196—197). Предполагалось даже: «В 3-й части у Идиота — *Детская и женская. (Женский труд.) Часть ночующих и часть приходящих*». Сфера деятельности Идиота определялась заметкой: «Идиот в действии: Мальчик, потерянные женщины и проч.» (с. 208). К нему тянутся две женщины — молоденькая воспитанница, на которой после смерти жены хотел жениться Генерал, и Настя, которую Идиот принял, когда содержатель ее бросил, и которая «родила у него на руках...» (ср. аналогичный эпизод с Шатовым в «Бесах»). По одной из версий, она влюбилась в него, он ей предложил руку, но она убежала. Она насмехается над ним, «*кривляет*» его и удивляется ответной «его *простоте и смирению*». По другой — она любила Сына (Ганечку), который своим мрачным «байроновским характером» напоминает Идиота предшествующих планов и Рогожина, как он представлен в окончательном тексте. В одиннадцатом плане как «лицо прежнего Идиота» фигурировал еще Племянник, произносящий «*тираду об Царе Иудейском*» и собиравшийся, по-видимому, жениться на дочери Генерала Варе (с. 197, 201, 213). В нем угадываются черты не только Аркадия Долгорукого, но и хронологически более близкого Птицына.

В Идиоте последних планов ПМ, уже проявляются признаки характера, противопоставленного бушующим вокруг страстям. Как позднее в «Братьях Карамазовых», соперниками выступают отец и сын. Они влюблены то в разных героинь, Устинью и Настю, старшая из которых (иногда сестра), сватаемая Умцем Генералу, соблазнила раньше Сына, то в одну, причем обе героини сливаются в единый образ. «Побольше бешености в Сыне», «Генерал <—> безобразие и русская душа» — таковы указанные в одиннадцатом плане «*главные перемены*». Идиот в какой-то момент всех примиряет, принимает «ужасное участие в Сыне и в Насте», возвращает Сына к семье, способствуя его женитьбе на Насте (с. 207, 201). Несколько раз повторялась запись о пощечине, которую, вступившись за кого-то, получает Идиот (с. 206, 208, 214). В этой сцене он должен был по-новому открыться окружаю-

«поэмы» об императоре, записанном в той же рабочей тетради. О соотношении героя этого неосуществленного замысла с образом князя Мышкина см. ниже, с. 920—921.

щим. Заметкой: «NB. До самой пощечины, над Идиотом все смеются и он в страшном пренебрежении. Он всё молчит» (с. 219) — завершается одиннадцатый план.

К созданию образа Мышкина Достоевский шел в ПМ, не только через преобразование главного героя. Начиная с первого плана будущего романа он искал гармоничную фигуру, контрастно оттеняющую гордыню и бунтарство раннего Идиота и воплощающую идеальное начало. Такая роль с первого плана по пятый предназначалась Сыну Дяди, в седьмом плане — Сыну Генерала (брату), а в восьмом, девятом и десятом — младшему сыну Генерала Ганечке. «Благороднейшая фигура» Сына ассоциировалась у Достоевского с Христом: «Христос. Сын отчасти поражает Идиота еще прежде. Тот с ним вдруг становится откровенен. <...> Сын признается, что он еще не человек, что он готовится быть человеком. (Сострадание к Миньоне увлекает его.)» (с. 124). В этой характеристике просматриваются контуры родственного Мышкину образа: тот же тип христианского героя, пробуждающего чувство доверия, осознающего собственное несовершенство и движимого любовью-состраданием. Сын производит чрезвычайно сильное впечатление на Геро, но сам он не верит, что она может его полюбить. Так же складываются в романе отношения Мышкина и Аглаи. Составляя *«Проект характера Сына»*, Достоевский полемически заостряет вопрос о его убеждениях, возражая против рекомендации Сына *«социалистом»*, которую ему дает Дядя. Сводя социализм к «экономическому распределению» и «хлебному вопросу», Сын находит в нем «мало идеала» (с. 124). Проблематика эта получит в *«Идиоте»* публицистическое выражение в изложенном Лебедевым споре двух «мыслителей» о «телегах, подвозящих хлеб голодному человечеству» (8, 345; см. ниже, с. 547), а позднее станет предметом разговора между Аркадием и Версильевым в *«Подростке»* и одной из тем «поэмы» о великом инквизиторе в *«Братьях Карамазовых»*. В другом пункте *«Проекта»* о Сыне говорилось: «Сын проповедует, что в жизни много счастья, каждая минута — счастье; самозавлечение и самоощущение» (с. 124). Проповедь светлого, радостного отношения к миру, любви к жизни в каждое ее отдельное мгновение прозвучит в речи Мышкина на вечере у Епанчиных в заключительной части романа (см.: 8, 507—508). Сын, как и Мышкин, принимает Геро, бежавшую несколько раз почти из-под венца (то от Дяди, то от Идиота). Еще более детальная психологическая разработка характера, предваряющего образ Мышкина, происходит, когда Сына сменяет Ганечка: «Чистый, прекрасный, достойный, строгий. Очень нервный и глубоко христиански, сострадательно любящий. От этого мука, потому что при таком *страстном сострадании* разумен, предан долгу и непоколебим в убеждениях», «Ганечка тоже должен быть самое симпатичнейшее, кроткое и сильное лицо из всего романа» (с. 150—151). И в десятом плане снова повторяется: «Ганечка идеально-прекрасное лицо» (с. 187). В одиннадцатом плане Идиот уже описан по-новому, намечается конкретизация образа, более близкая к последующей его характеристике в окончательном тексте романа (см. выше).

В начальных планах кроме Идиота в ходе сюжетного действия романа должны были принимать участие две героини — Миньона и Геро, от которых тянутся нити к главным женским образам окончательного текста. Миньона, в основном, подготавливала Настасью Филипповну. Живущая в «главном семействе» на правах приемыша, девушка характеризуется как «озлобленная Миньона и Клеопатра» (с. 110), но закрепляет за ней Достоевский имя, заимствованное из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Гётевская Миньона — девочка, отторгнутая от родины и близких, бродящая с трупной актерской поющей песни, овеванная поэзией тоски и страдания. Ее имя вводило героиню Достоевского в круг определенных поэтических ассоциаций.¹ С египетской царицей Клеопатрой, судьба которой послужила темой ряда шедевров мировой литературы, в частности стихотворной импровизации из «Египетских ночей» Пушкина (1835), блестяще интерпретированной Достоевским (см. в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (1861) — *Акад. ПСС*. Т. 18),² Миньону из *ПМ*₁ сближала в первую очередь неукротимая гордость и мстительность. В тексте романа

¹ Следует отметить, что в составленном в конце 1859 г. перечне замыслов, которые Достоевский предполагал осуществить в 1860 г., фигурировало произведение под названием «Миньона»; главным действующим лицом его, возможно, должна была стать героиня, напоминающая чертами своего характера Нелли из будущего романа «Униженные и оскорбленные» (см.: 1, 501, 627—629). Тогда же Достоевский хотел написать повесть (или роман) «Весенняя любовь». По одному из ее «варьянтов» князь, «у которого не было своих слов», любит «девочку», невесту «безобразного чиновника», ее соблазняет литератор, она же в глубине души предпочитает князя, но считает, что тот стоит «высоко над ней». «Князь горячится, хочет жениться», доводит ее до благоговения в любви, она хочет быть достойна его, учится, расспрашивает и т. д.» (там же, 497—498). В какой-то мере ситуация эта предвосхищает последние планы *ПМ*₁, разработку *ПМ*₂ и окончательный текст «Идиота». Но в целом это иной, самостоятельный замысел.

² Об этой статье Достоевского и о значении для его творчества в целом пушкинских «Египетских ночей» см.: Комарович В. Л. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29—30. С. 36—48; Кирпотин В. Я. Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина // Кирпотин. Мир Достоевского, 1983. С. 411—423; Штедке К. «Египетские ночи» и вопрос об искусстве: (К проблеме интекста в статье Достоевского «Ответ „Русскому вестнику“») // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 720: Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX / Отв. ред. Ю. М. Лотман. С. 133—144; Сараскина Л. И. Импровизация Достоевского на темы «Египетских ночей» Пушкина // Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: (От Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 15—37.

реминисценция из «Египетских ночей», а именно «пира» Клеопатры, встречается в сцене именин Настасьи Филипповны. Мотивы «страстного торга» и ночи любви, купленной «ценою жизни», объединяются с изображением развращенного скучающего общества (накануне и в ожидании, если воспользоваться интерпретацией «пира» самого Достоевского, прихода Искупителя).¹ В роли трех претендентов на внимание «царицы» видят Рогожина, Ганю Иволгина и князя Мышкина (ср. с записью из *ПМ*₂ о трех видах любви в романе — с. 225).² Несмотря на то что в сцену именин Достоевский переносит мотивную структуру пушкинского текста, образ Настасьи Филипповны только поверхностно соответствует образу Клеопатры.³

Своеобразно воспринятые литературные образы соединились в творческом воображении Достоевского с чертами реального прототипа. Корреспондент «Голоса», описывая наружность Ольги Умецкой, замечал, что «выражение лица» она имеет «детски пугливое и сосредоточенное. Говорит тихо, смущается и краснеет. Одета в плохое ситцевое платье» (Г. 1867. 26 сентября, № 266. С. 3). В напечатанной защитительной речи А. И. Урусова говорилось: «Здесь, на ваших глазах, гг. присяжные, была минута, когда две сестры, одна разряженная барынею, а другая — похожая на горничную, стояли перед вами. Несмотря на такую разницу, барыня настойчиво утверждала, что обращение с детьми было одинаково» (Там же. 28 сентября, № 268. С. 3). Миньону в семье «страшно притесняют, держат хуже служанки — это подлая черта в матери». Она дочь помещика, сирота, много претерпевшая в детстве и чуть не доведенная, как и ее прототип, до самоубийства. Миньона наивна, горда, завистлива и мечтает о том, как «всем отмстит». С Идиотом ее соединяет «дружба страшная до рабства, но

¹ Финальное появление Искупителя играет ключевую роль в интерпретации «Египетских ночей» Достоевским в статье «Ответ „Русскому вестнику“», см.: *Шилова Н. Л. Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 360—367.*

² *Шолти Г. Настасья Филипповна и Клеопатра: поэтический процесс разворачивания смыслов в романе «Идиот» // Достоевский: философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012. С. 165—172.*

³ О связи героинь других произведений Достоевского 1860—1870-х годов с его интерпретацией пушкинской Клеопатры см.: *Суздальцева Н. В. Пушкинские образы «Клеопатра e i suoi amanti» как типы «современного человека» в произведениях Ф. М. Достоевского // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст / Под ред. Е. П. Титкова. Арзамас, 2003. Вып. 5. С. 159—167. О мотивах «Египетских ночей» и «Пиковой дамы» в структуре «Идиота» см.: *Чурус Т. Ю. О пересечении ассоциаций пушкинских текстов в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Молодая филология / Под ред. Н. П. Перфильевой и др. Новосибирск, 2008. С. 107—117.**

наравне». Миньона «ненавидит семейство», «ужасно умна и всё при мечает», «беспрерывно мечтает» и Идиоту «все свои мечты переска зывает». А он ей после изгнания и совместных скитаний по Петербу ргу нанял квартиру и «свои золотые планы показал» (с. 111, 113, 115). Этот характерный для Достоевского мотив близости «униженных и оскорбленных» предстанет затем в романе значительно обогащенным: взаимопонимание Мышкина и Настасьи Филипповны будет раскрыто как духовное родство людей, которые отклонились от общепризнанной житейской «нормы»: один — в силу своей болезненности, тонкости внутренней организации, другая — вследствие перенесенного ею над ругательства и глубины страдания. Объединяет Миньону-Умещкую и Настасью Филипповну также то, что обе они — жертвы грубой чув ственности: на осиротевшую девушку покушались отец семейства, в котором ее приняли, его старший сын — Красавец, Идиот, а в деся том плане — Владимир Умещкий. Она сначала «влюблена в Красав ца и ненавидит его невесту. Она ненавидит и Героиню, потому что Ге роиня льнет к Красавцу, но так как та ужасно хороша, то Миньона, оставшись наедине, целует ей руки и ноги (и тем сильнее ненависть)». Постепенно отношения соперниц усложняются. Геро даже «полюбила Миньону», между ними возникает «странный дружба» (с. 113, 121). Итак, уже здесь начинают вырисовываться контуры сложного психо логического комплекса: Настасья Филипповна — князь Мышкин — Аглая. Однако в романе более высокими причинами будет объяснено восторженное поклонение Настасьи Филипповны Аглае, которую она вообразила идеальным существом, предназначенным для Мышкина. Как бы в ответ на пережитые унижения Миньона, покинув ненавист ный ей дом, призналась Идиоту, что она «хочет скорей быть скверной женщиной». Сильное впечатление она произвела на Дядю, который ре шил на ней жениться, но неожиданно умер, «завещав» ее, по одному варианту, Сыну, по другому — Идиоту. Миньона же, отказавшись от состояния, которое ей намеревался оставить Дядя, должна была покон чить с собой или умереть, либо сойти с ума. Таков был первый эскиз образа, предвосхищающего Настасью Филипповну, — эскиз, в кото ром предвиделся, правда неясно, ее трагический конец. Писатель сразу же начал оттенять в этом образе черты романтического благородства, душевной красоты. «Миньона вместо того, чтоб мстить (как тогда, ког да она кипела злобой), всем *раздает* и становится *ниже* всех. Одно изящное ей нравится», — записал Достоевский, а немного далее — в конце того же первого плана: «Миньона всё раздает и сходит с ума. Фантазии одна другой чуднее. Дядя подчиняется всем ее фантазиям. Сын благоговееет и *сошелся с отцом* у Миньоны» (с. 121, 125). В бо лее поздних планах Ольга Умещкая, занимавшая место Миньоны, характе ризовалась как «юродивая», «мстительница и ангел». Как главная черта ее характера теперь подчеркивалась бесконечная наивность. Оказалось, что она всегда любила Идиота и всем ради него и жены жертвовала. Отмечалось, что Умещкая «помешалась на всеобщем братстве». Она «зачиталась Евангелия», «в сумасшествии проповедует», и ей мерещат-

ся необычайные картины. Отношения Идиота к «юродивой» характеризуются как «странная и *полнейшая* детская дружба». Он повергает ей свои сомнения в божественности Христа (с. 165, 168—169). В то же время с Умещкой устойчиво связан мотив поджогов. Таким образом, в облике Миньоны-Умещкой, с ее великодушием, мечтательностью, бунтарством, пророческим даром, заботностью и юродивостью, сосуществовали черты будущих героинь «Идиота» и «Бесов» — Настасьи Филипповны и Марьи Лебядкиной.

Другой вариацией близкого типа в девятом и десятом планах является жена Идиота. Он женился на ней «в особом расположении духа», «из сострадания». Она была «чиста», «прекрасна», «тиха, как Гольбейнова Мадона». Идиот был с нею откровенен, «поверяя ей тоску свою» и вступая в «восторженные разговоры», потому что она одна его понимала. Борьба чувств между женой и Геро, к которой его влекли тщеславие или любовь-ненависть, заставляла его то приближать к себе жену, то отталкивать. Но когда она заболела, «терзалась и была в бреду», Идиот «сидел на <д> ней». Осознав наконец, что не может жить без нее, Идиот признается ей в любви, но «все рушится» — «гордость ододела». На какой-то момент Идиот дал волю своей страсти к Геро. Та бросалась к жене. После этой встречи жена скрывалась и кончала жизнь самоубийством или, потрясенная, умирала, оставив письмо, написанное «слогом Гольбейновой Мадонны». В другой записи сказано, что жена «завещала» Идиоту и Геро: «Любите друг друга» (с. 160—161, 167—168, 180—181, 190—191). Это «завещание» явилось первоначальным вариантом одного из писем, отправляемых в романе Настасьей Филипповной Аглае.

С Геро, о которой говорилось, что «вообще, при бесспорной оригинальности и пуантливости капризно-вызывательного и поэтического характера, она выше своей среды» (с. 124), связан генезис образов и Настасьи Филипповны, и Аглаи. Самое имя Геро, возможно, восходит к героине комедии В. Шекспира «Много шума из ничего» (предположение Ю. Д. Левина). Комедия эта в переводе А. И. Кронеберга (С. 1847. № 12. С. 229—302) была известна Достоевскому. Главных ее героев, Беатриче и Бенедикта, он упоминал в «Маленьком герое» (2, 377, 719).¹ Шекспировская Геро, дочь губернатора Мессины Леонато, скромная и чистая девушка, была оклеветана в день ее обручения; по совету монаха обморок ее был выдан за смерть, версией о которой отец воспользовался для восстановления чести дочери. Образ этой героини Шекспира, незаслуженно оскорбленной, нуждающейся в реабилитации, мог объединиться в творческом воображении писателя с античной Геро, которая трагически кончила свою жизнь в морской пу-

¹ О возможной связи Геро Достоевского одновременно с Геро и Беатриче из комедии Шекспира см.: *Контелева А. В.* Шекспировские аллюзии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 199—203.

чине после гибели ее возлюбленного Леандра. В результате подобных ассоциаций имя Геро и могло закрепиться за предшественницей Настасьи Филипповны.¹ К Геро восходит неравное, униженное положение Настасьи Филипповны в обществе: Геро то двоюродная сестра Жениха Дочери, то гувернантка, то воспитанница, «деспотирована в семействе». Настойчиво повторялись мотивы метаний Геро между Сыном, Идиотом, Дядей, ее болезни, бегства из-под венца (см. с. 117—134). В этих набросках вырисовывалась психологическая ситуация, предопределяющая отношения Настасьи Филипповны и Рогожина. Она явно проступает уже в конце первого плана, когда, с одной стороны, обозначилась тайная любовь Геро к благородному Сыну Дяди — первому прообразу Мышкина в *ПМ*₁, а с другой — возможность убийства Геро Идиотом. Проданная Красавцем (в другой версии — братом, он же жених Маши) Дяде, оскорбленная Геро бросалась к Идиоту (см. с. 119—120). Параллельно возникал эпизод: все ожидают, что Геро станет женой сделавшего ей предложение Сенатора, а она, как позднее Настасья Филипповна, спрашивает Идиота: «Посоветуйте, выходить мне или нет?» Далее варьировались мотивы любовного и денежного ажиотажа вокруг Геро (воспитанницы): увлечение ею Сенатора, Дяди, Дипломата — сына Генерала, самого Генерала, ожидание результатов процесса, по которому она могла выиграть 200 000, торг из-за нее между Дядей и Дипломатом, отчаяние и кутеж Геро в невестах, побег ее с Идиотом и от Идиота, смерть. Отношения Геро к Идиоту постепенно эволюционировали (см. с. 140—146). В девятом и десятом планах, в связи с тем что образ Идиота всё более насыщался противоречивыми элементами и таил в себе будущую метаморфозу, чувства Геро претерпевали полное изменение. Сначала Достоевский внес как примечание: «NB! — Геро язвит его насмешками всё время и кокетством. Любит Сына сама не зная, проблематически. И вдруг, в последнее только время объявляет ему, что любит его», — затем под вопросом записал: «? — Ему только казалось, что Геро любит Сына; она любила его». Идиот в этих планах имел жену, и Достоевский раздумывал: «А что если так: Геро вдруг узнала, что он женат; слегла: потом отчаянная любовь, выходит за Дядю, осмеяла Сына и вдруг к Идиоту, „возьми меня, бежим, я люблю тебя...”» (с. 161—162, 172).

Начиная со второй стадии разработки девятого плана близость Геро к Настасье Филипповне исчезает, и она обретает — напротив — сходство с Аглаей. Некоторые черты Аглаи определились в характере Геро уже в начальных планах. Она походила на Аглаю своей чрезвычайной гордостью, манерою держаться совершенно независимо. «Она, удивительно гордая, вся на приличиях и тонная, даже, поэтому не скандали-

¹ Шекспировское происхождение имени Геро подтверждается постоянным обращением Достоевского в *ПМ*₁ и *ПМ*₂ к Шекспиру (см. упоминания «Отелло», «Гамлета»; в *ПМ*₂ отмечен даже день рождения и смерти Шекспира: «23 апре<ля> (Schakespeare)» — см. с. 288).

зуется и не удивляется иным ужаснейшим его выходкам», — упоминалось в первом плане (с. 123—124). Геро пленилась Сыном, увлеченным состраданием к Миньоне, «и его равнодушие ее тем сильнее распалило. <...> У ней в душе трагедия, а она на лестнице с Идиотом острит и шутит» (с. 124). Подобный образ действий характерен и для Аглаи, влюбленной в Мышкина и стыдливо скрывающей свои чувства. Во втором плане были обозначены и победа Геро над Сенатором, и отказ ее от этого выгодного брака, и брошенное ею на вечере ироническое предложение Красавцу идти провожать невесту, на капитал которой он рассчитывал, — поступки, обуславливающие в романе соответственную линию поведения Аглаи с Евгением Павловичем Радомским и ответь ее Гане: «Я в торги не вступаю». Постоянные насмешки Геро над Идиотом — штрих, который войдет в изображение отношений Аглаи с князем. В хронологически позднейших планах найденные ранее черты характера детализировались, оживали в конкретных сценах. В заметке «Из последнего 3 ноября» Геро Сыну, «с внезапным градом слез, объявила, что любит, кажется, другого, но не объявила кого (может быть, сама стыдилась; Сыну же и в ум не пришло, что Идиота, а пришла в ум другие) <...>» (с. 171). В близкой к окончательной сцене посещения Идиотом после возвращения из Швейцарии дома Генералов «Геро встречает его ядовитыми насмешками, но к концу вечера он ей нравится <...>» (с. 189). На нее сильное впечатление производило бескорыстие Идиота: «— Геро, как только услышала, что он отказался от нее и от денег, вдруг заинтересовалась им» (там же). Встреча Геро в решительный для нее момент с женой героя предопределила изображение свидания Аглаи с Настасьей Филипповной.

В двух последних планах появились новые героини — Устинья, Настя, Воспитанница (до этого в некоторых записях упоминалась Геро как воспитанница). Воспитанница выросла в доме Генерала. По своему положению она напоминает Героиню первых планов. Генерал ухаживал за ней, вызывая ревность Генеральши. После внезапной смерти жены Генерал собирался жениться на Воспитаннице, из-за чего у него возникла ссора с собственными детьми. Приезжает тетка, которая, как позднее княгиня Белоконская, считалась главной советчицей в семейных делах. В ответ на ее вопросы сначала дочь Генерала, потом Воспитанница заявляют, что хотят к Идиоту, которого одна называет Дмитрием Ивановичем, другая — Иваном Николаевичем. Тетка уезжает, Воспитанница отправляется в Суздаль.

Другая вариация образа — «лихая» 27-летняя «вдова-поручица» Устинья, которую сватал Генералу его старый приятель Умецкий. Она, по одному (отвергнутому) варианту, дочь Умецкого, по другому — дальняя родственница его жены (с. 198). Устинья держит Умецкого в руках, взяв у него векселя. За поручика ее выдали тогда, когда у нее должен был родиться ребенок. Теперь ему 14 лет. Устинья страстна и развратна, «живет с капитаном Павленко и на содержании у Троцкого». Влюбленный в нее Генерал хотел жениться на ней. Может быть, этот брак и состоялся бы, но Устинья, узнав, что у Генерала ничего нет,

уходит. Генерал, совсем потеряв голову, бросается за нею, соглашаясь переносить разврат. Или выдвигается другая версия: Генерал не соби-
рался жениться на Устинье, «подличал», «выгнал ее», но она «успела
взять» с него «вексель в 10 000 р. и засадила его» (с. 201). Попутно
Устинья увлекала Сына Генерала, который ей понравился. В одиннад-
цатом плане господствовал мотив безумной влюбленности в нее Гене-
рала, который твердил «в сумасшествии: „Женюсь!“» Намечалась сце-
на: «Она дала-таки пощечину Троцкому в публике. Сын опять за нее
заступился и тут-то и соблазнился ею. Потом оплевал. А она: „Буду
Генеральшей“» (с. 212). И Воспитанница, и Устинья — самостоятель-
ные характеры, от которых Достоевский отошел; однако они явились
следующей ступенью, приблизившей его к созданию образа Настасьи
Филипповны, тоже воспитанницы-сироты, оказавшейся предметом
сговора между ее опекуном-соблазнителем и генералом, отцом трех
взрослых дочерей. Тоцкий в романе не получал пощечины в прямом
смысле, Настасья Филипповна отомстила ему иначе, но в Павловске,
при всех, она хлестнула плетеной тросточкой другого своего обидчика,
офицера, сопровождавшего Евгения Павловича. Вызов Устиньи: «Буду
Генеральшей» — сменится в *ПМ*₂ заявлением Настасьи Филипповны
(в разных вариациях сцены соперниц), что она княгиня (ср. с оконча-
тельным текстом: 8, 156—157).

Наиболее напоминала Настасью Филипповну в последних планах
*ПМ*₁ Настя, одна из дочерей Умещкого, сперва младшая сестра Устиньи,
но затем не родня ей. Она красавица 19—23 лет, отец преследовал ее
еще совсем юную, и она бежала из дому. Из нужды отдалась старику,
которого потом хотела убить. По отъезде соблазнителя жила в Сара-
товской губернии. Ее навещал Идиот и принял у нее ребенка. В муках и
бешенстве оттого, что ее бросил содержатель, она над Идиотом насме-
халась, но потом влюбилась в него. Идиот предложил ей руку, но она
ответила: «Я бешеная, я прощения не прошу, я поганая» (с. 197) — и
убежала к Умещким, где ее «перехватили и били». Тут ее спасал Сын
Генерала, влюблялся в нее, увозил в Петербург. Она соглашалась выйти
за него, но накануне брака или сразу после него скрывалась. Концовки
планировались разные: то она убегала и поступала в прачки, то сле-
довала советам Устиньи, которая ее сводничала; затем мирилась с Сыном,
но после первой ссоры и ревности с его стороны топилась, или Идиот
возвращал ее и способствовал ее браку с Сыном. Этот характер, «буй-
ный, неподклонный, бешеный, сумасшедший», несет в себе явные чер-
ты Настасьи Филипповны: та же бунтарская гордость и вместе с тем
потеря веры в себя, обостренное чувство собственной вины.

Будучи с Идиотом в деревне, Настя, покоренная его простотой и
смирением, просила его: «Учите меня». Он отвечал: «Да вы больная те-
перь». Она настаивала и рассказывала, «дрожя в лихорадке, как она от-
мстит!» (с. 197). Отношения свои к Идиоту и Сыну Настя определяла
так: «Я тебя вместо Бога почитаю, а *его* люблю» (там же). Сомневаясь
в своем праве стать женою Сына, который был моложе ее, Настя го-
ворила: «Ну за что я тебя загублю прекрасного, милого» (с. 201). Все

эти мотивы получили развитие в $ПМ_2$ и окончательном тексте романа. Образы Устиньи и Насти постепенно начали объединяться в один. Упоминалась и Ольга Умецкая. Вбирая в себе черты и Миньоны, и Геро, и Устиньи, и Насти, и реальной Ольги Умецкой, образ Настасьи Филипповны всё более оживал в творческом сознании автора.

В какой-то мере в $ПМ_1$ были намечены силуэты характеров второстепенных героев романа — генералов Иволгина и Епанчина, Гани, Вари, Птицына и других. Не прошли бесследно и размышления Достоевского над композицией произведения и манерой авторского повествования. Завязавшийся в первом плане драматический конфликт — столкновение вокруг Геро Сына, Идиота, Дяди, Сенатора, влюбленность Геро в Сына, увлеченного в свою очередь чувством сострадания к Миньоне, — стал ядром, из которого развился один из основных сюжетных узлов романа. Мотивы метаний Геро (затем Насти) от Идиота к Сыну, от Сына к Идиоту, бегства ее из-под венца, исчезновения определили движение сюжета. Обдумывая начало романа, Достоевский несколько раз останавливался на мысли, что он откроет его сценой в вагоне. Впервые запись об этом зафиксирована 22 октября н. ст. 1867 г. в седьмом плане: «под осень» в вагоне два сына Дяди, родной и побочный, случайно оказавшиеся рядом, должны были встретиться с генеральским семейством. Генерал знакомил братьев, прежде не знавших друг друга, и рассказывал историю побочного (Идиота), передавая его характер и выказывая свой. В «Основных точках 1-й части», составленных тогда же, намечалось еще какое-то «происшествие» в дороге. набросок дорожного «случая» — неловкого поведения Идиота и столкновения его с генеральским семейством — был сделан на полях <с. 2> (в авторской нумерации — «3») среди записей к «Преступлению и наказанию». Другой вариант вагонной встречи был дан в начале одиннадцатого плана: «Приезд. В вагоне. Свидание с Дядей. Недосказанные слова. Вагон. Следил за Генералами. На станции. Наступил на ногу Геро. Хотел сказать комплимент. Геро и Камергер особенно. Несколько грубостей в разговоре. Разбил вино. Хохот. Воротился<,> бросил деньги и убежал» (с. 138, 141, 192). Эти детали не совпадают с теми, которые характеризуют появление Мышкина в вагоне. Но завязку «Идиота» составили сцены возвращения героя в Петербург после долгого пребывания за границей, неожиданного знакомства его в поезде с другими участниками предстоящих событий (личного или по рассказам), а затем прихода к Генералу, пробы почерка для устройства в писаря, испытания и успеха (последний эпизод неоднократно повторялся в $ПМ_1$ — см. с. 143, 148 и др.). Сохранился и мотив получения Идиотом наследства. 2 ноября н. ст. 1867 г. в девятом плане была введена тема поездки Идиота в Швейцарию. А в десятом плане ход событий конкретизировался следующим образом: «Идиот воротился идиотом из Швейцарии. Между тем бумаги пишет. Дядя понимает и сердится. Несколько объяснений. У Генералов. Дядя заранее *ревнует*. У Генералов Идиот не идиот, а, напротив, с треском. Мил и скромен» (с. 188—189). В следующем плане для воссоздания швейцарского пе-

риода жизни Идиота избрана форма воспоминаний, рассказов детям (в окончательном тексте Мышкин обращается не к детям, а к матери и сестрам Епанчиным, в которых обнаруживает много детского). Одиннадцатый план включал сцену семейной ссоры в доме Генерала и заступничества Идиота за Дочь, в результате которого он получил пощечину. Аналогичный скандал разразится на квартире у Иволгиных в X главе первой части романа. Постепенно в ноябрьских проектах начинала вычерчиваться линия построения начальных глав «Идиота». Архитектура других частей на этой стадии была не ясна: в расположении и структурном сцеплении большей части сцен и эпизодов $ПМ_1$, от которых через $ПМ_2$ или непосредственно тянутся нити ко второй, третьей и четвертой частям «Идиота», произойдут существенные смещения. Так, например, из плана в план $ПМ_1$ устойчиво возобновлялся эпизод сожжения Идиотом пальца для доказательства или пробы своих сил. В $ПМ_2$ палец сжигал уже Ганя, а в VIII главе третьей части окончательного текста это не совершившийся факт, а выдумка Аглаи, цель которой — заставить Мышкина поверить в Ганину любовь к ней. В IX главе четвертой части насмешливое предложение сжечь палец на свечке вновь прозвучало в ответ на попытку Гани признаться в любви в момент, когда Аглая вне себя прибежала в дом Иволгиных от Настасьи Филипповны. Развязка в $ПМ_1$ виделась писателю по-разному: то Идиот уступал Геро Сыну, то она пропадала, убегая неизвестно куда, то Идиот убивал ее. Однако мотив трагической гибели Геро преобладал. Среди NB к третьему плану была сделана на полях особая заметка: «NBene и главное: Надо, чтоб читатель и *все лица* романа понимали, что он может убить Геро. И чтоб все ждали, что убьет» (с. 131). Эта установка на предсказание финала впоследствии, как отметил Н. М. Чирков (см.: Чирков, 1963. С. 166—172), была проведена по всему роману.

В обрисовке отношений между Идиотом, Геро и Сыном всё должно было с самого начала быть «романично и эпизодно» (с. 122). В девятом плане Достоевский вновь записал: «...надо эту страсть и разжигающую любовь объяснить, в *продолжение романа* эпизодами» (с. 172). Принцип фрагментарного, не лишённого таинственности, многозначного изображения, сформулированный в $ПМ_1$, преобладал при раскрытии чувств Рогожина, Настасьи Филипповны и Мышкина. В тетрадах № 3 и № 4 нашла отражение и такая характерная для художественного метода Достоевского черта, как сочетание внешней событийности и внутренней напряжённой драматичности. Заметки типа: «Когда дядя умирает, сын остается у Миньоны», «Сын быстро сходится с Миньоней» — соседствовали с указаниями: «Сцену великолепнее» (с. 124).

В последних ноябрьских набросках явно ощущается приближение перелома в замысле. Воображение писателя захвачено претерпевшими значительное изменение, почти новыми образами. «Генерал. Она. Дети. Лицо Идиота и прочее множество лиц», — подводил итог Достоевский. Записи в $ПМ_1$ обрываются словами: «Подробное

расположение плана и вечером *начать*» (с. 217—219). Этой заметкой завершается одиннадцатый план *ПМ*₁. Обдумав «подробное расположение», Достоевский с середины ноября н. ст. 1867 г. приступил к его реализации. Перебрав с 4 по 18 декабря множество планов, он нашел наконец тот, который подчинил себе все предыдущие.¹ Основную идею, повлиявшую на дальнейшее развитие романного замысла, Достоевский сформулировал в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.: «Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная и я к ней не приготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта — *изобразить вполне прекрасного человека*. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. Вы конечно вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором*, а надобен полный. Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул как на рулетке: „может быть, под пером разовьется!“» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 240—241).

3

Приступив к писанию «Идиота», Достоевский был связан крайне ограниченными сроками и денежными обязательствами. Получив у М. Н. Каткова перед отъездом за границу большую сумму вперед и обратившись к нему осенью 1867 г. с просьбой о ежемесячных денежных присылках в счет будущего романа, Достоевский обещал первую большую «порцию» выслать в декабре, чтобы публикация романа могла начаться с января 1868 г. Книги «Русского вестника» выходили обычно во второй половине месяца ст. ст., — поэтому Достоевский надеялся успеть и работал очень интенсивно. И действительно, пять глав первой части были высланы им в Петербург 24 декабря 1867 (5 января 1868) г. В сопроводительном письме в редакцию писатель обещал «на днях» отправить также VI и VII главы первой части, а затем «не позже *первого февраля*» доставить вторую часть и «раньше 1-го марта» — третью (под второй частью подразумевались VIII—XVI главы первой части по окончательному распределению). VI и VII главы Достоевский выслал 30 декабря 1867 (11 января 1868) г. Всего, «по собственным подсчетам Д<остоевский> написал для январской книжки *РВ* в общей сложности с 18 декабря до 6 ½ листов, а по свидетельству А. Г. Достоевской, в двадцать три дня — „около шести печатных листов (93 стр.)“» (*Летопись*. Т. 2. С. 156; *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 240; *Достоевская А. Г., Воспоминания*, 2015. С. 222). В жур-

¹ 10 (22) декабря А. Г. Достоевская записала о муже в дневнике: «Начал диктовать новый роман, старый брошен» (*ЛН*. Т. 86. С. 280). Но, по-видимому, обдумывание планов продолжалось и в следующие дни.

нальной редакции роман открывался посвящением С. А. Ивановой, любимой племяннице Достоевского.¹

К этому времени «создался» план окончания первой части (на этой стадии — вторая часть), но оставалось еще много неясных вопросов: «Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают, — делился Достоевский своими затруднениями с А. Н. Майковым в том же письме от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г. — Но целое? но герой? Потому что целое у меня выходит в виде героя; так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьется ли он под пером? И вообразите, какие, само собой, вышли ужасы: оказалось, что кроме героя есть и героиня, а стало быть, два героя!! И кроме этих героев есть еще два характера, — совершенно главных, то есть почти героев. (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчетом, — бесчисленное множество, да и роман в 8 частях.) Из четырех героев — два обозначены в душе у меня крепко, один еще совершенно не обозначился, а четвертый, т. е. главный, т. е. первый герой — чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но — ужасно труден. Во всяком случае времени надо бы вдвое более (*minimūm*), чтоб написать» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 241*). Два персонажа, которые, по словам писателя, обозначились в душе его «крепко», — это Настасья Филипповна и Рогожин. Образ Настасьи Филипповны был уже достаточно подготовлен в *ПМ*. То же можно сказать и о Рогожине, ряд черт характера которого был заложен, как отмечалось, в *Идиоте ПМ*, и обрел яркое индивидуальное выражение, когда в конце ноября н. ст. 1867 г. утвердилась мысль о его купеческом происхождении (см. ниже, с. 543—544). Наиболее загадочной среди главных персонажей романа для Достоевского пока оставалась Аглая: о лице ее князь Мышкин в VII главе не решился ничего сказать, кроме того, что она «чрезвычайная красавица» (8, 73). Успех же всего романа, «целого», для Достоевского зависел от того, насколько ему удастся справиться с образом центрального героя. Задачу представить образ человека, идеальное совершенство которого пленяло бы как современников, так и потомков, Достоевский считал бесконечно трудной, почти непосильной для художника. 1 (13) января 1868 г. он писал С. А. Ивановой: «Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее, а если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном. Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека.

¹ Достоевский очень ценил ее «врожденное и высокое чувство собственного достоинства», «твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершенно натуральную», ум, «спокойный и ясно, отчетливо различающий, верно видящий», о чем писал ей 1 (13) января 1868 г., сообщая о посвящении и своем желании, чтобы «роман вышел хоть сколько-нибудь достоин посвящения» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 250—251*).

Труднее этого нет ничего на свете и особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 251*). И далее, говоря о том, что единственное «положительно прекрасное лицо» для него Христос, Достоевский перечислял лучшие образцы мировой литературы, на которые он ориентировался, подчеркивая одновременно, что сам он стремился дать иное решение той же задачи: «Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон-Кихот, но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть, является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора. Жан Вальжан, тоже сильная попытка, — но он возбуждает симпатию, по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества. У меня ничего нет подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача» (Там же).

Роман в эту пору мыслился в восьми частях. В первой должна была даваться экспозиция (швейцарская жизнь Мышкина, прошлое Настасьи Филипповны, изломанное Тоцким, встреча Рогожина с Настасьей Филипповной и смерть отца его, оставившего сыну два с половиной миллиона, семейный уклад Епанчиных) и завязка нескольких сюжетных линий: Рогожин и Настасья Филипповна, Настасья Филипповна и Ганя, Ганя и Аглая. Другие — Мышкин и Настасья Филипповна, Аглая и Мышкин — еще только ощущались как потенциально возможные. «Во второй части, — писал далее Достоевский Майкову, — должно быть всё окончательно поставлено (но далеко еще не будет разъяснено). Там будет одна сцена (*из капитальных*), но ведь еще как выйдет? — хотя *записалось* начерно и хорошо» (Там же. С. 241). Под «капитальной» сценой Достоевский, скорее всего, подразумевал сцену именин Настасьи Филипповны и ее ухода с компанией Рогожина в теперешней XVI главе.

За работу над очередными главами Достоевский принялся 13 января н. ст. (см. письмо его к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.). Через полтора месяца, отослав «вторую часть» и надеясь, что «поспеет» к очередной книжке журнала, хотя и «опоздал сильно», Достоевский сообщал Майкову 18 февраля (1 марта) 1868 г.: «Завяз с головой и со всеми способностями во 2-й моей части, приготавливая ее к сроку. Окончательно испортить не хотелось, — слишком много от успеха зависит. Теперь же даже и не успеха надо, а только чтоб не случилось окончательного падения: в дальнейших частях еще можно будет поправиться, потому что роман выходит длинный» (Там же. С. 257). Полученные редакцией очередные девять глав были напечатаны в февральском но-

мере «Русского вестника», но были обозначены не как вторая часть, а как VIII—XVI главы первой части (с опечаткой: повтором нумерации «VIII», «IX» вместо «XV», «XVI», см. с. 442 выше); в конце их указывалось: «Продолжение в апрельской книжке» (РВ. 1868. № 2. С. 656), — этим была удовлетворена просьба писателя о некоторой отсрочке в связи с рождением дочери.

Воспользовавшись льготным месяцем, Достоевский вновь занялся составлением планов. Первый набросок в тетради № 5 датирован 7 марта <н. ст. 1868 г.>. С этого момента разработка планов в тетради шла параллельно с оформлением второй, третьей и четвертой частей. Поэтому материалы тетради образуют ряд последовательных стадий в работе, разграниченных хронологически выходом в свет тех или иных глав романа, содержание которых определяло каждый раз направление дальнейших поисков Достоевского. Самый большой пласт ПМ₂ падает на март—апрель, когда писатель обдумывал не только содержание ближайших глав, непосредственно примыкающих к напечатанной первой части, но и план романа в целом. Создавшуюся ситуацию Достоевский так охарактеризовал в письме к Майкову от 2 (14) марта 1868 г.: «Еще не начатая 3-я часть романа (вторая — см. ниже. — Ред.), которую я обязался честным словом доставить к 1-му апреля нашего стиля в Редакцию; вчера ночью радикально измененный (в 3-й уже раз) весь план 3-й и 4-й части (а стало быть, еще три дня, по крайней мере, надо употребить на обдумывание нового расположения); усилившееся расстройство нервов и число и сила припадков, — одним словом, вот мое положение!» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 273). Но размышления над планами захватили Достоевского. Через полмесяца, 21—22 марта (2—3 апреля), он признавался Майкову, что «не написал ни одной строчки!», хотя до апрельского срока «остается теперь никак не более 20 дней» (Там же. С. 278). А 9 (21) апреля извещал его же: «Работаю и ничего не делается. Только рву. Я в ужаснейшем унынии; ничего не выйдет. Они объявили, что в апрельском № явится продолжение, а у меня ничего не готово, кроме одной ничего не значущей главы» (Там же. С. 296). К концу месяца Достоевскому всё же удалось завершить две главы. Благодаря разнице в стилях они смогли появиться, как он и рассчитывал, в апрельском номере «Русского вестника» с примечанием о том, что редакция журнала, не желая задерживать выхода книжки, ограничивается помещением начала второй части, только что доставленного автором, которого «болезнь лишила <...> возможности выслать ранее продолжение своего труда» (РВ. 1868. № 4. С. 624).

В ПМ₂ за последней датированной апрельской записью («28 <апреля>») следует заметка от 21 мая, т. е. обозначилась перерыв, который, по-видимому, ушел на осуществление (по предварительным черновым заготовкам) предназначенных для майской книжки «Русского вестника» III, IV и V глав второй части (см. с. 291—292).

Действие первой части прервалось в момент, когда тройки умчали Настасью Филипповну и Рогожину, вслед за ними в Екатеринбург бро-

сил на извозчике Мышкин, в гостиной остался Ганя Иволгин после перенесенного обморока, уехал домой «на сереньком рысачке» «с новыми надеждами и расчетами, и с давешним жемчугом» генерал Епанчин, а гости во главе с Тоцким, расходясь, обсуждали происшедшее. Свои последующие заметки в *ПМ*₂ Достоевский начал с определения времени, которое протекло между событиями первой и второй части. «Князь был три недели в Москве», — записал он 7 марта. Составляя 12 марта подробный план всей части, Достоевский удлинит этот временной промежуток до трех месяцев. Затем, желая, по-видимому, ускорить темп событий, он 10 апреля отвел на путешествие Мышкина в Москву всего пять дней. 14 апреля писатель решил, что герой вернулся полтора месяца спустя. И наконец, по плану, составленным 15 апреля, отсутствие Мышкина, как и в окончательном тексте, продолжалось шесть месяцев. Увеличивая промежуток между событиями первой и второй части, Достоевский стремился продлить время, необходимое как для назревания завязавшихся в первой части драматических коллизий, так и для приобщения главного героя к русской жизни, которое расширило его мировосприятие, а тем самым способствовало и расширению горизонтов романа.

Мартовские планы открываются подзаголовком «3-я часть», так как Достоевский еще продолжал в это время исходить из прежнего восьмичастного замысла. Он долго колебался между таким дробным членением повествования и более укрупненным, четырехчастным, соответствующим окончательной структуре романа. 20 марта н. ст. Достоевский обозначил: «3-я и 4-я часть *заключат в себе* одну теперешнюю третью <...>». На <с. 45> тетради № 5 зафиксирована уже новая нумерация частей: «В этой же 3-й и 4-й частях (во 2-й то есть)». Вторично и четко резюмировал он соотношение старого порядка частей и принятого им в конце концов за основу четырехчастного строения в письме к А. Г. Достоевской от 23 марта (4 апреля) 1868 г., в котором в связи с денежной своей задолженностью журналу писал: «До полной присылки этих 10—12 листов, то есть полной 2-й части (или по прежнему счету 3-й и 4-й части), я обещаюсь денег больше не просить. Но после присылки, через два месяца, попрошу еще, но зато еще через два месяца придет 3-я часть, т. е. 5-я и 6-я, и тогда за мной останется всего только одна тысяча, не более, а может быть, менее. Но затем будет еще 4-я часть (т. е. 7-я и 8-я), и я вполне мой долг выплачу» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 287). Однако в *ПМ*₂ старый счет частей еще продолжал соседствовать с новым в течение всего апреля.

Первым предположением об отправной точке повествования «третьей» (теперешней второй) части был «проект»: «*Не начать ли с Гани?*» Писатель уточнял: «Как только очнулся, мысль, Сцена в воксале» (с. 223). Смысл этого «проекта» становится понятным из соседних заметок. Сообщив читателю о том, что Ганя ожидает приезда из Москвы Мышкина, Достоевский собирался рассказать о предшествующих событиях: Ганя, придя в себя после обморока, решает отправиться в Екатеринбург, куда Рогожин с компанией увез Настасью Филипповну

и куда уехал за ними Мышкин (возможно, Ганя хочет вернуть Настасью Филипповну пачку с деньгами). По возвращении после «воксала» домой между ним и князем происходил откровенный разговор, положивший начало их более близким отношениям. Узнав об этом, вероятно, через интриговавшую Варю Иволгину, в день прибытия князя к Гане наведывались Аглая и Аделаида. Ганя излагал им (или одной Аглае) известные ему подробности о Мышкине и Настасье Филипповне. 12 марта, когда был разработан план третьей, четвертой и пятой частей, всё это составляло еще содержание I и II глав третьей части. III глава по плану отводилась под сцену между вернувшимися домой сестрами Епанчиными и их родителями; в IV главе писатель хотел дать сцену завтрака у князя, на котором собиралось много гостей; в V главе проектировалось объяснение Мышкина с тремя сестрами, «преимущественно» с Аглаей», о том, что он не станет делать предложения, после чего должно было состояться «rendez-vous» Аглаи и Гани «у всенощной»; в VI главе намечалась «фантастическая интрига у С<офьи> Ф<едоровны>», участницей которой, по-видимому, предполагалась Настасья Филипповна, а соглядателями князь и Коля; в VII — встреча Настасьи Филипповны с Аглаей, пришедшей с Ганей и бросившей вызов: «Иди в борд<ель>»; в VIII главе после ответа Настасьи Филипповны: «Я княгиня», который слышал и князь, должна была следовать сцена Аглаи с Ганей с сожжением пальца, кончавшаяся ее приказом: «Везите домой». В четвертой части Достоевский хотел изобразить жизнь Настасьи Филипповны, униженное положение князя около нее, взаимоотношения Аглаи и Гани, разговор Гани с князем, бегство Настасьи Филипповны. Пятая включала бы описание клуба, организовавшегося вокруг князя из молодежи и детей, ряда эксцентричных поступков обеих героинь, спасения Аглаи, примирения с Настасьей Филипповной, исповеди, «разор<ения> Р — ча <и> и проч.» (с. 227). В тот же день Достоевский, почувствовав, что на третью часть падает слишком большая сюжетно-тематическая нагрузка, задумался, не перенести ли ему сцену оскорбления Настасьи Филипповны Аглаей в четвертую часть, а в пятой части дать исповедь Мышкина Аглае, «темное исчезновение» Настасьи Филипповны, поиски и обнаружение ее в борделе, попытку самоубийства и «восстановление» ее. Тогда же впервые были намечены и возможности разрешения судеб Настасьи Филипповны и Мышкина: «— Она умирает или умерщвляет себя. NB. Рогожин. Аглая выходит за Князя — или Князь умирает» (с. 229).

15 марта Достоевский заново составил «Краткий план глав 3-й части», в котором по сравнению с предшествующим планом произвел ряд перемен: изменил порядок глав и перераспределил повествовательный материал внутри них. Кроме того, была введена новая VII глава с программой: «Князь и Н<астасья> Ф<илипповна>. Сарказмы, Страсть, отчаяние. Предложение Аглаи в жены и тут же ревность к ней» (с. 233). Прежняя VII глава стала VIII, и в ней свидетелем столкновения между Аглаей и Настасьей Филипповной оказывался не только Мышкин, но и Рогожин. В плане «заключительной» IX главы названы

Коля, Рогожин и Софья Федоровна (в дальнейших планах Софья Федоровна, упоминаемая еще в ПМ₁ в качестве тетки Идиота, больше не встречается; не вошла она и в роман, где тетка Мышкина (без имени) упоминается лишь в связи с оставленным ею наследством).

Разрабатывая главу о завтраке у Мышкина, Достоевский остановился на мотиве: князь и «мошенники» — и 16 марта особо выделил «Эпизод с Сыном Павлицева». Одновременно он убедился в том, что «не уместившиеся» в 3-й части сцены Аглаи и Настасьи Филипповны, Аглаи и Гани требуют психологической подготовки, и передвинул их в «4-ю». В той же четвертой части он по-прежнему еще предполагал в это время описать состояние Настасьи Филипповны в положении невесты Мышкина, ее «сумасшествие», насмешки над князем, чередующиеся с нежностью к нему, и, наконец, в результате «срама», устроенного Аглаей, свадьбу, перед которой происходила «страстная и нежная сцена с Князем: Евангельское прощение в Церкви блудницы», а затем бегство Настасьи Филипповны из-под венца. Пятую часть Достоевский думал начать «Клубом и слухами о выходе замуж Н<астасьи> Ф<илипповны> за Рогожина» и продолжить «кутежом и проч.» (с. 239). 20 марта Достоевский так развивал этот план и раскрывал содержание шестой и седьмой частей: «6-я и 7-я <части>. Ловит Рогожин. Брак Н<астасьи> Ф<илипповны>. С Князем — таинственные свидания. Рогожин зарезал» (с. 244).

Характеризуя ситуацию, в которую попал князь в связи с тем, что окружающие смотрели на него как на жениха Аглаи, Достоевский 9 апреля н. ст. вновь пересмотрел план ближайших частей. У него возникло два варианта «3-й и 4-й» частей (вместо второй): или князь, вернувшись из Москвы, «затруднен, как бы отказаться» от Аглаи, «желает объясниться с Н<астасьей> Ф<илипповной>», и всё разрешается катастрофой, или «никакой Катастрофы», а князь «просто отказался от Аглаи» и в 5-й и 6-й частях духовно «восстанавливает» Настасью Филипповну, которая «дошла до золотой надежды», но после сцены с Аглаей бежала с Рогожиным (с. 255—256). 10 апреля писатель набросал «Фактическую программу 3-й части» (см. с. 258—259). Вслед за этим он снова, по пунктам, изложил содержание третьей и четвертой частей. По сравнению с «Фактической программой» в третьей части большее место занял теперь визит Мышкина к Лебедеву и «удивительная победа» князя над Флигель-адъютантом — Вельмончекон (вместо Кавалергарда), а также более детально планировались сцены с детьми и посещение Мышкиным дома Рогожина (с. 263—264).

Четвертая часть подобно третьей в апрельских планах открывается сценой «у Ганечки», разговорами его с Варей и Птицыным и «ожиданием Аглаи». Далее, в числе других мотивов, предполагались свидание вечером Настасьи Филипповны и Рогожина (во время него внезапно появляется Аглая, предупрежденная Лебедевым, и в присутствии князя происходит сцена соперниц), общие пересуды о предстоящей свадьбе князя и Настасьи Филипповны, князя сравнивают с шутом (см. с. 265—266). Как показывает менее развернутый план последующих

частей, повествовательный материал опять несколько раз перемещался: в пятой части Достоевский хотел сделать акцент на том, что Ганя входил «в доверенность Аглаи»; в шестой собирался показать Настасью Филипповну-невесту и воспроизвести ее «сцены с Князем полной реабилитации и полного падения», а затем вновь возникали «подкопы Аглаи». Действие последних двух частей развивалось «6 месяц <ев> спустя», при этом вся седьмая часть должна была, по выражению Достоевского, быть «наполнена» Настасьей Филипповной и Рогожиным (см. с. 266).

15 апреля Достоевский опять задался вопросом об объединении прежних двух частей, или «половин», в одну (с. 273—274). На следующий день, 16 апреля, были внесены новые уточнения ко всем восьми частям: писатель подчеркнул, что в «3-й и 4-й» Ганю надо «только обозначить», а интриги его с Аглаей сосредоточить в «5-й и 6-й», где показать, «во всех двоих» частях, свадьбу князя и выявить роли Лебедева, генерала Иволгина, генеральши, Рогожина; в «7-й и 8-й» частях как главная была выделена «картина больного и скитающегося Князя», Настасья Филипповна скрылась от Рогожина, и тот «ищет убить ее», князь их мирил, Аглая разрывала с женихом и говорила князю: «Люблю тебя». В эпилоге предполагалось сообщить о смерти генерала Иволгина, о состоянии князя «у этой смерти», гибели Настасьи Филипповны, бегстве Гани и отъезде всех Епанчиных вместе с больным князем. В этом месте рукописи к герою возвращается именование из ПМ, подчеркивающее изменение его состояния: «Повезли Идиота за границу» (с. 280; ср. с окончанием главы XI четвертой части романа — 8, 560).

Последняя существенная перемена в апрельских планах была произведена 22 апреля, когда писатель принял решение: «Всю 5-ю часть прочь». При этом Достоевский пояснил: Настасья Филипповна после сцены ее с Аглаей, «правда разгорячилась, но смирилась, завещала Князя Аглае и ушла к Рогожину». Теперь намечается: «Для Князя *новый роман* и *роман Рогожина* с Н<астасьей> Ф<илипповной>. Смерть из ревности» (с. 288). В набросках от 23 апреля Настасья Филипповна или замужем за Рогожиным и с ним разошлась, «с тем, что женит Князя и сойдется», или только дала ему слово и отложила свадьбу до того, пока ей не удастся «*устроить счастье Князя с Аглаей*». С этой целью она завлекает жениха Аглаи, Флигель-адъютанта (Вельмончека). Исходя уже из четырехчастной структуры романа, Достоевский записал 28 апреля: «Н<астасья> Ф<илипповна> во 2-й части встречает Князя доказательствами, что Аглая в него влюблена». Заключительная апрельская заметка («*Сцена устроивается вдруг, нечаянно. А до этой сцены Н<астасья> Ф<илипповна> была у Рог<ожины>.* „Будешь меня покоить<?>“». И потом из-под венца от Князя бежала» — с. 291—292) свидетельствует о том, что Достоевский продолжал обдумывать композицию романа, отодвигая кульминационную сцену соперниц всё ближе к финалу, что влекло за собой новые перепланировки.

На этом этапе приблизительно обозначались не только хронологические рамки романа, но и темп развития действия. Если первая часть

воспроизводила события, происходившие в конце ноября 1867 г., в день прибытия Мышкина из Швейцарии в Петербург, то вторая часть, в соответствии с установленным в $ПМ_2$ перерывом между частями, переносила читателя в один из дней конца мая или начала июня 1868 г., когда Мышкин после поездки в Москву и путешествия во внутренние губернии вернулся в Петербург. 14 апреля в $ПМ_2$ зафиксирована «идея» еще одной важной хронологической вехи: «Князь жених Аглаи — (3 мес<яца> спустя) и брак устраивается» (с. 273). Но Достоевский отклонил ее и решил придать действию более стремительный разворот: «1-я половин<а> 2-й части в 1 день, 2-я половин<а> — в несколько дней» (с. 275). В романе к первому петербургскому дню князя приурочено пять глав второй части, кончающихся покушением на него Рогожина и эпилептическим припадком; остальные семь глав этой части рассказывают о переезде князя через три дня в Павловск, его жизни там и встречах с другими героями романа, главным образом Епанчинными, в продолжение четырех дней, т. е. охватывают неделю (третья и четвертая части, временная протяженность которых в марте—апреле не была еще определена, впоследствии развивались, по аналогии, столь же быстро).

4

На протяжении марта и апреля начали вырисовываться постепенно и внутренние закономерности развития действия романа. В начальных набросках возникали два параллельных сюжетных хода: Настасья Филипповна бежала с Рогожиным, а Аглая бежала с Ганей накануне свадьбы с князем. Мелькнул на какой-то момент и мотив любви Рогожина к Аглае. Утверждался факт женитьбы Мышкина на Настасье Филипповне. Достоевский спрашивал себя 7 марта н. ст. 1868 г.: «NB) Женат на ней или не женат втайне, вот вопрос?» И через день отвечал: «— Князь на Н<астасье> Ф<илипповне> женат» (с. 220). От всего этого писатель отказался, как только выявил главные факторы действия романа, сформулировав их 12 марта в заметке: «В романе *три* любви: 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин. 2) Любовь из тщеславия — Ганя. 3) Любовь христианская — Князь» (с. 225). Аналогичные «фазисы» в любви проходил в процессе своего преображения уже герой $ПМ_1$. Теперь они персонифицировались в трех лицах, при этом Мышкин сразу был наделен лишенной эгоизма и расчетливости «высшей любовью», которая противопоставлена индивидуалистическому началу, преобладающему в чувствах других героев.

Размышления над образом Мышкина и его взаимоотношениями с другими героями вели Достоевского к осмыслению «целого». Первая характеристика князя в $ПМ_2$ отчасти напоминала определения Идиота в четвертом плане $ПМ_1$ с пометой «Забитый» (с. 131). Как «главная черта» его выделяется «забитость, испуганность, приниженность, сми-

рение», «полное убеждение про себя, что он *идиот*».¹ Однако тут же обозначалось и существенно новое в его характере: «NB. — Но когда сердце и совесть говорят ему: „Нет, это так“, — то он это делает вопреки мнению всех». Своеобразие его «взгляда на мир» объяснялось тем, что «он всё прощает, видит везде причины, не видит греха непростительного и всё извиняет», «мысли окружающих видит насквозь», но «внутреннее состояние души своей он таит от всех». Поэтому другие его считают или «меланхоликом и ипохондриком», или «страшно самонадеянным гордецом», он же «в детях находит людей и свою компанию» (с. 222—223). Руководствуясь этой характеристикой, Достоевский сначала в *ПМ*₂ наметил, а потом в окончательном тексте романа развил ряд сцен и диалогов, в которых доверчивость Мышкина, его доброта к людям сочетались с умением «проникать» их, разгадывать их замыслы и интриги. В черновиках несколько раз упомянуто, что он не поддавался на обман ни Гани, ни Лебедева и обезоруживал их откровенностью. 15 марта Достоевский задумал сцену, обозначенную на следующий день как «Эпизод с Сыном Павлищева»: «— Мошенники, желающие его облапошить и которых он перехитряет» (с. 234). Насколько ранее подчеркивается: «Князь робок в изображении всех своих мыслей, убеждений и намерений. Целомудрие и смирение. Но тверд в деле». Достоевский занят мыслью, какое же «дело» он даст своему герою. Отмечая: «— Идиот не считает себя способным на высокое, но и тоскует по высокой деятельности», писатель резюмирует: «Спасением же Н<астасьи> Ф<илипповны> и хождением за ней он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви». Достоевский наделил князя близким ему самому «главным Социальным убеждением», что «экономическое учение о бесполезности единичного добра — есть нелепость. И что всё-то, напротив, на личном и основано» (с. 223, 229). Стремясь вывести героя на широкие просторы русской жизни, Достоевский особое значение придавал его встрече с родиной после долгой болезни и четырехлетнего (в *ПМ*₁ — двухлетнего) пребывания в Швейцарии. 16 марта он поставил перед собой задачу «как можно больше характеризовать лицо Князя <...> особенно по поводу изменения положения через наследство и через трехмесячное пребывание в России». А в более ранней заметке от 11 марта мы читаем: «— До страсти начинает любить русский народ» (с. 234, 223). В апреле Достоевский вернется снова к важным для него в идеологическом отношении раздумьям о влиянии на князя русских впечатлений, теперь же он задается другим, не менее волновавшим его вопросом: «? Чем сделать лицо героя симпатичным Читателю?» Отвечая на этот вопрос 21 марта, Достоевский снова сравнивает своего героя с родственными ему образами мировой литерату-

¹ Вместе с тем черты «юродивого» одиннадцатого плана *ПМ*₁ персонализировались у Достоевского в герое отдельного замысла (см. с. 368—369 и 917—920).

ры и заключает: «Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны. Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он !невинен!». Такое разрешение вопроса представляло для автора «синтез романа» (с. 245). «Невинность» князя обусловила намечавшееся тесное единение его с детьми. Как у Идиота одиннадцатого плана ПМ₁, у князя предполагались «заведения и школы», в Петербурге под его влиянием создавался детский клуб (с. 220, 222). В мартовских планах детский клуб возникал в третьей и четвертой частях. В начале же пятой части, после бегства из-под венца Настасьи Филипповны, князь совершенно обращался к клубу. Подобно своему тезке Льву Николаевичу Толстому — учителю яснополянской школы,¹ Мышкин совместно с детьми решал «общие» и «личные» вопросы. В пятой и шестой частях проектировалось обращение к клубу других героев: членом клуба должна была стать генеральша Епанчина, влияние детей испытывали Аглая, Настасья Филипповна и Рогожин (с. 246). Однако, по-видимому, Достоевский пожелал избежать прямого дублирования истории Мари, и 20 марта на полях записал, пока еще в виде сомнения: «Не надо Клуба, а так разные Эпизоды» (с. 244). В соответствии с этим в планах, составленных в апреле, упоминалось много новых эпизодов, участниками которых были дети (см. с. 259—264). Князь «в историях научает детей». Так, учитывая их максималистскую веру в собственное назначение, в то, что каждый из них может стать Колумбом, Мышкин говорит с ними о величии Христофора Колумба, который смог «устоять даже против здравого смысла» (с. 252), внушавшего взбунтовавшемуся экипажу мысль повернуть назад, и открыл Новый Свет. Впоследствии во второй—четвертой частях романа действуют только Коля Иволгин и (мельком) симпатизирующие Мышкину дети Лебедева, но вместе с тем во многих взрослых героях — Настасье Филипповне, Аглае, генеральше Епанчиной, генерале Иволгине, Келлере, Ипполите и даже Гане — выявлены детские черты, внушающие Мышкину руссоистскую надежду на чистоту их сердец. Заметка о Колумбе в разных ракурсах была использована в «Необходимом объяснении» Ипполита

¹ Возможное влияние педагогических принципов Л. Н. Толстого на изображение «системы» учительства Л. Н. Мышкина отмечала Д. Л. Соркина в статье: Замысел и его осуществление: (Из истории создания образа князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») // Учен. зап. Томск. гос. ун-та. 1965. № 50: Некоторые проблемы метода и мастерства писателей. С. 42. Тезис о том, что в образе князя Мышкина выражена полемика с идеями Толстого-руссойста, поддерживают и другие исследователи (см., например: Ковач Арп. С. 322—326). Однако, как справедливо замечает Л. М. Лотман, влияние Толстого-руссойста сложно отделить от влияния в целом просветительских идей и конкретно Руссо (Лотман Л. М., 1974. С. 269—270). О полемике с идеями Руссо в «Идиоте» см. далее на с. 592—596.

и в речи князя в гостинной Епанчиных. Слова Ипполита «Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее» (8, 363) отражают, по мнению И. Зограб, «рассуждение о счастье как о процессе достижения», сходное с идеями Дж. С. Милля: «Согласно Миллю, личное счастье как цель конкретного существования может быть достигнуто на пути к другой цели, например усовершенствования человечества, при условии исправления самосознания и отречения от собственного, изолированного от всех, стремления к счастью».¹ В сцене званого вечера у Епанчиных в речи Мышкина особое значение обретает «мотив поиска новой объединяющей идеи («Нового Света»)».² Образ Колумба, наряду с «образами двух идеальных рыцарей — Дон-Кихота и пушкинского „бедного рыцаря“», живет в сознании автора в период разработки романного замысла: и если «идеальный рыцарь — стоик», который «хранит и защищает идеал», то Колумб «возвещает его миру», это «прежде всего волевой акт, неодолимое стремление к цели. Именно поэтому Мышкин, как это следует из черновики, должен был говорить о Колумбе детям <...>». Однако «миссионерская деятельность князя, стремящегося открыть „Свет“ людям, ушла из окончательного текста вместе с неосуществившимся замыслом детского клуба»: в романе Мышкин «явился „бедным рыцарем“, а не Колумбом».³

Трижды на полях *ПМ*, 10 апреля н. ст. появилась запись: «Князь Христос» (с. 259, 262, 269). Эта очень важная для Достоевского формула имеет свою предысторию. Еще 16 апреля 1864 г. под впечатлением от смерти первой жены, раскрывая свое понимание заповеди «возлюбите человека, как самого себя», Достоевский писал: «...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» (*Акад. ПСС*. Т. 20. С. 172). В этих словах писатель сформулировал свой высший нравственный идеал, наиболее полное воплощение которого было доступно, с его точки зрения, одному Христу. В жизни же обыкновенных земных людей оно наталкивалось на «закон личности», связующий человека, на свойственный ему эгоизм, стремление к «обособлению». Осуществление такого идеала для людей писатель относил к «будущей, окончательной жизни», говоря о том, что «на земле человек в состоянии переходном» (Там же. С. 173). Осознание Достоевским человеческой обособленности вступало в противоречие со страстной мечтой об осуществлении идеала гармонии, братства и справедливости «на земле». Этот трагический разлад нашел отражение в образе «Князя Христа».

¹ Зограб И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // *РЛ*. 2000. № 3. С. 49.

² Фаликова Н. Э. Американские мотивы в поздних романах Ф. М. Достоевского // *Новые аспекты в изучении Достоевского*: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 229.

³ Там же. С. 231—232.

Поставив его в центре враждебных, взаимоисключающих чувств и эгоистических страстей, писатель попытался воссоздать в Мышкине «обретение подлинного целостного „Я“» через «осознание сопричастности „Я“ ко всему, его *совиновности*».¹

Стремясь воспроизвести мир чувств героя во всей сложности и неповторимости, Достоевский хотел оттенить в отношении Мышкина к Настасье Филипповне прежде всего стремление восстановить истрадавшуюся душу, возродить униженного и оскорбленного человека. В *ПМ*₂ встречаются проекты брака Настасьи Филипповны с князем или их тайной любви. Такова, например, заметка от 9 апреля: «Тайная любовь с Н<астасьей> Ф<илипповной> (и ни слова о любви). (Полное Уединение.) (Но секрет.) (Всё описание, вся грация, ее остроумие)». Но в тот же день Достоевский записал: «У Генеральши знают наконец, что он перевоспитывает Н<астасью> Ф<илипповну> и воскрешает душу (Аглая поняла) <...>». Преобладающий в черновиках мотив сострадания князя любимой, но «больной» и находящейся под его «тайным присмотром» женщине (с. 254, 257, 252) нашел в романе окончательное выражение в «любви-жалости» Мышкина к Настасье Филипповне, которая, по словам Рогожина, была «пуше» его собственной любви (8, 196). В тексте романа можно обнаружить и следы незавершившейся сложной эволюции чувств Мышкина, которая в *ПМ*₂ проступала более явственно. В мартовских записях преобладал мотив сознательного желания князя отказаться от Аглаи, объясниться с нею, призвать ее к участию в спасении Настасьи Филипповны. «У него две задачи в начале 3-й части: Н<астасья> Ф<илиппов>на и то, что надо кончить с Аглаей. (Любит ли он Аглаю?)», — записывает Достоевский 16 марта. 1-м апреля помечены две противоречивые записи: «— „Я не знал себя. Я, стало быть, люблю ее“, — сказал Князь про Н<астасью> Ф<илипповну>», и рядом: «У него всё сильнее и сильнее нежное чувство к Аглае». 10 апреля мелькает и другой вариант: «NB. (Князь любит Аделаиду)». В итоге Достоевский утвердился в необходимости дать «развитие по всему роману чувств Князя к Аглае» (с. 235, 248, 266, 270). В романе трагическая надломленность Настасьи Филипповны, утратившей веру в себя настолько, что она не допускала возможности своего счастья с князем, постепенно привела и Мышкина к убеждению в неодолимости ее «болезни». К Аглае он тянется как к источнику света и новой жизни. Но некоторые колебания и намеренная недоговоренность, свидетельствующие о внутренней борьбе чувств Мышкина, всё же остались и в окончательном тексте.

По замыслу автора, душевная жизнь его героя не должна была, как мы уже знаем, всецело замыкаться в личной сфере, «ибо, в самые крайние *трагические* и *личные* минуты свои, Князь занимается решением и общих вопросов» (с. 246). Назначение свое он обрел во

¹ Бицилли П. М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 515.

влиянии на людей, память о котором долго не изглаживалась. В начале апреля Достоевский пишет: «— NB. Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*, что бы он мог сделать и предпринять, *то* всё умерло с ним. *Россия действовала на него постепенно. Прозрения его.* — Но где только он ни прикоснулся, — везде он оставил неисследимую черту». Достоевский раздумывал, не изобразить ли и прямые зримые результаты воздействия Мышкина почти на всех героев романа: «Он восстанавливает Н<астасью> Ф<илипповну> и действует влиянием на Рогожина. Доводит Аглаю до человечности. Генеральшу до безумия доводит в привязанности к Князю и в обожании его. Сильнее действие на Рогожина и на перевоспитание его. <...> Аделаида — немая любовь. — На детей влияние. <...> Даже Лебедев и Генерал» (с. 251, 267). Но в романе, в соответствии с первыми заметками, изображены лишь отдельные моменты, когда в результате общения с Мышкиным в окружающих людях побеждают высокие порывы и чувства. Почти не реализованной в романе осталась «мысль *главная* первого отдела *второй части*», которая была сформулирована в $ПМ_2$ следующим образом: «— Князь возвращается смущенный громадною новых впечатлений о России, забот, идей, состояния и *что делать*. — Он это изливает в *отчете* за 6 месяцев у Епанчиных на даче». Осознание своего «что делать», отличающегося от решения этого вопроса героями Н. Г. Чернышевского, не приобрело у Мышкина отчетливые формы. Ощущения его после поездки по России, как значилось в $ПМ_2$, носят «несколько смутный» характер, но «радость пользы вливается в него», и он делится ею сначала с Колей, потом с Аглаей (с. 274—276). В различных местах $ПМ_2$ рассеяны упоминания рассказов князя о России, его суждений об аристократии и русском народе, речи о Западе и Востоке. Эти наброски послужили основой для ряда разбросанных в романе высказываний князя по общественно-идеологическим вопросам и особенно речи, произнесенной им в гостиниой Епанчиных о необходимости единения представителей верной лучшей заветам прошлого родовой аристократии с народом в деле спасения России и служения высшим идеалам человечества. Тем знаменательнее, что писатель оттенил утопизм мечтаний Мышкина, показав изнанку того светского аристократического общества, к которому князь обращался со своим патристическим призывом.

Если в первой половине марта Достоевский считал возможным, чтобы читатель расстался с Мышкиным после его исповеди, а затем выдвигал предположение о его возможной женитьбе на Аглае, то 21 марта мысль о трагическом конце князя вполне утвердилась. Набрасывая 1 апреля картину его гибели, Достоевский расценивал его роль с двух точек зрения — настоящего и будущего: «Идиот видит все бедствия. *Бессилие помочь. Цепь и надежда. Сделать немного. Ясная смерть.* Аглая несчастна. Нужда ее в Князе». Таким образом, сам герой теперь понимал, что предотвратить надвигающиеся «бедствия» он не может, однако сохранялась «надежда», что между людьми протянется «цепь» добра и христианского сострада-

ния.¹ В проекте «Окончания романа» умирающий Мышкин был окружен детьми: «Последние дни и часы Князя. Чудак, дети, все его обманули и проч.». В окончательном тексте мысль о преемственности поколений была выражена в образе Коли Иволгина и отчасти Веры Лебедевой, а смерть князя заменена глубоким душевным потрясением и безумием, после которого Мышкина увезли за границу. Такое завершение судьбы героя начало вырисовываться уже в заметке от 10 апреля: «6 месяц <ев> спустя. Князь совсем больной, и Юродивый. Женщины и дети около него». И снова 16 апреля: «Повезли Идиота за границу. Аглая с ними, все — „Наконец-то мы едем за границу!“» (с. 266—267, 280). В «Заключении» романа известие об участии Мышкина выдержано в еще более трагических тонах: сообщается, что он возвращен в швейцарский пансион Шнейдера в почти безнадежном состоянии (8, 561—562).²

¹ В Новом Завете «упование», «надежда» — слова, определяющие Христа (см., например, 1 Тим. 1:1) или связанные с темой духовной чистоты, ср.: «И всякой имеющий сию надежду на Него, очищает себя, так как Он чист» (1 Ин. 3:3). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 535, 389. В одной из записей <с. 131> между словами «Цепь» и «Звучать звеном» упоминается графиня Дюбарри, фаворитка Людовика XV, казненная в 1793 г. Выше на той же странице есть строки: «Про Лебедева и Дюбарри (Аглае)». Из контекста набросков на <с. 132, 131> следует, что имеются в виду диалоги с князем и рассказ князя Аглае. В романе о Дюбарри упоминает племянник Лебедева (8, 181), затем сам Лебедев (8, 181—182), а далее эта тема возникает в позднейших размышлениях князя (8, 210—211). Рассказ о Дюбарри связан с темой милосердия, которая важна и для предыдущего романа «Преступление и наказание», где Соня Мармеладова называет себя «великой грешницей» (6, 276), а в исповеди Мармеладова речь идет о всепрощении (6, 22). Ср. со словами Лебедева, отвечающего своему племяннику (8, 182).

² Страстную устремленность Достоевского к идеалу «мировой гармонии», с одной стороны, и трагизм столкновения этой мечты с «хаосом» и «злом» современной ему действительности, утопизм попытки «преобразить» мир идей братства, воплощенные в романе, А. А. Блок попытался поэтически передать в статье «Безвременье» (1906). Рассматривая Достоевского как представителя переходной эпохи, когда казалось, что «почва уходит из-под ног» и «душа писателя» блуждала «около тайны преобразования и превращения», Блок писал: «Он мечтал о Боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей. Он верил и ждал, чтобы рассвело. И вот перед героем его, перед ему подобными действительно рассвело, на повороте темной лестницы, в глубине каменных ворот самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия: лицо Парфена Рогожина. Это был миг ослепительного счастья. И в тот же миг всё исчезло, крутятся как смерч. Пришла падучая. Таков был результат воплощения прежде времени: воплотилось небытие» (см.: Блок, 2003. Т. 7. С. 28—29).

В соотнесении с образом Мышкина совершается в *ПМ*₁ и развитие сюжетных линий, связанных с другими персонажами. В памяти писателя еще свежи были родственные Настасье Филипповне образы из *ПМ*₁. И она, подобно Устинье или, скорее, Насе из одиннадцатого плана, «чтоб отвадить Князя», вела себя «скверно» и мучила Рогожина, а потом бросалась в разврат. Любовь Настасьи Филипповны к князю и боязнь погубить его, а также ревность к Аглае приводили ее к тому, что она бежала в бордель перед свадьбой. Но параллельно возникали варианты, свидетельствующие о стремлении Достоевского показать чистоту натуры Настасьи Филипповны. После ночи, проведенной вместе с Рогожиным, она скрывалась и шла в прачки. Достоевский подчеркивал: «Она живет уединенно. Бежала от Рогожина. Почувствовала очень, что любит Князя, но считает себя недостойною. В прачках хочет, с своей любовью, убежать в борд<ель>» (с. 221). После 16 марта бордельные сцены из планов исчезли, не получила дальнейшего развития и другая ранняя заметка о Настасье Филипповне: «Ганю и Рогожина побуждает погубить Аглаю» (с. 222). Напротив, в заметках писателя всё больше акцентируется благородство намерений Настасьи Филипповны, образ ее очищается и возвышается. В набросках второй половины марта — апреля особенно подчеркивается направленность мыслей Настасьи Филипповны: «Серьезные разговоры о России, о жизни и НИКОГДА О ЛЮБВИ. <...> Наивно и бессознательно рада и видит новый мир и перевоспитание в том, что Князь с ней так говорит. Гордится — (Хорошо!)», — записал Достоевский 9 апреля. На следующий день та же мысль была оформлена в виде реплики Лебедева князю: «Вот с ней никто так не говорил-с, как вы, всё о любвишках говорили, а вы о столпотворении, так это ее возвышает в ее глазах, она рада ученому разговору» (с. 257, 269). 16 апреля писатель задумывает сцену свидания князя с Настасьей Филипповной в Павловске, на даче, где в разговоре обнаруживается ее ум. В других набросках намечались сцены, происходящие между ними наедине, в которых должна была раскрываться внутренняя тонкость и грация Настасьи Филипповны. Идеалы героини Достоевский собирался раскрыть в ее «золотых снах», т. е. в мечтах, связанных с Мышкиным, когда она представляла себе ту нравственную высоту, на которую должна подняться его избранница. «Психолог<ическая> Странность» «снов» Настасьи Филипповны нашла выражение в письмах ее к Аглае, которую она в воображении своем наделила чертами, близкими самому Мышкину. Среди последних апрельских записей зафиксирована «скандальная сцена на музыке», разразившаяся в результате попытки Настасьи Филипповны «переманить» имеющего виды на Аглаю Вельмончека и устранить его как возможного соперника князя. Потеря веры в себя и бунт как самозащита, осознание своих прав на счастье — основные слагаемые образа Настасьи Филипповны в *ПМ*₂, начиная с апреля, о чем свидетельствуют, например, заметки: «Н<астасья> Ф<илипповна> в бунте. „Я имею право“», «...она Рогожину: „За что ты меня будешь наказывать, скажи мне, пожалуйста“» (255, 290, 283, 287). Психологическая подоплека ее действий была обозначена еще 9 апреля:

«Ободренная, испугана. Бунт (за Князя). Струсила (за Рогожина) и т. д.». Параллельно в черновых заметках проходит мотив надлома, болезненного состояния, «сумасшествия» героини. Гибель богато одаренной, тонкой, легко ранимой натуры была предуготовлена автором. Еще в *ПМ*₁ убийство, смерть или самоубийство грозили Геро, жене героя и Насте. В *ПМ*₂ Достоевский начал с модификации тех же проектов. Сперва он хотел дать «описание» смерти героини в борделе; потом, когда задумывался благополучный конец с исповедью князя Аглае, одновременно допускалась и возможность мира их с Настасьей Филипповной, но в тот же день снова повторялось, что хоть Аглая и князь разыскивали ее в борделе, но попытка «восстановления» была прервана ее смертью: «— Она умирает или умерщвляет себя». Запись от 14 марта предваряет будущий финал: «— Выходит за Рогожина. — Терпит ужасы, побои, ревность, укоры и отчаянную любовь. — Рогожин зарезывает ее. — Ждановск<ая> жидкость <...>». 16 марта вновь намечается попытка самоубийства Настасьи Филипповны: «...хочет броситься в воду». 20 марта Достоевский остановился на окончательной версии: «Рогожин зарезал» (с. 222, 229, 232, 238, 244). В романе мотивы самоубийства и убийства как бы скрестились: Настасья Филипповна, не видящая выхода и действительно почти помешавшаяся на мысли, что она губит Мышкина, бежит с Рогожиным, предчувствуя, как он сам говорит, «нож» (8, 198).

Рогожина связывает с Настасьей Филипповной, по упомянутому определению в заметке от 12 марта, «страстно-непосредственная любовь»: сила страстей, уходящая у его отца и предков в накопление капитала, сосредоточилась у Рогожина на Настасье Филипповне. Автор в процессе работы очищал его характер от некоторых черт. Были отброшены мотив любви Рогожина к Аглае, который нарушил бы цельность его натуры, картины кутежей его из-за отказов Настасьи Филипповны, отвергнуто предположение об интригах с его стороны (подкуп Лебедева, попытка договориться с Аглаей) (с. 273). Мрачная погруженность Рогожина в свое чувство, которому подчинены все его действия и поступки, должна была придавать его образу нечто «таинственное» (с. 228). Но психологический портрет Рогожина не однолинеен. Стихийная близость к «почве», народной среде, обуславливает, по мысли Достоевского, богатство скрытых в его натуре возможностей. Обдумывая 13 марта главу, действие которой должно было происходить в Екатерингофском воксале, Достоевский включил в нее «взаимное: „Бери!“», оставшееся у обоих героев-соперников «в сердцах». Тут же отмечалось: «Князь имел необыкновенное влияние на Рогожина своей высшей манерой». Позднее, 10 апреля, когда уже обдумывалась сцена «У Рогожина», возник замысел представить изменившегося Рогожина, который «учится», «предупреждает о Лебедеве», «спрашивает об одном объяснении в учебнике. Князь садится и объясняет ему» (с. 231, 264). В окончательном тексте Мышкин действительно на столе у Рогожина видит «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, и Рогожин рассказывает, что читает ее по совету Настасьи Фи-

липовны. Но в ту же книгу он заложил нож — орудие предстоящего покушения. Благородный порыв Рогожина, наступавший после обмена крестами и братания с князем, его слова «Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!..» (8, 205) — предвещают его нападение на Мышкина. 24 апреля Достоевский предполагал воспроизвести еще одну попытку Рогожина вслед за покушением переломить себя: «После ножа Рог<о-ж> говорит Князю: — Знаешь, что жизнь моя теперь твоя; бери. Но Князь говорит: <—> Дай ты ей жизнь за это? Вспомни...» (с. 291). В окончательном тексте, напротив, Рогожин, впервые встретившийся с Мышкиным «после ножа» вечером в парке, удивляется братскому прощению князя и заявляет, что сам он, «может, в том ни разу с тех пор и не покался». Отношения Рогожина с Настасьей Филипповной развивались по найденной в $ПМ_2$ формуле: «— Рогожин раб ее (и под конец режет)». Настасья Филипповна порой думала найти у него «покой» (с. 250, 256), но большей частью предчувствовала роковую роль Рогожина в своей судьбе. Уже 14 марта была задумана сцена убийства.

Первоначально в $ПМ_2$ и Аглаю, имеющую общий с Настасьей Филипповной прообраз (Геро), ожидала страшная участь: стать жертвой Гани, уязвленного в своем самолюбии. Но, предрешив гибель Настасьи Филипповны, Достоевский отвел Аглае скорее драматическую, чем трагическую роль. С Геро ее объединяют гордость, склонность к насмешкам, серьезность стремлений. Как Геро с Идиотом, Аглая с Мышкиным начинает с колкостей: «— Аглая уверяет его (еще прежде), что он идиот. (Это нарочно; Аглая ждет возражений и насмешек и видит одно согласие. Он вдруг говорит ей об Н<астасьей> Ф<илипповне>.)». Прежняя откровенность Идиота с Геро превратилась в полное доверие Мышкина к Аглае. 21 марта Достоевский так пояснял причину вызывающего обращения Аглаи с князем: «— Сначала Аглая всё признает в Князе плута (нарочно) и старается его таким выставить. Но с самого начала она вся сердцем отдалась Князю, потому что он невинен» (с. 223, 246). Ранее, 12 марта, устанавливается: «Аглая влюблена весь роман в Князя». Характеризуя Аглаю, Достоевский колебался между различными вариантами, где превалировали то ее ревность и самолюбие, то способность к пониманию и прощению. На первых порах допускалось, что Аглая любит Мышкина «выше влюбленности и ревности», под его влиянием «сходится до страсти с Н<астасьей> Ф<илипповно>й и просит у нее прощения». Позднее, напротив, ревность Аглаи доводилась до крайних проявлений, поддерживала и усиливала ревность Рогожина, вследствие чего указывалось: «Аглая главная причина того, что Рогожин зарезал Н<астасьей> Ф<илипповну>» (с. 229, 223, 266). В конце концов эти несходные мотивы переплелись в сложном комплексе переживаний Аглаи.

В отношении Аглаи к Мышкину, как видно из $ПМ_2$, своеобразно отразились поиски «деятельного добра», отмеченные Н. А. Добролюбовым в тургеневской Елене из «Накануне». Аглаю, по замечанию Достоевского, поражают не только «невинный вид» героя, которым он обезоружил своего оскорбителя (Кавалергарда), но и «мужество Князя

в большом деле». 17 апреля в *ПМ*₂ приведено соображение Вари, на котором она и в романе строит свои расчеты, проча Аглаю за Ганю: «Ты знаешь, за кого она хотела было выйти, за нищего, за NN, потому что он гонимый. Она о *рыцаре бедном* мечтает» (с. 251, 286).

Большое место в начальных мартовских записях уделено Гане. Образ его, так же как и образы Вари и Ипполита, был Достоевскому пока не совсем ясен. 10 марта он ставил перед собой задачу: «NB) = Придумать роли в интригах Гане, Ипполиту и проч. Варе». На следующий день возникает мысль об интригах Гани, опутывающих всех главных героев романа, а тем самым и скрепляющих сюжет: «— У Аглаи он становится необходим. *Сестра — из мщенья*. У Н<астасьи> Ф<илиппов>ны он необходим, у Князя тоже». Затем возникает дополнение: «NB. NB. Finis тот, что Аглая предается Н<астасье> Ф<илипповне>, а Ганя душит Аглаю. NB. Любовь из тщеславия» (с. 222—225). Таким образом, возникает ситуация, напоминающая «Отелло» В. Шекспира. Если в *ПМ*₁ отношение Идиота к Геро мыслилось как «страсть удовлетворенного тщеславия» и на какой-то момент с этой психологической подоплекой его чувств ассоциировался «План на Яго» (с. 137), то в *ПМ*₂ Достоевский поправовал начать с того же Гани-Яго, который, однако, мог стать и Отелло, задушившим Дездемону. В дальнейших набросках в Гане намечено противоборство честолюбивых стремлений и сердца, открытого добру. 12 марта разрабатывается сцена в Estaminet (кафе) между Аглаей и Ганей, где «Ганя почувствовал, что он любит Аглаю, а не ненавидит ее». 13 марта Достоевский отмечает: «Характер Гани вырастает сообразно страсти до Колоссальной серьезности». Однако трагический план связывался с образом Гани недолго. Постепенно Достоевский вернулся к проглядывавшей уже в первой части мысли о том, что характерность Гани — в его ординарности и половинчатости. В набросках от 16 марта Ганя «стоит за Князя» и «хитрит», «хотел бы отомстить Аглае», но увлекается, а «по *правде-истине*, — приходит к заключению Достоевский, — колеблется только разными волнениями», потом все-таки «опять передается<я> Князю» и «застреливается под конец» (с. 229—230, 237). Но и самоубийство как крайний, решительный поступок Гани отпало. 17 марта была найдена мотивировка первого сближения Гани с князем, перешедшая в окончательный текст: «Сказать просто, что Ганя принес Князю 100 000, с тех пор дружба, как говорят. Бедное помещение Гани свидетельствовало, что не из-за денег...». Подружившись с князем, Ганя продолжал обманывать его. Но Мышкин разгадывал его, был с ним откровенен, и Ганя вновь испытывал его влияние. 1 апреля намечалось: «— Аглая могла потому приехать к Ганечке, что слышала про него, что он изменился, предается Князю *весь, около Князя* <...>». И всё же Ганя, по мысли автора, был неспособен на полную искренность. В его «симпатичных» рассказах о князе присутствовал расчет — привлечь к себе внимание Аглаи. Одно время у писателя появилась даже мысль в финале дать сообщение о том, что Ганя, сожалея о возвращенных 100 000, «украл у Князя деньги и бежал за границу»; затем было внесено уточнение: Ганя «не кра-

дет» деньги, а «делает так, как будто берет от Князя 100 000 свои», а потом кается (с. 240, 247, 259, 263). 16 и 17 апреля Достоевский попытался найти новые аспекты обрисовки Гани, предполагая, что он либо «больной», «почти Идиот», «всего стыдится», либо скрывает свою мечту стать «Царем Иудейским» (повторение аналогичного мотива *ПМ₁*; см. с. 259, 281 и др.). «И так, — замечал Достоевский, — Ганя больной. Роль его = Рабь<я> роль. (NB. Можно сделать очень верно и красиво и кроткою ролью)». В дальнейших апрельских разработках Ганя по-прежнему фигурирует как участник, но теперь уже пассивный, хитрых замыслов своей сестры, рассчитывающей «*стравить*» Настасью Филипповну с Аглаей, чтобы Настасья Филипповна «*со зла*» вышла за князя, а Аглая «*со зла*» выбрала Ганю, который оказался бы в это время при ней «в рабах» (с. 281, 286).

Инициатива в интригах, таким образом, была отдана в *ПМ₂* Варе, работая над образом которой Достоевский создавал тоже ординарный, но более активный характер. В описании планируемого 15 марта разговора ее с Ганей перед приходом Аглаи отмечается: «Варя в дружбе с братом и даже смущает его горячкой и нетерпеливостью. Аглае враг, больше чем Н<астасье> Ф<илипповне>». Несколько раз говорится, что Варей руководила в первую очередь жажда мести, на которую она и Ганю «поджигает». 16 апреля, раздумывая над индивидуализацией образов брата и сестры, людей одного социально-психологического склада и всё же различных, Достоевский сделал для себя заметку: «С первого явления Гани обозначить, что он хоть и в сильной родственной любви с Варей, но во всех убеждениях с нею розно. (У той мщенье из Самолюбия)». Постепенно «козни» Вари, сохраняя оттенок самолюбивого желания отомстить, приобретали большую целенаправленность: она и замуж выходила «по преданности» Гане и интриговала в основном в его интересах (с. 280, 285).

В марте—апреле складывается в основном и характер Лебедева, о чем вначале свидетельствуют краткие упоминания героя в рукописи, а затем более детализированные планы, содержащие размышления над образом этого трагического шута — например, в заметке от 10 апреля: «Лебедев: Из принижения. Апокалипсис. Молитвы и гнусный. Сцена Лебедева с Генералом Иволгиным». Ср. с записью: «— (Лебедев и князь.) (Семейство Лебедева.) Лебедев философ. Беспрерывно надувает Князя. Черта его. Дети Лебедева. <...> Антропофаг. — У Н<астасьи> Ф<илипповны>. Апокалипсис, молитвы, о Христе». Эти наброски уже содержат зерна ряда сцен, в которых действует Лебедев в романе. Обманы, шпионство, доносы Рогожину на князя, князю на Рогожину, писание анонимных писем Епанчиным — всё это определилось в *ПМ₂*, наряду с самоуничижительными репликами Лебедева: «— Обманул-с; ибо низок. (И это несколько раз)». Вместе с тем Лебедеву приписываются порой очень важные, с авторской точки зрения, суждения «о молитвах, о Дюбарри, о Светопреставлении», «про Князя: „Утаил от Премудрых и Разумных и открыл еси то Младенцам”» (неточная евангельская цитата, ср.: «В то время, продолжая

речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам» (Мф. 11:25, ср.: Лк. 10:21 — см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 27, 166), которая вспомнилась Достоевскому, видимо, под воздействием письма к нему Н. Н. Страхова, сообщавшего в середине марта о своем впечатлении от первой части «Идиота» и перефразировавшего эти евангельские строки, — см. ниже, с. 609). Лебедев способен понять и Настасью Филипповну. В одной из заметок он рассказал «подобную повесть об одной», после чего растроганный князь назвал его «глубоко сердечным человеком» (с. 269). 10 апреля было намечено, что у Лебедева «свой домик и маленький капитал», «дома книг много», и он «своего мальчика любит». Тогда же Достоевский задумал историю сближения и ссоры Лебедева и генерала Иволгина с эпизодами их совместного пьянства, пьяной исповеди, вранья, кражи, на которую Лебедев «наводит Генерала» (в романе же еще и мучает, не желая предать забвению его проступок), и, наконец, «плача» Лебедева, идущего за гробом Иволгина (с. 270, 268—269). Лебедев связан практически со всеми героями. Его подчеркнуто неоднозначная и загадочная фигура, постоянная роль в центральных конфликтах и интригах романа, совмещение функций шута и героя «идеи», а также тот факт, что в «Идиоте» он высказывает многие мысли, близкие самому Достоевскому, делают его одним из важнейших персонажей. В. Я. Кирпотин указал на генетическую связь образа Лебедева с образом племянника Рамо Дидро.¹ Основанием для такого сравнения служит тот факт, что Достоевский в период работы над романом читал Дидро и Вольтера, см.: письмо Н. Н. Страхову от 6 (18) апреля 1869 г.; *Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015*. С. 236.

Одновременно с определением характера Лебедева прояснилась во многом обозначившаяся уже в *ПМ*₁ участь генерала Иволгина. Были закреплены мотивы пребывания генерала в долговом отделении, его выкупа, воровства в пьяном состоянии и смерти «от горя». Получила дальнейшее развитие черта, обнаружившаяся в первой части и придающая своеобразие характеру героя, — склонность к фантастическим вымыслам: «Ажи Генерала» (с. 268). Рельефно выписан был в эту пору в *ПМ*₂ также образ генеральши Епанчиной, которая характеризовалась как «l'enfant terrible» (своенравное дитя); этой характеристике соответствовали отдельные заготовленные сцены и реплики генеральши.

Настойчиво продолжал обдумывать Достоевский в марте—апреле принцип развертывания повествования и стиль его. Прежде всего он заботился о воспроизведении течения событий во всей сложности их причин и следствий. «Ход дела ? *NB. NB. NB* ? Ход дела», — оставил он для себя сигнал 12 марта. Развитие основного сюжетного действия Достоевский стремился дать на фоне широкой картины жизни, поставив в центре князя как гармоническую личность, к которой так или ина-

¹ Кирпотин В. Я. Лебедев и племянник Рамо // Кирпотин. *Мир Достоевского*, 1983. С. 61—112.

че тянутся герои романа и с которой соотносится общая картина хаоса и несправедливости, царящих в современном ему мире. В связи с упомянутым выше намерением показать «неисследимую черту», оставшуюся после кратковременного появления и трагического ухода Мышкина из этого мира, Достоевский сосредоточил свое внимание на двух взаимоподчиненных задачах. «— И потому, — записал он 8 апреля, — бесконечность историй в романе (*misérable*й <отверженных> всех условий), рядом с течением главного сюжета. (*NB. NB. NB!* Главный-то сюжет и надо обделать, создать)». Когда основные линии «главного сюжета» определились и было решено «тянуть на все части историю *реабилитации* Н<астасьи> Ф<илипповны> и любви Аглаи» к Мышкину и вести всё к тому, что Рогожин зарежет Настасью Филипповну «по поводу ревности ее — насчет брака Аглаи с Князем», Достоевский 9 апреля снова подчеркнул: «...и истории. Главное: *Истории*», а 10 апреля уточнил: «Вообще Истории и Фабулы (т. е. Истории, продолжающиеся во весь роман), должны быть задуманы и ведены стройно параллельно всему роману <...>».

Что касается «главного сюжета», то движение его первоначально намечалось очень бурное — от одной драматической сцены к другой. Но одновременно проступала тенденция к некоторой разрядке внешнего драматизма за счет нарастания внутренней напряженности. Об этом свидетельствуют, например, заметки: «NB. Так как брак с Н<астасьей> Ф<илипповной> есть *coup de théâtre* <неожиданная развязка>, то Н<астасью> Ф<илипповну> и не выводить раньше сцены с Аглаей. Разве только фантастическую сцену у Софьи Федоровны — *ошущью*»; или «NB. Об Князе в 3-й (второй. — *Ред.*) части мало, он только трагически решился» (с. 224, 238). В соответствии с новым устремлением автора многие задуманные эпизоды были отброшены (у Софьи Федоровны, в *Estaminet*, у Настасьи Филипповны), другие значительно преобразились и фигурируют в окончательном тексте лишь в кратком пересказе автора или других лиц (см. о сцене сожжения пальца или сцене в Екатерингофском воксале — 8, 398—399, 529, 166), оставшиеся же сцены рассредоточились по разным частям, вплелись в более широкую, включающую и вводные «истории» ткань художественного повествования.

Одной из ключевых в сюжете стала сцена соперниц, идея которой возникла еще в *ПМ₁*. В *ПМ₂* в мартовских и апрельских планах, как указывалось выше, «поединок» Аглаи и Настасьи Филипповны сначала находился в середине романа, но в процессе поисков он всё больше отодвигался к концу. Заложенные в этой сцене художественные возможности ощущались писателем уже в самом начале. В первом варианте ее героини осыпали друг друга «взаимными насмешками»: Аглая давала волю своему ревнивому, злому чувству, обвиняла Настасью Филипповну в том, что она играет «роль Магдалины», предлагала ей отравиться мышьяком, говорила ей «ты», а Настасья Филипповна объявляла, что она княгиня. В дальнейших набросках это описание детализировалось психологически, драматизировалось. Уточнялся состав

участников: «„Я княгиня“, входит Князь. Аглая бежала». Затем добавлялось, что кроме князя «нечаянным» свидетелем стал и Рогожин. Выяснялось, каким образом сцена эта могла состояться: то причиной ее были интриги Гани, который и приводил Аглаю к Настасье Филипповне, то встрече героинь способствовал Лебедев, то Настасья Филипповна «по безумию» посылала Аглае записку. В одной из последних апрельских разработок сцена Аглаи и Настасьи Филипповны представлялась так: «Сначала тихо, потом „ты“ и презрение. Мщение. Н~~а~~стасья> Ф<илипповна> говорит ей: „Ты сама в него влюблена“ — и как прогнала Аглаю. Хохоchet и счастлива и — невеста» (с. 287).

Сцена завтрака, в которой князь должен был излагать свои убеждения перед многочисленной «аудиторией», также намечалась уже в самых первоначальных планах второй части. В набросках 12 марта среди слушателей князя перечислены все Епанчины, «Аф<анасий> Иван<ович>» (Тоцкий), Рогожин, старик учитель, Птицын, Ганя, Варя, генерал (Иволгин), Коля, Ипполит, Нина Александровна, молодой литератор, старуха Белоконская. 20 марта Достоевский записал, что именно на завтраке князь «говорит об аристократии». Из плана в план эта сцена обрastaет подробностями, дополняется и расширяется. В итоге ее замысел послужил основой трех публичных выступлений Мышкина в романе — на даче у Лебедева, во время визита к Епанчиным после его выздоровления и у них в гостиной на званом вечере, — в которых и раскрывались его сложившиеся в России заветные убеждения.

11 марта Достоевский записал в виде предположения: «NB₃) Не вести ли лицо Князя по всему роману загадочно, изредка определяя подробностями (фантастичнее и вопросительнее, возбуждая любопытство), и вдруг разъяснить лицо его в конце, и напротив, NB₄) Со всеми другими лицами спервоначалу определеннее и разъясняя их читателю? (Как, н<а>прим<ер>, Ганю?)». 10 апреля была найдена новая формула: «Князя Сфинксом». На полях Достоевский прибавил: «Сфинксом. Сам открывается. Без объяснений от автора, кроме разве первой главы». И далее указывалось, что рассказы Лебедева и Гани о странных поступках Настасьи Филипповны должны бросать свет на дальнейший ход событий, и читатель будет тогда достаточно осведомлен, чтобы для Мышкина «можно было сохранить роль Сфинкса» (с. 259, 261). Уже упоминалось, что в ПМ₂ предусматривалась внешняя загадочность, кажущаяся иррациональность поведения и других главных героев — Настасьи Филипповны («тайная любовь»), Рогожина («таинственное» лицо), генеральши Епанчиной («загадочная» роль по отношению к Аглае и князю). Имея в виду сложное переплетение различных мотивов, по которым Ганя «предлагал услуги» Аглае, автор решал даже: «(NB. И Ганю сфинксом)» (с. 262). В романе проявилась установка, с одной стороны, на максимальную активность читателя, который должен был синтезировать разнообразный художественный материал, с другой — на многозначность, недосказанность в воспроизведении сокровенного ядра характера героев, внешние проявления которого порой

кажутся окружающим неожиданными, непонятными с точки зрения обычной житейской логики.

Одновременно Достоевский заботился, чтобы каждый из главных персонажей был обрисован в самостоятельном стилистическом ключе. Так, для художественного воплощения образа Аглаи существенное значение имела заметка на полях <с. 96> тетради № 5 (рядом с упоминанием об «удивительной победе» князя над Флигель-адъютантом, которых «стравила» Аглая, а потом «громко и вслух смеялась над Князем» и «ужасно была рада» его победе): «Грациознее, более жару, вроде Княжны *Кати*» (с. 263—264). Заметка эта свидетельствовала о внутренней ориентации Достоевского на образ гордой и самолюбивой княжны из «Неточки Незвановой» (1849) (см.: 2, 704—705).

Беспокоился Достоевский и об общем тоне повествования. «Задача: Короче писать. Чтоб было щегольски, симпатично (кратко и всё о деле) и занимательно» — была поставлена им сразу же после первой попытки набросать «*Краткий план глав 3-й (второй. — Ред.) части*». Позднее неоднократно подчеркивалась необходимость избежать при обрисовке намеченных драматических ситуаций прямого авторского их комментирования. Так, по поводу пререканий Аглаи с родными Достоевский спрашивал себя: «Короче писать; одни факты; без рассуждений — и без описания ощущений?» И опять повторял: «NB. — Рассказ о фактах, *легко*, без особых рассуждений» (с. 234, 240).

Таким образом, в мартовских и апрельских планах определились постепенно общие контуры романа. Намечен был в основных чертах его сюжет с тремя магистральными линиями (Мышкин—Настасья Филипповна—Рогожин, Мышкин—Настасья Филипповна—Аглая, Аглая—Ганя—Варя) и побочными «историями» (детей, «Сына Павлушца», генерала Иволгина и др.). Выявились характеры и роли Мышкина, Настасьи Филипповны, Рогожина, Аглаи, Гани, Вари, Птицына, Лебедева, генеральши Епанчиной, Аделаиды, генерала Иволгина, Фердыщенко. Появились новые герои: жених Аглаи, предшественник Евгения Павловича Радомского, — сначала Кавалергард, затем Флигель-адъютант, Иончек — Вельмончек (в *ПМ*₁ ему соответствовал жених Геро — Граф или Сенатор) и «кн<язь> *Щерб<атов>*» (см. ниже, с. 755), жених Аделаиды (по первому варианту, тотчас отвергнутому, жених Аглаи). Лишь один раз в ранних набросках *ПМ*₂ был упомянут Афанасий Иванович (Тоцкий) (в числе гостей на завтраке у князя), который исчез со страниц романа в связи с тем, что в I главе второй части его судьба завершилась женитьбой на французенке-легитимистке и отъездом «в Париж, а потом куда-то в Бретань» (8, 171). В этот же период обозначился ряд общих художественных законов повествования, его хронологические рамки (см. выше). К планам, составленным в марте—апреле, Достоевский не раз обращался в ходе дальнейшей работы над романом как к его фундаменту.

Во второй половине апреля писатель разрабатывал на основе этих планов (наброски от 9—16 апреля — см. с. 251—281) I и II главы второй части. Завершив их в конце апреля, он сразу, не делая переры-

ва в работе, принялся за следующие — III, IV и V, предназначенные для майского номера журнала. Заготовки для них также были сделаны в апреле. Объяснение Мышкина с Рогожиным Достоевский задумал 10 апреля. Князь, застав его за учебником, «клянется ему, что не женится без ведома». Далее в другой заметке отмечается, что Рогожин в «иступлении», но с полной доверчивостью к князю «рассказывал про „Настасью“». 17 апреля возникла мысль о сцене посещения названными братьями матери Рогожина: «Рогожин: „Зайди к матушке-то (в лихорадке), пусть она тебя благословит“. Старуха благословляет». 23 апреля кратко излагается история бегства Настасьи Филипповны от разыскавшего ее в Москве Рогожина к князю, жизни ее с ним в губернии, нового побега — из боязни, «что влюбится», — с Рогожиным, которому «слово дано», но свадьбу с которым она «остановила», «пока не выдаст Аглаю за Князя». Наконец, 24 и 28 апреля набрасываются заметки о «попытке Рогожина на убийство» и встрече его с князем «после ножа» (с. 264, 271, 283, 290—291). Отказавшись от сцены вечера у Настасьи Филипповны и от мысли о том, что Рогожин «ловит» князя то ли у нее на даче, то ли в Павловском воксале (с. 277), Достоевский направил своего героя от Лебедева прямо к Рогожину, подчеркнув, что самому Мышкину «очень хотелось» сделать этот визит (8, 188). На основании набросков *ПМ*₂ был построен напряженный диалог между ними. Завершалась V глава романа сценой покушения.

5

В период работы над V главой Достоевский в двадцатых числах мая н. ст. снова обратился к планированию дальнейших эпизодов. 21 и 24 мая он сделал в *ПМ*₂ несколько записей. Далее следуют заметки от 10 и 11 июня. К ним примыкают записи на последних страницах и на <с. 3> той же тетради, заполненных в июне—июле. Крайним рубежом является дата 28 июля н. ст., поставленная на <с. 3>. Приблизительно к этому моменту Достоевский должен был закончить вторую часть, работа над которой проходила при очень затрудненных обстоятельствах — жесткие сроки, смерть дочери, переезд из Женевы в Веве, болезнь (см.: *Летопись*. Т. 2. С. 176, 179—180). В письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г. Достоевский сообщал, что отправил «на июньский номер 4 главы», последнюю из которых «отослал вчера», и «дал честное слово» заключительные главы второй части доставить «своевременно», понимая, что у него для написания их «самое большее останется 3 недели» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 302). В июньском номере «Русского вестника» были напечатаны VI, VII и VIII главы. IX глава к сроку не успела и появилась вместе с X, XI и XII главами в июльской книжке журнала. В том же письме Достоевский делился с Майковым: «Я до того запоздал в „Русский вестник“, что всё это время работал день и ночь буквально, несмотря на припадки. Но увы! Замечаю с отчаянием, что уже не в состоянии, почему-то, стал так скоро работать,

как еще недавно и как прежде», вследствие чего приходится «помещать такими кусочками и отрывками» (Там же. С. 301—302). А между тем на этот роман Достоевский возлагал большие надежды. 29 марта (10 апреля) 1868 г. он писал С. А. Ивановой: «Ах, Сонечка, тут дело для меня вдвойне, тройне хлопотливое и, главное, — капитальное, гораздо более имеющее важности *на всю судьбу мою* (нисколько не преувеличивая), чем кажется с первого взгляда. <...> Я ужасно боюсь за роман и минутами почти совсем уверен, что не удастся. Идея слишком хороша, а на выполнение меня, может быть, и не хватит, особенно так спеша, и за границей. (Верите ли, ангел мой, что значит долго быть за границей и отвыкать от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России. Как ни странно, а это так)» (Там же. С. 291—292). Трудность выполнения заветной идеи — воплощения идеала гармонической личности, и остро ощущаемый писателем отрыв от русской жизни — всё это сказалось на темпах работы над «Идиотом». Не случайно, по наблюдениям А. С. Долинина, «замысел, в исполнении, очевидно всё время сжимается, может быть, и комкается»: отослав IX главу второй части, Достоевский предполагал, что последующие ее главы займут в журнале «5 листов минимум», а до конца он должен будет написать 27—30 печатных листов, но вышло соответственно около 3 и 22 печатных листов (см.: *Д, Письма*. Т. 2. С. 424).

Майские—июльские наброски, соответствующие периоду работы Достоевского над нынешней второй частью романа, подготавливали, в основном, отдельные главы этой части, но содержали также и планы дальнейшего развития сюжета. 21 мая Достоевский думал начать VI главу, повествующую о первом дне пребывания князя на даче у Лебедева, со свидания князя с Настасьей Филипповной: она назначает ему свидание «через Ганю», «рассказывает про Рогожина» и «про всех», а также о том, что «Аглая влюблена», «устроивает его свадьбу (оригинальнее сцену)». 24 мая у Достоевского мелькнула мысль дать историю «реабилитации Н<астасьи> Ф<илипповны>», на которой князь женится, объявляя, «что лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского» (с. 292). Но оба эти плана были отброшены.

Наибольшее внимание в июньских набросках уделено до этого лишь упомянутому в I главе второй части, а теперь вступившему в действие новому персонажу — Евгению Павловичу Радомскому, появление которого на даче у Мышкина было приурочено к концу VI — началу VII главы, моменту чтения Аглаей пушкинской баллады. Евгению Павловичу (пока еще Вельмончеку) почти целиком посвящены записи от 10 и 11 июня н. ст. Достоевский сразу же определил черту его, которая осталась основной и в окончательном тексте: «Вечная и постоянная тонкая насмешка свысока». Размышляя над ролью нового персонажа в романе, Достоевский прежде всего выяснял для себя взаимоотношения Вельмончека с другими героями. Намечалось, что Аглая «ему не отказывает прямо, так что тот всё надеется». Он же, хотя и хочет жениться на ней из тщеславия, в то же время «видит, что Князь не понимает, что Аглая его любит (а Князь понимает)». В<ельмон>чек

объясняет это Князю». Одновременно выдвигалась версия донжуанства Вельмончека: он собирается жениться на Настасье Филипповне, а когда Рогожин приходит «покупать его», прогоняет того и разуверяет. Дольше держался другой вариант: «Жениться на дочери Лебедева из странности, получив отказ от Аглаи, для фанфаронства». Разрабатывался и перешедший в окончательный текст мотив самоубийства дяди Вельмончека в результате совершенной растраты. Допускалось, что, после предложения князем 400 000, которые Вельмончек берет, и женитьбы его на дочери Лебедева, он, осознав свою «беспольность», застрелился. Вельмончек охарактеризован как «*bul<l>e de savon*» (мыльный пузырь), который «лопнул», утратив все аристократические связи. Там же говорится, что люди этого типа «не национальные, плохо к почве привязаны, оттого так легко и отлетают. Этот еще лучший». В этот первоначальный эскиз образа Достоевский затем вносил различные коррективы, связанные с разработкой фабулы и отношений Вельмончека с другими героями (см. с. 293—294). Главное назначение образа Евгения Павловича в романе определила заметка: «Вельмончек, постоянно смеется над Князем и потешается им. Скептик и неверующий. — Ему всё в Князе *искренно* смешно, до самого последнего мгновения» (с. 299). В окончательном тексте этот остроумный, скептически настроенный человек действительно нередко судит князя и по-своему толкует случившееся. В дальнейших июньских набросках была намечена беседа его с Мышкиным после бегства Аглаи из дома Настасьи Филипповны к Гане, воспроизведенная впоследствии в четвертой части романа. По сравнению с черновыми заготовками диалог между Евгением Павловичем и Мышкиным в романе несколько видоизменен: Евгению Павловичу переданы все психологические разъяснения, Мышкин лишь как будто соглашается с ним, но вносит всё время оговорки, благодаря которым воссоздается более сложная картина, не укладывающаяся в не лишнюю тонкости, но всё же рационалистическую схему Радомского.¹ Евгению Павловичу уже в *ПМ*₂ были предназначены существенные для самого Достоевского суждения об аристократии и реформах 1860-х годов. В окончательном тексте (в I главе третьей части) эти его высказывания представлены в осложненном виде: они несут на себе печать его личности и поддерживаются не всеми персонажами (так, например, Александра Епанчина реагирует на его речь о либералах ироническими замечаниями). Значительно преобразился и мотив женитьбы Вельмончека на дочери Лебедева. В эпилоге романа герой этот, почувствовав-

¹ О критическом отношении Достоевского к «суду» над его героями, особенно такими, как князь Мышкин или Алеша Карамазов, т. е. к психологизму, исходящему из строгой обусловленности поступков и переживаний человека обстоятельствами и не учитывающему его свободной воли, многопричинности, а иногда и неожиданности руководящих им импульсов, см.: Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева: (Тургенев и Достоевский) // *РЛ*. 1968. № 4. С. 49.

ший себя «лишним» в России и уехавший за границу, часто навещает в пансионе Шнейдера больного Мышкина и сообщает о состоянии князя Вере Лебедевой. Эта переписка намечает перспективу возвращения Евгения Павловича к родной «почве».

Введя в действие Вельмончека — Радомского, Достоевский вновь вынужден был поставить перед собой вопрос: «? Что делать с Ганей». Возникал вариант: «??? Аглая со злобы выходит за Ганю и прогоняет его. Ганя страстно влюблен в Аглаю, до последних риз, убить кого хотите вызывается — вот его роль» (с. 295). Но эта необычная для определившегося в какой-то мере в первой части характера Гани черта не закрепились: неспособность к сильным чувствам и болезненное самолюбие преобладали в его образе и во второй, и в последующих частях.

Усиливается в июньских заметках мотив надлома, «сумасшествия» Настасьи Филипповны. Ненадолго Достоевский представил себе дело так, что после сцены с Аглаей, которая «падает, по-видимому», Настасья Филипповна «действительно хочет выйти за Князя. (Целая часть в этом <...>», а Мышкин «уходит от света». В окончательном тексте желание «уйти куда-нибудь, совсем исчезнуть отсюда» (8, 318) возникает у Мышкина в момент, предшествующий появлению Настасьи Филипповны в парке на музыке, когда мрачное предчувствие неотвратимости грядущих несчастий охватывает его. Но и в *ПМ*, и в романе князь остается в том мире, который выпал ему «на долю». Вернувшись к разработке прежних планов, автор подчеркивает, что никто в доме не принимает «страсти Аглаи к Князю» всерьез и сам он «думает, что Аглая над ним смеется», даже после объяснения ее с Настасьей Филипповной «еще не догадывается» о полной любви Аглаи, хотя мать и говорит». Достоевский записывает: «Наступает время сношений других с Аглаей, разубеждение и *rehabilitatio* <реабилитация, восстановление> Н<астасьи> Ф<илипповны> (деятельность)». Как и раньше, далее планируется бегство Настасьи Филипповны с Рогожиным (с. 299—300).

Предвидя вслед за свиданием Аглаи и Настасьи Филипповны скорую развязку, Достоевский собирается «после сцены двух соперниц» дать авторское отступление. Признавая, что описывает «странные приключения», и говоря о «другом взгляде на действительность», которая выглядит фантастически, Достоевский вместе с тем подчеркивает: «Может быть, в Идеале человек еще более действителен» (с. 301).¹ Мысли, которыми автор хотел поделиться с читателями «Идиота» и от прямого дидактического выражения которых в связи с образом Мыш-

¹ Вопрос о соотношении идеала и действительности, длительное время занимавший Достоевского, звучит и в его литературно-критических статьях — «Ряд статей о русской литературе. Г-н — бов и вопрос об искусстве» (*Акад. ПСС*. Т. 18. С. 94—95), «<Предисловие к публикации „Три рассказа Эдгара Поэ“>» (Там же. Т. 19. С. 89), а также в *ДП* за 1873 г. (Там же. Т. 21. С. 75—76), 1876 г. (Там же. Т. 22. С. 75; Т. 23. С. 88—89).

кина всё же отказался, он вскоре углубит в письмах к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 329*) и Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 19; см. подробнее об этом ниже, с. 610—611).

Позднее в «Братьях Карамазовых» задуманное в пору работы над «Идиотом» отступление было претворено во введении к роману «От автора», где, предупреждая читателей, что его герой Алексей Федорович Карамазов — «человек странный, даже чудак», автор присоединялся к тем, кто не увидит в нем только «частность и обособление»: «Ибо не только чудак „не всегда“ частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (Там же. Т. 14. С. 5).

В последних июльских записях в начале тетради набросан план продолжения романа. 28 июля Достоевский записал: «3-я часть прямо начинается с объяснения *необходимейшего* (!). Что Князь все выходки Аглаи принимал за насмешку» (с. 301, заметка эта была затем воспроизведена в XI главе второй части, где говорится по поводу чтения Аглаи стихотворения Пушкина и подстановки инициалов Н. Ф. Б., что, на взгляд Мышкина, это «была одна только невинная шалость, самая даже детская шалость», о которой и задумываться «совестно» — 8, 279). Последующий ход событий мыслился с активным участием Ипполита и Гани: дав понять читателю «о влюбленности Князя» в Аглаю и обрисовав «загадочность положен<ия>», Достоевский намеревался отвести далее большое место интригам Ипполита. «Скандал в воксале с Н<астасьей> Ф<илипповой> (выдающий ее ревность к Аглае)» возникал на этот раз не из-за Вельмончека (как в другой записи — «пробует сделать скандал с Н<астасьей> Ф<илипповой>», см. с. 294), а из-за Гани (см. с. 301—302).

В эти же дни Достоевский дописывал, вероятно, XI и XII главы второй части, торопясь и испытывая чувство неудовлетворенности. Тревога его усиливалась некоторыми опубликованными к этому моменту отзывами, свидетельствовавшими, что роман встречен критикой довольно прохладно (см. ниже, с. 613—615). 21 июля (2 августа) 1868 г., извиняясь перед А. Н. Майковым за задержку ответа из-за того, что «день и ночь сидел 20 дней сряду за работой, которая плохо шла», Достоевский писал: «Романом я не доволен до отвращения. Работать напрягался ужасно, но не мог: душа нездорова. Теперь сделаю последнее усилие на 3-ю часть. Если поправлю роман — поправлюсь сам, если нет, то я погиб» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 309—310*). Третья часть была опубликована в августовском (I—III главы), сентябрьском (IV—VI главы) и октябрьском (VII—X главы) номерах «Русского вестника». Между 28 июля и началом сентября н. ст. в дошедших до нас черновых набросках отмечается перерыв: писатель, по-видимому, работал в это время над начальными четырьмя главами третьей части, рассказывающими о событиях последнего дня недели, которой была посвящена вторая часть (визит Мышкина к Епанчиным, скандал на

музыке, встречи князя с Келлером и Рогожиным); заготовки к этим главам были сделаны ранее, в марте—июле. I—III главы были отосланы в редакцию, очевидно, в конце августа н. ст. В начале сентября Достоевский принялся обдумывать IV главу, повествующую об обществе, собравшемся на даче у Лебедева в день рождения Мышкина. В ней он использовал заметки о философствованиях Лебедева на темы об антропophage, звезде Полюни, «телегах, подвозящих хлеб голодному человечеству» (8, 345). Далее писатель приступил к разработке исповеди Ипполита. Набросками на <с. 17, 18, 15, 19>, отдельными заметками из раздела «*Нота-бены и Словечки*» (<с. 16>) и записями от 8 сентября (в основной части тетради) открывается последний период работы, отраженный в ПМ₂. Завершается он заметками от 11 ноября н. ст. и недатированными, но, по-видимому, хронологически близкими к этой дате записями на полях, относящимися к разработке диалогов Рогожина и Мышкина у трупа Настасьи Филипповны. В это время Достоевский обдумывал содержание V—X глав третьей и всей четвертой части романа. Создавая V—VII главы, в центре которых находится «Необходимое объяснение» Ипполита и реакция на него многочисленных слушателей, Достоевский обращался главным образом к сентябрьским заготовкам, а также к недатированным наброскам, примыкающим к ним (часть записей <с. 17—18> сделана теми же светло-коричневыми чернилами, что и наброски в сентябре). В одной из заметок звучит такая характеристика: «*Смерть Ипполита. Ип<полит> Князю: „Я хотел вас всех перерезать, я даже этого не смог сделать. Бессилие! бессилие целого племени!“ — „Еще одна такая же минута, и я воскресну“*» (с. 308). Эгоцентризм, озлобленность Ипполита, с одной стороны, и тяготение его к людям, неодолимая потребность в их прощении, любви — с другой, легли в основу его характера в IX—X главах второй части. Теперь же в исповеди восемнадцатилетнего умирающего от чахотки юноши, одаренного, мыслящего представителя «современных позитивистов», Достоевский стремился развернуть целостную философскую систему взглядов, которая, по его мнению, была достойна серьезного внимания и в то же время опровержения. На <с. 18> тетради была намечена главная тема, тревожащая Ипполита: «Почему в строении мира необходимы приговоренные к смерти». Поставлены были и связанные с ней более частные вопросы, которые выдвигает Ипполит, бросая вызов «Провидению»: не всё ли равно, «что говорить правду, что лгать», для двух недель, которые ему осталось прожить, стоит ли «любить для 2-х недель», заниматься «добрыми делами»? При этом личная обреченность усиливает и остроту социального видения Ипполита. По одному из черновых вариантов он заявляет: «...я бы мог убить других; мне это приходило на мысль, по комическу <с> состоянию палачей и общества». Но этот столь характерный для Раскольникова мотив не стал основным для Ипполита. Достоевский придал его бунтарству характер богоборчества, восстания против основных законов бытия. Уже в ПМ₂ Ипполит ведет страстный спор с Мышкиным. Предваряя идею Кириллова в «Бесах», Ипполит приходит к выводу, что ему осталось только

«умереть, потому что это единственное дело», которое он может «начать и кончить». В одной из предварительных заметок кто-то из присутствующих, возможно князь, выслушав Ипполита, говорил: «Мысли большие, — но ведь умнее-то ничего и нет на свете» (с. 304). В реплике этой отражено в какой-то степени и авторское отношение к Ипполиту, во взглядах которого Достоевский видел не случайное заблуждение одного человека или определенной группы молодежи, но объективно закономерную, хотя и требующую преодоления ступень духовного развития. Ведь и Мышкин в прошлом, о чем говорят его размышления над прослушанной исповедью, пережил аналогичный момент тоски и сомнений. «Однако для князя выводы Ипполита оказались лишь переходным моментом на пути к другому, более высокому (с точки зрения Достоевского) этапу духовного развития, в то время как сам Ипполит задержался на ступени мышления, которая, трагически обостряя все проклятые вопросы жизни, не дает на них ответа» (*Фридлендер*. С. 254—255).

В ПМ₂ противопоставление Мышкина и Ипполита было более резким. Ответом на вызов Ипполита («Солнце, Которое¹ приносит всем<,> и мне ничего») звучала в черновых набросках речь князя: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь. <...>» (см. с. 307). О «вдохновенной речи» князя, прославляющей мир и солнце, Достоев-

¹ Местоимение «Которое» с прописной буквы в данной реплике, по-видимому, подчеркивает символический смысл слова «Солнце». В осуждении законов «насмешливой» природы и отрицании мироустройства выражены богоборческие настроения Ипполита. Образ солнца в этой связи в черновиках и в романе предстает не только частью пейзажа и обозначением природы, но и символизирует божественный смысл человеческого бытия, что отражается в первую очередь в речах князя Мышкина. В рукописи эта параллель подкрепляется упоминанием Христа как темы бесед Мышкина и Ипполита (с. 304—305). Метафора «Христос, христианство — солнце» восходит к древнерусской книжности (см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 27). В произведениях Достоевского образ солнца связан с христианскими представлениями и проблемой идеала (см.: *Дурылин С. Н.* Об одном символе у Достоевского: Опыт тематического обзора // *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900—1920 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых; Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина. СПб., 2014. С. 776—803; *Бекедин П. В.* Повесть «Кроткая»: (К истолкованию образа мертвого солнца) // *Д. Материалы и исследования*. Л., 1987. Т. 7. С. 102—124; *Лунде И.* От идеи к идеалу — об одном символе в романе Достоевского «Подросток» // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 5. С. 416—423; *Касаткина Т. А.* Два образа солнца в романе «Подросток» // *Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения*. Коломна, 2003. С. 53—62; *Тарасова, 2011*. С. 245—247; *Тарасова Н. А.* Образ заходящего солнца в романе «Подросток»: Достоевский и Диккенс // *РЛ*. 2012. № 1. С. 124—132).

ский упомянет и еще один раз, планируя 8 сентября окончание сцены с Ипполитом. Отголосок этой речи звучит в четвертой части романа, где Мышкин высказывается совсем в иной связи, в гостиной Епанчиных, перед эпилептическим припадком, как бы прозревая радостный смысл бытия (8, 500—501).¹ По отношению же к Ипполиту, как тот сам признает, Мышкин проявляет высшую деликатность, не утешая его ни надеждой на другую жизнь, ни «деревьями», ни «любовью», а лишь говоря, почти «как материалист», что «зелень и чистый воздух» производят в нем «какую-нибудь физическую перемену» и его «сны переменяются и, может быть, облеγχатся» (8, 357). Как и в *ПМ₂*, в окончательном тексте Ипполит хочет умереть на восходе солнца, «прямо смотря на источник силы и жизни» (8, 382). В страшный для него момент, перед своей исповедью, он хватается бокал с шампанским, чтобы выпить «за здоровье солнца» (8, 341). Достоевский подчеркивает, что Ипполит — весь в борьбе и брожении. В *ПМ₂* рядом с текстом: «Доброе дело — в известном^{ом} размере, потому что иное дело, требующее времени или посвятить ему всю жизнь мою, мне равномерно запрещено» — сделана помета: «Комизм». Однако оценка, которую дает Мышкин исповеди Ипполита в V главе четвертой части, сложнее: сожалея, что Ипполит из самолюбия отказывается от своей тетрадки, Мышкин говорит, что «она искренна», что «даже самые смешные стороны ее» «искуплены страданием» (8, 478).

В *ПМ₂* определилась и другая сторона трагедии Ипполита — его одиночество. Автором намечены враждебные или равнодушные реплики, которыми встретили собравшиеся у Лебедева его «Необходимое объяснение» с сообщением о намерении застрелиться: «Так вы бы лучше там себя и убили. Ничего, поезжайте домой», и др. По общему мнению, желание убить себя «в компании» противоречило словам Ипполита о том,

¹ Тот факт, что Ипполит и в черновиках, и в романе собирается свести счеты с жизнью на восходе солнца, и речь Мышкина о солнце подтверждают отмеченную еще В. В. Виноградовым переключку между поэтикой Достоевского и В. Гюго — см.: Виноградов В. В. Из биографии одного «неистового» произведения. «Последний день приговоренного к смерти» [Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский] // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 63—75. Герой повести В. Гюго прославляет солнце ранним утром того дня, когда ему был прочитан смертный приговор (гл. II). Тема солнца в исповеди Ипполита воскрешает в памяти читателя также эпизод из романа «Отверженные»: умирающий член Конвента долго любит солнечным закатом, «чтобы в последний раз взглянуть на мир», и говорит перед кончиной: «У каждого есть свои причуды: мне вот хотелось бы дожить до рассвета» (Гюго. Т. 6. С. 49—50). См. также: Бем А. Л. Перед лицом смерти: («Последний день приговоренного к смертной казни» В. Гюго и «Идиот» Достоевского) // О Dostoévskem: Sborník statí a materiálů. Praha, 1972. С. 150—174; Буданова, 2012. С. 183—193.

«что у него нет охоты жить». Так считал и Мышкин, но, сообразно словам «тщеславие, ребенок, ваши страдания, горы» (с. 308, 304), он один, исходя из личного опыта, почувствовал глубину переживаний Ипполита, разгадал его детскую беспомощность, стремление завоевать симпатии окружающих. Ипполит же перед выстрелом обнял его, чтобы посмотреть ему в глаза и проститься «с Человеком» (8, 387).

Обдумывая концовку сцены 8 сентября, Достоевский в какой-то мере отталкивался от известного монолога Гамлета. Ипполит решает: «Умирать или не умирать?»¹ — и далее: «Ипполит отвлечен: „Жить или не жить?“». В окончательном тексте Лебедев прямо ставит Мышкину «гамлетовский» вопрос: «Быть или не быть?», комментируя его: «Современная тема-с, современная! Вопросы и ответы...» (8, 338).

15 сентября у Достоевского мелькнула мысль сделать Ипполита «главной осью всего романа». Он должен был, по новому плану, вступить в контакт с Аглаей, «как бы и не подозревая, что Аглая любит Князя, а, напротив, точно веруя, что она любит Ганю»; Ипполит также должен был получить власть над Рогожиным, Настасьей Филипповной, Ганей. После бегства Настасьи Филипповны из-под венца он «хочет убить Князя мыслию: что он не имел права играть сердцами обещаний». Намечались и другие «мелочи Ипполита» — наговоры на Колю, деспотичное отношение к матери и брату, ссора с Ганей, сплетни в доме Епанчиных; мать его, капитанша, должна была преследовать Генерала по его «науещению». Но князь проникает все его замыслы, «побеждает его доверчивостию». Параллельно планировались сцены князя с детьми и «продолжение с Аглаей, с Н<астасьей> Ф<илипповной>», где и Ипполиту предназначалась существенная роль (см. с. 310—313). «Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю Интригу», — писал в это время Достоевский (с. 313). Однако в конце концов Ипполит, как ранее было с Вельмончексом, занял в романе более скромное место, чем то, которое отводилось ему в *ПМ*₂.

В сентябре Достоевский составил два плана окончания романа: один предполагал осуждение князем Аглаи после гибели Настасьи Филипповны, гордое нежелание Аглаи оправдываться, идиотизм Мышкина; в другом — князь в «торжественно-спокойном» состоянии, «простил людям» и Аглае, его «пророчества» разъясняют «каждому себя самого», что же касается Аглаи, то она впоследствии «живет и путешествует» с матерью. К этому моменту характеры главных героев для Достоевского вполне уяснились. В обобщающей записи он выделил в каждом из них одну главную черту: «В Князе *Идиотизм!* В Аглае — *Стыдливость*. Ипполит: *Тщеславие слабого характера*. Н<астасья> Ф<илипповна>: беспорядок и Красота (жертва судьбы).

¹ Письмо Достоевского к брату Михаилу от 9 августа 1838 г. свидетельствует о том, что уже в юности трагедия В. Шекспира «Гамлет» соотносилась в сознании будущего писателя с его собственными размышлениями о мире, душе, жизни и смерти (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 50).

Рогожин: ревность. Ганя: Слабость, добрые наклон<ности>, ум, стыд, стал Эмигрантом. Ев<гений> П<авлови>ч. Последний тип русского помещика-джентльмена. Лизавет<а> Прокоф<ьевна> — дикая честность. Коля — новое поколение» (с. 313—314).

После этих набросков, сделанных в середине сентября, Достоевский, по-видимому, до конца месяца был занят оформлением трех очердных глав для сентябрьского номера журнала (до VI главы включительно). Последовательность событий дальнейших глав третьей части определилась в заметках от 8 сентября и 4 октября н. ст. (с. 309, 316—318). События, перечисленные в них и дополненные давно задуманной историей с «кражей Генерала», составили продолжение третьей части. Уже в ПМ₂ главная сюжетная линия здесь — взаимоотношения князя и Аглаи. Князь говорит про Настасью Филипповну: «Я не люблю ее», — а в другой сцене добавляет, что «сделал бы несчастье Н<астась> Ф<илипповне>, если б женился». Намечен отрывок диалога, где раскрывается стремление Аглаи порвать со своей средой, выбрав себе Мышкина в духовные руководители. Ее внутренняя неудовлетворенность вначале прямо была соотнесена с исканиями современного писателя молодого поколения: «Молодое поколение. — „Это я нарочно чтоб вас испытать. Я ничего не знаю. Что мы будем делать? Займемся воспитанием”» (см. с. 314—315).

В записях от 4 октября третья и четвертая части органически переходили одна в другую, поэтому Достоевский тут же занялся уточнением прежних планов к четвертой части. Уже произошло объяснение Аглаи и князя, они «жених и невеста». «Князь смущен», а Аглая ревнует его, ибо он «не скрывает ей, что Н<астась> Ф<илипповна> оставила в нем впечатление чрезвычайной жалости. Князь приходит домой после сватанья с Аглаей и вынимает портрет Н<астась> Ф<илипповны>. Потом выходит из дому». В окончательном тексте эпизод с портретом отсутствует; Настасья Филипповна предстает перед Мышкиным в ореоле страдания и обреченности в двух его снах (на зеленой скамейке и дома, перед чтением ее писем), а затем и наяву, по его возвращении от Епанчиных, когда видение его сливается воедино с действительностью. Четвертую часть Достоевский мысленно разбивает на две половины. В первой готовятся обе назначенные свадьбы — князя и Рогожина. Развитие сюжета определяется так: «Аглая Ипполитом и Ганей и Князем доведена до иступления. Сцена 2-х соперниц, и к Гане». Устанавливая продолжительность действия и форму повествования, Достоевский записал: «Рассказом про эти 3 недели, варьируя сценами. Тут и Евг<ений> Павлович». План 2-й половины четвертой части на этой стадии слагался в таком виде: «Н<астась> Ф<илипповна> невеста Князя. Эксцентричность. Сцена в храме, одна. К Р<огожи>ну в отчаянии (он зарезал). Позвал Князя. Рог<ожин> и Князь у трупa. Final. Недурно» (с. 316—317).

В октябре—ноябре Достоевский дописывает третью часть и одновременно в ПМ₂ дополняет еще раз план четвертой. Детализируя прежние и обдумывая вновь возникавшие в воображении сцены, он размыш-

ляет над финалом и эпилогом романа. 15 октября он выдвигает вариант: «Аглая нарочно делает Сцену с Н<астасьей> Ф<илипповной>, чтоб выдать Князя из смеха и из мщения за Князя. <...> Требуется выйти за Ганю». Он и становится ее женихом, но кончается это пощечиной, и Аглая от Гани бежит к князю (с. 318). В октябрьских же набросках «Из главного» Достоевский разрабатывал «шекспировский» вариант продолжения сцены соперниц. В день брака, перед венчанием, князь говорит Настасье Филипповне «просто и ясно (Отелло) <...>, за что он ее полюбил, что у него не одно сострадание (как передал ей Рогожин и мучил ее Ипполит), а и любовь и чтоб она успокоилась» (ср. слова Отелло из трагедии в переводе П. И. Вейнберга (СПб., 1864), вероятно, известном Достоевскому: «Она меня за муки полюбила, // А я ее — за сострадание к ним» (д. 1, сц. 3)). После своей речи (см. с. 320) Аглая должна была, по наброскам этого времени, обменяться с Настасьей Филипповной несколькими ласковыми, наивными словами, «но через силу», и они расставались. Настасья Филипповна была поражена, по ее отчаянному лицу Мышкин понял, что она приняла трагическое для себя решение. Но Достоевский отклонил этот вариант и в черновых записях от 11 ноября н. ст. разработал другой, где в «сцене соперниц» Аглая низко «падала». Как и в окончательном тексте, Настасья Филипповна сначала держится благородно: «Гордая и высокая речь Н<астасьи> Ф<илипповны>, простая, с достоинством высоким». Но оскорбления со стороны Аглаи вызывают ее гневную реакцию. Соперницы обмениваются злобными репликами. Достоевский обобщал: «Аглая чтоб была ребенок и бешеная женщина вместе» (см. с. 323). Намеченное в ПМ₂, «падение» Аглаи предопределило ее судьбу в эпилоге романа — брак с польским эмигрантом и знакомство с «знаменитым патером», повлиявшими на ее увлечение католичеством и рассорившими Аглаю с родными, — события, которые знаменуют драматический и вместе с тем не удовлетворяющий писателя исход ее исканий.

В октябре к сцене объяснения князя с Евгением Павловичем писатель сделал заметку: «Философия Князя. „Я идиот — я не знаю. — Я не прав, что не простил Аглае, я действовал сердцем“. Ему говорят: „Вы причина всего“. Он: „Да, я причина всего“» (с. 317). В романе Достоевский, отвергая однолинейное осуждение своего героя Радомским, подчеркнул сложность, многопричинность происходящего. Мышкин восклицает: «Почему мы никогда не можем всего узнать про другого, когда это надо, когда этот другой виноват!..» (8, 535). В варианте эпизода «После венца» (с. 319), относящемся к этому же времени, князь после бегства Настасьи Филипповны, возвращаясь один домой, встречает «множество людей <...> даже и незнакомых», «берет за руки и приглашает», говорит «об образовании, самопознании, петролее, машинном производстве», освобождаяшем «от борьбы за существование», о социализме, о Христе и т. д. (при этом делается ссылка на статью о Всемирной промышленной выставке, только что опубликованную в «Русском вестнике», — см. ниже, с. 863—864). Достоевский не ввел этой «лекции» князя в роман — возможно, потому, что нашел

ее неестественной, но сделал Мышкина участником завязавшегося при нем «делового» разговора.

Среди недатированных записей, предположительно относящихся к сентябрю, есть существенная для замысла романа заметка: «Мир красотой спасется — два образчика красоты» (с. 304). Как один из них и выступает в последних заметках Настасья Филипповна, подобно Умецкой, ее прообразу из *ПМ*₁, «мстительница и ангел». Если в ранних черновых набросках *ПМ*₂ в характеристике Настасьи Филипповны мелькали порою «вакхические» черты легендарной героини «Египетских ночей» Пушкина, то к концу работы над романом облик ее очистился от них. В окончательном тексте цитата из стихотворной импровизации героя пушкинской повести («Ценою жизни ночь мою!...»)¹ вложена в уста канцеляриста из толпы, перед которой предстала уже решившаяся на верную гибель, в подвенечном платье, «бледная как платок», со сверкавшими, «как раскаленные угли», большими черными глазами Настасьи Филипповны, обратившая негодование «в восторженные крики» (8, 544). Так переосмыслился Достоевским и самый созданный Пушкиным образ египетской царицы. Красота Настасьи Филипповны, освещенная глубиной пережитых страданий, была, по Достоевскому, великой силой, хотя она — и в этом один из трагических моментов романа — может превратиться в силу разрушительную, которая грозит гибелью прежде всего самой героине, уже сломленной, одержимой, утратившей веру в себя и в возможность иного, не оскорблявшего ее, к себе отношения.²

В период 7—11 ноября Достоевский начал составлять в *ПМ*₂ на <с. 14, 13> драматизированный конспект и почти набросал в сокращен-

¹ С точки зрения Т. А. Касаткиной, появление пушкинской цитаты в сцене бегства Настасьи Филипповны из-под венца служит напоминанием героине о сюжете Клеопатры, в котором она рискует быть замкнута, и сигнализирует для нее необходимость ухода с Рогожиным, с которым, предчувствует героиня, она обрекает себя на верную гибель, но спасает от гибели князя Мышкина (2003. Т. 4. С. 610—615).

² В свое время А. Л. Вольнский, верно отметивший «необъятную психологическую и идейную сложность» образа Настасьи Филипповны, исходя из художественно-идеологических представлений, характерных для раннего русского декадентства 1890—начала 1900-х годов, безосновательно приписал ей склонность к «оргийным исступлениям», «вакхическому разгулу» (см.: Вольнский А. Л. Достоевский. СПб., 2011. С. 60, 53). Это утверждение Вольнского, как и аналогичные суждения других критиков той же эпохи (К. Ф. Головина, Д. С. Мережковского, А. Закревского и др.), были справедливо оспорены А. П. Скафтымовым (см. его статью: Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 52). Анализ творческой истории романа подтверждает выводы Скафтымова и опровергает как мнение о том, что в лице Настасьи Филипповны автор рисовал «гетеру», «Аспа-

ном черновом виде текст XI главы четвертой части. Один из набросков помещен в раздел «*Нота-бены и Словечки*», на <с. 16> тетради. Судя по расположению текста, хронологически последними являются заметки, сделанные чернилами темного оттенка по нижнему и верхнему краям <с. 13> и <с. 14>, когда основное пространство листа уже было заполнено другими записями указанного времени — как к «сцене двух соперниц», так и к финальной трагической сцене пребывания Мышкина и Рогожина у тела мертвой Настасьи Филипповны. В этом черновике, изображающем князя и Рогожина, приникших друг к другу и породнившихся в страдании у трупа Настасьи Филипповны, почти всё существенное совпадает с окончательным текстом, за исключением, пожалуй, предшествующих этой сцене «видений», которые являются Мышкину, одиноко бродящему в поисках Настасьи Филипповны по Петербургу. В начале составления этого конспекта, т. е. 26 октября (7 ноября) 1868 г., Достоевский писал А. Н. Майкову: «Теперь, когда я всё вижу как в стекло, — я убедился горько, что никогда еще в моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части, в подробнейшем плане. И что же? Надо спешить изо всех сил, работать не переставая, гнать на почтовых, и, в конце концов, все-таки не поспею!» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 321). Беспокоясь о целостности восприятия романа читателем, писатель хотел непременно в 1868 г. завершить публикацию четвертой части, которую считал самой значительной. На «эффект» развязки романа он особенно рассчитывал, думая о втором его издании. Волнуясь, что четвертая часть у него «еще и не начата», Достоевский тогда же сообщал С. А. Ивановой: «Наконец, и (главное) для меня в том, что эта 4-я часть и окончание ее — самое главное в моем романе, т. е. для развязки романа почти и писался и задуман был весь роман» (Там же. С. 318). Это признание Достоевского порою толковалось чересчур прямолинейно. Так, Л. П. Гроссман писал, комментируя приведенные строки: «Оказывается, одна из сильнейших сцен Достоевского — князь Мышкин и Рогожин у тела Настасьи Филипповны — явилась „зерном“ всего романа. Гибель героини, взаимное сострадание двух соперников, двух названных братьев, над трупом любимой ими женщины, возвещающее им обоим безнадежный исход на каторгу или в сумасшедший дом, — вот из какой трагической развязки возник роман о прекрасном человеке, обреченном его бездушной эпохой на гибель» (см.: *Творчество Достоевского*, 1959. С. 354). Однако, как свидетельствуют записные тетради, мы имеем право говорить лишь об изначальной трагической предопределенности судеб главных героя и героини романа. Конкретное же художественное видение финальной сцены пришло к писателю не сразу. Оно возникло лишь на сравнительно поздней стадии работы, 4 октября, когда рядом с заметкой: «Рог<о-

зию», так и стремление приписать Достоевскому вульгарное истолкование ее трагедии в духе некоей извечной, вневременной трагедии «пола».

жин> и Князь у трупа. Final» — автор написал в знак своего удовлетворения новым творческим открытием: «*Недурно*».

В вышеупомянутом письме к Майкову Достоевский делился своими опасениями: «...работа меня измучила и истощила. Вот уж год почти, как я пишу по 3½ листа каждый месяц, — это тяжело. Кроме того, — нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это было всегда необходимо. Наконец, если Вы хвалите мысль моего романа, то до сих пор исполнение его было не блестящее. Мучает меня очень, что, напиши я роман вперед, в год, а потом месяца два-три переписки и поправки, и не то бы вышло, отвечаю» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 320). Напечатав начало четвертой части (I—IV главы) в ноябре, Достоевский мечтал завершить ее до конца года. Поэтому он просил М. Н. Каткова задержать выход декабрьской книжки журнала. «Последние главы, — извещал он из Флоренции С. А. Иванову 25 января (6 февраля) 1869 г., — я писал день и ночь, с тоской и беспокойством ужаснейшим. Я написал перед этим за месяц в „Русский вестник“, что если он, с 12-й книжкой, согласится несколько опоздать, то всё будет кончено. Срок присылки последней строчки я назначил 15 генв<аря> нашего стиля и поклялся в этом. И что ж? последовали 2 припадка и я все-таки на 10 дней опоздал против назначенного последнего срока: должно быть, только сегодня, 25 генваря, пришли в Редакцию последние 2 главы романа» (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 9—10). В результате в декабрьском номере журнала появились только три главы (V—VII). К оглавлению этого (78) тома «Русского вестника» редакцией было присоединено объявление: «Последние листы этой книжки, которые будут заключать в себе окончание романа „Идиот“, будут в непродолжительном времени особо разосланы подписчикам „Русского вестника“ 1868 года, так как автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи». VIII—XI главы и заключение вышли в виде отдельного приложения одновременно с февральской книжкой «Русского вестника» за 1869 г. Особой напряженностью и срочностью работы над последней частью можно объяснить то, что в ней не получили развития некоторые мотивы, сохранявшиеся вплоть до последних записей в *ПМ*₂, в частности мотив: князь и дети, — впоследствии перенесенный в роман «Братья Карамазовы» (отношения Алеши и «мальчиков»).

В мае—июне 1869 г. через сестру жены М. Г. Сватковскую, А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова Достоевский вел переговоры с книгопродавцом А. Ф. Базуновым об отдельном издании «Идиота». Но Базунов купить право на издание «Идиота» за цену, установленную Достоевским, отказался, предложив взамен очень невыгодные для писателя условия выплаты процентов за проданные экземпляры (*Летопись*. Т. 2. С. 211—212). Поэтому переговоры с ним были прекращены (см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 15 (27) мая, 14 (26) августа и 17 (29) сентября 1869 г. (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 43—45, 51—52, 65), а также письмо Н. Н. Страхова к М. Г. Сватковской от 25 июня ст. ст. 1869 г., отрывки из которого, интересующие нас, опубликованы в изд.: *Д, Письма*. Т. 2. С. 456). Осенью и зимой 1869—

1870 г. право на отдельное издание «Идиота» хотел приобрести Ф. Т. Стелловский (*Летопись*. Т. 2. С. 218—233). Уже были разработаны пункты контракта, который должен был заключить со Стелловским по поручению Достоевского его пасынок П. А. Исаев. Однако и это издание сорвалось, по-видимому, из-за невыполнения Стелловским его прежних денежных обязательств в связи с переизданием «Преступления и наказания» (см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) октября, 27 октября (8 ноября) 1869 г., 25 марта (6 апреля) 1870 г. (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 70—71, 75—77, 116), П. А. Исаеву от 10 (22) декабря 1869 г., 10 (22) января 1870 г. (Там же. С. 82—87, 100), см. также: *Сб. Достоевский*, 1. С. 434—436). Достоевский писал В. М. и С. А. Ивановым из Дрездена 7 (19) мая 1870 г.: «Отсутствием моим из Петербурга я, например, совершенно запустил мои дела и даже преданных мне людей отвалил от себя (хоть «Идиот» и не удался, но за 2-е издание его несколько книгопродавцев готовы были дать и давали хоть и небольшие, сравнительно, деньги, но всё же значительные, полторы и две тысячи. И все завязывавшиеся дела лопнули, потому что некому их было вести)» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 123). Издать «Идиота» отдельной книгой Достоевскому удалось лишь по возвращении в Петербург, в начале 1874 г., когда А. Г. Достоевской было организовано собственное издательское дело (объявления о выходе романа см.: Г. 3, 4, 6, 8, 13, 17, 20, 23, 27, 29 и 30 января, № 3, 4, 6, 8, 13 и сл.).

Подготавливая отдельное издание «Идиота», Достоевский внимательно просмотрел его текст и произвел смысловую и стилистическую правку (причем некоторые авторские коррективы не попали в часть тиража). Из существенных поправок следует выделить замену слов князя о Настасье Филипповне «ведь она... сумасшедшая!» на «Ведь она... такая несчастная!». Слова Рогожина, обращенные к Мышкину, «жалко будет, парень» в отдельном издании были исправлены на «жалко будет, друг», а авторская характеристика повзрослевшего Коли Иволгина «человек деловой» — на «человек хороший». Кроме того, следует отметить два сокращения текста: первое относилось к мыслям князя насчет «ножа» и его тревожным догадкам перед покушением Рогожина, второе — к речи Мышкина в гостиной Епанчиных (см.: Варианты. С. 524, строка 27; с. 558, строка 23; с. 561, строка 31; с. 215, строка 9; с. 507, строки 26—27).

В окончательном тексте остались некоторые несоответствия, требующие особенной осторожности в принятии редакционных решений и нами не исправляемые.

В «статье» Келлера, о которой Ипполит Терентьев неодобрительно говорит: «...написал неприлично, согласен, написал безграмотно и слогом, которым пишут такие же, как и он, отставные» (8, 248), — появляется грамматическая неточность: «...этот едва вышедший из штиблет своего профессора миллионер не мог даже и того смекнуть, что не милости и не вспоможения просит от него благородный характер молодого человека, убивающий себя на уроках, а своего права и своего должно-

го...» (8, 244). Правильно было бы: «убивающего себя на уроках», так как причастие относится к словосочетанию «молодой человек», а не к существительному «характер». Однако в данном случае представляется необходимым оставить текст без исправления, имея в виду характеристику, данную слогу героя.

В соответствии с этой логикой — необходимостью учитывать особенности изображаемых в романе характеров — в тексте сохранены также «ошибки памяти» героев: например, когда генерал Иволгин называет отца князя Мышкина Николаем Петровичем и Львом Николаевичем (8, 90, 102); когда обидчик Настасьи Филипповны (из эпизода в Павловском воксале) назван разными героями по-разному — капитаном и поручиком Моловцовым (Келлер) и Курмышевым (Евгений Павлович) (8, 323, 331, 339). В романе, кроме того, обнаруживаются несоответствия в указании возраста героев: Коля Иволгин — «тринадцатилетний» и «пятнадцатилетний» (8, 85, 173); Ганя Иволгин — «лет двадцати восьми» и «двадцатисемилетний» (8, 23, 173). Возраст князя Мышкина в начале повествования не конкретизируется — «лет двадцати шести или двадцати семи» (8, 6), далее сам герой сообщает, что ему двадцать шесть лет (8, 26), а в «статье» Келлера говорится о «двадцатипятилетнем тунеядце» (8, 242). Имеется в виду период пребывания князя в Швейцарии, когда ему, с учетом этой хронологии, действительно могло еще не исполниться двадцать шесть лет. Однако в романе возникает фабульное несоответствие при упоминании возраста героя: в начале повествования князю Мышкину, по его словам, двадцать шесть; в главе IV третьей части романа речь идет о праздновании его дня рождения, т. е., исходя из сказанного, — двадцатисемилетия, однако в главе VII четвертой части, уже по прошествии дня рождения, герой говорит о себе: «Мне двадцать седьмой год, а ведь я знаю, что я как ребенок» (8, 506).

В речи Лебедева в сцене сжигания денег на дне рождения Настасьи Филипповны: «Повели мне в камин: весь влезу, всю голову свою седую в огонь вложу!.. Больная жена без ног, тринадцать человек детей — все сироты, отца схоронил на прошлой неделе, голодный сидит, Настасья Филипповна!!» (8, 161—162) — не ясно, к кому относятся слова «голодный сидит» (учитывая, что в предыдущей части предложения говорится об умершем отце героя, к которому последующее словосочетание относиться не может). В романе «отца схоронил» Рогожин, «сидит без ног» — мать Рогожина (Келлер так же характеризует мать Бурдовского: «страдающая», «болезненная», «без ног»). Однако реплика Лебедева относится не к ним. Из дальнейшего текста следует, со слов этого же героя, что жена его умерла в родах (что указывает на вероятность еще одного фактического несоответствия в повествовании). Возможно, в предложении есть пропуск авторского текста — ошибка, допущенная наборщиками в прижизненных изданиях, не замеченная и по понятным причинам (за неимением наборной рукописи романа) не исправленная в последующих научных изданиях произведения. Слова «голодный сидит» могут относиться к младенцу, о котором читатель несколько позже

узнает из характеристики семейства Лебедева: «Это собственный мой грудной ребенок, дочь Любовь, — обратился он к князю, — и рождена в законнейшем браке от новопреставленной Елены, жены моей, умершей в родах» (8, 178). При отсутствии наборной рукописи восполнить пропуск в указанном фрагменте текста не представляется возможным. В то же время есть вероятность иного истолкования этого эпизода: речь Лебедева может быть запутанной и логически бессвязной, так как является выражением его эмоций, вызванных поступком Настасьи Филипповны, и особенностей его характера. Так, например, истолковывает сцену норвежский исследователь Э. Эгеберг: «Излишне сказать, что разные сведения, представляемые господином Лебедевым, совершенно несоразмерны друг с другом. Но это обстоятельство, кажется, отнюдь не беспокоит Лебедева, ни здесь, ни позднее, когда он будет рассказывать истории, чья абсурдность, чаще всего с неким гротескным привкусом, до того очевидна, что они воспринимаются как провокации».¹

В финальной части романа передается «анекдот» о князе Мышкине, т. е. слухи, которыми обросла история его отношений с Аглаей и Настасьей Филипповной: «Правда, множество вещей оставались неразъясненными: рассказывали, что бедная девушка до того любила своего жениха, по некоторым — „обольстителя“, что прибежала к нему на другой же день, как он ее бросил и когда он сидел у своей любовницы; другие уверяли, напротив, что она им же была нарочно завлечена к любовнице, единственно из нигилизма, то есть для срама и оскорбления» (8, 527). Обращает на себя внимание часть предложения «по некоторым — „обольстителя“», содержащая лексический пропуск. Вероятнее всего, подразумевалось: «по некоторым слухам — „обольстителя“», однако и в этом случае, за неимением наборной рукописи, мы не вправе изменять текст. У автора могло быть и иначе — «сообщениям», «сведениям», «мнениям». Кроме того, здесь возможны влияние разговорной речи и субстантивация местоименного прилагательного, когда «по некоторым» означает субъект действия (ср. «по мне» в значении «по моему мнению»): при таком истолковании в тексте нет пропуска как ошибки набора.

Необходимо также пояснить причины, по которым сохранен вариант прижизненных изданий в эпизоде цитирования и толкования героями пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» (8, 230—232). Известны следующие издательские решения этого текстологического случая. В прижизненных изданиях: А. Н. Б. (речь Аглаи), А. Н. Д. (попытка Коли Иволгина поправить Аглаю), А. М. Д. (из пушкинского текста), А. Н. Д. (несобственно-прямая речь, размышления князя Мышкина). А. Г. Достоевская исправила первопечатный

¹ Эгеберг Э. Правда и ложь в романе Достоевского «Идиот» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М-лы Международной конференции, состоявшейся в Университете Тиба (Япония) 22—25 августа 2000 года / Сост. Т. Киносита; ред. К. А. Степанян. М., 2002. С. 492.

текст в последнем случае (мысленная реплика князя), вероятно, посчитав, что аббревиатура А. Н. Д. содержит ошибку набора (соответственно, изменила А. Н. Д. на А. М. Д., ориентируясь на пушкинский текст и при этом используя кириллицу) (1882. Т. 7. С. 251).¹ В собрании сочинений, подготовленном Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым, повторен вариант прижизненных изданий со следующим пояснением: «В тексте романа есть некоторое противоречие с текстом приводимого в цитате стихотворения Пушкина. В то время как в стихотворении упоминаются инициалы А. М. Д., в тексте они дважды цитируются А. Н. Д. <...>. В настоящем издании это противоречие осталось неустранимым, т. к. устранение его было бы связано с изменением инициалов, которые первоначально Аглая подставила на место пушкинских <...>» (1926. Т. 6. С. 558). В *Акад. ПСС* внесено исправление в последнем случае использования аббревиатуры — в размышлении князя Мышкина: «Стр. 209, строки 41—42: „переменить буквы А. М. Д. в буквы Н. Ф. Б.“ вместо „переменить буквы А. Н. Д. в буквы Н. Ф. Б.“ (опечатка во всех источниках)» (Т. 9. С. 335). При этом неточно процитированы прижизненные издания «Идиота»: в них не используется латинское D в аббревиатуре А. Н. Д. В собрании сочинений под редакцией Т. А. Касаткиной сохранен вариант прижизненных изданий и подчеркивается, что «девиз „АНД“ вовсе не бессмыслен. Если „AMD“ значит „Ave Mater Dei“ („Радуйся, Матерь Божия“), то „AND“ — „Ave Notre Dame“ — „Радуйся, Госпожа“ (французское; то же, что итальянское Madonna) — именование Богородицы, наиболее характерное как раз для эпохи рыцарства, с чем связан целый ряд смыслов романа <...>. И, очевидно, Достоевский помнил девиз (или девиз был нужен ему) именно в таком виде» (2003. Т. 4. С. 7; ср.: Фомичев С. А. Стихотворение о рыцаре бедном: (Текстологические уточнения к академическим изданиям А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского) // *Sub specie tolerantiae*. С. 384). Петрозаводское издание следует решению, предложенному А. Г. Достоевской, представляя обоснование правки текста (1995. Т. 8. С. 718—722).

Полная расшифровка пушкинской аббревиатуры А. М. Д. (Ave, Mater Dei) имеется в автографе, еще не опубликованном в период появления романа «Идиот» (см.: *Пушкин*. Т. 3. Кн. 2. С. 732, 1182). С. А. Фомичев предположил, что «писатель обозначил (перед чтением Аглаи) стихотворение лишь первой строкой, предлагая воспроизвести при первой публикации произведения в журнале „Русский вестник“ поэтический текст по одному из пушкинских изданий» (Фомичев С. А. Стихотворение о рыцаре бедном. С. 384). Действительно, обычной практикой в работе Достоевского над текстом (на что, в частности, указывают наборные рукописи его произведений) было цитирование стихотворений и газетных выдержек с помощью наборщиков: в таком слу-

¹ См. также: Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: Изд-е шестое. СПб., 1904. Т. 7: Идиот. Роман в четырех частях. С. 245.

чае в рукописи Достоевский, как правило, указывал начальную строку интересовавшего его источника, предоставляя сотруднику типографии возможность самостоятельно процитировать (набрать) необходимый текст. Судя по тому, что в прижизненных изданиях романа аббревиатура дана кириллицей и лишь в цитировании пушкинского стихотворения появляется латиница, в данном случае дело обстояло именно так: наборщик работал самостоятельно, а автор не сверял характер оформления аббревиатуры в речи своих героев и в пушкинском тексте. В результате возник разнобой и появилось неточное (вследствие авторской описки (?) или воспроизведения по памяти) А. Н. Д. вместо исходных А. М. Д. или А. М. D. (так, вариантно, выглядит аббревиатура в изданиях пушкинского стихотворения¹). Достоевский, не сверяясь детально с источником цитаты, мог не помнить точный вид аббревиатуры и расшифровывать ее по-своему. Характеристика, данная аббревиатуре Аглаей: «какой-то темный, недоговоренный девиз», — едва ли указывает на непонимание самим писателем смысла пушкинских строк. Черновой текст романа свидетельствует о том, что для Достоевского имела значение их религиозная направленность (которая очевидна и без расшифровки спорной аббревиатуры — из общего содержания стихотворения). В черновиках к «Идиоту» Аглая говорит о рыцарской любви к идеалу, «обожании чистой красоты», и приводит строку, «содержащую эмблему Богоматери» («Да и кто ж после того может быть: *Lumen coeli, Sancta Rosa*» — с. 284) (Соломина-Минихен, 2016. С. 80). Полный текст пушкинского стихотворения мог быть известен Достоевскому несмотря на то, что не был опубликован во времена «Идиота». Одна стихотворная строфа («Путешествуя в Женеву / Он увидел у креста / На пути Марию Деву, / Матерь Господа Христа») воспроизведена в статье М. Л. Михайлова «Уважение к женщинам», опубликованной в журнале «Современник» в 1866 г. (см. ниже, с. 586—587). Н. Н. Соломина-Минихен указала на то, что эту строфу «Достоевский — явно по памяти и для памяти — внес позднее в записную тетрадь 1880—1881 годов, в раздел „Слова, словечки и выражения“, начатый 17 августа 1880 года» (Соломина-Минихен, 2016. С. 82; см. также: Боград. С. 158); в автографе: «Подъезжая под Женеву, / У подножия креста / Встретил <над строкой вариант: Видел> он Святую деву, / Матерь Господа Христа» (Акад. ПСС. Т. 27. С. 44). Кроме того, по предположению Г. Л. Боград, Достоевский «и до статьи Михайлова мог знать не опубликованный к тому времени вариант стихотворения Пушкина непосредственно от сестры поэта», О. С. Павлищевой, бывшей замужем за Н. И. Павлищевым (фамилию которого получил покрови-

¹ Аббревиатура на латинице появляется в Собрании сочинений Пушкина, изданном в 1859—1860 гг. Я. А. Исаковым под редакцией Г. Н. Геннади (Крапивин Г. Н. История одной мнимой «опечатки»: А. Н. Д., А. М. Д. или А. М. D.? // *Достоевский и мировая культура*. № 32. С. 284).

Вследствие разговора о рыцаре бедном
 объяснение с Аглаей об Н. Ф.
 Насмешка Аглаи
 — вместо А. Н. <Д. или Б. > Н. Ф. Б., „вас мамаша бедным рыцарем называет“» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 63).
 В Академ. ПСС первая аббревиатура прочитана как «А. Н. Д.» (Т. 9. С. 265). В петрозаводском издании — как «А. Н. Б.» (1995. Т. 8. С. 720). Последняя буква в аббревиатуре прочитывается вариантно в зависимости от того, как интерпретируется линия над буквой: как часть авторского знака, разделяющего записи (в таком случае в аб-

Богданович
 Богданович,

Деревянный Дано

Различия в написании букв «Б» и «Д».

тель главного героя романа «Идиот») и в 1863 г. проживавшей в Павловске по соседству с братом писателя М. М. Достоевским (Боград. С. 153—154).

Вариант, возникающий в речи Коли Иволгина и в несобственно-прямой речи князя Мышкина, а также подразумеваемый, но не использованный Аглаей (которая, произнося «девиз» как А. Н. Б. и Н. Ф. Б., перефразирует его ради иронического намека на Настасью Филипповну), — тот, каким, возможно, его воспроизвел в наборной рукописи сам автор: «А. Н. Д.».

Сохранился черновой набросок к роману, в котором упоминается сокращение, но запись содержит правку, затрудняющую восприятие написанного. Текст наброска исследователи прочитывают двояко:

«Вследствие разговора о рыцаре бедном объяснение с Аглаей об Н <астасье> Ф <илипповне>».

Насмешка Аглаи
 — вместо А. Н. <Д. или Б. > Н. Ф. Б., „вас мамаша бедным рыцарем называет“» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 63).

В Акад. ПСС первая аббревиатура прочитана как «А. Н. Д.» (Т. 9. С. 265). В петрозаводском издании — как «А. Н. Б.» (1995. Т. 8. С. 720). Последняя буква в аббревиатуре прочитывается вариантно в зависимости от того, как интерпретируется линия над буквой: как часть авторского знака, разделяющего записи (в таком случае в аб-

бrevиатуре буква «Д»), или как часть буквенного начертания (тогда в аббревиатуре «Б»). Вариант «А. Н. Д.» вызывает больше сомнений, так как в почерке писателя буква «Д» имела иное начертание, тогда как «Б» встречается на других страницах рукописей «Идиота» именно в таком графическом облике, как в данном наброске. В черновике, вероятнее всего, подразумеваются варианты, использованные Аглаей и в окончательном тексте, так как она действительно при цитировании Пушкина произносит вместо первоначально ею названного в диалоге с Колей «А. Н. Б.» более прозрачное по смыслу «Н. Ф. Б.».

В печатном тексте в речи героев, как указано, дважды появляется вариант «А. Н. Д.», который восходит, вероятно, к наборной рукописи. А. Г. Достоевская справедливо отметила ошибочность этого варианта по отношению к пушкинскому тексту, однако если предполагать, что у Достоевского это написание не случайно и аббревиатура могла иметь собственно авторскую расшифровку, то, руководствуясь теми же соображениями, что и в случае с «ошибками памяти» героев или автора романа, нет оснований изменять текст, тем более что такое решение нельзя подтвердить достоверным фактическим материалом из рукописных источников.

6

Многokrатно отмечалось, что в образ главного героя романа вложено много лично пережитого, в той или иной мере автобиографического (см. об этом: *Гроссман, Семинарий*. С. 58—60; *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 275, 416 и др.).

Мышкин — сын захудалого дворянина, армейского подпоручика и дочери московского купца, и в этом есть нечто родственное происхождению Достоевского. Мышкина писатель наделил своей тяжелой нервной болезнью — эпилепсией. Состояние князя перед припадком соответствует тому, что, по рассказам Достоевского, испытывал он сам в подобные минуты (см.: *Биография*. С. 213—214; *Ковалевская, 1974*. С. 76).

Писатель дал своему герою «имя историческое»: князь — потомок старинного рода, один из представителей которого действительно упоминается, как утверждает «всезнающий» Лебедев (8, 9), в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина: повествуя о постройке Успенского собора в Москве, Карамзин говорит, что заложили его 30 апреля 1471 г. и «главные архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин».¹ В ДП за 1873 г. («Одна из современных фальшей») До-

¹ *Карамзин Н. М. История Государства Российского*: В 12 т. М., 1998. Т. 6. С. 47, а также «Примечания». С. 244, № 101. Образ «неудачника-строителя храма Богородицы» рассматривается в связи с романной проблематикой (см.: *Федоров, 2004*. С. 346, 365—366), в частности с темой «спасения» Мышкиным двух «падших дев» — Мари и Настасьи Филипповны (2003. Т. 4. С. 606—607). См. также: *Кравчин Г. Н.*

стоевский вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (*Акад. ЛСС. Т. 21. С. 134*).¹

С юности запала в душу писателя и цитируемая в романе генералом Иволгиным строка из «Эпитафий» Карамзина (1792): «Покойся, милый прах, до радостного утра!» (ср.: 8, 454). В 1837 г. слова эти, по желанию М. М. и Ф. М. Достоевских, были высечены на памятнике, установленном на могиле их матери (*Летопись. Т. 1. С. 36; Хроника рода Достоевских, 2013. С. 182, 979, 980*).

Высказывалось предположение, что некоторыми внешними чертами образ князя обязан одному из характерных лиц эпохи 1860-х годов, графу Г. А. Кушелеву-Безбородко (1832—1870) (*Назирова, 2010. С. 234—243*), с 1859 г. издававшему журнал «Русское слово», где появился «Дядюшкин сон» (1859, № 3), а позднее была помещена рецензия Кушелева-Безбородко на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» (*РСЛ. 1861. № 9. С. 35—49*). Граф был широко известен в литературной среде, и Достоевский несомненно слышал о нем от друзей и знакомых — в частности, от Ап. Григорьева, который бывал на приемах у Кушелева-Безбородко, как и его приятель, поэт Л. А. Мей, посвящавший графу свои стихи.

«Последний в роде», граф в 1855 г., по смерти отца, стал обладателем большого наследства и много занимался благотворительностью. Подобно Мышкину он страдал тяжелым недугом — пляской святого Витта (хореей). В городском доме Кушелева и его загородном доме в Полюстрове собиралось самое пестрое общество. Современники считали его чудачком, «полоумным». Женильба графа на «красивой авантюристке» Л. И. Кроль могла стать для Достоевского одним из импульсов при разработке истории отношений Мышкина с Настасьей Филипповной.² Во второй части романа сходство между героем и Кушеле-

Штрихи к портрету «главного» героя // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы. 14—18 декабря 2012 г. М., 2014. С. 396. П. Н. Сакулин, однако, считал, что фамилия главного героя была подсказана Достоевскому газетным сообщением «об убийстве мещанина Суслова крестьянином Ярославской губернии, Мышкинского уезда, Балабановым...» (см.: *Сакулин, Бельчиков. С. 188*); об отражении этого эпизода в романе см. с. 545—546.

¹ По свидетельству П. П. Семенова-Тян-Шанского, писатель «„Историю“ Карамзина знал почти наизусть» (см.: *Семенов-Тян-Шанский П. П. Из „Мемуаров“. Из тома 1 — „Детство и юность (1827—1855 гг.)“ // Достоевский в воспоминаниях, 1990. С. 298*).

² Подтверждением этого предположения Р. Г. Назирова служит реплика одного из героев неосуществленного замысла Достоевского «Весенняя любовь» (1859—1860): «Ведь женился же прошлого года граф К. на Бог знает ком» (3, 498, 664).

вым-Безбородко ослабевают. По верному замечанию исследователя, реальный образ Кушелева был «слишком мелок для той грандиозной идеи, к которой романист пришел в ходе творческой работы» (см.: Назиров, 2010. С. 241).

В качестве одного из возможных прототипов Мышкина называют также князя В. Ф. Одоевского; на это указывает ряд биографических деталей и особенностей характера последнего. Следует выделить отношение Одоевского к родовому дворянству, воспитанию детей (одна из поездок князя в Швейцарию была посвящена именно педагогике), католицизму. Одоевский был известен как отзывчивый, деликатный и сострадательный человек, и есть основания предполагать, что его фигура могла повлиять на замысел о «положительно прекрасном человеке».¹

Несомненное отражение получили в романе впечатления от знакомства Достоевского с А. В. Корвин-Круковской (в замужестве Жаклар; 1843—1887), ее отцом, генералом (как и Епанчин), матерью Елизаветой Федоровной (урожд. Шуберт; 1820—1879) и сестрой С. В. Ковалевской (1850—1891), впоследствии знаменитым математиком.² В журнале «Эпоха» были опубликованы два сочинения А. В. Корвин-Круковской за подписью Ю. О—в: рассказ «Сон» (1864. № 8. С. 1—24) и повесть «Михаил» (1864. № 9. С. 1—58). Между автором и редактором журнала завязалась переписка.

В феврале 1865 г. Анна Васильевна сообщала Достоевскому, что приехала с матерью и сестрой на зиму в Петербург (из Палибина, родового поместья ее отца в Витебской губернии), и приглашала писателя посетить их (*Летопись*. Т. 2. С. 16). В начале марта состоялась первая встреча ее с Достоевским.³ В «Воспоминаниях детства» С. В. Ковалевская подробно рассказывает о дружеском отношении писателя к ее семье. Многими чертами оно напоминает отношения Мышкина с семейством Епанчиных. Всё, связанное с Достоевским, необычайно остро

¹ Подробнее см.: Левина Л. А. Князь Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина // *Д, Материалы и исследования*. Т. 14. С. 139—152. См., кроме того: Батталова А. Н. Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013; Викторович В. А. Нефантастичность «фантастичного „Идиота“» // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 1. С. 3—19. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf

² Впервые вопрос этот был затронут в работах: Carr E. H. Dostoevsky. 1821—1881: A New Biography. London, 1931. P. 114, 125—131, 134 и др.; Шмелев, О Достоевском. С. 587; ср.: Фридендер. С. 227; Назиров, 2010. С. 244—245.

³ Ср.: «По приезде в Петербург Анята тотчас написала Достоевскому и попросила его бывать у нас» (Ковалевская, 1974. С. 73) — и письмо А. В. Корвин-Круковской к Достоевскому от 28 февраля 1865 г. (Ковалевская, 1961. С. 329).

переживалось С. В. Ковалевской, тогда тринадцатилетней девочкой, влюбленной в писателя; поэтому ее рассказ ярок и достоверен. Достоевский «стал совершенно своим человеком у нас в доме», — пишет она и прибавляет: «Общих разговоров Федор Михайлович терпеть не мог; он говорил только монологами и то лишь под условием, чтобы все присутствующие были ему симпатичны и слушали его с напряженным вниманием. Зато, если это условие было выполнено, он мог говорить так хорошо, картинно и рельефно, как никто другой, кого я ни слышала» (Ковалевская, 1974. С. 75).

В сходной обстановке произносит Мышкин свои монологи о смертной казни, рассказывает о Мари. Софья Васильевна «живо» помнила, как рассказ писателя о пережитых им минутах ожидания смертной казни звучал в их гостиной (Там же). На Елизавету Федоровну и ее дочерей подобные монологи производили сильнейшее впечатление: «Мы все сидели, как намагнетизированные, совсем под обаянием его слов» (Там же. С. 76; ср.: 8, 57—73).

Е. Ф. Корвин-Круковская и Достоевский стали «отличными друзьями», но между ними — так же как между Елизаветой Прокофьевной и Мышкиным — случались бурные размолвки, кончавшиеся примирением и прежней симпатией (Ковалевская, 1974. С. 77—80). Примечательно, что в характере матери С. В. Ковалевская выделяет бесконечную доброту, детскость и настойчивость «избалованного ребенка, который вправе желать и неразумного» (Там же. С. 35; ср.: 8, 73).

Значительно сходство между Аглаей Епанчиной и А. В. (Анютой) Корвин-Круковской. В 1865 г. ей шел 22-й год и «она могла называться почти писаной красавицей» (Ковалевская, 1974. С. 50). Положение Анюты в семье — атмосфера всеобщего «обожания», «непомерного восхищения» — совпадает с отношением Епанчиных к Аглае, «сокровищу» и «идолу» всего дома. Из рассказов Елизаветы Федоровны (беседы с нею происходили иногда и в отсутствие старшей дочери) и из разговоров с самой Анной Васильевной влюбленный в нее «с первой минуты» писатель не мог не услышать о некоторых чертах жизни Корвин-Круковских в Палибине — это отразилось и в черновиках, и в окончательном тексте «Идиота». Подобно Аглае Анна Васильевна была девушкой своевольной, не признававшей над собой «никакого начала», остроумной, а часто и «дерзкой», злой на язык. Томясь жизнью без «дела и веселья», она постепенно отошла от интересов генеральского семейства. Острую неудовлетворенность вызывало у нее домашнее воспитание (Там же. С. 49—51, 84, 12); Аглая также говорит о себе, что ни в каком заведении не училась, «всё дома сидела, закупоренная как в бутылке» (8, 397).

Анна Васильевна прочла множество книг; особенные старания прилагались ею к тому, чтобы доставать и книги запрещенные. Стремясь приносить хоть какую-нибудь пользу, девушка взялась за обучение грамоте дворовых мальчишек. Гувернантка, с которой Анюта была в постоянной вражде, подозревала ее в том, что она тайно убежит из дому

(Ковалевская, 1974. С. 60—61; ср.: 8, 395—396 — разговор Аглаи с Мышкиным о ее решении бежать из дому, о том, что она хочет в Париже учиться и «очень много книг прочла», «все запрещенные книги прочла», о том, что она мечтает «заняться воспитанием» и «пользу приносить»; см. также: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 31).

Одной из частых тем разговоров писателя с А. В. Корвин-Круковской была поэзия Пушкина. В черновиках к роману, упомянув пушкинский образ «рыцаря бедного», Достоевский записал: «Аглая о нем с Князем». Вполне вероятно, что подобный разговор о пушкинском «серьезном Дон-Кихоте» имел место между Достоевским и Анной Васильевной. В «Воспоминаниях детства» описывается «рыцарский период» в жизни Аняты, когда она прочла «неимоверное количество» старых английских романов о Средневековье и «с ней повторилось то же самое, что за много веков перед тем было с бедным Дон-Кихотом: она уверовала в рыцарей и самое себя вообразила средневековой барышней» (Ковалевская, 1974. С. 51).

По воспоминаниям жены писателя, Анна Васильевна была невестой Достоевского, но он вернул ей слово (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, 2015. С. 146). По словам же С. В. Ковалевской, в начале знакомства Анне Васильевне казалось, что и она, «может быть», полюбит писателя: она «готова была отказаться от всякого удовольствия, от всякого приглашения в те дни, когда ждала к нам Достоевского, и, если он был в комнате, ни на кого другого не обращала внимания» (Ковалевская, 1974. С. 88, 80; ср.: 8, 475). Позднее в отношениях наступил перелом: у Анны Васильевны «явилось даже желание противоречить ему, дразнить его» (Ковалевская, 1974. С. 80), — эта особенность почти постоянна в отношении к Мышкину Аглаи, которая непрерывно «подымает на зубок» влюбленного в нее князя. Эпизод четвертой части романа (вечер у Епанчиных) многими чертами напоминает подлинное событие — прощальный вечер, устроенный Корвин-Круковскими перед отъездом из Петербурга весной 1865 г. У них собралось разношерстное общество и ясно сказалось покровительственное отношение присутствовавших к генеральше Елизавете Федоровне. Достоевский был в числе приглашенных и держался очень неловко, резко выделяясь своей «несветскостью», шокируя присутствующих неуместными высказываниями (Там же. С. 77—80).

По мнению Р. Г. Назирова, намерение Достоевского сделать женом Аглаи Кавалергарда или Флигель-адъютанта (в черновиках — Иончек—Вельмончек, Евгений Павлович, в печатном тексте — Евгений Павлович Радомский)¹ зародилось под впечатлением воспоминаний об одном из драматических эпизодов этого вечера: ревность писателя и

¹ Высказана гипотеза, что прототипом Евгения Павловича Радомского был Н. Н. Страхов (обоснование ее см. в статье: *Кирпотин В. Я. Достоевский, Страхов — и Евгений Павлович Радомский // Кирпотин. Мир Достоевского*, 1983. С. 129—145).

почти «скандал» вызвали ухаживания за Анной Васильевной молодого блестящего офицера, полковника Генерального штаба, А. И. Косича (см. об этом подробно: *Ковалевская, 1974. С. 79, 517; Назиров, 2010. С. 246—247*).

«— Родной дядя Вельмончек<а> Политк<овский>», — написал Достоевский в черновиках романа (см. с. 296). Таким образом, прототипом родственника Евгения Павловича Радомского, как установил Назиров, явилось реальное лицо — Александр Гаврилович Политковский, который в царствование Николая I возглавлял Комитет 18 августа 1814 года, или Комитет о раненых. Жил он на широкую ногу, удивляя столицу роскошью, и действительно был «повадливый старикашкой», как отзывался генерал Епанчин о дядюшке Радомского. 1 февраля 1853 г. Политковский покончил с собой. Назначенная императором ревизия обнаружила растрату огромной суммы (миллион сто тысяч рублей) из вверенного Политковскому инвалидного капитала. Подобно Политковскому дядя Евгения Павловича Радомского покончил самоубийством, предвидя неминуемое разоблачение (в черновиках, буквально следуя действительности, писатель намечал и самоубийство-отравление — см. с. 293, 296; *Назиров, 2010. С. 246—247*).

В ПМ₂ есть запись: «— Аделаида — немая любовь» (см. с. 267). Это упоминание ассоциируется с безмолвной любовью к писателю Софьи Ковалевской: «Я восхищалась им с каждым днем всё более и более, — писала она, — и совершенно подчинилась его влиянию. Он, разумеется, замечал мое беспредельное поклонение себе, и оно ему было приятно» (*Ковалевская, 1974. С. 81*). В окончательном тексте романа чувством затаенной любви к князю наделена не Аделаида, а Вера Лебедева.

Одна из преобладающих черт Аглаи — стыдливость (см. с. 313). «Воспоминания детства» дают основание предполагать, что этой чертой героиня Достоевского обязана отчасти С. В. Ковалевской. О своей «внутренней стыдливости», перераставшей в «дикость» и резко контрастировавшей со светскостью, а подчас и дерзкой свободой манер сестры, она упоминает в мемуарах не однажды (*Ковалевская, 1974. С. 12, 33—34*).

Следует отметить, что Достоевский встречался с А. В. Корвин-Круковской также и в Павловске, где она гостила у своего родственника архитектора А. П. Брюллова.¹ Маршрут Петербург—Павловск был вообще привычным для писателя: в Павловске обычно проводила лето семья его брата Михаила Михайловича. Здесь жил и приятель Достоевского А. П. Милуков. В 1836 г. между Петербургом и Павловском была проложена первая в России железная дорога (это новое средство передвижения бранит в романе генералша Епан-

¹ См. об этом: *Штрайх С. Я. Семья Ковалевских. [Л.,] 1948. С. 127, и письмо Достоевского к А. В. Корвин-Круковской от 17 июня 1866 г. (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 159—160).*

чина — 8, 470). Администрация дороги устраивала с мая по сентябрь в здании «музыкального воксала», построенном в 1836—1838 гг. (по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера), бесплатные симфонические концерты с участием лучших русских и зарубежных дирижеров (здесь дирижировал, в частности, И. Штраус). На одном из них 10 июня 1862 г. произошел скандальный инцидент, о котором писатель мог знать по слухам (7 июня он уехал за границу — Гроссман, *Жизнь и труды*. С. 114). Намечая в *ПМ*₂ конфликт между Флигель-адъютантом и князем, Достоевский записал: «В 5-й части скандал Князя должен быть слишком крупен. Публичное оскорбление (жена Ч<ернышевско>го). Объяснение Князя. Флигель-Адъютан<т>, почти дуэль» (см. с. 279). В окончательном тексте приведенной записи соответствует сцена публичного оскорбления Настасьи Филипповны офицером — приятелем Радомского. Написана она, как установил Назиров, в значительной мере по аналогии с подлинным происшествием, о котором в отчете III Отделения за 1862 г. сообщалось: «В Павловске 10 июня при выходе из вокзала адъютант Образцового кавалерийского эскадрона ротмистр лейб-гвардии уланского полка Любецкий, приняв по ошибке двух дам за женщин вольного обращения, оскорбил их. Бывшие при них четыре студента окружили Любецкого и, угрожая ему мщением, объявили, что одна из этих дам — жена литератора Чернышевского, а другая — сестра ее. Любецкий через родственников их и полицеймейстера просил извинения, но муж Чернышевской <...> домогался отдать дело на суд общества офицеров» (см.: Назиров, 2010. С. 248; Чернышевский. Т. 14. С. 451—453, 833).

В письме к А. Н. Майкову от 21—22 марта (2—3 апреля) 1868 г., настаивая на «совершенной верности характера Настасьи Филипповны», Достоевский говорит о том, что «многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты, н<а>п<ример> генерал Иволгин, Коля» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 283). Это свидетельство писателя ныне находит подтверждение. Занимаясь изучением московских «реалий» «Идиота», Г. А. Федоров установил, что на Ваганьковском кладбище, которое упоминается в романе, существовала могила «статской советницы Настасьи Филипповны Рогожиной, супруги управляющего (с 1819 г.) московской конторы Государственного Коммерческого банка» (Федоров, 2004. С. 300, 330). По его же мнению, в судьбе Настасьи Филипповны, в ее отношениях с Тоцким и Рогожиным нашли отражение факты из жизни М. П. Куманиной (урожд. Веденисовой). Ранние годы ее жизни прошли в имении Отрада (ср. с помещьем в «сельце Отрадное», где росла Настасья Филипповна). Веденисова тоже была сиротой и воспитывалась в доме своего опекуна В. А. Куманина (он был братом дяди Достоевского и, вероятно, послужил прототипом Тоцкого). Опекун впоследствии выдал ее за своего племянника К. К. Куманина. До развода с ним Веденисова жила в мрачном купеческом доме, напоминавшем рогожинский. Муж Веденисовой мог явиться в какой-то мере прототипом Рогожина (последняя фамилия вошла в роман как

«живая купеческая») (см. подробнее: Федоров, 2004. С. 301—303, 305—308).

Можно полагать, что образ Ардалиона Александровича Иволгина «в существенных чертах характера близок к реальному прототипу» — Ф. Л. Холчинскому, деду Е. А. Штакеншнейдер. Достоевский бывал в доме архитектора Штакеншнейдера уже в 1860 г., после возвращения в Петербург, и мог часто видеть и слышать Федора Лаврентьевича (умер Холчинский 7 января 1861 г. н. ст.). Из фактов биографии «статского генерала», «несравненного рассказчика», особенно важна увлеченность фигурой Наполеона: «Еще в молодости он перевел с немецкого книгу „Наполеон Бонапарте и народ французской“ (СПб., 1806. Ч. 1—2) и с французского — сочинение генерала А.-А. Жомини „Рассуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона“ (СПб., 1809—1817. Ч. 1—8). <...> Это был типичный для николаевской эпохи романтик войны, воинственный обыватель, в мечтах своих влияющий на судьбы царств. На старости лет этот человек с его претензией на участие в истории должен был выглядеть несколько комичным. Нам кажется, — пишет исследователь, — острый взор Достоевского улавливал эту комическую сторону необыкновенных историй Федора Лаврентьевича <...>» (Назирова, 2010. С. 284—286). У Холчинского был внук, Коля Штакеншнейдер (брат мемуаристки) — «любопытный и живой подросток, друживший с Всеволодом Крестовским, тогда еще студентом, как в романе „Идиот“ Коля Иволгин дружит с Ипполитом Терентьевым» (Там же. С. 286). Назирова справедливо подчеркивает, что приведенные выше слова Достоевского о «портретности» этих персонажей не следует понимать буквально. Создавая образ генерала Иволгина, «писатель по-своему отобрал и сгустил черты реального лица; гиперболизировал его страсть к рассказыванию удивительных историй, дополнил его нравственный облик старческой клеptomанией и даже наделил содержанием» (Там же. С. 287).

Живя за границей, Достоевский в письмах не раз высказывал опасение, что утрачивает связь с родиной. Он часто жаловался своим корреспондентам на то, что вне России «положительно не работает». «Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься», — признавался он А. Н. Майкову в письме от 16 (28) августа 1867 г. (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 205, 204). Поэтому с особенным вниманием Достоевский читал в этот период русские газеты. «В каждом номере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных, — писал он из Флоренции по окончании «Идиота». — Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они факты» (см. письмо к Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. — Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 19). Газетный материал, «разъясненный», «углубленный», а иногда значительно трансформированный Достоевским, и стал тем живым, реальным фоном, на котором разворачиваются события романа. Как установила В. С. Дороватовская-Любимова, факты, перенесенные

в роман из прессы (чаще всего из уголовной хроники), всегда точно приурочивались писателем к тому времени, когда они обсуждались в печати. Это «сообщало характер правдоподобия, давало иллюзию действительного события роману Достоевского, что, вероятно, особенно ощущалось современниками, одновременно читавшими о тех же злободневных событиях в газетах и на страницах романа». Одна из проблем, занимавшая автора, — «князь Мышкин среди Мазуриных, Горских, Даниловых, Балабановых, Ласенеров», «нравственная борьба между Мышкиным и героями газетных хроник» (*Дороватовская-Любимова, 2011. С. 224, 223*).

Образ Рогожина был задуман Достоевским, как выяснила В. С. Дороватовская-Любимова, после ознакомления с судебным делом московского купца В. Ф. Мазурина, убившего ювелира И. И. Калмыкова.¹ Первые сообщения об этом убийстве были напечатаны в столичных газетах еще в марте 1867 г., до отъезда писателя за границу. Вслед за ними в течение месяца в прессе появлялись новые сведения о подробностях преступления. Суд над Мазуриным состоялся в ноябре 1867 г. 26 и 27 ноября отчет о процессе был опубликован в «Московских ве-

¹ Р. Г. Назиров назвал «одним из действительных истоков образа Рогожина» «документальные» записки «Листки из памятной книжки» А. П. Милюкова, которые до отдельного издания (*Доброе старое время: Очерки былого*). СПб., 1872) печатались в журналах Достоевского «Время» и «Эпоха» (*Вр. 1863. № 2. С. 272—286; Э. 1864. № 1—2. С. 351—366; № 4. С. 103—120*). Следует, однако, учесть, что приводимый Назировым сюжет (см. далее) отсутствует в указанных журнальных публикациях и если и был известен Достоевскому к моменту создания романа «Идиот», то не из них. Милюков рассказывает, в частности, историю фабриканта К., «удивившего коммерческую Москву небывалым умением спускать миллионы»: «Всё воспитание этого молодого человека ограничилось тем, что его научили кое-как читать, писать и выкладывать на счетах. Не позволялось ему ни выходить из дому, ни заводить знакомств; о развлечениях и удовольствиях не было и речи. Говорили, что однажды отец беспощадно его высек и несколько дней продержал на хлебе и воде в пустом амбаре за то, что он как-то осмелится сходить с приказчиком в театр». Став по смерти отца обладателем «двенадцати или тринадцати миллионов», он «закружился в толпе импровизированных приятелей, цыганок и танцовщиц; полилось шампанское, загремели песельники, явились тройки и рысаки — и через три года москвичи прочли в „Ведомостях“, что купец К... за неплатеж гильдейского капитала выписывается в мещане». По рассказу Милюкова, отец К. был «настоящим патриархом всех московских гарпагонов» и в несколько лет «терпением и скупостью нажил более десяти миллионов. Скарედность его была баснословная» (см.: *Назиров, 2010. С. 289—290*; ср. со словами Мышкина о Рогожине: «...ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени <...> только деньги молча и сумрачно наживая» — 8, 196—197).

домостях» (№ 259, 260), а 29 и 30 ноября — в «Голосе» (№ 330, 331). Именно в эти дни Достоевский начал обдумывать новое развитие романного замысла (см. с. 464—465, 470, 490—491).

Мазурин (подобно Рогожину) принадлежал к известной купеческой семье, был «потомственным почетным гражданином», владельцем доставшегося ему от отца большого капитала. Дом Мазурина в Москве также «находился на людной, торговой улице» (на углу Мясницкой и Златоустинского переулка). После смерти отца дом «перешел во владение матери» (*Дороватовская-Любимова, 2011. С. 213*). Здесь-то 14 июня 1866 г. Мазурин совершил свое преступление и скрыл труп убитого. Калмыков был зарезан бритвой, крепко связанной бечевой, «чтоб бритва не шаталась и чтоб удобнее было ею действовать» (Г. 1867. № 64. С. 3). Вечером того же дня Мазурин накрыл труп купленной им американской клеенкой, а также поливал тело и место, где оно находилось, ждановской жидкостью (так называлась — по имени ее изобретателя Н. И. Жданова — жидкость, употреблявшаяся для дезинфекции и уничтожения зловония). В магазине купца, где было совершено убийство, полиция нашла также нож со следами крови, купленный, как утверждал Мазурин, «для домашнего употребления» (Г. 1867. № 66. С. 3). Как и герой Достоевского, он был приговорен к 15 годам каторги (*Дороватовская-Любимова, 2011. С. 212*).

Действие «Идиота» начинается в среду, 27 ноября 1867 г. Таким образом, по замыслу Достоевского, Настасья Филипповна прочла дело Мазурина в газетах за день до того, когда в жизнь ее вошли князь Мышкин и Рогожин (или утром того же дня). «В этот день в памяти ее запечатлелось и потом потянулось за ней на протяжении всего романа как постоянно сопутствующий ей мотив преступление Мазурина. Мрачный и скучный дом Рогожина <...> вызвал в ее воображении другой дом в Москве, в запертом нижнем этаже которого восемь месяцев лежал покрытый американской клеенкой труп, — и образ того убийцы слыл для нее с образом Рогожина. Н<астасья> Ф<илипповна> нарисована Достоевским так, что рядом с нею всегда возникают два видения — убийцы Рогожина и его первообраза — убийцы Мазурина» (см.: *Дороватовская-Любимова, 2011. С. 214; Г. 1867. № 64, 66, 68, 73; МВед. № 48, 49*).

Неоднократно упоминаются в романе и герои двух других уголовных процессов — В. Горский и А. Данилов. В «Голосе» от 10 марта 1868 г. (№ 70) было напечатано сообщение из Тамбова о том, что в доме купца Жемарина убито шесть человек: жена Жемарина, его мать, 11-летний сын, родственница, дворник и кухарка. Подробности преступления, раскрытые следствием, освещались в «Голосе» (№ 70, 84, 100, 122, 126, 128, 133). Информация об убитых в газетной хронике разнится, но, согласно итогам следствия, убито было семь человек: жена Жемарина, его мать, старший и младший сыновья, горничная, дворник, кухарка (Г. № 128. 9 мая. С. 3—4). Убийцей оказался 18-летний дворянин Витольд Горский — гимназист, дававший уроки сыну Жемариных. По отзывам учителей и товарищей, это был умный юноша, любивший чте-

ние и литературные занятия. Задумав преступление, Горский временно достал не совсем исправный пистолет и починил его у слесаря. По специально сделанному рисунку он заказал у кузнеца нечто вроде кистеня, объяснив, что подобный предмет необходим ему для гимнастики. Католик по вероисповеданию (он был поляком по национальности), Горский признал себя на суде неверующим. Достоевскому он казался характерным представителем той части молодежи, на которую «нигилистические» теории 1860-х годов имели, по убеждению писателя, отрицательное влияние. Жемарин на суде доказывал, что «преступление совершено Горским с политической целью», так как он «воспитывался под влиянием поляков» (Там же. С. 4). Но Жемарин не смог подтвердить этого обвинения, и суд отказался от выдвинутой им версии.

Сообщения о преступлении дворянина А. М. Данилова, 19-летнего студента Московского университета, появились в газетах в середине января 1866 г., в момент печатания начальных глав «Преступления и наказания»; газеты продолжали возвращаться к этому делу до середины 1868 г. (Г. 1866. № 22; 1867. № 24, 49, 52, 64, 66, 303; 1868. № 77, 110, 115 и др.). Данилов обвинялся в убийстве и ограблении ростовщика — отставного капитана Попова и его служанки Нордман. Суд над Даниловым состоялся 14 февраля 1867 г. Он был признан виновным и приговорен к 9 годам каторжных работ. За процессом Данилова Достоевский следил с исключительным интересом, усматривая вместе с современниками в личности преступника нечто родственное Раскольникову (см.: 7, 508—509). В газетных сообщениях много говорилось о незаурядной внешности Данилова, его уме, образованности, о его спокойной манере держаться на суде.

После 22 ноября 1867 г. стали известны дополнительные обстоятельства преступления, особенно поразившие воображение писателя. По показаниям арестанта Матвея Глазкова, которого убийца вынуждал принять на себя его вину, Данилов совершил убийство после разговора с отцом. Сообщив ему о своем намерении жениться, Данилов получил совет «не пренебрегать никакими средствами и для своего счастья непременно достать деньги, хотя бы путем преступления». Так отец стал сообщником в убийстве (об отражении в романе дела Горского и Данилова см. подробнее: *Дороватовская-Любимова, 2011. С. 215—221*).

Факты из газетной хроники нашли отражение и в рассказе Мышкина Рогожину о преступлении, совершенном «по молитве». В записной тетради к «Идиоту» (№ 4), на отдельной <с. 87>, озаглавленной «Заметки, заметки посторонние», Достоевский записал: «NB. Смотри „Московские ведомости“, от ноября 5-го, 1867. Дело об убийстве мещанина Суслова крестьянином Ярославск<ой> губернк<ин>, Мышкинского уезда, Балабановым. (Зарезал за часы Суслова, раздувавшего самовар, со словами: „Господи, прости ради Христа“)». В «Московских ведомостях» от 5 ноября 1867 г. (№ 243) нет сообщения о подобном убийстве. В. С. Дороватовская-Любимова установила, что случай, на который обратил внимание Достоевский, произошел в Петербурге и был описан не в «Московских ведомостях», а в «Голо-

се» (1867. 30 октября, № 300). Здесь сообщалось, что Балабанов, выполнивший работу для акушера Штольца, жившего на Петербургской стороне, пришел к нему за деньгами и познакомился тогда же со служившим у акушера Сусловым. Во время его вторичного посещения Штольца не оказалось дома. Суслов, по-приятельски выпивавший с Балабановым, показал ему свои серебряные часы и просил их завести. «В это время у Балабанова и явилась мысль убить Суслова, завладеть его часами, сбыть их рублей за 8 и на эти деньги уехать в деревню, где у него остались в большой бедности жена и четверо детей. Когда Суслов принялся ставить самовар, Балабанов взял со стола кухонный нож, подошел к Суслову и со словами: „Благослови, господи, прости Христа ради“ — перерезал ему горло. <...> Через несколько дней он был арестован и по суду приговорен к 11 годам каторжных работ» (Дороватовская-Любимова, 2011. С. 222).

«Балабанов, пришедший в Петербург на заработок, потому что в деревне „кормиться нечем — хлеба нет“, и зажиточный крестьянин Достоевского, убивший только потому, что ему очень понравились часы, — разные типы, и мотивы преступления их различны», — справедливо отметила исследовательница (Там же). Достоевский изменил обстоятельства преступления, желая выдвинуть на первый план нравственно-религиозное состояние убийцы перед совершением злодеяния. По мнению писателя, этот случай, как и два других, о которых рассказывает Рогожину Мышкин, свидетельствовали, что «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит» (8, 203).

Ряд страниц романа насыщен полемикой с так называемой «демократической» журналистикой 1860-х годов. Прежде всего это относится к VII—X главам второй части, которые Достоевский в письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г. назвал «эпизодом современных позитивистов из самой крайней молодежи» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 305) (посещение князя Мышкина компанией Бурдовского). Здесь содержится критика позитивистских настроений, идей материализма и атеизма; попутно задеваются также «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Искра», эпиграмма М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. с. 772). В центре эпизода — чтение «газетного» фельетона, «обличающего» Мышкина. Как установила В. С. Дороватовская-Любимова, первая часть фельетона представляет собой — по содержанию и стилистическим приемам — пародию на статьи, помещавшиеся в «Искре», в отделе «Нам пишут», который вел сотрудник журнала М. М. Стопановский. Для корреспонденции Стопановского были характерны многочисленные авторские реплики в скобках, иронически оценивающие излагаемые события. Эта их особенность «легко могла сослужить на пародию». В статье Келлера история «положительно прекрасного человека» оказалась перекроенной «по обличительному трафарету» (Дороватовская-Любимова, 1928. С. 29—30; ср.: Словарь личных имен у Достоевского / Под общ. ред. А. Л. Бема // Вокруг Достоевского. С. 351).

Во второй части фельетона, в рассуждениях о том, чем должен был бы руководствоваться человек, поступающий «по справедливости», есть иронические намеки на теорию «разумного эгоизма» в интерпретации Чернышевского и других шестидесятников: «...так как я прежде всего человек расчетливый и слишком хорошо понимаю, что это дело не юридическое, то я половину моих миллионов не дам. Но по крайней мере уж слишком низко и бесстыдно (*отпрыск забыл, что и не расчетливо*) будет с моей стороны, если я не возвращу теперь тех десятков тысяч, которые пошли на мой идиотизм от П., его сыну» (8, 244; курсив наш. — *Ред.*). Сторонником теории «здравого смысла» является и племянник Лебедева, персонаж, очерченный Достоевским с особой антипатией (Мышкин называет его про себя «гадким и вседовольным прыщиком», Лебедев же считает убийцей «будущего второго семейства Жемариных») (8, 247, 210, 178). Сопоставление компании Бурдовского с Горским и Даниловым продиктовано убеждением Достоевского, сложившимся еще в пору работы над «Преступлением и наказанием», что материалистические теории, которые были распространены в «демократической» части русского общества, легко могли быть использованы для оправдания преступлений, вели к «шатанию мысли», к разрушению не только старых, традиционных, но и вообще всяких положительных нравственных устоев (см. подробнее: *Дороватовская-Любимова*, 1928. С. 54—56; *Фридендер*. С. 253; ср.: 7, 483—494).

Другой эпизод, насыщенный откликами на идейную борьбу эпохи, — сцена толкования Лебедевым Апокалипсиса в день рождения князя (8, 342—345). Высказываясь против «научного и практического» «настроения наших последних веков», символом которого являются «железные дороги» и «телеги, подвозящие хлеб голодному человечеству», Лебедев отзывается на спор между А. И. Герценом и В. С. Печериным, отраженный в их переписке 1853 г.¹ В своих письмах к Герцену Печерин, признавая, что «наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме его», несет с собой «тиранство материальной цивилизации» и падение духовной жизни, делал отсюда вывод, что спасением для человечества является не наука, а вера «в бессмертную душу и в будущий мир». В противоположность Печерину Герцен доказывал, что наука, техника, промышленность являются величайшими прогрессивными рычагами общественного развития. «И чего же бояться? — писал он. — Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой?» (*Герцен*. Т. 11. С. 400—402). Солидаризируясь с

¹ Переписка была впервые опубликована А. И. Герценом в «Полярной звезде» на 1861 г. (Кн. 6. С. 259—272) и вошла в главу «Pater V. Petcherine» «Былого и дум». О чтении Достоевским в Дрездене в 1867 г. «Былого и дум» и «Полярной звезды» см.: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 11, 20, 31, 336, 424—425.

«удалившимся мыслителем» Печериным, Лебедев в романе выступает против герценовской веры во всемогущество научного знания. Подобно Печерину он защищает веру как необходимую основу духовной жизни общества (см.: *Борщевский*. С. 164—173). В советское время Достоевскому предъявлялись претензии в том, что он «тенденциозно» исказил «высокую гуманистическую позицию Герцена» (см.: *Лицинер С. Д.* Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // *РЛ*. 1972. № 2. С. 55—56). Однако, говоря о взглядах писателя, следует учитывать многоплановость идейно-художественных смыслов, проявившихся в указанном эпизоде романа «Идиот». Речи Лебедева отражают не только отголоски отмеченного идеологического спора, но и авторское восприятие темы европейской цивилизации в религиозно-философском и библейском контексте — не случайно герой предстает как толкователь Откровения св. Иоанна Богослова. К Апокалипсису проявляют интерес Настасья Филипповна и Аглая, апокалипсические мотивы проникают исповедь Ипполита. «Торговля» Настасьи Филипповны, мечта Гани стать «королем иудейским», «честное» ростовщичество Птицына и даже сюжетная перемена в судьбе главного героя в конце первой части, вызванная в большей степени неожиданным богатством Мышкина, а также многое другое — подтверждают справедливость для романного мира толкования Лебедева, согласно которому современное общество находится «при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут <...>» (8, 185) (см. анализ темы в аспекте ее социальных проявлений в мире романа: *Кирпотин В. Я.* «Всадник на коне вороном»: (*Мир в романе «Идиот»*) // *Кирпотин. Мир Достоевского*, 1983. С. 20—60). Тема Апокалипсиса связывается исследователями с миром современного Петербурга (*Чирков*, 1967. С. 120—121; *Сальвестрони*. С. 64—71 и др.), и главную роль в ней играют мотивы мер и весов, смерти, покаяния и спасения.¹ К цитированным Лебедевым строкам из Откровения св. Иоанна Богослова (Откр. 6:5—6) Достоевский обращается позднее еще раз — в наборной рукописи ДП за 1877 г., где мысль повторяется: цитата из Апокалипсиса становится характеристикой времени, определением бездуховной цивилизации, разъединяющей людей на «эгоизмы». «Единственный выход» из ненормального состояния общества, по Достоевскому, — «к Милосердию и Любви» (*Акад. ПСС*. Т. 25. С. 201—202, см. также: *Тарасова*, 2011. С. 138—146).

¹ Г. Боград демонстрирует, как апокалипсическая тема развивается в символах железных дорог и железнодорожных вокзалов Петербурга, в какой степени ее развертывание может быть обусловлено историей планировки города и современной писателю топонимикой (*Боград Г. А.* Мифотворчество Достоевского: (К теме Апокалипсиса в романе «Идиот») //

Многозначность заглавия романа обрела всё большую глубину в процессе разработки замысла.¹ Основными для понятия «идиот» (от греч. ἰδιώτικος — букв. отдельный, частный человек) являются такие значения, как «несмысленный от рождения», «малоумный», «юродивый» (*Даль*. Т. 2. С. 8). Представленное в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемом Н. Кириловым» (СПб., 1845. Вып. 1. С. 75, 76) толкование подразумевает человека «кроткого, не подверженного припадкам бешенства, которого у нас называют *дурачком* или *дурнем*».² Указанные значения слова своеобразно оттеняются в романе, подчеркивая всю необычность облика Мышкина. Но более существенна связь заглавия с литературной традицией, восходящей к Средневековью, когда идиотом нередко называли человека не слишком образованного или вообще далекого от «книжной премудрости», но наделенного идеальными чертами и глубокой духовностью. Идиот был типическим героем тогдашней литературы, которому открывались пути приобщения к высшим тайнам бытия.³

Д, Материалы и исследования. Т. 16. С. 342—350). См. также: Бэлэнеску С. Апокалипсис и роман Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 22. С. 187—193; Bethea D. M. «The Idiot»: Historicism Arrives at the Station // Bethea D. M. *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction*. Princeton; New Jersey, 1989. P. 62—104. Символичность названия гостиницы — «Весы» — подчеркивает двойственность героев романа, и прежде всего Лебедева (*Cristea V. Dictionarul personajelor lui Dostoievski*. Editura Cartea Românească, București, 1983. P. 219).

¹ Именования «Идиот» и «идиот» сохраняются в ПМ на всем протяжении работы, несмотря на значительные изменения, которые герой претерпевает в своем развитии, см.: Котельников В. А. Археология идиота // *Достоевский и мировая культура*. № 34. С. 40—49.

² Словарь этот еще во второй половине 1840-х годов был в поле внимания писателя (см.: Долинин А. С. Достоевский среди петрашевцев // *Звенья*. Т. 6. С. 512—513, 542).

³ См. об этом: Хлодовский Р. И. Ренессансный реализм и фантастика: (Попытка аналитического прочтения нескольких новелл «Декамерона») // *Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы*. М., 1967. С. 101—105. Обозначение «Идиот», под которым фигурирует в подготовительных материалах герой и которое впоследствии стало заглавием романа, обрета в нем углубленный философский смысл, могло быть подсказано романисту и пьесой под этим названием, которая шла в Малом театре в Москве в 1853 г. Это была французская мелодрама Л.-М. Фонтана и Ш.-Д. Дюпети «Бедный идиот, или Гейльбергское подземелье» (оригинальное название: *Le pauvre idiot, ou Le souterrain d'Heilberg, drame en cinq actes et huit tableaux / Par Ch.-D. Dupeuty et L.-M. Fontan*. Paris, 1838; рус. перевод В. И. Родиславского). Один из героев мелодрамы, Эд-

По мнению А. Е. Кунильского, в христианском контексте употребления слово «идиот» могло означать мирянина, простолюдина, к которому обращено апостольское слово, рядового члена общины.¹ Акцентируемое значение корреспондирует с замыслом Достоевского воплотить в своем герое идеал христианина (Кунильский, 2009. С. 667—668). Кроме того, к возможным источникам романного сюжета относится повесть анонимной французской писательницы под названием «Идиот» (перевод в «Литературной газете» за 1847 г.) (Там же. С. 665—666).²

Создавая образ Мышкина, писатель стремился показать реально-го современного человека, который, однако, по красоте и совершенству приближался бы к тому высшему идеалу человеческой личности, каким Достоевский с ранних лет считал личность Христа. В ПМ₂ на <с. 97> записано: «Евангелие Иоанна Богослова» (недатированная каллиграфическая пропись, на соседних страницах записи от 10 апреля н. ст. 1868 г.). Сразу же после этого следует помета: «Князь Христос». Аналогичная заметка на полях <с. 102> написана сходным почерком, отличающим ее от основного текста страницы. Вероятно, она появилась уже при перечитывании записей. В это же время на <с. 88> Достоевский, размышлявший над тем, какое «поле действия» избрать для главного героя, отметил еще раз: «Кн<язь> Христос» — и затем перешел к уточнению отдельных моментов фабулы. Повторенное трижды в короткий временной промежуток решение наделить героя чертами евангельского Христа свидетельствовало о стремлении придать большую значимость одной из главных идей, одухотворявших замысел Достоевского. А. С. Долинин предположил, что рассказ о Мари в VI главе первой части романа написан по ассоциации с евангельской историей Марии Магдалины (см.: Д. Письма. Т. 1. С. 14). Чувство сострадания, которое князь испытывал к согрешившей Мари, станет преобладающим и в отношении Мышкина к Настасье Филипповне. И не случайно та

гар, шестилетним ребенком был заключен в подземелье, где прожил шестнадцать лет, лишившись дара речи. В дальнейшем врач возвращает его к осмысленной жизни, но в результате трагических переживаний он сходит с ума. Хотя фабула этой пьесы не имеет точек соприкосновения с сюжетом романа Достоевского, указанные моменты биографии Эдгара могли повлиять на соответствующие черты образа Идиота в ПМ и окончательном тексте романа. См. также с. 927.

¹ Т. А. Касаткина подчеркивает антиномичность слов «чудак» и «идиот» применительно к князю Мышкину и некоторым другим героям (2003. Т. 4. С. 637—647).

² Исследователь приводит текстовые совпадения, к примеру: «Вечная улыбка Виллиама заставляла каждого говорить со вздохом: Бедный Идиот» (ЛГ. 1847. № 18, 1 мая. С. 280), вызывающее в памяти «бедный идиот!» (8, 535) Евгения Павловича и пассаж о настигшем Мышкина безумии (8, 560). Кроме того, фабулы романа и повести имеют ряд параллелей (Кунильский, 2009. С. 507).

же ассоциация вновь возникла у Достоевского, когда он впервые набросал сцену соперниц (запись от 9 марта н. ст. 1868 г., с. 221). Узнав, что Настасья Филипповна оставила Рогожина, но бежала и от князя, Аглая говорит: «...это подло играть роль Магдалины». Сцену, завершающую отношения Мышкина и Настасьи Филипповны, писатель задумал по прямой аналогии с «Евангельским прощением в Церкви блудницы» (с. 239), т. е. эпизодом Евангелия от Иоанна (Ин. 8:1—11), когда фарисеи и книжники приводят в храм женщину, виновную в прелюбодеянии, а Христос на вопрос о том, нужно ли наказывать ее по закону Моисея, отвечает: «...кто из вас без греха, пусть первый бросит на нее камень» (*Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 238, процитированный стих 7 отчеркнут ногтем). Достоевский упомянул об этом эпизоде еще в «Неточке Незвановой»: в первой редакции Александра Михайловна особенно настойчиво сравнивалась с грешницей, отпущенной Христом без осуждения (см.: 2, 527, 530, 689), и не раз обращался к той же евангельской ситуации — см., например, «Преступление и наказание» (6, 260), подготовительные материалы к роману «Подросток» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 20), *ДП* за 1877 г. (Там же. Т. 26. С. 110). Упоминания, прямо касающиеся названной сцены, появляются в черновых записях к «Идиоту» от 16 и 20 марта, 16 апреля, 11 июня, 4 и 15 октября н. ст. 1868 г. (см. с. 239, 244, 273, 279, 300, 317—318). Судя по этим наброскам — особенно поздним, она должна была, по замыслу писателя, наиболее полно раскрыть высоту духовного облика Мышкина: «Сцена во храме выставляет всего Князя», — отметил Достоевский 15 октября. В тот же день в записи «Из главного» сущность эпизода была раскрыта более подробно. Действие (как и в Евангелии) должно было происходить в церкви «наедине между Князем и Н<астасьей> Ф<илипповной>»: «Князь, вынеся во всё это время скандала ужасные мучения от сошедшей с ума Н<астасьи> Ф<илипповны>, наконец в утро брака говорит с ней по сердцу: Н<астасья> Ф<илипповна> и в отчаянии и в надежде, обнимает его, говорит, что она недостойна, клянется и обещается. <...> Князь вдруг *пьедестально* выказывается» (с. 319—320). «Прощение во храме» не вошло в роман, но в X главе четвертой части Достоевский «от автора» передает очень близко к приведенному фрагменту плана состояние Настасьи Филипповны и Мышкина в дни, предшествовавшие их несостоявшейся свадьбе, и в момент последнего свидания (8, 541—543). Мотивы сцены в храме, кроме того, звучат в проникновенной речи Мышкина, обращенной к Аглае во время свидания на зеленой скамейке. Начало этой речи прямо восходит к Евангелию: «О, не позорьте ее, не бросайте камня». (Глава VIII третьей части романа, куда вошел этот эпизод, была напечатана в октябрьской книжке «Русского вестника»). В набросках ко второй части основное убеждение князя выражает афористическая запись: «Сострадание — всё христианство» (с. 250). В окончательном тексте романа эта мысль приобрела еще большую значительность: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8, 212).

В романе звучит мысль о том, что, по убеждению князя, Настасья Филипповна «чиста», «не виновата», достойна не только сострадания, но и уважения (8, 154—158 и др.). Мысль эта (с явной ориентацией на евангельский первоисточник, но и со значительным отступлением от него) была зафиксирована в черновой записи от 15 апреля 1868 г., где Настасья Филипповна напоминает князю: «...ты меня реабилитировал, говорил, что я без греха и то и то...» (см. с. 273). В окончательный текст писатель также ввел реплику героини, в которой явствен отзвук новозаветной ситуации, но слова Христа не столь резко переосмыслены. Во время встречи соперниц Настасья Филипповна упрекает Мышкина: «Да не ты ли же, князь, меня сам уверял <...> что ты меня любишь и всё мне прощаешь и меня у... ува... Да, ты и это говорил!» (8, 524; здесь и выше курсив наш. — Ред.). Евгений Павлович Радомский, неспособный понять сердцем отношения Мышкина к Настасье Филипповне, прямо ссылается на евангельскую сцену и негодует: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважений?» <...> Да до чего же после того будет доходить сострадание?» (8, 532—533). Некоторые современные исследователи (Л. А. Левина, Т. А. Касаткина, К. А. Степанян и др.), опираясь, в частности, на это соображение Евгения Павловича, рассматривают сострадательную и всепрощающую любовь Мышкина как антитетическое Евангелию чувство и отсюда выводят причину катастрофических событий в конце романа (см. об этом ниже, в связи с вопросом о литературном контексте образа Настасьи Филипповны, с. 603—604).¹

Экземпляр Нового Завета, подаренный Достоевскому в Тобольской пересыльной тюрьме женами декабристов и бывший с ним на каторге, свидетельствует об особом интересе и внимании Достоевского к Евангелию от Иоанна.² Многие пометы в этом издании (РГБ. Ф. 93. I. 5в. 1) — часть их приведена в седьмом томе настоящего издания (с. 701—704) — относятся к сценам и эпизодам, сюжетно и тематически близким к роману «Идиот», или выделяют созвучные ему мыс-

¹ Д. Барсотти полагал, что центральный конфликт романа состоит не в проблеме христоподобия Мышкина, который, по мысли исследователя, выражает скорее искаженного Христа, связанного с гностической, а также с гуманистической традицией, а в противостоянии двух типов любви: любви-сострадания Мышкина и любви-страсти Рогожина, в равной степени губительных и не способных спасти Настасью Филипповну (*Барсотти Д. Достоевский. Христос — страсть жизни* / Пер. с итал. Л. Харитонova. М., 1999. С. 55—63, 130—131).

² На него сослался Достоевский еще 1 (13) января 1868 г., раскрывая в письме к С. А. Ивановой идею своего замысла и отмечая, что именно четвертое Евангелие с наибольшей глубиной воссоздает «безмерно, бесконечно прекрасное лицо» Христа и «всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 251*).

ли (гл. 4, 8, 9, 10, 13, 15; подробнее см.: Соломина-Минихен, 2016. С. 23—30; *Евангелие Достоевского*. Т. 1; Т. 2. С. 944: Указатель произведений Ф. М. Достоевского (раздел «Идиот») и соответствующие материалы основной части т. 2). Возможно, пометы возникли в период обдумывания планов или разработки соответствующих эпизодов романа. Для осмысления истоков мировосприятия Мышкина важны маргиналии Достоевского, выделяющие главную идею четвертого Евангелия: «Заповедь новую даю вам: любите друг друга. Как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Ин. 13:34; ср.: Ин. 15:12—16 — см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 257, 261).¹

Глубоко своеобразное понимание Достоевским «сущности христианства», которое отразили и эти пометы, и вся концепция «Идиота», было в 1870-х годах подмечено К. Н. Леонтьевым и не раз вызывало его гнев и раздражение как сторонника официальной церкви. По его мнению, заветные идеи Достоевского — «любовь, гармония», «Христос — только прощающий» — суть не что иное, как моральный идеализм, измена настоящей религии, никуда не годные «прибавки к вере», «„исправления“ XIX века».² В русской религиозно-философской критике конца XIX —

¹ Писатель тщательно отмечал ту же идею и в Первом соборном послании св. апостола Иоанна Богослова. Четвертая глава, где проповедь любви звучит с наибольшей силой, отмечена карандашным крестом и на полях отчеркнуты проникнутые единой мыслью стихи: 7—9, 12—13, окончание ст. 16 и ст. 18—21. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 392—393. О других пометах писателя в тексте Нового Завета см. ниже, с. 740—741, 786—787 и др.

² См. письмо К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову от 24—27 мая 1891 г. (РВ. 1903. Т. 285. № 5. С. 163, 165). О «христологии» Достоевского см. также: Przybylski R. Dostojewski i «przeklęte problemy». Warszawa, 1964. Р. 218—246; Туниманов В. А. Роман о прекрасном человеке // Достоевский Ф. М. Идиот. М., 1971. С. 626—629; Буданова, 2012. С. 363—373; Ермилова Г. Г. Христология Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 13. С. 37—44; Тихомиров Б. Н. 1) «Христос» и «истина» в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // Там же. С. 147—177; 2) О христологии Достоевского // Д. Материалы и исследования. Т. 11. С. 102—121. См. также критику, направленную против современных исследовательских толкований «символа веры» Достоевского: Сараскина Л. И. Христос Достоевского в 1854 году. Исторический контекст // Достоевский и мировая культура. № 22. С. 85—110. О Достоевском и Леонтьеве см.: Лурье В. М. Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 290—309; Буданова, 2012. С. 11—49; Бочаров С. Г. Леонтьев и Достоевский. Статья первая: Спор о любви и гармонии // Д. Материалы и исследования. Т. 12. С. 162—189; Беловолов Г. В., свящ. Оптинские предания о Достоевском // Там же. Т. 14. С. 301—312; Фетисенко О. Л. «...А плод его любви»: (Еще раз

первой половины XX в. фигура князя Мышкина часто рассматривалась именно с точки зрения способности героя воплотить христианский идеал личности. История интерпретации романа «Идиот» в русской философской критике конца XIX—первой половины XX в. и в русской и советской критике XX—начала XXI в., разумеется, далеко не однолинейна. Вдобавок она, как это всегда бывает, включает в себя множество явлений промежуточного характера. Тем не менее в самом общем виде ее можно представить в плане постепенного изменения в восприятии главного героя романа, князя Мышкина. Восприятие это простирается от самого восторженного отношения к герою — как полнокровному воплощению замысла Достоевского создать образ «положительно прекрасного человека» и «Князя Христа» до скептического восприятия его как невольного сообщника Рогожина в убийстве Настасьи Филипповны, а то и как полной художественной неудачи писателя.

В первые десятилетия XX в. и в советское время преобладала первая тенденция. Начиная со второй половины XX в. всё сильнее звучали скептические ноты. И, наконец, только в последние десятилетия начинает окончательно утверждаться более взвешенная и амбивалентная позиция.

Впрочем, случаи подобного «прорыва» встречаются уже в русской философской критике конца XIX—начала XX в. Так, Д. С. Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900—1901), полагая, что «в первых явлениях своих» Мышкин производит впечатление «высшего духовного здоровья», «уже почти достигнутого единства», считал, что это тем не менее «только обман зрения: когда совершится трагедия, мы поймем, что <...> князь Мышкин должен был погибнуть между „двумя правдами“ <...>». По мнению критика, герой «лишь стремится к плоти и крови, к воплощению, но не достигает их; все-таки остается среди живых людей „отвлеченным духом“». В значительной мере это — вина и всего вообще одностороннего аскетического христианства». И поэтому в заключительной сцене романа — «может быть, совершеннейшем создании Достоевского и уж, конечно, одном из величайших созданий не только русской, но и всемирной литературы» Мышкин и Рогожин — «сообщники, они оба — убийцы: Рогожин — делом; князь Мышкин — „неделаньем“».¹

Сходное понимание романа в какой-то мере развивал Вяч. И. Иванов, который в своей публичной лекции и реферате «Достоевский и роман-трагедия» (1914) утверждал, что «идея вины, лежащей в самом воплощении, предстоит нам в романе „Идиот“: поистине, вина Мышкина в том, что он, как Фауст в начале второй части поэмы Гёте, отвратился, ослепленный, от воссиявшего солнца и пожелал лучше любоваться его отражениями в опоясанном радугами водопаде жизни. Он

о споре К. Леонтьева с Достоевским) // *Достоевский и современность*. Чт. 18 (2003). 2004. С. 248—254.

¹ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 367—368, 370—371.

пришел в мир чудачком, иностранцем, гостем из далекого края, и стал жить так, как воспринимал жизнь; мир же воспринимал он и вблизи, как издали, когда он словно видел его в сонной грезе движущимся в Боге, а отпавший мир оказался вблизи повинным своему закону греха и смерти; и этого чуждого восприятия вещей Мышкиным мир не понял и не простил, и самого созерцателя Платоновой идеи правильно обозвал „идиотом”» (Иванов Вяч., 1987. С. 428).

Однако с самого начала в русской критике сложилось направление, в котором Мышкин и воплощенные в нем религиозные искания самого Достоевского принимались почти безоговорочно. Так, А. Волынский в книге «Достоевский» (1906) утверждал: «Устами Мышкина Достоевский зовет русского человека к страшной внутренней работе: надо еще откопать из-под земли, отыскать то „золото“, то „сокровище“, которое и есть нераскрывшееся богатство человеческой души. <...> Мышкин — это пророк нежного и кроткого богопонимания, которое он проповедует в простых, народных русских образах».¹ По мнению Волжского (псевдоним А. С. Глинки), «предметом неумолкающих мучительных болей» Достоевского в романе «Идиот» была «божественность Христа». При этом «свои собственные сомнения» в ней Достоевский «распинает» не столько в образе Мышкина, сколько на примере Ипполита, одного из «эмбрионов Ивана Карамазова». Несмотря на всё это, Достоевский в «Идиоте», с точки зрения критика, «приготавливает „русский свет“ „Русского Бога и Христа“, „русскую мысль“ добывает „воскресение всего человечества“».²

В сходном ключе тему Ипполита впоследствии развивал Лев Шестов в известной статье «Преодоление самоочевидностей» (1921), вошедшей в книгу «На весах Иова» (1929): «...вдруг неизвестно зачем, то есть как будто бы нарочно затем, чтобы лишний раз толкнуть бедного кн<язя> Мышкина, который и без того спотыкается и падает на каждом шагу, — Достоевский заставляет молодого, чахоточного мальчика Ипполита, дни, даже часы которого сочтены, читать в течение целой ночи свою „исповедь“ — одну из самых потрясающих исповедей, когда-либо, после книги Иова, которую она имела своим образцом, написанных людьми».

По мнению критика, именно Ипполит, а не Мышкин выражает самые заветные для Достоевского мысли: «Смирение не есть та добродетель, которую ищет Достоевский. <...> И кто посмеет вызвать смерть на поединок — когда за нее стоят все самоочевидности, так мучительно вырисованные Достоевским и оправданные теорией познания и „эфикой”? Конечно, не кн<язь> Мышкин. Он еще с „эфикой“, он

¹ Волынский А. Л. Трагедия красоты. «Идиот» // Волынский А. Л. Достоевский: философско-религиозные очерки. СПб., 2011. С. 100—102.

² Глинка А. С. [Волжский]. Религиозно-нравственная проблема у Достоевского [1905] // Глинка А. С. [Волжский]. Собр. соч.: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1: 1900—1905. С. 641, 655.

еще сам хочет, чтобы „принцип” похвалил его. <...> Он еще верит в свои „дела”, ждет себе похвалы, он еще может гордиться похвалой. И кн<язь> Мышкин „священной гордостью” не поступится, а стало быть, не пойдет до конца с Достоевским. На это способны, это удел только лишенных всех прав и охран подпольных людей. Такие, только такие позволяют себе усомниться в правомерности суда природы и этики, в правомерности суда вообще, и ждать, что вот-вот „невесомое” окажется тяжелее весомого, вопреки самоочевидностям и опирающимся на самоочевидность суждениям разума, который на свою чашу весов бросил уже не только „законы природы”, но и законы морали. Ипполит уже и морали с ее санкцией не боится».

Говоря о главном герое романа, Шестов, однако, по существу, закладывает основы его критической оценки, которая возобладает впоследствии: «Мышкин, святой по замыслу, олицетворенное бескорыстие, не составляет исключения из общего правила: сколько он ни старается, он не только никому ничем помочь не может, но всегда способствует всем злым и дурным начинаниям». Обращаясь к отношениям князя с Ипполитом, критик позволяет себе уже не только парадоксальные, но и явно субъективистские суждения: «Мышкин, в своем смирении («смирение есть сила», говорит недаром Достоевский), этим не удовлетворяется. Он считает, что в награду за свое послушание он получил от закона больше прав, больше силы, чем было у Наполеона, — право и силу убивать не тело, а душу человека. „Простите нам наше счастье и пройдите мимо”». ¹ Шестов также замечал, что князь Мышкин «одна идея, т. е. пустота», «чистейший нуль» ² с художественной и этической точек зрения. Позднее Л. А. Зандер утверждал, что в Мышкине обнаруживается, несмотря на его христоподобие, «полное отсутствие связи с трансцендентным <...> Несмотря на всё феноменальное личное смирение князя Мышкина, в нем есть какая-то метафизическая гордыня, которая выражается именно в том, что он воплощает в себе образ Христа. Это есть гордыня задания, гордыня идеала, принятие на себя образа Жениха и Спасителя, принадлежащих Другому». ³

Вообще в русской религиозно-философской критике конца XIX—начала XX в. роман Достоевского «Идиот» долгое время был словно бы заслонен «Преступлением и наказанием», «Бесами» и «Братьями Карамазовыми». Речь о нем нередко заходила как о своего рода первом подступе к «Братьям Карамазовым». Так, А. И. Введенский писал, что в «Идиоте» князь Мышкин представляет собой, «в сущности, то же,

¹ Шестов Л. Преодоление самоочевидностей: (К столетию рождения Ф. М. Достоевского) // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX—начала XX века. СПб., 1997. С. 510—514.

² Шестов Л. Достоевский и Ницше: (Философия трагедии) // Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Томск, 1996. Т. 1. С. 383.

³ Зандер Л. А. Тайна добра: Проблема добра и зла в творчестве Достоевского. Франкфурт-на-Майне, 1960. С. 128—129.

что Соня в „Преступлении и наказании“, но, конечно, в иных условиях пола и жизненных обстоятельств».¹

Сходным образом Н. А. Бердяев в книге «Миросозерцание Достоевского» (1923) утверждал: «Концепция „Идиота“ противоположна концепции „Подростка“ и „Бесов“. В „Идиоте“ всё движение идет не к центральной фигуре князя Мышкина, а от нее ко всем. Мышкин разгадывает всех, прежде всего двух женщин, Настасью Филипповну и Аглаю, полон вещей предчувствий, интуитивных прозрений. Он всем идет на помощь. Человеческие отношения — единственное „дело“, которым он целиком захвачен. Сам он живет в тихом экстазе. Вокруг него — бурные вихри. Загадочно-иррациональное, „демоническое“ начало в Ставрогине и Версилове напрягает и накаляет окружающую атмосферу, порождает вокруг себя бесовское кружение. Тоже иррациональное, но „ангельское“ начало в Мышкине не порождает из себя беснования, но оно не может излечить от беснования, хотя Мышкин всей душой хочет быть целителем. Мышкин не вполне, не до конца человек, его природа светлая, но ущербная. Полного человека потом Достоевский попытается показать в Алеше».²

С того момента, когда становятся известными письма Достоевского в период создания «Идиота», интерпретация романа начинает протекать в основном под их знаком. Это происходит, например, уже у В. В. Зеньковского в статье «Проблема красоты в миросозерцании Достоевского» (1933): «В замысле „Идиота“, как видим из одного письма Достоевского, было „изобразить положительно прекрасного человека“. <...> Эти строки оставляют впечатление — что тайна Богочеловечества Христа, которую вообще Достоевский чувствовал хорошо, в этом контексте выпадает и пред нами чисто человеческий лик Христа — ибо он становится „идеалом“ человека! Весь привкус натурализма сказывается именно в том, что та полнота, что то совершенство, которое мыслится во Христе как человеке, как бы относится к обычному человеку как его скрытая, первоизданная святость».³

Особое внимание роману уделяли писатели и мыслители, которые сами в своем творчестве развивали традиции «христианского реализма» и русской религиозной философии, — так что происходило это в большей степени в эмиграции, чем в Советской России. Например, И. С. Шмелев полагал, что в романе содержится мысль о «возможности пересоздать жизнь, людей... — влиянием личности совершенно прекрасного человека, его проповедованием духовного возрождения, Добра, установить царство Божие на земле». При этом искусство До-

¹ Введенский А. И. Общественное самосознание в русской литературе: Критические очерки. СПб., 1900. С. 194—195.

² Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 29.

³ Зеньковский В. В. Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // Рус. эмигранты о Достоевском. С. 232.

стоевского, по мнению Шмелева, «одержало победу духа над прахом, над брэнной перстью, прикровенно и образно, в последней главе романа — „ночь у трупа“». Раздавлены главные герои; разлагается вчера еще только прекраснейшая живая форма, ее победила смерть; а душа не отдалась никому, пропала, бросив брэнную оболочку, уже взятую властно тленом. Настасья Филипповна сама пошла под нож, но сохранила себя, душу свою, исполненную высокой любви к поврежденному, к „идиоту“, но для нее — святому. Сохранила волю располагать собой, мученицей и победительницей. <...> Распадающийся прах победить не мог: победил бессмертный дух жертвы» (Шмелев, *О Достоевском*. С. 584—585). По мнению писателя, роман «художественно вскрывает, что высоких слов, пафоса, смирения, кротости и прочих добродетелей недостаточно для исправления сбившейся с пути жизни» (Там же. С. 587).

В свою очередь, К. В. Мочульский в работе «Достоевский: Жизнь и творчество» (1947) выражал уверенность в том, что невозможно написать роман о «положительно прекрасном человеке», поскольку тогда пришлось бы создавать образ святого, на что ни один писатель не способен: «...образ князя Мышкина носит следы *недоволопощенности*» именно потому, что «роман о Христе невозможен» (Мочульский, 1995. С. 389—390; к сходным мыслям приходили и зарубежные исследователи романа, см. ниже, с. 642, 652—653, 655—656).¹

Н. О. Лосский в книге «Достоевский и его христианское миропонимание» (1953) утверждал, что в образе Мышкина воплощен идеал смирения. При этом философ верно определял и «основной недостаток князя Мышкина»: «чрезмерная эмоционально-волевая мягкость его характера», «недостаток дисциплинированной духовной силы» (Лосский. С. 183, 185—186). Едва ли не впервые Лосский обратил внимание на то, что «любовь к женщине, могущая послужить основанием для счастливого брака, медленно созревала в душе князя Мышкина в отношении к Вере Лебедевой и встречала ответ с ее стороны» (Там же. С. 187).

Аналогичным образом смотрел на роман Достоевского Ф. А. Степун. Его «средоточие», отмечал он в статье «Миросозерцание Достоевского» (1962), «не мрачный, но, наоборот, светлый образ князя Мышкина, вокруг которого сгущаются темные страсти; одержимым этими страстями людям светлый образ Мышкина является такой же загадкой,

¹ Католический богослов Р. Гуардини (Гвардини) пытался прояснить, в какой мере герой «олицетворяет Христа» (прежде всего Христа Евангелия от Иоанна), как сквозь человеческую судьбу князя проступают черты «бытия Богочеловека» (Гуардини, 1994. С. 303, 304). Гуардини принадлежит, вероятно, первое указание на невозможность эстетически объективной оценки князя Мышкина, поскольку сам образ главного героя предполагает выбор читателя в пользу символического совпадения или несовпадения жизни Мышкина с бытием Христа (Там же. С. 306—310).

как Ставрогин Кирилову и Шатову».¹ Для С. И. Фуделя князь Мышкин действительный выразитель христианских заветов, а его «неудача» и трагическая развязка романа есть свидетельство отречения от Христа современного Достоевскому общества.²

В СССР же в первые десятилетия религиозные искания Достоевского, воплотившиеся в романе «Идиот», вызывали, напротив, глубокий скепсис: «...для здравомыслящих людей той эпохи (у нас это знает уже пионер) должно было быть совершенно ясно, что этот голубоглазый христосик, ко всем одинаково милый и внимательный, со всеми, вплоть до негодяев Лебедевых, поддерживающий добрые связи, готовно представляющий в случае надобности свою кандидатуру, — что этот христосик — не „материал для будущего“, не „материал для надежд“. Не ясно ли, что в конечном счете добрейший князь со всей своей христианской философией обречен историей? Да и философия эта какая-то сумеречная с фальшивыми румянами и локонами. Сила христианства заключалась в его цельности как системы. Княжеское же христианство — с примесью, с классовой оглядкой». В полном противоречии с тем, как распределяются в романе симпатии самого автора, критик заявляет: «Художественная совесть Достоевского, однако, подсказала ему необходимость противопоставить тогдашнюю нигилистическую молодежь — вырожденцу» (*Нерадов Г. Бедный рыцарь // Сакулин, Бельчиков. С. 303*).

Позднее в советском литературоведении второй половины XX в. подобные крайности в интерпретации романа «Идиот» были преодолены. Однако марксистский приоритет социального над духовным и скептицизм по отношению к религиозным исканиям оставался характерным для исследований этого времени и в дальнейшем. Так, Г. М. Фридлендер в монографии «Реализм Достоевского» (1964) наряду со многими верными наблюдениями доказывал, что «моральная трагедия Рогожина остается по своему объективному содержанию трагедией социально-психологической», что именно в сценах, «в которых Настасья Филипповна бросает прямой вызов идеалам христианской нравственности, Достоевский поэтизирует и возвеличивает ее образ» и что роман Достоевского «является скорбным признанием того, что между „евангельскими“ идеалами Мышкина и жизнью существует пропасть, что для преобразования действительности и счастья людей нужны иные пути, чем те, которые утверждает герой романа» (*Фридлендер. С. 241, 237, 252—253*).

В некоторых работах последних десятилетий образ князя Мышкина подвергается своеобразной деконструкции, не в последнюю очередь в связи с актуализацией христианского контекста романа: под сомнение ставится как способность героя воплотить идеал «положительно пре-

¹ Степун Ф. А. Мирозерцание Достоевского // *Рус. эмигранты о Достоевском*. С. 339—340.

² Фудель С. И. Наследство Достоевского [1963] // Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М., 2005. Т. 3. С. 53—66.

красного человека», так и его «невинность» в отношении трагической романной развязки. Причем если в логике советского литературоведения «неудача» князя Мышкина могла объясняться социальной и исторической бесплодностью христианства, проповедником которого выступает герой Достоевского, то в интерпретациях романа, принимающих во внимание христианский контекст произведения, виновность Мышкина в произошедшей трагической развязке связывается именно с его неспособностью соответствовать евангельскому идеалу, со смешением в его характере христианских и гуманистических представлений об идеале¹ и др.

В связи с этой проблематикой раскрывается амбивалентность образа князя Мышкина; одной из первых научных работ на русском языке, в которой ставится под вопрос способность князя быть носителем идеала, является статья М. Джоунса.² В дальнейшем в зависимости от акцентов, расставляемых учеными, князь Мышкин определяется либо как идеальный хриstopодобный персонаж и даже образ самого Христа (Г. С. Померанц, Н. Ю. Тяпугина, Г. Г. Ермилова, Л. Мюллер, А. Е. Кунильский и др.),³ либо как пародия, карикатура на Христа, чуть ли не его антипод (И. А. Кириллова, Т. А. Касаткина, А. А. Мановцев, Е. Г. Местергази, К. А. Степанян и др.).⁴ Вместе с тем существует предположение, что образ князя Мышкина ориентирован не только на христианскую традицию, но также на кораническую, или наделен интеррелигиозными чертами (В. В. Борисова, С. А. Латыпова

¹ Тоичкина А. В. Проблема идеала в творчестве Достоевского 1860-х годов: (Роман «Идиот») // *Достоевский и мировая культура*. № 11. С. 29—34. В концепции В. А. Котельникова князь Мышкин — «гений гуманизма» — важный, но изжитый в процессе работы над романом этап поисков подлинного идеала, обусловленных «тоской по Христу» (Котельников В. А. «Что есть истина?» (Литературные версии критического идеализма). СПб., 2009. С. 207—209).

² Джоунс М. К пониманию образа князя Мышкина // *Д. Материалы и исследования*. Т. 2. С. 106—112.

³ Померанц Г. С. Князь Мышкин // Померанц Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 255—301; Ермилова Г. Г. Тайна князя Мышкина. Иваново, 1993; Тяпугина Н. Ю. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Опыт интерпретации. Саратов, 1995; Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 5. С. 374—384; Кунильский, 2006. С. 123—168, 180—294.

⁴ Кириллова И. А. Литературное воплощение образа Христа // ВЛ. 1991. № 8. С. 60—74; Касаткина, 1996. С. 202—208; Мановцев А. А. Свет и соблазн // «Идиот», ССИ. С. 250—290; Местергази Е. Г. Вера и князь Мышкин. Опыт «наивного» чтения романа «Идиот» // Там же. С. 291—318; Степанян, 2010. С. 145—225; Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М., 2011.

и др.).¹ Критика «христоцентричных» интерпретаций основывается на том, что современные исследователи, стремящиеся понять, соответствует ли образ князя Мышкина образу Христа, повинен ли герой в произошедших в романе трагических событиях, смешивают представление о литературном произведении и реальном событии, принимая условность формулы «Князь Христос» за реальное желание воплотить Христа в романе.²

¹ Борисова В. В. Интерконфессиональная основа образа князя Мышкина // «Идиот», ССИ. С. 358—363; Латыпова С. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в историко-функциональном освещении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бирск, 2006. С. 16—19.

² См.: Поддубная Р. Н. Сюжет Христа в романах Достоевского // Ф. М. Достоевский и национальная культура. Челябинск, 1996. Вып. 2. С. 29—64; Свительский В. А. «Сбились мы. Что делать нам!...»: К сегодняшним прочтениям романа «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 15. С. 205—228; Щенников Г. К. Целостность Достоевского. Екатеринбург, 2001. С. 23—35; Захаров В. Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М., 2013. С. 272—299. Еще в 1927 г. В. И. Экземплярский, размышляя над образом главного героя романа «Идиот», дал характеристику двум главным «типам отношений к личности Мышкина», которые оказались актуализированы в дальнейших спорах о романе: «Одни умиляются и благоговеют. Осмелился-де среди мирской суеты быть верным голосу совести и слову Евангелия. Мышкин для них — святой в сюртуке. И если бы это был не роман, а подлинная биография, то Мышкина такие люди внесли бы в свои святцы и видели бы в нем предел современного самоотречения. Другие злобствуют и почти ненавидят. Для них, будь Мышкин реальной личностью, гораздо естественнее было бы предать Мышкина анафеме и отлучить его от Церкви. Пафос их внимания сосредоточивается на совершенной жизненной беспомощности Мышкина и на том влиянии, какое он имел на жизнь. Правда, люди умилялись, но плоды этого умиления были не добрые. Две женских жизни почти погибли, друг Мышкина Рогожин дошел до убийства, тьма мирской суетной жизни не только не рассеялась, но еще более сгустилась, а сила добра еще даже уменьшилась. Это, думают они, не христианство, а пародия на христианство. Мышкин в этом случае хорошая иллюстрация к тому, как беспочвенны и отвлеченны все речи о жизненной правде Евангелия и как губельно отрывать христианство от мировой культуры» (Экземплярский В. И. Христианское уродство и христианская истина [1927] // Вестн. русского христианского движения. 1998. № 179. С. 78). Именно в силу дискуссионности критическая литература о романе становится сегодня отдельным предметом исследования: Латыпова С. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в историко-функциональном освещении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бирск, 2006; Отева К. Н. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в свете научно-философской рефлексии XX—XXI в.: смысл и ритм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

По мнению В. Страда, тот факт, что «в романе „идеал” терпит поражение», означает не что иное, как его триумф, поскольку в противном случае роман приобрел бы лишенную художественных преимуществ назидательность. Страда объясняет это следующим образом: «Чтобы не превратиться в абстрактный принцип, Мышкин, как князь добра, должен был погибнуть» (Страда, 1984. С. 63). «Чудо, которого Мышкин не мог совершить в романе, совершил его автор: Мышкин не мог „спасти” мир, однако Достоевский смог „спасти” Мышкина, спасти, разумеется, в плане поэтики романа, осуществив, таким образом, чудотворный акт повествованием о том, что не поддается повествованию, показом в мире романа „положительно прекрасного” человека, который сам по себе исключает нарративизацию <...> его (Мышкина. — Ред.) присутствие в романе равносильно загадке, и не потому, что у Достоевского он психологически не объяснен, — нелепо требовать этого для Мышкина, как ни для одного другого из персонажей Достоевского, заявлявшего, что он не „психолог”, — а потому, что его природа не поддается порядку рассудка, и сила его не в том, чтобы поставить „ординарный” вопрос: „Что делать?”, а в „необыкновенном” и радикальном вопросе: „Каким быть?”» (Там же. С. 64). См. ниже, с. 654, 664, 666—667.

Обдумывая образ «Князя Христа», Достоевский исходил не только из Евангелия; он учитывал сочувственно или полемически многочисленные позднейшие трактовки этого образа в литературе и искусстве, а также в современной ему философско-исторической науке.¹ Отдельного упоминания заслуживает соотнесенность образа князя Мышкина с народными представлениями о Христе и традициями агиографической литературы. Кроме того, отталкиваясь от реплики Рогожина: «...совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, Бог любит!» (8, 14), а также от подготовительных материалов, где мотив юродства, в особенности в первоначальных планах, играет важную роль в построении образа героя, исследователи рассматривают образ князя Мышкина на фоне православных представлений о юродивых. Формула «Князь Христос», с одной стороны, соотносится с народными представлениями о Спасителе, приходящем нищим, кротким и милосердным странником, с другой стороны, с образом древнерусского князя, как он был описан в летописях (в особенности это касается Владимира Мономаха) и представлен в иконописных образах (Тусичинский, 2013. С. 46—52). Типологические параллели находят между князем Мышкиным и царем Федором Иоанновичем из одноименной трагедии

¹ Творческим контактам Достоевского с народной легендой посвящена статья Л. М. Лотман, в которой соотнесены легенда о побратимстве с Христом, опубликованная в 1860-е годы в сборниках А. Н. Афанасьева и Н. И. Костомарова, и эпизод братания Мышкина с Рогожиным (см. подробнее: Лотман Л. М. Романы Достоевского и русская легенда // РЛ. 1972. № 2. С. 132—136).

А. К. Толстого.¹ Народные представления о Христе и юродстве как источнике образа князя Мышкина рассматриваются в работах В. В. Иванова, В. А. Михнюкевича, Т. Л. Новиковой, Т. А. Касаткиной, К. А. Степаняна и др.,² причем если Михнюкевич считает, что эта параллель также является частью образа «положительно прекрасного человека», то согласно мнению Степаняна Мышкин не выдерживает подвиг христианского юродства и именно потому возвращается к бессознательному, «безумному» состоянию.³ Как в свое время указывал Р. Г. Назиров, в судьбе Мышкина воплощается фабула о мудрости безумца, в которую Достоевский ввел «мифологический архетип Христа».⁴ Отталкиваясь от развития этой фабулы в русской литературе, Назиров предлагал считать источником романа также «Невский проспект» Н. В. Гоголя, герой которого Пискарев выступает безумцем, желающим спасти падшую женщину. Правда, как указал ученый, «в гоголевскую фабулу Достоевский ввел новую доминанту — мотив героического самопожертвования безумного героя: он становится искупительной жертвой за человечество. Любовь к падшей женщине и неудачная попытка ее спасения перестают быть определяющими в этой фабульной традиции».⁵

Как отметила Д. Л. Соркина, известную роль при создании образа Мышкина сыграли размышления Достоевского над «Жизнью Иисуса» (1863) французского писателя, философа и историка Э. Ренана (1823—1892),⁶ имя которого Достоевский трижды упоминает в подготовительных материалах к роману.

¹ Тоичкина А. В. Князь Мышкин и царь Федор Иоаннович: К проблеме соотношения эпического и трагического в романе «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 24. С. 76—82.

² Михнюкевич В. А. Князь Мышкин и Христос религиозного фольклора // «Идиот»: раздумья, проблемы. С. 31—46; Иванов В. В. Юродивый герой в диалоге иерархий Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 1994. Вып. 3. С. 201—209; Новикова Т. Л. Агиографические мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Русская литература XIX века и христианство*. М., 1997. С. 328—336; 2003. Т. 4. С. 637—647; Степанян, 2010. С. 155—182.

³ По мнению У. Забуковец, Мышкин не может отступить от миссии быть юродивым хотя бы потому, что у него такой миссии никогда не было. См.: *Zabukoves U.* Гностический спаситель или «ревностный христианин»? Об одном прочтении романа «Идиот» Достоевского // *Slavistična revija*. 2014. 62. Št. 3, julij—september. S. 580.

⁴ Назиров Р. Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Назиров Р. Г. *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход*. Уфа, 2005. С. 108.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ К. А. Степанян усматривает ряд параллелей не только с «Жизнью Иисуса» Ренана, но и с одноименным, более ранним по времени произ-

Достоевский прочел «Жизнь Иисуса» вскоре после ее выхода (см.: Соркина. С. 145—151) в связи с той ожесточенной полемикой (безусловно ему известной), которую книга вызвала в России и за рубежом — как в клерикальной, так и в литературной среде.¹ За границей, в период работы над «Идиотом», писатель, видимо, вновь перечитывал Ренана (см.: Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 45). Замысел последнего — воссоздать жизнь Иисуса на основе критической переработки Евангелия, с учетом данных современной истории и археологии, не мог не заинтересовать Достоевского, хотя в целом созданный Ренаном образ Христа не был для него приемлем вследствие «безверия» французского писателя.²

Черновые материалы к роману дают возможность довольно точно оценить значение книги Ренана в творческой истории «Идиота». Первое прямое упоминание о «Жизни Иисуса» (в *ПМ*₁) относится к началу ноября 1867 г., а последующие (в *ПМ*₂) — к середине сентября 1868 г. В сентябрьских записях Достоевский намечал сцену визита генеральши Епанчиной к Мышкину (ср.: 8, 291—297). При этом в рукописи названа тема беседы (вероятно, с Аглаей): Христос в книге Ренана (см. с. 314). Мнение князя о произведении Ренана в основе своей совпало бы, вероятно, с более поздним высказыванием о нем самого Достоевского. В главе II *ДП* за 1873 г. («Старые люди») автор говорит, что «в своей полной безверия книге» Ренан был всё же вынужден преклониться перед «сияющей личностью» Христа и признать, что Христос «есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем» (*Акад. ПСС*. Т. 21. С. 10—11). В этих словах Достоевский верно передает общий пафос французской книги: во все века не будет «среди сынов человеческих более вели-

ведением Д. Ф. Штрауса. Главным и ключевым сходством книг Ренана и Штрауса, согласно Степаняну, является отрицание Евхаристии как таинства и как события. В «Идиоте» вместо темы Евхаристии возникает тема антропофагии, проходящая через весь роман. См.: Степанян, 2010. С. 197—214. О параллелях между «Идиотом» и «Жизнью Иисуса» см. также: Ребель Г. М. Кто «виноват во всем этом»? Мир героев, структура и жанр романа «Идиот» // *ВЛ*. 2007. № 1. С. 194, 215—219.

¹ Косвенным подтверждением этого является упоминание о книге Ренана в «Бесах»: Достоевский пишет, что Степан Трофимович Верховенский прочел «Жизнь Иисуса» «лет семь назад» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 486—487). Следует отметить также, что в журнале «Эпоха» (1864. № 7. С. 1—32) был помещен перевод статьи Ренана «Древние религии».

² Характеристику отношения Достоевского к Ренану в контексте идейных споров 1860—1870-х гг. см.: Кийко Е. И. Достоевский и Ренан // *Д. Материалы и исследования*. Т. 4. С. 106—122; Koehler L. Renan, Dostoevsky and Fedorov // *Canadian-American Slavonic Studies*. 1983. Vol. 11. № 3. P. 362—371.

кого, чем Иисус» (Ренан, 1863. Р. 459). И в то же время писатель возвращается мыслью к собственному «символу веры», сложившемуся более чем за 10 лет до появления «Жизни Иисуса». Сразу по выходе из острога Достоевский так писал о своем (в некоторых моментах близком ренановскому) восприятии Христа: «...я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки». И дальше он говорит о своем преклонении перед *личностью* Христа, перед лучезарностью его *человеческих* черт: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (см. письмо к Н. Д. Фонвизиной от двадцатых чисел февраля 1854 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 176). Комментируя это письмо, А. С. Долинин высказал мысль, что «символ веры», выраженный посредством антитезы «Христос и истина», является весьма характерным для идеологии Достоевского (*Д, Письма*. Т. 1. С. 513). Согласно современным трактовкам этой важнейшей темы, необходимо учитывать значение слова «истина» в авторском употреблении: в контексте других высказываний писателя, истина может означать «логику земного мира». Это доказывает, как считает Б. Н. Тихомиров, что смысловым центром христологии Достоевского было не исповедание «Христа вне истины»,¹ но сюжет воплощения истины (уже в значении идеала) в «текущей действительности». В этом ключе нужно рассматривать и полемический по отношению к Ренану набросок в подготовительных материалах к роману «Бесы»: «Христос-человек (только человек. — *Ред.*) не есть спаситель мира и источник жизни» (*Акад. ПСС*. Т. 11. С. 179) (Тихомиров Б. Н. Христология Достоевского // Тихомиров, 2012. С. 28—91).

Среди набросков от 2 ноября н. ст. 1867 г. есть запись, фиксирующая начало одного из разговоров, в котором герой вспоминает: «В Швейцарии — мы там часто Евангелие читали, и я после Книги Ренана доктора спросил про крест» (с. 168). Смысл вопроса про крест, как и сопоставление Евангелия с «Жизнью Иисуса», делаются ясными из другого фрагмента на той же странице. Достоевский записал часть разговора Идиота с Умелкой. Запись начинается репликой героя: «<—> Но что казнь на кресте рассудок расстраивает. А он и рассудок победил». Видимо, под впечатлением от картины, нарисованной Ренаном в главе «Смерть Иисуса», Идиот спрашивал доктора, действительно ли казнь на кресте расстраивает рассудок. По мнению Ренана, Иисус умер внезапно, от апоплексии или от разрыва сосуда в области сердца: «За несколько мгновений перед тем, как испустить дух, голос его был еще

¹ По мысли Т. А. Касаткиной, многие современные исследования объединяет желание доказать, что «роман „Идиот“ был попыткой Достоевского остаться со Христом вне истины» (2003. Т. 4. С. 595).

твердым. Вдруг он испустил ужасный крик, в котором одни услышали: „Отче, в руки твои предаю дух мой!“, а другие <...>: „Свершилось!“» (*Ренан, 1863. Р. 425—426*). На этом-то последнем мгновении земной жизни Христа сосредоточены были, по-видимому, раздумья героя из *ПМ*₁, о котором в одной из заметок сказано: «Христианин и в то же время не верит» (с. 170). В жажде верить он хотел бы, говоря с Умецкой, убедить себя в том, что на кресте распинали Бога. Но впечатление от книги Ренана разрушает его надежду:

«— Что ж<,> это чудо?

— Конечно<,> чудо, а впрочем...

<—> Что?

— Был, впрочем, ужасный крик.

— Какой<?>

— Элой! Элой<!>

— Так это затмение.

— Не знаю — но это ужасный крик» (с. 168—169).

В изложении эпизода смерти Христа Достоевский (следуя Ренану) отступает от Евангелия, где слова «ужасный крик» отсутствуют. Однако последний возглас Иисуса он приводит не по Луке и Иоанну, как Ренан, а по Марку и Матфею. Слова в черновике писателя: «— Элой! Элой<!>» — начало восклицания «Элой, Элой! ламма савахфани?» («Боже Мой! Боже Мой! почто Ты Меня оставил?»), являющегося библейской цитатой (см.: Мк. 15:34; Мф. 27:46; ср.: Пс. 21:2).¹ См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 127, 77.*

Д. Л. Соркина отметила, что, подобно Ренану, Достоевский не лишил своего героя человеческих слабостей: князь часто находит в себе недостатки, которые видит в окружающих (*Соркина. С. 150*). «Он не был безгрешен, — писал автор «Жизни Иисуса», — он победил в себе те же самые страсти, с которыми боремся мы; никакой ангел Божий не поддерживал его, но лишь собственная совесть; никакой демон не искушал его, кроме того, который живет в сердце каждого» (*Ренан, 1863. Р. 458*). Следует добавить, что французский писатель имеет в виду евангельский сюжет: искушение Христа дьяволом. Искушение Христа не однажды упоминается в черновиках, в частности рядом с произведением Ренана, в записях от 2 ноября 1867 г. В *ПМ*₁ это тоже одна из тем разговоров Идиота с Умецкой (а в более ранних набросках — с Дядей); вероятно, писатель имел в виду и ренановское — психологическое — толкование. Во всяком случае, в окончательный текст вошел

¹ Фрагмент из подготовительных материалов, в котором делается предположение о помутнении рассудка Христа на кресте, может свидетельствовать не столько о победе природы над Христом, как выходит у Ипполита в «Необходимом объяснении», сколько о добровольном подчинении Христа всем слабостям человеческой природы, предполагающем слияние воли Бога и воли человека (*Тихомиров Б. Н. Христология Достоевского // Тихомиров, 2012. С. 61*).

очень настойчивый мотив «искушения» Мышкина «возмущающими нашептываниями» демона, вселившегося в его сердце. Князь пытается побороть «чудовищное», «унизительное» убеждение в том, что Рогожин замыслил его убийство, пытается победить «своего демона». Но «„внезапная идея“ его вдруг подтвердилась и оправдалась, и — он опять верил своему демону! <...> Странный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более» и т. д. (8, 213). Появление «демона» и «двойных мыслей» во внутренней речи князя Мышкина маркирует переход от первой ко второй части романа, и эти изменения в характере изображения героя позволяют исследователям строить различные трактовки становления его образа в целом романа. Сам «демон» при этом истолковывается как искажение положительно-прекрасного начала в образе героя (Касаткина Т. А. Комментарии // 2003. Т. 4. С. 615—625) или, напротив, как доказательство сопутствующего князю голоса истины (Соломина-Минихен, 2016. С. 155—167).¹ Вместе с тем обоснованным представляется взгляд Арпада Ковача, который, в русле концепции поэтической мотивации «двойных мыслей», предлагает считать их «результатом активного внедрения Мышкина в русскую действительность»² и следствием краха идиллического «швейцарского» представления о положительной природе человека. Сознание князя Мышкина «двоится» вследствие его шестимесячного опыта путешествия по России, «двойные мысли», ставшие предметом рефлексии, вызваны внутренним становлением героя и определяют переход к новой идее аристократической утопии, глашатаем которой Мышкин предстает в сцене «смотри». Симптоматично, как отмечает Ковач, что момент появления «двойных мыслей» и изложение идеи аристократической утопии оканчиваются эпилептическим припадком, становящимся своеобразным знаком прозрения.

Е. И. Кийко отмечает существенную как для Ренана, так и для Достоевского проблему связи между душевной болезнью и святостью,³

¹ По мнению Г. К. Щенникова, «нашептывания» демона явились переломным испытанием Мышкина, которое он проходит, пусть и ценой физического несчастья. См.: Щенников Г. К. К вопросу о «демоническом искушении» князя Мышкина // *Достоевский и современность*. Чт. 16 (2001). 2002. С. 227—233.

² Ковач Арп. Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Будапешт, 1985. С. 109.

³ Ср. параллели из книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса»: «Явления, которые в наше время считаются патологическими, как например эпилепсия, видения, были когда-то источником силы и величия», «народное мнение требовало, чтобы божественная сила в человеке являлась в виде эпилептического, конвульсивного начала» (Renan, 1863. P. 267, 361—362). См. также комментарий, касающийся описания падучей болезни, в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 18 томах (2003—2007. Т. 8. С. 487).

одновременно с нечеткостью и относительностью границ между ними. Однако если для Ренана, выступающего с атеистических позиций, безумие Христа-человека является единственным возможным объяснением его действий, то для Достоевского душевная болезнь Мышкина может сигнализировать о том, что «Победителем и Спасителем мира может быть только Богочеловек» (Степанян, 2010. С. 162).¹ Исключительность фигуры ребенка в книге Ренана корреспондирует, по мнению Б. Н. Тихомирова, с центральным положением темы «Иисус и дети» в разработке образа главного героя романа «Идиот» (Тихомиров, 2012. С. 237—262).² Кроме того, как для Ренана, так и для Достоевского важнее оказывается образ, а не учение: Христос Ренана и князь Мышкин Достоевского оказывают влияние всем своим обликом, особое значение в текстах приобретает их мимика, взгляд и улыбка (Соркина. С. 146—147).

При некоторых совпадениях с Ренаном столь же очевидны (и в окончательном тексте, и в черновых записях) принципиальные расхождения писателя с автором «Жизни Иисуса». Миропонимание Мышкина в основе своей «антиренановское». В процессе работы над романом многократно планировались высказывания Мышкина о Христе (в том числе, как говорилось выше, и о книге Ренана), которые содержали полемику с концепцией французского автора. Так, в одном из недатированных набросков говорится: «Князь умирающему Ипполиту против атеизма: „Я не знаю“, — и возражения за Христа (мои)» (с. 309; см. также записи на с. 304—308 и др.). Неверие и сомнения, мучившие Идиота ПМ₁, становятся трагическим уделом Ипполита. «Бунту» обреченного на смерть юноши Достоевский настойчиво противопоставляет мировосприятие своего «Князя Христа». В окончательный текст прямые упоминания о «Жизни Иисуса» не вошли. Но на первых страницах романа, в рассказе Мышкина лакею о смертной казни, встречаем строки: «Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят?» И несколько далее: «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?» А в подтверждение истинности слов князя Достоевский ссылается не только на свой личный трагический опыт (ожидание расстрела за участие в кружке Петрашевского), но и на евангельскую сцену в Гефсиманском саду (Мф. 26:38—39, Мк. 14:34—36, Лк. 22:41—42): «Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» (см.: 8, 22).

В ПМ₁ после разговора Идиота с Умецкой о смерти Иисуса упоминается «Рассказ о Базельском Христе» (над строкой записано:

¹ О болезни Мышкина как свидетельстве его христоподобия см.: Соломина-Минихен, 2016. С. 125—179.

² См. также: Саусу Н. Тихон Задонский и Достоевский: проблема нравственного воспитания в рассказе кн. Мышкина о Мари и детях // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2017. № 3. С. 92—102.

«Holbein»). Размышления над изображением мук Иисуса в книге Ренана ассоциировались у Достоевского с картиной «Мертвый Христос» (1521—1522), вокруг которой концентрируются многие важные идеи романа.

«Возросший на Карамзине», Достоевский очень хорошо знал и любил «Письма русского путешественника» (см. об этом: *Достоевский А. М., 1992. С. 70*, а также письмо Достоевского к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г. — *Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 153*). Из прочитанных не раз «Писем...» он мог получить первое представление об этой картине Г. Гольбейна Младшего (1497—1543) — самом трагическом из символов романа (*Гроссман. Биография. С. 411*).¹ Карамзин подробно описывает, как «с большим примечанием и удовольствием» смотрел картины «славного Гольбейна». Отзыв Карамзина о «Мертвом Христе» близок толкованию этого полотна в романе Достоевского: «В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно». И поясняя, сколь необычен этот образ, Карамзин добавляет, что, по преданию, Гольбейн писал картину с утопленника (см.: *Карамзин, Письма рус. путешественника. С. 98—99*). Достоевские познакомились с полотном Гольбейна 12 (24) августа 1867 г., примерно за месяц до начала работы над романом «Идиот», когда на пути в Женеву решили на сутки остановиться в Базеле.² В стенографическом «Дневнике» Анна Григорьевна отмечает, что произведение «Федю так до того поразило, что он провозгласил Гольбейна замечательным художником и поэтом» и, в отличие от нее, «восхищался этой картиной» (*Достоевская А. Г., Дневник. С. 234, 434—435*). Именно в дневнике есть указание, что

¹ Отмечено, что непосредственно отзыв Карамзина чрезвычайно мало говорил о «Мертвом Христе», кроме того, едва ли рекомендовал картину как значительное произведение искусства (*Caède E. Lecture d'un tableau. Le «Christ mort» de Holbein dans l'Idiot de Dostoievski // Annales de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de Nice. 1981. № 41. P. 108*). В исследованиях о картине Гольбейна распространено мнение, что именно Ф. М. и А. Г. Достоевские спровоцировали «большой диалог» об этом полотне, продолжившийся в XX в., о чем свидетельствуют, в частности, упоминания отрывков из романа «Идиот» и «Воспоминаний» А. Г. Достоевской в искусствоведческих и семиотических работах Герберта фон Айхена, Ю. Кристевой, К. Мюллера и др. Также и в истории русской художественной культуры XIX в. Гольбейн не вызывал особенного интереса до обращения Достоевского к его творчеству (*Марченко, 1991. С. 101—102*). Родственные Достоевскому мысли в отношении базельского художника, как считает Н. Перлина, высказывал В. К. Кюхельбекер, правда в дневниковых записях, не известных автору «Идиота» (*Перлина, 2017. С. 119—120*).

² В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская пишет, что остановка в Базеле была совершена именно с целью ознакомления с полотном Гольбейна, однако этого не подтверждают дневниковые записи.

Достоевский встал на стул, чтобы лучше рассмотреть полотно. В свою очередь, в «Воспоминаниях» вдова писателя стремится подчеркнуть болезненное и «подавляющее впечатление» от картины, почти приведшее Достоевского к эпилептическому припадку (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015. С. 218*). В примечании к соответствующей странице «Идиота» Анна Григорьевна констатировала тождественность восприятия «Мертвого Христа» писателем и его героем: «...он тогда сказал мне, что „от такой картины вера может пропасть”» (см.: *Гроссман, Семинарий. С. 59; ср.: 8, 201*). Различие между рассказом о базельской картине в «Дневнике» и «Воспоминаниях», на которое обращают внимание, в частности, Б. Н. Тихомиров (*Тихомиров, 2008. С. 208—210*) и Е. Г. Новикова, может объясняться тем, что на воспоминания жены писателя повлияли впечатления от романа «Идиот» (*Новикова, 2008. С. 419—423*). Это в очередной раз заостряет вопрос о том, насколько в репликах князя Мышкина и Ипполита эксплицирована точка зрения на картину самого Достоевского.

Изображение «Мертвого Христа», не вызвавшее большого интереса у Карамзина, в «Письмах русского путешественника» помещено в историко-искусствоведческий контекст (в частности, это упоминание друга Гольбеина базельского гуманиста Эразма, а также гравюрного цикла «Танец смерти»), косвенно свидетельствующий о важности для Карамзина темы всевластия смерти и вытекающей из нее необходимости построить положительную гуманистическую программу, в то время как Достоевский на передний план выводит проблему воскресения.¹ Новаторская образность гольбейновского полотна, особенности которой уловлены в описании Ипполита, — в частности, знаковое отсутствие на картине учеников,² — была во многом обусловлена нарожда-

¹ Казаков А. А. Картина Г. Гольбейна-Младшего «Мертвый Христос» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Карамзин и время / Под ред. И. А. Айзиновой, А. С. Янушкевича. Томск, 2006. Вып. 3. С. 252—256. По мнению автора статьи, мотивы «Танца смерти» вплетены в рассказ Ипполита о «Мертвом Христе». Интерес к гравюрному циклу Гольбейна могло вызвать у Достоевского предисловие к «Чертову болоту» Жорж Санд, в котором «Танцу смерти» уделяется большое место (*Гроссман, Биография. С. 411*). Однако известно, что сам Достоевский невысоко оценил снимок с «Танца смерти» в Базеле, прокомментировав его словами «Славны бубны за горами» (*Достоевская А. Г., Дневник. С. 233*). По мнению Е. А. Сливкина, гольбейновский «Танец смерти» является одним из визуальных контекстов романа и помогает осмыслить христианский и рыцарский дискурсы «Идиота» (*Сливкин Е. А. «Танец смерти» Ганса Гольбейна в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 17. С. 80—109*).

² Ср.: «Прежде всего, Гольбейн нарушает принципы *istoria* Альберти, оставляя тело в полном одиночестве. Отсутствие персонажей вокруг тела

ющимся кризисом религиозной живописи, вызванным Реформацией, а также близостью Гольбейна кругу гуманистов (в особенности, Эразму Роттердамскому) и начавшемуся процессу секуляризации. Перелом происходил и в отношении человека к собственной смерти.¹

Е. Г. Новикова, полагая, как и Казаков, что Достоевский вступает в полемику с Карамзиным и с перспективой гуманистического взгляда на творчество базельского художника, замечает, что именно Карамзин первым вписал картину Гольбейна, на которой изображено мертвое тело Христа во гробе, в иконографию «снятия со креста» (Новикова, 2008. С. 416—418), что повлияло и на описание, данное Ипполитом в романе. В его исповеди мотив даже усилен: герой Достоевского видит на картине «только что снятого со креста» Иисуса (что противоречит содержанию картины Гольбейна). Впечатление Ипполита, что лицо на картине сохранило «в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело закостенеть» (8, 376), в границах его экфрасиса соответствует *только что умершему*, хотя «много живого, теплого» герой замечает

Христа приводит к нарушению христианского нарратива: Христос уже не искупитель человечества, а просто мертвый человек, который был оставлен» (Farronato C. Holbein's «Dead Christ» and the Horror of the Broken Narrative // *Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics*. 1998. № 1 (3). P. 131).

¹ См.: Марченко, 1991. С. 103—104, 112—113. Типологические параллели между временем появления «Мертвого Христа», или, шире, Новым временем, и временем Достоевского (см., к примеру, Гуардини, 1994. С. 204—211) важны хотя бы потому, что одной из тем обоих произведений становится тема веры—неверия в божественность Христа, и раскрывается она посредством работы с логикой визуальной репрезентации. Дж. Гэтрэлл считает, что экфрасис, данный Ипполитом, может быть прочитан как аллегорическое изображение смерти Бога с точки зрения эпохи Просвещения (природа как машина, власть смерти, воскресение как миф и иллюзия). См.: Gatrall J. J. A. Between Iconoclasm and Silence: Representing the Divine in Holbein and Dostoevskii // *Comparative Literature*. 2001. № 3 (53). P. 217. Различие между принципами изображения религиозных сюжетов в западноевропейском искусстве и восточной иконописи рассматривается в качестве немаловажного контекста экфрасиса «Мертвого Христа» в работах Дж. Гэтрэлла, И. Молнар, Т. А. Касаткиной и др. Ценным представляется замечание В. А. Подороги, отталкивающегося от концепции «Человека перед лицом смерти» Ф. Арьеса, что именно ко времени появления «Мертвого Христа» формируется дискурс «собственной смерти», идея отдельного от Бога умирания, вызвавшая в иконографии изображение человека, в случае картины Гольбейна — Богочеловека, умирающего в знаковом одиночестве. Подробнее см.: Подорога В. А. «Мертвое тело Христа»: Комментарий к картине Гольбейна-мл. «Toter Christus» (1521) // Подорога В. А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 313—325.

уже в образе тела, помещенного в гроб. По мнению Новиковой, Достоевский сознательно усиливает «карамзинскую» традицию и изменяет акценты в описании картины для того, чтобы подчеркнуть двойственность темы смерти—воскресения в романе и остановить внимание на непреодолимой смертности человека, что выражает принципиальную неоднозначность функции гольбейновского полотна (Новикова, 2008. С. 423—427).

Несоответствие между картиной и рассказом о ней, представленное в экфрасисе «Мертвого Христа» в исповеди Ипполита, Т. А. Касаткина объясняет разностью позиций, с которых герои романа и сам Достоевский смотрели на картину, а также тем обстоятельством, что в романе представлена копия. По мнению исследовательницы, Достоевский влагает в уста Ипполита неверное описание картины, чтобы подчеркнуть момент наступающей смерти («живое» и «теплое» в лице Христа есть знак уходящей жизни), в то время как и гольбейновское произведение, и роман «Идиот» являют событие наступающей жизни, «разомкнутое» за пределы картины и романа.¹ Д. В. Токарев полемизирует с Касаткиной, напоминая, что характеристика живописного полотна в произведении входит в функциональную зависимость от нарратива и потому передача повествовательной инициативы Ипполиту (вне зависимости от ракурса) влияет на описание. По мнению Токарева, экфрасис героя зависит в том числе от месторасположения копии гольбейновской картины: именно тот факт, что картина помещена в мрачный рогожинский дом и как «картина Рогожина» описывается Ипполитом, исключает ее из «священного нарратива» храмового пространства, для которого она изначально предназначалась и в котором она бы осознавалась как этап на пути к Воскресению Христа, и десакрализует ее; описание Ипполита становится частью «дискурса о собственной смерти». Идея воскресения может раскрыться, как пытается показать Токарев, именно за счет отказа от непосредственного ее изображения, что проявляется как в картине, так и в романе.²

Картина играет важную роль в сюжетно-композиционной структуре романа. Разговор о «Мертвом Христе» в «Идиоте» ведется дважды, и оба раза за этим следует покушение на чужую (несостоявшееся убийство Мышкина Рогожиным) или свою (несостоявшееся самоубий-

¹ Касаткина Т. А. Картина Ганса Гольбейна Младшего «Христос в могиле» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: после знакомства с подлинником [2006] // Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 249—269.

² Токарев Д. В. Дескриптивный и нарративный аспекты экфрасиса: («Мертвый Христос» Гольбейна—Достоевского и «Сикстинская мадонна» Рафаэля—Жуковского) // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / Сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М., 2013. С. 61—109.

ство Ипполита) жизнь. С. Дж. Янг обращает внимание, что появление картины маркирует изменение сознания Мышкина, после чего наступает припадок (см. также с. 673 ниже).¹ Между двумя «появлениями» заключена «средняя» часть романа, в которой история Настасьи Филипповны уводится на периферию основного сюжета, и именно картина Гольбейна способствует впоследствии ее актуализации в заключительной части романа.²

Картина Гольбейна аккумулирует в себе не только центральные темы и мотивы «Идиота», но также и другие «картины», вместе составляющие «текст» внутри романного текста. Именно поэтому значение гольбейновского Христа в структуре «Идиота» можно понять, только учитывая взаимосвязь визуальных образов во всем произведении. А. Б. Криницын выделяет в романе пять связанных друг с другом «символических картин»: 1) фотографический портрет Настасьи Филипповны,³ 2) сюжет для картины, предложенный Мышкиным Аделаиде Епанчиной: изображение приговоренного к смертной казни, 3) портрет Семена Парфеновича Рогожина,⁴ 4) «Мертвый Христос» Гольбейна, 5) картина Настасьи Филипповны из письма

¹ Необходимо отметить, что вместо экфрастического описания картины Гольбейна при первом ее появлении в начале второй части романа, одновременно с постановкой вопроса о вере и неверии, следуют рассказы Мышкина «насчет веры» и предэпилептические блуждания по Петербургу, структурно заменяющие экфрасис и косвенно развивающие темы, навеянные картиной (*Перлина, 2017. С. 117—131*).

² Янг С. Картина Гольбейна «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» / Пер. с англ. Т. А. Касаткиной // *«Идиот»*, ССИ. С. 28—41. Н. В. Акимов полагает, что именно первое появление картины Гольбейна фиксирует окончание сюжетной линии «Князя Христа» как хриstopодобного персонажа и переход к сюжету «рыцаря бедного». См.: *Акимова Н. В. От Князя Христа к «рыцарю бедному»: (По роману Ф. М. Достоевского «Идиот»)* // *Славянский сборник* / Гл. ред. Н. А. Паршиков; науч. ред. и сост. Н. А. Переверзева. Орел, 2012. Вып. 10. С. 36—51.

³ Из недавних работ, посвященных конкретно фотографии Настасьи Филипповны, см., например: *Вахтель Э. «Идиот» Достоевского. Роман как фотография* / Авториз. пер. с англ. Я. Токаревой // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 57. С. 126—143; *Буров А. Оптическая возможность лика. Роман Достоевского «Идиот»* // *Studia Russica*. С. 80—86.

⁴ Связь гольбейновской картины с портретом отца Рогожина, в чьей характеристике совмещены западное («немецкий» покроя платья) и народное русское (уважение к старовеерам) начала, проявляется в визуальных переключках изображений. Картина Гольбейна предстает центром «отцовской» половины дома, тогда как вторая половина связана с образом слабой и молчаливой, но набожной матери. См.: *Swiderska M. Экфрасис в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» как прием культурного отчуждения* // *Studia Russica*. С. 49—53.

к Аглае.¹ Составляя «мистико-философский подтекст» «Идиота», эти «картины» порождают у наделенных особенным визуальным мышлением героев (князь Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна, Ипполит) «образы-видения», существенные в развитии романа.²

Символическое значение картины Гольбейна может быть, с опорой на текст романа, истолковано по-разному: неоднозначность самого символа задает амбивалентность характера связанных с ним центральных героев, прежде всего князя Мышкина, Рогожина и Ипполита.³ По мнению А. С. Глинки (Волжского), одного из первых интерпретаторов функции картины в романе, «Мертвый Христос» олицетворяет сомнение самого Достоевского в божественности Христа, которое писатель художественно воплощает и обостряет в образе интерпретирующего картину Ипполита. Трагическое сомнение в возможности воскресения и бессмертия, в пришествии Христа в силе и славе, переданное впоследствии Кириллову, видимым образом разрешается в романе «Идиот»,

¹ «Мертвый Христос», по мнению Г. Шолти, имеет аналог в «картине» Христа с ребенком, которую мысленно рисует Настасья Филипповна и которая иконографически связана с Мышкиным. Важно, что экфрасис Настасьи Филипповны появляется в тексте вслед за исповедью Ипполита, в которой представлена интерпретация картины Гольбейна: происходит диалог двух символических видений Христа, вследствие чего «Мертвый Христос» обретает нарративный статус и «возвращает» Мышкина к миссии спасения Настасьи Филипповны. См.: Solli G. Христос Ганса Гольбейна — Мышкин Настасья Филипповны. Картина Гольбейна как объект и субъект интерпретации // *Studia Russica*. С. 42—48. О переключке двух «картин» в структуре романа см. также: Бурдина И. Ю. Живописный образ Христа в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 10. С. 44—53.

² Криницын А. Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» // «Идиот», ССИ. С. 170—205. Е. Г. Новикова, интерпретируя те же ключевые пять «картин», рассматривает их с точки зрения центральной задачи романа «нарисовать лицо приговоренного» (Новикова, 2016. С. 14—82). О важности визуальных знаков, ключевых в описании «приговоренного к смерти», а именно лица, ножа и креста см.: Борисова В. В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 17. С. 102—107. Взаимосвязь трех символов: «трезубца» как формы «животного» из сна Ипполита, гильотины и ножа рассматривает С. Кори. Подчеркивается связь этих символов с мотивами «Египетских ночей» (Кори С. Смерть в сюжетном построении романа «Идиот» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 14. С. 130—138).

³ Дж. Мейерс замечает, что картина Гольбейна в романе наделена способностью окрашивать веру неверием, а неверие, напротив, верой. Подробнее см.: Meyers J. Holbein and «The Idiot» // Meyers J. *Painting and the Novel*. Manchester; New York, 1975. P. 136—147.

как считает критик, «проповедью» Мышкина, который прямо перед припадком в гостиной Епанчиных провозглашает «обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом» (8, 501).¹ Картина Гольбейна, вследствие своего прямолинейного реализма в трактовке религиозной темы,² часто рассматривается как символ непреодолимого зла,³ «антиикона» и «живописный гимн непобедимости смерти»,⁴ а также визу-

¹ Глинка А. С. [Волжский]. Религиозно-нравственная проблема у Достоевского [1905] // Глинка А. С. [Волжский]. Собр. соч.: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1: 1900—1905. С. 641—661. Подобной точки зрения придерживается М. Денн, в частности, утверждая, что в структуре романа картина Гольбейна эквивалентна речи Мышкина на «смотринах». См.: Денн М. Об использовании картины Г. Гольбейна в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и различиях между Россией и Западом // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013. С. 31—33.

² Исследователи высказывают предположение, что в интерпретации Ипполита преломлены многие мысли Достоевского о живописи. С. Даугович предлагает сопоставить с экфрасисом «Мертвого Христа» оценку Достоевским картины В. Якоби «Партия арестантов на привале» в статье «Выставка в Академии Художеств за 1860—61 год» и, в частности, того, как описывается фотографически правдоподобное мертвое тело одного из арестантов. Картина Якоби, которая во всем следует природе, «если смотреть на природу, так сказать, только снаружи» (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 153), именно в своей фотографической достоверности оказывается, по мнению писателя, ограничена, что обоснованно вызывает ассоциации с радикальным реализмом изображения тела Христа во гробе у Гольбейна в оценке Ипполита. См.: Даугович С. Н. Достоевский перед картиной Гольбейна (комментарий к теме) // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006. С. 159—166. Идея непродуктивности прямолинейного натурализма в изображении религиозных сюжетов высказана Достоевским также в оценке картины Н. Ге «Тайная вечеря», на которой изображено, по его мнению, как «просто перессорились какие-то добрые люди», и ничто не указывает на «последовавшие восемнадцать веков христианства» (*Акад. ПСС*. Т. 21. С. 76—77). Картина, таким образом, обнаруживает свою ограниченность (Лепяхин В. В. Икона в творчестве Достоевского: («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») // *Д. Материалы и исследования*. Т. 15. С. 261—262).

³ Натова Н. Метафизический символизм Достоевского // *Д. Материалы и исследования*. Т. 14. С. 38—41.

⁴ Лепяхин В. Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот»). С. 262. Ранее «антииконой» картину Гольбейна называл И. Молнар: Molnár I. «One's Faith Could Be Smashed by Such a Picture»: Interpretation of Word and Image

альное доказательство несостоятельности «положительно прекрасного человека» князя Мышкина.¹ Вместе с тем неоднозначность полотна Гольбейна определила прочтение картины, как она показана в романе, с точки зрения заключенной в ней идеи Божественного кенозиса, в связи с чем проблематика смерти—воскресения ставится в прямую зависимость от способности героев осознать неминуемую необходимость смерти, которая должна состояться для того, чтобы пришло воскресение. Именно поэтому Ипполит, не принимающий кенозиса Христа и соответственно неспособный поверить в воскресение, решается на последнее «свободное» действие: самоубийство.² В «кенотическом» истолковании символа актуализируется заложенная в романе тема испытания веры, инициированная описанием картины Гольбейна.³ «Мертвый Христос» потому поразил Достоевского и привел его героев в замешательство и смятение, что предельно выразил человеческую природу в Христе, для принятия которой необходимо принять и идеал кенотической красоты, считает Б. Н. Тихомиров (*Тихомиров, 2008. С. 211—217*).⁴ Христология писателя выражает себя в гольбейновской картине через требование «риска веры», который *иные* герои и читатели могут не выдержать (Там же. С. 216—217). По мнению В. Н. Захарова, сама картина Гольбейна парадоксальным образом свидетельствует не о смерти, а о готовящемся воскресении Христа, подобно тому как трагически заканчивающийся роман «Идиот» оставляет надежду на будущее обновление.⁵ Также и

(Icon) in Dostoevsky's Fiction: Holbein's «Christ in the Tomb» in the Ideological and Compositional Structure of the Novel «The Idiot» // *Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. 32. № 3—4. P. 245—258.

¹ К примеру, в работе: *Мановцев А. А. Свет и соблазн // «Идиот», ССИ. С. 250—290.*

² *Мартинсен Д. Повествования о самообособлении: Литературные самоубийства в творчестве Достоевского / Пер. с англ. Т. А. Касаткиной // «Идиот», ССИ. С. 425—434.*

³ Одна из основных идей, возникающих в связи с романским описанием картины Гольбейна, — идея сомнения в вере и испытания веры часто предстает проблемным центром в исследовательской литературе о романе. См.: *Дунаев М. М. Ф. М. Достоевский // Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. Ч. 3. С. 512—520; Kasack W. Dostojewskijs Prüfstein des Glaubens. Hans Holbeins Gemälde «Der Leichnam Christi im Grabe» im Roman «Der Idiot» // Stimmen der Zeit. 2001. № 11 (219). P. 744—756. В. Казак рассматривает образы Рогожина, князя Мышкина и Ипполита в связи с их отношением к картине Гольбейна.*

⁴ См. также: *Делл'Аста А. Красота и спасение в мире Достоевского / Пер. с итал. А. Шашковой // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3. С. 260—261; Сальвестрони. С. 72—80.*

⁵ *Захаров В. Н. Достоевский и Гольбейн: картина и ее образ в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 28. С. 65—73.*

Е. Г. Новикова настаивает на важности апофатического смысла картины, призывающего человека испытать на себе невыносимую мысль о страшном опыте смерти, и тогда откроется иное понимание «Мертвого Христа», свидетельствующее о начавшемся воскресении (Новикова, 2008. С. 426—428).¹ Кенотический, или, в других трактовках, антииконический образ Христа в романе «Идиот», выраженный в картине Гольбейна, нередко рассматривают как подготовительный этап на пути к образу Христа (и к метафоре «зерна») в «Братьях Карамазовых».²

¹ Т. А. Касаткина, Е. Г. Новикова и В. Н. Захаров в своих исследованиях подчеркивают тот факт, что новое прочтение места картины в романе открывается им не в последнюю очередь после ознакомления с подлинником в ходе экскурсии в Базель участников XII симпозиума Международного общества Достоевского, проходившего в Женеве 1—6 сентября 2004 г. Важным в новейших толкованиях функции картины Гольбейна является отрывок из «Софиологии смерти» о. Сергия Булгакова: «Он (Христос. — *Ред.*) мог помочь мне в моем страдании и умирании, только сострадая и умирая со мной. Я видел этот образ внутренним зрением, я чувствовал Его так, как Его чувствовал Гольбейн, а за ним Достоевский в своем страшном образе смерти Христовой, в котором передана, однако, не смерть, но умирание, не сила посмертного Преображения, грядущего с Воскресением и на пути к нему, но застывшая, остановившаяся на умирании смерть. Это именно соответствовало смертным дням Страстной седмицы, которые входили и проникали в мое существо. Раньше, в дни здоровья, я противился гольбейновскому трупному образу как неверующему и хульному изображению. Теперь оно для меня ожило в этом образе смерти как умирания, откровения о смерти в человеческом умирании в Богочеловеке. <...> У Гольбейна, хотя и в трупном образе, дано почувствовать не совершившееся, но еще лишь совершающееся умирание, самая его сила. Так я это чувствовал — не мыслью, но внутренним ведением, — тогда, когда сам лежал вместе с Ним, не мертвый, но лишь умирающий, и еще не труп, но в трупности не живой, хотя и не мертвый. Этому Христу я не мог — или не умел еще тогда — молиться. Я лишь мог Его любить и с Ним сострадать, поскольку и Он сострадал со мною. Чрез мое, человеческое, умирание для меня открывалось Его, человеческое в Богочеловеке, умирание» (Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 288). По мнению И. Л. Альми, именно «Мертвый Христос» является «формальным аналогом» композиционной замкнутости «Идиота»: картина обнажает в романе необходимость пережить реальность смерти Христа, поскольку «что бы ни последовало за бывшим — воскресенье в новую жизнь или цинизм распада, — земная потеря остается невосполнимой» (Альми. С. 372).

² Исходя из разных оснований, такой точки зрения придерживаются И. Молнар, Дж. Гэтрэлл, Т. А. Касаткина, С. Г. Бочаров и др. См., например: «Природа иначе двойится в глазах Ипполита, иначе в глазах князя — и совсем иначе, но тоже двойится в глазах Достоевского. Она заключает в себе смертный приговор человеку — всякому человеку, но —

В «иконографический контекст» романа входит, по мнению Г. А. Федорова, также картина Яна Мостарта «Се человек», которая была знакома Достоевскому, поскольку висела в церкви Преображения на Ордынке, построенной на деньги родственников Достоевского Куманиных. Сам дом московских купцов Куманиных, как убедительно показывает Федоров, мог служить прототипом дома Рогожиных, в то время как образ висевшей в их фактически домовой церкви трагической картины Мостарта контекстуально связан с «Мертвым Христом» в «одной из самых мрачных зал» (8, 376) дома Рогожина¹ и способен, считает исследователь, объяснить, почему изображение Иисуса во гробе описывается Ипполитом как снятие со креста (Федоров, 2004. С. 313—367).

Г. М. Фридлендер отмечал, что один из евангельских эпизодов получил в романе на первый взгляд неожиданное истолкование. Рассказывая Мышкину о своем плане обогащения, Ганя не утаил от князя и главной своей мечты: «...через пятнадцать лет скажут: „Вот Иволгин, король Иудейский“» (8, 117). В Новом Завете Царем Иудейским именуют Христа (см., например, Мф. 2:2; 27:11, 29, 37). В первом случае так Иисуса называют волхвы. Во втором — имеется в виду такое именование Христа во время суда над ним и казни, а также надпись, сделанная над головой распятого: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 76). Называя себя «королем Иудейским», Ганя вкладывает в эти слова смысл «король биржи», «Ротшильд».

Переосмысление указанного евангельского эпизода в романе Достоевского перестает быть неожиданным, если вспомнить отрывок из книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии»: «Бедный раввин Назаретский, над умирающей головой которого язычник-рим-

приговор возводится на степень *ultima ratio* — и „великому и бесценному существу”: Христос Гольбейна как аргумент Ипполита и Достоевского. Аргумент двоящийся тоже: для Достоевского, испытывавшего потрясенное впечатление от гольбейновского Христа и это собственное впечатление описавшего в романе устами трех его персонажей (Рогожина, князя и Ипполита), вопрос решался в конечном счете преобразованием природного образа, решался образом зерна: эпиграф к „Братьям Карамазовым”» (Бочаров С. Г. «О бессмысленная вечность!». От «Недоноска» к «Идиоту» // «Идиот», ССИ. С. 117—118).

¹ Е. И. Марченко замечает также, что в кругу Епанчиных упоминаются светлые образы Дармштадтской Мадонны Гольбейна, Дон-Кихота, «рыцаря бедного», в то время как в кругу (доме) Рогожина, как в некоем эпицентре зла, помещена картина «Мертвый Христос» (Марченко, 1991. С. 107—108). В финальной сцене романа образ мертвого тела Настасии Филипповны, вытянутого под белой простыней, становится своеобразной «цитатой» «картины Рогожина»; переключка полотна Гольбейна и изображения умершей героини подкрепляется обнимающим их пространством «мрачного», похожего на «кладбище» дома Рогожина (Там же. С. 97—98, 108).

лянин начертал злорадные слова „Царь Иудейский”, этот увенчанный терниями, облаченный в издевательскую багряницу и осмеянный царь Иудейский сделался в конце концов богом римлян, и они должны были преклониться перед ним! Подобно языческому Риму, был побежден и Рим христианский, и он стал даже данником. Если ты, дорогой читатель, в первых числах триместра отправишься на улицу Лафит, в дом № 15, то увидишь, как перед высоким подъездом из тяжеловесной кареты выходит толстый человек. Он поднимается по лестнице наверх, в маленькую комнату, где сидит молодой блондин, который, однако, старше, чем кажется с виду, в барской, аристократической пренебрежительности которого заключено нечто столь устойчивое, столь положительное, столь абсолютное, как будто все деньги этого мира лежат в его кармане. И в самом деле, все деньги этого мира лежат в его кармане, и зовут его мосье Джеймс де Ротшильд, а толстяк — это монсиньор Гримбальди, посланец его святейшества папы, от имени которого он приносит проценты по римскому займу, дань Рима» (Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1958. Т. 6. С. 86).

Перевод книги Гейне (под названием «Черты из истории религии и философии в Германии») был напечатан в журнале Достоевского «Эпоха» (1864. № 1—2. С. 281—324; № 3. С. 192—221). Этот перевод, «выполненный (или отредактированный), судя по двум примечаниям к нему, помеченным инициалами „Н. С.”, Н. Н. Страховым», подвергся при публикации сокращениям и искажениям (возможно, цензурного характера): «В частности, из процитированного отрывка в „Эпохе” была выброшена проводимая Гейне иронически-язвительная параллель между Ротшильдом и Христом (см.: Э. 1864. № 1—2. С. 319—320. — Ред.). Однако Достоевскому, без сомнения, был известен полный текст книги Гейне, и он воспользовался ею в „Идиоте”, где оба культурно-исторических символа, намеченных у Гейне, — тема Ротшильда и тема Христа — получили новую, „русскую” художественную интерпретацию в образах Гани Иволгина и князя Мышкина» (Фридлендер. С. 286—288).

Не менее важно, что царем иудейским именуется Ротшильд в гл. XXXIX пятой части «Былого и дум» (Герцен. Т. 10. С. 138). В этой главе внимание Достоевского могло остановить и высказанное самим Герценом убеждение в том, что «деньги — независимость, сила, оружие» (Там же. С. 132; ср. с монологом Гани Иволгина — 8, 116—117; см. об этом подробнее в комментарии Г. Я. Галаган к роману «Подросток» — Акад. ПСС. Т. 17. С. 292—299).¹

Как отмечалось выше, наряду с образом Христа — евангельского и ренановского — в поле зрения Достоевского при создании образа Мышкина присутствовали многие литературные образы: Дон-Кихот

¹ См. также: Подосокорский Н. Н. Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филол. журнал. 2020. № 1. С. 31—50.

Сервантеса, диккенсовский Пиквик,¹ Жан Вальжан Гюго,² пушкинский «рыцарь бедный». Особенно значительны в этом плане размышления писателя над «Дон-Кихотом», романом, который уже задолго до этого органически вошел в русскую литературную жизнь и получил множество интерпретаций; среди них наиболее известные принадлежат В. Г. Белинскому, Н. А. Добролюбову, И. С. Тургеневу, А. И. Герцену, Д. И. Писареву, В. А. Карелину.³

В библиотеке Достоевского имелся полный французский перевод романа Сервантеса, принадлежавший Луи Виардо (*Библиотека*. С. 214). Писателю мог быть знаком и вышедший в 1866 г. перевод В. А. Карелина, один из лучших в XIX в. русских переводов романа. Свое восторженное отношение к роману Сервантеса Достоевский выразил в ДП за 1877 год (сентябрь, глава II, § 1). «Здесь, — писал он, — подмечена великим поэтом и сердцеведеццем одна из глубочайших и таинственнейших сторон человеческого духа. О, это книга великая, не такая, какие теперь пишут; такие книги посылаются человечеству по одной в несколько сот лет. И таких подмеченных глубочайших сторон человеческой природы найдете в этой книге на каждой странице. <...> Эту самую грустную из книг не забудет взять с собою человек на последний суд Божий. Он укажет на сообщенную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества. Укажет на то, что величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие,

¹ О принципах изображения комического и серьезного в произведениях Диккенса и Достоевского см.: Тихомиров В. В. Мистер Пиквик и князь Мышкин: Типология характеров // *«Идиот»: раздумья, проблемы*. С. 122—135.

² Краткую сравнительную характеристику образов князя Мышкина и Жана Вальжана см.: Тоичкина А. В. Религиозно-философский смысл образа природы: («Отверженные» В. Гюго в контексте творчества Достоевского 1860-х гг.) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 18. С. 346—359.

³ См. об этом: Григорьев А. Л. Дон-Кихот в русской литературно-публицистической традиции // Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948. С. 13—23; Левин Ю. Д. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»: К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева // Учен. зап. Горьковск. гос. ун-та. 1965. Вып. 71. С. 122—163; Buketoff-Turkevich L. Cervantes in Russia. Princeton, 1950; Багно В. Е. 1) Дорогами «Дон-Кихота». М., 1988; 2) «Дон-Кихот» в России и русское донкихотство. СПб., 2009; Ziolkowski E. J. The Sanctification of Don Quixote. From Hidalgo to Priest. University Park, Pennsylvania, 1991; Айхенвальд Ю. А. Дон-Кихот на русской почве. Ч. 1. Дон-Кихот в империи Российской. М., 1996; Он въезжает из другого века... Дон-Кихот в России / Сост., вступит. ст. и примеч. Л. М. Бурмистрова. М., 2006; Сервантес: pro et contra. Дон-Кихот Сервантеса в русской мысли / Сост., вступ. ст. В. Е. Багно, коммент. О. А. Светлаковой, К. С. Корконосенко / Под ред. В. Е. Багно. СПб., 2012.

незлобивость, мужество и, наконец, величайший ум — всё это нередко (увы, так часто даже) обращается ни во что, проходит без пользы для человечества и даже обращается в посмеяние человечеством единственно потому, что всем этим благороднейшим и богатейшим дарам, которыми даже часто бывает награжден человек, недоставало одного только последнего дара — именно: *гения*, чтоб упредить всем богатством этих даров и всем могуществом их, — упредить и направить всё это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности, во благо человечества!» (*Акад. ПСС. Т. 26. С. 25*).

Первое сопоставление Мышкина с образами Дон-Кихота и диккенсовского Пиквика датировано в подготовительных материалах 21 марта н. ст. 1868 г. Но еще двумя месяцами ранее Достоевский почти в тех же выражениях писал С. А. Ивановой о Дон-Кихоте и Пикви-ке, раскрывая свое понимание этих образов: «Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть, является симпатия и в читателе» (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 251). И писатель противопоставлял центральный образ начатого им романа этим прекрасным душой, но «смешным» героям: «У меня нет ничего подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача» (Там же). Из черновых записей к роману ясно, что во избежание страшившей его «неудачи» он в начале работы над второй частью склонялся к мысли соединить в Мышкине обе черты, способные пробуждать симпатию в читателе: невинность и комизм. Но, создавая новый образ «прекрасного» человека, Достоевский постоянно заботился о том, чтобы не ставить героя в слишком обыденные и грубо-комические положения. Он не хотел унижить Мышкина осмеянием, как это нередко имеет место с Дон-Кихотом. В записи от 8 апреля н. ст. о князе — женихе Настасьи Филипповны — сказано: «Смешон. Как он отклоняет смех». В тех же записях (несколько далее) выражено намерение усилить «комическое» в герое и расширить сферу его проявления: «Несколько ошибок и комических черт Князя» (см. с. 251). В июне появилась запись: «*Вельмончек*, постоянно смеется над Князем и потешается им. <...> Ему всё в Князе *искренно* смешно, до самого последнего мгновения» (см. с. 299). Этим наброскам соответствуют другая июньская запись (с. 294) и многие места I и II глав третьей части романа (см.: 8, 298—324). Н. Н. Соломина-Минихен замечает, что не только и не столько сам Мышкин, сколько другие персонажи отклоняют от него смех, благодаря чему во многом и оказывается поддержана «серьезность» Дон-Кихота (*Соломина-Минихен, 2016. С. 71—76*).

В. Е. Багно указал на ряд параллелей с романом Сервантеса в подготовительных материалах к «Идиоту», впоследствии не вошедших в окончательный текст, но существенных при разработке образа главного героя. К примеру, эпизод в черновиках, в котором князь освобождает убийцу, а тот потом поджигает село (см. с. 249), восходит к истории, в которой Дон-Кихот освобождает каторжников, приговоренных к службе на галерах, поскольку они рождены свободными; это обнажает противопоставленность в сознании героев официального закона и мило-

сердной справедливости.¹ В самом романе параллель с «Дон-Кихотом» Сервантеса проявляется в сцене «смотрины» жениха Аглаи, когда князь Мышкин в своей проповеди «не чувствует реакции тех, с кем говорит; подобно герою Сервантеса, видит несуществующее, принимает одно за другое» (*Альми*. С. 370—371).² Н. Арсентьева обнаруживает ряд типологических сближений между исторической действительностью Испании времен Сервантеса и России времен Достоевского, что обуславливает художественную близость «Дон-Кихота» и «Идиота». Взлет национального самосознания, укорененного в религиозной идее, является основополагающей предпосылкой для появления двух утопических героев: Дон-Кихота и князя Мышкина. По мнению исследовательницы, благородная в своем основании интенция героев Сервантеса и Достоевского, влекущая трагические последствия, позволяет говорить, что, выводя в романах героев, обладающих утопическим сознанием, писатели в действительности строили антиутопию, разоблачая подводные камни книжного и умозрительного представления о духовном подвиге.³ С. И. Пискунова также считает, что двух героев сближает утопизм сознания. Исследовательница отмечает структурное сходство первой и второй частей романа Сервантеса с первой и второй «половинами» романа «Идиот». Во второй части и во второй «половине» соответственно персонажи появляются как «прославившиеся» в первой. Сближаются и цели героев: расколдовывание Дульсинеи и восстановление Настасьи Филипповны.⁴

¹ Багно В. Е. «Дон-Кихот» в России и русское донкихотство. С. 85—99.

² Выказано мнение о том, что эта сцена, как и ряд типологических сближений, демонстрирует «хлестаковские» психоповеденческие черты в образе князя, см.: Жаравина Л. В. Хлестаков и князь Мышкин // *Достоевский и мировая культура*. № 6. С. 169—182.

³ Арсентьева Н. Проблема национального идеала в творчестве М. де Сервантеса и Ф. М. Достоевского // *Достоевский и национальная культура*. Челябинск, 1996. Вып. 2. С. 65—87. Арпад Ковач также считал типологически схожими исторические ситуации Испании начала XVII в. и России второй половины XIX в. По мнению ученого, «серьезность» нового Дон-Кихота, князя Мышкина, задается не столько характером героя, сколько серьезностью исторической жизни (Ковач Арп. С. 320—322). Вариант «серьезного» Дон-Кихота отмечен в романе И. С. Тургенева «Рудин» (Кроо К. «Рыцарский» контекст романов «Рудин» Тургенева и «Идиот» Достоевского // *Литературоведческий журнал*. 2002. № 16. С. 117—125). См. также: Салеем Касем М. Хелал. Идеализм и реализм: национальная идентичность. Русское и испанское общество в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Мигеля Сервантеса «Дон-Кихот». Воронеж, 2014. Сопоставление биографий двух писателей, между творческими судьбами которых обнаружился ряд параллелей, см.: Степанян, 2013. С. 13—35.

⁴ Пискунова С. И. «...Кроме нас вчетвером»: Роман «Идиот» в зеркале «Дон-Кихота Ламанчского» // *ВЛ*. 2007. № 1. С. 165—189.

К. А. Степанян рассматривает образы Дон-Кихота и князя Мышкина с точки зрения постигшей их бытийной «неудачи», обусловленной прежде всего искажением реальности в их мечтах. Именно это объясняет, по мнению исследователя, их неспособность распознавать проявления греха в себе и в других, умозрительность их любви к женщине, предпочтение рыцарского идеала христианскому (Степанян, 2013. С. 127—172). На этом основании исследователь предполагает, что донкихотские черты можно обнаружить также и у великого инквизитора (Там же. С. 173—181).¹

По замыслу писателя, симпатия к князю должна возрастать оттого, что Мышкин принимает насмешливое отношение к себе как нечто совершенно естественное. Пробуждение сострадания «к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному» стало и для Достоевского одним из средств — хотя и не основным — воздействия на сердца читателей. При этом почти во всех случаях «осмеяния» героя острейшее сочувствие к нему испытывают — одновременно с читателем — и действующие лица романа (чаще всего Епанчины). Их экспрессивные высказывания способствуют раскрытию духовного облика князя и оберегают образ от снижения. Эта особенность (не характерная для романа Сервантеса) проявляется постоянно — и в эпизодах, исполненных мягкого комизма, и в остродраматических. Сосуществование в образе князя Мышкина трагических и комических черт является структурным принципом романа и позволяет раскрывать каждое событие в двух планах: реальном и сакральном.² Образ «положительно прекрасного» героя строится на

¹ В поиске культурно-исторических оснований появления героев-утопистов Дон-Кихота и князя Мышкина исследователи обращаются также к францисканскому мотиву «подражания Христу», гностическим и сектантским учениям. См.: Пискунова С. И. «...Кроме нас вчетвером»: Роман «Идиот» в зеркале «Дон-Кихота Ламанчского». С. 171; Попова И. Л. Другая вера как социальное безумие «частного человека»: («Крик осла» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») // ВЛ. 2007. № 1. С. 149—164; Степанян, 2013. С. 191—234.

² Ашимбаева Н. Т. Князь Мышкин как комический персонаж: Комическое между полюсами смешного и трагического, прекрасного и безобразного // Про memoria. Памяти академика Георгия Михайловича Фридендера (1915—1995). СПб., 2003. С. 195—203. Ср.: «Комическое в Мышкине — необходимое условие выявления в нем трагически-возвышенного, высокопатетического» (Чирков, 1967. С. 144). А. В. Злочевская рассматривает варианты проявления смеха героев: вымученный смех Гани, мрачный и злобный смех Рогожина, «маску» смеха Настасьи Филипповны и двойственность смеха Ипполита, шутовской смех и насмешку, детский смех Епанчиных и самого Мышкина. Начиная со второй части Мышкин вызывает всё больше поводов для осмеяния, в чем проявляется трагикомический слом его судьбы. См.: Злочевская А. В. Стихия смеха в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 1. Ч. 1. С. 25—47.

пересечении возвышенного и снижающего, чему, в частности, способствует комическое начало, а также прием «снижения» (кенозиса).¹

Следующее (после мартовского) прямое упоминание о Дон-Кихоте в подготовительных материалах датировано 8 сентября н. ст. Между тем в VI главе второй части (опубликованной в июне) автор — устали Аглаи Епанчиной — формулирует одну из главных идей романа: «рыцарь бедный» (князь Мышкин) — «тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический» (8, 229). Сущность отличия серьезного Дон-Кихота от комического с предельной четкостью раскрывается позднее в ДП за 1877 г. (февраль, гл. I, § 4).² Уподобляя герою Сервантеса Россию, Достоевский подчеркивал: «Над Дон-Кихотом, разумеется, смеялись; но теперь, кажется, уже восполнились сроки, и Дон-Кихот начал уже не смешить, а пугать. Дело в том, что он несомненно осмыслил свое положение в Европе и не пойдет уже сражаться с мельницами. Но зато он остался верным рыцарем, а это-то всего для них и ужаснее» (Акад. ПСС. Т. 25. С. 49; курсив наш. — Ред.). Характеристика «серьезного» Дон-Кихота, «осмыслившего свое положение», направившего силы «на правдивый, а не на фантастический и сумасшедший путь деятельности» (Там же. Т. 26. С. 25), данная образу в 1877 г., близка к идеям, возникавшим в пору работы над романом. Указание в ДП на то, что герою Сервантеса, как и многочисленным деятелям Дон-Кихотам, «пламенным друзьям человечества», не хватает единственного: способности «прозреть в истинный смысл вещей», не хватает «гения», которого «отпускается на племена и народы так мало, так редко» (Там же), делает особенно понятным, почему писатель такое значение придавал проницательности Мышкина, строя отношения его с другими героями как непрерывную цепь предчувствий, угадываний и прозрений. Героя своего романа Достоевский наделяет не только мудростью, но и способностью переживать минуты «высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и „высшего бытия“», испытывать «чувство полноты, меры, примирения и встревоженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни» (8, 208). В монологе Аглаи идея о серьезном Дон-Кихоте выражена косвенно — через сопоставление созданного Сервантесом образа с героем пушкинской баллады о «рыцаре бедном» («Легенда», 1829, сокращенная редакция — 1835). Из черновиков романа ясно, что оба эти образа соединились в сознании Достоевского не-

О трагическом и комическом см. также: *Чо Хе Кюн*. Проблема трагического и комического: (На материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»); Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

¹ О смешении возвышенного и снижающего, комическом начале и принципе кенозиса в романе «Идиот» см.: *Кунильский*, 2006. С. 123—168, 180—190; *Котельников В. А.* Кенозис как творческий мотив у Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 13. С. 194—200.

² См.: *Багно В. Е.* Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса // *Д, Материалы и исследования*. Т. 3. С. 126—135.

разрывно в ПМ₂. И почти до самого завершения «Идиота» происходило своеобразное синтезирование их черт в характере главного героя.

Достоевский в разное время намечал несколько вариантов сцены чтения пушкинской баллады. В окончательном тексте романа она подготовлена с большой тщательностью. Уже в начале второй части читатель узнает, что письмо от князя Аглая заложил, не отдавая себе в том отчета, в «Дон-Кихота Ламанчского». И когда через неделю «случилось ей разглядеть, какая была это книга», девушка «ужасно расхоталась — неизвестно чему» (8, 174). Лишь много позднее из «лекции» Аглаи о «рыцаре бедном» становится ясной причина этого смеха: именно тогда возникла у Аглаи мысль, что князь Мышкин (как и пушкинский «рыцарь бедный») — «тот же Дон-Кихот...». Достоевский собирался ввести далее и специальный эпизод, который по-иному, чем в окончательном тексте, прояснял бы чрезвычайную роль письма (см. запись от 15 апреля, с. 274). По одному из планов, Мышкин должен был прислать Аглае второе письмо, в котором бы «всё изложил ей», — судя по предыдущим записям, имеются в виду прежде всего отношения князя с Настасьей Филипповной. В другой, более ранней сцене: «Генеральша читает его письмо. „Какой такой «бедный рыцарь»<?> То-то она читает всё «Бедного рыцаря»». Аглая, не стыдясь, стала и прочла „Бедного рыцаря”» (с. 288, 249).

Текст стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» приводится по Собранию сочинений Пушкина, изданному в 1859—1860 гг. Я. А. Исаковым под редакцией Г. Н. Геннади (см. выше, с. 533, сноска 1), хотя в романе при этом упоминается собрание сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, которое вышло в 1855—1857 гг. В библиотеке Достоевского было именно это издание; его-то и предлагает «за свою цену-с» Лебедев генеральше Епанчиной (см.: *Библиотека*. С. 83, и 8, 235). В сокращенной редакции стихотворение было включено Пушкиным в «Сцены из рыцарских времен» (1835).

17 апреля 1868 г. Достоевский озаглавил серию черновых записей «Рыцарь бедный». Заметки эти проливают свет на роль в романе пушкинского стихотворения.

Сцене чтения баллады в «Идиоте» предшествует интродукция, начинающаяся с возгласа Коли Иволгина: «Лучше „рыцаря бедного” ничего нет лучшего!» Возглас этот — повторение слов Аглаи: «Я на собственном вашем восклицании основываюсь! — прокричал Коля. — Месяц назад вы „Дон-Кихота” перебирали и воскликнули эти слова <...>» (8, 227). Введение к сцене строится так, что генеральша Епанчина (а вместе с нею и читатель) начинает «очень хорошо понимать про себя», кто подразумевается под «рыцарем бедным». И только после того, как «шутка» заходит слишком далеко и в душе читателя уже многократно — при каждом новом упоминании о рыцаре — возникает образ Мышкина, начинается Аглаина «лекция». Из нее становится ясно, что в воображении Аглаи образы «бедного рыцаря» и Дон-Кихота стоят рядом, во многом сливаются. В черновом варианте эпизода Аглая заменяет буквы девиза, вполне раскрывая его значение (подробнее см. выше, с. 533).

Достоевский включил в роман и еще одну характеристику пушкинского произведения, предваряющую декламацию Аглаи. На гневный вопрос генеральши: «Растолкуют мне или нет этого „рыцаря бедного“?» — князь Ц. отвечает: «Просто-запросто, есть одно странное русское стихотворение <...> отрывок без начала и конца» (8, 228; курсив наш. — Ред.). Для полного понимания отзыва князя Ц. нужно учесть, что в 1866 г. Достоевскому стала известна не опубликованная Анненковым строфа баллады «Путешествуя в Женеву...» (см. выше, с. 533). Строфа эта, посвященная как раз видению рыцаря и наиболее очевидно раскрывающая смысл девиза, появилась в «Современнике». Она была приведена в статье «Уважение к женщинам»,¹ напечатанной без подписи (С. 1866. № 2. Отд. I. С. 275—319; № 3. Отд. I. С. 92—129).

И тема статьи, и общая ее тенденция не могли не заинтересовать Достоевского. В «историческом исследовании» М. А. Михайлова речь идет в основном о положении женщины в Германии. Но имеется в виду также и ее положение в России. На обширном материале автор стремится показать, что во все времена женщина «везде» оставалась «рабски подчиненною», и призывает увидеть в ней полноправного человека (С. 1866. № 3. Отд. I. С. 129). Связанные с пушкинской строфой рассуждения Михайлова безусловно должны были остановить на себе внимание писателя. «В культе Марии, который так развился в средние века, хотят видеть тоже какую-то связь с идеальным „служением женщинам“, — писал Михайлов. — Это обыкновенно объясняется цветистыми фразами: „Ореол с головы Марии был как бы перенесен на голову каждой женщины“ — и т. п. Рыцарь Пушкина был гораздо последовательнее. Как известно, он имел „непостижное уму“ видение <...>» (Там же. № 2. Отд. I. С. 305). Михайлов подчеркивает, что после видения Марии рыцарь не предался служению земной женщине, оставшись верен Богоматери. Правота героя так обосновывается Михайловым: «Если и были у рыцарства какие-то возвышенные идеалы, то их нечего было искать в жизни. Жизнь не могла удовлетворять заоблачных фантазий и претворяла их в очень земную практику» (Там же). Статья в «Современнике» могла навести Достоевского на мысль, что приведенная Михайловым строфа — не единственная неопублико-

¹ Принадлежность статьи М. А. Михайлову выяснена П. В. Быковым (см.: Михайлов М. А. Полн. собр. соч. / Под ред. П. В. Быкова. СПб., [1913]. Т. 1: Стихотворения оригинальные и переводные. С. 360). Факт публикации в «Современнике» этой пушкинской строфы установлен Н. Ф. Сумцовым (см.: Сумцов Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина [Романс: «Жил на свете...»] // Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899 г.). Харьков, 1900. С. 159; Иезуитова Р. В. «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика / Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л., 1974. С. 144).

ванная. Впечатление незавершенности баллады возникло у Достоевского, вероятно, еще и потому, что финал ее противоречил традиционному общехристианскому представлению о всегдашней «отзывчивости» Богоматери на обращенные к ней усердные моления¹ (ср. в романе «Бесы» (ч. 3, гл. 4) эпизод заступничества Богоматери за грешника сразу после его искренней покаянной молитвы — *Акад. ПСС. Т. 10. С. 428*). Писатель мог предполагать, что кроме строфы пушкинского стихотворения, появившейся в «Современнике», были и другие, в которых, в частности, говорилось о том, что непрестанное служение рыцаря Деве Марии не осталось без отклика (ср. с пространной редакцией баллады). Свое впечатление о фрагментарности стихотворения — «отрывок без начала и конца» — Достоевский и передал читателю.

В то же время мнение Михайлова о герое баллады не могло быть близко писателю: смысл слов Аглаи о «рыцаре бедном» им противоположен. Судя по монологу Аглаи, Достоевский не был склонен сомневаться ни в существовании «огромного понятия средневековой рыцарской платонической любви» (8, 229), ни в том, что и в его эпоху «живая жизнь» могла питать идеалы, близкие рыцарским. Князь Мышкин, «рыцарь бедный» XIX столетия, «полон чистую любовью» к земной женщине. Михайлов не допускает даже мысли о том, что венцом Богоматери рыцари могли осенять головы своих дам. Смысл же пушкинской баллады в контексте романа в том, что князь Мышкин приносит свою жизнь в жертву Настасье Филипповне — воплощению поруганной красоты, подобно тому как «рыцарь бедный» отдает себя служению «Марии деве». Как полагает А. В. Тоичкина, использование сокращенной редакции стихотворения Пушкина отвечает художественным задачам Достоевского и оставляет двусмысленность в истории «поклонения» «рыцаря бедного».²

Вместе с тем в «лекции» Аглаи противоречие: о «рыцаре бедном» она говорит с уважением, а об идеале его скептически. Историко-литературным источником двойственного отношения Аглаи к рыцарскому идеалу любви могла послужить вторая статья Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина», в которой разбирается перевод Жуковского баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (*Кунильский, 2006. С. 262—276*). Критик, как и Аглая, связывает такую любовь с образом «рыцаря печального образа» и, цenia способность Дон-Кихота совершать подвиги во имя своего идеала, сомневается в осмысленности и актуальности самого идеала платонической и аскетической любви в современном мире. И. Л. Альми полагает, что двусмысленный посту-

¹ См.: Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 500—508.

² Тоичкина А. В. «Рыцарь бедный» Пушкина в «Идиоте» Достоевского // «Идиот»: раздумья, проблемы. С. 90—97.

пок Аглаи привел в движение скандал, исполнителями которого была компания нигилистов, пришедших с Бурдовским. Эпиграмма на Мышкина, с одной стороны, сближена с коллективной эпиграммой на Достоевского (см. также: *Перлина, 2017. С. 177—187*), с другой стороны — с пушкинским «Жил на свете рыцарь бедный...». Образ «Картузова», появляющийся в воображении Достоевского во время работы над романом «Идиот», определен через поклонение идеалу (в описании характера обнаруживаются мотивы из «лекции» Аглаи), и стихотворение «Жил на свете таракан...» тоже может быть рассмотрено с точки зрения пародийного обыгрывания пушкинских строк (*Альми. С. 513—517*).¹ В. А. Викторovich считает, что пушкинское стихотворение стало одной из помещенных в роман интерпретаций истории «Князя Христа» и «падшей женщины» как варианта сюжетной ситуации «Россия и князь Христос».² Существует также предположение, что роль «рыцаря бедного» навязывается герою вопреки его воле другими персонажами романа и потому герой пушкинского стихотворения не может быть с определенностью рассмотрен в качестве источника образа Мышкина.³

После сцены чтения баллады Достоевский ввел в текст еще несколько упоминаний о «рыцаре бедном» с целью воскресить в памяти читателя весь комплекс литературных ассоциаций, синтезированных в образе Мышкина: Князь Христос, серьезный Дон-Кихот, пушкинский «рыцарь бедный» (см.: 8, 304, 314 и др.).

¹ См.: «Жил на свете таракан...»: Стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей. «Витязь горестной фигуры...»: Достоевский в стихах современников / Сост. Б. Н. Тихомиров. М., 2017. С. 223—227.

² Викторovich В. А. Пушкинский мотив в «Идиоте» Ф. М. Достоевского // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 126—136.

³ Ермилова Г. Г. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Поэтика, контекст: Дисс. ... докт. филол. наук. Иваново, 1999. С. 92. Изучая «рыцарский контекст» романа «Идиот» в связи с функцией пушкинского стихотворения, образом Дон-Кихота и текстами Жуковского, исследователи нередко проводят типологические параллели с такими явлениями рыцарства, как образ Персиваля (впервые: *Гроссман Л. П. Достоевский и Европа* // Гроссман Л. П. Цех пера. М., 2000. С. 133), орден тамплиеров (*Уиллс Ник [Сливкин Е. А.] Был ли Скупой рыцарь бедным, а Бедный скупым?* // *Звезда. 2002. № 6. С. 163—169*) и др. Начало такому сближению положили высказывания Вяч. И. Иванова (см.: *Иванов Вяч., 1987. С. 540*). О «рыцарском контексте» романа, в том числе в связи с указанными темами см.: *Ермилова Г. Г. «Пушкинская» цитата в романе «Идиот»* // *«Идиот»: раздумья, проблемы. С. 60—89; Тоичкина А. В. «Рыцарь бедный» Пушкина в «Идиоте» Достоевского* // Там же. С. 90—97; *Сливкин Е. А. «Танец смерти» Ганса Гольбейна в романе «Идиот»* // *Достоевский и мировая культура. № 17. С. 80—109; Степанян, 2010. С. 266—279; Новикова, 2016. С. 83—107.*

В подготовительных материалах к роману «Идиот» у Достоевского есть запись «— „Ведь у него 12 спящих дев”» (см. с. 250), позволяющая предположить, что в «рыцарский контекст» входит также балладное творчество В. А. Жуковского. По мнению ряда исследователей, в рассказе князя Мышкина о пребывании в Швейцарии и об особом спокойстве, настигающем его в одном месте в горах, реминисцируются отрывки из «Вадима», являющегося одной из двух частей «Двенадцати спящих дев».¹ Мотив «таинственного зова» и «поэтика „невыразимого”», восходящие к текстам Жуковского, связаны в романе Достоевского сразу с несколькими фрагментами, отсылающими к воспоминанию Мышкина, а также резонируют с мотивом «выкидыша» на «пиру жизни» в исповеди Ипполита, вызвавшей сочувственный отклик князя Мышкина. Как показывает Э. М. Жиялова, аллюзии на произведения Жуковского вводятся в текст романа в связи с темой смертной казни, мотивом «тюремного заключения, душевного и духовного одиночества и его преодоления». Реминисценции из «Шильонского узника», переходящие из рассказа Мышкина в исповедь Ипполита, соединяются с реминисценциями из «Вадима». Кроме того, следует учитывать в качестве источника стихотворение «Невыразимое».² Вадим и Мышкин — герои, цель которых спасение девушки; видение, которое является им, связано с ее появлением. По мнению Г. Г. Ермиловой, в Мышкине интерферировались черты «пушкинского „рыцаря бедного”, путешествующего в Женеву и по дороге к ней удостоившегося видения Матери Божьей, перевернувшего всю его жизнь, и русского „витязя” Жуковского. Уже на уровне поэтических ассоциаций начинает складываться облик „русского рыцаря”, русского европейца, призванного русской землей и ею же отторгнутого».³ Следует также отметить, что поэтика «невыразимого», мотивы «зова» и «выкидыша» на пиру жизни обнаруживают ряд параллелей с творчеством Ф. И. Тютчева (*Тусичишный*, 2013. 72—88, см. также ниже, с. 798—799), Н. В. Гоголя,⁴ а также с философией Платона.⁵

¹ Фомичев С. А. «Рыцарь бедный» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 274—277.

² Жиялова Э. М. Поэтика «невыразимого» в романе «Идиот»: (Ф. М. Достоевский и В. А. Жуковский) // *«Идиот»: раздумья, проблемы*. С. 47—59.

³ Ермилова Г. Г. «Пушкинская» цитата в романе «Идиот». С. 70. См. также: Кунильский, 2006. С. 276—286.

⁴ Ермилова Г. Г. Мотив визуально-акустического зова: К вопросу о гоголевском «присутствии» в романе «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 26. С. 47—53.

⁵ Ашимбаева Н. Т. Припоминание (анамнезис) в произведениях Достоевского: Роман «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 2. С. 27—36.

Одновременно как исторический прототип и часть историко-литературного контекста следует учитывать фигуру Наполеона, сопоставление с которой в первую очередь обусловлено признанием Мышкина в ответ на насмешливый вопрос Аглаи, не представляет ли он себя фельдмаршалом, разбивающим Наполеона: «— Ну, вот, честное слово, я об этом думаю, особенно когда засыпаю, — засмеялся князь: — только я не Наполеона, а всё австрийцев разбиваю» (8, 393, см. также коммент. ниже, с. 801, 808—813).¹ В наполеоновской новелле генерала Иволгина обнаруживается игра Достоевского с литературными штампами романтизма. Ее нацеленность на комический эффект очевидна, вместе с тем новелла своеобразно развивает важную для романа тему прощения; особенность развития этой темы в новелле состоит в том, что Наполеона «прощает» именно ребенок. Трактовка Наполеона в «Идиоте» ближе к трактовке пушкинского стихотворения, цитата из которого появляется в речи Иволгина, нежели к трактовке Раскольникова. «Мрачно-трагическая „поэма“ находит дополнение в комически-трогательной новелле» (Альми. С. 374—384).²

Е. И. Лысенкова полагает, что идеал отречения от «Я», появление которого во многом определяет эстетические размышления Достоевского при работе над романом «Идиот», связан также и с эстетикой Шиллера.³

И. А. Слизина (Подкопаева) и Г. К. Щенников предложили типологию источников образа князя Мышкина. С одной стороны, герой рассматривается как модификация типа «естественного человека», с которым Мышкина роднит «бессословность» и детскость. Первая черта является указанием на утопичность сознания Мышкина и связывает его с Дон-Кихотом и Пиквиком: «Подобно им, Мышкин сознает себя в родстве со всем миром, а между тем является отщепенцем, бездомным и одиноким странником» (Щенников, 1987. С. 247). С другой стороны, в Мышкине воплощен своеобразный вариант «чувствительного человека», связанный с мечтателем и социальным утопистом 1840-х годов. С ними героя сближает мечта о социальном переустройстве, об утопии всечеловеческого братства. Следование этой страсти делает его невольным нарушителем общественного спокойствия, в связи с чем его стремятся дискредитировать как чудака, идиота, эксцентрика (Там же. С. 248—249). Вместе с тем Мышкин, как демонстрирует Щенни-

¹ См.: Подосокорский Н. Н. Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009; Новикова, 2016. С. 216—241.

² Историко-литературный комментарий к вставной новелле см.: Подосокорский Н. Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Д, Материалы и исследования. Т. 19. С. 182—191.

³ Лысенкова Е. И. Шиллеровское начало в романе Достоевского «Идиот» // Традиции и новаторство в русской классической литературе (...Гоголь ... Достоевский...). СПб., 1992. С. 178—188.

ков, связан с гармоническими героями русской литературы, теми, кого Достоевский называл «сознателями правды народной» (*Акад. ПСС. Т. 24. С. 78*).¹

8

Мышкин изображен автором как вполне реальное лицо, со своей сложной земной индивидуальной биографией и судьбой. Называя его «Князем Христом», Достоевский имел в виду в первую очередь идеалы героя, его отношение к жизни и те убеждения, на которые он опирается в своем поведении. Образ «Князя Христа» введен в гушу событий современности, обрисованных в обычной для романиста реалистической манере, не только с точным приурочением действия к вполне определенному месту и времени, но и с вплетением в ткань романа многочисленных злободневных мотивов.

«Достоевский, — пишет исследователь, — в своем романе показал ту самую эпоху, полную противоречий, борьбы и поражений, которая выдвинула народников разных толков и направлений. <...> В романе идет спор о молодом поколении, о тех политических и нравственных проблемах, которые волновали молодежь 60—70-х годов <...> герой Достоевского и революционный народник — два психологических типа русского интеллигента, два решения одной социально-этической проблемы»,² внутренне соприкасающиеся друг с другом, но в то же время и противоположные. В связи с этим образ «положительно прекрасного человека» целесообразно рассматривать не только в диахроническом аспекте в сопоставлении со сложившимися в фольклоре и литературе типами, но также в синхроническом срезе в сопоставлении с героями русской литературы второй половины XIX в. Поиск гармонической личности был одним из главных векторов художественной мысли 1850—1860-х гг. Образ князя Мышкина соотнесен с системой персонажей романа Чернышевского «Что делать?», и прежде всего Рахметовым,³ может быть типологически сопоставлен с Иваном Петро-

¹ См. также: *Слизина И. А.* (Подкопаева И. А.) Творческая концепция «положительно прекрасного человека»: (Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

² См.: *Базанов В. Г.* Ипполит Мышкин и его речь на процессе 193-х // *РЛ.* 1963. № 2. С. 146—148.

³ *Нальгисва Х. Ш.* К проблеме идеально-положительного героя в романах «Идиот» Достоевского и «Что делать?» Чернышевского // *Актуальные проблемы литературы. Ростов-на-Дону, 1971. С. 112—125; Лотман Л. М., 1974. С. 243—256; Тамарченко Г. Е.* Чернышевский-романист. Л., 1976. С. 327—338. В современных исследованиях эта тема находит продолжение в работах В. Л. Сердюченко, по мнению которого образы Рахметова и Мышкина являются двумя вполне воплощенными ав-

вичем Белкиным (в интерпретации последнего самим Достоевским), с правдоискателями и праведниками из «Записок охотника» Тургенева, некрасовским Власом, странниками и богомольцами из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина, с праведниками Лескова (появившимися в литературе уже после «Идиота»), с героями-праведниками писателей-разночинцев (Щенников, 1987), Пьером Безуховым (Лотман Л. М., 1974. С. 277—278), Обломовым, с которым, как известно из воспоминаний М. А. Александрова, Достоевский сам сравнивал своего «идиота» (см. ниже, с. 622), и др., а также с образами Пушкина¹ и Жуковского (Кунильский, 2006. С. 284—286).

Образ Мышкина создавался Достоевским в Швейцарии, в Женеве, на родине Руссо. Воспоминания о руссоистском идеале «естественного» человека, история Каспара Хаузера, с которой Достоевский познакомился, вероятно, еще в России,² личные впечатления швейцарской жизни повлияли на отдельные детали биографии Мышкина до его приезда в Россию. Уединенная жизнь вдали от цивилизации, общение с природой, развитие «своего взгляда» («за границей выучился глядеть» — 8, 56, слова Аделаиды), сохранение простоты и невинности, свободная педагогическая система в отношениях с детьми сближают швейцарскую жизнь Мышкина с идеалом просветительского «естественного» человека. В романе Достоевского находит несомненное отражение образ Швейцарии и связанный с ней образ земного рая,

торскими представлениями «об абсолютно идеальной личности» (Сердюченко В. А. Футурология Достоевского и Чернышевского: князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // ВЛ. 2001. № 3. С. 66). Сопоставительный анализ двух героев в контексте мировоззрения писателей заканчивается предположением, что «в Мышкине и Рахметове реминисцированы черты личности Христа — в двух ее ипостасях, объективно явленных в текстах Евангелий: Христос с „миром” и Христос с „мечом”» (Там же. С. 77). Е. И. Кийко называет еще один вероятный источник замысла о «положительно прекрасном человеке», а именно роман «Жанна» Жорж Санд, с которым связаны как «Идиот», так и роман «Что делать?» (Кийко Е. И. У истоков замысла романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы взаимовлияния литератур: методология, история, эстетика. Ставрополь, 1993. С. 27—34).

¹ Фокин П. Е. Пушкинский контекст романа «Идиот» // «Идиот», ССИ. С. 163—169.

² О возможном знакомстве писателя с историей Каспара Хаузера, а также о влиянии, которое она могла оказать на замысел «Идиота», также как и на неосуществленный замысел «Император» (см. ниже, с. 927), см.: Архипова А. В. Достоевский и Каспар Хаузер // Д. Материалы и исследования. Т. 17. С. 108—115. Любопытно отмеченное еще Г. М. Фридендером «обратное» влияние образа князя Мышкина уже на образ героя в романе Я. Вассермана «Каспар Хаузер, или Леньность сердца» (1908). См.: Фридендер, 1985. С. 337.

развиваемый Карамзиным в «Письмах русского путешественника».¹ Л. М. Лотман полагала, что героя с идеалом Руссо связывает прежде всего независимость Мышкина от мнения окружающих, которое мотивирует действия всех персонажей романа: это делает «положительно прекрасного» героя Достоевского в известном смысле «дикарем» (Лотман Л. М., 1974. С. 258—261). В целом в романе выделяется «швейцарский мотив», отсылающий к концепции Руссо («о, князь, до какой степени вы еще, так сказать, по-швейцарски понимаете человека» — 8, 285, и др.).² Однако, несмотря на то что князь именно в Швейцарии поправляет физическое и психическое здоровье, мы узнаем из рассказа Мышкина о Мари, что и в швейцарской патриархальной среде, отделенной от тлетворного влияния цивилизации, проявляются те же пороки, в связи с чем можно говорить об открытой полемике с Руссо. Возможно, именно ограниченность просвещенческого идеала³ — одна из причин краха судьбы Мышкина.⁴ Выдвигается предположение, что князь Мышкин терпит поражение в попытке помочь Настасье Фи-

¹ Тусичишинский А. П. Диалог с Н. М. Карамзиным в романе «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 1. С. 181—187.

² О «швейцарском мотиве» в творчестве Ф. М. Достоевского, проливающим свет на логику построения образа главного героя романа «Идиот», см.: Ермилова Г. Г. Идея «приобщенной личности» в романе «Идиот» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 16. С. 137—149; Касаткина Т. А. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // «Идиот», ССИ. С. 75—79; Ашимбаева Н. Т. Швейцария в романах «Идиот» и «Бесы». К вопросу о поэтике топонима у Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 16. С. 177—185; Савенкова Е. С. «Швейцарские мотивы» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: к проблеме современной интерпретации образа князя Мышкина // *Вестн. Нижегородского ун-та. Сер. Филология*. 2006. № 1. С. 155—158; Орлова Е. А. Структура и функции идиллического пространства в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Достоевский и современность*. Чт. 22 (2007). 2008. С. 164—171; Животягина С. А. Швейцария и Петербург: динамика пейзажа и портрета в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения* — 2008. СПб., 2009. С. 69—73; Степанян, 2010. С. 266—279.

³ Существует мнение, что «Идиот» и образ князя Мышкина служат разоблачению руссоистского идеала. См., например: Ковач Арп. С. 315—320.

⁴ Элочевская А. В. Гуманистический идеал Просвещения и образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Филологические науки*. 1989. № 2. С. 18—25. А. Е. Кунильский полагает, что для Достоевского было «важно начало деятельности Мышкина показать на фоне протестантского ригоризма — аналогичного ветхозаветному законничеству» (Кунильский А. Е. Роман о христианине // 1995. Т. 8. С. 669).

липповне и Ипполиту именно в силу того, что восстанавливает в правах только человеческую правду и действует с точки зрения принципиальной «естественной» невинности всех героев (*Касаткина Т. А.* Что если Он — не Бог? // 2003. Т. 4. С. 17—19).

В рассказе князя о его жизни в Швейцарии отчетливо звучит мотив, который делает Мышкина антиподом образа «естественного» человека в понимании Руссо.¹ Для Руссо и других просветителей XVIII в. представление о «естественном» человеке было неразлучно с представлением о здоровье. Нормальная, неиспорченная человеческая природа казалась им такой же здоровой, как вся природа вообще. В Мышкине же представление о «естественном» человеке противоречиво сочетается с представлением о болезни. Но если физическая болезнь князя Мышкина и противоречит идеалу «естественного» человека, то одновременно сближает его с образом автора в «Исповеди», которому с самого детства были свойственны слабость и недуги. Генетическая связь между героем «Исповеди» и образом «положительно прекрасного человека» Достоевского выражена в сходстве биографических деталей, поведен-

¹ Об отношении Достоевского к Руссо и о возможном пародировании «Исповеди» в рассказах гостей об их дурных поступках на именинах Настасьи Филипповны (в том числе в признании Фердыщенко об украденных трех рублях) см. в статье: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // *Жан-Жак Руссо. Трактаты* / Отв. ред. А. З. Манфред. М., 1969. С. 603—604. (Сер. Лит. памятники). Ориентация на форму исповеди вообще свойственна многим фрагментам романа и обыгрывается в разных ситуациях: рассказ князя Мышкина о швейцарском прошлом, воспоминания Рогожина о жизни с Настасьей Филипповной, «Необходимое объяснение» Ипполита, письма Настасьи Филипповны к Аглае. О форме и сущности исповеди у Руссо и Достоевского см.: *Jones M. V.* Dostoevsky, Rousseau and Others // *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 81—93; *Miller R. F.* Dostoevsky and Rousseau: The Morality of Confession Reconsidered // *Western Philosophical Systems in Russian Literature*. Los Angeles, 1979. P. 89—101; *Barran T.* Dark Uses of Confession: Rousseau and Dostoevsky's Stavrogin // *Mid-Hudson Language Studies*. 1978. P. 97—112; *Howard B. F.* The Rhetoric of Confession: Dostoevskij's «Notes From Underground» and Rousseau's «Confession» // *Slavic and East European Journal*. 1981. № 4 (25). P. 16—32; *Coetzee M.* Confession and Double Thoughts: Tolstoy, Rousseau, Dostoevsky // *Comparative Literature*. 1985. Vol. 37. № 3. P. 193—232. Вставные новеллы в сцене пети-жё важны не сами по себе (как определенный прием сообщения внешней основному сюжету информации) — акцентируется внимание на их способности характеризовать персонажа. Изящная литературность рассказа Епанчина, надменность и игривость Тоцкого обличают их двуличность и выразительно характеризуют не только их речь, но и сферу поступков. См. об этом: *Володин Э. Ф.* Пети-жё в «Идиоте» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 6. С. 73—80.

ческих особенностей и мировоззренческих принципов.¹ Вместе с тем отмечается, что герой «Исповеди» нередко противоречит своими действиями проповедуемому идеалу «естественного» человека, в то время как очарование образа князя Мышкина состоит именно в совпадении поступков героя и его нравственных принципов, в силе его образа.²

Духовно сформировавшийся в Швейцарии, в горах, среди патриархального пастушеского народа, в общении с детьми и природой, Мышкин уже сложившимся человеком возвращается в Россию, и это позволяет Достоевскому обрисовать в романе русское общество второй половины 1860-х годов со свойственными ему социальными и моральными противоречиями. Идеал «детскости», сближающий семантическую структуру «Идиота» также и с идеями Руссо, существенным образом переосмыслен Достоевским: «детскость» в ценностной перспективе романа свидетельствует не столько о возвращении к исконно положительной природе человека, как в идеале просветителей, сколько о намеке на будущее подлинное братство.³ Ряд руссоистских мотивов в тексте романа отметил А. П. Тусичишный, по мнению которого отношение к сопернику в любви как к другу и брату сближает князя Мышкина с образом автора из «Исповеди» Руссо (*Тусичишный, 2013. С. 38*). В то же время любовный треугольник Аглая—Настасья Филипповна—князь Мышкин обнаруживает связь с «Любовной историей милорда Эдуарда Бомстона» из «Юлии, или Новой Элоизы», в которой, как и в истории князя Мышкина, любовь, принимающая форму сострадания-долга, приводит к трагическому финалу (Там же. С. 42—43).⁴ Исследователь также указывает (Там же. С. 38), что центральное положение сострадания в этике Мышкина («Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» — 8, 212) оказывается близко представлению Руссо о сострадании в «Рас-

¹ Подкопаева И. А. Образ Ж.-Ж. Руссо в романе «Исповедь» и князь Мышкин: сходство и различие вариантов «естественного» человека // Типология литературного процесса. Пермь, 1988. С. 71—81; *Тусичишный, 2013. С. 36—45*.

² О князе Мышкине как пародии на Руссо см.: *Mairs T. E. Rousseau and Dostoevsky; The hidden polemic // Ulbandus Review. 1979. № 1 (2). P. 146—159; Orwin D. The Return to Nature: Tolstoyan Echoes in «The Idiot» // The Russian Review. 1999. Vol. 58. № 1. P. 87—102.*

³ Слизина И. А. (Подкопаева И. А.) Творческая концепция «положительно прекрасного человека»: (Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 9.

⁴ Л. Федорова предлагает учитывать в качестве одного из претекстов романа «Идиот», в частности для истории любовного треугольника Аглая—Настасья Филипповна—князь Мышкин, сказку Гофмана «Золотой горшок», см.: *Федорова Л. Гофман, Апулей и Достоевский: О системе подтекстов в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 30. Ч. 2. С. 111—119.*

суждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми»: «Итак, совершенно очевидно, что сострадание — это естественное чувство, которое, умеряя в каждом индивидууме действие себялюбия, способствует взаимному сохранению всего рода. <...> Словом, именно в этом естественном чувстве скорее, чем в каких-либо хитроумных соображениях, следует видеть причину того отвращения к содеянию зла, которое всякий человек испытывает, даже независимо от тех или иных принципов воспитания».¹ В свою очередь, идеал природы, незыблемый в концепции Руссо, ставится под вопрос в «статье» Ипполита, природа для умирающего Ипполита не совершенна, «природа насмешлива» (8, 274). В образе Ипполита выражена полемика с представлением автора «Исповеди» о болезни (*Тусичишный*, 2013. С. 41—42). Серьезно заболев, герой «Исповеди» сперва «лег в постель»,² но в скором времени радостно отметил: «Наконец, несмотря на свое состояние, а вернее, благодаря ему, я почувствовал в себе непреодолимое влечение к знаниям и, продолжая считать каждый новый день последним днем своей жизни, я занимался с таким пылом, будто собирался жить вечно».³ Ипполит же с горькой иронией констатирует, что не мог начать в сознании близкой смерти ни одного дела, требующего длительного времени (8, 363).

Влияние сентиментализма на поэтику романа «Идиот» не ограничивается полемикой с Руссо.⁴ Отдельно следует отметить параллель между историей швейцарской Мари и «бедной» Марии («роог Мага»), фрагментарного персонажа романов Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». Покинутая возлюбленным после несправедливого действия приходского юре, поселанка Мария сходит с ума, проводит большую часть времени в поле и играет на свирели мелодию гимна Божьей Матери; герои Стерна проникаются к ней состраданием. Рассказывающий в «Сентиментальном путешествии» об этом случае Йорик сравнивает себя с Рыцарем печального образа, что задает «сентиментальный аспект Дон-Кихота», важный для понимания романа «Идиот».⁵

С первых страниц романа князь Мышкин заявляет себя горячим противником смертной казни (ср. слова: «Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление» — 8, 22). В «человеке» — лакее Епанчиных, он, по ироническим словам Достоевского, признает человека, чем сбивает лакея с толку. С одинаковой любовью

¹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 98—99.

² Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М., 2004. С. 229.

³ Там же. С. 234.

⁴ Иванов М. В. Заключение. Положительно прекрасный человек // Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма. СПб., 1996. С. 322—336.

⁵ Там же. С. 323—324.

и состраданием князь относится ко всем обиженным и несчастным — Ипполиту, Бурдовскому, Настасье Филипповне, генералу Иволгину.¹

В более раннем творчестве писателя, от произведений 1840-х годов до «Преступления и наказания», в центре внимания Достоевского часто оказывались условия жизни разночинного населения Петербурга. Не случайно почти всё действие указанного романа было сосредоточено в одном сравнительно небольшом районе столицы, прилегающем к Сенной площади, с многоэтажными грязными домами (населенными мещанским людом), торговыми рядами, трактирами, «заведениями». В «Идиоте» в отличие от этого дана более широкая панорама жизни петербургского общества. Читатель попадает вместе с героем и в богатый особняк генерала Епанчина, и в дом купца Рогожина, и на вечеринку у «содержанки» Настасьи Филипповны, и в скромный деревянный домик чиновника Лебедева. Не ограничиваясь изображением столь различных сфер петербургской жизни, Достоевский на лето перевозит своих главных героев на дачу, в Павловск, а в конце романа рассказывает об их жизни за границей.

Значительно шире и пестрее, чем в «Преступлении и наказании», и крут персонажей «Идиота». Выводя на его страницах множество лиц, принадлежащих к различным слоям общества и — так или иначе — преломляющих в своей судьбе типичные черты эпохи, Достоевский стремился дать в романе широкую и полную картину социально-психологических настроений русского общества второй половины 1860-х годов.

В бытовых и психологических контрастах романа резко и выпукло отражены те процессы социальной и моральной деградации, роста богатства одних и обнищания других, разрушения «благообразия» дворянской семьи, которые вновь и вновь притягивали к себе внимание Достоевского после реформы.² Богатому аристократу Тоцкому и Епанчину, выбившемуся из низов, но сумевшему завязать прочные служебные связи и найти покровителей в высших аристократических и бюрократических сферах, в «Идиоте» противопоставлен потерявший всякое «благообразие», спившийся отставной генерал Иволгин. Семья Иволгиных — одна из первых попыток Достоевского воплотить тему, которую он сам не раз определял как тему «случайного семейства» и

¹ Тонкий анализ образа Мышкина во всей его противоречивости дан в статье: Берковский.

² «Прекрасное, необыкновенное в Мышкине раскрывается преимущественно в процессе разнообразных сопоставлений и противопоставлений героя окружающим в самых различных поворотах и ракурсах <...>», — справедливо пишет исследователь в статье, специально посвященной анализу системы этих сопоставлений (см.: Евнин Ф. И. Мышкин и другие: (К столетию романа «Идиот») // РЛ. 1968. № 3. С. 37—51). О единстве нравственно-психологической и социально-критической проблематики романа см. также главу «Проблема человека-„универса”» в кн.: Чирков, 1967. С. 115—146.

которая заняла центральное место в последующих его романах. Достоевский называл так семью из дворянской среды и вообще из имущих слоев общества, в жизни которой резко проявляются взаимное отчуждение, распад родственных связей.

Образ Рогожина, «названного брата»¹ и в то же время соперника и трагического антипода Мышкина, вставлен в романе в широкую историко-психологическую перспективу.

Рогожин (самая фамилия которого образована автором от названия Рогожского кладбища в Москве — центра московской общины старообрядцев)² — сын богатого купца, наследник огромного состояния. Отец его, как и многие другие представители русского купечества, вышел из народной среды. Однако Достоевский видел в предках Рогожина людей, хотя и вышедших из народа, но социально и морально разьединенных с ним, порвавших с народными идеалами и народной совестью. Отсюда нравственное безобразие купечества, отсюда же и отмеченная в романе связь купечества с сектантством. У Рогожина процесс этот зашел еще дальше, чем у его отца; Рогожин потерял религиозную веру, что, с точки зрения Достоевского, было крайним выражением духовного кризиса, переживаемого теми русскими людьми, которые оторвались от народной «почвы».

И всё же под пластами чуждых наслоений в Рогожине сохранились и национальные, народные черты. Народное в образе Рогожина вступает в непримиримую борьбу с купеческим, человеческое — с собственническим. Страсть Рогожина к Настасье Филипповне и есть проявление этой борьбы, бунт страстной и сильной натуры против безобразия и нравственного оупения его среды. Но в самом этом бунте Рогожин остается психологически близким традициям той среды, против которой стихийно восстает. Любовь Рогожина — это одновременно и глубокое человеческое чувство, и мрачная страсть собственника.

В предисловии к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1862; *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 28—29) До-

¹ О значении мотива «братства» между Рогожиным и Мышкиным см.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский*. М., 2000. С. 370—373; *Громов П. П.* «Поэтическая мысль» Достоевского на сцене // *Громов П. П. Герой и время: Статьи о литературе и театре*. Л., 1961. С. 350—382. Из современной литературы см., например: *Фокин П. Е.* «Лицом к лицу»: к спорам о центральном образе романа «Идиот» // *Поэтика Достоевского: статьи и заметки*. Riga, 2007. С. 45—53.

² О возможной семантике других — в частности, «звериных» (Мышкин, Барашкова) и «птичьих» (Иволгин, Лебедев, Птицын) — фамилий персонажей «Идиота» см.: *Бем А. Л.* Личные имена у Достоевского // *O Dostojevském: Sborník statí a materiálů*. Praha, 1972. С. 244—286; *Альтман*. С. 67—74; *Курганов Е.* Звериные фамилии в «Идиоте» Ф. Достоевского // *Звери в их репрезентации в русской культуре* / Под ред. Л. Геллера и А. Виноградовой де ля Фортель. СПб., 2010. С. 105—112.

стоевский определил основную тему всей гуманистической литературы XIX в. как призыв к «восстановлению погибшего человека». Эта тема нашла свое непосредственное выражение и в «Идиоте» — в образах Настасьи Филипповны и Ипполита. Создавая Мышкина, Достоевский оглядывался на Дон-Кихота, Жана Вальжана, Пиквика;¹ при обдумывании и разработке образа Настасьи Филипповны в поле его внимания находились не только Мария Магдалина,² но и Исидора из одноименного романа Жорж Санд (1845), и спасаемая Вальжаном Фантина (из «Отверженных» В. Гюго, 1862),³ задыхающаяся в мире посредственности и тупого провинциального мещанства, трагически гибнущая Эмма Бовари (героиня романа Г. Флобера, 1857; этот роман Настасья Филипповна читает незадолго до своей смерти — см. ниже, с. 828, а также: 8, 551) с ее глубокой тоской и романтическими мечтами о счастье; жертвующая собою во имя счастья любимого человека Маргарита Готье — героиня романа и драмы А. Дюма-сына «Дама с камелиями», весьма популярных на Западе и в России в годы писания «Идиота» (см. выше, с. 472, и ниже, с. 722, 732). О художественной полемике Достоевского с данным в романе и драме Дюма-сына истолкованием образа «падшей женщины» и ее взаимоотношений со светским обществом, — истолкованием, не удовлетворявшим писателя своим мелодраматизмом и плоским морализмом, а также о смысле ирониче-

¹ На сходство некоторых ситуаций «Идиота» с другим романом Диккенса — «Наш общий друг» — указал Ф. И. Евнин (см. его статью: Об источниках романа Достоевского «Идиот»: («Идиот» и «Наш общий друг» Диккенса) // Искусство слова: Сб. ст. к 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого / Отв. ред. К. В. Пигарев. М., 1973. С. 208—216).

² По мнению Н. Перлиной, в романном описании встреч Мышкина и Настасьи Филипповны, а также в письмах последней к Аглае отразились житийная и иконографическая традиции изображения Марии Магдалины и Марии Египетской (Перлина, 2017. С. 217—231). Авторы современных работ, посвященных «Идиоту», склонны истолковывать реминисценции из Евангелия, связанные с блудницей и Марией Магдалиной, как пародию Достоевского: вместо признания греха и прощения «блудницы», князь Мышкин, по мнению этих исследователей, основывается на ее изначальной, ничем непоколебимой невинности, оправдывая все ее действия обстоятельствами, тем самым исключая для героини возможность спасительного покаяния: Левина А. А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века. С. 343—368; Касаткина, 1996. С. 252—273; Степанян, 2010. С. 170—171.

³ О сюжетных переключках между «Исидорой» Жорж Санд и «Идиотом» см.: Flick V. «Der Idiot» und «Isidora». Zu den literarischen Beziehungen Dostojewskis zu George Sand // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1971. Bd. 208. S. 367—369. Об отношении Достоевского к роману «Отверженные» см.: 7, 500—501, 768—769.

ского наименования соблазнителя Настасьи Филипповны Афанасия Ивановича Тоцкого «господином с камелиями» («камелия» — завоевавшее популярность под влиянием романа Дюма прозвище публичной женщины, содержанки¹) см.: *Фридлендер*. С. 231—234; *Альтман*. С. 58—67² (здесь же фамилия Настасьи Филипповны (Барашкова)³ истолковывается в связи с ее трагической судьбой жертвы Рогожина, см. с. 67—68), а также коммент. на с. 751.

Срывая с Афанасия Ивановича и людей его круга маску благопристойности, Достоевский иначе, чем Дюма, подходит к изображению душевного мира героини. Сознывая свое нравственное превосходство над окружающими, Настасья Филипповна глубоко презирует Тоцкого, Епанчина, Ганю и других гордящихся своей мнимой порядочностью людей из «общества», под внешней респектабельностью которых скрывается низкая и черствая натура.

Сюжет спасения «падшей женщины» восходит также к роману Ж. Жанена «Мертвый осёл и гильотинированная женщина» (1829).⁴ О. Матич, рассматривая систему литературных прототипов героини Достоевского, указывает, в связи с образом «падшей женщины»,

¹ В «Зимних заметках о летних впечатлениях» и в романе «Преступление и наказание» (как и у И. С. Тургенева в романе «Дым») слово «камелия» употребляется как имя нарицательное: «Камелия всё более и более в моде. „Возьми деньги, да обмани хорошенько, то есть подделай любовь“, — вот что требуют от камелии» (5, 105), «...это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из французенок» (6, 440).

² Знаменательно, что «Дама с камелиями» не просто входит в литературный контекст образа Настасьи Филипповны, но становится частью сюжетно-композиционного развития, включается в кругозор самой героини. По мнению О. Меерсон, мотив «камелии» как элемент самосознания Настасьи Филипповны, который она в откровенно пародийном виде встречает в реплике Тоцкого в сцене пети-жё, синтезируется с образом графини Дюбарри в рецепции Лебедева: *Меерсон О.* Скелетом наружу: система интертекстов как структура произведений вне его: (Мотив трагедии «падшей» женщины в «Идиоте») // *Достоевский и мировая культура*. № 23. С. 85—104. О связи образов Настасьи Филипповны и графини Дюбарри также см.: *Лопатин А. А.* Усекновение главы графини Дюбарри // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века). Новосибирск, 2011. С. 443—454.

³ Выдвинута гипотеза о функциональной значимости также и отчества Настасьи Филипповны, см.: *Касаткина Т. А.* Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // «Идиот», ССИ. С. 71—73.

⁴ *Галышева М. П.* «Мертвый осёл и гильотинированная женщина» Ж. Жанена как источник поэтики парадоксального и ужасного в творчестве Ф. М. Достоевского 40—60-х годов // *Достоевский и современность*. Чт. 26 (2011). 2012. С. 88—99.

ряд параллелей, восходящих к истории «Бедной Лизы» Карамзина. В наибольшей степени эта тематическая связь проявляется в рассказе о детстве Настасьи Филипповны в Отрадном, соблазнении героини Тоцким, и в истории *monsieur aux camélias* Тоцкого в сцене пети-жё. Однако Тоцкий, в отличие от Эраста, не раскаивается в содеянном, а Настасья Филипповна, в отличие от карамзинской Лизы, решается на бунт. Мотивы «Бедной Лизы», по мнению исследовательницы, включаются в более широкий контекст бытования фабулы о соблазнении и объединяются, в частности, с мотивами «Станционного смотрителя» (образ Дуни), «Евгения Онегина» (образ Татьяны Лариной) и «Русалки» А. С. Пушкина.¹ В свою очередь, история неосуществленного в романе «восстановления» Настасьи Филипповны связывает проблематику «Идиота» с «женским вопросом» и полемикой 1860-х годов о положении современной женщины, частью которой был и роман «Что делать?». Л. М. Лотман указала на то, что выбор Мышкиным любви-жалости к Настасье Филипповне генетически связан с аналогичным выбором, который совершает в романе Чернышевского Кирсанов в отношении Настасьи Крюковой, и Кирсанов, «так же, как герой Достоевского, не может спасти ее» (Лотман Л. М., 1974. С. 248).²

Разработка сильных женских характеров в «Идиоте» имеет много общего с развитием женской проблематики в немецкой драматургии. В трагедии Г.-Э. Лессинга «Эмилия Галотти» и драме Ф. Шиллера «Коварство и любовь» драматически раскрываемый образ женщины впервые приобретает самодовлеющее художественное значение как, в определенном смысле, манифестация нового субъекта на сцене истории. Этому историческому аспекту поэтики «Идиота» посвящена подробная работа Р. Ю. Данилевского. Литературные мотивы влюбленности в портрет, предсмертного чтения книги, социального неприятия женщины, тема сострадания, а также сюжетная ситуация столкновения (в действительности, мнимого поединка) соперниц в борьбе за одного мужчину, переплетение мотивов мести и самопожертвования генетически укореняют, по мнению ученого, художественный замысел Достоевского в традиции классической и романтической немецкой драматургии. «После драматургов немецкого Просвещения, которые впервые дали обыкновенной современной женщине возможность высказаться со сцены, Достоевский создал образы женщин, готовых жертвовать собой не только ради любви или долга, но и ради своего самоутвержде-

¹ Matich O. What's to be done about Poor Nastja: Nastas'ja Filippovna's Literary Prototypes // Wiener Slawistischer Almanach. 1987. Vol. 19. P. 47—64.

² О. Матич считает, что Кирсанову, несмотря на смерть героини, удастся «реабилитировать ее честь и вернуть ее в сообщество, в том же смысле, в котором Мышкин спасает пастушку Мари» (Matich O. What's to be done about Poor Nastja: Nastas'ja Filippovna's Literary Prototypes. P. 64). Ср.: Кунильский, 2006. С. 292—294.

ния».¹ Ранее на связь встречи соперниц в романе Достоевского со сценической встречи королевы Елизаветы и Марии в «Марии Стюарт» Шиллера указал Н. Н. Вильмонт в книге «Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста» ([1964]. М., 1984. С. 50—51). А. А. Гозенпуд, изучая различные интерпретации образа Марии Стюарт в современном Достоевскому театральном искусстве и отталкиваясь от известного по воспоминаниям и по письмам желания Достоевского написать трагедию о шотландской королеве, возвел к ней образы Полины в «Игроке», Настасьи Филипповны и Грушеньки.² Сходство трагедийных коллизий усугубляется в «Идиоте» внутренним конфликтом, характеризующим самосознание Настасьи Филипповны.³

Среди народных и фольклорных⁴ источников образа Настасьи Филипповны следует назвать мотивы «хлыстовской богородицы», которые, с одной стороны, делают двусмысленным сравнение «Н. Ф. Б.» с Богородицей, вошедшее в роман в сцене чтения стихотворения о «рыцаре бедном», с другой стороны — типологически сближают Настасью Филипповну с образами inferнальных женщин в творчестве Достоевского: Катериной из повести «Хозяйка», Полиной Александровной из «Игрока» (прототип которой, Аполлинария Суслова, была названа В. В. Розановым «хлыстовской богородицей»), с Натальей Васильевной Трусой из «Вечного мужа», о которой в тексте рассказа Вельчанинов говорит, что она «была как „хлыстовская богородица“, которая в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица» (с. 26). На все эти параллели указал М. С. Альтман, связав их с представленными в романе «Идиот» раскольническими и скопческими мотивами (Альтман. С. 67—72).

Мистический эротизм, связанный с мотивами хлыстовства, имеет историко-литературное и культурно-историческое основание в средневековой традиции рыцарского поклонения Прекрасной Даме, в идеальном образе которой соединялись черты земной и небесной владычицы. Как пытается показать Г. Г. Ермилова, пушкинский «рыцарь бедный» развивает традицию средневековых «легенд» о бракосочетании рыцаря

¹ Данилевский Р. Ю. Героиня романа «Идиот» и некоторые женские характеры в драматургии немецкого Просвещения // *Д. Материалы и исследования*. Т. 17. С. 177.

² Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л., 1981. С. 43—49.

³ См.: Тоичкина А. В. Трагедия Шиллера «Мария Стюарт» в творчестве Достоевского (роман «Идиот») // *Достоевский и мировая культура*. № 26. С. 101—107.

⁴ Т. А. Касаткина полагает, что в создании образа Настасьи Филипповны важную роль играл былинный образ поленицы Настасьи Микулишны. Подобная параллель истолковывается в связи с «женским вопросом», становящимся одним из центров социальной проблематики романа (Касаткина, 1996. С. 209—226).

с Богоматерью, восходящих к античному сюжету бракосочетания знатного юноши с Венерой. И в том и в другом случае желание обручиться с небесной избранницей предрешает судьбу героев: Богородица или Венера в момент уже фактически наступающего брака должна вмешаться и заявить свое право на присягнувшего им героя. Именно эта фабула по-своему воплощена в трагической развязке встречи соперниц Аглаи и Настасьи Филипповны.¹ Мистическое узнавание героев в первой части романа («Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела? <...> Я вас тоже будто видел где-то» — 8, 99—100) в перспективе рассматриваемой параллели становится константным структурным компонентом фабулы.² Вместе с тем «узнавание» в романе, составляющее один из центральных мотивов текста пушкинской баллады, задает семантическое и композиционное родство двух историй: Мышкина и Мари, Мышкина и Настасьи Филипповны.³ Т. А. Касаткина предлагает также рассматривать роман как поступательное развертывание «бого-

¹ История обручения князя Мышкина и Аглаи рассматривается в типологическом сопоставлении с обручением и мистическим браком св. Екатерины со Христом. Мифопоэтические и мистические параллели с христианской легендой, по мнению Н. Перлиной, способны объяснить, в какой момент и почему «брак» между героями не состоялся. См.: Перлина, 2017. С. 197—216.

² Подробнее см.: Ермилова Г. Г. Пушкинская «цитата» в романе «Идиот» // *«Идиот»: раздумья, проблемы*. С. 60—73.

³ Л. А. Левина полагает, что Мари для Мышкина становится прототипом Настасьи Филипповны. Чувствуя, что он ее «где-то видел», он неотступно и навязчиво сталкивает свою судьбу с ее судьбой. Проецируя на свои отношения с Настасьей Филипповной характер отношений с Мари, Мышкин подменяет собственной фантазией реальную личность героини (Левина Л. А. Некаяющаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // *Достоевский в конце XX века*. С. 344—346). В интерпретации Т. А. Касаткиной, тот факт, что Мышкин уверил швейцарских детей в своей любви к Мари, не будучи в действительности влюблен в нее, наложил отпечаток как на чистоту его страдания, так и на последующие отношения с Настасьей Филипповной, в которых он также совершает подмену любви состраданием, вызывая смятение Настасьи Филипповны и усиливая ее чувство вины (2003. Т. 4. С. 607). Также Касаткина указывает на важность французского глагола *réhabiliter*, встречающегося в подготовительных материалах к роману в связи с темой спасения Настасьи Филипповны, который, по мнению исследовательницы, сигнализирует о недостаточности «восстановления в правах» для возрождения личности (Там же. С. 648—654). Другого мнения придерживается С. Г. Бочаров, настаивающий на том, что для Достоевского «восстановление» — это «духовный термин», что подтверждает современный писателю публицистический контекст (Бочаров С. Г. От имени Достоевского // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.

родичной» линии, выраженной прежде всего в судьбе Настасьи Филипповны (2003. Т. 4. С. 606—610).

Частью литературного контекста образа Настасьи Филипповны становится и Эмма Бовари, о судьбе которой героиня Достоевского читает перед смертью. В описаниях мертвых героинь Н. В. Чернова отмечает детальные переключки, указывая вместе с тем, что близость еще более подчеркивает «смысловое различие двух смертей»: рационалистически истолкованной, в рамках приоритета земной истины, у Флобера, и трагически, в перспективе «возвышенной морали», у Достоевского.¹

Изучение литературных прототипов Настасьи Филипповны позволяет с точки зрения историко-литературных аналогий обосновать сосуществование в образе героини двух противоположных характерологических тенденций: с одной стороны, это мотивы «падшей женщины», ищущей возможности спасения, «восстановления» и в конечном счете идущей «под нож»; с другой стороны, это мотивы гордой, самолюбивой «женщины бунтующей», чьи чувства встречают социально предопределенный отпор. Не только душевную драму Настасьи Филипповны, но и внутреннюю борьбу других своих главных персонажей Достоевский стремится представить как борьбу «гордости» и «смирения», эгоизма и самоотречения.² В Настасье Филипповне проявляются непримиримость, нежелание не только простить своим обидчикам, но и принять руку князя, в предложении которого она усматривает бесцельную жертву.

К числу наиболее вдохновенных страниц «Идиота» принадлежат те, где описано пробуждающееся чувство любви Мышкина к Аглае. Рассказ о тревоге и надеждах, волнующих Мышкина во время его ночных блужданий в павловском парке, описание свидания князя и Аглаи на «зеленой скамейке» представляют собой подлинный гимн жизни, природе, молодой и чистой любви. Отношения князя с Рогожиным, Аглаей, Настасьей Филипповной обнаруживают не только сильные стороны Мышкина, но и черты превосходства других героев над ним,

С. 591—592). Анализ динамики отношения Мышкина к Настасье Филипповне см. также: *Соломина-Минихен, 2016. С. 48—63.*

¹ Чернова Н. В. Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) // *Д. Материалы и исследования. Т. 19. С. 192—202.* О влиянии французской литературной традиции и, в частности, романа Флобера «Госпожа Бовари» на построение женских характеров в «Идиоте» в аспекте «женского вопроса» см.: *Amditis E. K. Women, Conformity, Society, and Power in Dostoevsky's «The Idiot» and Flaubert's «Madame Bovary»*: PhD dissertation. University of Kansas, 2006.

² Анализ психологии главных персонажей «Идиота» как отражающей борьбу «гордости» и «смирения» см. в статье: *Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Творческий путь Достоевского: Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. Л., 1924. С. 131—185.*

связанные с их страстностью, внутренним беспокойством, активностью, со свойственным им протестующим началом. Когда Настасья Филипповна бежит от князя с Рогожиным, в ее поведении отражаются не только сомнения в себе, но и нежелание принять «жалость» князя, унижающую ее человеческое достоинство. Точно так же Аглая восстает против смирения князя не только во имя своей «гордости», но и во имя своей любви: как человек из плоти и крови, она вынуждена бороться за свое чувство не только против родни, но и против жертвенной христианской морали Мышкина. Характер этических идеалов Мышкина раскрывается также в его столкновениях с Рогожиным и Ипполитом.

Композиционно роман состоит из четырех частей, первая и вторая части открываются приездом Мышкина в Петербург.¹ Между первыми главами, в которых описаны происшествия, имевшие место в конце ноября, в первый приезд князя в столицу, и продолжением романа, повествующим о событиях, совершившихся в июне и июле, во второй его приезд, проходит около полугода. Отказавшись от последовательного изложения всего хода событий, Достоевский получил возможность сосредоточить свое внимание на двух насыщенных драматизмом эпизодах, каждый из которых — несмотря на сюжетную связь между ними — представляет внутренне почти законченное целое. Действие первой части совершается в течение одного дня — с утра до вечера. Но в этот день герой знакомится с таким числом лиц и участвует в таком бурном водовороте событий, что их могло бы хватить на целое самостоятельное произведение. Являясь завязкой с точки зрения главной сюжетной линии романа, так как здесь происходит знакомство князя с Рогожиным, Настасьей Филипповной, семействами Епапчиных и Иволгиных, первая часть «Идиота» в то же время и своего рода «развязка» многолетних взаимоотношений Настасьи Филипповны с Тоцким, а также ее отношений с Ганей. Часть эта заканчивается остродраматической сценой, в которой Настасья Филипповна рвет со своим прошлым и ухо-

¹ О специфике композиционного построения романа «Идиот» в связи с динамикой авторского замысла и с особенным вниманием к структурной неравномерности первой части романа и последующих трех см., например: Ковач Арп. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 141—178; Grygar M. Идея — план — произведение: (Заметки об *Идиоте* Достоевского) // Russian Literature. 2003. Vol. 54. № 1—2—3. С. 129—147. Однако если в рамках концепции Арп. Ковача переход от первой ко второй части романа поэтически мотивирован и коренится в «действии России» на князя и других персонажей, то Г. С. Морсон полагает, что изменения структурно не мотивированы и обусловлены отсутствием у писателя строгого плана и тем, что замысел произведения формировался и менялся в процессе публикации романа. См.: Морсон Г. С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика / Пер. с англ. Т. А. Касаткиной // Роман «Идиот»: ССИ. С. 7—22, и ниже, с. 666—670.

дит с Рогожиным, бросая вызов не только окружающим, но и самой себе, полная решимости перечеркнуть свою жизнь и свои надежды на будущее. Сцена эта представляет собой как бы трагическую катастрофу, заключительный акт трагедии, основное действие которой успело совершиться до начала событий, служащих завязкой романа.¹

Столкновение князя с Бурдовским и исповедь Ипполита (а также его попытка самоубийства) представляют собой — с точки зрения основного сюжета — самостоятельные эпизоды, задерживающие на время течение главного действия и как бы отклоняющие его в новое русло. Эпизоды эти дают возможность шире показать окружение героя и в то же время осветить его самого, его внутренний мир с новой стороны. И Бурдовский, и Ипполит, хотя и по-разному, противопоставлены писателем Мышкину; с каждым из них, однако, у героя в то же время есть и нечто общее, позволяющее читателю сравнивать их с князем. Бурдовский косноязычен; как и Мышкин, он сирота и облагодетельствован тем же Павлищевым. Под влиянием товарищей он поддался настроениям «современных позитивистов», т. е. нигилистов 1860-х годов. Подозревая своего благодетеля в низменных, эгоистических мотивах, он считает себя незаконным сыном Павлищева и требует причитающейся ему доли наследства (т. е. хочет видеть отношения расчета и «права»² там, где в действительности господствовали отношения, основанные лишь на законах «сердца», на доброй воле Павлищева). Ипполит, умирающий юношей от неизлечимой болезни, смотрит на нее как на злую насмешку природы, как на отражение того равнодушия и безразличия к судьбе живого человека, которое составляет, по его мнению, мировой закон, с одинаковой силой, неотвратимо господствующий в природе и обществе. Обоим им Достоевский противопоставляет равнодушие князя к своим юридическим «правам», его бескорыстие, способность полного самоотвержения, наивное, радостное доверие к жизни.

В заключительной, четвертой, части романа действие снова обретает прежнюю стремительность, события, как и в первой части, сменяют друг друга, не прерываясь уже ничем посторонним (единственное исключение составляет трагикомический эпизод кражи, совершенной генералом Иволгиным, к которому примыкает история его раскаяния и смерти) и приближаясь к роковому исходу. Напряженность атмосферы здесь всё время сгущается, и это подготавливает трагическую развязку романа.

¹ О нескольких «строго связанных единой нитью» кульминациях и об искусстве светотени в «Идиоте» в связи с лейтмотивами романа см.: Чирков, 1963. С. 133—147, 166—172. О принципах кольцевого построения и двойном финале романа, которому соответствует двойное начало, см.: Страда, 1984.

² Один из современников, Ф. М. Толстой, увидел здесь отражение принципов теории права Ф. Лассалья (см.: ЛН. Т. 86. С. 487).

Достоевский изображает жизнь современного ему общества не однолинейно, он видит в ней сложное сочетание света и тени; трагического и вульгарного, грубого, прозаически-обыденного; возвышенного и комического, нередко карикатурного. Эта особенность манеры Достоевского-романиста, сказавшаяся уже в раннем творчестве и в первом романе «пятикнижия» «Преступлении и наказании», еще более выпукло и ярко проявилась в «Идиоте», где просветленный образ «Князя Христа» перенесен в современную, вполне обыденную бытовую обстановку, а трагические фигуры Настасьи Филипповны, Rogoжина, Ипполита соседствуют с гротескно-комическими фигурами генерала Иволгина, Лебедева, Келлера. Сцены, полные трагического напряжения и пафоса, сменяются в романе комическими эпизодами фантастического вранья генерала Иволгина, рядом с фигурами главных героев стоят образы «современных позитивистов», обрисованные в духе шаржа или политического памфлета. «Фантастический» колорит событий романа подчеркнут ощущением «призрачности» петербургской жизни, петербургских белых ночей, на фоне которых совершается действие его последних частей. Колорит этот созвучен той атмосфере неопределенных надежд и чаяний, смутных ожиданий, стихийного, неотчетливого брожения, неясного стремления покончить с историческим прошлым, которое характеризовало, по мысли писателя, русское общество 1860-х годов.

По сравнению с «Преступлением и наказанием» в «Идиоте» резче подчеркивается кажущаяся иррациональность, загадочность поступков персонажей, совершаемых часто как бы помимо их воли и сознания, в состоянии нервного возбуждения и подъема. Важное смысловое значение в романе приобретают темные предчувствия, неясные, смутные догадки и опасения. Ряд эпизодов и деталей получает смысл реалистических символов большой обобщающей силы (таковы, например, сцены пробы почерка Мышкина у генерала, братания князя с Рогожиным, вечера у Епанчиных, где князь разбивает китайскую вазу, и т. д. — см. о символах в романе: *Фридлендер. С. 264—269*). Все эти особенности поэтики «Идиота» получили дальнейшее развитие в «Бесах», «Подростке» и «Братьях Карамазовых».

9

Первые отзывы о романе Достоевский получил еще в период работы над ним от своих петербургских корреспондентов. Дорожа главной мыслью «Идиота», предвидя трудности ее «исполнения» и испытывая чувство неуверенности в том, что написанное удалось, Достоевский обращался к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову с просьбами сообщить о впечатлении от появившихся в «Русском вестнике» глав. После выхода в свет январского номера журнала с начальными семью главами романа, в ответ на взволнованное признание Достоевского в письме от 18 февраля (1 марта) 1868 г. в том, что он ничего не может «про себя самого

выразить» и нуждается в «правде», жаждет «отзыва» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 257*), А. Н. Майков писал: «Имею сообщить Вам известие весьма приятное: успех, возбужденное любопытство, интерес многих лично пережитых ужасных моментов (разумеются, конечно, главы III и IV — разговор и рассказ о смертной казни. — *Примеч. А. С. Долинина*), оригинальная задача в герое <...> генеральша, обещание чего-то сильного в Настасье Филипповне, и многое, многое — остановило внимание всех, с кем говорил я <...>». Далее Майков ссылался на общих знакомых — писателя и историка литературы А. П. Милюкова и экономиста Е. И. Ламанского, а также на критика Н. И. Соловьева, который просил передать «свой искренний восторг от „Идиота“» и свидетельствовал, что «видел на многих сильное впечатление» (см.: *Д, Письма. Т. 2. С. 413*).

Однако в связи с появлением в февральской книжке «Русского вестника» окончания первой части Майков в письме от 14 марта 1868 г., определяя художественное своеобразие романа, оттенил свое критическое отношение к «фантастическому» освещению в нем лиц и событий: «Впечатление вот какое: ужасно много силы, гениальные молнии (напр<имер>, когда Идиоту дали пощечину и что он сказал, и разные другие), но во всем действии *более возможности и правдоподобия, нежели истины*. Самое, если хотите, реальное лицо — Идиот (это Вам покажется странным?), прочие же все как бы живут в фантастическом мире, на всех хоть и сильный, но фантастический, какой-то исключительный блеск. Читается запоем, и в то же время — не верится. „Преступл<ение> и Наказ<ание>” наоборот — как бы уясняет жизнь, после него как будто яснее видишь в жизни... Но сколько силы! сколько мест чудесных! Как хорош Идиот! Да и все лица очень яркие, пестры — только освещены-то электрическим огнем, при котором самое обыкновенное знакомое лицо, обыкновенные цвета получают сверхъестественный блеск и их хочется как бы заново рассмотреть... В романе освещение, как в „Последнем дне Помпеи”; и хорошо, и любопытно (любопытно до крайности, завлекательно) — и чуждо!» (Там же. С. 419). Соглашаясь, что это «суждение, может быть, и очень верно», Достоевский в ответном письме от 21—22 марта (2—3 апреля) 1868 г. выдвинул ряд возражений, сформулированных им пока в духе той же традиционной реалистической эстетики, на которой основывался и Майков: указал на то, что «многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты <...>» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 283*). Особенно он отстаивал «совершенную верность характера Настасьи Филипповны». Как бы оспаривая внутренне майковскую оценку финала первой части, написанного «в вдохновении» (Там же. С. 273) и внушавшего прежде надежду на успех именно своей яркой драматичностью (см. письма его к Майкову от 18 февраля (1 марта) и 2 (14) марта 1868 г.), Достоевский теперь, в письме к С. А. Ивановой от 29 марта (10 апреля) 1868 г., подчеркнул, что идея «Идиота» — «одна из тех, которые не берут эффектом, а сущностью» (Там же. С. 292).

Первые две главы второй части (Мышкин в Москве, слухи о нем, письмо его к Аглае, возвращение и визит к Лебеву) были встречены Майковым очень сочувственно: он увидел в них «мастерство великого художника <...> в рисовании даже силуэтов, но исполненных характерности». Желая ободрить Достоевского, он писал: «Так, легко, воздержно и здорово начинается вторая часть. Право, зная, что у Вас было хлопот и припадков, я изумился здравости этих страниц. Работайте, милейший, не буду мешать Вам» (Сб. *Достоевский*, 2. С. 351, 353). Но в более позднем письме от 30 сентября, когда уже была напечатана вся вторая часть и начало третьей, Майков, утверждая, что «прозреваемая» им мысль «великолепна», уже от лица читателей повторил «главный упрек в фантастичности лиц» (Д. *Письма*. Т. 2. С. 426).

Подобную же эволюцию претерпели и высказывания о романе Н. Н. Страхова. В письме от середины марта 1868 г. он одобрил замысел: «Какая прекрасная мысль! Мудрость, открытая младенческой душе и недоступная для мудрых и разумных, — так я понял Вашу задачу. Напрасно Вы боитесь вялости; мне кажется, с „Преступления и Наказания“ Ваша манера окончательно установилась, и в этом отношении я не нашел в первой части „Идиота“ никакого недостатка» (*Шестидесятые годы*. С. 258—259). Познакомившись почти со всем текстом романа, за исключением пяти последних глав, Страхов обещал Достоевскому написать статью об «Идиоте», которого он читал «с жадностью и величайшим вниманием» (см. письмо от 31 января 1869 г. — Там же. С. 262). Однако намерения своего он не выполнил. Косвенный упрек себе как автору «Идиота» Достоевский прочел в опубликованной в январском номере «Зари» статье Страхова, в которой «Война и мир» противопоставлялась произведениям с «запутанными и таинственными приключениями», «описанием грязных и ужасных сцен», «изображением страшных душевных мук» (З. 1869. № 1. С. 124). Спустя два года Страхов вновь вернулся к сопоставлению Толстого и Достоевского и уже прямо и категорически назвал «Идиота» неудачей писателя. 12 апреля 1871 г. Страхов писал Достоевскому: «Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен. Этому не противоречит то, что на всем Вашем лежит особенный и резкий колорит. Но очевидно же: Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее. Например, „Игрок“, „Вечный муж“ произвели самое ясное впечатление, а всё, что Вы вложили в „Идиота“, пропало даром. Этот недостаток, разумеется, находится в связи с Вашими достоинствами. Ловкий француз или немец, имея он десятую долю Вашего содержания, прославился бы на оба полушария и вошел бы первостепенным светилом в Историю Всемирной Литературы. И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен. Простите, Федор Михайлович, но мне всё кажется, что

Вы до сих пор не управляете Вашим талантом, не приспособляете его к наибольшему действию на публику. Чувствую, что касаюсь великой тайны, что предлагаю Вам нелепейший совет — перестать быть самим собою, перестать быть Достоевским» (*Шестидесятые годы*. С. 271). Сам писатель с частью из этих замечаний вполне соглашался. Закончив роман, он был «недоволен» им, считал, что «не выразил и 10-й доли того, что <...> хотел выразить», «хотя все-таки, — признавался он С. А. Ивановой в письме от 25 января (6 февраля) 1869 г., — я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 10). Имея в виду упреки как своих корреспондентов, так и критиков, в статьях которых повторялись сходные замечания (см. ниже), Достоевский писал Ивановой 8 (20) марта: «А насчет недостатков, я совершенно и со всеми согласен, а главное до того злюсь на себя за недостатки, что хочу сам на себя написать критику» (Там же. С. 24). Замечание Страхова о множестве лиц и сюжетов Достоевский припомнил несколько лет спустя во время работы над «Подростком», установив для себя «правило»: «Избегнуть ту ошибку в „Идиоте“ и „Бесах“, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намечном, романическом, тянулись через долгое пространство в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы *прямо объяснить истину*. Как второстепенные эпизоды они не стоили такого капитального внимания читателя, и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием. Стараться избегать и второстепенностям отводить место незначительнее, совсем короче, а действие совокупить лишь около героя» (Там же. Т. 16. С. 175).

Вместе с тем, размышляя над предъявляемыми ему требованиями и соотнося «Идиота» с современной ему литературой, Достоевский отчетливо осознавал отличительные черты своей манеры и отвергал рекомендации, которые помешали бы ему «быть самим собою», «быть Достоевским». В этом плане особо следует отметить встречающиеся в его ответных письмах Майкову и Страхову периода работы над «Идиотом» самохарактеристики. 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский писал Майкову: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики». Утверждая, что его «идеализм» реальнее «ихнего» реализма, писатель замечал, что, если «порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии», критики-«реалисты», привыкшие к изображению одного лишь прочно устоявшегося и оформившегося, закричат, что это «фантазия», в то время как именно это есть, по его убеждению, «исконный, настоящий реализм!» По сравнению с теми требованиями, которые ставила перед автором задача создания образа «положительно прекрасного человека», бледным и незначительным казался Достоевскому герой А. Н. Островского Любим Торцов, воплощавший, по мнению автора «Идиота», «всё, что только идеального позволил себе их реализм» (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 329). Письмо к Страхову от 26 февраля

(10 марта) 1869 г., отклик на упомянутую выше страховскую статью о Толстом, содержало полемику с теми ее строками, в которых Достоевский уловил намек на «фантастическое» направление своего творчества. Он развивал здесь мысль, сформулированную им ранее в последней тетради, содержащей подготовительные материалы к «Идиоту» (см. выше, с. 301). «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительно, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив», — доказывал Достоевский Страхову. Говоря о необходимости «замечать», «разъяснять и записывать» необычные на первый взгляд факты, так как они «поминутны и ежедневны, а не исключительны», и видя в самых, казалось бы, «мудреных» из них проявление реальной сложности и противоречий эпохи, Достоевский спрашивал своего адресата: «Неужели фантастичный мой Идиот не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, — слоях, которые в действительности становятся фантастичными. Но *нечего* говорить! В романе много написано наскооро, много растянуто и не удалось, но кой-что и удалось. Я не за роман, а я за идею мою стою» (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 19).

Из эпистолярных откликов более всего могло обрадовать Достоевского сообщение его давнего знакомого доктора С. Д. Яновского об успехе у читающей публики первой части «Идиота»: «Теперь, — писал Яновский из Москвы 12 апреля 1868 г., — скажу Вам несколько слов о впечатлении, сделанном последним Вашим произведением: масса вся, безусловно вся в восторге! В клубе, в маленьких салонах, в вагонах на железной дороге (ведь я постоянно бываю в разъездах и вот на днях только возвратился из Тамбова) <—> везде и от всех только и удается слышать одно и то же: читали ль Вы последний роман Достоевского? ведь это прелесть, просто не оторвешься до последней страницы». Самому Яновскому «личность Идиота» полюбилась так, «как любишь только самого себя», а в истории Мари, рассказе о сюжете картины «из одной головы» приговоренного, сцене разгадывания характеров сестер он увидел «торжество таланта» Достоевского (Сб. *Достоевский*, 2. С. 375—376).

Об успехе «Идиота» у читателей свидетельствуют и отзывы русских газет о первой части романа. В обзоре «Библиография и журналистика», опубликованном в газете А. А. Краевского «Голос», объявлялось, что «Идиот» «обещает быть <...> интереснее романа „Преступление и наказание“ <...> хотя и страдает теми же недостатками — некоторою растянутостью и частыми повторениями какого-нибудь одного и того же душевного движения». Образ князя Мышкина трактовался автором обзора как «тип», который «в таком широком размере встречается, может быть, в первый еще раз в нашей литературе», но в жизни представляет «далеко не новость»: общество часто «клеимит» таких людей «позорным именем дураков и идиотов», но они «по достоинствам ума и сердца стоят

несравненно выше своих надменных хулителей». Особо выделена в «Голосе» как одна из «лучших и трогательнейших страниц романа» шестая глава, повествующая о пребывании Мышкина в швейцарской деревне, его взаимоотношениях с детьми и истории Мари. Отмечено также «потрясающее действие» рассказа Мышкина об увиденной им смертной казни. И всё же рецензент «Голоса» был далек от понимания роли, какая предназначалась Мышкину в романе. Обратив внимание на сходство героя «Идиота» с детьми, делавшее его «чрезвычайно симпатичным характером», он приписал Мышкину отсутствие «житейского такта», способности «применяться к людям или обстоятельствам» (Г. 1868. 16 февраля, № 47. С. 1—2, без подписи).

В анонимной «Хронике общественной жизни», напечатанной в «Биржевых ведомостях», новый роман Достоевского расценивался как свидетельство дальнейшего роста его таланта и как произведение, которое «оставляет за собою всё, что появилось в нынешнем году в других журналах по части беллетристики». Находя, что «глубокий психологический анализ», присущий предшествующему творчеству Достоевского, и в особенности «Преступлению и наказанию», в новом романе «доведен до высоты совершенства», составитель хроники подчеркнул внутреннее родство центрального героя и его создателя. «Каждое слово, каждое движение героя этого романа, князя Мышкина, — писал он, — не только строго обдуманно и глубоко прочувствовано автором, но и как бы пережито им самим» (БВед. 1868. 18 февраля, № 46. С. 2).

По определению рецензента «Русского инвалида» А. С. Суворина, Достоевский в «Идиоте» «напал <...> на мысль очень счастливую, хотя и отзывающуюся патологическим характером»: Мышкин, этот «взрослый ребенок», поставлен «автором в самые сложные пути нашей искусственной жизни, где третируют его то как идиота за его прямоthu и добродушие, то как хитреца самой первой руки <...>». Однако «с первых же строк вся симпатия читателя переносится на Мышкина <...>». «Трудно угадать, — писал далее рецензент, — что сделает автор с этим оригинальным лицом, насколько рельефно удастся ему сопоставить искусственность нашей жизни с непосредственной натурой, но уже теперь можно сказать, что роман будет читаться с большим интересом. Интрига завязана необыкновенно искусно, изложение прекрасное, не страдающее даже длиннотами, столь обыкновенными в произведениях г-на Достоевского». Эпизод с Мари, «быть может, и лишний для развития романа», Суворин считает «весьма замечательным», в нем Достоевский показал свое умение «рисовать натуры несчастные, обделенные судьбой или людьми» (РИ. 1868. 24 февраля, № 52. С. 3, подпись «А. И-н»).

Наиболее обстоятельный и серьезный разбор первой части романа был дан в статье «Письма о русской журналистике. „Идиот“». Роман Достоевского. Русский вестник; книжка 1-я и 2-я», помещенной в «Харьковских губернских ведомостях» с подписью «К». «Письма...» начинались с напоминания о «замечательно гуманном» отношении Достоевского к «утнетенным и оскорбленным личностям» и его умении «верно схватывать моменты высшего потрясения человеческой души

и вообще следить за постепенным развитием ее движений» как о тех качествах его дарования и особенностях литературного направления, которые вели к «Идиоту». Содержание и обозначившиеся контуры построения романа определялись в статье следующим образом: «С первых же строк читатель заинтересован рассказом, и чем далее он вчитывается, тем сильнее растет его интерес. Пред читателем проходит ряд людей действительно живых, верных той почве, на которой они выросли, той обстановке, при которой слагался их нравственный мир, и притом лиц не одного какого-нибудь кружка, а самых разнообразных общественных положений и степени умственного и нравственного развития, людей симпатичных и таких, в которых трудно подметить хоть бы слабые остатки человеческого образа, наконец, несчастных людей, изображать которых автор особенно мастер <...>. В круговороте жизни, в который автор бросает своего героя, — на Идиота не обращают внимания; когда же при столкновении с ним личность героя выказывается во всей ее нравственной красоте, впечатление, наносимое ею, так сильно, что сдержанность и маска спадает с действующих лиц и нравственный их мир резко обозначается. Вокруг героя и при сильном с его стороны участии развивается ход событий, исполненный драматизма». Рецензент высказывал предположение и об идейном смысле романа: «Трудно на основании одной только части романа судить, что автор задумал сделать из своего произведения, но его роман, очевидно, задуман широко, по крайней мере этот тип младенчески непрактичного человека, но со всею прелестью правды и нравственной чистоты, в таких широких размерах впервые является в нашей литературе» (1868. 18 апреля, № 41. С. 167—168).

Иначе — резко полемически — отнесся к «Идиоту» поэт-искровец Д. И. Минаев. «Это такая сказка, — писал он в фельетоне «Nota bene (отрывки безыменных чувств и мнений)», — в которой чем больше неправдоподобностей, тем лучше. Люди сталкиваются, знакомятся, влюбляются, дают друг другу пощечины — и всё это по первому капризу автора, без всякой художественной правды. Миллионы наследства летают в романе, как мячики» (Искра. 1868. 19 мая, № 18. С. 221, подпись «Литературное домино»).

В текст фельетона Минаев ввел язвительную стихотворную эпиграмму, высмеивающую роман Достоевского:

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один,
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,

«Идиот» же в том романе

Самый умный человек.

(Там же).

О романе «Идиот» Минаев высказался также в статье «Наши призраки (журнальные размышления и выводы)», первая часть которой, напечатанная в № 32 «Недели», посвящена разбору «Преступления и наказания», а вторая, в № 34, «Идиоту». «Читая „Идиота“, — замечал Минаев, — вы вдруг с удивлением находите в романе то, что на днях читали в газетах. Вы не верите своим глазам, находя на страницах художественного романа толки об убийстве семейства купца Жемари-на, толки о Горском...». По мнению автора, объясняется это тем, что «Идиот» — это «вовсе не роман», а «бегство Достоевского от „Преступления и наказания“, от своих горячечных иллюзий» в «сказку», но созданную «не для детей, а для стариков, переживающих второе детство и страдающих разжижением мозга». «Бегство», как считал Минаев, писателю не удалось, и «призрак» Раскольникова «довел автора до забвения того, что он пишет не роман, а „внутреннее обозрение“ последних событий, и заставил говорить о тех случившихся уголовных преступлениях в России, принцип которых, более или менее, приближается к принципу самого Раскольникова». Автор статьи обвинял Достоевского в том, что писатель смотрит с «озлоблением на молодую, возникающую жизнь, новую мысль и новые силы», и в этом видел причину того, что роман обернулся «внутренним обозрением» (Неделя. 1868. № 34. 18 (30) августа. Стлб. 1083—1084, подпись «М.»).

Отрицательную оценку «Идиота» дал В. П. Буренин в трех статьях из цикла «Журналистика», подписанных псевдонимом «Z». В первой из них, основанной на материале начальных семи глав, говорилось, что Достоевский «сразу бросает своего героя (и вместе с ним читателя) в круг сложной интриги и делает как этого героя, так и окружающих его лиц в некотором роде аномалиями среди обыкновенных людей», вследствие чего повествование «имеет характер некоторой фантазмагории» (СПбВед. 1868. 24 февраля, № 53. С. 1). Когда же первая часть была напечатана полностью, Буренин вывел заключение, что роман «вполне безнадежен». «Словом, роман можно было бы не только „Идиотом“ назвать, но даже „Идиотами“, — иронически замечал он во второй статье, — ошибки не оказалось бы в подобном названии» (Там же. 6 апреля, № 92. С. 1). В третьей статье, опубликованной после выхода второй части, Буренин провозгласил роман «неудачнейшим» из произведений Достоевского. Еще не расставшийся в эту пору с демократическими убеждениями своей юности, Буренин выразил несогласие с тем, что «большое количество лиц молодого поколения» выведено в романе в виде «раздраженных нравственно субъектов», истолковав это как отражение расхождений Достоевского с современной ему молодежи. Подобные «искаженные», по словам критика, характеры «суть чистейшие плоды субъективной фантазии романиста», но, «разумеется, приходится только сожалеть о несчастном настроении этой фантазии». Однако

Буренин не ограничился этим замечанием и пришел к отрицанию какой-либо значимости романа в целом. Поставив знак равенства между изображением душевного состояния Мышкина и медицинским описанием страданий больного человека, Буренин не обнаружил в «Идиоте» связи с действительной почвой и общественными вопросами, расценил его как «беллетристическую компиляцию, составленную из множества нелепых лиц и событий, без всякой заботливости хотя о какой-либо художественной задаче» (Там же. 13 сентября, № 250. С. 1). Позднее Буренин частично пересмотрел свою прежнюю оценку Достоевского. В «Литературных очерках» он писал, что произведения Достоевского, которые критик назвал «художественно-психиатрическими этюдами», имеют «полное оправдание» в русской жизни, недавно освободившейся от крепостного права, «главного и самого страшного из тех рычагов, которые наклоняли ее человеческий строй в сторону всякого бесправия и беспутства, как нравственного, так равно и социального». Но «Идиота» (наряду с «Белыми ночами») Буренин по-прежнему отнес к исключениям, уводящим в «область патологии» (НВр. 1876. 24 декабря, № 297. С. 1—2, подпись «Тор»).

Менее категоричным было осуждение романа в анонимном обозрении «Вечерней газеты» (атрибутируемое Н. С. Лескову). Считая, подобно Буренину и многим другим представителям тогдашней критики, судившим о психологической системе романиста с чуждой ей эстетической позиции, что действующие лица романа «все, как на подбор, одержимы душевными болезнями», Лесков стремился всё же понять исходную мысль, которой руководствовался Достоевский в обрисовке характера центрального героя. «Некоторые видят в романе „Идиот“, — писал он, — проведение автором такой идеи: честная простота и бесхитростность, откровенная, непоколебимая правдивость, соединенная с глубокою гуманностью и пониманием человеческой души, а главное правдивая простота во всех отношениях с людьми, честность и любовь к ним — есть всепобеждающее, гигантски сильное средство к достижению каких бы то ни было общественных или частных целей. Не знаем, насколько такой взгляд на роман г. Достоевского верен, потому что роман еще далеко не кончен; из того же, что напечатано, подобное заключение вывести довольно смело, хотя основания для этого есть. Главное действующее лицо романа, князь Мышкин, — идиот, как его называют многие; человек крайне ненормально развитый духовно, человек с болезненно развитою рефлексиею, у которого две крайности, наивная непосредственность и глубокий психологический анализ, слиты вместе, не противореча друг другу; в этом и заключается причина того, что многие его считают за идиота, каким он, впрочем, и был в своем детстве» (Вечерняя газета. 1869. 1 января, № 1. С. 1—2).¹

¹ См. также: Столярова И. В. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова // Учен. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1968. № 339. Вып. 72. С. 224—229.

Статья Лескова была последним критическим откликом, появившимся до публикации заключительных, VIII—XII, глав четвертой части. Правда, в «Русских общественных заметках», говоря о Тургеневе, Лесков резко выскажется о романе «Идиот» как о «капитальной глупости» Достоевского (БВед. 1869. 14 декабря, № 340. С. 1). После завершения печатания «Идиота» Достоевский, естественно, ожидал более всестороннего и детального анализа романа. Но такого обобщающего отзыва не последовало. Не написал, как уже указывалось, обещанной статьи об «Идиоте» Н. Н. Страхов. Вообще в течение ближайших двух лет о романе не появилось ни одной статьи или рецензии, что очень огорчало писателя, утверждая его в мысли о «неуспехе» «Идиота». Причина молчания крылась отчасти в противоречивости идеологического звучания романа, гуманистический пафос которого сложным образом сочетался с критикой «современных позитивистов»: изображенная в нем борьба идей не получала разрешения, которое бы полностью удовлетворило рецензентов как «консервативного» или «либерального», так и «демократического» направлений. С другой стороны, тогдашняя критика еще не была достаточно подготовлена к восприятию эстетического новаторства Достоевского, в художественной системе которого роль «фантастических», «исключительных» элементов реальной жизни выступила столь резко.

Наиболее глубоко проникнуть в замысел романа и в полной мере оценить значение его удалось при жизни Достоевского лишь М. Е. Салтыкову-Щедрину. Занимая разные общественно-политические позиции, Достоевский и Щедрин были связаны сложными, порой остро враждебными отношениями. Один из моментов идеологической борьбы между ними нашел прямое отражение в «Идиоте» — в эпизоде с введенной в роман пародией на щедринскую эпиграмму «Самонадеянный Федя», помещенную ранее в «Свистке» и направленную против Достоевского (см. ниже, с. 772). Тем знаменательнее отзыв Щедрина об «Идиоте», в котором великий сатирик пронизательно охарактеризовал как слабые, так и сильные стороны дарования Достоевского, близкого некоторыми своими чертами складу его собственного таланта. В рецензии, посвященной роману Омулевского (псевдоним И. В. Федорова) «Шаг за шагом» и опубликованной в апрельском номере «Отечественных записок» за 1871 г. (С. 300—308, без подписи), Щедрин, характеризуя состояние литературы тех лет, обратил внимание на «очень резкое внутреннее противоречие» в творчестве «известнейших представителей современной русской беллетристики». Причисля свойственный ей, по мнению критика, «дидактизм, полемизирующий в пользу интересов отживающих и в ущерб интересам нарождающимся», Щедрин перешел к Достоевскому и подчеркнул, что «по глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком» и «не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвещаний и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Как на убедительную иллюстрацию к этому своему

тезису Щедрина указал «на попытку изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, положенную в основание романа „Идиот“». Утверждая, что «стремление человеческого духа прийти к равновесию, к гармонии» существует непрерывно, «переходит от одного поколения к другому, наполняя собой содержание истории», Щедрин в намерении Достоевского создать образ «вполне прекрасного человека» увидел такую задачу, «перед которой бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределении ценностей, о свободе мысли и т. п.», так как это «конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями». В то же время страстный протест сатирика вызвало «глумление» Достоевского «над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда оставляются без разъяснения». Характеризуя отношение Достоевского к нигилизму, проявившееся в «Идиоте», Щедрин писал: «И что же? несмотря на лучезарность подобной задачи, поглощающей в себе все переходные формы прогресса, г. Достоевский, нимало не стесняясь, тут же сам подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора». Последствия этого «глубокого противоречия» Щедрин находил в том, что «всё это пестрит произведения г. Достоевского пятнами совершенно им несвойственными и рядом с картинами, свидетельствующими о высокой художественной прозорливости, вызывает сцены, которые доказывают какое-то уже слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и ее явлений. <...> С одной стороны <...> являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева...» (Салтыков-Щедрин. Т. 9. С. 411—413).

Сохранилось мемуарное свидетельство Л. Ф. Пантелеева о том, что Щедрин считал «Идиота» «лучшим произведением Достоевского». Сатирик говорил о нем своему собеседнику: «Это — гениально задуманная вещь; в ней есть места поразительные, но еще больше плохо сказанного и бог знает как скомканного».¹

Последующие суждения об «Идиоте», появлявшиеся на протяжении 1870-х годов то в составе статей и заметок о поздних сочинениях Достоевского, то в общих обзорах его творческого пути, в основном систематизировали и развивали уже сказанное о романе ранее. В «Публичных лекциях» О. Ф. Миллера, выпущенных первым изданием в 1874 г. и вторым в 1878 г.,² проводилась мысль об уклонении Достоев-

¹ См.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. М., 1958. С. 451.

² Первоначально см.: Русская литература после Гоголя. (За исключением драматической). Лекция IV // Неделя. 1874. Июнь, № 22. Стлб. 828—830.

ского в «Идиоте» и «Бесах» с той дороги, которая дала «Бедных людей» и «Записки из Мертвого дома». В «Идиоте», по мнению Миллера, «Достоевский еще не утвердился на этой новой дороге, в „Бесах“ он окончательно укрепляется на ней. „Идиот“ в художественном отношении слабее, он страшно растянут, местами однообразен и скучен, но зато во многом тут еще вполне чувствуется прежний Достоевский, с его любовью к „униженным и оскорбленным“, братски протягивающим руку всем, разделяющим ту же участь». Мышкина критик сравнил с любимым народом сказочным Иванушкой-дурачком, который оказывается «человеком не „себе на уме“, не выносящим зрелища постороннего горя, постоянно забывающим себя для других», и объяснил его любовь к Настасье Филипповне, «в сущности, той же (только с роскошной обстановкой) Сонечке» (т. е. Соне Мармеладовой), как «жалость, принимаемую им за любовь». В обусловленных этой ситуацией сложных перипетиях чувств героев, их душевной борьбе, воспроизведенной с «обычной» для Достоевского «психологической глубиной», заключалась, по мнению автора лекции, «основная тема» романа. Представляет интерес проводимая Миллером аналогия между эпизодом с Мари в «Идиоте» и толстовским «Люцерном». В обоих этих «швейцарских» сюжетах он подчеркнул объединяющую Л. Н. Толстого и Достоевского мысль о том, что «сами по себе никакие либеральные кодексы еще не дают того настоящего духа свободы и человечности, который должен прежде всего заключаться в нравственном существе человека». Критик признал «мешающими впечатлению, производимому основною личностью», те места романа, где Мышкину навязаны «взгляды отчасти славянофильские», «ради отпора, даваемого самим автором тем направлениям, которые вычитаны из „чужих книжек“».¹

По-прежнему часто встречаются в рецензиях 1870-х годов адресованные автору «Идиота» упреки в надуманности и неправдоподобии. Так, по словам корреспондента «Одесского вестника» С. Т. Герцо-Виноградского (псевдоним Z. Z.-Z.), в «Идиоте» (так же как в «Бесах» и «Подростке») читатель присутствует «при изображении не действительности, а чего-то такого, что кажется ходящим вверх ногами» (Одесский вестник. 1875. 13 марта, № 58. С. 1). Составитель «Литературной хроники» в газете «Новости», критик В. В. Чуйко, рассматривая роман «Братья Карамазовы» как итог предшествующего развития писателя, затронул вопрос о насыщенности его творчества драматизмом и событийностью, о сходстве и различиях Достоевского в этом плане с французскими романтиками. Для примера он остановился на «Идиоте». Фабулу этого, как и других романов Достоевского (за исключением «Преступления и наказания»), Чуйко признал не поддающейся анализу, так как, несмотря на то что «роман чрезвычайно драматичен и читается с лихорадочным интересом», «события, мотивы

¹ Миллер Ор. Публичные лекции. СПб., 1878. 2-е изд. С. 245—248.

действий, драматические положения — до такой степени перепутаны, до такой степени выходят из границ логики и здравого смысла, что, чувствуя какую-то, может быть и страшную, драму, вы в то же время не знаете, — в чем она состоит...» (Новости. 1879. 18 мая, № 125. С. 1, подпись «В. Ч.»). По мнению Чуйко, Достоевский «везде видит проявление бессознательного и мистического», и «отсюда ведут начало те странные его герои, которые, очевидно, имеют все симпатии автора», — князь Мышкин, Алеша и старец Зосима — и в которых по сравнению с другими персонажами писателя, «несомненно, больше художественной правды, потому что в них г-н Достоевский положил долю своего личного мировоззрения» (Там же. С. 2).

Крайне резким был отзыв об «Идиоте» писателя и критика Е. А. Маркова. В связи с опубликованием в «Русской речи» его статьи «Романист-психиатр», заключавшей приводимую ниже характеристику «Идиота», Достоевский писал Е. А. Штакеншнейдер 3 (15) июня 1879 г.: «Оба тома „Русской речи“ лежат у меня на столе, а я еще не притронулся прочесть критику. Противно. И если имею понятие о смысле его статей, то из посторонних газет. <...> Прибавьте к тому, что Евг. Марков сам в нынешнем году печатает роман с особой претензией опровергнуть пессимистов и отыскать в нашем обществе здоровых людей и здоровое счастье» (Акад. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 72—73). Достоевский имел в виду роман «Берег моря», начало которого вызвало серию отрицательных отзывов: А. М. Скабичевский назвал произведение «приторной маниловщиной» (Молва. 1879. 23 февраля, № 52. С. 1, подпись «Заурядный читатель»), С. А. Венгеров — «триплъ-экстрактом пошлейшего филистерства» (Русский мир. 1879. 2 февраля, № 31. С. 2, подпись «С. Веди»), отдельное издание романа получило негативную оценку в «Отечественных записках» (1880. № 8. С. 225—229). Для автора «Берега моря» были неприемлемы ни «грустный тон» «Идиота», ни его герои, ни психологическая манера раскрытия их «на пределе». «Как безотрадно нужно глядеть на жизнь, чтобы лучшими представителями ее избрать идиота и камелию!» — восклицал он и относил роман к промежуточному периоду творчества писателя, когда «чувство симпатии к внутренней „человечности“» еще не до конца покинуло Достоевского, но он уже отступил от «мужественных воззрений на мир из-за железных решеток „Мертвого дома“». С точки зрения Маркова, читатель «Идиота» должен вынести тяжелое чувство «из этого повального бреда, мало похожего на действительную жизнь, лишенного всех живых красок жизни, всех умиротворяющих ее сторон, среди которого однообразною упрямою нотою стонут размышления и признания психиатрического больного». Непонятной осталась для Маркова идея Достоевского о трагическом положении «добра» в современном обществе и обусловленный ею так называемый «идиотизм» Мышкина. «Какая внутренняя художественная необходимость заставила его раскрывать нравственную красоту человека в такой невыносимо тяжкой, болезненной форме?» — спрашивал он (РР. 1879. № 5. С. 265—273).

Против ходячих претензий, предъявляемых Достоевскому критиками, возражал историк литературы П. Н. Полевой в очерке «Федор Михайлович Достоевский», вошедшем в цикл «Современные русские писатели» в журнале «Огонек». Полевой доказывал, что сюжеты романов Достоевского «по преимуществу берутся из такой среды явлений современной русской жизни, от которых большая часть людей, живущих изо дня в день *как-нибудь да понемножку*, отвертывается», а так называемый «кошмар» в его произведениях «именно и не позволит заснуть, а заставит хорошенько оглядеться вокруг и подыскать в самой жизни многое, что не дает ровных, спокойных впечатлений...». Не соглашался Полевой и с резким противопоставлением двух периодов в творчестве Достоевского. Он утверждал, что «идеалы, существовавшие в душе его в юные годы, не угасли, не выдохлись <...> хотя, может быть, изменились взгляды относительно путей к их достижению». Исходя из этого и имея в виду прежде всего «Идиота», Полевой отметил, что тип «забитого» человека «теперь здесь не только сочувственно описывается, но даже ставится на пьедестал, возвышается над разными умниками и фразерами». «В полусумасшедших, идиотах, чудаках, — продолжал он, — автор находит „искру Божию“ и показывает ее современному, хотя и очень умному, но зато ведь и эгоистичному человеку». За «странностью» характера Мышкина (как и Кириллова в «Бесах» или Версилова в «Подростке», называемых в критике даже «дикими») Полевой увидел «много правды», которая соответствует времени, когда «приходится и с „дикими“ характерами встречаться...». Кроме Мышкина, он выделял в «Идиоте» «гордый характер „падшей“, хотя и против воли, женщины»; в художественном же отношении роман, считал он, «писался неровно» и «полного развития рассказа» не получилось (Огонек. 1879. № 33. С. 662; № 34. С. 681—683).

Сохранился любопытный устный отзыв об «Идиоте» ярославского священника отца Алексия, проповедника официального православия. По свидетельству Е. Н. Опочинина, отец Алексей говорил о Достоевском: «Вредный это писатель! Тем вредный, что в произведениях своих прельстительность жизни возвеличивает и к ней, к жизни-то, старается всех привлечь. Это учитель от жизни, от плоти, а не от духа. От жизни же людей отвращать надо, надо, чтобы они в ней постигали духовность, а не погрязали по уши в ее прелестях. А у него, заметьте, всякие там Аглаи и Анастасии Филипповны... И когда он говорит о них, у него восторг какой-то чувствуется... Одно могу вам сказать: у писателя этого глубокое познание жизни чувствуется, особенно в темнейших ее сторонах» (см. запись беседы от 28 января 1880 г. — *Звенья*. Т. 6. С. 470). Ср. с более ранним свидетельством в газете «Искра» корреспондента с Кавказа: «На каком счету в семинарии светские журналы — видно из того, что даже „Русский вестник“ преследуется. Ректор застал одного семинариста за чтением „Идиота“ Достоевского, да осады какой-то крепости (то и другое в „Русском вестнике“), — и нашел такое чтение соблазнительным. Нечего делать, бедняк и занялся „Домашнею

беседою"» (Провинциальные были и небылицы // Искра. 1873. 17 июня, № 36/37. С. 10). В разделе «Летучие заметки» «Петербургской газеты» генезис романов писателя характеризовался иронически: «От сближения „Домашней беседы" с „Гражданином" получился „Идиот". От сближения г. Достоевского с „Русским вестником" получились „Бесы"» (Петербургская газета. 1874. 13 апреля, № 55. С. 3, без подписи).

Высокую оценку центральному герою романа Достоевского дал Л. Н. Толстой. В мемуарах писателя С. Т. Семенова приведена реплика Толстого по поводу услышанного им от кого-то мнения о сходстве между образами князя Мышкина и царя Федора Иоанновича в пьесе А. К. Толстого. «Вот неправда, ничего подобного ни в одной черте, — горячился Л. Н. Толстой. — Помилуйте, как можно сравнивать Идиота с Федором Ивановичем, когда Мышкин — это бриллиант, а Федор Иванович — грошовое стекло, — тот стоит, кто любит бриллианты, целые тысячи, а за стекло никто и двух копеек не даст».¹ Но отзывы автора «Войны и мира» об «Идиоте» как целостном произведении разноречивы; в них проступает печать его собственной творческой индивидуальности и эстетики: требования ясности изложения, здоровья, простоты (см. запись беседы В. Г. Черткова с писателем в июле 1906 г. и высказывания Толстого о романе, воссозданные в его литературном портрете Горьким, — ЛН. Т. 37—38. С. 526, и Горький. Т. XIV. С. 264, 288).

Большой интерес представляют поздние самооценки Достоевского, когда он уже несколько отдалился от созданного им романа и мог более спокойно судить о нем. Подготавливая отдельное издание «Идиота» в 1874 г., Достоевский вновь пересмотрел его текст. О впечатлениях, которые он вынес из этого чтения, рассказал в своих «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» исторический романист Вс. С. Соловьев. Говоря о том, что завидует «обстоятельствам» Л. Н. Толстого, которые позволяют ему не думать «о завтрашнем дне» и «отделять каждую свою вещь», Достоевский признавался: «Мне тяжело так работать, как я работаю, тяжело спешить... Господи, и всю-то жизнь!.. Вот я недавно прочитывал своего „Идиота", совсем его позабыл, читал как чужое, как в первый раз... Там есть отличные главы... хорошие сцены... у, какие! Ну вот... помните... свидание Аглаи с князем, на скамейке?... Но я всё же таки увидел, как много недоделанного там, спешного...».²

М. А. Александров, метранпаж в типографии А. И. Траншеля, где печатался «Гражданин», воспроизводит разговор, поводом к которому послужил подаренный ему автором экземпляр нового издания «Идио-

¹ См.: Семенов С. Т. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 419.

² Соловьев Вс. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 214.

та». «Сколько я мог заключить из слов Федора Михайловича, сказанных им в тот раз об этом романе <...>, — вспоминал Александров, — между своими произведениями он отводил „Идиоту“ весьма почетное место. Вручая мне его, он с чувством проговорил:

— Читайте! Это хорошая вещь... Тут всё есть!

Впоследствии, когда „Идиот“ был уже давно мною прочитан, однажды в разговоре коснулись И. А. Гончарова, и я с большою похвалою отозвался об его „Обломове“, Федор Михайлович соглашался, что „Обломов“ хорош, но заметил мне:

— А мой идиот ведь тоже Обломов.

— Как это, Федор Михайлович? — спросил было я, но тотчас спохватился: — Ах да! ведь в обоих романах герои — идиоты.

— Ну да! Только мой идиот лучше гончаровского... Гончаровский идиот — мелкий, в нем много мещанства, а мой идиот — благороден, возвышен».¹

К середине 1870-х годов Достоевский располагал уже фактами, свидетельствующими о широком признании, которое получил «Идиот» в читательской среде. Об этом говорит дневниковая заметка в тетради 1876—1877 гг. «Меня всегда поддерживала не критика, а публика. Кто из критики знает конец „Идиота“ — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну, а публика ее знает...» (*Акад. ПСС. Т. 24. С. 301*).

О том, насколько замысел «Идиота» глубоко волновал самого Достоевского и какое значение он придавал способности других проникнуть в него, можно понять по ответу писателя А. Г. Ковнеру, выделившему «Идиота» как «шедевр» из всего созданного Достоевским (см.: *Д. Письма. Т. 3. С. 378*). «Представьте, что это суждение я слышал уже раз 50, если не более, — писал Достоевский 2 (14) февраля 1877 г. — Книга же каждый год покупается и даже с каждым годом больше. Я про „Идиота“ потому сказал теперь, что все говорившие мне о нем, как о лучшем моем произведении, имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся. А если и у Вас такой же склад ума, то для меня тем лучше» (*Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 2. С. 139*).

¹ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // *Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 296*. И. А. Битюгова анализирует это высказывание Достоевского в контексте противоречивого, формирувавшегося долгие годы отношения писателя к Гончарову (см. ниже, с. 933—934). Впоследствии этот сюжет развивает К. Д. Бланк, сопоставляя образы Мышкина и Обломова в аспекте типологических сближений с образом сказочного «младшего сына», а также влияния святоотеческой традиции на становление героев Достоевского и Гончарова (*Бланк К. Д. Мышкин и Обломов // «Идиот», ССИ. С. 472—481*).

Роман Достоевского «Идиот» не вызвал в русской литературе такой череды «отражений», какую породили «Преступление и наказание» и «Бесы». В то же время в число его «отражений» входят такие шедевры русской литературы конца XIX—XX в., как роман Л. Н. Толстого «Воскресение» (1889—1899) и повесть А. П. Чехова «Степь» (1888), «Мастер и Маргарита» (1928—1940) М. А. Булгакова и «Доктор Живаго» (1945—1955) Б. Л. Пастернака, роман Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа» (1947) и некоторые произведения современной литературы.

Отдельные исследователи усматривают следы влияния романа Достоевского «Идиот» в романе Толстого «Анна Каренина» (1873—1877).¹ Однако это вопрос дискуссионный. Зато бесспорны они в романе «Воскресение», в котором Толстой фактически переписал сюжетную линию Мышкина, Тоцкого и Настасьи Филипповны. Тем самым он словно бы ответил Достоевскому — уже после его смерти — на скрытое послание к нему в образе князя Мышкина, выразившееся в том, что тот носит имя Льва Николаевича, а также в ряде интертекстуальных отсылок к рассказу «Люцерн» (1857) и, возможно, к роману «Война и мир» (1863—1869).

Как отмечает Н. Перлина, в романе «Идиот» «содержится сюжетное зерно, развитие главной темы и указание на счастливое—трагиче-

¹ Курляндская Г. Б. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: (Проблема метода и мировоззрения писателей). Тула, 1986. С. 204—242; Бялый Г. А. «Вечные» темы у Достоевского и Л. Толстого: («Идиот» и «Анна Каренина») // Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. Л., 1973. С. 54—67; Воловинская М. В. 1) «Анна Каренина» и «Идиот» в зеркале римейка // Современная русская литература: Проблемы изучения и преподавания. Пермь, 2003. Ч. 2. С. 44—50; 2) О соотношении родовых начал в романах «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Идиот» Ф. М. Достоевского // Типология литературного процесса. Пермь, 1990. С. 76—90; 3) Портрет в сюжетах романов «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Идиот» Ф. М. Достоевского // Типология литературного процесса. Пермь, 1988. С. 91—98; 4) Человек и мир в романах «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Идиот» Ф. М. Достоевского // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. М., 2007. Вып. 2. С. 75—79; Лозовская Е. Л. «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: (Из наблюдений над художественным методом) // Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1973. С. 50—69; Холодова Г. М. Анна Каренина и Настасья Филипповна: (Типологические сходства и различия) // Традиции и новаторство в русской литературе XIX века. Горький, 1983. С. 76—82; Суркова Ж. Л. «Идиот» и «Анна Каренина»: к проблеме художественных созвучий // «Идиот»: раздумья, проблемы. С. 98—109.

ское разрешение толстовского сюжета»: «Сюжетные ситуации „Воскресения” повторяют сюжетно-композиционные ходы „Идиота”, но со счастливым исходом: Симонсон—Катюша—Нехлюдов; Рогожин—Настасья Филипповна—Мышкин», «Мышкин хочет любить Настасью жертвенной любовью, а братской — Аглаю и тем обеих губит, в то время как Катюша, уходя с Симонсоном, делает счастливым одного и освобождает другого».¹

Таким образом «в сюжете „Воскресения” повторяются все важнейшие моменты эмоционального, интеллектуального и душевного самопроявления Мышкина, но каждый раз в действиях Нехлюдова обнаруживается существенная поправка поступков Мышкина. <...> Нехлюдов, взявшийся вначале быть посредником во многих делах заключенных, постепенно сводит всё к заботам о Катюше, но, помогая ей, этим и оказывает помощь другим. Мышкин пытается воздействовать на всех, учить всё общество, т. е., не будучи социалистом, оказывается к ним ближе, чем Нехлюдов, который упускает вопросы общественного устройства из своих бесед с революционерами и общается с людьми, но не с представителями партии».²

Рассказ Чехова «Загадочная натура» (1883), по характеристике Н. В. Живолуповой, полностью ориентирован на творчество Достоевского и откровенно упрощает «смысловые сюжетные ходы „Идиота” (и других произведений Достоевского), что дает мощный комический эффект».³ По-настоящему роман Достоевского отозвался у Чехова в повести «Моя жизнь» (1896): «...герой „Моей жизни” Мисаил подобен Идиоту по особым качествам его геройности и способу существования в мире (в финале рассказа это похоже на «монастырь в миру»). Как частный человек (к этому состоянию он стремится) он тоже идиот («дурачком» его считает в начале рассказа весь город), но к концу происходит чудо — как Мышкин „излечил” души жителей швейцарской деревни — сначала детей, а потом взрослых — от зла (история Мари), так и Мисаил изменяет нравы города <...>».⁴

Мотивы картины Гольбейна «Мертвый Христос» и одновременно романа «Идиот» варьируются в стихотворении Ф. К. Сологуба «В день воскресения Христова» (1905): «И у Достоевского, и у Сологуба герои выражают свой личный страх смерти и жажду воскресения через переживание и осознание смерти Христа, которую они словно отделяют

¹ См.: *Перлина Н. Лев Николаевич Нехлюдов — Мышкин, или Когда придет Воскресение // Достоевский и мировая культура. № 6. С. 121, 122, 123.*

² Там же. С. 123—124.

³ *Живолупова Н. В. Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики. Нижний Новгород, 2017. С. 8.*

⁴ Там же. С. 15. Об отражениях романа Достоевского «Идиот» у Чехова см. также: *Димитров Л. Подросток читает «Идиота», или Чехов на большой дороге к драме // Драма и театр. 2012. № 8. С. 57—69.*

от Воскресения — как бы смерть без Воскресения — до Воскресения».¹ Разумеется, значим был этот роман Достоевского — особенно решение темы красоты в нем — для творчества других писателей-символистов.²

Два эпиграфа из романа «Идиот» предпосланы пьесе А. А. Блока «Незнакомка» (1906, опубликована в 1907). По характеристике Т. А. Ёлшиной, «если ограничиться внешними наблюдениями, то можно сказать, что Незнакомка — двойник Настасьи Филипповны. Однако блоковской героине присущи качества, вовсе не знакомые героине Достоевского...».³ «Философская нагрузка образов Незнакомки и Настасьи Филипповны сходна»: по-видимому, блоковская героиня тоже «пришла, чтобы вернуть людям образ утраченной красоты. Ее красота оказалась опровергнутой».⁴ Таким образом, в пьесе Блока, по-видимому, имеет место своего рода полемическая интерпретация образа героини Достоевского.

Ряд мотивов сближает, по мнению Т. А. Пахаревой, драму Н. С. Гумилева «Гондла» (1917) с романом Достоевского. Главным основанием для сопоставления является выраженная в романе и драме интенция изобразить «вполне прекрасного человека». Среди общих мотивов и сюжетных ситуаций выделяются следующие: «мотив невольного самозванчества главного героя», «мотив непохожести героя на других», «мотив мезальянса», «ситуация провокации героя к поединку и отрицания героем оружия как средства отстаивания своей правоты и чести».⁵

Мотивы «Идиота» своеобразно преломлены в эссеистике эмигрантского поэта Б. Ю. Поплавского (1903—1935). Тема «мистической жалости к человеку», самоотречения, времени, которого «больше

¹ См.: Пантелей И. В. 1) «Мертвый Христос» у Ф. М. Достоевского и Ф. Сологуба // Новая Европа. 1996. № 9. С. 73—80; 2) «Мертвый Христос» в творчестве Достоевского и Ф. Сологуба // Достоевский и современность. Чт. 10 (1995). 1996. С. 101—105.

² Белякова Е. Н. Феномен красоты как значимый мотив романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в контексте философско-эстетических идей Вл. Соловьева // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 3. С. 81—85.

³ Ёлшина Т. А. А. Блок и Ф. Достоевский: («Незнакомая» Настасья Филипповна) // Ёлшина Т. А. Русский культурный ренессанс: (Исследование проблемы гуманизма в контексте литературы XX века). Кострома, 1999. С. 87.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ См.: Пахарева Т. А. Роман Достоевского «Идиот» и драма Гумилева «Гондла» (общие мотивы и сюжетные ситуации) // Достоевский и XX век. Рус. литература / Отв. за выпуск Ю. И. Корзов. Киев, 2000. Вып. 2. С. 75—78. См. здесь же: Рошко М. М. Идея жертвенности в романах «Идиот» Ф. Достоевского и «Полет над гнездом кукушки» К. Кизи. С. 151—153.

не будет», понимание христианства в аспекте кенозиса, тема детскости, мотив экстатического чувства гармонии восходят к Достоевскому и становятся органической частью мистико-религиозных и эстетических размышлений Поплавского, во многом легших в основу мировоззрения также и других авторов эмигрантского журнала «Числа» (Париж, 1930—1934). Напрямую к роману Достоевского отсылают заметки Поплавского, озаглавленные «С точки зрения князя Мышкина» (1933), — связь с героем провозглашается в заглавии, однако прямо не раскрывается.¹

Своего рода «палимпсест линии „Мышкин—Настасья Филипповна—Рогожин”» представляет собой роман Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа» (1946—1947). При этом «герою-рассказчику этого газдановского романа, также страдающему внутренним раздвоением, в отличие от Мышкина, всё же удается предотвратить попытку Вольфа убить» героиню. Газданов сохраняет и некоторые черты атмосферы произведений Достоевского.² Особенно ясно это проявляется в том, как инструментован в романе образ Елены Николаевны: «...ее отличие от других женщин заключалось в том, что она вызывала крайнее и изнурительное напряжение всех сил, и душевных, и физических, — и в смутном ощущении того, что близость с ней требует какого-то безвозвратно-разрушительного усилия, в безошибочности этого предчувствия состояла, я думаю, ее непреодолимая притягательность»; «— Вслепую? Я думаю, что так интереснее. Вообще всё».³ В то же время в образе Вольфа недвусмысленно разоблачается философия человекобожества: «В этих нескольких секундах насильственного прекращения чьей-то жизни заключалась идея невероятного, почти нечеловеческого могущества».⁴ Отдельные мотивы «Идиота» отмечались также в романе Гайто Газданова «Возвращение Будды» (1949).⁵

Внешнее сюжетное сходство романов «Доктор Живаго» (опубл. в 1957) и «Идиот», по мнению О. А. Седаковой, «очевидно: явление „неотмирного”, „блаженного” героя — Юрия Живаго, князя Мышкина в подчеркнуто, по-газетному современной реальности; его вовлеченность в странный роман с двумя женщинами, „чистой” — Тоня, Аглая,

¹ Подробнее см.: Сыроватко Л. В. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920—1940) // *Достоевский и XX век*. Т. 2. С. 88—102.

² Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. С. 197.

³ Газданов Гайто. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 3. С. 58, 76.

⁴ Там же. С. 313.

⁵ Боярский В. А. 1) Возвращение идиота: «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Возвращение Будды» Г. Газданова // *Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Филология*. 2013. № 5 (25). С. 61—74; 2) Возвращение идиота: Газданов и Достоевский. Статья вторая // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 1. С. 57—64.

и „роковой“, „падшей“ — Лариса Федоровна, Настасья Филипповна; по отношению ко второй герой пытается исполнить роль спасителя (у Пастернака — два прообраза: Магдалина и Христос, царская дочь и св. Георгий) и в конце концов губит ее и гибнет сам; фигура соблазнителя-покровителя — Комаровский, Тоцкий; тема благородства, аристократизма в князе Мышкине, „рыцаре бедном“ <...>». ¹ С точки зрения исследовательницы, общий замысел двух романов «можно — очень приблизительно — назвать так: явление подлинного христианства (иначе: «святой души», «Божьего человека», человека, похожего на Христа) в современном обществе — епифания. Сами названия двух романов уже ясно говорят, о каком образе святости пойдет речь: „Идиот“ — „Доктор Живаго“. Болезнь, убожество, глупость (компоненты значения «идиот»; мы оставляем в стороне этимологию) — и здоровье, и больше, чем здоровье: целительство и разум, даже ученость». ² При этом, разумеется, Пастернак существенным образом трансформирует сюжетно-мотивный комплекс романа Достоевского: «В образе Лары — новой Настасьи Филипповны — сопротивление Пастернака Достоевскому особенно очевидно. Болезнь мира не смертельна, это не „болезнь к смерти“, он „спит, а не умер“ („И как от обоморока ожил“). Святость является как врач, как великий диагност — герой романа. Говоря совсем обобщенно, в святости у Пастернака нет ничего чрезвычайного (постоянные мотивы обычности, обыденности великого), святость (или гениальность, что для Пастернака одно) в природе вещей, в природе жизни, пока она жизнь». ³

По характеристике А. А. Баранович-Поливановой, сюжет «Доктора Живаго» «строится в основном вокруг пяти персонажей, образующих как бы два подобных пятиугольника: Лара, ее соблазнитель Комаровский, ее муж Антипов-Стрельников, Живаго и Тоня; соответственно в „Идиоте“ — Настасья Филипповна и ее соблазнитель Тоцкий, добивающийся ее руки Рогожин, князь Мышкин и Аглая». ⁴ Исследовательница усматривает «принципиальное сходство между парами персонажей: князем Мышкиным и Рогожиным у Достоевского и Живаго и Стрельниковым у Пастернака, которые как будто одновременно могут восприниматься и как двойники, и как антиподы. Сходство это проявляется на разных уровнях (любовь к одной женщине, первая встреча, происходящая в вагоне поезда, «крестовое» братство Мышкина и Рогожина и «печальное» братство Живаго и Стрельникова, а также многое другое)». Встречи в вагоне поезда представляются исследова-

¹ Ссадакова О. А. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа — «Идиот» и «Доктор Живаго» // Континент. 2002. № 112. С. 376.

² Там же. С. 377.

³ Там же. С. 384.

⁴ Баранович-Поливанова А. А. «Мирами правит жалость...»: К нескольким параллелям в романах «Доктор Живаго» и «Идиот» // Достоевский и мировая культура. № 20. С. 254.

тельнице «сходными и по композиционной роли в изображениях судеб Мышкина и Живаго в обоих романах: для князя Льва Николаевича с этой встречи в вагоне обозначаются линии его „тернистого пути“, по которому ему предстоит пройти в России; для Юрия Андреевича тоже как будто именно с путешествия в Юрятин, куда он так не хотел ехать, начинается его путь испытаний».¹

Прямо соотнесен с «Идиотом» и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1966—1967). По характеристике А. В. Злочевской, «отношения между Мышкиным и Рогожиным, Иешуа и Пилатом развиваются по сходной модели: *взаимопонимание* в диалогическом общении — *разъединение* — *единение* после свершившейся катастрофы <...>. Эта модель характерна для концепции спасения человека диалогическим словом, возрождающим истинное Божественное „Я“ в человеке, которую реализуют в своих романах Достоевский, а вслед за ним Булгаков».² Впрочем, «князь Мышкин гораздо в большей степени „христоморфен“, чем герой Булгакова. „Хриstopодобие“ Иешуа Га-Ноцри — во внешней оболочке образа, аллюзия на Христа здесь возникает скорее благодаря историко-культурному колориту общей ситуации, но мало связано с личностью героя, с нравственно-психологическим содержанием образа. В случае же Мышкина — „хриstopодобие“ сущностно. А Иешуа Га-Ноцри и есть не кто иной, как „вполне прекрасный человек“ <...> Достоевского в исторических одеждах Иисуса Христа».³

По мнению исследовательницы, «концепция „идеального героя“, созданная Достоевским, во многом была унаследована Булгаковым»: «Параллель князь Мышкин—Иешуа Га-Ноцри проявляет себя на нескольких структурных уровнях: тематическом — метасюжет о пришествии в мир „положительно прекрасного человека“; религиозно-философском — концепция „прекрасного героя“; и, наконец, художественном — реминисцентно-аллюзийный принцип сотворения образов. Обусловлена корреляция образов князя Мышкина и Иешуа

¹ Там же. С. 255. См. также: Камельянова Ф. Ф. 1) Вечные идеи и ценности в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: (Опыт сопоставительного изучения) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 99. С. 156—160; 2) Отражение образа Христа в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Молодежь и наука: реальность и будущее. Невинномысск, 2009. Т. 9. С. 149—150; Свинцова А. С. Тема рыцарства в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Достоевский и современность. Чт. 20 (2005). 2006. С. 315—318.

² Злочевская А. В. «Идеал Христов» в подтексте образа «прекрасного героя» у Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова (князь Мышкин — Иешуа Га-Ноцри) // Достоевский и мировая культура. № 28. С. 214.

³ Там же. С. 229.

Га-Ноцри глубинным сродством писателей в рамках художественного течения *мистического реализма*, а соответственно, и поиском ими своего идеала в сфере философского и мистико-религиозного бытия человеческого духа».

По-разному расставлены акценты в этих двух романах «при решении темы Христа»: «...для Достоевского первостепенное значение имеет аспект нравственный и религиозно-философский, для Булгакова — креативно-эстетический. Макротекст „Мастера и Маргариты“ воссоздает историю сотворения романа об Иисусе Христе, а его движение соответствует фазам этого процесса — от „большой антирелигиозной поэмы“ <...> Иванушки Бездомного через роман *мастера* к собственно булгаковской, мистико-трансцендентной версии. <...> Автор „Мастера и Маргариты“ создал свою версию „положительно прекрасного“ лица, соответствующую мироощущению человека XX века, пережившего кровавые катаклизмы и имеющего трагический опыт крушения жизненных устоев и ценностей, а главное, идеалов прошлого. Знаменательно, что именно на низшей точке линии эволюции образа Христа в светской литературе он обретает черты Богочеловека, — в отличие от образа просто „прекрасного человека“ в романе Достоевского». ¹ Иначе смотрит на соотношение «Мастера и Маргариты» и «Идиота» А. Мановцев. Он полагает, что «Иешуа и Мышкин доводят милосердие до абсурда и фальши, с той лишь огромной разницей, что Булгаков эту фальшь оправдывал, Достоевский же видел ее последствия». ²

По мнению Г. М. Ребель, герои имеют «общий литературный прототип, чем во многом и объясняются черты их сходства: и князь Мышкин, и Иешуа созданы не столько даже по евангельскому, сколько по ренановскому образцу. „Бесконечное очарование“, которым Иисус привлекал учеников и последователей, чистая человечность, отрешенная от плоти и корысти, искренность и простодушие, открытость и милосердие при безоглядной устремленности к идеалу и вере в личную причастность Отцу — таков ранний, галилейский, Иисус Ренана, таков князь Мышкин, таков Иешуа». ³

Как считает исследовательница, «сцена допроса утверждает не царственное величие и недоступность Иешуа земному суду, а неотразимость его личного обаяния — т. е. именно то, на чем настаивает как на главном источнике влияния Иисуса на окружающих Э. Ренан, то, что положено было Достоевским в основу образа князя Мышкина.

¹ Там же. С. 231. См. также: Злочевская А. В. Концепция образа «прекрасного героя» в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты. М., 2011. С. 219—227.

² Мановцев А. Свет и соблазн // «Идиот», ССИ. С. 285.

³ Ребель Г. М. «Что есть истина?»: Истоки и смысл образа Иешуа Га-Ноцри в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Д, Материалы и исследования. Т. 19. С. 248—249.

Явление Мышкина у Епанчиных тоже опрокидывает ожидания, тоже обставлено множеством смягчающих и утепляющих ремарок: он высказывался щедро, самозабвенно и страстно, „очень скоро и доверчиво одушевлялся“, „с жаром настаивал“, по-детски мгновенно переключался с одного на другое, по-взрослому увлекался воспоминаниями — и говорил притчами, и изумил слушательниц <...>.¹ По утверждению Г. М. Ребеля, «Иешуа, как и Мышкин, „заговаривает“ своего собеседника, который поначалу относится к нему даже не скептически, как Епанчины и их камердинер к князю, а враждебно, презрительно и совершенно не склонен слушать сторонние речи, желая лишь получить ответы на поставленные обвинением вопросы. Но, так же как Мышкин, и в гораздо более безнадежном случае, Иешуа перелаживает ситуацию и заставляет себя слушать и слышать. В сцене допроса есть свой потрясенный „камердинер“ — секретарь, который перестает записывать и исподтишка бросает удивленные и испуганные взгляды на прокуратора <...>».²

Различные преломления образа князя Мышкина представлены также в произведениях русской литературы конца XX в.: в романах В. Короткевича и Ч. Айтматова, в повести Ф. Н. Горенштейна «Ступени» (1979).³ Не теряет своей актуальности роман Достоевского и в современной культуре.⁴

¹ Там же. С. 250—251.

² Там же. С. 251. См. также: *Дворкин А. Л.* Булгаков и Достоевский: некоторые соображения о генезисе образа Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты» // *Альфа и омега*. 2007. № 3 (50). С. 331—339.

³ См.: *Крикливцев Е. В.* «Положительно прекрасный» герой в эпоху экзистенциального кризиса (на примере романов Ф. Достоевского, В. Короткевича, Ч. Айтматова) // *Искусство и культура*. 2015. № 3 (19). С. 77—82; *Чудова О. И.* 1) Идеи и образы романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в повести Ф. Горенштейна «Ступени» // *Пограничные процессы в литературе и культуре*. Пермь, 2009. С. 38—40; 2) Образ князя Мышкина в художественном восприятии Фр. Горенштейна // *Достоевский и современность*. Чт. 24 (2009). 2010. С. 325—337.

⁴ См.: *Дубеник Е. А.* Классика в контексте культуры: «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Идиот» Ф. Михайлова: опыт сопоставительного анализа // *Филологические штудии*. Иваново, 2010. Вып. 13. С. 84—90; *Пантин В. И., Столярова Т. Ф.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и наше время: две грани восприятия // *Пантин В. И., Столярова Т. Ф.* Вырождение или возрождение? Философские эссе о современной культуре и о творчестве Достоевского, Толкина, Ортеги-и-Гассета. М., 2006. С. 109—160; *Физиков В. М.* Трагедия князя Мышкина в судьбе и творчестве современного поэта и мыслителя Олега Чертова // *Достоевский в смене эпох и поколений*. Омск, 2011. С. 206—213.

Первые переводы «Идиота» на иностранные языки появились во второй половине 1880-х годов. В 1887 г. роман почти одновременно был издан на английском языке в переводе Ф. Уишоу, на французском — в переводе В. Дерели, на датском — в переводе Е.-Ж. Хансена. На немецкий язык «Идиот» был переведен А. Шольцем в 1889 г. В 1902 г. вышел итальянский перевод (имя переводчика неизвестно).

На французский язык роман переводился неоднократно и вызвал интерес у крупнейших французских писателей. Первый перевод В. Дерели вышел с предисловием Э.-М. де Вогюэ. Точка зрения Вогюэ на «Идиота» определилась уже в его «Русском романе» (1886), где в главе «Религия страдания» автор отмечает, что здесь талант Достоевского перестает расти и реализм «Преступления и наказания» сменяется «мистическим реализмом».¹ В Мышкине он увидел выражение «навязчивой идеи» Достоевского о «превосходстве нищего духом и страдальца».² В предисловии к французскому изданию романа Вогюэ настойчиво проводит мысль, что в эту книгу — «то глубокую, то абсурдную» — Достоевский вложил всю свою «смятенную душу, весь свой болезненный идеал». Он также объясняет, почему этот роман не обладает ни единством, ни напряженностью действия «Преступления и наказания» и не выдерживает сравнения в плане композиции: «Завязка стремительна и искусна, главные персонажи нам знакомы уже с первых страниц; но вскоре они погружаются в фантастический туман, теряются среди бесчисленных лиц, которые выходят гримасничать на первый план».³ Вогюэ не рассчитывал на успех романа среди ценителей литературы, считая, что их «быстро утомят эти странные и непонятные интриги, не имеющие между собой видимой связи». Но при этом он утверждал, что «не найдется более увлекательного чтения для врача, психолога или философа» и что подлинный интерес роман вызовет лет через пятьдесят, когда с развитием науки о человеке из общеупотребительных словарей придется убрать много старых слов, «слишком узкие значения которых не отвечают больше состоянию нашего знания, — и в первую очередь слова *безумный, безумие*», каковыми, по его мнению, современный французский читатель будет характеризовать персонажей и события, наполняющие этот роман. Предупреждая читателя, что в этом «варварском вымысле» Достоевский «смешал жанры» и роман «заставляет думать, как философский трактат, и ломать голову не меньше, чем иероглифический текст», Вогюэ тем не менее отмечал, что некоторые сцены превосходят по своему эффекту «самые трагические страницы „Макбета“ или „Отелло“», а финаль-

¹ Vogüé E.-M. de. Le roman russe. Paris, 1886. P. 268.

² Ibid. P. 259.

³ Vogüé E.-M. de. Avertissement // Dostoïevsky Th. L'Idiot. Paris, 1887. T. 1. Traduit du russe par Victor Derély. P. I.

ная сцена романа, «может быть, самая мощная из всех написанных Достоевским».¹

Влияние Вогюэ на восприятие романа французской критикой сказалось уже в одной из ранних рецензий на его перевод, автор которой, характеризуя Мышкина как «святого», «почти Христа», подчеркивает, что в его уста Достоевский вложил «свое религиозное кредо и веру в русскую душу».² В духе идей Вогюэ характеризуется «Идиот» и в статье «Филантропический аскетизм в русской литературе» (1890).³

Первоначальная трактовка романа, принадлежащая Вогюэ, предопределила противоречивое восприятие произведения литературной и философской мыслью в XX в. Вопреки прогнозам Вогюэ, роман вызвал интерес французских писателей еще на рубеже веков, а также в 1920—1930-е годы, причем он был особенно интересен французам именно своей «нерациональной» композицией, столь несвойственной ясному картезианскому духу, а также «нелогичностью» персонажей. Романом восхищался французский новеллист Ш.-Л. Филипп. В «Идиоте» его привлекали близость к жизни, непосредственность и сила ее восприятия. «Я прочел „Идиота“ Достоевского, — писал он в 1896 г. — Вот произведение первозданной силы. Всечеловеческие вопросы поднимаются здесь со страстью. Я не знаю в нашей литературе такой насыщенной книги. Иногда это безумно прекрасно. Сцена, где князь Мышкин рассказывает о своих занятиях с детьми в Швейцарии, описание его душевного состояния перед первым припадком эпилепсии, и встреча его с Рогожиным, и последняя глава — всё это вещи невероятно грандиозные. И его персонажи, такие простые и такие сложные в одно и то же время; удивительно, что с ними так хорошо живется. Я был глубоко взволнован».⁴

Отмечалось, что в романе К.-Ж. Гюисманса «Там, внизу» (1891) описание распятого Христа (по картине М. Грюневальда) близко к эпизодам с картиной Гольбейна в «Идиоте» (несмотря на принципиальное отличие этих символов у обоих писателей).⁵

Французский романист и драматург О. Мирбо писал в 1903 г.: «...изумительные повествования „Войны и мира“, „Анны Карениной“, „Смерти Ивана Ильича“, „Преступления и наказания“, „Идиота“ и многие другие русские произведения, которыми я восторженно восхищался, явились для меня ослепительным откровением доселе неведан-

¹ Ibid. P. I—XI.

² Fray R. Le mouvement littéraire // La nouvelle revue. 1887. Т. 47. P. 124—125.

³ Honcey J.-M. L'ascétisme philanthropique dans la littérature russe // Revue bleue. 1890. Т. 46. P. 436.

⁴ Philippe Ch.-L. Lettres de jeunesse à Henri Vandeputte. Paris, 1911. P. 64.

⁵ Hemmings F. W. J. The russian novel in France. 1884—1914. London, 1950. P. 105.

ного мне искусства, властная и новая красота которого произвела на меня никогда раньше не испытанное потрясающее впечатление» (см.: *Толстой*. Т. 74. С. 195).

Р. Роллан, прочитав роман, оставил следующую запись: «Меня сильно захватила первая половина первого тома. Вторая сбивает и раздражает. Но конец прекрасен. Страсть обеих женщин, вечер у Епанчиных и свадьба, разговор у тела умершей — всё это великолепные сцены. Анализ изумителен, — особенно там, где речь идет о болезненном состоянии князя. Нельзя забывать, что здесь есть юмор. Реализм ежеминутно прорывается из-под юмористической оболочки».¹ В предисловии к полному собранию сочинений на русском языке (1930 г.) Р. Роллан вспоминал: «Трагедии Эсхила и драмы Шекспира не могли потрясти души своих современников глубже, чем всколыхнули нас „Идиот“, „Братья Карамазовы“, „Анна Каренина“ и великая эпопея, которая, в моих глазах, занимает среди этих шедевров место некоей „Илиады“, — „Война и мир“»; они явились молнией откровения, «разодравшей небо Европы около 1880 года» (*Роллан*. Т. 14. С. 531—532).

Глубокое впечатление роман произвел на А. Фурнье, который писал в 1909 г.: «После Клоделя ни одна книга так не приблизила меня к христианству, как „Идиот“. <...> Эта книга, возможно, и есть тот самый мост, который я долго искал между своим миром и миром христианским».² Персонаж Большой Мольн из одноименного романа французского писателя может быть «далекой репликой князя Мышкина».³

А. Сюарес в эссе «Достоевский» (1911) отметил, что «Достоевский богат незабываемыми словами, которые всплывают из глубин <...> без помпы и витиеватости», восхищаясь, в частности, ответом князя Мышкина Ипполиту: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!».⁴ Целую главу Сюарес посвятил отношению Достоевского к браку, женщине, любви, имея в виду главным образом роман «Идиот». В его понимании, герои Достоевского вступают или готовятся вступить в брак так, словно выбирают «из всех мук самую длительную пытку»⁵ (намек на неудачный первый брак писателя). В главном герое романа «Идиот» Сюарес отметил автобиографические черты: «Князь Мышкин в

¹ *Rolland R.* Le cloître de la rue d'Ulm: journal de Romain Rolland à l'école normale: 1886—1899; suivi de Quelques lettres à sa mère et de Credo quia verum. Paris, 1952. P. 85—86.

² *Rivière J., Alain-Fournier.* Correspondance 1904—1914. Paris, 1991. Т. 2. P. 298—299.

³ *Struve N.* Le christianisme de Dostoïevski et son influence sur les Lettres françaises // Dostoïevski et les Lettres françaises: Actes du colloque de Nice / Réunis et présentés par J. Onimus. Nice, 1981. P. 14.

⁴ Цит. по: *Suarès A.* Trois hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski. Paris, 1919. P. 288.

⁵ *Ibid.* P. 306.

любви — это сам Достоевский».¹ Образ писателя вновь проступает за образом князя Мышкина, когда Сюарес пишет о взрывном характере Достоевского: «Это его я слышу в салоне Епанчиных, когда Невинный Князь, в порыве чувств, вводит в испуг всех своих друзей, приводит в отчаяние невесту и с таким ликованием несется навстречу своей смерти в глазах общества».² Рассуждая о художественном мастерстве Достоевского, Сюарес акцентирует внимание на композиции его произведений: «Достоевский необычайно беспорядочен, когда ему не удается найти свой порядок. Но его порядок просто чудо, когда он его достигает».³ Образцом такого «порядка» для него наряду с «Преступлением и наказанием» является и роман «Идиот». В очерке «Столетие Достоевского» (1921) Сюарес вводил понятие «органической» книги в противовес «композиционной» и уподоблял поэтику романов Достоевского музыке Вагнера: «...в „Идиоте“, „Карамазовых“, „Бесах“, „Преступлении и наказании“ всё необходимо и органично, как в акте „Тристана“. Беспорядок Достоевского — это порядок симфонии. <...> „Идиот“ — это органическая книга».⁴ Как и в первом своем очерке, он сравнивает князя Мышкина с Парсифалем Вагнера.

А. Жид в одном из писем 1896 г. высказывал свое восхищение романом: «Во Франции (и в Бельгии) все люди делятся для меня на два класса: те, кто прочел „Идиота“, и те, кто его не читал. Тех, кто прочел, по пальцам перечесть. <...> Что до меня, то я страстно люблю эту книгу, во всяком случае, так, что готов полюбить всякого, кто ее также любит».⁵ Одним из открытий Жид в романе станет тип высшей любви, не знающей ревности к сопернику, что впоследствии будет важно для его работы над драмой «Царь Кандавл» (1901). «Выражение этого чувства (а оно сродни моему «Кандавлу») — которое я встречаю *только здесь*, — имеет самое высшее значение»,⁶ — записал он в дневнике 1905 г. Работая над замыслом романа «Тесные врата», он думал о создании нового «типа персонажа, нечувствительного к женским чарам <...>, и именно благодаря этому образу, в воображении Жид, а затем и в его собственном мифе укоренится безразличие к женской привлекательности».⁷ Он вернулся к теме бесстрастия — той глубинной сфере человеческой души, в которой живет князь Мышкин, —

¹ Ibid. P. 308.

² Ibid. P. 325.

³ Ibid. P. 286—287.

⁴ *Suarès A. Centenaire de Dostoïevski // Suarès A. Idées et visions et autres écrits polémiques, philosophiques et critiques, 1897—1923 / Éd. établie par R. Parienté. Paris, 2002. P. 852.*

⁵ Цит. по: *Фокин С. А. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013. С. 102.*

⁶ *Gide A. Journal. Paris, 1996. T. 1: 1887—1925. P. 495.*

⁷ *Moutole D. Dostoïevski et Gide // Revue d'histoire littéraire de la France. 1976. № 5. P. 778.*

комментируя финальную сцену ночного бдения Мышкина с Рогожником у тела мертвой Настасьи Филипповны в эссе «Достоевский».¹ В 1921 г., работая над романом «Фальшивомонетчики», Жид вновь перечитывает «Идиота» и, не испытывая прежнего восхищения, всё же отмечает, что «„Идиот“ написан с тем, чтобы понравиться молодым людям, и я сам из всех романов Достоевского посоветовал бы им его в первую очередь».²

П. Клодель, на которого Достоевский оказал глубокое влияние, также восхищался формой и композицией романа: «Нет более прекрасной композиции, выраженной в слове, которое я назову бетховенским, чем начало „Идиота“: двести первых страниц „Идиота“ — это подлинный шедевр композиции, напоминающий крещендо Бетховена».³ Он ставил «Идиота» выше «Братьев Карамазовых», считая их фрагментарной книгой, которой «не хватает единства и интегральной динамики, равномерного развития сюжета, присущего „Идиоту“».⁴ Так же как и А. Жид, Клодель восхищается персонажами Лебедева и генерала Иволгина, цитируя их слова в «Дневнике» за 1942 г.⁵

М. Пруст также дал высокую оценку роману «Идиот». «Если бы вы спросили меня, какой самый прекрасный роман из тех, что я знаю, мне было бы крайне затруднительно вам ответить. Может, я отдал бы первое место „Идиоту“ Достоевского»,⁶ — написал он в 1920 г. В одной из своих тетрадей Пруст подчеркивал, опираясь главным образом на «Идиот» и «Преступление и наказание», что оригинальность Достоевского заключается в выстраивании композиции.⁷ В романе «Пленница» (опубл. в 1923) рассказчик в разговоре с Альбертиной рассуждает о мастерстве Достоевского-романиста, о фантастическом мире его персонажей-шутов, ставя его на одну высоту с мастерством Рембрандта: «Все эти шуты, что беспрестанно возвращаются, все эти Лебедевы, Карамазовы, Иволгины, <Снегиревы>⁸ <...> — это еще более фантастичное человечество, чем то, что населяет „Ночной дозор“ Рембрандта».⁹ Рассказчик заворужен новой, неповторимой и амбивалентной

¹ Жид А. Достоевский: Эссе / Пер. с фр. Томск, 1994. С. 87.

² Цит. по: Фокин С. А. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. С. 108—109.

³ Claudel P. Mémoires improvisés. Quarante et un entretiens avec Jean Amrouche. Paris, 2001. P. 46.

⁴ Ibid.

⁵ Claudel P. Journal. Paris, 1969. Т. 2. P. 388.

⁶ Цит. по: Haddad-Wotling K. L'illusion qui nous frappe. Proust et Dostoïevski. Une esthétique romanesque comparée. Paris, 1995. P. 9.

⁷ См.: Robert P.-E. Notice // Proust M. La Prisonnière dans À la recherche du temps perdu. Paris, 1988. Т. 3. P. 1692.

⁸ В тексте неточность — «Сергев».

⁹ Proust M. La Prisonnière dans A la recherche du temps perdu. Paris, 1988. Т. 3. P. 881—882.

красотой женских персонажей, являющих одновременно доброту и дерзость: «Грушенька, Настасья, фигуры столь же оригинальные, столь же загадочные, как куртизанки Карпаччо, даже как Вирсавия Рембрандта»,¹ — и восхищен новизной описаний, в частности дома Рогожина, сравнивая стиль Достоевского с живописью Я. Вермеера. Впервые отмеченное Сюаресом глубинное родство творческой манеры такого выдающегося художника, как Рембрандт, и русского романиста, озадачившего французского читателя непривычностью своего письма, позволяло объяснить и европеизировать «технику светотени» Достоевского.²

Отдельные реминисценции из «Идиота» есть в романах Ж. Бернаноса «Обман» (1927) и «Радость» (1929).³

Ж. Жионо в одном из писем 1927 г. замечал: «Заканчиваю читать „Идиота“, может, самую сильную вещь из всех».⁴ С восхищением он писал о романе позднее, в дневниках за 1946 г., выделяя как центральные образ Настасьи Филипповны и сцену с Рогожиным и Мышкиным у тела убитой героини.⁵

Ж.-П. Сартр в одном из писем 1926 г. также упоминал финальную сцену романа, рассуждая о том «состоянии печальной безмятежности, в которой застают порой, после важной и довольно волнительной сцены, некоторых героев романа (например, Мышкин, беседующий с Рогожиным после убийства <Настасьи>⁶)».⁷ Позже, в «Дневниках странной войны» (1939—1940), Сартр дал развернутое истолкование психологической проблематики «Идиота»,⁸ и в этой интерпретации «философ предельно приближает метод Достоевского-психолога к собственной концепции сознания, которая найдет наиболее последовательное воплощение в трактате „Бытие и ничто“».⁹ В статье «Объяснение „Постороннего“» (1943), посвященной анализу романа А. Камю, Сартр сравнивал главного героя Мерсо с князем Мышкиным. Для него абсурд-

¹ Ibid. P. 879.

² См. об этом: *Hassine J. Correspondance des arts: Rembrandt — Dostoïevski dans l'Europe du vingtième siècle: (In memoriam Jo Yoshida) // Departmental Bulletin Paper. Kyoto University Research Information Repository. 20 juin 2006. S. 253—278.*

³ *Albères R.-M. Histoire du roman moderne. Paris, 1962. P. 272.*

⁴ *Cahiers Giono. Correspondance Jean Giono — Lucien Jacques. 1922—1929 / Éd. établie et annotée par P. Citron. Paris, 1981. P. 197.*

⁵ *Giono J. Journal inédit — 1946 // Revue Giono. L'Association des Amis de Jean Giono. 2007. № 1. P. 70—71.*

⁶ В тексте неточность — «Натали».

⁷ *Sartre J.-P. Lettres au Castor et à quelques autres. 1926—1939. Paris, 1983. P. 17.*

⁸ *Sartre J.-P. Carnets de la drôle de guerre. Septembre 1939 — mars 1940. Paris, 1995. P. 130—132.*

⁹ *Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. С. 243.*

ный человек в изображении Камю, брошенный в этот мир, столь же невинен, как «идиот» Достоевского, который «живет в перманентном настоящем, оттененном усмешками и безразличием».¹

Для А. Мальро «Идиот» был одной из трех книг, которые, по выражению одного из персонажей его романа «Орешники Альтенбурга» (1942), помогают выжить в тюрьме: «„Робинзон“, „Дон-Кихот“, „Идиот“. <...> Трое одиночек мирового романа».² Преодолеть одиночество и восстановить связь с миром Мышкину помогает его «невинность». Многие сцены «Идиота» «вписываются» в роман Мальро: «...отражение взглядов в витрине, ночное бдение у тела умершей, безумие двух „братьев“ (Мышкина и Рогожина, Дитриха и Вальтера)».³ Подготовительные тетради к «Идиоту», переведенные в 1933 г. Б. де Шлёдером, оказали решающее влияние на Мальро в осмыслении концепции романа, в частности амбивалентности персонажей в первоначальном замысле и окончательном тексте (о чем он писал в 1948 г.).⁴

Сюжетная канва романа К. Симона «Ветер» (1957), начинающегося словом «Идиот...»,⁵ которое затем неоднократно повторяется в адрес главного героя Антуана Монтеса, невинного, смешного и вместе с тем мудрого дурака-шута, повторяет с некоторыми модификациями любовную коллизию романа Достоевского, у которого французский писатель позаимствовал, в частности, амбивалентность образа Мышкина, его привязанность к детям, соотнесение с Христом. Симон сам признавался в одном из писем, что эта книга была его попыткой переписать «Идиота» Достоевского.⁶

Ж. Грак в беседе с Ж. Катто в июле 1972 г. говорил, что неоднократно с неизменным восхищением перечитывал великие романы Достоевского, решительно отдавая предпочтение «Бесам», затем «Идиоту», и что самым навязчивым образом от этого чтения у него оставалось в памяти описание дома Рогожина.⁷

Ж. Грин при первом знакомстве с романом в 1951 г., не принимая в целом казавшиеся нелогичными мотивы поступков персонажей, восхищался сценой, в которой Рогожин и Мышкин обмениваются крестами: «Вслед за целыми поколениями читателей я не могу не восхищаться жестом убийцы, который отдает свой золотой крест тому, кого собираются

¹ Sartre J.-P. Explication de «L'Étranger» // Situations I. Paris, 2010. P. 131.

² Malraux A. Les Noyers de l'Altenburg. Euvres complètes. Paris, 1996. T. 2. P. 676.

³ Howlett S. Dostoïevski démon de Malraux. Paris, 2015. P. 335.

⁴ Malraux A. Les voix du silence. Euvres complètes. Paris, 2004. T. 4. P. 556.

⁵ Simon C. Le vent: tentative de restitution d'un retable baroque. Paris, 1957. P. 9.

⁶ Gall-Gruber M. Claude Simon: Une vie à écrire. Paris, 2011. P. 218.

⁷ Cahiers de l'Herne: Dostoïevski. Paris, 1973. № 24. P. 146.

убить. Только русский мог такое отыскать...». ¹ Позднее, в 1974 г., когда Франция переживала начало экономического кризиса, писатель-католик, посвятивший свое творчество проблеме добра и зла, вновь перечитывает роман и не скрывает своего восхищения: «Эта великая сияющая фигура князя, который умеет говорить только правду, меня глубоко потрясает». Его особенно привлекает хриstopодобие Мышкина: «Князя в „Идиоте“ легко можно было бы принять за комический персонаж, еще чуть-чуть, и он бы им стал. Спасает его то, что он заставляет мечтать о Христе». ²

Влияние Достоевского испытал франкоязычный писатель М. дель Кастильо — в частности, его роман «Испанский манеж» (1960) написан под воздействием «Идиота». ³

Начиная с 1930-х годов появляются новые переводы на французский язык. ⁴ В 1930 г. роман перевел А. Муссе; впоследствии этот перевод вошел в издание сочинений Достоевского в престижной серии «Библиотека Плевада» («Идиот» — 1953 г.) и выдержал многочисленные переиздания. В 1946 г. вышли переводы Г. и Ж. Ару и малоизвестные переводы Р. Гофмана и Н. Полтавцева; в 1947 г. — перевод А. Ремизова и В. Андре. В 1977 г. роман заново перевел П. Паскаль, настаивая на «точности» своего перевода; в 1993 г. А. Маркович в новаторском переводе романа попытался воспроизвести язык и ритмику оригинала. ⁵

В критической и научной франкоязычной литературе роману Достоевского посвящено несколько отдельных работ. В учебной серии «Объясните мне» по методологии анализа классических произведений в 1948 г. издана брошюра об «Идиоте». ⁶ Среди тем, предлагаемых автором для размышления, — возможные параллели между героями Достоевского и современной и классической французской литературы: Ипполит как предтеча экзистенциализма — Рокантен («Тошнота») и Эрострат («Стена») Сартра; Ганя Иволгин — Жюльен Сорель Стендаля и Растиньяк Бальзака.

Подробный анализ композиции романа и его персонажей в их взаимодействии друг с другом представлен Ф. Шарденом в книге «Ро-

¹ Green J. Journal. *Euvres complètes*. Paris, 1975. Т. 4. Р. 1219.

² Ibid. Paris, 1990. Т. 6. Р. 162.

³ Gourg M. Une rencontre salvatrice: Dostoïevski et Michel del Castillo // *Revue Russe*. 2002. № 21. Р. 97. В книге «Мой брат Идиот» М. дель Кастильо называет себя порождением (персонажем) русского писателя (Castillo M. *del. Mon frère l'Idiot*. Paris, 1995. Р. 11).

⁴ См.: Boutchik V. *Bibliographie des œuvres littéraires russes traduites en français*: Tourguénev, Dostoïevski, Léon Tolstoï. Paris, 1949. Р. 33—34.

⁵ Сравнительный анализ переводов А. Муссе, П. Паскаля и А. Марковича представлен в статье: Фокин С. Л. О Пьере Паскале и его Достоевском // *РЛ*. 2016. № 2. С. 221.

⁶ Alexandre A. *L'Idiot de Dostoïevski*. Paris, 1948. (*Expliquez-moi*).

ман светотени. „Идиот” Достоевского» (1976).¹ В структуре романа, который, по единодушному мнению критиков, считался запутанным и плохо написанным, автор выделяет три больших части, сравнивая их с театральным действием: первый период заканчивается сценой в доме Настасьи Филипповны, т. е. развязкой трагедии, которая вызревает еще до начала повествования; второй начинается с возвращения Мышкина в Петербург и отмечен столкновением князя, Рогожина, Настасьи Филипповны и Аглаи; третий период начинается с приготовлений к свадьбе князя и Настасьи Филипповны и заканчивается убийством последней. «Каждая из этих трех частей представляет собой убедительное логическое и хронологическое единство, и все они соединяются между собой многочисленными параллелизмами»,² под которыми Шарден понимает фазы равновесия и сцены со скандалом. Выстраивая детальную схему взаимодействия персонажей согласно их социальной иерархии и принадлежности к «семействам» (*familles*) и «компаниям» (*bandes*), он не находит фиксированного места для князя Мышкина и условно помещает его в центр своей многоступенчатой классификации как персонажа, который находится также и в центре интриги романа. На центральное положение князя Мышкина в системе образов романа указывал Н. А. Бердяев в книге «Миросозерцание Достоевского» (см. выше, с. 557), которая вышла в переводе на французский язык в 1923 г. и существенным образом повлияла на восприятие романа, в частности на работу Ж. Мадоль «Христианство Достоевского» (1939).³ В более поздней работе Мадоль замечает, что, возможно, именно в «Идиоте» «Достоевский наилучшим образом показал всё то, чем Россия могла быть обязана за границе. Поражение Мышкина по-своему демонстрирует, что час диалога России с Европой еще не пробил».⁴

П. Паскаль в обстоятельной монографии о жизни и творчестве Достоевского (1970) посвящает несколько страниц генезису романа и его рецепции современниками и делает вывод о том, что в «Идиоте» писатель «формально объявлял войну нигилизму, западничеству и даже либерализму — словом, тому, что именуется прогрессом». Но Достоевский не был понят современниками еще и потому, что «в большей степени, чем „Преступление и наказание”, „Идиот” был выражением религиозных размышлений. Ничто не было столь чуждо тогдашнему вкусу».⁵ Ранее в предисловии к изданию романа в «Библиотеке Пляды» Паскаль, вслед за теологом Р. Гуардини, интерпретировал фи-

¹ *Chardin Ph.* Un roman du clair-obscur. «L'Idiot» de Dostoïevski: avec un résumé analytique et un index des personnages. Paris, 1976.

² *Ibid.* P. 7.

³ *Madaule J.* Le christianisme de Dostoïevski. Paris, 1939. P. 41—52.

⁴ *Madaule J.* La Russie et l'Europe dans l'œuvre de Dostoïevski // *Europe*. 1956. № 131—132. P. 8—20.

⁵ *Pascal P.* Dostoïevski. L'homme et l'œuvre. Lausanne, 1970. P. 180.

гуру Мышкина как «символ Христа или, точнее, образ аналогичный Христу».¹

С такой трактовкой не соглашается А. Безансон в предисловии к переизданию романа в переводе А. Муссе (1972), находя ее «весьма опасной».² По мысли Безансона, способность видеть всё зло этого мира ставит Достоевского скорее в один ряд с его великим современником Ш. Бодлером. Рассуждая о стиле романа, Безансон сравнивает его с тягучей черной раскаленной лавой, которая медленно растекается, покрывая всё. Он подчеркивает, что язык персонажей Достоевского — путанный, раблепный — это язык мелкого петербургского чиновничества, и поэтому он не был бы воспринят в то время, когда А. Муссе пытался внедрить Достоевского в высшей степени литературную Францию того времени.³

Ж. Катто в монографии, посвященной творческому процессу Достоевского, выделяет главу «Хронология и темпоральность в „Идиоте“» (1978),⁴ где, вдохновляясь определением Клоделя, анализирует динамику повествования в романе, обнаруживает параллелизм первой и второй частей, с одной стороны, и третьей и четвертой — с другой, утверждая, что ритм этих двух ансамблей открывается чистым крещендо (один день для первой части, две ночи для третьей) и развивается по восходящей спирали, завершаясь «катастрофой и драмой».⁵

С. Олливе, рассматривая тему денег в творчестве Достоевского, отмечает, что роман «Идиот» является показательным, поскольку изображаемое в нем общество заражено вирусом капиталистического стяжательства. Князь Мышкин, человек положительный, явившись в мир, который одержим жадностью денег, оказывается бессильным спасти кого бы то ни было.⁶ Тему денег продолжает К. Хаддад, проводя при этом параллель между Настасьей Филипповной и Эстер из романа Бальзака «Блеск и нищета куртизанок» — обе женщины становятся предметом торгов, — но при этом Хаддад подчеркивает экстраординарность жеста Настасьи Филипповны, отказавшейся от рогожинской «пачки» в сто тысяч рублей.⁷ В более ранней работе К. Хаддад, развивая за-

¹ *Pascal P.* Introduction // Dostoïevski F. L'Idiot; Les carnets de l'Idiot; Humiliés et offensés / Trad. du russe par S. Luneau, A. Mousset et B. de Schlæzer. Édition et introduction de P. Pascal. Paris, 1953. P. XIV.

² *Besançon A.* Préface // Dostoïevski F. L'Idiot / Préface d'Alain Besançon. Trad. et notes d'Albert Mousset. Paris, 1972. P. 20.

³ *Ibid.* P. 13.

⁴ *Catteau J.* La création littéraire chez Dostoïevski. Paris, 1978. P. 435—454.

⁵ *Ibid.* P. 455.

⁶ *Ollivier S.* L'argent chez Dostoïevski // Europe. Revue littéraire mensuelle. 1971. № 510. P. 81.

⁷ *Haddad K.* «La liasse manquante» // La littérature au prisme de l'économie. Argent et roman en France au XIX siècle. Paris, 2014. P. 235—238.

мечание, высказанное ранее Дж. Франком, проводит параллель между финальными сценами романов «Идиот» и «Госпожа Бовари» (1857), концентрируя внимание на описании дорогого белого подвенечного платья героинь Достоевского и Флобера на смертном одре.¹ Отсылка к роману «Госпожа Бовари», последней книге, которую Настасья Филипповна читала перед смертью и, не закончив, оставила раскрытой на одной из страниц, также может служить одним из интертекстуальных ключей к роману (см. также с. 660, 828). Брак — реальный или возможный — обрекает героинь Достоевского и Флобера на смерть: мечтательные женщины, любительницы романов, умирают от своих романтических грез, с которыми в романе «Идиот», по предположению исследовательницы, возможно, расстается и сам Достоевский.

М. Кадо в своей книге о Достоевском (2001) посвятил роману «Идиот» главу «Две любви Мышкина»,² где, рассуждая о возможных прототипах Настасьи Филипповны и Аглаи, подчеркивает, что образ Настасьи Филипповны является «одним из самых сильных созданий в художественном мире Достоевского».³

Монография «„Идиот“ Достоевского» (2008)⁴ вышла в научно-популярной серии издательства «Галлимар» в авторстве Ж. Тело, специалиста по классической и новейшей французской поэзии, а также феноменологии восприятия. Компилятивный характер этой работы обусловлен самим форматом серии, предполагающим, помимо систематического объяснения литературного текста, составление специального педагогического «досье», включающего хронологию жизни писателя, перечень основных персонажей, элементы генезиса замысла, литературные и библейские прообразы главного героя, а также небольшую антологию откликов на роман современников Достоевского (А. Н. Майков, Н. Н. Страхов), которая дополняется отрывками из классических работ (Ж. Катто, К. В. Мочульский, Вяч. И. Иванов, Лев Шестов, Р. Гуардини и др.). Несмотря на дидактическую направленность книги, автору удается определить ряд оригинальных семантических узлов, способных открыть новые смысловые перспективы в критическом прочтении «Идиота». Одна из центральных идей Ж. Тело, обеспечивающая цельность всей картины прочтения, заключается в том положении, что «Идиот» следует определять не столько как «роман-тайну», сколько как авторский стилистический эксперимент, нацеленный на движение к «невозможной, но искомой искренности». По мысли исследователя, это подтверждается «великолепным символом в самом начале романа:

¹ Haddad-Wotling K. «Une riche robe de soie blanche»: «Madame Bovary» dans «L'Idiot» de Dostoïevski // Revue de littérature comparée. 2004/3. № 311. P. 301—310.

² Cadot M. Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident. Paris, 2001. P. 83—104.

³ Ibid. P. 85.

⁴ Thélot J. «L'Idiot» de Dostoïevski. Paris, 2008.

символом каллиграфии».¹ Рассуждение Мышкина о каллиграфии словно бы предвосхищает различные модели письма, к которым будет прибегать писатель в романе, устремляясь к недостижимому идеалу полной откровенности, значимому если не для автора, то для главного героя.

Следует отметить, что после 2000 года интерес к роману смещается в сторону компаративных исследований, философии и психоанализа. Князь Мышкин, как архетипическая фигура «идиота», совмещающая в себе невинность младенца и мудрость, анализируется в обширном компаративном исследовании В. Дезульер, посвященном «дару идиотии»² как связующему звену между различными образами идиота, от мистических средневековых текстов до современного романа и кинематографа.

Смерть Настасьи Филипповны, неразрывно связанная с центральными темами зла, вины и преступления, являющимися сквозными для всего творчества Достоевского, нашла отражение в философских работах, посвященных его произведениям. Б. Брин, рассматривая тему вины и ее признания, утверждает, что именно осознание своей вины, которое доставляет столько страданий Настасье Филипповне, и невозможность или нежелание признаться в ней даже себе самой, толкает ее на бегство с Рогожиным с тем, чтобы заставить его мучиться и испытывать унижение, которое она сама претерпела. Таким образом, пара Рогожин—Настасья Филипповна наглядно показывает, «куда может привести слепота и упорство дурной воли: они уничтожат друг друга, а смерть Настасьи Филипповны от руки Рогожина повлечет за собой и „гибель“ князя».³

Хриstopодобие Мышкина оказывается в центре внимания работы Ц. Тодорова. Подчеркивая, что князь является «современным эквивалентом Христа»,⁴ идеала той красоты, которая спасет мир, исследователь отмечает, что герой Достоевского тем не менее терпит поражение и становится косвенной причиной преступления, которым завершается роман, — убийства Настасьи Филипповны Рогожиным (см. выше, с. 559—562). Причину этого поражения Тодоров объясняет тем, что слияние с Христом не предназначено для этого мира, населенного обычными людьми, оно может реализоваться лишь в «конце времен», поэтому жизнь Мышкина, как и всякого человека, останавливается в «Страстную пятницу».

Другое объяснение провала спасительной миссии Мышкина предлагает М. Ельчанинов в своем прочтении романа «Идиот» сквозь феномен телесности.⁵ Рассматривая место болезни князя в феноменологии

¹ Ibid. P. 136.

² Deshoulière V. Le don d'idiotie entre éthique et secret depuis Dostoïevski. La responsabilité silencieuse. Paris, 2003.

³ Breen B. Dostoïevski. Dire la faute. Paris, 2004. P. 22—23.

⁴ Todorov T. «La beauté sauvera le monde» // Études théologiques et religieuses. 2007. T. 82. № 3. P. 321—335.

⁵ Eltchaninoff M. Dostoïevski. Le roman du corps. Grenoble, 2013. P. 149—200.

и поэтическом искусстве Достоевского, он считает ее главной сюжетной составляющей романа и объясняет «поражение» Мышкина через концепцию болезни как формы сознания (см. выше, с. 566—568). По мысли автора, в Мышкине нет ничего здорового, что могло бы компенсировать патологические симптомы: «...всё его сознание — перцептивное, телесное, речевое, социальное, сексуальное, этическое и т. д. — является больным».¹ Радикальность болезни Мышкина заключена в его экзистенциальной открытости — другому, миру, прошлому и будущему, — а такое поведение приводит к полной утрате силы, которая позволяла бы оказывать сопротивление или властвовать над другим.

М. Терещенко объясняет загадку князя Мышкина — «положительно прекрасного человека», родственного Христу и являющегося полным отрицанием Ното оесопотісис, — чужеродностью обществу, в которое он попал между двумя периодами «отсутствия» (пребывание в клинике в Швейцарии до и после романного действия). Невинность и простодушие князя, его «неуместность» в данном социуме предопределяют его главное качество, каким бы парадоксальным оно ни казалось, а именно — «идиотию», природу которой, будь то моральная добродетель, высшая благодать или своеобразная черта характера, роман так и не раскрывает.² С одной стороны, Мышкин лишен честолюбия и обладает природной невинностью, которой Руссо наделяет своего Эмиля, с другой — он «захвачен этой „любовью к самому себе“, которая у Руссо является почти что божественным опытом жизни <...>» (см. выше, с. 592—596).³ Для Мышкина таким высшим опытом является эпилепсия, болезнь, которая, не будучи воспринята как только лишь патология, дает через вспышки просветления почти что «мистическое» ощущение жизни.

Наконец, в одной из самых оригинальных из новейших трактовок образа князя Мышкина, представленной в монографии современного французского философа Р. Бреёра, справедливо обращается внимание на то, что исключительное своеобразие «идиота» определяется среди прочего тем, что у него нет «двойника»: «Идиот настолько прост и уникален, что ничто не может его определить, кроме него самого». Отталкиваясь от эссе В. Бенямина «„Идиот“ Достоевского» (1917), современный философ замечает, что образ князя Мышкина задает определенный «порядок», «центром которого является одиночество героя».⁴

На восприятие «Идиота» в Германии заметное воздействие также оказала книга Вогюэ «Русский роман». Так, Е. Цабель вслед за французским критиком считал, что Достоевский в этом произведении

¹ Ibid. P. 177.

² Terestchenko M. La littérature et le bien (II). Le prince Mychkin, l'homme parfaitement beau // Revue du MAUSS. 2013/1. № 41. P. 313.

³ Ibid. P. 325.

⁴ Breuer R. Autour de la bêtise. Paris, 2018. P. 15.

«изменил своей неумолимо реалистической музе».¹ Односторонне и упрощенно истолкованная славянофильская тенденция романа породила в Германии мнение о его авторе как о «враге Запада и его культуры».² Это мнение справедливо оспорил в своей статье о Достоевском М. Харден. Главным в отношении Достоевского к Европе является, по мнению критика, неприятие им бездушной буржуазной цивилизации, но об отрицании писателем западной культуры не может быть и речи.³

Интерес к творчеству писателя в Германии возник уже после его смерти, в 1880-е годы, в эпоху натурализма.⁴ До этого произведения Достоевского фактически не переводились на немецкий язык и оставались немецкоязычным читателям неизвестными. В Германии на рубеже XIX—XX вв. исключительный успех имел роман «Преступление и наказание», однако эстетическим потенциалом творчества писателя критики и историки литературы долгое время пренебрегали. Так, А. фон Рейнгольдт, написавший первую монографию на немецком языке, посвященную русской литературе, считал, что все поздние романы Достоевского, в том числе и «Идиот», являются «скорее памфлетами, чем романами».⁵ Разница в восприятии «Преступления и наказания» и остального творчества Достоевского немецкоязычной критикой была столь велика, что всерьез считали, что роман «Родион Раскольников» (как гласил немецкий перевод) и такие произведения, как «Идиот» или «Братья Карамазовы», были написаны двумя разными лицами по фамилии Достоевский.⁶

Внимание к «Идиоту» в Германии 1880—1890-х гг. определяли социальная проблематика и психологизм романа. Ведущий орган немецких натуралистов журнал «Свободная сцена» поместил в 1890 г. отзыв об «Идиоте» следующего содержания: «Напряженность действия и глубина психологического анализа соединены в этом романе с мастерством в изображении социальной действительности современной России. Автор вводит нас во все слои общества и изображает их наиболее характерные типы с поразительной достоверностью». Далее говорилось: «Врачи и психологи найдут в этом произведении много интересного материала».⁷

¹ Zabel E. Russische Literaturbilder. Berlin, 1899. S. 172.

² Brausewetter E. «Der Idiot» von Dostojewski // Die Gegenwart. 1889. Bd. 36. S. 71.

³ Harden M. Literatur und Theater. Berlin, 1896. S. 80.

⁴ См.: Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846—1921) // ЛН. Т. 86. С. 659—740.

⁵ Reinholdt A. von. Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig, 1886. S. 696.

⁶ Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846—1921). С. 674.

⁷ Fedor Dostojewskijs realistische Romane // Freie Bühne. 1890. 1. Jg. H. 8. S. 255.

В первые десятилетия XX в. «Идиот» Достоевского завоевал в Германии всеобщее признание. Восторженный отзыв дал о нем К. Либкнехт: «Я читал Достоевского, — писал он из тюрьмы в 1917 г., — и вновь впечатление чего-то совершенно неповторимого. Титаническая сила в изображении запутанных, самых несхожих судеб, характеров и социальных элементов, связанных в одно единое целое, проступает в этой книге еще сильнее, чем в „Раскольникове“ или в „Братьях Карамазовых“».¹

Глубокое впечатление оставило знакомство с романом «Идиот» у молодого Я. Вассермана. Сцена вечера у Епанчиных поразила его «точностью, с которой сделан разрез социальной сферы именно там, где она предстает в наиболее концентрированном, характерном и наглядном виде».² Роман Достоевского оказал заметное воздействие на немецкого писателя: оно ощущается главным образом в тех произведениях Вассермана, где он решает проблему положительного героя. Его Агатона («Евреи из Цирндорфа», 1897) сближает с Мышкиным нравственная чистота и подвижническое человеколюбие. В некоторых женских образах Вассермана воспроизведены черты героинь «Идиота». Бескомпромиссностью своих чувств напоминает Настасью Филипповну Жанетта Левенгард из упоминавшегося выше романа.³ Коллизия Настасьи Филипповны и Тоцкого варьируется в романах «Мелузина» (1896) и «Молох» (1903). Аглая Епанчина несомненно послужила прообразом героини одной из «Русских новелл» («Аглая»).

Идейно и тематически перекликается с «Идиотом» роман Б. Келлермана «Глупец» («Der Tölpel», 1908).⁴ Викарий Грау напоминает Мышкина отзывчивостью и добротой, терпимостью к злым и состраданием к несчастным, мягкостью и сдержанностью, всем обликом «святого». Ряд сцен и эпизодов романа представляют собой реминисценции из «Идиота». Неоднократно отмечалось сходство «Идиота» и романа Г. Гауптмана «Юродивый во Христе Эмануэль Квинт» (1910) (см. ниже, с. 658).⁵ В Эмануэле Квинте обнаруживаются черты «наивного чудака» (des «reinen Toren»), свойственные князю Мышкину. Однако герою Гауптмана не дано глубокой и обаятельной человечности Мышкина.⁶

¹ *Liebkecht K.* Briefe aus dem Felde, aus der Untersuchungshaft und aus dem Zuchthaus. Berlin, 1920. S. 99.

² *Wassermann J.* Lebensdienst. Leipzig; Zürich, 1928. S. 260—261.

³ См.: История немецкой литературы. М., 1968. Т. 4. С. 504.

⁴ См.: *Мотылева Т. А.* Достоевский и мировая литература // *Творчество Достоевского*, 1959. С. 36. О воздействии романа Достоевского на немецких писателей см. в кн.: *Мотылева Т. А.* Достояние современного реализма. М., 1973. С. 329—345.

⁵ *Григорьев А. Л.* Достоевский и зарубежная литература // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 158. С. 9.

⁶ *Kersten G.* Gerhard Hauptmann und Lev Nikolajewič Tolstoj: Studien zur Wirkungsgeschichte von L. N. Tolstoj in Deutschland 1885—1910. Wies-

У Ф. Кафки в «Превращении» (1916) описание насекомого, в которое превратился Грегор Замза, наваяно кошмарным сном Ипполита. «Но у Достоевского гадостное насекомое олицетворяло омерзительность ужаса смерти — у Кафки превращение Замзы было материализацией его <...> общественного самоощущения».¹

В 1917 г. В. Беньямин, рецензируя немецкий перевод, истолковал роман как литературное оформление национальных устремлений Достоевского. Князь Мышкин для него не психологический портрет человека, а воплощение народной культуры (Мышкин олицетворяет для Беньямина идеал молодой русской нации); при этом всё действие тяготеет к главному герою, но сам он не действует, а выступает лишь катализатором происходящего.²

Большое влияние на восприятие романа в немецкоязычных странах оказало эссе Г. Гессе «Размышления об „Идиоте“ Достоевского» (1919).³ Гессе сопоставляет Мышкина с Иисусом Христом, однако не с Иисусом на кресте, а с Христом накануне смерти, тишечно ищущим утешения и теплоты у учеников. Переживания самого Достоевского, ожидающего казни, и видения Мышкина перед эпилептическими припадками интерпретируются Гессе как те определяющие моменты, которые бывают в жизни любого человека, когда «заканчиваются <старые> истины и начинаются новые».⁴ Гессе считает, что роман «Идиот» предвосхитил развитие психологии подсознательного в европейской культуре.

Интерес к творчеству писателя всё усиливался и достиг первого пика в 20-е годы XX столетия, когда в Германии заговорили об «инфляции Достоевского».⁵ В публикациях 1920-х годов, как, например, в брошюре богослова Э. Турнэйзена,⁶ романы Достоевского рассматри-

baden, 1966. S. 91. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 3: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 9).

¹ Сучков Б. Л. Кафка, его судьба и его творчество // Знамя. 1964. № 10. С. 225.

² Benjamin W. Der «Idiot» von Dostojewski [1917] // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt a/M., 1991. Bd. 2. S. 237—241. См. также: Беньямин В. «Идиот» Достоевского / Пер. с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб., 2004. С. 21—26; Wohlfarth I. The Birth of Revolution from the Spirit of Youth: Walter Benjamin's Reading of «The Idiot» // Internationale Zeitschrift für Philosophie. 1993. № 1. P. 143—172.

³ Hesse H. Gedanken zu Dostojewskis «Idiot» // Hesse H. Schriften zur Literatur. Frankfurt a/M., 1972. Bd. 2. Eine Literaturgeschichte in Rezensionen und Aufsätzen. S. 307—315.

⁴ Ibid. S. 315.

⁵ Schmidt H. Die deutsche Dostoevskij-Rezeption der 20er Jahre // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd. 16. № 6. S. 871.

⁶ Thurneysen E. Dostojewski. München, 1921. Подробнее о рецепции Достоевского в немецкоязычном богословии см.: Schult M. Im Banne des

вались не как художественные произведения, а с религиозной, философской, психологической точек зрения. Для Турнэизена суть «Идиота», «самого глубокомысленного произведения» писателя, заключается в прощении всех грехов, которое только и может вывести заблудившийся мир из хаоса неразрешимых конфликтов. И в этом автор видит непосредственную близость мировоззрения Достоевского к истинам христианского вероучения.

Ученик Э. Фрейда, психиатр Й. Нойфельд опубликовал в 1923 г. исследование «Достоевский. Эскиз к психоанализу».¹ Образ Мышкина в этой работе рассматривается как «идеализированный автопортрет» писателя, характеризующийся гармонической, неамбивалентной сущностью, непосредственностью, невинностью и наивностью, — качествами, которых сам Достоевский, как полагал Нойфельд, был лишен.

В 1924 г. писатель В. Кунце опубликовал в антропософском журнале «Трое» доклад, посвященный роману «Идиот».² Кунце считал, что «Идиот» является единственным романом Достоевского, в котором тот открыто изобразил свои заветные мечты. Если в «Братьях Карамазовых» и в «Бесах» постоянно ведется спор об (отсутствующем) Боге, то в «Идиоте» Бог и божественное начало, нигде эксплицитно не показанные, пронизывают всю ткань романа. Двойственность фигуры Мышкина, которую можно определить как «здоровый дух в больном теле», по мысли Кунце, отражает не только двойственность самого Достоевского, у которого можно найти и самое болезненное, и самое светлое, но и двойственность современной Европы, «закат» которой, возможно, не за горами.³

Первой собственно филологической работой на немецком языке о творчестве Достоевского, сосредоточившейся на художественных про-

Poeten. Die theologische Dostoevskij-Rezeption und ihr Literaturverständnis. Göttingen, 2012. (Forschungen zur systematischen und ökumenischen Theologie 126).

¹ Neufeld J. Dostojewski. Skizze zu einer Psychoanalyse. Leipzig; Wien; Zürich, 1923. (Imago-Bücher IV).

² Kunze W. «Der Idiot» von F. M. Dostojewski // Die Drei. Monatschrift für Anthroposophie, Dreigliederung und Goetheanismus. Nr. 1 (April). 1924. S. 204—225.

³ Резким контрастом всеобщему положительному и сочувственному восприятию «Идиота» в Германии стало появление книги Б. Экштейн, выпущенной под псевдонимом «Сэр Галахад», — «Путеводитель по русской литературе для идиотов», — само название которой отсылало читателя к роману Достоевского (см.: *Sir Galahad* [Eckstein B.]. *Idiotenfürher durch die russische Literatur*. München, 1925). Мышкин рассматривался здесь как слабая, безвольная фигура; единственное чувство, на которое он способен, по утверждению Экштейн, возводится Достоевским в ранг нравственного идеала, а «эпилептику-националисту» отводится роль спасителя человечества. Автор-эпилептик «пишет с пеной у рта евангелие о всечеловеке» (Ibid. S. 36), — таков стиль этого памфлета.

изведениях и их эстетическом содержании, является монография историка искусства Ю. Мейера-Грефе «Достоевский-поэт», одиннадцатая глава которой посвящена роману «Идиот».¹ Автор много внимания уделяет истории создания произведения, учитывая и черновые наброски к роману. Характерной чертой «Идиота», по мнению Мейера-Грефе, следует считать его возвышенную, «парящую реальность», которая в глазах читателя приобретает более реальные очертания, чем любые натуралистические описания у других писателей.

Публикации 1920-х годов о Достоевском задали основные тематические направления: изучение поэтики романа «Идиот» и его автобиографического, религиозного, философского контекста, — в русле которых в дальнейшем велось исследование этого произведения. В ряде работ в автобиографическом и эстетическом аспектах рассматривается тема эпилепсии. Так, в книге 1951 г., посвященной имперской идее и философии жизни у Достоевского, И. Богатец, отождествляя эпилептика Мышкина (и Кириллова из «Бесов») с самим Достоевским, усматривает и в писателе, и в его героях сильную склонность к мистицизму, обусловленную их болезнью. И если отсутствие Бога у Кириллова приводит его к самоубийству, то таинственное переживание гармонии мира во время эпилептических припадков является для Мышкина ценнейшим моментом земного существования, заставляющим благословлять всякое творение Божие. При этом самому Достоевскому, как считает исследователь, позиция Мышкина намного ближе.² В 1992 г. появилась работа врача Д. фон Энгельгардта «Болезнь и врачебное искусство у Достоевского. Священная болезнь Идиота».³ Автор напоминает, что древние называли эпилепсию «священной болезнью» (*morbis sacer*), и обращает внимание на многовековую близость художественной литературы и медицины. Не только в творчестве Достоевского, но и во всей мировой литературе «самым великим эпилептиком» является князь Мышкин, и потрясает не только художественное изображение эпилептического припадка, но в первую очередь то, как писателю удалось показать социальную обусловленность болезни. По замечанию фон Энгельгардта, Мышкин видит и чувствует не только болезни у других, но и у самого себя; его сочувствие чужому горю и его собственное страдание и собственный недуг сближают фигуру Мышкина с Иисусом Христом, который тоже являлся одновременно и целителем, и страждущим. В статье В. Кошмала 2012 г. речь идет об «Идиоте» как «эксцентрическом романе».⁴

¹ Meier-Graefe Ju. Dostojewski der Dichter. Berlin, 1926.

² Bohatec J. Der Imperialismusgedanke und die Lebensphilosophie Dostojewskijs. Ein Beitrag zur Kenntnis des russischen Menschen. Graz; Köln, 1951.

³ Engelhardt D. von. Krankheit und Heilkunst bei Dostoevskij. Die heilige Krankheit des Idioten // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. Flensburg, 1992. Bd. 1. S. 21—31.

⁴ Koschmal W. Der exzentrische Roman. F. M. Dostoevskijs «Idiot» // Poetica. 2012. Bd. 44. № 1—2. S. 181—198.

По мнению автора, «Идиот» создан «в как бы эпилептической манере письма», которая акцентирует не изображаемую действительность, а способ ее изображения. В то же время результатом такой манеры письма является огромный смысловой потенциал романа.

В некоторых работах сохраняется психоаналитический подход к произведениям Достоевского. П. Деттмеринг в статье о романе «Идиот», впервые опубликованной в 2010 г. и вошедшей два года спустя в авторский сборник,¹ рассматривает поведение персонажей романа с точки зрения психоанализа. Как считает исследователь, «идиотизм» Мышкина вовсе не является выражением его недостаточных умственных способностей, а результатом недостаточного самонаблюдения при повышенной способности регистрировать малейшие нюансы душевных переживаний у других. Л. Вурмзер в работе 2012 г. «Мой свет в твоей руке: Размышления психоаналитика о религии, философии и литературе», где одна из глав посвящена творчеству Достоевского,² определяет Мышкина как «русского Дон-Кихота», который отличается состраданием, наивностью и радикальным отказом судить других. Сюжет в целом, по мнению Вурмзера, отражает двойную реальность абсолютной идеализации и такого же абсолютного отрицания всего сущего, которую Достоевский выразил путем сопоставления диаметрально противоположных фигур романа.

Значительная часть публикаций посвящена исследованию проблем романной поэтики и художественных стратегий Достоевского. В диссертации В. Флик 1972 г. среди других произведений рассматривается и роман «Идиот».³ Автор усматривает в конфликте и развязке романа все признаки трагического начала. Закономерность трагедии Мышкина и его поражения настолько последовательна и очевидна, что она тем самым и указывает на возможность осуществления идеала «положительно прекрасного человека» в будущем, ибо в эстетике Достоевского, по мысли Флик, истина не является неподвижной категорией, ей органически присуще динамическое начало.

Б. Шульце в диссертации 1974 г. анализирует функции диалога в «Идиоте».⁴ Выбор романа Шульце объяснила между прочим и тем, что «Идиот» был одним из менее изученных произведений Достоев-

¹ Dettmering P. Dostojewskis Roman «Der Idiot» // Dettmering P. Literatur- und Filmanalyse. Würzburg, 2012. S. 20—30.

² Wurmser L. Mein Licht in deiner Hand. Betrachtungen eines Analytikers über Religion, Philosophie und Literatur. Frankfurt a/M., 2012.

³ Flick V. Untersuchungen zur Ästhetik Dostoevskijs in seinen Romanen und Erzählungen. Heidelberg, 1972; см. также: Flick V. «Der Idiot» und «Isidora». Zu den literarischen Beziehungen Dostojewskis zu George Sand // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1972. Bd. 208. S. 367—369.

⁴ Schultze B. Der Dialog in F. M. Dostoevskijs «Idiot». München, 1974. (Slavistische Beiträge 76).

ского, по крайней мере, по сравнению с «Преступлением и наказанием» и «Братьями Карамазовыми». Опираясь на концепцию Бахтина, автор приходит к выводу, что интерперсональный диалог выполняет существенную роль в структуре романа. Если Мышкин является центральным персонажем, который принимает участие почти во всех разговорах в романе, то к нему примыкают Рогожин, Настасья Филипповна и отчасти Аглая, составляющие «драматическое ядро» произведения. В повышенном интересе к вопросам интерперсональной коммуникации в XX веке автор видит и одну из причин неослабевающей популярности Достоевского во всем мире.

В докладе Н. Ребер 1981 г. исследуется структура сновидений в произведениях Достоевского, в том числе и в романе «Идиот».¹ Ребер обращает внимание на то, что, в отличие от других романов Достоевского, в «Идиоте» не главный герой видит сны, поскольку он в силу своей болезни и так «держит связь» со своим подсознанием. Сновидения Ипполита, в которых, как это часто бывает у Достоевского, грани между действительным и воображаемым стираются, маркируют важные вехи на пути героя к самоубийству. В целом сновидения у Достоевского являются, как правило, мощным катализатором, помогающим персонажам разобраться во внутренних переживаниях.

М. Леонова в диссертации 2014 г.² рассматривает «Идиот» с точки зрения литературных стилей. Исследовательница разделяет литературные эпохи на две группы — эпохи с линейной (реализм и неореализм) и с фрактальной (романтизм и постмодернизм) структурой. Линейно структурированные эпохи характеризуются, по мнению Леоновой, тем, что автору отводится ведущая роль при интерпретации изображаемого действия, что часто достигается с помощью всезнающего повествователя. Произведения таких литературных эпох отличаются единой композицией, поступки персонажей обусловлены причинно-следственной логикой. «Идиот» является, согласно Леоновой, образцовым художественным произведением эпохи реализма, в котором читателю преподносится не только ход сюжетных действий, но и их оценка и интерпретация автором.

Различные суждения вызвало изображение картины Гольбеяна в романе «Идиот» (см. выше, с. 568—577). В. Стойкица опубликовал в 1995 г. статью, посвященную экфрасису в этом произведе-

¹ Reber N. Die Tiefenstruktur des Traums in Dostoevskijs Werk und ihre Bedeutung für den Bewußtwerdungsprozeß des Menschen // Dostojevskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. Internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München 12.—14. Oktober 1981. Köln; Wien, 1983. S. 188—204. (Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien 7).

² Leonova M. Wandel der Sinn-genese in der russischen Literatur von der Romantik bis zur Postmoderne. Eine strukturelle Typologie. Wiesbaden, 2014. (Opera Slavica. Neue Folge 60).

нии.¹ Своеобразие описания картины Гольбеина в романе «Идиот», по мнению исследователя, заключается в том, что это не только описание, но одновременно и рассказ о восприятии картины наблюдателем. Описывается не только картина, но и реакция Ипполита на нее, причем, согласно Стойкице, есть веские основания отождествить реакцию героя с реакцией самого Достоевского. Полный смысл этого экфрасиса раскрывается в более широком романном контексте — описания картин в доме Рогожина и иконы в комнате Ипполита. Этому вопросу посвятил статью и В. Казак в 2001 г.² В 2006 г. появилась публикация Х. Роте «„Портрет“ Настасьи Филипповны в „Идиоте“ Достоевского».³ Исследователь обращает внимание на то, что в структуре романа не только картина Гольбеина, но и фотография («портрет») Настасьи Филипповны выполняет важную смыслообразующую функцию. Портрет не только предвещает появление героини, но и отчасти заслоняет романную фигуру в восприятии читателя. Роте связывает акт видения и познания у Достоевского не только с православной традицией, но и с концепцией искусства эпохи романтизма. Так, Роте отмечает, что развязка романа со встречей двух соперниц (Настасья Филипповна и Аглая) ориентирована на развязку пьесы «Мария Стюарт» Ф. Шиллера (на это ранее указывал Н. Н. Вильмонт — см. выше, с. 602), что подтверждается и драматическим построением романа в целом. Статья А. Вёлла и Е. Поляковой посвящена вопросу «Достоевский и красота зла».⁴ Авторы исходят из того, что Достоевский как писатель не только изображал, но и исследовал красоту, и начало этого направления усматривают в романе «Идиот». Картина Гольбеина оборачивается пророчеством о судьбе самого Мышкина: и его отринут те люди, которых он любил и которым он хотел помогать, и его правда, по мнению авторов статьи, не является спасительной. Парадоксальным образом главный герой романа, текст которого содержит знаменитую формулу «мир спасет красота», «положительно прекрасный человек» по замыслу Достоевского, не спасет мир, неспособен спасти его, как полагают Вёлла и Полякова (ср. выше, с. 560—563). В монографии А. Гуски о жизни и творчестве Достоевского, изданной в 2018 г., роману «Идиот» посвящена отдельная

¹ *Stoichită V. I.* Ein Idiot in der Schweiz. Bildbeschreibung bei Dostojewski // Beschreibungskunst — Kunstbeschreibung. Ekphrasis von der Antike bis zur Gegenwart. München, 1995. S. 425—444. (Bild und Text).

² *Kasack W.* Dostojewskijs Prüfstein des Glaubens. Hans Holbeins Gemälde «Der Leichnam Christi im Grabe» im Roman «Der Idiot» // Stimmen der Zeit. 2001. Bd. 219. № 11. S. 744—756.

³ *Rothe H.* Das «Porträt» der Nastasja Filippovna in Dostojewskijs «Idiot» // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2006. Bd. 13. S. 87—96.

⁴ *Wöll A., Poljakova E.* Dostojewskij und die Schönheit des Bösen // Dostojewskij: frühe Prosa — ein Petersburger Laboratorium. München; Berlin, 2012. S. 10—24. (Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft 19).

глава.¹ Исследователь указывает на тот факт, что поведение персонажей в романе психологически не мотивируется, так как они являются воплощениями определенных идеологий или страстей. Одним из центральных образов произведения стала картина Гольбейна, содержание которой отражает, как считает исследователь, особенности восприятия Христа и связано с вопросами христологии в западном богословии. По мнению Гуски, при обращении к картине Гольбейна Достоевский в «Идиоте» вступил в диалог с Фейербахом, Реймарусом, Лессингом, Д.-Ф. Штраусом и Ренаном.

Вопрос о князе Мышкине и его роли в сюжете чаще всего рассматривается в контексте исследования религиозно-философского содержания романа и проблемы соотнесения главного героя с Иисусом Христом (см. выше, с. 550—563). В 1956 г. появилась работа швейцарского богослова и священника В. Нигга «Одним прекрасен тем, что он смешон», посвященная «Идиоту».² Ранее Нигг выпустил книгу о религиозных мыслителях, к числу которых он относил и Достоевского,³ и живо интересовался современной русской религиозной философией. В статье автор определяет Достоевского как «обремененного метафизической виной человека», которая отразилась на творчестве писателя. Для Нигга «Идиот» представляет собой нечто большее, чем художественное произведение: он рассматривает роман как «современное священное писание», «произведение святого искусства», что ставит Достоевского в один ряд с евангелистом Иоанном. Мышкин как «юродивый» является своеобразным святым, олицетворением христианского идеала, и прекрасен как раз тем, что не идеален, а смешон и осмеян. По мнению автора, Мышкин не отождествляется Достоевским с Иисусом Христом, а выступает христианином в обществе, что и стало центральной темой романа; такое проникновенное постижение духа Евангелия выделяет Достоевского из ряда других писателей мирового масштаба.

М. Браун в монографии 1976 г.⁴ рассматривает «Идиота» в тесной связи с «Преступлением и наказанием»: Мышкин интерпретируется как продолжение образа Раскольникова, что доказывается и первыми набросками к роману (см. выше, с. 472—474). По мысли Брауна, для верующего христианина создание христоподобного персонажа — дело принципиально невозможное, так как идеальный образ Христа неповторим, и Достоевский избежал этой дилеммы тем, что придал Мышкину черты несовершенства. Было бы ошибкой считать, что зло, ко-

¹ Guski A. Dostojewski. Eine Biographie. München, 2018.

² Nigg W. Nur schön, weil er lächerlich ist: Dostojewskijs «Idiot» // Nigg W. Der christliche Narr. Zürich; Stuttgart, 1956. S. 349—403.

³ Nigg W. Religiöse Denker: Kierkegaard. Dostojewskij. Nietzsche. Van Gogh. Bern, 1942.

⁴ Braun M. Dostojewskij. Das Gesamtwerk als Vielfalt und Einheit. Göttingen, 1976. (Sammlung Vandenhoeck).

торое присутствует в романе, выводится Достоевским из социальных условий, поскольку само определение «положительно прекрасный человек» является, по утверждению Брауна, скорее эстетической категорией. В «Идиоте», согласно Брауну, наблюдается и эволюция нарратологических приемов Достоевского: голос всезнающего автора чередуется с голосом лишь наблюдающего рассказчика, что усиливает воздействие на читателя.

Л. Мюллер неоднократно обращался к роману «Идиот». В 1982 г. вышло первое издание книги «Достоевский. Его жизнь. Его творчество. Его наследие».¹ Исследователь считает, что «Идиот» — первый роман Достоевского, в котором писателю удалось выразить свое мировоззрение до конца, а в следующих трех больших романах ничего мировоззренчески нового не появилось. Особое внимание Мюллер уделяет вопросу о генетической связи образа Мышкина с Иисусом Христом, проблеме, к которой он позже вернулся в печати.² Подобно Христу в библейской истории, Мышкин подвергается искушениям. Проблемы любви, эроса и религиозные вопросы пронизывают всю ткань романа. Если у Раскольникова ум пытается подчинить чувства, то Мышкин следует исключительно зову сердца — и терпит поражение, так как он не может помочь ни Рогожину, ни Настасье Филипповне. В этом крахе Мюллер усматривает центральный антропологический и культурно-философский смысл авторской концепции, как она отразилась в структуре романа.

Тема «фиаско» Мышкина звучит во многих работах и анализируется в разных аспектах. В статье 1990 г., посвященной образу «золотого века» в творчестве Достоевского, Х. Шульц останавливается и на романе «Идиот».³ По ее мнению, Мышкин, человек «золотого века», отличающийся наивностью, непосредственностью и невинностью, терпит поражение не только из-за общественных условий «железного века», России XIX столетия, но и в силу своих же черт характера. Как считает автор, объединение подобной наивности с высоко развитым сознанием в главном герое удается Достоевскому только потому, что он позволил Мышкину вырасти в тепличных условиях вне России (тем самым судьба героя напоминает судьбу Гомункулуса в «Фаусте» Гете).

¹ Müller L. Dostojewskij. Sein Leben. Sein Werk. Sein Vermächtnis. München, 1982.

² Müller L. Christus: Der Natur unterworfen oder auferstanden? Die Gestalt Christi in Leben und Werk Dostojewskijs (III) // Zeitwende. Wissenschaft. Kultur. Kirche. 1996. № 2 (April). S. 98—108.

³ Schulz Ch. Das Bild des «Goldenen Zeitalters» bei Dostoevskij // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35. № 2. S. 179—186; см. также: Schulz Ch. Rollenspiele. Myschkins Bräute und das Duell der Rivalinnen bei Lessing und Schiller // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2004. Bd. 11. S. 41—66.

Б. Харресс в работе 1993 г. «Человек и мир в творчестве Достоевского»¹ ставит целью исследовать указанную в заглавии проблему путем герменевтического анализа. По ее мнению, в зрелом творчестве писателя абсурдность мира вытекает непосредственно из того зла, которому предаются его обитатели. Но появляются и отдельные светлые фигуры, носители религиозного начала, посланные в мир, чтобы спасти его, как князь Мышкин. Харресс считает значимым для романа христианский символ креста — символ обреченности человека и преодоления смерти путем веры в воскресение из мертвых, выражающий самые сокровенные мысли автора.²

В 1993 г. Р. Нойхойзер опубликовал монографию, посвященную рассказам и романам Достоевского, в том числе «Идиоту»,³ анализом которого ученый занимался ранее.⁴ Автор оспаривает широко распространенное мнение о бесформенности, хаотичности построения романов Достоевского в целом и «Идиота» в частности и подчеркивает значимость часто пренебрегаемых «формальных» элементов. Исследователь анализирует сложную, но весьма упорядоченную структуру повествования, у которой много общего со структурой театральной пьесы. Изображаемый в романе мир является при близком рассмотрении антимиром, характеризующимся убийствами, проявлением гордыни, стремлением к наживе и утолению чувственных инстинктов. Этому современному общественному состоянию противопоставлена невинность и у детей, и у взрослых людей. Нойхойзер, однако, обращает внимание на то, что фигура Мышкина (в котором много автобиографических черт самого писателя) часто идеализируется в литературе о Достоевском: не учитывается, что Мышкин заменяет любовь состраданием (см. выше, с. 552). Тем не менее сам Достоевский, по-видимому, верил в возможность обновления русского «положительно прекрасного человека». Иной взгляд на проблему выразил Х. Заборовский в статье «Закон сострадания. „Идиот“ Федора Достоевского и вопрос о страдании Бога», где утверждал, что Достоевский как религиозный писатель, изображая страдания и сострадание Мышкина, в романе ставил вопрос и

¹ Harreß B. Mensch und Welt in Dostoevskijs Werk. Ein Beitrag zur poetischen Anthropologie. Köln; Weimar; Wien, 1993. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Neue Folge 8 (68)).

² См. также: Harreß B. 1) Das Symbol des Kreuzes in Dostojewskijs Roman «Der Idiot» // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. Bd. 8. 2001. S. 108—116; 2) Der Idiot // Interpretationen. Dostojewskijs Romane. Stuttgart, 2005. S. 41—63. (Reclams Universal-Bibliothek 17529).

³ Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Die großen Romane und Erzählungen. Interpretationen und Analysen. Wien; Köln; Weimar, 1993.

⁴ Neuhäuser R. Semantisierung formaler Elemente im «Idiot» // Dostoevsky Studies. Journal of the International Dostoevsky Society. 1980. Vol. 1. S. 47—63.

о страдании самого Бога.¹ У Мышкина, как и у Сони Мармеладовой, сострадание «неутолимо», и такое безграничное сострадание равно абсолютной доброте. Мышкин тем самым является трансцендентальной фигурой, указывающей через себя на страдания Христа и на страдания Бога Отца.

В докладе, прочитанном в 1996 г. и опубликованном два года спустя, М. Швидерска рассматривает правомерность сближения образа князя Мышкина с Иисусом Христом.² Автор полагает, что своеобразие художественного метода Достоевского допускает разные, даже противоположные ответы на этот вопрос и исключает возможность однозначного решения поставленной проблемы.

Исследуя наброски к «Идиоту», У. Шмид приходит к выводу, что в ходе работы над романом Достоевский разделил задуманного им протагониста, являвшегося продолжением образа Раскольникова, на две самостоятельные фигуры: Мышкина и Рогожина.³ Они не только в начальной и в заключительной сценах романа появляются вместе — Рогожин на протяжении всего романа вообще никогда не выступает без Мышкина. Мышкин обращается к Рогожину на «ты», а тот никогда не называет Мышкина «идиотом». Своеобразные двойники, они служат иллюстрацией идеологии всего романа: русское общество неспособно распознать вернувшегося Христа, ибо находится в плену конкурирующих ценностных систем — денег, эроса и власти.

Р. Гольдт в докладе «Князь Мышкин — русский Христос, Дон-Кихот, Сизиф?», опубликованном в 2004 г. в ежегоднике Немецкого общества Достоевского,⁴ вслед за Х. Роте⁵ оспаривает правомерность отождествления Мышкина с Иисусом Христом: героя следует рассматривать не как воплощение, а как «последователя Христа» (*imitatio Christi*), устремления которого терпят полный крах. Такая интерпретация, позволяющая сблизить образ Мышкина с Дон-Кихотом и Сизифом, показывает идейно-художественную сложность романа Достоевского.

¹ *Zaborowski H.* Das Gesetz des Mitleids. Fjodor Dostojewskijs «Idiot» und die Frage nach dem Leiden Gottes // Internationale Katholische Zeitschrift *Communio*. 2003. № 32. S. 513—521.

² *Šwiderska M.* Der «Idiot» — ein moderner Christus? // Setzer H., Müller L., Kluge R.-D. (Hgg.). Fjodor Michailowitsch Dostojewski: Dichter, Denker, Visionär. Tübingen, 1998. S. 111—135.

³ *Schmid U.* Rogožins Hochzeitnacht: Figurale Spaltung als künstlerisches Verfahren // *Dostoevsky Studies. Journal of the International Dostoevsky Society (New Series)*. 1999. № 3 (3). S. 5—17.

⁴ *Goldt R.* Fürst Myschkin — ein russischer Christus, Don Quixote, Sisyphos? Eine Einführung in den Roman «Idiot» und die Hintergründe seiner Entstehung // *Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft*. 2004. Vol. 11. S. 27—39.

⁵ *Rothe H.* Fragen an Dostojewskijs «Idiot» // *Dostoevsky Studies (New Series)*. 2003. № 7. S. 131—152.

С. Пфойффер в философской диссертации 2008 г. исследует проблему ответственности у Ницше, Достоевского и Эммануэля Левинаса.¹ Фигура Мышкина интерпретируется автором как «свободный ум» по Ницше, отказывающийся от моральных суждений и наказаний. Мышкин вбирает в себя черты и совершенного (Иисус Христос), и смешного (Дон-Кихот) человека. И Ницше, и Достоевский изображали христоподобного человека, потерявшего непосредственную связь с жизнью и неспособного осуществить собственные идеалы. Мышкин, по мнению Пфойффера, несет прямую ответственность за катастрофу, разворачивающуюся в романе, тем, что он оказался не в состоянии определить собственную позицию по отношению к господствующим вокруг него моральным представлениям и ценностям.

Не раз поднимался вопрос о воздействии образа Мышкина на трактовку Иисуса Христа у Ницше. Однако прямых свидетельств о знакомстве с романом в произведениях Ницше и в его эпистолярном наследии нет. А. и Ж. Морильяс опубликовали в 2012 г. статью «„Идиот“ у Ницше и Достоевского. История одного недоразумения».² Авторы оспаривают широко распространенное мнение, что Ницше был знаком с романом Достоевского и что знаменитое определение Ницше «Христос — идиот» возникло под впечатлением чтения «Идиота». Скорее всего, Ницше опирался при этом не на роман русского писателя, а на работы французского врача Ш. Фере.

Среди работ, в которых рассматриваются философские концепции, следует выделить статью Е. Добриной 2013 г., посвященную проблеме «Достоевский и Шопенгауэр».³ По мнению автора, роман «Идиот» типологически связан с основными принципами философской этики Шопенгауэра, хотя сам Достоевский, по всей вероятности, во время написания романа даже не был знаком с творчеством немецкого мыслителя. Но и у Шопенгауэра, и в романе Достоевского основными свойствами, определяющими человеческое поведение, являются эгоизм, злоба и сострадание. Достоевский персонифицирует эти три качества в Настасье Филипповне, Рогожине и Мышкине. И точно так же, как у Шопенгауэра, который заключает свою философскую систему рассмотрением «отрицания воли к жизни», сам Мышкин в конце романа теряет именно «волю к жизни».

¹ Pfeuffer S. Die Entgrenzung der Verantwortung: Nietzsche — Dostojewskij — Levinas. Berlin; New York, 2008. (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung 56).

² Morillas A., Morillas J. Der «Idiot» bei Nietzsche und bei Dostoevskij. Geschichte eines Irrtums // Nietzsche-Studien. 2012. Bd. 41. S. 344—354.

³ Dobrina E. «Das Mitleid ist das wichtigste und vielleicht einzige Daseinsgesetz der ganzen Menschheit». Dostoevskijs «Der Idiot» und Schopenhauers Ethik // Anklang und Widerhall: Dostojewskij in medialen Kontexten. München; Berlin, 2013. S. 189—204. (Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft 20).

Особняком в немецкоязычной литературе, посвященной роману «Идиот», стоит объемная (870 с.) диссертация Р.-И. Вайнчика «Мышкин и Христос. Фиктивный разговор с И. Ратцингером на основе романа Ф. М. Достоевского „Идиот“», опубликованная в 2006 г.¹ Особый интерес эта работа представляет тем, что И. Ратцингер с апреля 2005 по февраль 2013 г. возглавлял Католическую церковь как папа римский Бенедикт XVI. «Фиктивный разговор» теоретически обоснован не работами Бахтина, а критическим восприятием Ратцингера диалектической философии Ю. Хабермаса. Тем самым высказывания героя Достоевского, князя Мышкина, в работе исследователя получают статус «афористических аксиом», претендующих на значимость и за пределами романного мира. Автор приходит к выводу, что отождествлять Мышкина с Иисусом Христом не следует. Достоевский, по мнению Вайнчика, создал героя, лишь «интерпретирующего Христа».

В ряде публикаций анализируются литературные взаимосвязи. Монография Х. Э. Бранда 1970 г. посвящена сравнительному анализу произведений Г. фон Клейста и Достоевского.² Отличительным признаком обоих писателей исследователь считает религиозную направленность их творчества. Как и Клейст в своем творчестве, Достоевский противопоставляет в романе «Идиот» эмоциональное начало (Мышкин) рациональному (Ипполит). По Бранду, ни Клейст, ни Достоевский не предлагают читателю выхода из этой дилеммы; в романе «Идиот» она оборачивается катастрофой. В творчестве обоих писателей выступают герои, образ действия которых характеризуется утопическим характером. И христоподобный Мышкин, и Ипполит борются по-своему со злом и оба тщетно стремятся к осуществлению идеала, во многом, по мнению Бранда, совпадающего с заветными чаяниями самого Достоевского.

В исследовании «Глупость и юмор. Поэтика незнания» А. Гайзенханслюке посвятил несколько страниц и роману Достоевского.³ Мышкин рассматривается в ряду с героями Флобера и Т. Манна, в том числе в контексте темы каллиграфии.⁴

¹ Weinczyk R. J. *Myškin und Christus. Ein fiktives Gespräch mit J. Ratzinger auf der Basis von F. M. Dostoevskijs Roman „Idiot“*. Heidelberg, 2006. (Beiträge zur slavistischen Philologie 13).

² Brand H. E. *Kleist und Dostojewskij. Extreme Formen der Wirklichkeit als Ausdrucksmittel religiöser Anschauungen*. Bonn, 1970. (Studien zur Germanistik, Anglistik und Komparatistik 4).

³ Geisenhansliike A. *Dummheit und Witz. Poetologie des Nichtwissens*. München, 2011.

⁴ Ibid. S. 193. О каллиграфии Мышкина пишет также А. Цинк в статье 2009 г. «Дискурс о смертной казни и заключении» в ежегоднике Немецкого общества Достоевского, см.: Zink A. *Der Diskurs über Todesstrafe und Haft: Zum europäischen Geist in Dostoevskijs „Idiot“ // Die Geschichte eines Verbrechens... Über den Mord in der Romanwelt Dostojewskijs*. München; Berlin, 2009. S. 71—82. (Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft 16).

Крупнейший немецкоязычный специалист по творчеству Достоевского Х.-Ю. Геригк неоднократно останавливал внимание на романе «Идиот»: он исследовал нарративную структуру первой части¹ и трактовал роман как «феноменологию нераспознавания».² Обобщающий характер имеет глава в монографии ученого 2013 г., посвященной творчеству писателя с 1860 по 1881 г.³ Исследователь ставит роман Достоевского в один ряд с Новым Заветом, романом Сервантеса «Дон-Кихот» и «Мистериями» Гамсуна. Одной из главных тем Достоевского является тайна человеческой личности. Геригк утверждает, что парадоксальным образом писатель относился скептически к языку как к средству вербализации, что и отразилось на поэтике романа «Идиот». Автор указывает в этой связи на многочисленные ситуации «нераспознавания» и на важную функцию молчания в структуре произведения. Этими качествами и отличается «Идиот» от всех остальных романов Достоевского: исследователь относит роман к группе художественных произведений, которые С. Зонтаг определяла как «кэмп» (camp) — произведения изощренного вкуса, отличающиеся повышенной театральностью, эстетизмом, гротескностью. В статье 2013 г. Геригк вновь вернулся к роману «Идиот», который он сопоставляет с произведениями норвежца К. Гамсуна «Мистерии» и американца У. Перси «Последний джентльмен» (в немецком переводе — «Идиот юга»)⁴. На сюжетном уровне все три романа объединяет изначальная ситуация приезда чужака, который попадает в центр всеобщего внимания. Во всех трех романах главный герой следует определенному негласному кодексу, который читатель должен сам разгадать. Поведение, определяемое этим кодексом, приводит его носителя в конечном счете во всех трех произведениях в неразрешимый конфликт с обществом, который заканчивается «уходом» главного героя, манифестируемым либо в болезни, либо в самоубийстве. Произведения Гамсуна и Перси тем самым являются художественными медитациями о князе Мышкине. В более ранней работе Геригк сопоставлял «Идиота» и с романом Г. Гауптмана «Юродивый во Христе Эмануэль Квинт».⁵

¹ Gerigk H.-J. Dostojewskijs Erzähltechnik im ersten Teil seines Romans «Der Idiot» // Scando-Slavica. 1998. Vol. 44. № 1. S. 5—15.

² Gerigk H.-J. Dostojewskijs Roman «Der Idiot» als Phänomenologie der Verkenning // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. 1999. Vol. 3. S. 55—72.

³ Gerigk H.-J. Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller. Vom «Toten Haus» zu den «Brüdern Karamasow». Frankfurt a/M., 2013. (Fischer Klassik).

⁴ Gerigk H.-J. Auf den Spuren des Fürsten Myschkin: Knut Hamsuns «Mysterien» und Walker Percys «Der Idiot des Südens» // Anklang und Widerhall: Dostojewskij in medialen Kontexten. München; Berlin, 2013. S. 15—31. (Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft 20).

⁵ Gerigk H.-J. Existenzformen des absoluten Ich: Gerhart Hauptmanns «Der Narr in Christo Emanuel Quint» und Dostojewskijs «Idiot» //

Образ князя Мышкина является центральным во многих исследованиях, но в некоторых научных публикациях внимание сосредоточено на других персонажах романа, которые анализируются в соотношении с главным героем и общей проблематикой произведения. В 1978 г. Славянский семинар университета Тюбингена выпустил отдельной брошюрой работу Х.-П. Беера, посвященную фигуре Евгения Павловича Радомского в романе «Идиот».¹ По мысли исследователя, Радомский является сниженным двойником Ставрогина. При этом в Ставрогине пагубное развитие подобного типа достигло апогея, в то время как Радомский стоит только в начале пути, которому он еще может придать иное направление. Концовка романа не дает однозначного ответа о дальнейшей судьбе этого героя.

В 1986 г. появилась диссертация Б. Ветт «„Новый человек“ и „Золотая посредственность“». Критика рационалистически-утопической концепции человека у Ф. М. Достоевского», последняя глава которой посвящена роману «Идиот».² По мнению Ветт, Мышкин олицетворяет ту нравственную силу, которая способна осуществить обновление общества, находящегося в плену у «золотой посредственности», хотя само это словосочетание в романе не встречается. «Новых людей» в духе Чернышевского Достоевский жестко высмеивает, например, в фигуре Антипа Бурдовского, фамилия которого является говорящей. Как и в других произведениях Достоевского, изображение «новых людей», согласно Ветт, довольно прямолинейно и сводится к определенному набору отрицательных признаков, который не претерпевает существенных изменений в эволюции творчества писателя. Это своего рода прием сатирической редукции при изображении персонажей определенного типа с целью разоблачения пагубных для России общественных и идеологических течений.

В 1998 г. К. Гарстка выступил с докладом «„Генерал-лгун“ Иволгин в романе Достоевского „Идиот“»,³ в котором анализирует поведение Иволгина в свете картины болезни «*pseudologia phantastica*», описанной швейцарским психиатром А. Дельбрюком. Иволгин — один из многочисленных персонажей Достоевского, в жизни которых прослеживаются черты «эстетического существования» (С. Кьеркегор), которые, по мысли Гарстки, критикуются Достоевским как одна из форм ложного сознания.

Gerigk H.-J. Ein Meister aus Russland. Beziehungsfelder der Wirkung Dostojewskijs. Vierzehn Essays. Heidelberg, 2010. S. 76—82.

¹ Beer H.-P. Die Gestalt des Evgenij Pavlovič Radomskij in Dostoevskijs Roman «Der Idiot». Tübingen, 1978. (Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen 15).

² Wett B. «Neuer Mensch» und «Goldene Mittelmäßigkeit». F. M. Dostoevskijs Kritik am rationalistisch-utopischen Menschenbild. München, 1986. (Slavistische Beiträge 194).

³ Garstka Ch. Der «Lügengeneral» Ivolgin in Dostoevskijs Roman «Der Idiot». URL: <http://www.ub.uni-heidelberg.de/archiv/6938>

В 2000 г. вышла книга Т. Фрайника «Проблематика смерти в творчестве Ф. М. Достоевского», в которой речь идет и о романе «Идиот».¹ Рогожина и Настасью Филипповну роднят, по мнению исследователя, их отчужденность от мира сего и их изначальная приближенность к смерти. Если Рогожин выступает олицетворением смерти, то смерть Настасьи Филипповны эстетизируется Достоевским, что доказывается и сопоставительным анализом со смертью героини романа Флобера «Госпожа Бовари» (см. выше, с. 604, 641).

В отдельных работах нравственные и философские вопросы романа рассматриваются в контексте социально-исторической проблематики. Например, Д. Шварц в исследовании 1978 г. «Взгляд Достоевского на своеобразие и предназначение России на основе его романа „Идиот“» (с двумя приложениями)² обращает внимание на изображение в романе разных «недугов» России: отчужденность социальных сословий (дворян, чиновников, купцов) от религиозных основ, атеизм, сектантство, материализм, преступность. Однако для Достоевского все эти недуги не являются неизлечимыми. Если общество в целом изображено в мрачных красках, то ему противостоят изнутри отдельные фигуры романа, в каждой из которых обнаруживаются положительные черты, — прежде всего, конечно, в князе Мышкине. Автор приходит к выводу, что в самом стремлении к идеалу, к положительной, всеохватывающей «русской идее» для Достоевского заключается надежда, что в будущем русский народ в самом себе найдет силу для преодоления общественных проблем.

Р. Опитц в статье 1980 г. «Человечность Достоевского», посвященной «Идиоту»,³ исследует структуру романа, которую описывает с помощью музыкальных терминов, и выделяет две «легкие» части «allegro» (первая и четвертая), напоминающие старинные любовные и приключенческие романы, между которыми помещены более «медленные» части (вторая и третья). Исследователь обращает внимание на множество острых политических и общественных вопросов, которые обсуждаются на страницах «Идиота».⁴ Однако главная цель Досто-

¹ Freynik Th. Die Todesproblematik im Schaffen von F. M. Dostoevskij. Hamburg, 2000. (Poetica 47).

² Schwarz D. et al. Studien und Materialien zu Dostojevskijs Roman «Der Idiot». Tübingen, 1978. (Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen 17).

³ Opitz R. Der Idiot. Dostoevskijs Menschlichkeit // Opitz R. Fedor Dostoevskij — Weltansicht und Werkstruktur. Frankfurt a/M. et al., 2000. S. 33—52. (Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen 4). См. также: Onumy P. Человечность Достоевского: (Роман «Идиот») / Пер. с нем. Л. В. Славгородской // Д. Материалы и исследования. Т. 4. С. 75—95.

⁴ См. также: Opitz R. 1) Aglaja und Nastas'ja Filippovna. Vortrag auf der Dostoevskij-Konferenz 1999 in Wendgraben // Opitz R. Fedor Dosto-

евского, по мысли Опитца, заключалась не в изображении поражения «положительно прекрасного человека» во враждебных общественных условиях, а в том, что человечность, которую Мышкин олицетворяет, является единственной надеждой и возможным залогом более человеческого будущего.

Богослов О. Древерманн останавливается и на романе «Идиот» в докладе, посвященном проблеме денег и любви в творчестве Достоевского (см. выше, с. 640, 655).¹ На примере образа Настасьи Филипповны Достоевский показывает пагубную власть денег над человеческой душой, от чего общество не может избавиться, пока оно само подчиняется исключительно экономическим законам. Тем не менее, по мнению исследователя, роман таит в себе утопический образ нового человека, больше не определяющего себя в экономических категориях и внутренне освободившегося от их роковой власти.

Особенно следует отметить исследования, посвященные экранизациям романа «Идиот» (см. также § 12). В 2008 г. Д. Брётц выпустила монографию, в которой она рассматривает фильмы трех режиссеров из разных стран: «Идиот» японца А. Куросавы («Hakuchi», 1951), «Возвращение идиота» чеха С. Гедона («Návrat idiota», 1999) и «Отель „Миллион долларов“» немца В. Вендерса («The Million Dollar Hotel», 2000).² Если первые два фильма представляют собой адаптации романа «Идиот», то фильм немецкого режиссера не основан непосредственно на романе Достоевского, а содержит лишь тематические и структурные параллели. Брётц сосредоточивается на нарратологических принципах построения художественного произведения, позволяющих во всех трех фильмах обнаружить удивительные переключки с романом Достоевского, которые не ограничиваются сходством на сюжетном уровне. Диссертация С. Барцевой, опубликованная в 2015 г., преследует похожую цель, но рассматривает иные адаптации — «Down House» (2001) русского режиссера Р. Р. Качанова и «Настасья» (1994) польского режиссера А. Вайды.³ Оба фильма, по мнению исследовательницы, не являют-

evskij — Weltsicht und Werkstruktur. S. 53—66; 2) Ganja Ivolgin, ein «nasses Huhn». Fjodor Dostojewski: Der Idiot (1869) // Opitz R. Der russische Roman. Sechzehn Kapitel aus der 150-jährigen Geschichte zwischen Puschkin und Aitmatow. Leipzig, 2009. S. 76—97.

¹ Drewermann E. «Freunde mit dem ungerechten Mammon»? Dostojewski, das Geld und die Liebe // Drewermann E. Daß auch der Allerniedrigste mein Bruder sei. Dostojewski — Dichter der Menschlichkeit. Fünf Betrachtungen. Zürich; Düsseldorf, 1998. S. 73—132.

² Brötz D. Dostojewskis «Der Idiot» im Spielfilm. Analogien bei Akira Kurosawa, Saša Gedeon und Wim Wenders. Bielefeld, 2008.

³ Bartseva S. Polyphonie im Film: Filmische Rezeption von F. M. Dostojewskis Roman «Der Idiot» in den Verfilmungen «Down House» (Kačanov, 2001) und «Nastasja» (Wajda, 1994). Hamburg, 2015. (Studien zur Slavistik 34).

ся классическими экранизациями; наоборот, они сильно модифицируют сюжетную основу романа Достоевского. Если Качанов придерживается постмодернистской эстетики, которая выражается в карнавализации всего действия, то Вайда нарушает линейную структуру романа и соединяет не связанные между собой сцены, что интерпретируется Барцовой как перенесение законов внутреннего диалога на формальную структуру фильма. Обе адаптации объединяет то обстоятельство, что они стремятся приемами киноискусства перевоплотить полифоническую поэтику романа Достоевского, как ее понимал и описывал М. М. Бахтин.

В Англии первый перевод «Идиота» был встречен отчужденно. Еженедельник «The Spectator» в 1887 г. отрицательно оценил «так называемый реализм» романа, усмотрев в нем лишь «демонстрацию» болезненного.¹ На первых порах позицию журнала разделяли многие английские критики.²

В начале 1910-х годов положение резко изменилось. В 1913 г. в Англии и США «Идиот» вышел в переводе К. Гарнетт, воспринятом читателями с «единодушным одобрением».³ Английская критика открыла в романе «глубокую мысль о безграничных возможностях человека».⁴ Образ Мышкина был истолкован как «современное воплощение национального и личного идеала», который, однако, «очень трудно понять западному читателю».⁵ В частности, М. Беринг выделил «Идиота» в творчестве Достоевского, считая его «самым характерным, самым индивидуальным» из всех творений русского писателя, «так как никто, кроме Достоевского, не мог создать такого героя, как князь Мышкин, вдохнуть в него жизнь и заставить его положительно излучать из себя доброту и любовь».⁶ Вслед за Э.-М. де Вогюэ Беринг ассоциировал образ Мышкина с «типом Иванушки, русского блаженного, который своей простотой побеждает ум мудрых».⁷ Как ни фантастичны, по его мнению, персонажи романа, «они, в известном смысле, правдивее самой жизни»,⁸ потому что в них обнажены сокровенные глубины души.

В 1915 г. появился перевод Е. Мартин; за ним в 1955 г. — Д. Магаршака, а в 1965 г. — исправленная версия перевода Гарнетт, подго-

¹ Цит. по: *Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956. P. 157.*

² *Ibid. P. 158; см. также: Garnett E. A literary causerie. Dostoevsky // The Academy. 1906. 1 Sept., № 1791. P. 202.*

³ *Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation. 1881—1936 // Smith College Studies in Modern Languages. Northampton, Massachusetts, 1938—1939. Vol. 20. P. 68.*

⁴ *Ibid. P. 68—69.*

⁵ *Ibid. P. 69.*

⁶ *Беринг М. Вехи русской литературы. М., 1913. С. 121.*

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Там же. С. 120.

товленная Д. В. Страханом. Первый американский перевод был выполнен в 1980 г. совместно Г. и О. Карлайл. За последние тридцать лет вышел целый ряд получивших хорошие отклики переводов: А. Майерса (1992), Р. Пивира и Л. Волохонской (2002), Д. Мак-Дафа (2004) и И. Авси (2010). Еще одна исправленная версия перевода К. Гарнетт, выполненная А. Брайловской, появилась в 2003 г.

Увлечение образом Мышкина сказалось на некоторых произведениях английских писателей. Близкие ему черты критики находили в образах Стиви из романа Дж. Конрада «Тайный агент» (1907)¹ и Тренчарда из «Темного леса» Х. Уолпола (1916),² а также героя романа Э. Сидгвик «Герцог Джонс» (1915). Известный британский писатель Д. Г. Лоуренс также предпочитал «Идиота» другим произведениям Достоевского. «Я больше всего люблю „Идиота“ <...>. Христианская вера, самоотверженность и всепрощение находят в нем свое высшее выражение»,³ — писал он в 1916 г.

Д. Гарнетт заставляет героиню своего романа «Без любви» (1929) оставить Вордсворта и взяться за чтение «Отцов и детей» и «Идиота».⁴ Отмечалось сильное влияние этого романа Достоевского и на роман Д. Стори «Радклиф» (1963).⁵ Также оно усматривается в романе американского писателя Г. Джеймса «Крылья голубки» (1902) (по-видимому, его автор был знаком с отзывом об «Идиоте» Э.-М. де Воюэ в книге «Русский роман»⁶), а также в романе У. Фолкнера «Пилон» (1935).⁷ Князь Мышкин послужил одним из прототипов Вилистона Баррета, главного героя романа американского писателя У. Перси «Последний джентльмен» (1966, см. также выше, с. 658) и его продолжения — романа «Второе пришествие» (1980).⁸

И уже совсем недавно американская романистка Д. Тартт ввела значительные аллюзии к «Идиоту» в своем романе «Щегол» (2013). Раздел, в котором его главный герой, напоминающий Мышкина, оказывается помолвлен с красавицей из высшего света и предстает перед его сановниками, так и озаглавлен: «Идиот». А в 2017 г. это заглавие использовала для своего нового романа, в котором изображены роман-

¹ Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation 1881—1936. P. 26.

² Ibid. P. 45.

³ Цит. по: Neuschäffer W. Dostojewskijs Einfluß auf den englischen Roman // Anglistische Forschungen / Hrsg. von J. Hoofs. Heidelberg, 1935. H. 8. S. 58.

⁴ Ibid. S. 89.

⁵ Adelman G. Retelling Dostoyevsky. Lewisburg, 2001. P. 132—142.

⁶ Kimmey J. James and Dostoevsky: The Heiress and the Idiot // Henry James Review. 1992. Vol. 13. № 1. P. 67—77.

⁷ Weisgerber J. Faulkner et Dostoïevski. Confluences et influences. Bruxelles; Paris, 1968. P. 199.

⁸ См.: Quinlan K. Walker Percy: The Last Catholic Novelist. Baton Rouge, 1996. P. 105.

тические неурядицы первокурсника Гарвардского университета, американская писательница Э. Батуман.

Пробуждение в 1960-е годы значительного исследовательского интереса к роману «Идиот» в британской и американской науке было в основном связано с обсуждением вопроса о «неудаче» — мнимой творческой неудаче Достоевского в создании «Идиота» и неудаче князя Мышкина как всеобщего спасителя и избавителя (см. выше, с. 559—563). Подчеркивая разрушительное влияние Мышкина на тех, кого он хочет спасти, М. Кригер доказывал в своем известном очерке, что он накладывает на других «большее моральное бремя, чем они, с их человеческими слабостями, могут снести. Под его тяжестью они ломаются и становятся только хуже».¹ Р. П. Блэкмер объяснял «неудачу» Мышкина неубедительной концепцией доброты, исходя из которой Достоевский создал героя, у которого нет «ни бытия, ни существования, отдельных от видения тех, кто верит в него».² По Блэкмеру, негативное воздействие князя на других проистекает из его «неадекватности», «неполноты как личности» и из «„примитивной“ формы христианства, которую он воплощает».³ Э. Васёлек взглянул на «неудачу» Мышкина с большим сочувствием. «Мышкин был неудачей, — писал он, — каким был и Христос, неспособный умерить боль, которую мы причиняем друг другу, но готовый принять ее на себя и своей собственной верой дать всем образ лучшего из людей».⁴ Р. Лорд отнесся к Мышкину совсем иначе. Рассматривая сходство между злобным и алчущим власти «идиотом» записных книжек Достоевского и образом Мышкина, Лорд отмечал «хитрость и неоднозначность», скрывающиеся за его обаянием и отрешенностью, и доказывал, что жажде власти Мышкина препятствует только его болезнь.⁵ Р. Пис отделял художественный успех романа от «несостоятельности „идеи“» добра, которая воплощена в Мышкине.⁶

¹ Krieger M. Dostoevsky's «Idiot»: The Curse of Saintliness // Dostoevsky: A Collection of Critical Essays / Ed. René Wellek. Englewood Cliffs, N. J., 1962. P. 48. Р. Хинли даже предположил, что Мышкин — это комический герой, и доказывал, что «Достоевский-художник» взял верх над «Достоевским-моралистом», поняв, что «семьсот страниц ничем не разбавленной доброты — это слишком». По Хинли, именно комедийное начало искупает бесформенность и слабую конструкцию этого произведения (Hingley R. The Undiscovered Dostoyevsky. London, 1962. P. 113).

² Blackmur R. P. «The Idiot»: A Rage of Goodness // Blackmur R. P. Eleven Essays in the European Novel. New York, 1964. P. 142.

³ Ibid. P. 162, 148.

⁴ Wasiolek E. Dostoevsky: The Major Fiction. Cambridge, Mass., 1964. P. 109.

⁵ Lord R. An Epileptic Mode of Being // Lord R. Dostoevsky: Essays and Perspectives. London, 1970. P. 81.

⁶ Peace R. Dostoevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, UK, 1971. P. 71.

Оценка Дж. Джоунса отличается категорическим отрицанием романа «Идиот» как творческой неудачи во всех отношениях.¹

М. В. Джоунс одним из первых связал структурную «расплывчатость» романного сюжета, имеющего отступления, с главной темой, а именно борьбой за сохранение «идеального» посреди «тривиального, беспорядочного и хаотичного».² Позднее Джоунс развивал эту мысль в своей книге «Достоевский после Бахтина», где исследовал художественные стратегии, использованные Достоевским для того, чтобы «двести читателя до сумасшествия», которое служит средством достижения катарсиса.³

Монография Р. Ф. Миллер «Достоевский и „Идиот“: автор, повествователь и читатель» — возможно, одна из самых содержательных работ о романе во всем западном литературоведении. Исследовательница привлекает внимание к сложной повествовательной стратегии Достоевского в «Идиоте», выделяя различные скрытые голоса, которые звучат в тексте: 1) сочувствующий, всезнающий повествователь; 2) более обособленный, ироничный повествователь; 3) менее умный, комический повествователь; 4) поддерживающий атмосферу недосказанности и напряженности готический повествователь. Эти множественные повествовательные голоса порождают множественные лики героя романа, не говоря уже о множественных подразумеваемых читателях. Среди последних можно выделить, по меньшей мере, двух: читатель повествователя, который принимает эти различные голоса как таковые, и более активный, более этически ответственный подразумеваемый читатель, который стремится услышать за этими голосами автора. Выявление Миллер этического бремени, которое роман возлагает на читателя, напряжения между разными повествовательными голосами и размытости жанра оказало исключительное влияние на появившиеся позднее исследования.⁴

В другом монографическом исследовании, опубликованном в 1983 г., Д. П. Слэттери истолковал роман как сделанное на трагическом примере Мышкина аллегорическое предупреждение о том, что не следует накладывать романтическую фантазию о единстве и гармонии на сложность реального времени и пространства.⁵

М. Холквист в статье 1984 г. прочитал роман как размышление о «возможности того, что за казнью Христа не последовало его вос-

¹ Jones J. Dostoevsky. Oxford, 1983.

² Jones M. V. «The Idiot»: Diffuseness and the Ideal // Jones M. V. Dostoevsky: The Novel of Discord. New York, 1976. P. 126.

³ См., в частности: Jones M. V. «The Idiot»: Driving the Reader Crazy // Jones M. V. Dostoevsky after Bakhtin. Cambridge, UK, 1990. P. 45—113.

⁴ Miller R. F. Dostoevsky and «The Idiot»: Author, Narrator, and Reader. Cambridge, Mass., 1981.

⁵ Slattery D. P. «The Idiot»: Dostoevsky's Fantastic Prince: A Phenomenological Approach. New York, 1983.

кресение, которое открыло бы другим людям путь подражания ему».¹ Холквист связывает метафизическое отчаяние «Идиота» с формой самого романа, относящегося к пострелигиозной, светской литературе, ввергающего своих героев в жестокий опыт горизонтального, линейного времени и не задающего никакого вертикального, вневременного измерения, которое обеспечило бы искупительные моменты трансцендентности.

Значительное распространение получила интерпретация Дж. Франка, в которой он защищает роман, утверждая, что в этом, «хотя и самом неровном из четырех лучших романов Достоевского, его собственный взгляд на жизнь, во всей ее трагической сложности, выражен с величайшей точностью, остротой и лирическим пафосом, граничащим с возвышенным».² Франк характеризует Мышкина как «самое крайнее воплощение» идеала христоподобной самоотверженности, разрываемой «противоречащими потребностями его апокалипсических устремлений и земными пределами».³ Для Франка «фиаско» Мышкина в романе — знак исключительной художественной честности Достоевского. Если в своих предыдущих произведениях Достоевский, по мнению исследователя, выставил на тщательное обозрение враждебные взгляды радикалов и нигилистов, то в «Идиоте» он сделал то же самое со своими собственными самыми затаенными убеждениями и нашел, что они «столь же несовместимы с обычными требованиями повседневной общественной жизни».⁴

Э. Дж. Каскарди взглянул на «фиаско» князя сквозь призму Гегеля и увидел в нем кризис идеализма. Применив к Мышкину понятие «прекрасной души» Гегеля и Гёте, Каскарди изображает «неудачу» князя в романе как неспособность связать между собой свою духовную обособленность с миром материального, а также принять воплощенное состояние тех, с кем он сталкивается и кого надеется спасти.⁵

В 1997 г. Г. С. Морсон подверг сомнению положения двух противоположных групп исследователей романа — тех, кто смотрит на него как на творческую неудачу Достоевского, и тех, кто объясняет его недостатки как преднамеренные структурные элементы. Он полагает, что роман как раз удался благодаря нехватке структурной организации, потому что был «написан так же, как и проживается жизнь — вперед, а не назад по отношению к общему замыслу целого»: «Радикальная процессуальность произведения — тот факт, что автор в каждый отдельный

¹ Holquist M. The Gaps in Christology in «The Idiot» // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs, N. J., 1984. P. 128.

² Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865—1871. Princeton, N. J., 1995. P. 275.

³ Ibid. P. 317.

⁴ Ibid. P. 341.

⁵ Cascardi A. J. The Bounds of Reason: Cervantes, Dostoevsky, Flaubert. New York, 1986. P. 81—156.

момент его создания не знал, что случится далее, — стала особенностью самого романа».¹ Эта композиционная особенность, по Морсону, ведет к совершенно новым методам создания сюжета и характеристики героев: она позволяет им принимать решения вместе с автором и дает читателю очаровательное ощущение крайней открытости времени — впечатление, что «события не несут отпечатка неизбежности».² В этом отношении «Идиот» представляет собой полную противоположность телеологическим структурам викторианского романа.

Несколько исследователей обратились к вопросу о диалогическом взаимодействии в романе, одновременно как идеальном, так и разрушительном. Прочитывая роман сквозь призму идей французского философа Э. Левинаса, Л. Джонсон истолковывает «доброту» князя как последствие этического императива, который тот ощущает, чтобы «различить и почтить лица, обращенные к нему».³ В монографии Б. А. Френча об «Идиоте» рассматривается недоверие Достоевского к «сюжетности», в которой исследователь видит тенденцию к прагматическому взгляду на человека как на объект. Опираясь на Бахтина, Френч утверждает, что эстетика Достоевского, а также его моральные и духовные верования обретают в «Идиоте» полную гармонию в его борьбе против «сюжетности» и защите диалогической открытости, что воплощено в Мышкине и — более широким образом — в структуре романа.⁴

Сходное мнение высказала С. Дж. Янг в монографическом исследовании романа, который она определяет как «поле битвы» за власть между его героями. Ощущая радикальную открытость будущего, эти герои, утверждает Янг, борются за власть и пытаются предписать другим свои собственные «сценарии» — отсюда изобилие многочисленных и, очевидно, несвязанных сюжетных линий. Опираясь на Бахтина, Янг исследует «сценарную» деятельность героев как способ разграничения между «степенями идеального и неидеального взаимодействия».⁵ В то время как Настасья Филипповна навязывает другим свои сценарии в попытке самоутверждения, Мышкин, в противоположность ей, — этически идеальный собеседник.

Впрочем, другое важное направление в истории интерпретации романа возникло из противоположного допущения — о том, что «неудача» Мышкина проистекает из его неспособности видеть других людей

¹ Morson G. S. Tempics and «The Idiot» // *Celebrating Creativity: Essays in Honour of Jostein Bortnes* // Ed. Knut Andreas Grimstad and Ingunn Lunde. Bergen, 1997. P. 120, 127.

² Ibid. P. 122.

³ Johnson L. The Face of the Other in «The Idiot» // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 4. P. 867—878.

⁴ French B. A. Dostoevsky's «Idiot»: Dialogue and the Spiritually Good Life. Evanston, Ill., 2001.

⁵ Young S. J. Dostoevsky's «The Idiot» and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting. London, 2004.

такими, какие они есть. Также опираясь на Бахтина, К. Эмерсон отмечает, что Мышкин «монологизирует других героев», в особенности в своем отказе отнестись серьезно к тем чертам характера Настасьи Филипповны, которые он не хочет видеть.¹ М. К. Финке рассматривает поведение Мышкина как проявление его стремления поместить Настасью Филипповну в рамки кающейся Марии Магдалины.² В. Дж. Лезербарроу утверждает, что Мышкин сводит «жизненные модели к универсальным типам собственного производства».³ В то время как и Финке, и Лезербарроу рассматривают эту «авторскую» деятельность князя с точки зрения смешения жанров, В. Винокуров истолковывает ее как проявление христианской аскетики Мышкина, который предпочел бы видеть «иконы», а не «конкретных людей во всей их индивидуальности».⁴ А. Спектор утверждает, что Мышкина компрометирует принудительный, авторский характер дискурса в романе, условия которого созданы метафизической тревогой «о мире, в котором место Создателя оставлено пустующим». По Спектору, Мышкину вредит необходимость стать направляющим для других.⁵

Монография Э. Далтона «Структура бессознательного в „Идиоте“» (1979) ознаменовала начало психологической, психоаналитической или медицинской традиции его интерпретации, особенно значительной в США. Далтон предложила фрейдистское прочтение отношений между Мышкиным, Рогожиным и Настасьей Филипповной.⁶ Л. Брегер, сравнивавший писательский путь Достоевского с расширенным самоуправляемым психоанализом, истолковал Мышкина как осколок души, лишенной темных импульсов к насилию, которые помещены в его второе «я» — Рогожина.⁷

Книга Дж. Л. Райса «Достоевский и врачующее искусство» (1985) дает подробный отчет об истории болезней Достоевского и о том, как они отразились в его романах, тем самым оказываясь важным источником и

¹ Emerson C. Word and Image in Dostoevsky's Worlds: Robert Louis Jackson on Readings that Bakhtin Could Not Do // Freedom and Responsibility in Russian Literature: Essays in Honor of Robert Louis Jackson / Ed. E. C. Allen and G. S. Morson. Evanston, Ill., 1995. P. 256.

² Finke M. C. Metapoesis: The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham, 1995. P. 77—85.

³ Leatherbarrow W. J. A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction. Evanston, Ill., 2005. P. 109.

⁴ Vinokurov V. The End of Consciousness and the Ends of Consciousness: A Reading of Dostoevsky's «The Idiot» and «Demons» after Levinas // The Russian Review. 2000. Vol. 59. № 1. P. 25—26.

⁵ Spektor A. From Violence to Silence: Vicissitudes of Reading (in) «The Idiot» // Slavic Review. 2013. Vol. 72. № 3. P. 552—572.

⁶ Dalton E. Unconscious Structure in «The Idiot». Princeton, N. J., 1979. P. 101, 106.

⁷ Breger L. Dostoevsky: The Author as Psychoanalyst. New York, 1989.

для рассмотрения образа Мышкина с точки зрения патологии.¹ Основываясь на книге Райса, Б. Джонсон анализирует эпилептические припадки Мышкина.² Х. Мюрэв рассмотрела эпилепсию Мышкина в контексте медицинской литературы времен Достоевского, в которой она квалифицировалась или как патологический и демонический, или как божественный недуг. По Мюрэв, роман дает основания для того, чтобы видеть в Мышкине одновременно и патологического, и святого героя — своего рода юродивого (см. с. 562—563, 652): невинного, святого, дурака, — и возлагает бремя диагностирования патологии или святости на читателя.³

В двух работах роман рассматривался в свете концепции травмы. По мнению А. Берри, герои романа по-разному вовлечены в один и тот же процесс: выздоровления после травмы. Для Мышкина это было зрелище смертной казни, для Рогожина — смерть отца, для Ипполита — лицевое изображение картины Гольбеяна.⁴ Ю. Корриган исследует, как потеря различными героями памяти, связанная с их травматическими предысториями, провоцирует недостаток их внутренней состоятельности и заставляет их цепляться друг за друга, как если бы они составляли коллективное целое. По Корригану, поиски Мышкина ведут его к путешествию внутрь себя через отвергнутые и нежеланные воспоминания в поисках божественных источников, которые позволили бы ему освободить других от заключения в его собственной личности.⁵

Начиная с 1960-х годов роман изучали с гендерной точки зрения — этот аспект представлен в работах Н. П. Страус,⁶ Д. Берджин,⁷ О. Матич.⁸ Матич, кроме того, рассматривает Настасью Филипповну

¹ Rice J. L. *Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History*. Ann Arbor, Mich., 1985.

² Johnson B. Diagnosing Prince Myshkin // *Slavic and East European Journal*. 2012. Vol. 56. № 3. P. 377—393.

³ Murav H. «The Idiot» and the Problem of Recognition // Murav H. *Holy Foolishness: Dostoevsky's Novels and the Poetics of Cultural Critique*. Stanford, 1992. P. 71—98.

⁴ Burry A. Execution, Trauma, and Recovery in Dostoevsky's «The Idiot» // *Slavic and East European Journal*. 2010. Vol. 54. № 2. P. 255—271.

⁵ Corrigan Yu. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, Ill., 2017.

⁶ Straus N. P. Flights from «The Idiot»'s Womanhood // Straus N. P. *Dostoevsky and the Woman Question: Rereadings at the End of a Century*. New York, 1964.

⁷ Burgin D. L. 1) The Reprieve of Nastasja: A Reading of a Dreamer's Authored Life // *Slavic and East European Journal*. 1985. № 29. P. 258—268; 2) Prince Myshkin, the True Lover and «Impossible Bridegroom»: A Problem in Dostoevskian Narrative // *Slavic and East European Journal*. 1983. № 27. P. 158—184.

⁸ Matich O. «The Idiot»: A Feminist Reading // *Dostoevsky and the Human Condition After a Century* / Ed. A. Ugriksy, F. S. Lambasa and V. K. Ozolins. New York, 1986. P. 54.

в свете архетипа «падшей женщины» — как или Вавилонскую блудницу, или Марию Магдалину — и традиции этого архетипа во французском романе, а также в русской литературе, начиная с Карамзина.¹

Ощутимо присутствуют в западных работах об «Идиоте» записные тетради Достоевского, в особенности начиная с появления английского перевода рукописей, выполненного К. Стрельски и опубликованного с предисловием Э. Васёлека.² На основе их изучения А. Дж. Герард пришел к выводу, что первоначально в романе выделались два начала, персонифицированные в Мышкине и Рогожине: «...грубое, жестокое, чувствительное, гордое, самовольное начало воплотилось в Рогожине, в то время как христианские смирение и сострадание остались в Мышкине».³ Аналогичным образом Г. Кокс отмечал: рабочие тетради указывают на то, что «агрессивный Рогожин и пассивный Мышкин первоначально были задуманы как единый противоречивый характер» (ср. выше, с. 655).⁴ Г. С. Морсон характеризовал рабочие тетради Достоевского как форму дополнительного «оттенения» сюжета, представляющую нам все события, которые могли случиться в романе и, таким образом, становятся «теневой» составляющей самого текста.⁵

Серьезное внимание было уделено исследователями значению библейского подтекста романа. В нескольких работах рассматривались текстуальные переключки с Откровением св. Иоанна Богослова. Исследуя многочисленные интертекстуальные связи с ним романа, Р. Л. Кокс доказывал, что у Достоевского, как и у автора Откровения, «не было никаких иллюзий относительно непосредственной социальной эффективности христианского свидетельства, веры в спасительную силу Христа».⁶ Р. Холландер показал совпадение многих образов романа с апокалипсическими, что предвещает, по мнению автора, грядущий апокалипсис в России.⁷ Аналогично Лезербарроу прослеживал попытку Достоевского изобразить в романе порочное европеизированное общество как современный и обреченный на гибель Вавилон, который ждет

¹ Matich O. What's to be done about Poor Nastia: Nastas'ja Filippovna's Literary Prototypes // Wiener Slawistischer Almanach. 1987. Vol. 19. P. 47—64.

² The Notebooks for «The Idiot» [by] Fyodor Dostoevsky / Trans. K. Strelsky, ed. E. Wasiolek. Chicago, 1967.

³ Guerard A. J. On the Composition of Dostoevsky's «The Idiot» // Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal. 1974. Vol. 8. № 1. P. 204.

⁴ Cox G. Tyrant and Victim in Dostoevsky. Columbus, 1983. P. 15.

⁵ Morson G. S. Tempics and «The Idiot». P. 125.

⁶ Cox R. L. Myshkin's Apocalyptic Vision // Cox R. L. Between Earth and Heaven: Shakespeare, Dostoevsky and the Meaning of Christian Tragedy. New York, 1969. P. 189.

⁷ Hollander R. The Apocalyptic Framework of Dostoevsky's «The Idiot» // Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal. 1974. Vol. 7. № 2. P. 123—139.

пришествия Агнца в лице Мышкина. В своем обзоре интертекстуальных связей Лезербарроу связывает фамилии Птицына, Лебедева и Иволгина с «пристанищем всякой нечистой и отвратительной птицы» (Откр. 18:2), одновременно соотнося Настасью Филипповну как с Вавилонской блудницей, так и, в соответствии с семантикой ее фамилии, с невинным и всепрощающим Агнцем.¹ Д. М. Бетеа исследует роман с точки зрения проявления в нем апокалипсического времени. По Бетеа, способность Мышкина одновременно и преуспеть, и потерпеть неудачу проистекает из его одновременной принадлежности к двум противоположным темпоральностям: он действует «во времени (повествовательном, биографическом, историческом)», как остальные герои, и «вне времени», как «„посланец“ из иного пространства-времени приходит, чтобы донести свое „откровение“ до тех, кто принадлежит к этому миру».²

Связывая апокалипсическое настроение романа с изображением растленного Эдема, Л. Иваниц характеризует «Идиота» как наиболее безрадостную и отчаянную метафизическую декларацию. Исследовательница обращает внимание на столь редкое для Достоевского зияющее отсутствие в романе «образов земли и народа».³ Иваниц доказывает, что, в то время как в романе то и дело упоминается красота природы, в нем запечатлен, причем в сопровождении эсхатологических мотивов, растленный Эдем — вырождающийся мир, который не может питать героев романа. Л. Кнапп проанализировала параллели между Мышкиным и Христом, а также между загадочным и параболическим стилем романа и стилем Нового Завета.⁴ Признавая важность для романа Откровения св. Иоанна Богослова, К. Тёрнер привлекает внимание к другому возможному библейскому подтексту, а именно к образу «сокровища в глиняных сосудах» из Второго послания св. апостола Павла к Коринфянам (2 Кор. 4:7).⁵ С. Дж. Янг исследует интертекстуальные связи романа с Посланием Иакова, в особенности сказавшиеся в подчеркивании «практических трудностей сохранения веры в мире сомнения и искушения».⁶

¹ *Leatherbarrow W. J.* Apocalyptic Imagery in Dostoevsky's «The Idiot» and «The Devils» // *Dostoevsky Studies*. 1982. Vol. 3. P. 43—51.

² *Bethea D. M.* «The Idiot»: Historicism Arrives at the Station // *Bethea D. M.* The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton; New Jersey, 1989. P. 92, 82. См. также: *Rosenshield G.* Chaos, Apocalypse, the Laws of Nature: Autonomy and Unity in Dostoevskii's «Idiot» // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 4. P. 879—889.

³ *Ivanits L.* Dostoevsky and the Russian People. Cambridge, 2008. P. 81.

⁴ *Knapp L.* Myshkin through a Murky Glass, Guessingly // *Dostoevsky's «The Idiot»: A Critical Companion*. Evanston, Ill., 1998. P. 191—215.

⁵ *Turner C. J. G.* Dostoevsky's «Idiot»: Treasure in Earthen Vessels // *Dostoevsky Studies*. 1985. Vol. 6. P. 173—180.

⁶ *Young S. J.* Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 3. P. 420.

Многие исследователи подошли к роману с точки зрения того, насколько в нем выражены собственные религиозные и метафизические убеждения писателя. Например, А. Вебстер рассматривает Мышкина как воплощение кенотического смирения, как фигуру Христа, добровольно восходящего на крест ради блага других (см. выше, с. 584).¹ Исследуя развитие метафизики Достоевского, Л. Кнапп анализирует победу инерции и механического детерминизма над поисками Мышкина, аналогичными собственной абсолютно реальной борьбе Достоевского, проходившей перед лицом «триумфа законов природы и механики».² Принимая во внимание опустошительный опыт смерти собственной дочери писателя в период создания романа, Кнапп полагает, что на этой стадии творческого развития Достоевский не был еще готов к тому, чтобы изобразить победу воскресения и обновления над силами смерти, как он сделает это позднее в «Братьях Карамазовых».³ С. Хадспит характеризует Мышкина как воплощение христианских идеалов «соборности», которые развивал А. С. Хомяков.⁴

Значительный ряд исследований был посвящен функциям картины Гольбеина в романе (ср. выше, с. 568—577). Р. Л. Джексон сопоставляла ее с утверждением героев о том, что «мир спасет красота». Приняв описание Достоевским моральной власти эстетического идеала в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» за кредо писателя, Джексон рассматривает эту картину в свете диады прекрасного и доброго. Он утверждает, что с позиций эстетических критериев христианского искусства картина Гольбеина это слабое произведение искусства, потому что это «воплощение эстетики отчаяния».⁵ И тем не менее, продолжает Джексон, собственное увлечение Достоевского этой картиной показывает, что писатель, как и многие другие, мог почувствовать привлекательность этой низшей формы красоты, лишенной морального содер-

¹ Webster A. F. C. The Exemplary Kenotic Holiness of Prince Myshkin in Dostoevsky's «The Idiot» // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1984. Vol. 28. № 3. P. 189—216.

² Knapp L. The Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics. Evanston, Ill., 1996. P. 98.

³ В другом ракурсе тема рассматривается в книге архиепископа Кентерберийского Р. Уильямса, где речь идет о связи религиозной веры Достоевского с процессом создания сюжета. Автор сосредоточивает свое внимание на том, сколько свободы оставляет писатель своим героям, — черта, которая позволила князю Мышкину, по мнению Уильямса, превратиться в процессе письма из «положительно прекрасного человека» в амбивалентный и неоднозначный характер (Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. Waco, TX, 2008).

⁴ Hudspith S. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London; New York, 2004. P. 150—156.

⁵ Jackson R. L. Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art. New Haven; London, 1966. P. 67.

жания. В своей позднейшей книге Джексон исследует восприятие картины Гольбейна Достоевским в контексте негативных оценок, позднее высказанных писателем по поводу безразличного отношения Тургенева к смерти, которое, по мысли Достоевского, проявилось в очерке «Казнь Тропмана» (см. с. 1014).¹

О. Меерсон прочитывает комический отчет генерала Иволгина о возвращении Колпакова из мертвых в одном ряду с описанием «Мертвого Христа» Гольбейна в романе, доказывая, что оба рассказа содержат элементы евангельской истории о воскресении Христа.² Представляя их как дополняющие друг друга, Достоевский подчеркивает необходимость соединить божественное и человеческое — союз, который так и не сложился в романе. С. Дж. Янг анализирует влияние картины на структуру произведения. Поскольку изображенное тесно связано с личной борьбой каждого героя, который соприкасается с картиной, последняя играет, по мнению исследовательницы, роль катализатора романного сюжета.³ К. Аполлонии доказывает, что действительный вопрос, который поднимает картина в романе, — «кто позволил бы чему-то настолько тривиальному потрясти веру в человеке?». ⁴ Опираясь на работу Т. А. Касаткиной, Аполлонии сопоставляет горизонтальное путешествие Мышкина по ступеням лестницы Рогожина навстречу образу отчаяния с искупительным «вертикальным» путешествием Ипполита навстречу акту милосердия по отношению к нуждающемуся семейству. Вертикальное измерение вводит в роман искупительный элемент, без которого произведение было бы проникнуто материалистическим триумфом законов природы.

Работы Меерсон и Аполлонии можно считать примерами стремления современных исследователей увидеть ключевые темы Достоевского даже в эпизодах, кажущихся второстепенными. В этом ключе Р. Ф. Миллер анализирует завуалированную полемику Достоевского с Ж.-Ж. Руссо о практике исповеди (см. выше, с. 592—596), проявившуюся в *petit jeu* на вечер по случаю именин Настасьи Филипповны.⁵ Аналогичным образом Д. А. Мартинсен подвергает пристальному анализу поведение генерала Иволгина как микрокосм моральных и мета-

¹ Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky: The Overwhelming Questions*. Stanford, 1993. P. 29—54.

² Meerson O. Ivolgin and Holbein: Non-Christ Risen vs. Christ Non-Risen // *Slavic and East European Journal*. 1995. Vol. 39. № 2. P. 209.

³ Young S. J. Holbein's «Christ in the Tomb» in the Structure of «The Idiot» // *Russian Studies in Literature*. Winter 2007—2008. Vol. 44. № 1. P. 90—102.

⁴ Apollonio C. *Dostoevsky's Secrets: Reading Against the Grain*. Evanston, Ill., 2009. P. 95.

⁵ Miller R. F. *Dostoevsky and Rousseau: The Morality of Confession Reconsidered* // *Dostoevsky. New Perspectives* / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs, 1984. P. 82—98.

литературных проблем, которые поставлены в романе. Она сравнивает прохождение генерала Иволгина через ряд комических опытов лжи и стыда с трагическими и неискупительными последствиями стыда Настасьи Филипповны. Тем самым она обнаруживает моральные потенции стыда — как целебные, так и разрушительные — в нравственной психологии Достоевского.¹

Выявляя готический повествовательный голос в романе и показав влияние готической литературы на Достоевского, Р. Ф. Миллер положила начало прочтению романа с точки зрения размытости его жанра.² Арпад Ковач пишет о романе в контексте противоположности «сентиментальной» и «политической» идиллии.³ К. А. Бауэрс рассматривает «Идиот» как готический роман.⁴ В то же время Дж. Гивенс находит в романе комическое мироотношение, проявляющееся в «неприличном» поведении Мышкина, в связи героя с Дон-Кихотом и в изображении шутов, которые его окружают. По Гивенсу, образ Мышкина отражает комический взгляд на мир, предполагающий, что окружающая действительность многозначна; хотя этот взгляд уступает в романе его трагической противоположности, он побеждает в эпилоге романа, где намечен сюжет женитьбы Радомского на Вере Лебедевой.⁵

И, наконец, целый ряд исследований был посвящен историческим контекстам романа. Сосредоточившись на противоположности между Древней Русью и новым государством Петра I, С. Монас сопоставляет роман с традицией петербургской повести.⁶ Р. Андерсон рассматривает его с точки зрения материализма — роста промышленного капитализма и материалистической переоценки гуманности, которые Достоевский воспринял в Европе в период работы над романом.⁷

¹ *Martinsen D. A. Surprised by Shame: Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure.* Columbus, OH, 2003. P. 62—91.

² *Miller R. F. Dostoevsky and «The Idiot».* P. 108—125.

³ *Kovács Árpád. The Poetics of «The Idiot»: On the Problem of Dostoevsky's Thinking about Genre // Critical Essays on Dostoevsky / Ed. R. F. Miller.* Boston, 1986. P. 116—126.

⁴ *Bowers K. A. Shadows of the Gothic: Adapted Terror in Russian Fiction, 1792—1905: PhD dissertation / Northwestern University, 2011.* В. Дж. Лезербарроу определяет Рогожина как, «возможно, наиболее условно законченное воплощение готического демонизма, созданное Достоевским» (*Leatherbarrow W. J. A Devil's Vaudeville... P. 94—95*).

⁵ *Givens J. A Narrow Escape into Faith? Dostoevsky's «Idiot» and the Christology of Comedy // The Russian Review.* 2011. Vol. 70. № 1. P. 95—117.

⁶ *Monas S. Across the Threshold: «The Idiot» as a Petersburg Tale // New Essays on Dostoevsky / Ed. M. V. Jones and G. M. Terry.* Cambridge, 1983. P. 67—93.

⁷ *Anderson R. «The Idiot» and the Subtext of Modern Materialism // Dostoevsky Studies.* 1988. Vol. 9. P. 77—90.

И. Паперно сопоставляет самоубийство Ипполита с тем, что она называет «новым язычеством — материализмом середины XIX века».¹ Она доказывает, что, будучи обреченным умереть, Ипполит не принимает этот приговор. Сопrotивляясь традиции Сократа и Христа, согласно которой «добровольная смерть — это царская дорога к бессмертию», он движется к традиции римского язычества, следуя Сенеке с его добровольным упреждением деспотического смертного приговора. В. Дж. Комер выявляет отсылки в романе к неортодоксальным религиозным движениям в России, в особенности к скопчеству.² Наконец, С. Мак Рейнольдс пишет о растущем «национальном мессианизме» Достоевского в период его работы над «Идиотом», размышляя о проблеме нравственного воскресения в специфически русском контексте.³

Роман «Идиот» впервые был переведен и опубликован на испанском языке в Буэнос-Айресе в 1914 г. С тех пор насчитывается пятнадцать переводов, вышедших в Испании (Мадриде, Барселоне) и Аргентине (в Буэнос-Айресе).⁴ Многие из этих переводов переиздавались несколько раз в разных странах. Эти издания иллюстрируют известный маршрут русских произведений в испаноязычный мир: сначала переводы с языка-посредника на испанский язык, затем прямые переводы с русского языка. В данном случае основным посредником был французский язык.

В Испании роман был переведен в 1920 г. под заголовком «Князь-идиот», и только спустя шесть лет вышла в свет полная версия с заглавием, соответствующим оригиналу.⁵ Таким образом, произведе-

¹ *Paperno I.* Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Ithaca, NY, 1997. P. 133.

² *Comer W. J.* Rogozhin and the «Castrates». Russian Religious Traditions in Dostoevsky's «The Idiot» // *Slavic and East European Journal*. 1996. Vol. 40. № 1. P. 85—99.

³ *McReynolds S.* Redemption and the Merchant God: Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism. Evanston, Ill., 2008.

⁴ *Dostojewski F.* El idiota / Trad. P. Pedraza y Páez. Buenos Aires, 1914; El principe idiota / Trad. P. Pedraza y Páez. Barcelona, 1920; El idiota: 3 vols. / Trad. C. Abreu. Madrid, 1926; El idiota / Trad. R. Cansinos Assens. Madrid, 1935; El principe idiota / Trad. F. Orts Ramos. Buenos Aires, 1944; El idiota / Trad. S. Záitsev y J. G. de Luaces. Barcelona, 1946; El idiota / Trad. E. S. Pedraza. Buenos Aires, 1946; El idiota / Trad. C. Pérez Armisán. Barcelona, 1948; El idiota / Trad. G. Martinengo. Barcelona, 1964; El idiota / Trad. J. M. Claramunda Bes. Barcelona, 1966; El idiota / Trad. M. Torelló. Barcelona, 1967; El idiota / Trad. J. L. Entralgo y A. Vidal. Barcelona, 1969; El idiota / Trad. C. de Arce. Barcelona, 1969; El idiota / Trad. J. López-Morillas. Madrid, 1996; El idiota / Trad. M. G. Velis Blinova. Madrid, 2016.

⁵ *Dostojewski F.* El principe idiota / Trad. P. Pedraza y Páez. Barcelona, 1920; *Dostojewski F.* El idiota: 3 vols. / Trad. C. Abreu. Madrid, 1926.

ние появляется на испанском языке значительно позже по сравнению с другими языками. «Идиот» выходит после перевода на испанский язык таких произведений, как «Преступление и наказание», «Игрок» и др.¹ Произведения русской литературы, в том числе «Идиот», уже до этого были известны испанским авторам и культурным деятелям.² Однако маловероятно, что Э. Пардо Басан, которая первой проделала огромный труд по распространению русской литературы в Испании,³ могла прочесть «Идиота» до публикации ее «Революции и литературы в России» (1887), поскольку первый перевод на французский язык романа «Идиот» был выполнен в том же году.⁴ Кроме того, четко прослеживается влияние Э.-М. де Вогиюз в утверждениях Пардо Басан в отношении Мышкина, которого она характеризует как «персонажа, имитирующего Дон-Кихота», «сумасшедшего или, лучше сказать, просто возвышенного».⁵ Примером тому, что высшие слои общества знали роман до его публикации на испанском языке, может служить и насмешка Кларина (псевдоним Л. Алас-и-Уренья) в 1894 г. в отношении Помпейо Женера, который в его «Зловредных литературах» (*Literaturas Malsanas. Estudios de Patología Literaria Contemporánea por Pompeyo Gener. Madrid, 1894*) упоминает Гоголя как автора «Идиота».⁶

Первые переводы непосредственно с русского языка появляются в 1920—1930 гг., при этом перевод Р. Кансиноса Ассенса (1935) до сих пор используется многими издательствами. Тем не менее во множестве случаев прослеживается вмешательство языка-посредника.⁷ В 1960-е годы группа квалифицированных переводчиков под руководством А. Видаля перевела тексты для Полного собрания сочинений Достоевского в издательстве «Вергара», и это издание продолжает оста-

¹ См.: Арсентьева Н., Морильяс Ж. Испанское достоевскоеведение: истоки, итоги и перспективы // *Д, Материалы и исследования*. Т. 20. С. 309.

² См.: *Morillas J. Dostoievski en España* // *Mundo Eslovo*. 2011. Vol. 10. P. 120.

³ Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982; *González Arias F. La condesa, la revolución y la novela en Rusia* // *Bulletin Hispanique*. 1994. Vol. 1. P. 167—188.

⁴ *Hemingway M. Emilia Pardo Bazán. The Making of a Novelist*. Cambridge; New York, 1983. P. 178.

⁵ *Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia* // *Pardo Bazán E. Obras completas: 3 vols.* / Ed. H. L. Kirby, Jr. Madrid, 1973. Vol. 3. P. 863.

⁶ *Alas L. Revista literaria, sumario* // *El Imparcial*. 1894. Vol. 6. P. 7.

⁷ Данному вопросу посвящена работа одного из лучших переводчиков Достоевского Х. Лопес-Морильяса: *López-Morillas J. Genio y figura de Dostoievski en español: (Apuntes de un traductor)* // *Boletín de la Institución Libre de Enseñanza*. 1988. Vol. 5. P. 65—74.

ваться одним из самых признанных по сегодняшний день.¹ Видаль стал одним из тех, кто внес огромный вклад в исследование жизни и творчества Достоевского, а его работы — одним из основных источников для концептуализации князя Мышкина как русского Дон-Кихота.² С того момента непосредственно с русского языка было переиздано более десяти различных переводов, новые продолжают издаваться. Последний из них в 2016 г. выполнила М. Г. Велис Блинова для издательства «Cátedra».

В многочисленных исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, есть отдельные главы и страницы, где авторы обращаются к роману «Идиот». Обзор данных работ позволяет установить, каким темам отдается особое место: образу Мышкина и его литературным связям как в творчестве Достоевского, так и в мировой литературе, структуре произведения, взаимоотношениям между действующими лицами, образу Христа в романе. Появление «Идиота» в Испании нашло широкий отголосок среди читателей, в особенности благодаря отождествлению Дон-Кихота с князем Мышкиным. Так, например, П. Бароха,

¹ *Dostoievski F. Obras completas: 9 vols. / Ed. A. Vidal. Estudio preliminar de J. L. López Aranguren. Barcelona, 1969.* Данные переводы редактируются группой переводчиков под руководством Р. Сан Висенте для Полного собрания сочинений Достоевского издательства «Galaxia Gutenberg». На данный момент вышел только первый том (2009), куда вошли ранние произведения писателя: *Dostoievski F. M. Obras completas / Ed. R. San Vicente. Barcelona, 2009. Vol. 1: Novelas y relatos, 1846—1849.*

² *Vidal A. Dostoievski. Barcelona, 1972.* См. также: *Dostoievski F. Obras completas: 9 vols.; Chevalier M. Cervantes, Rousseau, Dostoievski // Ínsula: revista de letras y ciencias humanas. 1991. Vol. 538. P. 15—16; Багно В. Е. Достоевский и писатели Испании // Багно В. Е. Россия и Испания: общая граница. СПб., 2006. С. 350—367; Barst K. El signo cervantino en el «cuaderno de apuntes» de F. M. Dostoevskij // Mundo Eslavo. 2006. Vol. 5. P. 63—76; Арсентьева Н. 1) Традиции антиутопического жанра в русской литературе. Часть первая «Достоевский и Сервантес». М., 1993; 2) «Крик осла» и «локус идиота» // Д, Материалы и исследования. Т. 17. С. 376—398; 3) Дон-Кихот и тип утопического героя в русской литературе // IBERICA. К 400-летию романа Сервантеса «Дон-Кихот» / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб., 2005. С. 75—83; 4) Dostoievski: Clave del «código Cervantes» // El Quijote y el pensamiento teórico literario: Actas del Congreso Internacional celebrado en Madrid los días del 20 al 24 de junio de 2005 / М. А. Garrido Gallardo y L. Alburquerque García. Madrid, 2008. P. 353—372; Степанян К. А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М., 2013; Guarde Paz C. Pochvennichestvo y diáspora china: dos visiones del nihilismo occidental a través de El Idiota de F. M. Dostoievski y el género wu xia de Jin Yong // La Torre del Virrey. Revista de Estudios Culturales. 2010. Vol. 9. P. 83—101.*

М. де Унамуно и другие значительные авторы и деятели культуры Испании выразили свое восхищение последним.¹

В Испании и за ее пределами авторы следуют традиции литературных сопоставлений. А. Серрано Плаха трактовал романы «Идиот» и «Том Сойер» как художественные и литературные продолжения «Дон-Кихота». С его точки зрения, произведения Достоевского и Марка Твена пролили свет на некоторые вопросы «Дон-Кихота», в частности на проблему безумия и характер «идиотизма» главного героя. При этом исследователь считал, что в романах обоих авторов художественно преломилась поэтика двойственности («сумасшествие или игра»), отраженная в «Дон-Кихоте».² Дж. Солтис посвятил отдельную главу сравнению «Дон-Кихота» и «Идиота». В обоих произведениях, по мысли исследователя, присутствуют автобиографические мотивы и используется прием изображения дуальных героев, антиподов (Дон-Кихот — воплощение идеализма / Санчо Панса — прагматизма; Мышкин — воплощение добра / Рогожин — зла), показаны разные социальные слои. Солтис отметил сходство композиционных решений, сопоставимое психоаналитическое использование снов и подсознания в описаниях, сходное восприятие времени, появление мотива платонической любви главных героев к женщине (и неловкость в общении с нею), а также стремление главных героев к божественному и возвышенному.³

Большинство научных трудов в Испании носили биографический характер⁴ или же уделяли внимание влиянию Достоевского и «Идиота» на испанских авторов.⁵ При этом нередко на втором плане остава-

¹ Подробнее см.: *Арсентьева Н., Морильяс Ж.* 1) Испанское достоевскоеведение: истоки, итоги и перспективы. С. 318—320; 2) Библиография переводов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Достоевского в Испании // *Д, Материалы и исследования*. Т. 20. С. 514—526.

² *Serrano Plaja A.* Realismo «mágico» en Cervantes: «Don Quijote» visto desde «Tom Sawyer» y «El Idiota». Madrid, 1967.

³ *Soltys G.* Don Quijote en la obra de Dostoyevski. Ann Arbor, 1995. P. 107—148.

⁴ *Арсентьева Н., Морильяс Ж.* Испанское достоевскоеведение: истоки, итоги и перспективы. С. 312—314.

⁵ Исследователи проводили параллель между Достоевским и П. Барохой, основываясь на трактовке авторами разных тем (любви, женщины, религии, свободы и страдания), а также сравнивая события жизни героев и аспекты биографий их создателей (см.: *Contreras A. M., Tuset Gjakoni L. P.* El hombre en la novela de Dostoevski y en la de Baroja. Santiago, 1967). Проанализированы связи между романами «Realidad» («Действительность», или «Реальность», 1889) Б. Переса Гальдоса (1843—1920) и «Идиот». Первый роман охарактеризован как пародия второго. Хотя невозможно установить, читал ли Перес Гальдос первый французский перевод «Идиота» (1887), автор предположил, что можно говорить о

лись эстетические и поэтические вопросы произведений Достоевского, которые затрагивали такие авторы, как М. де Унамуну,¹ П. Бароха,² Х. Л. Лопес Арангурен, Х. Ортега-и-Гассет, А. Видаль, П. Лаин Энтральго и К. Баргас.³ Однако немногие из них останавливались на романе «Идиот». Говоря о философской и художественной рецепции творчества Достоевского в Латинской Америке, следует назвать Р. Арльта, прозванного в литературных кругах «маленький Достоевский». Арльт не только признавал влияние писателя на свои рассказы и романы, но сознательно стремился адаптировать произведения Достоевского к аргентинской общественной действительности. Также высоко он оценивал драматургию Л. Андреева и прозу Л. Н. Толстого и М. Горького. На Достоевского ссылался в своих очерках другой аргентинский писатель, Э. Сабато. Знаменитый Х. Кортасар использовал в качестве эпиграфа цитату из романа «Идиот» в романе «Выигрыши»: «...что делать романисту с людьми ординарными ~ миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие» (см.: 8, 424). «Идиот» также вызвал литературный отклик чилийского писателя Э. Лафуркаде.⁴

Среди современных испанских исследований о романе необходимо выделить упоминавшиеся работы Н. Арсентьевой о традиции антично-

«скрытом диалоге» (по Бахтину) между испанским и русским писателями (*López Baralt M. Galdós y Dostoievski: una mirada intertextual al problema del doble // Revista de estudios hispánicos. 1997. Vol. 24 (1). P. 47—68*). См. также: *Donoso A. Dostoievski, Renán, Pérez Galdós. Madrid, 1925; Bagno V. El Quijote vivido por los rusos. Madrid, 1995; Багно В. Е. Россия и Испания: общая граница; Lissorguen Y. La novela rusa en España (1886—1910). Alicante, 2012; Арсентьева Н., Морильяс Ж. 1) Испанское достоевсковедение: истоки, итоги и перспективы. С. 305—328; 2) Библиография переводов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Достоевского в Испании. С. 514—526.*

¹ Влияние великого русского писателя можно проследить в романах «Niebla» («Туман», 1914) и «San Manuel Bueno, mártir» («Святой Мануэль Добрый, мученик», 1931), где трактуются вопрос о вере и столкновение религиозного и светского миропониманий. Достоевский также повлиял на философские и политические взгляды М. де Унамуну.

² П. Бароха написал о Достоевском две статьи — «Натурализм: Достоевский» (в числе 13 статей, посвященных русской литературе, которые были опубликованы с 10 февраля по 22 апреля 1890 г.) и «Психологическое раздвоение Достоевского» (1943) — и часто ссылался на писателя в критических работах.

³ См.: *Арсентьева Н., Морильяс Ж. 1) Испанское достоевсковедение: истоки, итоги и перспективы. С. 305—328; 2) Библиография переводов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Достоевского в Испании. С. 518—527.*

⁴ *Variaciones sobre el tema de Nastasia Filippovna y el príncipe Mishkin. Barcelona, 1975.*

сти, позднего эллинизма и ренессансного гуманизма в творчестве Достоевского в связи с понятием утопического героя «аристофановского» типа, идейным замыслом и композицией романа «Идиот»¹ и публикацию Л. Бельтрана Альмерия,² который на примере романа «Идиот» раскрывает черты символизма в творческом методе Достоевского в противовес определению его эстетики как реалистической. В книге, специально посвященной «Идиоту», В. Хавьер Ллоп Перес подробно исследует сюжетную линию, связанную с Ипполитом Терентьевым, и анализирует вопрос о смерти, рассматривая три ее образа в данном романе: «божественно-демонскую» эпилепсию Мышкина, саморазрушение Ипполита (самоубийство) и картину «Мертвый Христос» Гольбейна. По мнению исследователя, Ипполит является подпольным типом, двойником князя Мышкина.³

В более широком смысле следует отметить указанные труды Ж. Морильяса,⁴ определившего философскую основу мышления Достоевского, а также его работы о рецепции Достоевского в Испании. Х. А. Ита Хименесу и И. Мартинес (Бела Мартынова) принадлежат основательные работы о жизни, творчестве Достоевского и отзывах критики о нем,⁵ продолжающие линию исследований, утвержденную Баэсой, Видалем, Кансиносом Ассенсом, Ониевой и другими авторами. В рамках линии дискурсивного анализа произведений Достоевского Б. Баррос посвятил часть своих работ анализу динамики определенности—неопределенности в художественном построении «Идиота».⁶

¹ См. с. 677, сноску 2.

² Бельтран Альмерия Л. Достоевский и символизм // Русская словесность в мировом культурном контексте. Избранные доклады и тезисы / Под ред. И. Волгина. М., 2008. С. 145—146.

³ Javier Llop Pérez V. La decisión de Ippolit: Ensayo sobre «El idiota» de F. Dostoievski. Valencia, 2014.

⁴ См. с. 676, сноски 1—2.

⁵ Hita Jiménez J. A. 1) Dostoievski en la crítica rusa. Granada: Osuna, 2002; 2) Nueva visión de la obra de Dostoievski. Granada, 2003; 3) El problema de la libertad trágica en «El Gran Inquisidor» y «San Manuel Bueno, mártir» // Traducción, lengua y cultura. Actas de VIII Jornadas hispano-rusas de Traducción e Interpretación. Granada, 2004. P. 297—307; Martínez I. 1) Dostoievski, 1821—1881. Madrid, 1996; 2) Dostoievski frente al nihilismo // Cuenta y Razón. 2002. № 124. P. 48—52; 2) Dostoievski: de la igualdad a la diferencia: ensayo sobre la burocracia. Madrid, 2003.

⁶ Barros García B. 1) Análisis y visualización del discurso en la obra Crimen y Castigo de F. M. Dostoievski: [tesis doctoral] / Universidad de Granada. Departamento de Filología Griega y Eslava. Granada, 2012; 2) In Other Words: Reformulation Strategies in Dostoevsky's works // Russian Literature. 2017. Vol. 91. P. 1—25; 3) Las aportaciones de la visualización del texto al estudio del texto literario // Tonos Digital: Revista electrónica de estudios filológicos. 2015. № 28. P. 139—172; 4) Sobrejustificaciones y palabras en el

Ж. Пегеролес трактует данное произведение Достоевского с теологической точки зрения.¹ В одной из недавних работ И. Иньеста исследовал влияние Достоевского, в частности «Идиота», на медицинскую и неврологическую литературу на темы, связанные с эпилепсией.²

Итальянская критика не проявила к этому роману интереса, сравнимого с тем, который сопровождал многие другие произведения Достоевского. Характерно, что и первый перевод «Идиота» на итальянский язык (с французского посредника, без указания авторства) появился в 1902 г.,³ значительно позже переводов остальных романов Достоевского.

Тем не менее «Идиот» также стал классикой для итальянского читателя, а на вопросы специфического христианства князя Мышкина и на значение образа «положительно прекрасного человека» обратили внимание выдающиеся филологи и философы. Среди первых следует упомянуть Э. Гаспарини, автора чуть ли не единственной итальянской монографии об «Идиоте».⁴ Особенность религиозного духа князя Мышкина и Достоевского, по мнению Гаспарини, в том, что для них «ни одна из религиозных идей вечности, бессмертия и будущей жизни не имеет своим последствием преуменьшение жизни настоящей», отчего возникает «такой динамизм, такое желание достижений и реформ, такая энергия и живучесть, которые неизвестны нашему западному христианству».⁵ Анализ образа Мышкина, исходя из понятия «идиотства» у Эразма Роттердамского, принадлежит С. Грачиотти, который посвятил этой теме несколько статей.⁶ Среди философов, обративших

umbral de la existencia en la obra de Dostoievski // Tonos Digital: Revista electrónica de estudios filológicos. 2014. № 27. P. 1—32; 5) Трансцендентность поцелуя в произведениях Ф. М. Достоевского: псевдо-телесное приближение к всеобщему счастью // *Достоевский и мировая культура*. № 25. С. 178—202.

¹ Pegueroles J. 1) La libertad agustiniana en Kierkegaard y en Dostoyevsky // *Espiritu*. 1995. XLIV (119). P. 205—214; 2) Ateísmo y fe en Cristo. El problema de la libertad en Dostoyevsky // *Actualidad bibliográfica de Filosofía y Teología*. 1974. № 11. P. 219—241; 1975. № 12. P. 30—63.

² Iniesta I. 1) La epilepsia en la gestación artística de Dostoievski // *Neurología*. 2014. Vol. 29. № 6. P. 371—378; 2) La enfermedad en la literatura de Dostoyevski: [tesis doctoral] / Universidad Complutense de Madrid, 2005; 3) La epilepsia de Dostoyevski: Patografía, vivencia de la enfermedad y recreación literaria // *Medicina & Historia*. 2006. № 2. P. 1—15.

³ Dostojewsky F. *L'Idiota*. Milano, 1902.

⁴ Gasparini E. *Il principe Myskin: una ricerca sul cristianesimo di Dostojewskij*. Padova, 1937.

⁵ Ibid. P. 30.

⁶ Graciotti S. 1) Dostoevskij e l'elogio dell'idiozia // Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 421—440; 2) Cristo e i suoi «doppi» in Dostoevskij // *Su Fëdor Dostoevskij*.

внимание на роман, самое последовательное изучение фигуры «положительно прекрасного человека» принадлежит С. Дживоне.¹

Сравнительно слабое восприятие этого романа наблюдается и в итальянской художественной литературе. Тем не менее у некоторых писателей «моральная и интеллектуальная проблематика „Идиота“ наша живой отклик». ² Известно, что «Идиот» был любимым романом Г. Деледды, что, впрочем, существенно не отразилось на творчестве писательницы. ³ Значительнее следы восприятия «Идиота» в творчестве К. Э. Гадды.⁴

В Польше «Идиот» получил широкую известность после перевода Е. Гротовской, вышедшего в 1908—1909 г. в двух томах (с указанием девичьей фамилии переводчицы — Н. Scipio del Campo⁵) в Кракове, на польской земле под австрийским разделом, где поляки не знали русского языка. Последующие переводы вышли уже в независимой Польше — в межвоенный период: В. Виреньского (Варшава, 1928) и переиздания перевода Е. Гротовской (1927, 1928); послевоенные переводы: Е. Енджейевича (Варшава, 1961), самый популярный в Польше перевод романа, неоднократно переизданный, — Ю. Гладысь (Краков, 2005).

В 2003 г. появилась единственная польская монография о романе — «„Христос во гробе“ и реальность „Воскресения“: Размышления над „Идиотом“ Ф. Достоевского», написанная Э. Микичук.⁶ Как отметили А. де Лазари и Т. Сухарски, в этой книге, «вопреки господствующим мнениям, подытоживая идущие в Польше многие го-

Visione filosofica e sguardo di scrittore / A cura di S. Aloe. Napoli, 2012. P. 57—72.

¹ Givone S. La figura dell'idiota nella letteratura contemporanea. Da Dostoevskij a Singer e a Malamud // *Giornale di metafisica*. 1982. Vol. 4. № 1. P. 183—194.

² Guarnieri-Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia. Padova, 1947. P. 23. В этой книге рассмотрен вопрос о воздействии романа Достоевского на творчество Ф. Тоцци, Г. Борджезе, И. Свево (см. гл. 2 «Problemi dell'«Idiota» dal Tozzi allo Svevo», p. 23—25).

³ Володина И. П., Соболева И. В. Грация Деледда и Достоевский: (К проблеме искупления) // *Литература в контексте культуры: Межвуз. сб.* / Отв. ред. проф. А. Г. Березина. СПб., 1998. С. 217—224. (Сер. Проблемы истории зарубежных литератур; вып. 5).

⁴ Adamo S. Gadda e Dostoevskij // *Edinburgh Journal of Gadda Studies: First EJGS Conference Proceedings* — November 2004. URL: <http://www.arts.ed.ac.uk/italian/gadda/Pages/journal/supp3atti%201/articles/adamconf1.html>

⁵ См.: Подсосонный С. (Padsasonny S.) Варшавская премьера «Идиота» как путь осмысления романа Федора М. Достоевского // *Studia Rossica Gedanensia: Ежегодник*. Gdańsk, 2017. № 4. С. 206.

⁶ Mikiciuk E. «Chrystus w grobie» i rzeczywistość «Anastasis»: Rozważania nad «Idiotą» F. Dostojewskiego. Gdańsk, 2003.

ды споры о главном герое „Идиота”,¹ Микичук „реабилитирует” князя Мышкина, отбрасывая тезис о бессилии „прекрасного человека” в мире зла. Основываясь на православной теологии, она убедительно доказывает, что в конструкцию „Идиота” вставлена евангелическая, а заодно и иконописная обратная перспектива. Стремление вникнуть в темную сторону человеческого существования со стороны автора, по ее мнению, обозначает намерение найти формулу чистой красоты. Следовательно, Мышкин должен сойти в гроб, чтобы воскреснуть; или даже больше — чтобы спасти окружающий его мир».²

В Болгарии перевод «Идиота» впервые публиковался в газете «Болгарский торговый вестник» («Български търговски вестник») с 22 мая по 23 октября 1904 г. (XII. № 108—234). Имя переводчика не указано, а печатание перевода было прекращено в самом начале третьей части романа — видимо, из-за изменения редакционной политики газеты (рубрика «Подлистник», в которой печатался перевод, была приостановлена). Кроме того, роман «Идиот» был частично опубликован в 1921 г.: софийское издательство «Цвят» выпустило первые две части произведения в переводе (не законченном по неизвестным причинам) критика Д. Бабева и поэта Г. Милева.³ Во второй половине 1920-х годов почти одновременно вышли в свет еще два перевода романа (на этот раз полные), выполненные Т. Неновой⁴ и Ив. и Св. Камбуро-

¹ *Bezwiński A.* O bohaterze «Idioty» F. Dostojewskiego // *Przegląd Ruscystyczny*. 1987. № 2. S. 23—34; *Chałacińska-Wiertelak H.* 1) Ипостаси мечты. Дон-Кихот — Обломов — Мышкин // *Internationale Fachkonferenz «Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung»: Thesenpapiere*. Bamberg, 1991. S. 10; 2) Роман Ф. М. Достоевского «Идиот», читаемый в ключе театральной антропологии: (Попытка постановки вопроса.) [доклад на XIX Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» 22—25 мая 2004 г.]; 3) Попытка прочтения романа «Идиот» Федора Достоевского в оптике трагического // *Вестн. Волгоградского ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика*. 2006. Вып. 5. С. 17—21; *Filipowicz A.* Książę Myszkina — ideał czy idiota // *Postać literacka. Teoria i historia* / Red. E. Kasperski, B. Pawłowska-Jądrzyk. Warszawa, 1998. S. 181—194; *Sucharski T.* W poszukiwaniu «doskonale pięknych postaci». O języku *agape* (αγάπη) w wielogłosowym chaosie świata Dostojewskiego // *Ślupskie Prace Filologiczne. Seria Filologia Polska* 7. 2009. № 9. S. 53—66.

² *Лазари А. де, Сухарски Т.* Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // *Д. Материалы и исследования*. Т. 20. С. 40.

³ *Достоевски Ф.* Идиот. Роман в четири части. София, 1921. Ч. 1. Прев. Дим. Бабев и Г. Милев. Ч. 2. Прев. Дим. Бабев. (Библ. «Отбрани романи»; № 21).

⁴ *Достоевски Ф.* Идиот. Роман / Прев. Т. Ненова. София, [1927]. Т. 1—2.

выми.¹ Последний перевод был заказан авторитетнейшим в то время издательством И. Игнатова, которое в конце 1920-х годов выпустило первое в Болгарии собрание сочинений Достоевского в 10-ти томах. В качестве предисловия к «Идиоту» (т. 4) опубликован перевод отрывка из книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». В составе собраний сочинений роман издавался еще дважды: в переводе Н. Толчева в 1960 г.² и в переводе Ив. Пауновского в 1982 г.³ Перевод Ив. Пауновского был впервые издан в 1971 г. к 150-летию писателя в авторитетной серии «Световна класика» («Памятники мировой литературы»)⁴ и с тех пор переиздавался несколько раз.⁵ Таким образом, насчитывается шесть переводов на болгарский язык романа «Идиот» и восемь его изданий.

Роман «Идиот» до сих пор не становился предметом монографического исследования в Болгарии. Ему пока посвящены немногочисленные работы — предисловия и послесловия к изданиям романа, принадлежащие перу В. Велчева и Ив. Пауновского, статьи или главы в книгах П. Попиванова, Н. Нейчева, Хр. Манолакева, Н. Димитровой, Э. Димитрова.⁶

В Венгрии роман был переведен С. Эндре в 1910—1911 гг.⁷ Первый отклик об «Идиоте» в венгерской литературной критике появился в 1924 г. в авторитетном журнале 1-й пол. XX в. «Nyugat» («Запад»). Писатель и публицист А. Кунц опубликовал статью под заглавием «Мистицизм Достоевского»,⁸ в которой рассматривал вопросы о значении романа в мировой литературе, противопоставлении Востока и Запада и образе Мышкина. Роман Достоевского он называет мистерией, рождающейся из страдания и «всезнающего Добра», идеи созидания. Мистицизм писателя он определяет как пророческий. Прозрение Мышкина Кунц считает важным элементом поэтики романа: обнару-

¹ Достоевски Ф. Идиот. Роман в 4 ч. / Пълен прев. Ив. и Св. Камбурови. С предг. от Д. С. Мережковски. София, [1928].

² Достоевски Ф. Идиот. Роман / Прев. от рус. Н. Толчев // Достоевски Ф. Събрани съчинения в десет тома. София, 1960. Т. 6.

³ Достоевски Ф. Идиот. Роман / Прев. [с послесл.] Ив. Пауновски // Достоевски Ф. Събрани съчинения в 12 т. София, 1982. Т. 6.

⁴ Достоевски Ф. Идиот. Роман в 4 ч. / Прев. от рус. Ив. Пауновски. С предг. на В. Велчев. София, 1971. (Библ. «Световна класика»).

⁵ Достоевски Ф. Идиот. Роман в 4 ч. / Прев. от рус. [с послесл.] Ив. Пауновски. София, 1997. («Поредица Шедьовър»); То же: София, 2013.

⁶ См. подробнее: Димитров Э. Достоевский в Болгарии (1971—2011): (Библиография) // Д. Материали и исследования. Т. 20. С. 480—488.

⁷ См.: Lajos G. A magyar és az orosz irodalom kapcsolatai. Kolozsvár, 1946. P. 82.

⁸ Kuncz A. Dosztojevszkij miszticizmusa // Nyugat. 1924. № 2. P. 137—142.

жение Истины, по мнению автора, совершается через трагические коллизии судеб; в образе князя он выделяет антиномичность — «человеколюбец», но «ранний», недозрелый плод, обреченный на гибель.

В 1960-е годы началось оживление интереса к творчеству Достоевского на новых идейных основаниях: после первых изданий собрания сочинений писателя, вышедших в 1920—1930 гг., готовились к печати романы в новых переводах, сопровождаемых предисловиями и послесловиями ведущих литературоведов. «Идиот» был издан (уже четвертый раз) в 1960 г. с послесловием одного из самых видных ученых второй половины XX в. Э. Тёрёка, который анализировал роман в контексте философских и эстетических вопросов, не на марксистской основе.¹

С 1980-х годов в Венгрии появляется больше научных исследований об «Идиоте» — диссертации, статьи и главы в сборниках, монографиях. Так, В. Лепакхин исследовал евангельские параллели и цитаты в романе «Идиот», выделив формы использования библейских мотивов и новозаветных аллюзий в указанном произведении, в том числе парафразы, прямые и скрытые цитаты из Нового Завета, и проанализировал толкование и переосмысление библейских мест, использование евангельских ситуаций в профанном контексте. Согласно выводу Лепакхина, хотя писатель ввел в характер князя Мышкина несовместимые с церковными и даже светскими представлениями черты, анализ романа показывает, что «Достоевский опирался на подробное, детальное, едва ли не дословное знание Евангелия и на христианскую традицию».²

Арпад Ковач посвятил две главы в своей монографии³ анализу специфики повествования в «Идиоте» (см. также с. 567 выше). Второй раздел книги посвящен структурным принципам романа. В главе «Выделение „псевдосюжетного“ повествования в романе „Идиот“» Ковач осмысляет степени компетентности повествователя как условия активного и последовательного выявления сюжета «прозрения» — таким образом в прозрении Мышкина исследователь усматривает новый уровень компетентности. Ковач указывает на принципиальную разницу между формой повествования в «Идиоте» и в других романах Достоевского. В главе «Прозрение Мышкина как точка зрения сюжетного повествования» дается детальный разбор структурных единств романа, исследуется функция главных персонажей в динамическом и драматическом разворачивании сюжета, уделяется особенное внимание модели возникновения внутренней двойственности героя.

¹ Török E. Dosztojevszkijről: [Utószó] // Dosztojevszkij: A félkegyelmű. Budapest, 1960. P. 705—726.

² Лепакхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот»: (Формальный уровень) // Dissertationes Slavicae. Szeged, 1984. T. 16. C. 91.

³ Ковач Арп. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985.

А. Хаваши в статье «Князь Мышкин и юродство Христа ради» рассматривает связь иконоподобия и юродства в образе героя. В результате тщательного анализа романа в контексте богословских и филологических работ она приходит к выводу, что «в романах Достоевского юродивые несут в себе черты Христа, в то время как сам Христос — или, в большинстве случаев, образ Христа, сияющий в героях, — характеризуется чертами юродивого».¹ В монографии Хаваши «Святые Достоевского. Православное начало положительно прекрасных героев»² одна из глав³ посвящена образу Мышкина. Автор книги исходит из концепции Ю. Н. Тынянова, согласно которой любой факт действительности может стать литературным фактом, и прослеживает способы и формы отражения православных религиозных представлений в образе Мышкина.

В центре исследований А. Хорват находится поэтика коллективного в романе «Идиот» и в европейской культуре.⁴ Автор прослеживает причины крушения стремлений героя создать братство, мир (в значении «космос») на почве светских («хаотических») общественных условий. Жанровую проблему романа-трагедии, известную по концепциям Вяч. И. Иванова и Ю. Мейер-Грефе, Хорват соотносит с межличностными конфликтами героев романа, учитывая, кроме того, философские идеи С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Льва Шестова и Н. А. Бердяева. В таком контексте рассматриваются кардинальные вопросы романа: Петербург—Москва, архаическое и современное общество, до- и послепетровский мир в России. Мышкина исследовательница считает катализатором, заставляющим окружение сталкиваться с драматичностью темных сил, познавать глубинные противоречия души.

В трудах Г. Шолти центральное место занимает анализ интертекстуальных связей в романе «Идиот». В своей диссертации⁵ автор рассматривает взаимосвязь различных уровней (событийного, мифопоэтического, символического), с помощью которой объясняет целостность истории, созидающейся в художественном мире «Идиота». Шолти посвящает обширный анализ выяснению смысла фигуры Мышкина — «бедного рыцаря», центральным для которого является мотив служе-

¹ Хаваши А. Князь Мышкин и юродство Христа ради // *Studia Slavica Hung.* 1999. Т. 44. С. 102.

² Havasi Á. Dosztojevskij szentjei. A pozitív szépségű hősök ortodox egyházi eredete. Budapest, 2008.

³ Testben élő angyal [Ангел во плоти] // *Ibid.* P. 12—35.

⁴ Horváth Á. A regényforma áttörése. Közösségteremtő kísérletek Dosztojevskij «A félkegyelmű» című regényében. [Прорыв романной формы. Попытки создания коллектива в романе Достоевского «Идиот»]. Diss. ... PhD / JATE. Szeged, 2000.

⁵ Solti G. Dosztojevskij: «A félkegyelmű». Miskin alakjának megformálása a poétikai történetmondás fényében. Diss. ... PhD / ELTE. Budapest, 2008.

ния.¹ Исследование функций интертекстов в «Идиоте» Шолти продолжает и в дальнейших статьях.²

Румынские читатели впервые ознакомились с «Идиотом» по фрагментам, опубликованным в журналах и газетах (Ероса. 1903. № 223 (18 august). Р. 2; Rivista modernă. 1901. № 39 (25 noiembrie). Р. 5—6, trad. de Matei Basarab; № 40 (2 decembrie). Р. 5).³ В Чехословакии ранний перевод романа датирован 1900 г. (отдельное издание 1903 г.) и принадлежит К.-В. Гавранеку. Критик О. Турчек обнаруживает черты князя Мышкина в образе Яна Вайянского из романа Б. Бенешевой «Человек» (1919—1920): «Оба в отношениях с людьми наивны, доверчивы и бесхитростны, как дети».⁴ Сербский журнал «Даница» («Danica») поместил информацию об «Идиоте» Достоевского в год его выхода в свет (1868).⁵ С 1894 г. перевод романа публиковался в журнале «Звезда» («Zvezda»), затем, в 1898 г., публикацию продолжил «Дневни лист» («Dnevni list»). В 1922 г. он вышел отдельным изданием в переводе З. Велимировича,⁶ признанном критикой неудовлетворительным.⁷ На хорватский язык роман перевела И. Великанович (Zagreb, 1934—1935).

Достоевский является одним из самых популярных русских писателей в Японии, и его произведения многократно переводились на японский язык. После Второй мировой войны были изданы три Полных собрания сочинений Достоевского на японском языке (в состав которых вошли и рукописи писателя).⁸ Роман «Идиот» переведен по крайней

¹ Solti G. A «kicsinyítő tükör» jelentésformáló szerepe Dosztojevszkij «A félkegyelmű» című regényében. [Роль «уменьшительного зеркала» в романе «Идиот» Достоевского] // Ösvények Turgenyev és Dosztojevszkij művészi világához. Párbeszéd-kötetek 1. Budapest, 2004. Р. 217—250.

² Solti G. Az utópikus gondolat kiteljesítése Dosztojevszkij «A félkegyelmű» című regényében. Miskin, Nasztaszja Filippovna és Kleopátra. [Развертывание утопической идеи в «Идиоте» Достоевского. Мышкин, Настасья Филипповна и Клеопатра] // Utópiák és ellenutópiák. Párbeszéd-kötetek 4. Budapest, 2010. Р. 113—129; Шолти Г. К истолкованию образа Настасьи Филипповны в свете пушкинских интертекстов. Об интертекстуальном смыслопорождении в романе Достоевского «Идиот» // In Honour of Peeter Torop 60. A Collection of Papers from Young Scholars. Budapest; Tartu, 2010. С. 208—227.

³ См.: Roman F. Literatura rusă și sovietică în limbă română. 1830—1959. Contribuții bibliografice. București, 1959. Р. 86, 245.

⁴ Turček O. Čechische Literatur und Dostojevskij // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1950. Bd. 1. S. 138.

⁵ См.: Babović M. Dostojevski kod Srba. Titograd, 1961. S. 13.

⁶ Ibid. S. 378.

⁷ Ibid. S. 397—398.

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 20 т., с дополнительным томом / Пер. М. Йонекавы. Токио, 1969—1971; ドストエフ

мере девять раз.¹ В последнее время в переводах утвердилась установка на простоту слога, с целью облегчить японским читателям восприятие текста, относящегося к чужой культуре и другому историческому времени. Переводы романа «Идиот» отличаются по степени полноты и точности. Лучшим считается перевод, подготовленный вице-президентом Международного общества Достоевского Т. Мотидзуки:² с одной стороны, переводчику удалось точно передать смысл слов и ритмику фраз оригинала, с другой — найденные стилистические приемы способствовали удобочитаемости текста. Благодаря этому, а также другим переводам современные японцы имеют возможность проникнуть в художественный мир романа.

История исследования произведений Достоевского в Японии представлена в статье Т. Киноситы,³ где названы основные работы, в том числе монографии, посвященные роману «Идиот». По мысли автора, «рецепция и изучение творчества Достоевского шли в следующих направлениях: изучение поэтики и художественного стиля писателя, его антропологии и религиозно-философских взглядов, описание

スキイ全集 (全20巻・別巻1) 河出書房新社 // 東京, 1969—1971; Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 27 т., с дополнительным томом / Пер. Т. Эгавы, С. Кудоу, Т. Хары и др. Токио, 1978—1980; ドストエフスキー全集 (全27巻・別巻1); 新潮社 // 東京, 1978—1980; Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 22 т., с дополнительным томом / Пер. Х. Конума. Токио, 1962—1991; ドストエフスキー全集 (全22巻・別巻1). 筑摩書房 // 東京, 1962—1991. В дополнительных томах указанных изданий опубликованы переводы русскоязычных исследований по творчеству Достоевского.

¹ Имеются в виду следующие переводы: Хосода Г. (Токио, 1920); 白痴 // ドストイェフスキー全集. 第4巻. ドストイェフスキー全集刊行会 // 東京, 1920; Исихама К. (Токио, 1924); 白痴 // 春陽堂訳述叢書. 春陽社 // 東京, 1924; Йонекава М. (Токио, 1941); 白痴 // 岩波文庫. 岩波書店 // 東京, 1941; Накаяма С. (Токио, 1948); 白痴. 壮文社 // 東京, 1948; Конума Х. (Токио, 1951); 白痴 // 新潮文庫. 新潮社 // 東京, 1951; Кутагаки Н. (Токио, 1974); 白痴. 世界文学全集 42巻・43巻. 講談社 // 東京, 1974; Кимура Х. (Токио, 1969); ドストエフスキーIII 白痴 // 新潮世界文学 12. 新潮社 // 東京, 1969; Мотидзуки Т. (Токио, 2010) 白痴 // 河出文庫. 河出書房新社 // 東京, 2010; Камэяма И. (Токио, 2018) 白痴 // 光文社古典新訳文庫. 光文社 // 東京, 2018.

² Кроме того, в 2010 г. перевод романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, выполненный Т. Мотидзуки, получил первую премию в конкурсе Пушкинского Дома на лучший перевод произведений русской литературы.

³ Киносита Т. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Д. Материалы и исследования. Т. 20. С. 194—219. См. также: Киносита Т. Творчество Ф. М. Достоевского: Проблема авторской позиции. СПб., 2017. С. 63—120.

его произведений в историко-культурологическом аспекте, а также в рамках современного объективизма и с использованием средств психоанализа и современного „натурализма”». ¹ Киносита упоминает три монографии о романе «Идиот». Первая из них — «Прочтение романа „Идиот”» (1979) ² — принадлежит К. Арая, который перевел на японский язык книгу М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Арая анализирует роман «Идиот», опираясь на ключевые понятия, которые являются пружинами развития действия в произведении («предчувствие», «ожидание», «вдруг» и др.). Кроме того, исследователь уделяет внимание евангельским цитатам и аллюзиям в романе Достоевского. В монографии «Разгадка романа „Идиот”» (1994) ³ известного русиста Т. Эгавы применены метод мифопоэтического анализа текста с привлечением широкого круга фольклорных источников и метод лингвистической этимологии, показывающий историю некоторых мотивов и слов. В частности, образ Настасьи Филипповны в этой книге рассматривается в контексте темы хлыстовства, как известно, интересовавшей Достоевского, в том числе в период работы над романом «Идиот» (см. с. 602). М. Томиока в книге «Зеленая занавеска — „Идиот” Достоевского и Рафаэль» (2001) ⁴ особое внимание уделила финальной сцене романа, в художественных деталях которой увидела аналогии с содержанием картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна», неоднократно упоминаемой в произведениях писателя и имевшей для Достоевского особое религиозное и эстетическое значение (см.: 7, 421—422).

В дополнение к работам, указанным Киноситой, следует отметить другие исследования о романе «Идиот». ⁵ Интерес к этому произведению возрос благодаря японскому кинематографу (см. также § 12). Самая большая работа на эту тему — монография С. Такахаси «Прочтение романа „Идиот” вместе с Акирой Куросавой» (2011). ⁶ Автор пред-

¹ Там же. С. 197.

² Арая К. «Хакути» о ёму (Прочтение романа «Идиот»). Токио, 1979; 『白痴』を読む. 白水社 // 東京, 1979.

³ Эгава Т. Надзо токи «Хакути» (Разгадка романа «Идиот»). Токио, 1994; 謎解き『白痴』. 新潮社 // 東京, 1994.

⁴ Томиока М. Мидори иро но каатэн — Достоевский но «Хакути» то Рафаэро (Зеленая занавеска — «Идиот» Достоевского и Рафаэль). Токио, 2001; 緑色のカーテン—ドストエフスキーの『白痴』とラファエロ. 未来社 // 東京, 2001.

⁵ См., кроме того, перевод на японский язык книги «Трагедия красоты» А. Л. Волынского: Уруинсукий. Би но хигэки — Достоевский «Хакути» кэнкю — (А. Л. Волынский. Трагедия красоты. Изучение романа «Идиот»). Токио, 1974; ウォルインスキー. 美の悲劇—ドストエフスキー『白痴』研究—. みすず書房 // 東京, 1974. Пер. О. Каори.

⁶ Такахаси С. Куросава Акира де «Хакути» о ёму (Прочтение романа «Идиот» вместе с Акирой Куросавой). Иокогама, 2011; 黒澤明で『白痴』を読む. 成文社 // 横浜, 2011.

ложил трактовку романа, опираясь как на свои исследования, так и на работы других специалистов, изучающих творчество Достоевского (в частности, Р. Писа). Чтобы снять фильм по такому большому роману, как «Идиот», режиссеру неизбежно приходится упрощать сюжетные линии и сокращать содержание текста. Но Куросаве, с точки зрения Такахаси, удалось передать главное: для режиссера князь Мышкин — «положительно прекрасный человек». В книге, кроме того, говорится о влиянии романа «Идиот» на другие фильмы Куросавы (прежде всего, «Скандал», «Рай и ад», «Красная борода», «Сны»).

Такахаси противопоставил взгляды Куросавы и критика Х. Кобаяси на Мышкина, а также отрицательно оценил невнимание Кобаяси к второстепенным персонажам и побочным сюжетным линиям романа.¹ Творчество Кобаяси в последнее время оказалось в центре внимания японских русистов — в частности, его книга «О романе „Идиот“» в двух частях — одна написана перед Второй мировой войной,² другая после нее.³ Киносита указывает на два источника книги Кобаяси — исследование «Достоевский (1821—1881): новая биография» (1931), написанное английским историком Э. Х. Карром, и книгу французского писателя А. Жида «Достоевский» (1923). По мнению Киноситы, Кобаяси хорошо чувствовал и понимал Достоевского несмотря на то, что в его время материалов о творчестве писателя было немного.⁴ Кобаяси не был специалистом по русской литературе и не мог читать по-русски, а его книга «О романе „Идиот“» написана более 50-ти лет назад, однако ее читают и оценивают в наши дни. Например, обращает на себя внимание мысль Кобаяси о том, что Мышкин вернулся в Россию не из Швейцарии, а из Сибири. По мнению исследователя, важно обратить внимание на тот факт, что Достоевский написал роман «Идиот» после «Преступления и наказания», в финале которого заходит речь о «новом

¹ Такахаси С. Куросава Акира то Кобаяси Хидэо — «Туми то бату» о мэгуру сидзукана кэтто (Акира Куросава и Хидэо Кобаяси — Тихий поединок вокруг романа «Преступление и наказание»). Июкогама, 2014; 黒澤明と小林秀雄 — 「罪と罰」をめぐる静かなる決闘. 成文社 // 横浜, 2014. Слова «Тихий поединок» — аллюзия на одноименный фильм Куросавы.

² Кобаяси Х. «Хакути» ни туйте I (О романе «Идиот» I) // Кобаяси Хидэо дзэнсю. Полн. собр. соч.: В 13 т. Токио, 1978. Т. 6. С. 70—115; 「白痴」についてI 小林秀雄全集全13巻. 新潮社 // 東京, 1978. 70—115頁.

³ Кобаяси Х. «Хакути» ни туйте II (О романе «Идиот» II) // Кобаяси Хидэо дзэнсю. Полн. собр. соч.: В 13 т. Токио, 1978. Т. 6. С. 264—340; 「「白痴」についてII 小林秀雄全集全13巻. 新潮社 // 東京, 1978. 264—340頁.

⁴ Киносита Т. Кобаяси Хидэо то соно доудзидайдзин но Достоевский кан // Достоевский но сакка дзоу (Взгляды Хидэо Кобаяси и его современников на Достоевского // Авторский образ Ф. М. Достоевского). Нагано, 2016. С. 77—135; 「小林秀雄とその同時代人のドストエフスキー観」ドストエフスキーの作家像. 鳥影社 // 長野, 2016. 77—135頁.

истории, истории постепенного обновления человека» (6, 474). Кобаяси заключил, что «Идиот» — это в некотором смысле продолжение романа «Преступление и наказание» и что Мышкин — это продолжение, развитие образа Раскольникова, отражающее новое понимание героя и новые задачи автора (см. выше, с. 474, 652). Кроме того, по мнению исследователя, важно, что в черновиках «Идиота» Мышкин более похож на Свидригайлова и заметно отличается от персонажа, которого мы знаем по окончательному тексту романа. Вспоминая о Свидригайлове, Кобаяси обратил внимание на неоднозначный и трагический характер «положительно прекрасного человека». На связь между романами «Преступление и наказание» и «Идиот» указывал и Тадаси Симидзу (вероятно, под влиянием Кобаяси), отрицая, однако, мнение о том, что Мышкин — это вернувшийся из каторги Раскольников.¹ При этом неоднозначный характер Мышкина является главной темой в монографиях обоих исследователей.

В 2013 г. вышла книга еще одного автора, Такаёси Симидзу, — «Прочтение романа „Идиот“ — Достоевский и нигилизм». Исследователь подробно рассмотрел отношение каждого персонажа к данной проблеме и пришел к выводу о том, что Мышкин близок к нигилизму, как и другие герои: когда Мышкин был в Швейцарии, он испытывал чувства, близкие к описанным Ипполитом Терентьевым в «Необходимом объяснении»; Ипполит страдал от того, что ощущал себя «выкидышем» на пиру жизни (8, 381), — Мышкину это ощущение также свойственно («всему чужой и выкидыш» — 8, 391). Именно поэтому Мышкин, как считает исследователь, может чувствовать боль тех, кого мучают нигилистические мысли.²

В 2019 г. в серии «Современное чтение классики» вышла монография С. Банба «После „века лица“ — перечитывание „Идиота“ Достоевского».³ Автор связывает слова «век лица» с периодом первой пол. XIX в. (когда получила распространение теория физиогномики И.-К. Лафатера) — первой пол. XX в. (появление метода крупного плана в кино). Банба, опираясь на разные теории (Р. Барта, М. М. Бахтина, Ж. Делёза, Дж. Агамбена, теорию кино С. М. Эйзенштейна, С. Крипке), исследует концепт «лицо» в романе «Идиот»

¹ Симидзу Тадаси. Достоевский «Хакути» но сэкай (Мир романа «Идиот» Достоевского). Нагано, 1991. С. 5—193; ドストエフスキー『白痴』の世界. 鳥影社 // 長野, 1991. 5—193頁.

² Симидзу Такаёси. «Хакути» о ёму — Достоевский то нихиридзуму (Прочтение романа «Идиот» — Достоевский и нигилизм). Фукуока, 2013; 『白痴』を読む—ドストエフスキーとニヒリズム. 九州大学出版会 // 福岡, 2013.

³ Банба С. После «века лица» — перечитывание «Идиота» Достоевского. Токио, 2019. (Сер. «Современное чтение классики»); 顔の世紀の果てに—ドストエフスキー『白痴』を読み直す (今読む! 名著). 現代書館 // 東京, 2019.

в разных значениях («лицо, выражающее внутренний мир человека», «лицо идентифицирующее», «лицо, которое можно познавать только через другого человека» и др.). В книге анализируются фотография-портрет Настасьи Филипповны, каллиграфия князя Мышкина (почерк как отражение лица, личности), картина «Мертвый Христос» Гольбейна, финальная сцена в доме Рогожина. Банба понимает трагедийность романа в «потере лица», проводит параллели с современными проблемами информационного общества, поэтому исследование становится и социальной критикой нашего времени.

Работы японских авторов о романе «Идиот» указывают на тенденцию исследовать в образе Мышкина черты неидеальности, внутренние противоречия и отрицательные стороны, по сравнению с утвердившимся в России восприятием Мышкина как «положительно прекрасного человека» (хотя, как известно, в последнее время и российские исследователи обнаруживают подобные взгляды — см. выше, с. 559—560).

В Китае интерес к Достоевскому, по сравнению с другими русскими писателями, проявился достаточно поздно. Первый перевод (рассказ «Честный вор») на китайский язык был выполнен в 1920 г. Только в 1935 г. роман «Идиот» был переведен Гау Тау с английского языка и опубликован в журнале «Литературный сезон» (№ 1—4). В 1943 г. в городе Чун Цин (тогда временной столице Китая в период японской оккупации) появилось книжное издание романа в переводе Гау Тау и Сю Сяцунь. В 1946 г. вышел в свет перевод «Идиота», подготовленный Гэн Цзичжи с русского языка, в Шанхае, в издательстве Кайминь (上海开明书店). В 1930—1940 гг. интерес к творчеству Достоевского в Китае значительно вырос. В 1946 г. вышло в свет собрание избранных сочинений Достоевского. В 1947 г. переводчик Вэй Сунъю собирался издать Полное собрание сочинений писателя, но план не был осуществлен из-за гражданской войны. Однако в Шанхае в 1950—1953 гг. было выпущено Полное собрание сочинений Достоевского в девяти томах.¹

Особенностью восприятия литературного творчества в первой половине XX в. было то, что критика опережала перевод самого произведения на китайский язык (роман читали на английском языке). В это время были опубликованы многие критические статьи о творчестве Достоевского, написанные известными писателями-критиками, такими как Лу Синь, Шэнь Яньбинь (псевдоним Мао Дунь), Чжен Чженьдо и др. Первые весомые суждения о романе «Идиот» высказал Шэнь Яньбинь в 1919 г. Он считал, что Достоевский стремился создать образ идеальной личности, прототипом которого был сам Христос, и главная тема романа — грехопадение и спасение человека.² Драматург-кри-

¹ См. подробнее: Чэнь Синьюй. О роли и влиянии Достоевского в Китае // *Д. Материалы и исследования*. Т. 20. С. 301—302.

² Шэнь Яньбинь. Л. Толстой и русская литература // *Студенты: [Журнал]*. 1919. Т. 1. № 4—6 (沈雁冰《托尔斯泰于俄国文学》，见《学生杂志》，1919年第1卷第4—6号。).

тик Тянь Хань в статье «Взгляд на русское литературное направление» ставил творчество Достоевского выше произведений Тургенева и Л. Н. Толстого, отмечая, что писатель сформулировал идею почвенничества и проблему двойничества в том виде, в каком эти вопросы не ставились другими авторами.¹ Более глубокое и подробное толкование о романе «Идиот» обнаруживается в статье известного критика Чан Фэн, где он сравнивал образы Мышкина и Алеши Карамазова. Он писал, что оба героя, будучи истинно верующими, с жалостью и состраданием обращаются к окружающим, но разница в том, что Мышкин оказывается погруженным в человеческие страсти и споры, а Алеша стремится к трансцендентной высоте бытия. Критик характеризовал качества Мышкина в проекции на образ Христа и тему страдания.² Такой подход позволил проникнуть в сердцевину творчества писателя и явно отличался от распространенного в период демократического движения «Четвертого Мая» по 1949 г. взгляда, центром которого были социальное неравенство и теория среды. Встречалось и другое мнение, согласно которому Мышкин характеризовался как представитель больной психологии, пример слабой личности, не соответствующей реальной ситуации социальной борьбы.³

Стоит упомянуть, что многие писатели-критики были знакомы с работами философов XX в., в том числе с английским переводом книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (под названием: *Tolstoi as a Man and Artist with an Essay on Dostoïevski. By Dmitri Merejkovski, author of «The Death of the Gods», «The Romance of Leonardo da Vinci», etc. New York; London, 1902*), что отчасти объясняло глубину анализа творчества Достоевского. Однако систематическое и объективное изучение его произведений еще не сложилось. Подавляющее большинство мнений соответствовало «демократической» идеологии.

После создания КНР критика о Достоевском стала эхом советской вульгарной социологии: произведения интерпретировались сквозь призму идей социальной революции. Сенсационным событием стал показ советского фильма «Идиот» реж. И. А. Пыррева, переведенного в 1959 г. на китайский язык Шанхайской киностудией дублирования фильмов. Вокруг кинокартины развивались бурные споры о разращении человека в буржуазном обществе. Голоса дикторов, озвучивавших фильм, в сочетании с актерской игрой способствовали созданию незабываемых образов Мышкина и Настасьи Филипповны, произведя по-

¹ Тянь Хань. Взгляд на направление русской литературы // Минь Дуо: [Журнал]. 1919. № 6 (田汉《俄国文学思潮之一瞥》, <民铎>杂志, 1919第6期.).

² Чан Фэн. О «Идиоте» Достоевского // Кайминь: [Журнал]. 1948. № 4 (常风《陀思妥也夫斯基的白痴》, 见《开明》1948年, 新4号.).

³ См.: Пин Вань. Русская литература. Шанхай, 1933 (平万《俄罗斯的文学》, 上海亚东图书馆, 1933年.).

трясающее впечатление на китайских зрителей. Этот фильм был единственной кинопостановкой по мотивам романа «Идиот», появившейся в Китае.

После так называемой культурной революции (1966—1976) исследование творчества Достоевского достигло нового уровня благодаря политике реформ. С 1990-х годов появились новые исследования романа «Идиот» на основе мирового опыта, в том числе русской религиозной философии. В этих критических работах анализируются центральные проблемы творчества писателя, такие как вопрос о спасении и значение мотива «мир спасет красота», а также эсхатологические и антропософские взгляды Достоевского.¹ Кроме того, в этот период получила значительное развитие переводческая деятельность и появились новые переводы произведений Достоевского. В настоящее время существует более двадцати переводов романа «Идиот», многие из них были изданы несколько раз.

12

К 1887 г. относится первая в России известная нам попытка перенести роман «Идиот» на сцену. Начиная с этого времени и до 1896 г. включительно в Главное управление по делам печати поступили под разными названиями («Настасья Филипповна», «Идиот», «Рыцарь бедный», «Князь Мышкин») инсценировки, составленные И. М. Познером, Я. Янкевичем, А. Леманом, А. Г. Красевой, Н. Стенсоном, А. М. Свечиным, Л. В. Платоновым и В. Н. Кельш. На все эти пьесы был наложен запрет, основанием к которому послужило отрицательное отношение цензурного ведомства к самой идее театрального воплощения романа. Так, например, в заключении по «делу» о драматургическом переложении романа А. М. Свечиным говорится: «Роман Достоевского „Идиот“ по содержанию своему, по выведенным в нем характерам неудобен к переделке для сцены. То тяжелое, безотрадное чувство, которое он вселяет в читателя, становится еще сильнее для зрителей <...>. Человек семейный, пожилой, с положением в обществе, соблазняет опекаемую им девушку и делает из нее свою содержанку. Их окружают все личности грязные, двусмысленные. Пессимистический взгляд на жизнь и общество Достоевского проявляется ярче, усугубляется при придаче его творениям драматической формы и делает из них какой-то сплошной протест против существующего общества».² Кроме

¹ См.: Чжао Гуйлян. Скипающая душа — Достоевский и русская традиционная культура. Пекин, 2002 (赵桂莲《漂泊的灵魂 — 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化》, 北京大学出版社, 2002年.).

² См.: Орнатская Т. И., Степанова Г. В. Романы Достоевского и драматическая цензура (60-е гг. XIX в. — начало XX в.) // Д. Материалы и исследования. Т. 1. С. 278, подробнее на с. 275—281. Описа-

того, на запрет мог повлиять характер восприятия романного сюжета. Театр 1880—1890 гг. поставил в центр внимания образ Настасьи Филипповны: ее яркая судьба с фатальным финалом казалась подходящим материалом для спектакля. Безусловно положительный, лишенный внутреннего конфликта князь Мышкин выполнял риторическую функцию резонера — защитника оскорбленной женщины. Сосредоточившись на образе Настасьи Филипповны, театр акцентировал тему порочности общества, однако цензура смутило то, что главной героиней пьесы будет содержанка, ставшая объектом купли-продажи.

Первые постановка «Идиота» была разрешена лишь в 1899 г. По одной и той же инсценировке В. А. Крылова и С. Сутугина¹ 11 октября состоялась премьера спектакля в Малом театре в Москве, а 4 ноября — в Александринском театре в Петербурге. В обоих театрах в «Идиоте» были заняты известные актеры, творческие возможности которых ограничивались, по общему мнению рецензентов, рамками сценария, существенно обедняющего содержание романа. В Малом театре роли исполняли: Н. И. Васильев (Мышкин), М. Н. Ермолова (Настасья Филипповна), А. А. Яблочкина (Аглая), Н. М. Подарин (Рогожин), П. М. Садовский (Фердыщенко), В. А. Макшеев (генерал Иволгин); в Александринском театре: Р. Б. Аполлонский (Мышкин), М. Г. Савина (Настасья Филипповна), В. Ф. Комиссаржевская (Аглая), М. В. Дальский (Рогожин), К. А. Варламов (Фердыщенко), П. М. Медведев (генерал Иволгин), Ю. М. Юрьев (Ганя).

Несмотря на участие М. Н. Ермоловой, спектакль в Малом театре был холодно принят публикой и получил неблагоприятные отзывы в прессе.² Критики объяснили провал трудностями перевода литературного произведения в драматическое. Писали о том, что сюжетные положения, выбранные из романа для сцены, не позволили актерам раскрыть внутренний мир героев.³ Премьера спектакля в Александрин-

ние дореволюционных инсценировок, хранящихся в Санкт-Петербургской гос. театральной библиотеке (ранее — Ленинградская гос. театральная библиотека им. А. В. Луначарского), см.: Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 1921. 30 октября (2 ноября). С. 28—29.

¹ Крылов В. А., Сутугин С. [Этингер О. Г.] Идиот: Драма в 5 действиях, переделанная из романа Ф. М. Достоевского // Сцена: Драм. сб. [М.], 1899. Вып. 7.

² См., например: Г. Театр и музыка // Русский листок. 1899. 12 октября. С. 3; Кичеев П. Театр и музыка // Русское слово. 1899. 14 октября. С. 2—3; По театрам // Московский листок. 1899. 14 октября. С. 3; Театр и музыка // Русское слово. 1899. 12 октября. С. 3.

³ См. подробнее: —ин. [Фейгин Я. А.] Письма о современном искусстве // Русская мысль. 1899. № 11. С. 203—205. О Мышкине в исполнении Васильева см.: И—т. [Игнатов И. Н.] «Идиот», драма в 5-ти д. Крылова и Сутугина по роману Достоевского // Русские ведомости. 1899.

ском театре, напротив, вызвала почти единодушное одобрение публики. Успеху способствовал блестящий актерский состав. Савиной удалось создать сильный эмоциональный центр произведения, вокруг которого сосредоточилось действие.¹ Как писал В. М. Дорошевич, «собственно, пьеса „Идиот” и не идет на Александринской сцене. Идет драма „Настасья Филипповна”, с г-жой Савиной в главной роли».² Высоко была также оценена работа Аполлонского, хотя некоторые критики отметили проповеднический тон актера, лишаящий его героя наивности романного князя Мышкина.³ В ранних театральных постановках по роману «Идиот» нравственно-философский смысл образа князя Мышкина упрощался до моральной проповеди, а сам герой оставался в тени сильной женщины и ее трагической борьбы с миром.⁴

Сохранились сведения об исполнении роли Мышкина Л. М. Леонидовым (во время гастролей в 1900—1901 гг. киевской театральной труппы Н. Н. Соловцова) и Н. Н. Ходотовым, участвовавшим в 1902 г. в поездке М. Г. Савиной в Москву, Киев и Одессу. В обновленной постановке Александринского театра 1907 г. Ходотов впервые попытался сделать Мышкина центром сценического действия, изобразив его в виде священного безумца.⁵ Однако в последующих театральных работах действие снова сосредоточилось вокруг образа Настасьи Филипповны,

13 октября. С. 3; *Старый театр*. [Гнедич П. П.] <Без названия> // Театр и искусство. 1899. № 45. С. 793—794.

¹ О Савиной в роли Настасьи Филипповны см.: Д—ов А. [Деянов А. И.] Театральный курьер // Петербургский листок. 1899. 6 ноября. С. 3; Дорошевич В. М. М. Г. Савина // Театральная критика Власа Дорошевича. Минск, 2004. С. 187; Скептик. [Вейнберг П. И.] Вслух // Гражданин. 1899. 7 ноября. С. 7—8; Эфрос Н. Женское дело // Кончина Савиной: В 2 т. М., 1916—1917. Т. 2. С. 97.

² В. Д. [Дорошевич В. М.] Театр и музыка // Россия. 1899. 10 ноября. С. 3.

³ *Ното повис*. [Кугель А. Р.] <Без названия> // Театр и искусство. 1899. № 46. С. 811; *Ното повис*. [Кугель А. Р.] Театральное эхо // Петербургская газета. 1899. 5 ноября. С. 5; А. Ф. [Фонштейн А. С.] Театр и музыка // Новости и Биржевая газета. 1899. 5 ноября. С. 3. О. И. Перельман критиковал инсценировщиков романа за нравоучительные реплики, которые в пьесе произносит Мышкин: Дымов О. [Перельман О. И.] <Без названия> // Театр и искусство. 1899. № 46. С. 810—811.

⁴ См. об этом: Дмитриевская М. Ю. М. Н. Ермолова, М. Г. Савина — история одной роли // Петербургский театральный журнал. 2003. № 2. С. 42—44.

⁵ Марков П. А. Александринцы. «Идиот», «Роман» // Марков П. А. О театре: В 4 т. М., 1976. Т. 3: Дневник театрального критика. С. 51—54.

как, например, в спектакле 1913 г. Ф. Ф. Комиссаржевского в театре К. Н. Небольсина,¹ в любительской постановке 1925 г. И. А. Рубинштейн в Париже,² в работе 1933 г. В. Н. Яхонтова.³ После революции «Идиот» был возобновлен в Академическом театре драмы (бывшем Александринском театре) в 1921 г.⁴ В 1920—1940 гг. Ходотов продолжал с успехом играть Мышкина, а выдающимися исполнительницами роли Настасьи Филипповны были Е. Н. Гоголева и В. Н. Пашенная (в Москве); Е. И. Жихарева и Е. И. Тиме (в Ленинграде).

В 1910 г. П. И. Чардынин предпринял первую попытку экранизации романа «Идиот». Она представляла собой 22-минутный фильм, составленный из отдельных киноиллюстраций к роману с пояснительными надписями. Режиссер не столько интерпретировал текст, сколько старался точно показать основные сюжетные моменты на экране: короткометражная немая картина иллюстрировала ключевые сцены произведения.⁵

Новый виток интереса к роману «Идиот» пришелся на культуру эпохи «оттепели». Искусство второй половины 1950-х годов обратилось к образу «положительно прекрасного человека» в поисках гуманистического идеала, помогающего осмыслить жестокий исторический опыт XX в. В фильмах и спектаклях этого времени фигура князя Мышкина стала духовным центром действия, даже если сюжетное движение по-прежнему концентрировалось вокруг Настасьи Филипповны.

Значительным явлением театральной жизни стал созданный в 1957 г. Г. А. Товстоноговым спектакль Большого драматического театра им. М. Горького в Ленинграде «Идиот», особенно благодаря исполнению роли Мышкина И. М. Смоктуновским. Остальные три основные роли были представлены Н. А. Ольхиной и позднее Э. А. Поповой (Настасья Филипповна), Е. А. Лебедевым (Рогожин), В. М. Талановой (Аглая). Постановка Товстоногова открыла новую страницу в осмыслении Достоевского на сцене. О работе И. М. Смоктуновского, исполнившего центральную роль, писали как о крупном событии в теат-

¹ Об этом спектакле см.: Марков П. А. Из лекций о дореволюционном театре // Там же. Т. 1: Из истории русского и советского театра. С. 335—336; Рудницкий К. Л. Пути трагедии // Рудницкий К. Л. Русское режиссерское искусство: 1908—1917. М., 1990. С. 447—448.

² См. критический разбор спектакля в обзоре: Сухачев. С. 748.

³ См. воспоминания актера о работе над образом Настасьи Филипповны: Яхонтов В. Н. «Настасья Филипповна» // Яхонтов В. Н. Театр одного актера. М., 1958. С. 309—315.

⁴ Перечень рецензий на эту и последующие постановки см.: Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. М., 1968 (по указателю).

⁵ Зоркая Н. М. Русская школа экранизации // Зоркая Н. М. История советского кино. СПб., 2005. С. 39—40.

ральном мире.¹ Эмоциональный фон зрительских откликов свидетельствовал о том, что герой Достоевского был воспринят современниками на грани эстетического и этического: образ князя Мышкина принимали как чудо явления праведника, как откровение о силе доброты и прощения. По словам помощника режиссера Р. Б. Сироты, на сцене БДТ «состоялся выход живого человека за рамки романа».²

Е. И. Горфункель объясняет потрясенную реакцию зала точным попаданием актера в ожидания эпохи. «Оттепелый» князь Мышкин казался подчеркнуто слабым, почти беспомощным: он «не совершал и, казалось, не мог совершить никакого подвига»; «в минимуме героического благообразия ему было отказано, он был даже несколько убог».³ Нравственный протагонист 1950-х годов не судил жестокий мир и не пытался исправить его насилием; сила Мышкина заключалась в его сострадании и абсолютной любви к людям. Смоктуновский показал радость жизни, открытость по отношению к собеседникам, отсутствие гордыни, и вместе с тем заострил роковую трагическую вину героя. Мышкин не был однозначным, как в театре рубежа веков. Работая над ролью, актер сразу наметил глубину героя, не допускающую однолинейного прочтения: «Не впадать в благостность»; «Херувимчика не нужно».⁴

Современники почувствовали в образе главного героя след трагических потрясений эпохи. По утверждению Н. Н. Епишева, князь Мышкин Смоктуновского напоминал советского человека, который чудом выжил в катастрофах XX в.; тема возвращения из ниоткуда была близка поколению, начинавшему жизнь заново после войны и лагерей.⁵ Актуальное прочтение классического текста постепенно входило в замысел режиссера и актера. Товстоногов «узнал» глаза Мышкина в образе лейтенанта Фарбера, интеллигента на войне в фильме А. Г. Иванова «Солдаты».⁶ Малоизвестный исполнитель был приглашен на

¹ См., например: *Берковский; Борисова А.* Смоктуновский — Мышкин в спектакле Большого драматического театра им. М. Горького «Идиот» // *Театральный Ленинград*. 1958. № 11. С. 10—12; *Горелов А.* Князь Мышкин и другие // *Нева*. 1958. № 6. С. 175—181; *Измайлова С.* Сила чистоты души // *Вечерний Ленинград*. 1958. 11 марта. С. 3.

² *Сирота Р. Б.* «Идиот» Смоктуновского / Публикация Л. Мартыновой // *Петербургский театральный журнал*. 1996. № 9. С. 81.

³ *Горфункель Е. И.* Открылась дверь // *Горфункель Е. И.* Смоктуновский. М., 1990. С. 24—25.

⁴ *Цит. по: Егошина О. В.* Князь Мышкин // *Егошина О. В.* Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского. М., 2004. С. 28.

⁵ *Епишев Н. Н.* Как поставили Достоевского в БДТ: (Портрет поколения в свете постановки «Идиота», Мышкин — И. Смоктуновский) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 340—346.

⁶ *Беньяш Р. М.* Мастерство: К юбилею Г. А. Товстоногова // *Театр*. 1973. № 12. С. 65—66.

центральную роль в постановку БДТ, однако работа с произведением Достоевского долго не давалась актеру. Уникальная пластика Смоктуновского — болезненная и одновременно изящная — родилась из наблюдений за человеком, прошедшим через сталинские репрессии.¹ Катарсическая высота финала определялась тем, что, даже потеряв разум, Мышкин сохранил способность сострадать «мучке друга, мучке брата, который убил».²

В 1958 г. режиссером А. И. Ремизовой была осуществлена постановка «Идиота» в Государственном драматическом театре им. Евг. Вахтангова в Москве с Н. О. Гриценко (Мышкин), Ю. К. Борисовой (Настасья Филипповна), М. А. Ульяновым (Рогожин) и Л. В. Целиковской (Аглая). На фоне блестящей работы Товстоногова спектакль, поставленный Ремизовой, не имел большого успеха. Исполнитель главной роли Н. О. Гриценко создал образ физически и душевно больного Мышкина, вызывающего в окружающих жалость.³ В 1979 г. вышла телевизионная версия спектакля с Е. К. Карельских в роли Мышкина.

В 1950—1960 гг. «Идиот» вошел в репертуар многих театров страны. В особенности обратили на себя внимание зрители и вызвали печатные отклики спектакли, поставленные по этому роману Псковским драматическим театром им. А. С. Пушкина (1956), Русским драматическим театром им. К. С. Станиславского в Ереване (1962), Литовским драматическим театром в Вильнюсе (1965), Театром Коми АССР в Сыктывкаре (1965) и Академическим Художественным театром им. Я. Райниса в Риге (1969).

Эпоха «оттепели» была отмечена еще одной значительной интерпретацией образа князя Мышкина. В 1958 г. на советские экраны вышла картина И. А. Пырьева «Идиот» (ч. 1, «Настасья Филипповна») с Ю. В. Яковлевым и Ю. К. Борисовой в главных ролях. Признание этой работы крупным достижением советского искусства подкрепилось Второй премией на Всесоюзном кинофестивале в 1959 г. Фильм решал важную задачу — включить творчество писателя-классика в современную массовую культуру. Так же как Товстоногов, Пырьев обратился к роману в поисках нравственного идеала, однако считал необходимым очистить образ «положительно прекрасного человека» от болезненных черт, с которыми ассоциировал христианскую проблематику. Чтобы

¹ О напряженной работе Смоктуновского над образом князя Мышкина см.: Смоктуновский И. М. Свет // Смоктуновский И. М. Быть! М., 1999. С. 78—88; Шварц Д. М. Разрозненные заметки / Публикация Е. Шварц // Петербургский театральный журнал. 1998. № 15. С. 143—144.

² Сирота Р. Б. «Идиот» Смоктуновского. С. 83.

³ Берковский. С. 579—580. См. также о данной постановке: Wdowińska I. Юрий Олеся над страницами романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Prace Rusycystyczne IV / Pod redakcją Janusza Henzla. Kraków, 1973. С. 81—91.

ослабить евангельский подтекст, Пырьев сделал акцент на теме власти денег.¹ Конфликт protagonista с несовершенным миром приобрел актуальный социалистический акцент: бескорыстный человек противопоставлен порочному буржуазному обществу. Главным противником Мышкина стал Ганя, страстный теоретик закона купли-продажи.

Пырьев вспоминал о том, что написал сценарий к фильму еще в 1947 г., но не решался приступить к съемкам, не видя исполнителя, равнозначного центральной роли. Случайную встречу с Ю. В. Яковлевым он описывал как мгновенное попадание в образ князя Мышкина: просматривая кинопробы для другого фильма, режиссер увидел в актере то же благородство и обаяние, что в герое Достоевского, «те же глаза — глубокие, умные, добрые».² Князь Мышкин в интерпретации Яковлева полон юношеского идеализма и альтруизма, в его отношениях с миром нет неразрешимого трагического конфликта или роковой вины.³

Хотя Пырьев упростил философскую проблематику романа, кинокартина сохранила глубинную связь с миром Достоевского, во многом на уровне художественного метода. Оператор В. Е. Павлов сделал акцент на крупной портретной съемке, привлекавшей внимание к лицам и особенно глазам героев. Современники положительно отметили тонкую работу со светом и тенью, вызывавшую ассоциации с определением «рембрандтовское освещение».⁴ Советские зрители почувствовали соотнесенность образа князя Мышкина с идеалом; их живой отклик отразился в высказывании одного из рецензентов: «Свет его ясной души словно озаряет картину».⁵

Князь Мышкин конца 1950-х годов, утверждающий приоритет чувства над разумом и безусловную веру в силу добра, не мог существовать вне гуманистического подъема эпохи «оттепели». В 1966 г. Товстоногов возобновил спектакль «Идиот», однако Смоктуновский играл уже другого Мышкина — с первых сцен предчувствующего свою трагическую судьбу, сознательно идущего на жертву ради

¹ Если Товстоногов в своей инсценировке намеренно ослабил тему купли-продажи, то Пырьев видел в ней смысловой центр произведения. См. об этом в заметках режиссеров: Пырьев И. А. Размышления о поставленном фильме: («Идиот» по роману Достоевского) // Искусство кино. 1959. № 5. С. 91—102; Товстоногов Г. А. Вечное беспокойство // Советская культура. 1966. 26 апреля. С. 3.

² Пырьев И. А. Размышления о поставленном фильме: («Идиот» по роману Достоевского). С. 99.

³ См. об этом: Погожева Л. П. Без мистики // Погожева Л. П. Произведения Достоевского на советском экране. М., 1971. С. 16—26.

⁴ Андриканис Е. Язык кино должен быть прекрасен // Сов. культура. 1958. 25 октября. С. 3.

⁵ Бауман Е. На экране — герои Достоевского // Сов. культура. 1958. 13 мая. С. 3.

других.¹ По словам одного из критиков, актер встал на «позицию нравственного превосходства, с высоты которой судит мир».² В этом же году Смоктуновский исполнил роль сниженного двойника Мышкина — Юрия Деточкина в комедии Э. А. Рязанова «Берегись автомобиля». Сценарий, написанный Рязановым в соавторстве с Э. В. Брагинским, был построен на игре с архетипической фигурой чудака, берущегося менять мир к лучшему. Судя по мемуарам, и режиссер, и актер напрямую соотносили образ Деточкина с «положительно прекрасным человеком» Достоевского.³ Именно поэтому, несмотря на неудачные кинопробы, Рязанов настоял на участии в фильме Смоктуновского: узнаваемая актерская манера сделала явной связь между двумя персонажами.⁴ Ассоциации с образом Мышкина привнесли ноту трагедии в комедийное несовпадение между высокой, чистой душой Деточкина и его нелепым, негероическим обликом.

Произведение Достоевского не было экранизировано целиком в советском киноискусстве. В 1970-е годы за эту задачу хотел взяться А. А. Тарковский. Его нереализованный замысел отразился в заявке на литературный сценарий двухсерийного художественного фильма по мотивам романа «Идиот». Режиссер объяснял необходимость экранизации Достоевского не столько эстетическими, сколько мировоззренческими потребностями — поисками «гармонии душевной жизни», «бездны света человеческой души».⁵

На рубеже веков искусство вновь обратилось к сложным этико-эстетическим вопросам, поставленным в романе «Идиот». В 1995 г. в Московском драматическом театре на Малой Бронной вышел спектакль С. В. Женовача, разделенный на три части: «Бесстыжая», «Рыцарь бедный» и «Русский свет». Спектакль о герое-гуманисте, одер-

¹ Об отличиях между двумя версиями спектакля см.: Билинkis Я. С. Логика прозы и логика сцены: Достоевский и театр // Театр. 1973. № 12. С. 17; Горфункель Е. И. Перемены // Горфункель Е. И. Смоктуновский. С. 84—111; Михновец М. В. «Идиот» // Театр Достоевского в работах художников сцены: С.-Петербург — Москва. XX век. СПб., 2015. С. 163—181.

² Смирнов-Несвицкий Ю. А. Сиюминутное искусство актера // Нева. 1966. № 9. С. 195.

³ Рязанов Э. А. Как сочиняют вдвоем // Рязанов Э. А. Грустное лицо комедии, или Наконец подведенные итоги. М., 2010. С. 49; Смоктуновский И. М. Свет. С. 81.

⁴ См. об этом: Отева К. Н. И. Смоктуновский в поисках «положительно прекрасного человека»: к проблеме «литература и кино» в фильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля» // Достоевский и современность. Чт. 30 (2015). 2016. С. 218—226.

⁵ Тарковский А., Мишарин А. Заявка на сценарий художественного фильма по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» / Публикация В. И. Фомина // Киноведческие записки. 1991. № 11. С. 172.

жимом жалостью к людям, оказался созвучен общему настроению достоевсковедения 1990-х годов.¹ Постановка вскрывала противоречие между проповедью добра, развернутой в монологах Мышкина, и его реальной неспособностью помочь окружающим. Спектакль транслировал мысль о том, что слабый и незащищенный интеллигент не может спасти мир от зла — он сам нуждается в помощи и спасении.

В начале нового века почти одновременно появились две киноверсии произведения: в 2001 г. сценарист И. И. Охлобыстин и режиссер Р. Р. Качанов представили картину «Даун Хаус», а в 2003 г. на телеэкраны вышел десятисерийный фильм В. В. Бортко «Идиот». Обе картины вызвали острую реакцию зрителей и оживленную полемику в прессе.

В работе Качанова, снятой в жанре черной комедии, действие романа перенесено в Москву, гротескно отражающую реалии 1990-х годов.

Установка на пародийную игру с классикой отразилась в названии фильма: «идиот» был заменен на разговорно-сленговый вариант «даун»; слово «хаус» отсылало к стилю дискотечной музыки. Языковая игра также позволяла увидеть в словосочетании «даун хаус» метафору сумасшедшего дома: постперестроечная Россия выглядела как низовое пространство с травестированной логикой и моралью. Ф. С. Бондарчук сохранил в своем герое доброту и обаяние романного прототипа, однако Мышкин рубежа веков не претендовал на роль «положительно прекрасного человека», связанного с идеалом Христа. В вывернутом наизнанку мире «Даун Хауса» была невозможна серьезная постановка вопроса о спасении и воскресении. Постмодернистская ирония разрушала традицию сакрализованного чтения русской классики, ожидающего нравственных ориентиров от романа XIX в.

По словам Качанова, сценарист и режиссер следовали эстетике скандала, свойственной творчеству Достоевского, поэтому фильм был снят с расчетом на острую и даже болезненную реакцию публики.² Provocative работа вызвала ряд возмущенных откликов в прессе: писали о том, что, поместив героев Достоевского в современный контекст, кинематограф не только не обогатил роман новыми смыслами, но и разрушил его ценностный мир.³ В эпатажном занижении классики увидели «моду на душевный примитивизм»,⁴ свойственный массовой

¹ См. об этом: Касаткина Т. А. Постановки романа «Идиот»: от Товстоногова к Женовачу. Эволюция образа главного героя // *Достоевский и мировая культура*. № 9. С. 173—177.

² Достоевский уже не «Идиот» // *Коммерсант*. 2001. 16 мая. С. 14.

³ Архипов А. Луч света в царстве Рунета // НГ-EX LIBRIS. 2000. 10 августа. С. 6; Боссарт А. Хор мальчиков в особо извращенной форме // *Новая газета*. 2001. 12—18 марта. С. 21; Кичин В. Какафити в стиле мочарель // *Известия*. 2001. 13 марта. С. 7; Манцов И. Капитуляция // *Искусство кино*. 2001. № 7. С. 35—37.

⁴ Сальникова Е. Дебилизм спасет мир // *Независимая газета*. 2001. 15 марта. С. 7.

культуре. Л. И. Сараскина критически высказалась об использовании имени Достоевского в качестве бренда.¹ Более сдержанную оценку дала Т. А. Касаткина, назвав «Даун Хаус» «плохим фильмом с отдельными блестящими находками» (Касаткина, ЛГ), отразившими тонкое понимание некоторых идеологических проблем романа. В свою очередь, авторы положительных отзывов защищали право современного искусства на игру с литературными авторитетами.² Фильм получил специальный приз жюри на фестивале «Кинотавр» с формулировкой «За поиск нового киноязыка».³

Премьера многосерийного фильма «Идиот» на канале «Россия» в 2003 г. стала крупным культурным событием, вызвавшим многочисленные отклики зрителей, критиков и специалистов по Достоевскому. Бортко попытался перенести произведение на экран максимально полно и точно, подчеркивая внимательное отношение к авторскому слову: «Сценарий сериала я писал, ничего не добавляя к тексту романа: дописывать Достоевского было бы величайшим кощунством».⁴ Подробная экранизация, сохранившая развернутые диалоги и сложное переплетение сюжетных линий, создавала эффект глубокого погружения в мир Достоевского и достоверности. Бортко пригласил в сериал крупных артистов театра и кино: Е. В. Миронова (князь Мышкин), В. Л. Машкова (Рогожин), О. В. Баилашвили (генерал Епанчин), И. М. Чурикову (генеральша Епанчина). Роль Настасьи Филипповны сыграла Л. Л. Вележева, роль Аглаи — О. А. Будина. По контрасту с фильмом Пырьева, где второстепенные персонажи сливались в единый образ несправедливого общества, Бортко выстроил актерский ансамбль так, что герои не первого плана обладали яркой индивидуальностью (например, Лебедев в исполнении В. А. Ильина, генерал Иволгин — А. В. Петренко, Келлер — М. С. Боярский, Радомский — А. Ю. Домогаров). Режиссер отказался от резкого противопоставления светлого Мышкина темному петербургскому обществу: за исключением Тоцкого, все действующие лица получились по-своему обаятельными и достойными сочувствия. Красиво снятые сцены дворянского быта создавали ностальгическую картину России XIX в., непохожую на мрачный капиталистический мир Пырьева. В сериальной версии «Идиота» не мир был

¹ Сараскина Л. И. Киноверсия романа «Идиот»: дискуссия о фильме как явлении культуры // Сараскина Л. И. Испытание будущим: Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М., 2010. С. 419—456. Ср.: Волгин И. Л. Остановите Парфена // ЛГ. 2003. 11—17 июня. С. 4.

² Полупанов В. «Дауны» в «хаосе» // АиФ Москва. 2001. 4 апреля. С. 21; Кутловская Е. Ералаш-арт. Даун Хаус, режиссёра Р. Качанова // Искусство кино. 2001. № 8. С. 161—166.

³ Сальникова Е. Человек загрыз волка // Независимая газета. 2001. 16 июня. С. 7.

⁴ Крижевский А., Тренева Е., Романова Г. Как стать Идиотом // Российская газета. 2003. 30 мая. С. 11.

плох и нуждался в спасении, а, наоборот, князь Мышкин был слишком наивен и чист, чтобы жить среди обычных людей. Созданный Мироновым образ допускал разные интерпретации: в нем отмечали очевидный диалог с Евангелием¹ или, наоборот, утверждали, что из сериала полностью исчезла «проблема князя как христоподобного героя» (Касаткина, ЛГ).

Периодическая печать живо отреагировала на успех картины: писали о беспрецедентной популярности телеромана среди зрителей разного возраста и образования.² Главная заслуга Бортко, по мысли журналистов, заключалась в том, что он повернул массовое телевидение к высокой культуре.³ Обращение к XIX в. на пороге XXI столетия интерпретировали как свидетельство подъема патриотического сознания.⁴

Сериал получил ряд престижных наград: семь премий «ТЭФИ» в разных номинациях, две премии «Золотой орел», а также Солженицынскую премию с формулировкой «За вдохновенное кинопрочтение романа Достоевского „Идиот“, вызвавшее живой народный отклик и воссоединившее современного читателя с русской классической литературой в ее нравственном служении».⁵

В то же время авторы отрицательных отзывов критиковали Бортко за популяризаторский подход к экранизации классики, превративший роман в костюмированное кино. Резкую оценку сериалу дала критик Т. В. Москвина: по ее мнению, стремясь добиться успеха у широкого зрителя, Бортко пожертвовал глубоким содержанием романа ради внешней выразительности.⁶ Также вызывал споры вопрос о том, насколько жанр телесериала подходит для экранизации классического произведения. Режиссер утверждал, что Достоевскому, писавшему роман частями, было близко сериальное мышление.⁷ Филологи, однако, по-разному высказывались о том, удалось ли Бортко передать дух оригинала. Противоположные позиции были озвучены Л. И. Сараскиной, увидевшей в киноромане глубокое проникновение в мир писа-

¹ Волгин И. Л. Остановите Парфена.

² Триумф «Идиота» // Российская газета. 2003. 31 мая. С. 6; Дардыкина Н. «Идиот» породил всех // Московский комсомолец. 2004. 23 апреля. С. 3; Горелова В. Достоевский бум. Фёдор Михайлович — король сериалов // Московский комсомолец. 2006. 1 декабря. С. 15.

³ Терешкова О. «Идиот»: Почувствуй себя умным // Московский комсомолец. 2003. 15 мая. С. 12; Тароцина С. Жест и поступок // Время МН. 2003. 16 мая. С. 8.

⁴ Донец Л. «Пипл» и «Идиот» // ЛГ. 2003. 11—17 июля. С. 4.

⁵ Немзер А. Торжество читателей // Время новостей. 2004. 2 марта. С. 10.

⁶ Москвина Т. Идиот приходит в каждый дом // Московские новости. 2003. 3—9 июня. С. 15.

⁷ Елисеев Н. Умереть в Достоевском // Эксперт Северо-Запад. 2003. № 20. С. 28.

теля,¹ и Т. А. Касаткиной, критиковавшей фильм за искажение текста, упростившее религиозно-философскую мысль Достоевского (*Касаткина, ЛГ*).

Среди театральных постановок начала XXI в. выделялась постановка Г. М. Козлова «Идиот. Возвращение. Четыре сцены из жизни Льва Николаевича Мышкина», которая в 2009 г. была показана в Петербурге в учебном театре «На Моховой», а в 2010 г. вошла в репертуар театра «Мастерская». Спектакль существовал в нескольких составах: роль Мышкина исполняли Е. С. Перевалов, Е. П. Шумейко, М. В. Студеновский; роль Рогожина — С. В. Алимпиев, А. С. Семенов; роль Настасьи Филипповны — М. В. Валешная, А. В. Лыкова; роль Аглаи — П. Е. Сидихина. Режиссер приглушил связь героя с идеалом Христа: в работе Козлова князь Мышкин предстал добрым, смешным и обаятельным чудачком.²

Сценические воплощения романа неоднократно осуществлялись и за рубежом. Заметным явлением театральной жизни Франции была сценическая редакция Ф. Нозьера и В. Л. Бинштока (1925, парижский театр «Водевиль»). Декорации и костюмы к спектаклю были изготовлены по эскизам А. Н. Бенуа. В роли Настасьи Филипповны выступала известная актриса И. Л. Рубинштейн. Критика высоко оценила игру П. Капеллани (Рогожин) и Г.-П. Бланшара (Мышкин). Как отмечалось в советской периодике, спектакль «был лишен неизбежного в заграничных постановках курьезного изображения русской жизни».³ Однако, сравнивая инсценировку Нозьера и Бинштока с романом Достоевского, Бенуа относился к ней критически.⁴

В 1957 г. журнал «Театр» (№ 7. С. 189) сообщил о готовящейся в театре «Ла Брьюьер» новой инсценировке по роману Достоевского в постановке Ж. Витали. Сценарий был создан Г. Ару. Эта работа, по его собственному признанию, потребовала двадцатилетней подготовки. В своей пьесе Ару намеревался развенчать миф о Достоевском-«мрачном гении» и показать «Достоевского-юмориста».⁵

¹ Сараскина Л. И. Киноверсия романа «Идиот»: дискуссия о фильме как явление культуры.

² См. об этом спектакле: Соколова А. «Идиот. Возвращение» // Про-сцениум. 2010. № 3—4. С. 7; Тропп Е. Э. И душа, и мысли... // Петербургский театральный журнал. 2009. № 2. С. 97—100.

³ Жизнь искусства. 1925. № 16. С. 21. См. рецензию в «Journal des débats». 1925. № 32.

⁴ См.: Александр Бенуа размышляет. М., 1968. С. 156, 531—533, 604; В гостях у Бенуа // Огонек. 1965. № 49. С. 12—13. См. также: Сухачев. С. 748.

⁵ Europe. 1956. Novembre—décembre. P. 127. См. также: Сухачев. С. 753; Дунаева Н. Л. Александр Бенуа — Ида Рубинштейн: (К истории сотрудничества) // Художественная культура русского зарубежья: 1917—1939: Сб. ст. М., 2008. С. 382—383.

17 мая 1962 г. состоялась премьера спектакля «Идиот» в театре «Рекамье». По мнению постановщика Ж. Жилибера, основа для трагедийной пьесы заложена уже в самом романе и потому он «легко поддается сценической адаптации».¹ В главных ролях были заняты Р. Вейнгартен (Мышкин), М. Рибовска (Настасья Филипповна) и сам Жилибер (Рогожин).

В 1966 г. двухактная пьеса по роману «Идиот» была поставлена в театре «Ателье» его художественным руководителем А. Барсаком. В инсценировке Барсака на первый план выдвигалась «тема оскорбленной красоты — Настасьи Филипповны — жертвы жестокого общества, исповедующего культ денег».² Спектакль имел большой успех. Ассоциация театральных критиков признала его лучшим спектаклем сезона. Лестные отзывы заслужили исполнители главных ролей. «Даже тень Жерара Филипа меркнет в светлом сиянии, исходящем от Филиппа Аврона — Мышкина», — писал один из рецензентов. Роль Настасьи Филипповны была признана высшим достижением К. Селлер — «этой большой актрисы».³ Во время гастролей БДТ в Париже в сезон 1965—1966 г. русский и французский спектакли ставились параллельно.

В Германии одна из ранних инсценировок романа Достоевского была осуществлена в конце 1920-х—начале 1930-х годов в гамбургском театре «Талия» (пьеса в 10 картинах, постановка В. Соколова).⁴ В 1930 г. Соколов поставил спектакль «Идиот» в «Берлинер-театре», роль князя Мышкина исполнил А. Моисси. Актер показал в своем герое человека с чистой и нежной душой. Судя по отзывам, его работа вызвала у зрителей глубокий отклик, однако спектакль носил отчасти любительский характер и не вызвал значительного резонанса в театральном мире.⁵ Позднее «Идиот» ставился по сценариям Р. Афанасьева и Г. Яковлева (в переводе И. Кершнер) и Г. Ару (в переводе Г. Энихе). 8 ноября 1960 г. состоялась премьера спектакля по роману Достоевского в Вене в инсценировке К. Радлекера.⁶ В 2002 г. режиссер Ф. Касторф поставил спектакль «Идиот» в театре Фольксбюне.

¹ Paris-Théâtre. 1962. № 185. P. 7.

² Barsacq A. Une galerie hallucinante des portraits // L'Avant-scène du Théâtre. 1966. № 367. P. 10. См. также: Гительман Л. И. Достоевский на сценах Парижа // Гительман Л. И. Русская классика на французской сцене. Л., 1978. С. 73—76.

³ Barsacq A. Une galerie hallucinante des portraits. P. 42.

⁴ См.: Schulz F.-E. Weltdramatik. Fortsetzung und 2. Band. Stuttgart, 1931. S. 51.

⁵ См.: Сбоева С. Г. В. А. Соколов на европейских гастролях Московского Камерного театра, в зарубежном театре и кинематографе // Зарубежная Россия 1917—1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 409; Телетова Н. К. Александр Моисси в русском репертуаре // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 427—428.

⁶ См.: Dramenlexikon. Berlin, 1962. Bd. 2. S. 52, 53.

Актер М. Вуттке показал Мышкина почти карикатурным идиотом.¹ Пространство зала было организовано как макет современного города, по которому зрители свободно передвигались в антракте. Эксперимент режиссера заключался в том, что часть сцен актеры играли во внутренних комнатах постройки, в то время как зрители могли следить за происходящим на экранах мониторов.²

В Англии роман «Идиот» был инсценирован в 1926 г. и поставлен на сцене лондонского театра «Барнз». М. Хоген — сценарист и режиссер — выступил также в роли Рогожина.³ Добиваясь эффекта, Хоген демонстрировал на сцене «физические уродства»; с той же целью был изменен финал романа: Рогожин кончает самоубийством, Мышкин (И. Суинли) произносит заключительный монолог. Спектакль был признан в критике «впечатляющим, но не очень вразумительным».⁴ 5 марта 1962 г. в театре «Лирик Хаммерсмит» была поставлена пьеса Х. Рубена по мотивам романа «Идиот» (режиссер Дж. Крокет, в роли Мышкина К. Гиней).⁵ В 1970 г. роман «Идиот» был представлен на сцене Национального театра в инсценировке С. Грея. По замыслу драматурга, перед зрителями почти постоянно присутствовал Фердыщенко, комментировавший происходящее. В центре постановки была не столько судьба князя Мышкина (актер Д. Джекоби), сколько реакция на нее второстепенных персонажей.⁶

В США роман был впервые поставлен на сцене 7 апреля 1922 г. в «Репаблик-театре» в Нью-Йорке, последующие представления состоялись там же в «Литтл-театре» 9 апреля и 16 мая.⁷ Еще одна премьера спектакля по «Идиоту» состоялась 25 сентября 1960 г. в нью-йоркском «Гейт-театре». Инсценировка была создана Б. Тумариным и Дж. Д. Сидовым. За месяц с небольшим (по 30 октября 1960 г.) пьеса выдержала 41 представление.⁸

¹ Соломонов А. Родство — отторжение // Театр. 2006. № 1. С. 97.

² См.: Фишер-Лухте Э. Франк Касторф: игры с театром. Как новое приходит в мир / Пер. М. С. Кувшинниковой, под ред. В. Колязина // Германия. XX в. Модернизм, авангард, постмодернизм. М., 2008. С. 494—499.

³ См.: Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation... P. 146.

⁴ Ibid. P. 147.

⁵ См.: Who's who in the Theatre. New York; Toronto; London, 1967. P. 118.

⁶ См.: Фридриштейн Ю. «Идиот» в Национальном театре Англии // Театр. 1972. № 2. С. 158—159.

⁷ См.: Theatres. URL: <http://www.powys-lannion.net/Powys/America/Theatres.htm>. Ср.: The Biographical Encyclopedia. Who's who of the American Theatre. New York, 1966. P. 23.

⁸ Ibid. P. 80. См. также: Kabatchnik A. Blood on the Stage, 1925—1950: Milestone Plays of Crime, Mystery, and Detection: an Annotated Repertoire. Lanham; Toronto; Plymouth, UK, 2010. С. 715.

Ранней итальянской постановкой по роману Достоевского была трех-актная пьеса Л. Амброзини «Настасия», премьера которой состоялась 19 января 1923 г. в миланском театре «Олимпия». В отзыве отмечалось, что «усилия сценариста увенчались самым счастливым успехом».¹ В 1926 г. миланские зрители смогли видеть в Театре «Мандзони» и балет И. Л. Рубинштейн «Идиот», отзывы на который были восторженными.² Постановки этого романа на итальянской сцене эпизодичны, в то время как им не раз вдохновлялись кино и телевидение (см. ниже, с. 710).

В Испании и испаноязычном мире обратили на себя внимание следующие инсценировки «Идиота»: «Князь-идиот» («El príncipe idiota»), реж. И. Ледесма, Буэнос-Айрес, 1979; «Идиот» («El idiota»), реж. Дж. Грималт и М. Горрис, Барселона, 1999; «Идиот: последняя ночь» («El idiota: última noche»), реж. А. Симон (по адаптации французского реж. Э. Бьяну), Барселона, 2005; «Кроткие» («Los mansos»), реж. А. Тантаньян, Буэнос-Айрес, 2005; «Достоевский: демон и идиот» («Dostoyevski: El demonio y el idiota»), реж. А. Ломниц, Богота, 2013.

Первая театральная постановка «Идиота» в Польше состоялась в 1914 г., в Городском театре во Львове. Театральные адаптации «Идиота» в Польше в межвоенном периоде были представлены в Театре им. Ю. Словацкого в Кракове, реж. С. Высоцка (1924), Театре «Багровая маска» в Варшаве, реж. Я. Януш (1925), Польском театре в Познани (1925), Городском театре в Лодзи (1925), Вильнюсском театре (1935). После 1945 г. следует отметить постановки «Идиота» в Театре «13 Рядов» в Ополе, реж. В. Крыгер (1961), Новом театре в Познани, реж. С. Брейдыгант (1967), Драматическом театре в Варшаве, реж. С. Брейдыгант (1968), Новом театре в Лодзи, реж. С. Брейдыгант (1971), Народном театре в Кракове (Нова-Хута), реж. В. Крыгер (1972), Театре им. В. Хожицы в Торуне, реж. Е. Гофман (1975), Старом театре в Кракове, реж. А. Вайда (1977, «Настасья Филипповна», см. ниже, с. 713), Театре им. В. Богуславского в Калише, реж. С. Брейдыгант (1978), Драматическом театре им. А. Венгерки в Белостоке, реж. В. Ляковска (1979), Театре Охоты в Варшаве, реж. М. Бончевска (1983), Театре TV, реж. К. Войцеховский (1986), Польском театре в Щецине, реж. А. Май (1988), Народном театре в Кракове (Нова-Хута), реж. Д. Латур (1990, «Tarantula»), Любуском театре в Зеленой Гуре, реж. Я. Зембжуский (1991, «Идиот и другие»),

¹ Simoni R. Trent'anni di cronaca drammatica. Torino, 1955. Vol. 1. P. 640—641. См. также: Dizionario Biografico degli Italiani. 1988. Vol. 34. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/giuseppe-besozzi_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/giuseppe-besozzi_(Dizionario-Biografico)).

² См.: Bacchelli R. 1) Ida Rubenstein: (Le Martyre de Saint Sebastien, Teatro alla Scala — La Dame aux Camélias, L'Idiot, Teatro Manzoni) // La Fiera letteraria. 1926. Anno 2. № 8. 21 febbraio; 2) «L'Idiot» di Nozière e Bienstock (Milano, Teatro Manzoni, 12 marzo) // Ibid. 1926. Anno 2. № 12. 12 marzo.

Театре им. Л. Сольского в Тарнове, реж. Я. Андруцкий (1994, «Идиот и другие»), Театре TV, реж. А. Домалик (1997, «Петербургская соната»), «Театре 77» в Лодзи, реж. Р. Котыс (1998); Театре Эстрады в Варшаве, реж. Николай Варянов (псевдоним Г. Яжины) (2000, «Князь Мышкин»), Театре им. Ю. Словацкого в Кракове, реж. Б. Сасс (2002), Театре им. Ю. Остервы в Люблине, реж. К. Бабицкий (2007). В 2009 г. в Музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве состоялась премьера музыкального спектакля по роману «Идиот», реж. В. Кошельняк, музыка П. Дзюбека.

На основе театрального представления «Настасья Филипповна» А. Вайда в 1994 г. снял фильм (совместное польско-японское производство) «Настасья». Роль Мышкина и Настасьи Филипповны исполнял один и тот же японский актер, таким образом углублялась таинственная психическая связь героев.

На болгарской сцене «Идиот» впервые был поставлен русским режиссером-эмигрантом И. Осиповым в инсценировке в пяти актах В. Крылова и С. Сугутина. Премьера спектакля состоялась 28 февраля 1928 г., а роль Настасьи Филипповны сыграла известная болгарская актриса, воспитанница школы Малого театра, А. Будевская. Спектакль был ее бенефисом — отмечалось 25-летие ее артистической деятельности. «Идиот» снова был показан на сцене лишь в 1960-е годы в государственных театрах Бургаса и Ямбола режиссером Й. Венковым в его собственной инсценировке. В 1977 г. режиссер Ц. Цветков поставил роман на сцене Варненского театра. Лишь в 1980-е годы «Идиот» был снова поставлен в Софии проф. Н. Сейковой на основе сценического переложения романа, осуществленного в 1982 г. Г. А. Товстоноговым. В 1994 г. режиссер-педагог проф. Е. Баева, основатель театрального колледжа им. Б. Гройса, подготовила со своими студентами спектакль по «Идиоту». Десять лет спустя Е. Баева снова обратилась к сценической адаптации этого романа, предложенной Товстоноговым, и, «хотя был использован тот же самый текст, новый спектакль 2004 г. сильно отличался от предыдущего — он отвечал потребностям и артистическим возможностям нового поколения».¹

В 1930-е годы «Идиот» пять раз инсценировался в Югославии. Спектаклем по роману отметил 50-летие со дня смерти писателя Сараевский театр (1931). Из других югославских постановок «Идиота» особенно оживленную дискуссию вызвала пьеса М. Петича, в режиссуре Т. Строчи, которая шла в 1938 г. в Народном театре (ныне Национальный театр Белграда, гос. театр Сербии). Следует упомянуть также чешскую (Прага, 1928 и 1934)² и венгерскую (Будапешт, 1965) инсценировки «Идиота».

¹ Петров П. Достоевский на болгарской сцене (заметки актера) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 20. С. 456.

² См. также: Бубеникова М. Достоевский в Чехии // *Достоевский и XX век*. Т. 2. С. 366—367.

Первые попытки экранизировать роман «Идиот» на Западе были сделаны в немом кинематографе: в Италии почти одновременно вышли картины «L'Idiota» С. Аверсано (1919) и «Il Principe idiota» Э. Перего (1920). Помимо этих забытых кинофильмов пользовался успехом публики и критики телевизионный фильм 1959 г. «L'Idiota» реж. Дж. Ваккари с Дж. Альбертацци в роли Мышкина. Наибольший интерес у зрителей вызвала работа немецкого режиссера К. Фрелиха «Заблудшие души» (1921), где в роли Настасьи Филипповны выступила знаменитая актриса А. Нильсен. Судя по воспоминаниям Нильсен, фильм эксплуатировал мелодраматическое начало романа: «Дни и ночи думала я над тем, как лучше выразить в немой картине все ужасные колебания, свойственные русскому темпераменту, швырявшие ее (Настасью Филипповну. — Ред.) подобно мячу от князя к Рогожину».¹

В 1946 г. французский режиссер российского происхождения Ж. Лампен впервые экранизировал роман «Идиот» в звуковом кино. Критики признали фильм неудачей, несмотря на талантливое исполнение центральной роли Ж. Филипом.² Провал во многом объяснялся тем, что в западной культуре еще не сложилась традиция переложения произведений Достоевского на язык кинематографа. Режиссер чрезмерно стилизовал экранную реальность, наполнив ее сценами дворянского и купеческого быта, кутежами в трактирах; при этом образы героев вызывали ассоциации скорее с французской мелодрамой, чем с русским классическим романом.³

Лампен построил фильм на противопоставлении бескорыстного человека циничному буржуазному обществу. Чтобы усилить конфликт героя с миром, режиссер отказался от любых деталей, которые могли бы усложнить гармоничный образ князя Мышкина, такие как завроженность темой смертной казни, эпилепсия или «двойные мысли». В герое Филипа отразилось ренановское представление о совершенном человеке: князь Мышкин выглядел здоровым, спокойным и красивым юношей, проповедующим гуманизм. Помимо него, в фильме не было ни одного персонажа, вызывающего симпатию зрителя: Рогожин превратился в расчетливого купца, Настасья Филипповна — в содержанку, не

¹ Нильсен А. Кино // Нильсен А. Безмолвная муза. Л., 1971. С. 228.

² См. об этом: Шмаков Г. Г. Муза, которой не было у греков // Шмаков Г. Г. Жерар Филип. М., 1974. С. 40—46. См. также: Жерар Филип: Воспоминания, собранные Анн Филип. Л.; М., 1962. С. 62—69; Брагинский А. В. Жерар Филип // Актеры зарубежного кино. М., 1966. С. 174—193.

³ Оценка фильма с точки зрения его соответствия идеям Достоевского и русской культуре дана в работах: Белова Л. И. Достоевский во французском кино // Экран и книга за рубежом: диалектика взаимоотношений: Сб. статей. М., 1988. С. 10—13; Жежеленко М. Л. Достоевский и зарубежное киноискусство // Классическое наследие и современный кинематограф. Л., 1988. С. 104—105.

способную понять высоту души главного героя. Жизнеутверждающая программа князя Мышкина-Филипа была поставлена под сомнение в последней сцене фильма: потерпев поражение в столкновении с реальностью, князь Мышкин обращал к Богу упрек в несправедливости мироустройства. Так финал первой послевоенной экранизации романа «Идиот» ставил под сомнение веру в силу гуманизма.

В 1951 г. японский режиссер Акира Куросава снял фильм «Идиот», заложивший новую традицию осмысления творчества Достоевского в зарубежном кино (см. выше, с. 661, 689—690). В ролях снимались: Масаюки Мори — Мышкин, Сецуко Хара — Настасья Филипповна, Тосиро Мифунэ — Рогожин, Ёсико Куга — Аглая.¹ Куросава впервые перенес сюжет романа на другую культурно-историческую почву: события его картины происходят в послевоенной Японии. При этом, выбрав в качестве места действия остров Хоккайдо, где смешиваются приметы традиционного и европейского быта, режиссер создал образ мира, который казался чужим и необжитым как западному, так и восточному зрителю.²

Тема приговоренного к смертной казни, которую режиссер сделал личным опытом Камеды (Мышкина), полностью вытеснила из японской экранизации комическую стихию романа «Идиот», а также мотивы радости и любви к жизни, связанные с фигурой главного героя. Куросава соединил мотив узнавания героев с предчувствием неизбежной смерти: Таэко Насу (Настасья Филипповна) показала Камеде знакомой, потому что ее глаза напомнили ему глаза человека, расстрелянного на войне. Акама (Рогожин) на протяжении всего фильма тоже жил с ощущением неотвратимости судьбы и в финале перенес символическую смерть, потеряв разум.

Киноведы писали о том, что трагическое звучание темы приговоренности к казни в фильме Куросавы выразило экзистенциальное ощущение ужаса от Второй мировой войны и событий XX в. в целом.³ Злу и жестокости мира японский режиссер противопоставил сострадание, осмысленное вне христианского контекста. На вопрос Акамы «Ты веришь в Бога?» Камеда ответил отрицательно; в сцене братания герои обменялись не крестами, а талисманами. При этом Камеда настолько глубоко сопереживал Таэко Насу и Акаме, что чувствовал их боль как собственную. Куросава считал сострадание главной темой творчества

¹ См.: Юткевич С. И. Канн, 1958 // Искусство кино. 1958. № 11. С. 146—147.

² Власов Э. Притяжение готики: структура кинематографического хронотопа в экранизации Акиры Куросавы романа «Идиот» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002. С. 432—470.

³ См. об этом: *Burroughs A. Secularizing Dostoevsky's «Positively Good Man»*; *Kurosawa's the Idiot* // *Burroughs A. Multi-Mediated Dostoevsky: Transposing Novels into Opera, Film, and Drama*. Evanston, 2011. P. 111, 117.

Достоевского: «Пожалуй, для меня нет писателя более доброго и великодушного. Когда я говорю о доброте, то имею в виду чувство, заставляющее не отводить глаза при виде чего-то поистине ужасного, поистине трагичного. Ему в высшей степени свойственно сострадание. Он не отворачивается — он смотрит и страдает. В этом нечто большее, чем человечность, лучшее, чем человечность <...> За это я преклоняюсь перед Достоевским и обожаю его князя Мышкина».¹

Авторский вариант фильма оказался слишком длинным и был значительно урезан киностудией, но даже сокращенную версию, вышедшую на экраны, критики сочли затянутой. Если в русской гуманитарной мысли картина имеет репутацию глубокого и точного прочтения романа «Идиот», то за рубежом высказывалось мнение о ее периферийном значении.²

В 1976 г. в знаменитой телепередаче испанского телевидения была транслирована первая экранизация «Идиота», подготовленная Э. Саинсом под руководством А. Чика. Роли Мышкина и Рогожина исполнили выдающиеся испанские актеры Э. Гутьеррес Каба и Х. Санчо.

В 1985 г. во Франции вышла гангстерская драма А. Жулавски «Шальная любовь». Несмотря на то, что режиссер назвал ее фильмом по мотивам романа «Идиот», первоисточник напоминали лишь некоторые сюжетные положения. Душевнобольного Леона (Ф. Юстер) связывала с Мышкиным острая реакция на чужое страдание и чувство вины за происходящее зло, однако герою не удалось оставить след любви и добра в мире. В поэтике Достоевского Жулавски интересовало прежде всего изображение пограничных, кризисных состояний психики. Художественным центром картины стал образ Мари, роль которой с экзальтированной чувственностью исполнила С. Марсо. Обида оскорбленной женщины в фильме «Шальная любовь» превратилась в психиатрическую манию, болезненную жажду мести и страсть к саморазрушению.³

В 1994 г. театральные эксперименты польского режиссера А. Вайды с романом «Идиот» завершились выходом фильма-мистерии «Настасья» в японской технике кабуки. Роли Мышкина и Настасьи Филипповны, как отмечено выше, исполнил один актер, Бандо Тамасабу-ро, виртуозно перевоплощавшийся из женского образа в мужской на

¹ Акира Куросава: Сб. ст. / Сост. Л. Завьялова; вступит. ст. Р. Юренева. М., 1977. С. 97. (Сер. Мастера зарубежного кино).

² См., например: *Richie D. The Idiot // Richie D. The Films of Akira Kurosawa*. Berkley; Los-Angeles, 1998. P. 82.

³ Об этой картине см. также: *Круглов Р. Г. Художественный мир Ф. М. Достоевского на киноэкране: проблема интерпретации* (на материале экранизаций романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»): Дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 2016. С. 151—153; *Сараскина Л. И. Князь Мышкин в Бомбее, на курортах Гоа и в других краях. Принципы адаптации // Достоевский и современность. Чт. 29 (2014). 2015. С. 209—210.*

глазах зрителей. Японская стилистика связывала работу Вайды с фильмом Куросавы. Тема приговоренного к смертной казни в фильме «Настасья» была доведена до трагического предела: действие происходило в доме Рогожина в ночь после убийства, все предшествующие события были даны в ретроспективном плане.

Идее фильма с двумя актерами предшествовали работы Вайды на театральных подмостках. В 1977 г. в Старом театре в Кракове шли репетиции спектакля «Настасья Филипповна», открытые для зрителей, желающих увидеть процесс перевоплощения романного слова в сценическое произведение. В 1989 г. Вайда продолжил работу над спектаклем в японском городе Киото, но уже в технике кабуки. В эссе «Театр совести Достоевского» режиссер писал о переживании слова русского классика как откровения, превышающего человеческие силы: «Читать страшно, а каково играть Достоевского?»¹ В фильме Вайда ослабил психологическое начало романа «Идиот» и показал отношения между тремя героями как таинство, имеющее почти мистический смысл.

В 1992 г. состоялась премьера индийской экранизации романа «Идиот». Режиссер М. Каул подготовил картину в двух вариантах: телевизионный мини-сериал и укороченная киноверсия, — однако его работа не имела успеха у критиков.²

Западный кинематограф обращался к роману «Идиот» в поисках архетипического сюжета о чужаке, не умеющем жить по законам этого мира. По мотивам произведения Достоевского были сняты картина «Возвращение идиота» (1999) чешского режиссера С. Гедона и «Идиот» эстонского режиссера Р. Сарнета (2011).

Говоря об истории осмысления романа «Идиот» в зарубежном кино, следует также упомянуть о фильмах, которые не имеют прямого сюжетного сходства с текстом, однако созданы в диалоге с ним. В частности, критики находили следы влияния Достоевского в картинах Ф. Феллини «Дорога» (1954)³ и Л. Висконти «Рокко и его братья» (1960). В образе Рокко, втянутого в любовный треугольник с братом-соперником и «блудницей» Надей, показан герой, который, пытаясь спасти страдающих людей, невольно подталкивает их к гибели. М. А. Жежеленко обратила внимание на параллелизм сцен «финального „плача“ по убитой»: ⁴ Рокко, как Мышкин, обнимает и утешает убийцу Нади, разделяя с ним вину за произошедшую трагедию. Режиссер подверг социальной критике доброту и всепрощение Рокко, считая их проявлением моральной пас-

¹ Вайда А. «Настасья Филипповна» // Вайда А. Кино и всё остальное. М., 2005. С. 180.

² Об истории этой экранизации см.: Сараскина Л. И. Князь Мышкин в Бомбее, на курортах Гоа и в других краях. Принципы адаптации. С. 203—220.

³ См. об этом: Лидзани К. Евангелие от «Идиота» // Кино Италии. Неореализм. М., 1989. С. 307—312.

⁴ Жежеленко М. А. Достоевский и зарубежное киноискусство. С. 118.

сивности и неспособности деятельно отстаивать положительные ценности. В одном из интервью Висконти рассказал, что по мере работы над фильмом всё больше уходил от идеи сделать Рокко нравственным центром фильма, передоверив эту функцию Чиро — положительному герою, который, в отличие от Рокко, способен на жесткое волевое решение.¹

Картина Р. Брессона «Наудачу, Бальтазар!» (1966) была вдохновлена образом безгрешного князя Мышкина. На экране разворачивалась история жизни осла Бальтазара, переходящего из рук в руки: первоначальное счастье в окружении детей сменялось тяжелой жизнью у жестоких хозяев. По словам киноведа Т. Пиполо, в одном из интервью, данном незадолго до выхода картины, Брессон зачитал отрывок из романа, в котором Мышкин рассказывает о встрече с ослом и последовавшим за ним пробуждением к жизни.² В Бальтазаре соединились качества, которые Мышкин приписывает ослу: трудолюбие, полезность и терпение, — с безгрешностью и смирением самого героя. В отличие от большинства киноинтерпретаций, развивающих образ князя в гуманистическом и психологическом ключе, картина Брессона откликнулась на заданную в романе тему святости. Бальтазар, как Мышкин, хриstopодобный герой, который столкнулся с несправедливостью и порочностью окружающего мира.

Сюжет романа неоднократно обыгрывался в творчестве французского режиссера Ж.-Л. Годара. Образ князя Мышкина — узнаваемый знак русской культуры в фильмах «Береги правую» (1987) и «Дети играют в Россию» (1993). В обеих картинах в роли князя Мышкина на экране появлялся сам режиссер. Образ невинного и смешного «идиота», не принятого миром сильных, позволил Годару создать ироническую метафору собственного маргинального искусства, остающегося на периферии массовой культуры в эпоху коммерчески успешного кинематографа.³

Роман «Идиот» также неоднократно интерпретировался в музыкальном театре. В 1952 г. в Западном Берлине на музыку Х. В. Хенце был поставлен балет «Идиот» (авторы сценария — Т. В. Гзовская и И. Бахман, хореография Гзовской, партию Настасьи Филипповны исполняла В. Полар, партию Рогожина — Х. Хорн, роль Мышкина играл К. Кински). В этом балете танцы чередовались с пантомимой и диалогом.⁴ Монолог князя Мышкина был написан известной австрийской поэтессой И. Бахман.

¹ Чиро и его братья / Интервьюер Гуидо Аристарко // Лукино Висконти: Статьи. Свидетельства. Высказывания. М., 1986. С. 228.

² *Pipolo T. Au Hasard Balthazar* // Pipolo T. Robert Bresson: A Passion for Film. Oxford, 2010. P. 186.

³ См. об этом: *Sayad C. Unframing Godard: The Auteur as the Cinema Itself* // Sayad C. Self-staging Auteurs in Search of a Cinema: Jean-Luc Godard, Woody Allen and Eduardo Coutinho: PhD Thesis. New York, 2007. P. 139—140.

⁴ *Rebling E. Ballett. Gestern und heute*. Berlin, 1957. S. 362.

В 1968 г. в Ленинградской академической капелле имени М. И. Глинки прозвучало концертное исполнение оперы В. М. Богданова-Березовского «Настасья Филипповна». Композитор, сам написавший либретто к опере, сосредоточился на романтической линии романа. Лирико-психологическая драма Богданова-Березовского отличалась экспрессивной музыкой, развитием действия через кризисы и катастрофы, вниманием к напряженным душевным состояниям героев.¹

В 1979 г. В. М. Панов поставил балет «Идиот» на музыку Д. Д. Шостаковича в Немецкой опере в Берлине (Deutsche Oper Berlin) (князь Мышкин — В. И. Гельван, Рогожин — Р. Шета, Настасья Филипповна — Е. Евдокимова, Аглая — Г. А. Панова).² Постановка имела большой успех на гастролях в Нью-Йорке в 1980 г., особенно высокую оценку получили работы Р. Х. Нуреева в роли Мышкина и В. М. Панова в роли Рогожина.³

В 1980 г. Ленинградский ансамбль балета под руководством Б. Я. Эйфмана поставил балет «Идиот» на музыку Шестой симфонии П. А. Чайковского, исполняемой без купюр. В балете было четыре главных героя: Мышкин (В. В. Михайловский), Аглая (В. Н. Морозова), Рогожин (Д. И. Марковский, с 1981 г. — М. Э. Либа) и Настасья Филипповна (А. Е. Осипенко). О балете писали как о смелом эксперименте, гармонично соединившем образы Достоевского с музыкой Чайковского.⁴ Обратившись к роману в поисках острых конфликтов и глубокого психологизма, Эйфман пластическими средствами показал трагедию чистого человека, столкнувшегося с жестокой реальностью.⁵ В 1987 г. на основе спектакля был снят фильм-балет (Мышкин — В. В. Михайловский, Рогожин — Р. В. Куприев, Настасья Филипповна — В. Н. Морозова, Аглая — М. В. Мельникова).

¹ См.: Данько Л. Г. Новая опера на сюжет Достоевского // Музыка и жизнь. Музыка и музыканты Ленинграда: Сб. ст. Л., 1972. С. 33—40.

² См. подробнее: Walton J. Panov's «Idiot» // The New York Times. 1979. June 28. URL: <http://www.nytimes.com/1979/06/28/archives/panovs-idiot-choreography-praised-behind-the-scenes-adaptation-of.html>; Phaidon Book of the Ballet. With a Preface by Rudolf Nureyev. Oxford, 1981. P. 316.

³ Whyte S. Panov // International Dictionary of Ballet, 2 vol. Detroit; London, 1993. Vol. 2. P. 1071.

⁴ О балете «Идиот» см.: Дубкова С. И. Хореографические фантазии Б. Эйфмана // Дубкова С. И. Блистательный мир балета. М., 2007. С. 404—405; Кулагина В. И. Балет Бориса Эйфмана «Идиот» // Кулагина В. И. Романы без слов. Достоевский на петербургской балетной сцене. СПб., 2011. С. 9—31.

⁵ О причинах обращения к произведениям Достоевского и Чайковского см. в интервью с Эйфманом: Марченко Г. Передать чувство времени // Советская эстрада и цирк. 1981. № 9. С. 9.

В Лейпцигском оперном театре в 1987 г. прозвучала опера К. О. Трайбмана «Идиот» (автор либретто — Х. Герлах). В центре произведения был любовный треугольник, участники которого «связаны непреодолимыми разрушительными силами взаимного притяжения и отталкивания, фатально ведущими героев к уничтожению».¹

Композитор В. А. Кобекин в 1995 г. создал оперу «Н. Ф. Б.» по роману Достоевского «Идиот» (автор либретто — А. В. Парин). Произведение было поставлено на фестивале «Сакро-арт» в немецком городе Локкум режиссером К. М. Гинкасом, уже известным ранее театральной постановкой по мотивам романа «Идиот» в 1993 г. в Шведской театральной академии города Хельсинки. В центре оперного действия был образ Настасьи Филипповны, страдающей от осознания собственной греховности, мечущейся между Мышкиным и Рогожиным. Подчеркивая важность религиозной темы в романе, либреттист ввел в произведение шесть молитв собственного сочинения, четыре из которых принадлежали Настасье Филипповне и две — мужским персонажам.²

В 1991 г. в Камерном музыкальном театре Москвы состоялась премьера оперы М. С. Вайнберга «Идиот» (автор либретто А. В. Медведев, режиссер-постановщик Б. А. Покровский). Опера была поставлена в сокращенной версии, центральные партии исполняли О. Губарев (Мышкин), М. Жукова и О. Шалаева (Настасья Филипповна), Е. Гущина (Аглая), А. Мочалов (Рогожин). Опера была сосредоточена на раскрытии конфликтных и дисгармонических взаимоотношений между героями Достоевского, поэтому строилась как череда диалогов-дуэлей³. Монологические сцены принадлежали преимущественно князю Мышкину, который представал проповедником, не понятым миром. Комплекс музыкальных и сценических средств подчеркивал соотносительность Мышкина с образом Христа. В 2013 г. опера Вайнберга была поставлена в полной версии в Национальном театре Мангейма, в 2016 г. — в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, а в 2017 г. — в Большом театре в Москве.⁴

С. 5. *В конце ноября, в оттепель, часов в девять утра...* — Начало повествования по своей форме напоминает зачин романа «Престу-

¹ Тараканова Е. М. Современная музыка и экспрессионистская традиция // Западное искусство: XX в. СПб., 2001. С. 147.

² См.: Войткевич С. Г. «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Н. Ф. Б.» В. Кобекина: от романа к опере (опыт сравнения) // Наука о музыке. Слово молодых ученых. Материалы I Всероссийского конкурса научных работ молодых ученых в области музыкального искусства. Казань, 2004. С. 149—173.

³ Власов А. Вариации на тему «Идиота» // Музыкальная академия. 1992. № 4. С. 54.

⁴ См.: Ординарцева О. С. Возвращение Мечислава Вайнберга // Трибуна молодого журналиста. 2017. № 3. С. 1.

пление и наказание»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер...» (6, 5). См.: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 449.

С. 5. ...поезд *Петербургско-Варшавской железной дороги*... — Петербургско-Варшавская железная дорога была построена в 1851—1862 гг. Достоевский впервые выехал за границу в 1862 г. поездом именно этой железной дороги с Варшавского вокзала. См. подробнее: 1995. Т. 8. С. 723—724.

С. 5. ...вагонов *третьего класса*... — Т. е. общих вагонов, с жесткими полками без обивки.

С. 6. ...мерлушечий, черный, крытый тулуп... — Мерлушка — мех, выделанная шкурка ягненка в возрасте до двух недель (БАС₂. Т. 10. С. 84). Крытый — обтянутый, обшитый тканью (применительно к меховой одежде) (Там же. Т. 8. С. 720).

С. 6. ...от *Эйдткунена до Петербурга*. — Эйдткунен — прусская железнодорожная станция на тогдашней границе Пруссии и России. Упоминается также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863; см.: 5, 55, 447).

С. 6. ...падучую болезнь. — Современное название — эпилепсия, см. с. 535, 567 и др. О характере изображения эпилепсии в романе «Идиот» и других произведениях писателя см.: Богданов Н. Н. «Священная болезнь» князя Мышкина — *morbus sacer* Федора Достоевского // «Идиот», ССИ. С. 337—357.

С. 6. ...из старого, полинялого фуляра...; см. также с. 545: ...в фуляровом платочке, накинутом на голову. — Фуляр (фр. foulard) — легкая шелковая ткань; платок из этой ткани (БАС₁. Т. 16. Стлб. 1587). По мнению В. Н. Алёкина (см.: Уточнения и дополнения к комментариям. URL: <http://aljokin-1957.narod.ru/fan32.html>), в данном случае имеется в виду второе значение, ср. в «Бесах»: «Он закрыл глаза своим красным фуляром <...>» (Акад. ПСС. Т. 10. С. 331); у Гоголя в «Шинели»: «Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес <...>» (Гоголь. Т. 3. С. 156).

С. 6. На ногах его были толстоподошвенные башмаки с штиблетами, — всё не по-русски. См. также с. 322 (ПМ₂): «А помнишь — штиблеты <?>» — Штиблеты (нем. Stiefelette) — суконые или кожаные голенища (гетры) на пуговицах или крючках, надевавшиеся поверх башмаков.

С. 6. ...с тою неделикатною усмешкою ~ удовольствие при неудачах ближнего... — Ср. в «Дядюшкином сне» (1859): «Еще до десяти часов утра по всему городу вдруг распространился один странный и почти невероятный слух, встреченный всеми с самою злобною и ожесточенною радостью, — как и обыкновенно встречаем мы все всякий необыкновенный скандал, случившийся с кем-нибудь из наших ближних» (2, 509); в «Бесах» (1870—1872): «Вообще в каждом несчастии ближнего есть всегда нечто веселящее посторонний глаз <...>» (Акад. ПСС. Т. 10. С. 255). Это замечание может восходить к высказыванию Ларошфуко: «В невзгодах наших лучших друзей мы всегда находим нечто даже приятное для себя» (Ларошфуко Ф. де Мемуары.

Максимы. Л., 1971. С. 199. (Сер. Лит. памятники)). Отмечено: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 450. См. также с. 791.

С. 6—7. ...вопросы своего черномазого соседа ~ Слушая его, черномазый несколько раз усмехался... — Ср. запись из СТ под № 428: «Да он у нас белый не ходит, а всё такой черномазый» (4, 286, 498). Отмечено В. Н. Алёкиным.

С. 7. ...виттовой пляски... — Виттова пляска — заболевание головного мозга, которое выражается в произвольных, некоординированных движениях, подергиваниях конечностей (БАС₂. Т. 17. С. 125).

С. 7. ...закоружлого в подьячестве чиновника... — Подьячий — 1) в Московской Руси XVI—начала XVIII в. писец, делопроизводитель; 2) устар. мелкий чиновник, канцелярист (БАС₂. Т. 18. С. 269). Закоружлый — здесь перен., разг.: отсталый, закоснелый (Там же. Т. 6. С. 499).

С. 7. ...хотя бедность и не порок... — Возможная отсылка к пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок» (1854, закончена в 1853). См.: Борисова В. В. «Бедность не порок» А. Н. Островского и «Идиот» Ф. М. Достоевского: Реминисценция и парафраза // Достоевский и современность. Чт. 18 (2003). 2004. С. 38—44.

С. 7. ...с наполеондорами и фридрихсдорами, ниже с голландскими арабчиками... — Речь идет о золотых монетах: наполеондор — французская, достоинством в 20 франков (существовали также двойные и половинные), фридрихсдор — прусская, достоинством в 5 серебряных талеров. Арабчик — одна из разновидностей русской золотой монеты достоинством в 3 рубля (так называемый голландский червонец: напоминал по внешнему виду старинные дукаты голландских штатов; чеканился в Петербурге). Этим словом обозначали также неполновесные, истертые или обрезанные червонцы (пониженной номинальной стоимости), на что может указывать в реплике Лебедева присоединительный союз «ниже» («ни даже») с оттенком выделения и усиления указанного значения.

С. 8. ...на франкировку письма... — Франкировка (от итал. *francare* — оплачивать вперед) — предоплата за перевозку и доставку писем (в целях страховки).

С. 8. ...генерала же Епанчина знаем-с, собственно потому, что человек общеизвестный... — Во «Всеобщей адресной книге Санкт-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою» (СПб., 1867—1868. С. 168) значится, что в это время в столице жили четыре военных деятеля с фамилией Епанчин. О старинном дворянском роде Епанчиных и его представителях-современниках Достоевского см. также: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и А. И. Ефрон. СПб., 1894. Т. 11а. С. 661—662.

С. 8. ...это был Николай Андреевич Павлищев, потому что их два двоюродные брата ~ четыре тысячи душ в свое время имели-с... — Автобиографический мотив. Достоевский в 1860-х годах проводил лето в Павловске, где его соседями были Павлищевы: Ольга

Сергеевна (сестра А. С. Пушкина) и ее муж Николай Иванович (Бог-рад. С. 152—164). У Н. И. Павлищева был брат П. И. Павлищев (см.: 1995. Т. 8. С. 726).

С. 9. Князь Мышкин? Лев Николаевич? ~ в Карамзина «Истории» найти можно и должно... — Как отмечено выше (с. 535), в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, в летописных приложениях к ней, упоминается архитектор Мышкин, участвовавший в строительстве соборного храма Успения Пресвятой Богородицы. Успенский собор, заложенный в 1471 г. московскими архитекторами Кривцовым и Мышкиным, обрушился, вследствие чего для нового строительства был приглашен итальянский архитектор Аристотель Фьораванти (см.: Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. М., 1985. С. 83—131). Ср. в «Униженных и оскорбленных» отзыв о своем роде Анны Андреевны: «...и документы есть у нас, и в истории Карамзина упомянуто» (3, 243). Совпадение имени и отчества главного героя с именем и отчеством графа Л. Н. Толстого придает этому образу характер скрытого послания, адресованного писателю-современнику (подробнее см.: Крапивин Г. Н. Штрихи к портрету «главного» героя // Русская словесность в мировом культурном контексте. IX Международный симпозиум, 14—18 декабря 2012 г., Москва. Избранные доклады и тезисы. М., 2014. С. 396—406; см. также другие скрытые отсылки к Л. Н. Толстому (с. 623, 731, 734, 801 и др.)), одновременно маскируя его откровенно автобиографическую природу.

С. 9. ...да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с. — Ср. слова Алеши в «Униженных и оскорбленных»: «...я прямо сказал: какие мы князья? Только по роду; а в сущности, что в нас княжеского? <...> в настоящем-то большом свете об нас уж давно не слыхивали» (3, 265). Автобиографическая черта: «...дворянский род наш один из древних, но или вследствие того, что отец мой, оставив родину, скрылся из дома своих родителей, не имея при себе всех документов о своем происхождении, или по другим каким причинам, он, дослужившись до чина коллежского асессора и получив орден (что давало тогда право на потомственное дворянство), зачислил себя и всех сыновей к дворянству Московской губернии и записан в 3-ю часть Родословной книги» (Достоевский А. М., 1992. С. 29).

С. 9. ...мне кажется, я последний ~ и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных, тоже последняя в своем роде... — Ср. слова Алеши в «Униженных и оскорбленных»: «Последний был дядя, Семен Валковский, да тот только в Москве был известен <...>» (3, 265).

С. 9. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали. — Однодворцами называли владельцев небольших, обычно в один двор, земельных поместий. По происхождению это потомки служилых людей, занимавшие промежуточное место между крестьянством и мелкопоместным дворянством (БАС₂. Т. 13. С. 537).

С. 9. Отец мой был, впрочем, армии подпоручик, из юнкеров. — Юнкер — звание, присваивавшееся нижним чинам, проходившим курс

наук в юнкерских училищах. Подпоручик — младший офицерский чин. Отчасти автобиографическая черта: старший брат Достоевского Михаил с сентября 1838 по 1841 г. служил юнкером (а с 1841 г. инженер-прапорщиком) при Петербургской и Ревельской инженерных командах.

С. 9. — *Да, я, Рогожин, Парфен.* — В «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1980. С. 175) указаны: Парфен (с пометой «старая форма») и Парфён («просторечная»). В тексте романа при первом упоминании фамилии «Залёжев» она в прижизненных изданиях напечатана с «ё», а далее с «е», т. е. читателю сообщено о ее произношении. Относительно имени Рогожина этого не сделано — следовательно, оно должно произноситься в соответствии с его написанием.

С. 10. ...*потомственного почетного гражданина*... — Имеется в виду звание, присваивавшееся купцам и другим лицам недворянского сословия за какие-либо заслуги и передававшееся по наследству. Обеспечивало свободу от подушного оклада, рекрутства, телесных наказаний при совершении преступлений и др. (см.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 1832. СПб., 1833. Т. 7. № 5284. С. 193—195; 1995. Т. 8. С. 728—729).

С. 10. ...*что с месяцем назад тому полре и два с половиной миллиона капиталу оставил?* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «— Молодой — это купеческий сын Сизоброхов, сын известного лабазника, получил полмиллиона после отца и теперь кутит» (3, 293).

С. 10. — *И не давай! ~ Жену, детей малых брошу, а пред тобой буду плясать. Польсти, польсти!* — Тем же принципом поведения, но несколько иначе мотивированным, наделен в «Селе Степанчикове и его обитателях» Ежевикин: «...к тому же, польсти, польсти! вот оно что: все-таки что-нибудь выиграешь, хоть ребятишкам на молочишко» (3, 56). В ДП за 1876 г. см. также: «Одним словом: „польсти, польсти!“ — старый, рутинный приём, а ведь преблагонадежный» (Акад. ПСС. Т. 22. С. 58).

С. 10. ...*и о чем-нибудь языком колотить.* — Достоевский частично цитирует запись № 387 СТ (см.: 4, 285). Колотить — пусто-словить (см.: Даль. Т. 2. С. 141).

С. 11. ...*меня пуще всего брат доехал.* См. также с. 12: ...*н-никакими то есть деньгами Лихачев доехать не мог!*; с. 48: ...«*доехать*» ее потом...; с. 151: ...*так ведь это всё дурь меня доехала!* — Доехать (перен., устар., разг.) — вывести из терпения, не давать покоя, досажая чем-либо, донять (БАС₂. Т. 5. С. 191).

С. 11. *Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четьи-Минеи читает...* — Четьи-Минеи (помесячные чтения) — сборники древнерусской духовно-учительной литературы, в которых по месяцам и числам расположены жития святых православной церкви, поучения, сведения о праздниках и т. п. В ДП за июль—август 1877 г. (гл. III, § 3) есть замечание, специально посвященное этому памятнику. По мнению Достоевского, «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи», «распространен дух ее», есть много рассказчиков и рассказчиц, которые передают жития из Четьи-Минеи

«прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются». «Я сам, — писал Достоевский, — в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и воздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное!» (Акад. ПСС. Т. 25. С. 214—215).

С. 11. *Как по закону: святотатство? ~ За это в Сибирь? — В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь!* — Святотатство — здесь: хищение освященных предметов, оскорбление памяти усопшего (см.: БАС, Т. 13. Стлб. 473). Вопрос Рогожина Лебедеву и ответ последнего, содержащие мрачный прогноз участи брата Рогожина Семена Семеныча, неожиданным образом оказывается предвестием собственной участи героя: «Он был осужден, с допущением облегчительных обстоятельств, в Сибирь, в каторгу, на пятнадцать лет, и выслушал свой приговор сурово, безмолвно и „задумчиво“» (8, 561).

С. 11. *...тормошился чиновник...* — Здесь: суетился. Ср.: тормозиться — «не давать покою, докучать, надоедать, тревожить, беспокоить» (Даль. Т. 4. С. 420).

С. 12. *...с Лихачевым Алексахкой два месяца ездил...* — Фамилия Лихачев определялась исследователями как заимствованная у Гоголя (см.: Альтман. С. 148). Ср. (слова Ноздрева): «Вообрази, брат, у купца Лихачева играли в горку, вот уж где смех был!» (Гоголь, 2001. Т. 7. Кн. 1. С. 201).

С. 12. *...и все, то есть все углы и проулки знаю, и без Лебедева, дошло до того, что ни шагу.* — Ср. реплику Маслобоева Ивану Петровичу в «Униженных и оскорбленных»: «Архипов, разумеется, обирает Сизобрюхова. Много разных закоулков знает, тем и драгоценен для этаких вьюношей» (3, 294).

С. 12. *...и Арманс, и Коралию, и княгиню Пацкую...* — Перечень «дам полусвета» вызывает ассоциации с аналогичными эпизодическими героинями романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями» и одновременно с подругами m-lle Blanche в «Игроке» Достоевского: «Hortense, и Lisette, и Cléopâtre» (5, 338). По мнению В. Н. Алёкина, фамилия Пацкая, возможно, говорит о незаконнорожденности «княгини»: «В XVIII в. некоторым незаконнорожденным детям русских аристократов давались афетические фамилии их отцов, то есть усеченные фамилии, в которых опускался первый слог» (Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 182).

С. 12. *Ныне он в долговом отделении присутствует...;* см. также с. 173: *...его посадили в долговое отделение ~ к мужу на свидания в Измайловский полк.* — Петербургское долговое отделение («дом Тарасова», по фамилии владельцев комплекса жилых домов) находилось в 1-й роте Измайловского полка (д. № 3) и называлось «домом содержания неисправных должников» (см.: Нумерация домов в С.-Петербурге с алфавитными списками... / Составлено при Канцелярии Санкт-Пе-

тербургского военного генерал-губернатора. СПб., 1836. С. 177 (перв. паг.), 33 (трет. паг.); Путеводитель по С.-Петербургу / Сост. и изд. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 130; Михневич. С. 330; ныне 1-я Красноармейская ул.). Весною 1867 г. угроза попасть в «дом Тарасова» нависла над самим Достоевским (см. его письмо к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 204).

С. 12. *Да вечером в Большом али во французском театре в своей собственной ложе сидит*. См. также с. 119: *...у Большого театра ~ в бельэтаже...*; с. 124: *Да она никогда и не жила у Большого театра...* — Большой театр находился на Театральной площади, на месте нынешнего здания Санкт-Петербургской государственной консерватории (построен в 1783 г., а в 1889—1892 гг. разобран). На его сцене давались спектакли русских и зарубежных трупп — не только оперные и балетные, но и драматические (см.: *Вольф, Хроника*. Ч. 1. С. 11, 20). Французская (драматическая) труппа, несколько варьируя свой состав, из года в год давала спектакли на сцене Михайловского театра. Он был открыт 8 ноября 1833 г. и «сделался с тех пор рандеву большого света» (Там же. С. 37; ср. у Достоевского: *ДП*. 1876. Апрель. Гл. I, § 2 — *Акад. ПСС*. Т. 22. С. 105—110). На его сцене «очень скоро» появлялись «все парижские новости» (*Вольф, Хроника*. Ч. 3. С. 157—158). Репертуар труппы был разнообразен (от драмы до оперетты).

С. 12. *...отцовской бекеше...* — Бекеша, бекешь (через польск. *bekiesza* из венг. *bekeš*) — верхняя мужская одежда на меху, в талию и со сборками (см.: *Шведова*. С. 38; *Фасмер*. Т. 1. С. 146). Название связывают с фамилией венгерского дворянина Каспара Бекеша (1520—1579), носившего такую одежду (*БАС*₂. Т. 1. С. 514; *Глинкина*. С. 42).

С. 12. *...через Невский перебежал, а она из магазина выходит, в карету садится. Так меня тут и прожгло*. — Ср. рассказ Армана Дювала в «Даме с камелиями»: «Первый раз я ее увидел на Биржевой площади у дверей магазина, где остановилась открытая коляска. Из нее вышла дама в белом платье. Шепот восторга встретил ее появление в магазине. Что касается меня, то я стоял как пригвожденный» (*Дюма (сын)*. С. 55).

С. 12. *...в смазных сапогах...* — Т. е. кожаных, смазанных дегтем (см.: *БАС*₁. Т. 13. Стлб. 1319).

С. 12. *Тут он мне и внушил, что сегодня же можешь Настасью Филипповну в Большом театре видеть, в балете, в ложе своей...* — Эти детали вызывают ассоциации с тем, что именно в театре, «в ложе бельэтажа», героиню «Дамы с камелиями» Маргариту Готье «увидел» во второй раз Арман Дюваль. См.: *Дюма (сын)*. С. 55—60.

С. 12. *...в бенуаре...* — Бенуар (фр. *baignoire* — ложа бенуара) — нижний ярус театральных лож, на уровне сцены.

С. 12. *...два пятипроцентные билета...* — Пятипроцентный билет — разновидность ценных бумаг, которые приносили владельцу 5% годового дохода.

С. 12. ...к Андреевым в контору... — Вероятно, имеется в виду купеческая контора. См.: 1995. Т. 8. С. 731.

С. 12. ...в английский магазин... — Отмечено упоминание в городском путеводителе английского магазина «с универсальной <...> торговлей <...>» фирма Никольс и Плинке, содержатель [Роберт] Кохун», основанного в 1759 г. и находившегося на углу Невского проспекта (№ 16) и Большой Морской, в доме Васильчикова (Михневич. С. 509). См.: 1995. Т. 8. С. 731—732.

С. 12. ...да на все пару подвесок и выбрал, по одному бриллиантику в каждой... — В данном случае речь идет о серьгах, ср. со словами Настасьи Филипповны: «Вот, говорит, тебе, старая борода, твои серьги <...>» (8, 13). Ассоциации с «алмазными подвесками королевы» из романа А. Дюма-отца «Три мушкетера» (1844) придают любви Рогожина в этом эпизоде возвышенный и рыцарственный характер.

С. 13. — Сживывал! — переговорил Рогожин: — ты что знаешь? — Эти слова восходят отчасти к записям № 28, 33 и 431 СТ (см.: 4, 268, 287; 460, 498).

С. 13. ...по машине и отправился... — На поезде.

С. 13. ...святыми зачитывать старухи принялись... — Святцы — перечень святых по дням, в которые отмечается их память. Зачитывать — читать вслух, оглашать (БАС₂. Т. 6. С. 633).

С. 14. ...совсем ты, князь, выходишь юродивый... — Ср. в «Селе Степанчикове и его обитателях»: «Нельзя было назвать его совершенным идиотом или юродивым, но он был до того наивен, до того правдив и простодушен, что иногда действительно его можно было счесть дурачком» (3, 66). Слово «юродивый» в романном контексте многозначно, так как соотносится и с определением князя Мышкина как «идиота», и с юродством как частью русской духовной культуры. «Юродивый Христа ради», или «блаженный», — в древнерусской агиографии пример «мирянской святости», см. подробнее: Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М., 2003. С. 179—191. О теме юродства в романе см. с. 562—563 и др.

С. 15. — А ты ступай за мной, строка... — Строка — то же самое, что приказная строка (устар., пренебреж. — о чиновнике, писце). В СТ (под № 109) есть запись «Эй ты, строка» (4, 271, 471).

С. 15. ...к Вознесенскому проспекту. — Вознесенский проспект, где Достоевский жил с весны 1847 по апрель 1849 г. и с февраля по апрель 1867 г., неоднократно упоминается в его произведениях. См.: Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С. 270—271.

С. 15. ...несколько в стороне от Литейной, к Спасу Преображения. — Названный собор расположен на площади, замыкающей улицу Пестеля (бывшую Пантелеймоновскую). Восстановлен в 1825—1829 гг. по проекту В. П. Стасова на месте храма, сгоревшего в 1825 г.

С. 15. В старину генерал Епанчин ~ участвовал в откупах. — Откуп — продажа частному лицу права на взывание государственных налогов или доходов с государственной монополии. В России были осо-

бенно распространены винные откупа, приносившие огромные доходы откупщикам и разорявшие население. В 1863 г. они были отменены.

С. 15. ...из солдатских детей... — Солдатские дети, или кантонисты, со дня рождения числились за военным ведомством; подготовлялись к службе в особых низших военных школах (БАС₂. Т. 7. С. 621).

С. 15. ...имел систему не выставляться, где надо стушевываться... — Здесь: стушевываться — становиться незаметным, отступать на второй план. О глаголе «стушеваться», введенном в литературный язык Достоевским в «Двойнике», см. подробнее: 1, 714—715.

С. 15. ...но он любил выставять себя более исполнителем чужой идеи ~ человеком «без лести преданным»... — Намек на девиз «Без лести предан» в гербе А. А. Аракчеева (1769—1834), присвоенный ему Павлом I (ср. эпиграмму А. С. Пушкина «На Аракчеева» «Всей России притеснитель...», 1817—1820).

С. 17. ...средняя была замечательный живописец ~ да и то нечаянно. — В Акад. ПСС имя Аделаиды возводится к древнегреческому «ἁδῖλος», означающему «незаметная», «неизвестная», и подчеркивается связь имени с этой авторской ремаркой, указывающей на скромность героини (Т. 9. С. 429). В действительности имя Аделаида восходит к древнегерманскому Адельгейда — «благороднорожденная, принадлежащая к знатному роду» (Adalhaid, от adal — «благородное семейство» и heit — «состояние, род»). Ср.: 1995. Т. 8. С. 734—735.

С. 17. ...ливрейный слуга... — Слуга, одетый в форменную одежду — ливрею (от фр. livrée — выданная, порученная).

С. 18. — В передней вам не стать... — Не стать (устар.) — не следует, не пристало, не нужно (БАС₁. Т. 14. Стлб. 801).

С. 18. ...камердинер... — Камердинер (от нем. Kamerdiner — комнатный слуга) — слуга в богатом дворянском доме.

С. 18. Мне кажется, вы хотели спросить: точно ли я князь Мышкин? да не спросили из вежливости. — Проницательность Мышкина вызывает ассоциации с аналогичной чертой Иисуса Христа в изображении Э. Ренана. Ср.: «Своим быстрым успехом Иисус обязан был бесконечному обаянию своего характера и своей речи. Удачно сказанное слово, проницательный взгляд в неразвращенную душу, нуждавшуюся лишь в горячем искреннем слове, приобретали ему часто самого пламенного последователя» (Renan, 1863. P. 162).

С. 19. ...в чужой монастырь... — Имеется в виду пословица «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» (вариант: «...со своим уставом не ходи»). Под уставом понимается свод правил, определявших монастырскую жизнь.

С. 20. — Здесь у вас в комнатах теплее, чем за границей зимой ~ то есть печи и окна. — Ср. с рассказом Достоевского в письме к А. Н. Майкову из Женевы от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.: «...5 месяцев в году здесь ужасные холода <...> и при всем этом нет ума хоть капельку исправить жилища! <...> Ведь только бы одни двойные рамы — и даже с каминами можно бы жить! Я уж не говорю — печь поставить. <...> У меня в комнате, при ужасной топке, бы-

вало только +5° Реомюр<а> (пять градусов тепла!)» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 244).

С. 21. *Здесь про суды теперь много говорят.* — О подготовке и проведении судебной реформы см.: 7, 706—707. По свидетельству жены писателя, «в зиму 1867 года Федор Михайлович чрезвычайно интересовался деятельностью суда присяжных заседателей, незадолго пред тем проведенного в жизнь. Иногда он даже приходил в восторг и умиление от их справедливых и разумных приговоров и всегда сообщал мне всё выдающееся, вычитанное им из газет и относящееся до суда» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 222). Положительный отзыв о деятельности присяжных встречаем в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1867 г. (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 228). Но чаще приговоры присяжных вызывали у него тревогу и недоумение. В ДП за 1873 г. (гл. III, «Среда») Достоевский вспоминал, как, с жадностью читая за границей всё, «что касалось русских судов, в наших газетах», он возмущался оправданием «явных, доказанных» преступлений (Там же. Т. 21. С. 19). Полемика с теорией фатальной обусловленности преступлений влиянием среды звучит и в «Идиоте» (см. с. 772—773, 795).

С. 21. *...у нас смертной казни нет.* — Смертная казнь в России была отменена указами императрицы Елизаветы Петровны в 1753—1754 гг., но при Екатерине II была вновь введена как высшая кара за государственные, воинские и некоторые другие преступления. 17 апреля 1863 г. были отменены лишь наказания плетью и шпицрутенами, фактически являвшиеся разновидностью смертной казни. В 1860-е годы в связи с подъемом освободительного движения смертная казнь применялась особенно часто. Незадолго до отъезда Достоевского за границу, 3 сентября 1866 г., в Петербурге на Смоленском поле был повешен Каракозов. Таким образом, утверждение, что в России «смертной казни нет», и ссылка на то, что князь видел ее лишь за границей, введены Достоевским (который сам в 1849 г. был приговорен по делу петрашевцев к расстрелу), вероятно, с целью предохранить от вмешательства цензуры те страницы романа, где содержатся рассуждения Мышкина о смертной казни.

С. 21. — *А там казнят?* — *Да. Я во Франции видел, в Лионе ~ во Франции всё головы рубят.* — Во Франции уголовных преступников до конца XIX в. казнили публично (казнь за политические преступления была в 1848 г. отменена). Картину публичной казни описывает в очерке «Казнь Тропмана» (1870) присутствовавший при гильотинировании Тургенев. Очерк заканчивается словами: «Я буду доволен <...> если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере — отмены ее публичности» (Тургенев, *Сочинения*, 1978. Т. 11. С. 151).

С. 21. *Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Лёгро по фамилии.* — Фамилия преступника носит говорящий характер: le gros (фр.) — крупный, большой; грубый; важный (см.: 1995. Т. 8. С. 736).

С. 21. Сказано: «*Не убий*»... — См.: Исх. 20:13; Втор. 5:17. Эта заповедь Ветхого Завета неоднократно приводится и в Евангелиях — в русском переводе «не убей» и «не убивай»: Мф. 5:21, 19:18; Мк. 10:19; Лк. 18:20. Вариант «не убий» («не убивай», церк.-слав. «не убій») — в Евангелиях от Марка и от Луки. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 9, 49, 108, 191.

С. 22. — *Хорошо еще вот, что муки немного ~ так многие говорили?* — Ссылаясь на то, что «многие говорили» о нестерпимых страданиях осужденных на казнь, Достоевский прежде всего имеет в виду повесть В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829), к которой он относился с особым интересом (см. об этом ниже и в комментариях к «Преступлению и наказанию» и «Кроткой» — 7, 641—642 и *Акад. ПСС*. Т. 24. С. 387—388). Скорее всего, Достоевский читал повесть и по-французски; а из нескольких русских переводов его безусловно наиболее заинтересовал принадлежащий М. М. Достоевскому (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 79—166), который и цитируется в дальнейшем. Достоевский, как и Гюго, утверждает, что страшнее всего душевные муки приговоренного к гильотинированию. Ср. у Гюго: «Во всем этом они видят только вертикальное падение треугольного ножа и, конечно, уверены, что для осужденного не было ничего прежде, не будет ничего после. <...> Они в восторге от того, что изобрели средство убивать людей без страданий тела. Но разве вопрос в этом? Что значит физическая боль в сравнении с моральной? <...> Должно быть, там есть пружина и заставят лечь ничком... Ах! волосы у меня поседеют, прежде чем упадет голова. <...> Ничего! Пустяки! Меньше минуты, меньше секунды, и всему конец. — Да поставили ли они себя хоть раз в жизни в положение того, кто там лежит, в то время как падает тяжелое острие, впивается в мясо, рвет нервы, ломает позвонки? Что за важность! Полсекунды! и боль исчезла... Ужас!» (Там же. С. 91, 135, 149; ср.: Гюго. Т. 1. С. 236, 268, 279). В ином контексте мысль о том, что «в мучении материальном» забывается «хоть на миг» «страшнейшая сего мука духовная», звучит у Достоевского в «Братьях Карамазовых» (ч. II, кн. 6, гл. III) (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 293). Кроме того, в развитии темы смертной казни в романе «Идиот» могли отразиться «Записки палача» А. Сансона (Париж, 1862—1863), а также статья В. А. Жуковского «О смертной казни» (опубл. в 1857). См. подробнее: *Перлина Н.* Достоевский о смертной казни: Историко-литературное эссе в двух частях // *Достоевский и мировая культура*. № 18. С. 71—95.

С. 22. *Я до того этому верю ~ с ума сойдет или заплачет.* — Теми же идеями проникнут «Последний день приговоренного к смерти». Словам Достоевского особенно созвучен финал VII главы: «Боже мой! меня спасите, меня! правда ли, что это невозможно, что должно будет умереть завтра, сегодня может быть, что это непременно будет? Боже мой! От этой ужасной мысли можно раздробить себе голову о тюремные стены» (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 92; ср.: Гюго. Т. 1. С. 236). О мучительном состоянии и слезах осужденных при объявлении им смертного приговора рассказывается в публикациях «Време-

ни» из уголовных дел Франции: «Процесс Ласенера» и «Таинственное убийство» (Вр. 1861. № 2. С. 38; 1862. № 1. С. 83 и 101). См.: Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань, 1975. С. 16—17, см., кроме того, главу «Воспоминание о смертной казни в романе „Идиот“» на с. 71—80; Рак В. Д. Источник очерков о знаменитых уголовных процессах в журналах братьев Достоевских // Д, Материалы и исследования. Т. 1. С. 239—241.

С. 22. *Может быть, и есть такой человек ~ мог бы рассказать.* — Достоевский говорит здесь прежде всего о себе и других петрашевцах, которым об отмене смертной казни было сообщено лишь после чтения приговора и приготовлений к расстрелу. Он рассказал об этом в письме к брату Михаилу от 22 декабря 1849 г. (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 161—162). Из газет писатель, вероятно, знал, что «казнь» петрашевцев не была единичным случаем: подобной варварской пытке подвергались и другие осужденные (см. подробнее: Дороватовская-Любимова, 2011. С. 221). См. также: Волгин И. А. Последний год Достоевского. М., 2017. С. 197—221.

С. 22. *Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил.* — Имеется в виду «моление о чаше» в Гефсиманском саду — «моление Христа, охваченного ужасом предстоящей Ему крестной казни» (Соломина-Минихен, 2016. С. 119): «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь, и бдите со Мною. И отошед немного, пал на лице Свое, моляся и говоря: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; однако не как Я хочу, но как Ты» (см.: Мф. 26:38—39, а также 37, 42, 44; ср.: Мк. 14:33—36). Евангелие от Луки дополняет этот эпизод: «И, будучи в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, которые падали на землю» (Лк. 22:44; ср.: Евр. 5:7). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 71—72, 122, 205, 562, а также ниже, с. 801.

С. 23. *...с маленькою наполеоновскою бородкой...* — Таковую бороду носил Наполеон III (1808—1873), император Франции с 1852 г.

С. 23. *...взгляд, несмотря на всю веселость ~ когда один, совсем не так смотрит и, может быть, никогда не смеется»...* — Ср. портрет князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «Это лицо именно отвращало от себя тем, что выражение его было как будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слепое убеждение зарождалось в вас, что вы никогда и не добьетесь до настоящего его выражения. Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней маской что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое» (3, 273).

С. 26. *...которые насыщенный хлеб дают?* — Евангельская цитата (строки из молитвы «Отче наш»): «...хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. 6:11, ср.: Лк. 11:3), см.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 12, 168; Т. 2. С. 174—175.

С. 27. *...в кантоне Валлийском...* — Кантон (фр. *canton*) — название территориально-административной единицы в Швейцарии. Валис (также Вале) — кантон на юго-западе страны.

С. 27. ...лечит по своей методе холодною водою, гимнастикой, лечит и от идиотизма, и от сумасшествия... — Местами распространения идиотизма и его разновидности — кретинизма считались кантоны Валлис и Ури (один из старейших католических кантонов Швейцарии), упоминаемые в «Идиоте», что объясняет и место расположения клиники доктора Шнейдера, в которой находился Мышкин (см.: 1995. Т. 8. С. 737—738).

С. 27. — *А почерк превосходный. Вот в этом у меня, пожалуй, и талант; в этом я просто каллиграф.* — Еще одна автобиографическая черта князя Мышкина. В рабочих тетрадях Достоевского представлены многочисленные образцы каллиграфии писателя, отражающие его отклики на исторические события, а также его эстетические впечатления, воспоминания. См. с. 839—851 и др.

С. 27. — *У вас же такие славные письменные принадлежности ~ какая плотная, славная бумага...* — «Федор Михайлович, — отмечала по поводу этих строк А. Г. Достоевская, — любил хорошие письменные принадлежности и всегда писал свои произведения на плотной хорошей бумаге с едва заметными линейками. Требовал и от меня, чтобы я переписывала им продиктованное на плотной бумаге только определенного формата. Перо любил острое, твердое. Карандашей почти не употреблял» (см.: Гроссман, Семинарий. С. 58).

С. 28. ...я уверен, что это место я видел; это в кантоне Ури... — «Гражданином кантона Ури», как известно, станет герой романа «Бесы» Ставругин.

С. 28. ...да и не интересанка совсем. — Интересанка (от фр. intérêt — в значении: интерес, выгода) — руководящаяся в своих поступках личным расчетом.

С. 28. ...*быть или не быть!* См. также с. 338: *Помните у Гамлета: «Быть или не быть?»* — Отсылка к словам Гамлета, героя одноименной трагедии В. Шекспира (д. 3, сц. 1).

С. 31. *На толстом веленом листе...* — Веленевая (фр. vélin — пергамент из телячьей кожи) бумага — высокосортная, плотная и гладкая бумага.

С. 31. ...*игумен Пафнутий...*; см. также с. 52: — *Игумен Пафнутий, четырнадцатого столетия ~ правил пустыню на Волге, в нынешней нашей Костромской губернии.* — Возможно, имеется в виду ученик преп. Авраамия Галичского (Чухломского, Городецкого), основателя Авраамиевой чухломской верхней пустыни на реке Виге (XIV в.) (в книге П. М. Строева основателем пустыни ошибочно назван Пафнутий: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 869; см. также: Дорофеева К. В. Житие преподобного Авраамия Галичского // Вестн. церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22). С. 36, 54). Пафнутий был поставлен на игуменство своим учителем в Верхнем монастыре (пустыни) Собора Пресвятой Богородицы на реке Виге (ныне Костромская обл., Чухломский р-н, с. Коровье). Мышкин неточен в пояснениях, говоря, что Пафнутий «правил пустыню на Волге»: Вига является правым

притоком реки Унжа, впадающей в Волгу (см.: *Крапивин Г. Н.* К чему приложил руку игумен Пафнутий? // *РЛ.* 2014. № 4. С. 146). Игумена Пафнутия упоминал Р. В. Плетнев, говоря о задаче создания «положительного типа», «первым опытом» решения которой, по мнению исследователя, был роман «Идиот» (см.: *Плетнев Р. В.* «Сердцем мудрые»: (О «старцах» у Достоевского) // *Вокруг Достоевского.* С. 251—252, 387). В «Словаре личных имен у Достоевского» (сост. под общ. ред. А. Л. Бема) указан другой Пафнутий: «Пафнутий, игумен (Боровский, в мире Парфений, ум. 1478)» (Там же. С. 338), что не соответствует упоминанию в романе «четырнадцатого столетия»: преп. Пафнутий Боровский основал монастырь в XV веке в Калужской епархии (1995. Т. 8. С. 739). Возможна также параллель с «игуменом Пафнутием» из пушкинского «Бориса Годунова», настоятелем Чудова монастыря, принявшим в него монахом Григория Отрепьева (*Крапивин Г. Н.* К чему приложил руку игумен Пафнутий? С. 148—151).

С. 31. ...руку приложил». — Прикладывать, приложить руку (устар., иноск.) — поставить свою подпись (*Шведова.* С. 843). Ср. у Пушкина в «Моей родословной» (1830): «Когда Романовых на царство / Звал в грамоте своей народ, / Мы к оной руку приложили <...>» (*Пушкин.* Т. 3. Кн. 1. С. 262; параллель отмечена: *Крапивин Г. Н.* Штрихи к портрету «главного» героя. «А был ли князь?» // *Достоевский и современность.* Чт. 30 (2015). 2016. С. 151).

С. 31. ...со снимка четырнадцатого столетия. — Снимок — «оттиск или отпечаток» с чего-либо, копия, список (*Даль.* Т. 4. С. 246).

С. 31—32. Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты ~ хоть погодинского издания, генерал? — «Погодинских изданий» было два: 1) изданный М. П. Погодиным альбом «Образцы славяно-русского древлеписания», тетради 1—2 (М., 1840—1841). В нем представлены 44 образца рукописных шрифтов (с IX по XVIII в.), снятые и литографированные К. Я. Тромониным. В этом издании Достоевскому запомнился 18-й образец из второй тетради (единственный в альбоме пример подписанного документа), которому М. П. Погодин дал в предисловии следующее описание: «„Употреби труд...” Из духовного завещания святителя Митрофана (с его подписью по листам, здесь собранною), преставившегося в 1703 году»; 2) Русский исторический альбом (М., 1853), где встречается несколько подписей деятелей русской церкви Смутного времени, с использованием слов «смиранный» и «руку приложил» (например, в образцах № 115, 116, 117 и 118) (см.: *Крапивин Г. Н.* К чему приложил руку игумен Пафнутий? С. 149).

С. 32. Я перевел французский характер в русские буквы... — Характер (фр. *caractère*) — буква, литера, знак (письменности); характер, нрав, свойство, признак, характерная черта.

С. 32. ...«Усердие всё превозмогает». — Эти слова были, по приказу Николая I, выбиты в 1838 г. на медали в честь графа П. А. Клейнмихеля (1793—1869) после перестройки под его руководством Зим-

него дворца. В контексте данного эпизода изречение это служит прежде всего характеристикой генерала Епанчина и иллюстрирует проницательность Мышкина (отметим кстати, что Клейнмихель был в чине генерал-адъютанта). Вероятно, Достоевскому напоминало об этой фразе постоянное чтение за границей Герцена, который обращался к ней часто, как и к фигуре Клейнмихеля: см., например, главу «Вместо продолжения» в повести «Долг прежде всего» (1851, лондонские издания — 1854 и 1857). Герцен сравнил с Клейнмихелем вятского губернатора Тюфяева, представив последнего в «Былом и думах» как человека «без высших притязаний, без развлечений, без мнений <...> формально честного, снедаемого честолюбием и ставящего повиновение в первую добродетель людскую», которому свойственно «отречение от воли и мысли перед властью» (Герцен. Т. 8. С. 236, 250; ср. с характеристикой «самоучного» генерала Епанчина, претендующего на «очень высокое место», — 8, 17, 300—301). В «Былом и думах» упоминаются также эпизод восстановления от пожара Зимнего дворца и слова на памятной медали (Герцен. Т. 8. С. 250).

С. 32. ...у одного французского путешествующего комми...; см. также с. 65: *Один проезжий французский комми...* — Комми (фр. *commis*) — приказчик. В данном случае имеется в виду разъездной торговый агент (коммивояжер), предлагающий товары по образцам или каталогам продавца.

С. 35. ...не знал, куда голову приклонить. См. также с. 50: ...не знает, где главу приклонить. — Евангельская цитата, ср.: «Иисус говорит Ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные гнезда; а Сын человеческий не имеет, где приклонить голову», церк.-слав.: «...Сынъ же чловѣческій не имать гдѣ главы подклонити» (Мф. 8:20). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 18; Т. 2. С. 196—197; *Гиди-ни М. К.* Некоторые заметки на полях итальянского перевода «Идиота» Ф. М. Достоевского // «Идиот», ССИ. С. 464.

С. 36. *Все три девицы Епанчины были...* — По предположению Н. М. Перлиной, «моделью» для описания сестер Епанчиных «послужил увиденный» писателем в Дрезденской галерее «групповой портрет работы Пальма Веккьо „Три сестры“, списанный с натурщиц...» (Перлина, 2017. С. 13).

С. 36. ...согласный конклав трех девиц... — Конклав (лат. *conclave* — запирающаяся комната) — зал, в котором собираются кардиналы для избрания нового римского папы после смерти его предшественника (на время выборов зал запирали на ключ, чтобы исключить всякое сообщение с внешним миром), а затем и само это собрание. Здесь: союз, сообщество.

С. 38. ...сондировал дело... — Сондировать (нем. *sondieren*; фр. *sonder*) — зондировать, исследовать погружением, перен. прощупывать, разведывать (намерения).

С. 39. *На третий день ~ а деточки целы остались*». — Этот трагический эпизод отчасти восходит к действительному происшествию, которое было глубоко пережито Достоевским в детстве. В I главе

апрельского выпуска *ДП* за 1876 г. рассказывается о том, как в третий день пасхальной недели, когда вся семья Достоевских сидела за чаем, отворилась дверь и на пороге показался дворовый человек Григорий Васильев, «сейчас только из деревни прибывший». «В отсутствие господ ему даже поручалось управление деревней, и вот вдруг вместо „управляющего“, всегда одетого в немецкий сюртук и имевшего солидный вид, явился человек в старом зипунишке и в лаптях. <...>

— Что это? — крикнул отец в испуге. — Посмотрите, что это?

— Вотчина сгорела-с! — пробасил Григорий Васильев.

<...> Оказалось, что всё сгорело, всё дотла: и избы, и амбар, и скотный двор, и даже яровые семена, часть скота и один мужик, Архип. С первого страха вообразили, что полное разорение» (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 112). Брат писателя, чрезвычайно подробно излагающий этот же эпизод в своих «Воспоминаниях», относит его не к 1830 (как в *ДП*), а к 1833 г. (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 63—64).

С. 39—40. ...вдруг заметил ~ девочку лет двенадцати, резвую, милую, умненькую и обещавшую необыкновенную красоту... — В истории Любоньки Круциферской из романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (опубл. в 1846) также особо выделен именно этот возраст: «Любоньке было двенадцать лет, когда несколько слов, из рук вон жестких и грубых, сказанных Негровым в минуту отеческой досады, в несколько часов воспитали ее, дали ей толчок, после которого она не останавливалась. С двенадцати лет эта головка, покрытая темными кудрями, стала работать <...>» (*Герцен*. Т. 4. С. 47).

С. 40—41. Ровно чрез четыре года это воспитание кончилось ~ откуда могла она приобрести такие сведения, выработать в себе такие точные понятия. — Ср. в романе А. И. Герцена «Кто виноват?»: «Так прошло пять лет. Пять лет в развитии девушки — огромная эпоха; задумчивая, скрытно-пламенная, Любонька в эти пять лет стала чувствовать и понимать такие вещи, о которых добрые люди часто не догадываются до гробовой доски <...>» (*Герцен*. Т. 4. С. 47).

С. 40. ...деревенька, как нарочно, называлась селъцо Отрадное. — См. об этом выше, с. 541. Имеют значение и литературные параллели: название, возможно, не случайно совпадает с названием имения Ростовых в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

С. 40. ...удивительная левретка... — Левретка (фр. levrette) — небольшая комнатная собака из породы борзых.

С. 41. Себя, свой покой и комфорт он любил и ценил более всего на свете, как и следовало в высшей степени порядочному человеку. См. также с. 270: Ведь вы ужасно все любите красоту и изящество форм... — В этом замечании звучит характерная для Достоевского ирония по отношению к идеалу «comme il faut», который в повести Л. Н. Толстого «Юность» (опубл. в 1857) развивает Николай Иртенев (см.: *Кибальник*. С. 214—216).

С. 41. Ни малейшего нарушения ~ приняло такую прекрасную форму. — Изображение житейского идеала русского дворянина новой буржуазной эпохи оживляет ассоциации с изображением француза в

«Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Игроке». Ср.: «Француз, мистер Астлей, это — законченная, красивая форма» (5, 351). Поскольку в романе «Игрок» эта «форма» представлена Алексеем Ивановичем как причина увлечения Полины Де-Грие, то именно с этим героем ассоциируется здесь отчасти Тоцкий.

С. 42—43. *Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват ~ струсив раз, уже никак потом не мог успокоиться.* — Как и его «двойник» Епанчин, Тоцкий наследует эту черту у «генерала» «Игрока», «необыкновенную трусость» которого не раз отмечает Алексей Иванович (5, 273).

С. 44. *...по фамилии Птицын...* — М. С. Альтман указал на связь «птичьей» фамилии этого персонажа с фамилиями двух известных в Петербурге «денежных дельцов и владельцев доходных домов» — Воронина и Утина (Альтман. С. 73—74). О зоолексемах в фамилиях героев Достоевского см. также: *Владимирцев В. П. Поэтический бестиарий // Владимирцев В. П. Достоевский народный.* Иркутск, 2007. С. 300—315 (о смысле «оксюморона-оппозиции» «Лев Мышкин» — на с. 304—306).

С. 45. *Затем стал говорить генерал Епанчин, в своем качестве отца ~ судьба его дочери, а может быть, и двух других дочерей, зависит теперь от ее же решения.* — Аналогичным образом в «Даме с камелиями» отец Армана просит Маргариту оставить Армана, чтобы его сестра могла сделать блестящую партию: «Будущее ребенка, который вам ничего не сделал, в ваших руках» (Дюма (сын). С. 179). И Маргарита, сделав вид, что разлюбила Армана, уходит к новому сожителю.

С. 45. *...Гаврила Ардалионович Иволгин ~ давно уже любит ее всею силой страсти и, конечно, отдал бы половину жизни за одну надежду приобрести ее симпатию.* — Тоцкий живописует Ганю Иволгина так, как если бы он был еще одним русским Арманом Дювалем (который был именно таким образом влюблен в Маргариту Готье в романе «Дама с камелиями»), между тем как в действительности Ганя сюжетно играет роль «камердинера» из романа Герцена «Кто виноват?», за которого генерал Негров выдал замуж свою бывшую сожительницу крестьянку Дуню.

С. 47. *...нет ли и тут змеи под цветами.* — Скрытая цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира в переводе М. Н. Каткова. В этом переводе «Ромео и Юлия, драма в пяти действиях. Соч. Виллиама Шекспира» была опубликована в 1841 г. в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (Ч. 1. С. 1—64). См. слова Юлии в д. 3, явл. 8 (с. 37): «Змея, змея, сокрытая в цветах!». Достоевский цитировал их еще в 1847 г. в «Романе в девяти письмах» (1, 269). Выражение «змея под цветами» восходит к тексту «Буколик» Вергилия (70—19 до н. э.) («*Latet anguis in herba*» — «Скрывается змея в траве»). Используется как афоризм, означающий скрытую, но близкую опасность, ср.: «Лстец под словами — змей под цветами» (Даль, Пословицы. Т. 2. С. 150). Встречается в литературе, например у Карамзина и Жуковско-

го (Михельсон. Т. 1. С. 521). См. также: Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир // *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 129.

С. 49. «Точно Бог послал!» — подумал генерал про себя, входя к своей супруге. См. также с. 78: ...я верую, что вас именно для меня Бог привел в Петербург из Швейцарии; с. 294: ...я всё еще верю, что сам Бог тебя мне как друга и как родного брата прислал. — Удовлетворение Епанчина, которому появление Мышкина позволяет избежать неприятного объяснения с женой, принимает у него такую словесную форму, в которой, помимо прямого смысла, обыгрывается также внутренняя сопоставленность Мышкина с действительным посланцем Бога — Христом. Реплики Лизаветы Прокофьевны представляют собой своего рода рефрен мысли генерала Епанчина, заключающей главу IV первой части романа. Столь различные между собой и притом раздираемые самыми болезненными противоречиями супруги Епанчины незаметно для самих себя в одном этом совершенно совпадают. Это обстоятельство предваряет ассоциации с Христом, которые образ Мышкина вызывает в главе VI, где изложена история Мари.

С. 50. ...дится совершенное, с ним можно еще в жмурки играть. — Генерал Епанчин использует слово «жмурки» в его прямом значении («детская игра, в которой один из участников с завязанными глазами ловит других» — Шведова. С. 237). Лизавета Прокофьевна задает вопрос, словно бы не понимая сказанного: «— В жмурки играть? Каким образом?» Аглая в этот момент начала сердиться («с досадой перебила»), Аделаида «не выдержала и рассмеялась». Через вопрос Лизаветы Прокофьевны и реакцию ее дочерей здесь, возможно, обыгрывается то значение, которое бытовало в XVIII—XIX вв.: жмурки как «игра любовная», «предсвадебная», — тем более что далее в романе мотив женитьбы князя Мышкина, то на Настасье Филипповне, то на Аглае, становится сквозным. По наблюдению К. А. Богданова, И. П. Сахаров в «Сказаниях русского народа» (1836—1837) описывает игру в жмурки «как русскую, хотя и очевидно, что в своем описании он близок не столько народной традиции, сколько традиции галантных забав „высшего света”» (см. подробнее: Богданов К. А. Игра в жмурки: сюжет, контекст, метафора // Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2015. С. 135—136): «Жмурки, или Слепой козел, есть игра домашняя, игра девушек и молодых мужчин, в большие зимние вечера. Девушки, с завязанными глазами, как бы лишенные зрения, стараются более поддаваться в руки любезных молодых мужчин, а о мужчинах и говорить нечего. Влюбленные, под видом оплошности, только одни и играют во весь вечер эту игру, тогда как другие только посмеиваются их незнанию прятаться от поисков Козла. Нет сомнения, что эту игру избрела любовь: ведь наши предки любили не хуже нас» (Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: В 2 т. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1. С. 75).

С. 52. ...вы чрезвычайно меня интересуете. — Ср. ремарку мистера Астлея Алексею Ивановичу в «Игроке» о «бабушке»: «Она

чрезвычайно интересует меня...» (5, 280). Отдельные черты и фразы мистера Астлея перешли к Лизавете Прокофьевне (см.: *Кибальник*. С. 348).

С. 54 ...в Базеле, при въезде в Швейцарию... — Базель — город на северо-западе Швейцарии. В Базеле Достоевский увидел картину Г. Гольбейна Младшего «Мертвый Христос», см. выше, с. 568—577, 650—652, 672—673 и др.

С. 54. ...меня разбудил крик осла на городском рынке ~ Это еще в мифологии было. — Помимо евангельских ассоциаций с Христом, въезжающим в Иерусалим на осле (Мф. 21:1—9, Мк. 11:1—10, Лк. 19:29—38, Ин. 12:12—15), здесь актуализированы сюжетные мотивы романа древнеримского писателя Апулея (ок. 135—ок. 180) «Метаморфозы, или Золотой осел» и, может быть, также комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и «Орлеанской девственницы» Вольтера. См.: Касаткина Т. А. Крик осла // «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, 1999. С. 146—157; Федорова Л. Гофман, Апулей и Достоевский: О системе подтекстов в романе «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 2. С. 111—119; Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 461—462.

С. 54. ...осел добрый и полезный человек. — Сходное высказывание прозвучало в «Дядюшкином сне» (слова Мозглякова): «...я вам докажу, что и осел может быть благородным человеком!» (2, 506).

С. 55. — Мы приехали в Люцерн, и меня повезли по озеру. — Люцерн — главный город одноименного кантона, расположенный на берегу Фирвальдштетского озера. Мышкин бессознательно воспроизводит противоречивые чувства, охватившие в Люцерне героя одноименного рассказа Л. Н. Толстого, пораженного одновременно красотой природы и черствостью людей, из которых никто не захотел вознаградить нищего певца: «...красота этой воды, этих гор и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня. <...> Мне становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжело, как это случается иногда без видимой причины при переездах на новое место. <...> Я не отдавал еще себе отчета в том, что испытывал; только что-то тяжелое, неразрешившееся наполняло мне душу и давило меня» (Толстой. Т. 5. С. 4, 7, 12).

С. 56. Восток и Юг давно описан... — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840). У Лермонтова:

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты...

(Лермонтов. Т. 1. С. 432).

С. 57. Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы ~ тотчас же новую жизнь увидишь... — Ср. в «Жизни Иисуса» Ренана: «Нет на свете страны, где бы горы раскидывались пред взором восхитительнее, где бы их вид наполнял человеческое сердце большим

благоговением к высокому. Иисус по-видимому их особенно любил» (Репан, 1863. С. 65).

С. 57. ...такой большой город мне всё мечтался, как Неаполь, в нем всё дворцы, шум, гром, жизнь... — Неаполь — портовый город в южной части Италии у подножия вулкана Везувий. Известен краткий отзыв Достоевского, прозвучавший в письме И. С. Тургеневу от 6 (18) октября 1863 г.: «Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 54).

С. 57. ...и в тюрьме можно огромную жизнь найти. — Последнюю похвальную мысль я еще в моей «Хрестоматии», когда мне двенадцать лет было, читала ~ А всё знакомство-то у него было с пауком да с деревцом, что под окном выросло... — Возможно, имеется в виду хрестоматия «Русская лирическая поэзия для девиц» (СПб., 1859. Ч. 1). Аглае в это время было двенадцать лет, так как начало романа приходится на 1867 г., когда ей двадцать лет. В «Хрестоматии» помещены два стихотворения, связанные с темой любви к жизни и надежды: И. И. Козлова «Молодая узница» и М. Ю. Лермонтова «Сосед». См. подробнее: 1995. Т. 8. С. 744.

Мотивы рассуждений Мышкина в значительной степени восходят к «Шильонскому узнику» Дж. Г. Байрона (1816) в переводе В. А. Жуковского (1822), особенно к последним его строфам. Наиболее важна XIV строфа:

И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там всё друг,
Всё однодомец было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне
<...>
И... столь себе неверны мы! —
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

(Байрон Дж. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 185).

В переводе XII строфы, варьирующей тот же мотив об «огромной жизни» в тюрьме, есть (как и в романе Достоевского) строки, навеянные изречением Мальтуса (см. о нем ниже, с. 788—789, 798—799) и отсутствующие в оригинале:

Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем <...>

(Байрон Дж. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 183).

Мысль об огромной жизни в тюрьме — одна из основных и в любимой Достоевским повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти».

Возможно, имеются в виду также напумевшие книги итальянского автора С. Пеллико (1789—1854) «Мои темницы» (1832) и «Обязанности человека» (1834). Подготовку русского перевода последней в 1836 г. приветствовал А. С. Пушкин: «Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получив свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, — прочли умильные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства. Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражения нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга „*Dei doveri*” устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина» (Пушкин. Т. 12. С. 99—100).

С. 57—59. *Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот ~ чтобы его поскорей застрелили.* — См. об этом выше, с. 726—727. По утверждению Д. Д. Ахшарумова, после отмены смертной казни один из осужденных, Ипполит Дебу, произнес: «Лучше бы уж расстреляли!» (Ахшарумов Д. Д. Из книги «Из моих воспоминаний (1849—1851 гг.)» // Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 1. С. 323). Отмечено в 1995 (Т. 8. С. 745).

С. 58. *Троих первых повели к столбам ~ чтобы не видно было ружей...* — Автобиографическая деталь. Ср. рассказ Ф. Н. Львова о казни петрашевцев: «Вслед за тем Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза» (Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского / Публ. В. Р. Лейкиной-Свирской // ЛН. Т. 63. Кн. 3. С. 187—188).

С. 58. *Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь.* — В действительности Достоевский, по его собственному свидетельству в письме брату Михаилу от 22 декабря 1849 г., «стоял шестым, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 161).

С. 58. *Он умирал двадцати семи лет...* — В 1849 г., когда Достоевский был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев, ему было почти столько же — 28 лет (военный суд вынес смертный приговор до 13 ноября 1849 г., см.: *Летопись*. Т. 1. С. 173).

С. 58. *...ему всё хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже некто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же?* — По-видимому, автобиографический момент. По свидетельству Ф. Н. Львова, во время казни петрашевцев Достоевский «был несколько восторжен, вспоминал „Последний день осужденного на смерть” Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: „*Nous serons avec le Christ*” («Мы будем вместе с Христом»). „*Un peu de poussière*”

(«Горстью праха»), — отвечал тот с усмешкою» (Записка о деле петрашевцев. С. 188).

С. 58. *Невдалеке была церковь ~ смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие...* — В непосредственной близости от места казни петрашевцев — Семеновского плаца, по другую сторону Загородного проспекта находилась церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, принадлежавшая лейб-гвардии Семеновскому полку (выстроена в 1836—1842 гг. по проекту архитектора К. А. Тона). Петрашевцы стояли на эшафоте так, что «лица их были обращены в сторону Введенской церкви», т. е. рассказ Мышкина и в этом месте, вероятнее всего, автобиографичен (см. подробнее: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 465—466).

С. 60. *С вашим квиетизмом можно и сто лет жизни счастьем наполнить.* См. также с. 63: — *Это, конечно, непохоже на квиетизм...* — Квиетизм (фр. *quiétisme*, от лат. *quietus* — спокойный, безмятежный) — религиозно-этическое учение, проповедовавшее мистически-созерцательное отношение к миру. Здесь: спокойствие, пассивность. Почти в том же значении употреблено это слово в ДП (1876, январь, гл. I, § 1): «...либерализм наш, казалось бы, принадлежит к разряду успокоенных либерализмов; успокоенных и успокоившихся, что, по-моему, очень уж скверно, ибо квиетизм всего бы меньше, кажется, мог ладить с либерализмом» (Акад. ПСС. Т. 22. С. 7).

С. 60. *...теперь совсем осовел.* — Осоветь — «впасть в полусонное, вялое и расслабленное состояние» (Шведова. С. 579).

С. 61. *...нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску.* — Высказано предположение о том, что сюжет картины отсылает к следующему факту: «...в последние часы жизни Шарлотты Корде молодой художник-дилетант Жан Жак Ауер (Jean Jacques Hauer) нарисовал ее портрет <...>. В XIX в. его работа находилась в Версальском музее, напротив знаменитой картины Давида „Смерть Марата“. В этом же зале был выставлен и выполненный Давидом портрет коротко остриженной и облаченной в одеяние смертника Марии Антуанетты, везомой на эшафот со связанными за спиной руками» (Перлина Н. Достоевский о смертной казни: Историко-литературное эссе в двух частях // Достоевский и мировая культура. № 18. С. 82).

С. 61. *...я в Базеле недавно одну такую картину видел ~ очень меня поразила.* — Возможно, Достоевский имеет в виду хранящуюся в Базельском художественном музее картину Х. Фриса (ок. 1460—1520 или 1523) «Усекновение главы Иоанна Крестителя» (1514), изображающую лицо Иоанна в тот момент, когда над ним уже занесен меч. Н. Перлина рассматривает эту картину как имеющую значение в развертывании темы «приговоренного к смертной казни» в разговоре с Епанчиными (Перлина, 2017. С. 108—116). Многие исследователи, однако, высказывают предположение, что под «одной такой картиной» имеется в виду главная живописная «цитата» романа — картина Голь-

бейна «Мертвый Христос». Помимо прочего, на это указывает реплика Мышкина в разговоре с Рогожиным перед полотном Гольбейна «Я эту картину за границей видел и забыть не могу» (8, 201), имеющая сходную структуру с комментируемой фразой (Новикова, 2016. С. 73), а также тот факт, что в подготовительных материалах «базельской» картины называется «Мертвый Христос» (1995. Т. 8. С. 745—746). См., кроме того: Соломина-Минихен, 2016. С. 190—191.

С. 62. *Тут часа три-четыре проходят на известные вещи ~ что такое туалет преступника?*)... — См. о завтраке перед казнью в «Последнем дне приговоренного к смерти» В. Гюго (гл. XVIII, XXX): «Мне принесли закуску: они думали, что я в ней нуждаюсь. Тонкие и лакомые блюда, цыплята, кажется, и еще что-то такое. Я попробовал есть; но первый же кусок выпал у меня изо рта: так всё это мне показалось горьким и вонючим» (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 115, 139). Туалет преступника, о котором упоминает Достоевский, подробно описан в гл. XLVIII этой повести (ср.: Гюго. Т. 1. С. 253, 271, 287—288).

С. 62. *Кругом народ, крик, шум, десять тысяч лиц, десять тысяч глаз, — всё это надо перенести...* — Ср. у Гюго: «Все эти голоса, эти головы у окон, у дверей, у решеток лавок, на фонарях <...> эта дорога мощеная и стены, облицованные человеческими лицами... Я опьянел, одеревенел, обезумел. Невыносима тяжесть такого множества остановившихся на вас взглядов» (Там же. С. 165; ср.: Гюго. Т. 1. С. 291—292).

С. 63. *...так и стучат разные мысли ~ пуговица заржавела*»... — Сходную мысль высказывает Достоевский в «Преступлении и наказании». Она отражает трагический опыт писателя, приговоренного к расстрелу за участие в кружке петрашевцев, а также варьирует настойчивый мотив гл. XLVIII «Последнего дня приговоренного к смерти» (см. подробнее: 7, 641—642).

С. 63. *И представьте же, до сих пор еще спорят, что, может быть, голова когда и отлетит, то еще с секунду, может быть, знает, что она отлетела, — каково понятие!* — Ср. с описанием смерти героя в рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» (1846): «...он всё еще помаленьку дрожал и трепетал всем телом, что-то силился сделать руками, языком не шевелил, но моргал глазами совершенно подобным образом, как, говорят, моргает вся еще теплая, залитая кровью и живущая голова, только что отскочившая от палачова топора» (1, 296). В. А. Туниманов, отметивший этот повторяющийся мотив, указал, что одним из источников его стала, вероятно, небольшая заметка «Продолжение жизни после обезглавления» (БдЧт. 1834. Т. 2. Отд. VII. С. 7—9), запомнившаяся Достоевскому еще в отрочестве (см.: Туниманов В. А. Некоторые особенности повествовательной манеры в «Господине Прохарчине» Достоевского // Туниманов, 2013. С. 79—80); ср. также с близким мотивом повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «А потом уверены ли они, что в самом деле не страдаешь? Кто сказал им это? Видано ли, чтоб отрубленная

голова стала вдруг, вся в крови, на краю короба и закричала народу: это не больно!» (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 149; ср.: Гюго. Т. 1. С. 279). См. также: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 467—468.

С. 64. *Их отцы и родственники на меня рассердились все, потому что дети, наконец, без меня обойтись не могли и всё вокруг меня толпились...*; см. также с. 71: *...я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к товарищам, а товарищи мои всегда были дети, но не потому что я сам был ребенок, а потому что меня просто тянуло к детям.* — Возможно, отсылка к евангельскому тексту: «И приносили к Нему детей, чтобы прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть царствие Божие. Истинно говорю вам, кто не примет царствия Божия, как дитя; тот не войдет в него. И обняв их, благословлял их, возлагая на них руки» (Мк. 10:13—16, ср.: Мк. 9:36—37). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 108, 106. Отмечено в 1995 (Т. 8. С. 746). Ср. в «Жизни Иисуса» Ренана: «Последние составляли вокруг Иисуса род маленькой гвардии, возмещавшей его любвеобильное царствие, они оказывали ему, наивно, по-своему, некоторые знаки почестей, которые он принимал с удовольствием, они величали его „сыном Давидовым“, восклицали Осанна, и махали пальмовыми ветвями вокруг него. Иисусу доставляло удовольствие смотреть, как эти юные апостолы, сопровождавшие его, забегали вперед и величали его такими титулами, которых он сам не дерзал себе присвоить. Он их не останавливал; а когда его спрашивали, слышал ли он их возгласы, — он отвечал уклончиво, что исходящая из детских уст хвала наиболее приятна Богу. <...> Он постоянно повторял, что дети святые существа, что царство Божие принадлежит детям, что необходимо стать младенцем, чтобы войти в него, что принимать его должно как младенцу, что Отец небесный скрывает свои тайны от мудрых и раскрывает их младенцам. „Учеников“ он почти отождествлял с младенцами» (Renan, 1863. P. 191—192).

С. 64. *Ребенку можно всё говорить, — всё...* — «Мысль, которую Федор Михайлович часто высказывал и которой держался в разговорах с своими детьми» (примеч. А. Г. Достоевской; Гроссман, Семинарий. С. 58).

С. 64—65. *...отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они всё понимают ~ важный совет.* — Эту мысль Достоевский развил позднее в ДП (1876. Май. Гл. II, § 1). Он говорит об «ужасающей, невероятной глубине понимания», с которой ребенок «вдруг осиливает, совсем неизвестно каким способом, иные идеи, казалось бы совершенно ему недоступные»: «Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о Боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть <...> он знает о Боге, может быть, уже столько же, сколько и вы, а о добре и зле и о том,

что стыдно и что похвально, — может быть, даже и гораздо более вас <...>» (Акад. ПСС. Т. 23. С. 22).

С. 65. *О Боже! когда на вас глядит эта хорошенькая птичка ~ лучше птички нет ничего на свете.* См. также с. 70: *Они, как птички, бились крылышками в ее окна...* — Возможно, отсылка к Библии. Ср.: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6:26). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 14. Ср. также метафорический образ души (духа) в виде птицы, наивысшим отражением которого в евангельском тексте является Святой Дух (Мф. 3:16, Мк. 1:10, Лк. 3:22, Ин. 1:32) (Словарь библейских образов / Под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб., 2005. С. 951).

С. 65. *...мы оба их ничему не научим, а они еще нас научат ~ Через детей душа лечится...* — Ср. с высказыванием Достоевского в ДП за 1876 г. (февраль, гл. II, § 5): «...мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами» (Акад. ПСС. Т. 22. С. 68—69).

С. 65. *...а потом даже камнями в меня стали кидать...*; см. также с. 67: *Я хотел было говорить, но они в меня стали камнями кидать*; с. 70: *...и началось на меня главное гонение всей деревни...* — Эти повторяющиеся мотивы восходят к евангельской ситуации (не дублируя ее буквально). На личном экземпляре Нового Завета Достоевский почти неизменно отмечал строки, рассказывающие о «гонениях» фарисеев на Христа, о том, как они «искали» побить его камнями, потому что слово его «не вмещается» в них. Так, в гл. 8 Евангелия от Иоанна отчеркнут и отмечен знаком «NB» ст. 37; в гл. 10 — ст. 30 отчеркнут. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 240, 247. См. также ниже, с. 802.

С. 65. *Она пришла домой, побираясь, вся испачканная ~ руки опухли и растрескались.* — Достоевский вводит в новеллу о Мари мотивы притчи о блудном сыне (Лк. 15:11—32; см.: *Соломина-Минихен, 2016. С. 32*).

С. 66. *...Мари каждый день обмывала ей ноги ~ не сказала ей ласково.* — Отсылка к евангельскому тексту. Ср.: «И так если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам: то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. <...> блаженны вы, когда то исполняете» (Ин. 13:14—17; см.: *Соломина-Минихен, 2016. С. 34*). Ст. 14 отчеркнут и отмечен знаком «NB» (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 256).

С. 66. *Она попросилась к пастуху, чтобы пустил ее коров стересть ~ от своего обеда давал, сыру и хлеба.* — Отсылка к евангельскому тексту. Ср.: «Когда же он прожил всё; настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пошел, пристал к одному из жи-

телей страны той; а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был наполнить чрево свое кормом, который ели свиньи; но никто не давал ему» (Лк. 15:14—16; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 183—184; Соломина-Минихен, 2016. С. 33).

С. 71. ...стал встречать иногда ~ и я забывал тогда всю мою тоску. — «В этом рассказе, — отмечает А. Г. Достоевская, — отразились дрезденские впечатления 1867 года: на Johannis Strasse, где мы жили, находилась народная школа, и Федор Михайлович всегда оставался, когда видел детей, выходящих из школы, и внимательно к ним присматривался» (*Гроссман, Семинарий*. С. 58; см. также: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 99, 233).

С. 71. «Теперь я к людям иду ~ Я положил исполнить свое дело честно и твердо. — Преображенный евангельский мотив. На личном экземпляре Нового Завета Достоевским выделены (в тексте Евангелия от Иоанна) свидетельства о глубочайшей проникнутости Христа идеей своей миссии. Писатель подчеркивает, например, ст. 28 в гл. 8, ст. 4 в гл. 9 (отмечен знаком «NB») и многочисленные повторения сходных мотивов. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 239—240, 242. Ср. с апокалипсическими строками «Се, грядущее скоро...» (Откр. 22:7, 12, 20) (Итокава К. Апокалипсис в «Идиоте» // *Литературоведческий журнал*. 2002. № 16. С. 101, отмечено в 1995 — Т. 8. С. 747).

С. 72. Мы каждый вечер собирались по-прежнему у водопада и всё говорили о том, как мы расстанемся. — Из этого мотива в «Братьях Карамазовых» произросла целая речь Алеши «у камня» после похорон Илюшечки («Эпилог». III — *Акад. ПСС*. Т. 15. С. 189—197).

С. 73. У вас какой-то особенный оттенок в лице, похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене. — Имеется в виду картина Г. Гольбейна Младшего «Мадонна с семьей бюргермейстера Якоба Мейера» («Дармштадтская мадонна», 1526), написанная в Базеле по заказу Якоба Мейера, бургомистра города. В Дрезденской галерее Достоевский видел в 1867 г. копию этой картины (см.: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 10, 13), созданную нидерландским художником Бартоломеусом Сарбургом (1590—после 1637) и до 1870-х годов ошибочно считавшуюся произведением Гольбейна. «Мадонна» Гольбейна восхищала многих поэтов и писателей XIX в.: В. К. Кюхельбекера, А. А. Фета и др. (см.: 1995. Т. 8. С. 747—748; *Рубцова Н. С.* «Оригинальный» живописный сюжет в романе Достоевского «Идиот». Ст. первая // *Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. История и филология*. 2014. Т. 24. Вып. 4. С. 19—20; *Перлина*, 2017. С. 47—48, 72—73, 119, и др.).

С. 73. — Красоту трудно судить ~ Красота — загадка. — Ср. портретную характеристику Кати Филимоновой в «Униженных и оскорбленных»: «...всё это освещало ее лицо каким-то прекрасным светом искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и вы начинали понимать, что не так скоро можно исчерпать всё значение этой красоты, которая не поддается каждому обыкновенному, безучастному взгляду» (3, 389). Эта мысль получила развитие в рома-

не «Братья Карамазовы», в известных словах Мити: «...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 100).

С. 78. ...я буду помнить, что вы сегодня, в среду утром ~ Это хорошо по некоторому расчету. — Среда — день поста, установленного в память предания Христа на страдания и смерть. На этот день в евангельском сюжете приходится сцена помазания Христа в Вифании грешницей, получившей прощение (Лк. 7:36—50; слова «а кому мало прощается, мало любит» из ст. 47 отчеркнуты Достоевским и отмечены знаком «NB» — *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 155). 27 ноября (дата по старому стилю, обозначенная в романе как день рождения Настасьи Филипповны) — праздник иконы Божией Матери, названной «Знамение» (знак милости Божией).

С. 78. Ганя, опрокинутый, потерявшийся, злобный... — Опрокинутый — т. е. расстроенный. Ср.: «Настасья Филипповна, взглядевшись в опрокинутое лицо Рогожина, вдруг засмеялась» (8, 108), «Что ты так опрокинулся?» (8, 199).

С. 82. В бараний рог сверну!.. — Согнуть в бараний рог — калька с немецкого *Ins Bockshorn spannen (jagen)* (букв. «загнуть кого-либо в бараний рог») — запугать. Выражение вариативно, древнейшее значение — загнать в ловушку, поставить кого-либо в безвыходное положение, см.: *Рус. фразеология*. С. 598—599. Угроза Гани Иволгина выражена сходно с отзывом «генерала» о Полине в финале «Игрока»: «Если б здесь были законы, я бы ее в бараний рог согнул!» (5, 344).

С. 84. ...и я наверно найду какой-нибудь отель-гарни. — Отель-гарни (фр. *hôtel garni*) — меблированные комнаты.

С. 86. Темно-русская бородка обозначала в нем человека не с служебными занятиями. — Указом Николая I от 2 апреля 1837 г. чиновникам гражданского ведомства было запрещено носить усы и бороды (см. также: 1, 641—642 и 3, 588—589).

С. 87. ...Babette... — Здесь: обращение Коли Иволгина к сестре Варе, в основе которого — уменьшительное имя от фр. *Barbara*.

С. 90. — Я страстно влюблен был в вашу родительницу ~ я кричу: твоя! — Подобная дуэль фигурирует также в «Братьях Карамазовых» (см.: Акад. ПСС. Т. 14. С. 68; Т. 15. С. 537). По наблюдению В. Е. Ветловской, эпизод этот варьирует ситуацию драмы Ф. Шиллера «Коварство и любовь» (1784; д. 4, сц. 3: Фердинанд, подозревая измену Луизы, предлагает своему сопернику стреляться через платок). См.: *Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»*. СПб., 2007. С. 451.

С. 90. ...фраппирован. См. также с. 140: ...меня это фраппировало...; с. 278 (ПМ₂): Это фраппирует Князя. — От фр. *frapper* — бить, поражать, ударять — перен. поражен, ошеломлен (БАС, Т. 16. Стлб. 1557).

С. 91. ...мог бы быть камер-юнкером. — Камер-юнкер (нем. *Kammerjunker*) — младший придворный чин, относящийся к V—VIII классам Табели о рангах.

С. 91. ...он умер, кажется, не в Твери, а в Елисаветграде... — В 1828—1860 гг. Елисаветград был в ведомстве военных поселений. В 1849—1858 гг. по этому ведомству служил брат Достоевского Андрей Михайлович, бывший городским архитектором Елисаветграда (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 190, 219, 232). В Твери Достоевский жил по возвращении из Сибири (с августа до второй половины декабря 1859 г. — см.: *Гроссман, Жизнь и труды*. С. 92—100).

С. 92. ...Новоземлянского пехотного полка... — Фантастический характер рассказываемого подчеркнут тем, что название полка, в котором будто бы служил генерал Иволгин, заимствовано из «Горя от ума» А. С. Грибоедова — см. реплику Скалозуба, обращенную к Хлестовой (д. 3, явл. 12): «В его высочества, хотите вы сказать, Новоземлянском мушкетерском» (*Грибоедов*. Т. 1. С. 83).

С. 94. ...никто и никогда не осмелится вам манкировать... — Т. е. отказать во внимании и уважении. Глагол «манкировать» (фр. *manquer*) и однокоренные с ним слова Достоевский употреблял и в других значениях. См. также с. 125: ...дело манкировано. — Не удалось, не состоялось; с. 275: Я, конечно, моим образованием манкировал... — пренебрегал; с. 308 (ПМ₂): ...так как он манкировал в компании... — потерпел неудачу. См. также: 5, 7, 46, 415.

С. 96. Ну, вот теперь шубу уронил, олух! ~ пошел в гостиную. — Похожий эпизод произошел с самим Достоевским в Семипалатинске (см.: *Яковлев Н.* Заметка о жизни Достоевского в Семипалатинске // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 79). Отмечено в 1995 (Т. 8. С. 750—751).

С. 99. ...*se non è vero*... — Начало крылатого выражения: итал. *Se non è vero, è ben trovato* — Если это и неправда, то хорошо придумано.

С. 100. ...усы его были нафабрены... — От нем. *Farbe* — краска. См.: 2, 747.

С. 100. ...он должен теперь испить еще эту ужасную чашу... — Парадоксальным образом мотивы «моления о чаше» Христа в Гефсиманском саду (Мф. 26:38—42, см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 71—72; Т. 2. С. 311, 313), о которых ранее упоминал и которые позднее испытывал Мышкин (см. с. 727, 778), ощущаются здесь в изображении чувств Гани Иволгина.

С. 102—103. Я, он и покойный князь Лев Николаевич Мышкин ~ покончено мною окончательно. — Генерал уподобляет себя и своих друзей героям романов А. Дюма-отца (1802—1870) «Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845) и «Виконт де Бражелон» (1848—1850). Себя Иволгин считает самым благородным и героическим из мушкетеров — Атосом. Епанчину — Портосу — соответственно приписываются некоторая грубоватость, тщеславие, любовь к выпивке и дебоширству. Отец князя Мышкина сравнивается с Арамисом — отважным и утонченным молодым человеком, сменившим впоследствии мушкетерский плащ на сутану. См. также: 1995. Т. 8. С. 751.

С. 103. ...кавалькада... — От фр. *cavalcade* — группа всадников.

С. 103. — Они здесь, в груди моей, а получены под Карсом...; см. также с. 116: Рассказывал он вам про осаду Карса? — Карс — город на северо-востоке Турции. Во время Крымской войны (1853—1856) крепость эта подверглась многомесячной осаде русских войск, продолжавшейся с конца мая по 16 ноября 1855 г., и была взята. Эта победа последовала после неудавшейся обороны Севастополя и решения атаковать восточную часть Турции, где и находился Карс.

С. 103. ...читаю «*Indépendance*». — Имеется в виду газета «*Indépendance Belge*» («Независимость Бельгии»), выходившая в Брюсселе с 1830 г. (по другим данным — с 1831 г.). Газета широко освещала политическую и общественную жизнь Западной Европы. В 1867—1868 гг. Достоевский читал «*Indépendance Belge*» (см.: Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 25).

С. 103. ...только что последовало открытие новой —ской железной дороги... — 7 июня 1864 г. был открыт участок Петергофской дороги от Петергофа до Ораниенбаума. 4 декабря 1865 г. начала действовать Балто-Одесская железная дорога (названная так, исходя из наименования городов Балта и Одесса, между которыми была расположена). Открылось движение и по Динабург-Витебской дороге — 24 мая 1866 г. от Динабурга (ныне Даугавпилс, Латвия) до Полоцка, 5 октября 1866 г. от Полоцка до Витебска (см.: Сборник сведений о железных дорогах в России. 1867. Отд. I. СПб., 1867. С. 83, 111, 122, 187).

С. 105. ...вииз шестерых княжон... — Вероятно, отсылка к «Горю от ума» А. С. Грибоедова, в котором среди действующих персонажей указаны «Князь Тугоуховский и Княгиня, жена его, с шестью дочерьми» (Грибоедов. Т. 1. С. 11). Отмечено в 1995 (Т. 8. С. 751).

С. 106. — А, вот он Иуда! — вскрикнул знакомый князю голос: — здравствуй, Ганька, подлец! — Ср. аттестацию Архипова Маслобоевым в «Униженных и оскорбленных»: «...бестия, шельма и теперешний товарищ Сизобрюхова, Иуда и Фальстаф, всё вместе...» (3, 294).

С. 106. ...какой-то огромный вершков двенадцати господин...; см. также с. 200: ...с лезвием вершка в три с половиной... — До введения метрической системы (1881) рост взрослых обозначался количеством вершков свыше двух аршин. Аршин равен 71,12 см, вершок — 4,45 см, рост «господина», таким образом, был почти двухметровым (195,64 см). Лезвие у рогожинского ножа, соответственно, было около 15,75 см.

С. 107. ...поддакнул для контенансу Лебедев. См. также с. 177: ...всё еще как бы не в силах добыть контенансу... — Контенанс (фр. *contenance*) — манера держать себя, осанка, поведение. Для контенансу (контенанса) — для смелости; чтобы чувствовать себя непринужденно (Глинкина. С. 148).

С. 107. ...три целковых... — Целковый (прост.) — рубль.

С. 108. Да я его всего за сто рублей куплю, дам ему тысячу, ну три, чтоб отступился... — Реплика Рогожина отзовется впослед-

ствии в «Братьях Карамазовых», где Дмитрий и в самом деле будет давать польскому офицеру отступные за Грушеньку: «— Да брал же, брал! — воскликнул Митя, — да только все три тысячи разом захотел, а я всего семьсот задатку давал» (*Акад. ПСС. Т. 14. С. 388*).

С. 109. ...ты пьян, за будочниками пошлут. — Будочник — полицейский низшего чина, стоявший на посту у караульной будки и наблюдавший за порядком на улице; городской (БАС₂. Т. 2. С. 233).

С. 110. ...что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил! — Аллюзия на библейский текст. В Библии овцы в ряде сцен выступают в символическом значении, как определение народа Израиля (Пс. 27:9; 67:8; 73:1; 78:13; 120:4), а также учеников Христа (Лк. 10:3; Ин. 10:1—16): «Иисус называет их Своим „малым стадом“. Входящие в это стадо наставляются не бояться ни коварных нападков изнутри, ни открытых атак извне (Мф. 7:15; 10:16), ни неизбежного испытания великой скорби (Мк. 14:27), ибо Бог дает им Царство (Лк. 12:32). Образ стада овец используется также применительно к церкви (Деян. 20:28—29; 1 Пет. 5:2)» (*Словарь библейских образов. С. 709*). Библейская «метафора людей как овец» в отдельных случаях наделена отрицательным смыслом: «Как это часто случается с овцами, люди тоже блуждают, совращаясь каждый на свою дорогу (Ис. 53:6; 1 Пет. 2:25). Пассивность овец и их использование в жертвоприношениях служат подходящей метафорой гонений и мученичества (Пс. 43:23; ср. Рим. 8:36)» (Там же). Вместе с тем Агнец Божий — символическое наименование, данное Христу и указывающее на Жертву за грехи мира (Ин. 1:29, 36; 1 Пет. 1:19; Откр. 5:6, 7:9—10 и др.) (1995. Т. 8. С. 752). Например, в Книге пророка Исайи: «...как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53:7). Как отмечает Р. Гуардини по поводу слов Рогожина, «нутром он распознает Мышкина. Они связаны тесными узами — но так, как может быть связан выходец из подземного царства с существом из царства света. Им обоим нельзя отказать в масштабности, но место обитания одного из них — земля, другого — свет» (Гуардини. 1994. С. 297; см. также: Соломина-Минихен, 2016. С. 134—135).

С. 112. Какой-нибудь сумасшедший ~ Но ведь он ее почти в детстве писал. — Работа над «Маскарадом» относится к 1834—1836 гг., когда М. Ю. Лермонтову было уже 20—22 года. Коля Иволгин имеет в виду оскорбление Арбениным князя Звездича (д. 2, сц. 4) (Лермонтов. Т. 3. С. 338—344).

С. 115. ...иной бы ее еще подлее надул... — Ср. аналогичные аргументы Мизинчикова в «Селе Степанчикове и его обитателях» в доказательство благожелательства планируемой им женитьбы на Татьяне Ивановне: «...каждую минуту надо ожидать, что к ней подвернется какой-нибудь бездельник, прощельяга, спекулянт, с эспаньолкой и с усиками, с гитарой и с серенадами, вроде Обноскина, который сманит ее, женится на ней, оберет ее дочиста и потом бросит где-нибудь на большой дороге» (3, 109).

С. 115. ...так она бы вся у него в игольное ушко как нитка прошла. — Т. е. сразу бы потеряла всё свое богатство. Ганя Иволгин использует здесь образ, символизирующий несовместимость с Царством Божиим. Ср. в Евангелии от Матфея: «...удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти, нежели богатому войти в царствие Божие» (Мф. 19:24). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 49; Т. 2. С. 258.

С. 115. ...будет меня за валета бубнового считать... — Бубновый валет — уничижительное выражение, являющееся буквальным переводом старинной французской идиомы «valet de carreau» (мошенник, подлец, пройдомец, ничтожество, темная личность), сохранившееся во французском языке по настоящее время и в XIX в. бытовавшее в русском, — см., например, комедию Мольера (1622—1673) «Любовная досада» (1656) в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник и комментарий к ней Г. Н. Бояджиева (в кн.: *Мольер Ж.-Б.* Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 227 и 663; указано Н. Г. Поспеловым).

С. 117. Я по страсти, по влечению иду ~ карету куплю. — Ср. в речах Мизинчикова: «...именно самое великодушное дело! <...> во-первых, я жертвую собой и соглашаюсь быть ее мужем <...> Во-вторых <...> я беру только сто тысяч ассигнациями и уже дал себе слово не брать у ней ни копейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и мог, — это опять чего-нибудь стоит!» (3, 109).

С. 117. ...«Вот Иволгин, король Иудейский». — См. выше, с. 578—579.

С. 117. И будут давать до скончания мира. — Ср. в евангельском тексте: «...Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 80; Т. 2. С. 330.

С. 117. *Rira bien qui rira le dernier!* — Афоризм «Хорошо смеется тот, кто смеется последним!» восходит к басне Ж. Флориана «Два крестьянина и туча» («Les deux paysans et le nuage») и используется как опровержение чьих-либо поспешных выводов. См.: *Бабкин, Шендецов*. Т. 3. С. 1132—1133.

С. 118. Коля провел князя недалеко, до Литейной, в одну кафе-бильярдную... — В районе Литейного проспекта находились несколько подобного типа заведений, из них «наиболее соответствует описанию трактир купчихи М. Козиной в доме Фридерикса, располагавшийся по адресу: Литейный просп., д. 14 (в настоящее время д. 12), на углу Фурштатской ул., д. 2» (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 754—755).

С. 120. Они вышли наконец на Литейную ~ три дома на Невском и два в Морской... — Генерал Иволгин говорит о самых фешенебельных в то время районах Петербурга, где в основном проживала обеспеченная публика, среди которой у него вряд ли были знакомые, кроме давно порвавшего с ним генерала Епанчина. Вероятно, имеется в виду Большая Морская. Недалеко от нее находился один из адресов писателя: Достоевский жил в доме купца Я. Х. Шиля на углу Малой

Морской улицы (расположенной параллельно Большой Морской) и Вознесенского проспекта в 1847—1849 гг.

С. 120. ...*Пирогов в Париж телеграфировал и осажденный Севастополь на время бросил, а Нелатон ~ являлся меня осматривать.* — Генерал дает здесь фантастическое истолкование реального события: великий русский хирург Н. И. Пирогов (1810—1881), который руководил во время обороны Севастополя организацией помощи раненым, 1 июня 1855 г. уехал в Петербург, возмущенный постоянным невниманием военного командования к вопросам медицинского обслуживания; в сентябре он снова вернулся в Севастополь (см.: *Малис Ю. Г.* Н. И. Пирогов. Его жизнь и научно-общественная деятельность. СПб., 1893. С. 52—61). Нелатон Огюст (1807—1873) — известный французский хирург, член Парижской медицинской академии; в России никогда не был.

С. 122. ...*поэт в душе...* — Крылатое выражение, см.: *Михельсон. Т. 2. С. 109.* Встречается, например, в оценке поэта и героя Отечественной войны 1812 г. Д. В. Давыдова: «...но Поэт в душе, пораженный сам увлекательным воображением своим, он мало-помалу уверил себя в истине всех ложных сказаний, им же самим вымышленных и для заблуждения других обнародованных» (Разбор трех статей, помещенных в «Записках Наполеона» Денисом Давыдовым. М., 1825. С. 4). Отмечено в 1995 (Т. 8. С. 755—756).

С. 123. ...*в куцавейке...* — Кацавейка (обл. куцавейка) — русская женская народная одежда; распашная короткая кофта, подбитая или отороченная мехом (БАС, Т. 7. С. 719).

С. 123. ...*двумя ломберными столиками...* — Ломбер (фр. l'homme) — карточная игра. Ломберные столы обычно были складными и обтягивались зеленым сукном.

С. 123. *Доколе переносить я тебя буду...* — Евангельская аллюзия, ср.: «...доколе буду терпеть вас?..» (Мф. 17:17). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 44; Т. 2. С. 235.*

С. 124. ...*заемными письмами...* — Заемное письмо — документ, письменно подтверждающий получение чего-либо (как правило, денежных средств) взаймы.

С. 124. ...*близь Владимирской, у Пяти Углов...* — Имеется в виду Владимирская площадь или церковь Владимирской иконы Божией матери (Владимирская церковь). Пять Углов — перекресток, образованный Загородным проспектом, Разъезджей, Троицкой улицами и Чернышевским переулком. Отмечено, что «домом Настасьи Филипповны» мог быть дом № 20 по Загородному проспекту (на углу Разъезджей улицы, д. 1), в котором в начале 1840-х годов некоторое время находился салон Панаевых (по мнению Л. П. Гроссмана, Достоевский наделил Настасью Филипповну внешностью А. Я. Панаевой, в которую писатель был влюблен), см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 756—757. См. также: *Трофимова-Шифф Т. Б.* «Но этот человек остался в нашем сердце»: (К вопросу о прототипах в романе «Игрок») // *Д. Материалы и исследования. Т. 21. С. 294—295.*

С. 125. ...насчет predominирования в этом случае полов. — Преобладать (фр. *prédominer*) — преобладать, господствовать, главенствовать.

С. 125. *Здесь ужасно мало честных людей, так, даже некого совсем уважать.* — Незаметно для себя Коля Иволгин в точности повторяет мысль, ранее высказанную князю его старшим братом Ганей (см.: 8, 115).

С. 125. *У нас все обличают.* — Так называемое «обличительное направление» в русской литературе стало постоянной темой критических публикаций в 1860-е годы. Эта система идей восходит к В. Г. Белинскому, который считал родоначальником «отрицательной» сатирической литературы Н. В. Гоголя. Взгляды Белинского, высказанные им, в частности, в статье «Несколько слов о поэме Гоголя» (1842), были оспорены в работе А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856), появившейся в контексте полемики об обсуждении «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) Н. Г. Чернышевского. Дружинин писал: «Гоголь не есть поэт отрицания, а между тем критика сороковых годов, сама вдавшись в одностороннее отрицательное направление, силилась видеть в Гоголе его полное воплощение» (*Дружинин А. В. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения* // Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подг. текста и вступ. ст. Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983. С. 168). Из литературно-критических выступлений Достоевского следует, что он тоже связывал тему сатирического отрицания действительности с творчеством Гоголя. Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» писатель назвал Гоголя «колоссальным демоном», который «смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха. <...> Нам тогда вообще было не до смеху. Теперь дело другое. Теперь бог послал нам благотворительную гласность, и нам вдруг стало веселее. Мы как-то вдруг поняли, что всё это мефистофельство, все эти демонические начала мы как-то рано на себя напустили <...> явились поэты, прозаики, и всё обличительные... явились такие поэты и прозаики, которые никогда бы не явились на свет, если б не было обличительной литературы» (*Акад. ПСС. Т. 18. С. 59—60*). Мысль Коли Иволгина «У нас все обличают» Достоевский неоднократно проговаривал в журнальных публикациях 1860-х годов: «Родилось у нас тогда какое-то усиленное самообвинение и самоуличение, а вместе с тем все наперерыв уличали и обличали друг друга <...>» («Ряд статей о русской литературе. Введение» — Там же. Т. 18. С. 58, см. также коммент. на с. 245—246, 271); «Мы остановились на том, что повсеместно у нас раздались вопросы: кто виноват? Затем стали искать виноватых. Затем стали намекать, указывать, обличать» («Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями» — Т. 20. С. 32); «Что может быть возмутительнее, когда какая-нибудь совершенно спокойная, сытая и вседовольная верхоглядка, чаще

всего пошлейшая бездарность, думает выиграть на моде к прогрессу, обличает, свищет и выходит из себя за правду *по заказу и по моде*» («Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» — Там же. С. 50—51); «Когда вы сочиняли ваши обличительные вещи, вы и обличали не из негодования какого-нибудь и не из убеждения в чем-нибудь, а просто потому, что обличение модная, так сказать, струя» («Опять „Молодое перо“» — Там же. С. 92). Наконец, позднее, в черновиках ДП за 1876 г. Достоевский говорит о необходимости «плюсовых идеалов» в литературе (подробнее см.: Тарасова, 2011. С. 245—247). Таким образом, реплика Коли Иволгина является своеобразной отсылкой как к журнальной полемике 1840—1860 гг., так и к взглядам самого Достоевского, нашедшим выражение в программных статьях «Времени» и «Эпохи» и получившим развитие в ДП.

С. 125. *Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ~ печатно известно.* — Намек на нашумевшее в 1866—1868 гг. судебное дело студента Данилова (см. выше, с. 545).

С. 129. ...*Киндер, Трепалов, Бискуп...* — Фамилии ростовщиков вымышлены. Фамилией Трепалов далее в романе назван купец, у которого Тоцкий выпросил красные камелии (8, 143). М. С. Альтман полагал, что некоторые фамилии в романе «Идиот» созданы с ориентацией на гоголевский принцип рифмовки или удвоения («Ищенко и Фердыщенко — чем не гоголевские Карп и Поликарп?», «Соцкая и Тоцкий, Беспалова и Трепалов») (Альтман. С. 151). Фамилии Киндер и Бискуп ассоциируются со словами Kinder (нем. дети) и biskup (польск. епископ) (1995. Т. 8. С. 757), значения которых противоречат роду деятельности ростовщиков.

С. 130. *Знаете Крылова басню ~ А я, ваше превосходительство, — Осел.* — Начальные строки басни И. А. Крылова «Лев состаревшийся» (1825) процитированы неточно. У Крылова: «Постигнут старостью, лишился силы». Злое зубоскальство Фердыщенко заставляет вспомнить весь текст басни и в особенности ее финальную строку: «Всё легче, чем терпеть обиды от осла» (Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 623).

С. 132. — *Я, князь, от вас таких пружесов не ожидал...* — Пруэс (фр. prouesse) — подвиг, геройство, смелая выходка.

С. 132. ...*спросила себе мантилью...* — Мантилья (исп. mantilla, от лат. mantellum — покрывало) — изначально элемент испанского национального женского костюма, кружевная накидка на голову и плечи. В XIX в. предмет женской одежды — легкая короткая накидка, пелерина (БАС, Т. 9. С. 517).

С. 133—134. — *Хорошо в пети-жё какое-нибудь играть ~ считает самым дурным из всех своих дурных поступков в продолжение всей своей жизни ~ всякому стыдно стало, не выдержали!* — Пети-жё (фр. petit jeu) — салонная игра, фанты. Подобный эпизод («самая капитальная сцена») был задуман Достоевским в 1861 г. для нового (оставшегося неосуществленным) варианта «Двойника»: «Пети-жё

у Клары Олсуфьевны. <...> Младший рассказывает про старшего в обществе (курсив наш. — Ред.) все те штучки (таинственные и сокровенные, которые есть у каждого и которые каждый прячет как тайны от всех), смешные мелочи, которые Голядк<ин>-старший ревниво прятал от младшего и вполне был уверен, что тот не узнает, но тот узнал» (1, 610, 611, 753). М. М. Бахтин отметил сходство сцены пети-жё в «Идиоте» с мотивами фантастического рассказа «Бобок» (ДП за 1873 г. — Акад. ПСС. Т. 21. С. 52): «...Фердыщенко (мелкий мистериный чертик) предлагает пети-жё — каждому рассказать самый дурной поступок всей своей жизни (ср. предложение Клиневича: «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться»)» (Бахтин, 2002. С. 164). Ср. заявление князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться» (3, 403).

С. 136. ...*embarras de richesse*. — Выражение, означающее сложность выбора (фр. затруднение от переизбытка). В качестве источника указывают название комедии аббата д'Алленваля (1700—1753) «L'embarras des richesses» (1725) и оперы (1782) на сюжет этой комедии, либретто Ж.-Б. Лурде де Сантерра (1835—1815) (см.: Бабкин, Шендецов. Т. 2. С. 423).

С. 138. ...*спросил бутылку лафиту*... — Лафит (фр. *château-lafite*) — сорт красного вина; производится в Шато-Лафит, вблизи Бордо.

С. 139. ...я сам считаю коротенький анекдот, который сейчас расскажу, самым сквернейшим анекдотом из всей моей жизни. — В словах генерала Епанчина использовано в трансформированном виде выражение, составившее заглавие рассказа Достоевского 1862 г., в котором с его героем, генералом Пралинским, и в самом деле «случился» «скверный анекдот» (см.: 5, 5—49).

С. 139. ...*в форштаде*... — Форштадт (нем. *Vorstadt*) — предместье, слободка, пригород.

С. 140—141. ...*сидит она, лицо на меня уставила ~ в церковь на похороны*. — Генерал Епанчин в этой истории предстает своего рода пародийным Германном из пушкинской «Пиковой дамы» (аллюзия на сцену из разговора Германа со старой графиней) с той разницей, что он не угрожает пистолетом, но зато и не сознает, что ругает умирающую женщину (Пушкин. Т. 8. Кн. 1. С. 240—242; 1995. Т. 8. С. 759).

С. 141. ...*молодой, отчаянный прапорщик, избоченясь и фертом*... — Ферт — старинное название буквы «ф»; фертом — уперевшись руками в бока (ассоциация по форме буквы), самодовольно. Ср. в «Записках из подполья» — «смотрит фертом» (5, 133).

С. 142. Он только что выбран был предводителем... — Речь идет о выборной должности губернского или уездного предводителя дворянства.

С. 142. ...насчет, например, обстоятельств употребления букетов белых и розовых камелий по очереди... — Героиня романа «Дама с камелиями» Маргарита Готье появлялась на гулянии с букетами, составленными в одни дни месяца из белых, в другие — из красных камелий. Цвет камелий был знаком, свидетельствующим о готовности героини к физической близости: «В течение двадцати пяти дней каждого месяца камелии были белые, а остальные пять дней они были красные» (Дюма (сын). С. 26). Это подтверждают также недвусмысленные слова героини, сказанные Арману, что она не готова к свиданию, поскольку в этот день у нее букет красных камелий (Там же. С. 82). В этом смысле комично выглядят подражающие Маргарите Готье русские дамы из рассказа Тощого: «Этот рассказ выставляет в истинном свете любителя изящного, а на самом деле плотолобца с грязнотцой Афанасия Ивановича Тощого и делает понятным то насмешливое отвращение, с которым Настасья Филипповна именует его „букетником” и „господином с камелиями”» (Кунильский, 2006. С. 258—259).

С. 144. ...на Кавказ отпросился ~ Кончил тем, что в Крыму убит ~ и в голову б не пришло ему под турку идти». — Имеются в виду Кавказская (1817—1864) и Крымская (1853—1856) войны. Военные события не раз упоминаются в романе (см.: 8, 103, 116, 120 и др.).

С. 146. ...я вас отпускаю на волю даром. — Мотив отпуска на волю рассматривается в контексте романной и исторической хронологии. Действие романа начинается 27 ноября, накануне был осенний Юрьев день (26 ноября). По традиции неделю до и неделю после этой даты крестьяне имели право «менять своих хозяев — переходить от одного к другому» (обычай сохранялся до конца XVI в.). Соответственно, в романе Достоевского «не случайно уход Настасьи Филипповны от Тощого приурочен к этому дню и скандально объявлен в день ее рождения» (Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. С. 113).

С. 148. ...и слогом Марлинского просил вспоможения... — Марлинский — псевдоним писателя-декабриста А. А. Бестужева (1797—1837). Его слог В. Г. Белинский определил как «натянутый, высокий и страстный». Критик отмечал «отсутствие всякой естественности» в языке писателя (Белинский. Т. 4. С. 52, 40, 42). Ироническое замечание Достоевского напоминает о бывшей популярности Марлинского именно в военной среде, к которой принадлежали многие его персонажи. По словам одного из героев И. С. Тургенева («Стук... стук... стук!»), Марлинский «не только пользовался славой первого русского писателя; он даже <...> до некоторой степени наложил свою печать на современное ему поколение. Герои à la Марлинский попадались везде <...> и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговари-

вали, переписывались его языком...» (Тургенев, Сочинения, 1978. Т. 8. С. 228). Поручик, просящий милостыню, — один из «сквозных» образов Достоевского — появляется впервые в фельетоне 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (см.: Акад. ПСС. Т. 19. С. 76).

С. 150. ...крепко и плотно завернутая в «Биржевые ведомости»... — «Биржевые ведомости» — газета (экономическая, политическая и литературная), с 1861 г. издававшаяся в Петербурге К. В. Трубниковым.

С. 152. Нет, теперь я верю, что этакой за деньги зарежет! — Отзыв Настасьи Филипповны о Гане дословно совпадает с нижеследующей репликой Лизаветы Прокофьевны о Бурдовском: «...разве он не зарежет (она указала на Бурдовского, смотревшего на нее с чрезвычайным недоумением)? Да побьюсь об заклад, что зарежет!» (8, 263).

С. 152. А то наматает на бритву шелку, закрепит да тихонько сзади и зарежет приятеля, как барана...; см. также с. 420: Я уверена, что у него в ящике спрятана бритва, обмотанная шелком ~ ждановскою жидкостью... — См. выше, с. 543—544.

С. 152. ...мой табельный день, мой высокосный день... — Табельный день — праздничный, особый, повторяющийся нечасто. В дореволюционной России существовала табель с перечислением различных праздников, устанавливавшая их иерархию. Просторечный вариант «высокосный», сближаясь с «высокий», является примером народной этимологии (Фасмер. Т. 1. С. 320). Возможно, имеется в виду также значение: редкий, особый.

С. 153. ...monsieur aux camélias... — Господин с камелиями (в пер. с фр.). См. с. 751, коммент. к с. 142.

С. 155. ...московского купца третьей гильдии, Папушина... — В романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858), который, вероятно, был в поле внимания Достоевского во время работы над «Идиотом» (см. с. 861), нарисован колоритный образ купца Папушкина (ч. IV, гл. VI, XI, XIII). Отмечены, кроме того, биографические мотивы: мать Достоевского была дочерью московского купца третьей гильдии, а ее сестра А. Ф. Куманина владела большим состоянием, из-за которого произошел спор между наследниками (1995. Т. 8. С. 762). См. также: Борисова В. В., Шаулов С. С. Мотив «рокового наследства» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 106—128.

С. 155. ...умирала от водяной... — Водяная (водянка) — болезнь, при которой жидкость скапливается в полостях и тканях тела.

С. 158. — Человек образованный, но погибший! См. также с. 164: Искренно жаль! Погибшая женщина! — Первое суждение высказано в адрес князя Мышкина, во втором речь идет о Настасье Филипповне. Эти оценки принадлежат генералу Епанчину, «умному и ловкому человеку», «хорошо знавшему свое место» (8, 15), и характеризуют его самого как представителя светского общества, в котором поступки кня-

зя Мышкина и тем более Настасьи Филипповны рассматриваются как нарушение приличий. Определение «погибший» не случайно объединило Мышкина и Настасью Филипповну, если вспомнить трагический финал «Идиота». «Погибший человек» — слова из предисловия Достоевского к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в журнале «Время» (1862; *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 28; см. выше, с. 598—599). Оправдание и восстановление погибшего человека — одна из ключевых проблем романа «Идиот», представленная именно в образах «Князя Христа» и «падшей женщины». Определение «погибший человек» встречается в других произведениях («Не точка Незванова», «Дядюшкин сон», «Униженные и оскорбленные», «Игрок», «Братья Карамазовы»; в варианте «погибший в пороках человек» в «Преступлении и наказании» — 6, 255). Образ «погибшей женщины» связан с темой грехопадения и восходит к евангельскому образу Марии Магдалины (см. выше, с. 550, 599), а в контексте литературной традиции — к «Фаусту» Гёте и образу Гретхен (см.: *Тарасова Н. А.* Фаустовская сцена в романе Достоевского «Подросток» // *РЛ*. 2010. № 1. С. 171—187). Ср. с пушкинской строкой из «Пира во время чумы»: «Погибшего, но милого созданья...» (см.: 1995. Т. 8. С. 762). Выражения «погибший человек» и «погибшая женщина» появляются позднее в характеристике героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (*Толстой*. Т. 18. С. 30, 219).

С. 158. *Ты куда везти-то хотел?* — В *Екатерингоф*...; см. также с. 166: *...после ужасной оргии в Екатерингофском воксале...*; с. 317: *В Павловском воксале...* — Воксал (англ. Vauxhall) — «от собственного имени Vaux и hall — „зал“ (ср. мюзик-холл), по имени Джейн Вокс (XVII в.), владелицы загородного сада близ Лондона (для концертов, танцев, для карточной или иных игр, место увеселений, гулянья и т. п.)» (*Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 162). Вариант «вокзал» утвердился в связи с тем, что Павловский «музыкальный воксал» был расположен рядом с помещением одной из первых в России железнодорожных станций, название начали переносить и на нее. Екатерингофом (в честь Екатерины I) назывался парк с дворцом, расположенный в юго-западной части Петербурга. Дворец был заложен в 1711 г. Петром I. Во второй половине 1820-х годов Екатерингоф стал одним из лучших общественных садов столицы. «Из зданий замечательнейшим был вокзал, воздвигнутый архитектором Монферраном <...>. Еще недавно Екатерингоф славился своим вокзалом, как зимним увеселительным местом. В вокзале имелся ресторан, а на его сцене давались разные вокально-музыкальные представления. Там же зажиточные петербуржцы устраивали пикники, и вообще Екатерингофский вокзал <...> служил одним из наиболее любимых пунктов загородных зимних прогулок на тройках» (*Михневич*. С. 119).

С. 159. — *Это содом, содом!* См. также с. 164: *...при этом содоме...* — Содомом назывался город, по библейскому преданию истребленный Богом во времена Авраама за грехи его жителей (см.:

Быт. 19:1—29). Слово это широко употребляется в переносном значении как символ шумного бесчинства.

С. 161. *Видишь ты эту пачку, в ней сто тысяч! ~ Мои ли деньги, Рогожин?* — Отмечено, что «Настасья Филипповна явно напоминает Полину: внешнее тому свидетельство — эпизод с летящими деньгами» (Левина Л. А. Некаяющаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // *Достоевский в конце XX века*. С. 346). Ср. сцену между Полиной и Алексеем Ивановичем в «Игроке»: «— Ну, отдай же мне теперь мои пятьдесят тысяч франков! <...> — Ведь они уж теперь мои? Ведь так? Так? — злобно спрашивала она меня, держа деньги в руках. — Да они и всегда были твои, — сказал я. — Ну, так вот же твои пятьдесят тысяч франков! — Она размахнулась и пустила их в меня. Пачка больно ударила мне в лицо и разлетелась по полу» (5, 332). О связи сцен с романом А. Дюма-сына «Дама с камелиями» см.: *Кибальник С. А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности*. С. 119—122.

С. 163. *...полезай, фанфаронщика!* — Фанфарон (фр. fanfagone — храбрый на словах, хвастливый) — человек, который напоказ выставляет свои, как правило, мнимые достоинства.

С. 164. *...у японцев в этом роде бывает ~ в самом деле отмыстил.* — Имеется в виду сэппуку, древний японский самурайский ритуал самоубийства (крестообразное вспарывание живота), который совершался по приговору или в случае, если самурай чувствовал себя лишенным чести.

С. 166. *Рассказывалось, правда, о каком-то князьке и дурачке...* — Одним из источников в разработке сюжетной линии князя Мышкина и Настасьи Филипповны была история женитьбы графа Г. А. Кушелева-Безбородко, см. выше, с. 536—537.

С. 166. *...известной канканерке в Шато-де-Флёр в Париже.* — Канканерка — танцовщица (от фр. сапан — вид танца); Шато-де-Флёр (фр. Château de Fleurs — Замок цветов) — увеселительное заведение в Париже, на Елисейских полях.

С. 169. *Состояние наполовину запутано ~ в самом деле пострадали.* — «Так поступил сам Федор Михайлович, когда, после смерти своего брата Михаила Михайловича, решил удовлетворить всех его кредиторов (по журналам «Время» и «Эпоха» и по его табачной фабрике), из которых некоторые не представили никаких доказательств того, что им Мих<айл> Мих<айлович> Д<остоев>ский остался должен» (примеч. А. Г. Достоевской: *Гроссман, Семинарий*. С. 59). См. также: 7, 647.

С. 169. *...«малый хоть немного и того», но все-таки стоит того.* — Возможно, комический отзвук ст. 12 седьмой главы Евангелия от Иоанна, отчеркнутого Достоевским и послужившего мысли о введении в роман различных слухов о князе Мышкине: «И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ» (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 235, стих

отчеркнут ногтем и повторно карандашом). Отмечено: Соломина-Минихен, 2016. С. 220.

С. 170. ...он получил под рукой одно известие... — «Под рукой» (иноск.) означает «негласно, незаметно, тайно» (Михельсон. Т. 2. С. 64).

С. 171. ...Афанасий Иванович пленился ~ легитимисткой... — Легитимист (лат. *legitimus* — правильный, законный) — сторонник политического направления, признающего главным принципом государственного устройства наследственное право какой-либо династии на власть. Во Франции XIX в. легитимистами называли сторонников Бурбонов, свергнутых с престола в 1792 г., во время Великой французской революции, и вторично — в результате Июльской революции 1830 г.

С. 171. ...князь Щ.... — По-видимому, один из знакомых Достоевского, князь Григорий Алексеевич Щербатов (1819—1881). В первой половине 1860-х годов он был губернским предводителем дворянства, а также состоял членом губернаторского Комитета Литературного фонда, одновременно с Достоевским. 5 августа 1864 г. Достоевский подписал, вместе с Г. А. Щербатовым и В. Ф. Коршем, отношение Комитета Литературного фонда в Государственный банк (см.: Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 350; *Летопись*. Т. 1. С. 464). Фамилия Щербатова упомянута в черновом тексте романа «Идиот» (см. с. 275 выше).

С. 171. ...стал принимать участие и в земской деятельности. — Земская реформа проводилась с января 1864 г. Деятельностью земств руководили представители дворянства. В компетенцию земств входили главным образом дела по благоустройству данной губернии или уезда: ремонт дорог, развитие земледелия, торговли и промышленности, забота о народном образовании и т. п.

С. 172. ...человек еще молодой, лет двадцати восьми, флигель-адъютант... — Флигель-адъютант (нем. *Flügeladjutant*, от *Flügel* — несущая поверхность, крыло, створка; *adjutant* — помощник) — офицер из свиты государя, а также офицер для поручений при командующем армией.

С. 172. ...продолжал свою прежнюю жизнь, то есть ходил в гимназию... — Имеется в виду, вероятно, старейшая в Петербурге 3-я гимназия, располагавшаяся на Гагаринской улице, д. 23. Отмечено: 1995. Т. 8. С. 765.

С. 172. ...переехали вместе с ней к Птицыну, в Измайловский полк... — Измайловским полком назывался в обиходе район Петербурга, в котором размещались роты лейб-гвардии Измайловского полка (ныне — район Красноармейских улиц). В 1848—1849 гг. писатель навещал здесь своих младших братьев Андрея и Николая, живших в доме Нестеровых во 2-й роте Измайловского полка. В Троицком (Измайловском) соборе 15 февраля 1867 г. Достоевский венчался с А. Г. Сниткиной (см.: 1995. Т. 8. С. 765). Сам писатель жил в 1859—1861 гг. в 3-й роте Измайловского полка, в доме Палибина (ныне 3-я Красноармейская ул., д. № 5), в 1872—1873 гг. — в доме Г. М. Жукова (позднее О. Г. Мебес, урожд. Жуковой) во 2-й роте Измайлов-

ского полка (ныне 2-я Красноармейская ул., д. № 14) (см. подробнее: Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шиля...»: Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837—1881. СПб., 2016. С. 61—65, 101—107).

С. 174. ...спор вышел из-за «женского вопроса»... — Вопрос о положении женщины в обществе и равенстве ее в гражданских правах с мужчинами связан с проблемой женской эмансипации. Началом борьбы за права женщин в Европе принято считать конец XVIII в., время Великой французской революции и изменения иерархической структуры общества (см. подробнее: Варламова Д. В. Женский вопрос в журналах М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 21—25). В России активное участие женщин в общественной жизни проявляется, начиная с эпохи петровских реформ и, позднее, правления Екатерины II, в XIX столетии — в эпоху реформаторской деятельности Александра II (Там же. С. 25—29). На этот же период — 1860-е годы — пришлось издание журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», где также появлялись публикации по «женскому вопросу», который рассматривался «прежде всего с точки зрения женского образования» (Там же. С. 49). Одним из ярких примеров публицистики Достоевского, затрагивающей «женский вопрос», явились, в частности, статьи «Образцы чистосердечия» (*Вр.* 1861. № 3. С. 54—70) и «Ответ „Русскому вестнику“» (Там же. № 5. С. 15—39) (см. подробнее: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 91—104, 119—139, 292—295, 300—308). Во второй статье писатель отчетливо проговорил свое отношение к проблеме равноправия женщин, подчеркнув, что «вся эмансипация сводится к христианскому человеколюбию, к просвещению себя во имя любви друг к другу, — любви, которой имеет право требовать себе и женщина» (Там же. С. 126). В романе «Идиот», как отмечено, прозвучал полемический отклик на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в его социологизированной трактовке «женского вопроса» (см. выше, с. 546, 601; Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 206—207, а также: Касаткина, 1996. С. 218—226). Указанная проблематика сохраняет свое значение в период издания «Гражданина» и в публицистике ДП, см.: Буданова Н. Ф. Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу: (Опыт атрибуции) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 2. С. 236—244; Фокин П. Е. «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. Ф. М. Достоевского // *Преображение*. 1998. № 6. С. 29—33. См. также: 7, 650—651.

С. 174. ...это было на Святой... — Т. е. на пасхальной неделе.

С. 174. ...заложила в одну толстую, переплетенную в крепкий корешок книгу ~ чтобы поскорее найти, когда понадобится). — «Привычка Ф. М. Достоевского. В его записных книгах всегда бывали вложены бумаги или письма, на которые следовало скорее ответить. Важные же и дорогие для него почему-либо бумаги он вкладывал в Евангелие, бывшее с ним в Сибири» (примеч. А. Г. Достоевской — *ИРЛИ*. Ф. 100. № 29602. Л. 7 (в архивн. нумерации); с неточностями опубликовано: Гроссман, *Семинарий*. С. 59).

С. 175. ...это первая комиссия, которую он получил от него... — Комиссия (фр. commission) — поручение.

С. 175. У Епанчиных была богатая собственная дача в Павловске. — Павловск — пригород Санкт-Петербурга. До 1796 г. село Павловское, пожалованное в 1777 г. Екатериной II сыну, великому князю Павлу Петровичу (с 1796 г. император Павел I). Достоевский неоднократно бывал в Павловске в первой половине 1860-х годов (см.: *Боград*. С. 152, 154).

С. 175. ...князю вдруг померещился странный, горячий взгляд чьих-то двух глаз... — По наблюдению Р. Г. Назирова, лейтмотив преследующих князя глаз Рогожина (см.: 8, 189, 207 и др.) восходит, вероятно, к роману Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1837—1839), где глаза убитой Нэнси преследуют бандита Сайкса. Перед гибелью он видит их вновь: «Опять эти глаза!» (см.: *Диккенс Ч.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 4. С. 457; см. также: *Назиров*, 2005). Об интересе Достоевского к творчеству Диккенса см.: 2, 699—700; *Акад. ПСС. Т. 17*. С. 343—344, 388.

С. 175. Извозчик довез его до одной гостиницы ~ была плохенькая. — Выказано предположение, что гостиница находилась на углу Моховой и Симеоновской улиц (*Раков Ю. А.* Петербург — город литературных героев. СПб., 2002. С. 97). Рядом с этим местом были еще гостиницы купцов Ф. Елизарова, Д. И. Васильева, И. И. Якушева (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 768; *Тихомиров*, 2018. Т. 2. С. 474—475).

С. 176. ...отправился на Пески. В одной из Рождественских улиц он скоро отыскал один небольшой деревянный домик. — Песками (из-за песчаного грунта) называлась территория нынешнего Смольнинского района, примыкающая к Суворовскому проспекту (до 1900 г. Слоновая улица). Эта часть города была «населена людьми средн<его> достатка и бедняками разных сословий и званий: торговцами, чиновниками, ремесленниками, извозчиками, разночинцами и проч.» (*Михневич*. С. 60). На Песках жила до замужества А. Г. Достоевская. Рождественские улицы (в настоящее время — Советские) получили свое название от выстроенной неподалеку в XVIII в. церкви Рождества Христова.

С. 176. ...молодая девушка лет двадцати, вся в трауре и с грудным ребенком на руках... — Картина непорочной девы с младенцем содержит скрытые отсылки к женскому окружению Христа в евангельском тексте и в «Жизни Иисуса» Ренана.

С. 177. ...дала стрелка в кухню... — Стрелка (стрекача) (за)дать (прост., шутл.) — стремительно убежать; вероятно, от диал. «стрелка» — прыгать, спешить (*Шведова*. С. 949).

С. 178. ...про убийство семейства Жемариных в газетах изволили проследить? — См. об этом выше, с. 544—545.

С. 179. — Ну и сбрендил... — Сбрендить — сказать что-либо глупое, несуразное или солгать. См. также с. 439: ...вы так постыдно сбрендили... — Здесь: струсить, испугаться. Ср. в «Униженных и

оскорбленных»: «А что, не посмел, сбрендил, то-то, брат!» (3, 397). Слово используется также в значении «сойти с ума» (БАС., Т. 13. Стлб. 245—246).

С. 179. ...вспомните мудрые слова законодателя: «Да царствует милость в судах». — Неточная цитата из манифеста Александра II от 19 марта 1856 г. «О прекращении войны». О будущем России, только что заключившей с Турцией мир, в частности, говорится: «...да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее...» (см.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. Т. 31. Отд. I. 1856. СПб., 1857. С. 132).

С. 180. ...в палки играли)... — Палки — название карточной игры.

С. 180. ...я опять на экваторе... — Т. е. без денег; ср.: «Сидеть на экваторе (флотск., быть без гроша; широта 0)» (Даль, Пословицы. Т. 1. С. 73).

С. 181. ...свою дочь, подозревает, у ней каждую ночь милых друзей ищет! ~ С ума спятил от мнительности... — В этих свойствах характера Лебедева отразились черты М. А. Достоевского, откуда писателя, как его характеризовала Л. Ф. Достоевская: «Мой дед Михаил своих хороших дочерей никуда не пускал одних и всегда сопровождал их в тех редких случаях, когда они отправлялись навестить кого-нибудь из соседей. Отцовская непомерная бдительность больно ранила стыдливость тетушек. Впоследствии они с содроганием вспоминали, как отец по вечерам являлся к ним в спальню и заглядывал под кровати, проверяя, не прячется ли там любовник. Тетушки мои были тогда еще совсем девочки, чистые и невинные» (см.: Достоевская Л. Ф., 2017. С. 55). Следует отметить, что дочерям М. А. Достоевского Вере и Александре на момент его смерти (1839 г.) «было, соответственно, 10 лет и 4 года. Естественно не о каких потенциальных „любовниках“ здесь не могло быть и речи. Если поверить словам Л. Ф. Достоевской, ее информантом в этом отношении могла быть только тетка Варвара, которой летом 1839 г. шел семнадцатый год <...>». Ср. вариации мотива в рассказе «Вечный муж» (9, 106) и в черновых набросках к роману «Подросток» (Акад. ПСС. Т. 16. С. 84). Отмечено: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 485—486.

С. 181—182. За упокой души графини Дюбарри молился ~ и всех ей подобных)... — Дюбарри Мари-Жанна (1743—1793) — графиня, фаворитка Людовика XV, казнена по приговору революционного трибунала 8 декабря 1793 г. «Жизнеописание» графини, упоминаемое Лебедевым, помещено в семнадцатом томе «Энциклопедического лексикона» Плюшара (СПб., 1841. С. 377—378). Об обстоятельствах казни, поразивших Лебедева, здесь сказано: «Будучи уже введена на эшафот, она беспрестанно просила о помиловании, рыдала <...> с громкими воплями умоляла народ сжалиться над нею. Даже в минуту самой казни она вскричала, обращаясь к исполнителю казни: „Monsieur le bourreau, encore un moment“ — „Господин палач, еще минуточку!“» Рассказом о казни и о последних словах Дюбарри заканчивается и

«Предисловие издателя» к якобы ее «Запискам» (см.: *Mémoires de Madame la comtesse du Barri*. Paris, 1829. Т. 1. Р. XXXV—XXXVI), на самом деле оказавшимся мистификацией, автором которой был писатель Э.-Л. де Ламот-Лангон (1786—1864). О предсмертном крике Дюбарри Достоевский вспоминал позднее в ДП (1873. Гл. V, «Влас») и объяснял ее обращение к палачу как попытку отвлечься хоть на миг от смертельного ужаса, «нараставшего прогрессивно», найти «облегчение, исход страждущей душе»: «В двадцать раз она бы выстрадала больше в эту даровую минуту, если б ей ее подарили, а все-таки кричала и молила о ней» (Акад. ПСС. Т. 21. С. 39—40).

С. 181. ...одна великая императрица, в собственноручном письме своем. «*ta cousine*» написала. — Так австрийская императрица Мария-Терезия обращалась к другой фаворитке Людовика XV — маркизе де Помпадур, о чем сохранилось свидетельство в хронике А. Дюма-отца «Людовик XV и его эпоха» (1849). См.: Тихомиров, 2018. Т. 1. С. 486—487.

С. 181—182. Кардинал, нунций папский, ей на леве-дю-руа ~ святейшее лицо! — Кардинал (лат. *Cardinalis* — главный) — самый высокий (после папы) духовный сан в католической церкви; нунций (лат. *nuntius* — посланец, вестник) — посол папы; леве-дю-руа (фр. *lever du roi*) — церемония утреннего королевского одевания, на которую допускались вельможи. В гл. XXXII «Записок» Дюбарри рассказывается, что кардинал Ларош-Эмон и папский нунций каждое утро присутствовали при ее вставании: «...два эти достопочтенных преемника апостолов, исполняя обязанности моих горничных, помогали мне сойти с постели и сутились вокруг меня, один, чтоб дать мне мой пенюар, другой — домашние туфли» (см.: *Mémoires de Madame la comtesse du Barri*. Т. 1. Р. 364—365). Тот же факт (ближе к словам Лебедева) приведен в «Отверженных» В. Гюго, ср.: «Челобитие подано было Людовику XV как раз в тот момент, когда папский нунций справа, а кардинал Ларош Эмон — слева, оба набожно коленопреклоненные, надевали в присутствии его величества туфли на босые ножки г-жи Дюбарри, встававшей со своего ложа» (Гюго. Т. 6. С. 490).

С. 182. ...палач Самсон... — Настоящее имя палача — Сансон (*Sanson*); во Франции оно стало нарицательным, так как ремесло палача в семье Сансонов передавалось по наследству в течение двухсот лет (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 771). См. также с. 726 выше.

С. 182. ...на потеху пуасардок... — Пуасардка (фр. *poissarde*) — торговка рыбой или вообще базарная торговка.

С. 182. ...господин буро... — Буро (фр. *bougreau*) — палач.

С. 182. ...далее этакого мизера с человеческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь ли, что значит слово мизер? Ну, так вот он самый мизер и есть. — Лебедев подчеркивает многозначность слова «мизер» (фр. *misère*): горе, беспомощность, страдание, мука.

С. 182. ...рот в ижицу... — Выражение лица Лебедева сравнивается с формой ижицы (V) — последней буквы в кириллическом алфавите. Подобного рода сравнение встречается в «Повести о том, как

поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834): «У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табашного цвета и рот несколько похож на букву *ижицу* <...>» (Гоголь. Т. 2. С. 227).

С. 183. *Вероятнее всего в гостинице «Весы»...* — Высказывалось предположение о том, что название гостиницы связано с толкованием Апокалипсиса Лебедевым: «...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру (т. е. весы. — *Ред.*) в руке своей...» (8, 185; см.: Федоров, 2004. С. 338, 360). Этот вывод был позднее опровергнут: покушение Рогожина на Мышкина происходит не в «Весах», а в другой гостинице — на Моховой улице (см. выше, с. 757, а также: 1995. Т. 8. С. 772). Под «Весами» могла подразумеваться гостиница, находящаяся «в доме наследников Иорданского на углу 8-й Рождественской (с 1923 г. 8-я Советская), № 16, и Слоновой улицы (с 1900 г. Суворовский проспект), № 25» (Тихомиров, 2018. Т. 2. С. 478—479), поскольку это единственная гостиница, располагающаяся в районе Рождественских улиц в 1867 г.

С. 184. *Полноте служить двум господам. ~ Скажите правду.* — Ср.: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному усердствовать, а о другом нерадеть станет. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24; см. также: Лк. 16:13) (см.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 13—14, 186; Т. 2. С. 177; Соломина-Минихен, 2016. С. 57).

С. 184. *Она, князь, вас еще более его боится, и здесь — премудрость!* См. также с. 186: *Тут же, в толковании сем, я равен вельможе. Ибо ум!* ~ мысленно, развернув аллегорический свиток, усилил и *цифры* подвел. — Ср. в Откровении св. Иоанна Богослова: «Здесь мудрость! Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое: число его, шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18) (см.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 603; Т. 2. С. 754; 1995. Т. 8. С. 772).

С. 184. *Всё еще на Петербургской, в доме моей свояченицы...* — Петербургской называлась теперешняя Петроградская (с 1914 г.) сторона, район в северной части города. В 1860-е годы на Петербургской стороне проживало несколько родственников Достоевского: младшая сестра А. М. Голеновская, младший брат Н. М. Достоевский, племянник Ф. М. Достоевский-младший (Всеобщая адресная книга... Отд. III. С. 120, 157), а также его мать (вдова М. М. Достоевского, невестка писателя) Э. Ф. Достоевская (см.: 1995. Т. 8. С. 772). Свояченица — сестра жены.

С. 185. *...двуязычна...* — Ср. в Первом послании св. апостола Павла к Тимофею: «Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы <...>» (1 Тим. 3:8, в Синод. переводе). См.: Евангелие Достоевского. Т. 2. С. 701. Иноск.: «лукавый, двойко говорящий, лицемерный» (Михельсон. Т. 1. С. 230).

С. 185. *Апокалипсисом стал отчитывать.* — Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова (I в. н. э.; греч. *ἀποκάλυψις* — откровение), — последняя из книг Нового Завета, содержащая проро-

чества о конце мира и Страшном суде. Начиная с «Двойника» (1846), где званый обед у Берендеева сравнивается с «чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия» (1, 150) и аллюзия на чрезмерную роскошь и блистательность восходит к Откровению св. Иоанна Богослова, в котором описывается гибель «великого Вавилона» как воплощения грехов (гл. 18), Достоевский не раз обращался к апокалипсическим образам; об истолковании их в «Идиоте» см. с. 547—548, 777, 786—787.

С. 185. ...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей ~ «мера пшеницы за денарий и три меры ячменя за денарий» ~ коему имя Смерть, а за ним уже ад... — Аллюзии и цитаты из Апокалипсиса (Откр. 6:5—8), одно из многочисленных подтверждений того, что Достоевский цитирует текст Нового Завета по изданию 1823 г. или соединяет лексику двух переводов: в данном случае в цитате о денарии присутствует русский вариант «мера» вместо греческого слова «χοῖνιξ» (малая хлебная мера), указанного в Синод. переводе, но есть слово «всадник», отсутствующее в издании 1823 г. Денарий (лат. *denarius*) — римская серебряная монета, которую обычно оплачивался дневной труд поденщика. См. также: *Балашов Н. В., свящ.* Спор о русской Библии и Достоевский // *Д, Материалы и исследования*. Т. 13. С. 12—14; *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 591; Т. 2. С. 727—728, 791—792; *Тихомиров, 2018*. Т. 1. С. 489.

С. 186. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. — Неточная цитата из Апокалипсиса: «Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты жалок, и беден, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3:17). Ст. 14—17 отчеркнуты карандашом; начало 14 и окончание 17 стихов отграничены карандашом знаками «|». См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 587; Т. 2. С. 720—721. В речи Лебедева — очередная формула самоуничтожения, как и дальнейшее сравнение с атомом. Слово «атом» здесь используется в значении «мизерный, ничтожный», ср. в *ДП* за 1876 г.: «что он вовсе не атом и не ничто перед ними» (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 6; см. также об ином значении слова: *Касаткина Т. А.* «Сон смешного человека»: личность как рычаг преображения мира // *Достоевский и мировая культура. Филол. журнал*. 2019. № 2. С. 39). Коловращение — круговорот. Метафора «коловращенье людей» встречается во втором томе «Мертвых душ» (1835—1841, опубл. в 1842; т. 2 — в 1855) Н. В. Гоголя: «...видеть свет, коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука» (*Гоголь*. Т. 7. С. 54, см. там же с. 61, 92).

С. 186. Его высокопревосходительство, Нил Алексеевич... — По Табели о рангах титулование военных и гражданских чинов I и II классов и их жен. Так титуловались канцлер и генерал-фельдмаршал (I кл.), действительный тайный советник и генерал-аншеф, генералы — от инфантерии, кавалерии, артиллерии, инженер-генерал (II кл.) (*Глинкина*. С. 73).

С. 186. ...профессор Антихриста? См. также с. 498—499: Он антихриста проповедует ~ И это не учение антихристово?! —

Ср. в Первом соборном послании св. апостола Иоанна Богослова: «...И как вы слышали, что придет Антихрист; а ныне уже много Антихристов: то мы и замечаем из того, что последнее время» (1 Ин. 2:18, см. также: 1 Ин. 2:22; 4:3; 2 Ин. 1:7). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 388, 391, 395; ср.: Т. 2. С. 630—631.

С. 186. ...а на Фоминой Богу душу отдали. — Фоминой (в память явления Христа апостолу Фоме) называется по православному календарю неделя, идущая вслед за Святой — пасхальной.

С. 186. — И вы тоже в Павловск? ~ и все в Павловск. — С середины XIX в. Павловск стал излюбленным дачным местом петербуржцев. «В отличие от загородных резиденций с их „дворами“ и гвардией, где селилась преимущественно знать, — писал по этому поводу Н. П. Анциферов, — Павловск привлекал к себе, наряду с имущими классами общества, интеллигенцию и чиновников, занимавших средние ступени табели о рангах» (*Анциферов Н. П. Пригороды Ленинграда*. Гос. литературный музей. М., 1946. С. 91). О некоторых павловских реалиях «Идиота» см. в книге того же автора «Петербург Достоевского» (Пб., 1923. С. 32—33). См. выше, с. 540—541.

С. 186. ...бонтонно... — От фр. bon ton — хороший тон — благопристойно.

С. 188. Подходя к перекрестку ~ «Дом потомственного почетного гражданина Рогожина». — Отмечено, что «дому Рогожина» могли соответствовать два дома на улице Гороховой под № 33 и 41 (см.: *Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге*. С. 196—197). По мнению Г. А. Федорова, в описании дома Рогожина отразились характерные особенности московских фамильных домов родственников Ф. М. Достоевского Куманиных (см. выше, с. 578, а также: *Федоров, 2004*. С. 328, 256—257). Обзор этих и других точек зрения см.: *Тихомиров, 2018*. Т. 2. С. 480—485.

С. 188. Один дом, вероятно по своей особенной физиономии, еще издали стал привлекать его внимание... — Описание дома Рогожина восходит, возможно, и к литературным источникам, один из которых — роман О. де Бальзака «Евгения Гранде», другой — произведения Э. По «Вильям Вильсон» и «Падение дома Ашер» (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 774).

С. 188. ...внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке...; см. также с. 197: ...то и стал бы деньги копить ~ до страсти доводишь». — О религиозной секте скопцов, образованной во второй половине XVIII в. крестьянином Орловской губернии Кондратием Селивановым, Достоевский упоминает во многих произведениях (см. о ней в комментариях к «Преступлению и наказанию», «Житию великого грешника», «Бесам», «Подростку» — 7, 730—731; 9, 982—985; *Акад. ПСС*. Т. 12. С. 296; Т. 17. С. 396). Мысль о возможном переходе в эту секту Рогожина сопоставима с некоторыми данными о скопцах в книге Н. И. Надеждина «Исследование о скопческой ереси» (СПб., 1845), перепечатанной в 1862 г. в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках, составленном В. Кельсиевым. Выпуск

третий: О скопцах» (Вольная русская типография, Лондон) и, по всей вероятности, известной Достоевскому. В предисловии Кельсиев прямо называет скопцов сектой «менял, детушек, ведущих биржевую игру...» (с. IV). Надеждин писал: «В больших городах и преимущественно в столицах к этой ереси принадлежат многие богатые, первостатейные купцы, ворочающие миллионами» (с. 205, см. об этом же с. 214—215); «...у скопцов корыстолюбие вследствие неспособности их ко всем прочим наслаждениям превращается в главную, единственную стихию всей жизни. Весьма замечательно, что большая часть живущих по городам скопцов состоит из менял и вообще серебряных торговцев, или из ремесленников, занимающихся золотую и серебряною работою <...>. Страсть к деньгам во многих из них, которые и действительно сделались миллионщиками, простирается до сквернейшего гарпагонства» (Там же. С. 219—220; см. также с. 225—226).

С. 188. ...со штучным, дубовым полом... — Штучный пол — паркетный, см.: Шведова. С. 614.

С. 191. ...«История» Соловьева, была развернута и заложена отметкой. — «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1820—1879) начала выходить в 1851 г. К 1867 г. было издано 17 томов. По свидетельству Страхова, «История России...» принадлежала к числу тех книг, которые Достоевский взял с собой, выезжая в 1867 г. за границу (Биография. С. 298). Первый том этого издания имелся в библиотеке Достоевского и в позднейшие годы (Гроссман, Семинарий. С. 41). В письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. Достоевский включил «Историю России...» Соловьева в список книг, рекомендованных для чтения дочери адресата (Акад. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 212).

С. 191. Один портрет во весь рост ~ скрытым и скорбным взглядом. — В этом описании отмечены переключки с «Портретом» Гоголя (имеется в виду первая редакция, напечатанная в «Арабесках» в 1835 г.): «Это был старик с каким-то беспокойным и даже злобным выражением лица; в устах его была улыбка, резкая, язвительная и вместе какой-то страх; румянец болезни был тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы; но вместе с этим в них была заметна какая-то странная живость. Казалось, этот портрет изображал какого-нибудь скрягу, прошедшего жизнь над сундуком, или одного из тех несчастных, которых всю жизнь мучит счастье других» (Гоголь Н. В. Портрет // Гоголь, 2001. Т. 3. С. 48). См.: Боград Г. А. Произведения изобразительного искусства в творчестве Ф. М. Достоевского. Нью-Йорк, 1998. С. 26—27.

С. 193. Ономясь... — Т. е. несколько дней назад, ср.: «онными днями», «недавню», «считая днями» (Даль. Т. 2. С. 674).

С. 195. ...был такой один папа и на императора одного рассердился ~ заклинался отомстить тому папе. — Имеется в виду стихотворение Г. Гейне «Генрих» (краткая редакция — 1822, пространная — 1843). В редакции 1843 г. оно вошло в цикл «Современные стихотворения»; в этой же редакции было впервые переведено И. Лебедевым

на русский язык и напечатано в журнале «Развлечение» (1859. № 7. С. 76). В 1862 г. стихотворение в том же переводе было вновь опубликовано (см.: Поэты всех времен и народов. Сборник, издаваемый Костомаровым и Бергом. М., 1862. Вып. 2. С. 119). Тема его — один из эпизодов длительной борьбы между германским королем (с 1056 г.), императором Священной Римской империи (с 1084 г.) Генрихом IV (1050—1106) и папой Григорием VII (1020 или 1025—1085), который стремился подчинить светскую власть папскому престолу. В 1076 г. Григорий VII добился низложения императора, не желавшего признать верховную власть папы. Поняв безвыходность своего положения, Генрих с большими трудностями добрался до замка Каноссы, где находился папа. После трехдневного покаяния и унижительных переговоров прощение было получено. Впоследствии Генрих жестоко отомстил папе: в 1084 г. он занял Рим и лишил власти Григория VII, отдав папский престол Клименту III. По справедливому мнению исследователя, общий смысл рассказа Рогожина ясен и без обращения к произведению Гейне, но некоторые детали, такие как мечты Генриха о топоре, «который изрубил змею его мучений, — топоре, ассоциирующемся с ножом Рогожина <...> усиливают замечательную сцену некоторыми психологическими штрихами» (Холшевников В. Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1960. № 8. Вып. 2. С. 136). В параллель к рассказу Рогожина Настасья Филипповна приводит самый известный в европейской истории случай борьбы между светской и церковной властью. Эта проблематика: претензии римской церкви на подмену государственной власти — в дальнейшем будет затрагиваться в рассуждениях князя на «вечернем собрании» у Епанчиных (см.: 8, 498—499).

С. 195. *...прошумит твое платье, а у меня сердце падает...* — Автореминисценция из «Игрока» и «Преступления и наказания», см. подробнее: 5, 590.

С. 195. *«Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты совершенный как есть лакей».* — Ср. реплику Грушеньки Раkitину в «Братьях Карамазовых»: «Садись в угол и молчи, как мой лакей» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 320).

С. 197. *Да много-много что старые бы книги когда похвалил да двуперстным сложением заинтересовался...* — Имеется в виду интерес к старообрядцам: они не признавали тех исправлений, которые (по древнегреческим и славянским рукописям) вносились в церковные книги с первой четверти XVI в., и особенно активно при патриархе Никоне (в 1652—1658 гг.). Им же 23 апреля 1656 г. на соборе русских архиереев было провозглашено проклятие на двуперстное крестное знамение и введено троеперстное.

С. 197. *...«Ты бы образил себя хоть бы чем... — Образил — здесь: просветился, поучился (так как речь идет о чтении книг). В ДП за 1876 г. (Январь. Гл. III, § 1) Достоевский в несколько ином значении употребляет глагол «образить» и поясняет: «Образить — слово народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий.*

<...> Слышал от каторжных» (Акад. ПСС. Т. 22. С. 26). См. также черновики этой записи в подготовительных материалах к ДП (Там же. Т. 24. С. 126—127).

С. 200—201. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста ~ копия с Ганса Гольбейна... — Ганс Гольбейн Младший (1497—1543) — немецкий живописец эпохи Возрождения. Речь идет о картине «Мертвый Христос» (1521—1522, Художественный музей Базеля, Швейцария). См. подробнее выше, с. 568—577 и др.

С. 201. ...Савельев Иван Дмитрич, из купцов ~ до четырехсот доходил... — Г. А. Федоров указал, что среди знакомых Куманиных (родственников Достоевского) был археолог и нумизмат, коллекционер В. К. Савельев (Федоров, 2004. С. 360).

С. 202. ...и часа четыре с одним С—м в вагоне проговорил ~ Он человек действительно очень ученый... — В Акад. ПСС высказано предположение о том, что под «С—м» Достоевский подразумевал петрашевца Н. А. Спешнева (1821—1882) (Акад. ПСС. Т. 9. С. 441), взгляды которого имели ярко выраженный материалистический и атеистический характер (о Спешневе и об отношении к нему Достоевского см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 477—504, 775—777, а также коммент. к романам «Бесы» и «Подросток» — Акад. ПСС. Т. 12. С. 220—222, 270; Т. 17. С. 303, 405; Сараскина Л. И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000). В 1995 предложен другой вариант расшифровки фамилии: И. М. Сеченов (1829—1905) — ученый-материалист, физиолог, автор книги «Рефлексы головного мозга» (СПб., 1866), в которой обосновывались материалистические идеи. Достоевскому были известны труды Сеченова, о чем свидетельствует упоминание об ученом в записной книжке 1863—1864 гг.; указанная книга имела в библиотеке писателя (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 778).

С. 202. ...одно убийство случилось ~ Нет, этого, брат-князь, не выдумаешь! — См. выше, с. 543—544.

С. 203. ...вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдат ~ уж это без сомнения. — «Случай, происшедший с Ф<едором> М<ихайловичем> в 1865 г., когда он, создавая ром<ан> „Преступление и наказание“, часто ходил в местности около Сенной. Крест этот Ф<едор> М<ихайлович> мне показывал. При отъезде за границу в 1867 г. крест был оставлен в Петерб<урге> в числе прочих вещей, но по нашем возвращении в 1871 году мы оставленных нами вещей не нашли. Так<им> обр<азом>, исчез и крест, о чем Ф<едор> М<ихайлович> очень жалел» (примеч. А. Г. Достоевской — ИРЛИ. Ф. 100. № 29602. Л. 9 об.; с неточностями опубликовано: Гроссман, Семинарий. С. 59—60).

С. 203. ...крест ~ осмиконечный полного византийского рисунка. — Православный крест (византийский крест, крест святого Лазаря), восьмиконечный христианский крест, символ православной церкви в странах Восточного Средиземноморья, Восточной Европы и в России. Особенность этого креста состоит в том, что на нем, кроме

двух горизонтальных поперечин (нижней — большой, верхней — малой), есть наклонная (подножие). См. также: Палачева В. В., Флегентова Т. Н. «Испытание крестом»: крест как «визуальный знак» в романах Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток») // Вестн. КемГУ. Сер. Филология. 2008. № 2. С. 161.

С. 203. ...такая же точно бывает и у Бога радость ~ главнейшая мысль Христова! — Ср. с евангельским текстом: «Сказываю вам, что так и на небеси более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7, см. также: Лк. 15:10). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 183.

С. 204. ...сидела маленькая старушка... — Ср. в примечаниях А. Г. Достоевской: «В лице старушки Рогожиной Феодор Михайлович описывает родную тетку (сестру матери) Александру Федоровну Куманину, жившую в Москве» (Гроссман. С. 60).

С. 205. — Да дай же я хоть обниму тебя ~ Он не хотел его обнимать. — Аналогичным образом ведет себя при встрече с матерью и сестрой Раскольников в «Преступлении и наказании»: «Обе бросились к нему. Но он стоял как мертвый; невыносимое внезапное сознание ударило в него как громом. Да и руки его не поднимались обнять их: не могли» (6, 167).

С. 205. — Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина! — Этой драматической сцене предшествует в романе ее комическая параллель. Ср. рассказ генерала Иволгина о том, как они с отцом Мышкина уступали друг другу невесту: «Ну, тут, натурально, объятия и взаимная борьба великодушия. Князь кричит: твоя, я кричу: твоя!» (8, 90). Ср. также реплику Разюляева в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок»: «Митя!.. Для приятеля... всё жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. (Ударяет по руке.) Одно слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло!» (Островский А. Н. Бедность не порок // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 378). См.: Борисова В. В. «Бедность не порок» А. Н. Островского и «Идиот» Ф. М. Достоевского: Реминисценция и парафраза // Достоевский и современность. Чт. 18 (2003). 2004. С. 40—41.

С. 206. К шести часам он очутился на дебаркадере Царскосельской железной дороги. — Дебаркадер (фр. débarcadère) — стационарная платформа, перрон. Царскосельская железная дорога — первая в России массового пользования; обеспечивала транспортное сообщение между Санкт-Петербургом и Царским Селом (с 30 октября 1837 г.), Царским Селом и Павловском (с 22 мая 1838 г.).

С. 208. «Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!» ~ всей жизни. — Ср. с приводимым Н. Н. Страховым рассказом Достоевского о переживании им самим момента ауры: «На несколько мгновений, — говорил он, — я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие

люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй всю жизнь» (см.: *Биография*. С. 214).

С. 209. ...в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет. См. также с. 352—354: — *Завтра «времени больше не будет»!* ~ А помните, князь, кто провозгласил, что «времени больше не будет»? Это провозглашает огромный и могучий ангел в *Апокалипсисе*. — Имеется в виду начало 10-й гл., см.: Откр. 10:1—6. Достоевский цитирует ст. 6: «времени уже не будет» (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 598). В *Апокалипсисе* осуществление пророчества отнесено к тем дням, когда «совершится тайна Божия» (ст. 7). К этому же апокалипсическому видению писатель обращается в подготовительных материалах к «Бесам» и в окончательном тексте романа (см.: *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 188; Т. 11. С. 184; Т. 12. С. 297, 352).

С. 209. ...это та же самая секунда ~ обозреть все жилища *Аллаховы*. — Магомет (Мухаммед; ок. 570—632) — основатель ислама. О давнем интересе Достоевского к его личности см.: 1, 741—742. Из жизнеописаний, которые могли быть известны писателю, заслуживает упоминания книга В. Ирвинга «History of Mahomet and His Successors» (1849—1850). В 1857 г. она появилась в переводе П. В. Киреевского под названием «Жизнь Магомета». «Иные уверяли, — пишет Ирвинг об эпилепсии Магомета, — будто бы это клевета его врагов и христианских писателей. Однако ж оказывается, что это утверждали некоторые из его древнейших мусульманских жизнеописателей, которые ссылались на людей ему близких» (С. 39). Рассказ о припадках Магомета, приводимый далее, безусловно должен был остановить внимание Достоевского: «У него бывала <...> сильная дрожь, за которой следовал род обморока, или, вернее, конвульсии; тогда с его лба струился пот, даже и в самую холодную погоду; он лежал закрывши глаза, с пеною у рта, и ревел, как молодой верблюд» (Там же). Припадки сопровождались видениями. По легенде, Магомет, разбуженный однажды ночью архангелом Гавриилом, в мгновение ока совершил на чудесном коне путешествие из Мекки в Иерусалим, а затем побывал на небесах, где беседовал с Богом, ангелами, пророками, видел геенну огненную и т. д. «Некоторые утверждают, что это было не что иное, как сон или ночное видение <...>. Другие настаивают на том, что он совершил небесное путешествие телесно и всё это будто бы исполнилось чудесным образом в такое короткое время, что, возвратясь, Магомет еще мог остановить совершенное падение сосуда с водою, который архангел Гавриил, улетая, задел крылом» (С. 89—90). Об этом же «путешествии» Магомета упоминается в «Бесах» (*Акад. ПСС*. Т. 10. С. 451; Т. 12. С. 318). С. В. Ковалевская приводит такое высказывание Достоевского: «Вы все, здоровые люди <...> и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своем Коране, что видел

рай и был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик! Ан нет! Он не лжет! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я» (Ковалевская, 1974. С. 76).

С. 209. ...говорил с половым... — Половой (устар.) — слуга в трактире, на постоялом дворе.

С. 211. По рисунку заказанный инструмент и шесть человек, положенных совершенно в бреду! — Эти мысли князя связаны с подробностями убийства Жемариных (см. выше, с. 544—545).

С. 211. ...и давешний Павловский вокзал, и давешний Николаевский вокзал... — Мышкин в Павловске еще не был, т. е. Павловский вокзал здесь — это Царскосельский (ныне Витебский) вокзал в Петербурге. См. ниже: «И князю ужасно захотелось, еще недавно, в воксале Царскосельской дороги, — когда он садился в вагон, чтобы ехать к Аглае <...>» (8, 213). Николаевский вокзал, расположенный на Знаменской площади (совр. название — площадь Восстания), — ныне Московский (с 1924 г.).

С. 212. Вот, должно быть, и дом ~ коллежской секретарши Филисовой». — Коллежская секретарша — вдова или жена коллежского секретаря (по Табели о рангах — гражданский чин X класса). Писатель иллюстрирует здесь еще одним примером способность князя Мышкина узнавать дома по их «физиономии» (см. эпизод с домом Рогожина — 8, 188).

С. 217. ...кушая чай и слушаая орган. — Органом назывались многие разновидности заводных музыкальных инструментов. Здесь, вероятно, имеется в виду шарманка (ср.: 6, 402).

С. 220. ...царские дни ~ в день тысячелетия России так семьсот человек начел. — Царские дни — дни празднования, установленные в память событий из жизни царствующей императорской фамилии (дни восшествия на престол, коронования, рождения и др.). Тысячелетие России праздновалось 8 сентября 1862 г.

С. 224. ...и прием такого необычайного интруса для толкования Апокалипсиса... — Интрус (фр. intrus — чужеродный, посторонний, незваный) — здесь: самозванец.

С. 227. В каждой гневливой выходке Аглаи ~ проглядывало столько еще чего-то детского...; см. также с. 399: ...вдруг обернулась она к князю с самою детскою доверчивостью и еще со смехом, дрожащим на ее губах... — О символике детских черт у взрослых героев романа см.: Соломина-Минихен, 2016. С. 39—41.

С. 227. ...нетерпеливо школьного...; см. также с. 315: ...Аделаида ~ захохотала таким же неудержимым, школьнически веселым смехом, как и та. — См. «школьные», по собственной характеристике князя, «слова» его в разговоре с Аглаей (с. 8, 482—483). Эта черта — детская непосредственность — безусловно, роднит сестер с князем. «Школьные» выражения в речи Мышкина знаменуют его демократизм и частое общение с детьми.

С. 229. ...«образ чистой красоты» ~ за ее чистую красоту копия ломать. — Поэтическая формула «гений чистой красоты» встре-

чается в стихотворениях В. А. Жуковского «Лалла Рук» (1821, опубл. в 1827) и «Я музу юную, бывало...» (1824) (см.: 1995. Т. 8. С. 783). В 1825 г. эти строки — «*гений чистой красоты*» — процитировал Пушкин в послании к А. П. Керн («К ***»; 1825). Эту же цитату Достоевский приводит в записной тетради 1875—1876 гг. (Акад. ПСС. Т. 24. С. 130).

С. 229. ...*буквы А. Н. Б., которые он начертал на щите своем...* — Имеется в виду девиз «*Ave, Mater Dei*» (лат. «Радуйся, Матерь Божия»; ср. в Евангелии от Луки: «...радуйся, Благодатная!» — Лк. 1:28, евангельская параллель отмечена В. Н. Алёкиным), перефразированный Аглаей в «*Ave, Настасья Барашкова*». Исправление, сделанное Колей Иволгиным, не соответствует тексту Пушкина. См. выше, с. 531—535.

С. 229. *Поэту хотелось, кажется, совкупить в один чрезвычайный образ всё огромное понятие средневековой рыцарской платонической любви ~ «Рыцарь бедный» тот же Дон-Кихот...* — Помимо пушкинского стихотворения, тема рыцарской любви представлена в балладе В. А. Жуковского «*Рыцарь Тогенбург*» (1818, перевод одноименной баллады Ф. Шиллера), героя которой В. Г. Белинский сравнил с Дон-Кихотом в статье второй из цикла «*Сочинения Александра Пушкина*» (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 784). См. также выше, с. 587.

С. 230. ...*Аглае нравилась именно вся эта аффектация...* — Аффектация (от лат. affectatio) — здесь: страстное стремление, горячее желание. Это слово в отрицательном значении «искусственная приподнятость» встречается в упомянутой статье Белинского: «*Подлинно — рыцарь печального образа!.. <...> мы мало уважаем верность до гроба и считаем ее натяжкой воли, аффектациею, а не свободно горящим огнем чувства <...>*» (Белинский. Т. 7. С. 172—173).

С. 234. *Сам первым делом кричит, что не надо стулья ломать.* — Слова эти восходят к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), где городничий говорит об учителе: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (д. 1, явл. 1) (Гоголь, 2001. Т. 4. С. 14).

С. 234. ...*желтым шарабаном с красными колесами.* — Шарабан (фр. char à bancs) — открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов, а также одноконный двухколесный экипаж (БАС, Т. 17. Стлб. 1272—1273).

С. 235. — *Да он иначе и не говорит, как из книжек ~ целыми фразами из критических обозрений выражается.* — Эта черта мальчика-гимназиста, в «Идиоте» лишь намеченная, стала очень характерной для Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых» (см.: Акад. ПСС. Т. 14—15).

С. 235. ...*Пушкин, издание Анненкова, которое теперь и найти нельзя...* — Имеется в виду издание произведений поэта, подготовленное его биографом П. В. Анненковым: *Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч.* (СПб., 1855—1857).

С. 237. ...потому что прежде всего деловые-с ~ не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет... — Самыми яркими выразителями «нигилистического» отношения к Пушкину были в 1860-е годы В. А. Зайцев и Д. И. Писарев. Оно особенно сказалось в цикле статей последнего «Пушкин и Белинский» (РСЛ. 1865. № 4. Отд. II. С. 1—68 — «Евгений Онегин»; № 6. Отд. II. С. 1—60 — «Лирика Пушкина»). Критик утверждал: «...в так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века» — и делал заключение о том, что «читающая публика увидит ясно, без всяких дальнейших толкований, полную ветхость того кумира, пред которым, по старой привычке и по обязанности службы, преклоняется до сих пор всё наше пишущее филистерство» (Писарев Д. И. Сочинения: В 12 т. М., 2003. Т. 7. С. 314). В полемике вокруг наследия Пушкина принимал живое участие Достоевский (см. коммент. к публицистике 1860-х годов — Акад. ПСС. Т. 18 и 19). Отзвуки этой полемики есть также в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» (Там же. Т. 10. С. 23; Т. 11. С. 171; Т. 12. С. 215, 225, 284, 311—312, 334; Т. 14. С. 74; Т. 15. С. 589). Намеченная в «Идиоте» мысль о том, что последствием нигилизма явились «деловые» представители «нигилятины», получила развитие и дальнейшее обоснование в подготовительных материалах к «Подростку» (Там же. Т. 16. С. 53, 76—77).

С. 237. ...и не насчет, например, необходимости распадаения на части России... — Имеется в виду одна из идей прокламации П. Г. Зайчневского «Молодая Россия» (1862) (см. об этом подробнее в коммент. к роману «Бесы» — Акад. ПСС. Т. 12. С. 215—216, 284).

С. 237. ...а теперь уже считается прямо за право ~ укокошить при этом восемь персон-с. — Возможно, в этом эпизоде нашли пародийное отражение взгляды немецкого философа М. Штирнера (1806—1856), декларировавшего после констатированной Л. Фейербахом (1804—1872) смерти идеи Бога принцип «самоуслаждения». См.: Кибальник С. А. Идеи анархизма у «современных позитивистов» из романа Достоевского «Идиот» // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб., 2016. С. 414—419.

С. 237. Горские и Даниловы только случаи... — См. выше, с. 544—545.

С. 237. ...последним из последних в нравственном отношении. — Последний из последних — калька с фр. le dernier des derniers — последний человек, презреннейший из людей.

С. 237. ...горячность его супруги к партикулярным интересам князя. — Партикулярный (устар.; от лат. particularis — частный) — частный, неофициальный; штатский, не форменный (об одежде) (БАС₂. Т. 15. С. 425—426). Здесь: личный.

С. 238. ...остальных для куража... — Кураж (фр. courage — смелость, отвага) — здесь: задор, смелость, похвальба (см.: БАС₂. Т. 8. С. 792—793).

С. 240. Она торопливо протянула ему одну еженедельную газету из юмористических... — Намек на сатирический журнал «Искра», издававшийся в Петербурге в 1859—1873 гг. под редакцией поэта В. С. Курочкина и карикатуриста Н. А. Степанова (последний участвовал в «Искре» до 1864 г.).

С. 241. ...миновавшего помещичьего нашего барства (*de profundis!*)... — Латинское выражение «*de profundis*» является началом покаянного псалма, который в католичестве используется как заупокойная молитва: «*De profundis clamavi ad te, Domine...*» («Из глубины взываю к Тебе, Господи...» — Пс. 129:1). В данном случае это выражение означает: Царство Небесное. Среди набросков к роману, датированных 9 апреля, имеется запись с элементами каллиграфии: «воззвал! из глубины» (см. с. 258).

С. 241. ...«Свежо предание, а верится с трудом»... — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 2, явл. 2) (Грибоедов. Т. 1. С. 38).

С. 242. ...туняедец и проприетер...; см. также с. 278 (ПМ₂): ...невестка проприетерка собственной дачи... — Проприетер (фр. *propriétaire*) — собственник (БАС₁. Т. 21. С. 201).

С. 242. ...как крыловская Туча, пронесшаяся над иссохшим полем и разлившаяся над океаном. — См. басню И. А. Крылова «Туча» (1815), которая считалась откликом на получение награды псковским губернатором кн. П. И. Шаховским (1751 или 1764—1827) в то время, когда в подвластной ему губернии царил голод.

С. 242—243. ...целые толпы благородных дев, алчущих и жаждущих законного брака... — Здесь в фельетоне Келлера имеет место комическое обыгрывание евангельского выражения. Ср. в Евангелии от Матфея (Мф. 5:6): «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся» (Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 8; Т. 2. С. 153—154).

С. 243. ...с фонарем не отыщешь... — Аллюзия на «фонарь Диогена» — «символ упорных, но тщетных поисков», восходит к 4-й книге сочинения Диогена Лаэртского (III в. до н. э.) «Жизнь, учение и мнения знаменитых философов», где рассказывается о том, что древнегреческий философ Диоген (IV в. до н. э.) зажег днем фонарь и, расхаживая с ним, говорил: «Я ищу человека» (см.: Рус. фразеология. С. 724).

С. 243. ...скороспелый миллионер наш находился, так сказать, в эмпириях... — По представлениям древних греков, эмпирей — наиболее высокая часть неба, наполненная чистым огнем и светом, место пребывания богов (от греч. *ἐμπειρος* — обжаренный пламенем, огненный); находиться в эмпириях — книжн. ирон. быть далеким от текущей жизни, предаваться мечтам. Выражение также может иметь значение «блаженствовать», ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «Какого вина отпустил нам Пономарев! <...> ну просто, брат, находишься в эмпириях» (Гоголь, 2001. Т. 7. Кн. 1. С. 63).

С. 244. ...не милости и не вспоможения просит от него благородный характер молодого человека ~ а своего права и своего должного, хотя бы и не юридического... — В данном случае «свое право» и «свое должное», становясь аргументом в мошеннической попытке получить у князя деньги, показаны как противоположность «закону нравственному» (7, 173), которым компания Бурдовского явно пренебрегла.

С. 245. ...один из известнейших юмористов наших обмолвился при этом восхитительною эпиграммой ~ А студентов обокрал». — Как установила В. С. Дороватовская-Любимова, «эпиграмма» является пародией на отрывок из «детской сказки в стихах» «Самонадеянный Федя», напечатанной в № 9 «Свистка» за 1863 г.:

Федя Богу не молился,
«Ладно, мнил, и так!»
Всё ленился да ленился...
И попал впросак!

Раз беспечно он «Шинелью»
Гоголя играл, —
И обычной канителью
Время наполнял...

Эта эпиграмма на Достоевского принадлежит перу М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Салтыков-Щедрин. Т. 5. С. 303). Автору «Губернских очерков» (1856—1857) она и приписывается в романе (см. подробнее: Дороватовская-Любимова, 1928. С. 31—33).

С. 250. ...ко мне явился в Э. уполномоченный и ходатай ваш, господин Бурдовский, Чебаров. — Прототипом Чебарова послужил И. П. Бочаров, поверенный книгоиздателя Ф. Т. Стелловского (см. об этом подробнее: 7, 646, 655, 764). Фамилия «Чебаров» упоминается в черновых рукописях романа «Преступление и наказание» (7, 70—73) с ударением на последнем слоге.

С. 252. ...Чебаров должен быть каналья и сам наустил господина Бурдовского... — Наущать, наустить — подстрекать на дурной поступок (БАС₂. Т. 11. С. 447).

С. 258. ...за межевого чиновника... — Межевать — проводить межи, границы земельных владений. Имеется в виду чиновник, служивший в Межевой канцелярии и выполнявший соответствующие виды работ: обозначение земельных границ, составление земельных планов.

С. 261. Кто бы на его месте поступил иначе? ~ только очень забавное. См. также с. 263: ...сам защитник ~ последние времена пришли; с. 309—310: Недавно все говорили ~ в наше время. — Речь идет об убийстве гимназистом Витольдом Горским семейства Жемариных (см. об этом выше, с. 544). Далее имеются в виду следующие слова защитника Горского: «Мы видим молодого восемнадцатилетнего человека, полного сил, желающего жить и приносить пользу обществу; но для этого нужна подготовка, а для подготовки необходимы материаль-

ные средства, которых преступник не имеет. <...> Очень естественно, у него родился план каким бы то ни было образом достать что-нибудь, чтоб только принести пользу семейству и себе; у него нашелся один исход — совершение преступления; я не думаю, чтоб много было таких молодых людей, которым бы не приходило на ум воспользоваться каким бы то ни было средством для достижения своей цели, хотя бы даже совершить преступление» (Г. 1868. 14 мая, № 133. С. 3). См. также: Дороватовская-Любимова, 2011. С. 219—220; Соломина-Минихен, 2016. С. 90—92. ...последние времена пришли (см. выше). — Мотив Посланий св. апостолов в Новом Завете, см.: 1 Тим. 4:1, 1 Ин. 2:18.

С. 263. *По совести вынет! ~ Это «благородного отчаяния порыв», это «отрицание», или там черт знает что...* — Отмечено некоторое совпадение этих строк со словами В. Г. Белинского в статье «„Парижские тайны“. Роман Эжена Сю. Перевел В. Строев. Санкт-Петербург. 1844. Два тома, восемь частей», где автор писал, что Эжен Сю «не хочет считаться с тем, что преступник такой же человек, как и другие, что многие не стали преступниками лишь потому, что у них не было повода к этому, и что многих людей, одаренных от природы благородными порывами разума и сердца, толкнуло на преступление отчаяние, а на отчаяние — нужда, голод и все муки лишений» (Белинский. Т. 8. С. 669—670). См.: 1995. Т. 8. С. 789.

С. 263. *Девушка в доме растет, вдруг среди улицы прыг на дрожжи ~ прощайте!*» — Намек на сцену прощания Веры Павловны с матерью в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (гл. 2, XX — Чернышевский. Т. 11. С. 97—98), связанный с содержанием и общим тоном памфлетных страниц о «современных позитивистах» (см. выше, с. 546—547).

С. 264. *...кончится тем, что вы друг друга переедите...* — Мысль о том, что безверие и социализм могут легко довести до антропофагии, высказывалась Достоевским впоследствии в «Братьях Карамазовых»: «...всё будет позволено, даже антропофагия» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 65). См. также с. 346: *...человек прибежал даже к антропофагии...* — Антропофагия (греч. ἀνθρωποφαγία) — людоедство.

С. 264. *Мне на прошлой неделе сам Б—н объявил...* — Речь идет о знаменитом русском терапевте С. П. Боткине (1832—1889), упоминающемся и в «Преступлении и наказании» (см.: 7, 726—727). В 1865 г. Достоевский лечился у Боткина и спустя 11 лет отзывался о нем как о прекрасном диагносте (письмо к А. Г. Достоевской от 9 (21) июля 1876 г. — Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 2. С. 93; см. также упоминание о Боткине в письме к М. М. Достоевскому от 8 (20) сентября 1863 г. — Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 44).

С. 270. *...из-за ваших жалких слов...* — Возможно, отсылка к роману «Обломов» (см.: Туниманов, 2013. С. 421—429).

С. 271. *...только четверть часа в окошко с народом поговорить ~ и тотчас же за вами пойдет?* — Ю. М. Лотман связал мотив предсмертного желания Ипполита «держать речь к народу» с «моментом

смерти Белинского, так поразившим всё его окружение»: в воспоминаниях И. С. Тургенева приведены выдержки из письма А. П. Тютчевой, в котором указывалось, что Белинский перед смертью «говорил два часа не переставая, как будто к русскому народу» (Тургенев, Сочинения, 1978. Т. 11. С. 52); ср. строки из поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные» (1856): «В день смерти с ложа он воспрянул. <...> Ему мерещился народ / И звон московских колоколен; / Восторгом взор его сиял, / На площади, среди народа, / Ему казалось, он стоял / И говорил...» (Некрасов. Т. 4. С. 49) (см.: Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 158). Достоевскому могло быть известно это расхожее мнение современников о смерти Белинского. Вместе с тем в других текстах писателя звучат сходные оценки в адрес Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова: «А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить и он тотчас же убедит его обратиться в социализм» (из письма к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г. — Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 154); «...так думали Чернышевский и Добролюбов: четверть часа поговорить в окошко с народом, и он пойдет за вами...» (черновые рукописи романа «Подросток» — Там же. Т. 16. С. 170). В статье Чернышевского «Полемические красоты» (1861) есть стилистически похожее высказывание: «Вот горячились вы, горячились и никак не могли добиться, чего мы хотим, что любим; теперь же, только четверть часа побеседовали мы с вами хладнокровно, и открылось вам все: любим мы родину свою, а хотим — добра ей, — только и всего» (Чернышевский. Т. 7. С. 756). Кроме того, Достоевский использовал сходное выражение, рисуя собирательный образ «теоретиков», «социалистов» и «современных позитивистов»: «Мы положительно уверены, что самые умные из них (теоретиков. — Ред.) думают, что при случае стоит только десять минут поговорить с народом и он всё поймет; тогда как народ, может быть, и слушать-то их не станет, об чем бы они ни говорили ему» (Объявление о подписке на журнал «Время» на 1863 г. — Акад. ПСС. Т. 20. С. 208); «...дайте мне четверть часа только поговорить без цензуры с народом, и он тотчас за мной пойдет» (черновые рукописи романа «Бесы» — Там же. Т. 11. С. 78; Т. 12. С. 336).

С. 271. Остановился же Прудон на праве силы. — Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский экономист и социолог, один из основателей анархизма. Сочинениями Прудона интересовались в кружке В. Г. Белинского и в кружке петрашевцев. В библиотеке М. В. Петрашевского было 15 сочинений Прудона (см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 739—740). Одно из них — «О пользе празднования воскресенья» («De l'utilité de la célébration du dimanche», 1839) — было найдено у Достоевского при его аресте в 1849 г. (см.: Бельчиков. С. 214 и 224). В данном случае имеется в виду книга Прудона «Война и мир» («La Guerre et la Paix», 1861; полный русский перевод — 1864; до этого отдельные главы печатались в русских журналах), вызвавшая как в России, так

и за рубежом острую полемику. По словам одного из рецензентов, Г. де Молинари, в первом томе этого сочинения Прудон оставил далеко за собой «всех хвалителей войны, даже самого де Местра». «Право силы, которым руководствуются многие отдельные лица в сношениях между собой, становится также руководством в сношениях между народами», — так представлен в статье один из тезисов Прудона (РВ. 1861. № 8. Литературное обозрение и заметки. С. 139, 142). Признавая войну «вечным», «божественным» фактором, Прудон призывал перенести антагонизм, будто бы свойственный людям от рождения, а потому неискоренимый, с полей сражений на почву промышленности. В связи с полемикой вокруг книги Прудона журнал братьев Достоевских «Время» поместил посвященную ей статью П. Бибикова «Феноменология войны» (1861. № 12. С. 412—437), а также очерк Е. Тур «Шесть недель в гостях и дома» (1862. № 4. С. 40—74) с описанием заграничной встречи автора с Прудоном. В 1865—1868 гг. в связи со смертью Прудона споры о нем и его книге вспыхнули в русской печати с новой силой (см. об этом: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. [Кн. 1. 50-е годы. Л., 1928; Кн. 2. 60-е годы. Л.; М., 1931]. СПб., 2009. С. 348—351, 499—516). С впечатлениями от книги Прудона связаны рассуждения о войне и мире в ДП (1876. Апрель. Гл. II, § 2 — Акад. ПСС. Т. 22. С. 122—126).

С. 271—272. *В американскую войну ~ право силы за белыми...* — Имеется в виду Гражданская война 1861—1865 гг. между Северными и Южными штатами, которая началась с восстания жителей юга, выступивших против отмены рабовладения. Взгляд на негроидную расу как на «особую, примитивную разновидность людей» был высказан в книге Дж. К. Нотта и Дж. Р. Глиддона «Типы людей» (Nott J. C., Gliddon G. R. Types of Mankind. Phil.; London, 1854) (1995. Т. 8. С. 790). В рецензии на книгу Ж.-Л.-А. Катрфажа де Брео «Единство рода человеческого» (М., 1864, перевод А. Д. Михельсона) В. А. Зайцев утверждал мысль о неравенстве белой и цветных рас (РСЛ. 1864. № 8. С. 95—98). Против высказывания критика выступил М. А. Антонович в журнале «Современник»: «..., Русское слово», считающее себя прогрессивным и гуманным, защищает, однако, рабство и неполноправность негров. Вот это хуже всяких непристойностей <...>» («Русскому слову» (предварительные объяснения) // С. 1864. № 11—12. С. 164); «Отрицать возможность равноправности негров — значит отрицать возможность их свободы, значит утверждать неизбежность их рабства, значит сходитьсь во мнениях с американскими плантаторами <...>» (Там же. 1865. № 1. С. 163). Зайцев опубликовал «Ответ моим обвинителям по поводу моего мнения о цветных племенах», в котором ссылался на то, что «доказательство коренной разницы между белым и черным племенами» и признание последних «низшими по организации, чем белый человек», содержится в работах ученых, в частности сторонников дарвинизма К. Фогта (Фохта) и Т. Г. Гексли (РСЛ. 1864. № 12. С. 21—22). См. также:

Ножин Н. Д. По поводу статей «Русского слова» о невольничестве // Искра. 1865. № 8. С. 114—117; Писарев Д. И. Посмотрим! // РСл. 1865. № 9. С. 10—13; Шелгунов Н. В. Очерки из истории Соединенных Штатов // РСл. 1864. № 3. С. 54, 102—104; Казакова О. Ю. Америка и американцы в оценке русского общества (конец 1850-х—1867 г.): социокультурные аспекты восприятия: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2000; Сараскина Л. И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Достоевский и современность. Чт. 22 (2007). 2008. С. 201—202. В 1864—1865 гг. Достоевский пародировал высказывания Зайцева в черновых рукописях и окончательном тексте «Крокодила» (5, 203, 376, 549).

С. 272. — *Вы таки консеквентны...* — Консеквентный (фр. *conséquent*) — последовательный.

С. 273. *А знаете, что мне не восемнадцать лет ~ вы знаете. См. также с. 363: Ну, кто же не сочтет меня за сморчка ~ дожить до седых волос!* — Ср. со словами героя повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти», обращенными к пожилому экзекутору: «Молодой человек, — сказал я ему, — я старше вас; каждая четверть часа теперь старит меня на целый год» (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 124; ср.: Гюго. Т. 1. С. 260).

С. 273. *...одна кирпичная стена будет, красная, Мейерова дома...* — Возможно, имеется в виду дом вдовы коллежского советника Л. Л. Мейера Е. В. Мейер, находившийся по адресу Шестилавочная ул., № 20. Воспоминания о «доме Мейера» могут быть связаны с 1846 г., когда был создан «Двойник»: на Шестилавочной улице жил Голядкин (1, 129, 730) (подробнее см.: 1995. Т. 8. С. 791). Позднее она упоминается в «Униженных и оскорбленных» (1861) как адрес Маслобоева (5, 298, 303).

С. 273. *...княгиня Марья Алексевна не забранит, ха-ха!..* — Намек на заключительные слова последнего монолога Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (д. 4, явл. 15):

Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

(Грибоедов. Т. 1. С. 122).

Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «...что, дескать, графиня Хлестова скажет?» (3, 375).

С. 274. *...для открытия и для возвещения истины ~ и всех, всех убедить...* — Достоевский наделил Ипполита чертой, которую начиная с 1860-х годов он постоянно приписывал современным «деятелям», особенно «социалистам», в частности Петрашевскому, Чернышевскому и Добролюбову, — верой в то, что можно за «четверть часа» «возвещать истину» и убедить в ней общество (см. об этом подробнее выше, с. 774). Начало этого высказывания Ипполита является перефразировкой слов Белинского о таланте автора «Бедных людей». По воспоминаниям Достоевского, критик сказал ему: «Вам правда открыта и возве-

щена как художнику, досталась как дар...» (ДП. 1877. Январь. Гл. II, § 4 — Акад. ПСС. Т. 25. С. 31). См. выше, коммент. к с. 271.

С. 274. *И никакого-то воспоминания не сумел оставить! Ни звука, ни следа ~ ни одного убеждения!..* — Эти слова Ипполита явно перекликаются с мотивами «Думы» М. Ю. Лермонтова (1838):

Толпой утрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

(Лермонтов. Т. 1. С. 401).

С. 278. *...Купферовы векселя...* — Фамилия Купфер упоминается во «Всеобщей адресной книге...» за 1867—1868 гг. в разделе «Специальные занятия и ремесла»: по ул. Б. Мещанская, д. 20, кв. 4 жил дантист П. И. Купфер (Отд. IV. С. 58). Большая Мещанская улица, угол Казанской площади, № 1/29, дом купца Б. Кохендёрфера (ныне Казанская ул., № 2/1) — один из адресов Достоевского в 1840-е годы (см.: Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шля...»: Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837—1881. С. 41—43). В данном случае этой фамилией наделен ростовщик, что становится своеобразным намеком на ее этимологию: нем. Kupfer — медь, медные деньги. Вексель (от нем. Wechsel) — ценная бумага, дающая право ее владельцу на получение от должника определенной в векселе суммы в указанные сроки.

С. 281—282. *...что «звезда Полынь», в Апокалипсисе ~ Лебедев так толкует...; см. также с. 342: Вы слышали о «звезде Полынь», князь? ~ Что за «звезда Полынь» такая? — осведомился кто-то; с. 349: ...не помутились источники жизни под этою «звездой»...* — В Апокалипсисе говорится, что при приближении конца мира звезда Полынь упала «на третью часть рек и на источники вод» и третья часть вод «стала полынью», и многие люди умерли от этих, ставших горькими, вод (Откр. 8:10—11). Глубоко своеобразные толкования апокалипсических образов свойственны были и Достоевскому. Об этом свидетельствуют пометы писателя на личном экземпляре Нового Завета (см.: 7, 749—750; Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 595). Во время работы над романом «Идиот» на писателя могло оказать влияние знакомство с поэтическим переложением Апокалипсиса, принадлежащим авторству А. Н. Майкова (1995. Т. 8. С. 792—793) (см. письмо Достоевского к Майкову от 18 (30) мая 1868 г. — Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 298).

С. 282. *Живет она где-то в какой-то Матросской улице...; см. также с. 278 (ПМ₂): ...в Матросской <улице>; с. 281 (ПМ₂): Ускользнула на дачу к Дарье Алексевне в Матросской...* — Матросскими назывались теперешние Краснофлотские улицы и ул. профессора Молчанова. В 1864 г. Достоевский снимал дачу в Павловске в 3-й Матросской улице, в доме Титова, а в 1865 г. — в 1-й Матросской улице, в

доме Иванова, где проживала также «семья действительного статского советника Павлищева»: жена О. С. Павлищева и сын, «которого звали именем главного героя романа „Идиот“ — Львом Николаевичем» (Бог-рад. С. 152, 154).

С. 284. ...ему ужасно вдруг захотелось оставить всё это здесь ~ никакого даже и права. См. также с. 318: Иногда ему хотелось уйти куда-нибудь ~ в одном только сне. — Эти строки романа восходят к евангельским ситуациям. Они являются не только своеобразной параллелью эпизоду в Гефсиманском саду (см. с. 727), но и варьируют идею трагического противостояния личности Христа окружающему «миру». В тексте Евангелия от Иоанна Достоевский отметил знаком «NB» и отчеркнул ст. 23 в гл. 8, содержащий этот мотив (*Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 259; см. также: Соломина-Минихен, 2016. С. 131). Помимо Евангелий, эти романские строки, по-видимому, связаны также и с соответствующим местом в «Жизни Иисуса»: «Все дошедшие до нас повествования единогласно утверждают, что перед самым наступлением ареста он пережил минуту нерешительности, смущения, внутренней борьбы с самим собою. Говорят, он вдруг воскликнул: „Возмущалась душа моя, Отец, спаси меня от часа сего“. <...> Душа его скорбела смертельно. Мучительная тоска снедала его, но его преданность божественной воле превозмогла. <...> Несомненно можно утверждать, что в течение последних дней жизни под страшным бременем принятой на себя миссии Иисус жестоко страдал» (Repan, 1863. Р. 377—378).

С. 284. ...он до того было потерял «всякий призрак нравственности» («единственно от безверия во Всевышнего»), что даже воровал. — По всей видимости, пародийный пересказ философского обоснования М. Штирнером крайнего индивидуализма и эгоизма человека после исчезновения идеи Бога. См.: Кибальник С. А. Идея анархизма у «современных позитивистов» из романа Достоевского «Идиот». С. 420.

С. 284. — *Послушайте, Келлер, я бы на вашем месте ~ наговариваете?* — В «Записках из подполья» в рассуждениях героя высказывается мысль о самооговоре в исповеди (5, 137). Фамилия «Келлер» (нем. Keller — погреб, подвал) может указывать на связь этого героя с типом «подпольного» (1995. Т. 8. С. 793).

С. 285. ...пастушески смотрите на жизнь! — Пастушеский (устар.) — обладающий чертами пастушеской поэзии (пасторали), идеализированно описывающий сельский быт на лоне природы. Здесь: идилически, невинно, наивно. См.: БАС₂. Т. 15. С. 460.

С. 285. ...по-швейцарски понимает человека. — Намек на то, что князь Мышкин приехал из страны, считавшейся одним из центров просветительства: «Само представление о Швейцарии было для русских читателей как бы неотделимо от мысли о Руссо» (Лотман Л. М., 1974. С. 259; см. также: Тусичинский, 2013). Для создания образа князя Мышкина могла иметь значение личность швейцарского педагога И.-Г. Песталоцци (1746—1827), «идеалиста, бессребреника, отдав-

шего свое состояние на дело воспитания детей» (см.: Ашимбаева Н. Т. Швейцария в романах «Идиот» и «Бесы». К вопросу о поэтике топонима у Достоевского // Ашимбаева Н. Т. Достоевский. Контексты слов. СПб., 2014. С. 138). См. также с. 568, 592—596.

С. 285. ...сбиваете человека с последнего панталыку! — Сбить с панталыку — привести в замешательство, запутать (БАС₁. Т. 13. Стлб. 221—222; БАС₂. Т. 15. С. 340).

С. 285—286. ...такое простодушие, такая невинность, каких и в золотом веке не слыхано...; см. также с. 313: ...рай на земле не легко достается ~ рай вещь трудная... — Золотой век — античное представление о блаженном состоянии первобытного человечества, живущего в гармонии с природой. Понятие получило наиболее отчетливое выражение в поэме «Труды и дни» Гесиода и в «Метаморфозах» Овидия. Вариантом мифа о золотом веке является библейский рассказ о жизни первых людей в раю, откуда они были изгнаны за грехопадение (Быт. 1—3) (см.: Токарев С. А. Золотой век // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 471—472). Тему «золотого века» или «рая на земле», особенно заметно звучащую в «романном пятикнижии» Достоевского, принято соотносить с идеями утопического социализма, в 1840-е годы оказавшими влияние на мировоззрение писателя, см.: 7, 120, 774—775. См. также: Акад. ПСС. Т. 12. С. 187, 320—321, 340; Т. 17. С. 312—313, 334—336, 388—389; Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М., 2015. С. 64—72, и др.

С. 286. ...из особенного уважения к французскому архиепископу Бурдалу (у Лебедева до трех часов откупоривали)...; см. также с. 287: — Проповедник Бурдалу, так тот не пощадил бы человека... — Бурдалу Луи (1632—1704) — иезуит, один из популярнейших проповедников в эпоху Людовика XIV. В первом случае имя Бурдалу употреблено Келлером ради игры слов: «бурда» и «бордо» — сорт французского столового вина; см. также выше, с. 304 (ПМ₂): «Ты мне вина давай, а это, брат, бурдалу». Во втором случае имеются в виду получившие всемирную известность проповеди Бурдалу, обличавшие человеческие пороки. В 1821—1825 гг. «Избранные слова» Бурдалу в четырех томах вышли в русском переводе.

С. 286. ...какой-нибудь «фенезерф под слезами»... — Достоевский пародирует название блюд французской кухни: фенезерф (искаженное фр. fines herbes — пряные травы, тонкие травы, специи) — смесь ароматических трав, служащих приправой; см. также: 3, 33, 592. Здесь: слезливая выдуманная история.

С. 286—287. Две мысли вместе сошлись, это очень часто случается ~ с этими двойными мыслями ужасно трудно бороться; я испытал. ~ Вопрос о двойных мыслях видимо и давно уже занимал его. См. также с. 333: ...не допустил ни малейшей «двойной» мысли... — Ср. в Соборном послании св. апостола Иакова: «Человек, которого сердце двоятся, нетверд во всех путях своих», церк.-слав.: «Мужъ двоедушень неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ», в Синод.

переводе: «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1:8). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 363; Т. 2. С. 608—609. См., кроме того, с. 566—567.

С. 287. ...вы пронизаете человека... — Ср. слова Наташи Ихменевой Алеше Валковскому в «Униженных и оскорбленных»: «Ты ребенок, да пронизательнее нас всех. Добрый ты, Алеша!» (3, 280).

С. 287. ...как бы и тут уловить человека...; см. также с. 440: ...вы сами меня ловили в сети... — В Новом Завете «ловцами человеков» Иисус называет будущих апостолов Петра и Андрея (Мф. 4:18—19), см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 7. Но слова Лебедева, считающего себя «профессором Антихриста», скорее, являются аллюзией на дьявола: «Сатана, как тайный ловец душ, изображался часто с огромной сетью в руках» (*Тресиддер Дж.* Словарь символов / Пер. с англ. яз. С. Палько. М., 2001. С. 333). Ср. в ветхозаветных текстах: «Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Еккл. 9:12); «Ибо между народом Моим находятся нечестивые: сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и улавляют людей» (Иер. 5:26). В «Скверном анекдоте» сходное высказывание: «...человек уловлен, так сказать, сетями...» (5, 12, 409). См. также: 1995. Т. 8. С. 794.

С. 290. ...вкусил плоды... — Аллюзия на ветхозаветную историю о древе познания добра и зла, плоды которого вкусили Адам и Ева, нарушив запрет Бога (Быт. 2:16—17, 3:1—5).

С. 290. *Женщина удивительная, женщина эксцентрическая...* — Эти же черты Ренан подчеркивал в Марии Магдалине, с которой Настасья Филипповна внутренне соотносена: «Одна из них, Мария Магдалина (то есть из города Магдалы), обессмертившая в летописях мира имя своего ничтожного городка, была, очевидно, страстной энтузиасткой. По народному выражению того времени, она одержима была семью бесами, то есть была подвержена нервным припадкам, в то время необъяснимым. Иисус своим чистым и кротким влиянием успел успокоить эту экзальтированную натуру» (*Renan, 1863. P. 151*). Ср. слова Лизаветы Прокофьевны об Аглае: «Девка самовластная, сумасшедшая, избалованная <...>» (8, 293), развивающие представление о парадоксальном сходстве между двумя главными героинями романа. Ср. также с. 295: *Девка своевольная, девка фантастическая, девка сумасшедшая!*; с. 404: *Девушки усмехнулись новой фантазии их фантастической сестрицы...* — и сходные характеристики Настасьи Филипповны разными героями: «Женщина сумасшедшая!..» (8, 164), «Сумасшедшая. Сумасшедшая» (8, 281), «Она сумасшедшая! Помешанная!» (8, 323).

С. 291. ...вивер, гастроном и вообще повадливый старикашка... — Вивёр (фр. *viveur*) — любитель пожить в свое удовольствие (БАС₂. Т. 2. С. 551). Повадливый (прост.) — склонный к чему-либо (Там же. Т. 17. С. 192). Здесь: падкий, поддающийся искушениям.

С. 292. — *Влюблен ты, что ли?* — *Н-нет. Я... я как сестре писал; я и подписался братом.* — Ср. в «Жизни Иисуса» Ренана: «Подобно Франциску Ассизскому и Франциску Сальскому, он относился как к сестрам к тем женщинам, которые отдавались одному с ним делу; у него была своя Св. Клара, своя Франсуаза Шанталь» (*Renan, 1863. P. 72—73*).

С. 295. ...даже эта мокрая курица, Александра...; см. также с. 302: *Но что «мокрая курица» — в этом сомнения нет никакого...* — Ср. декларации Алексея Ивановича в «Игроке»: «...если я, например, исчезаю пред нею самовольно в ничто, то это вовсе ведь не значит, что пред людьми я мокрая курица <...> Небось! она испугается скандала и кликнет меня опять. А и не кликнет, так все-таки увидит, что я не мокрая курица...» (5, 266). О возможном происхождении этого образа см.: *Кибальник. С. 318*.

С. 295. *Да разве ты не видишь, что они все с ума спятили от гордости и тщеславия?* — Гордыня и тщеславие входят в число восьми смертных грехов, описанных в христианской литературе. См. подробнее: 1995. Т. 8. С. 794.

С. 299. *А наши няньки, закачивая детей, спокон веку причитывают и припевают: «Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!»* — «Будешь в золоте ходить...» — распространенный мотив колыбельных; см., например: Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870. Ч. 1. С. 2 (№ 3), 3 (№ 4), 4—5 (№ 7), 7—8 (№ 11), а также запись, хранящуюся в Рукописном отделе ИРЛИ (р. 5, к. 69, п. 9, № 100) и близко совпадающую с текстом Достоевского:

А как будешь генералом,
Будешь в золоте ходить,
Будешь нянюшек дарить,
Мамушек в нарядах водить,
Нянюшек, мамушек
Будешь золотом дарить.

Сообщено А. Н. Мартыновой.

С. 300. *Она сама поминутно честила себя «глупою, неприличною чудачкой»...*; см. также с. 330: *...опять начала честить...* — Честить (прост.) — бранить (*Шведова. С. 1090*).

С. 301. *«Нигилистки растут ~ обрезать свои великолепные волосы?»* — Попытка девушек остричь волосы, действительно, могла восприниматься как проявление «нигилизма», ср. высказывание А. Я. Панаевой, прозвучавшее в связи с откликом на антинигилистический роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Стриженные волосы, отсутствие кринолина или барашковая шапка на голове женщины производили сенсацию в публике и приводили многих в ужас. Такой женщине не было прохода от презрительных взглядов и насмешек, сопровождаемых кличкой „нигистка“» (*Панаева А. Я. (Головачева)*). Вос-

поминания. М., 1986. С. 320). См. также: Вознесенская А. П. Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С. 153—156.

С. 302. ...она чрезвычайно уважала суждения Александры Ивановны и любила с нею советоваться. См. также с. 304: *И почему Аглая ~ так уважала?* и с. 466: *Давно уже признав ~ требовала ее мнений...* — В связи с этими повторяющимися мотивами следует отметить, что и само имя Александра (от греч. ἀλέξης) означает: защита, помощь.

С. 302. ...но сны ее ~ семилетнему ребенку впору... — Свои сны обычно рассказывала писателю жена, и они часто казались ему «детскими» (см.: Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 24, 38, 52, 278, 292).

С. 304. *Ах, зачем не переехали на Елагин...* — Елагин остров, расположенный в дельте Невы, — одно из мест отдыха петербуржцев. Вопреки сказанному генеральшей Епанчиной, на Елагином острове не было частных дач (см.: Михневич. С. 64; 1995. Т. 8. С. 795).

С. 305. *И почему она теперь его не шпигует?* См. также с. 344: ...мысль шпигующая! — Шпиговать (разг.) — укорять, попрекать, донимать чем-либо (БАС, Т. 17. Стлб. 1526).

С. 305. *Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижины...* — Многочисленные дачи такого типа существовали «в окрестностях северной столицы. На такой даче под Петергофом жил Некрасов с Панаевыми. Достоевский прекрасно понял дух Павловска, когда он героиню своего романа, Аглаю, поселил в Павловске именно в „шале“. Простенькие фермы, швейцарские домики составляли характерную особенность павловского парка» (Анциферов Н. П. Пригороды Ленинграда. С. 91—92). Г. Л. Боград, в свою очередь, замечает, что собственно дач «в виде шале, напоминающих герою о Швейцарии», в Павловске не было, но имелись парковые павильоны: Старое шале, Новое шале, павильон Молочня, Елизаветин павильон, «наиболее похожий по описанию на апартаменты генеральши Елизаветы (!) Прокофьевны Епанчиной. Кроме того, дача Епанчиных имеет черты и паркового Розового павильона <...>» (Боград. С. 162).

С. 306—309. — *Позвольте, — с жаром возражал Евгений Павлович ~ это никак не может быть для всех справедливо...* — Аналогичные высказывания Достоевского см. в письмах к А. Н. Майкову от 16 (28) августа (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 203—215) и 9 (21) октября 1867 г. (Там же. С. 225—228), 18 февраля (1 марта) 1868 г. (Там же. С. 257—262) и др. См. об этом также в коммент. к роману «Бесы» (Там же. Т. 12. С. 169).

С. 307. ...но и русская литература, по-моему, вся не русская, кроме разве Ломоносова, Пушкина и Гоголя ~ то тем самым эти трое и стали тотчас национальными. — 24 марта (5 апреля) 1870 г. Достоевский писал Н. Н. Страхову: «Пушкин, Ломоносов — гении. Явиться с „Арапом Петра Великого“ и с Белкиным — значит реши-

тельно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано» (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 114). А в письме от 12 (24) декабря 1868 г. писатель соглашался с мнением Страхова: «Что совсем прекратилась было Литература, так это совершенно верно <...> по-моему, если иссякло свое, настоящее русское и оригинальное слово, то и прекратилась, нет Гения впереди — стало быть, прекратилась. Со смертью Гоголя она прекратилась» (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 334). Как отметил А. С. Долинин (см.: *Д, Письма*. Т. 2. С. 473), в *ДП* за июль—август 1877 г. (гл. II, § 3) вновь повторяется эта же формула: «Бесспорных гениев, с бесспорным „новым словом“ во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и часть Гоголь» (*Акад. ПСС*. Т. 25. С. 199).

С. 307. ...афишованные социалисты...; см. также с. 322: ...в афишевании знакомства... — Афишевать (от фр. afficher — вывешивать, выставлять напоказ) — нарочито подчеркивать.

С. 307. ...помещичьи (даже дофамусовские!)... — Отсылка к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Из контекста ясно, что князь Щ. дал такое определение «прежнему русскому помещику», «помещикам времен крепостного права». Ср. с эпитетом «век минувший», который Чацкий использовал в разговоре с Фамусовым (д. 2, явл. 2) (*Грибоедов*. Т. 1. С. 38).

С. 308. *Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию ~ как вредное и ничтожное.* — Тему ненависти к России затрагивали многие авторы, начиная с 1820-х годов (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 796). Наибольшую известность получили высказывания П. Я. Чаадаева, который в статье «Философическое письмо» (1836) дал уничижительные оценки России, противопоставив ее западной цивилизации как более развитому устройству жизни и тем самым предвосхитив будущие дискуссии славянофилов и западников. Откликаясь на строки из письма Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 210), Ф. И. Тютчев в письме А. Ф. Аксаковой от 20 сентября 1867 г. сообщал: «Посылаю твоему мужу, отнюдь, разумеется, не с целью предания гласности, а для его личного ознакомления, отрывок из письма к Майкову Достоевского, в котором он рассказывает о своей встрече с Тургеневым в Бадене. Аксаков мог бы развить это в статью, которая была бы сейчас как нельзя более кстати. — В ней следовало бы рассмотреть современное явление, приобретающее всё более патологический характер. Речь идет о русофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых... Прежде они говорили нам, и говорили совершенно искренно, что Россия их отвращает отсутствием прав, свободы слова и т. д. и т. д., а Европа внушает им нежную любовь именно наличием там всего этого... Что же мы видим теперь? По мере того как Россия, добываясь некоторых послаблений, всё более самоутверждается, отвращение к ней этих господ только растет. Ибо, судя по всему, прежние порядки никогда не вызывали у них столь лютой ненависти, как современные направления национальной мысли...» (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М.,

2004. Т. 6. С. 271, 514—515). Позднее Достоевский отчасти повторил в ДП за 1877 г. мысль, высказанную в романе «Идиот»: «Эмигрировали из России (я удерживаю это слово) двадцать лет назад наиболее помещики <...> были всякие, но, в огромном большинстве, если не все, — более или менее ненавидящие Россию, иные нравственно, вследствие убеждения, „что в России таким порядочным и умным, как они, людям нечего делать“, другие уже просто ненавидя ее безо всяких убеждений, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобожденного мужика, за русскую историю, одним словом, за всё, за всё ненавидя» (Акад. ПСС. Т. 25. С. 137). Что касается слов «любовь к отечеству», то тема, ими обозначенная, восходит к публицистике XVIII в. (см., например, статью А. Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества», 1789) и рассматривается в работе Н. М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» (1802), которая, возможно, была известна Достоевскому.

С. 311. *...не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что право имели и... даже хорошо поступили, то есть почти ведь так.* — См. рассуждения Раскольникова (6, 222; 7, 247).

С. 314. *У меня нет жеста приличного, чувства меры нет...; см. также с. 506: Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный...* — Выражение, которое Достоевский использовал применительно к себе; см. письмо к А. Г. Достоевской от 8 (20) мая 1867 г.: «Я и наяву-то, и когда мы вместе, не общителен, утрую и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею. Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 189).

С. 314. *Князь стоял пред ней немой и безгласный...* — Цитата из Библии, ср.: «Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась» (Пс. 38:3). В псалме речь идет о Давиде, решившем не отвечать на злоречие хулителя (Пс. 37; ср. Иак. 3:2: «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело») и смиренно покориться воле Божией. Князь Мышкин проявляет сходное желание — безмолвствовать — в сцене диалога с Епанчиными и их гостями, сообщив, что «не должен начинать говорить», чтобы не унижить «высокие идеи», которые ему трудно передать словами (8, 314).

С. 317. *В Павловском воксале по будням ~ Оркестр, может быть действительно лучший из наших садовых оркестров, играет вещи новые.* — Открытие Павловского «музыкального воксала» состоялось 22 мая 1838 г. (см. выше, с. 540—541). С 1856 по 1865 г. оркестром, игравшим в отдельном зале, дирижировал И. Штраус. В 1860-х годах Достоевский мог слышать этот оркестр (см.: *Боград*. С. 152).

С. 322. *...повернулся к вестовщице.* — Вестовщица — вестница, сплетница (см.: БАС₂. Т. 2. С. 457).

С. 322—323. — *Тут просто хлыст надо ~ не долее двух минут.* — Как установил Р. Г. Назиров, источником данной сцены послужил реальный случай, см. выше, с. 541.

С. 322. (Он, кажется, был и прежде конфиденнтом Евгения Павловича.). См. также с. 144 (ПМ₁): *Идиот конфиденнт*. — Конфидент (от фр. *confidente*, из лат. *confidentia* — доверие) — доверенное лицо; человек, которому доверяют секреты. См.: *Фасмер*. Т. 2. С. 315; *БАС₂*. Т. 8. С. 396.

С. 323. ...произошел весь английский бокс. — Происходить (прост.) — изучать, осваивать, познать. Ср.: в СТ запись № 269 «Все чины произошел» (4, 279); в «Селе Степанчикове и его обитателях»: «Всезнай! всю подноготную знает, все науки произошел!» (3, 27), в черновом автографе «Преступления и наказания»: «Были студентом или происходили ученую часть» (7, 127), «Братьях Карамазовых»: «...в ту самую минуту всю истину произошел-с»; «Как вы во всем столь умыны, как это вы во всем произошли?» (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 187, 204).

С. 323. ...с видом торжествующего гостинодворца... — Гостинодворец — от словосочетания «гостиный двор» (торговые ряды): купец, приказчик, торгующий в гостинном дворе (*БАС₂*. Т. 4. С. 344).

С. 326. ...когда они в стрелки рассыпаются... — Стрелок — застрельщик, солдат частей, которые в рассыпном строю первыми встречались с противником (*БАС₂*. Т. 6. С. 526).

С. 328. ...домогательства этой... беспокойной женщины (и дурно ведущей себя вдобавок) могут быть ограничены, наконец, полицией... — Автореминисценция из «Игрока»: «...генерал вдруг принял грозный тон и стал даже кричать и топтать ногами на бабушку; кричал, что она срамит их фамилию, стала скандалом всего города, и, наконец... наконец: „Вы срамите русское имя, сударыня! — кричал генерал, — и что на то есть полиция!“ <...> нельзя ли, в самом деле, как-нибудь употребить полицию?» (5, 316), «Пускался он говорить и о бабушке, но только ужасно бессвязно; он всё еще стоял на мысли послать за полициею» (5, 320).

С. 328. ...эпикуреец... — Сравнение, которое происходит от имени древнегреческого философа Эпикура (IV—III в. до н. э.), считавшего, что удовлетворение жизненных потребностей является основой счастья человека. Здесь: человек, любящий жизненные удовольствия и комфорт.

С. 331. Придется заплатить за бутылки, князь. — Выражение «заплатить за бутылки» является калькой с французской идиомы «payer bouteille», которая обычно (в отличие от данного контекста) употребляется в значении: угостить вином. Здесь: расплатиться, ответить.

С. 331. Если удостоите чести выбрать в секунданты, то за вас готов и под красную шапку... — В России дуэли были запрещены вплоть до 1894 г., когда их узаконили для офицеров. В Уголовном законодательстве 1845 г. были предусмотрены строгие меры наказания за участие в дуэли. «Подпоручика из юнкеров» Келлера могла ожидать «красная шапка», т. е. разжалование в солдаты.

С. 336. ...что ты в Аглаю Епанчину как кошка влюблен. — В СТ под № 384 есть запись: «Влюблен, как кошка» (4, 284, 495).

Ср. в «Селе Степанчикове и его обитателях»: «А что дядюшка ваш влюблен, как сибирский кот, так в этом я вас заверяю» (3, 31), «Бесах»: «Влюблен, влюблен как кошка <...>» (Акад. ПСС. Т. 10. С. 96), «Братьях Карамазовых»: «Влюбился хуже кошки» (Там же. Т. 14. С. 75).

С. 337. ...на его террасе, ярко освещенной, собралось шумное и многочисленное общество. Веселая компания хохотала, голосила... — Ср. в «Жизни Иисуса» Ренана: «Круг избранных его представлял однако странную смесь, которая не могла не обращать внимания ригористов того времени. Среди них были такие люди, с которыми уважающий себя иудей не захотел бы знаться. Быть может, Иисус находил в этом несколько необыкновенном обществе больше такта и чистосердечия, нежели в строгом, чинном обществе мещан <...> Фарисеи и книжники возмущались. „Посмотрите, — говорили они, — с кем он ест!“. Но тогда у Иисуса находились меткие возражения, приводившие лицемеров в отчаяние: „...Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию“» (Renan, 1863. P. 185—186).

С. 341. Можно пить за здоровье солнца, князь, как вы думаете? — Слова «за здоровье солнца» отсылают к «Вакхической песни» (1825) А. С. Пушкина. См. ниже с. 862.

С. 342. ...кто это сказал в стихах: «на небе солнце зазвучало»?.. — Достоевский имеет в виду слова, которыми открывается в «Фаусте» Гёте «Пролог на небесах»:

Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Wettgesang...

В библиотеке Достоевского был перевод «Фауста», принадлежащий М. Вронченко (СПб., 1844 — см.: Библиотека. С. 36), где слова, упоминаемые в романе, переданы так:

С несметных хором сфер слиянно
Звуча Всевышнему хвалой,
В пространстве солнце непрестанно
Течет заветною стезей... (С. 15).

Мотив хвалы Всевышнему в данном случае восходит к библейскому источнику, что важно для характеристики комментируемой сцены: «Вопреки тому, что думает Ипполит, звучание солнца вовсе не бессмысленно: оно прославляет Бога, Творца Вселенной: „Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света“, — говорится в 148 псалме» (Соломина-Минихен, 2016. С. 207; см. также: Пс. 148:3).

С. 342. Солнце ведь источник жизни? Что значат «источники жизни» в Апокалипсисе? — Имеется в виду символика седьмой и двух последних глав Апокалипсиса (см.: Откр. 7:17; 21:6; 22:1, 17). Выражение «живые источники вод» из 7-й главы встречается в подготовительных материалах к «Бесам» (Акад. ПСС. Т. 11. С. 182; см.

также: *Евангелие Достоевского*. Т. 2. С. 733—734). При чтении 21-й главы писатель подчеркнул карандашом в упоминании об «источниках жизни» последнее слово: «...Я жаждущему дам от источника воды живой даром» (ст. 6; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 616). См. подробный разбор этого выражения с учетом его включения в разные контексты как в произведениях Достоевского, так и в тексте Священного Писания: Тихомиров Б. Н. К вопросу о создании каталога сквозных библейских мотивов в творчестве Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 33. С. 124—135. В 22-й главе, как и в реплике Ипполита Терентьева, «источники жизни», точнее «вода жизни» и «древо жизни», упоминаются рядом со словами о солнце (они сменят солнце в будущей жизни): «И ночи не будет там; не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (ст. 5; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 619).

С. 343. ...что они язва, упавшая на землю, чтобы замутить «источники жизни»? — Имеются в виду мотивы Божией кары в Апокалипсисе, впервые появляющиеся в гл. 9 (ст. 18—21). В гл. 11 (ст. 6) говорится, что Бог дает «двум свидетелям» своим «власть» превращать воды «в кровь и поражать землю всякою язвою». Пророчеству о семи язвах, которые прольются на землю, посвящены гл. 15 и 16. В последней Достоевский подчеркнул в ст. 4: «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь» — слова «и источники вод; и сделалась кровь» (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 607).

С. 343. ...тот великосветский шенапан-с! — Шенапан (фр. *chenapan*) — бездельник.

С. 344. ...закон — это правда, но столько же нормальный, сколько и закон разрушения ~ Да-с. Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве! — Ср. в «Записках из подполья» (1864): «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? <...> я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется» (5, 132—134). Мысль о законах самосохранения и саморазрушения, высказанную Радомским, несколько насмешливо продолжает Лебедев. «„Закон самосохранения” и „закон разрушения и саморазрушения”, — отмечал Н. М. Чирков, — это новая формулировка коренной проблемы Достоевского — антитезы социального и антисоциального в человеке». По мысли исследователя, яркой иллюстрацией действия этих законов «является в романе личность и судьба Рогожина» (Чирков, 1967. С. 124—125).

С. 344. Дьявол одинаково владычествует человечеством до предела времен, еще нам неизвестного. — Имеется в виду основной мотив 12-й главы Апокалипсиса: «Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 12:12; см. также ст. 9).

С. 344. ...вы смеетесь над формой его, по примеру Вольтеру ~ нечистый дух есть великий и грозный дух... — Игривый тон при изо-

бражении дьявола отмечен исследователями в «Орлеанской девственности» Вольтера. См.: 2003—2007. Т. 8. С. 550. Ср. с евангельским определением: «Когда нечистый дух выходит из человека; то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, из которого вышел; и пришедши, находит его порожним, выметенным и убранным. Тогда идет, и берет с собою семь других духов, злейших его, и вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12:43—45, см. также: Лк. 11:24—26, 4:33—35; Мк. 3:30), с мотивом Апокалипсиса: «И низвержен большой дракон, древний змий, который называется диавол и сатана, обольститель всей вселенной, низвержен на землю; и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:9) (см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 30, 170, 143, 87, 601) — и со словами инквизитора в «Братьях Карамазовых»: «...великий дух говорил с тобой в пустыне...» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 14. С. 229). В связи с упоминанием имени Вольтера необходимо отметить, что в период завершения романа, зимой 1868—1869 гг., Достоевский его особенно много читал (см. письмо к Н. Н. Страхову от 6 (18) апреля 1869 г. — Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 35). Об отношении писателя к скептической философии Вольтера см.: *Гроссман Л. П.* Русский Кандид: (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского) // *ВЕ*. 1914. № 5. С. 192—203; *Rammelmeyer A.* Dostojewskij und Voltaire // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1958. Bd. 26, h. 2. S. 252—278. В. Страда полагал, что «Идиот» скорее может быть истолкован как «анти-Кандид»: «...роман Вольтера — ироническое кощунство над оптимистической верой в провидение, „Дон-Кихот“ просвещения, пародирующий лейбницианскую теодицею, между тем как в „Идиоте“ через донкихотствующего Христа — князя Мышкина — заново освящается парадоксальное и трагическое христианство, и „эвклидов“ рационализм заменяется верой, закаляющейся в горниле сомнений» (*Страда, 1984*. С. 59). Вольтерианские мотивы связаны в целом с темой просветительского идеала в замысле романа «Идиот» (см. выше, с. 592—593).

С. 345. «Слишком шумно и промышленно ~ значительную часть человечества... — См. выше, с. 547—548.

С. 345. ...уже был Мальтус, друг человечества. — Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, родоначальник мальтузианства. В работе «Опыт о законе народонаселения» («An Essay on the Principle of Population», 1798 — без имени автора, 2-е изд. — 1803; рус. пер. — 1868) он утверждал, что голод и нищета — неизбежное следствие чрезмерной рождаемости, так как народонаселение имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии, а средства к существованию, при самых благоприятных условиях, — лишь в арифметической. Избыточное население обречено поэтому на гибель, а все социальные реформы — на неудачу. С особенной настойчивостью Мальтус требовал отмены законов, облегчающих положение бедняков, считая эти законы проявлением ложно понятого человеколюбия. Взгляды Мальтуса были предметом обсуждения в кружке петрашевцев. Достоевский присутствовал на выступлениях

И. Л. Ястржембского, который говорил, в частности, что «предположения Мальтуса справедливы, но указания, как помочь, чтобы народонаселение не возрастало, сильно бесчеловечны, и что вопрос этот не решен» (см.: Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 399; Бельчиков. С. 210). Несколькими годами ранее взгляды английского экономиста стали известны Достоевскому в художественно-публицистическом изложении В. Ф. Одоевского. Страстного антимальтузианского пафоса исполнены многие страницы его книги «Русские ночи» (1844), хорошо знакомой Достоевскому (см.: 2, 673, и ниже, с. 798). Гневные высказывания Одоевского против «нравственной бухгалтерии» Мальтуса в защиту «счастья всех и каждого» по сути своей очень близки рассуждениям Лебедева. Одоевский, подобно герою Достоевского, считает, что «чудовищное создание» английского экономиста показывает, «до чего могут довести простые опытные знания, не согретые верою в провидение и в совершенствование человека; как растлеваются все силы ума, когда инстинкт сердца оставлен в забвении и не орошается живительною росой откровения; как мало даже одной любви к человечеству, когда эта любовь не истекает из горнего источника!» («Насмешка мертвеца» (курсив наш. — Ред.); см. также: «Desiderata», «Экономист», «Последнее самоубийство») (Одоевский В. Ф. Русские ночи / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л., 1975. С. 21—22, 53. (Сер. Лит. памятники)). Примерно в это же время с большой статьей, посвященной критике мальтузианства, выступил и В. А. Милютин (см.: Мальтус и его противники. Обзор различных мнений об отношениях производительности к развитию народонаселения // С. 1847. № 8. С. 129—188; № 9. С. 41—98). Полемика с идеями Мальтуса была продолжена Достоевским в «Бесах» (см.: Акад. ПСС. Т. 11. С. 181; Т. 12. С. 188, 351—352). Позднее, в записных тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг., Достоевский со всей определенностью констатировал, что «идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна», что это «ошибка Мальтуса» (Акад. ПСС. Т. 24. С. 89, 238).

С. 346. *Один из таких тунеядцев...* — Нетипичное употребление слова, имевшего в XIX в. то же значение, что и сейчас: бездельник, живущий на чужой счет (см. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>). В данном случае смысловой контекст предполагает значение «паразит», людоед в переносном смысле (см.: 1995. Т. 8. С. 802).

С. 346. *...всякая почти действительность ~ почти всегда и невероятна, и неправдоподобна. И чем даже действительнее, тем иногда и неправдоподобнее.* См. также с. 456: *Весьма часто правда кажется невозможною.* — Лебедев, а во второй реплике — генерал Иволгин высказывают одно из коренных убеждений самого Достоевского. См. также упоминание о фантастической действительности в подготовительных материалах к «Идиоту» и рассуждения на ту же тему в цитированных выше письмах к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову (с. 301, 610—611).

С. 350. *Взошло солнце? ~ Я проспал.* — Мотив самоубийства на рассвете звучит в романе «Братья Карамазовы» (см.: *Акад. ПСС. Т. 14. С. 358, 430*), ср. также параллель в тексте «Преступления и наказания»: «Час пятый в исходе; проспал!» (6, 441, слова Свидригайлова перед самоубийством). Отмечено: *Тихомиров, 2018. Т. 2. С. 427.*

С. 351. *Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»?* — Слова «мир спасет красота» приписаны Мышкину Ипполитом Терентьевым, который ссылается на Колю Иволгина («Мне это Коля пересказал...» — 8, 351), т. е. сам князь этих слов не произносит и не отвечает Ипполиту на его вопросы. Однако первое высказывание на эту тему принадлежит, действительно, князю Мышкину, который, увидев портрет Настасьи Филипповны и будучи поражен ее красотой, сказал: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!» (8, 35). Эта реплика, по мнению В. Н. Алёкина, становится пояснением к словам «мир спасет красота», которые имеют не только эстетический, но и духовный смысл. Указанная формула встречается в черновых набросках к «Идиоту» («Мир красотой спасется. Два образчика красоты» — с. 304, см. с. 526, 861), а в рукописях романа «Бесы» ее звучание проясняется: «Мир спасает Красота Христова» (*РГБ. Ф. 93. I. 1. 5. С. 40*; в *Акад. ПСС* неточное прочтение: «Мир станет красота Христова» — Т. 11. С. 188). Ср. с евангельским текстом: «Ибо не для того Бог послал в мир Сына Своего, чтобы Он судил мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3:17); «...Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин. 12:47) (*Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 220, 254—255*). См. также выше, с. 557, 624—625, 642, 651, 672 и др.

С. 352. *Пришел час!* — Ср. в евангельском тексте: «...пришел час; вот предается Сын человеческий в руки грешников» (Мк. 14:41, ср.: Мф. 26:45; Ин. 17:1). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 123, 72, 264—265; Т. 2. С. 385—386, 571.*

С. 352—354. *...все на мою печать смотрят ~ Распечатывать или нет, господа?* — В реплике Ипполита видят аллюзию на стих Апокалипсиса: «И видел Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?» (Откр. 5:2). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 589; Бэлэнеску С.* Апокалипсис и роман Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Достоевский и мировая культура. № 22. С. 191.*

С. 355. *...«Après moi le déluge»...* — Это изречение, ставшее крылатым и неоднократно цитируемое Достоевским, приписывается Людовику XV (1710—1774), а вариант «Après nous le déluge» (фр. После нас хоть потоп) — его фаворитке маркизе де Помпадур (1721—1764) (см.: *Бабкин, Шендецов. Т. 1. С. 99*). Впервые оно приводится писателем в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863; см.: 5, 84).

С. 358. *...с неделю назад ко мне приводили студента Кислородова...* — Фамилия имеет иронический смысл: Достоевский намекает на то, что, подобно другим представителям тогдашней «нигилистически»

настроенной молодежи, ее обладатель признает вместо «души» один «кислород».

С. 358. ...одна молодая дама ~ в Коломне... — Коломной назывался район столицы между Мойкой, Большой Невой, Фонтанкой и Крюковым каналом. Большая часть Коломны была «застроена плохо, преимущественно деревянными домами и населена бедняками» (Михневич. С. 59).

С. 358. ...все-таки факт облиневанный... — От устар. глагола «облинеить» — обвести линией, взять в рамку. Здесь: установленный, очевидный.

С. 359. Оно было вроде скорпиона ~ на это было очень гадко смотреть. — По словам Ипполита, подчеркивающим фантастичность и одновременно символичность описанного им образа тарантула, «таких животных в природе нет». Подобный символизм проявляется в апокалипсическом описании саранчи: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы <...> На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев» (Откр. 9:3—10). Вместе с тем, по предположению О. фон Шульца (Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск, 1999. С. 104—105), в романном описании тарантула могло отразиться впечатление от прочитанной Достоевским в юности статьи «Исполинский паук» (БдЧт. 1835. Т. 13. С. 85—86). См.: 1995. Т. 8. С. 802—803; Боград Г. Л. Мифотворчество Достоевского: (К теме Апокалипсиса в романе «Идиот») // Д, Материалы и исследования. Т. 16. С. 344; Сальвестрони. С. 74—75.

С. 359. ...огромный тернёф, черный и лохматый... — Тернёф (устар.; от фр. *Terre neuve*, название острова Новая земля у северо-восточных берегов Америки) — то же самое, что ньюфаундленд (англ. *Newfoundland* — букв. новонайденная земля), название породы собак. Высказано предположение, что прототипом тернёфа Нормы мог послужить пес В. Ф. Одоевского той же породы, см.: Левина Л. А. Князь Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина // Д, Материалы и исследования. Т. 14. С. 149—151. См., кроме того: Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 380—382.

С. 361. ...настаивал на праве Бурдовского, «моего ближнего» ~ и примут меня в свои объятия...; см. также с. 419: Можно ли любить всех, всех людей, всех своих ближних... — Намек на древнюю заповедь: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (см.: Лев. 19:18). Она многократно повторяется в Новом Завете как «наибольшая заповедь в законе» (см.: Мф. 5:43, 19:19, 22:39; Мк. 12:31; Рим. 13:9; Гал. 5:14; Иак. 2:8). Ст. 18—19 в гл. 19 Евангелия от Матфея отчеркнуты ногтем. См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 11, 49, 58, 116, 426, 496, 365; Т. 2. С. 250—252. См., кроме того, романы «Подросток» и «Братья Карамазовы»: Акад. ПСС. Т. 13. С. 49, 168, 175; Т. 14. С. 215—216.

С. 361—363. ...я мог тогда злиться ~ рвал мое одеяло от бешенства. — Ср. с основной идеей XXIV главы повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «Во мне злость кипела. <...> Я чувствую, как сердце мое переполнено бешенством и горечью. Уж не лопнул ли во мне пузырь с желчью. Смерть делает человека злым» (Светоч. 1860. Кн. 3. Отд. I. С. 132; ср.: Гюго. Т. 1. С. 266). Это сопоставление тем более закономерно, что Ипполит по прямой ассоциации с произведением Гюго дважды называет себя «приговоренным к смерти» и тема «приговора» проходит через всю его исповедь. В «Идиоте» мотивы предсмертной злобы героя звучат более настойчиво, чем у Гюго, определяя, по замыслу Достоевского, одну из черт эгоцентричного и «слабого» характера Ипполита (ср. выше, с. 520—522).

С. 362. ...он сам не Ротшильд? — Ротшильды (Rothschild) — европейская династия финансовых магнатов. Здесь: символ богатства и власти. См. выше, с. 578—579.

С. 362. Кто виноват, что у него нет миллионов ~ всё в его власти! — По мнению А. Л. Бема, эти слова Ипполита перекликаются с монологом барона из трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь», где возникает «образ холма, с высоты которого богач сможет „взирать на все, что ему подвластно“» (Бем, У истоков. С. 474, 479). К. В. Мочульский отметил ротшильдовские черты в главном герое из первоначальных планов «Идиота», в чьем образе «идея скупого рыцаря («капитал») сочетается с идеей любви-эгоизма» (Мочульский, 1995. С. 386). Исследователь указывал, что «обогащение как одно из самых страшных искушений — постоянная тема Достоевского: идея „Скупого рыцаря“, Ротшильда, „царя Иудейского“ преследует автора. Она намечается в „Господине Прохарчине“ и „Преступлении и наказании“, развивается в „Игроке“ и „Подростке“. В романе „Идиот“ показана роковая власть денег над человеческой душой» (Там же. С. 395). См. выше, с. 640, 655, 661, 700 и др.

С. 362. ...золотых империалов... — Империал (от лат. imperialis — императорский) — чеканившаяся в России золотая монета достоинством в 10 рублей.

С. 363. ...не сочтет меня за сморчка, не знающего жизни, забыв, что мне уже не восемнадцать лет... — Сморчок (перен., прост.) — тщедушный на вид человек (Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008. С. 625). Используется как характеристика не только внешности, но и возраста: «О маленьком, невзрачном или старом, морщинистом человеке» (БАС, Т. 13. Стлб. 1414). У Достоевского, наоборот, в слове «сморчок» в данном контексте подчеркивается значение «невзрослый», «незначительный по жизненному опыту».

С. 363. ...Колумб был счастлив не тогда ~ не зная, что он открыл. — Христофор Колумб (1451—1506) — испанский мореплаватель, первооткрыватель Америки (1492). См. выше о значении этого имени в романе, с. 501—502.

С. 363. *Дело в жизни, в одной жизни, — в открывании ее, беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии!* — Еще в 1861 г., в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве», Достоевский писал: «Бесконечно только одно будущее, вечно зовущее, вечно новое, и там тоже есть свой высший момент, которого нужно искать и вечно искать, и это вечное искание и называется жизнью <...>» (*Акад. ПСС. Т. 18. С. 97*). Отголосок этой мысли звучит в «Записках из подполья»: «...кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой беспрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели <...>» (*5, 133*).

С. 365. *Говорят, смирение есть страшная сила ~ его собственное выражение...* — В тексте романа выражено понимание смирения как христианской добродетели, ср.: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные; и Я упокою вас. Возмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо Мое иго благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28—30, ст. 30 отчеркнут карандашом). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 27*. Позднее Достоевский возвращается к этой теме в главе «Влас» из ДП 1873 г., где пишет о «страшной, пугающей даже, силе смирения» героя одноименного некрасовского стихотворения (*Акад. ПСС. Т. 21. С. 32*), в черновых записях к роману «Братья Карамазовы»: «(Смирение — величайшая сила.)» (Там же. Т. 15. С. 244) и в печатном тексте романа: «Смирение любовное — страшная сила, изю всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» (Там же. Т. 14. С. 289, из поучений старца Зосимы). См. также: *Словарь языка Достоевского, 2001. Вып. 1. С. 346—348; Евангелие Достоевского. Т. 2. С. 842*.

С. 366. *Раз, в Шестилавочной...* — Так в середине прошлого века называлась улица, проходившая от Кирочной до Малой Итальянской (ныне ул. Жуковского). Название свое она получила от находившихся на ней мелочных лавок. В настоящее время является частью ул. Маяковского. На Шестилавочной улице жил Голядкин, герой «Двойника», и Маслобоев, герой «Униженных и оскорбленных», см. выше, с. 776.

С. 366. *...сафьянный...* — Сафьян — тонкая и мягкая специальной выделки козья или овечья кожа, окрашенная в яркий цвет (*Шведова. С. 856*).

С. 366. *...стоял полуштоф...* — Полуштоф — старая русская мера водки, равная около 0,6 л, а также бутылка такой меры (*БАС₁. Т. 17. Стлб. 1572; БАС₂. Т. 18. С. 571; Глинкина. С. 242*).

С. 370. *...действительный статский советник...* — Гражданский чин IV класса, соответствовавший званию генерал-майора армии; давал потомственное дворянство.

С. 370—371. *С этим Бахмутовым в гимназии, в продолжение нескольких лет, я был в постоянной вражде ~ вдруг расхохотался.* — Ср. эпизод со Зверковым из «Записок из подполья»: «Мосье Зверков был всё время и моим школьным товарищем. Я особенно стал его ненавидеть с высших классов. В низших классах он был только хо-

рошенький, резвый мальчик, которого все любили. <...> Притом же как-то принято было у нас считать Зверкова специалистом по части ловкости и хороших манер. Последнее меня особенно бесило. <...> По выпуске он было сделал ко мне шаг; я не очень противился, потому что мне это польстило; но мы скоро и естественно разошлись» (5, 151—152). Поскольку прототипом Зверкова, по всей вероятности, был Тургенев (см.: Трофимова Т. Б. «Записки охотника» и «Записки из подполья» (к вопросу творческих взаимоотношений И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского) // Спасский вестник. Тула, 2012. № 20. С. 29—33), то аналогичным образом, судя по всему, обстоит дело и с Бахмутовым. Литературный прообраз такой вражды находится, очевидно, в повести Пушкина «Выстрел» (1830). См. подробнее: Кибальник С. А. Криптографические образы И. С. Тургенева в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х годов // Филологические науки. 2019. № 3. С. 77—86.

С. 371. — *Как Наполеон обратился к Англии!*.. — После поражения при Ватерлоо и вторичного отречения от престола Наполеон в 1815 г. собирался бежать в Америку, но вследствие блокады английской эскадры порта Рошфор был вынужден вступить в переговоры со своими врагами — англичанами — и был отправлен на остров св. Елены.

С. 371—372. *Проводы устроил Бахмутов у себя же в доме, в форме обеда с шампанским, на котором присутствовала и жена доктора...* — Ср. аналогичный обед с шампанским по случаю проводов Зверкова в «Записках из подполья» (5, 158—165).

С. 372. *...мы пошли по Николаевскому мосту...* — Первый постоянный мост через Неву, соединявший Васильевский остров и Адмиралтейскую сторону. Построен в 1843—1850 гг. по проекту инженера С. В. Кербедза (1810—1899) и архитектора А. П. Брюллова (1798—1877). Назван Благовещенским мостом; после смерти Николая I в 1855 г. переименован в Николаевский; с 1918 по 2007 г. — мост Лейтенанта Шмидта. В 2007 г. возвращено первоначальное название.

С. 372—373. *...напрасно многие теперь учат и проповедуют, что единичное доброе дело ничего не значит ~ судеб человечества?* — Проблема личной и общественной благотворительности широко обсуждалась в 1860—1870-е годы. В дискуссии принимал участие и журнал братьев Достоевских (см. об этом также в коммент. к роману «Бесы»: Акад. ПСС. Т. 12. С. 300). Непосредственное отношение к высказыванию Ипполита имеют идеи двух «Писем в редакцию „Времени“» Н. Н. Страхова: «Тяжелое время» и «Нечто об авторитетах» (Вр. 1862. № 10. С. 194—216; № 12. С. 35—45; за подписью Н. Косица). Страхов (совпадая с мыслью героя Достоевского) рассматривает благотворительность как «прямое следствие самой природы человека»; подлинной благотворительностью он считает ту, которая совершается свободно и с личным участием, «потому что только в таком случае она будет действием нравственным, будет вполне удовлетворять идее нравственности». Он пишет, что всякая благотворительность тем

лучше, чем она ближе к частной благотворительности (Вр. 1862. № 10. С. 204—205; № 12. С. 42). Страхов разделяет (и детально передает) точку зрения И. С. Аксакова, полемизируя с «Искрой» (см. передовую статью Аксакова — День. 1862. 22 сентября, № 38, и «Хронику прогресса» в «Искре» — 1862. 7 декабря, № 47); он излагает мысль Аксакова (очень созвучную идее монолога Ипполита) о том, что «ручная» благотворительность (имеется в виду милостыня) порождает «процесс нравственных ощущений, переживаемый как дающим, так и принимающим даяния, благотворных для обоих, очищающих душу <...>» (Вр. 1862. № 10. С. 209). Страхов подробно рассматривает взгляды «многих политэкономов» (А. Смита, Дж. Ст. Милля и др.), отрицавших, по его мнению, пользу и личной, и общественной благотворительности. Их точке зрения он противопоставляет «неэкономическое» евангельское учение, которое «никогда не разъединяло, а всегда связывало людей» (Там же. № 12. Отд. II. С. 40). Этой же идеей, развиваемой Ипполитом, Достоевский первоначально наделял лишь Мышкина — см. запись в ПМ₂: «Главное Социальное убеждение его ~ на личном и основано» (с. 229).

С. 372. ...каждая пересыльная партия ~ ее посетит «старичок генерал». — Речь идет о Ф. П. Гаазе (1780—1853), главном враче московских тюремных больниц (см. подробнее выше, с. 474). Важно отметить, что в 1867 г. Достоевскому вновь напомнило о нем чтение «Былого и дум». Герцен с огромной симпатией к Гаазу передает несколько эпизодов из жизни этого «преоригинального чудака», который многим казался «юродивым» и «поврежденным», и описывает, в частности, его еженедельные поездки «в этап на Воробьевы горы» (Герцен. Т. 8. С. 211—212).

С. 372—373. Какой-нибудь из «несчастных» ~ (такие, говорят, бывали)... — См. в «Записках из Мертвого дома» о «страшном убийце» Соколове, о «знаменитом своими злодеяниями разбойнике Каменеве» и в особенности о Газине, про которого рассказывали, «что он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия» (4, 43—44). Об употреблении слова «несчастные», впервые встречающегося у Достоевского в «Записках из Мертвого дома», другими русскими писателями см. там же, с. 373. Позднее, в 1873 г., Достоевский писал, что «название преступления несчастием, преступников — несчастными» принадлежит к числу «чисто русских» идей, «идей русского народа»: «Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» (ДП. 1873. Гл. III, «Среда» — Акад. ПСС. Т. 21. С. 17—18).

С. 373. А почему вы знаете, какое семя заброшено в его душу навеки этим «старичком генералом» ~ в состоянии будете бросить громадное семя...; см. также с. 374: ...брошено было первое семя моего «последнего убеждения». — Ср. в Евангелии от Луки притчу о сеятеле (Лк. 8:5—15) (Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 156; Т. 2. С. 424—425).

С. 373. *Самый лучший шахматный игрок ~ писали как про чудо.* — Речь, возможно, идет о шахматном теоретике Ф.-А. Даникан Филидоре (1726—1795). Известен также как оперный композитор. В юности много времени проводил в шахматном кафе-клубе «Café de la Régence», где в 1843 г. состоялся 14-часовой матч между другим известным французским шахматистом П.-Ш. Фурнье де Сент-Аманом (1800—1873) и английским шахматистом Г. Стаунтоном (1810—1874), закончившийся победой последнего и широко обсуждавшийся в прессе. Филидор считается первым шахматным стратегом, разработавшим теорию шахматной игры, связав все стадии шахматной партии воедино и подчинив движение фигур общему плану. В 1749 г. выпустил книгу «Анализ шахматной игры». В конце 1850—начале 1860-х гг. известностью пользовался также американский игрок П. Ч. Морфи (1837—1884), имя которого упоминал Д. И. Писарев, см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 806.

С. 375. *...les extrémités se touchent...* — Слова эти принадлежат французскому ученому, философу и писателю Б. Паскалю (1623—1662): «Les extrémités se touchent et se réunissent à force de s'être éloignées, et se retrouvent en Dieu, et en Dieu seulement» (фр. Противоположности соприкасаются друг с другом и собираются вместе, в силу того, что они разошлись, и оказываются в Боге, и только в Боге) — см.: Pascal B. *Pensées*. Éd. variorum, d'après le texte du manuscrit autographe, contenant les lettres et opuscles, l'histoire des éditions des *Pensées*... Paris, 1854. P. 122.

С. 376. *...мне вдруг припомнилась картина, которую я видел давеча у Розожина...* — См. выше, с. 568—577.

С. 376. *...это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки еще до креста, раны, истязания, битье от стражи, битье от народа...* — Говоря о муках Христа перед распятием, герой Достоевского объединяет свидетельства всех четырех Евангелий: Мф. 27:27—31; Мк. 15:17—20; Лк. 22:63—64, 23:36—37; Ин. 19:2—3. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 76, 126, 206, 209, 270.

С. 376. *...когда он нес на себе крест и упал под крестом...* — Осужденные на распятие должны были, по обычаю, сами нести свой крест. Но в Евангелии от Матфея говорится, что в самом начале пути Христа на Голгофу встретили «Кириянеянина, именем Симона; сего заставили нести Крест Его» (Мф. 27:32; см. также: Мк. 15:21; Лк. 23:26). По Евангелию от Иоанна, Христос сам внес крест на Голгофу (Ин. 19:17). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 76, 126, 208, 271.

С. 376. *...крестную муку в продолжение шести часов (так по крайней мере по моему расчету).* — Возможно, что это замечание Ипполита является скрытой полемикой с мнением Ренана, который считал, что Христос умер через 3 часа после распятия (см.: Renan, 1863. P. 425). Герой Достоевского основывается на сопоставлении свидетельств Нового Завета. Иудеи, следуя римскому обычаю, делили ночь на 4 стражи (по 3 часа в каждой) и на такие же по длительности

периоды, называемые часами, делился день. По Евангелию от Марка (Мк. 15:25), Христос был распят в третьем часу (т. е. около 9 утра по современному счету). А умер он «около девятого часа» (ближе к современным 3 часам дня — Мф. 27:46—50; Мк. 15:34—37). В Евангелии от Луки, на которое, очевидно, и опирался Ренан, сказано: «Было же около шестого часа дня; и сделалась тьма по всей земле, и продолжалась до часа девятого <...>» (Лк. 23:44, см. также: 23:45—46; ср.: Ин. 19:14). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 126, 77, 127, 209, 271; *Соломина-Минихен, 2016*. С. 210.

С. 376. *Правда, это лицо человека только что снятого со креста ~ (это очень хорошо схвачено артистом)...* — По новозаветным свидетельствам, Христос был снят с креста лишь через несколько часов после смерти (Мф. 27:57—60; Мк. 15:42—43). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 78, 128.

С. 376. *...христианская церковь установила еще в первые века ~ закону природы вполне и совершенно.* — Имеется в виду опровержение докетизма (от греч. δοκέω — казаться), ранней христианской ереси. Докеты считали, что Христос никак не был связан с материей — источником зла — и не имел действительного тела: его рождение и смерть были только видениями. Опровержение докетизма содержится уже в таких ранних памятниках, как Соборные послания св. апостола Иоанна Богослова (1 Ин. 4:2—3; 2 Ин. 1:7), а также Апостольский и Никейский символы веры (II—IV в.). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 391, 395.

С. 376. *...видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста...* — Ср. в евангельском тексте: «Там были также, и смотрели издали многие женщины, которые последовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему. Между ими была Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сынов Зеведеевых» (Мф. 27:55—56, см. также: Мк. 15:40—41, 47, Лк. 23:48—49, 55, Ин. 19:25). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 78, 127, 128, 210, 272; Т. 2. С. 327—328.

С. 376. *...что этот мученик воскреснет?* — Ср.: «...и убьют Его, и в третий день воскреснет» (Мф. 17:23, 20:19; Мк. 9:31; 10:34; Лк. 18:33). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 44, 51, 105—106, 110, 192; Т. 2. С. 239.

С. 376—377. *...Который воскликнул: «Талифа куми», — и девица встала, «Лазарь, гряди вон», — и вышел умерший?* — Слова «Талифа куми» (в переводе с арамейского языка означающие: «Девица, тебе говорю, встань») были произнесены Христом, воскресившим дочь Иаира (Мк. 5:41); о воскрешении Лазаря см.: Ин. 11:43—44 (ср. ст. 43 на церк.-слав.: «И сія рекъ, гласомъ великимъ воззва: Лазаре, гряди вонъ», в русском переводе: «Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон»). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 93, 250. К упоминаемым Ипполитом евангельским историям Достоевский обращался в «Преступлении и наказании» (см.: 7, 775, 704), позднее — в «Братьях Карамазовых» (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 227).

С. 377. Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине... — См.: Мф. 27:54—61; Мк. 15:39—47; Лк. 23:47—56; Ин. 19:33—42 — *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 78, 127—128, 210, 272—273.

С. 378. ...давеча был в домашнем шлафроке... — Шлафрок (нем. Schlafrock) — домашняя одежда, халат.

С. 381. ...весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? ~ а я один выкидыш...; см. также с. 390: Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник ~ к которому он никак не может пристать. — Размышления Ипполита и Мышкина заставляют вспомнить известные слова Мальтуса, который писал о бедняке: «На великом жизненном пиру нет для него места» (см.: *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения / Пер. П. А. Бибикова. СПб., 1868. Т. 1. С. 12). Как отметил Р. Я. Левит (см.: *Салтыков-Щедрин*. Т. 9. С. 546—547), выражение «не приглашенные на пир жизни» со ссылкой на Мальтуса употреблено А. И. Герценом в книге «С того берега» («Vom anderen Ufer», изд. на нем. яз. — 1850; на рус. яз. — 1855 и 1858; см.: *Герцен*. Т. 6. С. 55). Знаменитое выражение Мальтуса цитировал в «Русских ночах» и В. Ф. Одоевский. Саркастически излагая его теорию (в форме монолога английского экономиста), он, в частности, писал: «Не обольщайтесь же мечтами о мудрости провидения, о добродетели, о любви к человечеству, о благотворительности; вникните в мои выкладки: кто опоздал родиться, для того нет места на пиру природы; его жизнь есть преступление» («Desiderata») (*Одоевский В. Ф.* Русские ночи. С. 22). В записной тетради Достоевского 1863—1864 г. сделан набросок, предвосхищающий этот мотив «Необходимого объяснения» Ипполита: «— Да я жить хочу. 1) Да, но жизнь есть роскошь. Мальтус, Писарев» (*Акад. ЛСС*. Т. 20. С. 177—178, 367). С. Г. Бочаров связывает мотив «выкидыша», человека лишнего на пиру жизни со стихотворением Е. А. Боратынского «Недоносок» (1835) (см.: *Бочаров С. Г.* «О бессмысленная вечность!» От «Недоноска» к «Идиоту» // *«Идиот»*, *ССИ*. С. 111—136). См. также след. коммент.

С. 381. ...пропел из благонравия и для торжества нравственности знаменитую и классическую строфу Мильвуа... — Как установил Б. В. Томашевский (1926. Т. 6. С. 558), строфа эта принадлежит не Ш. Мильвуа (1782—1816), а Н. Жильберу (1751—1780). С небольшими отступлениями от подлинника Достоевский цитирует «Оду в подражание нескольким псалмам» («Ode imitée de plusieurs psaumes», 1780):

Ah! puissent voir longtemps votre beauté sacrée,
Tant d'amis sourds à mes adieux!
Qu'ils meurent pleins de jours, que leur mort soit pleurée!
Qu'un ami leur ferme les yeux!

К знаменитому стихотворению Жильбера восходит и мотив «пира жизни»: «*Au banquet de la vie, infortuné convive...*», — впоследствии получивший развитие в обширной элегической традиции, в частности в оде А. Шенье «*La jeune captive*», один из переводов которой принадлежит Жуковскому («Узник»). Включенное в «Шильонского узника» двустигшие «Без места на пиру земном, / Я был бы лишний гость на нем» восходит скорее не к Мальтусу, а к А. Шенье, а через него к Жильберу. Поскольку мотив «пира жизни» и «лишнего» на нем героя объединяет Ипполита и Мышкина, в первом усиливая отчуждение, а во втором желание гармонии с природой и миром, реминисценции из Жуковского обретают двойную перспективу: к традиции философской элегии, с одной стороны, и к «алгебраически» понимающим человека экономическим теориям Мальтуса, с другой. См.: *Жилякова Э. М. Поэтика «невыразимого» в романе «Идиот»: (Ф. М. Достоевский и В. А. Жуковский) // «Идиот»: раздумья, проблемы. С. 52—58.* В. Террас полагает, что в высказывании «даже эта крошечная мушка <...> во всем этом пире и хоре участница» (8, 381) присутствует намек на стихи Ф. И. Тютчева: «Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поет, что море, / И ропщет мыслящий тростник?» (Террас В. Диссонанс в романе Ф. М. Достоевского, «Идиот» // *Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 63—64.* Другой возможный источник мотива — «Поездка в Полесье» (1857) И. С. Тургенева. См.: *Тихомиров, 2018. Т. 2. С. 437.*

С. 381. *Вечную жизнь я допускаю...* — Вечная жизнь — библеизм, выражающий идею истинной, праведной жизни в Боге и бессмертия души. Согласно Евангелию от Иоанна, вечная жизнь обретается верой: «Истинно, истинно говорю вам, слушающий слово Мое, и верующий пославшему Меня, имеет жизнь вечную: и суду не подлежит, а перешел уже от смерти в жизнь» (Ин. 5:24). Ср.: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единокровного, дабы всяк верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16; ср.: Ин. 3:36, 6:47, 54, 10:27—28, 17:2—3; Лк. 18:29—30 и др.). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 227, 220, 222, 232, 233, 246—247, 265, 192.* Ипполит, «допускающий» вечную жизнь, в действительности ведет речь о своем неверии, признавая главенствующим законом бытия не бессмертие души, а смертную природу человека, вызывающую протест героя против земного мироустройства (см.: 8, 381—382).

С. 382. *...беспрерывного поедения друг друга...* — Имеются в виду идеи «социального дарвинизма», распространенные на общество: в частности, положение Ч. Дарвина о «борьбе за существование (сильный уничтожает слабого) как основном законе развития» (см.: 1995. Т. 8. С. 808). См. также: *Зохраб А. Достоевский и Дарвин // Достоевский и мировая культура. № 28. С. 30—64.*

С. 383. *...этот восемнадцатилетний, истощенный болезнью мальчик ~ дрожащий листик...* — Опавший лист — метафора смерти, имеющая значение в контексте рассуждений Ипполита. Образ

восходит к библейскому тексту, где опавшая листва соотносится не только с угасанием, но и с греховностью человека; ср. с символическими описаниями в Книге пророка Исаии: «...ибо вы будете, как дуб, *которого* лист опал, и как сад, в котором нет воды» (Ис. 1:30); «И истлеет всё небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и всё воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист — со смоковницы» (Ис. 34:4); «Все мы сделали — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда; и все мы поблекли, как лист, и беззакония наши, как ветер, уносят нас» (Ис. 64:6); «Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?» (Иов. 13:25). Из литературных источников образа следует указать элегию Мильвуа «Падение листьев» (1811—1815), известную в переводах М. В. Милонова (1811, опубл. в 1812), К. Н. Батюшкова (1815, опубл. в 1816), Н. С. Григорьева (1820), Е. А. Боратынского (1823), В. И. Туманского (1823) и др. авторов, в которой смерть юноши описана на фоне умирания природы. О восприятии элегии в России см.: *Barral G. R. C. H. Millevoe in Russia // Revue de littérature comparée. 1979. Vol. 53, № 2 (210). P. 149—162; Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1983. С. 100—128; Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Комментарии В. Э. Вацура и В. А. Мильчиной. М., 1989. С. 640—642; Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 203—212. Сходная метафора отмечена (см.: 1995. Т. 8. С. 809) в переводе романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», выполненном Достоевским (1844) — в описании смерти госпожи Гранде: «Ее существование походило на трепетание осеннего, желтого листка, хрупкого, иссохшего, едва держащегося на дереве» (1, 446).*

С. 386. ...давеча укладывал сак. — Сак (фр. *sac* — мешок) — мешок, сумка из плотной ткани для хранения и перевозки вещей (БАС_Г. Т. 13. Стлб. 56).

С. 387. Я с Человеком прощусь. — Ср. выше слова Настасьи Филипповны, обращенные к Мышкину в сходной ситуации: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» (8, 163). Реплика Ипполита по смыслу близка к словам Пилата, обращенным к первосвященникам после бичевания Иисуса Христа: «вот человек!» (церк.-слав. «се, человек!») (Ин. 19:5). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 270. Считается, что этими словами, связанными с темой земных страданий Богочеловека, Пилат хотел «возбудить в людях не окончательно ожесточившихся сострадание ко Христу» (Толковая Библия. Т. 9. С. 485).*

С. 389. Но берегитесь вы этих доморощенных Ласенеров наших! ~ Сущность та же, хотя, может быть, и разные амплуа. — Ласенер Пьер-Франсуа (1800—1836) — герой на шумевшего парижского уголовного процесса 1830-х годов; убийца, отличавшийся крайним тщеславием и чудовищной жестокостью; после казни Ласенера были

изданы его полуапокрифические «Записки» и «Разговоры» (*Mémoires, révélations et poésies de Lacenaire, écrits par lui-même à la Conciergerie. Paris, 1836, 2 vols.*). Изложение процесса Ласенера с примечанием Достоевского было помещено в журнале «Время» (1861. № 2. С. 1—50). Ласенером писатель интересовался в пору работы над «Преступлением и наказанием» (см.: 7, 480—481). Это имя Достоевский упоминал также в черновых материалах к «Идиоту» (см. выше, с. 298) и «Подрастку» (см.: *Акад. ПСС. Т. 16. С. 291; Т. 17. С. 420*).

С. 390. *Тоска его продолжалась; ему хотелось куда-нибудь уйти...* — Возможно, отсылка к евангельскому тексту (отмечено в 1995. Т. 8. С. 809). Ср. состояние Иисуса Христа перед распятием: «Потом приходит с ними Иисус в селение, называемое Гефсимания; и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И взяв с собою Петра, и обоих сынов Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать» (Мф. 26:36—37). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 71, см. выше, с. 727*.

С. 391. *...он мучился глухо и немо...* — Аллюзия на евангельское выражение «дух немый и глухий» (Мк. 9:25). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 105, см. ниже, с. 822—823*.

С. 393. *...знаете ли, что я сама раз тридцать ~ что были со мной такие жестокие...* — Эти слова Аглаи перекликаются с отрывком из гл. XV («Мечты») повести «Отрочество» (1852—1854) Л. Н. Толстого, которую Достоевский высоко ценил. Он упомянул о «гувернере с розгами» Сен-Жероме в 1861 г. во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (*Акад. ПСС. Т. 18. С. 49*), а в ДП (1877 г. Январь. Гл. II, § 5) назвал повесть «чрезвычайно серьезным психологическим этюдом над детской душой, удивительно написанным» (Там же. Т. 25. С. 32). Достоевский так передает «мечты» героя Толстого, близкие отроческим переживаниям Аглаи: «...вот он умирает, входят в чулан и находят его труп: „Бедный мальчик!“, его все жалеют. „Он добрый мальчик! Это вы его погубили“, — говорит отец гувернеру... и вот слезы душат мечтателя...» (Там же. Ср.: *Толстой. Т. 2. С. 45*).

С. 393. *Может, фельдмаршалом себя воображаете ~ только я не Наполеона, а всё австрийцев разбиваю.* — Судя по всему, имеется в виду генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов (1745—1813), под чьим руководством русская армия одержала победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. А. Г. Достоевская писала по поводу этих строк: «Федор Михайлович имел часто тревожные сновидения, убийства, пожары и, главным образом, кровопролитные битвы. Во сне он составлял планы сражений и почему-то особенно часто разбивал именно австрийцев» (см.: *Гроссман, Семинарий. С. 60*).

С. 396. *...я хочу все кабинеты ученые осмотреть...* — Ревностной посетительницей «ученых кабинетов» была в 1867 г. (в Дрездене) жена Достоевского: «...в этом случае моя молодая любознательность была вполне удовлетворена, — писала она. — Мне помнится, что я не пропустила ни одного из бесчисленных *Sammlung*’ов: *Mineralogische*,

Geologische, Botanische и проч. были осмотрены мною с полною добро-совестностью» (*Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015. С. 203—204; см. также: Достоевская А. Г., Дневник. С. 79 и сл.*).

С. 397. ...я еще два года назад нарочно два романа Поль де Кока прочла, чтобы про всё узнать. — Об отношении Достоевского к творчеству французского романиста Шарля Поль де Кока (1794—1871) см.: 1, 693; 2, 655, а также ниже, с. 886.

С. 398. Я вспомнил тогда о вас как о каком-то свете... — Само имя героини (от греч. ἀγλαός — блистающий) означает «сияющая», «светоносная». Мотив света, «новой зари», «новой жизни» постоянно сопутствует Аглае (см.: 8, 336, 402, 419 и др.; ср. также: *Альтман М. С. Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // Международные связи русской литературы: Сб. статей / Под ред. акад. М. П. Алексева. М.; Л., 1963. С. 366*).

С. 399. — Знаете, для чего я сейчас солгала? ~ я не сумела...; см. также с. 315 (*ПМ₂*): ...когда лжешь ~ становится гораздо вероятнее. — Мысль, во многом родственную этой, Достоевский высказал в *ДП* (1877. Сентябрь. Гл. II, § 1). Главка, названная «Ложь ложью спасается», посвящена герою Сервантеса, размышления о котором были так существенны для творческой истории «Идиота». Достоевский писал, что Дон-Кихот, «уверовавший в самую фантастическую мечту, какую лишь можно вообразить», придумывает «для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее <...> *Реализм*, стало быть, удовлетворен, правда спасена, и верить в первую, в главную мечту можно уже без сомнений — и всё, опять-таки, единственно благодаря второй уже гораздо нелепейшей мечте, придуманной лишь для спасения *реализма* первой» (*Акад. ПСС. Т. 26. С. 26*).

С. 400. О, не позорьте ее, не бросайте камня. — Библейский мотив побоев камнями содержится также в сюжете о Марии (8, 65, 67). В Библии указанный мотив выражен вариантно — в словах Христа о блуднице, переданных в Евангелии от Иоанна: «А как настоятельно стали спрашивать Его: то восклонясь, сказал им: кто из вас без греха, пусть первый бросит на нее камень» (Ин. 8:7); в эпизоде, в котором иудеи собираются побить Христа камнями: «Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство, и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Ин. 10:33); в строках из Послания св. апостола Павла к Евреям о пророках, которые «верою побеждали царства, творили правду» и «камнями побиваемы были» (Евр. 11:33—37). См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 238, 247, 576*. В романе «Идиот» сохранено вариантное содержание мотива, характеризующего образы Настасьи Филипповны и князя Мышкина в контексте христианских представлений о грехе и вере. См. выше, с. 551, 740.

С. 407. — Да, без сомнения, всё равно, мы не масоны! — Масон (фр. *maçon* — каменщик) — последователь масонства, тайного религиозно-философского движения в Европе в XVIII—XIX вв., соединяю-

щего задачи нравственного самоусовершенствования с целями объединения человечества в религиозном братском союзе (БАС₇. Т. 9. С. 564; Шведова. С. 432). Масонство было запрещено в России в 1822 г. Александром I как движение, посягающее на власть и общественное влияние (ср.: определение масонов как «вольномудцев, государственных и церковных» — Даль. Т. 2. С. 303; прост. «фармазон» — «вольномудец, нигилист» — БАС₇. Т. 16. Стлб. 1262). В реплике Коли Иволгина, вероятно, содержится намек на то, что в масонских ложах всегда придавалось необычайное значение «тайне» и конспирации.

С. 407. ...уже не предполагаю контрекарнировать хотя бы в чем-нибудь ваши предположения. — Контрекарнировать (фр. contre-carrier) — оспаривать.

С. 408. — Пропажа четырехсот рублей из бокового кармана, многоуважаемый князь; окрестили! — Окрещивать (диал. тюмен., ишим., тобол.) — обмануть, надуть (Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 23. С. 163).

С. 408. Имея ничтожный капитал и в видах приращения фамилии... — Фамилия — здесь устар. разг.: семья, члены семьи, домохозяева (БАС₇. Т. 16. Стлб. 1234). Приращение фамилии — прибавление в семействе.

С. 408. Подлинно, когда Бог восхощет наказать, то прежде всего восхитит разум. — Ср. со словами городничего в «Ревизоре» Гоголя: «Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум» (д. 5, явл. 8) (Гоголь, 2001. Т. 4. С. 85) — и афористическим выражением, записанным еще в Ипатьевской летописи (1178): «Бог, егда хочет показнити человека, отнимет у него ум». Подобные изречения, возникшие на основе древнегреческих источников, встречаются у многих авторов (см. подробнее: Михельсон. Т. 1. С. 438; ср.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1966. С. 326—327).

С. 411. ...он тут в Пятой улице-с... — Действие происходит в Павловске, где не было улицы, в название которой входило бы слово «Пятая». См.: 1995. Т. 8. С. 812.

С. 412. ...я бы тут же собственными руками мою голову снял, положил бы ее на большое блюдо и сам бы поднес ее на блюде всем сомневающимся... — Ср. в Евангелии от Матфея: «Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь же на блюде голову Иоанна крестителя. Царь опечалился; но, по причине клятвы и пировавших с ним, велел дать ей. И послал в темницу, отсець Иоанну голову. И принесли голову его на блюде, и подали девице; а она отнесла к матери своей» (Мф. 14:8—11). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 35—36; Т. 2. С. 224.

С. 413. Не только деньги, но за этого человека я, так сказать, даже жизнью... — Комическая реминисценция из повести А. С. Пушкина «Метель» (1830, опубл. в 1831), где о предполагаемых свидетелях на свадьбе Владимира — отставном корнете Дравине и землемере Шмите — сказано: «Они не только приняли предложение Владими-

ра, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью» (Пушкин. Т. 8. Кн. 1. С. 79).

С. 413. *...ибо считаю его за великого, но погибшего человека!* См. также с. 489: *...и что «усопший» ~ Он особенно серьезно настаивал на гениальности...* — Настойчивые упоминания Лебедева о том, что генерал Иволгин был «великим» и даже «гениальным», в какой-то мере пародируют «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (см. об этом ниже, с. 857).

С. 416. *Ибо он и лжет единственно потому, что не может сдержатъ умиления.* См. также с. 454: *Иной и лжет-то ~ удовольствие собеседнику...* — В XV главе ДП за 1873 г. («Нечто о вранье») Достоевский в числе многих причин лганья указывает и черты характера, близкие генералу Иволгину: «Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю <...> мы, русские <...> постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным <...>. Второе, на что наше всеобщее русское лганье намекает, это то, что мы все стыдимся самих себя» (Акад. ПСС. Т. 21. С. 117—119). В романе «Подросток» писатель вернется к типу рассказчика, лгущего «с целью осчастливить своего ближнего» (Петр Ипполитович) — см.: Там же. Т. 13. С. 167—168.

С. 416. *Тихими стопами-с, вместе!* — Это любимое выражение Лебедева записано Достоевским в Сибири. В СТ под № 436 читаем: «А сделали мы это, сударь, так сказать, тихими стопами...» (4, 287, 500).

С. 417. *...из этих трех конвертов...* — Конверт (фр. *couvert*) — конверт.

С. 419. *...выдумала одну картину. ~ Вот моя картина!* — Литературным прототипом картины, описанной Настасьей Филипповной, возможно, было полотно героя повести Н. А. Полевого «Живописец» (см.: Строганова Е. Н. По поводу картины Настасьи Филипповны в романе «Идиот» // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 81—85). Отмечено: Тихомиров, 2018. Т. 2. С. 442—443.

С. 419. *...Христос его слушал, но теперь задумался; рука Его невольно, забывчиво осталась на светлой головке ребенка.* — Ср. в евангельском тексте: «И приносили к Нему детей, чтобы прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидя то, Иисус вознегодовал, и сказал им: пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть царствие Божие. Истинно говорю вам, кто не примет царствия Божия, как дитя; тот не войдет в него. И обняв их, благословлял их, возлагая на них руки» (Мк. 10:13—16, см. также: Мф. 19:13—15 и др.). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 108, 48—49; Т. 2. С. 367—368.

С. 421. *Та же женщина вышла из парка и стала пред ним ~ на ее длинных ресницах.* — По предположению Г. А. Боград, этот эпизод связан с картиной А. А. Иванова «Явление Христа Марии Магдалине» (1835). В Павловской церкви св. Марии Магдалины, где собира-

лись венчаться Настасья Филипповна и князь Мышкин, в алтарной части находилась копия с картины «Явление Спасителя Марии Магдалине» неустановленного авторства (Боград Г. Л. Произведения изобразительного искусства в творчестве Ф. М. Достоевского. New York, 1998. С. 33—34). См. подробнее: 1995. Т. 8. С. 812—813.

С. 423. Подколесин в своем типическом виде ~ готовы были признать Подколесиними. — Речь идет о герое комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (1842).

С. 423. «*Tu l'as voulu, George Dandin!*» — Это крылатое выражение употребляется в значении «виноват сам — пенять не на кого» (Бабкин, Шендцов. Т. 3. С. 1263) и восходит к комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668). У Мольера: «*Vous l'avez voulu; vous l'avez voulu, George Dandin, vous l'avez voulu <...>*» (д. 1, явл. 9).

С. 425. ...они разделяются, как и все люди, на два главные разряда: одни ограниченные, другие «гораздо поумнее» ~ без всяких колебаний. — Эти слова о двух разрядах людей напоминают рассуждения Раскольникова из «Преступления и наказания» (см.: 6, 222—224; 7, 684—685).

С. 425. Стоило некоторым из наших барышень остричь себе волосы, надеть синие очки и наименоваться нигилистками ~ свои собственные «убеждения». — Ср. с замечанием А. И. Герцена в «Былом и думах» (см. раздел «Другие редакции»): «...волосы острижены, блеск глаз ослаблен синими очками, чтобы не мрачить единственный свет разума. Другие времена — другие нравы, различия полов почти забыты пред лицом науки» (Герцен. Т. 1. С. 558). Н. Н. Страхов на ту же тему высказывался критически: «Пусть читатель переберет потом все хорошо знакомые ему формы нигилизма. Молодая девушка обрезывает свою великолепную косу и надевает синие очки. Со стороны безобразно, а между тем она очень довольна собою, как будто надела наряд красивее того, который прежде носила» (Страхов Н. Н. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского. Издание исправленное. Два тома. Петербург. 1867 // ОЗ. 1867. № 3, кн. 2. С. 331). Отрицательное отношение к внешнему облику нигилистов было распространенным; стереотипность восприятия иной раз приводила к казусам. Д. С. Мережковский упомянул такой случай: «В 1872 году, в Петербурге одну молодую девушку, дочь действительного статского советника, остригшую себе волосы после тифа и по слабости глаз носившую очки, городовые схватили на улице и отвели в часть как нигилистку» (Мережковский Д. С. «Болезнь России». Избранное. Л., 1991. С. 185). По мысли современного исследователя, «синие очки так запомнились современникам потому, что в них-то и было дело, под очками был не кризис ценностей, а стремление его имитировать, и далее этих синих очков нигилизм не шел» (подробнее см.: Шоломова Т. В. Эстетизация нигилизма в русской литературе XIX века: К вопросу о пространственных и временных границах явления // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 130). См. также коммент. выше, с. 781—782.

С. 425. *Наглость наивности ~ есть и теперь...*; см. также с. 434: *Если бы ты читала его исповедь ~ Это поручик Пирогов, это Ноздрев в трагедии...* — О герое повести «Невский проспект» (1833—1834, опубл. в 1835) Достоевский писал еще в 1861 г. как о величайшем создании Гоголя: «Он постиг назначение поручика Пирогова <...>» (см.: «Введение» к «Ряду статей о русской литературе» — Акад. ПСС. Т. 18. С. 59). Мысли о Пирогове, высказанные в «Идиоте», были повторены и развиты в ДП (1873. Гл. XV, «Не-что о вранье»): «Поручик Пирогов, сорок лет тому назад высеченный в Большой Мещанской слесарем Шиллером, был страшным пророчеством, пророчеством гения, так ужасно угадавшего будущее, ибо Пироговых оказалось безмерно много, так много, что и не пересечь» (см. подробнее: Там же. Т. 20. С. 124). Ганя Иволгин впоследствии почти теми же словами говорит об Ипполите Терентьеве, который сопоставляется еще и с Ноздревым («Мертвые души»). Достоевский не раз создавал образы, соотносящиеся с типом Ноздрева — см. фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (Там же. Т. 19. С. 76), а также черновики и окончательный текст «Бесов» (Там же. Т. 10. С. 171, 200; Т. 11. С. 119, 192, 347—348). В персонажах «Бесов» получили дальнейшее развитие черты, которые свойственны и Ипполиту и которые Достоевский усматривал в Ноздреве: раздраженное самолюбие, желание «поднимать шум вокруг собственного имени», делая «ужасно много штук, и благородных, и пакостных» (Там же. Т. 10. С. 171; Т. 11. С. 119).

С. 425. *...по мере толстеющих и крутящихся на нем с годами и «по линии» эполет...* — По линии (иноск.) — по случаю. Ср.: «Производство в войсках по линии (случайное передвижение), а не по заслугам» (Михельсон. Т. 2. С. 75).

С. 428. *«Ротшильдом не буду, да и не для чего, — прибавил он смеясь, — а дом на Литейной буду иметь, даже, может, и два, и на этом кончу».* — Ср. предсказание Ивана Карамазова Ракитину в изложении последнего: «Конец карьеры моей, по толкованию твоего брата, в том, что оттенок социализма не помешает мне откладывать на текущий счет подписные денежки и пускать их при случае в оборот, под руководством какого-нибудь жидишки, до тех пор, пока не выстрою капитальный дом в Петербурге, с тем чтобы перевести в него и редакцию, а в остальные этажи напустить жильцов. Даже место дому назначил: у Нового Каменного моста через Неву, который проектируется, говорят, в Петербурге, с Литейной на Выборгскую...» (Акад. ПСС. Т. 14. С. 77).

С. 430. *«Не хочу в ворота, разбирай забор!..»* — Достоевский цитирует запись № 82 из СТ, заменив в ней областное слово «заплот» общепотребительным «забор» (см.: 4, 270, 468).

С. 436. — *Милостивый государь!* — закричал он *громовым голосом Птицыну...* — Ср. в Откровении св. Иоанна Богослова: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и услышал одно из четырех животных говорящее, как бы громовым гласом: иди и смотри»,

в Синод. переводе: «громовым голосом» (Откр. 6:1). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 591; Т. 2. С. 725—726.

С. 436. ...ты только завистливый червь, перерванный надвое, с кашлем... и умирающий от злобы и от неверия... — Сравнение «человек — червь» имеет ветхозаветные источники: «Тем менее человек, который есть червь <...>» (Иов. 25:6); «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» (Пс. 21:7, см. также: Ис. 41:14). Метафора получила широкое распространение в русской литературе и встречается, к примеру, в текстах Г. Р. Державина («Я царь — я раб — я червь — я Бог!» — ода «Бог», 1784), Н. М. Карамзина («И в темницу преисподню Засадите вы его. Пусть гниет там понемногу, И умрет, как бедный червь!» — «Граф Гваринос», 1789), А. С. Пушкина («Несносен мне твой ропот дерзкий, / Ты червь земли, не сын небес...» — «Поэт и толпа», 1829), М. Ю. Лермонтова («...не жди пощады; / Как червь, к душе твоей / Я прилеплюсь, и каждый миг отрады / Несносен будет ей...» — «Настанет день — и миром осужденный», 1831, опубл. в 1859), Н. В. Гоголя («незначащий червь мира сего» (Чичиков о себе, ср. в Библии: «князь мира сего», о сатане — Ин. 12:31) — «Мертвые души», 1835—1841, опубл. в 1842), Л. Н. Толстого («...и я, ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими, бедными людскими страстями» — «Юность», 1855—1856, опубл. в 1857), И. С. Тургенева («червяк полураздавленный, а еще топорщится» (умирающий Базаров о себе) — «Отцы и дети», 1860—1861, опубл. в 1862) и др. авторов. См. подробнее: *Кожевникова Н. А., Петрова Э. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX веков / Отв. ред. Л. А. Шестакова. М., 2010. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. С. 341—343. Указанная метафора также появляется в «Фаусте» И. В. Гёте (см.: 1995. Т. 8. С. 814).

С. 437. ...заговорил о каком-то капитане Еропегове. — По предположению В. Н. Алёкина, это измененная фамилия соседей Достоевских по имению Даровое — Еропкиных. См. о них в воспоминаниях брата писателя: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 65.

С. 441. В записке было ровно семь строк... — В наборе РВ и 1874 это отражено — текст набран в семь строк.

С. 442. — Проклятие мое дому сему! См. также с. 464: О, «проклятие, проклятие дому сему!» — Парафраз библейской цитаты, ср.: «...мир тебе, мир дому твоему, мир всему твоему...» (1 Цар. 25:6); «А входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему!» (Мф. 10:12, ср.: Лк. 10:5). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 23, 165.

С. 442. ...и сделал антрша... — Антрша (антраша) (фр. *entrechat*) — в классическом балете легкий прыжок вверх, во время которого ноги танцора несколько раз быстро скрещиваются в воздухе, касаясь одна другой (БАС₂. Т. 1. С. 227).

С. 444. ...звуки внезапно и неожиданно раздавшейся военно-вакхической песни... — Вакх — в античной мифологии бог виноградарства, вина и веселья. Празднество в честь Вакха могло принимать экстатиче-

ские формы, отсюда переносное значение слова «вакханалия» — крайняя степень беспорядка, неистового разгула, бурное проявление каких-либо сил (Шведова. С. 71—72). Вакхический (перен. устар.) — разгульный, буйный, иступленно-веселый (БАС₂. Т. 2. С. 317).

С. 448. ...если и могу служить вам, то как раб и наемщик, не иначе... — Слова «раб» и «наемщик» (здесь: «наемник») восходят к библейскому тексту, где употребляются как в своем историческом значении — «рабочая сила» (ср.: «...и будет это в продолжение субботы земли всем вам в пищу, тебе и рабу твоему, и рабе твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя...» (Лев. 25:6); «Не обижай раба, трудящегося усердно, ни наемника, преданного тебе душою...» (Сир. 7:22, см.: Втор. 24:14 и др.)), так и в символическом смысле, при обозначении духовного рабства и греха: «Пришедши же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего довольствуются хлебом с избытком, а я мру с голоду! Встану, пойду к отцу моему, и скажу ему: родитель! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим: прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15:17—19); «Или вы не знаете, что кому вы отдаете себя в рабы для послушания, тому вы и рабы, смотря потому, кому послушны, или греху к смерти, или послушанию к праведности?» (Рим. 6:16). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 184, 412. К Лебедеву, который постоянно подчеркивает свое ничтожество, кается, словно признавая свои грехи, и в то же время продолжает интриговать и лицедействовать, применимо и второе толкование.

С. 452. ...у меня где-нибудь в садике под камушком пролежали в первую-то ночь пропажи-с... — Мотив, прежде возникший в романе «Преступление и наказание»: Раскольников прячет под камень взятые у процентщицы деньги и вещи.

С. 453. ...прочли вы эту статью, генерал? ~ некоторые вещи прелесть. — Как видно из дальнейших слов генерала (см.: 8, 455), статья, которую князь дал ему для прочтения, была напечатана в «Архиве», т. е. в журнале «Русский архив». Достоевский имеет в виду, вероятно, статью «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца — штатного служителя Семена Климыча» (РА. 1864. № 4. С. 416—434). Годом позже в «Русском архиве» были напечатаны записки генерала В. А. Перовского (см. ниже, с. 811—812), которые Достоевский упоминал в «Игроке» (5, 236, 584) и которые также могли иметь значение для данной сцены в романе «Идиот» (см.: Подосокорский, 2011. С. 55—59).

С. 454. ...имеет дерзость уверять ~ он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, в Москве... — Ср. с записью в «Дневнике» А. Г. Достоевской от 11 (23) мая 1867 г. о поставленном в Дрездене памятнике офицеру, «которому здесь оторвало обе ноги»: «Эти-то самые знаменитые ноги и были похоронены здесь, на холме, а самое тело было отвезено в Петербург. Странная судьба этого человека — быть похороненным в разных местах» (Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 51). Речь, возможно, идет о бывшем

наполеоновском генерале Жане-Викторе Моро (1763—1813), состоявшем «советником при главной квартире антинаполеоновских союзных войск» и погибшем в сражении под Дрезденом 15 (27) августа 1813 г. «Тело его похоронено в Петербурге (в католической церкви св. Екатерины), ноги, оторванные снарядом, — на месте, где это произошло, у деревни Рекниц под Дрезденом; там воздвигнут памятник ему» (см.: Там же. С. 427). В. А. Викторovich указывает в качестве источника сюжета «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи „Материалы для биографии А. П. Ермолова“» И. И. Лажечникова (РВ. 1864. № 6). По воспоминаниям Лажечникова, генерал А. И. Остерман-Толстой, потерявший руку при Кульме, впоследствии похоронил ее в фамильном склепе графов Остерманов и пригласил священника отслужить по ней панихиду. См.: Викторovich В. А. Дополнения к комментарию. «Идиот» // Д, Материалы и исследования. Т. 10. С. 157—158.

С. 454. ...шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу... — Шассёр (фр. *chasseur*) — егерь (солдат особых частей пехоты или легкой кавалерии), стрелок. Лебедев, иронизируя над генералом Иволгиным, использовал его же излюбленный прием — преувеличение, гиперболу: шассёры стреляли из ружей, а не из пушек.

С. 454. ...«Покойся, милый прах, до радостного утра»... — См. выше, с. 536; 1995. Т. 8. С. 816—817.

С. 455. ...французский фальконет... — От итал. *falconetto* — старинная мелкокалиберная пушка.

С. 455. ...уверяет, что нога черносвитовская ~ Но черносвитовская нога изобретена несравненно позже... — Черносвитов Рафаил Александрович (1810—1868), петрашевец. Сослан в 1849 г. в Кексгольмскую крепость. В 1854 г. отправил в Комитет инвалидов рукопись об устройстве изобретенной им искусственной ноги (см.: Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 509); в 1855 г. в Петербурге вышла его книга «Наставление к устройству искусственной ноги»; подробнее о Черносвитове и об отражении некоторых черт его личности в персонажах романа «Бесы» см.: Акад. ПСС. Т. 12. С. 219—220.

С. 455. ...был у Наполеона в камер-пажах... — Камер-паж (нем. *Kammerpage* — букв. комнатный слуга) — придворное звание для несения службы при императорском дворе.

С. 455—456. Один из наших автобиографов ~ французские солдаты. — Имеется в виду А. И. Герцен, писавший об этом в «Былом и думах» (ч. I, гл. 1; см.: Герцен. Т. 8. С. 17; Гроссман, Семинарий. С. 60).

С. 456. Я знаю одно истинное убийство за часы, оно уже теперь в газетах. — См. выше, с. 545—546.

С. 456. Мир был наполнен этим именем... — Ср. в пушкинском стихотворении «Наполеон» (первонач. ред. 1821, опубл. в 1826): «О ты, чьей памятью кровавой / Мир долго, долго будет полн...» (Пушкин. Т. 2. Кн. 1. С. 213). Указано Н. Н. Подосокорским.

С. 456. ...свой орлиный взгляд... — Орлиный взгляд — «сверкающий, острый, пронизательный» (Михельсон. Т. 1. С. 750). Такой

эпитет встречается в романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830) (см.: 1995. Т. 8. С. 819). Это же определение, характеризующее Наполеона, использовал А. Дюма-отец в книге «Наполеон» (глава «Наполеон на острове Эльба и 100 дней» — «Napoléon à l'île d'Elbe et les cent jours»): «Возможно, когда орлиный взгляд Наполеона следил за развитием европейских событий, он казался внешне полностью смирившимся с судьбой» (фр. Quoiqu'il suivît probablement de son regard d'aigle les événements européens, Napoléon était donc, en apparence, entièrement soumis à sa fortune) (Napoléon, par Alexandre Dumas. Paris, 1840. P. 236).

С. 457. ...он не договорил и вошел во дворец ~ император вдруг остановился пред портретом императрицы Екатерины... — Имеется в виду Петровский путевой дворец, выстроенный по велению Екатерины II в 1776—1880 гг. (по проекту архитектора М. Ф. Казакова). Путевым он назывался, так как находился на пути царствующих особ из Петербурга в Москву. Во время Отечественной войны 1812 г. в этом дворце останавливался Наполеон, о чем, помимо исторических, сохранились и поэтические упоминания — ср. в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина: «Вот, окружен своей дубравой, / Петровский замок. Мрачно он / Недавнею гордится славой. / Напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленопреклонной...» (Пушкин. Т. 6. С. 155).

С. 457. Еще чрез два дня умирает камер-паж Наполеона, барон де Базанкур... — Ж.-Б. де Базанкур (Bazan-court), барон (1767—1830) — французский генерал, участник походов Наполеона I, который, разумеется, не был камер-пажом императора. Генерал Иволгин вводит это имя в свой фантастический рассказ, желая придать ему историческую достоверность.

С. 457. Я ходил в темно-зеленом фраке ~ башмаки с пряжками... — В данном случае герой достаточно точен: «Камер-пажеская форма, которую описывает в своем рассказе Иволгин, похожа на тот костюм, который носил Констан и другие императорские слуги», ср.: «Главный камердинер носил французский фрак из зеленого сукна, с золотым шитьем на отворотах и воротниках, белый кашемировый жилет, черные брюки и шелковые чулки. Такой же костюм, с некоторыми изменениями в шитье, был присвоен приставам, и камер-лакеям, и гардеробным служителям» (Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни // Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта. М., 2006. С. 340). См.: Подосокорский, 2011. С. 54.

С. 458. ...лежат у меня в пюпитре. — Пюпитр (фр. pupitre) — настольная подставка для книг, нот в виде наклонной плоскости.

С. 458. ...«великана в несчастьи»... — Источник цитаты неизвестен. В литературе первой половины XIX в. было много «близких по смыслу сравнений Наполеона с колоссом, гигантом или исполином» (см.: Подосокорский Н. Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Д, Материалы и исследования. Т. 19. С. 182). Ср. в более широком контексте: «...я проникнул в самую интимную,

так сказать, спальню „великого человека“! Я слышал по ночам стоны этого „великана в несчастьи“ <...>» (8, 458) — рядом оказываются две фразы, оформленные как цитаты, которые могут быть связаны (далее эпитет «великий человек» приводится без кавычек — 8, 460). Пушкинское стихотворение «Наполеон», которое цитируется в романе «Идиот» (см. коммент. выше и ниже, с. 809, 813), начинается словами: «Чудесный жребий совершился; / Угас великой человек» (*Пушкин. Т. 2. Кн. 1. С. 213*). Сходное выражение есть у Н. М. Карамзина: «Я с удовольствием вошел и в сад, где гулял некогда Меншиков, храбрый, искусный генерал и великой человек в несчастьи» (*М. — вѣ. Путешествие вокруг Москвы // ВЕ. 1803. № 4. С. 282; см.: 1995. Т. 8. С. 821*).

С. 458. ...причина его страданий — молчание императора Александра. — Фраза о «молчании императора Александра» в ответ на стремление Наполеона начать «дипломатические сношения» была общим местом в сочинениях о войне 1812 года — так, она дважды встречается в «Описании Отечественной войны в 1812 году» А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1839. Ч. 3. С. 68, 81), а также в «Истории Отечественной войны 1812 года» М. И. Богдановича (СПб., 1859. Т. 2. С. 325) (*Подосокорский, 2011. С. 69*).

С. 458. — Да, ведь он писал письма... с предложениями о мире ~ Волновался ужасно. — Здесь генерал Иволгин неточен. Известны две попытки Наполеона обратиться к императору Александру I с предложением заключить мир через оставшихся в Москве русских дворян (см. подробнее: 1995. Т. 8. С. 821).

С. 458—459. ...я вот тоже очень недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлоской кампании ~ это дух партии. — Шаррас Жан-Батист-Адольф (1810—1865) — французский политический деятель и военный историк. Его антибонапартистская книга «Histoire de la Campagne de 1815. Waterloo» («История кампании 1815 г. Ватерлоо», 1-е изд. — 1858; 4-е изд. — 1863) была прочитана Достоевским в 1867 г. в Баден-Бадене (см.: *Достоевская А. Г., Дневник. С. 141, 424, 432*). Книга эта имела и в библиотеке писателя, что специально отмечено А. Г. Достоевской в примечаниях к роману (см.: *Гроссман, Семинарий. С. 60*).

С. 459. ...в свите обыкновенно бывали Даву, я, мамелюк Рустан... — Даву Луи (1770—1823) — маршал и военный министр Наполеона I. Иволгин называет Даву «генералом», как В. А. Перовский в своих мемуарах. Возглас Даву «Bah!» (8, 460), возможно, также перешел в рассказ Иволгина из записок Перовского, услышавшего от французского маршала: «Ба! да я вас знаю!» ([*Перовский В. А.*] Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // *РА. 1865. 2-е изд. 1866. Вып. 3. Стлб. 1044; см.: Подосокорский, 2011. С. 59—61*). Мамелюками называли египетских воинов, отбравшихся из числа рабов (мамлюк — араб. невольник). Мамелюк Рустан (1780 или 1783—1845) — оруженосец и телохранитель Наполеона. Известны его мемуары «Моя жизнь рядом с Наполеоном» (1-е изд. —

«Mémoires inédits de Roustam, mamelouk de Napoléon I-er», 1888; 2-е изд. — «Souvenirs de Roustam, mamelouk de Napoléon I-er», 1911).

С. 459. — *Констан...* — Вери Луи-Констан (1778—1845) — любимый камердинер Наполеона, который довольно часто упоминается в художественной и мемуарной литературе о нем. Известны его воспоминания «Мемуары Констана, первого камердинера императора, а также частная жизнь Наполеона, его семьи и его двора» («Mémoires de Constant, premier valet de chambre de l'empereur, sur la vie privée de Napoléon, sa famille et sa cour», 1830).

С. 459. ...к императрице Жозефине... — Жозефина (урожд. М.-Р.-Ж. Таше де ла Пажери), в первом браке Богарне (1763—1814) — первая жена Наполеона I, с которой он развелся в 1809 г. Известно, что А. Г. Достоевская побывала в деревне Преньи (Pregny), недалеко от Женевы, «где жила Жозефина после своего развода с Наполеоном» (Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 240; см. также: Подосокорский, 2011. С. 52—53).

С. 459. ...польских улан... — Уланы — военные части легкой кавалерии.

С. 459. *Всего чаще находилась при нем Даву ~ хладнокровный человек в очках, с странным взглядом.* — В. А. Перовский отмечал, что Даву говорил «весьма хладнокровно», а Л. Н. Толстой развил эту характеристику «в целый ряд особенностей его личности: Даву „Войны и мира“ „холодно спрашивает“ русского посланника Балашева, имеет „холодное лицо“, говорит „мерным, холодным голосом“, от которого „холод, пробежавший прежде по спине Пьера, охватил его голову, как тисками“, просто говорит „холодно“ и, кроме того, носит очки, о чем ничего не сказано у Перовского» (см.: Подосокорский, 2011. С. 60).

С. 460. *Это тот самый знаменитый «conseil du lion», как сам Наполеон назвал этот совет Даву ~ Этот проект сильно увлек Наполеона.* — Генерал Иволгин перепутал Даву с другим французским государственным и военным деятелем, писателем и переводчиком, покровителем Стендаля, генералом П.-А.-Б. Дарю (1767—1829), который предлагал Наполеону «превратить Москву в укрепленный лагерь и зимовать в нем», чтобы продержаться до весны, до появления подкреплений из Литвы. Наполеон, воскликнув «Это совет льва!», отверг такой вариант. Образное сравнение Дарю со львом было зафиксировано в записках адъютанта императора, генерала Ф.-П. де Сегюра (1-е изд. — 1824, см.: Segur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. Paris, 1842. Vol. 2. P. 94). О «Львином плане» упоминал также В. Скотт в историческом труде «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» (1827). См.: Подосокорский, 2011. С. 62—64.

С. 460. ...где люнет, где равелин, где ряд блокаузов... — Люнет (фр. lunette) — открытое с тыла полевое укрепление, состоящее из валов и рва перед ними; равелин (фр. ravelin) — вспомогательное крепостное сооружение в форме треугольника с обращенной к противнику вершиной, расположенное перед основной крепостной оградой; блок-

гауз (нем. Blockhaus) — фортификационная постройка с бойницами, приспособленная к самостоятельной обороне небольшой части войск.

С. 460. ...*взгляд, быстрота, удар!* — Возможно, отсылка к «трем воинским искусствам» А. В. Суворова: «Глазомер, быстрота, натиск» (Суворов А. В. Три воинские искусства // Суворов А. В. Письма / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1986. С. 398—399. (Сер. Лит. памятники)). См.: 1995. Т. 8. С. 824.

С. 461. ...*мой сын, le roi de Rome...* — Своему сыну Жозефу Франсуа Шарлю (1811—1832) Наполеон дал титул короля римского.

С. 461. ...«*знойный остров заточенья*»... — Цитата из стихотворения Пушкина «Наполеон» (строфа с указанным стихом — 1824).

С. 461. ...*день ретирады*. — *Retirade* (нем.) — отступление, бегство.

С. 463. — *Это у Гоголя, в «Мертвых душах»...* — «Где моя юность, где моя свежесть!» — неточно процитированные слова, которыми заканчивается лирическое отступление в начале VI главы первого тома «Мертвых душ» (Гоголь, 2001. Т. 7. Кн. 1. С. 105).

С. 463. *Позор преследует меня!* — Возможный источник этой темы — трагедия Ж.-Б. Расина «Федра» (1677). Указано Т. В. Панюковой и Б. Н. Тихомировым.

С. 463. ...*где свою Анну получил...*; см. также с. 538, 543: ...*с Анной на шее...* — Императорский орден святой Анны имел четыре степени. Анна на шее — знак 2-й степени — крест, носимый на шее.

С. 464. ...*О, тошно мне, грустно мне!* — Парафраз цитат из песен: «Ох! тошно мне / На чужой стороне...» (1791, Ю. А. Нелединский-Мелецкий); «Ах тошно мне / И в родной стороне» (1823, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев); «Куда тошно мне, куда грустно мне...» («Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Дан. Кашиным». 1-е изд. М., 1833—1834; 2-е изд. М., 1841. Кн. 1—3); «На людской стороне, / На жилом берегу / Грустно мне, тошно мне / И сказать не могу» (1847, П. А. Вяземский) и др. (1995. Т. 8. С. 826).

С. 464. *Няня, где твоя могила!* — цитата из третьей части незавершенной поэмы Н. П. Огарева «Юмор» (1840—1877):

Няня, где твоя могила
У стены монастыря?

Третья часть поэмы была впервые опубликована в «Полярной звезде» на 1869 г. (Кн. 8. С. 161—171). Альманах вышел в ноябре 1868 г. (см. письмо А. И. Герцена к Г. Н. Вырубову от 22 октября (3 ноября) 1868 г.: Герцен. Т. 29. Кн. 2. С. 482). IV глава последней части романа «Идиот» появилась в декабре 1868 г. — в ноябрьском номере «Русского вестника».

С. 467. ...*на Каменный остров, чтобы застать Белоконскую...* — Каменный остров как место отдыха сановной знати упоминается Достоевским и в романе «Белые ночи» (1848; см. подробнее: 2, 180, 678).

С. 468. ...чтобы купили ему ~ «Историю» Шлоссера... — Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий историк. Его «Всемирная история» (1844—1856) издавалась в русском переводе в 1861—1869 гг. О чтении этого труда Достоевским свидетельствует посланный ему в конце августа 1862 г. счет книжного магазина А. Ф. Базунова, в котором значится: «Шлоссер, „История“, 3 части» (см.: Гроссман, *Жизнь и труды*. С. 116). В библиотеке Достоевского имелся первый том «Всемирной истории» (Библиотека. С. 147). 18 августа 1880 г., рекомендуя Н. Л. Озмидову книги для его дочери, Достоевский писал: «Хорошо прочесть всю историю Шлоссера» (Акад. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 212).

С. 469. ...еж — «просто еж и только ~ шалость, но во всяком случае невинная и прощительная». — Ср. в «Униженных и оскорбленных» об отношениях Алеши и Кати: «Я уверен, что когда они говорили между собой наедине, то рядом с серьезными „пропагандными“ разговорами Кати дело, может быть, доходило у них и до игрушек» (3, 389).

С. 477. О, конечно, и он замечал иногда ~ Раз уверовав, он уже не мог поколебаться ничем. — Возможно, отсылка к герою Сервантеса Дон-Кихоту, к «дон-кихотской слепой, несомневающейся вере» (Соломина-Минихен, 2016. С. 85).

С. 478. ...вам нужно самому пальцем пощупать, чтоб опять не поверить... — Ср. в евангельском тексте о неверии апостола Фомы: «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в бок Его; не поверю» (Ин. 20:25). Стих отчеркнут карандашом. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 275; Т. 2. С. 579.

С. 478. — Кто мог страдать больше, стало быть, и достоин страдать больше. — Ср.: «...Да и от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверили, с того больше взыщут» (Лк. 12:48); «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил; но при искушении даст и облегчение, так что вы будете в силах перенести» (1 Кор. 10:13). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 176, 450.

С. 479. Читали вы, князь, про одну смерть, одного Степана Глебова ~ быть таким односоставным человеком, как в тех веках... — Глебов Степан Богданович (ок. 1672—1718) — любовник первой жены Петра I Евдокии Лопухиной. Был осужден на «жестокую смертную казнь» по обвинению в заговоре против Петра и за связь с постриженной в монахини Лопухиной. Об обстоятельствах гибели Глебова Достоевский узнал из VI тома («Царевич Алексей Петрович») «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (СПб., 1859). Во включенном историком в этот том официальном донесении о казнях в Москве сообщалось, в частности: «...майор Степан Глебов, пытаный страшно, кнутом, раскаленным железом, горящими угольями, трое суток привязанный к столбу на доске с деревянными гвоздями и

при всем том ни в чем не сознавший, 25/16 марта посажен на кол часу в третьем пред вечером и на другой день рано утром кончил жизнь» (С. 224). Отмечая, что Глебов «просидел на коле пятнадцать часов» и «умер с чрезвычайным великодушием», Достоевский имел в виду и опубликованное Устряловым «объявление» иеромонаха Маркела, присутствовавшего при казни Глебова. В этом «объявлении» (от 16 марта 1718 г.) сообщается, что Глебов не принес «никакого покаяния» бывшим при нем в эти часы священнослужителям и только просил Маркела, чтобы тот «сподобил его Св<ятых> Таин, как бы он мог принести к нему каким образом тайно; и в том душу свою испроверг, марта против 16 числа, по полунощи, в 8 часу во второй четверти» (С. 219).

С. 479. ...*Остерманом*... — Остерман Генрих Иоганн Фридрих, в России — Андрей Иванович (1686—1747), дипломат, барон (1721), граф (1730). Родился в Вестфалии в семье пастора, на службе в России с 1704 г., сподвижник Петра I, после смерти которого удерживался на высоких постах. После дворцового переворота 1741 г. и воцарения Елизаветы Петровны предан суду, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Берёзов (ныне посёлок Берёзово в Тюменской области), где и умер.

С. 479. ...*не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь*... — Переключка с лермонтовскими строками («Бородино», 1837):

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...

(Лермонтов. Т. 1. С. 408).

С. 479. ...*нервнее, развитее, сенситивнее*... — Сенситивный (от лат. *sensitivus*) — чувствительный, восприимчивый.

С. 480. — *Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!*.. — Эти слова князя Мышкина могли быть навеяны стихотворением Н. П. Огарева «Мне снилось, что я в гробу лежу...» (1857—1858; впервые опубликовано в «Полярной звезде» на 1859 г. Кн. 5. С. 296—298; о чтении Достоевским в пору работы над романом «Идиот» многих номеров этого журнала и встречах с Огаревым см.: Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 11, 14, 20, 25 и др.; Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 220). Герой стихотворения, которому снится, что он стоит «у собственного гроба», обращается мысленно к своим близким:

Вы знаете так ясно, наизусть,
Что умереть для всех необходимо,
Как звуку замолчать... К чему же грусть?
Простясь со мной, светло грядите мимо.

(Полярная звезда. 1859. Кн 5. С. 296).

Указано В. Е. Ветловской.

С. 482. ...я упаду на гладком полу, или что-нибудь в этом роде выйдет... — Л. Ф. Достоевская вспоминала о сходном эпизоде: «Друзья Достоевского, начинающие писатели, оказались не в силах перенести его неожиданный успех. <...> Насмехались над его робостью перед женщинами: рассказывали, будто он, когда его представили какой-то юной красавице, так переволновался, что упал без чувств к ее ногам» (Достоевская Л. Ф., 2017. С. 65, 307). По воспоминаниям Д. В. Григоровича, такой случай произошел в начале 1846 г., когда «с Достоевским, представленным на вечере у Виельгорских красавице г-же Сенявиной, сделалось от волнения дурно» (Из записной книжки Д. В. Григоровича // Нива. Ежемесячные литературные приложения. 1901. № 11. Стлб. 393; отмечено С. В. Беловым — ЛН. Т. 86. С. 308). Указанный эпизод упомянут в эпиграмме <Послание Белинского к Достоевскому> («Витязь горестной фигуры...», 1846), написанной И. С. Тургеневым совместно с Н. А. Некрасовым и, возможно, И. И. Панаевым: «Но когда на раут светский, / Перед сонмище князей, / Ставши мифом и вопросом, / Пал чухонскою звездой / И моргнул курносом носом / Перед русой красотой...» (см.: Тургенев, Сочинения, 1978. Т. 1. С. 332, 544—546).

С. 483. Я ужасно люблю, что вы такой ребенок, такой хороший и добрый ребенок! — Ср. в «Униженных и оскорбленных» о Кате Филимоновой: «Она была совершенный ребенок, но какой-то странный, убежденный ребенок, с твердыми правилами и с страстной, врожденной любовью к добру и к справедливости» (3, 388).

С. 486. Казните сердце, пощадите бороду, как сказал Томас Морус... — Мор Томас (Sir Thomas More, 1478—1535; латинизированная форма его фамилии — Морус) — великий английский гуманист, один из основоположников утопического социализма, автор известного сочинения «Утопия» (1516). Обвиненный в государственной измене, был казнен английским королем Генрихом VIII как противник Реформации. Вероятно, еще в юности Достоевскому запомнился подробный и яркий очерк «Томас Морус и его „Утопия“», опубликованный без подписи в «Библиотеке для чтения» — журнале, который постоянно читался братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими (см.: Достоевский А. М., 1992. С. 71). О казни Мора там рассказывается, в частности, следующее: «В девять часов он передан был шерифу и пошел к эшафоту. Борода его была длинна; лицо бледное и худое <...>. Взойдя на эшафот, Морус стал на колени и прочел псалом. Палач стал просить у него прощения. Морус обнял его, сказав: „Ты оказываешь мне величайшую услугу, какую только я мог получить от человека. Исполняя свою обязанность, отсторию только мою бороду, потому что она чиста и непорочна; она никогда не изменяла”» (БдЧт. 1837. Т. 24. Отд. III. С. 95). См. также: Сын отечества и Северный архив. 1833. Т. 40. Отд. I. С. 269.

С. 486. *Mea culpa, mea culpa*... — Формула покаяния во время исповеди, принятая у католиков. Выражение это широко употребляется в значении «виноват и раскаиваюсь». Полностью: «*mea culpa, mea culpa*,

mea maxima culpa» — «моя вина, моя вина, моя величайшая вина». См.: Бабкин, Шендецов. Т. 2. С. 853—854.

С. 488. *Коля был ужасно поражен ~ в цирюльню.* — Как считает Г. Л. Боград, в сцене смерти и похорон генерала Иволгина отражены детали смерти старшего брата писателя М. М. Достоевского, произошедшей летом 1864 г. в Павловске на даче (Боград. С. 153).

С. 492. *Тут был, наконец, даже один литератор-поэт, из немцев ~ Когда-то он перевел с немецкого какое-то важное сочинение, какого-то важного немецкого поэта...* — По предположению А. Л. Бема, имеется в виду поэт и переводчик Эдуард Губер (1814—1847) (см.: Вокруг Достоевского. С. 308). См. также: Тихомиров, 2018. Т. 2. С. 454—455.

С. 492. *...за чистейшее золото, без лигатуры.* — Лигатура (от лат. ligare — связывать) — примесь меди или олова к золоту для придания ему большей твердости.

С. 497. *...история вышла какая-то... странная... с аббатом ~ статья иезуитом...* — Аббат (лат. abbas, от арамейского «абба» — отец) — настоятель католического монастыря; позднее — название католических священников. Иезуит — член Общества Иисуса (лат. Societas Jesu), основанного в 1534 г. св. Игнатием Лойолой и утвержденного в 1540 г. папой римским Павлом III. Иезуиты ставили своей целью защиту и расширение влияния католической церкви. Их противники, как внутри церкви, так и вне ее, обвиняли иезуитов в стремлении любыми средствами обеспечить себе власть над миром. В 1767 г. испанский король Карл III издал указ о запрете ордена, однако во многих местах правящие епископы разрешали бывшим иезуитам преподавать и служить на приходах. С конца 1790-х годов предпринимались попытки воссоздать Общество Иисуса под другими наименованиями. В 1814 г. папа Пий VII объявил о повсеместном восстановлении общества (см.: Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2009. Т. 21. С. 216—222).

С. 497. *Потому что все-таки человек был родовой, с состоянием, камергер...* — Камергер — (нем. Kammerherr) — придворное звание в монархических государствах. В России введено при Екатерине II. Первоначально камергер был должностным лицом при дворе, ведавшим какой-нибудь отраслью дворцового управления. С 1836 г. к званию камергера, которое носило уже характер почетного, представлялись только дворяне, состоявшие на службе в государственном аппарате и имевшие чин не ниже действительного статского советника.

С. 497—498. *...графиня К. тоже ~ католический монастырь за границей...* — Наиболее известны среди русских католиков XIX в. княгиня Э. А. Волконская, С. П. Свечина, М. А. Свистунова, М. С. Лунин, князь И. С. Гагарин, И. М. Мартынов, Е. П. Балабин, В. С. Печерин, С. С. Джунковский и др. (см.: Дмитриева Е. Е. Обращения в католичество в России в XIX в. (историко-культурный контекст) // Arbor mundi (Мировое древо). М., 1996. Вып. 4. С. 84—110;

Цимбаева Е. Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX в. М., 2015).

С. 498—508. — *Не христианская вера, во-первых! ~ посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...* — Суждения, близкие основной идее речи Мышкина в салоне Епанчиных, имеются в письмах к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г. (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 243—244), 18 февраля (1 марта) 1868 г. (Там же. С. 259—260), 15 (27) мая 1869 г. (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 39—42), 9 (21) октября 1870 г. (Там же. С. 145—147). В этой речи намечен основной комплекс философско-исторических идей, которые получили впоследствии развитие на страницах ДП. Вместе с тем речь Мышкина предваряет позднейшие славянофильские, «почвеннические» рассуждения Шатова (см.: Акад. ПСС. Т. 10—12), а также ряд аналогичных публицистических отступлений в «Братьях Карамазовых» (Там же. Т. 14—15).

С. 498. *Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле ~ Папа захватил землю, земной престол и взял меч...* — Упреки Достоевского могут быть связаны с традицией обличения Римской церкви западно-европейским «социальным христианством» в лице Ф. де Ламенне (1782—1854) и др. См. об этом: Кибальник С. А. 1) Гоголь, Достоевский и «социальное христианство» // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 150—158; 2) «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 70—93. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330970.pdf

С. 498. *...и кричит: «Non possumus!»* — «Non possumus» («Не можем») — слова, по традиции означавшие папский отказ удовлетворить требования светской власти. Восходят к «Деяниям святых апостолов» (Деян. 4:20). Особенную известность выражение это вновь обрело после того, как в 1860 г. Пий IX запретил Наполеону III уступить папскую область Романья итальянскому королю Виктору Эммануилу и отлучил последнего от церкви за присоединение этой области к Италии.

С. 498—501. *...римский католицизм даже и не вера ~ Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его...* — Обращение князя Мышкина в проповедника православия в какой-то степени аналогично трансформации личности Христа, изображенной в «Жизни Иисуса» Ренана: «Иисус уже более не иудей. Он становится радикальным реформатором: он призывает всех людей к новому культу, основанному исключительно на том, что они — дети Божии. Он провозглашает права человека, а не права иудея, религию человеческую, а не иудейскую, освобождение человека, а не иудея. Какая страшная бездна между ним и каким-нибудь Иудой Гавлонитом или Матфеем Марголотом, проповедывавшими общественный переворот во имя Торы! Религия человечества основана не на кровном, а на духовном единении! С Моисеем было покончено...» (Ренан, 1863. Р. 210).

С. 499. ...чтоб утолить жажду духовную...; см. также с. 501: ...из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу... — Мотив духовной жажды восходит к стихотворению А. С. Пушкина «Пророк» (1826). В данном случае речь идет о «русских атеистах» — теме, к которой Достоевский обратился и в неосуществленном замысле «Атеизм», возникшем параллельно работе над романом «Идиот» (см. ниже, с. 956—958). О «тоске по идеалу», «жажде великих идей», «дворянской тоске» позднее говорят Версилов и Аркадий Долгорукий в романе «Подросток» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 13. С. 373—374, 376—380; Т. 16. С. 45, 78, 282, 340—341, 367—368).

С. 499. ...не смей иметь собственности, не смей иметь личности, *fraternité ou la mort*... — Впервые ту же формулу Достоевский употребил в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «И вот в самом последнем отчаянии социалист провозглашает наконец: „Liberté, égalité, fraternité ou la mort“» (5, 92). Впоследствии он неоднократно возвращался к ней в полемическом контексте, подчеркивая внутреннюю противоречивость стремления к идеалам ценой смерти людей: в черновиках и печатном тексте романа «Бесы», публицистике ДП и др. (см., например: *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 473; Т. 11. С. 291; Т. 12. С. 319; Т. 21. С. 295; Т. 22. С. 89, 362). Этот лозунг времен Великой французской революции, ставший крылатым выражением, нередко иронически переосмысливался русскими писателями (см. подробнее: *Бабкин, Шендеров*. Т. 2. С. 803—804).

С. 499. ...два миллиона голов! — Слова эти восходят к эпизоду из XXXVII гл. «Былого и дум» (ч. V). Герцен размышляет об облике публициста-республиканца К.-П. Гейнцена (1809—1880), «этого Собакевича немецкой революции»: «...сангвинический, неуклюжий, он сердито поглядывал исподлобья и был не речист. Он впоследствии писал, что достаточно избить два миллиона человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу». Эти строки тем более остановили внимание Достоевского, что Герцен, совпадая с его точкой зрения, называет «филантропическую программу» Гейнцена «вредным вздором» и указывает истоки ее, прямо ссылаясь на принципы деятелей Великой французской революции: «...что за Мара<т>, переложенный на немецкие нравы, да и как требовать два миллиона голов?» (*Герцен*. Т. 10. С. 60—61). Мысль о том, что «жертвой <человеческих жизней> покупается счастье народа», высказывали Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов в прокламации «К молодому поколению» (1861) (*Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 341—342, 345; см.: 1995. Т. 8. С. 832—833).

С. 499. По делам их вы узнаете их... — Отсылка к библейскому тексту, ср.: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16, ср.: Иез. 14:22—23). Ст. 15—16 отчеркнуты карандашом. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 15.

С. 500. И не думайте, чтоб это было всё так невинно и бесстрашно для нас... — Бесстрашный (устар.) — безопасный (*Ефре-*

мова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 95).

С. 500. ...*доходят до последних столпов...* — Дойти до последних (Геркулесовых) столбов (столпов) — значит дойти до крайнего предела. В античной мифологии Геркулесовыми столбами называли скалы на берегах Гибралтарского пролива, которые, по легенде, воздвиг Геркулес (имя в латинской традиции; греч. Геракл) в память своих подвигов и в знак того, что далее нет пути человеку (*Рус. фразеология*. С. 668—669).

С. 500. ...*русская страстность наша: у нас козь в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет...* — Обращение в католичество представителей русского общества происходило не без влияния иезуитов. К ордену иезуитов принадлежали, например, князь И. С. Гагарин, И. М. Мартынов, Е. П. Балабин, С. С. Джунковский.

С. 501. «*Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет*». — По замечанию В. В. Виноградова, в 1840—1850 гг. слово «почва» «сближается с французским *terrain*», и под влиянием переносного словоупотребления складывается «новая фразеология» — «в слове *почва*, отчасти на основе его старого значения — „основание, фундамент“, отчасти на основе семантических толчков, идущих от французского языка, развивается фразеологически связанное переносное значение — „опора, основа, то, на чем можно утвердиться“» (*Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*. М., 1999. С. 529). В таком значении это слово использовали многие авторы, в том числе Достоевский (Там же. С. 530), для которого оно ассоциировалось с национальной средой, народными основами жизни и христианской верой. Мысль, высказанная в «Идиоте», перефразируется в романе «Бесы» (слова Шатова): «А у кого нет народа, у того нет и Бога!» (*Акад. ПСС*. Т. 10. С. 34).

С. 501. ...*образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались...* — Хлыстовщина, от названия секты хлыстов (самоназвание — «люди Божьи»), возникшей в середине XVII в. В XVIII в. хлыстам покровительствовала московская аристократия: граф П. Б. Шереметев, княгиня М. Ю. Черкасская, княжна Д. Ф. Хованская и др. В начале XIX в. идеи хлыстовства распространялись в кружке Е. Ф. Татариновой, участниками которого были представители петербургской знати: обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, генерал Е. А. Головин, вице-президент Академии Художеств А. Ф. Лабзин, обер-гофмейстер Р. А. Кошелев, живописец В. Л. Боровиковский и др. Деятельность кружка Татариновой была признана не соответствующей духу православного учения и запрещена в 1837 г. См. также ниже, с. 984.

С. 502. *Ваза покачнулась ~ и рухнула на пол.* — По предположению А. Л. Бема, источником этой сцены является роман Стендаля «Красное и черное»: «Кстати, обращаю внимание на эпизод со „старинной японской вазой“, разбитой Жюльеном в гостиной г-жи де-ла-Моль <...>, напоминающий соответствующее место в „Идиоте“. Не

дает ли эта мелочь права поставить более серьезный вопрос о связи образа Аглаи с Матильдой де-ла-Моль?» (Бем А. Л. «Пиковая дама» в творчестве Достоевского // *Вокруг Достоевского*. С. 446).

С. 504. ...чиновника Швабрина три месяца назад от ссылки спасли? — Фамилия вызывает ассоциации с «Капитанской дочкой» (1836) Пушкина. Здесь Алексей Иванович Швабрин — офицер, посланный за поединком в Белогорскую крепость.

С. 505. ...действительно ли весь этот верхний слой русских людей уж никуда не годится ~ с людьми... будущими... — Выражением «верхний слой русских людей» обозначено дворянское сословие. Ср. с лексически близкими вариантами в ДП: «самим верхним сословием» (Акад. ПСС. Т. 22. С. 31), «верхние слои культурных людей в России», «верхним слоем культурных людей», «между простонародьем и верхним культурным слоем» (Там же. С. 110), «верхний культурный слой русский» (Там же. Т. 23. С. 46), «верхнее общество» (Там же. С. 160), «народ невольно признает верхних людей» (Там же. Т. 26. С. 31), «нашего верхнего над народом стоящего общества» (Там же. С. 143). Критикуя дворян в духе почвеннических идей, Достоевский подверг тему всестороннему анализу. В «Подростке» говорится о дворянстве как символе «высшей идеи», под которой понимается «идея чести и просвещения». В определении героя романа, Версилова, дворянство — это не столько сословие, сколько «собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» (Там же. Т. 13. С. 177—178). Образ «лучших людей» указывает на несоциальное, духовное содержание этой темы. В ДП тема «верхнего слоя русских людей» представлена, в частности, в «споре» Достоевского с героем романа «Анна Каренина» Левиным, который назван «московским баричем средне-высшего круга» (Там же. Т. 25. С. 205). Роман «Идиот» во многом превосходит развитие указанной проблематики: слова князя Мышкина о людях «будущих» близки к более поздним рассуждениям Достоевского и его героев о «лучших людях» (см.: Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873—1876) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 12. С. 99—107).

В речи князя Мышкина о дворянстве усматривают полемику с идеями Л. Н. Толстого. Об этом одним из первых писал А. Л. Бем (и он же указал на возможную неслучайность имени и отчества главного героя). Бем размышлял о споре между родовым дворянином «князем Сережей» (Сергеем Петровичем Сокольским) и Версильовым в романе «Подросток» (см.: Акад. ПСС. Т. 13. С. 177—178, 374) и указывал, что идеи Версильова были уже свойственны Мышкину. «В разговоре этом Достоевским высказана одна из самых дорогих ему идей о духовном дворянстве, о том, что Версильов определяет выражением: „gentilhomme avant tous“, едва ли не противопоставляя его толстовскому понятию „comme il faut“. Идея эта уже раньше волновала князя Льва Николаевича (и случайно ли Льва Николаевича?) Мышкина» (Бем А. Л. Художественная полемика с Толстым: (К понимаю

«Подростка») // *Вокруг Достоевского*. С. 546). См. также: Ковач Арп. С. 323—326; Тусичишый А. П. Диалог с Н. М. Карамзиным в романе «Идиот» // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 1. С. 186—187.

С. 505. — Ну, опять застучал!.. — Стучать языком (прост., неодобр.) — болтать, тратить время на пустые разговоры. См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007. С. 771.

С. 506. Мне двадцать седьмой год, а ведь я знаю, что я как ребенок. — Ср. в «Жизни Иисуса» Ренана: «Не имея никакого понятия о действительной жизни, свикшись с галилейским коммунизмом, он сплошь и рядом высказывал наивности, которые должны были в Иерусалиме производить странное впечатление. Его фантазию, его любовь к природе стесняли эти стены» (*Ренан*. 1863. Р. 338).

С. 507. Вы думаете, я утопист? Идеолог? ~ равенства оратор? — Отсылка к стихотворению Д. В. Давыдова «Современная песня» (1836): «Деспотизма супостат, / Равенства оратор... <...> Все вокруг стола — и скок / В кипеть совещанья / Утопист, идеолог, / Президент собрания...» (Давыдов Д. И. Стихотворения. Л., 1984. С. 115, 117). Об этом стихотворении Достоевский писал в ДП за 1876 г. (*Акад. ПСС*. Т. 23. С. 32, 365). См.: 1995. Т. 8. С. 834.

С. 507. Я ведь сам князь исконный ~ Станем слугами, чтоб быть старшинами. — Эти слова Мышкина восходят к завету Христа апостолам: «Иисус же, подозревая их, сказал: вы знаете, что князи народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами не должно быть так: а кто из вас хочет быть большим, тот будь вам слуга <...>» (Мф. 20:25—26; см. также: Мк. 9:35; Лк. 14:11, 18:14). Ст. 25 в Евангелии от Матфея отчеркнут ногтем. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 52, 106, 180—181, 191; Т. 2. С. 261—262, 356—357; Соломина-Минихен, 2016. С. 177.

С. 508. ...«духа сотрясшего и повергшего»... — Аллюзия на евангельский текст: «Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым. Всякой раз, когда схватывает его, терзает; и он испускает пену, и скрежещет зубами и сохнет. Я просил учеников Твоих, чтобы выгнали его; но не могли» (Мк. 9:17—18; ср.: Лк. 9:42). Исцеление бесноватого происходит через обращение к Богу — отец отрока по слову Христа молится: «...верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 104—105, 163. О «духе немом и глухом» говорится в «Преступлении и наказании» (6, 99); исследователи связывают данный образ с «семантикой бесовской одержимости» (Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2016. С. 191; см. также: Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Логика положений: («Тот свет» в «Преступлении и наказании») // *Д, Материалы и исследования*. Т. 14. С. 127; Сыроватко Л. В. Фотодосия у Достоевского. Светопись «великого пятикнижия»: общий очерк // *Достоевский: Философское*

мышление, взгляд писателя / Под ред. С. Алоэ. СПб., 2012. С. 383). В тексте романа «Идиот» указанная евангельская аллюзия связана с темой эпилепсии героя. Описание эпилептических припадков князя Мышкина автобиографично, о чем можно судить по воспоминаниям А. Г. Достоевской: «В последний день Масленицы мы обедали у родных, а вечер поехали провести у моей сестры. Весело поужинали (тоже с шампанским, как и давеча), гости разъехались, а мы остались посидеть. Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. В то же время раздался громкий крик моей сестры, сидевшей рядом с моим мужем. Она вскочила с кресла и с истерическими рыданиями выбежала из комнаты. Мой зять бросился за нею. Впоследствии мне десятки раз приходилось слышать этот „нечеловеческий“ вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 166). Об отношении к эпилепсии в семье Достоевских свидетельствуют следующие слова: «...уменьшение и ослабление припадков было для нас большим благодеянием Божиим» (Там же. С. 115). См. выше, с. 535, 717 и др.

С. 513. ...ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума ~ глупости... — Скорее всего, имеется в виду ставшее крылатым латинское выражение «Nil (Nihil) admirari» («Ничему не удивляйся»), принадлежащее Горацию (65—8 г. до н. э.) — см. его «Послания». Кн. 1, № 6. Ст. 1 (Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Ред., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1970. С. 333):

Сделать, Нумидий, счастливым себя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть — «ничему не дивиться».

С. 515. *И может быть, на мой закат печальный...* — Цитата из стихотворения Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830).

С. 516. ...и корабли сжигать иногда можно... — Сжигать (сжечь) корабли — решительно порвать с прошлым; делать невозможным возврат к прежнему состоянию, отрезая путь к отступлению. Происхождение афоризма объясняют по-разному, возводя его: 1) к «Энеиде» Вергилия, в которой есть эпизод сожжения кораблей троянками, уставшими от скитаний после бегства из Трои и желающими остановиться; 2) к имени древнегреч. полководца Агафокла (361 или 360—289 до н. э.), который в схватке с карфагенянами сжег свои корабли, чтобы отрезать путь к отступлению, и начал наступать на противника; 3) к фр. brûler ses vaisseaux (идиом. сжечь свои корабли, идти напролом), восходящему к соответствующей военной тактике, которая делает отступление невозможным. См. подробнее: *Рус. фразеология*. С. 341—342.

С. 516. ...за пансионерку какую-то принимаете... — Пансионерка (от фр. pension) — учащаяся пансиона, т. е. частного или государственного закрытого учебно-воспитательного заведения, где воспитанники находятся на полном или частичном обеспечении (БАС₂. Т. 15. С. 337).

С. 517. ...он самой Настасьи Филипповны боялся. — Чувства, которые князь Мышкин иногда испытывает по отношению к Настасье Филипповне в конце романа, находят пародийные аналогии в восприятии ее Тоцким и генералом Епанчиным в его начале (8, 43, 290—291).

С. 517. ...в легоньком бурнусике. — Бурнус (фр. bougnous, заимств. из араб. — широкий плащ) — просторное пальто (плащ) с широкими рукавами и капюшоном (Фасмер. Т. 1. С. 247; БАС₂. Т. 2. С. 267).

С. 519. — Удержите ваш язык; я не этим вашим оружием пришла с вами сражаться... — Метафора «язык как оружие» восходит к Апокалипсису: «Он держал в правой руке своей семь звезд; и из уст его выходил острый с обеих сторон меч; и лице его, как солнце сияющее в силе своей» (Откр. 1:16). Ср. в послании св. апостола Павла к Ефессянам: «...и шлем спасения возмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:17). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 583, 508; Касаткина Т. А. «Я великая, великая грешница...»: Богословие греха в «Преступлении и наказании» и «Идиоте» // *Достоевский и мировая культура*. Филол. журнал. 2020. № 1. С. 22.

С. 520. ...мне стало жаль князя Льва Николаевича в первый раз в тот самый день, когда я с ним познакомилась ~ Мне потому его стало жаль, что он такой простодушный человек... — Ср. объяснения любви Наташи к Алеше в «Униженных и оскорбленных»: «Она, может быть, полюбила его — как бы это сказать?.. Как будто из какой-то жалости. Великодушное сердце может полюбить из жалости...» (3, 391), «— Мне его всё как будто жалко. — И мне тоже, — отвечала Наташа» (3, 445), «Катя давеча хорошо сказала: я именно любила его так, как будто мне всё время было отчего-то его жалко...» (3, 447).

С. 521. ...всякий, кто захочет, тот и может его обмануть, и кто бы ни обманул его, он потом всякому простит, и вот за это-то я его и полюбила... — Это объяснение Аглаи своей любви к Мышкину внутренне соотносено в романе с возмущением теми же его чертами Лизаветы Прокофьевны. Ср. ее диалог с Мышкиным о Гане: «— Я хорошо знаю, что он меня иногда обманывает, — неохотно произнес князь вполголоса, — и он знает, что я это знаю... — прибавил он и не договорил.

— Знать и доверяться! Этого недоставало! Впрочем, от тебя так и быть должно. И я-то чему удивляюсь. Господи! Да был ли когда другой такой человек! Тьфу!» (8, 294).

С. 523. Но вдруг что-то новое заблестало в глазах ее ~ он тотчас же бросит тебя и останется при мне навсегда, и женится на мне, а ты побежишь домой одна? — Внезапная перемена в об-

ращении Настасьи Филипповны с Аглаей отзовется впоследствии в «Братьях Карамазовых» в сцене встречи Катерины Ивановны в ее доме с Грушенькой (Акад. ПСС. Т. 14. С. 138—140).

С. 524. *И я, чтобы только тебя развязать, от тебя убежала...* — Ср. слова Наташи в «Униженных и оскорбленных»: «Но знайте, что я сама, еще два дня тому, здесь одна, решилась освободить его от его слова, а теперь подтверждаю при всех. Я отказываюсь!» (3, 355).

С. 525. *...туземцы, дачники...* — Здесь — от «туземец» как коренной житель какой-либо местности, в противоположность приезжему или иностранцу (БАС, Т. 15. Стлб. 1109) — житель Павловска.

С. 526. *...увлекся известною лореткой...* — Лоретка (фр. *lorette*) — женщина легкого поведения (Фасмер. Т. 2. С. 520).

С. 526. *...помешавшийся на современном нигилизме, обнаруженном господином Тургеневым...* — Имеется в виду роман Тургенева «Отцы и дети» (1862), с появлением которого современники связывали применение слова «нигилизм» для характеристики умонастроений тогдашней разночинно-демократической молодежи. В полемике, развернувшейся вокруг романа, позиция того или иного направления критики определялась прежде всего отношением к базаровскому нигилизму (см. об этом: Тургенев, Сочинения, 1978. Т. 7. С. 436—456). Достоевский высоко оценивал «Отцов и детей» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писал о Тургеневе и его герое: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (5, 67; подробнее об отношении Достоевского к образу Базарова см. в коммент. к роману «Бесы» — Акад. ПСС. Т. 12. С. 173—178, 282, 296, 354, 361).

С. 527. *...потерянная женщина в глазах его даже еще несколько выше, чем не потерянная.* — Аллюзия на притчу, рассказанную Христом фарисеям, которые роптали по поводу того, что Христос принимает грешников (Лк. 15:1—10). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 182—183; Касаткина Т. А. «Я великая, великая грешница...»: Богословие греха в «Преступлении и наказании» и «Идиоте». С. 23.

С. 530. *Переехали все теперь в Колмино...* — Возможно, имеется в виду Колпино, поселок, а с 1912 г. город, расположенный на р. Ижоре (1995. Т. 8. С. 836); ныне входит в состав Колпинского района Санкт-Петербурга.

С. 532. *...почти фантастическом для вас городе...* — Образ призрачного, фантастического, демонического города-миража встречается у предшественников Достоевского в развитии петербургской темы — А. С. Пушкина («Пиковая дама», «Медный всадник») и Н. В. Гоголя («Невский проспект» и «Петербургские повести» в целом). Достоевский обращался к этой теме в раннем творчестве («Двойник», «Белые ночи», «Петербургские сновидения в стихах и прозе»), но и в более позднее время, в романе «Подросток», звучит ее отголосок — в упоминании названных пушкинских текстов: «...замечу, что считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всем земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире. Это мое

личное воззрение или, лучше сказать, впечатление, но я за него стою. В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из „Пиковой дамы“ (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“» (Акад. ПСС. Т. 13. С. 113).

С. 532. ...*во храме прощена была женщина ~ ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения?* — Отсылка к евангельскому тексту: «Иисус, восклонясь и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус же сказал ей: и Я тебя не осуждаю. Поди, и впредь не греши» (Ин. 8:10—11). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 238. В этом эпизоде речь идет о неосуждении: Иисус отпустил грешницу, не говоря, «что она не виновата, но сделал ей предостережение, чтобы впредь она не согрешала <...> Здесь Христос обнаруживает Свое милосердие, как пришедший не судить, а спасать» (*Толковая Библия*. Т. 9. С. 393). См. с. 550—552.

С. 534. — *Как же? Стало быть, обеих хотите любить?* — О, да, да! — *Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!* — Ср. разговор Бельтова с Круциферской в романе «Кто виноват?» Герцена: «...позвольте, разве непременно вы должны отвернуться от одного из сочувствия к другому, как будто любви у человека дается известная мера? — Может быть, но я не понимаю любви к двоим» (*Герцен*. Т. 4. С. 174).

С. 535. *Я... я скоро умру во сне; я думал, что я нынешнюю ночь умру во сне.* — В дневнике жены Достоевского есть запись о том, что приступы эпилепсии всегда сопровождались у него страхом смерти, и подробный рассказ об одном ночном припадке, после которого писатель боялся умереть во сне (см.: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 200).

С. 537. ...*поднял кверху правую руку с разогнутым указательным пальцем и прокричал в виде клятвы: — Не пью!* — Поднятый вверх указательный палец (или три пальца — большой, указательный и средний) — жест во время принесения присяги.

С. 537. ...*принцессу де Роган...; см. также вариант РВ: ...или по крайней мере де Шабо.* — Роганы и Шабо — два древнейших и знаменитых княжеских рода Франции; в XVII в. их представители вступили в брак, положив начало ветви Роганов-Шабо. О «благородстве» (знатности) Роганов упоминает Достоевский в «Подростке» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 13. С. 247; Т. 17. С. 382).

С. 537. ...*хотят даже шаривари устроить под окнами...* — Шаривари (фр. charivari) — здесь: резкие звуки, шум, сумбурное пение,

свист, производимые перед домами лиц, вызывавших общественное неудовольствие.

С. 538. ...под казенную опеку взять... — Т. е. объявить недееспособным и назначить опекунство через государственные инстанции. Аналогичная интрига по отношению к герою-князю ранее была обыграна в «Дядюшкином сне», а затем использована в сюжете «Подростка» применительно к старому князю Сокольскому.

С. 538. ...он рожден Талейраном... — Имя французского дипломата, министра иностранных дел при трех режимах Шарля-Мориса де Талейрана-Перигора (1754—1838), стало нарицательным для обозначения человека ловкого и беззастенчивого. В письме А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. Достоевский замечал, что среди барнаульских жителей множество «доморожденных Талейранов» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 252). Талейран упоминается Достоевским неоднократно, впервые — «как символ ловкости и изворотливости в достижении поставленных целей» — в переводе романа О. де Бальзака «Евгения Гранде» (1, 332, 790). Определение героя как «рожденного Талейраном» встречается в стихотворении Г. Гейне «Подслушанное» (1853—1854). См. подробнее: Подосокорский Н. Н. 1) Образы «Талейранов» и наполеоновский миф в творчестве Ф. М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 25. С. 251, 253, 264—265; 2) «Рожденный Талейраном»: (Образ Лебедева в свете талейрановской легенды) // *Достоевский и современность*. Чт. 20 (2005). 2006. С. 256—268.

С. 543. — Что я делаю! Что я делаю! Что я с тобой-то делаю! — восклицала она, судорожно обнимая его ноги. — Возможно, отсылка к эпизоду в Евангелии от Матфея, где «Мария Магдалина вместе с другими мироносицами обнимает ноги Христа по Его Воскресении» (Мф. 28:1, 9—10) (*Соломина-Минихен, 2016*. С. 61). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 78—79. Ср. размышления Наташи Ихменевой об Алеше Валковском в «Униженных и оскорбленных»: «...я гублю его будущность. Надо освободить его. Жениться он на мне не может; он не в силах пойти против отца. Я тоже не хочу его связывать. И потому я даже рада, что он влюбился в невесту, которую ему сватают. Ему легче будет расстаться со мной. Я это должна! Это долг... Если я люблю его, то должна всем для него пожертвовать, должна доказать ему любовь мою, это долг!» (3, 258).

С. 544. «Деною жизни ночь мою!..» — Цитата из поэмы Пушкина о Клеопатре («Чертог сиял, гремели хором...»), вошедшей в состав повести «Египетские ночи» (1835). О роли этой поэмы в творческой истории романа «Идиот» см. выше, с. 482, 526. О «Египетских ночах» в контексте журнальной полемики 1861 г. см. статью Достоевского «Образцы чистосердечия» и коммент. к ней (*Акад. ПСС*. Т. 19. С. 91—104; 292—295).

С. 546. «Утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам...» — Неточная цитата из Евангелия от Матфея (Мф. 11:25), см. выше, с. 510—511, 609.

С. 546. ...Он и все святые Его!» — Ср. в Первом послании св. апостола Павла к Фессалоникийцам: «А в вас Господь да умножит с преизбытком любовь друг ко другу и ко всем, подобно той, какова наша к вам; чтобы утвердить сердца ваши в святости непорочными пред Богом и Отцем нашим, в пришествие Господа нашего Иисуса Христа, со всеми святыми Его. Аминь» (1 Сол. 3:12—13) (см. также: Зах. 14:5; Мф. 25:31). Ср.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 528, 67; Т. 2. С. 690.

С. 547. *Выходило, стало быть, что одной ей он нашел возможным и нужным сообщить в эту минуту, что отправляется в город.* — Возможно, аллюзия на евангельские рассказы о последних днях Христа. Образ Веры Лебедевой, по всей видимости, в какой-то мере ориентирован на евангельский образ Саломеи, жены Зеведея, которая, по характеристике Ренана, «была очень привязана к Иисусу и сопровождала его вплоть до самой его смерти» (*Ренан*, 1863. Р. 151).

С. 549. ...*съездить в Семеновский полк...* — Так назывался в обиходе район Петербурга, примыкающий к Загородному проспекту (по месту расположения казарм лейб-гвардии Семеновского полка). 22 декабря 1849 г. на плацу Семеновского полка Достоевскому и другим петрашевцам был прочитан смертный приговор (см.: 1995. Т. 8. С. 839).

С. 551. ...*французский роман «Madame Bovary»...* — Роман Г. Флобера (1821—1880) «Госпожа Бовари» (1857), о котором Тургенев отзывался как о «самом лучшем произведении во всем литературном мире за последние 10 лет», Достоевский читал летом 1867 г. (см.: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 141). Согласно более позднему (1880 г.) свидетельству, писатель ценил Флобера именно за этот роман (см.: *Микулич В.* Встречи с писателями. Л., 1929. С. 155). О значении флоберовского романа в сюжете «Идиота» см. коммент. на с. 604, 641 и работы: *Чернова Н. В.* Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) // *Д, Материалы и исследования*. Т. 19. С. 192—202; *Гальцова Е. Д.* О переводе «французского характера в русские буквы»: флоберовские мотивы в творчестве Достоевского // Романский коллегийум. Вып. 6, посв. памяти И. В. Лукьянец. Французские пассажи Ф. М. Достоевского / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2014. С. 98—109.

С. 552. ...*князь в прежнем трактире остановился...* — Здесь: в гостинице с рестораном (см.: *БАС*, Т. 15. Стлб. 796).

С. 556. ...*на белевших кружевах ~ ужасно был неподвижен.* — По мнению Р. Г. Назирова, эта художественная деталь восходит к повести О. де Бальзака «Неведомый шедевр» (1831): на загубленной картине Френхофера кончик обнаженной ноги выделялся из хаоса красок, тонов и оттенков как «торс какой-нибудь Венеры из паросского мрамора среди руин сожженного города» (см. подробнее: *Назирова*, 2005. С. 14—15). Сближению мертвого тела Настасьи Филипповны с изображением статуи способствует композиционная параллель: в квартире героини стоит «огромная статуя Венеры» (8, 149), см.: *Ермилова Г. Г.* «Пушкинская» цитата в романе «Идиот» // «Идиот»: разду-

мья, проблемы. С. 71, а также выше, с. 603. А. Е. Кунильский считает, что изображение мертвого тела Настасьи Филипповны является парафразой стихотворения К. Н. Батюшкова «Свершилось: Никагор и пламенный Эрот...» (1817—1818), в котором описаны «развалины роскошного убора» побежденной Аглаи, а также отсылает к описанию мертвого тела Маргариты Готье: «Большой белый саван покрывал труп, обрисовывая его линии. Саван был почти совершенно изъеден в одном конце и обнажал ногу покойницы» (Дюма (сын). С. 51). См.: Кунильский, 2006. С. 275—276.

С. 557. — Я ее клеенкой накрыл ~ Это как там... в Москве? — См. об этом выше, с. 543—544.

С. 562. ...она, после короткой и необычайной привязанности к одному эмигранту, польскому графу, вышла вдруг за него замуж... — Ср. так и не разгаданный для читателя брак Тоцкого с иностранкой (8, 171).

С. 563. ...комитета по восстановлению Польши ~ знаменитого патера... — В поддержку восстания в Польше по всей Европе организовывались комитеты. Наиболее влиятельными был Центральный французско-польский комитет, а также Парижский комитет польской эмиграции. Задачей комитетов было восстановление независимости Польши. Патер (лат. pater — отец) — католический священник.

С. 563. Бедной Лизавете Прокофьевне хотелось бы в Россию, и, по свидетельству Евгения Павловича, она желчно и пристрастно критиковала ему всё заграничное... — Ср. реплику Потапыча Антониде Васильевне Тарасевичевой в «Игроке»: «Ох, уж эта мне заграница! — заключил Потапыч. — Говорил, что не к добру. И уж поскорей бы в нашу Москву! И чего-чего у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, — нет: надо было за границу! О-хо-хо!..» (5, 313). Ср. также слова самой Антониды Васильевны перед самым ее отъездом на родину, куда она отправляется, чтобы исполнить «обещание церковь из деревянной в каменную перестроить» (5, 310): «Подлинно, Бог и на старости взыщет и накажет гордыню» (5, 321).

С. 563. ...зиму, как мыши в подвале, мерзнут... — Жалоба Лизаветы Прокофьевны почти текстуально совпадает со словами Достоевского в письме к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г.: «2 недели было холоду, небольшого, но по подлому, низкому устройству здешних квартир мы мерзли эти 2 недели как мыши в подполье» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 10).

Подготовительные материалы

Подготовительные материалы к «Идиоту» представлены в трех записных тетрадах, хранящихся в РГАЛИ (см. с. 464): из них первые две — переплетенные тетради обычного формата, последняя — не-

большого размера записная книжка. В них Достоевским занесены наброски и заметки, отражающие ход творческой работы над романом. Задача воспроизведения этих материалов сложна по двум причинам. Во-первых, наброски к «Идиоту» в тетрадях перемежаются с черновыми записями к «Преступлению и наказанию», «Вечному мужу», «Картузову» и другим замыслам (см. выше, с. 436, а также: *Акад. ПСС. Т. 11. С. 31—57*). Во-вторых, записи появлялись в самых различных местах — в начале, середине, конце тетради, по-видимому заполняя страницы, оставшиеся свободными к тому или иному моменту работы писателя.

В рукописях «Идиота» есть авторские даты, по которым устанавливается ход творческого процесса. В тетради № 3 с набросками к «Идиоту» таких дат 13 (с 14 сентября по 27 октября 1867 г.),¹ в тетради № 4 — 14 (с 29 октября по 11 ноября 1867 г.),² в тетради № 5 — 60 (с 7 марта по 11 ноября 1868 г.).³ Последовательность записей в тетрадях № 3 и 4 с немногочисленными датами, имеющими отношение к романному замыслу, устанавливается с меньшими затруднениями, чем в тетради № 5, где много дат, — так как в первых тетрадях больше признаков связного повествования. Датирование набросков, по-видимому, было нужно автору, чтобы систематизировать материал, учитывая нагромождение планов, не всегда связанный характер записей, появление помет на полях (которые иногда датировались отдельно и в дополнение к датам в основном тексте⁴), не постраничное изложение мыслей, записывание текста в разных направлениях — в прямом, обратном, вдоль страниц тетради. На эту же задачу указывают и авторские пометы, которые иногда появляются возле дат — на <с. 53>: «(15 апреля вопрос: Порядок?)», на <с. 55>: «16 апреля. Устроение материала».

¹ Имеются в виду только те даты, которые проставлены автором в набросках в роману «Идиот». *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5*: 14 сентября (2 раза), 4 (16) октября, 17 окт<ября>, 18 октября (3 раза), 22 октября (5 раз), 27 октября <1867 г.>.

² *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6*: 29 октября (2 раза), 30 октября (и «Заметки к теме 30 октября»), 1 ноября (2 раза), 2 ноября (и «Ноября 2»), «Из последнего 3 ноября», 4 ноября (2 раза), 6 ноября, 10 ноября, «11 ноября/30 X» <1867 г.>.

³ *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7*: 7 марта, 9 марта, 10 марта (2 раза), 11 марта (2 раза), 12 марта (2 раза), 13 марта (2 раза), 14 марта, 15 марта (2 раза), 16 марта (4 раза), 17 марта, 19 марта, 20 марта (2 раза), 21 марта, 30 марта, 1 апреля, 8 апреля, 9 апреля, 10 апреля (3 раза), 14 апреля, 15 апреля (3 раза), 16 апреля (3 раза), 17 апреля (3 раза), 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 28 <апреля>, 21 мая, 24 мая (2 раза), 10 июня, 11 июня, 28 июля, 8 сентября, 15 сентября, 4 октября (ноября), 6 октября, 15 октября (5 раз), 7 ноября, [8] 11 ноября <1868 г.>.

⁴ Например, на полях <с. 104> (*РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7*) заметка, обведенная чертой, с датой «10 апреля»; справа от основного текста на <с. 91> запись с датой «16 апреля» <1868 г.>.

Понятнее всего порядок записей в связном изложении, когда повествование продолжается при последовательном переходе со страницы на страницу. Но в тех случаях, когда это не связный текст, а разработка разных сцен, или разрозненные наброски, или планы, определить ход записей труднее. В тетради № 5 много именно таких случаев: дата не проставлена автором, на нескольких страницах подряд расположены планы и отдельные сцены — и не всегда ясно, в какой последовательности они были записаны. При отсутствии дат ориентиром для определения порядка записей служат особенности почерка, цвет чернил и содержание текста.

Рукописи «Идиота» были впервые подготовлены к печати П. Н. Сакулиным совместно с Н. Ф. Бельчиковым (см.: Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы. М.; Л.: ГИХЛ, 1931). Сакулин воспроизвел текст черновых материалов полностью, за исключением двух случайно не замеченных набросков в тетради № 3 на <с. 3> (на полях возле заметок к роману «Преступление и наказание») и <с. 9> (см. с. 138, 147). Ему же принадлежит первый опыт расположения записей, по возможности воспроизводящего логическую и хронологическую последовательность творческого процесса. При этом исследователь руководствовался указанными выше критериями: датами и пометами самого Достоевского, содержанием записей, а также внешним видом рукописи и характером почерка. В дополненном виде рукописи «Идиота» опубликованы в *Акад. ПСС* (Т. 9. С. 140—288). Новое обращение к записным тетрадам помогло уточнить ряд неверно разобранных ранее слов и устранить некоторые противоречия в принятой ранее компоновке записей Достоевского.

Так как размещение чернового материала в отдельных трудных случаях неизбежно остается проблематичным, остановимся на некоторых, наиболее сложных из них.

Среди заметок к «Преступлению и наказанию» на <с. 15, 16> в тетради № 3 есть записи с пометой «Nota bene», варьирующие мотивы скитаний Идиота и Миньоны по Петербургу, кражи денег Отцом семейства, его ухаживаний за кухаркой и смерти. Эти мотивы разрабатывались в сентябре—октябре 1867 г. в самых первых заметках на <с. 26—32, 35—41> (сделанных одним и тем же почерком, одинаковыми чернилами). Верхняя часть <с. 41> перечеркнута, над вычеркнутым текстом поставлена помета «NB)», под такой же пометой записано продолжение «Главный характер идиота», от которого проведена соединительная линия к последующим заметкам под заголовком «NB. NB. NB» и цифрами «1)», «2)», «3)» (см. с. 116—117). Поэтому мы помещаем указанное «Nota bene» после <с. 41> (в *Акад. ПСС* эти записи помещены между <с. 40 и 41>, разрывая текст, см.: Т. 9. С. 145—146). Сакулин расположил указанные записи после <с. 84>, когда Героиня (в «Nota bene» на <с. 15, 16> так) уже устойчиво называется именем Геро, и перед <с. 19>, которая заполнена датированными 17 октября н. ст. «Отметками к главному плану», где Отец семейства не упоминается, — ср. с. 132.

Для тетради № 4 принята иная последовательность расположения страниц, завершающих планы ПМ₁ (ноябрь 1867 г.). По Сакулину, порядок заполнения страниц, в частности, был следующий: <с. 142, 144, 141, 140, 139, 138, 137, 136, 123, 122, 124, 125, 126, 127, 131, 130, 129, 128, 111, 120, 116, 117, 118, 119, 114>. В *Акад. ПСС* и в настоящем томе фразы, записанные на заключительных страницах тетради (<144, 142>), сняты как скорее всего не относящиеся к «Идиоту», а далее помещен текст, расположенный на <с. 141, 140, 139, 138, 137, 136, 131, 130, 129, 128, 127, 126, 124, 125, 123, 122, 120, 111, 116, 117, 118, 119, 114>, т. е. в основном выдержана последовательность, обратная нумерации страниц в тетради. Общее соображение о том, что Достоевский, перевернув тетрадь и начав с конца, продолжал писать на свободных страницах, подтверждается авторскими пометами. В верхнем углу <с. 131>, которая открывает новый план, значительно отличающийся от всех предшествующих, Достоевским обозначено «1 стра<ница>», а на <с. 129> — «4 стра<ница>» (см. с. 195—198). Авторская нумерация записей содержится также на <с. 124, 125> (цифры «1», «П») и на <с. 116, 117, 118, 119, 114> (цифры «1»), «2»), «3»), «4»), «5»)). План, одним из поворотных моментов которого является предположение о женитьбе Генерала на воспитаннице, озаглавлен «Белый план. Точки» (<с. 131>). Заметки от 10 ноября н. ст., названные «Еще точки» (<с. 123, 122>), помещены нами не перед ним, как у Сакулина, а после него. Доводы в пользу принятого размещения материала, основывающиеся на авторских пометах, подкрепляются и логикой развития повествования, которое движется от введения и объяснения отсутствовавших ранее линий сюжета и характеров к их более детальной разработке (см. с. 195—219).

В тетради № 5 Достоевский оставил страницу, озаглавив ее «Нота-бены и Словечки», и затем заполнял ее в разное время, вплоть до разработки финальных сцен романа (<с. 16>). По этой причине невозможно определить точное место размещения этих разновременных заметок в составе подготовительных материалов — правильнее было бы считать <с. 16> специальным разделом, необходимым автору в процессе разработки всего замысла романа. Основная часть записей с указанной страницы помещена нами между летними (июньско-июльскими) и сентябрьскими набросками, так как раздел «Нота-бены и Словечки» примыкает к разработке сцен с участием Ипполита на последующих <с. 17, 18, 15, 19> и далее (см. с. 303—308). Однако необходимо учитывать, что записи этого раздела, сохраненного нами,¹ нуждаются в хронологическом соотнесении с определенными момента-

¹ Исключение составляет самая поздняя заметка, занесенная, вероятно, на свободное место <с. 16>, после 11 ноября н. ст. 1868 г., когда уже вся записная книжка была заполнена. Эта заметка примыкает к <с. 13, 14>, о чем свидетельствует как объединяющая их тема (Рогожин и Мышкин у трупа Настасьи Филипповны), так и авторский знак (см. с. 324).

ми работы над романом. Первая из них на <с. 16> («— Когда Ганя ~ говорит Н<астасья> Ф<илипповна>» — см. с. 302) была сделана, по-видимому, в начале марта 1868 г., скорее всего 12 марта н. ст., после заметки от того же числа на <с. 12> о трех типах любви в романе и перед составленным в тот же день на <с. 20> «*Подробным планом 3-й части*». Запись по почерку и содержанию сближается с набросками этой поры, совпадая с ними и фразеологически (ср. запись об Аглае, пойманной Ганей «на крючок», на <с. 16> и <с. 4, 7> — с. 302, 220, 222). Вторая запись на <с. 16> — о Лебедеве — сделана более крупным почерком и темными чернилами и по этим признакам, а также по своему содержанию, сходна с записями от 10 апреля на <с. 98—90> (см. с. 263—269). Тематически наиболее соответствует этой заметке о Лебедеве содержание <с. 90> (в частности, строки «И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним» и «Недозревший философ»), которая так и названа Достоевским: «Стр. Лебедев» (см. с. 268). К апрельским записям, по-видимому, относится и реплика князя о «людях грешных» как «больных» со <с. 16> (ср. с характеристиками на <с. 109>, где говорится о том, что Настасья Филипповна «немогущая — и убитая», «больная женщина» и находится под «тайным присмотром» князя — с. 252—253). Следующая заметка на <с. 16> («— Антропофаг ~ о Христе»), связанная с предшествующей характеристикой Лебедева как «философа», написана предположительно в апреле 1868 г., когда в тетради была упомянута сцена у Настасьи Филипповны с толкованием Апокалипсиса (ср. <с. 60> от 17 апреля н. ст. — с. 282). Заготовки диалогов и «словечек», расположенные в нижней половине <с. 16> и записанные также разным почерком и чернилами («Остерегаться народа ~ приду к вам»), соприкасаются с темами марта и апреля (упоминание темы народа, аристократии, Христофора Колумба на <с. 10, 46, 95, 110> — см. с. 223, 245, 264, 252), а также с разработкой образа Вельмончека (Евгения Павловича Радомского) в июне 1868 г. В это время Достоевский обдумывал версию о попытке Вельмончека (дядя которого разорился и собирался покончить с собой) жениться на Аглае, в одном из вариантов — на дочери Лебедева. Только в этой связи можно понять странную на первый взгляд запись на <с. 16>: «*Аглая говорит*. „Если исполнит слово, т. е. застрелится, тогда женись”». Застрелиться должен был в конце концов и сам Вельмончек, так что запись эта перекликается с заметками на <с. 135, 136>: «— „Застрелюсь”. — Рассчитывает, что Аглая не даст застрелиться или почувствует благородство. Но дала застрелиться и не почувствовала» и др. На <с. 135>, как и среди «Слов и словечек», расшифровывается и запись: «Определение Аристократии» (см. с. 303, 295). Свидетельством того, что нижняя часть <с. 16> заполнялась в том числе в конце мая—начале июня, служит также фраза: «<—> Если Д<урако>в сказал, то Урус<ов> — не скажет, председатель не остановил — не пристыдил». В издании 1931 г. эта фраза была воспроизведена неправильно и было высказано ошибочное предположение, что имеется в виду товарищ прокурора И. И. Дьяков, вы-

ступавший вместе с А. И. Урусовым на процессе Ольги Умецкой (см. с. 467 и Сакулин, Бельчиков. С. 102, 209). Но, как следует из данного контекста, скорее всего речь идет об адвокате Дуракове, который защищал гимназиста В. Горского, совершившего убийство (см. выше, с. 544). О нем, не называя его имени, говорит в романе Евгений Павлович (см.: 8, 261, 263, 309—310). Дуракову, оправдывавшему Горского, в заметке противопоставлен талантливый адвокат того времени А. И. Урусов; в соответствии с этим и в окончательном тексте князь Ц. напоминал о замечательных защитниках в «молодых новооткрытых судах» (8, 310). На <с. 135>, примыкающей к записям от 11 июня, имя адвоката («Дураков») раскрыто полностью. Речь Дуракова была опубликована в «Голосе» от 14 (26) мая 1868 г. (№ 133). Ознакомиться с этим номером Достоевский мог в самых последних числах мая или в начале июня н. ст., когда газета попала за границу. Под свежим впечатлением он и оставил для себя пометы в тетради № 5. Отличающиеся по почерку от заметок, сделанных в конце <с. 16>, наброски, которые занимают верхнюю половину <с. 17> («— Искривлявшийся человек. Звезда полынъ ~ в печати»»), были, по всей вероятности, внесены вскоре и тоже могут быть датированы июнем 1868 г. Возникший в них апокалипсический образ Достоевский возобновил в своей памяти, перечитав опубликованные в апрельском номере «Русского вестника» несколько глав Апокалипсиса в поэтическом переложении А. Н. Майкова (см. его отклик на этот перевод в письме к Майкову от 18 (30) мая 1868 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 298). С другой стороны, входящие в состав набросков реплики Келлера о том, что он в пасквиле на князя «видел один только слог», об изумрудах и «бурдалу», ведут к VIII и XI главам второй части, напечатанным в июне—июле 1868 г. Дальнейшие заметки на <с. 17, 18, 15, 19> («„Князь, скажит<е> ~ не молились бы?»») должны быть датированы концом августа—началом сентября 1868 г. н. ст.: они служили материалом для подготовки вышедших в свет в сентябрьском номере «Русского вестника» V и VI глав третьей части с «Необходимым объяснением» Ипполита и предваряют заключительный черновой фрагмент той же сцены на <с. 66> от 8 сентября н. ст. (см. с. 304—309).

В *Акад. ПСС* проведено ошибочное соответствие между печатным и рукописным текстом, в результате которого записи на <с. 132, 131> приурочены к концу мая и соотнесены с содержанием V главы второй части романа (см.: Т. 9. С. 462). Следует уточнить, что фразы «Князь про картину Гольбейна» и «Про Лебедева и Дюбарри (Аглае)» (см. с. 250) — это не одна запись, а две, разделенные линейкой, не обязательно относящиеся к одному и тому же эпизоду романа. Упоминание Аглаи указывает на то, что это предварительный набросок, не реализованный в романе: такого диалога с Аглаей в окончательном тексте нет. Имя Дюбарри и тот контекст, в котором звучит мысль Лебедева и Достоевского о сострадании, относятся не к V главе второй части, а ко II, напечатанной в апрельской книжке «Русского вестника», с упомянутым редакционным примечанием о помещении только первых

двух глав второй части романа (ср. со сказанным в письме Достоевского А. Н. Майкову от 9 (21) апреля; см. выше, с. 494). Это значит, что к 21 апреля по н. ст. еще не была готова беловая рукопись II главы второй части, где впервые упоминается Дюбарри в связи с Лебедевым, и что соответствующие черновые наброски на эту тему следует отнести к первой половине апреля. В указанных записях, наряду с вариантом сцены чтения Аглаей пушкинского стихотворения и упоминанием эпизода с «Сыном Павлищева» (разработанных также в марте—апреле и вошедших в VI—IX главы второй части), была задумана история с гимназистом Горским, который «убил всё семейство Жем<ариных>». Предполагалось, что князь «выпустил» то ли его, то ли другого «глупенького мальчика», который «убить хотел (потом расплакался)». Был заготовлен и рассказ князя: «Я его выпустил, а он зажег всё село (крестьяне взяли с меня). Ох нет, он не раскается» (с. 249, см. также с. 581). Косвенным аргументом датирования записей апрелем служит единичное упоминание в них (на <с. 132>) фамилии Иончек рядом с другим вариантом — Вельмончек, который становится постоянным начиная с 23 апреля.

Вслед за майскими идут июньско-июльские записи, расположенные на <с. 125, 126, 127, 135, 136>, снова <на с. 136, 135>, а затем на <с. 134>, после которых была заполнена остававшаяся свободной страница конца тетради — <128>. На иное место попала в нашей компоновке и <с. 3> с датой «28 июля», у Сакулина (см.: Сакулин, Бельчиков. С. 162—163) помещенная среди соседних с нею страниц начала тетради (<с. 5, 2, 1>), заполненных в октябре.

Предположительно (на основании тематической близости смежным записям) размещены <с. 120, 64, 119> в записной тетради № 5 (см. с. 266—267, 287, 309).

После записей на <с. 2>, датированных 15 октября, приводятся тексты, озаглавленные «После венца» и «Из главного» (<с. 12, 11>). Основанием для этого служит как содержание записей, так и упоминание в них статьи «Всемирная выставка 1867 года», напечатанной в сентябрьском номере «Русского вестника», который мог быть получен Достоевским в конце октября—начале ноября (см. о ней коммент., с. 863—864).

При компоновке заметок, относящихся к последним главам романа, восстановлена хронология заполнения автором страниц: вначале приводится текст со <с. 14> от 7 ноября, переходящий на <с. 13> и занимавший основную ее часть. Затем помещен текст <с. 13>, вписанный на оставшемся месте, датированный 11 ноября и заключающий вариант «Сцены двух соперниц». Последними публикуются записи со <с. 13 и 14>, сделанные на единственно свободных местах — на полях вокруг основного текста указанных страниц, а также примыкающую к ним по содержанию заметку со <с. 16> (см. выше, с. 832, сноску 1).

Большинство черновых записей к «Идиоту» датировано новым стилем или при датировке их проставлены оба стиля — новый и старый. Единственный спорный случай — первая дата в тетради № 3

на <с. 26>: «14 сентября 67. Женева». Однако скорее всего и эта открывающая планы романа запись была сделана не 14 (26), а 2 (14) сентября. В пользу такого предположения говорят пометы чернилами более темного оттенка под первоначальной датой («14 сентября» и «22 октября», вписанные 22 октября определенно нового стиля). В этот же день — 22 октября — Достоевский сделал ряд записей теми же темными чернилами на смежных <с. 25—23, 34>. Необходимо учесть, что заметка на полях <с. 27> «Ольга Умецкая» и последняя фраза на <с. 29>, являющиеся откликом на дело Умецких, в любом случае могли быть приписаны к ранним сентябрьским наброскам только после первых корреспонденций об этом процессе 23 и 24 сентября (см. подробнее на с. 467). Далее в той же тетради на <с. 72> перед заголовком «Примечания ко второму плану романа» встречается дата «4 (16) октяб<р>а». Отсюда ясно, что следующие сразу же за нею даты 17, 18, 22 и 27 октября даны по новому стилю. 27 октября Достоевский заполнил <с. 135, 134>, особо озаглавив их «Листик 1», «Листик 2-й».

Тетрадь № 4 открывают «Заметки» от 29 октября 1867 г., а их непосредственным продолжением являются наброски от 30 октября, 1, 2, 3, 4, 6, 10 и 11 ноября, тоже безусловно нового стиля. Завершающая дата помечена уже двумя стилями, причем как основной фигурирует новый («11 ноября / 30 X»). Доказательством нового стиля датировок в тетради № 5 выступает не только естественный факт ориентации писателя в результате продолжительного пребывания за границей на европейский календарь, но и то, что, рассчитывая на расхождение старого и нового стиля, Достоевский обычно отсылал рукопись глав для очередного номера «Русского вестника» в самом конце того месяца, когда они публиковались, или даже в начале следующего — по новому стилю. Подготовительная же работа над этими главами в тетради № 5 велась часто до самой их отсылки. Так, например, как указывалось выше, после 24 мая н. ст. Достоевский делал дополнительные заметки для главы, отправленной в майскую книжку журнала. Дополнительное доказательство — письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 2 (14) марта 1868 г., в котором он извещал своего корреспондента о радикальном изменении «в 3-й уже раз» плана романа (см. выше, с. 494), в черновиках же такая перемена («Н<астасья> Ф<илипповна>. Не княгиня, а только борется: быть иль не быть?») произошла 13 марта (см. с. 230).¹ Еще одним примером такого рода может служить дата на <с. 2> тетради № 5, предполагающая в начале ноября 1868 г. работу над третьей частью романа, опубликованной в октябрьской книжке «Русского вестника».

¹ П. Н. Сакулин высказал обратное предположение о возможности осмысления датировок Достоевского по старому стилю (см.: Сакулин, Бельчиков. С. 195); Л. П. Гроссман все даты черновых записей к «Идиоту», кроме первой, считал проставленными по новому стилю (см.: Гроссман, Жизнь и труды. С. 173—181).

В настоящем томе рукописные материалы печатаются с подробным описанием условных обозначений автора, каллиграфических прописей и рисунков. Описаны существенные графические пометы автора (фигурные скобки, подчеркивания, рамки, выделительные знаки и т. д.). Необходимо особо отметить такую своеобразную черту рукописи, как скобки, которые Достоевский часто использовал не для обособления фразы или слова, а для их выделения, придавая им значение NB; в публикации дано указание на эти скобки, не имеющие ничего общего с традиционным, грамматическим их употреблением. В необходимых случаях каллиграфические прописи и новые текстологические прочтения сопровождаются комментарием. Архивная пагинация записных тетрадей воспроизводится в ломаных скобках.

С. 109*. *Сестра (М<аша>) ~ дает уроки на фортепиано...*; см. также с. 155: *Фортепьянные уроки*. — У Достоевского была племянница-пианистка Мария Александровна Иванова (1848—1929); училась в Московской консерватории у Н. Г. Рубинштейна. Достоевский любил слушать ее игру. В письме к С. А. Ивановой от 29 марта (10 апреля) 1868 г. он замечал: «Ради Бога, чтоб Масенька музыки не бросала! Да поймите же, что ведь для нее это слишком серьезно. Ведь у ней ярко объявившийся талант. Музыкальное образование для нее необходимо, на всю жизнь!» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 295). М. А. Иванова похоронена на Моногаровском кладбище недалеко от Дарового. См.: *Нечаева В. С.* Из литературы о Достоевском: (Поездка в Даровое) // *Новый мир*. 1926. № 3. С. 128—144; Иванова М. А. // *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 334—336; *Хроника рода Достоевских*, 2013. С. 688—693.

С. 110. *...озлобленная Миньона и Клеопатра*. — См. выше, с. 482—485.

С. 111. *...идиот приколот ерлычки*. — Ерлычки — от обл. «ерлык» (*Даль*. Т. 4. С. 678). По-видимому, здесь используется в перен. фразеол. значении: наклеивать (наклеить) ярлык — поверхностно и односторонне характеризовать что-либо (см.: *Рус. фразеология*. С. 185).

С. 111. *...история Ольги Умецкой*. — См. выше, с. 466—468.

С. 111. *...прежних поверенных...* — Поверенный — официальное лицо, уполномоченное действовать от чьего-либо имени.

С. 111. *...но еще многие чрезвычайные долги его поданы наконец за границей из России ко взысканию ~ дядя отвечает: «Еще бы»*). — Достоевский и сам опасался в то время, что кредиторы отыщут его за границей. «Ради Бога, не болтай много и старайся, чтоб и другие не говорили о том, где я теперь нахожусь, не давай моего адреса никому», — просил он пасынка (см. письмо к П. А. Исаеву от 19 (31) мая 1867 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 201). 10 (22) октября

* Здесь и ниже указаны страницы наст. тома.

1867 г. в письме к нему же Достоевский вновь заметил: «Я, милый мой, боюсь кредиторов. Заграница от них не спасает» (Там же. С. 228). См. также: *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 32.

С. 112. *Ипохондрик...* — Ипохондрия — болезненно-угнетенное состояние, мнительность. Ипохондрик — мнительный человек.

С. 112. *Уединившийся ростовщик, но ростовщик с поэзией.* — Возможно, отсылка к «Скупому рыцарю» А. С. Пушкина, см. выше, с. 792.

С. 112. *Иногда сплин.* — Сплин (англ. spleen) — уныние, хандра.

С. 112. *...фанфаронивший знакомством с ним...* — См. выше, с. 754.

С. 112. (*Рябцев душишь.*) — Автобиографический мотив. Слово «*рябцы*» использовалось в Главном инженерном училище, о чем упоминал Д. В. Григорович: «С первого дня поступления новички получали прозвище *рябцов* — слово, производимое, вероятно, от *рябчика*, которым тогда военные называли штатских. Смотреть на *рябцов*, как на парий, было в обычае. Считалось особенною доблестью подвергать их всевозможным испытаниям и унижениям» (Григорович Д. В. Из «Литературных воспоминаний» // *Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 1. С. 192—193). См. также: *Сараскина Л. И. Фёдор Достоевский. Одоление демонов*. М., 1996. С. 125—126.

С. 114. *...был вольным слушателем*». — Вольный слушатель, вольнослушатель — человек, посещающий высшее учебное заведение без зачисления в студенты (БАС₁. Т. 2. Стлб. 632—633).

С. 114. *...брыластый...* — Т. е. с отвислыми щеками.

С. 114. *...я конечно с ветру...* — «Говорить что-то с ветра, с ветру» — значит, без основания, не подумав. См.: БАС₂. Т. 2. С. 465. Ср. фразеологизм «не с ветру взять», т. е. утверждать что-либо при наличии оснований. См.: *Федоров А. И. Фразеологический словарь современного русского языка*. М., 2008. С. 69.

С. 114. *...английского пластырю.* — Английский пластырь (от англ. court plaster) — шелковая тафта на клеевой основе, с одной из сторон покрытая антисептиком.

С. 115. *Красавец видел в мезонине его...* — Мезонин (от итал. mezzanino) — надстройка над средней частью небольшого жилого дома (БАС₂. Т. 10. С. 28).

С. 117. *Смерть его. Почти признается. ~ Признается в покраже.* — Впервые история нравственных мучений героя, совершившего кражу и признавшегося только на смертном одре, была описана Достоевским еще в 1848 г. в рассказе «Честный вор» (см.: 2, 157—170).

С. 119. *У камелий это последнее.* — См. выше, с. 599—600.

С. 119. *...дядя в разлитии желчи умирает.* — От разлития желчи в июле 1864 г. умер старший брат Достоевского Михаил. Писатель говорит об этом в некрологе «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 121).

С. 123. *...слететь с башни...* — См. коммент. к выражению «слететь с колокольни»: 7, 719.

С. 123. ...*вся на приличиях и тонная*... — Тонный (от греч. *tóvos* — высота звука, напряжение или повышение голоса, фр. *ton* — звук, голос, перен. манера себя держать) — придерживающийся изысканных манер (см.: БАС₁. Т. 15. Стлб. 625).

С. 124. ...*пуантливости*... — От фр. *pointe* — колкость.

С. 124. *Экономическое распределение, хлебный вопрос*. — Возможно, отсылка к работам Н. Г. Чернышевского «Капитал и труд» (1860), «Примечания к „Основаниям политической экономии“ Д. С. Милля» (1860), «Очерки из политической экономии (по Миллю)» (1861) и др. (см.: Чернышевский. Т. 7. С. 5—63; Т. 9. С. 335—725). Принцип распределения был одним из главных вопросов в его статьях, где обосновывалась «экономическая теория трудящихся». Чернышевский выделял «в классовой структуре общества три основных класса: землевладельцев, буржуазию и наемных рабочих», а в зависимости от принадлежности к этим классам и распределялись доходы от производства, что, по мнению публициста, не соответствовало интересам трудящихся (см.: Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М., 1988. Т. 2. С. 274).

С. 126. *Constantinople, Крит*. См. также с. 249: — *Война турок и ребенок, Крит*; с. 262: *Восстание Острова Крита*. — По-видимому, каллиграфические прописи, как и заметка, связаны с темой восстания греков на острове Крит (Критское восстание), длившегося с 1866 по 1869 г., против турецкого (Османской империи) владычества. См. с. 842, 848.

С. 128. ...*Отстав<ной> корнет*... — Корнет (от исп. *corneta*) — младший офицерский чин в кавалерии.

С. 129. ...*хоть в приказчики*. — Приказчиками называли людей, служащих по найму у купцов или в торговых заведениях, а также в имении, управляющих помещичьим хозяйством.

С. 131. ...*довел до апофеозы*. — Апофеоз, устар. апофеоза (от греч. *ἀποθεῖσις* — обожествление) — перен. высшая степень проявления чего-либо (БАС₂. Т. 1. С. 240).

С. 132. *Мышьяк, Сабур*. — Сабур — противоядие при отравлениях мышьяком.

С. 134. *Теория счастья на земле*. — См. с. 473—475. Возможно, запись отсылает и к идеям утопического социализма, выраженным в работах К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Э. Кабе и др. См. также с. 980.

С. 137. *При характере Идиота — Яго*. — Имеется в виду герой трагедии В. Шекспира «Отелло». См. выше, с. 466, 477, 509.

С. 139. ...*Сын простоват (Федя) и этой простоватостью всё более и более очаровывает Идиота*. — Достоевский упоминает об одной из черт своего племянника, Ф. М. Достоевского-младшего (1842—1906), которого он очень любил и с которым в это время переписывался (см. о нем: *Хроника рода Достоевских, 2013*. С. 292—297; *Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015*. С. 163, 168, 257, 387).

С. 140. *Генерал в исступлении предлагает Идиоту дуэль. ~ (Или дал в себя стрелять, а в него не хочет.)* — Мотив «дуэли без выстрела» возникает в неосуществленном замысле «Идея. Юродивый...», см. с. 368—369, а также с. 919—920, 932, 936.

С. 141. *Петропавловск...* — Каллиграфическая пропись, вероятно, отражает авторское воспоминание о сибирской ссылке. В Петропавловске жила М. Д. Исаева, первая жена писателя, в то время (1851 г.) бывшая замужем за чиновником А. И. Исаевым; позднее семейство переехало в Семипалатинск, где в 1854 г. Исаевы познакомились с Достоевским.

С. 141. *...Гарибальди ~ Ричч<отти> ~ Менотти...* — Каллиграфические прописи. Джузеппе Гарибальди (1807—1882) — итальянский политический деятель и полководец, один из лидеров Рисорджименто — национально-освободительного движения за объединение Италии. Именно в 1860-е гг., в том числе когда Достоевский находился за границей, внимание европейского общества было приковано к этой личности. В сентябре 1867 г. Гарибальди приехал в Женеву для участия в Конгрессе Лиги мира и свободы. О впечатлениях, связанных с торжественной встречей Гарибальди горожанами, сообщила А. Г. Достоевская: «Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо <...>» (Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 243, см. также с. 435—437; ср.: Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 220—221). Имя Гарибальди неоднократно встречается в произведениях Достоевского — «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 72, 270), «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 94—95, 473—474), а также в черновиках «Двойника» (1, 612—614), подготовительных материалах к роману «Подросток» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 69—70). В набросках к ДП за 1876 г. Достоевский сравнил с Гарибальди генерала М. Г. Черняева, участника освободительного движения на Балканах (Там же. Т. 24. С. 282). Менотти (1840—1903) и Риччотти (1847—1924) Гарибальди — сыновья Дж. Гарибальди, политические и военные деятели, сражавшиеся под предводительством отца за объединение Италии.

С. 142. *Костенькиныч, его жена.* — Костенькиныч — искаженное Константинович. Ср. в «Скверном анекдоте»: «— Да вот-с, Иван Костенькиныч смешит...» (5, 24).

С. 142. *Ножички.* — Вероятно, имеется в виду игра с остроконечным предметом, обычно ножом, который должен быть вонзен в землю (БАС₂. Т. 12. С. 523).

С. 145. *Ганечка, Соня ~ Маша ~ Norma...* — Каллиграфические прописи с именами персонажей и реальных лиц: Маша — племянница Достоевского М. А. Иванова, Соня — дочь. Возможно, впрочем, что

имеется в виду Соня Мармеладова, так как на странице есть наброски к роману «Преступление и наказание». Но две прописи «Соня» сделаны не одновременно с этими набросками, а вместе с другими прописями (судя по почерку и цвету чернил), т. е. уже в период работы над романом «Идиот» (см.: 7, 252). Нормой в окончательном тексте «Идиота» названа собака, которую упоминает в своей «исповеди» Ипполит Терентьев.

С. 146. «*И беси веруют и трепещут*». — Цитата из Соборного послания св. апостола Иакова: «Ты веришь, что Бог един: хорошо! и бесы верят, и трепещут», церк.-слав.: «Ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть: добръ твориши: и бѣси вѣрують, и трепещуть» (Иак. 2:19). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 365.

С. 147. Об искушении Христа диаволом в пустыне (рассуждения). См. также с. 169: Об искушении Христа диаволом; с. 250: О Вере. Искушение Христа. — Имеется в виду один из эпизодов Нового Завета (Мф. 4:1—11; Лк. 4:1—13). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 6—7, 141—142. Сюжет этот стал предметом постоянных размышлений Достоевского и получил философскую интерпретацию в его романах (например, в «поэме» о великом инквизиторе из «Братьев Карамазовых») и публицистике. О преломлении этой темы в «Идиоте» см. с. 565—567.

С. 148. — *И вот он затевает всю бурду от нечего делать*. См. также с. 189: *Бурда и гроза в доме*. — Бурда — перен. сильные душевные переживания или события, вызывающие потрясения (БАС₂. Т. 2. С. 262, 270).

С. 148. — *Мучает Левиньку*. — Возможно, отсылка к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», где «Репетилов рассказывает о завсегдатаях Английского клуба и восторженно упоминает о каких-то „Левоне и Бореньке“». <...> Эти „Левон и Боренька“ прямо из комедии Грибоедова перешли в роман Достоевского „Униженные и оскорбленные“, в по-репетилловски захлебывающийся рассказ Алеши Валковского» (3, 344, 621) (см.: *Альтман*. С. 141—142).

С. 150. — *Штуки Инженера*. — Т. е. проделки, выходки, см. выше, с. 457.

С. 153. Он бы желал (пароксизмами) опозорить Геро... — Пароксизм (от греч. παροξισμός — раздражение) — перен. бурное проявление какого-либо чувства (БАС₁. Т. 15. С. 414).

С. 155. «Я повивальную бабку позову». — Запись от 1 ноября 1867 г., т. е. относится к женевскому периоду пребывания Достоевского за границей. Возможно, автобиографический мотив: тогда же, в ноябре, к беременной первенцем А. Г. Достоевской приходила акушерка мадам Барро. См.: *Тарасова Н. А., Панюкова Т. В.* Графика — семантика — фактография: проблемы текстологии записных тетрадей Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 4. С. 39—41. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf

С. 157. — *Несколько раз Вл<адимир> Умец<кий>... — Помещик, отец Ольги Умецкой*. См. с. 466—470; *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 456; *Достоевская А. Г., Дневник*. С. 297—298.

С. 157. ...более экспансивен. — Экспансивный (от фр. *expansif* — способный к расширению) — несдержанный, эмоциональный (БАС, Т. 17. Стлб. 1770).

С. 158. О Царе Иудейском. См. также с. 163: «Буду банкиром, Царем Иудейским... и др. — См. с. 578—579.

С. 161. ...*Osmans*. — Каллиграфическая пропись. По-видимому, имеются в виду турки-османы, основатели Османской (Оттоманской) империи. Тема турецкого владычества приобретала особую остроту в 1850-е и в 1870-е гг. во время участия России в Крымской (1853—1856) и русско-турецкой (1877—1878) войнах. См. также с. 839.

С. 161. ...*Victor-Emmanuel ~ Tiers*... — В каллиграфических прописях упомянуты европейские политические деятели. Виктор Эммануил II (1820—1878) — король Италии, который, как и его современник Дж. Гарибальди, был сторонником объединения Италии. Л.-А. Тьер (Thiers, 1797—1877) — французский политик и историк, автор «Истории французской революции».

С. 164. (*Ребенка любит страстно, ребенок умер.*) У ног жены, сидящей у гробика ребенка. — Вероятно, автобиографический мотив: в 1868 г. в Женеве умерла от воспаления легких дочь писателя Соня. А. Г. Достоевская вспоминала: «К моему большому счастью, Федор Михайлович оказался нежнейшим отцом <...>» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 230). Соня Достоевская похоронена на женевском кладбище в Plain Palais. В 1981 г. американские исследователи творчества Достоевского А. И. и Н. А. Натовы определили место захоронения, основываясь на архивных сведениях, а также установили надгробную доску с надписью по-французски: «София — дочь Федора и Анны Достоевских» (*Хроника рода Достоевских*, 2013. С. 445—446).

С. 165. *Devonshire*... — Каллиграфическая пропись. Девоншир — старинный английский дворянский род, упоминается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 86, 468).

С. 165. [*Titiano Veccellio*]... — Каллиграфическая пропись. Тициан Вечеллио (1488/1490—1576) — итальянский живописец эпохи Возрождения. По свидетельству А. Г. Достоевской, писатель «чрезвычайно высоко ценил талант Тициана, в особенности его знаменитую картину: „Der Zinsgroschen“, „Христос с монетой“, и подолгу стоял, не отводя глаз от этого гениального изображения Спасителя» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 204). Ср.: «Эта великолепная картина, по выражению Феди, может стоять наравне с Мадонною Рафаэля. Это лицо выражает удивительную кротость, величие, страдание...» (Достоевская А. Г., *Дневник*. С. 12). Имеется в виду картина «Динарий Кесаря» (1516). Достоевский называет картину Тициана «Кесарево кесареви», отсылая читателя к источнику ее сюжета — евангельскому тексту, повествующему о том, как фарисеи искушали Христа вопросом «следует ли платить подать Кесарю или нет?» (имущественный налог римскому императору, который не одобрял народ). Как бы

ни ответил Христос, он бы выглядел либо оскорбителем народа, либо возмутителем против римской власти. Но Христос попросил показать ему монету, которой платится подать (динарий) и на которой изображались римские императоры, и указал на изображение кесаря со словами: «...и так отдавайте Кесарево Кесарю, и Божие Богу» (Мф. 22:21; Мк. 12:17; Лк. 20:25 — см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 57—58; 115; 198), имея в виду, что служение кесарю не препятствует истинному служению Богу. Справедливо замечено, что «духовная победа Христа у Тициана явлена красотой всего Его образа. Фигура Христа, пространственно занимающая центральную часть картины, дана выше фарисея и почти анфас. Фигура же последнего „срезана” рамой, лицо дано в профиль. Сияющий образ Христа еще более усиливает падающий на Него свет, фарисей же находится в тени» (*Медведев А. А. «Динарий кесаря» Тициана и «великий инквизитор» Ф. М. Достоевского: проблема христианского искусства // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 3 (31). С. 82—83*). Л. П. Гроссман писал: «Контраст двух тициановых образов Достоевский выразит со всей силой в своем последнем романе, куда отчасти вошла задуманная им „Книга о Христе”. Пророк рядом с инквизитором в поэме Ивана Карамазова как бы выдержан в манере знаменитой картины венецианского мастера, которую Достоевский в 1873 году противопоставил как высший образец „Тайной вечере” передвижника Ге» (*Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965. С. 395—396*). Исследователь указал на строки из статьи Достоевского «По поводу выставки», напечатанной в журнале «Гражданин» в 1873 г.: «Тициан, по крайней мере, придал бы этому Учителю хоть то лицо, с которым изобразил его в известной картине своей „Кесарево кесареви”; тогда многое бы стало тотчас понятно. В картине же г-на Ге просто перессорились какие-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализм» (*Акад. ПСС. Т. 21. С. 77*). Здесь актуализируется проблема соотношения идеала и действительности, о которой Достоевский размышлял в пору создания романа «Идиот» (см. с. 518, 611). Писатель «критикует „Тайную вечерю” Ге за отсутствие историко-культурной перспективы в изображении Христа, за сведение Евангелия к „жанру” (бытовой живописи) — „текущей” действительности» (*Медведев А. А. «Динарий кесаря» Тициана и «великий инквизитор» Ф. М. Достоевского: проблема христианского искусства. С. 85*), в конечном счете — за неспособность довериться «скорее своей идее (идеалу)» (*Акад. ПСС. Т. 21. С. 75*). Кроме того, сама проблематика картины Тициана заставляет вспомнить, что в черновых записях к «Идиоту» присутствует мотив искушений Христа, его другая вариация — искушение дьяволом (см. с. 841). Подобно Христу в библейской истории, и князь Мышкин в романе подвергается искушениям (мотив «искушения» «возмущающими нашептываниями» демона, вселившегося в сердце героя). И этот мотив, и романное описание картины Гольбейна связаны с проблемой сохранения веры в мире хаотическом, дисгармоничном, полном разочарований и зла.

С. 167. — *Письмо (слог Гольбейновой Мадоны)*. См. также с. 176: *Она тиха, как Гольбейнова Мадона*; с. 181: — *А моя Мадона Гольбейнова...* — См. выше, с. 741.

С. 168. Он попадает к Современны<м> Юношам на проповедь о полезной деятельности. — Отсылка к теме «новых людей», см. с. 546—547, 659.

С. 168. *Умелая. Зачиталась Евангелия. ~ Мечтания Умелой о том, что думает оторванная голова*. См. также с. 209: ...*(об отсеченных головах)*. — Отправной точкой темы «отрезанных» («отсеченных») голов являются евангельский мотив усекновения главы Иоанна Крестителя (Мф. 14:6—12; Мк. 6:21—29; Лк. 9:9 — см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 35—36, 95—96, 160—161), а также традиция изображения христианских святых, умерщвленных путем усекновения главы, с головой в руках (сюжет произведений европейской храмовой живописи и скульптуры), и мотивы, которые могли запомниться Достоевскому из литературных источников, в частности повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти». Мотив «отсеченных голов» отмечен в рассказе «Господин Прохарчин», черновых материалах и печатном тексте «Подростка», «Братьях Карамазовых» (см.: *Загидулина М. В. Анекдот о перестановке голов // Д, Словарь-справочник, 2008*. С. 278—279). См. выше, с. 726, 738—739, 803.

С. 168. *О том, как кладбище ходит по городу*. — Аллюзия на евангельский эпизод, связанный со смертью и воскресением Христа: «И се, завеса во храме раздралась надвое сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли; и вышедши из гробов, по воскресении Его, вошли во святыи град, и явились многим» (Мф. 27:51—53). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 77; Т. 2. С. 326.

С. 169. — *Элой! Элой!* — См. выше, с. 566.

С. 169. — *Так это затмение ~ крик*. — В первых трех книгах Нового Завета говорится о затмении солнца во время распятия Христа: «Было же около шестого часа дня; и сделалась тьма по всей земле, и продолжалась до часа девятого. И померкло солнце, и завеса храма раздралась пополам» (Лк. 23:44—45, см. также: Мф. 27:45; Мк. 15:33). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 209, 77, 127. Возражая Умелкой, Идиот имеет в виду описание крестной казни у Рена, который, воссоздавая картину затмения, отмечал еще: «Особенная жестокость распятия заключалась в том, что в этом ужасном состоянии можно было жить в страшных муках три-четыре дня. Кровотечение из ран в руках скоро прекращалось и вообще не могло быть смертельным. Истинной причиной смерти являлось противоестественное положение тела, которое вызывало страшное расстройство кровообращения, ужасные головные боли, боль в сердце и, наконец, оцепенение членов. Распятие на кресте, если они обладали крепким телосложением, могли даже спать и умирали только от голода. <...> Нежное сложение Иисуса избавило его от подобной медленной агонии» (см.: *Ренан, 1863*. Р. 425; см. также выше, с. 564—566).

С. 169. *Рассказ о Базельском Христе*. — См. выше, с. 568—577.

С. 169. *Как мученики землянки рыли*. — Возможно, отголосок житийной литературы. О земляных тюрьмах упоминается, в частности, в «Житии протопопа Аввакума», изданном в 1861 г. (на обл. 1862 г.) под редакцией Н. С. Тихонравова (см. ниже, с. 970).

С. 171. ...на чугунке. — Т. е. на железной дороге.

С. 173. *Папа Пий, Pius, Pius Papa Nonus, Витербо, Viterbo*. — Каллиграфические прописи. Pius Papa Nonus — именование римского папы Пия IX (1792—1878); известно, что он страдал эпилепсией. Упоминания о нем встречаются в ДП за 1877 г. (Акад. ПСС. Т. 25. С. 157—158, 413—414 и др.). См.: Липке Ш. Образ папы Пия IX в публицистике Ф. М. Достоевского (1870—1878 годы) // *Достоевский и мировая культура. Филол. журнал*. 2019. № 2. С. 179—190. Витербо — город, расположенный севернее Рима. В Средние века — место резиденции римских пап.

С. 177. *Victor Hugo, Виктор Гюго, Жорж Занд ~ Lamartine*. — Каллиграфические прописи с именами французских писателей В. Гюго (1802—1885), Ж. Занд (1804—1876), а также французского писателя и политического деятеля А. де Ламартина (1790—1869). О значении произведений первых двух авторов в художественной структуре романа «Идиот» см. с. 522, 570, 580, 599, 726 и др. Ламартина Достоевский позднее упоминает в ДП за 1876 г. в связи с темой адвокатуры (Акад. ПСС. Т. 22. С. 55).

С. 179. *Байроновское отчаяние*. См. также с. 201: (Сын Байроновский характер. Мрачен.) — Такие характеристики, как отчаяние и мрачность, способствуют развенчанию байронического романтического героя, черты которого угадываются во многих персонажах Достоевского (см. об этом: Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001). В ДП за 1877 г. Достоевский размышлял над причинами возникновения байронического романтизма в литературе. По мысли писателя, «байронизм появился» в переломный период европейской истории, когда иссякла вера, «в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния» (Акад. ПСС. Т. 26. С. 113—114).

С. 183. ...выехал из Фрибурга. — Речь идет о главном городе одноименного швейцарского кантона.

С. 183. — *Александр II ~ Что соверш<ил> Александр<?> ~ (Вопрос был уже сложный: Много совершилось в царствование и, чтоб отличить, надо было ума.)* — Александр II (Освободитель; 1818—1881), российский император, с именем которого связана тема реформ и, прежде всего, отмены крепостного права в 1861 г. Большое значение имели также реформы образования и судебной системы. Погиб в результате террористического акта, организованного обществом «Народная воля». В судьбе писателя Александр II сыграл, как известно, немаловажную роль: в день коронации императора 26 августа 1856 г. осужденным петрашевцам, в том числе Достоевскому, было объявлено прощение.

С. 184. ...(*всякий цветик радуется*). — Неточная цитата из пьесы А. Н. Островского «Гроза» (1859, слова Кулигина, д. 4, явл. 4): «Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой!» (*Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 255). См. также: 2, 724, коммент к с. 391. Слова в черновом наброске к роману «Идиот» находятся рядом с пометой «Странник». Таким «странником» станет Макар Долгорукий в романе «Подросток», произнесший в одной из сцен свой монолог о радости жизни: «...живите пока на солнышке, радуйтесь, а я за вас Бога помолю, в сонном видении к вам сойду... всё равно и по смерти любовь!» (*Акад. ПСС. Т. 13. С. 290*).

С. 184. ...*женех ее, Камергер А—в*. — Скрытая автором фамилия может указывать на прототип персонажа. Возможно, имеется в виду Николай Владимирович Акинфов (1791—1855/1857), член Комитета по строительству московской Первой Градской больницы (основана в 1833 г.), в звании камергера попечитель «акинфовских палат» этой больницы. См.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., 1844. Ч. 1. С. 6; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1866—1867 год. СПб., 1867. Ч. 1. С. 12.

С. 185. — *Практический человек*, — сказал Генерал с полуиронией. — Такова характеристика Чичикова во втором томе «Мертвых душ» (ранняя редакция): «...Тентетников мог видеть, что гость его был скорее практической человек» (*Гоголь. Т. 7. С. 150*). В 1856 г. над комедией с таким названием — «Практический человек» — работал Л. Н. Толстой, в то время сотрудничавший с журналом «Современник».

С. 185. ...*за что над ним и подпилила Генеральша*. — Подшпилить — букв. прикалывать шпилькой (*Шведова. С. 502, 677*). Здесь перен.: уколоть, насмеяться.

С. 186. Конечно, *десять заповед<ей> хорошо*. ~ «Не лги, не вори, ложного не свидетельствуй» и т. д. — Имеются в виду десять заповедей, неоднократно изложенных в Ветхом и Новом Завете. Достоевский неточно, наиболее близко к Евангелию от Марка (Мк. 10:19), приводит здесь 8-ю и 9-ю заповеди. См.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 108*.

С. 187. *Frasinone, Tivoli, Aquapendente*. — Каллиграфические прописи с названиями итальянских городов — Фрозиноне, Тиволи, Аквапенденте, находящихся в регионе Лацио (граничит с Ватиканом, ранее Лацио был центром Папской области). Достоевский путешествовал по Италии в 1862 г. вместе с Н. Н. Страховым, в 1863 г. с А. П. Сусловым и в 1868—1869 гг. с А. Г. Достоевской. См.: *Летопись. Т. 2. С. 374—375, 419—425, 187—214*.

С. 189. *Parisiis...* — Каллиграфическая пропись. Паризии (лат. *Parisii*) — кельтское племя; во время Галльских кампаний Юлия Цезаря паризии воевали против римских завоевателей.

С. 189. *Senatus Po<pulusque Romanus>*... — Каллиграфическая пропись. Сокращенно SPQR, с лат. «Сенат и народ Рима» — офи-

циальная формула, знаменовавшая носителя высшей государственной власти в республиканском Риме. В христианской традиции встречается на иллюстрациях сцен Страстей Христовых как указание на присутствие римских солдат. См. также с. 344.

С. 191. ...на пустынном берегу Невы у пролу́би. — Искаж. южн. «прорубь»; отмечена форма м. р. «пролуб», по аналогии с «проруб», от «прорубать». См.: *Даль*. Т. 3. С. 494, 506.

С. 193. *Horace*... — Каллиграфическая пропись указывает на трагедию «Гораций» («Норасе», 1640) французского автора П. Корнеля. Достоевский упоминает ее в «Подростке» и ДП за 1876 г. См.: *Акад. ПСС*. Т. 13. С. 174; Т. 17. С. 379; Т. 22. С. 124, 383.

С. 194. ...В Антракте со счастьем расстроил свадьбу Сестры...; см. также с. 277: ...В Антракте к Гане... — Антракт (фр. *entracte*) — здесь: перерыв, промежутков времени. Ср. в «Преступлении и наказании»: «Мало того: сам мне какую-нибудь математическую штучку, вроде дважды двух, приготовит, — лишь дай я ему только антракт подлиннее...» (6, 294).

С. 195. *Аксантированная сцена*. — От фр. *accent* — ударение, звучность, яркая деталь. Т. е. сильная, яркая сцена.

С. 195. *Дети Умьцких (дикари)*. — См. с. 466—468.

С. 195. ...*Monte-Rotondo*... — Каллиграфическая пропись. Монтеротондо, город в Италии в регионе Лацио, см. выше, с. 846.

С. 195. ...*Richmond ~ Richard ~ Ричмонд*. — Каллиграфические прописи, указывающие на имена персонажей исторической пьесы В. Шекспира «Ричард III» (ок. 1591). Имеются в виду брат короля Эдуарда IV, впоследствии король Ричард III; граф Ричмонд, племянник короля Генриха VI, впоследствии король Генрих VII.

С. 196. *Herculanum*... — Каллиграфическая пропись. Геркуланум (лат. *Herculaneum*) — древнеримский город на берегу Неаполитанского залива, был разрушен, как и Помпеи, во время извержения Везувия в 79 г. н. э. Неаполь Достоевский посетил в 1863 г., см. выше, с. 735.

С. 196. Он вдруг иногда начнет читать всем о будущем блаженстве. — Аллюзия на строки из Нагорной проповеди Христа (Мф. 5:3—11), см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 8; Т. 2. С. 160.

С. 197. *Прачка*. — Мотив «ухода в прачки» вошел в окончательный текст (слова Настасьи Филипповны; о ней — князя Мышкина и Аглаи) (8, 153, 158, 163, 523).

С. 198. «Сокол ясный». — Устойчивое выражение из русского фольклора; встречается, например, в былинах. См.: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. С. 639.

С. 198. ...*Romanum-Imperium*... — Каллиграфические прописи на этой странице, судя по расположению основного текста (огibaющего каллиграфию) и цвету чернил, предшествуют наброскам к «Идиоту». *Romanum Imperium*, или *Sacrum Romanum Imperium*, — Священная Римская империя, государственное образование, основанное германским королем Оттоном I в 962 г. в целях политического объединения

европейских земель и просуществовавшее до 1806 г. В состав империи в разное время входили Германия, Италия, некоторые территории Франции, Чехии и др.

С. 198. ...*Бедные Люди*... — Упоминание о первом романе Достоевского появляется, кроме этой прописи, в неосуществленном замысле «Смерть поэта», где писатель размышляет о выборе формы повествования: «Подсочинить повесть (будет как «Бедные люди», только больше энтузиазма)...» (с. 379). В черновых набросках к роману «Идиот» нет таких указаний, но неоднократно звучат мотивы бедствий и бедности, особенно в ранних планах («Несмотря на бедность — форс», «У Инженера мать, сестра и бедный отец, майор, без ног», «Княжна бедная», «У Идиота в доме бедность. Работу достать», «и посещение Геро и бедность», «Величавость фигуры и бедность поразили Геро» — см. с. 109, 135, 172, 175, 177).

С. 198. ...*Pius Papa Nonus, Julius Cesar ~ Caligula, Marcus*. — См. с. 845 выше и с. 849—851 ниже.

С. 200. ...*Genève ~ Londres*... — Упоминание в каллиграфических прописях Женевы, где Достоевский с женой некоторое время жили и где похоронена их дочь Соня (см. выше, с. 842), а также Лондона (по-французски). Лондон Достоевский посещал в 1862 г., что нашло отражение в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

С. 200. ...*Constantinople*... — Упоминания Константинополя в каллиграфии, как в русском, так и в французском и латинском написаниях, многократны в записных тетрадях конца 1860-х годов и связаны, вероятно, с размышлениями писателя не только о Римской империи (чему свидетельство столь же повторяющиеся упоминания имен римских императоров — см. с. 850—851), но и об Османской, и о Восточном вопросе, к которому впоследствии Достоевский обращается в ДП.

С. 200. ...*Napoleon ~ Napoleon Bonaparte*... — Каллиграфические прописи. В романе «Идиот» есть многочисленные отсылки к наполеоновской теме, см. с. 542, 590 и др.

С. 200. ...*Hamlet*... — Каллиграфическая пропись. И в рукописях, и в окончательном тексте романа «Идиот» есть отсылки к трагедии Шекспира «Гамлет» (см. с. 486, 523); встречаются они, кроме того, и в неосуществленных замыслах Достоевского конца 1860—начала 1870-х годов (см. с. 394, 998—999).

С. 200. ...*Nero*... — См. ниже, с. 850—851.

С. 201. *Но Устинья ~ и засадила его*. — Речь идет о долговой тюрьме (см. о ней выше, с. 721—722).

С. 202. — *Я к Ивану Николаевичу (Идиоту) хочу*. — В этой записи Достоевский называет героя именем друга своей юности Ивана Николаевича Шидловского (см. о его личности и об истории отношений с писателем: Алексеев М. П. Ранний друг Ф. М. Достоевского. Одесса, 1921).

С. 203. *Расширение сердца*. — Кардиологическое заболевание, характеризуется увеличением полостей сердца и, как следствие, одышкой, отеками, аритмией.

С. 204. (*Кредиторы.*) *Всё лопнуло. Перед приездом Идиота 2-я часть (ложки закладывали).* См. также с. 205: *Заклады ложек.* — Автобиографический мотив: Достоевский закладывал серебряные ложки в 1865 г., см.: *Летопись.* Т. 2. С. 28.

С. 204. ...*Berlin...* — Берлин Достоевский посещал начиная с 1862 г. и писал об этом городе в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

С. 204. ...*Rossini...* — Джоакино Антонио Россини (1792—1868) — итальянский композитор. В записи от 16 (4) мая 1867 г. А. Г. Достоевская сообщала о желании отправиться на оперу Россини «Вильгельм Телль» в дрезденский театр, а 9 июля (27 июня) 1867 г. писала: «Мы долго гуляли и слушали „Stabat Mater“ Rossini, эту чудную песнь, этот великий гимн, который так и проникает в душу. Я не знаю, много ли таких прекрасных вещей, как эта» (*Достоевская А. Г., Дневник.* С. 34, 127; см. также: *Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015.* С. 205).

С. 204. ...*Lutetia, Paris...* — Каллиграфические прописи. Римский город Лютеция (лат. *Lutetia Parisiorum*, фр. *Lutèce*) был предшественником современного Парижа. Место поселения паризиев, см. выше, с. 846.

С. 204. ...*Marcus Aurelius, Marcus...* — Каллиграфическая пропись, имеется в виду Марк Аврелий Антонин (121—180 н. э.), римский император и философ-стоик. Некоторые суждения из работы Аврелия «Размышления» внутренне близки тем вопросам, которые в своем творчестве ставит Достоевский. Так, высказывание Лебядкина в романе «Бесы» («Если Бога нет, то какой же я после того капитан?») может быть отсылкой не только к словам Вольтера «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать» из «Послания к автору новой книги о трех лжецах» (1769), но и к следующей мысли Марка Аврелия: «Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет?» (см.: *Акад. ПСС.* Т. 12. С. 296).

С. 204. ...*Христос...* — См. с. 550.

С. 205. ...*дети принимают его как фискала.* — Фискал (от лат. *fiscalis* — относящийся к казне) — чиновничья надзорная должность в XVIII в.; разг. доносчик (*БАС.* Т. 16. Стлб. 1411—1412).

С. 205. *Тесное время.* — Ветхозаветная цитата: время скорби, печали, ср.: «А вы оставили Меня и стали служить другим богам; за то Я не буду уже спасать вас: пойдите, взывайте к богам, которых вы избрали, пусть они спасают вас в тесное для вас время» (Суд. 10:14, ср. Притч. 1:25—27), «И в тесное для себя время он продолжал беззаконно поступать пред Господом <...>» (2 Пар. 28:22), «И Ты отдал их в руки врагов их, которые теснили их. Но когда, в тесное для них время, они взывали к Тебе, Ты выслушивал их с небес и, по великому милосердию Твоему, давал им спасителей, и они спасали их от рук врагов их» (Неем. 9:27), «Посему будут прославлять Тебя народы сильные;

города страшных племен будут бояться Тебя, ибо Ты был убежищем бедного, убежищем нищего в тесное для него время, защитой от бури, тенью от зноя; ибо гневное дыхание тиранов было подобно буре против стены» (Ис. 25:3—4, см. также: Ис. 33:2).

С. 206. *Детский журнал*. — Из более широкого контекста записей, возможно, следует, что Мышкин намеревался организовать такой журнал для детей, ср.: «Предложение Журнала» (с. 263). Тема детства привлекает внимание общества и становится актуальной после появления в печати таких произведений, как «Детство» (1852) Л. Н. Толстого и «Детские годы Багрова-внука» (1854—1856, опублик. в 1858) С. Т. Аксакова. В творчестве Достоевского, в том числе и в романе «Идиот», эта тема имеет особое значение, см. выше, с. 501—502 и ниже, с. 989—990.

С. 206. ...про Монблан... — Горный массив, расположенный в Западных Альпах, находится на границе Франции и Италии. Возможно, упоминание его связано с наполеоновской темой, ср. в «Преступлении и наказании»: «...что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан...» (6, 358).

С. 207. (*Женский труд*.) — Тема женского труда связана с проблемой эмансипации и «женским вопросом», которые широко обсуждались в публицистике 1860-х гг., а также в художественной литературе (см., например, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) и др.). См. выше, с. 756.

С. 211. ...усадили в тарантас. — Тарантас — дорожная четырехколесная повозка на длинных дрогах (брусьях, соединяющих переднюю ось с задней).

С. 214. ...*Semiramis*... — Семирамида (Шаммурамат, 9 в. до н. э.) — царица Ассирии, героиня мифов и легенд, с именем которой связывают одно из семи чудес света — «висячие сады Семирамиды» в Вавилоне. Из произведений европейского искусства, авторы которых откликнулись на это имя, Достоевскому могли быть известны трагедия Вольтера и опера Россини «Семирамида».

С. 216. «Я поданницей питалась... — Вероятно, строки из песни (в автографе в данном месте упоминаются песенники). Источник не установлен.

С. 216. ...партию ведут... — Имеется в виду партия арестантов.

С. 217. ...не было стачки». — Т. е. тайной договоренности (см.: Шведова. С. 939; БАС, Т. 14. Стлб. 807—808).

С. 219. *Julius Cesar ~ Tiberius ~ Claudius ~ Caius Caligula ~ Nero ~ Galba* (<с. 108>); *Augustus, Tiberius* (<с. 109>); *Julius Cesar ~ Caius Caligula ~ Claudius ~ Nero ~ Galba, Otto, Vittellius ~ Vespasianus Titus ~ Adrianus, Marcus Aurelius Antoninus* (<с. 106—107>). См. также с. 256: *Julius Cesar ~ Romulus ~ Augustus ~ Caius Caligula, Claudius, Galba, Otto, Vittellius, Vespasianus ~ Romulus Augustulus*... (<с. 105>); с. 262: *Julius Cesar ~ Caius Caligula ~ Romulus Augustulus, Imperator* (<с. 99>). — Перечис-

ляемые Достоевским латинские имена называют знаменитых первых римских правителей (исключая Аттилу, см. ниже). В самой известной их биографии, написанной древнеримским историком Гаем Светонием Транквиллом «Жизнь двенадцати цезарей», полный ряд их выглядит так: Юлий, Август, Тиберий, Гай Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан, Тит, Домициан. Упоминание о Нероне в статье Достоевского «Ответ „Русскому вестнику“», возможно, также свидетельствует о его знакомстве с книгой Светония (см.: *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 137, 308). Некоторые имена Достоевский воспроизводит неточно — например, «имя императора-самоубийцы Отона (лат. Otho) он пишет как Otto» (см.: *Тихомиров Б. Н.* Был ли у Достоевского неосуществленный замысел под названием «Ростовщик»? // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 3. С. 12. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1508167445.pdf). Указано Т. В. Панюковой. См. также: *Евангелие Достоевского*. Т. 2. С. 746. *Atilla Rex* — Аттила (*Attila*; ум. 453) — предводитель гуннов, при котором гуннский союз племен вел завоевательные войны против Византии и Западной Римской империи.

С. 221. ...играть роль Магдалины. — См. с. 550—551, 599 и др.

С. 221. Что похожее на японский кинжал <, > сгнить в борделе. Но неведомо и неслышно. См. также с. 227: *Птицын говорил чрезвычайно верно о японцах*. — См. с. 754, а также: 8, 164.

С. 222. ...он всё прощает, видит везде причины, не видит греха непростительного и всё извиняет. — Вариация на тему всепрощения, одну из важнейших в творчестве Достоевского, см. с. 461, 504—505, 663.

С. 223. ...зовут меланхоликом и ипохондриком. — Меланхолик — человек, склонный к грусти, мрачным мыслям. См. также коммент. к с. 112.

С. 223. Свел и обратил их — он. См. также с. 251: *Аглая convertie* <обращена>. — Имеется в виду обращение как духовное влияние (обращение в веру), ср.: «Аглая наконец поражена его смирением»; «Спасением же Н<астасьи> Ф<илипповны> и хождением за ней он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви» (с. 223).

С. 226. Смотреть купленный кабинет редкостей. Стоил денег. — Кабинет редкостей — от англ. *Cabinet of curiosities*, нем. *Wunderkammer*, *Kunstkammer* (Кунсткамера). Первоначально так называли шкаф-кабинет, позднее помещение для хранения разнообразных коллекций. Кабинеты редкостей известны в Европе с XVI в., а в XVII столетии обрели популярность, став своего рода прообразом современных музеев. Эта популярность объясняется «интересом к античности, географическими открытиями, первыми достижениями эмпирической науки». Вначале кабинеты редкостей появлялись во дворцах, со временем коллекции стали включать «предметы искусства, драгоценности, различные диковинки». По примеру дворцовых создавались «частные» кабинеты редкостей в домах знати, богатых

горожан, ученых» (Кунсткамера // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 308—309. См. также: The Origins of Museums: The Cabinet of Curiosities in Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by Oliver Impley and Arthur Macgregor. Oxford, 1986; Кулинова И. А. 1) Кабинеты во Франции в XVI—XVII веках // Музей в современной культуре: Сб. науч. тр. СПб., 1997. Т. 147. С. 24—38; 2) Музеи Франции XIV—XIX веков. Ч. 1. СПб., 2001; Юренева Т. Ю. Западноевропейские естественно-научные кабинеты XVI—XVII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. №4. С. 64—78; Mauriès P. Cabinets de curiosités: [Album]. [Paris], 2002). Кабинет редкостей могли себе позволить состоятельные люди; упоминание о нем в набросках к роману связано с мотивом получения главным героем наследства, что подтверждается последующей записью: «Денег Князь получил больше, чем ожидали».

С. 226. ...у всенощной. — Всенощная (Всенощное бдение) — богослужение православной церкви, совершаемое накануне воскресения и отдельных праздников.

С. 227. Разор<ение> Р—ча <и> и проч. — В Акад. ПСС фамилия расшифрована как «Р<адамско>го» (Т. 9. С. 225), но, во-первых, в рукописи в данном слове другое окончание, во-вторых, фамилия Радомский ни разу не упоминается в черновых набросках к роману. Поскольку Достоевский записал фамилию сокращенно, возможно, имеется в виду реальное лицо, бывшее прототипом героя, на данный момент не установленное.

С. 227. ...как дух над ней носится, охраняя. — Библейская аллюзия: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:1—2).

С. 229. ...экономическое учение о бесполезности единичного добра — есть нелепость. — См. выше, с. 473—474, 794—795, а также: Мильдон В. Раскольников и Мышкин: (К художественной идеологии Достоевского) // ВЛ. 2005. № 3. С. 344—357; Галкин А. Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // «Идиот», ССИ. С. 322—323.

С. 232. Ждановск<ая> жидкость... — См. выше, с. 544.

С. 233. Но Ганя гораздо серьезнее, чем в первых 2-х частях. Не проговаривается. Молчит. Таит. — Библейская аллюзия: «Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну; но верный человек таит дело» (Притч. 11:13, см. также: Иов. 20:12—14).

С. 239. ...Евангельское прощение в Церкви блудницы. См. также с. 244: ...сцена с Князем, прощение во храме. — См. об этом выше, с. 550—552, 826.

С. 245. Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица... — См. выше, с. 493, 579—581, 590 и др.

С. 245. ...он !невинен! См. также с. 246: ...она вся сердцем отдалась Князю, потому что он невинен. ~ Ей жалко Князя, потому что он невинен ~ глубину невинности Князя. — В Библии

невинность определяется как непорочность, неподверженность греху. В Ветхом Завете эта тема звучит в Книге Иова: «Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?» (Иов. 4:7), «Изумятся о сем праведные, и невинный вознегодует на лицемера» (Иов. 17:8). Высшим примером невинности в новозаветном тексте служит Христос, ср.: «Сотник, видев происходившее, прославил Бога и сказал: точно человек этот был праведник» (Лк. 23:47), «Он не сделал никакого греха, и не было лжи в устах Его» (1 Пет. 2:22), «...испытал все, кроме греха» (Евр. 4:15), «никакой не нахожу вины в этом человеке» (Лк. 23:4, слова Пилата). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 210, 375, 562, 207; *Словарь библейских образов*. С. 679—680.

С. 248. — «Смирение самая страшная сила... — См. с. 793.

С. 248. *Цепь и надежда. Сделать немного*. См. также с. 249—250: *ЦЕПЬ, говорит о ЦЕПИ. ~ Звучать звоном. Сделать немного*. — Наброски рассуждений о «цепи» — символе бессмертия добрых дел, вероятно, появились не без влияния «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Убеждая Андрея Болконского принять масонство, чтобы служить добру, Пьер Безухов говорит: «...вступите в наше братство <...> и вы сейчас почувствуете себя <...> частью этой огромной, невидимой цепи, которой начало скрывается в небесах. <...> Разве я не чувствую <...> что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим. <...> Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был» (Толстой. Т. 10. С. 115—116; курсив наш. — *Ред.*). Записи Достоевского относятся к началу апреля, а в письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. он сообщал, что прочел половину романа Толстого (т. е. и упомянутый эпизод) (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 258). Идея этих набросков отразилась во всей концепции романа, но — непосредственное всего — в монологе Ипполита о благотворном влиянии «доброго дела» не только на приобщающиеся друг к другу личности, но и на «разрешение судеб человечества» (8, 372—373). См. также: *Соломина-Минихен, 2016*. С. 100. Записи о взаимосвязи всего живого в мире сопоставимы со словами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «...всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается» (*Акад. ПСС*. Т. 14. С. 290). См. выше, с. 504.

С. 248. — *Горского видел*. — См. выше, с. 544—545 и др.

С. 248. — *Видел одного священника ~ Купил поле*. — Сходные темы упоминаются в неосуществленном замысле, находящемся под каллиграфической прописью «Сцена и Брошюры», см. с. 368, 915—917.

С. 248. (*Он убил всё семейство Жем<ариных>.*) — См. с. 544—545, 547 и др.

С. 248. — *Голодный год*. — Голодными были 1867 и 1868 годы, когда особенно пострадали нечерноземные северные, а также западные губернии России, в частности Смоленская.

С. 249. *Смерть Белехова*. — В именных указателях и справочной литературе, посвященной творчеству Достоевского, это имя встречается и употребляется вариантно: Белихов — Белехов — Беликов (см.:

Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 548; Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Вст. ст., подг. текста и прим. С. В. Белова. СПб., 1993. С. 78—79, 101, 108, 114, 122 и др.; Летопись. Т. 1. С. 198—199 и др.; Белов, Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 90—91). Подполковник Григорий Белехов был командиром семипалатинского 7-го линейного Сибирского батальона, в котором Достоевский служил рядовым после пребывания на каторге (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 548*). Белехов упоминается в письме Достоевского А. Е. Врангелю от 23 мая 1856 г. (Там же. Т. 28. Кн. 1. С. 233). Известно, что Белехов стал покровительствовать Достоевскому, поддерживал писателя в сложный жизненный период. Именно в его доме «Д<остоевский> знакомится с А. И. Исаевым и его семьей» (*Летопись. Т. 1. С. 199*). А. Е. Врангель дал следующую характеристику Белехова: «Беликов был преоригинальная личность, достойная быть описанною. Главное его качество было хлебосольство и добродушие. Он происходил из кантонистов. Очень маленький ростом, с круглым брюшком, юркий и подвижный, с большим красным носом, говорил всем „ты, батюшка“ и готов был первому встречному отдать последнюю рубашку. Всегда навеселе, любил карты и особенно прекрасный пол, но выбор его не шел далее солдатских жен и дочерей, причем их отцы и мужья обожали его: „Нам он отец родной, сам он из наших“, — говорили они и горько плакали, когда командир спустил их батальонные суммы и застрелился» (*Врангель. С. 25—26; ср.: Летопись. Т. 1. С. 242*. См. также письма Достоевского М. М. Достоевскому от 3 ноября 1857 г. («у нас новый командир» — *Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 291*), Е. И. Якушкину от 23 ноября 1857 г. («у нас перемена начальства» — Там же. С. 292) и примечания к ним (Там же. С. 488)). Это произошло в 1857 г. Обстоятельства смерти Белехова стали, по-видимому, отправной точкой для развития мотива растраты ротной суммы в окончательном тексте романа. О растрате сообщается в «статье» против Мышкина, сочиненной компанией Бурдовского и написанной Келлером (8, 241). Ложные обвинения опровергает Ганя Иволгин. Есть в тексте и реплика самого князя: «Ах, зачем вы такую неправду написали, господин Келлер, в вашей статье про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчиненным не было — в этом я положительно убежден, — и как у вас рука поднялась такую клевету написать?» (8, 251). Вместе с тем ранее в разговоре с генералом Иволгиным Мышкин замечает, что отец его «умер под судом», но неизвестно, «за что именно» (8, 92). Параллель «Белехов, покровитель Достоевского» — отец князя Мышкина становится дополнительным свидетельством автобиографичности образа главного героя. См.: Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Графика — семантика — фактография: проблемы текстологии записных тетрадей Достоевского // *Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 35—36. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf*

С. 249. — *Рыцарь бедный*. См. также с. 284: — «*Рыцарь бедный*». — См. выше, с. 584—589.

С. 250. — «Ведь у него 12 спящих дев». — «Двенадцать спящих дев» — название поэмы В. А. Жуковского (1817), состоящей из двух баллад: «Громобой» (1811) и «Вадим» (1817). См. с. 589.

С. 250. *Князь про картину Гольбейна*. — См. с. 569—577, 650—652, 672—673, 765 и др.

С. 250. *Высочайшее Лакейство (St. Lou<i>s. Дюбарри)*. — Смысл этой лаконичной записи не вполне ясен. По предположению Р. Г. Назирова, Достоевский наряду с Ж.-М. Дюбарри (см. о ней выше, с. 758—759) упоминает здесь не французского короля Людовика IX (1214—1270), который царствовал с 1226 г. и был канонизирован католической церковью в 1297 г., а Людовика XVI (1754—1793). Он, как и Дюбарри, был гильотинирован по приговору революционного трибунала. Канонизирован он не был, но и в исторической, и в художественной литературе (особенно роялистской) его нередко называли святым, а его смерть на гильотине сопоставляли с распятием Христа (ср. также роман «Отверженные»: Гюго. Т. 6. С. 607). Такое предположение подтверждается еще и тем, что в хорошо знакомой Достоевскому «Истории Французской революции» Л.-А. Тьера приведены последние слова духовника, обращенные к казнимому: «Fils de Saint Louis, montez au ciel!» («Сын Людовика святого, восходите на небо!») (см.: Thiers L.-A. Histoire de la révolution française. Frankfurt a/M., 1854. Vol. 2. P. 273). О глубоком интересе Достоевского к эпохе Великой французской революции и, в частности, к процессу Людовика XVI см. также: 7, 767—768.

С. 251. *...бесконечность историй в романе (misérableй <отверженных> всех сословий)...* — Отсылка к роману «Отверженные» В. Гюго.

С. 251. *¿А не выставить ли Князя непрерывным сфинксом?* — Сфинкс — зооморфное мифическое существо. У древних греков — чудовище с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы. Персонаж легенды об Эдипе (см.: Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. Т. 2. С. 479—480). Здесь: сфинкс — человек-загадка.

С. 251. *Кавалергард оскорбил его...* — Кавалергард (от фр. cavalier — всадник и garde — охрана), офицер особого полка царской армии, с 1724 г. — офицер почетной стражи при лицах императорской фамилии.

С. 252. — *Князь говорит детям об Христофоре Колумбе...*; см. также с. 303: *О Христофоре Колумбе*; с. 314: *О Детях, о Колумбе*. — См. с. 501—502, 792.

С. 252—253. — «Захочу и выйду». *Гордость до Исступленья. Бежит с Рогожиным. ~ Больная женщина, возня*. — Сходные характеристики Достоевский дал А. П. Суловой в письме к ее сестре от 19 апреля 1865 г.: «Аполлинария — больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 121).

С. 254—255. *...Ободренная. Золотые сны ~ А в золотых снах...* — Золотые сны — поэтическое обозначение надежд, мечтаний,

грёз. Ср. строки из стихотворения «Безумцы» (1833) французского поэта П.-Ж. Беранже (1780—1857) в переводе (1862) В. С. Курочкина: «Господа! Если к правде святой / Мир дороги найти не умеет — / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой!» (Беранже П.-Ж. Избранное / Пер. с фр.; сост. В. В. Евгеньев, предисл. и примеч. Ю. И. Данилина. М., 1981. С. 295). Выражение, кроме того, встречается в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» (1829—1839, опубли. в России в 1860): «Лишь только месяц золотой / Из-за горы тихонько встанет / И на тебя украдкой взглянет, — / К тебе я стану прилетать; / Гостить я буду до денницы / И на шелковые ресницы / Сны золотые навевать...» (Лермонтов. Т. 2. С. 383). См. также: *Рус. фразеология*. С. 658. В рукописи романа «Идиот» эта характеристика — «золотые сны» — отнесена к образу Настасьи Филипповны, что лишний раз подтверждает его связь, как и всего романного сюжета, с романтической традицией, см.: Бакеев Р. А. Сюжет поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 324 (Июль). С. 8—11; Якубова Р. Х. Романтическая повесть «Жан Сбогар» Ш. Нодье в творческой рецепции Ф. М. Достоевского // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 5. С. 378—387.

С. 258. ...*Roma ~ Carthago*... — Каллиграфические прописи содержат латинские названия Рима и Карфагена (государства в северной части Африки, основанного финикийцами в 9 в. до н. э.). После Третьей Пунической войны (149—146 г. до н. э.) против Рима Карфаген был разрушен.

С. 258. ...воззвал! из глубины. — См. с. 771.

С. 261. ...читатель достаточно эклерирован... — Эклерирован (от фр. *éclairer* — светить, высветить) — осведомлен.

С. 261. Апокалипсис. — См. с. 547—548, 670—671 и др.

С. 262. — Обманул-с; ибо низок. — См. с. 510—511.

С. 262. ...*Petrus ~ Смиранный Игумен Зосима, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Евангелие Иоанна Богослова*. — *Petrus* — латинское написание имени св. апостола Петра. Игумен Зосима — вероятно, преп. Зосима Соловецкий, игумен Соловецкого монастыря, носивший это имя (умер в 1478 г., канонизирован в 1547 г.). Василий Великий (329—379), Григорий Богослов (329—389), Иоанн Златоуст (344—407) — христианские святые. Память их с XI в. отмечается церковью особым праздником — Собор вселенских учителей и святителей (30 января). О значении Евангелия от Иоанна для Достоевского см. выше, с. 550—553, а также: Дудкин В. В. Достоевский и Евангелие от Иоанна // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 5. С. 337—348.

С. 263. (*Его турнюр и проч.*) — Турнюр (фр. *tournaire*) — здесь: облик или манера держаться.

С. 263. Читает журнал Лебедева (в другом пакете). — Журнал (фр. *journal*) — здесь: дневник.

С. 263. ...вроде княжны Кати. — См. выше, с. 514.

С. 268. «Утаил от Премудрых и Разумных и открыл еси то Младенцам». См. также с. 282: «Утаил еси». — См. выше, с. 510—511.

С. 268. ...о Светопреставлении. — Светопреставление — в христианском вероучении грядущий конец мира, тема Откровения св. Иоанна Богослова и одна из тем толкователя Апокалипсиса Лебедева.

С. 269. ...всё о любвишках говорили, а вы о столпотворении... — В этой записи намечена интерпретация библейского сюжета о столпотворении вавилонском (Быт. 11:1—9). Ассоциации с вавилонским столпотворением обычно возникали у Достоевского при размышлениях об атеистической «гордыне» и разобщенности современного человечества (см., например, коммент. к подготовительным материалам к романам «Подросток» и «Братья Карамазовы»: Акад. ПСС. Т. 17. С. 259, 398; Т. 15. С. 464—465, 481, 527).

С. 270. — Лебедев, в своем плаче о Генерале: «Великий был человек... А даже и на смертном одре солгал». — Запись эта — пародийный отклик на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. В своем «Завещании» (см.: Гоголь. Т. 8. С. 220, 221) писатель патетически говорит о написанной им «Прощальной повести» — лучшим своим произведении, которое он оставляет потомству. Но ее, по выражению Достоевского, «совсем и не оказалось в действительности». Достоевский пародировал этот же факт в «Селе Степанчикове и его обитателях» (см.: 3, 14, 588), в романе «Бесы» (см.: Акад. ПСС. Т. 10. С. 209; Т. 12. С. 298), а в подготовительных материалах к роману «Подросток» очень своеобразно его интерпретировал. По его предположению, не существовало даже замысла «Прощальной повести», но «подполье» заставило Гоголя «так врать и паясничать, да еще в своем завещании» (Там же. Т. 16. С. 330).

С. 274. ...«ваш образ встал передо мной»). — Ср. со строками из письма А. С. Пушкина от 21 (?) августа 1825 г. к А. П. Керн: «Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный <...>» (Пушкин. Т. 13. С. 546) и строками известного пушкинского стихотворения «К***» (1825, опубл. в 1827) «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты» (Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 406). Ср. с записью в ПМ₂: «...любить чистою любовью обожания чистой красоты...» (с. 284).

С. 274. ...состояния и что делать. — В автографе слова «что делать» подчеркнуты — возможно, как указание на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». См. с. 546—547 и др.

С. 275. ...очень серьезный человек кн<язь> Щерб<атов>). — См. с. 755.

С. 276. ...описание сцены в воксале Екатерин<гофском>). — См. выше, с. 753.

С. 276. ...уже успел нафанфаронить и нашпиговать Князя... — См. выше, с. 754, 782.

С. 279. В 5-й части ~ (жена Ч<ернышевско>го) ~ почти дуэль. — См. выше, с. 541.

С. 281. *Герострат...* — Житель древнегреческого города Эфеса, сжегший храм Артемиды летом 356 г. до н. э. с целью прославиться.

С. 284. *Полон чистою любовью ~ Н. Ф. Б. своею кровью.* — См. выше, с. 585—589.

С. 284. ...«с лица стальной решетки...» — Цитата из пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный» (8, 231).

С. 285. ...*восстановить и воскресить человека!*» — Одна из важнейших тем творчества Достоевского, см. с. 598—604, 753 и др.

С. 287. *Черная женщина ходит. Героиня из романа Греча.* — Достоевский упомянул здесь, а затем в своеобразной интерпретации перенес в окончательный текст «Идиота» лейтмотив «Черной женщины» Н. И. Греча (1834). Герою этого романа, князю Кемскому, всю жизнь сопутствует видение. В детстве он стал свидетелем того, как во время эпидемии чумы женщина, одетая в черное, с распущенными черными волосами, кинулась с балкона в чумную повозку на труп своего жениха. С тех пор в критические минуты жизни (во сне или наяву) видение этой женщины появлялось перед ним, и по выражению ее лица Кемский угадывал, что предстоит ему вскоре: успех или неудача, счастье или беда. Роман заканчивается реализацией первого, детского видения князя: с балкона того же здания в объятия Кемского бросается горячо любимая им жена, которую он считал давно умершей. Отметим попутно, что в Кемском есть черты, родственные Мышкину. Потомок старинного рода, идеалист и мечтатель, он добр, кроток, чист душой, деликатен и благороден. Один из персонажей называет Кемского «князем из людей, человеком из князей» (*Греч Н. И. Черная женщина.* СПб., 1834. Ч. 3. С. 186). Окружающие часто смеются над князем или жестоко обманывают его. Упоминание о романе Греча появилось в *ПМ*₂ во второй половине апреля 1868 г. С ним перекликается и более поздняя запись: «? NB. В зале привидение» (см. с. 323); ср. с финальной сценой «Идиота»: «— Стой, слышишь? ~ оба опять улеглись» (8, 559). Отзвуки «Черной женщины» явственны не только в финале романа. Перед свиданием с Аглаей на зеленой скамейке Мышкин видит тревожный сон, который повторяется и в день прочтения им писем Настасьи Филипповны к Аглае, чтобы потом до буквальности воплотиться при встрече князя с Настасьей Филипповной: «...всё кругом него как бы походило на сон. И вдруг, так же как и давеча, когда он оба раза проснулся на одном и том же видении, то же видение опять предстало ему. Та же женщина вышла из парка и стала пред ним <...> и точно так же, как и давеча в его сне, слезы блистали теперь на ее длинных ресницах» (8, 421; курсив наш. — Ред.). Прием отождествления сна и реальности, видений и действительности — один из главных в романе Греча. Запись о Мышкине в *ПМ*₂: «— Ходил день по Петербургу, видения», — вероятно, в значительной мере навеяна этим романом (см. с. 320; ср. со сценой в Павловском воксале, где перед Мышкиным предстает «видение» Рогожина и «чрезвычайное видение» Настасьи Филипповны — см.: 8, 319—321).

С. 288. *23 апре<ля> (Shakespeare).* — См. выше, с. 485—486, 509, 523 и др.

С. 291. *Теория практического христианства*. — По мнению К. В. Мочульского, эти строки в черновом тексте «Идиота» связаны с попытками создать образ «князя Христа»: «Сострадание, всепрощение, любовь, смирение, мудрость — таковы черты князя-Христа. Перед безмерностью задачи Достоевский остановился. В окончательной редакции „божественность“ князя исчезла; „праведность“ прикрылась человеческими слабостями. Писатель преодолел соблазн написать „роман о Христе“» (Мочульский, 1995. С. 393). Вместе с тем «теорию практического христианства» Достоевский наиболее последовательно показал в романе «Братья Карамазовы» в учении старца Зосимы. См. также с. 473—474, 794—795.

С. 292. *...лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского.*) — Александр III Великий (356—323 до н. э.), царь Македонии, полководец. Писатель мог знать историю жизни Александра Македонского из «Краткого начертания всеобщей истории» И. К. Кайданова (о котором Достоевский упоминал в ДП за 1877 г. — см.: *Акад. ПСС*. Т. 25. С. 147) или «Всемирной истории» Ф.-К. Шлоссера, имевшейся в домашней библиотеке, а также из других исторических источников, включая Ветхий Завет, где «в первой книге Маккавейской Александр Македонский был осужден за то, что „произвел много войн и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли“ (Мак. 1:1)» (см.: Подосокорский Н. Н. Александр Македонский в текстах Ф. М. Достоевского // Интернет-журнал «Пролог». 2012). По мнению исследователя, отношение Достоевского к Александру Македонскому, «выражаемое через явные и скрытые обращения к его образу, можно свести не столько к осуждению или какой бы то ни было окончательной моральной оценке, сколько к евангельскому вопросу, который остается открытым и по сей день: „...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?“ (Мф. 16:26)» (Там же).

С. 292. *После бегства Н<астасьи> Ф<илипповны> начинаются разные истории (иные возбужденные Аглаей Соломоновы суды и проч.).* — Соломонов суд — ветхозаветный эпизод, рассказ о мудром судии, к которому однажды пришли две женщины с просьбой найти выход из труднейшей ситуации (см.: 3 Цар. 3:16—28). Судя по характеру заметок на ближайших страницах (<с. 79 и 80>), которые Достоевский несомненно перечитал, а также по смыслу последней строки на <с. 77>: «Смерть Н<астасьи> Ф<илипповны>», — имеется в виду бегство героини из-под венца в финале романа. В таком случае «истории» Соломоновых судов, «возбужденных Аглаей», представляются неосуществленными вариациями сцены соперниц, где князь должен был избрать одну из любящих его женщин. См. также о фразеологизме «суд Соломона (Соломонов суд)»: *Рус. фразеология*. С. 676.

С. 293. *Советует ему спросить 100 000 — Ганя топорщится, но кончает этим.* — Топорщиться — важничать (*Даль*. Т. 4. С. 418; *БАС*. Т. 15. Стлб. 648).

С. 293. *Дон-Жуан*. — Один из «вечных образов» мировой литературы (см.: *Веселовский А. Н.* Легенда о Дон Жуане // *Северный вестник*. 1887. № 1. С. 83—108). В данном случае имя использовано в нарицательном смысле, как характеристика Вельмончека и в связи с мотивом его женитьбы «для фанфаронства» на дочери Лебедева.

С. 293. «*Колпак*». — Здесь: болван, глупец (просторечное, бранное). В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (1848) Достоевский не только употребляет это выражение, но и своеобразно «толкует» его (см.: 2, 129).

С. 294. ...*плохо к почве привязаны*... — Почвенничество — идейное философско-литературное направление в России 1860-х годов, которое сформировалось на основе взглядов Ф. М. и М. М. Достоевских, Ап. Григорьева и Н. Н. Страхова (см.: *Гроссман Л. П.* Достоевский. М., 1965. С. 212—226, 296—306; *Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966; *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, и др.). См. выше, с. 459, 820.

С. 295. *Гая страстно влюблен в Аглаю, до последних риз*... — До положения (низложения) риз — устойчивое сочетание, характеризующее степень опьянения (в данном контексте — опьянения страстью): до бесчувствия, до потери сознания (БАС, Т. 12. Стлб. 1313). Выражение восходит к библейской легенде о Ное, который, опьянев, обнажился, сняв свои ризы (одежду) (Быт. 9:20—21) (см.: *Глинкина. С.* 97).

С. 295. ...*Florence, Флоренция*... — Каллиграфические прописи. Достоевский посетил Флоренцию в 1862 г., а позднее приехал сюда с женой через полгода после смерти в Женеве первенца Сони в 1868 г. Здесь писатель заканчивал роман «Идиот».

С. 296. — *Дураков*. — См. выше, с. 834.

С. 296. — *Родной дядя Вельмончек <a> Политковский*>. — См. выше, с. 540.

С. 298. ...*он сначала его комизировал*... — Комизировал, как следует из контекста наброска, — ставил в комическое положение.

С. 298. ...*быть вивером*... — См. выше, с. 780.

С. 298. (*Часть Ласепайровского тщеславия*). — В редакционном примечании к «Процессу Ласенера» (см. выше, с. 800—801), написанном Достоевским, отмечалось: «...дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкие инстинкты и малодушие перед нуждой сделали его преступником, а он осмеливается выставлять себя жертвой своего века. И всё это при безграничном тщеславии. Это тип тщеславия, доведенного до последней степени» (Вр. 1861. № 2. С. 1; *Акад. ПСС*. Т. 19. С. 90).

С. 301. *Действительность выше всего ~ Может быть, в Идеале человек еще более действителен*>. — Здесь выражены эстетические взгляды Достоевского, которые получили более подробное обоснование в его литературно-критических статьях, начиная с публикаций 1860-х годов. См. выше, с. 518—519.

С. 301. ...1000 душ, пророчества — фантасти<ческая> действит<ельность>. — Скорее всего, речь идет о романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ», который вызвал критику Достоевского сразу же после выхода в свет. 31 мая 1858 г. он писал М. М. Достоевскому: «Это только посредственность, и хотя золотая, но все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, созданный, никогда не являвшийся<?> Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам <...>» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 312). См. ниже, с. 951—952.

С. 302. — *Князь говорит про людей грешных: «Все больные, за ними уход нужен».* — Аллюзия на евангельский текст, ср. с эпизодом о пребывании Христа у Матфея-мытаря: «И когда Иисус возлежал за столом в доме его, то пришли многие мытари и грешники и возлегли с Иисусом и учениками Его. Фарисеи, увидя то, сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарами и грешниками? Иисус же, услышав сие, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9:10—12 — см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 20). Ср. со словами Мышкина в печатном тексте «Идиота»: «За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами» (8, 158); «Ехал же я сюда, имея намерение: я хотел ее наконец уговорить за границу поехать, для поправления здоровья; она очень расстроена и телом, и душой, головой особенно, и, по-моему, в большом уходе нуждается» (8, 191). См.: *Соломина-Минихен, 2016*. С. 41—42.

С. 302. — *Антропофаг.* — См. с. 773.

С. 303. — *Князь говорит, что он мало видел настоящего дворянства.* — Вариация темы «лучших людей», получающей развитие позднее в романе «Подросток» и ДП. См. выше, с. 821—822.

С. 303. <—> *Если Д<урако>в сказал, то Урус<ов> — не скажет...* — См. с. 833—834.

С. 303. — *Звезда полярная.* — См. с. 777.

С. 304. *Мир красотой спасется — два образчика красоты.* — Воплощением «двух образчиков красоты» в романе становятся Настасья Филипповна и князь Мышкин, см. выше, с. 790, а также: *Джек-сон Р. Л. Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя / Пер. с англ. яз. Т. В. Ковалевской. СПб., 2020*. С. 54—83.

С. 305. — *«Аристократ есть тот ~ составляет все наши реформы».* — Л. М. Лотман обратила внимание на то, что «мотивировкой исключительной „свободы“ героя, помимо его характера, чуждого практицизма, должны были стать его аристократическое происхождение и наследство». Одна из тем подготовительных материалов к роману — «борьба за существование как главная проблема жизни человечества» — рассматривалась в связи с указанным «определением аристократии»: «Независимо от того, кому из героев Достоевский „поручил“ бы высказать эти „определения“, существенно самое противопоставление аристократии чиновничеству, которое „служит“ государству „для своего существования“, ради благополучия, которое достига-

ется в борьбе с себе подобными „конкурентами” и с неблагоприятными обстоятельствами. „Труд для своего существования”, таким образом, выступает как орудие в борьбе за личное благополучие, и свобода от участия в нем еще не означает неспособности трудиться вообще». По мнению Л. М. Лотман, понимание аристократизма, близкое к этому, содержится в черновиках «Войны и мира» (Лотман Л. М., 1974. С. 279—280).

С. 309. *Италия (непреренно Италия)*. — Образ Италии был популярен в русской литературе XIX в. См.: Ковальская М. И. Италия эпохи Рисорджименто в творчестве Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского // Россия и Италия: Сб. ст. М., 1993. Вып. 1. С. 118—149.

С. 309. *Роза — любовь*. — Один из древнейших поэтических символов любви. О его истории и значении в разных культурах писал А. Н. Веселовский, замечая, что роза «не только цветок любви и смерти, но и страдания и мистических откровений» (см. подробнее: Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 132—139).

С. 309. *Согласны вы, Князь? ~ (Дон-Кихот и желудь)*. «За здоровье солнца». — Достоевский имеет в виду эпизод гл. XI первой части романа Сервантеса: Дон-Кихот, взяв «пригоршню желудей и внимательно их разглядывая», произносит перед козопасами речь о золотом веке (см.: Сервантес Сааведра М. де. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 127—129). Размышления о золотом веке человечества (в его прошлом и будущем) занимали писателя уже в 1840-е годы и постоянны в его творчестве послекаторжного периода (см. об этом в коммент. к «Преступлению и наказанию», «Бесам», «Подростку» — 7, 525—526, 686—688; Акад. ПСС. Т. 12. С. 187, 340; Т. 17. С. 312—313, 334—336, 388—389). Упоминаемая выше речь Дон-Кихота стала одним из отдаленных литературных источников рассказа «Сон смешного человека» (см.: Там же. Т. 25. С. 404). Главный мотив речи князя, намеченный в этой записи, встречаем в подготовительных материалах к «Подростку» в качестве одного из вариантов его предполагаемого финала: «Гимн всякой травке и солнцу <...>» (Там же. Т. 16. С. 48) — и в романе «Братья Карамазовы»: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой <...>» (Там же. Т. 14. С. 267; ср. с окончательным текстом «Идиота»: 8, 381, 390—391). Ср. еще один фрагмент речи Мышкина, начинающийся словами: «Да здравствует солнце...» (см. с. 307). Эти слова, как и тост «За здоровье солнца», возможно, навеяны строкой «Вакхической песни» Пушкина (1825): «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

С. 311. *Ипполит нацкивает Лиз<авету> Прок<офьев>ну и сестер, что Аглия любит Князя*. — От цыкать (обл.) — натравлять (Даль. Т. 4. С. 575).

С. 314. «Одни блудники и прелюбодеи никогда не войдут в Царствие Небесное». — Эти слова восходят к Евангелию от Матфея (Мф. 5:19—20): «И так кто нарушит одну из сих малейших заповедей,

и научит так человеков; тот малейшим наречется в царствии небесном: но кто сотворит и научит; тот великим наречется в царствии небесном. Ибо сказываю вам: ежели праведность ваша не превзойдет *праведности* книжников и Фарисеев; то не войдете в царство небесное» — и Первому посланию св. апостола Павла к Коринфянам: «...Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи <...> царствия Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9—10; см. также: Гал. 5:19—21). Ст. 19 в евангельском тексте отчеркнут ногтем. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 9, 442, 496; Т. 2. С. 165—166, 661.

С. 314. О Ренане — о Христе. — См. выше, с. 563—568 и др.

С. 319. Лекция об образовании ~ и придет к Христу. — Достоевский ссылается на статью Г. де Молилари «Всемирная выставка 1867 года» (*РВ*. 1868. № 9. С. 164—194). Статья посвящена анализу предисловия, написанного М. Шевалье к тринадцатитомному Собранию докладов международного жюри этой выставки. Пересказывая Шевалье, Молилари сообщает о продемонстрированных «в галерее машин» успехах механики, химии и других наук, примененных к промышленности и земледелию, о введении в действие «мощных орудий, тонких инструментов, остроумных способов производства», благодаря которым «развитие производительной силы человека представится с поразительной ясностью и с новым блеском» (С. 168; ср. с записью в *ПМ*₂: «Говорит об машинах, говорит об машинах»). Он много пишет также «об открытии и разработке петролея» (т. е. нефти; фр. pétrole), разнообразных возможностях его использования и — что особенно важно для Достоевского — указывает на пример России, где запасы нефти велики и опыты по ее добыче «наиболее замечательны» (С. 174). Благодаря развитию хлопчатобумажной и «шерстяной» промышленности, улучшению всех видов одежды (с введением «машинной работы»), продолжает Молилари, изменится бытовая сторона жизни (С. 175—177). Достоевскому не могли быть не близки призывы к широкому распространению образования, к улучшению не только материального, но — прежде всего — «нравственного» быта людей (С. 189). Молилари касался и вопросов, уже затронутых в романе «Идиот», — о путях борьбы с голодом и бедностью, о сети железных дорог, которая, даже «в чрезвычайных обстоятельствах», избавит людей от многих страданий. Он писал о промышленном прогрессе с глубоким убеждением в том, что «будущее гораздо ближе к настоящему, чем вообще предполагают» (С. 182). Вероятно, Достоевский был с этим согласен и потому намеревался включить в роман «злободневное» выступление князя. Излагая мысли Шевалье о том, что «лет через тридцать» «колоссы Северной Америки и России» смогут подчинить себе европейские страны, нанести им удар, «которому суждено прогреметь от одного полюса до другого» (С. 192), Молилари не разделяет этих опасений и пишет о возможности мирного, глубоко человеческого разрешения всех проблем: «Если русским и американцам суждено когда-нибудь перегнать нас, людей Запада, то не совершится ли это благодаря превосходству их просвещения, нравственности и цивилизации? <...> различие национальностей и племен будет только средством к побуждению их

перегонять друг друга на пути материальной и нравственной цивилизации, к общей выгоде для человечества...» (С. 193—194; ср. с заключением Достоевского, что всё «придет к Христу», и с записью в ПМ₂: «...вечер, будущий мир России и человечества и экономические разговоры» — с. 320).

С. 319—320. *Князь просто и ясно (Отелло) ~ (и тут Отелло)*... — См. выше, с. 524—525.

С. 320. *...экономические разговоры*. — См. с. 839 и 852 (коммент. к с. 124 и 229).

С. 321. *Рогожин заснул. Сон: «Такое, как бы некое дерево»*. — Образ дерева восходит к мифологии и библейским текстам. В Библии связан с темой праведной и греховной жизни человека. В Ветхом Завете это дерево жизни, райское дерево, ср.: «Многие и горестные бедствия постигнут тех, которые населяют век, в последнее время, потому что они ходили в великой гордыне. А ты заботься о себе, и подобным тебе ищи славы; ибо вам открыт рай, насаждено дерево жизни, предназначено будущее время, готово изобилие, построен город, приготовлен покой, совершенная благодать и совершенная премудрость» (3 Езд. 8:50—52; см. также: Притч. 11:30, 3:18, 13:12). В Новом Завете это Крестное дерево, на котором был распят Христос: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на дерево, дабы мы, умерши для грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Пет. 2:24), а также эсхатологический образ, связанный с темой спасения души: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, дабы иметь им право на дерево жизни, и войти в город воротами» (Откр. 22:14, см. также: Откр. 22:2). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 375, 619, 618.

С. 321. *«Как я подошел колоть ~ Черный глаз смотрит»*. — По утверждению Р. Г. Назирова, эта художественная деталь вызывает ассоциации с новеллой П. Мериме «Кармен» (1845) (Назирова, 2010. С. 293). Первый русский анонимный ее перевод был напечатан в 1846 г. в «Отечественных записках». Он не был полным и заканчивался именно гибелью героини; приводим отрывок из него, который мог запомниться писателю: «Два раза ударил я ее ножом. То был нож Кривого, взятый мною, когда мой изломался в его горле. При втором ударе, Кармен упала, не вскрикнув. Еще и теперь я как будто вижу большой черный глаз ее, пристально смотрящий на меня; мало-помалу он стал мутен и закрылся» (ОЗ. 1846. № 1. Отд. VIII. С. 38; ср.: Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 2. С. 383).

С. 322. *Купить разве, цветами обложить<?> Да жалко будет, ее жалко будет в цветах-то! Точно невеста*. — Сравнение умершей с невестой — одно из значений выражения «Христова невеста» (см.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. С. 430), которое следует рассматривать в контексте проблематики греха, спасения и воскресения души, столь важной для романа «Идиот».

С. 323. <—> *Зелен виноград*. — Эти слова, означающие напускное презрение к чему-нибудь недостижимому, восходят к пословице «Зелен виноград не сладок». Они стали особенно популярными после

выхода в свет басни И. А. Крылова «Лисица и виноград» (1808). См. также: Басни Эзопа / Пер., статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 68. (Сер. Лит. памятники).

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(С. 5)

Источники текста:

ПМ — Подготовительные материалы (планы и наброски). 25 с. 1869 г. Хранятся: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 6. С. 51—57, 59—64, 72—81; ф. 212. 1. 8. С. 12—13 (в двух рабочих тетрадях, содержащих также черновые записки к «Идиоту» и «Бесам»); см.: *Описание*. С. 52—53. Впервые опубликовано: *Акад. ПСС*. Т. 9. С. 289—316.

Э. 1870. № 1. Отд. I. С. 1—79 (гл. I—IX); № 2. Отд. I. С. 3—82 (гл. X—XVII).

1871 — «Вечный муж». Рассказ Федора Достоевского. СПб.: Изд. А. Ф. Базунова, 1871.

1882. Т. 5. С. 337—468.

Впервые напечатано: Э. 1870. № 1, 2, с подписями: Ф. Достоевский, Федор Достоевский.

Печатается по тексту 1871 с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по Э и 1882:

С. 6, строка 20: «новый оттенок, которого не было прежде» вместо «новый оттенок, которого не было, прежде» (по Э).

С. 6, строки 29—30: «Но и тщеславие» вместо «Но тщеславие» (по Э).

С. 6, строка 36: «причины высшие и низшие...» вместо «причины высшие и низшие"...» (по Э).

С. 7, строки 9—10: «его мысли и ощущения» вместо «его мысли ощущения» (по Э).

С. 9, строка 15: «вздумал бы не узнать, то» вместо «вздумал бы не узнать то» (по Э).

С. 11, строка 26: «через две недели» вместо «чрез две недели» (по Э).

С. 13, строка 17: «причиною был не кто иной» вместо «причиною был никто иной» (ред. испр.).

С. 13, строка 28: «опустив глаза и, кажется, очень желая» вместо «опустил глаза и, кажется, очень желая» (по Э).

С. 14, строка 42: «этого не бывало» вместо «это не бывало» (по Э).

С. 15, строки 16—17: «дошедшем до помешательства» вместо «дошедшим до помешательства» (по Э).

С. 16, строка 8: «всегда было тяжело сознаваться» вместо «всегда было тяжело сознаться» (по Э).

С. 18, строки 31—32: «Я ведь Павел Павлович Труссоцкий» вместо «Я ведь Павел Иванович Труссоцкий» (по Э).

С. 19, строки 42—43: «оставила некоторые следы на лице» вместо «оставила некоторые следы в лице» (по Э).

С. 21, строка 39: «по-давешнему» вместо «по-давешному» (по Э).

С. 23, строка 3: «а покойница — „провинциалку”» вместо «а покойница — „Провинциалку”» (ред. испр.).

С. 23, строки 4—5: «так что я и не играл „мужа”» вместо «так что я и не играл роль „мужа”» (по Э).

С. 25, строка 5: «Он стыдился своего т—ского года» вместо «Он стыдился своего т—ского города» (по Э).

С. 27, строки 14—15: «у него был и ум; но так как Наталья Васильевна не очень любила» вместо «у него был и ум: но так как Наталья Васильевна не очень любила» (по Э).

С. 27, строка 38: «не находила его ни смешным» вместо «не находила его смешным» (по Э).

С. 28, строки 34—35: «объяснил себе, между прочим, и тем, что» вместо «объяснил себе, между прочим и тем, что» (по Э).

С. 30, строки 16—17: «в соседнюю комнатку» вместо «в соседнюю комнату» (по Э).

С. 30, строки 33—34: «Тут-то я и накуралесить могу» вместо «Тут-то и я и накуралесить могу» (по Э).

С. 31, строка 3: «не шутка» вместо «не штука» (по Э).

С. 31, строки 41—42: «если так, то позвольте же: вы выехали сентября двенадцатого-с» вместо «если так, то позвольте же; вы выехали сентября двенадцатого-с» (ред. испр.).

С. 32, строка 3: «в комнатку к Лизе» вместо «в комнату к Лизе» (по Э).

С. 33, строки 34—35: «извергом чувствую-с. Всё от затмения-с...» вместо «извергом чувствую-с. Всё от затмения-с. Всё от затмения-с...» (по Э).

С. 34, строка 1: «намерением» вместо «нетерпением» (ред. испр.).

С. 34, строка 17: «Да как же-с» вместо «Да так же-с» (по Э).

С. 34, строки 27—28: «как же совсем без отца-то-с?» вместо «как совсем без отца-то-с?» (по Э).

С. 35, строка 28: «— Вы, что ли, батюшка, девочку-то отвезете?» вместо «— Вы, что ли, батюшка, девочку-то отвезете?» (по Э).

С. 35, строка 33: «ребеночку с понятием» вместо «ребеночку с понятием» (по Э).

С. 35, строки 45—46: «Одного ему хотелось: поскорей уж уехать» вместо «Одного ему хотелось поскорей уж уехать» (по Э).

С. 37, строки 17—18: «Он торопил кучера; он надеялся на дачу» вместо «Он торопил кучера: он надеялся на дачу» (по Э).

С. 44, строка 38: «даже поднумеровано по годам» вместо «даже поднумерована по годам» (по Э).

С. 44, строки 38—39: «Утешает это, что ли, уж очень — не знаю-с; а должно быть» вместо «Утешает это, что ли, уж очень — не знаю-с: а должно быть» (по З).

С. 47, строки 12—13: «Это после-с; всё будет после-с...» вместо «Это после-с всё будет после-с...» (по З).

С. 48, строка 33: «робеночка» вместо «ребеночка» (по З).

С. 48, строки 37—38: «Кричит: „Ты, говорит, мне не дочь» вместо «Кричит: „Ты: говорит, мне не дочь» (по З).

С. 48, строка 46: «робенок» вместо «ребенок» (по З).

С. 50, строка 41: «Клавдии Петровне» вместо «Кловдии Петровне» (по З).

С. 50, строка 43: «которые здесь говорил!» вместо «которые здесь говорил"» (по З).

С. 50, строка 46: «чтобы, прощаясь, поцеловать хоть краешек ее платья» вместо «чтобы, прощаясь поцеловать хоть краешек ее платья» (по З).

С. 51, строки 38—39: «но Вельчанинов кричал» вместо «Вельчанинов кричал» (по З).

С. 52, строки 6—7: «выкрикивал» вместо «вскрикивал» (по З).

С. 52, строка 14: «вы сегодня должны у меня ночевать!» вместо «вы сегодня должны ночевать!» (по З).

С. 52, строка 24: «Навьюченный Павел Павлович» вместо «Навьюченный Павел Петрович» (по З).

С. 52, строки 36—37: «кривляний ваших больше не потерплю, пьяных вчерашних поцелуев не потерплю!» вместо «кривляний ваших больше не потерплю!» (по З).

С. 53, строка 29: «который напредставит сам себе» вместо «который не представит сам себе» (по З).

С. 53, строки 45—46: «в собрании, в присутствии дам и дамы его сердца, и счел себя оскорбленным» вместо «в собрании, в присутствии дам и дамы его сердца и счел себя оскорбленным» (по З).

С. 54, строки 30—31: «помолчав и в мрачном раздумье» вместо «помолчав в мрачном раздумье» (по З).

С. 55, строки 32—33: «откликнулся Павел Павлович» вместо «откликнулся Павел Петрович» (по З).

С. 55, строки 36—37: «что, среди совершенной темноты, что-то стояло» вместо «что среди совершенной темноты, что-то стояло» (по З).

С. 57, строка 16: «подымался, бросался в Петербург» вместо «подымался бросался в Петербург» (по З).

С. 59, строка 4: «— Артиллерии... прапорщика... помните?» вместо «— Артиллерии... — прапорщика... помните?» (по З).

С. 61, строка 16: «Прилив какой-то чистой и безмятежной веры» вместо «Прилив какой-то чистой безмятежной веры» (по З).

С. 61, строки 40—41: «— Вы еще не уехали, — промолвил Вельчанинов, как бы не спрашивая» вместо «— Вы еще не уехали? — промолвил Вельчанинов, как бы не спрашивая» (ред. испр.).

С. 63, строки 8—9: «странную и неприятную мысль» вместо «странную и непонятную мысль» (по З).

С. 63, строка 24: «так уж вашего отказа боюсь-с...» вместо «так уж вашего отказа боюсь-с.» (по З).

С. 63, строки 44—45: «ведь это к Захлебину, на дачу. Статский советник Захлебнин-с» вместо «ведь это к Захлебину, на дачу. Статский советник Захлебнин-с» (по 1882).

С. 64, строки 28—29: «К тому же вы сами сегодня увидите» вместо «К тому же, вы сами сегодня увидите» (по З).

С. 64, строка 34: «Живут хорошо, а скопить никак невозможно» вместо «Живут хорошо, и скопить никак невозможно» (по З).

С. 67, строка 12: «— По-моему, не надо» вместо «— По-моему не надо» (З), «По-моему, — не надо» (1871), «— По-моему, — не надо» (1882) (ред. испр.).

С. 68, строки 7—8: «сам Захлебнин был весьма солидный чиновник» вместо «сам Захлебнин был весьма солидный чиновник» (по З).

С. 72, строка 42: «ни малейшего внимания» вместо «ни леймашего внимания» (по З).

С. 73, строка 41: «— А-а-а! — озадаченно протянул старик. — Гм!» вместо «— А-а-а! — озадаченно протянул старик, — Гм!» (по 1882).

С. 74, строки 30—31: «Всё уж готово! — слышались зовущие и нетерпеливые голоса девиц» вместо «Всё уж готово, — слышались зовущие и нетерпеливые голоса девиц» (по З).

С. 75, строки 31—32: «перемигивалась в волнении с девицами» вместо «перемигивались в волнении с девицами» (по 1882).

С. 77, строки 1—2: «Наконец стали появляться, как бы невзначай, проходя по две и по три, девицы» вместо «Наконец стали появляться, как бы невзначай, проходя по две и по три девицы» (по З).

С. 78, строка 15: «могли это подумать» вместо «могли от подумать» (по З).

С. 78, строка 17: «я не понимаю, они все там говорят» вместо «я не понимаю они все там говорят» (по З).

С. 79, строки 30—31: «последние слова романа:» вместо «последние слова романа» (ред. испр.).

С. 83, строки 10—11: «там вы знаете: рабом ее стану; увидит почет, общество...» вместо «там вы знаете: рабом ее стану: увидит почет, общество...» (по З).

С. 84, строки 37—38: «верил-с — несмотря ни на что-с...» вместо «верил-с несмотря ни на что-с...» (по З).

С. 84, строки 43—44: «привязываетесь вы к больному, раздраженному человеку, чуть не в бреду человеку, и тащите его в эту тьму...» вместо «привязываетесь вы к больному, раздраженному человеку, чуть не в бреду, человеку и тащите его в эту тьму...» (по З).

С. 87, строки 7—8: «Угодно вам будет согласиться на мое предложение?» вместо «Угодно вам будет согласиться на предложение?» (по З).

С. 87, строки 39—40: «справлюсь у почтеннейшего Федосея Петровича» вместо «справлюсь у почтеннейшего Федосея Семеновича» (ред. испр.).

С. 88, строка 9: «Я не брал, но она — просила...» вместо «Я не брал, она — просила...» (по З).

С. 89, строки 27—28: «заметил он после некоторого молчания» вместо «заметил он после этого некоторого молчания» (по З).

С. 94, строки 3—4: «то и слава Богу-с, и добрый знак-с!» вместо «то и слава Богу-с и добрый знак-с!» (по З).

С. 94, строки 35—36: «в приснившемся ему с месяц назад таком же сне» вместо «в приснившимся ему с месяц назад таком же сне» (по З).

С. 95, строки 4—5: «ведь вот он спит же, вот тут на диване?» вместо «ведь вот он стоит же, вот тут на диване?» (по 1882).

С. 95, строка 39: «удивлялся» вместо «удивился» (по З).

С. 98, строки 7—8: «он как бы всё чего-то ожидал» вместо «он так бы всё чего-то ожидал» (по З).

С. 99, строки 36—37: «всего лучше и то и другое, вместе» вместо «всего лучше, и то и другое вместе» (по З).

С. 100, строка 38: «ему еще вчера как бы грезилось» вместо «ему еще как бы грезилось» (по З).

С. 103, строки 31—32: «во что бы там ни перерождались» вместо «во что бы там не перерождались» (по З).

С. 105, строка 25: «этот „мсѣ“» вместо «этот „мсье“» (по З).

С. 107, строки 20—21: «Павел Павлович покоровился; Вельчанинов это заметил» вместо «Павел Павлович покоровился: Вельчанинов это заметил» (по З).

С. 107, строки 28—29: «в смятении посматривая на вагоны и прислушиваясь» вместо «в смятении посматривая на вагоны и прислуживаясь» (по 1882).

Анализ публикаций «Вечного мужа», как и в случае с романом «Идиот», указывает на большую точность в отображении текста в первопечатном издании. Ниже приведены примеры разночтений. При необходимости текст рассказа восстанавливается по З, в некоторых случаях сделаны редакционные исправления.

Таков пример, когда во всех источниках текста в предложении стоит точка с запятой, тогда как из контекста следует, что нужна запятая:

С. 10, строки 10—13: «так наивно и откровенно рассказано всё их себялюбие, всё их простодушное нахальство, вся трусливость их душонок, вся куриность их сердчишек, — что, право, тут рай ипохондрику» вместо «так наивно и откровенно рассказано всё их себялюбие, всё их простодушное нахальство, вся трусливость их душонок, вся куриность их сердчишек; — что, право, тут рай ипохондрику».

Следующий за знаком тире союз «что» синтаксически и логически соотносится с наречием «так» в первой части предложения, образуя смысловое единство («так, что» в значении «таким образом, что»), поэтому между ними не может стоять точка с запятой.

В публикациях рассказа «Вечный муж» встречаются, кроме того, случаи однотипной постановки знаков препинания.

Точка с запятой (З) вместо запятой (1871):

С. 17, строки 8—9: «А! вот он всходит, взшел, осматривается; прислушивается вниз на лестницу; чуть дышит, крадется...» вместо «А! вот он всходит, взшел, осматривается, прислушивается вниз на лестницу; чуть дышит, крадется...».

С. 74, строки 6—8: «явились и охотницы: Марья Никитишна, рыженькая подружка (тоже приглашенная к обеду) и наконец сама мать семейства, ужасно перепугавшаяся; все хотели стукать» вместо «явились и охотницы: Марья Никитишна, рыженькая подружка (тоже приглашенная к обеду) и наконец сама мать семейства, ужасно перепугавшаяся, все хотели стукать».

Замена точки с запятой в 1871 представляется необоснованной: это знак, разделяющий логически завершённые отрезки текста, на что в первом случае указывает повтор этого знака, во втором — синтаксическая позиция точки с запятой после периода с перечислениями и перед началом нового простого предложения в составе сложного.

Двоеточие (З) вместо точки (1871):

С. 17, строки 19—20: «очутиться глаз на глаз с „страшилищем“: „А что, дескать, вы здесь делаете, милостивый государь?“» вместо «очутиться глаз на глаз с „страшилищем“. „А что, дескать, вы здесь делаете, милостивый государь?“».

С. 26—27, строки 46—1: «вот что упомянул о нем и припомнил теперь Вельчанинов:

Конечно, Павел Павлович» вместо «вот что упомянул о нем и припомнил теперь Вельчанинов.

Конечно, Павел Павлович».

С. 56, строки 16—17: «голос Павла Павловича:

— Я, Алексей Иванович» вместо «голос Павла Павловича.

— Я, Алексей Иванович».

С. 83, строки 38—39: «хитро улыбнулся:

— Одно лишь прелестное детство-с!» вместо «хитро улыбнулся.

— Одно лишь прелестное детство-с!».

С. 83—84, строки 47—1: «Павел Павлович опять покраснел:

— Мне это грустно слышать» вместо «Павел Павлович опять покраснел.

— Мне это грустно слышать».

С. 85, строки 43—45: «пропустил его:

— Вот господин Трусоцкий» вместо «пропустил его.

— Вот господин Трусоцкий».

С. 91, строки 33—34: «вздрогнул как от обжога:

— Ну-с, а вы-с» вместо «вздрогнул как от обжога.

— Ну-с, а вы-с».

С. 101, строки 22—23: «захохотал во всё горло:

— Так они кончили-таки» вместо «захохотал во всё горло.

— Так они кончили-таки».

В приведенных примерах двоеточие восстановлено нами по перво-печатной редакции текста, поскольку этот знак более точно отражает связь слов автора и последующей прямой (несобственно-прямой) речи. В одном случае предложено редакционное исправление, так как точка напечатана во всех источниках текста:

С. 54, строки 25—27: «губы его задрожали:

— Это меня-то вы» вместо «губы его задрожали.

— Это меня-то вы».

Примеры, когда, напротив, необходима точка (З) вместо двоеточия (1871):

С. 21, строки 28—30: «и совсем умный.

„Я нагл, а эта каналья еще наглее! И... и какая у него цель?» — всё думал Вельчанинов» вместо «и совсем умный:

„Я нагл, а эта каналья еще наглее! И... и какая у него цель?» — всё думал Вельчанинов».

Здесь точка отделяет два самостоятельных предложения, которые не находятся в отношениях логико-семантической и синтаксической зависимости. В двух других случаях проведены редакционные исправления (в источниках текста — двоеточие):

С. 46, строки 42—43: «вот чем для меня стали.

И вдруг он схватил» вместо «вот чем для меня стали:

И вдруг он схватил».

С. 49, строки 13—15: «Он вышел из номера сам точно пьяный.

„Я убью его палкой, как собаку, по голове!» — мерещилось ему» вместо «Он вышел из номера сам точно пьяный: „Я убью его палкой, как собаку, по голове!» — мерещилось ему».

По первому изданию восстанавливается восклицательный знак (З) вместо вопросительного (1871) в предложениях с соответствующей интонацией:

С. 13, строки 8—9: «Жаль только, что я хожу без палки!» вместо «Жаль только, что я хожу без палки?».

С. 16, строки 15—16: «я к нему пристаю, а не он ко мне!» вместо «я к нему пристаю, а не он ко мне?».

С. 53, строки 24—25: «марающих вас самих кривляний! Вас самих!» вместо «марающих вас самих кривляний? Вас самих!».

С. 92, строка 23: «— Ну да, сидите, пейте... хоть ночуйте!» вместо «— Ну да, сидите, пейте... хоть ночуйте?».

В одном случае вопросительный знак, содержащийся в прижизненных публикациях, исправлен в издании А. Г. Достоевской (1882):

С. 98, строка 47: «разумеется, не того, что зарежет!..» вместо «разумеется, не того, что зарежет?..».

В двух случаях сделано редакционное исправление (в источниках текста — вопросительный знак, не соответствующий интонации высказывания):

С. 50, строки 1—2: «„Всё равно, такого и без того нельзя с собой везти!» — подумал он с продолжавшимся тревожным изумлением»

вместо «„Всё равно, такого и без того нельзя с собой везти?“ — подумал он с продолжавшимся тревожным изумлением».

С. 93, строки 24—25: «— Это у вас от печени-с, я это знаю! — оживился вдруг ужасно Павел Павлович» вместо «— Это у вас от печени-с, я это знаю? — оживился вдруг ужасно Павел Павлович».

Примеры, когда в тексте необходим вопросительный знак (З) вместо восклицательного (1871):

С. 23, строки 9—10: «Что ж вы к нему-то тоже не идете?» вместо «Что ж вы к нему-то тоже не идете!».

С. 41, строки 23—24: «— А отчего же бы мне злым не быть-с, подобно всем другим? — вскинулся вдруг Павел Павлович» вместо «— А отчего же бы мне злым не быть-с, подобно всем другим! — вскинулся вдруг Павел Павлович».

На интонацию вопроса указывают вопросительные слова «что ж», «отчего же». В одном случае текст правится в 1882 (в более ранних публикациях восклицательный знак):

С. 105, строки 14—15: «— Вашего супруга зовут Павлом Павловичем? — с любопытством спросил Вельчанинов» вместо «— Вашего супруга зовут Павлом Павловичем! — с любопытством спросил Вельчанинов».

На вопрос указывает слово «спросил». В двух примерах проведено редакционное исправление:

С. 56, строки 20—21: «— Что же вы молчали... когда я кричал? — прерывающимся голосом спросил» вместо «— Что же вы молчали... когда я кричал! — прерывающимся голосом спросил».

С. 101, строка 39: «— Он? Кто?» вместо «— Он? Кто!».

Вопросительный знак (З) вместо точки (1871):

С. 33, строка 37: «что я давеча говорил?» вместо «что я давеча говорил.».

В аналогичном примере с вопросительной интонацией проведено редакционное исправление:

С. 78, строка 19: «отдадите вы или нет?» вместо «отдадите вы или нет.».

Восклицательный знак (З) вместо точки (1871):

С. 34, строка 28: «и в такой важный дом-с!» вместо «и в такой важный дом-с.».

В следующем примере необходима точка в утвердительном предложении вместо восклицательного знака (ошибка во всех источниках):

С. 108, строка 26: «и вдруг раздался свисток.» вместо «и вдруг раздался свисток!».

Вероятно, восклицательный знак здесь появился в результате ошибки наборщика по аналогии с такими же знаками в прямой речи, с которой начинается абзац: «— Павел Павлович! Павел Павлович!».

Многоточие (З) вместо восклицательного знака с отточием (1871):

С. 53, строки 7—8: «вы вчера упомянули про хищный тип-с...» вместо «вы вчера упомянули про хищный тип-с!...».

Восклицательный знак с отточием завершает предыдущий абзац («О, как бы я желал, чтоб вы меня поняли!...»), и наборщик, по-видимому, ошибочно повторил этот знак в 1871.

Вместе с тем во втором издании достаточно много примеров корректирования текста, а именно — постановки отсутствующих в *Э* запятых. Чаще это знаки препинания перед союзами в придаточных предложениях, но в следующем примере запятая поставлена для уточнения смыслового контекста при использовании деепричастного оборота:

С. 42, строки 12—13: «— Это что ж такое означало? — спросил он небрежно, растягивая слова» вместо «— Это что ж такое означало? — спросил он небрежно растягивая слова».

Поскольку в первой публикации запятая отсутствует, непонятно, входит ли слово «небрежно» в состав деепричастного оборота; в 1871 этот вопрос решен, в 1882 запятая отражена.

В следующем предложении запятая воспроизводится по 1882, так как в предыдущих изданиях в данном месте нет никакого знака препинания (в *Э* знак мог быть утрачен при наборе текста на переходе с одной строки на вторую; в 1871 пропуск не исправлен):

С. 13, строки 9—10: «Я непременно хочу знать, кто он такой?» вместо «Я непременно хочу знать кто он такой?».

Особо следует оговорить перенос запятых как редакционное исправление текста. Приведенные ниже примеры не относятся к ошибкам, допущенным в источниках текста: такого рода написания во времена Достоевского были возможны. Но так как они не согласуются с существующими правилами, то в настоящем томе изменены согласно требованиям грамматики — запятая поставлена после определений:

С. 11, строка 45: «В этот, третий, раз Вельчанинов готов был поклясться» вместо «В этот, третий раз, Вельчанинов готов был поклясться».

С. 12, строки 46—47: «именно в эту, чрезвычайно хлопотливую, минуту взгляд Вельчанинова» вместо «именно в эту, чрезвычайно хлопотливую минуту, взгляд Вельчанинова».

В ряде случаев в прижизненных изданиях смешиваются тире и дефис — явление нередкое для публикаций того времени. Иногда это приводит к ошибочному прочтению текста (проведено редакционное исправление):

С. 20, строки 43—44: «И даже не грусть, а именно новосостояние-то это и бьет по мне...» вместо «И даже не грусть, а именно новосостояние—то это и бьет по мне...».

Слово «новосостояние» приведено нами без дефиса. В данном случае вероятно ошибка вследствие неверного прочтения наборщиком рукописи, тем более, что такое слово, в дефисном или слитном написании, больше нигде не встречается. Предложить иной вариант за неимением наборной рукописи не представляется возможным. Слово напечатано с продолжением «то» через тире. Однако синтаксическая структура предложения и его содержание позволяют предположить, что «то» — частица, а не местоимение, и необходимо дефисное написание.

Аналогичные примеры (внесены редакционные исправления):

С. 49, строки 2—3: «Билась-билась, насили очнулась» вместо «Билась—билась, насили очнулась».

С. 71, строки 42—43: «присоединилось два-три очень молодых человека» вместо «присоединилось два—три очень молодых человека».

С. 72, строка 13: «ответили два-три голоса разом» вместо «ответили два—три голоса разом».

С. 101, строка 34: «— Он-он, не сердитесь» вместо «— Он—он, не сердитесь».

С. 101, строка 38: «— Правда-правда, что ж он?» вместо «— Правда—правда, что ж он?».

В одном случае тире исправлено на дефис в 1882:

С. 92, строка 11: «милые деточки, — хи-хи-хи!» вместо «милые деточки, — хи—хи—хи!».

Орфографические изменения текста (включая редакционную правку как печатного, так и рукописного текста рассказа): в соответствии с правилами изменены написания слов «посоветывался», «исповедывался», «посоветывал», «диэту», «серьезно» (в прижизненных изданиях есть вариант «серьезно»), «Подъяческой», «извозчика», «расскащика», «имянинника», «имянинницу», «в этом-то замираньи», «при прощаньи», «когда вы в счастье», «о здоровьи», «в мрачном раздумьи», «дышет», «опешан», «обидился» (есть вариант «обиделся»), «обидившись», «навождением», «на своей постеле» (есть вариант «постели»), «в продолжении своей т—ской жизни», «месяцов» (есть вариант «месяцев»), «корридор» (есть вариант «коридор»), «коммисар», «гостинице», «карикатуру», «галлерее», «акомпанировать», «нянчил», «почшину», «нашол», «розыщет», «росписку», «поровнявшись», «роспивочной», «прейдуший», «сшумела-таки», «сыграть», «поперег», «обозжетеь», «лезвее», «лице», «отцевском». Сокращения «г-н» и «г.» приводятся в полном варианте написания.

17 сентября 1868 г. А. Н. Майков писал Достоевскому: «В Петербурге давно уж чувствовалась потребность нового журнала, *русского*. Таковой наконец является; издатель, положим, человек неизвестный (я-то его знаю) Кашпирев..., но редактор вам известный Страхов. <...> А пока мне поручено просить Вас быть сотрудником...» (см.: Д, Письма. Т. 2. С. 429). Майков просил у Достоевского разрешения дать его имя в списке сотрудников журнала. 26 октября (7 ноября) Достоевский отвечал: «Ужасно я порадовался известию о новом журнале. Я никогда не слышал ничего о Кашпиреве, но я очень рад, что наконец-то Николай Николаевич находит достойное его занятие; именно ему надо быть Редактором и не ограничивать себя как-нибудь отделом в новом журнале, а стать душой всего журнала. <...> Желательно бы очень, чтоб журнал был непременно *русского духа*, как мы с Вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский». Далее Достоевский пишет, что «быть участником журнала, разумеется, согласен от всей души». И хотя его беспокоит, что в числе будущих сотрудников

названа Н. С. Кохановская-Соханская, последнюю повесть которой он характеризует как «аллилуйю с маслом», самый факт появления журнала, в котором развивались бы идеи, близкие к программе «Времени» и «Эпохи», был им воспринят с надеждами и одобрением (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 322—323). В тот же день в письме к С. А. Ивановой Достоевский сообщал о «Заре»: «Предприятие, кажется, серьезное и прекрасное» (Там же. С. 319). Как выяснилось впоследствии, «Заря» только частично ответила ожиданиям Достоевского; журнал, по его мнению, слишком мало считался с интересами читателей, был слишком академичен, далек от злободневных общественных и литературных вопросов.

Несмотря на согласие Достоевского участвовать в «Заре», переданное через Майкова, его имя не попало в список сотрудников, перечисленных в первых объявлениях об издании журнала. В связи с этим Н. Н. Страхов писал ему 24 ноября 1868 г.: «Без Вашего разрешения я не мог поставить Вашего имени; всё собирался писать к Вам и догнал до того, что уже некогда было дожидаться. Но мы непременно воспользуемся Вашим дозволением (в письме к Майкову) и выставим при следующем объявлении в газетах» (см.: *Шестидесятые годы*. С. 260).

В начале 1869 г. Страхов от имени редакции обратился к Достоевскому: «Напишите Вы нам[,] что-нибудь — покорно просим и Кашпирев, и Данилевский <...>, и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в „Заре“ Вам так же развязаны руки, как во „Времени“?» (Там же. С. 261).

В ответном письме от 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский обещал «к 1-му сентября нынешнего года, т. е. через полгода, доставить в Редакцию „Зари“ повесть, т. е. роман». «Он будет, — писал Достоевский, — величиною в „Бедных людей“ или в 10 печатных листов; не думаю, чтобы меньше; может быть несколько больше. <...> Идея романа меня сильно увлекает. Это не что-нибудь из-за денег, а совершенно напротив. Я чувствую, что сравнительно с „Преступлением и Наказанием“ эффект „Идиота“ в публике слабее. И потому всё мое самолюбие теперь поднято: мне хочется произвести опять эффект; а обратить на себя внимание в „Заре“ мне еще выгоднее, чем в „Русском вестнике“» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 20—21). В письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. Достоевский объяснял, что для создания повести в «Зарю» он хочет использовать свободное время, которое у него остается до начала работы над романом, обещанным «Русскому вестнику»: повесть «будет готова в четыре месяца и возьмет у меня именно то только время, которое я и назначал себе для гулянья, для отдыха после 14 месяцев работы» (Там же. С. 26). Называя будущую вещь то романом, то повестью, Достоевский просил Страхова в упомянутом выше письме, чтобы редакция «Зари» немедленно выслала ему тысячу рублей. Достоевский хотел, чтобы роман «был напечатан в осенних номерах журнала этого года» (Там же. С. 21). Но «Заря» не могла выслать деньги немедленно, и соглашение не состоялось. Поэтому работу над повестью (или романом) для «Зари» Достоевский не начинал. В письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. он вы-

двинул другое предложение: «...представить „Заре“ вместо прежних условий» «небольшой» рассказ «листа в 2 печатных», который он задумал написать еще «четыре года назад» (Там же. С. 32; подробнее о замысле «План для рассказа (в «Зарю»)» см. ниже, с. 930—935). За будущий рассказ Достоевский просил вперед 300 рублей; из них 125 немедленно, а остальные 175 рублей — через месяц. Новые условия были «Зарей» приняты. Отвечая Достоевскому, Страхов просил его 27 марта 1869 г.: «Когда определите заглавие Вашей повести, то напишите — мы заранее объявим об этой радости» (см.: *Шестидесятые годы*. С. 263).

Длительный переезд из Флоренции в Дрезден, жаркое лето и другие обстоятельства помешали Достоевскому написать «рассказ» до первого сентября; не было определено и название. Поэтому редакция, перечисляя в объявлении «Об издании журнала „Заря“ в будущем 1870 году» (З. 1869. № 10) произведения, «уже приобретенные для журнала», включила «повесть Ф. М. Достоевского», не указывая ее заглавия. К работе над повестью Достоевский, вероятно, приступил в Дрездене в конце августа. Во всяком случае он сообщает об этом 14 (26) августа Страхову (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 54). Но в письме к Майкову, написанном в тот же день, говорится лишь, что «надо садиться писать — в „Зарю“». При этом Достоевский предполагает, что «через месяц или недель через 5» отправит повесть (Там же. С. 51—52). Но работа не была начата ни тогда, ни позднее, когда Достоевский писал С. А. Ивановой 29 августа (10 сентября) 1869 г.: «...я взял 300 рублей весной из „Зари“, с тем чтоб нынешнего года выслать туда повесть, не менее как в два листа. Между тем, я еще ничего не начинал, ни туда ни сюда; во Флоренции нельзя было работать в таком жару; контрактуя же себя, я именно рассчитывал, что еще весной выеду из Флоренции в Германию, где и примусь сейчас за работу» (Там же. С. 58).

В письме к Майкову от 17 (29) сентября Достоевский снова уведомлял: «...сiju в настоящую минуту за повестью в „Зарю“ и довел работу до половины <...> повесть будет объемом в 3½ листа „Русского вестника“ (т. е. чуть ли не в 5 листов «Зари»). Это *minimum*» (Там же. С. 62). К 27 октября (8 ноября) «две трети повести уже написано и переписано окончательно». Объем ее становился всё больше: «...будет не в 3½ листа, как я первоначально писал Кашпиреву (впрочем, назначая только *minimum* числа листов, а не *maximum*), — будет, может быть, листов в шесть или в 7 печати „Русского вестника“» (Там же. С. 72).

В том же письме Достоевский просил Майкова убедить Кашпирева напечатать повесть в ноябрьской или декабрьской книжке 1869 г. Майков эту просьбу Достоевского выполнил: «В „Зарю“ я передавал Ваше желание о печатании повести в декабре <...> и там с повиновением принято; но — повести еще нет, а обе книги, ноябрьская и декабрьская, уже печатаются, чтобы наверстать сроки; посему Вы не должны обвинять редакцию, если она принуждена будет поместить что-либо иное, а Вас приберечь к январю — ибо выйти в срок к новому году — для нее существенный вопрос» (см.: *Д. Письма*. Т. 2. С. 461).

Отвечая Майкову на это неприятное известие, Достоевский писал 23 ноября (5 декабря) 1869 г.: «Вы пишете в Вашей последней приписке ко мне <...> что „повести от меня еще нет“, а что ноябрьский и декабрьский номера набираются в типографии. Я писал к Кашпиреву больше 2-х недель назад и очень просил его меня уведомить насчет того, можно ли успеть напечатать в ноябре и декабре? Я ответа не получил никакого, ни одной строчки, так что не знаю, дошло ли мое письмо?» Примирившись с неизбежностью, Достоевский в том же письме сообщал о своем согласии: «Я решил наконец, что пусть печатают как им угодно» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 77). Выслать уже готовый текст Достоевский не мог из-за безденежья. Он объяснял Майкову свое положение: «Денег у меня ни малейшей сломанной копейки. (Деньги, присланные Вами и из «Зари», были прожиты еще раньше их получения почти все и пошли на уплату долгов.) Из „Русского вестника“ я еще ничего не имею. И потому (поверьте буквально) не имею и не могу достать денег, для отправки рукописи в Редакцию. Рукопись толстая и спросят 5 талеров. И потому вот чего я прошу у Вас: С получением этого письма, ради Бога, прочтите его по возможности немедленно В. В. Кашпиреву <...>. Прошу я его мне выслать, если может, пятьдесят рублей, ибо очень мне тяжело. На рукопись надо 5 талеров, но и нам тоже надо. Ух трудно. Если же нет пятидесяти, то хоть сколько-нибудь, хоть двадцать пять (но если возможно, то пятьдесят!). Но главное всего: Пусть вышлет тотчас же,¹ на другой же день». Время до получения денег от Кашпирева Достоевский хотел использовать для того, чтобы «последний раз перечитать, с пером в руках», текст «Вечного мужа» (Там же. С. 78). Майков выполнил просьбу Достоевского немедленно. 29 ноября он писал: «Препровождаю при сем вам, любезнейший Федор Михайлович, 50 рублей от Кашпирева, я уж взял на себя их отправить, чтобы быть спокойнее <...> Повесть Ваша всеми друзьями Вашими ожидается с нетерпением. Я рад, что Вы могли ее просмотреть конченную, с пером в руках. Это Вам удается редко» (см.: Сб. Достоевский, 2. С. 353). Но отослан «Вечный муж» был только двенадцать дней спустя — 5 (17) декабря. В декабре же Достоевский получил письмо Кашпирева с благодарностью за присланную рукопись (см.: Гроссман. Жизнь и труды. С. 186). В письме к С. А. Ивановой уже после отправки рукописи, 14 (26) декабря 1869 г., Достоевский подвел итоги этой своей работе: «Я был занят, писал мою проклятую повесть в „Зарю“. Начал поздно, а кончил всего неделю назад. Писал, кажется, ровно три месяца и написал одиннадцать печатных листов минимум. Можете себе представить, какая это была каторжная работа! Тем более что я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала. Думал написать самое большее листа три, но представились сами собой подробности и вышло одиннадцать» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 88).

¹ Слова «тотчас же» подчеркнуты дважды.

В работе над «Вечным мужем» Достоевский воспользовался для исходной ситуации своими старыми, сибирскими воспоминаниями. Его тогдашняя переписка с А. Е. Врангелем рисует положение, в котором тот оказался в Семипалатинске с ноября 1854 г. по апрель 1856 г. По ней (и отчасти по воспоминаниям самого Врангеля) восстанавливается психологический облик героини его романа, имя которой установил А. С. Долинин, — Екатерины Иосифовны Гернгросс (см.: *Д, Письма*. Т. 1. С. 530, 533, 534), жены начальника Алтайского горного округа, жившей со своим мужем, А. Р. Гернгроссом, в Барнауле. Разумеется, в «Вечном муже» Достоевский не воспроизвел буквально всех обстоятельств романа своего друга с Е. И. Гернгросс, которую он обозначал в письмах криптонимом «Х» (о романе Врангеля и Е. И. Гернгросс см. также: 3, 561—562).

Круг, к которому принадлежали супруги Гернгроссы, — общество «горных», как называли их, — по словам Врангеля, резко отличался тогда от всего сибирского общества: «Это были всё люди науки, образованные и культурные. Большая часть из них, кончив Горный корпус, ныне институт, в Петербурге, отправлялись доканчивать свое образование за границу в знаменитую Горную академию в Фрейберге, близ Дрездена. Жены „горных“ были или из Петербурга, или иностранки. Получая громадные деньги, они жили чрезвычайно широко. Наездная театральная труппа из Барнаула летом перебиралась в Змиев, так как сюда на дачи переселялось летом обыкновенно всё главное начальство на 3—4 месяца. Дамы щеголяли туалетами из Парижа, повара, экипажи, шампанское лилось рекою, — просто и не верилось, что находишься в дебрях Сибири. В особенности выделялись своей любезностью и красотой две дамы: умница Е. И. Гернгросс и красавица Ольга Абаза; впоследствии обе они оказали услуги и содействие Достоевскому по его делам <...>» (*Врангель*. С. 88—89).

После отъезда Врангеля в Петербург, куда вскоре выехала и Е. И. Гернгросс, Достоевский с большим сочувствием писал ему о ней. Узнав из письма Врангеля о его разрыве с Е. И. Гернгросс, Достоевский отвечал ему 9 ноября 1856 г.: «Наконец пришло Ваше письмо и разрешило многие недоумения, многие, но не все. Друг мой, я даже рад, хоть и горько мне затрогивать больное место в Вашем сердце, — рад, что Бог привел Вас разойтись наконец с Х. Отношения с нею принимали наконец вид самый беспокойный для Вас. Вы бы погубили, может быть, себя». И так как Достоевский предполагал поехать в Барнаул, где ему предстояло познакомиться с Е. И. Гернгросс, то он обещал Врангелю: «...будьте уверены, что до последнего оттенка передам Вам, мой бесценный, все впечатления мои при свиданье с нею» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 242). Свои впечатления от встречи с Е. И. Гернгросс Достоевский сообщил Врангелю в письме от 21 декабря 1856 г.: «В Барнаул мы приехали 24 декабря¹ (в день именин Х), и Гернгросс,

¹ Описка. Следует читать: ноября

не выдав еще нас, прямо пригласил нас <...> на бал. <...> Она мне очень понравилась, *всем*, но напрасно она видимо отдалялась от меня. Она была со мной вежлива, мила, всё было по-видимому хорошо, но она очевидно не доверяла мне. Но если б даже она и подозревала, что я знаю [об известном <нрзб.>], неужели она считала меня неблагородным человеком? Надо заметить, что она об Вас видимо старалась говорить как можно суше, даже с легонькой насмешкой. Не знаю почему мне это очень понравилось — т. е. не насмешка, а *тактика*. Она очень умна. Я уверен, что она когда захочет — обольстительна. Я желал всеми силами души, чтоб и сердце ее своими качествами соответствовало остальному. Но она его далеко припрятала от любопытных» (Там же. С. 251—252). И только через два с половиною месяца, уже из Семипалатинска, 9 марта 1857 г. Достоевский написал Врангелю то, что должно было занимать адресата не менее, чем сообщения о настроениях мужа и толках барнаульского общества, свое «мнение» о Е. И. Гернгросс, — «мнение», в котором содержится зерно воплощенного в «Вечном муже» особого типа женщины: «...Вы думали искать в ней постоянства, верности и всего того, что есть в *правильной* и полной любви. А мне кажется, что она на это неспособна. Она способна только подарить одну минуту наслаждения и полного счастья, но только одну минуту <...>. Она любит наслаждение больше всего, любит сама *минуту*, и кто знает, может быть, сама заране рассчитывает, когда эта минута кончится» (Там же. С. 271). В этом анализе характера Достоевский подытоживает и свои собственные впечатления, и то, что ему было известно раньше от Врангеля.

Достоевский снова встревожился за Врангеля в 1859 г., когда тот, вернувшись из двухлетнего путешествия, написал ему в Тверь, что встретился с Х. В ответном письме от 22 сентября 1859 г. Достоевский так высказал свое беспокойство: «Беда, если Х. в Петербурге и имеет на Вас влияние. Но это вздор, и я дурак, что это заподозрил:

Не цвести цветам после осени»

(Там же. С. 337).

Эта тревога за сердце молодого человека еще больше усилилась, когда Врангель написал ему 29 сентября 1859 г.: «Мы с Х... сошлись, холодная дружба, по крайней мере с моей стороны, хотя она, кажется, и не прочь начать прошедшее, — может быть, и ошибаюсь» (*РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 63. Л. 5 об.). Достоевский ответил ему 4 октября 1859 г., предостерегая от возобновления прежних отношений: «Известие, что Х. готова *опять начать*, меня несколько беспокоит. Ради Бога, будьте осторожнее. Кроме худого, кроме новых *целей*, — ничего быть не может... Да и не возвратится то, что уже давно прошло» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 344). Врангелю в письме от 25 октября 1859 г. пришлось объяснять Достоевскому истинное положение своих сердечных дел: «С Х... я сошелся, как сходятся всегда старые друзья, но душевного, опасного ничего нет; что прошло <—> не возвратится; душа

моя слишком пуста, святой огонь угас в ней, кажется, навсегда, и серьезных привязанностей (увы) я уже не в состоянии более чувствовать» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 63. Л. 8). Сообщение Врангеля, по-видимому, успокоило Достоевского, и больше к этой теме он не возвращался, хотя интересовала его она не только человечески, но и литературно. По крайней мере в том же письме Врангель напомнил Достоевскому о его семипалатинских литературных планах: «С нетерпением жду появления Вашего романа. Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения (имеются в виду романы Достоевского с М. Д. Исаевой и Врангеля с Гернгросс. — Ред.) и выставить, мне напоказ, мой характер» (Там же. Л. 9). Тот же вопрос, не получив на него ответа, Врангель повторил в письме от 9 ноября 1859 г.: «Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности; помните, как в Сибири Вы собирались всё описать и себя, и Х. и меня — да жду наших портретов» (Там же. Л. 11). И уже через несколько лет, прочитав «Записки из Мертвого дома», Врангель снова спрашивал Достоевского: «Описали ли Вы в Ваших романах нашу Семипалатинскую жизнь? Вы ведь собирались это исполнить» (письмо из Копенгагена от 23 апреля (5 мая) 1865 г. — Там же. Л. 21 об.). «Семипалатинская жизнь» в части ее, касающейся сердечных страданий молодого друга Достоевского, долго хранилась в памяти писателя, пока не получила литературного воплощения.

«Провинциалка» И. С. Тургенева и «Госпожа Бовари» Г. Флобера (см. об этом далее) подсказали ему, с каким мужским образом следует соединить подобный женский характер. По замыслу Достоевского, требовался муж-ревнивец, муж смешной и третируемый, излюбленный персонаж европейской комедии еще со времен Мольера, упоминаемого в черновых материалах к «Вечному мужу». А. Р. Гернгросс к этому типу, очевидно, не подходил (см. о нем в письмах Достоевского к Врангелю от 21 декабря 1856 г. и 9 марта 1857 г. — *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 251—252, 271—272).

Образ Труссоцкого Достоевский стал строить на основании иных жизненных наблюдений. А. Н. Майков, прочитав уже напечатанного в журнале «Вечного мужа», написал Достоевскому, что «узнал историю Яновского и его характер» (см.: *Д, Письма*. Т. 2. С. 476). В ответном письме от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Достоевский категорически возражал Майкову по поводу Яновского: «Кстати, дорогой Аполлон Николаевич, откуда могла к Вам зайти идея о Яновском? И в мысли не было у меня, ни разу, ни одного мгновения! Я так удивился, прочтя у Вас. Да и истории Яновского, в этом отношении, я совсем не знаю. Разве у него было что-нибудь подобное?» (Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 119).

Опровержению Достоевского можно было бы поверить, если бы нам не было известно, что он принимал близкое участие в семейной истории С. Д. Яновского — его разладе с женой, известной артисткой столичных и провинциальных театров А. И. Шуберт. Об этом подробно говорится в письмах Достоевского к Шуберт за 1860 г. В

одном из них содержится рассуждение о поведении С. Д. Яновского, подтверждающем правильность впечатления Майкова. Передавая Шуберт свой разговор о ней с Яновским, Достоевский в письме от 12 июня 1860 г. рисует такую картину поведения ее мужа: «Мне кажется, он тоже и ревнует немного; он, может быть, думает, что я в Вас влюблен. Увидя Ваш портрет, у него на столе, я посмотрел на него. Потом когда я другой раз подошел к столу и искал спичку, он, говоря со мной, вдруг перевернул Ваш портрет, так чтоб я его не видал. Мне показалось это ужасно смешно. Жест был сделан с досадой. <...> Он Вас любит; но он самолюбив, раздражителен очень и, кажется, очень ревнив. Мне кажется, он из ревности не может перенести разлуки с Вами. <...> Знаете, ведь есть две ревности: ревность любви и самолюбия; в нем обе. — Приготовьтесь его видеть, отстаивайте твердо свои права; но не раздражайте его напрасно; главное: щадите его самолюбие. Вспомните ту истину, что мелочи самолюбия почти так же мучительны, как и крупное страдание, особенно при ревности и мнительности» (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 13—14). В воспоминаниях А. И. Шуберт «Моя жизнь» (СПб., 1913) выкинуты «все подробности, касавшиеся семейной жизни», и потому у нас нет возможности более обстоятельно сравнить Труссоцкого с С. Д. Яновским. Но в стилистике высказываний Труссоцкого и писем Яновского есть несомненное сходство. В письме от 16 декабря 1867 г. Яновский так выражал свое беспокойство за состояние здоровья Достоевского за границы: «Неужели в самом деле беспримерно лучший климат, не подходящая ни к какому сравнению с нашею прелестная природа; наибольшая нравственная развитость массы народа (по крайней мере так мне показалось) — всё это не уничтожает в Вас, дорогой нам Федор Михайлович, того грустного и вечно тревожного состояния духа, который постоянно беспокоил нас всех, любящих Вас искренно и нежно? Господи боже праведный! да я на Вашем месте просто считал бы себя превыше всех Царей — только не европейских, против которых я и теперь счастливее в миллион разов, а против тех абиссинских или еще каких-нибудь более хитро-диких, которым только и есть житье отличное» (см.: *Сб. Достоевский*, 2. С. 372). Привычка к подобной витиеватости, очевидно, была свойственна Яновскому и хорошо известна в кругу его знакомых. А. Н. Плещеев писал Достоевскому 25 марта 1860 г. в ответ на сообщение о том, что А. И. Шуберт хочет разъехаться с мужем: «Я думаю, жить с Яновским скука мучинская, слушать всю жизнь одни фразы — ведь это всё равно что если бы кого-нибудь осудили всю жизнь не есть ничего, кроме клубничного варенья!»¹

Материалом для «Вечного мужа» послужили в какой-то мере и собственные впечатления писателя. Как указывает А. Г. Достоевская, «в лице семейства Захлеби<ни>ных Феодор Михайлович изобра-

¹ См.: Письма А. Н. Плещеева / Ред., вступ. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 453.

зил семью своей родной сестры Веры Михайловны Ивановой. В этой семье, когда я с нею познакомилась, было три взрослых барышни, а у тех было много подруг» (см.: *Творчество Достоевского, 1921. С. 31*). Об этом же пишут в своих воспоминаниях Н. Фон-Фохт и М. А. Иванова (см.: *Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 42—44, 53—55*). Достоевский жил вместе с семьей Ивановых летом 1866 г. в Люблине под Москвой, где был занят работой над «Преступлением и наказанием».

Как вспоминает Н. Фон-Фохт, в 1866 г. студент Константиновского межевого института, где А. П. Иванов служил врачом, «по счастливому стечению обстоятельств, в описываемое лето в Люблине поселилось несколько семейств, которые быстро перезнакомились между собою. Было много молодежи, несколько очень хорошеньких и взрослых барышень, так что по вечерам на прогулку нас собиралось со взрослыми до двадцати человек. <...> Прогулки обыкновенно заканчивались разными играми в парке, которые затягивались иногда до полуночи, если дождь ранее не разгонит всех по домам. Ф. М. Достоевский принимал самое деятельное участие в этих играх и в этом отношении проявлял большую изобретательность» (Там же. С. 53—54). М. А. Иванова пишет: «После ужина бывало самое веселое время. Играли и гуляли часов до двух-трех ночи <...>. К компании Ивановых присоединялись знакомые дачники, жившие в Люблине по соседству. Во всех играх и прогулках первое место принадлежало Федору Михайловичу» (Там же. С. 42).¹

Н. Н. Соломина отметила в образе Трусоцкого сходство с А. П. Карепиным.² Карепин, племянник Ивановых и Достоевских, молодой врач, по воспоминаниям М. А. Ивановой, «отличался многими странностями. <...> Карепин не был женат, но всё время мечтал об идеальной невесте, которой должно быть не больше шестнадцати-семнадцати лет и которую он заранее ревновал ко всем. Он ненавидел эмансипированных женщин и говорил о том, что его жена будет далека от всех современных идей о женском равноправии и труде» (*Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 44—45*). В «Вечном муже» мечты Карепина о женитьбе на шестнадцатилетней девушке воспроизведены в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде. Участие Вельчанинова в играх молодежи и «заговор» против Трусоцкого напоминают высмеивание Карепина молодыми Ивановыми во главе с Достоевским: «Достоевский заявил ему (Карепину. — *Ред.*) однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы специальные поез-

¹ См.: Богданов Н. Н. «Отыскал в сём ерундизме...»: Комическое в родственном кругу Ф. М. Достоевского // Богданов Н. Н. Вокруг Достоевского. Поиски, находки, размышления. СПб., 2019. С. 38—52.

² Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. А. С. Долинин. М., 1964. Т. 1. С. 435.

да. Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту» (Там же. С. 45).¹

Прототипом Александра Лобова, счастливого соперника Трусоцкого в борьбе за руку и сердце Нади, послужил, по словам А. Г. Достоевской, пасынок писателя Павел Александрович Исаев, или Паша, как обычно называл его Достоевский в письмах. П. А. Исаев (1848—1900) был предметом постоянных забот и тревог Достоевского, заметившего в письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1867 г.: «Паша мальчик добрый, мальчик милый и которого некому любить» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 2. С. 227). Паша очень тревожил Достоевского своим нежеланием учиться и заняться чем-либо серьезно. В письме к П. А. Исаеву от 10 (22) октября 1867 г. эта тревога за будущее пасынка соединяется с доброжелательной и теплой оценкой его душевных свойств: «Я тебя всегда считал и считаю добрейшим и честнейшим малым. Дай Бог, чтоб эти два качества всегда в тебе остались. С ними счастлив человек, *что бы с ним ни случилось*. Считаю тебя тоже малым очень неглупым. Одно плохо: необразование. Но если ты не хотел учиться, то по крайней мере в одном меня послушайся: надобно не пренебрегать своим нравственным развитием, насколько это возможно без образования» (Там же. С. 229). Позднее в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) Достоевский жалуется на Пашу за «легкомыслие», проявившееся в неаккуратном выполнении поручений отчима, в основном денежного характера (Там же. С. 242). Негодование Достоевского на Пашу особенно усилилось после письма А. Н. Сниткиной (матери А. Г. Достоевской), которая сообщила, что Паша поехал в Москву просить денег у М. Н. Каткова в счет обязательств журнала Достоевскому. Письмо Достоевского Каткову от 3 (15)—5 (17) марта 1868 г., сразу вслед за получением письма А. Н. Сниткиной с сообщением о поездке Паши в Москву (как скоро выяснилось — ложным), содержит строгую оценку характера Паши: «Этот пасынок мой — добрый честный мальчик и это *действительно*; но к несчастью с характером удивительным: он положительно дал себе слово, с детства, *ничего не делать*, не имея при этом ни малейшего состояния и имея при этом самые нелепые понятия о жизни. Из гимназии он был выключен еще в детстве, за детскую шалость. После того у него перебивало человек пять учителей; но он *ничего* не хотел делать, несмотря на все просьбы мои, и до сих пор не знает таблицы умножения. Он, однако, уверен, и год назад спорил с Аполлоном Николаевичем Майковым, что если он захочет, то сейчас же найдет себе место управляющего богатым помещьем. Тем не менее, повторяю, до сих пор, лично, он — мил, добр, услужлив, при истинном благородстве, немного заносчив и нетерпелив, но совершенно честен» (Там же. С. 274—275). Из этой характеристики Паши многое перешло в образ Александра Лобова, вплоть до его

¹ Выказано, кроме того, предположение, что прототипом Трусоцкого мог служить М. В. Петрашевский, см.: *Фаустов*. С. 93.

уверенности в том, что он «вскорости» будет управлять имениями графа Завилейского «прямо на три тысячи». Совпадает в биографии Паши и Лобова частая смена мест службы: за четыре месяца Лобов сменил три места; за тот же срок Паша сменил две службы, а на третью его устроили уже через восемь месяцев.

При всей ироничности отношения Достоевского к молодежи в доме Захлебинных, в нем нет враждебности; в обрисовке поведения Лобова и в его разговорах с Вельчаниновым отразились, видимо, и письма Паши к Достоевскому, очень искренние и откровенные. Так, оправдываясь перед Достоевским в небрежном отношении к деловым поручениям отчима, Паша писал ему 3 сентября 1869 г.: «Я сознаюсь, что, по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу как-то легко и небрежно, — я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли, злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно винюсь. Надеюсь, что больше этого повторяться не будет. Я очень хорошо понимаю, как дело ни будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно, в этом только можно видеть всю порядочность человека. Говорю, понимаю *теперь*, потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но не дешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно. Благодарю Бога, что нравственно-то вышел чист» (см.: *Сб. Достоевский*, 2. С. 408—409).

Сюжетная ситуация «Вечного мужа» восходит, как обоснованно полагал А. Л. Бем (*Бем*, 1938. С. 73—75), к замыслу Достоевского 1866 г., сохранившемуся в записи С. В. Ковалевской (см. выше, с. 431—432). Этот замысел отразился во многих произведениях Достоевского, и прежде всего в исповеди Ставрогина. В «Вечный муж» переходит мотив болезненного воспоминания, которое не открывается герою, «рассказ есть своего рода „трагедия совести“». Не внешнее наказание, а внутреннее искупление и осознание греха — вот зерно этой трагедии. Девять лет „светский человек“ жил спокойно и внешне ничем не обнаруживал, даже сам в себе не предполагал приближающегося кризиса. Он наступил внезапно и с необычайной силой» (*Бем*, 1938. С. 72).

Теме переживаний обманутого мужа был посвящен ранний рассказ Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью» (1848; 2, 120—156). Но в то время Достоевский, следуя господствующей литературной традиции, изобразил фигуру обманутого мужа в полуводевильном, комическом освещении. В рассказе «Вечный муж», возвращаясь к некоторым приемам своих ранних произведений (ср. фамилии героев со «значением» — Трусоцкий, Вельчанинов, Лобов), Достоевский дает новый, сложный и неожиданный поворот развития темы, благодаря чему становится возможным принципиальное переосмысление традиционного комического типа. А. А. Фаустов пишет о близости темы «любовного треугольника», как она была развита в экспозиции рассказа, к замыслам «Слабого сердца», «Белых ночей», «Униженных и оскорбленных», о сходстве замысла «Вечного мужа» с «Двойником» и с

планами «Зависти», «<Романа об атеисте (ростовщике)>» (см. ниже, с. 942—949), «Картузова» (*Фаустов*. С. 90—93). Кроме того, рассказ «Вечный муж» называют своеобразным «послесловием» к «Преступлению и наказанию» (см., например: *Крицын*. С. 149—155).

Опыт работы над «Идиотом», завершённым в начале 1869 г., мог убедить Достоевского, что он располагает достаточными средствами для оригинальной, углубленно-психологической разработки вечных типов мировой литературы. Если в «Идиоте» автор поставил перед собой задачу создать образ «положительно прекрасного человека» без традиционного комического освещения, то в «Вечном муже» прием превращения комического персонажа в трагическую и зловещую фигуру был им применен к типу рогоносца, увековеченного Мольером, а позднее ставшего постоянным предметом осмеяния европейской комедии и романистики, особенно французской.

В разработке темы ревности и характера обманутого мужа Достоевский мог отталкиваться от некоторых сюжетных положений и психологических ходов мольеровских комедий «Школа мужей» (1661) и «Школа жен» (1662). «Школу жен» Достоевский имел возможность видеть в Петербурге на сцене Александринского театра в 1842 г. (бенефис А. Е. Мартынова), «Школа мужей» шла в московском Малом театре в сезон 1866/1867 гг. (в переводе Ап. Григорьева). В этой комедии ревнивец Сганарель становится невольным посредником между своей воспитанницей Изабеллой, на которой он хочет жениться, и ее возлюбленным Валером и, сам того не понимая, помогает им договориться и обмануть... себя. В сцене, где Изабелла при Сганареле объясняется Валеру в любви, ослепленный Сганарель принимает ее слова на свой счет и, жалея Валера, целует его (в переводе Ап. Григорьева — заключает в свои объятия). Эта сцена получает в «Вечном муже» иное сюжетное значение: здесь обманутый муж Трусоцкий хочет заставить себя простить своего оскорбителя Вельчанинова и потому целует его.

Основная ситуация «Школы жен» — намерение Арнольфа, опекуна Агнесы, жениться на ней, несмотря на очень значительную разницу в возрасте, — в ином ракурсе повторяется в «Вечном муже» в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде Захлебининной; некоторые черты облика Агнесы вызывает в памяти и образ второй жены Трусоцкого. Сватовство Трусоцкого к Наде оказывается неудачным из-за ее бунта и любви к «молодому человеку»; сходная ситуация разработана в «Школе жен», где влюбленная в молодого Ораса Агнеса восстает против Арнольфа.

Комические положения, в которые попадают ревнивцы у Мольера, имеют свою оборотную сторону. В них содержится потенциально тот элемент трагизма, который Достоевский придал своему рогоносцу — Трусоцкому.

В работе над «Вечным мужем» Достоевский проследил смешение трагического и комического, пошлости и высокого в сознании и поступках Трусоцкого, сложную диалектику тирана и жертвы, которую писатель связывал с «подпольем» и «подпольной темой».

Тему обманутого мужа в традиционном для французской литературы XIX в. варианте Достоевский воспроизвел в названии одной из глав «Вечного мужа» («Жена, муж и любовник»). Этой триединой формулой пользовался, в частности, очень популярный в России в 1830—1860-х годах Поль де Кок, автор романа «Жена, муж и любовник» («*La femme, le mari et l'amant*», 1829), вышедшего в русском «вольном» переводе в 1833—1834 гг. в Москве. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский воспользовался названием этого романа Поль де Кока для иронической характеристики современной французской буржуазной семьи: «...заглавия романов, как например „Жена, муж и любовник“, уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что всё блестит добродетелями» (5, 85). На замысел «Вечного мужа» могли повлиять также и другие произведения Поль де Кока: И. С. Абрамовская указывает в этой связи на роман «Рогоносец» («*Le Cосу*», 1833), переведенный на русский язык в 1833 г.¹

У многих популярных французских романистов конца 1860-х годов, которых Достоевский, вероятно, читал за границей, тема адюльтера разрабатывалась в характерном для литературы того времени варианте — «защиты» мужа от развратной по своей природе жены. Много шума наделал написанный в таком духе роман А. Дюма-сына «Дело Клемансо» (1866); тем же пафосом проникнут роман Э. Фейдо «Графиня де Шалис» (1867). Однако у названных романистов с самого начала жертва обмана, муж, изображался как воплощение идеала добродетельности и начисто отрицалась какая-либо связь этого типа с комическим рогоносцем предшествующей литературной традиции.

Идея новой художественно-психологической трактовки образа рогоносца отчасти могла быть подсказана Достоевскому романом Г. Флобера «Госпожа Бовари», который он прочел в 1867 г. (см. выше, с. 828). В нем писатель мог найти мотив, ставший исходным сюжетным пунктом рассказа. Шарль Бовари после смерти жены узнает из сохранившихся ею писем о ее изменах, спивается и гибнет. Трусоцкий после смерти Натальи Васильевны из ее переписки узнает, что был обманутым мужем и считал своим ребенком чужую дочь.² Э. М. Жиликова указы-

¹ Абрамовская И. С. Вариация на тему «жена, муж и любовник» в прозе Достоевского и Поля де Кока // *Достоевский и современность*. Чт. 20 (2005). 2006. С. 4, 8.

² Ф. Бартфельд сопоставляет два произведения в контексте теории «миметического желания» (*désir mimétique*) Р. Жирапа: *Bartfeld F. Charles Bovary, l'éternel mari?* // *Lettres romanes*. 2004. Vol. 58. № 1—2. P. 55—62. Исследователь полагает также, что «не только Павел Павлович обладает некоторыми чертами Шарля <...>, но Наталья Васильевна, умершая жена, не лишена определенного сходства с Эммой» (*Ibid.* P. 59).

вает и другой возможный источник мотива: «Принцесса Клевская» М. де Лафайет.¹

Как это часто бывало у Достоевского, художественная идея, изложенная в письме к Н. Н. Страхову (см. выше, с. 875—876), осложнилась при работе над «Вечным мужем» дополнительными литературно-полемическими заданиями.

Особое место среди произведений, повлиявших на разработку отдельных звеньев фабулы «Вечного мужа», принадлежит одноактной комедии И. С. Тургенева «Провинциалка» (1851).

Достоевский ознакомился с «Провинциалкой», вероятно, еще в Сибири, в 1850-х годах. Высказывалась гипотеза об отголосках ряда положений этой комедии, изображающей победу находчивой и ловкой жены провинциального чиновника Ступендьева над столичным фатом графом Любиным, в разработке интриги «Дядюшкиного сна» (1859; см. об этом: 2, 740—741). По-иному фабула «Провинциалки» отозвалась в «Вечном муже».

После разрыва с Тургеневым в 1867 г. Достоевский внимательно и пристрасно следил за его новыми произведениями, появлявшимися в «Русском вестнике», который писатель получал за границей регулярно. Он нашел «весьма слабою» повесть Тургенева «История лейтенанта Ергунова» (РВ. 1868. № 1. С. 241—271), а появление повести «Несчастная» (РВ. 1869. № 1. С. 37—112), которую Достоевский расценил как «ничтожность», дало ему повод высказать известное общее суждение о задачах современного искусства (см. выше, с. 542) и заключить: «Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них? Про повесть Тургенева я уж не говорю: это черт знает что такое!» (письмо к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 19). Прочитав в «Голосе» (1869. 19 февраля (3 марта). № 50. С. 2) отзыв о «Несчастной», в котором говорилось, что в характере героини повести Тургенева и во всех ее несчастьях «местного, национального нет ничего», Достоевский в письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. выразил свое полное согласие с рецензентом: «Тургенев за границей выдохся и талант потерял весь, об чем ему даже газета „Голос“ заметила» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 25).

В том же году неприязнь к Тургеневу у Достоевского еще больше обострилась из-за примечания о «Бедных людях» к «Воспоминаниям о Белинском» в «Вестнике Европы». Тургенев писал здесь: «...прославление свыше меры „Бедных людей“ — было одним из первых промахов Белинского и служило доказательством уже начинавшегося ослабления его организма. Впрочем — тут его подкупила теплая демократическая струйка» (ВЕ. 1869. № 4. С. 721).

¹ Жиликова Э. М. Эхо «Принцессы Клевской» в русской литературе, или о драматизации эпического жанра // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2011. № 3 (15). С. 95—99.

При перечитывании «Провинциалки», переизданной в седьмой части «Сочинений И. С. Тургенева. (1844—1868)» (М., 1869), Достоевского вновь заинтересовала, по-видимому, основная ситуация и два главных характера комедии — Ступендьев, покорный обманутый муж, и жена его, двадцативосьмилетняя Дарья Ивановна, командующая мужем и искусно покоряющая стареющего столичного ловеласа. Передвинув исходную ситуацию в прошлое (как он это сделал еще раньше в «Селе Степанчикове и его обитателях»), Достоевский в «Вечном муже» передал Трусозькому черты тургеневского Ступендьева — его робость перед женой, соединенную со стремлением показать окружающим, что, подчиняясь ей, он действует по собственной воле. Однако «своего» обманутого мужа Достоевский делает жертвой ревности к прошлому, к уже умершей жене, переписку которой с любовниками он обнаружил лишь после ее смерти.

То, что в «Идиоте» проявляется в характере и поведении трагического, сильного и страстного персонажа, в «Вечном муже» выпадает на долю слабого и «смирного» человека и тем самым становится трагикомическим. Рогожин, побратавшийся с Мышкиным, пытается его убить. Трусозький, недавно обнимавшийся и целовавшийся с Вельчаниновым, даже поцеловавший ему руку, пытается зарезать его бритвой. Ревность, оскорбленное доверие преобразуют добродушного и покорного «вечного мужа», как в насмешку называл его Вельчанинов, превращают его в мстителя. Но и до попытки убийства «хищник» Вельчанинов и «жертва» Трусозький как бы меняются местами. Вельчанинов, который привык всегда снисходительно и свысока относиться к Трусозькому, неожиданно встретившись с ним после смерти Наталии Васильевны, чувствует, что Трусозький играет им: постепенно муж «выбалтывает», что именно известно ему о любовных связях покойной жены и об ее отношениях с Вельчаниновым. Так Трусозький, мстя, устраивает для Вельчанинова изощренную нравственную пытку, чувствуя свое превосходство над человеком, когда-то его грубо обманувшим. Вельчанинов, всю жизнь подчинивший удовлетворению своих эгоистических страстей, оказывается нравственно униженным и опозоренным.

Разработанную в «Вечном муже» диалектику хищника и жертвы, смирения и гордости можно рассматривать как своеобразную художественную полемику с одной из излюбленных идей Н. Н. Страхова. В «Вечном муже» проблема «хищного» типа становится предметом обсуждения героев. Трусозький говорит Вельчанинову, что он читал в «журнале», в «отделении критики-с», о «хищном» и «смирном» типах, но «тогда и не понял-с». Далее между ними возникает спор на тему — кого же можно считать «хищным типом». Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду «Статья вторая и последняя» Страхова о «Войне и мире» Л. Н. Толстого (З. 1869. № 2. С. 207—252). Излагая в ней взгляды Ап. Григорьева на Пушкина и на значение пушкинского образа Ивана Петровича Белкина для русской литературы, Страхов писал: «Григорьев показал, что к чужим типам, господствовавшим в нашей литературе, принадлежит почти всё то, что носит на себе печать героиче-

ского, — типы блестящие или мрачные, но во всяком случае сильные, страстные, или, как выражался наш критик, *хищные*. Русская же натура, наш душевный тип явился в искусстве прежде всего в типах *простых и смиренных*, по-видимому чуждых всего героического, как Иван Петрович Белкин, Максим Максимыч у Лермонтова и пр. Наша художественная литература представляет непрерывную борьбу между этими типами, стремление найти между ними правильные отношения, — то развенчивание, то превознесение одного из двух типов, хищного или смиренного» (Там же. С. 232; см. также: *Страхов Н. Н.* Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). СПб., 1885. С. 309—310).¹

Страхов писал Достоевскому по поводу своей статьи, что «сходится» с ним «в мыслях» (см.: *Шестидесятые годы*. С. 261). Достоевский же, как видно из текста «Вечного мужа», этого сказать о себе не мог. Он показывает, что между «хищным» и «смирным» типом нет жестких границ и что возможно превращение «смирного» типа в «хищный». Но, по мнению М. Ю. Лучникова, утверждение, что возможно превращение одного типа в другой, «не было бы полемикой с критиками, поскольку Страхов вполне допускал смешение черт „хищного” и „смирного” типов в характере отдельного человека (так он толкует образ Пьера Безухова в «Войне и мире»), а Ап. Григорьев даже возводил противоборство этих двух начал в норму русского национального характера. В рассказе Достоевского создается новое психологическое качество. Трусоцкий бросился с бритвой на Вельчанинова не потому, что „хищность” победила в его характере, а именно вследствие „смирности”. Нерешительность и слабование героя становятся причиной убийства» (Лучников. С. 66). На это, полагает исследователь, указывают и отрывки из подготовительных материалов к «Вечному мужу», в которых Трусоцкий анализирует поведение «нерешительного» убийцы (см. с. 339—340).²

В главах рассказа, посвященных визиту Трусоцкого и Вельчанинова к Захлебниным, в какой-то мере психологически переосмыслен один из рассказов М. Е. Салтыкова-Щедрина «Для детского возраста», на-

¹ См. подробнее о связи «Провинциалки» и «Вечного мужа» и о проблеме «хищного» и «смирного» типов в этом рассказе в соотношении с идеями Ап. Григорьева и Н. Н. Страхова: *Серман И. Э.* 1) «Провинциалка» Тургенева и «Вечный муж» Достоевского // Тургеневский сборник. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 109—111; 2) Достоевский и Ап. Григорьев // *Достоевский и его время*. С. 140—142. См. также: *Turner C. J. G.* The Eternal Husband: Bagautov and Stupend'ev // *Russian Literature*. 1995. Vol. 38. № 1. P. 97—110.

² См. также: *Курпотин. Мир Достоевского*, 1983. С. 203—208; *Frank J.* Dostoevsky, Tolstoy, and «The Eternal Husband» // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman* / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994. P. 235—249. (Stanford Slavic Studies; Vol. 8).

печатанный в «Современнике» (1863. № 1—2. С. 181—195) и перепечатанный в сборнике «Невинные рассказы» (СПб., 1863). Возраст Нади Захлебининой и Нади Лопатниковой, героини рассказа Щедрина, одинаков — обеим по пятнадцать лет. Против Трусоцкого молодежь создает «заговор» и отваживает его от общих игр; у Щедрина, по предложению обиженной Нади, все девицы, собравшиеся на ёлку, отказываются «принимать сегодня» Кобыльникова в свое «общество». Один из юных гостей распускает слух, что у Кобыльникова «живот болит»: «Кобыльников слышит эту клевету и останавливается; он бодро стоит у стены и бравирует; но, несмотря на это, уничтожить действие клеветы уже невозможно. Между девицами ходит шепот: „Бедняжка!“ Наденька краснеет и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слез» (см.: *Салтыков-Щедрин*. Т. 3. С. 86, полностью с. 75—87). В «Вечном муже» сходный мотив появляется в измененном виде. Гости решают, что Павел Павлович забыл носовой платок и что у него насморк: «— Платок забыл! Павел Павлович платок забыл! Матап, Павел Павлович опять платок носовой забыл, — матап, у Павла Павловича опять насморк! — раздавались голоса» (с. 74). Трусоцкому, так же как Кобыльникову у Щедрина, не удастся убедить хозяев и гостей, что он совершенно здоров.

Рассказ Щедрина был напечатан в том же номере «Современника», который послужил поводом для статьи Достоевского «Опять „Молодое перо“» (*Вр.* 1863. № 3. С. 148—163), также направленной против сатирика. Вполне вероятно, что рассказ этот Достоевский запомнил тогда же. Позднее, в 1864 г., в полемике между «Русским словом» и «Современником» «Невинные рассказы» получили резко отрицательную оценку в статье Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора» (*РСл.* 1864. № 2. С. 1—42), на которую Достоевский откликнулся статьей «Г-н Щедрин, или Раскол в нигилистах» (*Э.* 1864. № 5. С. 274—294; о содержании этой полемики см.: *Борщевский*. С. 29—158).

Мотивами щедринского рассказа, как и основной ситуацией «Провинциалки», Достоевский воспользовался, усложнив их психологически. Комическое положение Трусоцкого в обществе молодежи подготавливает трагический эпизод его покушения на убийство Вельчанинова; у Щедрина же комическая ситуация остается комической до конца рассказа.

Л. П. Гроссман отметил параллель между «Вечным мужем» и рассказом «Сердце-Обличитель» Э. По, напечатанным во «Времени» (1861): «Сценка из рассказа По, в которой обреченный на смерть старик чувствует, как в абсолютной темноте и тишине его комнаты неподвижно и беззвучно затаив дыхание стоит часами его будущий убийца, отразилась на одной из глав „Вечного мужа“». Безмолвный и неподвижный Трусоцкий в спальне Вельчанинова, с ужасом чувствующего это невидимое присутствие своего врага, как бы воспроизводит главный момент „Сердца-Обличителя“» (*Гроссман, Библиотека*. С. 117).

А. А. Фаустов указал на связь Трусоцкого с Сальери и «черным человеком» из «маленькой трагедии» Пушкина «Моцарт и Сальери».

К этому пушкинскому произведению отсылает, как считает исследователь, и предположение Вельчанинова, что, если бы Трусозкий был «хищным типом», он бы «отравил в стакане Багаутова, когда бы стал с ним „шампанское пить“ во имя приятной с ним встречи» (см. с. 53) (Фаустов. С. 86—95).

На «маленькие трагедии» Пушкина, а именно «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость», в качестве претекстов «Вечного мужа» указывает и А. Б. Криницын. «Романтический» контекст образа Трусозкого составляют мстящий Командор, «черный человек», Незнакомец из лермонтовского «Маскарада» (Криницын. С. 129—133). Характер поведения Трусозкого с Вельчаниновым восходит, как считает Криницын, к сюжету «Эликсиров дьявола» (1815) Гофмана: об этом свидетельствуют отношения Медарда со своим двойником и братом-близнецом монахом Викториним (Там же. С. 135—136).

Р. Пис полагал, что одним из источников «Вечного мужа» является «Шинель» Гоголя. Рассказ Достоевского роднит с нею целый ряд мотивов, главный из которых — «потребность „маленького человека“ отомстить».¹ Исследователь сопоставил два произведения в контексте литературной полемики 1860-х годов, предположив, что в «Вечном муже» раскрыты «не просто отношения Трусозкого и Вельчанинова, но также отношения Достоевского и Страхова, которые сообщают истории резкую двойную остроту».²

М. Ю. Лучников указывает на еще одну литературную параллель типа «вечного мужа» — образ Леонтия Козлова в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (1869): «Леонтий Козлов и Трусозкий принадлежат к типу „вечного мужа“, и вне их назначения „быть в жизни только мужем“ теряют смысл и служебная карьера героя Достоевского и занятия классической филологией героя Гончарова» (Лучников. С. 63). По мнению исследователя, в этом гончаровском образе для писателя нашла завершение традиция изображения обманутого мужа в литературе, и Достоевский строит образ Трусозкого в соотношении и в полемике с образом Леонтия Козлова («Обрыв» печатался в то же время, когда Достоевский работал над «Вечным мужем»).

Изображенная в рассказе Достоевского семейная драма полемически ориентирована, как демонстрирует Лучников, на роман Чернышевского «Что делать?» и на близкую ему «нигилистическую» литературу, и прежде всего в отношении темы ревности и конфликта между чувственным и разумным началом в человеке: «В „Вечном муже“ герои Достоевского разрываются не между склонностью и долгом (традиционное определение) и не между низшим, чувственным эгоизмом и высшим, разумным (Чернышевский), а между двумя формами проявления одной и той же сущности — духовного эгоизма, который выражается в

¹ *Peace R. Dostoevsky's «The Eternal Husband» and Literature Polemics // Essays in Poetics. 1978. Col. 3. № 2. P. 27.*

² *Ibid. P. 36.*

стремлении сохранить и возвысить свое „я“ любой ценой и ради сохранения и возвышения» (Лучников, РЛ. С. 62). Оба желания в героях Достоевского — простить и отомстить — сводимы к одному и тому же желанию самоутвердиться (Там же. С. 64).

С. Гренье предположила, что рассказ Достоевского «Вечный муж» представляет собой реинтерпретацию романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (опубл. в 1846). В ходе продолжения этого сюжета точка зрения мнимого протагониста Вельчанинова подвергается сомнению с позиции обманутого мужа Труссоцкого.¹ Данное предположение было развито С. А. Кибальником. Опираясь на помету Достоевского в «Плани для рассказа (в «Зарю»)», соотносящуюся с будущим характером Труссоцкого: «NB. Или милый тип à la O—ff, или Убийца серьезный из подполья» (с. 375), исследователь предположил, что рассказ Достоевского представляет собой опыт психологического проживания ситуации супружеской измены, основанный, помимо собственных переживаний Достоевского в ходе его романа с М. Д. Исаевой, на впечатлениях от семейной драмы Герцена и Огарева. С тем и с другим Достоевский неоднократно встречался в 1860-е годы (причем с последним довольно часто в Женеве с августа 1867 по февраль (?) 1868 г., т. е. незадолго до создания рассказа).²

В аспекте сравнительного анализа рассказ Достоевского обнаруживает целый ряд сближений с повестью Тургенева «Вешние воды» (1872): это типологическая близость героев, сюжетообразующая роль любовных треугольников, важное значение темы памяти и воспоминания в структуре сознания героев.³

Сохранившиеся подготовительные материалы к «Вечному мужу» содержат первоначальный план (ПМ, <с. 52—53>). По-видимому, он относится к тому этапу работы, когда Достоевский предполагал ограничиться объемом в 3½ печатных листа «Русского вестника» (или соответственно 5 печатных листов «Зари»). По этому плану Труссоцкий в первый приход к Вельчанинову рассказывает о беременности жены

¹ См.: Grenier S. Dostoevsky's Polemic with Herzen in «The Eternal Husband» // XV симпозиум Международного Общества Достоевского «Достоевский и журнализм» (XV Symposium of the International Dostoevsky Society «Dostoevsky and Journalism»): Тезисы докладов. М., 2013. С. 40.

² См. подробнее: Кибальник С. А. Криптографическая поэтика рассказа «Вечный муж»: (Достоевский и семейная драма Герцена и Огарева) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4 (в печати).

³ Подробнее см.: Димитриева Л. А. Повесть И. С. Тургенева «Вешние воды» (1872) и рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (1870): типологические сближения // Спасский вестник. 2014. Вып. 22. С. 40—49. См. также: Пращерук Н. В. «Вечный муж» и «бедная Лиза»: о двух произведениях русской классики // Уральский филологический вестник. Сер. Русская классика: динамика художественных систем. Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 207—218.

«лет 8 назад, в Твери», когда Вельчанинов оттуда уехал, и о своей дочери, в действительности дочери Вельчанинова. Далее действие должно было развиваться очень быстро. Трусозкий говорит Вельчанинову о другом любовнике своей жены (здесь она названа Анной Ивановной, варианты — Анна Васильевна, Катерина Васильевна, Наталья Васильевна, Е. П — на и М. Д — на, в последнем случае, по-видимому, писатель зашифровал имена Е. П. Ивановой и М. Д. Исаевой¹), умершем только что, и об оставленных ею письмах, из которых он узнал об изменах и о настоящем отце ее дочери. Вельчанинов идет смотреть дочь, поселяет ее и Трусозкого у себя, затем отвозит ее к «знакомым». Дочь заболевает и умирает. Трусозкий объявляет о своем намерении жениться, ночью хочет зарезать Вельчанинова, но тот его связывает. Трусозкий уходит, заявляя, что решил «повеситься в номере». Однако, встретив «молодого человека» (роль которого в этом плане неясна), Вельчанинов узнает, что Трусозкий уехал. Через «два года», как и в окончательном тексте рассказа, происходит встреча «в вагоне», у Трусозкого новая жена, «великолепная дама», и при ней «гусар».

В окончательном тексте название города (Тверь) было заменено начальной буквой; героиня стала Натальей Васильевной. Сохранена хронология событий жизни автора в Твери в 1859 г. Приурочение событий, составивших предысторию взаимоотношений мужа и любовника, к этому городу, очевидно, было вызвано желанием Достоевского сделать менее явной «сибирскую» фактическую ее основу — историю Врангеля и Х. (см. о ней выше, с. 878—880). ПМ не дают возможности детализировать дальнейшую работу над «Вечным мужем», поскольку рассказ был написан сравнительно быстро и у автора в ходе работы возникали одновременно различные варианты сюжетного развития и последовательности эпизодов.

При разработке плана рассказа и особенно в процессе писания «представились сами собой подробности» (как выразился Достоевский в письме к С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г. (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 88), вспомнив слова Ноздрева из X главы первого тома «Мертвых душ»; ср.: «представились сами собою такие интересные подробности» (*Гоголь*, 2001. Т. 7. Кн. 1. С. 197)). Это привело к усложнению сюжета и, главное, к необходимости иначе расположить эпизоды, установить другую их последовательность, связанную с менявшимся отношением автора к персонажам и к основному психологическому конфликту произведения.

Параллельно шли и поиски повествовательной формы. Ряд набросков связного текста (<с. 51—57>), в том числе и начало, сделаны от первого лица. Постепенно начинает преобладать другая форма — со-

¹ См. подробнее: Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // *Достоевский и мировая культура. Филол. журнал*. 2020. № 2. С. 166—167.

четание авторского рассказа с несобственно-прямой речью. В связи с этим меняется функция мужа, Трусоцкого, в развитии основного конфликта и содержания рассказа в целом. Трусоцкий, который в *ПМ* высказывался пространно на самые различные темы, в окончательном тексте лишился многих своих тем и реплик. Он стал персонажем по преимуществу действующим, а большая часть рассуждений, вначале приписанных ему, была передана Вельчанинову. В научной литературе высказывались суждения о повествовательных особенностях рассказа: формы «от автора» и «от первого лица» оказываются в нем сложно переплетены, выделяются голоса «автора, объективно рассказывающего о людях и событиях (с включением в этот рассказ несобственно-прямой речи главного героя)»; «автора, выражающего свое субъективное отношение к изображаемому»; «постороннего зрителя, наблюдающего за происходящим вокруг».¹ Напряженные отношения между автором, повествователем и персонажами исследуются в аспекте функционирования «чужой речи».² Прослеживается, как на повествовательном уровне выражается «борьба» между Вельчаниновым и Трусоцким и каким образом каждый из них, опираясь на «избыток видения» и насыщая речь «словами с лазейкой», изобретает «стратегии по запутыванию другого и использованию власти над другим».³

В окончательный текст не вошли некоторые из литературных реминисценций, принадлежавших в *ПМ* Трусоцкому. Так, в одной из реплик Трусоцкого в связи с рассуждением о «неприличности» несчастья назван Гончаров (<с. 62>); в не включенном в окончательный текст разговоре Трусоцкого с Вельчаниновым, в котором «убийца» объясняет потерпевшему, почему тот не пойдет на него жаловаться, упоминается «слог» Кузьмы Пруткова (<с. 73>). Следует отметить и ассоциацию с героиней Карамзина: «Бедная Лиза, грустный образ» (<с. 74>). Все эти литературные ассоциации в речах Трусоцкого Достоевский отбросил, сохранив в окончательном тексте лишь разговор по поводу статьи о «хищном» типе. Вообще Трусоцкий в *ПМ* в отдельных репликах и конспектах диалогов высказывается более откровенно и прямолинейно, чем в окончательном тексте «Вечного мужа». Так, он прямо говорит о том, что приехал «или отомстить, или повеситься» (<с. 54>). Тема самоубийства Трусоцкого, в окончательном тексте возникающая только в рассказе Лизы, в *ПМ* варьируется многократно, она возникает вновь

¹ См.: Иванчикова Е. А. «Всеведущий» автор в повести Достоевского «Вечный муж» // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: [Сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой]. М., 2002. С. 395.

² Woodward J. B. «Transferred Speech» in Dostoevskii's «Vechnyi muzh» // Woodward J. B. Form and Meaning: Essays on Russian Literature. Columbus, OH, 1993. P. 135—149.

³ Jones M. V. The Eternal Husband: Discourse with a Noose // Essays in Poetics. 1995. № 20. P. 49—50. См. также: Ковалев О. А. Рассказ «Вечный муж» в творческой эволюции Ф. М. Достоевского // Ковалев О. А.

в тот момент, когда Труссоцкий узнает о внезапной смерти одного из любовников своей жены, «сановника», мстят которому была целью его приезда в Петербург. Он говорит Вельчанинову: «Эта цель меня от веревки отвлекла. А теперь не отвлекает» (<с. 61>).

В *ПМ* Труссоцкому принадлежало определение «вечный муж» (<с. 75, 77>), в окончательном тексте переданное Вельчанинову (которому здесь Достоевский преимущественно приписал способность к самоанализу и рефлексии). В первоначальном варианте последнего эпизода Достоевский передал Вельчанинову и некоторые дорогие ему мысли, близкие его философии жизни (<с. 74>). Как символ ее в памяти Вельчанинова возникают начальные строки любимого Достоевским стихотворения Ф. И. Тютчева («Эти бедные селенья...», 1855 — см.: *Д. Письма*. Т. 1. С. 524). В дефинитивный текст эта цитата и рассуждения Вельчанинова не вошли; очевидно, высокий лиризм отрывка не совмещался с образом светского фата и жуира.¹ Э. М. Жиликова полагает, что соположение в *ПМ* ассоциации с героиней Карамзина и тютчевского стихотворения задает особый «социальный и общечеловеческий смысл» страданиям Лизы Труссоцкой. В описании Лизы в окончательном тексте проявляется тон, присущий сентиментальной и романтической традициям.²

Окончательный вид композиция произведения получила тогда, когда было найдено место для эпизода, составившего содержание главы «У Захлебниных», и отброшено самоубийство Труссоцкого, сохранившееся только в виде угроз Лизе. Кольцевое построение рассказа (Труссоцкий опять женат и опять в рабстве у жены) получилось, когда Достоевский решил, что новый брак будет через два года после основной драмы, а не в ее середине, как намечалось в некоторых вариантах плана.

Появление семейства Захлебниных в рассказе позволило ввести в действие мотив юношеской фронды, «заговора» молодежи против Труссоцкого, противопоставить иронически изображенную легкость решения проблем любви и брака у «нигилистов» трагической неразрешимости их в действительной жизни.

В прижизненной критике, а также в последующих исследованиях «Вечный муж» признается «одним из самых завершенных по построению и развитию сюжета произведений Достоевского. Именно поэтому он заслуживает особенно внимательного изучения со стороны компо-

Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского. Барнаул, 2011. С. 287.

¹ См. также: *Гачева А. Г.* Стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья» в творческом замысле повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 9: Филология*. 2007. № 4. С. 60—68.

² Подробнее см.: *Жиликова Э. М.* Синтез эпического и драматического начал в творчестве Ф. М. Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж») // *Творчество Ф. М. Достоевского: искусство син-*

зиции и приемов творчества» (Бем, 1938. С. 54). М. С. Петровский продемонстрировал актуальность этого утверждения, подробно проанализировав художественную структуру рассказа (Петровский. С. 115—161). В «Вечном муже», по мнению исследователя, можно выделить три симметрические части по пять глав в каждой, последовательность которых подчинена развитию мотива «дуэли» Труссоцкого и Вельчанинова — экспозиция героев (гл. I—V), завязка петербургской «дуэли» (гл. VI—X) и развязка (гл. XI—XV); подобием резюме «дуэли» оказывается гл. XVI «Анализ» и эпилогом — гл. XVII «Вечный муж». «Главный предмет рассказа — душевное состояние Вельчанинова. Главная тема — встреча его души с иным психическим началом, воплощенным в образе „вечного мужа“. Эта тема отливается в сюжет противоборства, поединка, „дуэли“ этих двух психических начал „вечного любовника“ и „вечного мужа“» (Петровский. С. 159). Отличительной структурной особенностью рассказа может быть названа также «мультикульминационность». Смерть Лизы, нападение Труссоцкого на Вельчанинова, отъезд Труссоцкого, встреча Труссоцкого и Вельчанинова на вокзале и другие события в рассказе формируют взаимосвязь подлинных и ложных кульминаций.¹

А. Л. Бем в оригинальном анализе рассказа предлагал различать внешний («психологический») и внутренний («фантастический») тон произведения. По его мнению, на определенном уровне рассказ может быть прочитан как «развертывание сна» Вельчанинова, задним числом «сочинившего» Труссоцкого, чтобы освободиться от ворвавшегося в его жизнь чувства вины. Под «развертыванием сна» Бем понимал «особый прием реализации в действительности, вернее, драматизации содержания сна, переводящей его темные намеки на язык действительной жизни. Это — то явление, которое мы имеем при переходе сна в бред и галлюцинации, носящие видимость реальных фактов жизни» (Бем, 1938. С. 59). Первый сон Вельчанинова, предшествовавший приходу Труссоцкого, уже включает в себе все элементы «Вечного мужа». Расстроенная совесть героя, в которую «врываються» нежелательные воспоминания, указывает ему на случай в Т., мысли о котором и находят выражение в сне о молчащем незнакомце. Дальнейший сюжет выдуман больным воображением Вельчанинова как бы в бреду, как попытка освободиться от гнета совести. В ходе него «господин с крепом на шляпе» «становится» Труссоцким, и последний теперь должен отомстить за свою обиду, чтобы прекратить страдания Вельчанинова. Вельчанинов «поэму из него сочинил, а сам под стол от страху залез» (с. 16). «Ре-

теза / Под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург, 1991. С. 194—195.

¹ Подробнее см.: *Parts L. Polyphonic Plot Structure in Dostoevsky's «The Eternal Husband»* // *Slavic and East European Journal*. Vol. 50. № 4. P. 607—620. См. также: Кирпотин. *Мир Достоевского*, 1983. С. 183—188.

ально протекающие перед нами события суть лишь драматизированные видения больного воображения Вельчанинова. Сон не слился с действительностью, как он думал, а перешел в видения, которые он принял за действительность. Пять недель длилась эта болезнь, и ее крайние точки означены двумя сновидениями, в которых сгущены по законам сна волновавшие его припоминания прошлого» (Бем, 1938. С. 69—70). Такой аналитический прием позволяет увидеть внутреннюю логику «трагедии проснувшейся совести»: «тяжелая душевная болезнь искупила хоть отчасти его грехи», хоть для этого и пришлось из реального образа «вечного мужа» создать «образ мужа-мстителя, настигающего своего обидчика и зовущего его к ответу» (Там же. С. 72).¹

Своеобразным продолжением бемовской интерпретации можно считать анализ «Вечного мужа» как «театра катарсиса», предложенный в статье Т. Мотидзуки. Исследователь рассматривает взаимоотношения двух героев рассказа как «своеобразный „театр“ <...>, где персонажи стараются изжить всякие потенциальные варианты своих ролей в жизни, чтобы расчитаться с ними и освободиться от психологической нагрузки». ² Именно в свете подобного подхода Мотидзуки рассматривает рассказ как трехактную пьесу. В первом акте (до смерти Лизы) герои разыгрывают несвойственные им роли. Во втором акте комически повторяется драма, произошедшая в Т., в эпизоде у Захлебниных, в результате чего реализуются два варианта «ритуального решения конфликта»: в примирении («моральный катарсис») и в покушении («эмоционально-психологический катарсис»). Наконец, в третьем акте освободившиеся от потенциальных ролей герои возвращаются «к знакомым ролям дожуана и рогоносца, только в новой ситуации, с новыми партнерами».³

В прижизненной критике не было устойчивого жанрового определения «Вечного мужа»: его называли то рассказом, то повестью, то романом. Между тем то обстоятельство, что в первопечатном тексте есть авторский подзаголовок «рассказ», требует возможного истолкования. М. С. Петровский обосновал неслучайность авторского наименования: «Вечный муж» назван рассказом за счет «внутренней экономии содержания» (Петровский. С. 116). Все многообразные побочные темы рассказа включены в один центральный сюжет «дуэли» Вельчанинова и Трусоцкого. В. Я. Кирпотин также выразил убеждение, что в авторском определении «не было ни случайности, ни необдуманности». По мнению ученого, «причина жанрового обозначения определяется в дан-

¹ Вместе с тем ученый не отрицал преимущества «реального» прочтения рассказа. Опираясь на работу Бема, Криницын предлагает «двойное» прочтение «Вечного мужа», в ходе которого «прослеживаются как реалистический сюжет, так и фантастический метасюжет» (Криницын. С. 121).

² Мотидзуки Т. «Вечный муж» как театр катарсиса // РЛ. 2002. № 1. С. 139.

³ Там же. С. 139—140.

ном случае не количеством листов, а другим — облегченностью содержания и смысла произведения» (*Кирпотин. Мир Достоевского, 1983. С. 164*). «Вечный муж» в жанровой системе писателя должен быть отнесен к своеобразному «циклу» «рассказов Достоевского „по поводу“ разных свадеб и последствий иных браков»;¹ такие сюжеты, как демонстрирует В. Н. Захаров, не становились предметом ни повестей, ни романов, хотя в случае «Вечного мужа» Достоевский преодолел «содержательную „облегченность“ жанра рассказа».² Другой подход к определению жанрового своеобразия рассказа предложил И. Верч. Он исследовал, каким образом литературная традиция Мольера и Тургенева оказалась переосмыслена и преодолена в «Вечном муже». Литературный «сдвиг» прежде всего связан с Трусозким, «Шиллером, в образе Квазимодо» (с. 99), как его определяет во внутреннем монологе Вельчанинов. «Трусозкий, по отношению к традиции, как будто является обыкновенным „вечным мужем“ (т. е. «Ступендьевым»), в то время как в процессе преодоления этой традиции он определяется человеком, пытающимся не отступать от собственного этического идеала (т. е. быть «шиллеровским»), но одновременно обладающим сознанием собственной „уродливости“, которое препятствует ему достижение этого идеала (т. е. как у Квазимодо)» (*Верч. С. 72*). Тот факт, что Трусозкий определяет самого себя Ступендьевым, свидетельствует о необходимости для него освободиться от определенной власти традиции; тот же факт, что Вельчанинов называет себя «подпольным» (с. 84), оставляет последнего в рамках уже открытого Достоевским семантического поля. Трудноопределимость жанра «Вечного мужа» связана с тем, что трагическое и комическое в нем взаимоперетекаемы и обусловлены позицией адресата. В рассказе осуществлен «функциональный сдвиг в понятии „трагического“ путем замены „катарсиса“ несбыточными осколками утопии» и «функциональный сдвиг в понятии „комического“ путем превращения объекта смеха (Трусозкого. — *Ред.*) в субъект» (*Верч. С. 76*). О синтетическом характере жанра «Вечного мужа» писала также Э. М. Жиякова.³

Несомненна связь рассказа с предшествующим творчеством Достоевского в аспекте авторской типологии героев. В. Я. Кирпотин полагал, что главные герои рассказа представляют «сниженные» и «облегченные» варианты предшествующих персонажей Достоевского: Трусозкий представляет собой «сниженный» и «облегченный» вариант подпольного человека и шута, Вельчанинов «сниженный» вариант Свидригайлова, Лиза — Нелли (*Кирпотин. Мир Достоевского, 1983. С. 191—200*).

¹ Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985. С. 58.

² Там же. С. 60.

³ Жиякова Э. М. Синтез эпического и драматического начал в творчестве Ф. М. Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж»). С. 199—200.

По наблюдению К. В. Мочульского, в этом рассказе «Трусоцкий — „вечный муж“, неразрывно связан с Вельчаниновым, „вечным любовником“. Их противоположность основана на сходстве, оба они в плену у женщины» (*Мочульский*. 1995. С. 414), при этом «тема донжуанизма сплетается с темой „подполья“ и мистическая связанность человеческих сознаний раскрывается в двух планах» (Там же. С. 415).¹ Мочульский утверждал, что в «Вечном муже» тема мечтательства нашла завершение: в образе Трусоцкого мы видим превращение мечтателя в подпольного человека. Наблюдения А. Б. Криницына позволяют рассмотреть двух главных героев, которым по-разному открывается «подполье», как неразрывно связанных двойников;² исследователь развивает и переосмысливает темы, впервые появившиеся в работах А. Л. Бема, М. С. Петровского и К. В. Мочульского (*Криницын*. С. 116—126, 133—149).

По мнению М. Ю. Лучникова, богатство литературного контекста образа Трусоцкого обусловлено, прежде всего, необходимостью продемонстрировать разницу между литературной ролью и живой личностью. Исследователь рассматривает композицию характера Трусоцкого с точки зрения соотношенности его поведения с рядом типологических формул и включенности в систему сравнений: литературная традиция изображения «обманутого мужа»; «концепции характера», которые выдвигает сам герой; концепции характера, которые выдвигает Вельчанинов, стремящийся его «разгадать» (подробнее см.: *Лучников*. С. 61—68). «Разгадывание» Трусоцкого воплощено прежде всего в главе «Анализ» (см., например: *Кирпотин. Мир Достоевского*, 1983. С. 219—235). Глава представляет собой одно из самых последовательных в творчестве Достоевского художественных высказываний о психологии. Вельчанинов посредством ряда умозаключений стремится «разгадать» Трусоцкого, но оказывается во власти тех психологических ограничений, которые в творчестве Достоевского всегда накладывает ретроспективная, основанная на разумных доводах интерпретация действий и мыслей другой

¹ В своих работах Р. Жирар приводил рассказ «Вечный муж» в качестве иллюстрации того, как функционирует «миметическое желание»: «Павел Павлович не может желать иначе, чем через посредничество Вельчанинова» (*Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris, 1961. P. 52). См. также анализ «Вечного мужа»: *Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству* [1963] / Пер. с фр. Г. Куделич. М., 2013. С. 26—33.

² См. также: *Lord R. Dostoevsky: Essays in Perspectives*. Berkeley, 1970. P. 222—224; *Peace R. Dostoevsky's «The Eternal Husband» and Literature Polemics*. P. 26—27. О двойничестве двух «подпольных» сознаний в рассказе в связи с психологическим временем, функцией сна и структурой характера см.: *Галышева М. П. Психологическое время и структура подпольного характера: (На примере рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж»)* // *Достоевский и современность*. Чт. 23 (2008). 2009. Ч. 1. С. 124—139.

личности (ярким примером может служить «пересказ» сюжета «Идиота» от лица разумного Евгения Павловича Радомского). Именно в таком ключе «Вечный муж» рассматривает В. Террас: «...результат пронизательного анализа Вельчанинова равен нулю. В конце он знает о Труссоцком так же мало, как и вначале. Вельчанинов, в сознании которого история увидена, остается столь же неоднозначным — даже для себя. Оказывается также, что „провинциалка“, которую, как Вельчанинов думал, он понимал достаточно хорошо, оказалась гораздо более сложной личностью, чем он полагал. В отличие от более поздних произведений Достоевского, в „Вечном муже“ мало или вообще нет метафизики. Его идея может быть прочитана „от обратного“ (as the negative one), что психология сама по себе является цикличной, бессмысленной и бесплодной».¹

Еще Н. К. Михайловский определял в качестве центральной темы рассказа ревность, и это несомненно согласуется с произведением Достоевского. Критик полагал, что в двух рассказах Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью» и «Вечный муж») оказалась своеобразно переработана шекспировская тема ревности, «чудовища с зелеными глазами» из «Отелло» (Михайловский. С. 346). Однако Труссоцкий, вместо того чтобы «кровавым (как Отелло) или бескровным путем, но поскорее кончить» эту историю, придумывает «что-то более утонченное, жестокое, вычурное, чем простая месть», а именно «оскорбителей своих мучит и сам мучится» (Там же. С. 350). Пересказывая сюжет этого, по мнению критика, образцового произведения «жестокое таланта», Михайловский тем не менее признает, что «если посмотреть на поведение Труссоцкого, напротив, как на исключительный случай, даже как на уродство, то нельзя не признать „Вечного мужа“ произведением чрезвычайно замечательным. Неистовая, но сама себя питающая злоба, не вырывающаяся наружу ни громким криком, ни решительным действием, а только шипящая, ползающая, подкрадывающаяся, разработанная превосходно. Это бесспорно одна из лучших вещей Достоевского» (Там же. С. 353). Вместе с тем критик убежден, что повествование следовало бы завершить на смерти Лизы, поскольку все дальнейшие перипетии воспринимаются как «вариации на ту же тему самопитающейся злобы, которая даже любит предмет своей ненависти, как точку исхода неустанно текущей мести. Это противоестественное сочетание, этот, если позволено будет так выразиться, гермафродитизм чувств Достоевский пожелал довести до высшей возможности точки напряжения» (Там же. С. 354). В наши дни высказывается иная точка зрения, также находящая свое обоснование в тексте: «...в „Вечном муже“ не ревность к сопернику <...>, а отчаянная борьба за доверие к человеку составляет главный стержень рассказа. Это повесть о потерянном доверии „вечного мужа“ Труссоцкого к обманувшему его Вельчанинову, о том, как из последних сил цепляется Труссоцкий за остатки этого доверия, „несмот-

¹ Terras V. Reading Dostoevsky. Madison, 1998. P. 47.

ря ни на что", ибо он может сознавать себя человеком только через это доверие. И в то же время это постижение Вельчаниновым тайны Труссоцкого, причины этого доверия жалкого неудачника к нему, человеку совсем другого мира» (*Мазель*. С. 84); «...в Труссоцком его типовая очерченность, запрограммированность как вечного мужа вступает в борьбу с бесконечной человеческой жадной идеала и страданием от обманутой веры» (Там же. С. 96), в то время как в Вельчанинове происходит борьба «условно-светского и человеческого» (Там же. С. 100).

Когда рассказ получил свое название¹ — неизвестно. Еще в объявлении, помещенном в октябрьском номере «Зари» 1869 г., оно не было приведено. Очевидно, Достоевский остановился на нем уже перед самой отправкой рассказа в Петербург. Впервые в печати название произведения появилось в объявлении «Зари» в газете «Московские ведомости»: «Назовем главнейшие из произведений, приобретенных редакцией для первых книжек 1870 года: „Вечный муж“, повесть Ф. М. Достоевского...» (1870. 24 января, № 19, в приложении к номеру).

Первым откликнулся на «Вечного мужа» Н. Н. Страхов. 14 февраля 1870 г. он сообщал: «Ваша повесть производит весьма живое впечатление и будет иметь несомненный успех. По-моему, это одна из самых обработанных Ваших вещей, — а по теме — одна из интереснейших и глубочайших, какие только Вы писали, я говорю о характере Труссоцкого; большинство едва ли поймет, но читают и будут читать с жадностью» (см.: *Шестидесятые годы*. С. 265). Достоевский отвечал ему 26 февраля (10 марта) 1870 г.: «С жадностью прочел тоже Ваши несколько строк одобрения о моем рассказе. Это мне и лестно и приятно; читателям как Вы я бы и всегда желал угодить, или лучше — только им-то и желаю угодить» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 108). Через месяц, 17 марта 1870 г., Страхов с удовлетворением сообщал Достоевскому: «Предсказание мое сбылось. Ваш „Вечный муж“ пользуется великим вниманием и читается нарасхват» (*Шестидесятые годы*. С. 266), а 16 апреля он высказал свое окончательное суждение о рассказе Достоевского: «Ваш „Вечный муж“, конечно, лучше всего явившегося в нынешнем году <...>» (Там же. С. 267). Несмотря на отрицательный отзыв А. Н. Майкова, написавшего Достоевскому по поводу «Вечного мужа», что «во всем создании есть раздвоенность интереса трагического и комического; всего рельефнее это выражается в сцене с урыльником: не знаешь, которому впечатлению отдаться» (см.: *Д. Письма*. Т. 2. С. 474), он остался доволен приемом, который получил рассказ. В. М. и С. А. Ивановым он писал 7 (19) мая 1870 г.: «Я получил чрезвычайные похвалы из „Зари“ за повестушку, которую у них напечатал.

¹ Р. Пис обратил внимание, что в первом варианте пьесы «Провинциалка» в явл. 25 Миша называет Ступендьева «великим мужем» в ироническом ключе. Подробнее см.: *Peace R. Dostoevsky's «The Eternal Husband» and Literature Polemics*. P. 25—26.

В журнальных разборах («Голос», «Петербургские ведомости» и проч.) — тоже были ко мне вежливы» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 123). «Журнальными разборами» Достоевский назвал критические отзывы газет, из которых полностью положительной можно считать только рецензию в «Голосе»: «Что может быть обыкновеннее истории человека, который женится; женившись, он становится совершенным рабом своей жены и добродушно, сам того не замечая, носит длинные рога; овдовев же, спешит вновь жениться, на новое рабство и новые рога; что может быть, повторяем, обыкновеннее этой истории? А между тем — такова уже особенность таланта г. Достоевского — он рассказывает эту обыкновенную историю, со всеми ее реальными и повседневными, по-видимому, ничтожнейшими подробностями, таким образом, что воображение читателя постоянно возбуждено, и какая-то таинственность, какая-то тайна кроется во всех этих кажущихся пошлостях жизни» (1870. 20 марта, № 79. С. 2).

Рецензент «С.-Петербургских ведомостей» В. П. Буренин высказал противоположное мнение: «В наше время повести этого рода потеряли всякий кредит и нравятся разве только особенным любителям болезненной „фальшивой психологии“. „Вечный муж“ начат очень ловко, хотя по всем правилам рутины; таинственностью, которая, потюмив воображение читателя на двадцати страницах, благополучно разъясняется на двадцать первой. После таинственности следуют „нервические“ диалоги двух главных действующих лиц, в которых автор играет психологическими мотивами с искусством, хорошо изученным не только им самим, но даже и читателями его прежних произведений. Затем выступает на сцену одно из любимейших лиц г. Достоевского — преждевременно развитый болезненный ребенок-девочка, и вокруг этого лица устраивается драма по обычному рецепту»; только «местами», по мнению Буренина, Достоевский обнаруживает «свое, конечно немалое, дарование в полной силе» (1870. 31 января, № 31. С. 2). Рецензент «С.-Петербургских ведомостей», так же как Майков в цитированном выше письме к Достоевскому, выразил характерную черту отношения тогдашней русской критики к Достоевскому — непонимание сложных художественно-психологических мотивировок поведения его персонажей.

Рецензент «Одесского вестника», откликаясь на январскую книжку «Зари», где было опубликовано начало рассказа, признает, что в этом произведении проявлено «сильное, но болезненное дарование», выраженное прежде всего в способности обнаруживать потаенные «темные и далекие уголки» человеческого сердца. Особенное внимание критик уделил роли воспоминания в сознании характера Вельчанинова (1870. 21 марта, № 63. С. 216—217. Подпись: «А.»).

Н. Н. Страхов остался верен своему отношению к «Вечному мужу» и через год привел этот рассказ в числе доказательств художественного прогресса русской литературы: «Наша литература ведь не пустяк. Она нынче процветает в полном смысле этого слова; она процветает, ширится и развертывается, тогда как, например, литература французская,

немецкая, английская — или падают, или находятся в застое. <...> Большую часть наши писатели даже не останавливаются в своем развитии, а продолжают делать всё новые и новые шаги до тех пор, пока пишут. Так Тургенев вырос безмерно в сравнении с тем, чего ожидал от него Белинский. Так Лев Толстой поднимался еще правильнее и неуклоннее и взмошел еще выше. Так Достоевский, несмотря на колебания, всё еще продолжает подыматься, и для русского критика ясно, что, например, в повести „Вечный муж” этот писатель, работающий так давно, сделал новый шаг в развитии своих идей» (З. 1871. № 2. С. 1—2).

После выхода «Вечного мужа» отдельным изданием в 1872 г. рассказу была посвящена рецензия в «Гражданине» (1872. № 7. С. 262—264). Автор статьи дает краткую характеристику творчеству Достоевского, которое он ставит, несмотря на «неровности в удачности и выдержанности произведений», очень высоко, прежде всего потому, что «глубина психологического анализа, уже достаточно выразившаяся в первом произведении, впоследствии развилась и достигла в „Преступлении и наказании” такой степени, на которой, можно смело сказать, он не имеет у нас соперника» (Там же. С. 263). «Вечный муж» принадлежит, по мнению критика, к разряду произведений, посвященных всестороннему исследованию внутреннего мира человеческой души, «стройных и строго выдержанных» (Там же).

Первые переводы «Вечного мужа» были сделаны в конце XIX в. Под заглавием «Der Hahnrei» («Рогоносец») рассказ вышел на немецком языке в 1888 г. в переводе А. Шольца, год спустя в его же переводе, но с названием «Der Gatte» («Муж»). На английском языке рассказ был опубликован в 1888 г. в переводе Ф. Уишоу как «Permanent Husband» («Постоянный муж»). В 1896 г. появился на французском языке в переводе Н. Гальперин-Каменской («L'Éternel mari», «Вечный муж»).

Рассказ не вызвал широкого резонанса за рубежом,¹ однако целый ряд свидетельств позволяет считать, что и незамеченным он не остался. А. Жид² включил в свои лекции о Достоевском обширный фрагмент, посвященный «Вечному мужу». Французский писатель едва ли не первым поднял некоторые центральные для рассказа темы. Он предлагает рассматривать сюжет как «борьбу правдивого и искреннего чувства с чувством условным, с общепринятой психологией, с прочно укоренившимися обычаями» (Жид. С. 313). Именно в этом ключе, по мнению Жида, развиваются отношения между героями-антагонистами: очевидная логика толкает Трусоцкого к мести, однако вместо нее и одновре-

¹ Среди сколько-то обоснованных параллелей с рассказом в русской литературе следует назвать ориентированный на Вельчанинова образ Антипова-Стрельникова в «Докторе Живаго» Пастернака (Буров С. Г. Антипов и «Вечный муж» Достоевского // Буров С. Г. Игра смыслов у Пастернака. М., 2011. С. 197—202).

² По указанию А. Жида, М. Швоб называл этот рассказ Достоевского «шедевром» (Жид. С. 310).

менно с ней он обнаруживает в себе «неспособность к ревности» (Там же. С. 315), откуда вырастает двойственность и двусмысленность его отношений как с Вельчаниновым, так и с Лизой. Жид полагает также, что любовь-ненависть между двумя героями своеобразно продолжает заключительную сцену из «Идиота», в которой Мышкин и Рогожин «плачут, прижавшись друг к другу <...> простершись рядом в ногах Настасьи Филипповны» (Там же. С. 309).

На издание «Вечного мужа» 1917 г. в переводе К. Гарнетт откликнулась В. Вулф статьей «Больше Достоевского» (1917). «Вечный муж», по ее мнению, скорее длинный рассказ, нежели роман, и уступает остальным произведениям Достоевского. Вместе с тем он наделен необыкновенной силой. «Внешний» сюжет произведения: дело о наследстве, история в Т. и др., — по мнению писательницы, только «маленькие пробные поплавки — ориентиры на поверхности, в то время как глубоко закинутая сеть шарит по дну, захватывая таких странных уродищ, какие еще, пожалуй, и не извлекались на дневной свет. Вся книга об отношениях Вельчанинова с Павлом».¹ Вулф дает точную дефиницию «вечного мужа» как определенного психологического типа: «...он всегда влюблен наполовину в любовников своей жены и при этом бессознательно хочет их убить».² Обращает она внимание также и на анализ Вельчанинова как пример творчески насыщенной реконструкции стремительных и сложнейших душевных движений, произведенной Достоевским сознательно в ущерб «внешнему» описанию.

Герой автобиографического романа Г. Миллера «Тропик рака» (опубл. в 1934) признает в процессе внутреннего монолога свою сильную привязанность к этому рассказу Достоевского: «Я условился сам с собой: не менять ни строчки из того, что пишу. Я не хочу приглаживать свои мысли или свои поступки. Рядом с совершенством Тургенева я ставлю совершенство Достоевского (есть ли что-нибудь более совершенное, чем «Вечный муж»?).³ Значит, существует два рода совершенства в одном искусстве».³ Именно этот рассказ обсуждают герои романа Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» (1978), их споры о «Вечном муже» становятся важной частью повествовательной поэтики, и это позволяет сблизить роль «Вечного мужа» в романе Ирвинга с ролью «Провинциалки» в самом «Вечном муже».⁴

В дореволюционной России и в советское время «Вечный муж» не привлекал особого внимания драматургов. Известны переделки расска-

¹ Вулф В. Больше Достоевского / Пер. с англ. Н. И. Рейнгольда // Вулф В. Обыкновенный читатель. М., 2012. С. 396.

² Там же. С. 397.

³ Миллер Г. Тропик рака / Пер. с англ. Г. Егорова // Миллер Г. Тропик любви. М., 2011. С. 15.

⁴ Подробнее см.: Бержайте Д. «Вечный муж» Ф. М. Достоевского: к некоторым аспектам проблемы «чужого слова» // Литература. 2003. № 45 (2). С. 39—49.

за для сцены, выполненные А. К. Святополк-Мирской,¹ А. Н. Вознесенским.² Отдельного внимания заслуживает пьеса Б. И. Ольдана, созданная на основе парижской постановки «Вечного мужа» (Театр Антуана, 1911). Пьеса написана по мотивам рассказа и включает сцены, которых нет в оригинальном произведении. Например, рассказ о моральных страданиях Вельчанинова представлен в виде диалога доктора Петрова и Вельчанинова, где откровенные реплики последнего сопровождаются саркастическими замечаниями первого.³ В Советской России рассказ был инсценирован А. Р. Кугелем в 1921 г. в Петрограде. После 1991 г. «Вечный муж» неоднократно ставился на сцене. Назовем следующие постановки на русском языке: «Виссон» (Москва, 1992, Новый драматический театр, инсц. В. Седова),⁴ «Вечный муж» (Тбилиси, 1997, Театр им. К. Марджанишвили, реж. Р. Чхеидзе),⁵ «Обняться и заплакать» (Санкт-Петербург, 2000, Белый театр, реж. Г. Васильев),⁶ «Вечный муж» (Санкт-Петербург, 2000, Приют комедианта, реж. П. Шерешевский),⁷ «Муж, жена и любовник» (Москва, 2002, Академический театр им. Моссовета, реж. Ю. Еремин),⁸ «Вечный муж» (Краснодар, 2011, Молодежный театр, реж. Л. Малеванная), «Вечный муж» (Санкт-Петербург, 2017, Театр на Васильевском, реж. В. Луговая). Известны также и зарубежные инсценировки рас-

¹ Вечный муж: Сцены в 5-ти действиях и 6-ти картинах А. К. Святополк-Мирской по рассказу Ф. М. Достоевского. Варшава, 1904.

² Вечный муж: Пьеса в 7-ми картинах с эпилогом по рассказу Ф. М. Достоевского «Вечный муж». Инсценировка А. В.—ского <А. Н. Вознесенского> и А. Каротина <И. В. Иванова>. Разрешена А. Г. Достоевской. Петроград, 1915.

³ Подробнее см.: *Ольдан Б. И. Вечный муж: Пьеса в 4-х действиях*, по Ф. М. Достоевскому, приспособлено для русской сцены Ольданом. СПб., 1912.

⁴ *Литвиненко Н. Вечный муж и вечные любовники: премьера в моск. Новом театре* // Независимая газета. 1992. 9 мая. С. 7.

⁵ См., например: *Шах-Азизова Т. Десять лет спустя* // Экран и сцена. 1998. Январь. № 3 (419). С. 12—13; *Венгерова Э. На чьем краю больше?* // Экран и сцена. 1998. Июнь. № 22 (438). С. 15.

⁶ *Дальская К. Смотр благородных безумцев* // Невское время. 2001. 31 января. С. 4.

⁷ *Дальская К. Семь открытий в «Вечном муже»* // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 16 янв. С. 3. О сопоставлении двух театральных интерпретаций «Вечного мужа» — Шерешевского и Васильева — см.: *Бирон В. С. Два «Вечных мужа»* // Статьи о Достоевском 1971—2001 / Сост. и отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб., 2001. С. 290—294.

⁸ Спектакль поставлен по сюжетам двух произведений: «Провинциалки» Тургенева и «Вечного мужа» Достоевского, см.: *Алпатова И. Школа мужей: Тургенев и Достоевский встретились в Театре им. Моссовета* // Культура. 2002. 21—27 ноября. С. 1, 7.

сказа: «L'Éternel mari» («Вечный муж», Париж, 1911, Театр Антуана, инсц. А. Савуара и Ф. Нозьера)¹; «L'Éternel mari» («Вечный муж», Париж, 1952, Театр Монпарнас, реж. Ж. Моклер)², «Der ewige Gatte» («Вечный муж», Вена, 1971, Театр в Йозефштадте, реж. В. Либлейн)³.

В 1990 г. по рассказу был снят одноименный фильм Е. Марковского. Среди зарубежных киноинтерпретаций «Вечного мужа» укажем: «L'Homme au chapeau rond» («Человек в котелке», 1946, Франция, реж. П. Бийон), «Der ewige Gatte» («Вечный муж», 1969, ФРГ, реж. С. Барабаш), «La vengeance d'une femme» («Мсть женщины», 1990, Франция, реж. Ж. Дуайон), «Dezserter» («Дезертир», 1992, Югославия, реж. Ж. Павлович)⁴, «El marido perfecto» («Идеальный муж», 1993, Испания, Аргентина, Англия, Чехословакия, реж. Б. Д. Феихоо), «L'Éternel mari» («Вечный муж», 1993, Франция, Германия, реж. Д. Гранье-Дефер), «Fado majeur et mineur» («Фаду мажорная и минорная», 1994, Франция, Португалия, реж. Р. Руис), «The Eternal Husband» («Вечный муж», 1999, Канада, реж. К. Филпотт).

С. 5. *Квартира его была где-то у Большого театра...* — См. выше, с. 722.

С. 5. *...лет тридцати восьми или даже тридцати девяти...* — Герою «Записок из подполья» в первой части повести сорок лет.

С. 7. *...давно уже, например, жаловался на потерю памяти ~ за это на него обижались...* — По воспоминаниям А. Г. Достоевской, «всё это случилось с Феодором Михайловичем: он до того забывал лица знакомых ему людей, что иногда не узнавал даже моего брата, которого искренне любил. Его беспамятство создало ему много врагов, принимавших за личную обиду то, что он их не узнавал. Самые недавние события совершенно им забывались, между тем он отлично помнил давно прошедшее и изумлял своих родных яркостью своих воспоминаний» (см.: Гроссман, Семинарий. С. 60; Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015. С. 451—452).

С. 10. *...посетить одного нужного господина ~ где-то на Черной речке...* — Черная речка — название реки и близлежащей местности в Петербурге, которая граничит с Б. Невкой, от Строганова моста до

¹ Яковлев И. Первые представления: [«Вечный муж» в парижском Театре А. Антуана] // Новое время. 1911. 4 февраля, № 12835. С. 7.

² Отклик на спектакль, показанный на сцене Альянс Франсэз в 1962 г.: Доминик Л. Для кого комедия — для кого драма. «Женитьба Фигаро» и «Вечный муж» // Возрождение. 1962. Тетрадь 132. С. 114—119.

³ Ребер Р. «Вечный муж» Достоевского на сцене Венского театра ин дер Йозефштадт // Русская мысль (Париж). 1971. 3 июня. С. 8.

⁴ В данной экранизации действие рассказа перенесено в современную режиссеру Францию, а в качестве двух главных antagonистов выступают две женщины, жена и любовница, выясняющие, «на чьем краю больше», после смерти мужа (в главных ролях И. Юппер и Б. Даль).

Выборгской стороны, см.: Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году / Сост. Н. Цылов. СПб., 1862. С. 441—444; Михневич. С. 64.

С. 10. ...вошел наконец в один ресторан ~ на Невском проспекте, у Полицейского моста... — Полицейский мост — мост через р. Мойку (ныне Зеленый). У моста находился ресторан В. Вольфа (Невский пр., д. 18), в 1801 г. в этом здании была открыта первая в Петербурге кондитерская (1995. Т. 6. С. 757). В ней Достоевский весной 1846 г. познакомился с М. В. Петрашевским (Летопись. Т. 1. С. 117).

С. 11. ...где-то на углу Подъяческой и Мещанской... — Улицы эти не пересекаются, но конец Большой Мещанской (ныне Казанская ул.) и начало Большой Подъяческой отделены друг от друга лишь Екатерининским каналом (ныне канал Грибоедова).

С. 12. ...отправляясь к Смольному монастырю. — Имеется в виду построенный по проекту Ф. Б. Растрелли Смольный (Воскресенский) монастырь на берегу Невы, недалеко от Смольного института благородных девиц.

С. 13. Жаль только, что я хожу без палки! — Т. е. без трости, которая могла использоваться в декоративных целях, в качестве аксессуара, дополняющего костюм.

С. 14—15. Дело шло об каком-то преступлении, которое он будто бы совершил и утаил ~ люди всё еще не переставали входить... — Подобный мотив появляется в финале романа «Идиот», когда в дом Рогожина, находящегося в бреду после убийства Настасьи Филипповны, входят люди (см.: 8, 560).

С. 15. ...штофную гардину... — Штоф (нем. Stoff) — здесь: плотная шерстяная или шелковая ткань, обычно с крупным тканым узором (БАС₁. Т. 17. Стлб. 1572). Гардина (нем. Gardine, от лат. cortina — драпировка на двери) — оконная штора (первоначально также — штора, закрывающая дверной проем) (БАС₂. Т. 4. С. 44).

С. 17. Опять за ручку тянет; что ж он думает, что крючок соскочит? ~ неслышно пробовал замок и потягивал за ручку... — Вся сцена, в которой Вельчанинов стоит у двери и прислушивается к тому, что за ней происходит, напоминает сцену в романе «Преступление и наказание», когда Раскольников находится в квартире уже убитой им старухи-процентщицы. Ср.: «Несколько секунд он даже серьезно прислушивался. Незнакомец звякнул еще раз, еще подождал и вдруг, в нетерпении, изо всей силы стал дергать ручку у дверей» (6, 73).

С. 22. ...точь-в-точь как в «Провинциалке», пьесе господина Тургенева... — Речь идет об одноактной пьесе И. С. Тургенева «Провинциалка» (1851), см. выше, с. 887—888.

С. 23. ...в Покровской гостинице... — Имеется в виду постоянный двор Новикова близ Покровской площади (ныне площадь Тургенева) в петербургском районе Коломна, возле церкви Покрова Пресвятой Богородицы (строилась в 1798—1803 гг., архит. И. Старов). На углу Покровской площади, недалеко от церкви находился дом М. В. Петрашевского, где с 1846 г. бывал Достоевский (см.: 1995. Т. 6. С. 759).

С. 24. ...сел на постель и тотчас же начал думать — о смерти «этой женщины». — Выражение «эта женщина» (в том числе в кавычках) используется в романе «Идиот» по отношению к Настасье Филипповне, см.: 8, 43, 517, 519, 521 и др.

С. 26. ...«хлыстовская богородица»... — Хлысты («христы») — религиозная секта, адепты которой на так называемых радениях доводили себя до состояния экстаза хороводной пляской и пением. Пророчествовавшие на этих радениях женщины назывались «богородицами». Об интересе Достоевского к хлыстам см. с. 982—985.

С. 27. ...поползновение посмеяться над своим ближним... — Характеристика, противоположная библейской заповеди: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (см.: Лев. 19:18). См. выше, с. 791.

С. 29. ...в мелочной лавочке... — Мелочная лавка — небольшой магазин, где продавались продукты и мелкие промышленные товары. Подобного рода заведения могли торговать в кредит и были рассчитаны преимущественно на беднейшие слои населения.

С. 29. ...какой-то сиплой фистулой, но уже взрослого человека. — Фистула (лат. fistula — дудка, трубочка) — высокий звук мужского или женского голоса; фальцет (БАС₁, Т. 16. Слб. 1414).

С. 31. ...с Петербургской стороны брел... — См. выше, с. 760.

С. 33. ...как только вернется Кох (помните, штаб-лекарь-то наш, старичок)... — Еще одно напоминание о сюжете романа «Преступление и наказание», где имеется персонаж с такой фамилией.

С. 34. — *Дача их в Лесном.* — Лесное — район на Выборгской стороне, дачная местность: «Дач здесь много, и между ними много щегольских. Местность изобилует растительностью и по высоте своего положения пользуется славой — самой здоровой из всех петербургских окрестностей» (Михневич. С. 65). В Лесном летом 1844 г. снимал дачу В. Г. Белинский, неподалеку в Парголово на дачах в разные годы жили И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. Н. Майков.

С. 39. Сойди сам ангел с небеси — муж и тому не поверит... — Возможно, аллюзия на строки из Евангелия от Луки: «...если Моисея и пророков не слушают; то, хотя бы кто из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16:31). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 187; Т. 2. С. 465.

С. 41. Гроб обит бархатом цвету масака, позумент золотой... — Цвет масака (массака) — темно-красный цвет с синим отливом. А. Г. Достоевская писала: «Феодор Михайлович часто упоминал о цвете „масака“, но, на мои вопросы, никогда не мог определить, какой это цвет. По всей вероятности — темно-лиловый, так как гробы обивались тогда преимущественно темно-лиловым бархатом. Вообще Феодор Михайлович плохо различал цвета» (см.: *Гроссман, Семинарий*. С. 60). Позумент — тесьма для оторочки изделий, шитая золотом, серебром или цветными металлическими нитями (БАС₂, Т. 18. С. 328).

С. 42. ...Нет великого Патрокла; / Жив презрительный Ферсит! — Цитата из баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей» (1803) в переводе В. А. Жуковского (1828).

С. 43. ...выбрали своим конфидентом?.. — См. с. 785.

С. 44. ...в несессерах... — Несессер (фр. nécessaire — необходимый) — шкатулка или футляр с необходимым набором мелких принадлежностей (туалетных, для шитья и др.) (БАС₂. Т. 12. С. 253).

С. 44. ...ящичек черного дерева, с перламутровой инкрустацией и с серебром-с, остался у ней в бюро. — Черное дерево — общее название некоторых видов тропических деревьев с древесиной темного цвета, из которой изготавливают мебель и др. Инкрустация (фр. incrustation, от лат. incrustation — облицовка) — здесь: узор или изображение, выполненные из различных материалов (кости, дерева, перламутра и др.) и вделанные в поверхность вещи (БАС₂. Т. 7. С. 284). Бюро (фр. bureau) — письменный стол, обычно с выдвигной крышкой, полками и ящиками для бумаг (Там же. Т. 2. С. 302).

С. 45. *Noblesse oblige*? — «Положение обязывает» (пер. с фр.) — выражение приписывалось герцогу Пьеру Марку Гастону де Леви (1755—1830).

С. 48. ...комиссар, что ли, люди сказывали... — Комиссар (фр. commissaire — уполномоченный) — чиновник, имевший полицейские полномочия, пристав.

С. 49. ...коляска принуждена была остановиться на перекрестке, у мостика через канаву... — Имеется в виду Екатерининский канал, в просторечии называвшийся «канавой». См.: 7, 608.

С. 51. ...синюю бумажку выдали». — Название российских бумажных денежных знаков по их цвету. Синяя, синенькая (прост.) — пять рублей (см.: 1, 730).

С. 53. Я ведь об «хищном» этом типе, и об «смирном-с», сам в журнале читал, в отделении критики-с... — Таковую типологию героев русской литературы, ссылаясь на Ап. Григорьева, предложил Н. Н. Страхов, см. выше, с. 888—889.

С. 53. ...черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений...; см. также с. 54: ...убир-райтесь с вашей подпольною дрянью...; с. 84: ...оба мы порочные, подпольные, гадкие люди... — Отсылки к проблематике «Записок из подполья», см. выше, с. 885, 898—899.

С. 53. ...хотя нынче, в судах, много облегчающих обстоятельств подводят. — В судах присяжных после судебной реформы 1864 г. См. об этом выше, с. 725.

С. 55. — Чего вы? — окликнул Вельчанинов ~ Натальи Васильевны-с. — Сцена с двумя соперниками, будто бы слышащими, как за дверью ходит умершая Наталья Васильевна, а точнее, ее тень, своеобразно отсылает к заключительной сцене из романа «Идиот» (8, 559). Мотив восходит к «Черной женщине» Н. И. Греча (1834), см. с. 858.

С. 55. — А прежде вы никогда не видали тени? ~ Однажды как бы и видел-с... — Ср. с диалогом Раскольникова и Свидригайлова о привидении Марфы Петровны, которое Свидригайлова «посещать изволит» (6, 245).

С. 57. *Наконец, умерла Лиза, в прекрасный летний вечер, вместе с закатом солнца...* — Мотив заката является сквозным в творчестве Достоевского и встречается во многих его произведениях, см. подробнее: Тарасова Н. А. Образ заходящего солнца в романе «Подросток»: Достоевский и Диккенс // РЛ. 2012. № 1. С. 124—132.

С. 57. *Когда мертвую убрали, нарядив ее в праздничное белое платье ~ в зале на столе, с цветами в сложенных ручках...* — Ср. с описанием видения Свидригайлова в романе «Преступление и наказание»: «Вся в цветах лежала в нем (в гробу. — Ред.) девочка, в белом тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками» (6, 438).

С. 57. *Половой из Покровской гостиницы сообщил...* — См. выше, с. 768.

С. 57. *...посещал каких-то девиц на Вознесенском проспекте.* — На Вознесенском проспекте в районе Сенной площади находились публичные дома, см.: 7, 607.

С. 60. *...беспрерывно ощущала его любовь на себе. «Выше нет никакой цели ни у кого из людей и не может быть!.. — Аллюзия на христианскую заповедь любви, см. выше, с. 502, 791.*

С. 61. *Был ясный вечер, солнце закатывалось ~ «Это Лиза послала мне, это она говорит со мной», — подумалось ему.* — По свидетельству А. Г. Достоевской, «подобное ощущение испытал Федор Михайлович, когда в 1868 году пришел в первый раз после похорон своей дочери Сони на ее могилку. „Соня послала мне это спокойствие“, — сказал он мне» (см.: Гроссман, Семинарий. С. 60—61).

С. 67. *Так тут ведь свежим яблочком пахнет-с!* — Эти слова перефразированы в реплике старого князя Сокольского в «Подростке»: «...от красивой свежей женщины яблоком пахнет...» (Акад. ПСС. Т. 13. С. 27).

С. 68. *Захлебнины были действительно «очень порядочное семейство»...* — В описании семейства Захлебниных отражены впечатления Достоевского от встреч с семьей сестры Веры, см. выше, с. 881—883.

С. 71. *...«молодой человек» ~ в огромных синих очках...* — Синие очки считались атрибутом внешнего облика нигилистов, см. выше, с. 805.

С. 72. *...вечером будут играть в пословицы...* — По воспоминаниям М. А. Ивановой, в семье сестры писателя «любили играть в пословицы» и «Федору Михайловичу обыкновенно давали самое трудное слово. Он рассказывал в ответ на вопрос длинную историю, страницы в две, три, и угадать слово было невозможно» (Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 42).

С. 76. *...он ангажировал себе в пару...* — Ангажировать (фр. engager — нанимать) — приглашать (БАС₂. Т. 1. С. 197).

С. 76. *...поспешно улизнул в антресоли...* — Антресоли, антресоль (фр. entresol) — верхний полуэтаж дома (с низкими потолками), характерный для особняков, усадебных домов XVIII—XIX вв. (БАС₂. Т. 1. С. 229; Шведова. С. 16).

С. 77. ...и *гриб съел*. — Т. е. не получил ожидаемого. Об этом выражении см.: 1, 768.

С. 78. ...это «будущий двигатель»... — «Двигателями» прогресса в радикальной публицистике 1860-х годов (например, в статьях Д. И. Писарева) именовались передовые деятели, революционеры, «новые люди».

С. 78. ...*фамильные чайные чашки северского фарфора*. — Северский фарфор — художественные изделия, производимые в г. Севре в предместьях Парижа с 1756 г. Отличались изысканностью и тонкостью работы.

С. 79. *Когда в час веселый откроешь ты губки ~ Хочу целовать, целовать, целовать!* — Имеется в виду романс М. И. Глинки на слова А. Мицкевича (в переводе кн. С. Голицына). Перевод этот был опубликован в альманахе «Новоселье» (СПб., 1834. Ч. 2). Романс упоминается в повести П. М. Ковалевского «Итоги жизни» (ВЕ. 1883. № 2. С. 585—586); об исполнении Глинкой этого романса рассказано в сборнике Ковалевского «Стихи и воспоминания» (СПб., 1912. С. 216—217; см. перепечатку в кн.: *Григорovich Д. В. Литературные воспоминания*. С прилож. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928. С. 339). Высказано предположение о том, что «Глинка, по-видимому, бывал на литературно-музыкальных вечерах петрашевцев С. Ф. Дурова и А. И. Пальма», которые посещал и Достоевский в числе других литераторов и именно там мог слышать исполнение этого романса (см.: *Глинка М. И. Записки* / Под ред. В. Богданова-Березовского; коммент. А. Орловой. Л., 1953. С. 207—208, 262). А. Г. Достоевская вспоминала: «Феодор Михайлович несколько раз рассказывал при мне о том поразительном впечатлении, которое произвел на него этот романс в исполнении самого Глинки, которого он встретил в молодости» (см.: *Гроссман, Семинарий*. С. 61). См. также: *Крюков Р. Ф. М. Достоевский и музыка // Советская музыка*. 1971. № 11. С. 87—94; *Гозенпуд А. А. Встреча с Глинкой // Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка*. Л., 1971. С. 57—63.

С. 79. ...*И мне заворкуешь нежнее голубки...* — Эти песенные строки перекликаются с финальной частью главы, когда Павел Павлович увозит Вельчанинова из дома Захлебниных, а девушки, на которых Вельчанинов произвел впечатление, не хотят его отпускать: «...зачем вы увозите Алексея Ивановича? — жалобно заворковали девицы...» (с. 80).

С. 83. *А там — там вы знаете: рабом ее стану; увидит почет, общество... совершенно перевоспитается-с.* — Впоследствии «систему» «воспитания» жены излагает закладчик в «Кроткой».

С. 83. *Я совсем не могу без женитьбы-с и — без новой веры-с; уверю и воскресну-с.* — Травестированная отсылка к христианскому вероучению в речи «подпольного» героя.

С. 84. *«Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства-с»...* — Перефразированный афоризм французского моралиста Л. Вовенарга (1715—1747): «Les grandes

pensées viennent du cœur» («Великие мысли исходят из сердца») (см.: Oeuvres de Vauvenargues. Paris, 1857. P. 123). См. также: 1995. Т. 6. С. 765—766.

С. 89. ...об вас мне говорили как об человеке даже несколько новом. — Эти слова Лобова становятся аллюзией на выражение «новые люди», встречающееся в публицистических работах 1860-х гг., посвященных теме нигилизма, в частности в статье Д. И. Писарева «Мыслящий пролетариат» (1865).

С. 89. ...под сюркуп! — Сюркуп (фр. surcoupe) — термин карточной игры; здесь: привлечь к ответственности, арестовать.

С. 90. ...этот господин вздумал пожаловаться, что я будто бы ему «назрубил», а я ему всего только и сказал, что он неразвит. — В. С. Нечаева указала на то, что в шуточных стихотворениях, которые сочинялись во время пребывания Достоевского в гостях у семейства Ивановых, появлялись выражения и темы, характерные для писателя: «...упоминание о лицемерии нигилистов в одном стихотворении («Державин может лицемерить, как самый яркий нигилист...»), модное словечко „неразвитость“ в другом («По неразвитости ж остался лакеем, хамом и ослом»))» (Нечаева В. С. Из литературы о Достоевском: (Поездка в Даровое) // Новый мир. 1926. № 3. С. 137, 143). См. также воспоминания М. А. Ивановой: Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 2. С. 44, 47.

С. 90. ...«у Кобыльникова живот болит», — помните у Щедрина? См. также ПМ, с. 362: ... у Ко<быльнико>ва живот болит, у Салтыкова? — Имеется в виду рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Для детского возраста» (1863), см. выше, с. 889—890.

С. 92—93. Он знал, что это от печени. ~ Это у вас от печени-с, я это знаю! — Мотив боли в печени объединяет Вельчанинова и Трусоцкого с рассказчиком «Зимних заметок о летних впечатлениях» и с героем «Записок из подполья», что еще раз подчеркивает их связь с типом подпольных людей.

С. 92—94. Припадки эти ~ «еще тарелочку-с». — Описание припадка Вельчанинова совпадает с записью Достоевского за 1869 г.: «4-го сентября припадок в Дрездене. Очень скоро после припадка, еще в постели — мучительное, буквально невыносимое давление в груди. Чувствуется, что можно умереть от него. Прошло от припарок (сухих, гретые тарелки и полотенца с горячей золой) в полчаса» (Акад. ПСС. Т. 27. С. 100).

С. 96. «Если б он давно уже намеревался меня убить ~ не считывал бы на мои бритвы... — Вероятно, эпизод нападения Трусоцкого и само орудие покушения (бритва) были навеяны историей купца Мазурина, к которой Достоевский обращался в период работы над романом «Идиот». См. выше, с. 543—544.

С. 99. ...Квазимодо... — Персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (1830—1831), имя которого стало нарицательным для обозначения уродства. Ср. с. 99—100: Только у такого Квазимодо и могла зародиться мысль о «воскресении в новую

жизнь» — посредством невинности мадемуазель Захлебниной! — В последнем случае, помимо новозаветного мотива воскресения, в строках о воскресении, возможно, содержится автопародийный намек на текст предисловия Достоевского к публикации перевода «Собора Парижской богородицы» (Вр. 1862. № 9. С. 44), где говорилось, что «основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия» — «восстановление погибшего человека» (см.: Акад. ПСС. Т. 20. С. 28).

С. 100. *И долго еще работала в этом роде большая голова ~ пересыпая из пустого в порожнее...* — Ср. в «Записках из подполья»: «Но что же делать, если прямое и единственное назначение всякого умного человека есть болтовня, то есть умышленное пересыпание из пустого в порожнее» (5, 122).

С. 101. *...какой он моветон...* — Моветон (фр. le mauvais ton) — здесь: невоспитанный человек.

С. 101. *...в наш век в России не знаешь, кого уважать.* — Аналогичную мысль высказывает Коля Иволгин в романе «Идиот» (см.: 8, 125). Болезнь века — *mal du siècle*, понятие, пришедшее из французского романтизма, обозначающее типичные черты романтического характера, такие как подверженность беспокойству, разочарование и меланхолия.

С. 102. *...теперь мы ждем зари с запада...* — Лобов здесь показан не только как представитель «нового поколения», но и как человек, сменивший убеждения и ставший западником. Возможно, в этом описании отражены не только критический взгляд писателя на «новых людей» и западничество, но и личные оценки в адрес современников, разделявших западнические взгляды. Ср. со словами Достоевского о Тургеневе в письме А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г.: «Тургенев сделался немцем из русского писателя, — вот по чему познается дрянной человек» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 328).

С. 102—103. *...в вагоне одной из вновь открывшихся наших железных дорог. Он ехал в Одессу...* — Железная дорога от Кременчуга до Одессы была построена в 1865—1869 гг.

С. 103. *...как промотал свои первые два состояния...* — Мотив трех прожитых состояний, как и трех прожитых жизней встречается в романе «Подросток». Аркадий говорит о Версиллове: «...он прожил в свою жизнь три состояния» (Акад. ПСС. Т. 13. С. 7). Кроме того, с делом о наследстве Вельчанинова коррелирует судебная тяжба за наследство между Версильовым и князьями Сокольскими.

С. 106. — *Под кроватью... любовников ищет...* — См. выше, с. 758.

С. 107. — *У нашего благочинного взял-с...* — Благочинный — должностное лицо православной церкви, осуществлявшее надзор над деятельностью определенного количества церковных приходов в составе епархии.

С. 325—326. *Никогда не забуду ~ какое ужасное положение.* — Об этом писала А. Г. Достоевская: «...раз, посещая Майковых, мы встретились на их лестнице с писателем Ф. Н. Бергом, который ког-

да-то работал во „Времени“, но которого мой муж успел позабыть. Берг очень приветливо приветствовал Федора Михайловича и, видя, что его не узнают, сказал:

— Федор Михайлович, вы меня не узнаете?

— Извините, не могу признать.

— Я — Берг.

— Берг? — вопросительно посмотрел на него Федор Михайлович (которому, по его словам, пришел на ум в эту минуту «Берг», типичный немец, зять Ростовых из «Войны и Мира»).

— Поэт Берг, — пояснил тот; — неужели вы меня не помните?

— Поэт Берг? — повторил мой муж; — очень рад, очень рад!

Но Берг, принужденный так усиленно выяснять свою личность, остался глубоко убежденным, что Федор Михайлович не узнавал его нарочно, и всю жизнь помнил эту обиду» (см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания, 2015. С. 451—452*).

Посещение Майковых, о котором вспоминает А. Г. Достоевская, могло происходить скорее всего в 1867 г., после женитьбы и до отъезда Достоевских за границу.

С. 330. ...это только до Р<анен>бурга. — Раненбург (Ораниенбург) — станция на Грязе-Царицынской железной дороге (Рязанская губ.), ныне — г. Чаплыгин Липецкой обл.

С. 333. ...за нее по крайней мере Нерчинск в придачу дают. — В Нерчинске и Нерчинском округе в Забайкалье находилось одно из основных мест ссылки на каторжные работы.

С. 333. И в Омск довольно. — В Омске отбывал свой срок каторжных работ в 1850—1854 гг. Достоевский (*Летопись. Т. 1. С. 180—195*).

С. 333. ...он настоящий Ступендьев»...; см. также с. 364: ...о Ступендьеве. — См. выше, с. 887—888.

С. 339. Знаете, наши психологи-писатели, да и Мольер тоже, очень ошибаются ~ может обратиться вспять. — Имеется в виду комедия Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» («Sganarello, ou le Cocu imaginaire», 1660), в которой вооруженный с ног до головы Сганарель собирается убить Лелия, предполагаемого любовника своей жены, по при встрече трусит и отказывается от своего намерения.

С. 342. (У Гончарова: деньги потерял.) — Вероятно, автобиографический эпизод.

С. 350. Бедная Лиза... — См. выше, с. 894.

С. 350. Эти бедные селения ~ этой скудной природы. — См. выше, с. 895.

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ

<1868—1870>

(С. 368—408)

СЦЕНА И БРОШЮРЫ

(С. 368)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 45*; см.: *Описание. С. 124* (строки «Роман. Христианин» ошибочно прочитаны как «Россия христианская»).

Впервые опубликовано: *Гроссман. Жизнь и труды. С. 343*.

Датируется предположительно началом апреля 1868 г. Записи сделаны в направлении, обратном основному тексту не датированных автором набросков к «Идиоту». Ближайшие даты на <с. 44> и <48>, где также находятся наброски к указанному роману, — 20 и 21 марта н. ст. 1868 г. (записанные горизонтально, а не вдоль страницы, как на <с. 45>). Записи под заголовком «Сцена и Брошюры», по-видимому, сделаны позднее, так как среди заметок к «Идиоту», датируемых началом апреля, на <с. 132> встречается близкая по содержанию запись: «— Видел одного священника. — Толковал Апокалипсис. — Купил поле» (см. с. 248). В романе эта заметка была использована в преобразованном виде (об известном толкователе Апокалипсиса упоминает во 2-й части, гл. VI «Идиота» Лебедев (8, 224), а в 3-й части, гл. IV генерал Иволгин рассказывает о «настоящем» толкователе Григории Семеновиче Бурмистрове (8, 349)).¹

Смысл заголовка «Сцена и Брошюры», выполненного каллиграфическим почерком, остается неясным: возможно, имеются в виду источники, которыми писатель предполагал воспользоваться в процессе работы. Заголовок и помета «Дневник» записаны каллиграфически, что характеризует особенности творческой работы Достоевского, во время которой содержание авторских раздумий могло отражаться в каллиграфических прописях, когда внимание писателя фиксировалось на том или ином источнике, а также предмете творческого замысла. Каллиграфическая пропись «Дневник» может быть одним из ранних упоминаний будущего *ДП*; об этом замысле впервые упоминается в рабочей тетра-

¹ Иную точку зрения о датировке записи «временем заполнения тетради» (март 1868—июль 1869 гг.) см.: *Тихомиров Б. Н. <Роман о помещике> // Д. Словарь-справочник, 2008. С. 332*. В данном случае критерий, используемый в *Акад. ПСС* (обнаружение тематически близких и текстуально повторяющихся записей с целью конкретизировать время их появления), представляется обоснованным. Датировка, предложенная в *Акад. ПСС* (Т. 9. С. 491), уточнена.

ди 1864—1865 гг., где Достоевский наметил проект «Записной книги» и рассчитывал необходимые расходы и условия издания (*Акад. ПСС. Т. 20. С. 181*). О замысле «Дневника» Достоевский говорил также в письме А. Е. Врангелю от 8 (20) ноября 1865 г.: «В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть осуществлено в будущем году» (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 141).

Наброски «*Роман. Помещик...*» и «*Роман. Христианин*», расположенные параллельно друг другу, сделаны в одно и то же время, на что указывают характеристики почерка, одинаковый цвет чернил, наличие фигурных скобок, связывающих записи. В романе о христианине «оказывается неслучайной присутствующая в <первом> наброске деталь: „Чтение Апокалипсиса“, к<ото>рая иначе выглядит в общем контексте недостаточно органичной» (*Тихомиров Б. Н. <Роман о помещике>. С. 332—333*). Замысел, кроме того, соотносится с «генеральной для трех последних романов Достоевского темой „отцы и дети“: об облике нового поколения и о жестокой ответственности отцов за нравственный мир сыновей» (*Федоров, 2004. С. 154*).

Таким образом, мотивы черновой заметки из подготовительных материалов к «Идиоту» выделены в тему особого произведения. В задуманном романе должны были, по-видимому, отразиться и некоторые юношеские воспоминания. Автобиографический характер имеют мотивы убийства отца — помещика — крестьянами и покупки поля, которое стало затем предметом спора. Первый из них связан с насильственной смертью отца писателя (сходный мотив убийства помещика крестьянами имеется в «Житии великого грешника»),¹ второй — с приобретением родителями Достоевского в 1831 г. сельца Даровое в Тульской губернии Каширского уезда и с возникновением тяжбы между старыми и новыми владельцами по поводу спорной земли и ее оценки: «В 1830 г. Даровым владел уже не Иван Петрович Хотяинцев, который к тому времени, вероятно, умер, а коллежская ассессорша Ольга Алексеевна Глаголевская. Первоначально семья Достоевских намеревалась приобрести у нее два тульских имения — Косую Губу в Крапивенском уезде и Даровое в уезде Каширском, стоившие вместе 58 тыс. руб. асигнациями: по 29 тыс. руб. каждое. 29 июня 1831 г. был дан тысячный задаток за Косую губу, а 7 августа полностью оплачено Даровое и зарегистрировано вчерне на М. Ф. Достоевскую.

Даровое составляло около 96 десятин, с 76 крепостными. Соседом Достоевских стал брат бывшего хозяина, ветеран французской кампании, майор в отставке П. П. Хотяинцев. Владелец имения Моногарово, он жил рядом с Даровым, и земли его обнимали землю Достоевских, что приносило последним немало огорчений: полосы чужой земли вторгались в их владение, пять дворов крепостных Хотяинцева стояли на их территории (*деревня Даровая* в отличие от *сельца Дарового*, принадле-

¹ Подробнее см.: *Хроника рода Достоевских, 2013. С. 108—125; Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских. С. 49—61.*

жавшего Достоевским). Давая в 1836 г. в губернию сведения о своем имуществе, Михаил Андреевич писал: сельцо состоит в чересполосном владении с землями П. П. Хотяинцева и десятка других владельцев, и потому „числа десятин с точностью определить не можно”.

По другую сторону располагалась принадлежащая еще одному из Хотяинцевых деревня Черемошняя (около 50 десятин земли и 67 крепостных). Она продавалась, о чем Достоевские первоначально не знали.

Мария Федоровна сразу же подала судебный иск о выделении из Дарового чужих крестьянских дворов. Однако П. П. Хотяинцев не шел на это: он начал хвалиться, что купит Черемошню и тем самым полностью возьмет Достоевских в тиски. Такая угроза не на шутку встревожила новых соседей, и они, заложив имение и заняв денег, сумели перекупить Черемошню в 1832 г. От приобретения Косой Губы, конечно, пришлось отказаться.

Хотя судебное разбирательство шло своим чередом, главный конфликт уже был исчерпан, и отношения между соседями восстановились. Размежевание же спорных земель произошло много позже, после смерти владельцев Дарового — в 1847 г.¹

Упоминание об аягузском священнике может быть связано с впечатлениями поры пребывания Достоевского в Семипалатинске, недалеко от которого находился г. Аягуз (на реке Аягуз).

ИДЕЯ ЮРОДИВЫЙ (ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ) (С. 368)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 7. С. 76; см.: *Описание*. С. 124.

Впервые опубликовано: Недра. М., 1923. Кн. 2. С. 281 (Н. Л. Бродским); перепечатано: *Гроссман, Жизнь и труды*. С. 343; *Коншина*. С. 355; *Мочульский, 1995*. С. 551.

Датируется второй половиной апреля—концом мая 1868 г. на основании текстового окружения и характеристик почерка: на <с. 64> дата «24 апреля»; <с. 65, 74—75> остались незаполненными; на соседних

¹ *Хроника рода Достоевских, 2013*. С. 96. См. также: *Федоров, 2004*. С. 132—133, 148—149, 174—179; *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*. С. 35, 73—75, 78, 127.

от записи <с. 77—78> расположены наброски к роману «Идиот», датированные 24 мая н. ст. 1868 г.; <с. 66—73> заняты сентябрьскими записями к роману, однако последние сделаны чернилами более светлого оттенка, чем майские записи и заметка о Юродивом. По почерку и цвету чернил заметка напоминает апрельско-майские наброски к «Идиоту».¹

По содержанию замысел связан с одиннадцатым планом *ПМ*, «Идиота», где в результате эволюции и преобразования центрального героя за ним закрепляется эпитет «юродивый». Идиота этих планов с Юродивым в данном наброске сближают доброта, принимающая необычные, удивляющие окружающих формы, и особенно любовь к детям. Об Идиоте в последнем плане *ПМ*, говорилось, что он «тих», всех стремится примирить, «чуждак», имеет «странности», «весь в детях» (см. с. 196—197). Те же черты отличают и Юродивого. Он «благодетель многих», при этом «ходит к ним просить прощения и их мирит», принимает «в дом сирот», у него собралась «полная квартира детей, кормилиц и нянек». Б. Н. Тихомиров указывает на близость к этому персонажу главного героя «Жития великого грешника» в финале повествования, который «в результате произошедшего с ним переворота» «кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится» (Тихомиров, *Юродивый*. С. 343). Юродство героя заметки связывает его с другими персонажами Достоевского — «от Сони Мармеладовой и князя Мышкина до Алеши Карамазова и старца Зосимы, к^орых и окружающие, и автор-повествователь неоднократно аттестуют как „юродивых“» (Там же. С. 342). Среди влияний на развитие темы юродства у Достоевского отмечены значение народного ее восприятия и отражение ее в агиографической традиции, а также роль произведений Диккенса (Там же. С. 342—343).

Когда Достоевский приступил к реализации своей идеи — созданию образа «вполне прекрасного человека», характер Юродивого продолжает еще некоторое время жить в творческом воображении писателя и в данной записи получает своеобразное, «гоголевское» обличие. Это чиновник, «присяжный поверенный». Как в гоголевской «Шинели», в сюжете присутствует конфликт из-за одежды: Юродивый оскорблен насмешками над его старым платьем. Но разработка этой темы намечалась иная, чем у Гоголя. Планировались дуэль из-за платья, во время

¹ Предложены, кроме того, датировка записи «временем заполнения тетр<ади> <...> предпочтительнее — янв<арем> — июлем 1869 г.» и соотнесение с замыслом «Картузова», записью «Детство...» (см.: Тихомиров, *Юродивый*. С. 342). В этой связи следует заметить, что большинство набросков к «Картузову» в данной тетради записаны темными чернилами, как и заметка о Юродивом, но другим пером; запись «Детство...» сделана светлыми чернилами, другим почерком; кроме того, эти записи не относятся к ближайшему текстовому и тематическому окружению заметки о Юродивом, каковым являются наброски к роману «Идиот».

которой Юродивый «одумался на шаге расстояния» и не выстрелил, а после дуэли — «примирение» и печально-ироническая концовка. В аскетическом отношении героя к одежде, напоминающей ветошь, усматривается отражение традиционного житийного мотива в описании святых. Б. Н. Тихомиров приводит в качестве примера «Житие Феодосия Печерского», «личность к<ото>рого в эти годы вызывала пристальный интерес Д<остоевского>» (Там же. С. 343).

Мотив «худой одежды» появляется и в житиях, в которых описан собственно чин юродивого святого, — например, в «Житии преподобного Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца»: «...он оставил и бедную хижину свою и совсем поселился на паперти соборного храма Богородицы. Он жил тут и зиму и лето, едва защищенный от холода и зноя бедною изорванною одеждой, и питаясь только подаванием», «Прокопий продолжал и тут жить на паперти храма, одетый в ветхое рубище, которое не могло защитить его от мороза» (*Избранные жития*. Июль. С. 35—36, 41); в «Житии преподобного отца нашего Алексия, человека Божия»: «Вошедши в комнату свою, Алексий снял с себя золототканую одежду, надел бедное и худое платье, взял с собою несколько денег и удалился из родительского дома» (Там же. Март. С. 110). По свидетельству А. Г. Достоевской, «имя св. Алексия — Человека Божия было особенно почитаемо Федором Михайловичем <...>» (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, 2015. С. 335). О св. Алексии Достоевский упоминает в черновой записи к роману «Подросток» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 232), а также в заметках к *ДП*, где житийный образ связан с темой духовного подвига «лучших людей» в контексте размышлений о Восточном вопросе и защите единоверцев (Там же. Т. 24. С. 285), поставлен в один ряд с историческими личностями (Суворов, Кутузов, Гааз) и определяется как «идеал народа» (Там же. Т. 27. С. 53, 55). Об отражении мотивов «Жития Алексия, человека Божия» в творчестве писателя см.: Там же. Т. 15. С. 475—476; *Ветловская В. Е.* 1) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»: (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем) // *Достоевский и русские писатели: Традиции, новаторство, мастерство*. М., 1971. С. 325—354; 2) *Поэтика романа «Братья Карамазовы»*. СПб., 2007. С. 200—236.

Обращает на себя внимание мотив защиты героем (присяжным поверенным) преступника (убийцы) в суде. О милосердном отношении к преступникам, называемым в народе «несчастными», говорилось в «Записках из Мертвого дома» (4, 49; см. выше, с. 795). Впоследствии тема получает развитие в романном творчестве и очерках *ДП* за 1876—1877 гг., в частности в сообщениях о деле Корниловой, в котором личное участие принял сам Достоевский (см.: *Акад. ПСС*. Т. 23. С. 136—141, 405—406; Т. 24. С. 36—43, 394—396; Т. 25. С. 119—121, 341, 408—410; *Летопись*. Т. 3. С. 140—142, 147—148, 185, 196—198 и др.; *Тарасова*, 2011. С. 69—74). Б. Н. Тихомиров указал на вариацию этой темы, прозвучавшую в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. — в строках о том, что «нравственная сущ-

ность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейской бесконечно: на преступника смотрят христиански» (*Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 260*; см.: *Тихомиров, Юродивый. С. 343*). В то же время сюжет замысла в том виде, в каком он представлен в рукописи, предполагал акцент на юродстве героя, «связавшегося с убийцей». Мотивы дуэли без выстрела, рыцарских поступков героя по отношению к изменившей ему жене перейдут в планы романа «Бесы».

ОДНА МЫСЛЬ (ПОЭМА)

(С. 369)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 85—86*; см.: *Описание. С. 125*.

Впервые опубликовано: Недра. М., 1923. Кн. 2. С. 279—280 (Н. Л. Бродским); перепечатано: *Мочульский, 1995. С. 550*.

Датируется предположительно 1868—1869 гг., так как ближайшее окружение данных набросков (исключая незаполненные <с. 82—84>) — записи к «Вечному мужу» (1869), черновик незаконченного письма Достоевского редактору одного из иностранных журналов (август—сентябрь 1868 г., см.: *Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 313—315; Летопись. Т. 2. С. 186—187*) и наброски к замыслу «Картузов» (1868—1869) (о вопросе датирования см.: *Тихомиров Б. Н. «Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император“» // Тихомиров, 2012. С. 453. Ср.: Акад. ПСС. Т. 9. С. 486*). После замысла «поэмы» следуют «Заметки посторонние» с упоминанием «Московских ведомостей» за 1867 г., но характер этих записей указывает на то, что они сделаны не одновременно со своим текстовым окружением — тонким пером, чернилами другого оттенка, другим почерком (с элементами каллиграфии). По почерку, нажиму пера, цвету чернил записи «Одна мысль (поэма)» близки к черновику незаконченного письма Достоевского редактору одного из иностранных журналов и наброскам к замыслу «Картузов».

Заметки «Одна мысль (поэма)» содержат основной план произведения (до слов «...умирает величаво и грустно»), в котором развитие сюжета доведено до трагической развязки, и дополнения, конкретизирующие отдельные пункты первоначального плана без изменения намеченного в нем общего замысла.

Н. Л. Бродский указал при первой публикации плана «поэмы» (Неосуществленные замыслы Ф. М. Достоевского // Недра. М., 1923. Кн. 2. С. 281—282), что замысел ее (исследователь датировал текст 1867 г., как и саму тетрадь, содержащую указанный замысел; ср.: *Акад. ПСС. Т. 9. С. 486*) мог возникнуть у Достоевского в процессе работы над «Идиотом»: биография героя этой «поэмы» —

юноши, который почти до 20 лет воспитывается во «мраке», в темнице, и, изолированный от других людей, «не умеет говорить», а затем, впервые столкнувшись с ними, умирает, познав человеческие страсти и страдания, по своему внутреннему трагическому смыслу близка биографии Мышкина (ср.: Мочульский, 1995. С. 550). Несмотря на различие датировок текста «поэмы», предложенных исследователями, тематическая связь замысла с романом «Идиот» представляется несомненной. Писатель задумывает историческую «поэму» о духовном преображении брошенного в темницу ребенком императора — «идиота», которого перенесенные им в детстве личные страдания заставили горячо полюбить всё живое, сделали предельно совестливым и чутким к страданиям мира. Подобно Ивану Антоновичу в плане «поэмы» князь Мышкин с детства изолирован от других людей, хотя и вырос не в темнице, а «остался <...> после родителей еще малым ребенком, всю жизнь проживал и рос по деревням», «частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота» (8, 27). Так же, как Мышкин, Иван Антонович долгое время оставался косноязычным, «идиотом», пока дружба и духовное общение с Мировичем не способствовали его пробуждению к новой, духовной жизни. Замыслы объединяет мотив соперничества двух названных братьев из-за «девы», невесты одного из них (ср. отношения Мышкина, Рогожина и Настасьи Филипповны в романе «Идиот»). «Одна мысль (поэма)» — это своего рода «историческое» ответвление творческой работы над романом «Идиот», возникшее в процессе осмысления романного замысла или по окончании работы над ним, сообщив интересующему писателя образу новые психологические краски, новую художественную сложность и углубленность.

Н. А. Бродский отметил, что «сюжет поэмы во многом не соответствует историческим документам. Во всяком случае книга Ег. Ковалевского „Граф Блудов и его время“. СПб., 1866, где в приложении дана статья „Заговор и казнь Мировича“, не могла служить источником для Д<остоевского>. Эпизод с невестой Мировича, знакомство и беседы Мировича с Иоанном Антоновичем, — всё это литературная выдумка, обнаруживающая совершенное нежелание Д<остоевского> считаться с историческими фактами, устанавливающими, напр<имер>, что Мирович впервые увидел „императора“ уже мертвым» (Неосуществленные замыслы Ф. М. Достоевского. С. 282). В публикации «Заговор и казнь Мировича», посвященной Мировичу, а не Иоанну Антоновичу, нет почти никаких сведений о личности последнего; кроме того, этот исторический материал в 1866 г. уже не был новым: в 1859 г. в журнале «Библиотека для чтения» был опубликован «Исторический отрывок о кончине принца Иоанна Антоновича Ульриха» (№ 11. С. 1—4), а в 1860 г. в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» был напечатан более подробный рассказ — «Исторический отрывок о кончине принца Иоанна Антоновича Ульриха. Записка канцлера В. П. Кочубея» — о тех же лицах и событиях (Кн. 3. Отд. V. С. 149—154).

Источник, из которого Достоевский почерпнул фактические сведения для замысла «поэмы», установлен Л. П. Гроссманом (*Творчество Достоевского*, 1959. С. 368). Это статья издателя «Русской старины», историка М. И. Семевского, «Иоанн VI Антонович. 1740—1764 г. Очерк из русской истории», опубликованная в 1866 г. в журнале «Отечественные записки» (№ 4. С. 530—558). Публикация была в значительной своей части основана на новых для того времени архивных материалах. Автор ее поставил перед собой задачу более обстоятельно, чем это делалось его предшественниками, проанализировать дошедшие до нас разноречивые источники и свидетельства, рассказывающие о личности и судьбе претендента на русский престол Иоанна VI (III) Антоновича (1740—1764). Провозглашенный в младенческом возрасте после смерти императрицы Анны Иоанновны русским императором, он был свергнут при вступлении на престол Елизаветы Петровны в 1741 г., провел последующую жизнь в одиночном заключении и был убит стражей в царствование Екатерины II, в ночь с 4 на 5 июля 1764 г., при неудачной попытке освобождения его из Шлиссельбургской крепости, предпринятой поручиком В. Я. Мировичем (1740—1764), который намеревался снова провозгласить его императором.

Следует отметить, что в 1861 г. во «Времени» была помещена обширная публикация М. Хмырова «Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндского», включавшая перевод собственноручной «Записки» Бирена (т. е. известного фаворита императрицы Анны Иоанновны Бирона), вступление и примечания переводчика (№ 11. С. 522—622). Одно из этих примечаний (№ 31) посвящено Иоанну Антоновичу и Мировичу. Оно содержит краткие фактические сведения о них обоих, сопровождаемые сводкой важнейших исторических источников (С. 566—568). Возможно, что Достоевский тогда же ознакомился с этой публикацией и заинтересовался личностью Иоанна Антоновича. Однако из примечания Хмырова он мог извлечь лишь самые общие сведения о царевиче, в то время как статья Семевского и упоминаемые ниже заметки Г. Ф. Квитки повлияли на самое зерно его замысла.

Семевский критически сопоставил разные версии, дошедшие до нас об Иоанне Антоновиче и о его освободителе Мировиче: с одной стороны, версию, опирающуюся на официальные документы и архивные свидетельства о каждом из них, а с другой — иную, легендарную, не находящую себе опоры в исторических источниках и обязанную своим происхождением политическим противникам Екатерины II в Европе и народной молве (см.: Там же. С. 555). Именно эта вторая, легендарная версия по преимуществу заинтересовала писателя и, как это видно из плана его «поэмы», была положена им в творчески переработанном виде в ее основу.

В то время как архивные материалы и официальные правительственные бумаги рисовали Иоанна Антоновича, насильственно вырванного младенцем из общества людей и выросшего в заключении, слабоумным, косноязычным «идиотом», в сочинениях, вышедших из лагеря врагов Екатерины II, образ его подвергся идеализации, а народная молва при-

писала ему черты своеобразного праведничества. Особенное внимание Достоевского должны были привлечь следующие подробности исторической легенды об Иоанне Антоновиче, приводимые Семевским (с целью их опровержения): «Вопреки всем предосторожностям Иоанн Антонович, на двенадцатом году, узнал тайну своего рождения, от одного из солдат, охранявших его темницу» (С. 533); «Любопытно, что автор „Histoire d'Iwan III"¹ посвящает две странички на рассуждения „о природных и личных свойствах *принца*”. Он уверяет, что душевные доблести и счастливые таланты, которыми всегда отличалась знаменитая Брауншвейгская фамилия (?), были присущи душе молодого Иоанна. Автор, основываясь на предположениях и догадках, опровергает мнение, высказанное другими писателями, будто бы Иоанн был идиот (в чем, однако, кажется, и не может быть сомнения). „Хотя злополучный государь, — восклицает его историк, — содержался под таким строгим надзором, что весьма немногие могли его видеть, тем не менее истина прошла сквозь стены и валы; и молва народа гласит, что ум и благородные чувства Иоанна делали его вполне достойным той короны, которую носили другие. Постоянное уединение спасло его от недостатков, приходящих всем молодым принцам, вырастающим среди соблазнов всякого рода... Уединение и постоянное умозерцание, постоянное размышление о самом себе, постоянная беседа с своим собственным сердцем развили принца, по уверению его историка, гораздо более, нежели развили бы его многие учителя Европы” (!)» (С. 537); «О Иване Антоновиче, — писал лорд Букингам² 25 августа 1763 года, — толки здесь идут разные: одни уверяют, что это полнейший идиот; если верить другим, этот человек лишен воспитания, но скрывает свои способности» (С. 545); «Государь этот <...> был необыкновенной красоты, высок ростом, статен, имел белокурые волосы, русую густую бороду, черты лица правильные, кожу белизны чрезвычайной» (С. 547).

В приведенных цитатах Иоанн Антонович дважды называется «идиотом», причем оба раза версия о слабоумии его берется под сомнение — обстоятельство, которое могло иметь значение для Достоевского, создавшего роман, центральный герой которого уже в первоначальных планах носил имя Идиота.

Заинтересовать писателя должны были и некоторые приводимые Семевским факты биографии Мировича, а также рассказы о нем современников: «Этот человек был очень набожен, даже суеверен, все свои намерения записывал с наложением на себя духовных обещаний. Так и на этот раз, приступая к исполнению замысла, он, по свидетельству Н. И. Панина, надавал самых странных обетов святым угодникам, бу-

¹ Имеется в виду французская апологетическая брошюра «Histoire de la vie, du règne, et du détronement d'Iwan III empereur de Russie» (1765), вышедшая из-под пера сторонника Брауншвейгской династии.

² Джон Хобарт, граф Букингемский (1723—1793), английский посланник при русском дворе в 1762—1765 гг.

де дело его увенчается успехом. Когда же не исполнились его моления, он с удивительным благоговением принял смерть» (С. 553); Мирович, «обще с поручиком великолуцкого полка, Аполлоном Ушаковым, давал в церквах разные обеты, призывая Бога и Богородицу к себе на помощь» (С. 549). В Мировиче подчеркиваются сила духа и твердость характера, проявленные и во время суда над ним: «Мирович, — пишет Букингам 6-го сентября, — во всё продолжение процесса обнаруживает непоколебимую твердость. На настойчивые вопросы генерал-прокурора: „Кто участники заговора?“ — Мирович отвечал: „Хотите вы, чтоб я вас назвал?“ Не считая себя жильцом этого мира, он, однако, скорбит об участи солдат, вовлеченных им в преступление. 9 сентября Букингам извещает, что Мирович приговорен к колесованию, но императрица смягчила на обезглавление. От 16-го числа: Мирович и в последние минуты жизни вел себя с обычным хладнокровием и твердостью духа и т. д.» (С. 549—550). Прозрачная для читателя (хотя и прикрытая налетом официозной фразеологии) трактовка процесса Мировича в статье Семевского как одного из первых в ряду процессов над политическими заговорщиками в России XVIII—XIX в., некоторые изложенные в ней обстоятельства (в частности, мотивированное «человеколюбием» государыни изменение смертного приговора, о чем приговоренному было объявлено на эшафоте: предлагалось «отсечь голову, колесовать, причем тело после казни положить на колесо и четвертовать», и собрание судей «нашло Мировича достойным четвертования; но зная „всем ведомое человеколюбие, беспримерное великодушие и милосердие ее величества“, именитые судьи приговорили освободить его от мучительной смерти: *отсечь Мировичу голову, оставить тело на позорище народу до вечера, а потом сжечь оное купно с эшафотом*» (С. 549)), описание смертной казни Мировича и наказания его товарищей (С. 548—553) вызывали ассоциации с делом петрашевцев, напоминая о собственных переживаниях Достоевского.

Наряду с очерком Семевского на формирование замысла «поэмы» оказал воздействие, как установил А. В. Алпатов,¹ и другой — уже не исторический, а литературный — источник. Это опубликованный в 1863 г. М. П. Погодиным набросок плана неосуществленного романа о Мировиче, задуманного (в конце 1830—начале 1840-х годов) украинским романистом и драматургом Г. Ф. Квиткой-Основьяненко.² Вот часть заметок:

«Можно бы интересный составить исторический роман из горестной жизни несчастного принца, бывшего в России под именем императора Иоанна III Антоновича.

¹ Алпатов А. В. Один из неизученных творческих замыслов Ф. М. Достоевского («Император») // Вестн. Московского ун-та. Сер. 10: Филология. 1971. № 5. С. 13—21.

² План романа из жизни Мировича и записка о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненко) // РА. 1863. № 2. Стлб. 160—170.

Из двух приставов, находившихся при нем (кто они, известно из манифеста о Мировиче), можно одному придать характер честолюбивый, скрытный, коварный. Или дать ему дочь с самым необыкновенным для девицы характером: скрытным, предприимчивым, сильным, смелым, честолюбивым без меры, твердым, решительным и на всё готовым для достижения цели своей. Она, возвратясь из чужих краев, где получила образование с семейством князя **, нашла отца при сем принце. Основала план освободить его, возвести на престол и быть его женой, а смотря по обстоятельствам и царствовать. <...> Дочь скоро овладела умом отца и склонила его на свою сторону. <...> Девица, надеясь на свои прелести, хочет ими привлечь Иоанна к своему намерению и узнать его, дабы удачнее расположить план свой. В дежурство отца ее, когда он находился у принца, она входит к нему, сказав часовому пароль. Принц, который вовсе не был таков, каким его по необходимости изображали в манифесте, поражается наружностью девицы (к чему много способствовали лета и уединение, в котором он был содержан). Девица, извинившись необходимостью, приведшею ее к отцу, поговорив немного с принцем, уходит. Несчастный, не имев образования, действует натурально; просит отца позволить дочери беседовать с ним иногда; отец соглашается, но взял с него клятву никак не говорить товарищу о сем новом знакомстве. Знакомство скоро сделано. Хитрая скоро проникла принца; говорила с ним, читала, рисовала, день от дня далее и далее довела его до сознания в любви и заключила с ним условие, что б ни последовало с ним в лучшем обстоятельстве, он женится на ней. <...> Случай сводит ее с Мировичем, человеком подобного же характера, как и она, но вдобавок озлобленного первыми вельможами. Они знакомятся, сближаются. Девица влюбляет его в себя, дает ему мысль о возведении Иоанна на престол и поселяет в него надежду стать при нем генералиссимусом, светлейшим князем и пр. и пр. <...> Назначен был день, когда должно было так называемого Императора вывести из Шлиссельбурга; торжественно ввести в Петербург; в Казанском соборе, объявив право свое, Иоанн должен был принять присягу. Уже тысячи экземпляров манифеста о вступлении на престол Иоанна третьего были напечатаны и хранились у девицы; у ней же приготовлен был манифест, подписанный Иоанном о признании ее супругою своею и Императрицею. Мирович вовсе не знал о сем и не подозревал никакой связи у его возлюбленной с принцем, а полагал, что она действует для пользы его (Мировича) и из любви к нему» (Стлб. 160—164).

Заметки Квитки-Основьяненко могли дать Достоевскому мысль ввести в число действующих лиц дочь коменданта и основать фабулу романа на мотиве любовного соперничества между Иоанном (у Достоевского — Иваном) Антоновичем и Мировичем. По сравнению с сюжетом Квитки-Основьяненко, в котором акцентируется роль дочери коменданта, «у Достоевского инициатива в заговоре принадлежит Мировичу, использующему „деву“ для воздействия на принца, чтобы склонить его к участию в этом деле» (Алпатов А. В. Один из неизученных творческих замыслов Ф. М. Достоевского («Император»)).

С. 18). Кроме того, в соответствии с философским замыслом писателя характеры всех трех героев трактованы более сложно. Иван Антонович и Мирович в набросках не только соперники в любви, но и возвышенные мечтатели, близкие по своему психологическому складу другим молодым «мечтателям» Достоевского. В то время как исторический Мирович впервые увидел Иоанна Антоновича мертвым, после неудачи заговора, Достоевский заставляет обоих главных героев пережить длительную и сложную психологическую борьбу, в которой — как и в отношениях Мышкина и Рогожина — взаимное доверие и дружба осложняются «ревностью» и ощущением «неравенства», переходящими у одного из соперников в «ненависть».

Для главного героя «поэмы», отвергнутого обществом и выросшего в заточении, час освобождения становится моментом познания добра и зла окружающего мира, нравственного испытания самого себя. Этот мотив, как отметил А. Л. Григорьев,¹ близко соприкасается с сюжетом философской трагедии великого испанского драматурга П. Кальдерона де ла Барки (1600—1681) «Жизнь есть сон» (1636): «В обоих произведениях в основе сюжета раскрывается формирование личности престолонаследника, с детства заключенного в тюрьму, которой ограничиваются его смешанные со сновидениями представления о внешнем мире».² Впервые пьеса была опубликована на русском языке в Санкт-Петербурге в 1843 г. в сборнике «Испанский театр» (перевод К. И. Тимковского,³ с последним Достоевский был знаком в период участия обоих в собраниях петрашевцев), второй раз (перевод С. В. Костарева) — в Москве в 1861 г. в качестве второго выпуска «Избранных драм» Кальдерона.⁴ Знакомство с нею Достоевского возможно (на что указывает содержание замысла «поэмы» об императоре), хотя в его сочинениях и письмах нет упоминаний имени Кальдерона.⁵ Сообщение о театральных

¹ См.: Григорьев А. Л. Достоевский и Кальдерон (к вопросу о замысле «поэмы» Достоевского «Император») // XXI Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1968. С. 130—131.

² Там же. С. 130.

³ Макогоненко Д. Г. Некоторые наблюдения над переводами пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон» (художественный перевод и историческое время) // Кальдерон и мировая культура / Отв. ред. акад. Г. В. Степанов. Л., 1986. С. 153. (IBERICA).

⁴ См.: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М., 1902. Вып. 2. С. 763; Коган Г. А. Материалы по библиографии русских переводов Кальдерона // Кальдерон де ла Барка П. Драммы: В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. С. 713—731. (Сер. Лит. памятники).

⁵ В. Е. Багно указал на «прямую отсылку к кальдероновской метафоре» в «Сне смешного человека»: «„Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете. Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так превозносите, я хотел погасить самоубийством, а сон мой, сон мой, — о, он

постановках драмы в Большом театре в 1866—1867 гг.,¹ которые мог видеть писатель, неточно:² в указанном сезоне к творчеству Кальдерона обращался Малый театр, представив спектакли по пьесам «Сам у себя под стражей», «Ересь в Англии» и «Саламейский алькальд».³

Одна из тем Кальдерона — «ощущение могущества и многоликости зла».⁴ Герой драмы «Жизнь есть сон» принц Сехисмундо заточен в башню волею отца, короля Басилио, получившего предсказание о злом роке, который побудит сына свергнуть его. Освобожденный спустя время из темницы и получивший власть, Сехисмундо проявляет жестокость и деспотичность, но после вторичного заключения испытывает духовное прозрение, убедившись на личном опыте, что «жизнь есть сон» и не следует поддаваться земным страстям и искушениям.⁵ Когда восставшие подданные освобождают Сехисмундо из повторного заключения, он разбивает войско отца и, казалось бы, исполняет пред-

возвестил мне новую, великую, обновленную, сильную жизнь!» (25, 109). И далее в финале: «Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон?» (25, 118), — восклицает «смешной человек», не противопоставляя сон жизни и не провозглашая его превосходство над ней, а лишь утверждая «реальную», равноценную, и равноправную жизни природу сна» (Багно В. Е. Князь Мышкин и принц Сехисмундо // *Sub specie tolerantiae*. С. 219).

¹ Calderon's Dramas / By D. F. MacCarthy. London, 1873. P. VII; Сочинения Кальдерона. С. 763; *Акад. ПСС*. Т. 9. С. 489.

² Ср.: Алоэ С. Достоевский и испанское барокко // *Достоевский и мировая культура*. № 11. С. 80.

³ См. подробнее: *Зограф Н. Г.* Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 208, 576; История русского драматического театра: В 7 т. М., 1980. Т. 5: 1862—1881. С. 73, 447, 508. Р. Г. Назиров отметил связь романа «Идиот» с мелодрамой Л.-М. Фонтана и Ш.-Д. Дюпети «Бедный идиот, или Гейльбергское подземелье» (см. с. 549—550). Пьеса стала одним из откликов на историю Каспара Хаузера, юноши, предположительно знатного происхождения, проведшего большую часть своей жизни в подземелье (*Назиров Р. Г.* Спор Достоевского с Кальдероном о природе человека // *Вестн. Башкирского ун-та. Сер. Филология и искусствоведение*. 2014. Т. 19. № 4. С. 1283—1284. См. также: *Фридлендер*. С. 245). Ю. А. Айхенвальд назвал пьесу, «герой которой пробыл с шести до двадцати двух лет в строгом заключении. Потом на свободе он сошел с ума: мир ошеломил его злыми неожиданностями», источником замысла «Император» (см.: *Айхенвальд Ю. А.* Дон-Кихот на русской почве. М.; Минск, 1996. С. 128—130).

⁴ История зарубежного театра / Отв. ред. Л. И. Гительман. СПб., 2005. С. 136.

⁵ Отмечено, что сюжет пьесы основан на содержании христианской «Повести о Варлааме и Иоасафе», которую считают переложением одного из эпизодов жизнеописания Будды, см.: *Кренкель М.* Жизнь есть сон // Сочинения Кальдерона. С. 16.

сказание, однако свободный выбор героя позволяет преодолеть рок: он отказывается от мести и зла («прощают чистые сердца» — последние слова Сехисмундо в финале пьесы). По замечанию Р. Г. Назирова, «Кальдерон утверждает идею свободы воли и явно разделяет мнение своего короля Басилио: „Человек сильнее, чем звезды“. Но свобода достигается верой и смирением. Только обуздав свою греховную природу, человек может стать истинно свободным».¹ По трагичности мироощущения герой Кальдерона близок шекспировскому Гамлету, однако «история Сехисмундо — история победившего себя победителя. Все с ужасом ждут, на что он употребит завоеванную им власть, а он употребляет ее прежде всего на то, чтобы властвовать над собой».²

«Поэма» Достоевского развивает близкую тему: в душе Ивана Антоновича (как и в душе героев многих других произведений писателя) борются стремление к самоутверждению, к власти над миром и сознание необходимости для этого приобщиться ко злу и несправедливости. Опыяненный вначале открывшимися ему под влиянием речей Мировича «картинами могущества», мечтами об императорской власти, при которой ему станет «всё возможно», герой готов отказаться от императорской короны, так как для этого он должен стать «не равен» другому, «потерять его дружбу». Кровь убитой Мировичем кошки производит на него «страшное впечатление» и побуждает Ивана Антоновича отвернуться от власти, раз она может быть завоевана лишь ценой кровопролития. И хотя убеждения Мировича в том, что, став императором, он сможет много «сделать добра», и любовь к дочери коменданта снова на время воспаляют героя, трагическая гибель его и Мировича свидетельствуют о том, что сомнения его были обоснованы — поэтому он умирает «величаво и грустно».

Обе главные идеи «поэмы» об императоре — горячее сочувствие автора самоутверждению обиженной обществом личности и осуждение жизни, купленной одним человеком ценой крови и страданий других («Я не хочу жить коли так, если за меня кто умрет, если ты умрешь, она умрет») — связывают этот замысел с этической проблематикой романов Достоевского 1860—1870-х годов — от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых». В главе «Бунт» последнего из названных романов и в Пушкинской речи Достоевского мысль о невозможности для человека принять мир ценою чужого страдания, сформулированная в плане «поэмы», получила дальнейшее развитие.

Впоследствии Г. П. Данилевский разработал тот же исторический сюжет в романе «Мирович» (ВЕ. 1879. № 6—8). Как отметил Л. П. Гроссман (см.: *Творчество Достоевского, 1959. С. 370*), Достоевский мог ознакомиться с этим произведением (не имеющим, кроме

¹ Назиров Р. Г. Спор Достоевского с Кальдероном о природе человека. С. 1281; см. также: Алоз С. Достоевский и испанское барокко. С. 87—88.

² История зарубежного театра. С. 138.

исторической основы, никаких точек соприкосновения с его замыслом) по подробному изложению романа Данилевского в той же книжке журнала «Русский вестник», где была напечатана седьмая книга третьей части «Братьев Карамазовых» (РВ. 1879. № 9. С. 398—423).¹

С. 369. ...подкупает старого инвалида, прислуживающего арестанту... — О том, что «по восшествии на престол императрицы Екатерины II, к принцу Иоанну были приставлены два старые инвалида, капитан Власьев и поручик Чекин, получившие предписание „призирать и соблюдать принца“, но снабженные к тому же и особыми секретными инструкциями», сказано в упомянутой выше публикации М. Хмырова «Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндского» (С. 567). О разговоре Мировича, желавшего заручиться поддержкой караула в плане по освобождению принца, с «гарнизонным капитаном Власьевым, постоянным караульным при заточенном императоре», сообщал М. И. Семеvский (Семеvский М. И. Иоанн VI Антонович. 1740—1764 г. Очерк из русской истории. С. 541).

С. 369. Дочь Коменданта соблазнена быть императрицей. — Мотив, по-видимому, возник под влиянием публикации «Плана романа из жизни Мировича и записки о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненка)» (см. стлб. 161—163).

С. 370. Показывает ему мир ~ Показывает Божий мир. «Всё твое, только захоти. — Аллюзия на третье дьяволово искушение Христа: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё сие дам Тебе, ежели падши поклонишься мне» (Мф. 4:8—9). Мирович предстает в двойственной роли — с одной стороны, искушает императора «картинами могущества», с другой — «передает ему понятие о Боге, о Христе» (см.: Тихомиров Б. Н. «Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император“». С. 458).

С. 370. Мирович в энтузиазме показывает ему обратную сторону медали и толкует, сколько, став Императором, он может сделать добра. — Впоследствии эта сюжетная коллизия получает развитие в романе «Подросток» в обосновании «ротшильдовской идеи» Аркадия Долгорукого (см.: Акад. ПСС. Т. 13. С. 73—77; кроме того: Алпатов А. В. Один из неизученных творческих замыслов Ф. М. Достоеvского («Император»). С. 16).

С. 370. — При виде Коменданта Иван Антонович смущается, «я его видел в детстве!» — Эпизод этот навеян историческим анекдотом о том, что в разговоре с Петром III, который, по своему

¹ См. также: Фридлендер Г. М. О поэме Достоеvского «Император» // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1972. Т. 18. № 1/2. С. 159—164; Catteau J. La création littéraire chez Dostoïevski. Paris, 1978. P. 292—295.

желанию, тайно в марте 1762 г. встретился с Иоанном Антоновичем, последний, жалуясь на строгость шлиссельбургского коменданта Бердихина, вспомнил о доброте к нему присутствовавшего при разговоре барона Н. А. Корфа, который присматривал за ним в первые годы заточения: «„Да, — отвечал Иоанн, — это был человек, который меня любил, он позволял мне иногда прогуливаться; но этот (указывая на коменданта) не позволяет никогда выходить и не говорит со мною”. Слова эти тронули Петра и вызвали слезы на глазах Корфа, признательного за добрую память о нем заключенного» (см.: *Семевский М. И.* Иоанн VI Антонович. 1740—1764 г. Очерк из русской истории. С. 536).

ПЛАН ДЛЯ РАССКАЗА (В «ЗАРЮ»)

(С. 371)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 6. С. 65—70; см.: *Описание*. С. 125.

Впервые опубликовано: Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 225—228 (Н. Ф. Бельчиковым); перепечатано: *Коншина*. С. 369—373.

Датируется, по всей вероятности, февралем—первой половиной марта 1869 г. Но возникновение этого замысла должно быть отнесено, по свидетельству Достоевского, еще к 1864 г. (см. ниже).

После завершения в последних числах января 1869 г. романа «Идиот» Достоевский через Н. Н. Страхова вступил в переписку с редакцией журнала «Заря», который в конце 1868 г. он обещал поддерживать своим участием. Переписка эта (см. о ней выше в комментариях к «Вечному мужу», с. 874—877) заключает в себе некоторые противоречия, в результате чего исследователи приходили к различным выводам о том, какое именно произведение Достоевский первоначально предназначал для «Зари». В письме к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. писатель сообщал, что он собирается доставить в «Зарю» к сентябрю «повесть, то есть роман», «величиною в „Бедных людей” или в 10 печатных листов», и просил редактора журнала В. В. Кашпирева выслать ему во Флоренцию аванс (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 20—21). Когда же Страхов написал, что Кашпирев в денежном отношении «в настоящую минуту <...> ничего сделать не может» и предлагает «рассрочить уплату» (*Шестидесятые годы*. С. 262), у Достоевского возникла новая идея. 18 (30) марта 1869 г. он писал Страхову, что «вместо прежних условий» может выслать «Заре» «один рассказ, весьма небольшой, листа в 2 печатных, может быть, несколько более (в «Заре», может быть, займет листа 3 или даже 3 ½)» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 32). «Этот рассказ, — продолжал Достоевский в том же письме, — я еще думал написать четыре года назад, в год смерти брата, в ответ на слова Ап<оллона> Григорьева, похвалившего мои

„Записки из подполья” и сказавшего мне тогда: „Ты в этом роде и пиши”. Но это не „Записки из подполья”; это совершенно другое по форме, хотя сущность — та же, моя всегдашняя сущность, если только Вы, Николай Николаевич, признаете и во мне, как у писателя, некоторую свою, особую сущность. Этот рассказ я могу написать очень скоро, — так как нет ни одной строчки и ни единого слова, неясного для меня в этом рассказе. Притом же много уже и *записано* (хотя еще ничего не написано). Этот рассказ я могу кончить и выслать в редакцию гораздо раньше первого сентября (хотя, впрочем, думаю, Вам раньше и не надо; не в летних же месяцах будете Вы меня печатать!). Одним словом, я могу его выслать даже через *два* месяца» (Там же. С. 32).

Сопоставление двух цитируемых писем Достоевского к Страхову вызвало в свое время недоумение А. С. Долинина: «Относительно повести остается по-прежнему не ясным, что он понимает под нею. Меньше чем через месяц (в письме от 18/III 69 г.) Достоевский снова пишет Страхову, что решил сесть как можно скорее за роман на будущий год для „Русского вестника”, повести в 10—12 печатных листов писать не будет, а что касается „Зари”, то ей он может предложить небольшой рассказ в 2—3 печатных листа; разумеется, конечно, „Вечный муж”, который, оказывается, был задуман еще в год смерти брата, в ответ на слова Ап. Григорьева, похвалившего „Записки из подполья” и сказавшего тогда: „Ты в этом роде и пиши»» (см.: *Д. Письма*. Т. 1. С. 17). Е. Н. Коншина, опубликовавшая в 1935 г. «План для рассказа (в «Зарю»», исходя из того, что «первым произведением, подготовленным для „Зари”, стал „Вечный муж»,» полагала, что «повесть о воспитаннице возникла после него, когда Достоевский подыскивал темы для дальнейшего участия в журнале, т. е. опять-таки в конце 1869 года и в 1870 году» (см.: *Коншина*. С. 448). Однако, как видно из писем Достоевского к Страхову, в первом из них речь идет о большой повести (возможно, в это время уже начал формироваться замысел «Вечного мужа»). В следующем же письме Достоевский обещает не повесть, а рассказ в 2 печатных листа, в основу которого и должен был быть положен настоящий план. К этому выводу пришел первый его публикатор Н. Ф. Бельчиков (см.: *Бельчиков Н. Ф.* Один из замыслов Ф. М. Достоевского // *Красный архив*. 1926. Т. 3 (16). С. 224—225), а затем и Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*. С. 142—143, 183).

Подтверждением того, что «План для рассказа (в «Зарю»» к середине марта 1869 г. был письменно зафиксирован, служит признание Достоевского в письме от 18 (30) марта 1869 г. о том, что «много уже и *записано* (хотя еще ничего не написано)». Что касается «Вечного мужа», то в августовских письмах 1869 г. к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой Достоевский сообщал, что повесть для «Зари» он писать не начинал (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 51, 58; см. также с. 876, коммент. к «Вечному мужу»).

В приведенном выше письме к Страхову Достоевский вспоминал, что замысел рассказа явился как бы «в ответ» на отзыв Ап. Григорьева

о «Записках из подполья». Но, как писатель тут же подчеркивал, он задумал произведение, сильно отличающееся от «Записок» по форме. С этими словами перекликается в плане характеристика племянника умершей барыни — центрального героя рассказа: «Вообще это *тип*. Главная черта мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной оскорбительной недоверчивости». Изображение ухода героя в «подполье», мучающего его сознания одиночества и одновременно тяготения его к людям, борьбы в его душе взаимоисключающих чувств — все эти мотивы определились в «Записках из подполья». Но теперь Достоевский стремится вставить характер героя в рамки «краткого» рассказа, «вроде Пушкинского», дать его в действии, «без объяснений», тон повествования выдержать «психологически откровенный и простодушный», вероятно, по образцу пушкинских же «Повестей Белкина». Позднее сходная творческая задача — «простой рассказ à la Пушкин» — ставится в черновиках романа «Подросток» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 16. С. 47, 122, 127, 156, 172, 260; Т. 17. С. 338—339). Возможно, что «пушкинские» ассоциации, которые вызывал у Достоевского задуманный рассказ, в какой-то мере поддерживались образом героини, положение которой как «воспитанницы» «богатой барыни» сближало ее с Лизой из «Пиковой дамы» (*Коншина*. С. 448). По замечанию Б. Н. Тихомирова, «задача соединить тему „подполья“ с объективным, „пушкинским“ повествованием и составляет своеобразие замысла 1869 г.» по сравнению с написанными ранее «Записками из подполья» и позднейшим рассказом «Кроткая».¹

Ряд образов и ситуаций данного плана (герой — племянник, о котором до конца не известно, кто он — «или милый тип à la O—ff, или Убийца серьезный из подполья»; доверительные взаимоотношения его с воспитанницей; положение его между воспитанницей и княжной; любовная история с хроменькой девочкой, которая «из злобы сама себя довела до смерти», а он, «может быть, застрелился») получили в дальнейшем оригинальное претворение в других набросках, печатаемых в данном томе («Для „Русского вестника“» («*НВ*. После библии зарезал»), «<Роман об атеисте (ростовщике)>», «Житие великого грешника»), а также в подготовительных материалах к роману «Бесы» («Зависть» и др.) и в самом этом романе. Переходящие из одного замысла этого времени в другой мотивы пощечины без ответа и дуэли без выстрела «устойчиво повторяются в позднем творчестве Достоевского» — в «Идиоте», «Бесах», «Подростке», рассказе «Кроткая», «Братьях Карамазовых».²

¹ Тихомиров Б. Н. «План для рассказа (в «Зарю»)» // *Д. Словарь-справочник*. 2008. С. 319.

² Живолупова Н. В. «Маскарад» Лермонтова в творчестве Достоевского 60—70-х гг. Мотив мщения // *Сюжет и время: Сб. научн. тр.: К 70-летию Г. В. Краснова / Колом. пед. ин-т. Коломна, 1991. С. 137.*

С. 371—374. *Скупец, мститель, ростовщик ~ Раз она заговорила о трусости (о пощечине)*. — Эти мотивы, как и тема «трусовства», и трагический исход отношений героев («он ее надорвал»), получают развитие в рассказе «Кроткая», см.: *Акад. ПСС*. Т. 24. С. 382—383.

С. 371. *Дуров*. — Сергей Федорович Дуров (1816—1869), поэт, петрашевец. Вместе с Достоевским отбывал каторгу в омской крепости. Последние годы жил в семье своего друга (также бывшего петрашевца), романиста и драматурга А. И. Пальма. Об отношениях между Достоевским и Дуровым см.: 4, 355—356.

С. 372. ...*умоляющими кредиторами ~ жадности и жестоко-сердья к кредиторам*. — Кредиторы — здесь в значении «должники», ср. ниже в рукописи: «...говорит ему о должниках <Было: кредиторах>, чтоб их защитить» (с. 373).

С. 373. ...*прогулки (сон Обломова, полная доверчивость)*. — «Сон Обломова» И. А. Гончарова был напечатан в 1849 г. в «Литературном сборнике с иллюстрациями», вышедшем в качестве приложения к журналу «Современник»; полностью «Обломов» был опубликован в «Отечественных записках» (1859. № 1—4). С. Д. Яновский вспоминал об интересе Достоевского к этому произведению: «Лермонтова и Тургенева он тоже ставил очень высоко; из произведений последнего особенно хвалил „Записки охотника“. Чрезвычайно уважительно отзывался о всех произведениях, хотя по числу в то время незначительных, И. А. Гончарова, которого отдельно напечатанный „Сон Обломова“ (весь роман в то время напечатан еще не был) цитировал с увлечением» (*Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 1. С. 238). Отмечено, что «отношение Достоевского к роману „Обломов“ резко менялось, на первый взгляд некоторые оценки как бы взаимоисключают друг друга» (см.: *Битюгова*. С. 193). Так, в письме к брату Михаилу от 9 мая 1859 г. Достоевский называет роман Гончарова «отвратительным» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 325). Однако в письме к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г. роман «Обломов» поставлен в один ряд с «Мертвыми душами», «Дворянским гнездом», «Войной и миром». В черновом наброске «*Идея романа*» 1870 г. речь идет о «поэтическом представлении вроде Сна Обломова о Христе» (см. с. 387, 955). В середине 1860-х годов в работе над замыслом «Преступления и наказания» писатель планировал создать главу «Христос», также имея в виду в качестве образца «Сон Обломова» (7, 211, 786). В ДП 1876 г. «Сон Обломова» определяется как лучший романский эпизод, «который с восхищением прочла вся Россия» (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 105). Говоря о «Дворянском гнезде» и «Обломове», Достоевский делает вывод о том, что сила художественных типов, показанных в этих произведениях, заключена в «соприкосновении с народом»: «Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (Там же. С. 44). В черновиках к ДП образ Обломова связывается с темой положительного идеала в литературе:

« — А целое есть. Оно уже схвачено. Тихон, Мономах, Илья, но, однако, всё это идеалы народные. Недалеко ходить, у Пушкина, Каратаев, Макар Иванов, Обломов, Тургенев, ибо только положительная красота и останется на века» (Там же. С. 153).

Двойственность отношения Достоевского к творчеству Гончарова и роману «Обломов» объясняется разностью эстетических взглядов этих авторов: «Относя Гончарова, как Тургенева и Л. Толстого, к писателям, изображающим преимущественно отстоящуюся жизнь „средневысшего“ дворянского круга, Достоевский ощущал себя представителем „переходной“ эпохи, в задачу которого входило улавливание быстро меняющейся, „текущей“ жизни во всех ее разнообразных, порой крайних проявлениях. <...> В черновиках „Подростка“ Версолов, говоря о современной литературе, упоминает уже непосредственно Обломова (наряду с Чацким и Печориным) как пример некоторой огрубленности типа, свидетельство того, что многое действительно ускользнуло» (Битюгова. С. 192). На принципиально иное восприятие писателем «Сна Обломова» могли повлиять критические оценки Ап. Григорьева, высказанные в четвертой статье цикла «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» (РСЛ. 1859. № 4—6, 8) и представившие «Сон Обломова» «прежде всего как пропущенное через призму сна, согретое любовью поэтическое повествование о знакомом с детства и в то же время фантастическом мире „тишины и невозмутимого спокойствия“, окруженном родной среднерусской природой и овеванном народными преданиями» (Битюгова. С. 196). Сходная оценка «Сна Обломова» содержалась также в редакционном литературно-критическом обзоре, опубликованном в 1859 г. в журнале «Библиотека для чтения» (в том же выпуске, в котором был изложен исторический сюжет о гибели принца Иоанна Антоновича, отраженный в замысле Достоевского «Одна мысль (поэма)»): «Сон Обломова не только осветил, уяснил и разумно опозитивировал всё лицо героя, но еще тысячью невидимых скреп связал его с сердцем каждого русского читателя. В этом отношении Сон, сам по себе разительный как отдельное художественное создание, еще более поражает своим значением во всем романе. Глубокий по чувству, его внушившему, светлый по смыслу, в нем заключенному, он в одно время и поясняет и просветляет собою то типическое лицо, в котором сосредоточивается интерес всего произведения. Обломов, без своего Сна, был бы созданием неоконченным, не родным всякому из нас, как теперь, — Сон его разъясняет все наши недоумения, и не давая нам ни одного голого толкования, повелевает нам понимать и любить Обломова. Нужно ли говорить о чудесах тонкой поэзии, о лучезарном свете правды, с помощью которых происходит это сближение между героем и его ценителями?» (<Дружинин А. В.> Обломов, роман И. А. Гончарова. Два тома 1859 г. // БдЧт. 1859. Т. 158. № 11. С. 12). Поэтичность и национальная выразительность «Сна», художественная точность его типов — вот что привлекло Достоевского и возвращало писателя к этой главе «Обломова» в последующие годы в работе над новыми замыслами.

С. 375. ...милый тип à la O—ff... — Возможно, имеется в виду Н. П. Огарев, с которым писатель сблизился в Женеве в 1867 г. (см.: Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 220).

С. 375. ...комизма и двойственности (Марья Степановна). — Имеется в виду реальное лицо — свояченица врача Мариинской больницы для бедных в Москве К. А. Щиrowsкого. О ее визитах к Достоевским вспоминал младший брат писателя: «...зато его семья женского пола часто бывала у маменьки; она состояла из жены его Аграфены Степановны, свояченицы Марьи Степановны и пожилой уже дочери Лизаветы Кузьмичны...» (Достоевский А. М., 1992. С. 39. См. также: *Летопись*. Т. 1. С. 18).

ДЛЯ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

(С. 376)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 58; см.: *Описание*. С. 124.

Впервые опубликовано: Гроссман. *Жизнь и труды*. С. 344.

В Акад. ПСС опубликовано под редакторским заголовком «<NB. ПОСЛЕ БИБЛИИ ЗАРЕЗАЛ>». Фактически это первая строка в авторском изложении замысла.

Датируется предположительно сентябрем—октябрем 1869 г. (ср.: Тихомиров Б. Н. <NB. После Библии зарезал> // *Д. Словарь-справочник*, 2008. С. 326), периодом самой интенсивной работы Достоевского над рассказом «Вечный муж», среди подготовительных материалов к которому и находится данный отрывок.

Мотив убийства из ревности восходит к «Идиоту», законченному в начале 1869 г., но в данном замысле главный персонаж («муж») варьирует тот характер, который в «Вечном муже» воплощен в Трусозком. Появление этого замысла среди записей к «Вечному мужу», предназначенному для «Зари», объясняется тем, что Достоевский обдумывал в это время новую работу для «Русского вестника», с которым он был связан финансовыми обязательствами (см. с. 943, 960—962). Замысел также соотносится с «Планом для рассказа (в «Зарю»)», где одна из характеристик персонажа — «Убийца серьезный из подполья»; ср.: «Тип подпольный, не перенесший ревности <...> Зарезал виновную жену». Мотив убийства после молитвы появляется в романе «Идиот» (8, 202, см.: Тихомиров Б. Н. <NB. После Библии зарезал>. С. 325). Некоторые мотивы замысла нашли отражение в рассказе «Кроткая» (см. ниже, а также: Акад. ПСС. Т. 24. С. 382).

С. 376—377. Нашел и выбрал сиротку, нарочно чтоб было спокойнее. ~ Озлился. Безмерное тщеславие; см. также: *Жена не мо-*

жет не заметить, что он образован, потом увидала, что не очень, всякая насмешка ~ В театр и в собрание по разу: У жены вдруг и внезапно являются покровители ~ Но он надорвал ее сердце. — Мотивы, развернутые подробнее в рассказе «Кроткая».

С. 377. Любовник в доме на дворе, из окна в окошко, выследил. Подслушивает свидание. — В замысле, возможно, отразились некоторые впечатления от новейшей французской романистики: в частности, указанный эпизод напоминает гл. LXVII из романа Э. Фейдо «Фанни», где любовник, подсматривая с балкона в окно, видит свою любовницу с мужем и убеждается в неискренности ее чувств к себе (см.: Фанни: Этюд. Пер. с фр. / Соч. Эрнеста Фейдо. СПб., 1858. С. 176—179).

«ПОИСКИ, ПОВЕСТЬ»

(С. 377)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 58; см.: Описание. С. 126.

Впервые опубликовано: Коншина. С. 83.

Датируется по автографу 9 (21) ноября 1869 г.

С. 377. Человек, дающий беспрерывно клятву отмстить гонителям и, когда счастье улыбается ему, — отдающий свое последнее. «Что, дескать, отмщать!» — Идею мести гонителям позднее формулирует ростовщик в «Кроткой», отказавшийся от дуэли, следствием чего явилась «потеря репутации». Мотив отказа от мести вызывает литературные ассоциации. Ранее в творчестве Достоевского он представлен в «Записках из подполья» (упоминания «подполья» и «подпольного» типа неоднократно встречаются в неосуществленных замыслах конца 1860—начала 1870-х гг.), где парадоксалист рассматривает варианты мести Зверкову и приходит к мысли о наказании прощением; при этом в тексте повести прямо указана параллель с пушкинским «Выстрелом» и лермонтовским «Маскарадом» (5, 168). Однако в комментируемой записи отказ от мести не содержит того психологического подтекста, который присутствует в образе подпольного парадоксалиста: «Контаминация сюжетов необходима подпольному мечтателю для заострения конфликта с миром: мир общественно и лично „уничтожает“ его, но он своим великодушием неизмеримо возвышается над ним и тем самым до конца бунтарски противостоит миру» (Поддубная Р. Н. Герой и его литературное развитие: (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Д, Материалы и исследования. Т. 3. С. 56. См. также: Загидуллина М. В. «Поиски, повесть» // Д, Словарь-справочник, 2008. С. 324—325).

ИЗ ПОВЕСТИ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ

(С. 378)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 8. С. 19; см.: *Описание*. С. 125.

Впервые напечатано: *Коншина*. С. 46.

Датируется предположительно концом 1869—началом 1870 г., периодом подготовительной работы над замыслом «Зависть» (*Акад. ПСС*. Т. 11. С. 58—64). Запись сделана на отдельной странице, предшествующей наброскам «Зависти», которые она напоминает по почерку; от более поздних заметок к «Бесам» — в этой же тетради — она отделена тремя чистыми страницами.

М. В. Загидуллина соотносит данную запись с упоминанием в письме Достоевского брату Михаилу от 9 октября 1859 г. замысла романа о молодом человеке, «которого высекли и который попал в Сибирь», считая, что два сюжета объединяет «нравственная коллизия», и предполагая, что «в этом раннем замысле молодой человек мстит за полученное оскорбление так, что попадает за эту месть в Сибирь <...>» (*Загидуллина М. В. «Из повести о молодом человеке» // Д. Словарь-справочник, 2008*. С. 300). Б. Н. Тихомиров связывает запись с неосуществленным замыслом «Смерть поэта», так как «в ней более подробно разрабатывается сюжетный мотив, к<ото>рый был намечен в первом из набросков, — „Найденный бумажник“ <...>» (*Тихомиров Б. Н. Смерть поэта // Там же*. С. 336). Персонаж, именуемый «Молодым человеком», есть в *ПМ* к «Вечному мужу» (в окончательном тексте ему соответствует Лобов, что позволяет предположить, что в целом замысел о молодом человеке может быть связан с темой «новых людей», «современных позитивистов»). Мотив оскорбленного самолюбия, близкий реакции героя данного наброска — бедного «молодого человека» — на нравственное унижение, разрабатывался Достоевским ранее в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», в образах Раскольникова и Ипполита; позднее он получил развитие в образе капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых».

СМЕРТЬ ПОЭТА (ИДЕЯ)

(С. 378)

Источники текста

Печатается по черновым автографам: № 1 — *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 6. С. 103—104; № 2 — *РГБ*. Ф. 93. I. 1. 4. С. 59; см.: *Описание*. С. 125.

Впервые опубликовано: № 1 — *Коншина*. С. 387—389; № 2 — Там же. С. 149—150; перепечатано (без плана № 2): *Мочульский*, 1995. С. 560—561.

Датируется временем с 9 сентября н. ст. 1869 г. (дата, проставленная автором под планом № 1, внизу <с. 103>) по декабрь 1869—январь 1870 г.

План повести «Смерть поэта» (№ 1) записан Достоевским в той же рабочей тетради, где содержатся часть подготовительных материалов к «Идиоту», «План для рассказа (в «Зарю»)» и «Одна мысль (поэма)», а также черновые записи к повести о Картузове. На <с. 104> автографа начинается детализация плана, сделанная, по-видимому, позднее (на что, в частности, указывают изменившиеся почерк и цвет чернил) — в конце 1869—начале 1870 г., в момент, когда Достоевский, закончив и отослав в Петербург рассказ «Вечный муж», вернулся к обдумыванию темы романа для «Русского вестника» (см. с. 960) и колебался между накопившимися у него различными замыслами и заготовками. Поскольку в этих записях, являющихся дальнейшей трансформацией прежнего замысла, упоминается в качестве действующего лица Нечаев, они вряд ли могли быть сделаны ранее того времени, когда Достоевский в Дрездене, узнав из газеты о совершенном в Москве 21 ноября 1869 г. по указанию С. Г. Нечаева убийстве студента Петровской академии И. И. Иванова (оказавшего Нечаеву неповиновение), заинтересовался личностью Нечаева. Психологический анализ этого убийства писатель вскоре положил в основу романа «Бесы»; в комментарии к последнему (*Акад. ПСС*. Т. 12. С. 198—211) см. характеристику Нечаева и истории знакомства Достоевского с различными материалами о нем. Убийство Иванова было обнаружено 26 ноября 1869 г. (см.: Судебная хроника. Заседание московского окружного суда, 8 января 1873 года, по делу о мещанине города Шуи, носящем звание приходского учителя, Сергее Геннадиеве Нечаеве, обвиняемом в убийстве // *Г. 1873*. 13 (25) января, № 13. С. 3—4). Но заметки Достоевского, скорее всего, относятся не к декабрю 1869 г., а к январю 1870 г. по н. ст.: упоминаемый в них Кулишов, фигурирующий в планах «Жития великого грешника» сначала под именем Куликова, в записях между 21 декабря (2 января) и 15 (27) января превращается в Кулишова (см. с. 390—398, 403, а также с. 991).

В диалоге, печатаемом под № 2 и предположительно отнесенном к «Смерти поэта», обыгрывается фамилия «Дырочкин», которой завершается план № 1. Таким образом, диалог этот представляет собой дальнейшее развитие последнего пункта названного плана. Диалог не мог возникнуть раньше плана № 1, поскольку на странице есть каллиграфическая пропись «Житие великого грешника» (сделанная, судя по расположению, как и остальная каллиграфия, до заполнения страницы текстом) — название, впервые прозвучавшее в записи от 8 (20) декабря 1869 г. (см. ниже, с. 962).

Разработка замысла «Смерть поэта» в конце 1869—начале 1870 г. приводит к возникновению нового плана. Поэт, который был

задуман как главный герой особой, самостоятельной повести, становится действующим лицом одного из эпизодов («блестящей главы») «<Романа об атеисте (ростовщике)>» (см. с. 386). В процессе этой творческой работы параллельно рождается замысел «Зависть», предвещающий планы к «Бесам». После февраля 1870 г. Достоевский, занятый работой над «Бесами», к плану «Смерти поэта», по-видимому, уже не возвращался, по крайней мере, в дошедших до нас его рабочих тетрадях не сохранилось позднейших записей, которые можно было бы сколько-нибудь уверенно связать с разработкой этого сюжета.

Как видно из планов «Смерти поэта», первоначальный замысел повести возник в тесной связи с вынашивавшимися Достоевским в 1868—1869 гг. планами романа «Атеизм» (см. о них ниже, с. 956—962). На первом этапе (ему соответствует план № 1) сердцевиной повести и должен был стать спор «о свободе и о свободном человеке» между попиком (горячим ревнителем православия, по чистоте сердца и темпераменту родственным Аввакуму), атеистом, раскольником и поэтом — «язычником», обоготворяющим природу (ср. с замыслом «Жития великого грешника», в котором писатель предполагал свести вместе представителей различных мировоззрений — св. Тихона Задонского, Чаадаева, Белинского и др.). По замечанию К. В. Мочульского, «идеологическая тема „Бесов“ уже намечена: противопоставляются православие (будущий Шатов), язычество (будущий Степан Трофимович), атеизм (будущий Ставрогин) и нигилизм (будущий Петр Верховенский)» (Мочульский, 1995. С. 561). Лишь охарактеризовав это основное философско-идеологическое зерно повести и очертив характеры участников спора, автор начинает размышлять о фабуле: «Подсочинить повесть <...> в Углах совершилась кража, или преступление, или что-нибудь, а может, и нет». Как место действия обозначены «углы», герой — «чистый сердцем», бедствующий и умиравший в 26 лет, оставивший после себя без средств двух детей и жену; это вызывает у писателя ассоциации с «Бедными людьми» — с судьбой Покровского, Горшкова, Девушкина.

Далее автор приступает к «сочинению» «повести», т. е. разработке фабулы. Вводится новый персонаж — возвратившийся в Россию из-за границы после 6 лет отсутствия господин К. Содержателю углов у приезжего есть «дело» — возможно, связанное с Нечаевым, который упоминается далее.¹ Здесь же живут поэт с женой, любящей племянника и преследуемой хозяином углов, а также попик и доктор-нигилист. Раскольник исчезает, зато автором намечены новые, по-видимому,

¹ Известно, что С. Г. Нечаев приехал в Россию из Женевы незадолго до убийства студента Иванова. Мотив «приезда героев из-за границы» повторяется в записях Достоевского начала 1870-х годов и переходит в «Бесы», «где практически все „узлы“ романной интриги в предыстории героев будут „завязаны“ именно за границей — в Швейцарии» (Тихомиров Б. Н. Смерть поэта // Д, Словарь-справочник, 2008. С. 338).

гротескно-комические персонажи — пан Пшепярдовский,¹ Б—лов² и Дырочкин. Мотив «последней исповеди», после которой герой («надорвавшийся поэт») должен застрелиться, напоминает о соответствующих сценах исповеди Ипполита в «Идиоте» и указывает на изменение характера персонажа во второй половине плана № 1. Фамилия «Никчорыдов» (возможно, палиндром — ср. чтение слова наоборот:

¹ Появление фамилии Пшепярдовский может указывать на значимую для разрабатывавшегося в то же время замысла «Атеизм» тему католицизма, с той разницей, что в «Атеизме» «католический» „пропагатор” мыслится Д<остоевским> „всерьез”, а в данном случае «оказывается существенно комически сниженным» (Тихомиров Б. Н. Смерть поэта. С. 336).

² В *Акад. ПСС* фамилия прочитана как «Б—нов» с пояснением: «...под последним мог иметься в виду петербургский книгопродавец и владелец типографии А. Ф. Баунов, с которым Достоевский поддерживал деловые связи с начала 1860-х годов» (Т. 9. С. 121, 496). Б. Н. Тихомиров, отталкиваясь от этого прочтения, но отвергая предложенную расшифровку, соотносит персонажа с крестьянином Балабановым, о котором Достоевский упомянул в этой же записной тетради (см.: Там же. Т. 27. С. 99) в связи с сообщениями в газетной хронике о совершенном Балабановым убийстве «по молитве» (ср. с мотивом кражи или преступления в углах), — см. с. 546; Тихомиров Б. Н. Смерть поэта. С. 339. Однако в автографе начертание третьей от конца буквы в фамилии более соответствует графическим признакам «л», т. е. следует читать «Б—лов». Учитывая сатирический контекст, образованный указанными фамилиями в рукописи, возможно, здесь имеется в виду Г. Е. Благосветлов, с которым Достоевский был знаком с 1860-х гг. (см.: *Летопись*. Т. 1. С. 446, 467, 486; Т. 2. С. 17). О критическом отношении Достоевского к Благосветлову свидетельствуют записи в рабочей тетради 1876—1877 гг.: «— Не единым хлебом жив человек. То есть человек, если только он человек, и сытый не успокоится, а накормите корову, и она будет спокойна так же, как и иной либерал, купивший, например, на свой либерализм собственный дом <Вариант: г. Благосветлов (достигнувший своего дома)>»; «— Эта сытая корова, успокоившаяся подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от Дел своих и достигшему собственного дома (на углу Надеждинской и Манежной) <...>»; «NB. Вариант о Благосветлове. [Все эти мои] Надо быть честным и иметь обаяние чести на публику, без чего не достигнете доброго влияния никаким талантом <...>» (ср.: *Акад. ПСС*. Т. 24. С. 246—247, 462). Полемический взгляд на Благосветлова отражен в романе «Братья Карамазовы» в образе Ракитина, см.: *Борщевский*. С. 307. Второй вариант расшифровки фамилии — Брутилов (который упоминается, кроме того, в «Житии великого грешника» — см. с. 390, 992). Но не в пользу этого прочтения свидетельствует тот факт, что фамилию Брутилова Достоевский записывает в других местах текста полностью.

«во'дырочкин») в наброске № 2 завершает перечисление гротескных фамилий, начатое в первом плане.

Некоторые образы (поэт, жена поэта, атеист, ростовщик) разрабатываются в замысле «<Романа об атеисте (ростовщике)>» (см. с. 381—386), где поэт предстает человеком, потерявшим веру («Прощание поэта с жизнью и „не верю“ <...>»), а рассуждения «о Боге, природе и жизни» отданы ростовщику. Персонаж, обозначенный в планах «Смерти поэта» как «попик», фигурирует позднее в подготовительных материалах к «Бесам» (*Акад. ПСС*. Т. 11. С. 68, 113, 132).

С. 378. ...чистый сердцем ~ да сердцем чист... — Евангельская цитата, ср.: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 8; Т. 2. С. 154—155.

С. 378. ...о свободе и о свободном человеке (по Апостолу Павлу)... — Имеются в виду следующие слова из Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам: «Рабом ли ты призван, не беспокойся: но ежели можешь сделаться и свободным, тем больше воспользуйся. Ибо призванный в Господе раб, есть свободный Господа: равно и призванный свободным, есть раб Христов» (1 Кор. 7:21—22). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 444. В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский несколько раз обращается к тем же словам, выражая их смысл в формуле «Будь и раб яко свободный» (*Акад. ПСС*. Т. 12. С. 337). Речь идет о свободе от греха: «Свободность в Господе есть освобождение от рабства греху, миру и диаволу» (Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к Коринфянам. М., 1998. С. 268—269; ср.: *Толковая Библия*. Т. 11. С. 53). В наброске рассуждение «о свободе и свободном человеке» соотнесено с образом Раскольника, который, по предположению Б. Н. Тихомирова, имеет прототипом реальное лицо — К. Е. Голубова, одного из идеологов старообрядчества (см.: *Акад. ПСС*. Т. 12. С. 179—183): в ранних черновых материалах к «Бесам» ссылки на указанную формулу, восходящую к 1 Кор., принадлежат Голубову-Шапошникову-Шатову (Там же. Т. 11. С. 85, 121—122; подробнее см.: *Тихомиров Б. Н. Смерть поэта*. С. 338).

С. 378. «Götter Griechenlands» («Боги Греции», 1788) — философское стихотворение Ф. Шиллера, переведенное М. М. Достоевским (Светоч. 1860. № 1. С. 11—16). Упоминается также в черновых рукописях романа «Бесы»: «Князь Шатову говорит о счастье соприкоснуться с природой (прилив перед падучей), „Götter Griechenlands“, и что Бог говорит человеку» (*Акад. ПСС*. Т. 11. С. 195). Имеет значение связь этого стихотворения с темой «золотого века» человечества, особенно важной для поздних романов и ДП. По мнению А. Б. Кривицына, упоминание «Богов Греции» у Достоевского «всегда связано с изложением заветных идей героев о Боге, бессмертии и гармонии», и часто видение золотого века происходит во сне (в комментируемом наброске — это видение в предсмертном бреду), так как герои «долж-

ны пережить его всем своим существом, а не сформулировать рационально» (*Криницын А. Б. Достоевский и Шиллер. Часть 2. Золотой век и всемирная гармония // Образовательный портал «Слово». Филология. Литература XIX века. 2012. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45276.php>*). Античная тема проявляется и в характеристике главного героя — поэта — как носителя языческого мироощущения. В то же время язычество его «обнаруживает точки соприкосновения с христ<ианст>вом», точнее, с «восторженным *всеприятием жизни*» (*Тихомиров Б. Н. Смерть поэта. С. 337*) и чувством слитности с природным миром, которое позднее выразит старец Зосима (*Акад. ПСС. Т. 14. С. 267—268*).

С. 380. *Живоедов*. — Каллиграфическая пропись, по-видимому, относится к замыслу «Жития великого грешника», название которого каллиграфически записано на этой же странице рукописи (см. коммент. ниже, с. 996).

<РОМАН ОБ АТЕИСТЕ (РОСТОВЩИКЕ)>

(С. 381)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 1, 2, 3, 5, 7, 8; см.: Описание. С. 125*.

Впервые опубликовано: *Коншина. С. 37—42* (с отнесением к замыслу романа «Атеизм» и датировкой февралем 1869 г.).

В *Акад. ПСС* опубликовано под редакторским заголовком <РОМАН О КНЯЗЕ И РОСТОВЩИКЕ>. В настоящем томе редакторское название изменено, так как содержание записей Достоевского указывает на второстепенность образа князя и на эволюцию образа главного героя, который в первом наброске ни разу не назван ростовщиком, а определяется как атеист (см.: *Тихомиров Б. Н. <Роман о Князе и Ростовщике> // Д. Словарь-справочник, 2008. С. 329*). Выказано мнение, что «и ростовщичество гл<авного> героя оказывается *факультативным* (ср. зачеркнутый вариант: «Отец его был ростовщик, а не он» <...>)» (Там же). Однако черновой вариант, отвергнутый автором, не может считаться достаточным аргументом для исключения из заглавия этой характеристики: в дальнейших записях «ростовщик» — устойчивое именование (в том числе с заглавной буквы, т. е. использующееся как имя) главного героя.

Датируется концом 1869—февралем 1870 г. на основании авторской даты («2 февраля / 21 января», см. с. 383) и по связи с набросками повести «Смерть поэта», а также планами «Жития великого грешника» и «Зависти», предвещающей разработку сюжета «Бесов» (см. с. 946—947; ср.: *Тихомиров Б. Н. <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 329*).

Три фрагмента, условно объединенные под названием «<Роман об атеисте (ростовщике)>», представляют собой промежуточное звено между планом «Жития великого грешника» и замыслом романа «Бесы» (вторая половина января—февраль 1870 г.). Начав 8 (20) декабря 1869 г. разрабатывать один из планов «Жития великого грешника» (№ 3, см. выше, с. 388, и ниже, с. 962), Достоевский продолжал заниматься им в январе—феврале 1870 г. Но работа эта, как постепенно убеждался автор, затягивалась; между тем Достоевского мучила мысль о взятом им на себя обязательстве доставить в начале 1870 г. в «Русский вестник» начало романа, тем более что часть денег была взята вперед (см. об этом на с. 959—962). В результате у Достоевского возникла мысль, прежде чем ему удастся приступить к писанию задуманного романа о детстве героя-атеиста («великого грешника»), попробовать написать роман из жизни того же или психологически близкого героя, взятого на одной из более поздних стадий его жизненного пути. Отражением этого замысла являются заметки «Мысль» (№ 1) и «Последняя попытка мысли» (№ 2); к ним по содержанию примыкает ряд записей (№ 3) в той же тетради. В *Акад. ПСС* (Т. 9. С. 123—124) неточно воспроизведена последовательность набросков (записи № 3 опубликованы под № 2, запись «— Я признаю существование матери, но я совершенно не знаю, матерьяльна ли матерья?» отнесена к наброскам «Попытка Идеи», см. с. 383). Часть тетради, в которой находятся указанные материалы, по-видимому, заполнялась в обратном порядке, на что обратила внимание Е. Н. Коншина (*Коншина*. С. 398; ср.: *Тихомиров Б. Н.* <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 331). Вначале сделаны записи на <с. 7 и 8> под заглавием «Мысль» (публикуются под № 1); с обеих сторон от них нет текста: <с. 6> осталась незаполненной, <с. 9> занята пробами пера, каллиграфическими упражнениями и рисунками, <с. 10—11> чистые, на <с. 12> и далее — наброски к «Вечному мужу». Если следовать в обратном порядке, то записи появляются на <с. 5> (публикуются под № 2) и на <с. 1—2> (<с. 4> не заполнена). Указанную запись со <с. 3> «— Я признаю ~ матерья?» следует отнести к наброскам № 1, так как она сделана тем же почерком, чернилами того же оттенка и тематически соотносится с философскими размышлениями героев о Боге и природе в первой части замысла. Остальные записи сделаны более мелким почерком, чернилами серого, а не коричневого оттенка, как в набросках № 1. При этом есть разница в оттенке чернил между записями № 2 и 3. Всё это означает, что заметки, условно объединенные под цифрами 1, 2, 3, появились не одновременно.

В заметке «Мысль» содержится первый вариант сюжетной коллизии будущего романа. Герой его — атеист, как и в задумывавшемся в 1868—1869 гг. «Атеизме» и продолжающем его «Житии великого грешника», но он сразу же является перед читателем взрослым. У атеиста «молоденькая» и «невинная» жена, которая «страшно его боится» и которую он «мучает» (ср. с сюжетом «Кроткой», см.: *Тихоми-*

ров Б. Н. <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 330). Здесь же появляется Хромоножка (ср. с Хроменькой из планов «Жития великого грешника») — прообраз будущей Марьи Тимофеевны Лебядкиной в «Бесах» (Мочульский, 1995. С. 416) и в то же время девочки Матрешки из «Исповеди Ставрогина». Влюбленная в атеиста Хромоножка, изнасилованная и брошенная им (ср. близкие мотивы в «Плане для рассказа (в «Зарю»)» — с. 371—376), становится жертвой беглого каторжника Кулишова (упоминается в планах «Жития великого грешника»; он же — прообраз Федьки Каторжного в «Бесах»; ср. упоминания этой фамилии в набросках «Смерть поэта» — с. 379). Постепенно формируется сложный психологический портрет, кое в чем напоминающий, с одной стороны, будущего Ставрогина («Он думал спастись от отчаяния женитьбой ~ Так жить нельзя, но куда пойти?»), а с другой — героя «Жития» (мечты о «постепенном самосовершенствовании в подвигах Святых»). В плане и приписках к нему фигурирует и Князь, пока еще только как лицо, запутанное в темные махинации и связанное с каторжником-убийцей Кулишовым.

Заметка «Последняя попытка мысли» (№ 2) датирована «2 февраля / 21 января». Эта дата относится к 1870 г., что подтверждается расположенной над ней на той же странице автографа записью дрезденского адреса: «Badergasse 19» (зиму 1868—1869 гг. Достоевский провел во Флоренции). Начало заметки отчасти тематически связано с «Житием великого грешника», где в описании детства героя появляется мотив незаконнорожденности и воспитания на стороне, — в данном случае: «— Рос<товщик> сын первой жены отца из бедного семейства, воспитан *aparté*. (Неродственно)» (см. с. 383). На связь двух замыслов также указывает присутствующий в них мотив «Застрелиться хотел (подкинули младенца)» (ср. с. 384, 407) (см.: Тихомиров Б. Н. <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 330).

В заметке № 2 на первый план выступает Ростовщик. Здесь он назван товарищем Князя по университету (та же характеристика содержится в плане № 3). Характер героя психологически углублен: он — «страстный ростовщик и сребролюбец», но в душе лелеет мысль об «упорном труде для самовоспитания» — труде, в результате которого «полюбишь природу и найдешь Бога». Его поступки противоречивы: «Пост — и вдруг у Максима Иванова» (т. е. в публичном доме). В записях фигурируют также Князь, Красавица, воспитанница («брюхатая Невеста»), ждущая ребенка от Князя (образ, расщепившийся в дальнейшем на Дарью и Марию Шатовых в «Бесах»; ср. более ранний «План для рассказа (в «Зарю»)» на с. 371—376). Изложение оборвано, план развития действия остается неясным, как и развязка намеченного сюжета.

Заметки, печатаемые под № 3, сделаны не в один, а в несколько приемов и соотносятся, как верно отметила Е. Н. Коншина, одновременно с рядом замыслов, обдумывавшихся Достоевским параллельно в конце 1869—начале 1870 гг. (см.: Коншина. С. 396—397). В третьей части записей получают развитие образы и мотивы из планов № 1 и 2.

Повествование начинается фразой «Переменить роман мальчик <a₂>». Слова эти, по-видимому, связаны с обдумыванием плана «Жития великого грешника». Но вслед за этим автор сразу же возвращается к занимающему его новому замыслу. Его герой — Ростовщик — образ, возникающий в «Плане для рассказа (в «Зарю»» (с. 371; см. также план под редакторским названием «<Ростовщик>»,¹ в котором звучит мотив «разочарованного ростовщика»: 5, 358, 606—608) и получающий дальнейшее развитие в «Подростке» (1874—1875) и «Кроткой» (1876). От Ростовщика зависят Князь — по сравнению с заметками № 1 здесь поясняется, что это его бывший товарищ по университету, «завистливый, желающий высокого человеческого достоинства даром, гордый без права на то, лицо страдальческое», — и Невеста, «усталая, тоскующая и скукающая страдальца», жаждущая «живой жизни». Тут же у автора возникает, по-видимому, новая мысль — объединить замысел «<Романа об атеисте (ростовщике)>» с другими — повестью о Картузове (см.: *Акад. ПСС. Т. 11. С. 31—57*) и «Смертью поэта» (см. выше, с. 378—380). В пользу первого предположения говорит заметка «Пересочинить Картузова, графа выгнали — (скандальная дуэль)» и последующее, вторичное, упоминание имени Картузова.² В дальнейшем повесть о Картузове (трансформировавшемся в капитана Лебядкина) стала эпизодом «Бесов». Что же касается намерения автора объединить сюжетные коллизии «<Романа об атеисте (ростовщике)>» со «Смертью поэта», то оно не вызывает сомнений (см. намеченную в плане «блестящую главу»). Намечается развязка, предвосхищающая «Братьев Карамазовых»: второй герой — не Ростовщик, а сын Ростовщика, обвиненный в отцеубийстве (ср.: *Мочульский, 1995. С. 416*; «промежуточным звеном» между этим замыслом и «Братьями Карамазовыми» становится набросок 1874 г. «Драма. В Тобольске...», в котором также есть мотив «осуждения героя за мнимое отцеубийство», см.:

¹ Наброски на <с. 10> рабочей тетради (*РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5*), где находится план, начинающийся записью «— Ростовщик», сделаны в разное время: верхняя часть страницы заполнена чернилами более светлого оттенка, чем нижняя. Записи во второй половине страницы («NB. — Один Граф (Сол<логу>6) ~ дает ему 100 руб. и проч.») совпадают по почерку и цвету чернил с наброском на соседней <с. 9>, относящимся к роману «Идиот» («Генерал всех погубил ~ один Идиот проник любовь», см. выше, с. 147). См. также: *Тихомиров Б. Н.* Был ли у Достоевского неосуществленный замысел под названием «Ростовщик»? // *Неизвестный Достоевский. 2017. № 3. С. 3—15. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1508167445.pdf*

² Граф — персонаж повести о Картузове, соперник главного героя. Мотив «скандальной дуэли» («дуэли без выстрела») перенесен в наброски к «Бесам», а затем получил видоизмененное отражение в окончательном тексте романа в эпизоде дуэли Ставрогина с Гагановым (*Акад. ПСС. Т. 10. С. 223—227*).

Тихомиров Б. Н. <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 330). Затем эта мысль видоизменяется: «Убит не отец, а жена»; «Суд за жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостью. (NB. Даже зная, что другой виноват, а не он)». Здесь в какой-то мере предвосхищено также психологическое состояние Мити Карамазова после обвинения в убийстве отца. Ростовщика в Сибирь собирается сопровождать невеста, увлеченная его отказом от атеизма, жаждой веры и желанием очиститься страданием. Попутно в набросках возникает еще один мотив, отдаленно напоминающий сцены в Мокром в «Братьях Карамазовых»: «— После объяснений с невестой и после искренней и глубокой мысли идет на ночь к Максиму Иванову. Оргия и убийство». Упоминаемый здесь Максим Иванов — содержатель притона в Москве, убивший 8 ноября 1869 г. вместе со своими сообщниками чиновника фон Зона. Имя фон Зона встречается в подготовительных материалах к «Бесам» (Акад. ПСС. Т. 11. С. 67, 78) и в «Братьях Карамазовых» (Там же. Т. 14. С. 81), где оно получило в устах Федора Павловича Карамазова нарицательное значение. Убийство фон Зона широко обсуждалось русскими газетами в конце 1869—начале 1870 гг. (см.: Гроссман, Семинский. С. 66—67 (примеч. А. Г. Достоевской); Гроссман, Жизнь и труды. С. 187). О Максиме Иванове говорится также в записях к «Бесам» в связи с нечаевским делом: «В мутной воде и рыбу ловить. Максим Иванов пристанет, солдат пристанет. А тут смелость поступков наших, наша смелость пропаганды. Рациональный материальный закон нравственности. Кто сильно верует в себя, того все уважают. Надо удивить толпу смелостью. Все Максимы Ивановы за нами пойдут» (Акад. ПСС. Т. 11. С. 148—149). Упоминание имени Максима Иванова, как и введение материала «Смерти поэта», подтверждает дополнительно, что «<Роман об атеисте (ростовщике)>» обдумывался не ранее конца 1869 г.

Последнее лицо, возникающее в конце заметок, — учитель — отдаленный прообраз Шатова в «Бесах». Такой же персонаж встречается в «Зависти» и в позднейших заметках к «Бесам», где он приобретает сперва имя Голубова, а затем Шатова (см. об этом: Там же. Т. 11. С. 96, 113—119, 121, 123, 126, 128, 130—135, 191; Т. 12. С. 179—183).

На развитие сюжетной коллизии, как и на состав основных действующих лиц планов № 2 и 3 (Князь, Красавица, воспитанница, учитель), повлияло параллельное появление в январе—феврале 1870 г. записей под заголовком «Зависть»,¹ непосредственно предваряющих

¹ На это указывает хронология, установленная исследователями: набросок «Последняя попытка мысли» датирован автором «2 февраля / 21 января», т. е. появился параллельно записям к замыслу «Зависть» на финальном этапе его разработки, так как «Зависть» «по времени, по-видимому, предшествовала заметке „Т. Н. Грановский“, помеченной 22

замысел «Бесов». В «Бесах» осуществлена мысль о сюжетном объединении мотивов «<Романа об атеисте (ростовщике)>» и повести о Картузове, отраженная в заметках № 3. Образ же умирающего поэта, намеченный в планах повести «Смерть поэта» и вошедший в «<Роман об атеисте (ростовщике)>», слился в процессе работы над «Бесами» с образом Грановского, сыграв определенную роль в подготовке глав, посвященных последним дням жизни Степана Трофимовича Верховенского.

С. 383. *Мысль о постепенном самосовершенствовании в подвигах Святых...* — Интересу Достоевского к агиографии, наиболее полно отразившемуся в романном творчестве, способствовали исторические обстоятельства: в 1860-е годы появляются публикации¹ и исследования² памятников древнерусской литературы и фольклора, тема достаточно широко представлена в литературных журналах («Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник» и др.). Внимание к древнерусской культуре в это время обусловлено тем, что в ней «стали искать отражение народного сознания, начала русской „народности“».³ Жития святых имели особое значение для писателя, в том числе в связи с разработкой образа великого грешника не только в черновом замысле, но и в романном творчестве. В библиотеке Достоевского имелись жизнеописания святых (см.: *Избранные жития; Библиотека*. С. 121). См. также ниже, с. 970—971.

С. 383. *Мельники*. — Повторяющаяся каллиграфическая пропись на странице, основную часть которой занимает набросок к «Житию великого грешника» (запись «Подпольная идея для „Русского вестника“»). Каллиграфия не совпадает по оттенку чернил с основным текстом и ближе по этой характеристике к планам № 1 замысла «<Романа об атеисте (ростовщике)>» и к каллиграфическим прописям на соседней <с. 2>, среди которых есть слово «поэт». По-види-

января (3 февраля) 1870 г.» (*Акад. ПСС*. Т. 12. С. 163; см. также: *Тихомиров Б. Н.* <Роман о Князе и Ростовщике>. С. 330—331).

¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко / Ред. Н. И. Костомаров. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4; Памятники отреченной русской литературы / Изд. Н. Тихонравова. СПб.; М., 1863. Т. 1—2; Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым / Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1860; Калеки переходящие: Сб. стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1863. Ч. 1—2.

² *Буслав Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1—2; *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, и др.

³ *Истомина Т. Б.* Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в его связях с древнерусской литературой: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1976. С. 4.

тому, слово «мельники» относится к карточной терминологии и обозначает «карточную игру со взятками, которые снова разыгрываются» (*Даль*. Т. 2. С. 318). Игра в мельники упоминается в романе «Идиот» (8, 551).

С. 383. [*Магомет*]. — Каллиграфическая пропись на той же странице тетради, где находится слово «Мельники». Имя основателя мусульманства — Мухаммеда. В период царствования Екатерины II под влиянием французского языка утвердился вариант «Магомет», который встречается в сочинениях Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, В. И. Майкова, А. Н. Радищева, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и др. (*Подосокорский Н. Н.* Об аналогии «Наполеон—Магомет» в романе «Преступление и наказание» // *Достоевский и современность*. Чт. 21 (2006). 2007. С. 234—235). В текстах Достоевского встречаются оба варианта: первый — в «Двойнике» (см.: 1, 158, 183, 741—742), второй — в романном «пятикнижии»: «Преступлении и наказании» (6, 222, 226; 7, 497, 502), «Идиоте» (8, 209), «Бесах» (*Акад. ПСС*. Т. 10. С. 451; Т. 12. С. 58, 318), черновых рукописях «Подростка» (Там же. Т. 16. С. 257; см. также печатный текст романа: Т. 13. С. 175 — и коммент. к данному месту: Т. 17. С. 379), «Братьях Карамазовых» (Там же. Т. 14. С. 121) и в ДП 1877 г. (Там же. Т. 25. С. 168). В романе «Преступление и наказание» Магомет поставлен в один ряд с «законодателями и установителями человечества» (Ликург, Солон, Наполеон) (6, 222). Среди каллиграфических прописей на странице с именем «Магомет» упомянут и Юлий Цезарь («Julius Cesaг»). В романе «Идиот» образ Магомета возникает в контексте автобиографического для Достоевского мотива «священной болезни» (эпилепсии), которой страдает князь Мышкин, см. выше, с. 767; *Алексеев П. В.* Ф. М. Достоевский и кувшин Магомета // *Имагология и компаративистика* (Imagology and Comparative Studies): Научно-практический журнал. 2017. № 7. С. 126—141.

С. 385. Лизав<ета> Кузьмини<чна> Щиоров<ская>. — В *Акад. ПСС* фамилия не прочитана: «Лизав<ета> Кузьминич<на>?» и «1 нрзб.>» (Т. 9. С. 123). В публикации Е. Н. Коншиной неточный и неполный вариант: «1) Лизав. [неразобранное слово] Щуров <?>» (*Коншина*. С. 38). Позднее те же имя и отчество без указания фамилии появляются в записях «Козлову» 1875 г. («Дрезденская Мадонна, Лизав<ета> Кузьминишна») (*Акад. ПСС*. Т. 17. С. 6) и «Лизавета Кузьминична и Дрезденская Мадонна» конца 1875—первой половины 1876 г. (среди набросков к ДП за март 1876 г., см.: Там же. Т. 24. С. 158). По предположению Г. М. Фридендера, Лизавета Кузьминична — это «дрезденская знакомая Достоевских (возможно, их служанка или няня Л. Ф. Достоевской)» (1988. Т. 10. С. 425). В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» запись из комментируемых набросков соотнесена с другим лицом — дочерью старшего лекаря Марининской больницы К. А. Щиоровского Лизаветой Кузьминичной, бывавшей у Достоевских вместе с женой и свояченицей К. А. Щиоровского, о чем впоследствии вспоминал А. М. Досто-

евский: «Эти три личности очень часто бывали у маменьки по утрам на чашку кофе; придут, бывало, часу в 11 утра и просидят до 1 часу. Предметами разговора были цены на говядину, телятину, рафинад и т. п., а далее про ситцы и другие материи и про покррой платьев <...> Маменька в свою очередь часто хаживала на такую же чашку кофе к Щиrowsким и каждый раз брала меня с собою. Прием и беседы были те же самые. Лизавете Кузьминичне было уже лет под 40 и она нюхала табак» (*Достоевский А. М., 1992. С. 39—40; Летопись. Т. 1. С. 18*).

Упоминание Щиrowsкой в замысле «<Романа об атеисте (ростовщике)>» и позднейшие записи о Лизавете Кузьминичне и Дрезденской Мадонне тематически связаны и, вероятнее всего, посвящены одному лицу¹ — как следствие личных ассоциаций Достоевского, касающихся восприятия образа Мадонны. Лакоичная характеристика, данная Щиrowsкой А. М. Достоевским («пожилая уже дочь», «уже лет под 40»), не способствует пониманию этих ассоциаций; оценки в адрес Щиrowsкой, которые бы принадлежали самому писателю, не известны. Единственная ассоциация, касающаяся восприятия внешности и отнесенная к литературному образу, а не к реальному лицу, появляется в романе «Идиот» — это слова князя Мышкина, обращенные к старшей дочери Епанчиных: «У вас, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, может быть, у вас есть какая-нибудь тайная грусть; душа у вас, без сомнения, добрейшая, но вы не веселы. У вас какой-то особенный оттенок в лице, похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене» (8, 72—73). Возможно, в указанных позднейших записях о Лизавете Кузьминичне «имеется в виду не „Сикстинская мадонна“ Рафаэля, а дрезденская копия с картины Г. Гольбейна Младшего „Мадонна с семьей бюргермейстера Я. Мейера“, упоминаемая в романе „Идиот“» (1988. Т. 10. С. 425).

С. 386. *Ростовщик говорит невесте: «Бросить имение... — Аллюзия на евангельский текст, ср.: «Продавайте имения свои и давайте милостыню <...>» (Лк. 12:33). См.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 175; Т. 2. С. 161, 451—452.*

С. 386. — *Тогда он, не веря, в награду если пойдет (ибо атеист)... — Библейская аллюзия, ср.: «Нечестивый делает дело ненадежное, а сеющему правду — награда верная» (Притч. 11:18), «...Мое право у Господа, и награда Моя у Бога Моего» (Ис. 49:4), «Радуйтесь и веселитесь; ибо велика вам награда на небесах. Так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:12; см. также: Лк. 6:23, 35; 1 Кор. 9:18). Ср.: Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 8, 149, 150, 448; Т. 2. С. 161, 451—452.*

¹ На это указывает и тот факт, что замысел «<Романа об атеисте (ростовщике)>» возник именно в Дрездене — см.: *Загидулина М. В. «Козлову» // Д, Словарь-справочник, 2008. С. 307.*

ИДЕЯ РОМАНА

(С. 387)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 54. См.: *Описание*. С. 126.

Впервые опубликовано: *Коншина*. С. 78—79; перепечатано: *Мочульский*, 1995. С. 561.

В *Акад. ПСС* опубликовано под заголовком «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЫСЛЬ. ИМЕТЬ В ВИДУ» (Т. 12. С. 5). Эта заметка помещена в настоящий том на основании хронологической и тематической близости к другим публикуемым в нем незавершенным замыслам. Название заметки изменено, так как указанные слова не являются заголовком: это позднейшая авторская пометка к основному тексту записи, сделанная чернилами другого оттенка на верхнем поле страницы.

Запись датирована 16 (28) февраля 1870 г. «Идея романа» возникла в период, когда обдумывались планы первой части «Жития великого грешника» и начиналась работа над «Бесами». В наброске обобщены наблюдения Достоевского над современными писателю литературными кругами, в какой-то мере находят отражение его представления о себе самом и о состоянии тогдашней беллетристики. Авторская оценка сюжета («великолепная мысль», «тема богатая») свидетельствует «об увлеченности Д<остоевского> темой „утраченного таланта”» (*Загидуллина М. В.* «Великолепная мысль. Иметь в виду. Идея романа. Романист...» // *Д. Словарь-справочник*, 2008. С. 287), ранее представленной в «Неточке Незвановой» в образе Ефимова (см.: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979. С. 8, 176—177). Герой наброска, кроме того, напоминает Фому Опискина из романа «Село Степанчиково и его обитатели» такими характеристиками, как «назидание детям», «самоумаление, в глубине души высокое сомнение» (*Загидуллина М. В.* «Великолепная мысль. Иметь в виду. Идея романа. Романист...». С. 287). Л. М. Розенблюм находит в наброске прообраз идеи будущего ДП: «Достоевский убежден в своей способности и даже предназначенности сказать новое слово в литературе. Помешать этому могут лишь тяжелая болезнь (припадки) и постоянная, мучительная материальная необеспеченность. С мысли о такой трагической ситуации, о несчастной судьбе всеми покинутого, непризнанного писателя, который так и не успел сказать самого главного, начинается запись. Собственная жизнь представляется Достоевскому богатым материалом для нового произведения. Одновременно он жаждет разъяснить юному поколению свои общественные и литературные взгляды. <...> Намерение это через несколько лет осуществилось в „Дневнике писателя” <...>» (*Розенблюм*, 1981. С. 47).

Автобиографическая черта в характеристике «романиста» — припадки эпилепсии. Как раз в январе—феврале 1870 г., судя по записям

в рабочей тетради, Достоевский страдал от усилившихся приступов болезни (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*. С. 187—188). Из мучительных обстоятельств собственной писательской жизни отнесено к «романисту» и то, что он « всю жизнь писал на заказ ». А. Г. Достоевская, отводя от Достоевского традиционные в критике упреки в том, что он недостаточно отделял стиль своих произведений, в воспоминаниях пишет: « И редко кому приходит в голову припомнить и взвесить те обстоятельства, при которых жили и работали другие писатели и при которых жил и работал мой муж. Почти все они (Толстой, Тургенев, Гончаров) были люди здоровые и обеспеченные и имевшие полную возможность обдумывать и отделять свои произведения. Федор же Михайлович страдал двумя тяжкими болезнями, был обременен большою семьею, долгами и занят тяжелыми мыслями о завтрашнем дне, о насущном хлебе » (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 266). И далее, говоря о том, что Достоевский сам часто уже после опубликования того или иного произведения замечал в нем отдельные недостатки и его охватывала « истинная скорбь, скорбь художника, увидевшего ясно, в чем он ошибался, и не имеющего возможности исправить ошибку », А. Г. Достоевская поясняет: « Да, к несчастью, никогда не представлялось ему такой возможности: нужны были деньги для житья, для уплаты долгов, а потому приходилось, несмотря на болезнь, иногда на другой день после припадка, работать, торопиться, еле просматривать рукопись, только чтоб она была отослана к сроку и за нее можно было бы поскорее получить деньги » (Там же).

С И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, А. Н. Плещеевым Достоевский был знаком еще с 1840-х годов, причем по разным причинам отношения между ним и этими писателями, так же как и с М. Е. Салтыковым-Щедринным, были сложны: наряду с постоянным взаимным интересом друг к другу возникали периоды идеологической и творческой полемики, охлаждения (это можно сказать даже о дружбе с А. Н. Плещеевым, который как участник собраний петрашевцев стоял 22 декабря 1849 г. рядом с Достоевским на Семеновском плацу, позднее же был связан с журналами « Современник » и « Отечественные записки »). Писатели эти, а также Л. Н. Толстой и И. С. Аксаков (как и во многих письмах Достоевского, где он говорит о себе), противопоставлены в данном наброске впадшему в нищету « романисту », вследствие того что они пользуются большей материальной обеспеченностью и независимым положением, что обуславливает и отличие их мироощущения.

Высказывает « романист » и близкое к авторскому суждение об А. Ф. Писемском. В черновиках к « Идиоту » Достоевский записал: « Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность, 1000 душ, пророчества — фантасти < чeskая > действит < ельность >. Может быть, в Идеале человек еще более действит < елен > » (см. с. 301, 518—519). Ранее, сразу после выхода « Тысячи душ », Достоевский в письме к брату Михаилу от 31 мая 1858 г. также критически отозвался об этом романе: « Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность, и хотя

золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, созданный, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад» (*Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 312; см. также: *Розенблюм, 1981*. С. 48).

С. 387. ...(*ниже всех будто бы; в результате же выше всех*). — В Евангелии от Иоанна эпитет «выше всех» является обозначением божественности Христа: «Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от сего мира, Я не от сего мира» (Ин. 8:23, стих отчеркнут карандашом и отмечен знаком «NB»), ср.: «Приходящий свыше и есть выше всех: а сущий от земли, земной и есть, и говорит как сущий от земли: приходящий с небеси есть выше всех» (Ин. 3:31). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 239, 221. Определение относится к характеристике художественного типа — героя, отличающегося гордыней, — представленного в различных творческих замыслах — набросках «Страстные и бурные порывы»: «Страстные и бурные порывы, клокотание и вверх и вниз» (см.: 7, 5), заметках к роману «Идиот»: «Страсти у идиота сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение», «то смирен и послушен, то вдруг взбунтуется» (с. 110—111), к «Житию великого грешника»: «После Монастыря и Тихона велик<ий> грешник с тем и выходит вновь на свет, чтоб быть величайшим из людей. Он уверен, что он будет величайшим из людей. Он так и ведет себя: он гордейший из всех гордецов и с величайшею надменностью относится к людям. <...> Вдруг юношество и разврат. Подвиг и страшные Злодейства. Самоотвержение. Безумная гордость» (с. 406).

С. 387. Как его ~ и М<айко>вы <з> считают за ничто. — Существуют два варианта расшифровки фамилии. В *Акад. ПСС* высказано предположение о том, что имеется в виду семья «критика, историка литературы и педагога А. П. Милюкова (1817—1897)», с которым Достоевский был «в приятельских отношениях с 1840-х годов, но в 1867 году, в связи с перипетиями личной жизни Милюкова, его деспотизмом по отношению к дочери, писатель отзывался о нем иронически» (Т. 12. С. 366); см. письма Достоевского к Э. Ф. Достоевской от 1 (13) июня, 16 (28) сентября и 11 (23) октября 1867 г. (Там же. Т. 28. Кн. 2. С. 202, 219, 233, 437—438, 447, 453). В *Акад. ПСС* отмечено также, что во время пребывания за границей в 1867—1871 гг. Достоевский получал от Э. Ф. Достоевской и Н. Н. Страхова «неблагоприятные известия о Милюкове» (в частности, в письме от 1 (13) сентября 1869 г. Страхов сообщал о публикации Милюковым в «Сыне отечества» «весьма гнусных отзывов о „Заре“» — *Д. Письма*. Т. 2. С. 457). Приводится, кроме того, оценка из письма Достоевского Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г., прозвучавшая в ответ на сообщение последнего «о пренебрежительном отношении Милюкова к Л. Н. Толстому»: «Неужели Милюков уже до такого предела доходит?» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 114). Указано на изображение

Милюкова в «Бесах» в образе Липутина (Там же. Т. 12. С. 209, 218, 328, в коммент. на с. 367 ошибочно приведена фамилия Виргинского, а не Липутина). См. также: Мочульский, 1995. С. 561.

Л. М. Розенблюм предложила вариант «<Майковы?>» без объяснения расшифровки (Розенблюм, 1981. С. 46). Для такого прочтения текста есть несколько оснований. Во-первых, в наброске речь идет о представителе фамилии, а не об одном человеке (используется множественное число), во-вторых, фамилия поставлена в один ряд с женами и детьми: «Как его и дети, и жены, и М—вы считают за ничто», — то есть из контекста следует, что имеются в виду родственники и близкие люди. Милюков и его семейство отчасти соответствуют этим определениям: с писателем их связывало многолетнее знакомство, в 1860 г. Милюков приглашал Достоевского быть крестным своего сына, получив согласие. Однако не известно ни одно письмо Достоевского Милюкову, которое было бы написано в период пребывания писателя за границей, что свидетельствует о редкости контактов; отрицательные отзывы кого-либо из семьи Милюковых о Достоевском также не известны. Иначе обстоит дело с А. Н. Майковым, с которым Достоевского связывали дружеские отношения, а в заграничный период, в конце 1860—начале 1870-х гг., — постоянная переписка. Именно в письмах к Майкову Достоевский нередко делится своими творческими замыслами, что указывает на определенную степень близости и доверия к адресату. При этом сохранились критические отзывы Майкова о Достоевском, высказанные в письмах к жене А. И. Майковой в 1879 г., которые, помимо прочего, раскрывают довольно личный характер обсуждения Достоевских Майковыми в семейном кругу: «...Анна Григорьевна, я думаю, рада тебе помочь и похлопотать, но Федор Михайлович всё это готов в идее сделать, а на практике и оскорбит, и обидит, и рассердит, это уж такой человек. Он в вечной лихорадке и сам нуждается в уходе за собой от всех близких ему людей, которые в состоянии оценить и высоту его понятий, и высоту его таланта. Это уж я тебе много раз говорил, и опять напоминаю на случай, если выйдет вдруг такая минута» (письмо от 26 мая 1879 г. — ЛН. Т. 86. С. 482—483); «...Что же это такое, наконец, что тебе говорила Анна Григорьевна, что ты писать не хочешь? Что муж ее мучителен, в этом нет сомнения, — невозможностью своего характера, — это не новое, грубым проявлением любви, ревности, всяческих требований, смотря по минутной фантазии, — всё это не ново. Что же так могло тебя поразить и потрясти? Не могу понять, хотя, признаюсь, часто у меня вопрос рождался, что они оба не по себе, т. е. не в своем уме, и где у них действительность, где фантазия — отличить трудно. Федор Михайлович, например, такие исторические факты приводит иногда, что ясно, что он их разве что видел во сне — например, что Петр Великий сам выкалывал глаза младенцам. Это он говорит или говорил серьезно, может быть, после и забыл. Насчет расточаемого им титула дураков — ключ вот какой: всё, что не есть крайний славянофил, тот дурак. Словом, он в своей логике такой же абстракт, как и все головные натуры, как и нигилисты, такой же беспо-

щадный деспот, судящий не по разуму жизни, а в силу отвлеченного понятия. С твоим мнением о „Карамазовых“ согласен вполне» (после 22 июня 1879 г. — Там же. С. 485; ср.: *Акад. ПСС*. Т. 18. С. 194).¹ Из содержания приведенных отзывов («Это уж я тебе много раз говорил, и опять напоминаю», «всё это не ново») следует, что Майков еще раз выразил сложившееся мнение. Возможно, Достоевский, высказываясь таким образом о родственных, близких людях в наброске 1870 г. («считают за ничто»), в какой-то степени предчувствовал проявившееся к нему отношение.

С. 387. ...поругался с С<алтыковы>м. — Идейные расхождения «почвенника» Достоевского с М. Е. Салтыковым-Щедринным как одним из руководителей «Современника» резко обозначились к 1862—1863 гг. и отразились в ряде полемических выступлений писателей друг против друга (см. статьи Достоевского «Опять молодое перо», «Г-н Щедрин, или Раскол в нигилистах» и др. и коммент. к ним — *Акад. ПСС*. Т. 18—19).

С. 387. ...водевиль французский, который выдают нам за русский реализм. — Критика подражательности русской драмы, ориен-

¹ Ср.: «18 июня <1879 г.> Майков писал жене о „Братьях Карамазовых“: „Насчет романа Федора Михайловича и я согласен с тобою. Не знаю, куда всё приведет, но пока ни зги впотьмах не видно...”» (*ЛН*. Т. 86. С. 485). Ср. с позднейшими приветственными отзывами в письме сыновьям Владимиру и Аполлону от 26 ноября 1892 г.: «Неужели вы только теперь дошли до „Карамазовых”? Жалею, что у меня уж потускло впечатление отдельных сцен, осталось только общее — напр<имер>, первая встреча и разговор Катерины Ив<ановны> с Карамазовым, Зосима, Вел<икий> инквизитор, разгул в последней части. Одно там меня бесило — это дети, маленькие Федоры Мих<айлови>чи. Во всяком случае произведение грандиозное. Ваши заметки тем более для меня интересны, что вы — потомство. А читали ли „Преступление и наказ<ание>”? „Бесы”? Если нет, то еще интересного найдете много. Все-таки Дос<тоевск>ий — писатель с высоким идеалом, отсутствие которого делает нынешнюю литературу — пустынею, хотя у Чеховых, Успенских и пр. язык действующ<их> лиц натуральнее, живописнее. Но что все сии дары — без идеала? Материал — без художника. Увы! во всем оскудение духа!..» (Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском: (Публикация И. Г. Ямпольского) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 4. С. 280—281); в письме сыну Аполлону от 10 июля 1893 г.: «Достоевский тоже ужасен иногда в изображении язв — но чувствуешь в душе автора высокий идеал, и содрогаясь от сцен, чувствуешь великую, христианскую высоту точки зрения автора. В мерзавцах и злодеях его чувствуешь уклонение от идеала — что чувствуют и эти его мерзавцы. Он мучит, но примиряет — и учит. Золя — талант, выросший на почве грубейшего, одностороннего, не сомневающегося материализма. Достоевского корни — в христианском учении...» (Там же. С. 281).

тированной на французский водевиль, и обоснование идей реализма звучали в статье В. Г. Белинского «Александринский театр» (в сб.: Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. СПб., 1845. Ч. 2. С. 5—80): «Русские переделки с французского особенно в большом ходу: большая часть современного репертуара состоит из них. Причина их размножения очевидна: публика требует пьес оригинальных, требует на сцене русской жизни, быта русского общества. Наши доморожденные драматурги на выдумки бедненьки, на сюжетцы не изобретательны: что ж тут остается делать? <...> Как те, так и другие и знать не хотят, что драма, какая бы она ни была, а тем более драма из современного общества, прежде всего и больше всего должна быть верным зеркалом жизни современного общества. <...> И как дивиться, что петербургские артисты <...> не знают надлежащей манеры для ролей, созданных Гоголем: они привыкли к ролям водевильным, в которых нет оригинальности, нет жизни, нет правдоподобия и истины, нет характеров, к ролям кукольным, марионеточным?..» (Белинский. Т. 8. С. 544—545, 552; см. также: Лотман Л. М. Драматургия тридцатых—сороковых годов [XIX в.] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.; Л., 1955. Т. 7. С. 627—628). Сравнение творчества А. Ф. Писемского с французским водевилем в указанном наброске, а также цитированный отзыв Достоевского о романе «Тысячи душ» выражают сходную мысль — об отсутствии художественной оригинальности произведений современных «реалистов».

С. 387. ...поэтическое представление вроде Сна Обломова о Христе... — Главу «Сон Обломова» (из романа И. А. Гончарова «Обломов») Достоевский встретил с восхищением еще в 1849 г., когда она впервые была опубликована (см.: Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский в воспоминаниях, 1990. Т. 1. С. 238; Акад. ПСС. Т. 22. С. 105, ДП за 1876 г., апрель, гл. I, § 2). В черновиках «Преступления и наказания» намечался сон героя о Христе по образцу «Сна Обломова» (7, 211, 786). Подобная же идея развивалась и в «Плане для рассказа в „Зарю“» (с. 373). См. также: Розенблюм, 1981. С. 48—51.

ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА

(С. 387)

Источники текста

Печатается по черновым автографам: № 1 — РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 131; № 2 — РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 3; № 3—5 — РГБ. Ф. 93. 1. 1. 4. С. 6—9, 11—20, 22—23, 70—71 (в трех рабочих тетрадах, содержащих также черновые записи к «Идиоту», «Вечному мужу», «Бесам» и др.); см.: Описание. С. 30, 124, 126—127.

Впервые опубликовано: № 1 — Сакулин, Бельчиков. С. 155 (в составе рукописей романа «Идиот»¹); Описание. С. 124; № 2 — Коншина. С. 39; № 3—5 — Творчество Достоевского, 1921. С. 7—11 (с пропусками, Л. П. Гроссманом); Документы по истории литературы и общественности. М., 1922. Вып. 1. Ф. М. Достоевский. С. 63—77 (более полно, Н. Л. Бродским); Коншина. С. 96—108, 160—161 (полностью).

Датируется периодом с 19 (31) июля 1869 г. по 3 (15) мая 1870 г. на основании имеющихся в рукописи авторских дат.

1

Еще не успев завершить работу над четвертой частью «Идиота», 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский писал из Флоренции А. Н. Майкову: «Здесь же у меня на уме теперь 1) Огромный роман, название ему „Атеизм“ (ради Бога, между нами), но прежде чем приняться за который мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных. Он поспеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше как через два года. Лицо есть: Русский человек, нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — вдруг, уже в летах, теряет веру в Бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колен не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая; глубокое чувство, человек и русский человек.) Потеря веры в Бога действует на него колоссально. (Собственно действие в романе, обстановка — очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога. (Ради Бога, не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хошь бы и умереть — весь выскажусь)» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 329).

Сообщая Майкову о новом своем «огромном» замысле, писатель тут же оговаривался, что приступить к осуществлению его сможет лишь после того, как освободится от долгов и будет иметь хотя бы необходимые средства для жизни. «„Атеизм“ на продажу не потащу (а о католицизме и об иезуите у меня есть что сказать сравнительно с пра-

¹ С примечанием: «Может быть, вся эта запись под 31 июля и не относится к „Идиоту“. Да и дата ее плохо вяжется с хронологией предыдущих заметок. В тетрадях Достоевского на одной странице иногда попадают разновременные записи» (Сакулин, Бельчиков. С. 155). В Летописи набросок отнесен к замыслу романа «Атеизм»: «<1869> Июля 19 (31). Первая запись (с пометой «Флоренция») к неосуществленному замыслу „Атеизма“ с проектом начала жизнеописания героя <...>» (Т. 2. С. 213).

вославием)», — замечал он (Там же). До того как углубиться в работу над «Атеизмом», Достоевский считал нужным осуществить отдельное издание «Идиота» и написать «большую повесть», «идея» которой, как он писал Майкову, была у него готова (Достоевский мог иметь в виду роман «Брак» — 5, 357—358, 605—606, или, что более вероятно, один из замыслов, отраженных в заметках, которые напечатаны выше, на с. 381—386). Лишь подготовив таким образом на время необходимые условия для спокойного, сосредоточенного труда, Достоевский рассчитывал взяться за писание «Атеизма».

К изложению того же проекта — и в связи с этим к теме финансовых затруднений — Достоевский вернулся в письме к С. А. Ивановой из Флоренции от 25 января (6 февраля) 1869 г., через неделю после окончания и отсылки в Россию последних двух глав «Идиота»: «Теперь у меня в голове мысль огромного романа, который во всяком случае, даже и при неудаче своей должен иметь эффект, — собственно по своей теме. Тема — *Атеизм*. (Это не обличение современных убеждений, это другое и — поэма настоящая.) Это поневоле должно завлечь читателя. Требуется большого изучения предварительно. Два-три лица ужасно хорошо сложились у меня в голове, между прочим католического энтузиаста священника (вроде St. François Xavier¹)» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 11).

Но — указывает здесь же Достоевский — мысль его могла быть осуществлена только после возвращения в Россию, так как для этого были нужны свежие впечатления русской жизни. Между тем долги и запутанные денежные обстоятельства приковывали писателя кграничному существованию и заставляли искать другой, срочной, работы: «Но написать его («Атеизм». — Ред.) здесь нет возможности. Вот это я продам 2-м изданием и выручу много; но когда? Через 2 года. (Впрочем, не передавайте тему никому.) Придется писать другое покамест, чтоб существовать. Всё это скверно. Надо, чтоб обернулись обстоятельства иначе. А как они обернутся?» (Там же). Излагая другие свои литературные идеи (проекты журнала типа будущего ДП — «ежегодной огромной и полезной и необходимой настольной для всех книги, листов в шестьдесят печатных»), Достоевский в заключение писал: «Но все-таки главная из них — мой будущий большой роман. Если я не напишу его, то он меня замучает. Но здесь писать невозможно. А возвратиться, не уплатив по крайней мере 4000, и не имея 3000 для себя на первый год (итого 7000), невозможно» (Там же. С. 12).

Писатель вернулся к характеристике «Атеизма» еще раз в письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г.² Замечая здесь, что его цель

¹ Имеется в виду св. Франциск Ксаверий (1506—1552), один из основателей ордена иезуитов Игнатия Лойолы, христианский миссионер, проповедник католицизма на Востоке, канонизированный католической церковью.

² Несколько раньше, в письме к Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г., Достоевский упоминал, что у него есть «три идеи», в

«не в достижении славы и денег, а в достижении выполнения синтеза моей художественной и поэтической идеи, т. е. в желании высказаться в чем-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру», Достоевский писал: «Ну вот я и задумал теперь одну мысль, в форме романа. Роман этот называется „Атеизм“; мне кажется, я весь выскажусь в нем. И представьте же, друг мой: писать его здесь я не могу; для этого мне нужно быть в России непременно, видеть, слышать и в русской жизни участвовать непосредственно; надо наконец писать его два года. Здесь же я этого не могу и потому должен писать другое» (Там же. С. 24). В последний раз об «Атеизме» из дошедших до нас писем говорится в письме Достоевского к А. Н. Майкову из Флоренции от 15 (27) мая 1869 г.: «Писал я Вам или нет о том, что у меня есть одна литературная мысль (роман, притча об Атеизме), пред которой вся моя прежняя, литературная карьера — была только дрянь и введение и которой я всю мою жизнь будущую посвящаю? Ну так мне ведь нельзя писать ее здесь; никак; непременно надо быть в России. Без России не напишешь» (Там же. С. 44).

Достоевский с женой выехали из Флоренции в Прагу 3 августа н. ст. 1869 г. Невыносимая жара, стоявшая в это время во Флоренции, на которую писатель жаловался в письмах к Н. Н. Страхову от 14 (26) августа и к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г., и хлопоты, связанные с беременностью жены, мешали Достоевскому в это время приняться за новую литературную работу. Однако заметка № 1 свидетельствует, что еще до отъезда из Флоренции замысел, изложенный в цитированных письмах Достоевского, претерпел изменения.

Названная заметка находится в тетради Достоевского с записями к «Идиоту» и датирована «31-е июля. Флоренция». Ввиду нахождения ее среди подготовительных материалов к «Идиоту» в Описании (С. 124) она датирована, как и вся эта тетрадь, 1868 г. Но в июле 1868 г. Достоевский жил в Швейцарии, в Веве, а не во Флоренции. 31 же июля ст. ст. 1869 г. (т. е. 12 августа н. ст.) он находился в Праге или на пути в Дрезден.¹ Таким образом, интересующая нас запись могла

том числе «большой роман» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 20), который он собирается предложить редакции «Русского вестника».

¹ Сохранились следующие сведения о переезде семьи в указанное время. В одной из записей Достоевского о припадках, произошедших в 1869 г., говорится: «10-го августа припадок в Праге, дорогою» (Акад. ПСС. Т. 27. С. 100). А. Г. Достоевская сообщала: «Чтоб остаться в Праге, приходилось нанимать квартиру, платить за полгода вперед и, кроме того, обзаводиться мебелью и всем хозяйством. Это было нам не по средствам, и после трехдневных поисков мы, к большому нашему сожалению, должны были оставить Золотую Прагу, которая нам успела за эти дни очень понравиться. Так рушились мечты моего мужа завязать сношения с деятелями славянского мира. Нам ничего не оставалось более, как основаться в Дрездене, условия жизни в котором нам были извест-

быть сделана лишь 19 (31) июля 1869 г. Возможно, что другие рабочие тетради, которыми писатель пользовался в 1869 г., к этому времени были, в связи с подготовкой к переезду из Флоренции, упакованы, и это заставило его воспользоваться для работы более ранней тетрадью.

Содержание записи № 1 («Детство. Дети и отцы, интрига, заговоры детей, поступление в пансион и проч.») дает основание полагать, что к июлю 1869 г. у Достоевского возникла мысль осуществить замысел, изложенный им зимой 1868 и весной 1869 г. в письмах к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой под названием «Атеизм», не в одном романе, а в цикле из нескольких романов или повестей. Планом первого из них, который писатель на этой стадии обозначил для себя как «Детство»,¹ и является, по-видимому, заметка № 1.²

Причины и существо тех изменений, которые планы Достоевского претерпели к лету 1869 г., помогает понять письмо к Н. Н. Страхову от 18 (30) марта. Писатель сообщает здесь, что, поскольку он не получил денег от редакции «Зари», с которой при посредстве Страхова вел переговоры, ему «теперь» «выгоднее сесть, и сесть как можно скорее, за роман на будущий год, в „Русский вестник“ <...>» (Там же. С. 32). Так как замысла романа «Бесы», который в конце концов и был отдан Достоевским М. Н. Каткову, еще не существовало, приходится предположить, что роман о детстве героя-«атеиста», выделившийся из прежнего, более обширного замысла и являвшийся в это время, в глазах автора, первым подступом к нему, как раз и предназначался в это время Достоевским для «Русского вестника». Это предположение подтверждают последующие письма, относящиеся к осенним и зимним месяцам 1869 г., а также набросок, печатаемый под № 2 и по содержанию являющийся развитием плана № 1.

После переезда Достоевского в Дрезден название «Атеизм» исчезает из его писем. До рождения дочери 14 (26) сентября 1869 г. у писателя не было времени для работы, после же этого он был вынужден заняться писанием «Вечного мужа» (см. выше, с. 876). Лишь один раз в осенних письмах 1869 г., а именно в письме к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября), Достоевский упоминает о прежнем, до-

ны. И вот в начале августа мы приехали в Дрезден <...>» (Достоевская А. Г., *Воспоминания*, 2015. С. 239—240). В письмах от 14 (26) августа А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову Достоевский указал, что он «только 10 дней в Дрездене» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 49, 50, 53). Следовательно, в Дрезден Достоевские прибыли около 16 августа н. ст. Ср.: *Летопись*. Т. 2. С. 215.

¹ По примеру Л. Н. Толстого, своеобразная полемика с которым входила, как видно из позднейших записей, в замысел нового произведения Достоевского.

² Выказано также мнение о том, что запись № 1 отражает замысел, «который первоначально существовал в творческом сознании Достоевского как вполне самостоятельный» (Тихомиров, *ЖВГ*. С. 439).

рогом ему замысле: «Есть у меня идея, которой я предан всецело; но я не могу, не должен приниматься за нее, потому что еще к ней не готов: не обдумал и нужны материалы. Надобно, стало быть, натуживаться, чтоб изобретать новые рассказы; это омерзительно. Что со мной будет теперь и как я улажу дела свои, — понять не могу!» (*Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 58*). Но характерно, что заглавия «Атеизм» в этом письме уже нет. Это дает основание полагать, что к июлю—августу 1869 г. автор уже не называл так задуманный им роман (или цикл романов).

Через три дня после рождения дочери, 17 (29) сентября, Достоевский, всецело занятый пока повестью в «Зарю» (т. е. «Вечным мужем»), сообщил А. Н. Майкову: «Работаю усиленно. Замыслил вещь в „Русский вестник“, которая очень волнует меня, но боюсь усиленной работы» (Там же. С. 64).¹ Под задуманной «вещью» и следует понимать, по-видимому, роман о детстве героя-«атеиста», первое обращение к которому документируется записью № 1. Следующие приводимые далее упоминания о романе для «Русского вестника» в письмах относятся к декабрю.² Но еще раньше, 2 (14) ноября 1869 г., до окончания затянувшейся работы над «Вечным мужем», Достоевский заносит в рабочую тетрадь заметку № 2. Старое название («Атеизм») на этой стадии отброшено, другого еще не появилось. Отсюда условное обозначение заметки — «Подпольная идея для „Русского вестника“». ³ Обозначение это связывает замысел романа о детстве героя-«атеиста» с «Вечным мужем» и рядом других замыслов 1869 г.

¹ Что надо «начинать большую вещь в „Русский вестник“», Достоевский сообщал А. Н. Майкову и 14 (26) августа, жалуясь: «8 месяцев уже не писал ничего» (*Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 51*).

² В письме к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г. читаем: «...в „Русский вестник“, к январской книжке, непременно нужно доставить хоть начало романа <...> Между тем я еще ничего не начинал <...>» (*Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 58*).

³ А. С. Долинин в 1928 г. в предисловии к первому тому «Писем» Достоевского высказал предположение, что под вещью, предназначавшейся Достоевским в сентябре 1869 г. в «Русский вестник», имелись в виду «Бесы» и что «в конце 69-го года оба замысла: „Жития“ и будущих „Бесов“ существуют одновременно» (см.: *Д. Письма. Т. 1. С. 18—24*). Предположение это было высказано до опубликования рабочих тетрадей Достоевского с подготовительными материалами к «Бесам» (1935), опровергающими гипотезу А. С. Долинина. Тем не менее первый публикатор этих материалов и позднейшие исследователи, хотя и не без колебаний, вслед за Долининым продолжали связывать заметку № 2 с «Бесами» (см.: *Коншина. С. 398*, где высказано, однако, справедливое сомнение по этому поводу и верно указано на связь заметки с «Житием» и с романом «Подросток»; ср.: *Описание. С. 30*). В действительности, замысел «Бесов» сложился в феврале 1870 г. (см. об этом: *Акад. ПСС. Т. 12. С. 164*).

(печатаемых в данном томе), где Достоевский возвращается к занимавшей его еще в 1860-е годы теме психологического «подполья», стремясь дать ряд новых вариаций типа озлобленного и внутренне раздвоенного героя-неудачника, мучающегося этой раздвоенностью.¹

О том, что в конце 1869 г. Достоевский предполагал дать в «Русский вестник» именно первую часть того обширного замысла, который в письмах конца 1868—первой половины 1869 г. именовался «Атеизм», с полной очевидностью свидетельствуют декабрьские письма. «...через три дня сажусь за роман в „Русский вестник“, — писал Достоевский А. Н. Майкову 7 (19) декабря 1869 г. — И не думайте, что я блины пеку: как бы ни вышло скверно и гадко то, что я напишу, но мысль романа и работа его — все-таки мне-то бедному, то есть автору дороже всего на свете! Это не блин, а самая дорогая для меня идея и давнишняя. Разумеется, испакошу; но что же делать!» (Там же. С. 81). А в письме к С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г., сообщая, что, занятый работой над «Вечным мужем», не смог, как предполагал, написать и выслать редакции «Русского вестника» для январской книжки 1870 г. начало обещанного романа, и выражая надежду выполнить это обязательство к февралю, Достоевский говорил: «Я думаю, в „Русском вестнике“ рассердятся на меня за это и будут отчасти правы. Но что же мне было делать? Я не знал, что так обернется, а написанную в „Зарю“ повесть не мог переслать в „Русский вестник“; я ему назначаю нечто поважнее. Это — роман, которого первый отдел только будет напечатан в „Русском вестнике“. Весь он кончится разве через 5 лет и разобьется на три, отдельные друг от друга, повести. Этот роман — всё упование мое и вся надежда моей жизни — не в денежном одном отношении. Это главная идея моя, которая только теперь в последние два года во мне высказалась. Но чтоб писать — не надо бы спешить. Не хочу портить. Эта идея — всё, для чего я жил. Между тем, с другой стороны, чтоб писать этот роман — мне надо бы быть в России. Н<а>прим<ер>: вторая половина моей первой повести происходит в

¹ В «Плане для рассказа (в «Зарю»)» содержится характеристика: «Христианин, но нетерпим христиански», — которую Б. Н. Тихомиров определяет как «соединение в герое *христианства и подполья*» и которая, по мысли исследователя, объединяет разные образы незавершенных замыслов и становится «характеристич<ной> чертой „подпольного“ типа 1869 г.». «Подпольная идея для „Русского вестника“» рассматривается как «совершенно самостоя<ельный>, оригинальный замысел», находящийся хронологически «между набросками к неосущ<ественным> замыслам <NB. После Библии зарезал>, „Смерть поэта“ (авг.—сент. 1869 г.), с одн<ой> стороны, и набросками к „Житию великого грешника“ и <Роману о Князе и Ростовщике> (дек. 1869—нач. февр. 1870 г.), с др<угой>, также предназначенными в *РВ*» (Тихомиров Б. Н. «Подпольная идея для „Русского вестника“» // *Д. Словарь-справочник*, 2008. С. 322—324).

монастыре. Мне надобно не только видеть (видел много), но и пожить в монастыре. Тяжело мне поэтому за границей, невозможно не вернуться» (Там же. С. 93—94).

Из цитированных писем видно, что, отказавшись от первоначального намерения отложить осуществление своей «главной» идеи (т. е. обширного романа, в более ранних письмах носившего название «Атеизм») на два года, Достоевский, вынужденный к этому изменившимися обстоятельствами (важнейшими из которых были невозможность из-за материальных затруднений вернуться весной в Россию и необходимость погасить долг в «Русский вестник»), решил теперь же приступить к написанию произведения, соответствующего «первому отделу» его замысла и посвященного детским годам героя, отдав это произведение в «Русский вестник». Так выясняется взаимосвязь «Атеизма», планов, обозначенных нами № 1 и 2, и ряда последующих этапов развития замысла, получившего вскоре название «Житие великого грешника».

Следующим звеном в развитии интересующей нас авторской идеи и является начало подробного плана «Жития великого грешника» (№ 3). Оно набросано в рабочей тетради Достоевского, в основной своей части занятой подготовительными материалами к роману «Бесы» и относящейся к декабрю 1869—маю 1870 г. Большинство записей в ней датировано автором. Первая из них — от 8 (20) декабря 1869 г. — содержит название «Житие великого грешника». Последующие заметки датированы 1, 2 и 12 (24) января 1870 г. К ним примыкает ряд дальнейших записей, первая из которых имеет авторскую дату 27 января. Указания на то, какому стилю, старому или новому, соответствуют даты 1, 2 и 27 января, в автографе отсутствуют. Но, по-видимому, они проставлены по новому стилю и их следует соответственно интерпретировать как 20 декабря 1869 (1 января 1870) г., 21 декабря 1869 (2 января 1870) г. и 15 (27) января 1870 г.

На <с. 14> автографа есть записи с перечнем дат:

«10 февраля
15 <февраля>.

22 февр<аля>

22 ФЕВРАЛЯ
НАЧАТЬ ВЫСЛАТЬ.

27 января».

По-видимому, они отражают очень недолгую уверенность Достоевского в том, что работа над «Житием» пойдет быстро и уже 10 (22) февраля он сможет отправить какую-то часть рукописи в редакцию «Русского вестника».

Несмотря на очевидную преемственность между замыслом «Атеизма», изложенным Достоевским в цитированных письмах к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и к С. А. Ивановой от 25 января

(6 февраля) 1869 г., и планом «Жития великого грешника», сложившимся к январю 1870 г., между ними есть и существенное различие. Перед нами не один, а два замысла, связанные друг с другом, но в то же время и во многом несходные.

Как уже говорилось выше, замысел «Атеизма» сформировался во время работы над последней частью «Идиота». И как нетрудно видеть из обоих названных писем, замысел возник как непосредственное продолжение той дискуссии о русском человеке и его метаниях, об атеизме и католицизме, которая вспыхивает в главе VII четвертой части романа (см.: 8, 498—501). В речи Мышкина намечена основная проблематика «Атеизма» на той первой ступени развития замысла, который отражен в письмах к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой конца 1868—начала 1869 г. В центре их — тип охарактеризованного Мышкиным русско-го «атеиста», «шныряющего» по России и Европе, томимого духовным голодом и колеблющегося между неумным отрицанием и столь же горячей жаждой веры. В качестве главного его идейного антагониста воображение автора в это время рисует образ непоколебимо твердого в своем фанатизме, готового насаждать веру огнем и мечом католического священника-иезуита (это верно отмечено Долининым — см.: *Д. Письма*. Т. 1. С. 17), представителя «римского католичества», которое, по словам Мышкина, «даже хуже самого атеизма» и проповедует «искаженного» Христа.

Иное мы видим в планах «Жития великого грешника». Здесь уже нет «поляка» — «иезуита, пропагатора», к которому герой «попадает» на крючок, как нет и «энтузиаста-священника», близкого по умонастроению к основателям иезуитского ордена. Оставлено первоначальное намерение изобразить героя уже на первых страницах романа человеком «в годах» и начать рассказ о нем с момента духовного кризиса, в результате которого он «вдруг» «теряет веру в Бога». Вместо этого автор решил начать повествование о великом грешнике с детства и последовательно изобразить в цикле связанных между собой романов всю историю его духовного развития от рождения до смерти. Ее стержень — постоянно углубляющаяся, принимающая на каждом новом этапе жизни героя новые формы борьба добра и зла, веры и безверия в его душе. Различные внешние влияния, люди, с которыми сталкивается великий грешник, снова и снова обостряют эту борьбу. В результате каждый новый фазис его жизни, по замыслу автора, приводит героя к новому «падению», но в то же время приближает и к диалектически связанному с этими «падениями» конечному духовному возрождению.

Набросав в декабре 1869—январе 1870 г. подробный план первой части, которая должна повествовать о детских годах жизни героя — до того как его за совершенные проступки отдадут на воспитание в монастырь, — Достоевский прервал работу над «Житием». Вернулся к ней он лишь в мае 1870 г. (уже после начатой работы над «Бесами»). В это время возникли два последних наброска к «Житию». В первом из них (№ 4) очерчена жизнь великого грешника в монастыре, куда он поступает в качестве послушника, охарактеризованы его беседы с Тихоном

Задонским, сжато обрисованы образ самого Тихона и влияние его на героя. Эта часть плана не датирована, но тесная связь ее с наброском № 5, представляющим по содержанию ее прямое продолжение и датированным 3 (15) мая, позволяет предположить, что она набросана в тетради незадолго до указанной даты. Последняя заметка к «Житию» (№ 5), «Главная мысль», намечает общие контуры последующей жизни великого грешника «после Монастыря и Тихона». В ней новое лицо — ростовщик, злой гений героя, перенесенный в планы «Жития» из планов «<Романа об атеисте (ростовщике)>» (см. с. 383—386). Под влиянием ростовщика герой отдается «накоплению», его кумиром становится «золото». В борьбе живущих в нем противоположных побуждений он совершает «подвиг и страшные Злодейства», «от гордости идет в схимники и в странники»; живя внешне для других, грешник по-прежнему испытывает «безмерную надменность к людям». В конце концов он становится филантропом, «Гасом», и «умирает, признаваясь в Преступлении».

Данные рабочей тетради дополняются эпистолярными свидетельствами. 12 (24) февраля 1870 г. Достоевский сообщил А. Н. Майкову, что «сел за богатыю идею» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 107) («Бесы») и занят ее разработкой. Но начав роман «Бесы», писатель, как нам уже известно, не отошел от замысла «Жития великого грешника». Как видно из только что упомянутого письма к А. Н. Майкову, из письма к Н. Н. Страхову от 24 марта (5 апреля), а также из написанного на следующий день нового обширного письма к Майкову, писатель первоначально полагал, что уже к осени сможет закончить роман «Бесы» и затем погрузиться в работу над «Житием», замысел которого продолжал считать важнейшим из всего, им задуманного. Предназначая роман «Бесы» (на который он надеялся, по его словам, «не с художественной, а с тенденциозной стороны») (Там же. С. 111—112)) для «Русского вестника», Достоевский первую часть «Жития», которую он продолжал обдумывать, теперь хочет отдать в «Зарю»: «...я работаю одну вещь в „Русский вестник“, — пишет он по этому поводу Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г., — <...> кончу скоро и за роман сяду с наслаждением. Идея этого романа существует во мне уже три года, но прежде я боялся сесть за него за границей, я хотел для этого быть в России. Но за три года созрело много, весь план романа, и думаю, что за первый отдел его (т. е. тот, который назначаю в «Зарю») могу сесть и здесь, ибо действие начинается много лет назад. Не беспокойтесь о том, что я говорю о „первом отделе“. Вся идея потребует большого размера объемом, по крайней мере такого же, как роман Толстого («Война и мир». — *Ред.*). Но это будет составлять пять отдельных романов, и до того отдельных, что некоторые из них (кроме двух средних) могут появляться даже в разных журналах, как совсем отдельные повести, или быть изданы отдельно как совершенно законченные вещи. Общее название, впрочем, будет: „Житие великого грешника“, при особом названии отдела. Каждый отдел (т. е. роман) будет не более 15 листов. Для второго романа я уже должен быть в России; действие во втором романе будет происхо-

дить в Монастыре, и хотя я знаю русский монастырь превосходно, но все-таки хочу быть в России <...> (По крайней мере, из этой идеи я сделал цель всей моей будущей литературной карьеры, ибо нечего рассчитывать жить и писать далее как лет 6 или 7)» (Там же).

Цитированное письмо к Страхову можно рассматривать как отражение следующей по сравнению с январскими планами ступени в развитии замысла «Жития великого грешника». Письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. дает наиболее подробное, целостное изложение всего замысла «Жития», как он вырисовывался перед Достоевским в это время: «...в „Зарю“ я обещаю вещь хорошую и хочу сделать хорошо. Эта вещь в „Зарю“ уже два года как зреет в моей голове. Это та самая идея, об которой я Вам уже писал. Это будет мой последний роман. Объемом в „Войну и мир“, и идею Вы бы похвалили — сколько я, по крайней мере, соображаюсь с нашими прежними разговорами с Вами. Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой; в 2 года план у меня весь созрел). Повести совершенно отдельны одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно. Первую повесть я и назначаю Кашипиреву: тут действие еще в сороковых годах. (Общее название романа есть: *«Житие великого грешника»*, но каждая повесть будет носить название отдельно.) Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие. Герой, в продолжение жизни, то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить вся в Монастыре. На эту 2-ю повесть я возложил все мои надежды. Может быть, скажут наконец, что не всё писал пустяки. (Вам одному исповедуюсь, Аполлон Николаевич: хочу выставить во 2-й повести главной фигурой Тихона Задонского,¹ конечно, под другим именем, но тоже Архирей, будет проживать в монастыре на спокойе.) 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный (<...> я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями (круг наш, образованный) и для обучения. Волчонок и нигилист-ребенок сходится с Тихоном (Вы ведь знаете характер и всё лицо Тихона). Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? <...> К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский напри^мер, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В Монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов и инок Парфений.² (В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства.) Но главное Тихон и мальчик.

¹ О св. Тихоне Задонском и причинах, вызвавших интерес к нему Достоевского, см. ниже, с. 973—978.

² Об отношении Достоевского к Чаадаеву и отражении некоторых черт его личности в образе Версилова в романе «Подросток» см.: *Долинин, Последние романы*. С. 112—126; *ЛН*. Т. 77. С. 455—460; *Акад. ПСС*.

<...> Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это уж не Костанжогло-с и не немец (забыл фамилию) в „Обломове“; и не Лопухины, не Рахметовы. Правда, я ничего не создам, я только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для Монастыря, я должен быть в России. Ах, кабы удалось! Первая же повесть — детство героя: разумеется, не дети на сцене; роман есть. И вот, благо я могу написать это за границей, предлагаю „Заре“» (Там же. С. 117—118).

Т. 17. С. 288. См. также: Т. 20. С. 381. В 1861 г. в журнале «Время» (Т. 2. № 3. Отд. 2. С. 1—34) была напечатана статья Ап. Григорьева «Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы. 1836—1851», где критик оценивал как заслугу «безукоризненно честного мыслителя» Чаадаева «отрицание фальшивых представлений о нашей народности» (С. 9—10). В 1863 г. и сам Достоевский высказался о Чаадаеве в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: 5, 55). В 1869—1870 гг. интерес его к Чаадаеву был возбужден вновь упоминаниями о нем в статьях Н. Н. Страхова в «Заре», которые Достоевский, как видно из его писем к Страхову этих лет, внимательно читал сразу же после их выхода. Об историке-западнике Т. Н. Грановском, идеологе старообрядчества К. Е. Голубове и причинах интереса к ним Достоевского см. в подготовительных материалах к «Бесам» и комментариях к этому роману (Акад. ПСС. Т. 11. С. 96, 113—119, 121, 123, 126, 128, 130—136, 191; Т. 12. С. 179—183). В начале 1870 г. писатель прочел биографический очерк А. В. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский» (М., 1869), а еще раньше — рецензию на него (Критические заметки о текущей литературе // З. 1869. № 7. С. 152—161); очерк Станкевича Достоевский использовал в работе над «Бесами». Павел Прусский (1821—1895, в миру Петр Иванович Леднев, прозвание «Прусский» получил по месту пребывания в 1840-е годы — Восточной Пруссии, где основал старообрядческий монастырь) — религиозный писатель, деятель раскола, миссионер. Еще раньше Достоевский писал о Голубове и Павле Прусском А. Н. Майкову 11 (23) декабря 1868 г. из Флоренции (в том самом письме, где впервые излагал ему замысел «Атеизма») в связи с прочитанной статьей о них в «Русском вестнике» (1868, № 7—8) (см. также: Буданова, 2012. С. 135—152). Инок Парфений (ум. в 1878 г.) — автор книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле» (2-е изд. М., 1856), высоко ценимой Достоевским и использованной им в частности в работе над «Подростком» и «Братьями Карамазовыми» (см.: Д. Письма. Т. 2. С. 476; Акад. ПСС. Т. 15. С. 528—529; Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Д. Материалы и исследования. Т. 3. С. 136—143). Уезжая в 1867 г. за границу, Достоевский, по свидетельству Страхова, взял с собой в числе других книгу Парфения (см.: Биография. С. 298).

В письмах к Страхову и Майкову замысел «Жития» существенно обогащен по сравнению с более ранними наметками. Биография великого грешника, история его душевной борьбы и исканий, которая до сих пор излагалась автором как история отдельной личности, вводятся теперь в определенную историко-культурную перспективу: действие первой части романа начинается, по новому замыслу, в 1840-х годах; в последующих же частях жизнь героя должна быть доведена до современного момента, — план, непосредственно превосходящий более поздний замысел «Братьев Карамазовых». Но дело не только в желании писателя попытаться исторически распределить этапы формирования личности героя во времени, связав их более или менее отчетливо с различными моментами исторической жизни русского общества. Важнее другое. До начала работы над «Бесами», т. е. до января—февраля 1870 г., замысел «Атеизма», а затем обдумывание «Жития» в определенной мере подготовляли Достоевского к работе над этим романом. После же оформления замысла «Бесов», как свидетельствует письмо к Майкову, по-видимому, начинается воздействие того нового творческого метода, который сложился у автора в работе над «Бесами», на замысел «Жития». Задумав художественно воссоздать в «Бесах» черты Т. Н. Грановского, С. Г. Нечаева и других исторических лиц в качестве обобщенных олицетворений определенных широких исторических явлений русской жизни, Достоевский теперь распространяет это новое художественное решение также на «Житие». Так рядом с фигурами вымышленных героев или лиц, имена и характеры которых родились в результате творческого переосмысления реальных образов его биографии (брат Миша, Сушар, Альфонский, Чермак, Ламберт, Куликов и др. — см. об этом ниже, с. 991—1011), в замысле «Жития» появляются исторические образы-обобщения: Чаадаев, Белинский, Грановский, Пушкин, инок Парфений, Тихон Задонский и др. Возникает идея превратить монастырь, куда герой попадает во второй части эпопеи, в обобщенное, условное место действия, где должны собраться — под другими именами — несходные по своим взглядам деятели русской истории и культуры, действовавшие в разные времена и на различном поприще — литературном, университетском, религиозном и т. д., — для того чтобы помериться силами в споре по важнейшим вопросам русской жизни и человеческого бытия вообще. Идея подобного своеобразного «собора» различных русских мыслителей XVIII—XIX вв. поражает своей оригинальностью даже в творчестве Достоевского, — определенные аналогии ей могут быть отысканы скорее у Данте в «Божественной комедии», а также в средневековой литературе и живописи или на фресках мастеров эпохи Возрождения («Диспут» и «Афинская школа» Рафаэля), чем в реалистическом романе XIX в. С другой стороны, идея эта предвосхищает самые смелые опыты жанра философского романа XX в.

Достоевский сообщал Майкову, что собирается построить задуманный роман «из пяти больших повестей». Попытка реконструкции содержания каждой из них на основе письма к Майкову и планов «Жи-

тия» была предложена Л. П. Гроссманом: 1. Введение в тему («русский образованный круг» 1830—1840-х гг., детство и отрочество героя, «его пребывание в пансионе и участие в уголовном преступлении»); 2. Монастырь, куда героя отдали родители «на обучение и исправление», встреча с Тихоном; 3. Молодость (атеизм, влияние ростовщика и накопление золота, «беспримерные контрасты необычайной личности: подвиги и страшные злодеяния», кульминация греховности); 4. Кризис (схимничество, странствия, жажда смирения); 5. Духовное возрождение, признание в преступлении и смерть (см.: *Гроссман, Биография*. С. 443). Однако реконструкция эта в отношении 3—5-й частей спорна, так как планы «Жития» и письмо к Майкову отражают не одну и ту же, но во многом различные, идеологически и сюжетно не вполне сходные стадии развития замысла.

Первоначальное намерение Достоевского, быстро закончив роман «Бесы», освободиться от него к осени 1870 г. для работы над «Житием» не осуществилось. Тем самым писание «Жития» постепенно отодвигалось в более или менее отдаленное будущее. Всё больше уходя в работу над «Бесами», автор осознает, что ему не удастся в ближайшее время вернуться к «Житию», и спешит хотя бы кратко закрепить для памяти в тетради основные линии задуманной эпопеи. Записав 3 (15) мая 1870 г. последний план «Жития», формулирующий его сквозную, «главную мысль», Достоевский несколько дней спустя, 7 (19) мая 1870 г., сообщает С. А. Ивановой: «У меня, например, и задуман роман, в успех которого я верую вполне; но писать его здесь я совершенно не решаюсь и отложил» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 122). Через несколько дней, 2 (14) июля 1870 г., писатель сообщал ей же, что в этом году ему не кончить «Бесов» и он раскаивается, что взялся за этот роман. «...Я бы не об том хотел писать» (Там же. С. 130), — замечает он тут же, имея в виду «Житие». Не представляя пока сколько-нибудь определенно, когда он сможет приняться за «Житие», Достоевский в течение лета и осени 1870 г., вплоть до конца декабря, все-таки не оставлял мысли о работе над ним с будущего года (см. письма к В. В. Кашпиреву ок. 15 (27) августа и Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г.). Во втором из указанных писем Достоевский с горечью писал: «...повестей задуманных и хорошо записанных у меня есть до шести. Каждая такого свойства, что я с жаром присел бы за нее. Но если б я был свободен, т. е. если б не нуждался поминутно в деньгах, то ни одну бы не написал из всех шести, а сел бы прямо за мой будущий роман. Этот будущий роман уже более трех лет как мучит меня, но я за него не сажусь, ибо хочется писать его не на срок, а так, как пишут Толстые, Тургеневы и Гончаровы. Пусть хоть одна вещь у меня свободно и не на срок напишется. Этот роман я считаю моим последним словом в литературной карьере моей. Писать его буду во всяком случае несколько лет. Название его: „Житие великого грешника“. Он дробится естественно на целый ряд повестей. Но не знаю, смогу ли начать его в этом году, если даже к июлю кончу в „Русский вестник“» (Там же. С. 151). А в письме к А. Н. Майкову от 15 (27) декабря 1870 г. Достоевский признавал-

ся: «Оторваться от „Русского вестника“ до срока не могу. Да и начав одно, нельзя перейти к другому» (Там же. С. 154). На этом упоминания о «Житии» в письмах Достоевского обрываются; этот замысел воскресает в сознании автора в новой, преображенной форме лишь в 1874 г. при обращении к работе над «Подростком», вобравшим в себя ряд мотивов первой части «Жития».¹

2

«Житие великого грешника» мыслилось автором как величественная художественная композиция, состоящая из ряда драматических фресок, как своеобразная грандиозная эпопея, по значению и объему равная «Войне и миру» (см. цитированные выше письма к Н. Н. Страхову от 24 марта (5 апреля) и А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г., с. 964—966).

Сопоставление в письмах Достоевского замысла «Жития великого грешника» с «Войной и миром» нельзя признать случайным. Писатель лучше, чем кто-нибудь из его современников, понял, что с выходом «Войны и мира» русская литература обрела новые масштабы, неизвестные ей в 1850-х годах. Правда, в указанном письме к Страхову, споря с его оценкой «Войны и мира», Достоевский настаивал: «Явиться <...> с „Войной и миром“, — значит явиться после <...> *нового слова*, уже высказанного Пушкиным, и это во *всяком случае*, как бы далеко и высоко ни пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением, *нового слова*» (Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 114). И всё же эпопея Л. Н. Толстого явно побуждала Достоевского к творческому соревнованию с ним.² «Житием» писатель и надеялся сказать свое новое слово,³ одержать художественную победу над Толстым и Тургеневым, которых, несмотря на постоянную полемику с ними, он тем не менее признавал авторами «первых вещей» в тогдашней русской литературе (см. письмо к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. — Там же. С. 23).

Исторической эпопее Толстого Достоевский в «Житии великого грешника» намеревался противопоставить эпопею внутренней борьбы и духовных исканий современного русского человека, а излюбленно-

¹ А. Г. Достоевская, по-видимому, относила часть набросков «Жития великого грешника» к «Подростку», так как в рукописи имеется карандашная помета ее почерком: «Материалы для романа „Подросток“» (см. с. 393).

² О значении эпопеи Толстого в творческой истории «Жития великого грешника» см. в кн.: *Апостолов Н. Н.* Лев Толстой и его спутники. М., 1928. С. 144—146.

³ Хотя эта мысль обобщенно звучала в письмах и ранее — см. письмо к Н. Н. Страхову от 12 (24) декабря 1868 г.: «Мне хочется поскорее своего. Вы очень уважаете Льва Толстого, я вижу; я согласен, что тут есть

му толстовскому герою, молодому человеку из среды «русского родового дворянства» с «законченными формами чести и долга», — члена «случайного семейства», одного из представителей того «беспорядка» и «хаоса», в котором, по диагнозу Достоевского, пребывало русское общество после реформы (см. об этом заключительную главу романа «Подросток» и ДП за январь 1876 г., гл. I, § 2).

Достоевский отдавал себе отчет в трудности поставленной задачи. Отсюда особая забота о стилистическом выражении своего нового замысла, отразившаяся в планах «Жития»: «Чтоб в каждой строчке было слышно: я знаю<, > чт<ó> я пишу<, > и не напрасно пишу». Писатель видел свою цель в том, чтобы «втиснуть мысли художественно и сжато», т. е. пронизать всё изложение одной «владычествующей идеей», сделав его кратким, порою даже сухим, но, при необходимости, «не скупясь на изъяснения» (см.: Фридлендер Г. М. Творческий процесс Достоевского // Фридлендер, 1995. С. 328).

Достоевский не случайно дал своему замыслу название «Жития». Писатель стремился подчеркнуть этим глубоко национальный характер избранного им жанра и его основной этической проблематики, органическую связь замысла с определившимися в русской литературе еще со времен Средневековья поэтическими традициями.

Обращению Достоевского к жанру жития, излюбленному в русской литературе XI—XVII вв., по-видимому, способствовала начавшаяся в России в 1850—1860-х годах усиленная деятельность по изданию памятников и разработке истории древнерусской литературы. В это время появляются многочисленные труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова и других ученых, посвященные культуре, литературе, искусству Древней Руси (см. выше, с. 947). В 1861 г. было издано «Житие протопопа Аввакума»,¹ поразившее современников и оказавшее глубокое влияние на умы. Но и более старинная агиографическая и учительная литература Древней Руси не могла не волновать писателя,² которому она была близка своим этическим пафосом, высокой требовательностью к человеку, живым ощущением красоты окру-

и свое; да мало. А впрочем, он, из всех нас, по моему мнению, успел сказать наиболее своего и потому стоит, чтоб поговорить о нем» (Акад. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 334).

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Издано под редакцию Н. С. Тихонравова / Изд-е Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861.

² В ДП за июль—август 1877 г. (гл. III, § 3) Достоевский заметил, что в «рассказах про святые места», в историях мучеников, отшельников и подвижников, знакомых русскому человеку с детства, «заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное»: слушая их, «даже худые, дрянные люди, барышники и притеснители, получали нередко странное и неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом, исполнить давно данное обещание» (Акад. ПСС. Т. 25. С. 215).

жающего мира, активным отношением к добру и злу.¹ В «Житии великого грешника» Достоевский воспользовался традиционной канвой «жития», в центре которого неизменно находилась столь остро занимавшая его проблема добра и зла, для того чтобы насытить его глубоко современным психологическим и философским содержанием.² По мнению В. Л. Комаровича, обращение Достоевского к «житийной эпической форме задуманного повествования» объясняется стремлением разрешить проблему теодицеи, «художественно выразить скрытое в жизни Божеское начало, религиозно оправдать жизнь» (Комарович, *Ненаписанная поэма Достоевского*. С. 201—202; ср.: Тихомиров, *ЖВГ*. С. 442).

Возникновение нового замысла было подготовлено всем предшествующим творчеством Достоевского. Рукопись «Жития» позволяет с достаточной определенностью говорить о связи этого произведения с «Записками из Мертвого дома», «Записками из подполья», «Игроком», «Преступлением и наказанием», «Идиотом».³

Герой «Жития» — человек горячий и страстный, он «не прощает ничего ложного и фальшивого». Обстоятельства же, в которых протекает его детство, очень скоро доказывают ему грязь и безобразие «больших», учат презрению к ним. Он рано понял, что взрослые гораздо «глупее и ничтожнее, чем кажутся снаружи»: пьянство и «падение» старичков, гостей, учителя; несправедливое обращение с ним развратного отца, жестокость последнего по отношению к крестьянам; любовные дела мачехи, о которых мальчик узнает случайно и в которые как-то оказывается «ввязан». В этой обстановке у него крепнет «инстинктивное сознание превосходства, власти и силы», своей «необыкновенности», просыпается «чувство разруш<ения>». Всё чаще он находит наслаждение в том, чтобы преступать принятые нормы морали. Краткое указание на чувства, испытываемые им при этом («Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну»), может быть прокомментировано более подробным авторским рассуждением из «Записок из Мертвого дома»: «Точно опьянеет человек, точно в горячем бреде. Точно, перескочив раз через заветную для него черту, он

¹ Об идее «отрешенности от всего житейского» и требовательности «к человеческой личности и к отношениям между людьми» как чертах житийной литературы, представлявших интерес для Достоевского, см: Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967. С. 51.

² Жанрово-композиционным особенностям «Жития» посвящена статья: Пономарева Г. Б. «Житие великого грешника» Достоевского: (Структура и жанр) // Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972. С. 66—86.

³ См.: Захаров В. Н. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // *Достоевский в конце XX века*. С. 145—146; Пономарева Г. Б. «Житие великого грешника» Достоевского: (Структура и жанр). С. 67—68; Тихомиров, *ЖВГ*. С. 443—444.

уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой, насладиться этим замиранием сердца от ужаса, которого невозможно, чтоб он сам к себе не чувствовал» (4, 97). Герой «Жития» еще мальчиком проходит через разврат, святотатство; наконец, через убийство. «Гордая и владычествующая натура» — так определяет его автор. Его, как и Раскольникова в «Преступлении и наказании», мучает кровь, он тоже признается в убийстве, но выдерживает дольше («Молчание кончается через полтора года признанием о Куликове <...>»); после же монастыря он мучается противоречиями, в душе его борются «самоотвержение» и «безумная гордость».

«Огромный замысел владычества» после долгих колебаний приобретает конкретную форму: герой «устанавливается все-таки на деньгах», на «накоплении богатств». Тема денег в «Житии» в значительной мере подготовлена романом «Игрок». Но в отличие от героя «Игрока» великий грешник хладнокровно обдумывает, способны ли деньги быть «точной твердой опорой», начинает с «усиления воли и внутренней силы» («— Сила воли — главное себе поставил»), ибо понимает всю трудность задачи «вынести» деньги. Идея утверждения себя через богатство присутствует и в романе «Идиот» (Ганя Иволгин, Птицын). Но в «Житии» тема денег получает более широкую социально-психологическую разработку (см.: *Бем, У истоков*. С. 475—476). В том же аспекте она затем развивается в «Подростке» и формулируется в ДП за март 1877 г. (гл. II, § 3): «...человек всегда и во все времена боготворил матерьялизм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке» (*Акад. ПСС*. Т. 25. С. 84).

Гордый, своевольный герой-разрушитель, одержимый идеей денежного могущества, «кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится».¹ Мысль о том, чтобы привести гордеца, воплощающего крайнюю степень презрения к людям, к сознанию необходимости полюбить их, перешла в «Житие» из набросков к «Идиоту».² В главном персонаже их соединялись «потребность любви жгучая» и «гордость непомерная» (см. с. 110). «Все эти характеры, но над всеми Идиот, тоскующий, себя презирающий и до бесконечности гордый характер, всеми овладевающий, чтоб насладиться своей высотой, а их ничтожест-

¹ Вопрос: «Почему я не могу сделаться Гасом?» — неоднократно повторяет и Раскольников в черновиках романа (7, 106), см. выше, с. 474. Судя по окончательному тексту, герой сознает, что цель стать «благотелем человечества» была для него второстепенной (6, 361).

² См.: *Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина: (К спору об «Исповеди Ставрогина») // Бем, Исследования*. С. 113—114, 119, 122—124.

вом, ненавидит и не уважает до отвращения свой успех и свои наслаждения, *тоскующий наконец от своей роли*, вдруг увидевший исход в любви», — писал о нем Достоевский (с. 152). Герой «Жития», в котором акцентированы сознание своей исключительности, гордость, «гадливость» к людям, стремление господствовать над ними,¹ тоже не всегда находится во власти разрушительных сторон своей натуры: «...многое его иногда *трогает* сердечно» (сострадание к Хроменькой, «друг смиренный, добрый и чистый, перед которым он краснеет»). Он «кается и мучается совестью в том, что ему так низко хочется быть необыкновенным». Тяжелое и некрасивое детство все-таки оставляет в нем теплые воспоминания («страстная вера», «поэзия детских лет», «обучение и первые идеалы»). Всё это — залог его будущего духовного перерождения.

В «Житии» Достоевский вернулся к задаче, намеченной в «Преступлении и наказании» и прямо поставленной в планах «Идиота», — показать, как «самоотвержение» одерживает в душе человека победу над «безумной гордостью». При этом тема любви к людям, побеждающей высокомерие и ненависть, сопрягается с темой религиозных сомнений, вопросом о «существовании Божием» (см. цитированное письмо А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г., с. 965). С этим связано намерение автора ввести в роман образ св. Тихона Задонского (см. указанное письмо к А. Н. Майкову). Писатель намеревался сделать Тихона живым и убедительным воплощением одного из двух противоборствующих начал души героя;² второе, антихристианское, начало должен был символизировать «антитеза Тихону» — ростовщик, «человек ужасный», внушивший герою идею накопления. Процесс религиозно-нравственной борьбы, совершающейся в герое, Достоевский рассматривал как черту типично национальную. Об этом свидетельствует запись от 1 января 1870 г. о типе из коренника.³ С «Житием», таким образом, было тесно связано развитие представлений писателя о русском человеке и его характере.

Личность и сочинения Тихона Задонского (в миру Тимофея Савельева (по имени отца Савелия Кириллова) Соколовского (фами-

¹ Даже если он становится «до всех кроток и милостив» (после монастыря и общения с Тихоном), то «именно потому, что уже безмерно выше всех» (с. 406).

² Отмечено, что в «Житии», задуманном «как *теодицея*», в двух аспектах, динамическом и статическом, раскрывался образ «положительно прекрасного человека», занимавший мысли Достоевского в работе над «Идиотом»: «Величественная фигура святого Тихона (статическая концепция) противостояла фигуре становящегося праведника (динамическая концепция)» (Мочульский, 1995. С. 419).

³ В размышлениях его на этот счет могло сыграть определенную роль стихотворение Некрасова «Влас» (см.: Гин М. М. Достоевский и Некрасов: Два восприятия. Петрозаводск, 1985. С. 109—116).

лия, полученная во время преподавания в семинарии¹); 1724—1783), епископа Воронежского и Елецкого, с 1769 г. удалившегося в Задонский монастырь, могли заинтересовать Достоевского еще в Сибири или, что более вероятно, в начале 1860-х годов,² когда вышло в свет пятнадцатитомное собрание его произведений, а затем несколько его жизнеописаний. Первое жизнеописание Тихона Задонского (на основе заметок келейников св. Тихона) подготовил митрополит Евгений (Е. Болховитинов).³ В XIX в. публиковались жития, составленные П. С. Казанским,⁴ А. Н. Муравьевым,⁵ А. А. Лебедевым,⁶ архимандритом Игнатием (И. В. Малышевым) и другими авторами.⁷ В письме к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Достоевский говорил о своем давнем и восторженном внимании к св. Тихону (см. выше, с. 965). Об устойчивости интереса писателя к святителю свидетельствуют и его более поздние высказывания в ДП за февраль 1876 г. (гл. I, § 2): «А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» (*Акад. ПСС. Т. 22. С. 43*). В черновиках к указанному выпуску ДП имеется запись о Тихоне Задонском со ссылкой на Крестный календарь — ежегодник, издававшийся с 1866 г. А. А. Гатцуком (это издание упоминается в романе «Братья Карамазовы», см.: Там же. Т. 15. С. 75). В Крестном календаре на 1876 г. в библиографическом разделе «Указатель новых книг» приведены сведения о выходе в свет издания «Творений» Тихона Задонского.⁸ Внимание Достоевского мог привлечь более ранний выпуск Крестного календаря на 1867 г., где было помещено «Житие

¹ См.: Тихомиров Б. Н. Тексты святителя Тихона Задонского в творческой работе Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. № 35. С. 145—146.

² См.: Плетнев Р. В. Сердцем мудрые: (О старцах у Достоевского) // *Вокруг Достоевского*. С. 252.

³ Болховитинов Е. Полное описание жизни Преосвященного Тихона, изданное особенно для любителей и почитателей памяти сего Преосвященного. СПб., 1796.

⁴ Казанский П. С. Жизнь святителя Христова Тихона I, епископа Воронежского и Елецкого, с присовокуплением избранных мест из его творений. М., 1861.

⁵ Муравьев А. Н. Житие Святителя Тихона Задонского. СПб., 1864.

⁶ Лебедев А. А. Святитель Тихон Задонский и вся Россия чудотворец. (Его жизнь, писания и прославление). С изображением святителя. СПб., 1865.

⁷ Игнатий. С. 51—81. См. также: Житие святителя Христова Тихона, епископа Воронежского, новоявленного чудотворца. М., 1862; Жизнь святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М., 1867.

⁸ Крестный календарь на 1876 год. М., 1875. С. 46.

Святителя Тихона Задонского»,¹ текст которого лишен традиционного для житийных памятников вступления и начинается прямой отсылкой к источнику, положенному в основу жизнеописания св. Тихона, — запискам его келейника В. И. Чеботарева.² Текст жития обнаруживает отчетливую связь с проблематикой раздела «О любви к народу...» февральского выпуска *ДП* за 1876 г. и христианским содержанием данного произведения в целом, а также с рядом мотивов романа «Братья Карамазовы».³

Жизнеописанием св. Тихона подсказан выбор для второй части «Жития» ситуации «Тихон и ребенок». Тихон преподавал в Новгородской и Тверской духовных семинариях. Став воронежским епископом, он основал ряд школ, которые нередко посещал. В Задонском монастыре, по утверждению биографов, его много раз видели окруженным детьми, которых он стремился приохотить к посещению церковных служб. Христианское воспитание детей было частой темой проповедей св. Тихона (см., например: *Сочинения Преосвященного Тихона*. Т. 3. С. 157—160; Т. 5. С. 157—158). Переживания ребенка, «волчонка и нигилиста» (см. письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.), не случайно оказались близки и понятны ему. В жизнеописаниях св. Тихона говорится, что он знал приступы тоски, отчаяния, сомневался в своем религиозном подвиге, боролся с природными вспыльчивостью и гордостью. В планах «Жития» получил также отражение факт, относящийся к последнему периоду жизни св. Тихона: выйдя из себя, его противник в споре, богатый дворянин, знаток французской и английской философии, дал Тихону пощечину, тот в ответ низко поклонился и попросил прощения у своего обидчика (см.: *Игнатий*. С. 70). Авторы большинства житий либо опускают этот эпизод, либо описывают происшедшее как следствие богословского спора и «вольнодумства» дворянина.⁴ В житии из Крестного календаря мотивировка иная: св. Тихон отправился к дворянину, «чтобы склонить его на милость», «вступаясь за обиженных крестьян».⁵ Следовательно, автор жития использовал другой источник для жизнеописания, а именно — публикацию Н. Трухачева в «Памятной книжке Воронежской губернии», где указывается, что «известный случай особенного унижения св. Тихона

¹ И. Б — А. Г. Житие Святителя Тихона Задонского // Крестный календарь на 1867 год. М., 1866. С. 7—11.

² См.: Материалы для жизнеописания святителя Тихона Епископа Воронежского. Записки келейника В. И. Чеботарева // Православное обозрение. 1861. № 7. С. 299—334.

³ Подробнее об этом см.: Тарасова Н. А. Неизвестный источник «Дневника писателя» 1876 г. и романа «Братья Карамазовы» // *Достоевский и мировая культура*. № 16. С. 215—221.

⁴ См., например: Лебедев А. А. Святитель Тихон Задонский и вся Россия чудотворец. С. 177.

⁵ И. Б — А. Г. Житие Святителя Тихона Задонского. С. 10.

от одного помещика был следствием не богословских споров, как писали о том, а напоминания о не сдержанном слове быть снисходительным к крестьянам».¹ В «Житие великого грешника» вошел и еще один характерный для легендарной биографии св. Тихона эпизод: «Тихон говорит одной барыне, что она и России изменница и детям злодейка». По преданию, святитель очень часто не допускал к себе развращенных и напудренных дам, говоря: «Смертное свое тело убирают и украшают, а о доброте душ своих едва ли когда вспомнят» (см.: *Игнатий*. С. 68).

Сочинения св. Тихона представляют собой своеобразное, интересное продолжение жанровых и поэтических традиций древнерусской литературы. Автор их не был суровым ревнителем религиозной ортодоксии. В его текстах ощутимо влияние религиозного вольнодумства, воздействие живой народной мысли и народной поэзии. Этим объясняется мягкость отношения св. Тихона к человеку, свойственное ему чувство природы и ее красоты. Все это, включая и стиль писаний св. Тихона, не чуждый поэтического начала, должно было привлечь к нему внимание Достоевского. По мнению протоиерея Д. Григорьева, в произведениях св. Тихона отражено «исключительно реальное, мистически яркое переживание страданий Господних», что не менее важно для Достоевского, герои которого «идут путем Иова ветхозаветного, прообразующего крестный путь Богочеловека».²

По учению св. Тихона, зло необходимо, неизбежно для рождения добра, истинного и неподдельного, и «истинная добродетель состоит в победе себе самого, делать не то, что растленное естество хочет, но что святая воля Божия хочет, покорять волю свою воле Божией и побеждать благим злое, побеждать смирением гордость, гнев кротостию и терпением, ненависть любовью» (*Сочинения Преосвященного Тихона*. Т. 1. С. 188). Суть дальнейших его рассуждений такова: ставя перед собой задачу победить себя, человек должен быть признателен судьбе за искушения, беды и страдания; благодаря им он может познать себя и узнать зло, которое кроется в его сердце. Не легкого пути следует про-

¹ Трухачев Н. Очерки Задонского уезда и тамошнего мужского монастыря // Памятная книжка Воронежской губернии на 1863—1864 г. Воронеж, 1864. С. 19.

² Григорьев Д., прот. Достоевский и церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М., 2002. С. 49. См. также: Буданова, 2012. С. 98—103; Карпачева Т. С. 1) Сотериология свт. Тихона Задонского и Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в диалоге культур: Материалы международной научной конференции 25—29 августа 2009 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2009. С. 43—45; 2) Отражение образа свт. Тихона Задонского и его сочинений в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2011. Вып. 9. С. 216—231; 3) Пасхальность творчества свт. Тихона Задонского и Ф. М. Достоевского // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2015. № 84. С. 31—35.

силь у Бога, но трудного и горестного: лишь на таком пути открываются цели упорной работы над собой, которая дает ценность и смысл человеческому существованию (ср. слова Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Вот тебе завет: в горе счастья ищи»; «Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь — что важнее всего» — *Акад. ПСС. Т. 14. С. 72, 259*). Не только через горе и страдания, но и через преступление идут нередко люди к достижению евангельской истины. Возможность просветления и очищения в принципе открыта любому человеку, какие бы преступные деяния ни отягощали его совесть. Одну из глав своего большого произведения «Сокровище духовное, от мира собираемое» св. Тихон озаглавил «Преступники и радостная им весть». «Прииде Сын Божий грешники спасти, не такие и такие, но всякие, какие бы они ни были; только бы покалялися, и веровали в пришедшего грешники спасти Иисуса Христа: и рай им отверзется рукою на кресте распятого Христа», — писал он здесь (см.: *Сочинения Преосвященного Тихона. Т. 10. С. 36*; ср. в поучениях Зосимы: «Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся» — *Акад. ПСС. Т. 14. С. 48*). Св. Тихон не раз говорил о прощении и обращении *великого грешника*, о житии нераскаянном и житии новом: «Никого да не смущает множество и величество грехов! Всех Он, малых и великих грешников, призывает и обещает вечный душам покой: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Матф. XI, 28)» (*Сочинения Преосвященного Тихона. Т. 6. С. 306*) — или: «И уже прежнее твое житие скаредное и скверное не повредит тебе, как тьма вышедшему на свет. Тьма — нераскаянное житие и заблуждение; свет — покаяние и исправление. Ты, отрекшись прежнего своего жития и наченши новое, как из тьмы на свет вышел и, возненавидевши тьму, свет возлюбил и потому *новым человеком* сделался» (Там же. Т. 12. С. 73); «Так и к покаянию всякого грешника малого и великого <Бог> призывает, да вси покаются и получают от Него милость. У кого великие и многие грехи, на того кающегося великую Свою милость и множество щедрот Своих изливает, *яко у Господа милость и многое у Него убавление* (Псал. СХХIX, 6). На сие имеем много примеров: кто был Манассия? великий грешник; Петр отрекся трижды Христа; Давид тяжко согрешил прелюбодеянием и убийством: но покаявшееся получили у Господа милость <...> Не величество убо, ни множество грехов погубляет грешника, но нераскаянное житие. <...> никому, ни малому, ни великому грешнику не должно отчаяваться и ожесточаться <...>» (Там же. Т. 15. С. 47—48).

В своих сочинениях св. Тихон настойчиво и многократно возвращается к мысли о победе над собой, как бы опасаясь возможности ее ложного истолкования. Тезис этот у св. Тихона направлен против гордости и самолюбия. Великий же грешник находит в нем опору своей мечте «*быть величайшим из людей*». Герой «Жития» стремится одолеть страсти и победить слабости, которые могут отвлечь его от главной

цели — подчинить себе людей и владычествовать над ними. Он очень далек от истинного, искреннего смирения («смирения в сердце»)¹.

По мысли св. Тихона, напрасно считают, что победили себя, и тот, кто, отвергая чины и титулы мирские, хочет, чтобы его почитали за святость, и те, кто, называя себя «паче всех грешниками, но от других того слышать не хотят; и потому устами только таковыми себя нарицают», не позволяют другим сказать о себе что-нибудь подобное: «...как серп, сляченную выю носят, но внутрь ум возносят», — пишет он (Там же. Т. 6. С. 91). Подлинное смирение означает высшую духовную свободу. Этот пункт учения св. Тихона привлек внимание Достоевского своей созвучностью его идеям. «Всё о смирении и о свободной воле» — одна из тем бесед героя и Тихона, указанных в рукописи «Жития» (с. 406, ср.: *Сочинения Преподобного Тихона*. Т. 9. С. 115—120; Т. 12. С. 152—153). Интерес к теме смирения и свободы, как она разработана у св. Тихона, не ослабел у Достоевского и впоследствии. Это подтверждает роман «Братья Карамазовы» («Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» — *Акад. ПСС*. Т. 14. С. 289).

Победив себя и обретя через смирение духовную свободу, человек, по св. Тихону, получает способность полного, светлого, яркого восприятия природы. Человека и мир он рассматривал рожденными не для враждебного противостояния, но для радостного слияния друг с другом. Чувство единства вещей и явлений в Боге (в качестве источников своего настроения св. Тихон указывает на псалмы царя Давида) пронизывает его вдохновенные гимны красоте природы и счастью, которое она дарует человеку. В «Житии» Достоевский находит очень точное определение («вселенская радость *Живой жизни*») для обозначения этого чувства, которое уже после «Жития» в полную силу прозвучало в «Подростке» (Там же. Т. 13. С. 178, 287—290) и особенно в «Братьях Карамазовых» («...всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается» — Там же. Т. 14. С. 290; «Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным“» — Там же. С. 328).

Среди «противоречий» влиянию старца, с которыми великому грешнику предстоит справиться, названы идеи О. Конта («...образование (Конт. Атеизм. Товарищи). Образование — мучит его, и идеи, и философия. Но он овладевает тем, в чем главное дело»). Эта запись от 3 (15) мая 1870 г. становится яснее в соотнесении с заметкой из черновых материалов к «Бесам»: «Все эти философские системы и учения (позитивизм, Конт и проч.) являлись не раз (новый факт и возрожде-

¹ Ср. в *ПМ* к «Идиоту»: «Самовладение от гордости (а не от нравственности) <...>» (с. 116), а также в главе «У Тихона» романа «Бесы» (в вариантах списка А. Г. Достоевской): «Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великою славой и величайшею силой, если

ние) и ужасно скоро, бесследно и почти неприметно ни для кого вдруг исчезали. И не потому, что их опровергали, о, нет, — просто потому, что они никого не удовлетворяли... Тогда как другие идеи (христианство н<а>пр<имер>) вдруг расходились по всей земле, овладевали миром, и вовсе не потому, что были доказаны, а просто потому, что всех удовлетворяли...» (Акад. ПСС. Т. 11. С. 144).

Имя ученика Сен-Симона, О. Конта, основоположника позитивизма, стало известно Достоевскому, вероятно, еще в 1840-х годах.¹ Его сочинения были в библиотеке петрашевцев;² на собрании зимою 1848 г. Н. С. Кашкиным была прочитана «Речь о задачах общественных наук», содержащая отсылку к Конту: «...к точным наукам причисляют одни науки естественные, к неточным — нравственно-политические, которые все, по выражению Auguste Comte'a, определяются словом *science sociale*, наука общественная».³ Контом увлекался, в пору своего пребывания во Франции, Н. А. Спешнев.⁴ Достоевский «имел возможность соприкасаться с идеями „первых позитивистов“, общаясь с пропагандировавшими или подвергавшими критике контизм и его разновидности Кавелиным, Троицким, Соловьевым, Тиблином и др. Оживленную переписку русский писатель вел с переводчиком произведений Милля, Тэна, Льюиса, Конгрива, Литтре позитивистски настроенным Страховым».⁵ В 1857 г. Конт умер, но влияние позитивизма на Западе продолжало расти. В 1864 г. началось новое издание главного сочинения Конта — «*Cours de philosophie positive*» (1830—1842), а с 1867 г. Э. Литтре (совместно с Г. Н. Вырубовым) стал выпускать обозрение «*La philosophie positive*». К концу 1860-х годов «положительная фи-

искренно было смирение подвига. Но есть ли, есть ли смирение подвига?» (Акад. ПСС. Т. 12. С. 118, см. также: Т. 11. С. 27).

¹ О широком распространении в России второй половины 1840-х годов учения О. Конта, об отношении к нему Белинского, Герцена, В. Майкова см. в кн.: Усакина Т. И. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965. С. 26—27, 43, 80, 92, 122.

² См.: Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1. С. 169—170. Значение философии Конта для петрашевцев отмечено А. И. Герценом: «Петрашевцы <...> прямо из немецкой философии шли в фалангу Фурье, в последователи Конта» (Герцен. Т. 10. С. 344).

³ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 654, 792.

⁴ Из воспоминаний П. П. Семенова-Тян-Шанского // Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов: В 3 т. / Сост. П. Е. Щеголев. С предисл. Н. Рожкова. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 49.

⁵ Шкуринов П. С. Отношение к позитивизму Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого // Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 227.

лософия вышла из <...> состояния неизвестности», характерного для нее при жизни Конта, который не мог рассчитывать «более чем на пятьдесят читателей во всей образованной Европе» (ОЭ. 1869. № 4. С. 365, 367). Во Франции и Англии печатались биографические материалы о Конте и исследования о позитивной философии. В России ведущие журналы писали о нем начиная с 1865 г.¹ В 1867 г. в Петербурге вышла книга «Огюст Конт и положительная философия. Изложение и исследование Г. Г. Льюиса и Д. С. Милля. Пер. под ред. Н. Неклюдова и Н. Тиблена», и П. А. Лавров напечатал пространную рецензию на нее.² Ряд публикаций, посвященных Конту, появился и в 1869 г.³ Часть этих журнальных материалов могла быть известна Достоевскому. Они знакомили со вторым этапом деятельности философа, когда Конт писал свою «*Système de politique positive*», посвященную вопросам социального и политического переустройства общества.

В связи с этической проблематикой «Жития великого грешника» писателя прежде всего должна была заинтересовать контовская постановка проблемы любви к человеку и деятельности во имя его счастья. В своей «теории счастья на земле» (см. выше, с. 134) Конт руководствовался «мыслью об общем интересе всего человечества», «всё величие» которой он, по словам его ученика Д. С. Милля, «выставил так полно», как никто другой (см.: Огюст Конт и положительная философия. С. 123). Он изобрел слово «альтруизм», считая недостаточным евангельский принцип «возлюби ближнего, как самого себя» (Там же. С. 125—126). Провозглашая принцип «Люблю тебя больше, чем себя, и себя люблю только ради тебя», Конт объявлял постыдной и преступ-

¹ См.: *Ватсон Э.* 1) Огюст Конт и позитивная философия: (Статья первая) // С. 1865. Т. 109. № 8. Отд. 1. С. 415—452; 2) Огюст Конт и позитивная философия: (Статья вторая) // С. 1865. Т. 109. № 11/12. Отд. 1. С. 319—356; *Писарев Д. И.* Исторические идеи Огюста Конта // *РСЛ.* 1865. № 9. Отд. 1. С. 42—69; № 10. Отд. 1. С. 1—35; № 11. Отд. 1. С. 179—238; *Е. Б.—в.* 1) Мысли Джона-Стюарта Милля о позитивной философии Огюста Конта: (*Westminster Review*. Апрель 1865) // ОЭ. 1865. № 7. С. 304—319; 2) Мысли Джона-Стюарта Милля о позитивной философии. Позднейшие умозрения Огюста Конта // Там же. 1865. № 9. С. 156—172.

² *П. А. Задачи позитивизма и их решение:* (Г. Г. Льюис и Д. С. Милль. Огюст Конт и положительная философия. Перевод с английского. СПб. 1867 г.) // Современное обозрение. 1868. Т. 2. № 5. Отд. 3. С. 117—154.

³ См.: <*Жуковский Ю. Г.*> Рикардо и его теория ценности // *Космос.* 1869. № 2. С. 29—99; № 3. С. 31—51; *Конгрив Р.* Позитивизм и современная наука. Огюст Конт и Гексли // Там же. № 4. С. 69—95; *Гексли Т.* 1) Физическое основание жизни. Новая философия и позитивизм // Там же. № 2. С. 139—171; 2) Позитивизм и современная наука. Научная сторона позитивизма: (Ответ Конгриву) // Там же. № 5. С. 75—108; *Левсевич В. Л.* Позитивизм после Конта // ОЭ. 1869. № 4. С. 363—398.

ной всякую заботу о себе. Успешного искоренения эгоистических инстинктов, подчинения их социальным чувствам Конт мечтал добиться путем позитивного воспитания, основанного на принципах строжайшей регламентации: «В философии Конта „математизация“ человеческой жизни достигла поистине чудовищного характера. Каждый шаг человека оказывается расписанным и рассчитанным, внесенным в „календарь“. Человек начисто лишается творческого начала, превращается в „винтик“ государственной машины».¹ «Неистощимая любовь» Конта к «дисциплине и субординации» вызвала критические замечания у его русских читателей. Так, Д. И. Писарев отмечал, что Конт недооценивает «неугомонную горилловскую страстность» и «неутолимую жажду личного наслаждения», не раз спасавшие человечество от гибели, — следствия той «богатой закваски эгоистической силы», которую «оставили нам» «наши косматые предки» (РСЛ. 1865. № 11. С. 207). Конт не просто сбрасывал со счетов эгоистическое, своевольное начало в человеке — в его системе «натура» вообще не бралась «в расчет», говоря словами Достоевского (6, 219). Французский мыслитель исходил из идеи о том, что «следует сдерживать свободную деятельность человеческой мысли», поскольку она может вести «к злоупотреблениям» (надо, чтобы «масса народа» «не имела знаний больше, чем сколько нужно, и не рассуждала бы слишком много, потому что всякое рассуждение вредно в моральном отношении, так как оно возбуждает в человеке гордость» — см.: С. 1865. № 11/12. С. 335). «Систематически, с самой колыбели, превращать человека в автомат, который будет не только поступать, но даже чувствовать и думать исключительно так, как того требуют законы и обычаи данного общества» (позитивное воспитание в действии), — до такого уровня не поднимался, замечал, полемизируя с Контом, Писарев, «ни один теоретик деспотизма в целом мире» (РСЛ. 1865. № 11. С. 213—214).² Контовский способ осчастливить человечество не мог не вызвать неприятие Достоевского. Писателю могли показаться любопытными и представления Конта о так называемой духовной власти в

¹ Белопольский В. Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. Ростов н/Д, 2011. С. 106. См. также: Семак О. Критический анализ «Религии человечества» Огюста Конта // Семак О. Испытание свободой. СПб., 2005. С. 247. О восприятии позитивизма русской критикой см.: Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991. С. 21—33.

² Ср. у Гексли: «...общественная организация, строго регламентированная даже в мелочах и которая, в случае своего осуществления, повела бы к такому деспотизму, каким никогда не обладал ни один султан» (Космос. 1869. № 5. С. 77), — или у автора «Отечественных записок»: «Человечество представляется ему чем-то в роде гарнизона, заключенного в осажденной крепости, где все солдаты должны исполнять с буквальной точностью приказание, направленные к одной главной цели» (ОЗ. 1865. № 9. С. 159).

обществе, устроенном на началах позитивизма (власти, направляющей духовное развитие, в отличие от светской, занимающейся, по Конту, производством и распределением). Конт много и дифирамбически писал об устройстве католической церкви. Он считал, что усовершенствование ее с помощью позитивных принципов даст образцовую организацию власти в будущем обществе. Пытаясь практически решить вопрос, Конт обращался к ордену иезуитов с предложением создать религиозно-политический союз для совместных действий. Эту сторону доктрины Конта Гексли называл «католичеством без христианства», «чистым папизмом, с Контом на престоле св. Петра и с измененными именами большинства святых» (см.: *Космос*. 1869. № 5. С. 78, 82—85, 105—108). В указанных взглядах Конта Достоевский мог найти подтверждение своей мысли о возможности объединения клерикалов и «обладателей» рационалистических рецептов благодетельствования общества, в первом приближении сформулированной в «Идиоте» («Ведь и социализм порождение католичества и католической сущности!» — 8, 499). Конт не был утопическим социалистом, но был учеником Сен-Симона и сам выступал в качестве автора проекта социального переустройства общества. Именно с этой стороны он и мог заинтересовать Достоевского.¹

Одним из эпизодов биографии героя «Жития» должен был, судя по его планам, стать эпизод увлечения хлыстовщиной. У Достоевского были серьезные причины для того, чтобы заставить великого грешника, в поисках подлинной веры, преодолеть соблазн именно этого учения. Писатель, вообще следивший за изданиями по истории раскола (см.: 7, 728—731), по-видимому, знал литературу, посвященную хлыстам и скопцам.² Его интерес к ней мог зародиться еще в юношестве, в по-

¹ См.: Ковалевская Т. В. Диалог и полемика Достоевского с формальными и наивными теологическими воззрениями // *Достоевский и мировая культура. Филол. журнал*. 2019. № 2. С. 131—134.

² Об интересе Достоевского к темам раскола и сектантства см.: Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского: (К истолкованию повести «Хозяйка») // *Philologica: Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 59—84; Ипатова С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме: (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 16. С. 409—436; Джоунс М. Достоевский, Засецкая и учение лорда Редстока // *Д. Дополнения к комментарию*. С. 297—313; Боград Г. А. Предположения о Смердякове: (К вопросу об отношении Достоевского к расколу) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 18. С. 161—169; Карпачева Т. С. Московские и петербургские секты в изображении Ф. М. Достоевского // *Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Н. М. Малыгина; науч. ред. Е. В. Кудрина. М., 2015. Вып. 8. С. 14—31.*

ру обучения в Инженерном училище, когда он слышал рассказы старшего писаря Игумнова об «Инженерном замке, о жительстве в нем в 20-х годах секты „людей Божиих“, об их курьезных радениях (пляске, кружениях и пениях)...».¹ В журналах «Время» и «Эпоха» братьев Достоевских неоднократно появлялись публикации на тему раскола и сект.² Кроме того, в поле зрения писателя должна была попасть часть публиковавшихся во второй половине 1860-х годов газетных и журнальных материалов о хлыстах, которые иногда носили информационный характер,³ но нередко заключали в себе и попытки осмыслить причины их успешной деятельности или давали обстоятельный анализ их учения.⁴ Не прошло, вероятно, мимо Достоевского и нашумевшее «плотицынское дело». Об аресте в Моршанске в январе 1869 г. богатейшего купца М. К. Плотыцына (в некоторых публикациях — Платицын) — главы тамбовских скопцов, хранителя общественного скопческого капитала — первой сообщила газета «Современные известия» (1869. 30 января, № 28), регулярно извещавшая затем читателей о ходе расследования. В феврале—апреле 1869 г. много писали о деле Плотыцына также «Голос», «С.-Петербургские ведомости» и другие газеты. Официальная точка зрения на этот процесс была высказана в «Правительственном вестнике» (1869. 16 (28) марта, № 59). События в Моршанске привлекли внимание общественности к скопцам и хлыстам, отличавшимся чрезвычайной настойчивостью и размахом своей

¹ См.: Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // *Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 1. С. 168.

² См. подробнее: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 113—114; Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск. М. В. Лескинен, Н. М. Филатова; отв. ред. В. А. Хорев. М., 2004. С. 115—122; Агашина Е. Н. Тема религиозного раскола в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2010. № 3. С. 5—7.

³ См.: Из Владимира (корреспонденция «Голоса») // Г. 1867. 13 (25) сентября, № 253; Ливанов Фед. Хлыстовская богородица Акулина Тимофеева // *Русские ведомости*. 1868. 3 декабря, № 262; Кровавая выходка хлыстов // *Северная пчела*. 1869. 26 июля, № 34.

⁴ См.: Кельсиев В. И. Святорусские двоеверы // ОЗ. 1867. № 10. С. 583—619; Максимов С. В. 1) За Кавказом // ОЗ. 1867. № 6. С. 482—521; 2) Народные преступления и несчастья // Там же. 1869. № 4. С. 321—362; Мельников П. И. 1) Тайные секты // РВ. 1868. № 5. С. 5—70; 2) Белые голуби // Там же. 1869. № 3. С. 311—416; № 5. С. 244—294; Барсов Н. Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869; Добротворский И. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869, и рецензии на эту книгу в «Современных известиях» (1869. 19 марта, № 76), «Сыне отечества» (1869. 22 августа, № 193), «Вестнике Европы» (ВЕ. 1869. № 8. С. 741—758).

пропаганды.¹ Подтверждением того, что Достоевский читал какие-то из названных статей, книг, корреспонденций, является упоминание в рассказе «Вечный муж» «хлыстовской богородицы», которая «в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица» (по поводу характеристики Натальи Васильевны Трусой — см. выше, с. 26). Рассуждения о хлыстовщине в связи с осмыслением проблемы национального характера оставили след и на страницах «Идиота». Испуганная духовная жажда, страстность поисков нравственной истины приводили к тому, что «...у нас образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались... — говорит здесь Достоевский устами князя Мышкина. — Да и чем, впрочем, в таком случае хлыстовщина хуже, чем нигилизм, иезуитизм, атеизм? Даже, может, и поглубже еще!» (8, 501, см. выше, с. 820). В том же направлении работала мысль писателя и при обдумывании планов «Атеизма», а затем «Жития».² В последнем его мысли приняли уже форму выводов: «Это просто тип из коренника, бессознательно беспокоимый собственно типическою своею силою, совершенно непосредственною и не знающею, на чем основаться. Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи, или доходят до всей хлыстовщины и скопчества».

Обращает на себя внимание то, что в процитированном рассуждении Достоевского (см. выше, с. 392) подведены под общий знаменатель народ, выставляющий из гущи своей подобные типы, и представители образованных классов. Это могло быть определено знакомством писателя со сведениями о том, что хлыстовская секта в разное время числила среди своих приверженцев не только крестьян и беглых солдат. Достоевский мог знать об этом, например, из указанных выше очерков П. И. Мельникова, где говорилось о многих образованных людях, проявлявших к хлыстовству интерес и усвоивших в значительной мере его учение и обряды: Е. В. Мещерском, членах общества Татариновой (в строгом смысле не являвшегося хлыстовским кораблем), А. Н. Голицыне, В. М. Попове, А. П. Дубовицком. Особенно любопытен и подробен рассказ П. И. Мельникова о А. М. Еленском, католике, камергере Станислава Понятовского, перешедшем затем в православие и в итоге ставшем почетным членом петербургского корабля, скопцом и оскопителем. В марте 1804 г. он отправил Александру I проект об учреждении в России теократического правления («божественной канцелярии») и рукопись, озаглавленную «Известие, на чем скопчество утвержда-

¹ См., например: Н. Б. Скопцы. Образчик совращения в скопчество: (С подлинных слов совращенного) // БВед. 1869. 25, 26 февраля и 2 марта, № 55, 56, 60.

² На факт существования «тесной органической связи секты со складом духовных сил русского простолюдина, с нашим народным характером, наконец, с историческими и бытовыми условиями русской жизни» в это время указывалось и в печати (см., например, в кн. Н. Барсова «Русский простонародный мистицизм», с. 51).

ется» (Мельников-Печерский. Т. 8. С. 218). В хлыстовском учении внимание Достоевского несомненно должны были привлечь идеи обожествления человека, абсолютной власти «Христов» и «пророков» хлыстовского корабля над рядовыми его членами. По учению хлыстов, Христом может объявить себя каждый (если он достиг высшей, по хлыстовским понятиям, ступени нравственного совершенства — так называемого таинственного воскресения). Дерзко объявляли себя богами и внушали фанатическую веру в себя хлыстовский Саваоф Даниила Филиппович, «Христос» Иван Тимофеевич Сулов (при котором состояли 12 апостолов и богородица) и их последователи — Прокопий Лупкин, Кондратий Селиванов, Василий Радаев. «Я сам Бог», — заявляет в духе хлыстов герой «Жития» Кате. Он подвергает ее кротость и терпение бесконечным испытаниям, не в силах преодолеть соблазна полной власти над душой и телом жертвы: «Тогда полюбую, когда всё сделаешь». «В отклонениях фантазии» его — «мечты бесконечные, до ниспровержения Бога и постановления себя на место его». Почва для таких «отклонений» подготовлена рассказами лакея Осипа («— Подружился с Осипом, о хлыстах, вместе чуть не спят»). По замечанию К. А. Степаняна, «внимание Достоевского к хлыстовству было связано еще и с тем, что его всегда занимало отличие подлинного религиозного просветления от разного рода экстатических состояний, болезненных или самовнушенных; особенно опасны, конечно, последние, вроде бы дающие право пророчествовать и вести людей за собой» (Степанян, 2010. С. 278). Психологическая загадка власти двух родственных сект — хлыстовской и скопческой — над русскими умами продолжала волновать Достоевского и в «Бесах» (см. многозначительную фразу Петра Верховенского: «...здесь скопцы есть в уезде, любопытный народ...» — *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 180, а затем его же тираду: «Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он (как и скопческий Христос, который живет в стороне Иркутской и явится в день Страшного суда. — *Ред.*) есть, но никто не видал его <...> И Ивана Филипповича (у Достоевского явная контаминация имен двух первых из упомянутых выше сектантских богов. — *Ред.*) бога Саваофа видели, как он в колеснице на небо вознесся пред людьми, „собственными“ глазами видели» — Там же. С. 325—326), и в «Братьях Карамазовых» (где Федор Павлович кричит монахам: «Нет, отцы, с вами тут, пожалуй, в хлыстовщину втянешься...» — Там же. Т. 14. С. 82, а о его слуге Григории сказано: «В самое последнее время стал прислушиваться и вникать в хлыстовщину, на что по соседству оказался случай, видимо был потрясен, но переходить в новую веру не заблагорассудил» — Там же. С. 89).

Идейная насыщенность замысла «Жития великого грешника» объясняет его особое место в творчестве Достоевского. «Житие» явилось своеобразным арсеналом идей и образов для последующих трех романов писателя. Так, углубление, обогащение замысла романа «Бесы», задуманного как «тенденциозное», памфлетное произведение, было определено тем, что некоторые черты великого грешника Достоевский передал

Князю — Ставрогину, занявшему в романе подобающее ему центральное место.¹ Записи, публикуемые под № 4, послужили материалом для создания образа Тихона в этом же романе (см. не вошедшую в окончательный текст главу «У Тихона» — Там же. Т. 11. С. 5—30). Из «Жития» перешла в «Бесы» и Хроменькая, преобразившаяся в Марию Тимофеевну Лебядкину.

Заглавием своего неосуществленного замысла, в несколько измененном виде («Подросток. Исповедь великого грешника, писанная для себя»), писатель предполагал воспользоваться в один из начальных моментов работы над следующим романом, который он в конце концов назвал «Подросток» (см.: Там же. Т. 16. С. 47—48). Главный герой этого произведения тоже в значительной мере связан с образом великого грешника: он горд, ожесточен унижениями, перенесенными в пансионе, страстен. Выстрадавшая им идея накопления не может целиком завладеть его сознанием. История отклонений от нее, колебаний, которая некогда должна была составить в основном первую часть романа, посвященного детским и юношеским годам великого грешника (см. выше, с. 393—396), нашла свое воплощение в «Подростке». Тем самым частично была решена поставленная в «Житии» задача — написать историю души, изобразить становление личности (см.: *Долинин, Последние романы*. С. 33—35; *Розенблюм, 1981*. С. 197—201). О действующих лицах и сценах, которыми роман «Подросток» обязан «Житию», см. ниже, в реальном комментарии (с. 992—994, 1008, 1014).

С образом великого грешника генетически связаны главные герои последнего романа писателя. К Дмитрию Карамазову ведут записи: «начало широкости», «сладострастие», «разгул»; в характере Ивана отражена богоборческая линия «Жития»; в характере Алексея — мотив послушничества. Тема монастыря и старчества, намеченная в «Житии» как одна из самых главных, получила в «Братьях Карамазовых» углубленное развитие. Тихон Задонский стал одним из прототипов Зосимы. «Монастырскими» записями «Жития» в какой-то степени предопределена композиция шестой книги второй части романа (см. два раздела книги «Русский инок»: «Из Жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы...», «Из бесед и поучений старца Зосимы» — и две группы заметок о монастыре в рукописи «Жития»: с одной сто-

¹ См.: *Комарович, Ненаписанная поэма Достоевского*. С. 203—207; *Комарович В. Л.* «Бесы» Достоевского и Бакунин // *Былое*. 1924 (на обложке — 1925). № 27—28. С. 36—49; *Полонский Вяч.* Николай Ставрогин и роман «Бесы» // *Печать и революция*. 1925. Кн. 2. С. 92—95; *Пономарева Г. Б.* Замысел «Жития великого грешника» и Ставрогина в «Бесах»: (В творческой лаборатории Достоевского конца 1860-х—начала 70-х годов) // *Учен. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской*. 1967. Т. 186. Вып. 11. С. 264—281 (в данной статье сделана попытка уяснить различие характеров Ставрогина и героя «Жития» при их несомненном духовном родстве); *Лотман Л. М.*, 1974. С. 311.

роны, заметки биографические — «О семье, отце, матери, братьях», «Рассказ Тихона о своей первой любви, о детях»; с другой — заметки, заключающие в себе темы наставлений, — «Дай Бог доброй ночи нам и всем диким зверям», «О том, что такое сатана³», «О смирении»). Соотносится с «Житием» и тема детей и детской психологии в «Братьях Карамазовых»: образы Коли Красоткина — «прелестной натуры, хотя и извращенной» (*Акад. ПСС. Т. 14. С. 503*), и Лизы Хохлаковой, в которой есть «что-то злобное и в то же время что-то простодушное» (Там же. Т. 15. С. 21). Детская дружба прикованной к креслу Лизы и Алеши Карамазова — новый вариант отношений Хроменькой и героя «Жития».¹

Отмечена связь «Жития великого грешника» и главы «Влас» *ДП* за 1873 г., герой которой «не „образованный русский человек в летах” (как в «Житии великого грешника»), а простой русский человек из народа, выросший в деревенской глуши», однако жизненные пути этих двух персонажей близки: «Человек могучих внутренних возможностей, исполненный духовной дерзости, способный дойти до последнего предела как в грехе и поругании традиционных народных святынь, так и в безмерности своего покаяния, герой рассказа Достоевского осужден самой своей натурой на то, чтобы в существующих условиях жизни пройти через „безмерность” греха к безмерности самоосуждения, страдания и покаяния».²

Цитированные выше письма Достоевского (см. с. 956—962) показывают, как дорог был писателю замысел «Жития». Однако роман этот, как известно, так и не был написан. Считалось, что писателю не давалась идея «преодоления греховности» и он не мог в соответствии со своим замыслом убедительно изобразить духовный переворот, эволюцию от мрачного преступления к подвигу и деятельности на благо людей. По наблюдению А. Л. Бема, в планах «Жития» «преступный лик героя вырисован четко и психологически убедительно, лик просветленный рисуется смутно, и его конечную победу приходится брать на веру»; даже встреча с Тихоном «скорее укрепляет грешника в его ложном пути, чем ведет его на путь просветления», а в одной из заключительных записей о «не побежденном в своей гордости, не способном на подлинный акт смирения и раскаяния» герое говорится: «Застрелиться хотел <...>». Таким образом, «почти до конца герой „Жития” пребывает в своей гордыне, пути преодоления которой в сохранившемся плане не даны».³

¹ О мотивах и темах «Жития» в «Братьях Карамазовых» см.: Чулков. С. 195—197; Комарович, *Ненаписанная поэма Достоевского*. С. 203—207; Тихомиров, *ЖВГ*. С. 446, 448—449.

² Фридлендер Г. М. Проблема народа и народности в творчестве Достоевского: (Из неопубликованной статьи) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 16. С. 404.

³ См.: Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина: (К спору об «Исповеди Ставрогина»). С. 95—97; ср.: Комарович, *Ненаписанная поэ-*

Следует учитывать, что образ великого грешника, имея достаточно завершённый вид, определяется особенностями мировоззрения Достоевского и его религиозно-философскими взглядами.¹ В «Житии великого грешника» отражена христианская идея преображения человека и показан герой, прошедший духовное падение и вставший «на искупительный путь».²

Незавершённость замысла «Жития великого грешника» объясняется тем, что идеи, изложенные в нём, получают естественное воплощение в романах Достоевского, на разработку которых переключалось внимание писателя (в том числе и в силу внешних обстоятельств, о чем известно из его переписки). Н. А. Бродский считал, что «конспект ненаписанного романа вообще ценен для определения творческой манеры Достоевского», а «романы „Атеизм“ и „Житие великого грешника“ ярко свидетельствуют, что Достоевский не в силах был справиться с динамическим бегом его творческой фантазии, не мог укротить, победить нахлынувшей образной стихии <...>».³ По замечанию П. М. Бицилли, «„Житие великого грешника“ было творческим лоном, из которого вышли все романы Достоев-

ма Достоевского. С. 202. Предпринимаются попытки объяснить незавершённость замысла «Жития великого грешника» «пониманием границ между светской литературой и религиозной, осознанием невозможности художественными средствами описать путь „падания и восставания“ человека, его преображения» (Сайченко В. В. «Житие великого грешника»: трансформация замысла, жанровое своеобразие, роль в творческой эволюции Ф. М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. С. 8). Этому выводу противоречит тот факт, что литература, используя художественные средства, неоднократно обращалась к религиозным темам, а сам Достоевский считал одной из главнейших в литературе XIX столетия тему «восстановления погибшего человека» (см. выше, с. 598—599, 753). Мотив «восстановления» («реабилитации»), кроме того, неоднократно звучит по отношению к образу Настасьи Филипповны в рукописях романа «Идиот» (см. с. 229, 256, 300). См. также с. 601, 603 и др.

¹ По мысли С. И. Фуделя, писатель воспринимал христианство «как раскрытие в человеке и человечестве жизни Богочеловека Христа», и этим объясняется единство восприятия Достоевским любви и страдания, его «вера покаяния и любви среди „невидимой брани“ сомнений и соблазнов» (Фудель С. И. Наследство Достоевского [1963] // Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М., 2005. Т. 3. С. 10).

² См.: Захаров В. Н. 1) О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // *Достоевский в конце XX века*. С. 145—146; 2) Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. С. 157.

³ Бродский Н. А. Угасший замысел // *Документы по истории литературы и общественности*. М., 1922. С. 59.

ского, все вместе это житие, в воспринимающем сознании читателя, образующие», при этом «единство вносится здесь читателем, переживающим проблематику Достоевского. В нем его идея в смене ее отдельных воплощений-„героев“, — соответствующих диалектическим моментам ее развития, „становится“».¹ Вместе с тем следует учитывать, что Достоевский в процессе разработки замысла столкнулся с «необходимостью воплотить образ „человека-универса“, изначально заключающего в себе полноту всех тех возможностей, которые поэтапно, „пороманно“ должны получить осуществление в последовательности биографического сюжета». К решению этой задачи писатель шел «через серию уже действительно „отдельных“, вполне самостоятельных художественных замыслов (это движение и создает внутреннее единство романов «великого пятикнижия»)» (Тихомиров, ЖВГ. С. 451).

С. 387. *Дети и отцы...* — Одна из центральных тем творчества писателя, которая, по мысли Г. М. Фридлендера, интересовала Достоевского еще в 1840-е годы («Бедные люди», «Неточка Незванова») и позднее получила «более широкое отражение в „Униженных и оскорбленных“». С начала 1860-х годов внимание Достоевского было обращено к темам нигилизма и «идеологического и нравственного столкновения „отцов“ и „детей“», в том числе в связи с откликом на проблематику одноименного романа И. С. Тургенева. В «Преступлении и наказании» Достоевский «дал свою, отличную от тургеневской, трактовку близких общественных проблем» (1988. Т. 10. С. 426). Тема получает развитие в романе «Идиот» (в изображении семей и взаимоотношений между поколениями: семейства Епанчиных, Иволгиных, Мышкин и его отец, Рогожин и его отец, Лебедев и его племянник, Ипполит, Бурдовский и др.), а также в рукописных материалах, «где более широко, чем в окончательном тексте романа, развита проблема взаимоотношений детей и взрослых, в том числе Мышкина» (Там же. См. с. 203—208, 222—252). Впоследствии детская тема звучит в рассказе «Вечный муж» и в первой части «Жития великого грешника», а «общественно-идеологический аспект взаимоотношений между поколениями на грани 1860—1870-х годов разрабатывается в „Бесах“» (1988. Т. 10. С. 426. См.: Акад. ПСС. Т. 12. С. 173—178; Буданова Н. Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы» // *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 164—188). Эти аспекты объединяются в последующем толковании темы, возникшем под воздействием «впечатлений от русской молодежи после возвращения Достоевского в Россию в 1871 г.» и отраженном в романе «Подросток» (1988. Т. 10. С. 426. См. также подготовительные материалы к роману: Акад. ПСС. Т. 16. С. 5—6, 15, 16, 41, 45 и др.). В январском ДП за 1876 г. Достоевский сообщил о давнем намерении «написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их

¹ Бицилли П. М. Почему Достоевский не написал «Жития великого грешника» // *Вокруг Достоевского*. С. 222.

отцах, в теперешнем взаимном их соотношении», в котором автор хотел бы изобразить «отцов и детей по возможности из всех слоев общества» и «проследить за детьми с их самого первого детства» (Там же. Т. 22. С. 7, 317—318). Наброски к неосуществленному роману «Отцы и дети» сохранились в среди записей для мартовского выпуска ДП за 1876 г. (Там же. Т. 17. С. 6—8, 430—435). Нравственно-философская и социальная проблематика этой темы нашла отражение как в ДП, так и в последнем романе Достоевского «Братья Карамазовы».¹

С. 387—388. ...*поступление в пансион ~ Чермак...* — См. коммент. ниже, с. 993.

С. 388. ...*первый, — последний, обвинение во всем.* — Евангельская аллюзия: «...<Христос> призвал двенадцать учеников, и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последний, и всем слуга» (Мк. 9:35). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 106. Аллюзия, по мнению Б. Н. Тихомирова, является характеристикой главного героя, который «еще „с детских лет” <...>, со времени учебы в пансионе, всецело захвачен максимой Христа, заключенной в словах о „первых” и „последних”. Но этим же определен и его как „подпольного” типа главный надрыв» (Тихомиров Б. Н. «Подпольная идея для „Русского вестника”». С. 323). В героя, который «со стороны близких слышит только „обвинение во всем», видится недостаток веры, и «в замысле Достоевского» такая коллизия чревата трагическим исходом: «Кончить трагедией»» (Там же).

С. 388. *Молчит и угрюм, кормит семью. Все от него зависят. Молчит. Все тяготятся.* — Сходные характеристики даны герою ранних записей к роману «Идиот» (в его отношениях с родными): «Прослыл Идиотом от матери, ненавидящей его. Кормит семейство, а считается, что ничего не делает» (с. 110); «Он содержит Семейство, и все его ненавидят» (с. 187); «...молчит; смотрит исподлобья. Много

¹ См. подробнее о различных аспектах темы: Фокин П. Е. Судебные очерки «Дневника писателя» 1876—1877 гг. Ф. М. Достоевского как выражение авторской позиции в теме «отцов и детей» // Автор. Жанр. Сюжет: Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград, 1991. С. 48—54; Пушкирева В. С. Дети и детство в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. Белгород, 1998; Волгина О. В. Имя дети в концептуальном мире «Дневника писателя» // Достоевский и современность. Чт. 12 (1997). 1998. С. 23—26; «Педагогия» Ф. М. Достоевского: Сб. ст. / Ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2003; Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: Сб. ст. / Ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2003; Викторovich В. А. Paideia от Достоевского // *Sub specie tolerantiae*. С. 103—108; Бяньз Ч. Образы детей в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и их роль в создании картины мира с точки зрения «реализма в высшем смысле» // *Достоевский и мировая культура*. № 25. С. 135—156.

накипело» (с. 132) (см.: Тихомиров Б. Н. «Подпольная идея для „Русского вестника“». С. 323).

С. 388. *Ему, например, дали пощечину. Он не вызвал.* — Сквозной мотив, встречающийся в различных замыслах Достоевского, см. с. 932.

С. 390. ...*Массачу<сетсѷ>*. — Каллиграфическая пропись, расположенная справа от слов «Поэзия детских лет». Язык записи неясен — возможно, следует читать ее не на латинице («Массачу»), а на кириллице: «Массачу<сетсѷ>» (в автографах довольно много случаев, когда слово в каллиграфии прописано не до конца). Если прочтение верно, то слово оказывается в контексте «художественной географии» Достоевского, преимущественно европейской (Roma, Genève (Женева), Florence (Флоренция), Moscou (Москва), St. Pétersbourg (С.-Петербург), Constantinopolis (Constantinople, Константинополь) и др.), широко представленной в виде каллиграфических прописей в автографах 1860—1870-х годов. Вместе с тем и американский топоним немаловажен для Достоевского, о чем свидетельствуют его произведения.¹

С. 390. *Брат Миша.* — Об отношениях Достоевского и его старшего брата Михаила в детские годы вспоминал А. М. Достоевский: «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Миша был в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федор, который был во всех проявлениях своих настоящий огонь, как выражались наши родители» (см.: Достоевский А. М., 1992. С. 50).

С. 390. *Любовь к Куликову.* — Куликов (подлинная фамилия Кулешов (Кулишов)) — один из персонажей «Записок из Мертвого дома», арестант особого отделения, человек «живучий, сильный, с чрезвычайными и разнообразными способностями» (4, 246, 353). Куликов-Кулишов встречается также в набросках «Смерти поэта», «<Романа об атеисте (ростовщике)>» (см. выше, с. 379, 381—382) и в черновых материалах к роману «Бесы» (см.: Акад. ПСС. Т. 11. С. 107; Т. 12. С. 235).

¹ Об отношении писателя к Америке и американской теме в его творчестве см.: Фаликова Н. Э. Американские мотивы в поздних романах Ф. М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 199—241; Ренанский А. А. Образ Америки в художественной космологии Ф. М. Достоевского (к постановке проблемы) // Американские исследования: Ежегодник. Минск, 2000. С. 102—120; Бузина Т. В. Достоевский в американской культуре и литературоведении // Достоевский и XX век. Т. 2. С. 323; Сараскина Л. И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Теория художественной культуры / Гос. ин-т искусствознания; отв. ред. д-р филос. наук Н. А. Хренов. М., 2010. Вып. 13. С. 195—211.

С. 390. *Брутилов*. — Николай Брусилов — товарищ Алексея Альфонского (одного из сыновей Аркадия Алексеевича Альфонского, см. ниже, с. 994), поступившего в пансион Л. И. Чермака в Москве в феврале 1832 г., воспитанник пансиона с марта 1833 г. Достоевский познакомился с ним осенью 1834 г. Брусилов упоминается в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: *Летопись*. Т. 1. С. 29; *Белов, Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 39, 117).

С. 390. «*Thérèse-Philosophe*». — Книга эротического содержания «*Thérèse-philosophe, ou Mémoires pour servir à l'histoire du P. Dirrag et de Mademoiselle Eradice*» (La Haye, [1748]), приписывалась маркизу д'Аржану (1704—1771), Ф.-К. д'Арль-де-Монтины и др. Достоевский упоминает ее в романе «Игрок» (5, 341, 601). По мнению У. К. Брумфида, «*Thérèse-philosophe*» отразила «рационалистическую этику Просвещения (с ее элементами морального релятивизма)», вызывавшую неприятие писателя (см. подробнее: *Брумфид У. К. Тереза-философ и великий грешник* // «Педагогия» Ф. М. Достоевского. Колонна, 2003. С. 160—176).

С. 390. *Брин...* — Возможно, имеется в виду С. Ф. фон Брин (1806—1876), генерал-лейтенант Семеновского полка (с 1849 г.), состоявший в свите императора.

С. 390. *Humboldt*. — Речь идет об Александре фон Гумбольдте (1769—1859), знаменитом немецком естествоиспытателе, путешественнике и ученом. Достоевский высоко ценил Гумбольдта, уважая в нем «универсальную мысль», «огромное образование», «знание, не по одной своей специальности» (см. письмо к А. Ф. Герасимовой от 7 марта 1877 г. — *Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 2. С. 144). О герое «Жития» в рукописи говорится: «Сколько надо знать наук <...>»; «надо, стало быть, чтоб и в этом (в науках и поэзии. — *Ред.*) он был выше и лучше». Отсюда его интерес к личности Гумбольдта. Упоминание в «Житии» имени этого ученого связано также с темой человека и природы. Ее решение у Гумбольдта сходно со взглядами на этот счет Тихона Задонского (см. выше, с. 978). Работая над своим основным трудом, «Космосом», делом всей его жизни, ученый стремился дать опыт «физического мироописания», т. е. «созерцания всего созданного, всего сущего в пространстве (*вещей природы и сил природы*), как в одно время существующего *целого природы*» (см.: *Гумбольдт А. фон. Космос. Опыт физического мироописания* / Пер. с нем. Н. Фролова. СПб., 1848. Ч. 1. С. 34). Он находился под обаянием «величавого воззрения на природу», которое с таким блеском выразилось в 103-м псалме царя Давида и 37-й главе Книги Иова. С восхищением писал Гумбольдт о том, как переданы в них и разнообразие явлений внешнего мира, и их общая связь: «Можно сказать, что в одном СIII псалме изображена картина целого Космоса <...>»; ср. о Книге Иова: «В ней столь же живописно изображение отдельных явлений, сколько искусно расположение плана целого дидактического творения» (Там же. М., 1851. Ч. 2. С. 39—40). Всё это не могло не привлечь внимания Достоевского.

С. 390. «Ем виноград». — Общий смысл записи неясен. Она может быть сопоставлена со следующим мотивом в подготовительных материалах к роману «Идиот»: «уединил себя от семейства (груши и виноград)» — см. выше, с. 109.

С. 391. ...топ мушвар. — Мушвар (от фр. *mouchoir*) — платок.

С. 391. Матушкины дети у Сушара и у Чермака... — Николай Иванович Сушард (Драшусов) — француз, готовивший братьев Достоевских к поступлению в пансион Чермака (см.: Достоевский А. М., 1992. С. 67—68). Фигурирует также в черновиках романа «Подросток» (Акад. ПСС. Т. 16. С. 72, 74—76, 93—94, 96, 99, 101 и др.; в окончательном тексте — Тушар). Леонтий Иванович Чермак — содержатель частного пансиона в Москве, в котором старшие мальчики Достоевские учились в 1834—1837 гг. (подробнее см.: Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам) // Д. Материалы и исследования. Т. 1. С. 241—254). О Достоевском-пансионере его соученик В. М. Каченовский рассказывал: «...это был сериозный, задумчивый мальчик, белокурый, с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, проводя остальную часть свободного времени в разговорах со старшими воспитанниками пансиона, А. М. Ламовским, Ф. и Ал. Мильгаузенами, Д. и А. Шумахерами и В. Перевошиковым» (Каченовский Влад. Мои воспоминания о Ф. М. Достоевском // МВед. 1881. 31 января, № 31). Вспоминая о времени своего учения у Чермака и о товарищах по пансиону, Достоевский писал: «Бывая в Москве, мимо дома в Басманной (в котором находился пансион Чермака. — Ред.) всегда проезжаю с волнением» (см. письмо к В. М. Каченовскому от 16 октября 1880 г. — Акад. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 219).

С. 391. Пансион ~ Экзамен. См. также с. 396: ...Чермак — Экзамен; с. 398: — У Чермака. Развитие, Чтение, Экзамен; с. 404: На Экзамене он нечаянно отличился, — он хотел показаться идиотом. — «Представляется идиотом, с насмешкой» герой ранних набросков к роману «Идиот», см. с. 114. Сходные мотивы содержатся в черновых рукописях «Подростка»: «Мальчик не выдержал экзамена из классичес^{ких} языков» (Акад. ПСС. Т. 16. С. 24), «NB. Встреча отца с приехавшим к нему из Москвы сыном, не выдержавшим классического экзамена» (Там же. С. 35), «На экзамене, у профессора» (Там же. С. 47), «Подросток шел все классы гимназии из самых первых, но в последнем едва выдержал экзамен (умышленно. Средин). Но выдержал все-таки» (Там же. С. 95). В биографии Достоевского отмечен сходный эпизод, случившийся не в пансионские годы, а в период обучения в Главном инженерном училище. См.: Летопись. Т. 1. С. 53—54.

С. 391. Lambert. — Впервые имя Ламберт (Ламберт) появляется у Достоевского в «Крокодиле», где в качестве эпиграфа взята фраза: «Ohé, Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert?» («Эй, Ламберт! Где Ламберт? Видел ли ты Ламбера?») — см.: Алексеев М. П. Об одном эпиграфе у Достоевского // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 367—372. Евгений Ламберт, «иностранец», поступивший

23 ноября 1831 г., фигурирует в списке пансионеров Л. И. Чермака за 1833 г. Братья Достоевские учились с ним по меньшей мере год (см.: *Д. Материалы и исследования*. Т. 1. С. 248—249). В «Житии» Ламберт изображен как воплощение злобного, разрушительного начала, которое герой ощущает в самом себе. В той же роли переходит затем в роман «Подросток» (см. черновые записи: «Что же хорошего в Ламберте?»; «Ламберт волнует его»; «Ламберт — мясо, материя, ужас — и проч.»; «Спаси себя от Ламберта» — *Акад. ПСС*. Т. 16. С. 36, 123, 128, 419; Т. 17. С. 256, 364).

С. 391. ...Альфонский... — Аркадий Алексеевич Альфонский (1796—1869) — известный московский ученый-медик; с 1817 г. служил вместе с отцом Достоевского ординатором и консультантом в Мариинской больнице для бедных в Москве, с 1830 г. «во время бывшей эпидемической холеры определен в должность Главного Доктора Императорского Воспитательного Дома»; с 1819 г. преподавал в Московском университете хирургию, впоследствии был деканом медицинского факультета, проректором и ректором университета (см.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета*... М., 1855. Ч. 1. С. X, XIX, 1—3). Его первая жена была близким другом М. Ф. Достоевской; вторым браком Альфонский был женат, как пишет брат писателя, на «знатной барыне» (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 41), Екат. А. Мухановой (1800—1876), дочери шталмейстера А. И. Муханова (сестре декабриста Пет. А. Муханова и историка Пав. А. Муханова). Газетное сообщение о смерти Альфонского 4 января 1869 г. (см., например, некролог в «Современных известиях»: 1869. 2 февраля, № 31) могло оживить детские воспоминания Достоевского об этом человеке. В «Житии» отражен, например, такой факт биографии Альфонского, как его вторая женитьба (см. запись: «У великосветской жены А<льфонско>го (мачихи героя) <...>» — с. 403). Семья Альфонских упоминается также в черновых рукописях романа «Бесы» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 11. С. 199). В. Л. Комарович связывает с Альфонским из «Жития великого грешника» последующую разработку образа Версилова в романе «Подросток» (*Комарович В. Л.* Генезис романа «Подросток» // *Литературная мысль: Альманах*. Л., 1925. Кн. 3. С. 376, 378; см. также: *Акад. ПСС*. Т. 17. С. 256). По замечанию Г. А. Федорова, «образ „случайного семейства“ также отмечен многими реалиями семьи Альфонских: Аркашка и Катя — это имена детей Альфонского от первого брака» (*Федоров*, 2004. С. 155. См. также: *Летопись*. Т. 1. С. 19; *Белов*, *Достоевский и его окружение*. Т. 1. С. 40).

С. 392. ...Москва ~ Петербург...; см. также с. 398: *Славянофилы и Западники*, *Москва и Петербург*... — Каллиграфические прописи

¹ В «Житии» сказано, что до брака «докторша» «изнывала, засидевшись в девках» (с. 403), — факт, находящий соответствие в биографии Е. А. Мухановой, которую А. А. Альфонский «взял в жены уже в тридцатилетнем возрасте» (*Тихомиров*, *ЖВГ*. С. 445).

с указанием Москвы и Петербурга неоднократно встречаются в черновиках Достоевского 1860—1870-х годов, в том числе в рукописных материалах к «Идиоту» и неосуществленным замыслам автора (см. с. 129, 196, 383, 392 и др.). В контексте набросков «Жития» упоминание этих городов становится как автобиографическим (города детства и взросления, становления личности самого писателя), так и культурно-историческим знаком. Тема Москвы и Петербурга представлена во многих текстах XIX столетия — в «Путешествии из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина, «Петербургских письмах» В. Ф. Одоевского, «Петербургских записках 1836 года» Н. В. Гоголя, статьях «Москва и Петербург» А. И. Герцена, «Петербург и Москва» В. Г. Белинского, «Москва и Петербург: заметки зеваки» Ап. Григорьева, «Значение столицы» К. А. Аксакова, докладах «О старом и новом», «Речь о причинах учреждения Общества любителей словесности в Москве, читанная в публичном заседании 26 апреля 1859 года» А. С. Хомякова и др. По мысли К. Г. Исупова, «„Москва”/„Петербург” оцениваются как „естественное”/„искусственное”», с гоголевских времен Петербург воспринимается как «фантом, призрак, город, таящий умышление против человека» (*Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении* // Москва — Петербург: Pro et Contra. Диалог культур в истории национального самосознания: Антология. СПб., 2000. С. 14, 18). С особой остротой «спор столиц» проявился в полемике славянофилов и западников (см.: Там же. С. 25 и далее), в которой антиномия «Москва—Петербург» воспринималась как воплощение «старомосковской» и «русско-европейской» традиций (Там же. С. 27). По-видимому, и у Достоевского не является случайным соседство каллиграфических прописей «Славянофилы и Западники», «Москва и Петербург».

С. 392. *Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи...* — В «Записках из подполья» Достоевский, вероятно находясь под впечатлением книги Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (2-е изд., доп. СПб., 1859), писал о Разине как о «кровопроливце» (5, 125; ср. близкую трактовку Разина в «Бесах» — *Акад. ПСС*. Т. 10. С. 201; Т. 11. С. 278). Упоминание имени Разина в связи с размышлением о типе из «коренника» («коренник» — устар. и прост. коренной, исконный) позволяет предположить, что не менее существенной, чем книга Костомарова, была для Достоевского в данном случае статья Н. В. Шелгунова «Русские идеалы, герои и типы» (Дело: Журнал литературно-политический. 1868. № 6). Полемизируя с автором «Бунта Стеньки Разина», Шелгунов писал: «Г<осподин> Костомаров называет Разина извергом рода человеческого. <...> Это не был Ган Исландец, не был разбойник, он был по меткому выражению народа мука мирская, выражение народного протеста против существовавших в то время общественных отношений. Если читатель припомнит всё то бедствие, которому подвергался народ от прикрепления его к земле, все злоупотребления, какие позволяли себе с крестьянами и холопами помещики и власти, то ему сделается ясна роль Разина. <...> Разин был человек не напускного либерализма, а органи-

ческий продукт страны, в этом и секрет его изумительной нравственной силы. Не о том речь, какого качества были его убеждения, ошибался он или нет; вопрос в том, что его убеждения были созданы всего более жизнью и не мог он говорить того, чего говорить был не в состоянии. Люди этого сорта называются цельными натурами и являются по преимуществу из народа» (С. 88—89, 90). Данила Филиппович — хлыстовский Саваоф, крестьянин Юрьевецкого уезда Костромской губернии; по преданию, «явился» в 1631 г. во Владимирской губернии, Муромском уезде, Стародубской волости, на горе Городине; проповедовал во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Московской губерниях свое учение, заключавшееся в 12 заповедях; в 1700 г. умер («вознесся») в Москве (см.: *Мельников-Печерский*. Т. 8. С. 131—136). О теме хлыстовства см. выше, с. 982—985.

С. 393. *Живорезов*. — Возле записей к замыслу «Смерть поэта» встречается каллиграфическая пропись «Живоедов» (с. 380), вероятно, относящаяся к замыслу «Жития великого грешника», так как, во-первых, название этого замысла представлено на той же странице рукописи также в виде каллиграфических прописей, во-вторых, среди набросков непосредственно к этому замыслу обнаруживается каллиграфически записанная фамилия «Живорезов» — очевидно, вариант к «Живоедов». Каллиграфия Достоевского содержит указания как на реальных лиц, так и на персонажей его произведений. В данном случае мог подразумеваться персонаж (ср. с примерами языковой игры в замысле «Смерть поэта» — фамилии «Никчорыдов» и «Дырочкин»), но в рукописях есть также примеры вариантного употребления фамилии реального лица, переродившегося в персонажа («Кулишов» — «Куликов»). Если фамилии «Живорезов» и «Живоедов» относятся к задуманному Достоевским персонажу, то стоит заметить, что писатель следует свойственной ему манере использования символических говорящих имен, нередких для его произведений (Раскольников, Разумихин, Капернаумовы, Ставрогин, Шатов и др.).

С. 393. ...*чение Карамзина. Арабские сказки*. — Достоевский, по собственному признанию в письме к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г., «возрос на Карамзине» (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 153). «Бедная Лиза», «Письма русского путешественника», «История Государства Российского» входили в круг семейного чтения в доме его родителей. В частности, «История», как отмечает А. М. Достоевский, была для писателя в детстве «настолярною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького» (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 71). По рекомендации Достоевского, «Историю» читали и его дети (см.: *Достоевская Л. Ф.*, 2017. С. 196). О любви Достоевского к «Истории» Карамзина и о превосходном знании им этой книги см. выше, с. 535—536, а также 7, 420—421.¹ Сказки из «Тысячи и одной ночи»

¹ О значении творчества Карамзина для Достоевского см., кроме того: *Архипова А. В.* Достоевский и Карамзин // *Д, Материалы и исследо-*

(выходили в России с 1760-х годов в переводах с французского языка) рассказывала детям Достоевским «часто гостившая» в доме «старушка Александра Николаевна» (см.: *Биография*. С. 9).

С. 393. *О Суворове...* — В первой половине XIX в. существовала достаточно обширная литература, посвященная полководцу, см., например: <*Антинг И. Ф.*>. Победы графа Александра Васильевича Суворова-Рымникового, или Жизнь его и военные деяния... / Пер. с фр. Ф. Бунакова. М., 1809—1810; История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникового, от самого начала вступления его в службу до его кончины... М., 1812. Ч. 1—2; Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича, князя Италийского, графа Суворова-Рымникового... 3-е изд. М., 1814; Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникового / Изд. Е. Фуксом. СПб., 1827; Анекдоты князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникового / Собр. из разн. поврем. изд. И. Зейдель. СПб., 1865. Достоевскому могли быть известны некоторые публикации и труды 1860-х годов — письма полководца, воспоминания современников: На ординарцах у Суворова, в Праге: (Из записок А. А. Кононова) // Русская беседа. 1860. Кн. 1. Отд. IV: Смесь. С. 77—80; Письма и записки князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникового. 1787—1800 // *РА*. 1866. № 7. Стлб. 930—1030; Письма к Я. И. Булгакову // Там же. 1867. № 4. Стлб. 487—489; Из записок генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского // Там же. Стлб. 525—538; № 10. Стлб. 1290; Жизнь и деяния князя Г. А. Потемкина-Таврического. Сочинение гр. А. Н. Самойлова // Там же. № 10. Стлб. 1225—1226, 1238—1250; № 12. Стлб. 1539—1540, 1545, 1549—1551; Письмо Суворова к Д. И. Хвостову // Там же. 1868. № 11. Стлб. 1865—1866; Два письма Суворова к С. А. Колычову // Там же. 1869. № 2. Стлб. 210; книги — *Новаковский В. И.* Александр Васильевич Суворов: Чтение для юношества. 2-е изд., испр. СПб., 1863. (Сер. Биографические очерки Владимира Новаковского; 2); *Русские люди: Жизнеописания сооте-*

вания. Т. 5. С. 101—112; *Жиликова Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844—1849) / Под ред. докт. филол. наук Ф. Э. Кануновой. Томск, 1989. С. 11, 51—54, 58 и др.; *Шаулов С. С.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в контексте литературных путешествий русских писателей XVIII в. // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2003. Вып. 4. С. 82—88; *Новикова Е. Г.* «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста»: Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна мл. «Христос во гробе» // *Проблемы исторической поэтики*. 2008. Вып. 8. С. 414—428; *Белов С. В.* Достоевский и Карамзин // Белов С. В. неподвижно лишь солнце любви: Избранные статьи о жизни и творчестве Федора Михайловича Достоевского. СПб., 2015. С. 220—237.

чественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы. СПб.; М., 1866. Т. 1. С. 173—296; *Смитт Фр. фон*. Суворов и падение Польши / Пер. с нем. СПб., 1866—1867. Ч. 1—2. Это также могли быть публикации более раннего времени (письма и воспоминания — *РВ*. 1842. № 1—6; Москвитинин. 1842. № 4—6, 12; 1843. № 1—3, 8; 1844. № 1, 5—10; 1845. № 1, 5 и 6; книги — *Полевой Н. А.* История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843 (2-е изд. СПб., 1858); Биография Александра Васильевича Суворова, им самим писанная в 1786 году / Сообщ. в Обществе истории и древностей рос. действ. членом оного Д. П. Голохвастовым. М., 1848; *Давыдов Д. В.* Встреча с великим Суворовым // Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича) / Изд. А. Смирдина. СПб., 1848. С. 85—109 (Полное собрание сочинений русских авторов)). Великого грешника, «упражнявшего» волю («раны и сожигания», «порезал себя для пробы»), фигура Суворова могла особенно привлечь потому, что этот от природы слабый здоровьем человек обладал несгибаемой волей, огромной силой духа и поразительной, казавшейся современникам таинственной, способностью воздействия на людские массы. В записной тетради Достоевского 1880—1881 гг. Суворов, наряду с Алексием, человеком Божиим, Кутузовым и Гасом (Гаазом), отнесен к разряду «лучших людей» (*Акад. ПСС*. Т. 27. С. 53, см. выше, с. 919). См. также: *Подосокорский Н. Н.* Суворовская легенда в творчестве Достоевского // *ВЛ*. 2011. № 5. С. 444—454; 2012. № 1. С. 388—398.

С. 393. *Анна и Василиса бежали.* — Анна (кухарка) и Василиса (прачка) — крепостные, принадлежавшие родителям Достоевского еще до покупки ими села Дарового. Достоевский-отец считал Василису «подозрительной», обвинял в кражах и пьянстве. Мария Федоровна соглашалась с мужем и хотела поскорее отделаться от неудобной прислуги: «Ах! ежели бы мне можно было, шелепами бы прогнала ее» (см.: *Нечаева, В* семье и усадьбе Достоевских. С. 96, 99—100, 139). Тем не менее побег Василисы очень огорчил Достоевских, ибо «бросал тень на худое житье» у них «крепостным людям» (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 39).

С. 394. ...*(увлекается чем-нибудь ужасно, Гамлетом н<а>-прим<ер>)*. — Восхищение «Гамлетом» героя «Жития» — замысла, в котором отражены религиозные сомнения Достоевского, связано с интересом великого грешника к волновавшим писателя темам жизни и смерти (ср.: *Ровда К. И.* Глава VII. Под знаком реализма // Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 590—597). Шекспировские сюжеты («Отелло», «Гамлет», «Король Лир», «Макбет») восходят к «архетипу грехопадения» или связаны с ним, человек в творчестве обоих писателей, находясь во власти искушений и страстей, решает задачу свободного выбора между добром и злом (см.: *Дудкин В. В.* Грехопадение у Достоевского и Шекспира // *Достоевский и мировая культура*. № 24. С. 56—57). Позднее о «проклятых вопросах» человеческого бытия Достоевский размышляет

в черновиках к *ДП* за 1876 г., где Шекспир назван «поэтом отчаяния» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 24. С. 162, 167). Трагедия шекспировского героя в том, что он «признает существование Бога и тем не менее отвергает Бога и пытается занять Его место, присвоить себе Его роль в мироздании, распоряжаться мирозданием по своему собственному усмотрению» (*Бузина Т. В.* На путях самообожения у Достоевского и Шекспира (Ставрогин, Гамлет, принц Гарри) // *Достоевский и мировая культура*. № 27. С. 143). Этой чертой наделены многие герои Достоевского, в том числе великий грешник. Писатель размышляет над проблемами «самоопределения человека в мироздании», «замещения воли абсолюта ограниченной волей человека» (Там же. С. 146). Вместе с тем в его произведениях «глубочайшие вопросы человеческого бытия, своей неразрешимостью способные породить отчаяние», разрешаются в христианском преображении героев. Такой поворот намечается и в финальной части «Жития великого грешника», и в дальнейшем творчестве Достоевского: в подготовительных материалах к роману «Подросток» есть определение «Гамлет-христианин» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 5), указывающее на авторскую попытку осмыслить этот шекспировский образ в контексте христианских идей (см. подробнее: *Степанян К. А.* Реализм Достоевского в большом времени (Шекспир, Сервантес, Бальзак, Маканин) // *Достоевский и мировая культура*. № 30. Ч. 1. С. 25).

С. 394. *Жители луны*. — Возможно, имеется в виду популярная в 1830-х годах книга «О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом сир Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды» (Пер. с нем. СПб., 1836), которая содержит фантастические сведения об открытии Джоном Гершелем человекоподобной жизни на Луне, якобы сообщенные его помощником Эндрю Грантом (историю этой мистификации см.: *БдЧт*. 1836. Т. 16. Ч. 2. Отд. VI. С. 66—79; см. также рецензию В. Г. Белинского в «Молве»: 1836. № 11. С. 311—312 — *Белинский*. Т. 2. С. 226). Представление иной (инопланетной) жизни — тема, нашедшая отражение в творчестве Достоевского (прежде всего, в «фантастическом рассказе» «Сон смешного человека») и обусловленная антропософскими взглядами писателя, пониманием человека «на земле» как «существа только развивающегося, следственно», не оконченного, а переходного» (см. запись от 16 апреля 1864 г. «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» на смерть М. Д. Исаевой — *Акад. ПСС*. Т. 20. С. 172—173) и попытками найти ответ на вопрос о возможности для человечества «земного рая» (ср. с записью к роману «Идиот»: «Теория счастья на земле» (с. 134) и картиной «золотого века», изображенной в письме Настасьи Филипповны в романе «Идиот» (см.: 8, 419), а позднее описанной Ставрогинным в «Бесах» (Там же. Т. 11. С. 21—22; Т. 12. С. 320—321) и Версиловым в «Подростке» (Т. 13. С. 375—376; Т. 17. С. 312—313, 389)).

Для Достоевского могла иметь значение статья Н. Н. Страхова «Жители планет» (*Вр*. 1861. № 1. С. 1—56, на с. 14, 21 — о «жителях луны»), в которой предпринималась попытка решить вопрос о суще-

ствовании иных миров. Страхов пишет о том, что астрономия позволила по-новому взглянуть на место человека в мироздании: «Человек должен вообразить себе, что он окружен бесчисленными мириадами миров, простирающихся в бесконечность, где живут, мыслят и действуют существа бесконечно-разнообразные, которых совершенство может несравненно превышать всякое человеческое совершенство. Вот что открыла астрономия, вот ее величайшее благодеяние. Человек не имеет права признавать за собою исключительное богоподобие, не должен иметь притязаний на абсолютную истину; он — песчинка в океане существования, и жизнь его, со всем ее содержанием, с его знанием и душою — ничтожна, как чуть видная волна в этом океане» (С. 6). Рассуждая о стремлении человеческой мысли к иным мирам, Страхов замечает: «Человек недоволен своею жизнью; он носит в себе мучительные идеалы, до которых никогда не достигает; и потому ему нужна вера в *нравственное* разнообразие мира, в бытие существ более совершенных, чем он сам» (С. 20). В то же время в статье лейтмотивом звучит мысль о совершенстве человека как явления природы: «Лев — царь зверей, несмотря на то, что есть многие животные больше, сильнее и быстрее его. Человек же имеет преимущество над самым львом: он боролся с ним и истреблял его гораздо прежде, чем поумнел до того, что выдумал порох» (С. 13), «форма человеческого тела также ясно указывает на механическое совершенство человека» (С. 14), «человек не только есть лучшее из животных, но он есть последнее животное, воплощенный идеал животной жизни, вершина, до которой достигло животное царство, как до своей цели. Такую *непревосходимость* человека доказать не легко, но возможно» (С. 39), «Мыслить создание природы, которое было бы выше человека, невозможно. Следовательно невозможно предполагать, чтобы на других планетах жизнь проявилась совершеннее или даже иначе, чем на планете, где высшее существо есть человек» (С. 48). Статья Страхова завершается рассуждениями об истинном богоподобии, о том, что люди могут быть прекрасны, живя на земле, — возникает своеобразная аналогия теме «земного рая»: «Если в нас существует неутолимая жажда *иной* жизни, то этот человек вообще, истинно богоподобный человек, есть неисчерпаемый источник для ее утоления. Мы любим жить в тесном кружке наших понятий, в узком мире нашей личности; понятно, что душа бьется и просится из этого мира. Постараемся выйти из него; вместо того, чтобы путешествовать на планеты, вникнем внимательно в жизнь других людей; мы откроем в ней новые миры, богатые еще неведомой для нас красотой и силой» (С. 56). В черновых записях к «Сну смешного человека» Достоевского есть выражение «человек вообще» — вероятно, отсылка к «Жителям планет»: «Челове<к> вообще. Тем менее я люблю людей в частности» (Акад. ПСС. Т. 25. С. 232). В «Бесах», «Подростке», «Сне смешного человека» взгляд на человека определяется этическими представлениями. В «Житии великого грешника» также звучат нравственно-этические оценки — запись о Гамлете и о «жителях луны» сделана возле одной из ключевых характеристик героя: «Кровь иногда

его мучает <...> Не одно это уединяет его от всех, а именно мечты о власти и непомерной высоте над всем».¹

С. 394. ...*Антоний*... — Каллиграфическая пропись на развороте листа: на <с. 9> находятся наброски «Жития великого грешника», на <с. 10> — каллиграфия и рисунки готического окна. По-видимому, имя указывает на раннехристианского святого — преподобного Антония Великого, отшельника, основоположника пустынножительства, противника арианства (см.: 7, 422—423). Житие святого Антония, написанное его учеником, святителем Афанасием Александрийским, входит в издание (см.: *Избранные жития*. Январь. С. 142—152), которое было в библиотеке Достоевского.² По мысли А. Кавацца, «словесный образ святого Антония из сборника „Избранные жития“ лаконичен, но выразителен. Его учение может быть сведено к трем постулатам: 1) бороться с самим собой, чтобы отогнать мысли суетные и коварные; 2) работать и молиться постоянно, чтобы угодить Богу и достичь мира в сердце; 3) быть скромным, чтобы противостоять высокомерию ума» (*Кавацца А. Житие святого Антония как вероятный источник изображения сил зла в «Бесах» Достоевского*. С. 199). Характеристики героя Достоевского в заметках, возле которых появляется каллиграфическая пропись с именем Антония, таковы: «Чувство разруш<ения>», «сладострастие», «огромный замысел владычества», «он чувствует себя не в состоянии, сам, подладиться под этих людей», «сам испытывает себя и любит опускаться в бездну», «устанавливается все-таки на деньгах», «о Боге пока не думает», «как бы смирен», «нелюдим и необщителен», «кровь иногда его мучает», «мечты о власти и непомерной высоте над всем». Автор замечает, что великого грешника сбивают «с этой высоты» (т. е. со стремления возвыситься) «науки, поэзия», но герой увлекается книжным учением «в том смысле, что это выше и лучше и что надо, стало быть, чтоб и в этом он был выше и лучше». Эти опре-

¹ См. также: *Якубович И. Д.* Философский контекст рассказа «Сон смешного человека» и фантастический роман конца XIX—начала XX в. (Г. Уэллс, Ф. Сологуб) // *Д. Материалы и исследования*. Т. 21. С. 171; *Тоичкина А. В.* Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» в творчестве Ф. М. Достоевского 1860—1870-х гг. // *Д. Материалы и исследования*. Т. 22. С. 262—273.

² Кроме того, один из главенствующих мотивов жития — искушение преп. Антония бесами и борьба с ними — нашел отражение в европейской живописи (Иероним Босх, Ян Брейгель Старший и Питер Брейгель Младший), с которой Достоевский, посещавший картинные галереи во время путешествий по Европе, мог быть знаком (например, с картиной «Искушение святого Антония», приписывавшейся Брейгелю Младшему и находившейся в Генуе, где писатель был в 1863 г. совместно с А. П. Сусловой) (см.: *Кавацца А.* Житие святого Антония как вероятный источник изображения сил зла в «Бесах» Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2016. Вып. 14. С. 211—212).

деления свидетельствуют именно о «высокомерии ума», об отсутствии смирения — также одна из важнейших тем замысла Достоевского, особенно отчетливо звучащая в записях о Тихоне, см. выше, с. 406, 977—978.

С. 395. — *Находит бумажник ~ Деньги положил наживать честным путем. Колебание над бумажником.* См. также с. 397: — *Первая организовавшаяся мечта о значении денег.* — О найденном бумажнике говорится в замысле «Смерть поэта», см. также комментарий к замыслу «Из Повести о Молодом человеке», с. 937. Мотив «наживания честным путем», связанный с «организовавшейся мечтой» героя о «значении денег», вариативно представлен в «Идиоте» (образ Птицына) и «Подростке» («ротшильдовская идея» Аркадия Долгорукого).

С. 395. (*Манго.*) — А. М. Достоевский вспоминал о надзирателях в пансионе Л. И. Чермака: «Первый из них француз m-г Манго. Это был мужчина лет 45-ти, очень добродушный, а, главное, ровный господин, никогда он, бывало, не вспылит, а всегда хладнокровный и обходчивый. Обязанность его, кроме надзирательства, была читать с нами по-французски, действительно, читал он мастерски, так что и в высших классах часто занимался этим, но по части грамматики был плоховат и не брался за нее. Он был барабанщиком великой Наполеоновской армии; в 1812 году был взят в плен и с тех пор оставался в Москве. Так как он очень правильно говорил по-французски и отлично читал, то ему и было дозволено быть надзирателем или гувернером» (*Достоевский А. М., 1992. С. 95—96*). Упоминается также в «Преступлении и наказании» (6, 335).

С. 395. — *Albert и он срывают звезду с венца...* — Имеется в виду элемент оклада иконы — венец. Ср. в Сибирской тетради: запись № 76 со словами арестанта о кражах в церкви (4, 270, 467). Как сказано в статье С. В. Максимова «Народные преступления и несчастья», с которой Достоевский, возможно, был знаком, «грех святотатства» «в сибирских табелях ссыльных, сделался судьбою, каким-то видом неизлечимой и постоянной болезни» (*ОЗ. 1869. № 4. С. 329*).

С. 397. 13 — 2 — [27] — 12 — 3 — 5 — 35 лет назад — *родился в 1835 году.* — Эти расчеты на полях рукописи отражают первоначальную хронологию сюжета «Жития великого грешника»: «С учетом авторского указания в письме Майкову о том, что героя помещают в монастырь в тринадцатилетнем возрасте (т. е. в 1848 г.), анализ этой арифметической записи позволяет заключить, что „великий грешник“ проводит в монастыре два года; время действия следующего романа разворачивается через двенадцать лет, когда герою уже двадцать семь. В четвертом романе ему около тридцати. И наконец, финал „Жития...“ приходится на 1870 г., когда герою 35 лет» (*Тихомиров, ЖВГ. С. 444*). В рукописи отчасти воспроизведена сюжетная канва повествования: «дет<ство>», «монаст<ырь>», «до ссылки», «ссылка и сатана», «подвиги». Б. Н. Тихомиров замечает, что в наброске «После монастыря и Тихона...», «фактически представляющем собой краткий обобщен-

ный проспект последних трех романов „Жития великого грешника“, о ссылке уже нет ни слова <...>» (Там же. См. также: Тихомиров Б. Н. *Другой Свидригайлов*: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы) // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Ф. М. Достоевский: О творчестве и судьбе. М.; Иркутск, 2011. Вып. 25. С. 151—152).

Следует обратить внимание на то, что в черновике контекст этого слова не расшифровывается, но указана смысловая связь «ссылка и сатана». Возможно, под «ссылкой» подразумевается не самостоятельный хронологически этап жизни героя, а именно пребывание его в монастыре. В названном письме А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. речь идет о том, что 13-летний герой «посажен в монастырь родителями», т. е. оказывается там по их, а не по своей воле. Сходная характеристика — «ссылка» в монастырь — дана Чаадаеву («Тут же в монастыре посажу Чаадаева»), которого, по замыслу писателя, могли бы на год отправить «посидеть в монастырь» за опубликование им бесцензурно, «за границей, на французском языке» некоей брошюры (*Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 118*). «Сатана» упоминается именно в «монастырской» части истории великого грешника («— О том, что такое сатана?»), что соответствует житийной основе повествования. Распространенный в житиях мотив бесовского искушения присутствует, как правило, в описании борьбы святого с бесами. Отголоском данного мотива является характеристика из «Жития великого грешника»: «— Дружба с мальчиком, который позволяет себе мучить Тихона выходками. (Бес в нем)». О самом герое сказано: «Неверие в первый раз — странным эпизодом и только в монастыре организуется». О «подвигах» великого грешника говорится при описании его пансионских лет («Подвиги — бежать с Катей. Куликов, с ним. Убийство») и жизни «после монастыря» («Подвиг и страшные Злодейства»), и в этих двух контекстах слово «подвиг» имеет разные значения: в первом случае вероятнее отрицательное, во втором — связанное с житийным контекстом, в сочетании с мотивом злодейств образующее антиномию и отражающее драматизм внутренне противоречивых поступков героя.

С. 397. — Один, но подробный психологический анализ, как действуют на ребенка произведения писателей, н<a>п<ример> «Герой нашего времени». — Отмечено, что интересовавшие Достоевского произведения нередко проводятся в его творчестве «сквозь сознание детского ума» (*Гиголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Д. Материалы и исследования. Т. 6. С. 72*). В данном случае, учитывая автобиографизм записей к «Житию», могли иметь значение юношеские впечатления самого писателя. Как указал В. Я. Кирпотин, Достоевский откликнулся на вышедший в 1840 г. роман «Герой нашего времени» Лермонтова в письме брату Михаилу от 19 июля 1840 г. (где не названо произведение, но используются выражения из лермонтовского текста): «В самом деле как грустна бывает жизнь твоя, и как тягостны остальные ее мгновенья, когда человек, чувствуя свои заблужденья, сознавая в себе силы необъятные, видит, что

они истрачены в деятельности ложной, в неестественности, в деятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавлен, потушен Бог знает чем; когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея, а не великана, ребенка, а не человека» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 28. Кн. 1. С. 75; *Кирпотин*. С. 98). По замечанию исследователя, «всё в этих строках соответствует мысли и настроению только что прочитанной книги Лермонтова. <...> Исповедь Достоевского сливается с исповедью Печорина. Могучая сила лермонтовского отрицания накладывает глубокую печать на формирующееся мирозерцание Достоевского» (Там же. С. 98—99; см. также: *Журавлева А. И.* Лермонтов и Достоевский // *Известия АН СССР*. Сер. лит. и яз. 1964. Т. 23. Вып. 5. С. 386—392).

В научной литературе отмечена двойственность отношения Достоевского к Лермонтову: «Насколько высоко ценил он Лермонтова как поэтическую личность, настолько низко он ставил Печорина как тип» (*Аллен Л.* «Герой нашего времени» Лермонтова в художественном восприятии Достоевского // *Аллен Л.* Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 35). В ДП за 1876 г. Достоевский говорит об отрицательном влиянии «дурных человечков, появлявшихся в литературных наших типах и заимствованных большею частью с иностранного», на русских читателей: «Вспомните: мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении „Героя нашего времени“» (*Акад. ПСС*. Т. 22. С. 39). По мнению В. И. Левина, «ожесточение Достоевского против Печорина вполне закономерно, оно целиком — в духе времени»; писатель «видел в лермонтовском герое определенный широко распространенный социальный тип»: «Черты „демона“ и „лишнего человека“ слились в Печорине, — так это представлялось Достоевскому, — каждое из этих начал было для писателя неприемлемым, более того, — с его точки зрения, оказывавшим самое что ни на есть тлетворное влияние на русское общество» (*Левин В. И.* Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов // *Известия АН СССР*. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31. Вып. 2. С. 145). Г. Г. Лукпанова объяснила «дневниковую» оценку Достоевского стремлением сознательно «умалить, „офельетонить“ Печорина» в соответствии с предпринятой в ДП критикой подражательности русской литературы и бездумных заимствований, каковыми, по мнению Достоевского, и были «дурные», «злые человечки» вроде лермонтовского героя (*Лукпанова Г. Г.* О преломлении одного лермонтовского мотива в романах Достоевского // *Филологические науки*. 1980. № 6. С. 23; ср.: *Живолупова Н. В.* «Маскарад» Лермонтова в творчестве Достоевского 60—70-х гг. Мотив мщения // *Сюжет и время: Сб. научн. тр.: К 70-летию Г. В. Краснова / Колом. пед. ин-т. Коломна, 1991. С. 136—137*). В ДП за 1877 г. Достоевский высказался о Лермонтове иначе, отметив в его творчестве возможность пушкинского «исхода», заключавшегося «в преклонении перед народной правдой» (*Акад. ПСС*. Т. 26. С. 117). Ср. с другим высказыванием Достоевского, записанным Е. Н. Опочинным в период 1879—1881 гг.: «...какое дарование! 25 лет не было, он

уже пишет „Демона”. Да и все его стихи — словно нежная, чудесная музыка. Произнося их, испытываешь даже как будто физическое наслаждение. А какой запас творческих образов, мыслей удивительных даже для мудреца» (Беседы с Достоевским. Записи и припоминания Е. Н. Опочинина / Предисл. и примеч. Ю. Верховского // Звенья. М.; Л., 1936. С. 470—471; см. также: Точиева Х. Ш. Лермонтов в творческом восприятии Ф. М. Достоевского // Кавказ и Россия в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: М-лы Всесоюз. лермонтовской конференции, 27—29 сент. 1984 г. Грозный, 1987. С. 74—82).

Неоднократно отмечалась близость художественной философии Достоевского и Лермонтова. По определению Л. П. Гроссмана, «Лермонтов был <...> близок и дорог» Достоевскому «прежде всего, как совместитель непримиримых психологических антитез»: «Добро и зло, кротость и мстительность, бесплодная влюбленность и мрачная страстность, иронический скептицизм и тоска по вере, пророческая уединенность и культ отваги до кровопролития — в этих началах, раздирающих всю лермонтовскую лирику, как бы кроется прототип вечной борьбы в сердце и творчестве Достоевского. Загадочная способность Лермонтова совмещать в себе влечения к Демону и к Богородице предвещает грядущую в творчестве Достоевского вечную борьбу Содомы и Мадонны» (Гроссман, Библиотека. С. 80; ср.: Скафтымов А. П. Лермонтов и Достоевский // Вестн. образования и воспитания. 1916. Янв.—февр. С. 3—29). Г. М. Фридлендер считал, что такое представление о душе человека как о «поле борьбы „священного” и „порочного” (или «добра» и «зла», «идеалов» и «действительности»)» позволяло Лермонтову «мыслить внутренний мир своего героя антитетически», показывать его «в противоречиях света и тени» (Фридлендер Г. М. Лермонтов и русская повествовательная проза // РЛ. 1965. № 1. С. 37). Лермонтовские образы оказываются родственны героям Достоевского: «Гениальное явление Печорина уже несет в зародыше будущие духовные осложнения философских мучеников Достоевского. Тип сильной личности, бесплодно растрачивающей свои огромные силы, является предвестием Ставрогина, Раскольникова, Версилова» (Гроссман, Библиотека. С. 81). Это персонажи, которые, как лермонтовский герой, «являются носителями идеи своеволия и воплощают трагедию индивидуалистического сознания» (Осмоловский О. Н. Глава вторая. Идея личности и метод ее раскрытия в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Осмоловский О. Н. Достоевский и русский психологический роман. Кишинев, 1981. С. 28). Указанные черты присущи и великому грешнику, в характере которого проявляются «сильная страстная исключительность», «наклонность к безграничному владычеству и вера непоколебимая в свой авторитет» (с. 390—391). Кроме того, художественная структура «Героя нашего времени» могла оказать влияние на поэтику «Жития». Лермонтов отказался от «традиционной формы романа, спаянного единством авторского повествования и единством фабулы»: произведение построено как «цепь повестей», «объединенных личностью главного героя, но написанных от лица разных повествователей и сюжетно

между собою не связанных» (Фридлендер Г. М. Лермонтов и русская повествовательная проза. С. 42). Эта композиционная модель оказывается в некоторой мере близка замыслу «Жития великого грешника», в том числе и в фактическом его отражении в последующих романах, — если иметь в виду не конкретного персонажа, а художественный тип, который исследует Достоевский.

С. 397. — *Театр*. «Сядь ко мне на колени». — По-видимому, в этой записи намечен эпизод, напоминающий сцену из рассказа «Маленький герой» между одиннадцатилетним мальчиком и блондинкой-насмешницей (см.: 2, 367—368). Ср. также обратную ситуацию в сцене диалога Гамлета с Офелией в трагедии Шекспира «Гамлет» (д. 3, сц. 2): «Прелестная Офелия, можно мне лечь к вам на колени? <...> Да ведь головой только прилечь? <...> А ведь дело недурное — прилечь на колени иначе, не головою? а?» (пер. М. А. Загуляева, 1861; см., кроме того, пер. А. И. Кронеберга, 1844; Н. А. Полевого, 1837).

С. 398. — Он ужасно много читал (*Вальтер-Скотта и проч.*). — Упоминание В. Скотта автобиографично. Достоевский очень ценил творчество шотландского романиста. В журнальной редакции «Неточки Незвановой» он писал о нем как о поэте «чувства семейственности», доведенного «до высочайшего исторического значения» и представленного «как условие сохранения всего человечества» (2, 585). В письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. он подчеркивал: «Вальтер Скотт <...> имеет высокое воспитательное значение» — и вспоминал: «...12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими» (*Акад. ПСС*. Т. 30. Кн. 1. С. 212; см. также: 2, 714—715). По мысли Э. М. Жияковой, «вальтер-скоттовский критерий человечности как нормы морали, требующей пристального внимания к каждой личности и поисков „человеческого“ в ней, был усвоен Достоевским и получил развитие в разработке важнейших вопросов современности <...>» (*Жиякова Э. М. Ф. М. Достоевский и Вальтер Скотт: (К вопросу о наполеоновском мифе) // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2012. № 2 (18). С. 44—56; см., кроме того: Дрыжакова Е. Н. Глава 3. Отзвуки Вальтера Скотта // По живым следам Достоевского. Факты и размышления. СПб., 2008. С. 50—61).*

С. 398. О Классическом образовании у Чермака. (*Гер Тайдер.*) — Карл Тайдер — гувернер в пансионе Л. И. Чермака; значится в списке педагогов пансиона за 1834 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*. Т. 1. С. 248).

С. 398. Полоса неверия в Бога. *НВ*. Непременно о том, как действовало на него Евангелие. Согласен с Евангелием. — Ср. со

строками из письма Достоевского неустановленному лицу (Николаю Александровичу) от 19 декабря 1880 г., где писатель рекомендует литературу для детского и юношеского чтения (для сына адресата): «Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит прекрасные впечатления и рождает высокие мысли. <...> Над всем конечно Евангелие, Новый Завет в переводе. Если же может читать и в оригинале (т. е. на церковнославянском), то всего бы лучше. Евангелие и Деяния Апостольские *sine qua popo*» (Акад. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 237—238). См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 2. С. 114—116.

С. 399. Сухость рассказа иногда до «Жиль Блаза». — «Любимым писателем Достоевского был Диккенс; но еще любил он и не раз рекомендовал мне прочесть „Жиль Блаза“...», — писала Е. А. Штакеншнейдер (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, 1990. Т. 2. С. 376). В особенности Достоевского восхищала в «Истории Жиль Блаза из Сантьяны» (1715—1735) сцена между героем и архиепископом Гренадским (см.: Акад. ПСС. Т. 19. С. 280; Т. 24. С. 30, 392—393). В вышеуказанном письме к Н. Л. Озмидову (см. с. 1006) Достоевский советовал включить в чтение для подростка это произведение А.-Р. Лесажа (1668—1747). Приступая к «Житию», Достоевский в какой-то мере ориентировался на характеризующуюся «наивной четкостью» манеру Лесажа (см.: *Комарович, Ненаписанная поэма Достоевского*. С. 199).

С. 400. Первая исповедь, «что у него там в ящичках и в чаше?» Есть ли Бог? — По-видимому, здесь описаны детские впечатления героя от посещения храма, исповеди и последующего причащения Святых Даров.

С. 400. Кильян. — Фамилия упоминается также в романе «Подросток» (Акад. ПСС. Т. 13. С. 153).

С. 400. Умнов и Гоголь... — Гимназист Ванечка (Иван Гаврилович) Умнов, сын Ольги Дмитриевны Умновой, был дружен с братьями Достоевскими в их детские годы. Он знакомил их со многими новинками литературы: «Домом сумасшедших» А. Ф. Воейкова, «Коньком-Горбунком» П. П. Ершова (см.: *Достоевский А. М.*, 1992. С. 49, 72) и, как свидетельствует эта запись, произведениями Н. В. Гоголя.

С. 402. — *Всемирная история — из Географии — плох.* — По-видимому, отсылка к «Всемирной истории» (1844—1856) Ф.-К. Шлоссера, русский перевод которой (СПб., 1861—1869. Т. 1—18) выходил под редакцией Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева. Достоевский упоминает об этом издании в записной тетради 1875—1876 гг. (Акад. ПСС. Т. 27. С. 113; см. также: *Библиотека*. С. 147; коммент. к печатному тексту романа «Идиот», с. 814). Труд Шлоссера строится как описание истории народов, их происхождения, географического местоположения и культурных традиций. В библиотеке Достоевского, кроме того, была книга Ф. Д. Студитского «Всеобщая география для детей» (СПб., 1859), приобретенная писателем в 1862 г., вероятно, для пасынка П. А. Исаева (*Библиотека*. С. 279; см. также: *Летопись*. Т. 1. С. 377).

С. 402. (*Мечты о путешествиях, Кук с Хроменькой.*) — Достоевский рассказывал, что он «очень любил читать путешествия, и под влиянием такого чтения пламенного мечтою его сделалось посетить Венецию, Константинополь и вообще Восток, сильно занимавший его воображение» (см.: *Биография*. С. 23). Джеймс Кук (1728—1779) — английский мореплаватель, открывший Новую Зеландию и ряд островов в Тихом океане; благодаря кругосветным экспедициям значительно уточнил содержание современных ему географических карт (см.: 3, 590—591; 4, 490).

С. 402. *Гоголя знает и Пушкина.* — Герой Достоевского, как и он сам, «воспитался на Пушкине и Гоголе» (см.: *Биография*. С. 186; *Достоевский А. М., 1992*. С. 70—71, 78—79). К этой записи восходит и ее развивает один из набросков к роману «Подросток»: «...описание эффекта чтений Гоголя, „Тараса Бульбы“» (*Акад. ПСС*. Т. 16. С. 5).

С. 402. *Иаков поклонился три раза.* — В Библии Иаков поклонился своему брату Исаву семь раз (см.: Быт. 33:3). Согласно Толковой Библии, «земные поклоны — обычный способ приветствия высших на древнем и новом Востоке. Падая ниц перед Исавом 7 раз (число полноты, совершенства и проч.), Иаков выражает этим отсутствие в нем горделивых замыслов — господствовать над старшим братом и как бы раскаяние Иакова в несправедливости, допущенной им относительно Исава при получении благословения» (*Толковая Библия*. Т. 1. С. 191). У Достоевского контрастирующая и символичная характеристика героя «Жития», о котором сказано, что он «сильно развит», знает «всю Библию» и вместе с тем «мальчик дикий, но ужасно много о себе думающий», порой проявляющий жестокость и двоедушие (см. с. 401).

С. 402. *...нельзя ли быть рабом всех сильнее.* — См. коммент. к замыслу «Смерть поэта», с. 941; *Евангелие Достоевского*. Т. 2. С. 662.

С. 403. — *Лакей Осип...* — Это имя, как и многие другие имена в «Житии», связано с детскими годами Достоевского. Денщик Осип служил в семье Масловичей — родственников Достоевских, и часто бывал в доме родителей писателя (см.: *Достоевский А. М., 1992*. С. 96).

С. 403. *Убили Орлова.* См. также с. 397: — *С Куликовым силу духа выказывает <...> беглого солдата, разбойника, зарезали вместе.* — «Знаменитый разбойник Орлов, из беглых солдат», — один из арестантов в «Записках из Мертвого дома». Он описан Достоевским как «железный характером человек», «с страшной силой воли и с гордым сознанием своей силы», который «мог повелевать собою безгранично, презирал всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете» (4, 50—51). Характер великого грешника в замысле «Жития» описан сходным образом: «— Усиление воли и внутренней силы», «Высокомерное презрение к гонителям <...>», «— Сила воли — главное себе поставил», «Горы сдвигать. И рад испытывать свою мощь», «...сам испытывает себя и любит опускаться в бездну», «— Усиление воли, раны и сожигания — гордость его питают. Ко всему быть готовым хочет». В обоих случаях определения обусловлены авторскими размышлениями

о том, какими путями зло достигает человеческой души,¹ не случайно в «Житии» эта тема затронута в повествовании о детстве героя, времени становления личности. На каторге Достоевский близко подходит к пониманию проблемы зла и человеческого своеволия, сталкиваясь на примере каторжника Орлова «с титанической личностью, сверхчеловеком, для которого обычная мораль — жалкое ребячество. Зло совсем не ущербленность воли и слабость характера; напротив, в нем страшное могущество, мрачное величие. Зло не в господстве низшей плотской природы над высшей духовной; злодей Орлов являет в себе полную победу над плотью. Зло есть мистическая реальность и демоническая духовность» (Мочульский, 1995. С. 314). По мнению исследователя, «от сверхчеловека Орлова идут все „сильные личности“ Достоевского. Проблема Раскольникова уже намечена. Люди делятся на сильных, которым „всё позволено“, и на слабых, для которых сочинена мораль. Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов ставят себя „по ту сторону добра и зла“. Это ницшеанство до Ницше Достоевский вынес из каторги» (Там же. См., кроме того: Фридендер, 1985. С. 58—59; Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. С. 16; Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М., 2015. С. 21—26; коммент. к наброскам «Страстные и бурные порывы»: 7, 418—419).

С. 403. — *Через 1½ года ~ А<льфонско>го убивают крестьяне.* См. также: *...А<льфонско>го, задушившего в деревне, могли убить крестьяне...* — Эти строки навеяны обстоятельствами гибели отца писателя. Одним из убийц его был Ефим Максимов — дядя сироты Екатерины Александровой, которая девочкой была взята М. Ф. Достоевской из деревни, выполняла в доме обязанности горничной и которую отец писателя после смерти жены сделал своей наложницей (см.: Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских. С. 56—59; Тихомиров, ЖВГ. С. 446; Тихомиров Б. Н. Даровое и Чермашня в неосуществленных художественных замыслах Достоевского // III Летние чтения в Даровом: Достоевский и Россия. Коломна, 2012. С. 13—29). Эти реалии нашли также отражение в неосуществленном замысле «Мысли новых повестей» (Тихомиров, ЖВГ. С. 446; см.: Акад. ПСС. Т. 12. С. 6).

С. 405. (*НВ. Хорошенько прочесть описания зверей. Гумбольдта, Бюффона, русских.*) — В «Картинах природы с научными объяснениями» (Пер. с нем. Ч. 1—2. М., 1855) А. фон Гумбольдт, преследуя одновременно «литературную и чисто научную» цели, пытался дать «изысканную обработку предметов естественной истории» (Ч. 1. С. VII, IX), в частности описания мировой флоры и фауны. В предисловии к

¹ Как указал К. В. Мочульский, «верхний пласт „Записок“ — художественное описание фактов; средний — психологическое их истолкование с помощью идей свободы и личности; нижний — метафизическое исследование добра и зла в душе человека» (Мочульский, 1995. С. 312).

первому изданию А. фон Гумбольдт писал, что цель его — «бросить общий взгляд на всю природу, доказать общее действие сил, ее оживляющих, возобновить наслаждение, получаемое чувствительным человеком при непосредственном воззрении на тропические страны» (С. VII). Биолог К. Ф. Рулье в заметке «К читателям», предваряющей повествование, отметил то, что отличало работы А. фон Гумбольдта: «Точный, ясный язык, неимоверное обилие данных, строгая оценка частных и взаимных их отношений в одном стройном целом — словом, обилие вовсе неожиданных данных, глубокое мирозерцание при спокойном, часто до поэтического чувства восходящем, картинном изложении общего строя природы — поразили всех в новом труде опытного экспериментатора, смелого неутомимого путешественника, глубокого всестороннего кабинетного ученого, истинного поэта-живописца и литератора — Александра фон Гумбольдта» (С. XIV). В многотомном курсе естественной истории Ж. Бюффона (*Histoire naturelle générale et particulière...*) описания животных занимают тома 4—15 (Paris, 1753—1768); см. также русские переводы: 1) Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона... Ч. 1—10. СПб., 1789—1808 (животному миру здесь посвящены ч. 6—10), 2) Бюффон для юношества, или Сокращенная история трех царств природы, сочиненная Петром Бланшардом... Т. 1—5. М., 1814 (описания животных находятся в т. 1—4). Из русских «описаний зверей» Достоевский, вероятно, мог иметь в виду сочинения И. А. Двигубского (Изображения и описания животных Российской империи. Ч. 1—12. М., 1817—1818; Опыт естественной истории всех животных Российской империи... Ч. 1—6. М., 1829—1833) и А. Л. Ловецкого (Краткое начертание естественной истории животных... Ч. 1—2. М., 1825—1827).

С. 405. — О медведе. — Эта запись (так же как и более ранняя: «Дай Бог доброй ночи нам и всем диким зверям») предвосхищает тему одного из поучений старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Внушая слушателям мысль о безгрешности, незлобivosti, доверчивости животных и о том, что «с ними Христос еще раньше нашего», Зосима приводит случай с «великим святым» Сергием Радонежским (ср.: *Избранные жития*. Сентябрь. С. 143), который в лесной глуши «бесстрашно» вышел навстречу свирепому медведю: зверь взял из его рук кусок хлеба и «отошел» «послушно и кротко» (см.: *Акад. ПСС*. Т. 14. С. 268; *Фудель С. И.* Наследство Достоевского. С. 80; *Буданова*, 2012. С. 86—87).

С. 405. — О том, что такое сатана? — Ср.: *Сочинения Преподобного Тихона*. Т. 15. С. 190—191 (письмо 80, «Успел ли в своем намерении сатана?»), где речь идет о победе Иисуса Христа над искушителем, вводящим во грех.

С. 405. *Аникита идет к Чаадаеву усовещивать.* — По предположению Б. Н. Тихомирова, имеется в виду князь С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), «принявший 25 марта 1830 г. в новгородском Юрьевом монастыре постриг с именем Аникита» (*Тихомиров Б. Н.* Иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширин-

ский-Шихматов) в творческих замыслах Достоевского // *Тихомиров, 2012. С. 344*). О жизни о. Аникиты Достоевский мог знать из «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инок Парфения», одного из «литературных источников <...> самого „Жития великого грешника“», на что указывает, в частности, письмо А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. (Там же. С. 345—348; см., кроме того: *Акад. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 118, 433; Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Д. Материалы и исследования. Т. 3. С. 137—138*). Упоминание Чаадаева может определяться биографическими обстоятельствами: он жил «неподалеку от пансиона» Чермака, с ним «был хорошо знаком ранее лечивший его сослуживец М. А. Достоевского А. А. Альфонский. „Безумие“ католика Чаадаева случилось в приходе священника Симеона Лебедева, также знакомого Достоевских и законоучителя у Чермака. Достоевский мог знать многие обстоятельства этого выдающегося происшествия» (см.: *Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам) // Д. Материалы и исследования. Т. 1. С. 250*). Достоевский предполагал отвести Чаадаеву в «Житии» довольно значительное место, сделав его идейным антитепом св. Тихона (см. об этом в цитированном выше письме его к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г., с. 965).

С. 405. — *О букашках и о вселенской радости Живой жизни; вдохновенные рассказы Тихона.* — Исследователи связывают понятие «живая жизнь» с немецкой литературой и философией (Шиллер, Шеллинг, Фихте), идеями русского славянофильства, а также содержанием критических статей Ап. Григорьева, печатавшихся в журнале «Время» (обзор возможных источников выражения «живая жизнь» см.: 5, 501—505). У Достоевского это понятие впервые встречается в «Записках из подполья» (Там же. С. 197, 199), становясь в дальнейшем устойчивой формулой, которая не превратилась, однако, в клише и характеризуется вариативностью значений (*Кунильский А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2007. № 44. С. 74*), что обусловлено и широким культурно-историческим контекстом ее бытования (*Кустовская М. А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2011. Вып. 9. С. 169*). В ДП за 1876 г. «живая жизнь» предстает в виде «метаидеи, связующей все идейные нити и переплетения в единое полотно — утверждение необходимости веры в бессмертие души» (Там же. С. 169—170): «...идея о бессмертии — это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (*Акад. ПСС. Т. 24. С. 49—50*). В подготовительных материалах к роману «Подросток» в записи о Версилье сказано: «В НЕМ, хищном типе, страстная и *неутолимая* потребность наслаждения жизнью, *живую* жизнь, но в широкости ее он не желал бы захватить слишком видный жребий <...>» (Там же. Т. 16. С. 39; в *Акад. ПСС* ошибочно прочитано «неутомимая» вместо «неутолимая») (см. также: *Куниль-*

ский А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского. С. 75). Здесь понятие «живая жизнь» имеет иной оттенок смысла и связано, скорее, с определением духовной «широкости» «хищного типа». Как следует из черновых планов, в герое «Жития великого грешника» также проявляется «начало широкости», он тоже тяготеет к «хищному типу» во многих своих чертах. С «Живой жизнью», в данном случае в значениях «истинной», «праведной», «христианской» (и в автографе этот высокий смысл подчеркивается написанием слова с заглавной буквы), великий грешник соприкасается через «вдохновенные рассказы Тихона» о гармоническом единстве человека и природы в целостности божественного мироздания — см. выше, с. 978, а также: *Акад. ПСС. Т. 17. С. 287.*

С. 405. — *Благословляет на падение и на восстание.* См. также с. 406: *Падание и восставание.* — Имеется в виду формула, весьма распространенная в поучениях отцов церкви (например, у Антония Великого: «Если случится кому, по наущению диавола, подвергнуться падению: тот да восстанет покаянием, — да прибегнет к Тому, Который низшел на землю для спасения одной овцы, увлеченной грехом в заблуждение»; у аввы Сисоя Великого: «Брат сказал авве Сисою: „Авва! что делать мне? я пал“. Старец отвечал: „Встань“. Брат сказал: „Я встал, и опять пал“. Старец отвечал: „Снова встань“. Брат: „Доколе же мне вставать и падать?“ Старец: „До кончины твоей”» — см.: Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные Епископом Игнатием (Брянчаниновым). М., 1993. С. 7, 324). Сходное выражение («падать и скоро восставать») встречается у Иоанна Лествичника (см.: *Акад. ПСС. Т. 12. С. 352*). Ср. духовное завещание Тихона Задонского: «Слава Богу, яко мене лежащего восставляя!» (см.: *Сочинения Преосвященного Тихона. Т. 1. Приложение. С. 51*) и гл. 13, названную «Восстани», из его «Сокровища духовного, от мира собираемого» (Там же. Т. 11. С. 39—43).

С. 405. *Их изучения, хоть и точные (Лев Толстой, Тургенев), как бы чуждую жизнь открывают. Один Пушкин настоящий русский.* — И Толстой, и Тургенев были для Достоевского представителями ставшей уже фактом истории «помещичьей литературы». Будучи самыми талантливыми последователями Пушкина, они, с точки зрения Достоевского, не могли достигнуть целостного понимания народного духа и особого исторического назначения России, ибо «столь ярко» описанная ими «жизнь средне-высшего нашего дворянского круга» «есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни» (*ДП. 1877. Январь. Гл. I, § 5 — Акад. ПСС. Т. 25. С. 35*).

О Пушкине как об истинно национальном поэте Достоевский писал в журнале «Время» в 1861 г.: «Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нем они явились нам во всей полноте, явились как факт, законченный и целый...» (Ряд статей о русской литературе. I. Введение — Там же. Т. 18. С. 69). В «Житии» он вернулся к этой мысли, подготовив тем самым содержащееся в *ДП* за 1877 г. (июль—август, гл. II, § 3) и главным образом в Пуш-

кинской речи 1880 г. обоснование особого места Пушкина в русской литературе.

С. 406. — *О прощении непростимого преступника (что это мучение всего мучительнее)*. — Мысль, тезисно представленная в этой записи, с одной стороны, связана с проблемой всепрощения, к которой Достоевский неоднократно обращался в своем творчестве и наиболее ярким отражением которой стали романы «Преступление и наказание» (исповедь Мармеладова, слова о прощении всех грешников) и «Братья Карамазовы» (изложение Иваном Карамазовым апокрифического сюжета «Хождение Богородицы по мукам»).¹ С другой стороны, строки из «Жития» о «мучительности» прощения «непростимого» предвосхищают содержание нравственной дилеммы о «слезинке ребенка» — слов Ивана Карамазова, выражающих отчаяние, неприятие мироустройства и человеческих страданий (Там же. Т. 14. С. 222—223; Т. 15. С. 229—230).

С. 406. ...чтоб победить весь мир, надо победить только себя. Победи себя и победишь мир. — Строки восходят к содержанию глав 15 и 16 Евангелия от Иоанна, ср.: «Вот наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь, каждый в свою сторону, и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы мир имели во Мне. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь, Я победил мир» (Ин. 16:32—33, см. также: Ин. 15:18—21, 16:28). Слова «Я победил мир» отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB». Своего рода пояснением к этим строкам служит Первое соборное послание св. апостола Иоанна, где сказано: «Ибо в том и любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки. Ибо всё рожденное от Бога побеждает мир; и победа, которою побежден мир, есть вера наша. Кто победитель мира, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?» (1 Ин. 5:3—5). Ст. 3—4 отчеркнуты карандашом, слова «заповеди Его не тяжки» подчеркнуты. См.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 264, 261, 393; Т. 2. С. 567—568, 638—639.

¹ Об апокрифическом влиянии на развитие этой темы в творчестве Достоевского см.: Лебедева Т. Б. О некоторых мотивах апокрифической литературы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // ХХІХ Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977. С. 25—29; Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского // Д, Материалы и исследования. Т. 10. С. 77—89; Ветловская В. Е. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 11. С. 35—47; Бузина Т. В. Духовные стихи о Страшном суде как стилистическая модель и идейный противовес монолога Мармеладова // Д, Дополнения к комментарию. С. 270—273; Туниманов В. А. Бунт и молитва: О «религиозной морали» героев Достоевского и Лескова // Туниманов, 2013. С. 377—381; Капилуни С. М. «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. СПб., 2014. С. 163.

С. 406. ...(*подкинули младенца*). — Эпизод этот развит в романе «Подросток» (см.: Бродский Н. Л. Угасший замысел. С. 58; *Акад. ПСС*. Т. 13. С. 79—81).

С. 407. *Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится*. — О Ф. П. Гаазе см. в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» (7, 102, 106 и др.), в тексте романа «Идиот» (8, 372—373) и в комментариях к нему (с. 474). Интерес Достоевского к теме воспитательного дома приобретает социально-нравственный оттенок в *ДП*, где высказаны авторские оценки судебной и пенитенциарной систем: писатель внимательно следил за судебными процессами, связанными с детьми, а в 1876 г. посетил Петербургский воспитательный дом и рассказал о своем визите читателям (см. подробнее: *Акад. ПСС*. Т. 23. С. 20—24, 361).

МЫСЛЬ НА ЛЕТУ

(С. 407)

Источники текста

Печатается по черновому автографу: *РГАЛИ*. Ф. 212. 1. 8. С. 56. См.: *Описание*. С. 126.

Впервые напечатано: *Коншина*. С. 79—80; перепечатано: *Мочульский*, 1995. С. 561—562.

В *Акад. ПСС* опубликовано в т. 12 (с. 6). Заметка помещена в настоящий том на основании хронологической и тематической близости к другим публикуемым неосуществленным замыслам.

Основанием для датировки данной записи служит упоминание в ней казни Тропмана, на которой «была» героиня. Жан-Батист Тропман, убивший с целью ограбления семью Кинков, был казнен в Париже 7 (19) января 1870 г. Откликом на эту казнь в русской периодической печати явился очерк присутствовавшего на ней И. С. Тургенева «Казнь Тропмана», опубликованный в июньском номере «Вестника Европы» за 1870 г. (см. выше, с. 673, 725). В письме к Н. Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г. Достоевский изложил свои впечатления от чтения тургеневского очерка (*Акад. ПСС*. Т. 29. Кн. 1. С. 127—129). Вероятно, вскоре после этого и был сделан данный набросок, так как в памяти Достоевского в это время еще были свежи детали казни и портрета преступника, воспроизведенные Тургеневым. В наброске читаем: «Описание казни. О том, что он был прелестен». Достоевский явно исходил здесь из обрисовки Тропмана Тургеневым.¹

¹ См.: Тургенев, *Сочинения*, 1978. Т. 11. С. 143—145; см. также: Джексон Р. Л. Этика зрения: «Казнь Тропмана» Тургенева и взгляды Достоевского / Пер. с англ. В. Блинова // *ВЛ*. 1988. № 11. С. 134—150.

План «Мысль на лету» условно делится на две части. Основной текст составляют записи № 1, сделанные чернилами светлого оттенка. Позднее появился вариант развития сюжета № 2, отраженный в лаконичной приписке к основному тексту более темными чернилами, в которой резюмируется содержание замысла. В заметке № 1 говорится о фельдмаршале, его любовнице, «муже с правилами», «Князе» — в заметке № 2 речь идет о «жене, бывшей на содержании у фельдмаршала» и ее «муже-учителе»; в обеих записях звучит мотив оскорбления матери (№ 1: «Князя заставляет оскорбить свою мать»; № 2: «кружит ему (мужу-учителю. — Ред.) голову, заставляет его оскорбить его мать»).

Замысел, зафиксированный в данной заметке, перекликается с другими замыслами, относящимися к началу 1870 г., — «<Романа об атеисте (ростовщике)>» и «Зависти» (см. с. 381—386; *Акад. ПСС*. Т. 11. С. 58—64). По мнению М. В. Загидуллиной, в наброске «Мысль на лету» отражена «тема соперничества двух мужских персонажей (напр<имер>, «Белые ночи», «Весенняя любовь», «Униженные и оскорбленные» и др. осуществленные и неосущ<ественные> замыслы)», которая имеет автобиографический характер: «Обращение к такому сюжету связано с семипалатинским периодом жизни Д<остоевского> и его дружкой с А. Е. Врангелем: и во взаимоотношениях Д<остоевского> с М. Д. Исаевой, и в романе А. Е. Врангеля с Е. И. Гернгросс присутствовали „третьи лица”» (*Загидуллина М. В. «Мысль на лету. В губернский город приезжает фельдмаршал...» // Д. Словарь-справочник, 2008. С. 311*). В данном случае, однако, центральное место в сюжете отведено героине, «блуднице», которая сравнивается с Марией Египетской (Там же). К. В. Мочульский связывал запись с разработкой художественных образов романа «Бесы», обращая внимание на то, что в это время Достоевского интересовали «идеологические отношения между Ставрогиним и Шатовым. В учителе, к которому возвращается беременная жена, можно видеть очерк фигуры Шатова. В „трагической фигуре” князя — намечаются черты Ставрогина. В „Бесах” личность жены Шатова отходит на второй план и лишается своих „демонических” свойств» (*Мочульский, 1995. С. 562*). По мнению А. С. Долинина, в романе «Бесы» Достоевский пародировал очерк «Казнь Тропмана» (см.: *Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» // Сб. Достоевский, 2. С. 119—136; Акад. ПСС. Т. 10. С. 70; Т. 12. С. 291*).

С. 407. ...Самосовершенствование, подкидные дети. — Мотив встречается в набросках «<Романа об атеисте (ростовщике)>» и «Жития великого грешника» (ср.: «Учитель, подкидывание детей»; «подкинули младенца»), а также в романе «Подросток». См. с. 386, 944, 1014.

С. 407. Пустынник — Мария Египетская. — Мария Египетская (VI в. н. э.) — христианская святая. Согласно легенде, была в молодости блудницей; присоединилась к паломникам, отправлявшимся в Иерусалим к празднику Воздвижения Креста Господня, но не могла войти в храм и поняла, что ей препятствуют ее грехи. Совершив покаян-

ную молитву перед образом Богородицы и дав обет «оставить грешную жизнь», обрела «силу войти в церковь» (Житие святой Марии Египетской // *Избранные жития*. Апрель. С. 8—9). После этого сорок семь лет провела в покаянии в Заиорданской пустыне. Пустынник — согласно тексту «Жития святой Марии Египетской», старец одного из палестинских монастырей Зосима, который в Великий пост отправился жить в пустыне, «двадцать дней ходил по пустыне, исполняя свое подвижническое правило», после чего встретил Марию Египетскую (Там же. С. 4—5). О Марии Египетской писатель упоминает в письме к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г. (*Акад. ПСС*. Т. 30. Кн. 1. С. 192), а также в рассказе «Ползунков», романах «Преступление и наказание», «Подросток» и в черновиках «Братьев Карамазовых». Указанная запись ассоциативно относится к одной из сюжетных линий замысла, отражающих взаимоотношения героини с мужем, о котором сказано: «Муж с правилами, Самосовершенствование».

С. 407. *Приезжает один учитель-нигилист. (Убийство мужа; Князь входит в дружбу и подговаривает ? нигилистов убить.)* — Мотив, отсылающий к судебному делу С. Г. Нечаева, которого обвиняли в организации убийства студента Петровской академии И. И. Иванова. Материалы дела отражены, как известно, в сюжете романа «Бесы». Нечаев имел звание учителя приходского училища, см. выше коммент. к замыслу «Смерть поэта», с. 938.

С. 407. *Была на казни Тропмана. Описание казни. О том, что он был прелестен.* — Фраза «он был прелестен» (о человеке в момент его казни) становится личностной характеристикой героини: «Здесь отражено стремление понять психологию „инфернальницы” — возможно, „романтизацией” момента „отсекновения головы” убийцы она предвосхищает Лизу Хохлакову в эпизоде с „ананасным компотом” в „Братьях Карамазовых”» (*Загидуллина М. В. «Мысль на лету*. В губернский город приезжает фельдмаршал...». С. 311). В указанном эпизоде Лиза Хохлакова рассказывает Алеше Карамазову о прочитанной ею истории распятия ребенка, сопровождая рассказ таким комментарием: «Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот» (*Акад. ПСС*. Т. 15. С. 24).

С. 408. *Жена, бывшая на содержании у фельдмаршала, отданная им с вознаграждением мужу-учителю, кружит ему голову, заставляет его оскорбить его мать...* — Помимо указанных ассоциаций с «Бесами», данный эпизод отсылает к мотивам романа «Идиот»: Настасья Филипповна, бывшая на содержании у Тоцкого; попытки последнего «передать» ее Гане Иволгину; оскорбленное готовящимся браком с «двусмысленной женщиной» семейство Иволгиных. Несколькими иная, но близкая тематическая вариация содержится в набросках «<Романа об атеисте (ростовщике)>», где один из персонажей, Князь, беременную от него героиню «передал учителю» (см. с. 386).

С. 408. *...Илинойский.* — Калиграфическая пропись, соседствующая со словом «Учитель», также записанным калиграфически. Нет

сомнений, что в данном замысле два разных героя-учителя. В записи № 1 это «учитель-нигилист», фигура, связанная с нечаевским делом (см. выше). В заметке № 2 это «муж-учитель», которому фельдмаршал «отдал с вознаграждением» свою любовницу. Запись № 2 сделана теми же темными чернилами, что и каллиграфические прописи. Фамилия «Илинойский» может быть авторским пояснением к плану и указанием на «учителя» в какой-то из вариаций данного образа. Та же фамилия повторяется в черновых записях к роману «Бесы» в виде каллиграфических прописей и росчерков, наряду с росчерками фамилии «Достоевский», двумя портретными рисунками со штриховкой (мужские портреты в профиль и анфас; см.: *РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 67*; контекст записей: *Акад. ПСС. Т. 11. С. 115—116*). Однако в черновых набросках к «Бесам» роль «мужа-учителя», как отмечено выше, отдана Шатову, а в записях на странице, где появляется фамилия «Илинойский», уже в некоторой степени оформлена сюжетная коллизия романа: Шатов назван «лицом трагическим и высокохристианским», звучит мотив «убийства политического», Князь (будущий Ставрогин) «ненавидит всё и всех и под конец сходится с Нечаев<ым>, чтоб убить Ш<атова>» (Там же. С. 116). При этом в данных заметках нет фамилии «Верховенский» — используется прямое указание на прототип будущего Степана Трофимовича Верховенского: «Грановский». Возможно, на данном этапе фамилия «Илинойский» стала художественным вариантом к обозначению реального лица — Т. Н. Грановского, а если иметь в виду вариацию образа «учителя-нигилиста», то и С. Г. Нечаева, указания на которого есть в записях к нескольким художественным замыслам и которому в романе «Бесы» соответствует образ Петра Верховенского.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей и документов

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

Собрания сочинений Ф. М. Достоевского

Акад. ПСС — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Акад. наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972—1990.

1882 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 14 т. / [Изд. А. Г. Достоевской]. СПб.: Тип. А. С. Суворина; Тип. брат. Пантелеевых, 1882—1883.

1911 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. С многочисл. прилож.: В 23 т. Пг.: Просвещение, 1911—[1918].

1926 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: В 13 т. / Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926—1930.

1956 — Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Л. П. Гроссмана и др. М.: Худож. лит., 1956—1958.

1988 — Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. / Акад. наук СССР; Рос. Акад. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.: Наука, 1988—1996.

1995 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995—2015. Т. 1—9, 11. (Издание продолжается).

2003 — Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 9 т. / Подгот. текстов, сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Касаткиной. М.: Астрель: АСТ, 2003—2008.

2003—2007 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М.: Воскресенье, 2003—2007.

Мемуарные, критические, научные и другие печатные источники

Альми — Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб.: Скифия, 2002.

Альтман — Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1975.

Бабкин, Шендецов — Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 кн. СПб.: Изд-во «Квотам», 1994.

БАС₁ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.

БАС₂ — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. М.; СПб.: Наука, 2004—2019. Т. 1—26. (Издание продолжается).

Бахтин, 2002 — Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. / Коммент. С. Г. Бочаров и др. М.: Рус. словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 6—300: Проблемы поэтики Достоевского.

БВед — «Биржевые ведомости» (газета).

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

Белов, Достоевский и его окружение — Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энцикл. словарь / Рос. нац. б-ка. СПб.: Алетея, 2001. Т. 1—2.

Бельчиков — Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971.

Бем, Исследования — Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова. Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. Э. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. (Studia philologica).

Бем, У истоков — Бем А. Л. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский // *Вокруг Достоевского*. Т. 1. С. 411—551. [Первое изд.: Прага: Петрополис, 1936 (О Достоевском. Вып. 3)].

Бем, 1938 — Бем А. Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин: Петрополис, 1938. С. 54—76: Развертывание сна: («Вечный муж» Достоевского).

Берковский — Берковский Н. Я. Литература и театр: Статьи разных лет. М.: Искусство, 1969. С. 558—588: Достоевский на сцене.

Библиотека — Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции, науч. описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883.

Битюгова — Битюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // *Д, Материалы и исследования*. Т. 2. С. 191—198.

Блок, 2003 — Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 21—31: Безвременье.

Боград — Боград Г. Л. Павловские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Статьи о Достоевском. 1971—2001 / Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 152—164.

Борщевский — Борщевский Э. С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М.: Гослитиздат, 1956.

Буданова, 2012 — Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...». К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2012.

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).

Верч — Верч И. «Вечный муж» Ф. М. Достоевского и некоторые вопросы о жанре произведения // *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 69—79.

Вокруг Достоевского — Вокруг Достоевского: В 2 т. / Сост., вступ. ст. М. Магидовой; Коммент. М. Магидовой при участии П. Е. Фокина. М.: Рус. путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929 / 1933 / 1936.

Вольф, Хроника — <Вольф А. И.> Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб.: Тип. и литогр. Р. Голике, 1877—1884. Ч. 1—3.

ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).

Вр — «Время» (журнал).

Врангель — Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1850 гг. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912.

Г — «Голос» (газета).

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд. АН СССР; Наука, 1954—1966.

Глинкина — Глинкина Л. А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008.

Грибоедов — Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995—2006.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.

Гоголь, 2001 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2003—2012. (Издание продолжается).

Горький — М. Горький. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1949—1955.

Гроссман, Библиотека — Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского: По неизданным материалам / С прил. каталога библиотеки Достоевского. Одесса: Книгоизд-во А. А. Ивасенко, 1919.

Гроссман, Биография — Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965.

Гроссман, Жизнь и труды — Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935.

Гроссман, Семинарий — Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. М.; Пг.: Госиздат, 1922.

Гуардини, 1994 — Гуардини Р. Человек и вера [1932]. Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1994.

Гюго — Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. / Под ред. В. Н. Николаева и др. М.: Гослитиздат, 1953—1956.

Д — «День» (газета).

Д. Дополнения к комментарию — Достоевский: Дополнения к комментарию / Под ред. Т. А. Касаткиной / ИМЛИ РАН. М.: Наука, 2005.

Д, Материалы и исследования — Достоевский: Материалы и исследования / Акад. наук СССР; Рос. Акад. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.: Наука, 1974—2016. Т. 1—21. (Издание продолжается).

Д, Письма — Достоевский Ф. М. Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ; Academia; Гослитиздат, 1928—1959. Т. 1—4.

Д, Словарь-справочник, 2008 — Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1989—1991.

Даль, Пословицы — Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худ. лит., 1989.

Долинин, Последние романы — Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963.

Дороватовская-Любимова, 1928 — Дороватовская-Любимова В. С. Достоевский и шестидесятники: («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский. М.: ГАХН, 1928. С. 5—60. (Труды Гос. академии худож. наук. Литературная секция. Вып. 3).

Дороватовская-Любимова, 2011 — Дороватовская-Любимова В. С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени [1928] / Публ. М. Райчиной // Нева. 2011. № 11. С. 209—226.

Достоевская А. Г., Воспоминания, 2015 — Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917 / [Вступительная статья, подготовка тек-

ста, примечания И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова]. М.: ООО «Бослен», 2015.

Достоевская А. Г., *Дневник* — Достоевская А. Г. *Дневник 1867 года* / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. (Лит. памятники).

Достоевский А. М., 1992 — Достоевский А. М. *Воспоминания* / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

Достоевская Л. Ф., 2017 — Достоевская Л. Ф. *Мой отец Федор Достоевский* / Вступ. ст., общая ред. и примеч. Б. Н. Тихомирова, перевод с фр. Н. Д. Шаховской. М.: ООО «Бослен», 2017.

Достоевский в воспоминаниях, 1990 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990.

Достоевский в конце XX века — Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. А. Степанян. М.: Изд-во «Классика плюс», 1996.

Достоевский и его время — Достоевский и его время / Акад. наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1971.

Достоевский и мировая культура — Достоевский и мировая культура: Альм. / Общ-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге. СПб.; М., 1993—2018. № 1—36. (Издание продолжается).

Достоевский и мировая культура. Филол. журнал — Достоевский и мировая культура: Филол. журнал / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. 2018. № 1—4; 2020. № 1—2. (Издание продолжается).

Достоевский и современность — Достоевский и современность: Материалы Междунар. Старорусских чтений / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского. Великий Новгород; Старая Русса, 1994—2014. Чтения 8-е (1993). 1994 — 33-е (2018). 2019. (Издание продолжается. В библиографических справках указываются после серийного названия сборника порядковый номер чтений, год их проведения (в скобках) и год издания сборника.)

Достоевский и XX век — Достоевский и XX век: В 2 т. / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

ДП — «Дневник писателя».

Дюма (сын) — Дюма А. (сын). *Дама с камелиями. Роман* / Пер. С. Антик. М.: «Восхождение», 1991.

Евангелие Достоевского — Евангелие Достоевского: [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года]: [В 3 т.]. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 1: Новый Завет. Факсимиле издания 1823 года. Описание маргиналий и владельческих помет. Сибирская тетрадь. Факсимиле; Т. 2: Исследования; материалы к комментарию. Сибирская тетрадь Достоевского / В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров,

В. П. Владимирцев; Т. 3: Свидетельства. Критика. Богословие / Г. В. Беловолов, А. П. Дмитриев, В. Н. Захаров и др.

Евангельский текст — см.: *Проблемы исторической поэтики*.

Жид — Жид А. Достоевский / Пер. с фр. А. Федорова // *Жид А. Собр. соч.*: В 7 т. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2002. Т. 6. С. 203—364.

З — «Заря» (журнал).

Звенья — *Звенья*: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX в. М.; Л.: Academia; Госкультпросветиздат, 1932—1951. Т. 1—6, 8—9.

Иванов Вяч., 1987 — *Иванов Вяч. И. Собр. соч.*: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, при участии А. Б. Шишкина. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 401—436: Достоевский и роман-трагедия; С. 483—588: Достоевский. Трагедия — миф — мистика.

Игнатий — *Игнатий, архим.* [Малышев И. В.] Святой Тихон епископ Воронежский и Елецкий Задонский чудотворец // *Краткие жизнеописания русских святых*: В 2 т. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1875. Т. 2. С. 51—81.

«*Идиот*»: *раздумья, проблемы* — Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы / Под ред. Г. Г. Ермиловой. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 1999.

«*Идиот*», *ССИ* — Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001.

Избранные жития — [Бахметева А. Н.] *Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четних-Миней*. 4-е изд., испр. и доп. Вып. 1—12: Январь—Декабрь. М.: Тип. Бахметева, 1867—1868.

Карамзин, Письма рус. путешественника — *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника* / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. (Сер. Лит. памятники).

Касаткина, ЛГ — *Касаткина Т. А. Врожденный порок экранизации* // *Литературная газета*. 2003. 18—24 июня. С. 7.

Касаткина, 1996 — *Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций*. М.: Наследие, 1996.

Кибальник — *Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского*. СПб.: ИД «Петрополис», 2013.

Кирпотин — *Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859)*. М.: Гослитиздат, 1960.

Кирпотин. Мир Достоевского, 1983 — *Кирпотин В. Я. Мир Достоевского: Статьи, Исследования*. М.: Сов. писатель, 1983.

Ковалевская, 1961 — *Ковалевская С. В. Воспоминания и письма*. М.: Изд. АН СССР, 1961.

Ковалевская, 1974 — *Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести* / Подгот. текста Л. Д. Опульской, примеч. П. Я. Кочиной и

А. Р. Шкирич, ст. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1974. (Лит. памятники).

Ковач Арп. — *Ковач Арпад.* Генезис идеи «прекрасного человека» и движение замысла романа «Идиот»: (Соотношение концепции человека и романа) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica.* 1975. Т. 21. № 3—4. С. 309—331.

Комарович, Ненаписанная поэма Достоевского — *Комарович В. Л.* Ненаписанная поэма Достоевского // *Сб. Достоевский, 1.* С. 176—207.

Криницын — *Криницын А. Б.* Сюжетно-мотивная структура повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» // *Достоевский и мировая культура.* № 28. С. 114—160.

Кунильский, 2006 — *Кунильский А. Е.* «Лик земной» и «вечная истина»: О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.

Кунильский, 2009 — *Кунильский А. Е.* Роман о христианине // 1995. Т. 8. С. 661—686.

Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подг. к печати Е. Н. Коншиной. Комм. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.: Academia, 1935.

Лермонтов — *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1979—1981.

Летопись — Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. / Под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридендера. СПб.: Академический проект, 1999.

Лосский — *Лосский Н. О.* Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев. М.: Республика, 1994. С. 182—189: Достоевский и его христианское миропонимание.

Лотман Л. М., 1974 — *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974.

Лучников — *Лучников М. Ю.* Композиция характера: (Образ Труссоцкого в повести Достоевского «Вечный муж») // *Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы.* 1978. Вып. 3. № 14. С. 61—68.

Лучников, РЛ — *Лучников М. Ю.* Достоевский и Чернышевский: («Вечный муж» и «Что делать?») // *РЛ.* 1978. № 2. С. 54—67.

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — Литературное наследство. М.: Журн.-газ. об-ние; изд-во АН СССР; Наука; ИМЛИ, Наследие, 1931—2018. Т. 1—111. (Издание продолжается).

Мазель — *Мазель Р. О.* О всех и за вся. М.: Волшебный фонарь, 2007. С. 81—110: Вечный муж? Только с вечным любовником.

Марченко, 1991 — *Марченко Е. И.* «Странная картина» Ганса Гольбейна Младшего в романе Ф. Достоевского «Идиот» // *Стиль — образ — время: проблемы истории и теории искусства.* М.: НИИ теории и истории изобраз. искусств, 1991. С. 93—118.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

Мельников-Печерский — Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976.

Михайловский — Михайловский Н. К. Жестокый талант // Ф. М. Достоевский в русской критике. М.: ГИХЛ, 1956. С. 306—385.

Михневич — Михневич Вл. Петербург весь на ладони. СПб.: Изд. К. Н. Плотникова, 1874.

Михельсон — Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Терра — Тегга, 1994.

Мочульский, 1995 — Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В. М. Толмачева; примеч. К. А. Александровой. М.: Республика, 1995. С. 217—548: Достоевский: Жизнь и творчество.

Назиров, 2005 — Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. ст. / Отв. ред. Р. Х. Якубова. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 7—20: Диккенс, Бодлер, Достоевский: (К истории одного литературного мотива).

Назиров, 2010 — Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти: Статьи и исследования разных лет / [Ред. Р. Х. Якубова]. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 231—250: Герои романа «Идиот» и их прототипы; С. 276—296: О прототипах некоторых персонажей Достоевского.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981—2000.

Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских — Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939.

Новикова, 2008 — Новикова Е. Г. «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста». Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна мл. «Христос во гробе» // *Проблемы исторической поэтики*. 2008. Вып. 8. С. 414—428.

Новикова, 2016 — Новикова Е. Г. «Nous serons avec le Christ». Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

НВр — «Новое время» (газета).

О Достоевском — О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933, 1936. Вып. 1—3. См.: *Вокруг Достоевского*. Т. 1.

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского / М-во культуры РСФСР; Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина; Глав. архивное упр.; Центр. гос. архив литературы и искусства СССР; АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / Под ред. В. С. Нечаевой. М.: [б. и.], 1957.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Перлина, 2017 — *Перлина Н.* Тексты-картины и экфразисы в романе Достоевского «Идиот». Алетей: Историческая книга, 2017.

Петровский — Петровский М. А. Композиция «Вечного мужа» // Достоевский: Сб. ст. М.: ГАХН, 1928. С. 115—161. (Труды государственной Академии художественных наук; Вып. 3).

Подосокорский, 2011 — *Подосокорский Н. Н.* 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // ВЛ. 2011. № 6. С. 39—71.

Проблемы исторической поэтики — Проблемы исторической поэтики: Журнал. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1990. Вып. 1: Исследования и материалы; 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории; 1994—2014. Вып. 3—12: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр; 2015. Вып. 13: Актуальные аспекты; 2016. Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание; 2017. Т. 15. № 1—4; 2018. Т. 16. № 1—4; 2019. Т. 17. № 1—4; 2020. Т. 18. № 1—3. (Издание продолжается).

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

РА — «Русский архив» (журнал).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

Розенблюм, 1981 — *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981.

Розенталь — Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. М.: Изд-во АСТ: Изд-во Мир и Образование, 2015.

Роллан — Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. М.: Гослитиздат, 1954—1958.

РР — «Русская речь» (журнал).

РСл — «Русское слово» (журнал).

Рус. фразеология — Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005.

Рус. эмигранты о Достоевском — Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.

С — «Современник» (журнал).

Сакулин, Бельчиков — Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы / Ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965—1977.

Сальвестрони — *Сальвестрони С.* Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского: Пер. с ит. / Ред. С. А. Ипатова. СПб.: Акад. проект, 2001. (Сер. Современная западная русистика).

Сб. Достоевский, 1 — Ф. М. Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. [Сб. 1].

Сб. *Достоевский, 2* — Ф. М. Достоевский: Ст. и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. 2.

Словарь церковно-слав. и рус. яз. — Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4 т. / Сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. 2-е изд. СПб.: Изд. Н. Л. Тиблена; Тип. Имп. Академии наук, 1867—1868.

Словарь языка Достоевского, 2001 — Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Рос. акад. наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Авт.-сост. Е. А. Гинзбург и др.; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001—2003. Вып. 1—3.

Соломина-Минихен, 2016 — *Монахиня Ксения (Н. Соломина-Минихен)*. О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот». СПб.: Скифия, 2016.

Соркина — Соркина Д. Л. Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1964. № 48: Вопросы художественного метода и стиля. С. 145—151.

Сочинения Преподобного Тихона — Сочинения Преподобного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М.: Синодальная тип., 1860. Изд. 2. Т. 1—15.

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

СТ — Сибирская тетрадь.

Степанян, 2010 — *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010.

Степанян, 2013 — *Степанян К. А.* Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Страда, 1984 — *Страда В.* Сюжет «Идиота» // *Wiener slawistischer Almanach*. 1984. Bd. 14. С. 55—64.

Сухачев — Сухачев Н. Л. Достоевский на французской сцене // *ЛН*. М., 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 741—759.

Тарасова, 2011 — *Тарасова Н. А.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876—1877 годы: Критика текста. М.: Квадрига—МБА, 2011.

Творчество Достоевского, 1959 — Творчество Ф. М. Достоевского / Акад. наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; Ред.: Н. Л. Степанов (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Достоевского. 1821—1881—1921: Сб. ст. и м-лов. Одесса: Всеукраиниз, 1921.

Тихомиров, ЖВГ — *Тихомиров Б. Н.* «Житие великого грешника» — неосуществленный замысел Достоевского // *Тихомиров, 2012*. С. 439—452.

Тихомиров, Юродивый — *Тихомиров Б. Н.* Юродивый (присяжный поверенный) // *Д. Словарь-справочник, 2008*. С. 342—344.

Тихомиров, 2008 — *Тихомиров Б. Н.* Достоевский и «Мертвый Христос» Ганса Гольбейна Младшего // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 207—218.

Тихомиров, 2012 — Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012.

Тихомиров, 2018 — Достоевский Ф. М. Идиот: роман в четырех частях: В 2 т. / Вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тихомирова, 80 илл. М. Гавричкова. СПб.: Вита Нова, 2018. Т. 1. С. 449—509: Комментарии; Т. 2. С. 417—465: Комментарии; С. 466—489: Петербургские маршруты героев романа «Идиот».

Толковая Библия — Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Изд. преемников А. П. Лопухина. Пб., 1904—1913. Т. 1—11.

Толстой — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1928—1959. Указатели. М.: Худож. лит., 1964.

Туниманов, 2013 — Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи / Отв. ред. С. Н. Гуськов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.

Тусичишный, 2013 — Тусичишный А. П. Идеиные источники образов Ф. М. Достоевского. М.: ФЛИНТА, 2013.

Тургенев, Сочинения — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1960—1968.

Тургенев, Сочинения, 1978 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978—2018. (Издание продолжается).

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и дополнения чл.-корр. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986—1987.

Фаустов — Фаустов А. А. Диалог с Пушкиным в «Вечном муже» Достоевского // Текст и интерпретация / Отв. ред. Т. И. Печерская. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 86—95.

Федоров, 2004 — Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Фридлендер — Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964.

Фридлендер, 1985 — Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л.: Сов. писатель, 1985.

Фридлендер, 1995 — Фридлендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб.: Наука, 1995.

Хроника рода Достоевских, 2013 — Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина; Волгин И. Л. Родные и близкие: Ист.-биогр. очерки. М.: Фонд Достоевского, 2013.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Гослитиздат, 1939—1953.

Чирков, 1963 — Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Чирков, 1967 — Чирков Н. М. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967.

Чулков — Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М.: Советский писатель, 1939.

Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011.

Шмелев, О Достоевском — Шмелев Ив. Собр. соч.: В 5 т. М., 1999. Т. 7 (доп.). С. 568—589: О Достоевском. К роману «Идиот» [Париж, 1949].

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.

Щенников, 1987 — Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1987.

Э — «Эпоха» (журнал).

Renan, 1863 — Renan E. Vie de Jésus. Huitième édition. Paris, 1863.

Sub specie tolerantiae — Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова: [Сб. ст.] / Отв. ред. А. Г. Гродецкая. СПб.: Наука, 2008.

Studia Russica — Studia Russica. Budapest: Inst. Philol. Slavicae Orientalis et Balticae, 2004. Т. 21: Литература и визуальность / Под ред. А. Хан и Ж. Хетени.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К Т. 8—9*

- А. В—ский (Вознесенский А. Н.) 9: 905
 Абаза О. 9: 878
 Абаза Ю. Ф. 9: 1016
 Абрамовская И. С. 9: 886
 Аввакум, протопоп 9: 378, 845, 939, 970
 Аверсано С. 9: 710
 Авраамий Галичский (Чухломской, Городецкий) 9: 728
 Аврон Ф. 9: 706
 Авси И. 9: 663
 Агамбен Дж. 9: 691
 Агафокл 9: 823
 Агашина Е. Н. 9: 983
 Адрианова-Перетц В. П. 9: 521
 Азадовский К. М. 9: 644
 Айзинова И. А. 9: 570
 Айтматов Ч. Т. 9: 630
 Айхен Г. фон 9: 569
 Айхенвальд Ю. А. 9: 580, 927
 Акимова Н. В. 9: 573
 Акинфов Н. В. (А—в) 9: 184, 846
 Аксаков И. С. 9: 387, 783, 795, 951
 Аксаков К. А. 9: 995
 Аксаков С. Т. 9: 850
 Аксакова А. Ф. 9: 783
 Алёкин В. Н. 9: 717—718, 721, 769, 790, 807
 Александр I 8: 458; 9: 184, 803, 811, 984
 Александр II 8: 179; 9: 183, 756, 845
 Александр Македонский 9: 292, 516, 769, 859
 Александра Николаевна 9: 997
 Александров М. А. 9: 592, 621—622
 Александрова Е. 9: 1009
 Александрова К. А. 9: 1025
 Алексеев М. П. 9: 472, 800, 802, 848, 993, 998
 Алексеев П. В. 9: 948, 1024
 Алексей Петрович, царевич 9: 814
 Алексей, свящ. 9: 620
 Алексей, человек Божий 9: 919, 998
 Ален-Фурнье (Alain-Fournier; Фурнье А.) 9: 633
 Али Делек Тат Оглы (Алей) 9: 462
 Алимпиев С. В. 9: 705
 Аллен Л. 9: 1004

* Сост. Н. И. Коваленко. В Указателе тома обозначены арабской цифрой с двоеточием, после которого следуют номера страниц.

- Алоэ С. (Aloe S.) 9: 4, 434, 823, 927—928
- Алпатов А. В. 9: 924—925, 929
- Алпатова И. 9: 905
- Альбертацци Дж. 9: 710
- Альберти (Alberti) Л. Б. 9: 570
- Альми И. Л. 9: 577, 582, 587—588, 590, 1019
- Альтман М. С. 9: 460, 472, 598, 600, 602, 721, 732, 749, 802, 841, 1019
- Альффонские, семья 9: 398, 401—402, 992, 994
- Альффонский А. А. 9: 391, 393, 398—400, 403—404, 967, 992, 994, 1009, 1011
- Амброзини Л. 9: 708
- Андерсон Р. (Anderson R.) 9: 674
- Андре В. 9: 638
- Андреев Л. Н. 9: 679
- Андрианова И. С. 9: 1022
- Андриканис Е. 9: 700
- Андруцкий Я. 9: 709
- Аникита см. Ширинский-Шихматов С. А.
- Анна Иоанновна, императрица 9: 922
- Анна, кухарка 9: 393, 400, 998
- Анненков П. В. 8: 235; 9: 585—586, 769
- Антик С. 9: 1022
- Антинг И. Ф. 9: 997
- Антоний Великий 9: 394, 1001, 1012
- Антонович М. А. 9: 775
- Анциферов Н. П. 9: 762, 782
- Аполлонио К. (Apollonio C.) 9: 673
- Аполлонский Р. Б. 9: 695—696
- Апостолов Н. Н. 9: 969
- Апулей 9: 595, 734
- Аракчеев А. А. 8: 15; 9: 724
- Арая К. 9: 689
- Аристарко Г. 9: 714
- Аристофан 9: 680
- Арльт (Arlt) Р. 9: 679
- Арсентьева Н. Н. 9: 582, 676—679
- Ару Г. 9: 638, 705—706
- Ару Ж. 9: 638
- Архипов А. 9: 702
- Архипова А. В. 9: 592, 996
- Арьес (Ariès) Ф. 9: 571
- Ауер (Hauer) Ж.-Ж. 9: 737
- Афанасий Великий (Александрийский) 9: 1001
- Афанасьев А. Н. 9: 562, 947
- Афанасьев Р. 9: 706
- Ахундова И. Р. 9: 460
- Ахшарумов Д. Д. 9: 736
- Ашимбаева Н. Т. 9: 583, 589, 593, 779
- Ашукин Н. С. 9: 803
- Ашукина М. Г. 9: 803
- Бабев Д. 9: 683
- Бабицкий К. 9: 709
- Бабкин А. М. 9: 746, 750, 790, 805, 817, 819, 1019
- Багно В. Е. (Bagno V.) 9: 4, 435, 580—582, 584, 676—677, 679, 926—927
- Баева Е. 9: 709
- Базанкур (Bazancourt) Ж.-Б. де 8: 457; 9: 810
- Базанов В. Г. 9: 4, 591, 1022
- Базунов А. Ф. 9: 528, 814, 865, 940
- Байрон (Byron) Дж. Г. 9: 179, 201, 470, 477, 480, 735, 845
- Бакеев Р. А. 9: 856
- Бакунин М. А. 9: 986
- Балабанов, крестьянин 8: 456; 9: 536, 543, 545—546, 940
- Балабин Е. П. 9: 817, 820
- Балашев А. Д. 9: 812
- Балашов Н. В. 9: 559, 761, 988
- Бальзак (Balsac) О. де 9: 638, 640, 762, 800, 827—828, 999
- Бальмонт К. Д. 9: 926
- Банба С. 9: 691—692
- Барабаш С. 9: 906

- Баранович-Поливанова А. А. 9: 627
 Баргас К. 9: 679
 Бароха (Baroja) П. 9: 677—679, 683
 Барро, акушерка 9: 841
 Баррос Гарсиа Б. (Barros García B.) 9: 4, 434, 680
 Барсак А. (Barsacq A.) 9: 706
 Барсов Н. И. 9: 983—984
 Барсотти Д. 9: 552
 Барт (Barthes) Р. 9: 691
 Бартфельд Ф. (Bartfeld F.) 9: 886
 Барцева С. (Bartseva S.) 9: 661—662
 Басилашвили О. В. 9: 703
 Батталова А. Н. 9: 537
 Батуман (Batuman) Э. 9: 664
 Батюшков К. Н. 9: 800, 829
 Бауман Е. 9: 700
 Бауэрс К. А. (Bowers K. A.) 9: 674
 Бахман И. 9: 714
 Бахметева А. Н. 9: 1023
 Бахтин (Bakhtin) М. М. 9: 650, 657, 662, 665, 667—668, 679, 689, 691, 750, 1019
 Баэса (Baeza) Р. 9: 680
 Б—в Е. 9: 986
 Беер Х.-П. (Beer H.-P.) 9: 659
 Безансон А. (Besançon A.) 9: 640
 Бекедин П. В. 9: 521
 Бекеш (Békes) К. 9: 722
 Белехов (Белихов, Беликов) Г. 9: 249, 854
 Белинский В. Г. 9: 580, 587, 748, 751, 769—770, 773—774, 776—777, 816, 887, 903, 908, 939, 955, 965, 967, 979, 995, 999, 1019
 Белобратов А. 9: 646
 Белов С. В. 9: 816, 837, 854, 992, 994, 997, 1019, 1022, 1026
 Белова Л. И. 9: 710
 Беловолов Г. В. 9: 553, 1023
 Белопольский В. Н. 9: 981
 Бельтран Альмерия (Beltrán Almeria) Л. 9: 680
 Бельчиков Н. Ф. 9: 436, 465—466, 469, 536, 559, 774, 789, 831, 834—836, 930—931, 956, 1026
 Белякова Е. Н. 9: 625
 Бем А. Л. 9: 522, 546, 598, 729, 792, 817, 820—822, 884, 896—897, 899, 972, 987, 1019, 1020, 1025
 Бенедикт XVI см. Ратцингер Й.
 Бенешева Б. 9: 687
 Бенуа А. Н. 9: 705
 Беньямин В. (Benjamin W.) 9: 643, 646
 Беньяш Р. М. 9: 698
 Беранже (Beranger) П.-Ж. де 9: 856
 Берг Ф. Н. 9: 764, 913—914
 Берджин Д. (Burgin D. L.) 9: 669
 Бердяев Н. А. 9: 557, 639, 686
 Бередихин, комендант 9: 930
 Березина А. Г. 9: 682
 Березкин А. М. 9: 4, 434
 Бержайте Д. 9: 904
 Беринг М. 9: 662
 Берковский Н. Я. 9: 597, 698—699, 1019
 Бернанос (Bernanos) Ж. 9: 636
 Берри А. (Burry A.) 9: 669, 711
 Бессонов П. 9: 947
 Бестужев А. А. (Марлинский) 8: 148; 9: 751—752, 813
 Бетеа Д. М. (Betha D. M.) 9: 549, 671
 Бетховен (Beethoven) Л. ван 9: 635
 Бибилов П. А. 9: 775, 798
 Бийон П. 9: 906
 Билинкис Я. С. 9: 701
 Биншток В. Л. 9: 705
 Бирих А. К. 9: 1026
 Бирон В. С. 9: 905
 Бирон Э.-И. 9: 922, 929

- Битюгова И. А. 9: 4, 433—434, 622, 933—934, 1020
 Бицилли П. М. 9: 503, 988—989
 Благой Д. Д. 9: 599
 Благодетелов Г. Е. 9: 379, 940
 Бланк К. Д. 9: 622
 Бланшар Г.-П. 9: 705
 Бланшард П. 9: 1010
 Блинов В. 9: 1014
 Б—лов см. Благодетелов Г. Е.
 Блок А. А. 9: 505, 625, 1020
 Блудов Д. Н. 9: 921
 Блэкмер Р. П. (Blackmur R. P.) 9: 664
 Б—н см. Боткин С. П.
 Богатец И. (Bohatec J.) 9: 648
 Богданов К. А. 9: 733
 Богданов Н. Н. 9: 717, 882
 Богданов-Березовский В. М. 9: 715, 911
 Богданович М. И. 9: 811
 Боград Г. Л. 9: 461, 533—534, 548—549, 719, 757, 763, 778, 782, 784, 791, 804—805, 817, 982, 1020
 Бодлер (Baudelaire) Ш. 9: 640, 1025
 Боккаччо (Boccaccio) Дж. 9: 549
 Бомарше (Beaumarchais) П.-О. К. де 9: 906
 Бондарчук Ф. С. 9: 702
 Бончевска М. 9: 708
 Боратынский Е. А. 9: 798, 800
 Борджезе (Borgese) Г. 9: 682
 Борисова А. 9: 698
 Борисова В. В. 9: 560—561, 574, 718, 752, 766
 Борисова Ю. К. 9: 699
 Боровиковский В. Л. 9: 820
 Бортко В. В. 9: 702—704
 Борщевский Э. С. 9: 548, 890, 940, 1020
 Боссарт А. 9: 702
 Босх (Bosch) И. 9: 1001
 Боткин С. П. (Б—н) 8: 264, 358, 369, 380; 9: 773
 Бочаров И. П. 9: 772
 Бочаров С. Г. 9: 553, 577—578, 603, 798, 1019
 Бояджиев Г. Н. 9: 746
 Боярский В. А. 9: 626
 Боярский М. С. 9: 703
 Брагинский А. В. 9: 710
 Брагинский Э. В. 9: 701
 Брайловская А. 9: 663
 Бранд Х. Э. (Brand H. E.) 9: 657
 Браун М. (Braun M.) 9: 652—653
 Брегер Л. (Breger L.) 9: 668
 Бреёр Р. (Breeur R.) 9: 643
 Брейгель (Brueghel) П. 9: 1001
 Брейгель (Brueghel) Я. 9: 1001
 Брейдыгант С. 9: 708
 Брессон (Bresson) Р. 9: 714
 Брётц Д. (Brötz D.) 9: 661
 Брин Б. (Breen B.) 9: 642
 Брин С. Ф. фон 9: 390, 396, 992
 Бродский Н. Л. 9: 604, 917, 920—921, 956, 988, 1014
 Брокгауз Ф. А. 9: 718
 Брумфилд У. К. 9: 992
 Брусилов Н. (Брутилов) 9: 390—391, 940, 992
 Брюллов А. П. 9: 540, 794
 Брюлов К. П. 9: 608
 Бубеникова М. 9: 709
 Буданова Н. Ф. 9: 4, 522, 553, 756, 966, 976, 989, 1010, 1020, 1024
 Бudevская А. 9: 709
 Будина О. А. 9: 703
 Бузина Т. В. см. Ковалевская Т. В.
 Букингам Дж. Х. 9: 923—924
 Булгаков М. А. 9: 623, 628—630
 Булгаков С. Н. 9: 577, 997, 1025
 Булгаков Я. И. 9: 997
 Бунаков Ф. 9: 997
 Бурбоны, династия 9: 755
 Бурдалу (Bourdalu) Л. 8: 286—287; 9: 779
 Бурдина И. Ю. 9: 574
 Буренин В. П. 9: 614—615, 902

- Бурмистрова Л. М. 9: 580
 Буров А. М. 9: 573
 Буров С. Г. 9: 903
 Бурсов Б. И. 9: 971
 Буслаев Ф. И. 9: 947, 970
 Буташевич-Петрашевский М. В.
 9: 568, 736, 774, 776, 883,
 907, 979
 Быков П. В. 9: 586
 Бьану Э. 9: 708
 Бэлэнеску С. 9: 549, 790
 Бюффон (Buffon) Ж.-Л. Л. де 9:
 405, 1009, 1010
 Бялый Г. А. 9: 517, 623
 Бяньгэ Ч. 9: 4, 434, 990

Вагнер (Wagner) Р. 9: 634
 Вайда (Wajda) А. 9: 661—662,
 708—709, 712, 713
 Вайнберг М. С. 9: 716
 Вайнчик Р.-И. (Weinczyk R. J.)
 9: 657
 Ваккари Дж. 9: 710
 Валешная М. В. 9: 705
 Варламов К. А. 9: 695
 Варламова Д. В. 9: 756
 Васёлек Э. (Wasiolek E.) 9: 664,
 670
 Василий Великий (Кесарийский)
 9: 262, 856
 Василиса, прачка 9: 393, 400,
 998
 Васильев Г. 9: 731, 905
 Васильев Д. И. 9: 757
 Васильев Н. И. 9: 695
 Васильева (Чернышевская) О. С.
 9: 279, 541, 857
 Васильчиков, домовладелец 9:
 723
 Вассерман Я. (Wassermann J.) 9:
 592, 645
 Ватсон Э. К. (W.) 9: 980
 Вахтель Э. 9: 573
 Вацуро В. Э. 9: 800
 Введенский А. И. 9: 556—557
 Вебстер А. (Webster A. F.) 9:
 672
 Вейнберг П. И. (Скептик) 9:
 525, 696
 Вейнгартен Р. 9: 706
 Веккьо Пальма см. Пальма (Pal-
 ma il Vecchio) Я.
 Вележева Л. Л. 9: 703
 Великанович И. 9: 687
 Велимирович Э. 9: 687
 Велис Блинова М. Г. (Velis Bli-
 nova M. G.) 9: 675, 677
 Вёлль А. (Wöll A.) 9: 651
 Велчев В. 9: 684
 Венгеров С. А. 9: 619
 Венгерова Э. 9: 905
 Вендерс В. 9: 661
 Венков И. 9: 709
 Вергилий 8: 47; 9: 732, 823
 Вери (Wairy) Л.-К. 8: 459, 461;
 9: 810, 812
 Вермеер (Vermeer van Delft) Я. 9:
 636
 Верховский Ю. 9: 1005
 Верч И. 9: 898, 1020
 Веселовский А. Н. 9: 860, 862
 Ветловская В. Е. 9: 742, 815,
 822, 919, 1013
 Ветт Б. (Wett B.) 9: 659
 Виардо (Viardot) Л. 9: 580
 Видаль А. (Vidal A.) 9: 675—
 677, 679—680
 Виельгорские, семья 9: 816
 Виктор Эммануил II (Vittorio Ema-
 nuele) 9: 161, 164, 818, 842
 Викторович В. А. 9: 537, 588,
 809, 976, 990
 Вильмонт Н. Н. 9: 602, 651
 Виноградов В. В. 9: 4, 522, 820,
 1027, 1029
 Виноградова де ля Фортель А.
 9: 598
 Винокуров В. (Vinokurov V.) 9:
 668
 Виреньский В. 9: 682
 Висконти Л. 9: 713—714
 Витали Ж. 9: 705
 Владимир Мономах 9: 562, 934
 Владимировцев В. П. 9: 732, 1023

- Власов А. 9: 716
Власов Э. 9: 711
Власьев, капитан 9: 929
Вовенарг (Luc de Clapiers, marquis de Vauvenargues) 9: 911—912
Вогюэ Э.-М. де (Vogüé E.-M. de) 9: 631—632, 643, 662—663, 676
Воейков А. Ф. 9: 1007
Вознесенская А. П. 9: 782
Вознесенский А. Н. 9: 905
Войткевич С. Г. 9: 716
Войцеховский К. 9: 708
Вокс Дж. 9: 753
Волгин И. Л. 9: 680, 703—704, 727, 1028
Волгина О. В. 9: 990
Волконская Э. А. 9: 817
Воловинская М. В. 9: 623
Володин Э. Ф. 9: 594
Володина И. П. 9: 682
Волохонская Л. 9: 663
Волчек О. Е. 9: 4, 434
Волынский А. Л. 9: 526, 555, 689
Вольтер (Voltaire) 8: 344, 406; 9: 511, 734, 787—788, 849—850
Вольф А. И. 9: 722, 1020
Вольф В. 9: 907
Вордсворт (Wordsworth) У. 9: 663
Воронин, домовладелец 9: 732
Воронина (Умецкая) А. 9: 467
Врангель А. Е. 9: 462, 827, 854, 878—880, 893, 916, 1015, 1020
Вронченко М. 9: 786
Вудворд Дж. В. (Woodward J. B.) 9: 894
Вулф (Woolf) В. 9: 904
Вурмзер Л. (Wurmser L.) 9: 649
Вуттке М. 9: 707
Вырубов Г. Н. 9: 813, 979
Высоцка С. 9: 708
Вэй Сунъю 9: 692
Вяземский П. А. 9: 813
Гааз (Гас, Гаас; Haass F. J.) Ф. П. 8: 372—373; 9: 407, 473—474, 476, 795, 918—919, 964, 972, 998, 1014
Гавранек К.-В. 9: 687
Гавричков М. 9: 1028
Гагарин И. С. 9: 817, 820
Гадда (Gadda) К. Э. 9: 682
Газданов Г. И. 9: 623, 626
Газин Ф. 9: 795
Гайдн (Haydn) Ф. Й. 9: 71
Гайзенханслюке А. (Geisenhans-lücke A.) 9: 657
Галаган Г. Я. 9: 579, 821
Галилей (Galilei) Г. 8: 426
Галкин А. Б. 9: 852
Гальшева М. П. 9: 600, 899
Гальперин-Каменская Н. 9: 903
Гальцова Е. Д. 9: 828
Гамсун (Hamsun) К. 9: 658
Гарибальди (Garibaldi) Дж. 9: 141, 164, 840, 842
Гарибальди (Garibaldi) Доменико Менотти 9: 141, 840
Гарибальди (Garibaldi) Риччотти 9: 141, 840
Гарнетт (Garnett) Д. 9: 663
Гарнетт К. 9: 662—663, 904
Гарстка К. (Garstka Ch.) 9: 659
Гаспарини Э. (Gasparini E.) 9: 681
Гаспаров М. Л. 9: 823, 865
Гатцук А. А. 9: 974
Гау Тау 9: 692
Гауптман Г. (Hauptmann G.) 9: 645, 658
Гачева А. Г. 9: 895
Ге Н. Н. 9: 575, 843
Гегель (Hegel) Г. В. Ф. 9: 666
Геден (Gedeon) С. 9: 661, 713
Гейне (Heine) Г. 8: 195; 9: 578—579, 763—764, 827
Гейнцен (Heinzen) К.-П. 9: 819
Гексли (Huxley) Т. Г. 9: 775, 980—982
Геллер Л. 9: 598
Гельван В. И. 9: 715

- Геннади Г. Н. 9: 533, 585
 Генрих IV 8: 195; 9: 764
 Генрих VI 9: 847
 Генрих VII (Richmond) 9: 847
 Генрих VIII 9: 816
 Герард А. Дж. (Guerard A. J.) 9: 670
 Герасимова А. Ф. 9: 992
 Геригк Х.-Ю. (Gerigk H. J.) 9: 658—659
 Герлах Х. 9: 716
 Гернгросс А. Р. 9: 878, 880
 Гернгросс Е. И. 9: 878—880, 893, 1015
 Герострат 9: 281, 858
 Герцен А. И. 8: 455—456; 9: 472, 547—548, 579—580, 730—732, 795, 798, 805, 809, 813, 819, 826, 892, 979, 995, 1020
 Герцо-Виноградский С. Т. 9: 618
 Гершель (Herschel) Д. Ф. У. 9: 999
 Гесиод 9: 779
 Гессе Г. (Hesse H.) 9: 646
 Гёте (Goethe) И. В. фон 8: 342, 382; 9: 110, 482, 554, 653, 666, 753, 786, 807
 Гзовская Т. В. 9: 714
 Гивенс Дж. (Givens J.) 9: 674
 Гиголов М. Г. 9: 1003
 Гидини М. К. 9: 730
 Гин М. М. 9: 973
 Гиней К. 9: 707
 Гинзбург Е. Л. 9: 1027
 Гинкас К. М. 9: 716
 Гительман Л. И. 9: 706, 927
 Гладысь Ю. 9: 682
 Глаголевская О. А. 9: 916
 Глазков М. 9: 545
 Глазунов И. И. 9: 1023
 Глазычев В. А. 9: 719
 Глебов С. Б. 8: 479; 9: 449, 814—815
 Глиддон (Gliddon) Дж. Р. 9: 775
 Глинка А. С. (Волжский) 9: 555, 574—575
 Глинка М. И. 9: 78—79, 911
 Глинкина Л. А. 9: 722, 744, 761, 793, 860, 1020
 Глушаков П. С. 9: 770
 Гнедич П. П. (Старый театрал) 9: 696
 Гоголева Е. Н. 9: 697
 Гоголь Н. В. 8: 234, 307, 401—403, 423—425, 434, 463; 9: 298, 398, 400—402, 404, 441, 460, 522, 563, 582, 589—590, 617, 676, 717, 721, 748—749, 759—761, 763, 769, 771—772, 782—783, 803—807, 813, 818, 825, 846, 857, 861, 891, 893, 918, 933, 952, 955, 995, 1007—1008, 1019—1020, 1025
 Годар (Godard) Ж.-Л. 9: 714
 Гозенпуд А. А. 9: 602, 706, 911
 Голенищев-Кутузов М. И. 8: 393; 9: 801, 919, 998
 Голеновская А. М. см. Достоевская А. М.
 Голике Р. 9: 1020
 Голицын А. Н. 9: 820, 984
 Голицын С. Г. 9: 79, 911
 Голованова Т. П. 9: 4, 434
 Головин Е. А. 9: 820
 Головин К. Ф. 9: 526
 Голохвастов Д. П. 9: 998
 Голубов К. Е. 9: 941, 946, 965—966
 Гольбейн (Holbein) Г. 8: 73, 200—201, 212, 376—377; 9: 167, 169, 176, 181, 250, 475, 485, 568—578, 588, 624—625, 632, 650—652, 669, 672—673, 692, 734, 737—738, 741, 765, 834, 843—845, 855, 949, 997, 1024—1025, 1027
 Гольдт Р. (Goldt R.) 9: 655
 Гомер 9: 633
 Гонсалес А. А. 9: 4, 434
 Гончаров И. А. 9: 342, 373, 387, 592, 622, 683, 773, 891, 894, 914, 933—934, 951, 955, 966, 968, 1020

- Гончарова (Пушкина) Н. Н. 9: 461
- Гораций (Horatius; Квинт Гораций Флакк) 9: 193, 196, 823, 847
- Горелов А. 9: 698
- Горелова В. 9: 704
- Горенштейн Ф. Н. 9: 630
- Горрис М. 9: 708
- Горский В. 8: 178, 210—211, 237, 261, 263, 272, 309—310; 9: 248, 543—545, 547, 614, 770, 772—773, 834—835, 853
- Горфункель Е. И. 9: 698, 701
- Горький А. М. 9: 621, 679, 1021
- Гофман (Hoffmann) Э. Т. А. 9: 595, 734, 891
- Гофман Е. 9: 708
- Гофман Р. 9: 638
- Градовский А. Д. 9: 875
- Грак (Gracq) Ж. 9: 637
- Грановский Т. Н. 9: 946—947, 965—967, 1017
- Гранье-Дефер Д. 9: 906
- Грациотти С. (Graciotti S.) 9: 681
- Грей С. 9: 707
- Гренье С. (Grenier S.) 9: 892
- Греч Н. И. 9: 287, 858, 909
- Грибоедов А. С. 8: 92, 105, 241, 273, 307; 9: 439, 743—744, 771, 776, 783, 841, 934, 1019—1020
- Григорий VII, папа римский 8: 195; 9: 764
- Григорий Богослов 9: 262, 856
- Григорович Д. В. 9: 816, 838, 911
- Григорьев А. А. 9: 53, 536, 860, 885, 888—889, 909, 930—931, 934, 966, 995, 1011
- Григорьев А. Л. 9: 580, 645, 926
- Григорьев Д., протоиерей 9: 976
- Григорьев Н. П. 9: 736
- Григорьев Н. С. 9: 800
- Гримальт Дж. 9: 708
- Гримбальди 9: 579
- Грин Ж. (Green J.) 9: 637—638
- Гриценко Н. О. 9: 699
- Гродецкая А. Г. 9: 1029
- Громов П. П. 9: 598
- Гроссман Л. П. 9: 527, 535, 541, 569—570, 588, 728, 739, 741, 743, 747, 754, 756, 763, 765—766, 788, 801, 809, 811, 814, 836, 843, 860, 877, 890, 906, 908, 910—911, 915, 917, 922, 928, 931, 935, 946, 951, 956, 968, 1005, 1018, 1021
- Гротовская Е. (Scipio del Campo) 9: 682
- Грюневальд (Grünewald) М. 9: 632
- Гуардини (Гвардини; Guardini) Р. 9: 558, 571, 639, 641, 745, 1021
- Губарев О. 9: 716
- Губер Э. И. 9: 817
- Гумбольдт (Humboldt) А. фон 9: 390, 405, 992, 1009—1010
- Гумилев Н. С. 9: 625
- Гуски А. (Guski A.) 9: 651—652
- Гуськов С. Н. 9: 1028
- Гутьеррес Каба Э. 9: 712
- Гущина Е. 9: 716
- Гэн Цзичжи 9: 692
- Гэтрэлл Дж. (Gatrall J. J. A.) 9: 571, 577
- Гюго (Hugo) В. 9: 99, 177, 363, 493, 522, 580, 598—599, 726, 735—736, 738—739, 753, 759, 776, 792, 844—845, 855, 898, 912—913, 995, 1002, 1021
- Гюисманс (Huysmans) К.-Ж. 9: 632
- д'Алленвальд 8: 136; 9: 750
- д'Аржан Ж.-Б. (Boyer J.-B. de, Marquis d'Argens) 9: 992
- д'Арль-де-Монтиньи Ф.-К. 9: 992
- Давид (David) Ж.-Л. 9: 737
- Даву (Davout) Л.-Н. 8: 459—460; 9: 811—812
- Давыдов Д. В. 9: 747, 822, 998
- Далтон Э. (Dalton E.) 9: 668

- Даль Б. 9: 906
 Даль В. И. 9: 456, 549, 720—721, 729, 732, 758, 763, 803, 837, 847, 859, 862, 948, 1021
 Дальская К. 9: 905
 Дальский М. В. 9: 695
 Даникан Филидор см. Филидор (Philidor) Ф.-А.
 Данила Филиппович 9: 392, 984—985, 995—996
 Данилевский Г. П. 9: 875, 928—929
 Данилевский Р. Ю. 9: 601—602
 Данилин Ю. И. 9: 856
 Данилов А. М. 8: 125, 237, 272; 9: 468, 543—545, 547, 749, 770
 Данте Алигьери (Dante Alighieri) 9: 967
 Дантес Ж.-Ш. 8: 326
 Данько Л. Г. 9: 715
 Дарвин (Darwin) Ч. Р. 9: 799
 Дардыкина Н. 9: 704
 Дарю (Daru) П.-А.-Б. 9: 812
 Дауговиш С. Н. 9: 575
 Двигубский И. А. 9: 1010
 Дворкин А. Л. 9: 630
 Дебу И. М. 9: 736
 Девоншир (Devonshire), дворянский род 9: 165, 842
 Дезульер В. (Deshoulière V.) 9: 642
 Деледда (Deledda) Г. 9: 682
 Делёз (Deleuze) Ж. 9: 691
 Делл'Аста А. 9: 576
 Дельбрюк (Delbruck) А. 9: 659
 Демкова Н. С. 9: 587
 Денн М. 9: 575
 Дерели В. (Derély V.) 9: 631
 Державин Г. Р. 9: 807, 948
 Деттмеринг П. (Dettmering P.) 9: 649
 Дефо (Defoe) Д. 9: 637
 Дешарт О. 9: 1023
 Деянов А. И. (Д—ов А.) 9: 696
 Джеймс Г. (James H.) 9: 663
 Джекоби Д. 9: 707
 Джексон Р. Л. (Jackson R. L.) 9: 666, 668, 672—673, 861, 1009, 1014
 Дживоне С. (Givone S.) 9: 682
 Джонсон Б. (Johnson B.) 9: 669
 Джонсон Л. (Johnson L.) 9: 667
 Джоунс Дж. (Jones J.) 9: 665
 Джоунс М. В. (Jones M. V.) 9: 471, 560, 594, 665, 674, 894, 982
 Джунковский С. С. 9: 817, 820
 Дзюбек П. 9: 709
 Дидро (Diderot) Д. 9: 511
 Диккенс (Dickens) Ч. Д. Х. 9: 28, 245, 493, 501, 521, 580—581, 590, 599, 757, 852, 910, 918, 1007, 1025
 Дилакторская О. Г. 9: 982
 Дмитриев В. М. 9: 4, 434—435
 Дмитриева Л. А. 9: 892
 Димитров Л. 9: 624
 Димитров Э. 9: 4, 434, 684
 Димитрова Н. 9: 684
 Диоген Лаэртский 9: 771
 Дмитревская М. Ю. 9: 696
 Дмитриев А. П. 9: 770, 1023
 Дмитриева Е. Е. 9: 817
 Добринина Е. (Dobrina E.) 9: 656
 Добролюбов Н. А. 9: 508, 580, 774, 776
 Добротворский И. 9: 983
 Д—ов А. см. Деянов А. И.
 Долинин А. С. 9: 476, 516, 549—550, 565, 608, 783, 878, 881—882, 931, 960, 963, 965, 986, 1015, 1021, 1026—1027
 Домалик А. 9: 709
 Доминик Л. 9: 906
 Домогаров А. Ю. 9: 703
 Донец Л. 9: 704
 Дороватовская-Любимова В. С. 9: 542—547, 727, 772—773, 1021
 Дорофеева К. В. 9: 728
 Дорошевич В. М. (В. Д.) 9: 696
 Достоевская (Голеновская) А. М. 9: 758, 760

- Достоевская (Сниткина) А. Г. 9: 125, 147, 245, 385, 393, 459, 464—465, 468, 491, 495, 511, 529, 531—532, 535, 539, 547, 564, 569—570, 725, 728, 739, 741, 744, 754—757, 765—766, 773, 782, 784, 801—802, 808, 811—812, 815, 823, 826, 828, 838—842, 846, 848—849, 871, 881, 883, 905—906, 908, 910—911, 913—914, 919, 935, 946, 951, 953, 958—959, 969, 978, 1018, 1021—1022
- Достоевская Вар. М. 9: 758
- Достоевская Вера М. см. Иванова В. М.
- Достоевская Л. Ф. 9: 758, 816, 948, 996, 1022
- Достоевская М. Ф. 9: 536, 752, 916—917, 994, 998, 1009, 1025
- Достоевская С. Ф. (Соня) 9: 145, 494, 515, 840, 842, 848, 860, 910
- Достоевская Э. Ф. 9: 760, 952
- Достоевский (младший) Ф. М. 9: 139, 760, 839
- Достоевский А. 9: 147, 245, 385
- Достоевский А. М. 9: 569, 719, 731, 743, 755, 807, 935, 948—949, 991, 993—994, 996, 998, 1002, 1007—1008, 1022
- Достоевский М. А. 9: 731, 758, 917, 998, 1009, 1011, 1025
- Достоевский М. М. 9: 390, 433, 523, 534, 536, 540, 720, 726—727, 736, 754, 756, 760, 773, 784, 816—817, 838, 854, 860—861, 930—931, 933, 937, 941, 951, 967, 991, 1003
- Достоевский Н. М. 9: 755, 760
- Достоевский Ф. 9: 147, 245, 385
- Древерманн О. (Drewermann E.) 9: 661
- Дружинин А. В. 9: 748, 934
- Дрыжакова Е. Н. 9: 1006
- Дуайон Ж. 9: 906
- Дубеник Е. А. 9: 630
- Дубкова С. И. 9: 715
- Дубовицкий А. П. 9: 984
- Дудкин В. В. 9: 4, 434, 644, 856, 998
- Дуккон А. 9: 4, 434
- Дунаев М. М. 9: 576
- Дунаева Н. Л. 9: 705
- Дураков 8: 261, 309—310; 9: 296, 299, 303, 833—834, 860—861
- Дуров С. Ф. 9: 371—372, 911, 933
- Дурылин С. Н. 9: 521
- Дьяков И. И. 9: 467, 833
- Дюбарри М.-Ж. 8: 181—182, 211; 9: 250, 268, 505, 510, 600, 758—759, 834—835, 855
- Дюма (Dumas) А. (отец) 8: 103; 9: 723, 743, 759, 810
- Дюма (Dumas) А. (сын) 8: 142; 9: 472, 599—600, 721—722, 732, 751, 754, 802, 829, 886, 1022
- Дюпети Ш.-Д. (Dupeuty Ch.-D.) 9: 549—550, 927
- Евгений (Болховитинов Е. А.) 9: 974
- Евгения Тур (Салиас-де-Турнемир Е. В.) 9: 474, 775
- Евгеньев В. В. 9: 856
- Евдокимова Е. 9: 715
- Евнин Ф. И. 9: 597, 599
- Егоров Б. Ф. 9: 770, 789, 981
- Егоров Г. 9: 904
- Егошина О. В. 9: 698
- Екатерина I 9: 753
- Екатерина II 8: 457; 9: 725, 756—757, 810, 817, 922, 929, 948
- Еленский А. М. 9: 984
- Елизавета Петровна, императрица 9: 725, 815, 922
- Елизаров Ф. 9: 757
- Елисеев Н. 9: 704

Ельчанинов М. (Eltchaninoff M.) 9: 642—643
 Енджейевич Е. 9: 682
 Епишев Н. Н. 9: 698
 Еремин Ю. 9: 905
 Ермилова Г. Г. 9: 460, 553, 560, 588—589, 593, 602—603, 828, 1023
 Ермолов А. П. 9: 809
 Ермолова М. Н. 9: 695—696
 Еропкины, семья 9: 807
 Ершов П. П. 9: 1007
 Ефремова Т. Ф. 9: 819—820
 Ефрон А. И. 9: 718
 Ёлшина Т. А. 9: 625
 Жанен (Janin) Ж.-Г. 9: 600
 Жаравина Л. В. 9: 582
 Жданов Н. И. 9: 544
 Жежеленко М. Л. 9: 710, 713
 Жемарины, семья, 8: 178, 210—211, 261, 309; 9: 248, 544—545, 547, 614, 757, 768, 772, 777, 835, 853
 Женовач С. В. 9: 701—702
 Живолупова Н. В. 9: 624, 932, 1004
 Животягина С. А. 9: 593
 Жид А. (Gide A.) 9: 634—635, 690, 903—904, 1023
 Жиллибер Ж. 9: 706
 Жильбер (Gilbert) Н.-Ж.-Л. 8: 381; 9: 798—799
 Жиялова Э. М. 9: 589, 799, 886—887, 895, 898, 997, 1006
 Жионо Ж. (Giono J.) 9: 636
 Жирар Р. (Girard R.) 9: 886, 899
 Житомирская С. В. 9: 1022
 Жихарева Е. И. 9: 697
 Жозефина де Богарне (Joséphine de Beauharnais) 8: 459, 461; 9: 812
 Жомини (Jomini) А.-А. 9: 542
 Жорж Санд (George Sand; Дюпен А.-А.-Л.) 9: 177, 570, 592, 599, 649, 845

Жуков Г. М. 9: 755
 Жукова М. 9: 716
 Жуковский В. А. 9: 42, 250, 572, 587—589, 592, 726, 732—733, 735, 769, 799, 855, 908
 Жуковский Ю. Г. 9: 980
 Жулавски А. 9: 712
 Журавлева А. И. 9: 1004
 Заборов П. Р. 9: 800
 Заборовский Х. (Zaborowski H.) 9: 654—655
 Забуковец У. (Zabukovec U.) 9: 563
 Завьялова Л. 9: 712
 Загидуллина М. В. 9: 844, 936—937, 949—950, 1015—1016
 Загоскин М. Н. 9: 810
 Загуляев М. А. 9: 1006
 Зайцев В. А. 9: 770, 775, 1007
 Зайчневский П. Г. 9: 770
 Закржевский А. 9: 526
 Зандер Л. А. 9: 556
 Заседкая Ю. Д. 9: 982
 Захаров В. Н. 9: 561, 576—577, 751, 898, 971, 988, 1018, 1022—1023
 Зейдель И. 9: 997
 Зембжуский Я. 9: 708
 Земцов С. М. 9: 719
 Зеньковский В. В. 9: 557
 Злочевская А. В. 9: 583, 593, 628—629
 Зограф Н. Г. 9: 927
 Золотова Г. А. 9: 894
 Золя (Zola) Э. 9: 954
 Зон фон, чиновник 9: 946
 Зонтаг С. 9: 658
 Зоркая Н. М. 9: 697
 Зосима Соловецкий 9: 262, 856
 Зограб А. (И.) 9: 502, 799
 И. Б. — А. Г. 9: 975
 Ибсен (Ibsen) Г. Ю. 9: 633

- Иван VI (Иоанн Антонович) 9: 369—370, 921—926, 928—930, 934
- Иваниц Л. (Ivanits L.) 9: 671
- Иванов А. А. 9: 804
- Иванов А. П. 9: 882
- Иванов В. В. 9: 563
- Иванов Вяч. Вс. 9: 575
- Иванов Вяч. И. 9: 460, 554—555, 588, 641, 686, 1023
- Иванов Д. В. 9: 1023
- Иванов И. И. 9: 938—939, 1016
- Иванов М. В. 9: 596
- Иванов Максим 9: 384—385, 944, 946
- Иванов, домовладелец 9: 778
- Иванова (Достоевская) Вера М. 9: 529, 758, 882, 901, 910
- Иванова М. А. (Маша) 9: 109, 145, 837, 840, 882, 910, 912
- Иванова С. А. 9: 411, 437, 465, 492—493, 516, 527—529, 552, 581, 608, 610, 829, 837, 875—877, 887, 893, 901, 931, 957—963, 968—969
- Иванчикова Е. А. 9: 894
- Ивасенко А. А. 9: 1021
- Игнатий (Брянчанинов Д. А.) 9: 1012
- Игнатий (Малышев И. В.) 9: 974—976, 1023
- Игнатий де Лойола (Ignacio López de Loyola) 9: 817, 957
- Игнатов И. 9: 684
- Игнатов И. Н. (И—т) 9: 695
- Игнатова Н. И. 9: 1024
- Игумнов, писарь 9: 983
- Иезуитова Р. В. 9: 586
- Измайлов Н. В. 9: 586
- Измайлова С. 9: 698
- Ильин В. А. 9: 703
- Иньеста И. (Iniesta I.) 9: 681
- Иоанн Златоуст 9: 262, 856
- Иоанн Лествичник 9: 1012
- Иорданский, домовладелец 9: 760
- Ипатова С. А. 9: 982, 1026
- Ирвинг (Irving) В. 9: 767
- Ирвинг (Irving) Д. У. 9: 904
- Исаев А. И. 9: 840, 854
- Исаев П. А. 9: 529, 837—838, 883—884, 1007
- Исаева М. Д. 9: 502, 840, 880, 892—893, 999, 1015
- Исаков Я. А. 9: 533, 585
- Исихама К. 9: 688
- Истомина Т. Б. 9: 947
- Исупов К. Г. 9: 995
- Ита Хименесу Х. А. (Hita Jiménez J. A.) 9: 680
- Итало Эвево (Свево; Italo Svevo; Шмиц А. Г. Э.) 9: 682
- Итокава К. 9: 741
- Йонекава М. 9: 687—688
- Кабе (Cabet) Э. 9: 839
- Кавацца А. 9: 1001
- Кавелин К. Д. 9: 979
- Кадо М. (Cadot M.) 9: 641
- Казак В. (Kasack W.) 9: 576, 651
- Казаков А. А. 9: 570—571
- Казаков М. Ф. 9: 810
- Казакова О. Ю. 9: 776
- Казанский П. С. 9: 974
- Кайданов И. К. 9: 859
- Калмыков И. И. 9: 543—544
- Кальдерон де ла Барка (Calderón de la Barca) П. 9: 926—928
- Камбуровы Ив. и Св. 9: 683—684
- Камельянова Ф. Ф. 9: 628
- Камэяма И. 9: 688
- Камю (Camus) А. 9: 636—637
- Кансинос Ассенс Р. (Cansinos Assens R.) 9: 675—676, 680
- Канунова Ф. З. 9: 997
- Капеллани П. 9: 705
- Капилупи С. М. 9: 1013
- Каракозов Д. В. 9: 725
- Карамзин Н. М. 8: 9, 454; 9: 350, 393, 401—402, 535—536, 569—572, 593, 601, 670, 719, 732, 784, 811, 822, 892,

- 894—895, 914, 948, 996—997, 1023, 1025
- Караулов Ю. Н. 9: 1027
- Карелин В. А. 9: 580
- Карельских Е. К. 9: 699
- Карепин А. П. 9: 882—883
- Карл III 9: 817
- Карлайл Г. 9: 663
- Карлайл О. 9: 663
- Карлова Т. С. 9: 727
- Каротин А. (Иванов И. В.) 9: 905
- Карпачева Т. С. 9: 976, 982
- Карпаччо (Caraccio) В. 9: 636
- Карр Э. Х. 9: 690
- Касаткина Т. А. 9: 521, 526, 532, 550, 552, 560, 563, 565, 567, 571—573, 576—577, 593—594, 599—600, 602—603, 605, 673, 702—705, 734, 756, 761, 824—825, 1019, 1021—1023
- Каскарди Э. Дж. (Cascardi A. J.) 9: 666
- Кастильо М. дель (Castillo M. del) 9: 638
- Касторф (Castorf) Фр. 9: 706—707
- Катков М. Н. 8: 47; 9: 433, 491, 528, 732, 774, 883, 959
- Катрфаж (Quatrefages de Bréau) Ж.-Л.-А. 9: 775
- Катто Ж. (Catteau J.) 9: 637, 640—641, 929
- Каул М. 9: 713
- Кафка (Kafka) Ф. 9: 646
- Качанов Р. Р. 9: 661—662, 702—703
- Каченовский В. М. 9: 993
- Кашин Д. Н. 9: 813
- Кашкин Н. С. 9: 979
- Кашипов В. В. 9: 433, 874—877, 930, 965, 968
- Квитко-Основьяненко Г. Ф. 9: 922, 924—925, 929
- Келлерман (Kellermann) Б. 9: 645
- Кельсиев В. И. 9: 762—763, 983
- Кельш В. Н. 9: 694
- Кербедза С. В. 9: 794
- Керн А. П. 9: 769, 857
- Кершнер И. 9: 706
- Кибальник С. А. 9: 4, 434—435, 462, 471—472, 626, 731, 734, 754, 770, 778, 781, 794, 818, 892, 1023
- Кизи (Kesity) К. Э. 9: 625
- Кийко Е. И. 9: 564, 567, 592
- Кильян 9: 400, 1007
- Кимура Х. 9: 688
- Кинк, семья 9: 1014
- Киносита Т. 9: 531, 688—690
- Кински К. 9: 714
- Киреевский П. В. 9: 767
- Кирилл, патриарх 9: 817
- Кириллов С. 9: 973
- Кириллова И. А. 9: 560
- Кирилов Н. С. 9: 549
- Кирпотин В. Я. 9: 482, 511, 539, 548, 860, 889, 896—899, 1003—1004, 1023
- Китагаки Н. 9: 688
- Кичеев П. 9: 695
- Кичин В. 9: 702
- Клара Ассизская (Кьяра Оф-фредуччо) 9: 781
- Кларин (Алас-и-Уренья Л.; Alas y Ureña) 9: 676
- Клейнмихель П. А. 8: 32; 9: 729—730
- Клейст (Kleist) Г. фон 9: 657
- Клеопатра 9: 110, 482—483, 687, 827
- Климент III, папа римский 9: 764
- Клодель П. (Claudel P.) 9: 633, 635, 640
- Кнапп Л. (Knapp L.) 9: 671—672
- Княжнин Я. Б. 9: 948
- Кобаяси Х. 9: 690—691
- Кобекин В. А. 9: 716
- Ковалев О. А. 9: 894—895
- Ковалевская (Корвин-Круковская) С. В. 9: 431—432, 535, 537—540, 767—768, 884, 1023

- Ковалевская Т. В. 9: 861, 982, 991, 999, 1013
- Ковалевский Е. П. 9: 921
- Ковалевский П. М. 9: 911
- Коваленко Н. И. 9: 435
- Ковальская М. И. 9: 862
- Ковач Арп. (Kovács Arp.) 9: 501, 567, 582, 593, 605, 674, 685, 822, 1024
- Ковнер А. Г. 9: 622
- Коган Г. А. 9: 926
- Кожанчиков Д. Е. 9: 970
- Кожевникова Н. А. 9: 807
- Козина М. 9: 746
- Козлов 9: 948—949
- Козлов Г. М. 9: 705
- Козлов И. И. 9: 735
- Кок (Kock) Ш.-П. де 8: 397; 9: 802, 886
- Кокс Г. (Cox G.) 9: 670
- Кокс Р. Л. (Cox R. L.) 9: 670
- Колумб (Colombo) Х. 8: 363, 426, 501; 9: 252, 303, 314, 449, 501—502, 792, 833, 855
- Колычов С. А. 9: 997
- Колязин В. 9: 707
- Комарович В. Л. 9: 482, 971, 986—988, 994, 1007, 1024
- Комаровский Е. Ф. 9: 997
- Комер В. Дж. (Comer W. J.) 9: 675
- Комиссаржевская В. Ф. 9: 695
- Комиссаржевский Ф. Ф. 9: 697
- Конгрив (Congreve) Р. 9: 979—980
- Кононов А. А. 9: 997
- Конрад (Conrad) Дж. 9: 663
- Констан см. Вери (Wairy) Л. К.
- Конт (Comte) О. 9: 406, 978—982
- Контелева А. В. 9: 485
- Конума Х. 9: 688
- Коншина Е. Н. 9: 917, 930—932, 936—938, 942—944, 948, 950, 956, 960, 1014, 1024
- Корвин-Круковская (Жаклар; О—в Ю.) А. В. 9: 431, 537—540
- Корвин-Круковская (Шуберт) Е. Ф. 9: 537—539
- Корвин-Круковский В. В. 9: 431, 537
- Корде д'Армон (Corday d'Armont de) М.-А.-Ш. 9: 737
- Корзов Ю. И. 9: 625
- Кори С. 9: 574
- Корконосенко К. С. 9: 580
- Корнель (Corneille) П. 9: 847
- Корнилова 9: 919
- Короткевич В. 9: 630
- Корриган Ю. (Corrigan Yu.) 9: 4, 434, 669
- Кортасар (Cortázar) Х. 9: 679
- Корф Н. А. 9: 930
- Корш В. Ф. 9: 755
- Косич А. И. 9: 540
- Костарев С. В. 9: 926
- Костомаров В. Д. 9: 764
- Костомаров Н. И. 9: 562, 947, 995
- Котельников В. А. 9: 549, 560, 584, 748
- Котыс Р. 9: 709
- Кохановская-Соханская Н. С. 9: 875
- Кохендёрфер Б. 9: 777
- Кохун Р. 9: 723
- Кочина П. Я. 9: 1023
- Кочубей В. П. 9: 921
- Кошелев Р. А. 9: 820
- Кошельняк В. 9: 709
- Кошмаль В. (Koschmal W.) 9: 648—649
- Краевский А. А. 9: 611
- Крапивин Г. Н. 9: 533, 535—536, 719, 729
- Красева А. Г. 9: 694
- Краснов Г. В. 9: 932, 1004
- Кренкель М. 9: 927
- Крестовский В. В. 9: 542
- Кривцов И. 9: 535, 719
- Кригер М. (Krieger M.) 9: 664

- Крижевский А. 9: 703
 Крикливец Е. В. 9: 630
 Криницын А. Б. 9: 573—574, 885, 891, 897, 899, 941—942, 1024
 Крипке С. 9: 691
 Кристева Ю. 9: 569
 Крокет Дж. 9: 707
 Кроль Л. И. 9: 536
 Кронеберг А. И. 9: 485, 1006
 Кроо К. 9: 582
 Круглов Р. Г. 9: 712
 Крыгер В. 9: 708
 Крылов В. А. 9: 695, 709
 Крылов И. А. 8: 130, 242; 9: 749, 771, 865
 Крюков Р. Ф. 9: 911
 Кувшинникова М. С. 9: 707
 Куга Ёсико 9: 711
 Кугель А. Р. (Homo novus) 9: 696, 905
 Куделич Г. 9: 899
 Кудоу С. 9: 688
 Кудрина Е. В. 9: 982
 Кук (Cook) Дж. 9: 402, 1008
 Куклинова И. А. 9: 852
 Кулагина В. И. 9: 715
 Кулишов А. (Куликов) 9: 379, 381—382, 390—391, 393—398, 403, 938, 944, 967, 972, 991, 996, 1003, 1008
 Куманин В. А. 9: 541
 Куманин К. К. 9: 541
 Куманина (Веденисова) М. П. 9: 541
 Куманина А. Ф. 9: 752, 766
 Куманины, семья 9: 578, 762, 765
 Кунильский А. Е. 9: 550, 560, 584, 587, 589, 592—593, 601, 751, 829, 1011—1012, 1024
 Кунц А. (Kuncz A.) 9: 684—685
 Кунце В. (Kunze W.) 9: 647
 Куприев Р. В. 9: 715
 Купфер П. И. 9: 777
 Курганов Е. 9: 598
 Курляндская Г. Б. 9: 623
 Куросава (Kurosawa) А. 9: 661, 689—690, 711—713
 Курочкин В. С. 9: 771, 856
 Кустовская М. А. 9: 1011
 Кутловская Е. 9: 703
 Кутузов М. И. см. Голенищев-Кутузов М. И.
 Кушелев-Безбородко Г. А. 9: 536—537, 754, 947
 Кьеркегор (Kierkegaard) С. 9: 659, 681, 686
 Кюхельбекер В. К. 9: 569, 741
 Лабзин А. Ф. 9: 820
 Лавров П. Л. 9: 980
 Лажечников И. И. 9: 809
 Лазари А. де 9: 682—683, 983
 Лайн Энтральго (Lain Entralgo) П. 9: 679
 Ламанский Е. И. 9: 608
 Ламартин А. де (Lamartine A.-M.-L. de) 9: 177, 845
 Ламберт Е. (Lambert) 9: 391, 398, 402—403, 967, 993—994
 Ламенне (Lamennais) Ф. де 9: 818
 Ламовский А. М. 9: 993
 Ламот-Лангон (Lamothe-Langon) Э.-Л. де 9: 759
 Лампен Ж. 9: 710
 Лапицкая Т. А. 9: 4, 434
 Ларин Б. А. 9: 1028
 Ларошфуко (La Rochefoucauld) Ф. де 8: 6; 9: 717—718
 Ларош-Эмон (La Roche-Aymon) Ш.-А. де 8: 181—182; 9: 759
 Ласенер (Ласнер; Lacenaire) П.-Ф. 8: 389; 9: 298, 543, 727, 800—801, 860
 Лассаль (Lassalle) Ф. 9: 606
 Латур Д. 9: 708
 Латыпова С. А. 9: 560—561
 Лафайет (La Fayette) М.-М. де 9: 887

- Лафатер (Lavater) И.-К. 9: 691
 Лафуркаде (Lafourcade) Э. 9: 679
 Лебедев А. А. 9: 974—975
 Лебедев Е. А. 9: 697
 Лебедев И. 9: 763
 Лебедев С. 9: 1011
 Лебедева Т. Б. 9: 1013
 Леви-Леран (Lévis) П.-М.-Г. де 9: 45, 909
 Левин В. И. 9: 1004
 Левин Ю. Д. 9: 485, 580, 733
 Левина Л. А. 9: 537, 552, 599, 603, 754, 791
 Левинас (Lévinas) Э. 9: 656, 667
 Левит Р. Я. 9: 798
 Ледесма И. 9: 708
 Леднев П. И. 9: 965—966
 Лезербарроу В. Дж. (Leatherbarrow W. J.) 9: 668, 670—671, 674
 Лейбниц (Leibniz) Г. В. фон 9: 788
 Лейкина-Свирская В. Р. 9: 736
 Леман А. 9: 694
 Леонидов Л. М. 9: 696
 Леонова М. (Leonova M.) 9: 650
 Леонтьев К. Н. 9: 553—554
 Лехахин В. В. 9: 575, 685
 Лермонтов М. Ю. 8: 56, 112, 479; 9: 397, 734—735, 745, 777, 807, 815, 856, 889, 891, 932—933, 936, 1003—1006, 1024
 Лесаж (Lesag) А.-Р. 9: 399, 1007
 Лесевич В. В. 9: 980
 Лескинен М. В. 9: 983
 Лесков Н. С. 9: 592, 615—616, 982, 1013
 Лессинг (Lessing) Г. Э. 9: 601, 652
 Либкнехт К. (Liebknecht K.) 9: 645
 Либлейн В. 9: 906
 Ливанов Ф. В. 9: 983
 Лидзани К. 9: 713
 Лиена М. Э. 9: 715
 Лизавета Кузьминична см. Щи-
 ровская Л. К.
 Ликург Спартанский 9: 948
 Липке Ш. 9: 845
 Литвиненко Н. 9: 905
 Литтре (Littre) Э.-М.-П. 9: 979
 Лихачев Д. С. 9: 587
 Лищинер С. Д. 9: 548
 Ловецкий А. Л. 9: 1010
 Лозовская Е. Л. 9: 623
 Ломниц А. 9: 708
 Ломоносов М. В. 8: 307; 9: 782—783
 Лонгман (Longman Tremper III) Т. 9: 740
 Лопатин А. А. 9: 600
 Лопатин В. С. 9: 813
 Лопес Арангурен Х. Л. (López Aranguren J. L.) 9: 677, 679
 Лопес-Морильяс Х. (López-Morillas J.) 9: 675—676
 Лопухин А. П. 9: 1028
 Лопухина Е. Ф. 9: 814
 Лорд Р. (Lord R.) 9: 664, 899
 Лосский Н. О. 9: 461, 558, 1024
 Лотман Л. М. 9: 460, 501, 562, 591—593, 601, 778, 861—862, 955, 986, 1024
 Лотман Ю. М. 9: 482, 594, 773—774, 1023
 Лоуренс (Lawrence) Д. Г. 9: 663
 Лу Синь 9: 692
 Луговая В. 9: 905
 Лукпанова Г. Г. 9: 1004
 Лукьянец И. В. 9: 828
 Лунде И. 9: 521
 Лунин М. С. 9: 817
 Лупкин П. Д. 9: 985
 Лурде де Сантерр (Lourdet de Santerre) Ж.-Б. 8: 136; 9: 750
 Лурье В. М. 9: 553
 Лурье Я. С. 9: 587
 Лучников М. Ю. 9: 889, 891—892, 899, 1024
 Лыкова А. В. 9: 705
 Лысенкова Е. И. 9: 590

- Львов Ф. Н. 9: 736
 Льюис Г. Г. 9: 979—980
 Любецкий 9: 541
 Людовик IX Святой 9: 250, 855
 Людовик XIV 9: 779
 Людовик XV 8: 355—356; 9: 505, 758—759, 790
 Людовик XVI 9: 855
 Ляскоуска В. 9: 708

 Магаршак Д. 9: 662
 Магидова М. 9: 1020
 Магомет (Мухаммед) 8: 209; 9: 383, 767—768, 948
 Мадоль Ж. (Madaule J.) 9: 639
 Мазель Р. О. 9: 901, 1024
 Мазурин В. Ф. 8: 420, 557; 9: 543—544, 912
 Май А. 9: 708
 Майерс А. 9: 663
 Майков А. Н. 9: 459, 464—465, 467, 491—494, 515, 519, 527—529, 541—542, 546, 607—610, 641, 722, 724—725, 777, 782—783, 789, 818, 834—836, 853, 874—877, 880—881, 883, 901—902, 908, 913, 919, 931, 933, 953—954, 956, 957—969, 973—975, 1002—1003, 1011
 Майков В. И. 9: 948
 Майков В. Н. 979
 Майкова А. И. 9: 953
 Майковы (М—вы), семья 9: 387, 913—914, 953—954
 Маканин В. С. 9: 999
 Мак-Даф Д. 9: 663
 Макогоненко Д. Г. 9: 926
 Мак-Рейнольдс С. (McReynolds S.) 9: 675
 Максимов Е. 9: 1009
 Максимов С. В. 9: 983, 1002
 Макшеев В. А. 9: 695
 Малеванная Л. 9: 905
 Малис Ю. Г. 9: 747
 Малыгина Н. М. 9: 982
 Мальро А. (Malraux A.) 9: 637

 Мальтус (Malthus) Т. Р. 8: 345; 9: 735, 788—789, 798—799
 Манго, педагог 9: 395, 1002
 Манн (Mann) Т. 9: 657
 Манн Ю. В. 9: 460
 Мановцев А. А. 9: 560, 576, 629
 Манолакев (Manolakev) Хр. 9: 684
 Манфред А. З. 9: 594
 Манцов И. 9: 702
 Мао Дунь см. Шэнь Яньбинь
 Марат (Marat) Ж.-П. 9: 737, 819
 Мария Египетская 9: 407, 1015—1016
 Мария Стюарт 9: 602, 651
 Мария Терезия 8: 181; 9: 759
 Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette) 9: 737
 Марк Твен (Mark Twain) 9: 678
 Маркел, иеромонах 9: 815
 Маркиза де Помпадур (marquise de Pompadour) 8: 181; 9: 759, 790
 Марков Е. Л. 9: 619
 Марков П. А. 9: 696—697
 Маркович А. 9: 638
 Марковский Д. И. 9: 715
 Марковский Е. 9: 906
 Марлинский см. Бестужев А. А.
 Марсо С. 9: 712
 Мартин Е. 9: 662
 Мартинес И. (Martínez I.) 9: 680
 Мартинсен Д. А. (Martinsen D. A.) 9: 576, 673—674
 Мартынов А. Е. 9: 885
 Мартынов И. М. 9: 817, 820
 Мартынова А. Н. 9: 781
 Мартынова Л. 9: 698
 Марченко Г. 9: 715
 Марченко Е. И. 9: 569, 571, 578, 1024
 Марченко Н. А. 9: 1023
 Марья Степановна 9: 375, 935
 Масловицы, семья 9: 1008
 Массон (Masson) Ф. 9: 810
 Матич О. (Matich O.) 9: 600—601, 669—670

- Машков В. Л. 9: 703
 Мёбес (Жукова) О. Г. 9: 755
 Медведев А. А. 9: 843
 Медведев А. В. 9: 716
 Медведев П. М. 9: 695
 Меерсон О. (Meerson O.) 9: 600, 673
 Мей Л. А. 9: 536
 Мейер Е. В. 8: 273—274, 358, 362; 9: 776
 Мейер Л. Л. 9: 776
 Мейер Я. 9: 741, 949
 Мейер-Грефе Ю. (Meier-Graefe J.) 9: 648, 686
 Мейерс Дж. (Meyers J.) 9: 574
 Мелетинский Е. М. 9: 845
 Мельников П. И. (Андрей Печерский) 9: 983—985, 996, 1025
 Мельникова М. В. 9: 715
 Меншиков А. Д. 9: 811
 Мережковский Д. С. 9: 526, 554, 598, 684, 693, 805
 Мериме (Mérimée) П. 9: 864
 Местергази Е. Г. 9: 560
 Местр (Maistre) Ж. де 9: 775
 Мещерский Е. В. 9: 984
 Микичук Э. (Mikiciuk E.) 9: 682—683
 Микулич В. 9: 828
 Милев Г. 9: 683
 Миллер (Miller) Г. В. 9: 904
 Миллер О. Ф. 9: 617—618
 Миллер Р. Ф. (Miller R. F.) 9: 594, 665, 673—674
 Милль (Mill) Д. С. 9: 502, 795, 839, 979—980
 Милонов М. В. 9: 800
 Мильвуа (Millevoeye) Ш. Ю. 8: 381; 9: 798, 800
 Мильгаузен Ал. 9: 993
 Мильгаузен Ф. 9: 993
 Мильдон В. 9: 852
 Мильчина В. А. 9: 800
 Милюков А. П. 9: 540, 543, 608, 952—953
 Милютин В. А. 9: 789
 Минаев Д. И. 9: 613—614
 Мирбо (Mirbeau) О. 9: 632—633
 Минович В. Я. 9: 370, 921—926, 928—929
 Миронов Е. В. 9: 703—704
 Митрофан Воронежский 9: 729
 Мифунэ Тосиро 9: 711
 Михайлов М. Л. 9: 533, 586—587, 819
 Михайлов Ф. 9: 630
 Михайловский В. В. 9: 715
 Михайловский Н. К. 9: 900, 1025
 Михайловский-Данилевский А. И. 9: 811
 Михельсон А. Д. 9: 775
 Михельсон М. И. 9: 733, 747, 755, 760, 803, 806, 809, 1025
 Михневич В. О. 9: 722—723, 753, 757, 782, 791, 907—908, 1025
 Михновец М. В. 9: 701
 Михнюкевич В. А. 9: 563, 1013
 Мицкевич (Mickiewicz) А. Б. 9: 79, 911
 Мишарин А. 9: 701
 Моисси А. 9: 706
 Мокиенко В. М. 9: 792, 822, 847, 864, 1026
 Моклер Ж. 9: 906
 Молинари (Molinari) Г. де 9: 775, 863—864
 Молнар И. (Molnaár I.) 9: 571, 575—577
 Молчанов В. Ф. 9: 1022
 Мольер (Molière; Поклен Ж.-Б.) 8: 423—424; 9: 339, 746, 805, 880, 885, 898, 914
 Момбелли Н. А. 9: 736
 Монас С. (Monas S.) 9: 674
 Монтиньи (Montigny) F.-X. 9: 390, 401, 405, 992
 Монферран (Montferrand) А.-Л.-О.-Р. де 9: 753
 Мор (More) Т. 8: 486; 9: 816
 Мори Масаюки 9: 711

- Морильяс А. (Morillas A.) 9: 656
 Морильяс Ж. (Morillas J.) 9: 656, 676, 678—680
 Моро (Moreau) Ж.-В. 9: 809
 Морозова В. Н. 9: 715
 Морсон Г. С. (Morson G. S.) 9: 605, 666—668, 670
 Морфи П. Ч. 9: 796
 Москвина Т. В. 9: 704
 Мостарт Я. 9: 578
 Мотидзуки Т. 9: 688, 897
 Мотылева Т. Л. 9: 645
 Моцарт (Mozart) В. А. 9: 890
 Мочалов А. 9: 716
 Мочульский К. В. 9: 558, 641, 792, 859, 899, 917, 920—921, 938—939, 944—945, 950, 953, 973, 1009, 1014—1015, 1025
 Муравьев А. Н. 9: 974
 Муссе А. (Mousset A.) 9: 638, 640
 Муханова Е. А. 9: 994
 Мухановы, семья 9: 994
 Мышкин, архитектор 9: 535, 719
 Мюллер К. 9: 569
 Мюллер Л. (Müller L.) 9: 560, 653, 655, 791
 Мюрэв Х. (Murav H.) 9: 669
 Н. Б. 9: 984
 Надеждин Н. И. 9: 762—763
 Назиров Р. Г. 9: 460, 536—537, 539—543, 563, 757, 784, 828, 855, 864, 896, 927—928, 1025
 Накаяма С. 9: 688
 Нальгиева Х. Ш. 9: 591
 Наполеон I Бонапарт (Napoleon Buonaparte) 8: 371, 393, 455—461; 9: 200, 542, 556, 579, 590, 747, 794, 801, 809—813, 827, 848, 850, 948, 1006
 Наполеон II, король Римский 8: 461, 464; 9: 813
 Наполеон III 8: 23; 9: 727, 818
 Натов А. И. 9: 842
 Натова Н. А. 9: 575, 842
 Незлобин К. Н. 9: 697
 Нейчев Н. 9: 684
 Неклюдов Н. 9: 980
 Некрасов Н. А. 9: 592, 625, 774, 782, 793, 816, 908, 955, 973, 1025
 Нелатон О. 8: 120; 9: 747
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 9: 813
 Немзер А. 9: 704
 Ненова Т. 9: 683
 Нерадов Г. 9: 559
 Нестеровы, домовладельцы 9: 755
 Нечаев С. Г. 9: 379, 938—939, 946, 967, 1016—1017
 Нечаева В. С. 9: 837, 860, 912, 916—917, 950, 983, 998, 1009, 1025
 Нечкина М. В. 9: 1024
 Нигг В. (Nigg W.) 9: 652
 Никитина Т. Г. 9: 792, 822, 847, 864
 Николаев В. Н. 9: 1021
 Николай I 9: 540, 729, 742, 794
 Николай Александрович (неустан.) 9: 1007
 Никон, патриарх 9: 764
 Нильсен А. 9: 710
 Ницше (Nietzsche) Ф. В. 9: 556, 656, 686, 1009
 Новаковский В. И. 9: 997
 Новиков 9: 907
 Новикова Е. Г. 9: 570—572, 574, 577, 588, 590, 738, 997, 1025
 Новикова Т. Л. 9: 563
 Нодье (Nodier) Ж. Ш. Э. 9: 856
 Ножин Н. Д. 9: 776
 Нозьер Ф. 9: 705, 906
 Нойфельд И. (Neufeld J.) 9: 647
 Нойхойзер Р. (Neuhäuser R.) 9: 654
 Нордман М. 9: 545

Нотт (Nott) Дж. К. 9: 775
Нуреев (Nureyev) Р. X. 9: 715

Овидий (Публий Овидий Назон) 9: 779

Огарев Н. П. (O—ff) 8: 464, 480; 9: 375, 813, 815, 892, 935

Одоевский В. Ф. 9: 537, 789, 791, 798, 995

Озмидов Н. Л. 9: 763, 814, 1006—1007

Олеша Ю. К. 9: 699

Олливе С. (Ollivier S.) 9: 640

Ольдан Б. И. 9: 905

Ольхина Н. А. 9: 697

Омулевский см. Федоров И. В.

Ониева А. X. 9: 680

Опитц Р. (Opitz R.) 9: 660—661

Опочинин Е. Н. 9: 620, 1004—1005

Опульская Л. Д. 9: 1023

Ординарцева О. С. 9: 716

Орлов 9: 397, 403, 1008—1009

Орлова А. 9: 911

Орлова Е. А. 9: 593

Орнатская Т. И. 9: 694

Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) X. 9: 630, 679

Осип 9: 403—404, 985, 1008

Осипенко А. Е. 9: 715

Осипов И. 9: 709

Осмоловский О. Н. 9: 1005

Остерман Г. И. Ф. 8: 479; 9: 448, 815

Остерман-Толстой А. И. 9: 809

Островский А. Н. 8: 7; 9: 610, 718, 766, 846

Отева К. Н. 9: 4, 434, 561, 701

Оттон I Великий 9: 847

Оуэн (Owen) Р. 9: 839

Охлобыстин И. И. 9: 702

П. Л. 9: 980

Павел I 9: 724, 757

Павел III, папа римский 9: 817

Павел Прусский см. Леднев П. И.

Павлищев Л. Н. 9: 778

Павлищев Н. И. 9: 533, 719, 778

Павлищев П. И. 9: 719

Павлищева О. С. 9: 461, 533, 718—719, 778

Павлов В. Е. 9: 700

Павлович Ж. 9: 906

Палачева В. В. 9: 766

Палибин, домовладелец 9: 755

Палько С. 9: 780

Пальм А. И. 9: 911, 933

Пальма (Palma il Vecchio) Я. (Старший) 9: 730

Панаев И. И. 9: 747, 782, 816

Панаева (Головачева) А. Я. 9: 747, 781—782

Панин Н. И. 9: 923

Панов (Panov) В. М. 9: 715

Панова Г. А. 9: 715

Пантелеев Л. Ф. 9: 617

Пантелеевы, братья 9: 1018

Пантелей И. В. 9: 625

Пантин В. И. 9: 630

Панченко А. М. 9: 587

Панюкова Т. В. 9: 813, 841, 851, 854

Паперно И. (Paperno I.) 9: 675

Пардо Басан Э. (Pardo Bazán E.) 9: 676

Парин А. В. 9: 716

Парфений, инок (Агеев П.) 9: 965—967, 1011

Паршиков Н. А. 9: 573

Паскаль (Pascal) Б. 8: 375; 9: 796

Паскаль П. (Pascal P.) 9: 633, 638—640

Пастернак Б. Л. 9: 623, 626—628, 903

Пауновский И. 9: 684

Пафнутий Боровский 9: 729

Пафнутий, игумен 8: 31, 51—52; 9: 728—729

Пахарева Т. А. 9: 625

Пашенная В. Н. 9: 697

Пегеролес Ж. (Pegueroles J.) 9: 681

- Пеллико (Pellico) С. 9: 736
 Перевалов Е. С. 9: 705
 Переверзева Н. А. 9: 573
 Перевошиков В. 9: 993
 Перего Э. 9: 710
 Перельман О. И. (Дымов О.) 9: 696
 Перес Гальдос Б. (Pérez Galdós B.) 9: 678—679
 Перес Диатто (Pérez Diatto) Л. 9: 4, 434
 Перлина Н. М. 9: 569, 573, 588, 599, 603, 623—624, 726, 730, 737, 741, 1026
 Перовский В. А. 9: 808, 811—812
 Перси У. (Percy W.) 9: 658, 663
 Перфильева Н. П. 9: 483
 Песталоцци (Pestalozzi) И.-Г. 9: 778
 Петич М. 9: 709
 Петр I 8: 479; 9: 123, 674, 753, 814—815, 953
 Петр III 9: 929—930
 Петрашевский М. В. см.: Бута-шевич-Петрашевский М. В.
 Петренко А. В. 9: 703
 Петров П. 9: 709
 Петрова З. Ю. 9: 807
 Петровский М. А. 9: 1026
 Петровский М. С. 9: 896—897, 899
 Петровский Н. А. 9: 720
 Печерин В. С. 9: 547—548, 817
 Печерская Т. И. 9: 1028
 Пивир Р. 9: 663
 Пигарев К. В. 9: 599
 Пий IX (Pius Papa Nonus) 9: 173, 200, 818, 845, 848
 Пий VII, папа римский 9: 817
 Пиксанов Н. К. 9: 1029
 Пин Вань 9: 693
 Пиполо Т. (Pipolo) 9: 714
 Пирогов Н. И. 8: 120; 9: 448, 747
 Пис Р. (Peace R.) 9: 664, 690, 891, 899, 901
 Писарев Д. И. 9: 580, 770, 776, 796, 798, 890, 911—912, 980—981
 Писемский А. Ф. 9: 387, 752, 861, 951, 955
 Пискунова С. И. 9: 582—583
 Платон 9: 555, 589
 Платонов Л. В. 9: 694
 Плетнев Р. В. 9: 729, 974
 Плещеев А. Н. 9: 387, 881, 951
 Плотичын М. К. 9: 983
 Плотников К. Н. 9: 1025
 Плаюшар (Pluchart) А. А. 9: 758
 По (Рое) Э. А. 9: 518, 762, 890
 Погодин М. П. 8: 31—32; 9: 729, 924
 Погожева Л. П. 9: 700
 Подарин Н. М. 9: 695
 Поддубная Р. Н. 9: 561, 936
 Подкопаева см. Слизина И. А.
 Подорога В. А. 9: 571
 Подосокорский Н. Н. 9: 579, 590, 808—812, 827, 859, 948, 998, 1026
 Подсосонный (Padsasonny) С. 9: 682
 Познер И. М. 9: 694
 Покровский Б. А. 9: 716
 Полар В. 9: 714
 Полевой Н. А. 9: 804, 998, 1006
 Полевой П. Н. 9: 620
 Политковский А. Г. 9: 296, 540, 860
 Полонский В. П. 9: 986
 Полтавцев Н. 9: 638
 Полупанов В. 9: 703
 Поляков А. П. 9: 1024
 Полякова Е. (Poljakova E.) 9: 651
 Померанц Г. С. 9: 560
 Помпейо Женер (Pompeyo Genер) 9: 676
 Пономарева Г. Б. 9: 971, 986
 Понятовский (Poniatowski) С. 9: 984
 Попиванов П. 9: 684
 Поплавский Б. Ю. 9: 625—626
 Попов В. М. 9: 984

- Попов, капитан 9: 545
 Попова И. Л. 9: 583
 Попова Э. А. 9: 697
 Поспелов Н. Г. 9: 746
 Потемкин-Таврический Г. А. 9: 997
 Пращерук Н. В. 9: 892
 Прийма Ф. Я. 9: 4
 Прокопий Устюжский 9: 919
 Прудон (Proudhon) П.-Ж. 8: 271, 406; 9: 774—775
 Пруст М. (Proust M.) 9: 635—636
 Прутков Козьма (Толстой А., Жемчужниковы А. и В) 9: 348, 894
 Пушкарева В. С. 9: 990
 Пушкин А. С. 8: 227—233, 235, 237, 268, 304, 307, 314, 326, 341, 399, 403, 407, 440, 449, 461, 504, 506, 515, 544; 9: 249, 284—286, 371, 402, 405, 438, 447, 461, 482—483, 502, 516, 519, 526, 531—533, 535, 539, 580, 584—592, 601—603, 668, 687, 719, 724, 729, 736, 750, 753, 769—770, 782—783, 786, 792, 794, 803—804, 807, 809—811, 813, 819, 821, 823, 825—827, 835, 838, 854, 857—858, 862, 888—891, 932, 934, 936, 965, 967, 969, 995, 1008, 1012—1013, 1019, 1026, 1028
 Пфойффер С. (Pfeuffer S.) 9: 656
 Пыпин А. Н. 9: 947, 970
 Пырьев И. А. 9: 693, 699—700, 703
 Радаев В. 9: 985
 Радищев А. Н. 9: 784, 948
 Радлекер К. 9: 706
 Разин С. Т. 9: 392, 984, 995—996
 Райкен Л. 9: 740
 Райс Дж. Л. (Rice J. L.) 9: 668—669
 Райцина М. 9: 1021
 Рак В. Д. 9: 4, 434—435, 727
 Раков Ю. А. 9: 757
 Расин (Racine) Ж.-Б. 8: 463; 9: 813
 Растрелли (Rastrelli) Б. Ф. 9: 907
 Ратцингер (Ratzinger) Й. (Бенедикт XVI, папа римский) 9: 657
 Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 9: 572, 689, 842, 949, 967
 Ребель Г. М. 9: 564, 629—630
 Ребер Н. (Reber N.) 9: 650
 Ребер Р. 9: 906
 Редсток (Waldegrave, Baron Radstock) Гр. 9: 982
 Резвых Т. Н. 9: 521
 Резниченко А. И. 9: 521
 Реймарус (Reimarus) Г.-С. 9: 652
 Рейнгольд Н. И. 9: 904
 Рейнгольдт А. фон (Reinholdt A. von) 9: 644
 Рейсер С. А. 9: 617
 Рембрандт ван Рейн (Rembrandt) 9: 635—636, 700
 Ремизов А. 9: 638
 Ремизова А. И. 9: 699
 Ренан Э. (Renan E.) 9: 168, 314—315, 563—569, 579, 629, 652, 679, 710, 724, 734—735, 739, 757, 778, 780—781, 786, 796—797, 818, 822, 828, 844, 863, 1029
 Ренанский А. Л. 9: 991
 Рибовска М. 9: 706
 Рикардо (Ricardo) Д. 9: 980
 Риникер Д. 9: 4, 434
 Ричард III (Richard) 9: 196, 847
 Ровда К. И. 9: 998
 Роган (Rohan), княжеский род 8: 537; 9: 420, 826
 Рогожина Н. Ф. 9: 541
 Родиславский В. И. 9: 549—550
 Рожков Н. 9: 979
 Розанов В. В. 9: 553, 602

- Розенблюм Л. М. 9: 470, 950, 952—953, 955, 986, 1026
- Розенталь Д. Э. 9: 454—455, 1026
- Розеншильд Г. (Rosenshield G.) 9: 671
- Роллан Р. (Rolland R.) 9: 633, 1026
- Романова Г. 9: 703
- Ромашко С. 9: 646
- Россини (Rossini) Дж. А. 9: 204, 208, 849—850
- Роте Х. (Rothe H.) 9: 651, 655
- Ротшильд (Rothschild) Д. Р. Дж. де 9: 579
- Ротшильды, династия 8: 362, 425, 428; 9: 578, 792, 806
- Рошко М. М. 9: 625
- Рубен Х. 9: 707
- Рубинштейн (Rubenstein) И. Л. 9: 697, 705, 708
- Рубинштейн Н. Г. 9: 837
- Рубцова Н. С. 9: 741
- Рудницкий К. Л. 9: 697
- Руис Р. 9: 906
- Рулье (Rouillier; Rouille) К. Ф. 9: 1010
- Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 8: 406; 9: 501, 592—596, 643, 673, 677, 778
- Рустам Раза (мамелюк Рустан) 8: 459—460; 9: 811—812
- Рылеев К. Ф. 9: 813
- Рязанов Э. А. 9: 701
- Сабато (Sábato) Э. 9: 679
- Савельев А. И. 9: 983
- Савельев В. К. 9: 765
- Савенкова Е. С. 9: 593
- Савина М. Г. 9: 695—696
- Савуар А. 9: 906
- Садовский П. М. 9: 695
- Саинс Э. 9: 712
- Саису Н. 9: 4, 434, 568
- Сайченко В. В. 9: 988
- Сакулин П. Н. 9: 436, 465—466, 468—469, 536, 559, 831—832, 834—836, 956, 1026
- Салеем Касем М. Хелал 9: 582
- Салтыков-Щедрин М. Е. 8: 245, 249; 9: 90, 92, 362, 387, 546, 592, 616—617, 772, 798, 889—890, 912, 951, 954, 1020, 1026
- Сальвестрони С. 9: 548, 576, 791, 1026
- Сальери (Salieri) А. 9: 890
- Сальникова Е. 9: 702—703
- Самойлов А. Н. 9: 997
- Сан Висенте Р. (San Vicente R.) 9: 677
- Сансон (Самсон; Sanson) 8: 182; 9: 726, 759
- Санчо Х. 9: 712
- Сараскина Л. И. 9: 482, 553, 559, 703—705, 712—713, 765, 776, 838, 988, 991
- Сарбург Бартоломеус 9: 741
- Сарнет Р. 9: 713
- Сартр Ж.-П. (Sartre J.-P.) 9: 636—638
- Саруханян Е. П. 9: 723, 762
- Сасс Б. 9: 709
- Сахаров И. П. 9: 733
- Сбоева С. Г. 9: 706
- Сватковская М. Г. 9: 528
- Свево см. Итало Звево
- Светлакова О. А. 9: 580
- Светоний Гай Транквилл 9: 851
- Свечин А. М. 9: 694
- Свечина С. П. 9: 817
- Свинцова А. С. 9: 628
- Свистунова М. А. 9: 817
- Свительский В. А. 9: 561
- Святая Клара см. Клара Ассизская
- Святополк-Мирская А. К. 9: 905
- Сегюр Ф.-П. де (Segur Ph.-P.) 9: 812
- Седакова О. А. 9: 626—627
- Седов В. 9: 905
- Сейкова Н. 9: 709

- Селиванов К. И. 9: 762, 985
 Селлер К. 9: 706
 Семак О. М. 9: 981
 Семевский В. И. 9: 979
 Семевский М. И. 9: 922—924, 929—930
 Семен Климыч 9: 808
 Семенов А. С. 9: 705
 Семенов С. Т. 9: 621
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 9: 536, 979
 Семирамида (Шаммурамат; Semiramis) 9: 214, 850
 Сенека (Луций Анней Сенека) 9: 675
 Сен-Симон (Saint-Simon) К. А. де 9: 839, 979, 982
 Сент-Аман (Saint-Amant) П. Ш. Ф. де 9: 796
 Сенявина А. В. 9: 816
 Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 8: 174, 227, 229; 9: 245, 309, 493, 501—502, 539, 578—585, 587—590, 596, 599, 637, 649, 655—656, 658, 674, 676—678, 683, 769, 788, 802, 814, 852, 862, 927, 999, 1027
 Сергей Радонежский 9: 1010
 Сердюченко В. Л. 9: 591—592
 Серман И. Э. 9: 4, 434, 889
 Серрано Плаха А. (Serrano Plaja A.) 9: 678
 Сеченов И. М. 9: 765
 Сидгвик Э. 9: 663
 Сидихина П. Е. 9: 705
 Сидов Дж. 9: 707
 Симидзу Тадаси 9: 691
 Симидзу Такаёси 9: 691
 Симон А. 9: 708
 Симон К. (Simon C.) 9: 637
 Сирота Р. Б. 9: 698—699
 Сисой Великий 9: 1012
 Скабичевский А. М. 9: 619
 Скатов Н. Н. 9: 748
 Скафтымов А. П. 9: 526, 604, 1005
 Скотт (Scott) В. 9: 398, 812, 1006
 Славгородская Л. В. 9: 660
 Сливкин Е. А. (Уиллс Ник) 9: 570, 588
 Слизина (Подкопаева) И. А. 9: 590—591, 595
 Слэттери Д. П. (Slattery D. P.) 9: 665
 Смирдин А. Ф. 9: 998
 Смирнов-Несвицкий Ю. А. 9: 701
 Смит (Smith) А. 9: 795
 Смитт Фр. фон 9: 998
 Смоктуновский И. М. 9: 697—701
 Сниткина А. Г. см. Достоевская А. Г.
 Сниткина А. Н. 9: 883
 Соболева И. В. 9: 682
 Соколов 9: 795
 Соколов В. А. 9: 706
 Соколова А. 9: 705
 Сократ 9: 675
 Солдатенков К. Т. 9: 947
 Солженицын А. И. 9: 482
 Соллогуб В. А. 9: 945
 Соловцов Н. Н. 9: 696
 Соловьев Вл. С. 9: 625, 979, 1025
 Соловьев Вс. С. 9: 621
 Соловьев Н. И. 9: 608
 Соловьев С. М. 8: 191, 197—198; 9: 438, 507, 763
 Сологуб Ф. К. 9: 624—625, 1001
 Соломина (Соломина-Минихен) Н. Н. 9: 4, 434, 533, 553, 567—568, 581, 604, 727, 738, 740—741, 745, 755, 760, 768, 773, 778, 786, 797, 814, 822, 827, 853, 861, 882, 1027
 Соломонов А. 9: 707
 Солон 9: 948
 Солтис Дж. (Soltys G.) 9: 678
 Соркина Д. Л. 9: 501, 563—564, 566, 568, 1027

- Спектор А. (Spektor A.) 9: 668
 Спешнев Н. А. 9: 736—737, 765, 979
 Станкевич А. В. 9: 966
 Старов И. Е. 9: 907
 Стасов В. П. 9: 723
 Стаунтон (Staunton) Г. 9: 796
 Стелловский Ф. Т. 9: 529, 772
 Стендаль (Beyle M.-H.) 9: 638, 812, 820
 Стенсон Н. 9: 694
 Степанов Г. В. 9: 926
 Степанов Н. А. 9: 771
 Степанов Н. Л. 9: 1027
 Степанова Г. В. 9: 434, 694
 Степанова Л. И. 9: 1026
 Степанян К. А. 9: 531, 552, 560, 563—564, 568, 582—583, 588, 593, 599, 677, 985, 999, 1022, 1027
 Степун Ф. А. 9: 558—559
 Стерн (Sterne) Л. 9: 596
 Стоикица В. (Stoichiță V. I.) 9: 650—651
 Столярова И. В. 9: 615
 Столярова Т. Ф. 9: 630
 Стопановский М. М. 9: 546
 Стори (Storey) Д. М. 9: 663
 Страда В. (Strada V.) 9: 562, 606, 681, 788, 1027
 Страус Н. П. (Straus N. P.) 9: 669
 Страхан Д.-В. 9: 663
 Страхов Н. Н. (Косица Н.) 9: 53, 391, 433, 511, 519, 528, 539, 542, 569, 579, 607, 609—611, 616, 641, 763, 766, 782—783, 788—789, 794—795, 805, 846, 860, 874—876, 887—889, 891, 901—903, 909, 930—931, 952, 957—959, 964—969, 979, 996, 999—1001, 1014
 Стрельски К. (Strelsky K.) 9: 670
 Строганова Е. Н. 9: 804
 Строев В. 9: 773
 Строев П. М. 9: 728
 Строцци Т. 9: 709
 Студеновский М. В. 9: 705
 Студитский Ф. Д. 9: 1007
 Суворин А. С. (А. И—н) 9: 612, 1018, 1020
 Суворов А. В. 8: 460; 9: 393, 400, 813, 919, 997—998
 Суздальцева Н. В. 9: 483
 Суинли И. 9: 707
 Сумцов Н. Ф. 9: 586
 Сурат И. Э. 9: 1019
 Суркова Ж. Л. 9: 623
 Суслов 8: 456; 9: 536, 545—546
 Суслов И. Т. 9: 985
 Суслова А. П. 9: 470—471, 602, 846, 855, 1001
 Сутугин С. см. Этингер О. Г.
 Сухарски Т. (Sucharski T.) 9: 4, 434, 682—683
 Сухачев Н. Л. 9: 697, 705, 1027
 Сучков Б. Л. 9: 646
 Сушард (Драшусов) Н. И. 9: 391, 393, 396, 398, 967, 993
 Сыроватко Л. В. 9: 626, 822
 Сю (Sue) Э. 9: 773
 Сю Сяцунь 9: 692
 Сюарес А. (Suarès A.) 9: 633—634, 636
 Тайдер К. 9: 398, 1006
 Такахаси С. 9: 689—690
 Таланова В. М. 9: 697
 Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Ш.-М. де 8: 538; 9: 827
 Тамарченко Г. Е. 9: 591
 Тамасабуро Бандо 9: 712
 Тантаньян А. 9: 708
 Тараканова Е. М. 9: 716
 Тарасов, домовладелец 9: 721—722
 Тарасова Н. А. 9: 4, 434—435, 521, 548, 749, 753, 779, 841, 854, 893, 910, 919, 975, 1009, 1027
 Тарковский А. А. 9: 701
 Тарощина С. 9: 704

- Тартт (Tartt) Д. 9: 663
 Татаринова Е. Ф. 9: 820, 984
 Телетова Н. К. 9: 706
 Тело Ж. (Thélot J.) 9: 641—642
 Тёрёк Э. (Török E.) 9: 685
 Терешкова О. 9: 704
 Терещенко М. (Terestchenko M.) 9: 643
 Тёрнер К. (Turner C. J.) 9: 671, 889
 Террас В. (Terras V.) 9: 799, 900
 Тиблен Н. А. 9: 979—980, 1027
 Тиме Е. И. 9: 697
 Тимковский К. И. 9: 926
 Тимофеева А. 9: 983
 Титков Е. П. 9: 483
 Титов, домовладелец 9: 777
 Тихомиров Б. Н. 9: 553, 565—566, 568, 570, 576, 588, 717—718, 734, 737, 739, 756—762, 777, 787, 790, 799, 804, 813, 817, 822, 851, 905, 915—916, 918—920, 929, 932, 935, 937, 939—947, 959, 961, 971, 974, 987, 989—991, 994, 1002—1003, 1009—1011, 1021—1022, 1027—1028
 Тихомиров В. В. 9: 580
 Тихон Задонский (Соколовский Т. С.) 9: 405—406, 568, 934, 939, 952, 963—968, 973—978, 986—987, 992, 1002—1003, 1010—1012, 1023, 1027
 Тихонравов Н. С. 9: 845, 947, 970
 Тициан Вечеллио (Titiano Vescellio) 9: 165, 842—843
 Товстоногов Г. А. 9: 697—700, 702, 709
 Тодоров Ц. (Todorov T.) 9: 642
 Тоичкина А. В. 9: 560, 563, 580, 587—588, 602, 1001
 Токарев Д. В. 9: 572
 Токарев С. А. 9: 779, 855
 Токарева Я. 9: 573
 Толкин (Tolkien) Дж. Р. Р. 9: 630
 Толмачев В. М. 9: 1025
 Толстой А. К. 9: 387, 563, 621
 Толстой Л. Н. (Tolstoy L.) 9: 387, 392, 405, 501, 554, 592, 598, 609, 611, 618, 621, 623—624, 632—633, 638, 645, 679, 684, 688, 692—693, 719, 731, 734, 754, 775, 801, 807, 812, 821, 846, 850, 853, 862, 888—889, 903, 914, 933—934, 951—952, 959, 964—965, 968—970, 979, 1012, 1019, 1028
 Толстой Ф. М. 9: 606
 Толчев Н. 9: 684
 Томашевский Б. В. 9: 532, 798, 1018
 Томиока М. 9: 689
 Тон К. А. 9: 737
 Тоцци (Tozzi) Ф. 9: 682
 Точиева Х. Ш. 9: 1005
 Трайбман К. О. 9: 716
 Траншель А. И. 9: 621
 Тренева Е. 9: 703
 Тресиддер (Tresidder) Дж. 9: 780
 Троицкий М. М. 9: 979
 Тромонин К. Я. 9: 729
 Троппман (Troppmann) Ж. Б. 9: 407, 673, 725, 1014—1016
 Тропп Е. Э. 9: 705
 Трофимова-Шифф Т. Б. 9: 4, 435, 747, 794
 Трубачев О. Н. 9: 1028
 Трубников К. В. 9: 752
 Трухачев Н. 9: 975—976
 Туманский В. И. 9: 800
 Тумарин Б. 9: 707
 Туниманов В. А. 9: 553, 738, 773, 1013, 1027—1029
 Тур Е. см. Евгения Тур
 Тургенев И. С. 8: 526; 9: 22—23, 332—333, 364, 387, 405, 508, 517, 580, 582, 592, 600, 616, 638, 663, 673, 687, 693, 725, 735, 751—752, 774, 781, 783, 794, 799, 807, 816, 825,

- 828, 866, 880, 887—890, 892, 898, 901, 903—905, 907—908, 913, 933—934, 951, 968—969, 989, 1012, 1014, 1028
- Туречек О. (Tureček O.) 9: 687
- Турнэйзен Э. (Thurneysen E.) 9: 646—647
- Тусичишный А. П. 9: 562, 589, 593, 595—596, 778, 822, 1028
- Тынянов Ю. Н. 9: 686
- Тьер А. М. Ж. Л. (Thiers M.-A.) 9: 161, 842, 855
- Тэн (Taïne) И. А. 9: 979
- Тюнькин К. И. 9: 1022
- Тютчев Ф. И. 9: 350, 589, 783—784, 799, 862, 895, 914
- Тютчева А. П. 9: 774
- Тюфяев, губернатор 9: 730
- Тянь Хань 9: 693
- Тяпугина Н. Ю. 9: 560
- Уилас Ник см. Сливкин Е. А.
- Уилхойт Дж. 9: 740
- Уильямс Р. (Williams R.) 9: 672
- Уишоу Ф. 9: 631, 903
- Ульянов М. А. 9: 699
- Умецкая Е. 9: 467
- Умецкая О. В. 9: 110—111, 128—130, 133—146, 148, 151—152, 155, 157—163, 165, 167—170, 172, 174, 182, 184, 189, 191—193, 195—196, 199, 201, 203—212, 214—215, 219, 467—469, 475—477, 483—485, 489, 526, 565—566, 568, 834—835, 837, 841, 844
- Умецкие, семья 9: 151, 159—162, 187—189, 191—192, 195—197, 201—203, 205, 207—210, 212, 215, 218, 467, 469, 479, 488, 836, 847
- Умецкий В. 9: 159, 167, 170, 175, 177, 182, 191, 196, 198—199, 202, 204, 208—210, 212—214, 216, 218—219, 467, 469—470, 480, 484, 487—488, 841
- Умнов И. Г. 9: 393, 400, 402, 404, 1007
- Умнова О. Д. 9: 1007
- Унамуно М. де 9: 678—679
- Унбегаун Б. О. 9: 721
- Уолпол (Walpole) Х. 9: 663
- Урусов А. И. 9: 208, 303, 467—468, 483, 833—834, 861
- Усакина Т. И. 9: 979
- Успенский Б. А. 9: 1023
- Успенский Г. И. 9: 954
- Устрялов Н. Г. 9: 814—815
- Утин, домовладелец 9: 732
- Ушаков А. 9: 924
- Уэллс (Wells) Г. Дж. 9: 1001
- Фаликова Н. Э. 9: 502, 991
- Фасмер (Vasmer) М. Р. 9: 456, 722, 752, 785, 824—825, 1028
- Фаустов А. А. 9: 883—885, 890—891, 1028
- Федор Иоаннович 9: 562—563, 621
- Федоров А. И. 9: 838, 1023
- Федоров Г. А. 9: 535, 541—542, 578, 760, 762, 765, 916—917, 993—994, 1011, 1028
- Федоров И. В. (Омудевский) 9: 616
- Федорова Л. 9: 595, 734
- Федотов Г. П. 9: 723
- Феихоо Б. Д. 9: 906
- Фейгин Я. А. (—ин) 9: 695
- Фейдо (Feydeau) Э. 9: 886, 936
- Фейербах (Feuerbach) Л. 9: 652, 770
- Феллини (Fellini) Ф. 9: 713
- Феодосий Печерский 9: 919
- Феофан Затворник 9: 941
- Фере Ш. 9: 656
- Фет (Шеншин) А. А. 9: 741
- Фетисенко О. Л. 9: 553—554
- Физиков В. М. 9: 630
- Филатов Н. М. 9: 983
- Филидор (Philidor) Ф.-А. 9: 796
- Филип А. 9: 710

- Филипп Ж. 9: 706, 710—711
 Филипп Ш.-Л. (Philippe Ch.-L.) 9: 632
 Филоненко А. С. 9: 723
 Филпотт К. 9: 906
 Финке М. К. (Finke M. C.) 9: 668
 Фихте (Fichte) И. Г. 9: 1011
 Фишер-Лихте (Fischer-Lichte) Э. 9: 707
 Флегентова Т. Н. 9: 766
 Флик В. (Flick V.) 9: 599, 649
 Флобер (Flaubert) Г. 8: 551; 9: 455, 599, 604, 641, 657, 660, 828, 880, 886
 Флориан (Florian) Ж. П. Клари де 8: 117; 9: 746
 Фогт (Фохт; Vogt;) К. 9: 775
 Фокин П. Е. 9: 592, 598, 756, 990, 1020
 Фокин С. Л. 9: 634—636, 638, 828
 Фолкнер (Faulkner) У. К. 9: 663
 Фомин В. И. 9: 701
 Фомичев С. А. 9: 532, 589
 Фонвизина Н. Д. 9: 565
 Фонтан Л.-М. (Fontan L.-M.) 9: 549—550, 927
 Фон-Фохт Н. Н. 9: 882
 Фонштейн А. С. (А. Ф.) 9: 696
 Фрайник Т. (Freynik Th.) 9: 660
 Франк Дж. (Frank J.) 9: 641, 666, 889
 Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis) 9: 781
 Франциск Ксаверий (Franciscus Xaverius) 9: 957
 Франциск Сальский (Franciscus Salesius) 9: 781
 Фрейд (Freud) З. 9: 647, 668
 Фрелих К. 9: 710
 Френч Б. А. (French B. A.) 9: 667
 Фридерикс, домовладелец 9: 746
 Фридлендер Г. М. 9: 4, 434, 463, 521, 537, 547, 559, 578—579, 583, 592, 600, 607, 927, 929, 948, 970, 987, 989, 1005—1006, 1009, 1022, 1024, 1028
 Фридрих II Великий 9: 542
 Фридштейн Ю. 9: 707
 Фрис (Fries) Х. 8: 61; 9: 737
 Фролов Н. 9: 992
 Фудель С. И. 9: 559, 988, 1010
 Фукс Е. 9: 997
 Фурье (Fourier) Ф. М. Ш. 9: 839, 979
 Фьораванти (Fioravanti) Р. А. 9: 719
 Хабермас (Habermas) Ю. 9: 657
 Хаваши А. (Havasi A.) 9: 686
 Хавьер Ллоп Перес В. (Javier Llop Pérez V.) 9: 680
 Хаддад К. (Haddad-Wotling; Haddad K.) 9: 635, 640—641
 Хадспит С. (Hudspith S.) 9: 672
 Халабаев К. И. 9: 532, 1018
 Хан А. 9: 1029
 Хансен Е.-Ж. 9: 631
 Хара Сецуко 9: 711
 Хара Т. 9: 688
 Харден М. (Harden M.) 9: 644
 Харитонов Л. 9: 552
 Харресс Б. (Harreß B.) 9: 654
 Хаузер (Гаузер; Hauser) К. 9: 592, 927
 Хвостов Д. И. 9: 997
 Хенце Х. В. 9: 714
 Херасков М. М. 9: 948
 Хетени Ж. 9: 1029
 Хинли Р. (Hingley R.) 9: 664
 Хлодовский Р. И. 9: 549
 Хмыров М. 9: 922, 929
 Хованская Д. Ф. 9: 820
 Хоген М. 9: 707
 Ходотов Н. Н. 9: 696—697
 Холквист М. (Holquist M.) 9: 665—666
 Холландер Р. (Hollander R.) 9: 670
 Холодова Г. М. 9: 623
 Холчинский Ф. Л. 9: 542
 Холшевников В. Е. 9: 764

Хомяков А. С. 9: 672, 995
Хорват А. (Horvath A.) 9: 686
Хорев В. А. 9: 983
Хорн Х. 9: 714
Хосода Г. 9: 688
Хотяинцев И. П. 9: 916
Хотяинцев П. П. 9: 916—917
Храпченко М. Б. 9: 4
Хренов Н. А. 9: 991

Цабель Е. (Zabel E.) 9: 643—
644

Цветков Ц. 9: 709
Целиковская Л. В. 9: 699
Цехновицер О. В. 9: 1029
Цимбаева Е. Н. 9: 818
Цинк А. (Zink A.) 9: 657
Цылов Н. 9: 907

Чаадаев П. Я. 9: 405, 783, 939,
965—967, 1003, 1010—1011

Чайковский П. И. 9: 715

Чан Фэн 9: 693

Чардынин П. И. 9: 697

Чеботарев В. И. 9: 975

Чекин, поручик 9: 929

Червяков А. П. 9: 722

Черкасская М. Ю. 9: 820

Чермак Л. И. 9: 388, 391, 393,
395—396, 398, 967, 990,
992—994, 1002, 1006, 1011

Чернова Н. В. 9: 604, 828

Черносвитов Р. А. 8: 455; 9: 809

Черных П. Я. 9: 753

Чернышевский Н. Г. 9: 279, 504,
541, 546—547, 591—592,
601, 659, 748, 756, 773—774,
776, 839, 850, 857, 891, 966,
1007, 1024, 1028

Черняев М. Г. 9: 840

Чертков В. Г. 9: 621

Чертов О. В. 9: 630

Чехов А. П. 9: 472, 623—624,
668, 954

Чжао Гуйлянь 9: 694

Чжен Чженьдо 9: 692

Чик А. 9: 712

Чирков Н. М. 9: 460, 490, 548,
583, 597, 606, 787, 1028

Чо Хе Кюн 9: 584

Чудова О. И. 9: 630

Чуйко В. В. 9: 618—619

Чулков Г. И. 9: 987, 1029

Чурикова И. М. 9: 703

Чурус Т. Ю. 9: 483

Чхеидзе Р. 9: 905

Чэнь Синьюй 9: 692

Шабо, княжеский род 8: 537; 9:
420, 826

Шалаева О. 9: 716

Шанталь (Chantal) Ж.-Ф. 9: 781

Шарден Ф. (Chardin Ph.) 9:
638—639

Шаррас (Charras) Ж.-Б. А. 8:
458—459; 9: 811

Шаулов С. С. 9: 752, 997

Шах-Азизова Т. 9: 905

Шаховская Н. Д. 9: 1022

Шаховской П. И. 9: 771

Шашкова А. 9: 576

Шварц Д. (Schwarz D.) 9: 660

Шварц Д. М. 9: 699

Шварц Е. 9: 699

Шведова Н. Ю. 9: 722, 729,
733, 737, 757, 763, 781, 793,
803, 808, 846, 850, 910,
1029

Швидерска М. (Świdarska M.) 9:
573, 655

Швоб М. 9: 903

Шевалье М. 9: 319, 863

Шейн П. В. 9: 781

Шекспир (Shakespeare) У. 8:
28, 47, 338; 9: 137, 200, 288,
320, 394, 397, 466, 468, 477,
485—486, 509, 523, 525, 580,
631, 633, 670, 728, 732—734,
839, 847—848, 858, 864,
900, 928, 998—1000, 1006

Шелгунов Н. В. 9: 776, 819, 995

Шелгунова Л. П. 9: 819

Шеллинг (Schelling) Ф. В. Й.
фон 9: 1011

- Шендецов В. В. 9: 746, 750, 790, 805, 817, 819, 1019
 Шенье (Chénier) А. М. де 9: 799
 Шереметев П. Б. 9: 820
 Шерешевский П. 9: 905
 Шестакова Л. Л. 9: 807
 Шестов Л. И. 9: 555—556, 641, 686
 Шета Р. 9: 715
 Шидловский И. Н. 9: 848
 Шиллер (Schiller) И. К. Ф. фон 9: 42, 99, 101, 587, 590, 601—602, 651, 742, 769, 898, 908, 941—942, 1011
 Шилова Н. Л. 9: 483
 Шиль Я. Х. 9: 746, 756, 777
 Ширинский-Шихматов С. А. (Аникита) 9: 405, 1010—1011
 Шишкин А. Б. 9: 1023
 Шкирич А. Р. 9: 1024
 Шкуринов П. С. 9: 979
 Шлэцер Б. де (Schlæzer B. de) 9: 637, 640
 Шлоссер (Schlosser) Ф.-К. 8: 468; 9: 814, 859, 1007
 Шмаков Г. Г. 9: 710
 Шмелев И. С. 9: 537, 557—558, 1029
 Шмид У. (Schmid U.) 9: 4, 434, 655
 Шоломова Т. В. 9: 805
 Шолти Г. (Solti G.) 9: 483, 574, 686—687
 Шольц А. 9: 631, 903
 Шопен (Chopin) Ф. Ф. 8: 122
 Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 9: 656
 Шостакович Д. Д. 9: 715
 Штакеншнейдер А. И. 9: 541—542
 Штакеншнейдер Е. А. 9: 542, 619, 1007
 Штакеншнейдер Н. (Коля) 9: 542
 Штедке К. 9: 482
 Штирнер (Stirner, Шмидт И. К.) М. 9: 770, 778
 Штольц, акушер 9: 546
 Штрайх С. Я. 9: 540
 Штраус (Strauss) Д. Ф. 9: 564, 652
 Штраус (Strauss) И. Б. 9: 541, 784
 Шуберт А. И. 9: 880—881
 Шульце Б. (Schultze B.) 9: 649—650
 Шульц О. фон 9: 791
 Шульц Х. (Schulz Ch.) 9: 653
 Шумахер А. 9: 993
 Шумахер Д. 9: 993
 Шумейко Е. П. 9: 705
 Шэнь Яньбинь (Мао Дунь) 9: 692
 Шеголев П. Е. 9: 979
 Шенников Г. К. 9: 462, 561, 567, 590—592, 896, 1021, 1029
 Щепкин Н. 9: 947
 Щепкина-Куперник Т. Л. 9: 746
 Щербатов Г. А. 8: 171—172; 9: 275—276, 300, 438, 514, 586, 755, 783, 834, 857
 Щировская А. С. 9: 935
 Щировская Е. (Л.) К. 9: 385, 935, 948—949
 Щировский К. А. 9: 935, 948
 Эвклид 9: 788
 Эгава Т. 9: 688—689
 Эгеберг Э. 9: 462, 531
 Эдуард IV 9: 196, 847
 Эзоп 9: 865
 Эйзенштейн С. М. 9: 691
 Эйфман Б. Я. 9: 715
 Эйхенбаум Б. М. 9: 775
 Экземплярский В. И. 9: 561
 Экштейн Б. (Eckstein B.; Sir Galahad) 9: 647
 Эмерсон К. (Emerson C.) 9: 668
 Энгельгардт Д. фон (Engelhardt D. von) 9: 648
 Эндре С. 9: 684
 Энихе Г. 9: 706

- Эпикур 9: 785
 Эпштейн М. Н. 9: 460
 Эразм Роттердамский 9: 570—571, 681
 Эсхил 9: 633
 Этингер О. Г. (Сутугин С.) 9: 695, 709
 Эфрос Н. 9: 696

 Юппер И. 9: 906
 Юренев Р. 9: 712
 Юренева Т. Ю. 9: 852
 Юрьев Ю. М. 9: 695
 Юстер Ф. 9: 712
 Юткевич С. И. 9: 711

 Яблочкина А. А. 9: 695
 Яжина Г. (Николай Варянов) 9: 709
 Якоби В. И. 9: 575
 Яковлев А. А. 9: 1024
 Яковлев Г. 9: 706
 Яковлев И. 9: 906
 Яковлев Н. 9: 743
 Яковлев Ю. В. 9: 699—700
 Якубова Р. Х. 9: 856, 1025
 Якубович И. Д. 9: 4, 966, 1001, 1011
 Якушев И. И. 9: 757
 Якушкин Е. И. 9: 854
 Ямпольский И. Г. 9: 954
 Янг С. Дж. (Young S. J.) 9: 573, 667, 671, 673
 Янкевич Я. И. 9: 694
 Яновский С. Д. 9: 611, 880—881, 933, 955
 Януш Я. 9: 708
 Янушкевич А. С. 9: 570
 Ястржембский И. Л. 9: 789
 Яхонтов В. Н. 9: 697

 Abreu C. 9: 675
 Adamo S. 9: 682
 Adelman G. 9: 663
 Adrianus (Publius Aelius Hadrianus) 9: 219, 850
 Alas L. 9: 676

 Albérès R.-M. 9: 636
 Alburquerque García L. 9: 677
 Alexandre A. 9: 638
 Allen E. C. 9: 668
 Amditis E. K. 9: 604
 Amrouche J. 9: 635
 Arce C. de 9: 675
 Atila Rex (Attila) 9: 219, 851
 Aulus Vitellius (Вителлий) 9: 219, 256, 258, 850—851

 Babović M. 9: 687
 Bacchelli R. 9: 708
 Barran T. 9: 594
 Barrat G. R. 9: 800
 Barst K. 9: 677
 Basarab M. 9: 687
 Bezwinski A. 9: 683
 Bortnes J. 9: 667
 Boutchik V. 9: 638
 Brausewetter E. 9: 644
 Buketoff-Turkevich L. 9: 580

 Carr E. H. 9: 537
 Chałacińska-Wiertelak H. 9: 683
 Chevalier M. 9: 677
 Citron P. 9: 636
 Claramunda Bes J. M. 9: 675
 Coetzee M. 9: 594
 Contreras A. M. 9: 678
 Coutinho E. 9: 714
 Cristea V. 9: 549

 Donoso A. 9: 679

 Entralgo J. L. 9: 675

 Farronato C. 9: 571
 Filipowicz A. 9: 683
 Flavius Romulus Augustus (Ромул Август) 9: 256, 262, 850
 Fleishman L. 9: 889
 Frary R. 9: 632

 Gaède E. 9: 569
 Gaius Iulius Caesar (Гай Юлий Цезарь) 9: 198, 200—201,

- 203—204, 219, 245, 253—
254, 256—258, 260, 262,
264, 266, 272, 275, 288, 306,
344, 365, 383, 386, 846, 848,
850—851, 948
- Gaius Iulius Caesar Augustus Ger-
manicus; Caligula (Калигула)
9: 198, 219, 256, 258, 260,
262, 275, 306, 344, 380, 848,
850—851
- Gaius Iulius Caesar Octavianus
(Октавиан Август) 9: 219,
256, 850—851
- Gall-Gruber M. 9: 637
- Garnett E. A. 9: 662
- Garrido Gallardo M. A. 9: 677
- González Arias F. 9: 676
- Gourg M. 9: 638
- Grygar M. 9: 605
- Guarde Paz C. 9: 677
- Guarnieri-Ortolani A. 9: 682
- H**
- Hassine J. 9: 636
- Hemingway M. 9: 676
- Hemmings F. W. J. 9: 632
- Henzl J. 9: 699
- Honcey J.-M. 9: 632
- Hoofs J. 9: 663
- Howard B. F. 9: 594
- Howlett S. 9: 637
- J**
- Jacques L. 9: 636
- K**
- Kabatchnik A. 9: 707
- Kasperski E. 9: 683
- Kersten G. 9: 645
- Kimmey J. 9: 663
- Kirby H. L. 9: 676
- Kluge R.-D. 9: 655
- Koehler L. 9: 564
- L**
- Lajos G. 9: 684
- Lambasa F. S. 9: 669
- Lissorguen Y. 9: 679
- López Baralt M. 9: 679
- Luaces J. G. de 9: 675
- Luneau S. 9: 640
- MacCarthy D. F. 9: 927
- Mairs T. E. 9: 595
- Marcus Aurelius Antoninus (Марк
Аврелий) 9: 198, 204, 219,
258, 848—850
- Marcus Salvius Otho (Отон) 9:
219, 256, 258, 847, 850—851
- Martinengo G. 9: 675
- Mauriès P. 9: 852
- Moutote D. 9: 634
- Muchnic H. 9: 662—663, 707
- Nero Claudius Caesar Augustus
Germanicus (Нерон) 9: 200,
219, 258, 848, 850—851
- Neuschäffer W. 9: 663
- O**
- Orts Ramos F. 9: 675
- Orwin D. 9: 595
- Ozolins V. K. 9: 669
- P**
- Parienté R. 9: 634
- Parts L. 9: 896
- Pawłowska-Jądrzyk B. 9: 683
- Pedraza E. S. 9: 675
- Pedraza y Páez P. 9: 675
- Pérez Armisán C. 9: 675
- Phelps G. 9: 662
- Polivanov K. 9: 889
- Przybylski R. 9: 553
- Q**
- Quinlan K. 9: 663
- R**
- Rammelmeyer A. 9: 788
- Rebling E. 9: 714
- Richie D. 9: 712
- Rivière J. 9: 633
- Robert P.-E. 9: 635
- Roman F. 9: 687
- S**
- Sayad C. 9: 714
- Schmidt H. 9: 646
- Schult M. 9: 646—647
- Schulz F.-E. 9: 706
- Servius Sulpicius Galba (Гальба)
9: 219, 256, 258, 260, 850—
851
- Setzer H. 9: 655

Shevelenko I. 9: 889

Simoni R. 9: 708

Struve N. 9: 633

Terry G. M. 9: 674

Tiberius Claudius Caesar Augustus
Germanicus (Клавдий) 9: 219,
256, 258, 850—851

Tiberius Iulius Caesar Augustus
(Тибери́й) 9: 219, 850—851

Titus Flavius Domitianus (Доми-
циан) 9: 851

Titus Flavius Vespasianus (Веспа-
сиан) 9: 219, 256, 258, 850—
851

Titus Flavius Vespasianus (Тит) 9:
219, 850—851

Torelló M. 9: 675

Tuset Gjakoni L. P. 9: 678

Ugritsky A. 9: 669

Ustinov A. 9: 889

Vandeputte H. 9: 632

Walton J. 9: 715

Wdowina I. 9: 699

Weisgerber J. 9: 663

Whyte S. 9: 715

Wohlfarth I. 9: 646

Woody Allen 9: 714

Záitsev S. 9: 675

Ziolkowski E. J. 9: 580

СОДЕРЖАНИЕ

Вечный муж. <i>Рассказ</i>	5
Рукописные материалы.	109
Идиот	109
Вечный муж.	325
Наброски и планы. <1868—1870>.	368
Варианты	409
Идиот	411
Вечный муж	421
Примечания	429
Идиот	436
Вечный муж	865
Наброски и планы. <1868—1870>.	915
Список условных сокращений	1018
Указатель имен	1030

Научное издание

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ**

2-е издание, исправленное и дополненное

Т о м 9

ВЕЧНЫЙ МУЖ

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Идиот. Вечный муж. Наброски и планы (1868—1870)

Утверждено к печати

*Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Редактор издательства *И. Е. Петросян*

Художник *П. Палей*

Корректор *А. К. Рудзик*

Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*

Подписано к печати 23.11.2020

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 66.5. Уч.-изд. л. 65.

Тираж 300 экз.

ФГУП «Издательство «Наука»

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com

<https://naukapublishers.ru>

<https://naukabooks.ru>

Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., д. 12/28

тел.: +7(812)655-65-01, e-mail: secretspsb@naukaran.com

ISBN 978-5-02-040327-7

9 785020 403277

